М.Т. Мазуренко

ДОРОГОЙ МОЙ БОТАНИК
(Воспоминания об Андрее Павловиче Хохрякове)

М.: "Лазурь", 2006. 544 с.

Гори, огонь, гори,

неистов и упрям.

Булат Окуджава

Прошло уж десять лет,

А, кажется, вчера его не стало.

Плакучей ивы тень…

Такараи Кисаку

Предисловие

> «По скользким камням, сквозь мокрые заросли лиан, по мокрой земле, спотыкаясь и падая на мокрую землю, и все это под проливным дождем. Казалось, конца не будет всему этому, что никогда мы не придем, и все будет так же сыро – лес, камни, вода. Но вот и то место, откуда мы начали подъем, вот и пасека, вот и деревня. И вот мы в теплом доме, уже обсохшие, наевшиеся. И все уже в прошлом. Был ли поход на гору? Был ли дождь, ветер, холод? На улице еще пасмурно, сыро. Очевидно, все это было, но уже завтра все, что было сегодня «настоящим», уйдет в глубокое прошлое, лишенное жизни и реального существования, все, что не дало своих последствий, «осложнений». А осложнения бывают не так уж часто, и плохих осложнений все же удается как-то избежать»
>
> *А. П. Хохряков. 1963 г.*

Эта книга - воспоминания о моем муже и коллеге ботанике Андрее Павловиче Хохрякове, с которым я была в замужестве 38 лет, а знала его больше 40.

Жизнь Андрея не была усыпана розами. Это связано с его характером и временем, в котором он состоялся как творческая личность. Его натура была такова, что он не задумывался о том, какое впечатление он может произвести на собеседника. Никогда ни под кого он не подстраивался.

Круг его интересов в ботанике был очень широким. Прежде всего флористика, систематика и биоморфология. Последней он придавал главное значение.

И в других областях знаний он имел широкий кругозор. Хорошо знал мировую историю, постоянно пополнял свои знания. Исторические романы предпочитал всему остальному чтению.

Любил классическую музыку, чувствовал ее, слушал руские романсы. Его интересовала и общественная жизнь: живо откликался на прочитанное в газетах и журналах, писал письма в редакции со своими соображениями. У него было обостренное чувство живого. Не любил, когда подстригают растения, садоводством не занимался, но любил наблюдать. Любил зверей, но сам их не заводил. Если в доме появлялась собака или кошка – то ласкал и даже спал с ними.

В еде был совершенно неприхотлив, часто говорил, что любит все простое. Одежда его угнетала, была лишней. Он не замечал, что на нем одето. Никогда не заботился ни о быте, ни о материальном благополучии. Вся его жизнь состояла из сборов растений, их определения. Все старался делать быстро, стремился сразу реализовать свои идеи, опубликовать их.

По натуре добрый, он был очень терпим к людям, относился к ним с уважением, если иногда обижал, то невольно, не с намерением. Но в науке был принципиален до мелочей, не поступался принципами. Сам он никогда не лез на рожон, но если его задевали – был бесстрашен и отстаивал свою честь.

В его тетрадях много рисунков, которые он сделал в моменты раздумий. Когда появились фломастеры – он рисовал странные, очень яркие орнаменты на простых листах бумаги. В последние годы жизни он стал собирать упаковки от вафель, которые любил. Собирал и забавные фамилии.

Ритмы его жизни складывались жестко. Это, прежде всего, время, которое можно использовать для путешествий и сбора гербария: весна, лето, осень, зима в субтропиках и тропиках. Время, когда нельзя делать сборы, посвящалось их обработке, написанию статей.

Каждый год, со школьных лет и до конца жизни без перерывов Андрей использовал любую возможность для поездок на природу и сбора гербария. Экспедиции, туристические поездки, поездки к знакомым и друзьям. Трудно сказать, какое количество гербарных листов собрал он за свою жизнь. Сборы он определял не откладывая.

Им опубликовано более 300 научных работ, в том числе такие монографии, как «Флора Магаданской области», «Эволюция жизненных форм растений», «Анализ флоры Колымского нагорья».

Я считаю себя во многом ученицей А. Хохрякова, хотя он никогда не был моим учителем. Его фанатичное служение ботанике было для меня примером. С годами я стала почти равноправной его коллегой в области биоморфологии, и многие мои идеи были Андреем поддержаны и развиты, многие мои рисунки вошли в его статьи и монографии. В середине нашей совместной жизни образовался союз двух ученых.

Если посмотреть на его жизнь с некоторого расстояния, то я считаю, что она была счастливой.

Глава первая: Родители. Детство. Годы эвакуации в Орске. Школьные годы. Университет (1933-1957)

Андрей Павлович Хохряков родился в Москве, «на Аэропорте». Так всегда говорили в доме Хохряковых. То есть он родился в маленьком одноэтажном рубленом доме около Инвалидного рынка недалеко от Ходынского поля. В те времена - это окраина за пряничным Петровским замком, творением великого Казакова, упомянутым в «Евгении Онегине». Во времена детства

Андрея замок был окружен густым Петровским парком, за которым начинались усадьбы с деревянными домами. Дом Хохряковых также был окружен небольшим садом. Улица, на которой находился дом, называлась Инвалидной, а позже на современный лад была переименована в Аэропортовскую. На Ходынском поле вырос первый в СССР аэропорт. Протянулась линия метро.

Один из выходов станции метро «Аэропорт» расположился совсем близко к дому Хохряковых. Рядом выросли высокие дома Ленинградского проспекта.

Ольга Андреевна Хохрякова

Домик принадлежал купцу Михаилу Ивановичу Капустину. Капустин – первый муж матери Андрея Ольги Андреевны, в девичестве Бояровой. Ольга Андреевна совсем юной вышла замуж за купца Капустина, имевшего москательную лавку в Петровском пассаже. В первом браке она родила двух детей – Николая и Людмилу. После 1918 года у купца остался маленький дом, в котором и продолжали жить Капустины. Брак с Капустиным распался. Ольга Андреевна работала в библиотеке Нефтяного научно-исследовательского геолого-разведывательного института на Авиамоторной улице. Там она встретила инженера-нефтяника Павла Александровича Хохрякова. Поженились они в ноябре 1932 года. Павел Александрович происходил также из купцов.

Его прадед – Иван Елисеевич – был родом из Вятки. Дед Александр был купцом второй гильдии. Торговал чаем. На Таганке имел двухэтажный дом, где размещалась его большая семья. Дом сломали в начале 60-х годов. По Казанской железной дороге недалеко от деревни Косино в Подосинках (ныне ст.Ухтомская) была у Хохряковых и дача – большой деревянный двухэтажный дом, окруженный куском леса, большим садом. Теперь это уже Москва. И дом, и сад сохранились.

Павел Александрович переехал к жене «на Аэропорт». Там 2 сентября 1933 года и родился Андрей.

В соседней комнате жил стареющий купец Капустин со своей второй женой Марией Алексеевной. Рассказывали, как эта Мария Алексеевна пересадила с участка Хохряковых на свою территорию цветущее дерево вишни. Это произвело глубокое впечатление на маленького Андрея.

Вся семья – старшие дети Ольги Андреевны Николай и Людмила, маленький Андрей – ютились в одной большой комнате. Вместе с ними жила и нянька Ольги Андреевны. Ее хорошо помнил Андрей. Вспоминал: ее мечтой было, чтобы похоронили с оркестром. Мечта не сбылась: умерла она во время войны, в затемненной Москве, в полном одиночестве.

По рассказам матери, Андрей в младенчестве сильно болел. С самого раннего детства у него был порок сердца. Мать водила его к разным врачам. В те времена на Старом Арбате, в Сивцевом Вражке, практиковал Мухин – специалист по сердечным болезням. К нему всегда была большая очередь. К нему и возила мать Андрея. Она считала, что врач очень помог. Вероятнее всего – да.

Павел Александрович Хохряков

На лето снимали дачу под Москвой или ездили отдыхать на юг, в Крым и на Кавказ.

Ольга Андреевна отличалась хлебосольством. Каждое воскресенье собирались родственники. Чаще всего сестры Ольги Андреевны – Таня и Надя, любимый брат Виктор, двоюродная сестра тетя Клавдия и ее муж Константин, «Костючок», с которым Ольга Андреевна ставила домашние спектакли. Жили весело, с патефоном. Музицировали. Ольга Андреевна и Павел Александрович вечерами играли на фортепиано.

Андреем занимались мало. Круг его жизни в то раннее время простирался и за пределы маленького сада. Он рассказывал, что с мальчишками бегал на летное поле аэродрома. Когда там разбился немецкий самолет, на него произвели сильное впечатление кресты и фашистские знаки на крыльях и фюзеляже, тела убитых пилотов, повисшие на ограде.

Летом 1941 года жили на даче в Салтыковке. Андрею было уже почти 8 лет. Одинокий, необщительный, он глубоко чувствовал природу. Рассказывал, как поразила его воображение найденная в тихой заводи водоросль – водяная сеточка. Пруд в Салтыковке запомнился и потому, что брат Николай чуть его не утопил. Сначала, как рассказывал уже в старости Андрей, ему показалось, топил в шутку, но потом оказалось – всерьез. Это его сильно напугало и врезалось в память. Брат и сестра от первого брака Ольги Андреевны совсем не походили характерами на Андрея. Дружбы, родственной любви не было. Отец, Павел Александрович, человек мягкий, тихий и очень остроумный, когда возникали разногласия с его пасынком и падчерицей, часто говорил: «Капустинская косточка». Андрей был больше похож на отцовскую родню, на

Хохряковых. Сам отец очень любил природу, так же как и дядя Андрея Сергей Александрович Хохряков. Он подарил племяннику толстый двухтомник «Жизнь растений» Кернера фон Марилауна. Но с такой силой, до самозабвения, любовь к природе проявилась только у Андрея.

С первых дней войны завод, на котором работал отец Андрея, эвакуировали в Орск, на южный Урал. Андрей вспоминал: ехали на восток в больших вагонах-теплушках. Мирная жизнь продолжалась. К вагонам выносили разную снедь. Эшелоны пока не бомбили, и ничто не предвещало ужасов войны. Осенью старшего брата взяли на фронт. Жили в бараках, разводили огород. Дома, много лет спустя, часто вспоминали жизнь в Орске. Особенно походы Андрея в степь. Он, совсем еще маленький мальчик, уходил далеко собирать растения. За ним увязывались соседские ребятишки. К вечеру к Ольге Андреевне прибегали взволнованные родители: ее сын увел детей, и они пропали. Отправлялись в степь на поиски. Ольга Андреевна рассказывала, как перед ними развертывалась такая картина: впереди шел Андрей с растениями, а за ним тянулась ватага плачущих детей.

Много раз в маршрутах вместе с Андреем я ползла на горы, сопки, сильно отставая, кричала и умоляла подождать. Но он не останавливался, шел вперед не оглядываясь. Поэтому я хорошо представляю эту картину.

В Москву из эвакуации возвратились в 1944 году. Андрей вспоминал: очень хотел взять с собой кошку, которая ела огурцы. Но ее не взяли.

По возвращении из эвакуации вся семья снова оказалась в одной комнате «на Аэропорте». В школу Андрей пошел в Орске в 9 лет. Теперь он был второклассником и ездил в школу на трамвае.

Родители работали на другом конце Москвы. С работы возвращались поздно. На Андрее лежала

обязанность готовить обед. Он его готовил добросовестно. Рассказывали, что он как-то очинил в суп карандаш. Это вспоминалось в течение всей жизни неоднократно и очень его обижало: он сделал это без умысла, невольно, не задумываясь.

Двоюродная сестра Андрея по отцовской линии Зоя Калмыкова работала в зоопарке. Андрей ходил в зоопарк, в кружки: КЮБЗ (кружок юных зоологов зоопарка) и ВООП (кружок при Всероссийском обществе охраны природы). Эти два объединения юных любителей природы привлекли к себе многих детей, некоторые из них в будущем стали знаменитостями. Компании любителей природы, их экскурсии, традиции объединяли детей. Многие сохранили дружбу до седых волос. В эти кружки ходил и сын Зои Леонид Калмыков – племянник Андрея, его ровесник. Возглавлял КЮБЗ человек легендарный – Петр Петрович Смолин. О нем написано немало. Петр Петрович очень любил Андрея, который, как и многие дети, запросто заходил к нему домой. Он жил на улице Кропоткина. В отличие от других детей, объединенных кружками, Андрей предпочитал ходить на экскурсии в одиночестве. Он числился в этих кружках вплоть до окончания школы. Дружба с Петром Петровичем, ППСом, как его все звали, продолжалась и в студенческие годы.

Наша знакомая, ботаник Лада Шафранова, которая так же ходила в кружок к ППСу, вспоминала, что на одной из экскурсий ППС представил Андрея как знатока растений, причем подчеркнул: мол, Андрей знает подмосковные растения лучше, чем он сам, ППС. По дороге во время экскурсии ППС спрашивал у Андрея названия растений.

На экскурсии в Риге. Андрей крайний справа

Летом родители ездили на курорты, иногда вместе с Андреем. Лето 1947 года провели на Рижском взморье. Сохранились альбомы с рисунками природы Рижского взморья, дневник наблюдений. У Андрея были способности к рисованию.

В роду Хохряковых есть знаменитый художник Николай Николаевич Хохряков. В Кирове (Вятке) есть музей и картинная галерея Н.Н.Хохрякова. Очень хорошие пейзажи и натюрморты писал дядя Андрея архитектор Николай Александрович Хохряков.

В Москве появился первый телевизор. Ольга Андреевна всегда собирала вокруг себя родственников. У маленького экрана все как зачарованные смотрели на чудесное явление, громко комментируя события на экране. Андрею в общей комнате нужно было делать уроки. Он мне рассказывал, что как-то заявил о том, что ему мешают делать уроки. Это вызвало протест и удивление. Андрей никогда ни о чем не просил.

Все это незначительные мелочи. Была семья. Был отец. Брат Николай вернулся с войны живым, но без ноги. Людмила (Милка, как звали её дома) была на выданье. Николай кончал МВТУ, Людмила – геологический факультет МГУ. Часто собиралась молодёжь, и «маман», как уже называли Ольгу Андреевну, вплотную занималась сватовством своих старших детей.

К окончанию средней школы Андрей имел солидный багаж знаний о природе и вполне определился в выборе профессии. На экскурсии по Подмосковью он ходил регулярно, в любое свободное время. Дома скопился большой гербарий, который он сам определил.

Летом 1951 года по рекомендации сестры он был оформлен на работу в геологическую партию на южном побережье Байкала, в Слюдянку. С начальником партии у него сложились дружеские отношения. Он вспоминал с большой теплотой эту поездку.

Школу он закончил в 1952 году в 19 лет. После окончания школы встал вопрос: куда поступать? Подготовлен ли Андрей для хорошего вуза? Поступит ли наверняка? Все это волновало семью. Призвание – призванием, но необходимо получить высшее образование. А поступит ли он в Московский университет? Тем более, что 1953 год для МГУ был знаменательным. Тем, кто строил высотные корпуса на Ленинских горах, предоставлялась счастливая возможность быть зачисленными без конкурса. Для тех, кто шел в университет по призванию, в 1953 году шансы были минимальными. Поэтому отец, известный специалист по перегонке нефти, предлагал Андрею поступать в Нефтяной институт, где у него были знакомые. Но мать категорически заявила, что сам отец, прирожденный биолог, к сожалению, в этой области не состоялся, а сын его обязательно должен идти в вуз по призванию. На экзаменах Андрей не добрал баллов и был зачислен на заочное отделение. По окончании первого семестра очень многие из тех, кто строил университет и поступил без конкурса, не выдержали испытания занятиями и были отчислены. Освободились места, и Андрей стал полноправным студентом очного отделения биологического факультета МГУ.

Как и раньше, он много ездил по Московской области. На втором курсе весной отправился со своим студенческим другом Сашей Владимировым на экскурсию по Подмосковью. Саша вспоминал эту экскурсию как какой-то необыкновенный случай.

По Савеловской дороге тогда ходил паровичок. Андрей ехал за редким венериным башмачком. Сели на поезд поздно ночью. Светало. В Вербилки приехали на рассвете и пошли прямиком, лесами. После пяти часов быстрого хода наконец нашли венерин башмачок. У Андрея уже была полна папка растений. К 10 утра Саша совершенно иссяк и заявил: «Я больше не могу». Андрей не обиделся, указал обратный путь к железной дороге, куда Саша добрался только к вечеру. Андрей же пошел дальше, своим намеченным маршрутом. Не сошел с дистанции.

Было несколько знатоков флоры Подмосковья. Среди них Андрей. В 1964 году мы встретили в автобусе Станислава Разумовского – еще одного знатока флоры Подмосковья, как и Андрей, выпускника МГУ. И Андрей с Разумовским сразу же стали называть места, где встречаются редкие виды растений, и так увлеклись, что Андрей пропустил свою остановку.

За пять университетских лет Андрей успел очень много. В своей краткой биографии, предназначенной для поступления в аспирантуру, он пишет, что в школьные годы часто

экскурсировал по Московской области, «а во время пребывания в МГУ совершал и более далекие экспедиционные поездки по Центрально-Черноземной области, в Сибирь на Байкал, на Северный Урал, Карпаты, Кавказ, в Крым и другие области».

Фактически, как и позже, он не терял ни единого дня, ни единой возможности для сбора гербария, что стало его жизненным кредо. Его диплом назывался так: «Хвойные леса заповедника «Денежкин камень» на Северном Урале». Андрей мне рассказывал, что там он один совершал далекие и не безопасные многодневные маршруты.

В той же краткой биографии он пишет, что в 1955-1956 годах руководил студенческим кружком при кафедре геоботаники. В 1956 году он был принят в члены-корреспонденты Московского общества испытателей природы, где с «другими участниками группы по изучению флоры Московской области (В.Тихомиров, С.Разумовский) было сделано сообщение о редких растениях Московской области». В автобиографии Андрей указывает, что им собран солидный гербарий в 900 видов.

На 4-м курсе под руководством М.Н.Караваева – преподователя кафедры геоботаники - была выполнена работа по реликтам Средней России. Отчёт о ней был сделан на заседании секции МОИП. Участию в работе в МОИП он всегда придавал большое значение. Быть членом МОИП было очень почетно. Сохранялись старые традиции.

В студенческие годы он ездил в Ленинград и работал в Ботаническом институте, где у него завязались тесные связи с Борисом Анатольевичем Тихомировым – исследователем Севера. По предложению С.М.Лавренко – известного геоботаника Ботанического института, была написана заметка о современном состоянии горного сосняка в Артемовских (Святых) горах на Донце. По-отечески относились к нему и супруги Кац – известные болотоведы. Н.Н.Кац дал ему характеристику-рекомендацию в аспирантуру, где отметил, что Андрей «обладает всеми качествами, необходимыми для научной работы: преданностью делу, хорошими способностями и усидчивостью». Характеристика написана неформально, без штампов. И действительно, этими тремя качествами Андрей обладал в полной мере.

Выпуск кафедры геоботаники МГУ 1955 г.

На третьем курсе Андрей писал курсовую у И.Г.Серебрякова - основателя биоморфологического направления в СССР. Курсовая была посвящена биоморфологии, строению тела грушанок. Основная идея курсовой – сокращение длительности жизни скелетных осей в процессе соматической эволюции. В процессе эволюции растений тело (сома) уменьшается в размерах, одновременно сокращается длительность жизни растения. С обидой он говорил, что за эту работу получил тройку. Это, по его мнению, была настоящая научная работа. Видимо, уже тогда мнения о нем разделялись.

Среди университетских друзей у него были два близких друга, с которыми Андрей поддерживал отношения всю жизнь. Это Юра Алексеев (Юрий Евгеньевич) и Саша Владимиров. Юрия Евгеньевича оставили на кафедре геоботаники в МГУ, а Саша стал микробиологом, также остался после окончания МГУ в Москве. Андрея же, уже вполне сформировавшегося ученого, распределили в Архангельскую область – учителем биологии в село Екатеринкино Кадыйского района. Наверняка он надеялся на что-то другое. Рассказывал, что почти вся группа осталась в Москве. Он был удивлен. Сколько раз потом ему придется сталкиваться с такой явной несправедливостью.

Господи! Как прекрасно, когда находится человек, который глубоко понимает не только судьбу и предназначение человека, но и пользу его для науки, государства. В данном случае для Московского университета! Во время своих многочисленных поездок в заповедники, ботанические сады Андрей встречался с известными ботаниками. Перед окончанием университета, в 1957 году, он переписывался с Сергеем Владимировичем Голицыным – профессором Воронежского университета. Сергей Владимирович Голицын из княжеского рода. В 20-х годах жил в Цихисдзири, в Аджарии, в своем бывшем имении. Им было найдено знаменитое реликтовое растение – эпигея гаультериевидная (орфанидезия,) описаны формации колхидского подлеска «шкериани» и «декиани». Сергей Владимирович видел в Андрее сформировавшегося ботаника, звал работать в Воронежский университет. Но Андрея распределили в Екатеринкино.

Поездки и экспедиции: 1945-1955г.г. Подмосковье. Рига (взморье). Крым (Алупка). Краснодарский край (Геленджик).

1951 г. Иркутская область (Слюдянка. Южный Байкал).

1952-1956. Подмосковье. Карпаты. Украина (Артемовские горы), Черноморское побережье Кавказа (Сухум, Батуми).

1956 г. Северный Урал (заповедник «Денежкин камень»).

Глава вторая: Екатеринкино. Кобулети (1958-1959)

В Екатеринкине Андрей устроился у одинокого деда Изембелова Алексея Петровича, у которого была коза. Рассказывал, что с дедом они жили дружно. В его избе он прожил всю зиму. Пил молоко, скучал по дому и преподавал в школе не только биологию и ботанику, но и химию и историю. В школе – он рассказывал – слушали его только единицы, видимо те, кто был заинтересован в учебе по-настоящему. Остальные, как это часто водится в школе, баловались, не слушали, а он их не обрывал и не заставлял заниматься.

В Москве к этому времени семья получила двухкомнатную квартиру недалеко от Тимирязевского леса. Рядом находилась улица Соломенная Сторожка. А место, где располагался большой «сталинский» дом при помпезном Институте нефти и газа, ранее называлось «Пышкины огороды». Позже это старое название выветрилось. Улица называлась 1-й Дмитровский проезд. Самое смешное, что второго проезда не было. Загадки и парадоксы московских улиц.

В студенческие годы Андрей подружился с Алексеем Ивановичем Шретером – научным сотрудником Института лекарственных растений (ВИЛАР). Алексей Иванович, человек очень доброжелательный, всегда опекал молодых ботаников. С ним Андрей в студенческие годы ездил в экспедицию на Украину. Алексей Иванович предложил Андрею работу в Аджарии, в городке Кобулети. На зональной (Колхидской) станции лекарственных растений требовался грамотный ботаник.

Летом 1958 года Андрей приехал работать в Кобулети. Кобулети – маленький городок, более поселок, в 30 километрах от Батуми на берегу Черного моря. Одна большая улица, застроенная двухэтажными домами, тянется вдоль моря несколько километров вплоть до речки Чолоки – границы Аджарии. Зональная станция ВИЛАР находится недалеко от железнодорожной станции. Два двухэтажных корпуса: лаборатории, жилой дом, оранжереи и длинные грядки с лекарственными растениями.

Андрею выделили темную комнату на втором этаже жилого дома, примыкающего к лабораторному корпусу. Оттуда открывался замечательной красоты вид на горы Малого Кавказского хребта, на Аджаро-Имеретинский хребет. Под окнами росли веерные пальмы.

Заведовал научной частью Михаил Михайлович Молодежников. Человек знающий и добрый, он находился под пятой грозной жены, препятствующей предаваться любимому увлечению Бахусом. Рядом с ней, крупной и громогласной, он казался маленьким. Всей станцией заведовал, как и положено в тех краях, грузин Нодари Сванидзе, спокойный доброжелательный человек. В большой биохимической лаборатории все были заинтересованы в правильном определении растений, сборах образцов. Грамотный ботаник для них был находкой.

С первых же дней Андрей в качестве начальника экспедиции стал ездить в разные районы как Малого, так и Большого Кавказа. В Тбилиси в Институте ботаники он встречался с Анной Лукьяновной Харадзе, известным грузинским ботаником, и другими сотрудниками института. Они высоко оценили его знание кавказской флоры. Отношения с коллегами были самые доброжелательные.

Ботаники Кобулетской станции часто бывали в библиотеке Батумского ботанического сада на Зеленом мысу, которой заведовала моя мама – Вероника Генриховна Зельгейм. Большой темный читальный зал со стеллажами до потолка содержал флоры, справочники, периодику. Сюда по совету сотрудников и приехал Андрей, познакомился с моей мамой.

Моя мама наполовину немка, наполовину француженка, по отцу баронесса. Хотя она не имела высшего образования, была женщиной образованной, знала несколько языков. Наш маленький старый дом находился в получасе ходьбы по холмам от ботанического сада. Как только в маминой библиотеке появлялся новый посетитель, особенно заезжий знаменитый (или совсем не знаменитый), мама обязательно приводила его к нам домой и показывала наш сад с тремя пальмами и изумительным видом на море. Это был ее круг знакомств, ее маленькое окошко в мир. Благодаря маминому общению и знаменитому ботаническому саду в нашем доме побывали многие известные ботаники.

С 1954 года, после окончания школы я работала в семенной лаборатории ботанического сада, а

зимой ездила в Москву на сессию в сельскохозяйственный институт, ВСХИЗО. Кроме формального, увы, заочного образования, я стихийно занималась самообразованием – изучала экзотические растения, ездила в горы, собирала коллекцию шишек хвойных растений и гербарий растений Черноморского побережья. Самообразование заключалось и в чтении журнала «Иностранная литература». Собирала книги, в основном художественную литературу, классиков. На станции Зеленый мыс в киоске работала подруга. Вечером, когда я возвращалась с работы, она мне показывала книжные новинки классиков – русских и иностранных. Собирала я и репродукции картин. Они продавались в Батуми за гроши. Не последнее место занимала музыка. Была собрана приличная коллекция классиков и опер. Это время - одно из лучших в моей жизни. Но тогда этот искусственный, одинокий, временный мирок меня тяготил. Друзья жили в Москве, учились в МГУ. А я в моем понимании жила в захолустье, на курорте, где все отдыхали. А мне хотелось состояться, стать ботаником.

Летом 1958 года по просьбе известных ленинградских ботаников из Ботанического института Людмилы Андреевны Куприяновой и Евгения Григорьевича Боброва у нас в доме жил их сын Андрей Бобров. Он учился в Ленинградском университете, а в Батумском ботаническом саду у нас проходил практику. Однажды он примчался к нам домой возбужденный и заявил, что познакомился с очень способным, почти гением (это его слова) молодым ботаником, но увы, почти слепым.

Андрей был сильно близорук, плюс 6 диоптрий. Очки всегда доставляли ему неудобства, без них он не видел.

Бобров привел его показать хуттуинию – заносную траву из интересного семейства зауруровых, которая быстро расселялась недалеко от нашего дома. Занятая своими мыслями и предстоящей поездкой в Ялту за шишками для своей коллекции, я невнимательно слушала Андрея Боброва о способном ботанике.

В это время в ботанический сад приехал в командировку Сигизмунд Семенович Харкевич – ботаник из Киевского ботанического сада, где он заведовал кавказской экспозицией. Вместе с Андреем он уезжал в горы . Харкевич оставил мне досушивать собранный им гербарий.

Только поздней осенью в библиотеке, перекладывая гербарий хвойных, я познакомилась с Андреем лично. Передо мной стоял молодой человек – тонкий, худой, в очках. Бросились в глаза толстые губы, крупный выпуклый лоб и накинутый на плечи серый плащ. Позже он рассказывал, что зашла дочка Вероники Генриховны (это я!) с круглым лицом и румяными щеками и никакого внимания на него не обратила. Нет, я была о нем уже наслышана, и мне хотелось познакомиться с московским ботаником. Он подошел к гербарию, который я перебирала, и сказал: «какая интересная гетерофилия». Это были первые слова, которые я от него услышала. Действительно, можжевельник китайский отличается удивительной разнолистностью.

С осени 1958 года Андрей стал изредка появляться в нашем доме. Зимой я уезжала на сессию. Перед отъездом он мне сказал, что будет зимой в Москве, и недурно бы сходить вместе в консерваторию. Я взяла его телефон и под Новый год позвонила. Оказалось, Андрей еще на Кавказе. Его мама проявила огромную энергию и настойчиво просила придти в гости. Натиск был таков, что я через несколько дней впервые оказалась в квартире в 1-м Дмитровском проезде, где позднее мы прожили счастливые годы. Мне показывали альбомы с фотографиями родственников. Я вежливо листала страницы, не проявляя ни малейшего интереса к веренице фотографий с веселыми застольями. Про себя усмехалась. Шапочное знакомство со странным мальчиком меня мало интересовало.

Поход в консерваторию не состоялся. После экзаменов я вернулась домой на Зеленый мыс. Там я

уже не застала Андрея. Он уехал в отпуск в Москву. Это было время, когда его мать Ольга Андреевна проявляла максимум энергии и поиска. Прирожденная сваха, она умела соединять судьбы. Покупались билеты в театры и на концерты, изучались подходящие девушки. В их числе была и соседка, жившая этажом выше, милая девушка по имени Красарма, что означало " Красная Армия".

Кроме этой суеты, Андрей по прежнему занимался своим главным делом. В начале февраля он поехал в Ленинград, встречался с Борисом Анатольевичем Тихомировым, договаривался о поступлении в аспирантуру. Препятствием было отсутствие ленинградской прописки.

Рассматривался и один из более реальных вариантов – аспирантура в Главном ботаническом саду в Москве. Пожилая добрая дама – сотрудница отдела флоры Мария Александровна Евтюхова - собирала вокруг себя талантливую молодёжь, некоторых называла своими детьми. В «сыновьях» числился и Андрей.

Энергичная мать Андрея консультировалась с Марией Александровной, выясняла шансы поступления. Оказалось, что на то же вакантное место был рекомендован и зять Марии Александровны – Смычников.

Подснежник Краснова (Galanthus Krasnovii A.Khokhr)

В 58-м году Андрей возглавлял экспедицию зональной станции ВИЛАР по восточной и Западной Грузии, а также ездил по Армении и Азербайджану. В конце февраля 1959 года Андрей возвратился из Москвы в Кобулети.

Он регулярно пишет родным и сообщает о том, что часто гостит у Вероники Генриховны, которая помогает ему переводить иностранные работы о подснежниках. А главное, у нее дочь, которая учится в Тимирязевской академии. С наступлением весны ему не очень хочется готовиться к экзаменам в аспирантуру, и он будет готовиться непосредственно перед сдачей экзаменов. Это сообщение вызвало большую тревогу у Ольги Андреевны. Кажется, появилась невеста, а она ее не видела! Принимаются меры. Андрею пишет не только мать, но и жена брата – Галя Капустина. Увещевает и напоминает, что любая провинциальная девушка мечтает стать москвичкой. По себе судила: моя будущая невестка как раз и была такой же, как и я, провинциалкой. Но все эти письма не имеют значения. Главное – мы понимаем друг друга с

полуслова. Мне с Андреем интересно, и я им увлечена. Мне 24. ему 26. Пора создавать семью!

Весной 1959 года в Батумский ботанический сад приехал Георгий Владимирович Микешин – заведующий оранжереями Главного ботанического сада. Он находится в окружении молодых сотрудниц, среди которых знакомые Андрея по университету. Это Лада Шафранова, Нина Алянская, Люся Гатцук, Лида Воронцова. Вместе с Андреем вся компания ездит в горы, на озеро Палиостоми недалеко от города Поти. Экскурсируют они и по окрестностям ботанического сада. Я с ними не езжу. У меня строгий начальник – Ашот Багратович Матинян. Выпроситься куда-то у него очень трудно. Вся компания бывает в гостях у Андрея в Кобулети.

На реке Бзонис – притоке Чаквисцкали- ранняя весна, склоны белеют подснежниками. Это обычный в тех местах подснежник – галантус Воронова. А на Бзонис подснежник с широкими блестящими листьями, более крупными цветками. Андрей решает назвать его в честь основателя Батумского ботанического сада Андрея Николаевича Краснова. Вечером вся компания приходит к нам в гости. Радостно возбужденные, говорят о находке. Обнаружить новый вид в таком хорошо обследованном ботаниками месте кажется чудом. Но позже в Аджарии были открыты и описаны и другие новые виды, и больше всего Андреем.

Вечер с Микешиным и компанией запомнился еще и музыкой Чайковского. «Зимние грезы». Казалось, совсем неподходящая обстановка, чтобы войти в образ заснеженных пейзажей России, но эта изумительная тема у меня связывалась не со снегом, а с моим состоянием. Микешин был в центре внимания. Он недавно приехал из Китая и был полон впечатлений. Георгий Владимирович самолично ездил по Сычуаню, видел племя мяо, собирающее чай на деревьях! Кроме того, он проникся моими знаниями субтропических растений и считал, что я должна переехать в Москву, где могу поступить на работу в Главный ботанический сад, в оранжерею. А он сможет содействовать моей прописке в Москве или Московской области. Мне это казалось совершенно нереальным.

На озере Палеастоми

Весна в полном разгаре. Все цветет и сияет. Первого мая мы втроем - моя мама, я и Андрей, - совершили экскурсию по Чаквисцкали. Сначала за приморскими холмами - бесконечные темнозеленые мандариновые плантации. Сразу же вглубь от побережья вверх по реке начинаются буково-каштановые леса, спускающиеся с крутых гор к реке. Мы попадаем в мир колхидской природы с ее непроходимым вечнозеленым подлеском. Река несет весенние воды, перекатывающиеся по огромным валунам. Прозрачные потоки пенятся. Стоит грохот и гул, брызги летят в разные стороны. Горбатые старинные мостики перекинуты через бурные потоки. Эти мостики все называют мостами царицы Тамар. Они говорят о былом расцвете грузинской культуры. Андрея интересовал недавно открытый им галантус. Поэтому мы стали подниматься по притоку Чаквисцкали – Бзонис. Вокруг все ярко зеленело. Парило. В очень узком тенистом ущелье, окруженном вековыми буками с бело-серыми стволами, на горной тропинке мы чуть не напоролись на спрятанные в траве железные капканы. Подъем ознаменовался редкой находкой маленького нежного папоротника – гименофиллюма Тунберга, открытого в этих местах Михаилом Григорьевичем Поповым. В тенистом ущелье он расползался по мшистым скалам. Весеннее ликование природы как нельзя лучше отражало и наши чувства.

Андрей продолжал ездить в горы. К этому времени относится и его пеший подъем на гору Тиралу (Мтирала), возвышающуюся над побережьем на 1400 метров. Она почти всегда закутана облаками и поэтому в переводе с грузинского означает «плачущая». И тогда, и позже этот подъем сквозь непроходимые стланцы колхидского подлеска «шкериани» мне казался

совершенно немыслимым. Представьте себе крутые горные склоны с узкими ущельями, густо поросшими вечнозелеными стланцами со стволами, спускающимися вниз по склону. Сквозь густые приподнимающиеся ветви продираться вверх можно только раздвигая их, подтягиваясь, словно по канату.

В июне Андрей в окрестностях Красной Поляны в одиночку, в лоб поднялся на гору Ачишхо. Там его застала ночь. Ни еды, ни спичек он с собой не взял. Ночью он пытался заснуть. Однако пришли шакалы, обнюхивали его и лизали пятки… Сильно обросший и исцарапанный, сразу же по возвращении он приехал к нам на Зеленый мыс. Я и мама доставали из его рук занозы. Он с гордостью сообщил, что нашел новую хохлатку. Он назвал ее в честь ботаника Н.И. Кузнецова хохлаткой Кузнецова.

Большей частью он ходил в одиночку. Поэтому его несколько раз принимали за шпиона и однажды в Самтредии арестовали. Его начальнику Нодари Сванидзе пришлось его вызволять. По этому поводу много шутили.

Конец мая – начало лета на Зеленом мысу - время особенное. Куда ни бросишь взгляд – везде огромные купы цветущих деревьев и кустарников. Воздух наполнен разнообразными ароматами. Цветут мандариновые сады, усыпая землю цветочным ковром. Темноту вечеров и ночей прорезают полеты светлячков. Лунные дорожки над гладью моря, стройные темные силуэты пирамидальных кипарисов, развесистые кроны пальм, огромные листья-флаги бананов! Прелесть юга! Начались морские купания.

Ольга Андреевна продолжала волноваться и лично приехала на юг выяснить ситуацию. Приехав из Кобулети в библиотеку к моей маме, она устроила ей экзамен. Ведь она работала в московской библиотеке! Меня она также обдала холодом. Теперь она была совсем не похожа на милую приятную даму, по-домашнему угощавшую меня зимой грибным супом. Большая белая накладная коса обрамляла красивое надменное лицо. Одета она была в пышное капроновое платье. Модный наряд дополнял плоский китайский зонтик. Подобную сцену спустя годы я увидела в известном фильме «Москва слезам не верит». Мою будущую свекровь успокоило только то, что я из рода фон Зельгейм.

В конце 70х годов у нас была собака Пиня – пудель- полукровка. Мать Пини была самых породистых греческих кровей, а папаша – случайно встретившийся с «княжной» безродный пес. Андрей говаривал в мой и Пинин адрес: «Наш Пиня, как наша мама – у него по материнской линии аристократы, а отец простой казак». Курьез в том, что среди представителей моей отцовской родни есть не совсем простые казаки, фигурируют герои Советского Союза. С другой стороны, Ольга Андреевна, очень гордившаяся своим купеческим происхождением, как оказалось, была купчихой только во втором поколении. Ее знаменитый дед – старообрядец Иван Ульянов (в старости монах Иона), подаривший храму у Рогожской (ныне Крестьянской) заставы позолоченный иконостас – начинал свою карьеру как простой ломовой извозчик.

Андрей предложил мне руку и сердце. Потом, много позже, я спрашивала, почему он выбрал именно меня. Он ответил: за искренность. Искренний человек может ошибиться, но не подведет, не схитрит. Мы решили соединить наши судьбы после того, как я закончу институт.

В июле Андрей уехал в Москву сдавать экзамены в аспирантуру. Не обошлось без некоторых трудностей. На экзамене по немецкому языку он написал не дословный, а вольный перевод текста, и экзаменатор чуть было его не выгнал, но в последний момент Андрей нашелся и предложил перевод с листа. Оказалось, он сделал этот перевод блестяще и заслужил пятерку, но из-за конфуза с письменным переводом получил четверку, что вполне удовлетворяло требованиям при поступлении. Второе препятствие заключалось в том, что второй претендент, Смычников, также удовлетворительно сдал экзамены. Вернувшись на Кавказ, Андрей узнал, что

не прошел в аспирантуру. Ольга Андреевна похлопотала в Академии наук о дополнительном месте для Андрея, и он был зачислен.

Отпускали Андрея из Кобулети неохотно. Молодежников не хотел лишаться хорошего ботаника. И Андрею тоже не хотелось в Москву, расставаться со мной, с Кавказом. Осенью он был в Армении, Тбилиси, писал мне о красоте осенних красок.

Глава третья: Москва. Главный ботанический сад. Аспирантура (1959-1967)

1959-1960 Осенью 1959 года Андрей уехал из Кобулети. Вернулся в Москву, в родной дом.

Отдел природной флоры Главного ботанического сада возглавлял Михаил Васильевич Культиасов, руководитель Андрея. Ему претила независимость Андрея. Отношения не складывались. Андрей хотел писать работу по систематике галантусов. Им были собраны все кавказские виды этого рода, открыт новый вид. Но Культиасов настоял на обработке рода эремурус. Эремурусы растут исключительно в Средней Азии. Андрей воспринял этот приказ с недовольством. Необходимо было переориентироваться. Ему хотелось на Кавказ, к которому он привязался на всю жизнь.

Я заканчивала институт. Жила в общежитии в Балашихе. Майские праздники 1960 года, за месяц до моего замужества, мы провели в Лужках, куда поехали вместе с университетскими друзьями Андрея - Юрой Алексеевым и его женой Мариной Голышевой. Петр Петрович Смолин (ППС), окруженный многочисленными учениками, показывал весенние растения, птиц, развитие природы. В нарядных сосняках огромные лиловые бокалы прострелов вылезали из земли. Я совсем не знала природы Подмосковья, и все яркое, весеннее было для меня чудом пробуждения жизни.

Ночь провели в многолюдной избе. Наутро разыгралась непогода, но мы с Андреем отправились через леса. По берегу Оки шли по направлению к городу Ступино. По пути встречались сиреневые мокрые заросли хохлаток, ветрениц. Красивые, для меня северные незнакомые леса, все это было очень непривычно. Ветер рвал одежду, мы вымокли до нитки. Андрей шёл вперед, спрашивал, буду ли я с ним ходить в любую погоду всю жизнь. Я, конечно, отвечала утвердительно. В июне мы поженились.

В двухкомнатной квартире на 1-м Дмитровском проезде в то время жили две семьи: родители и брат Андрея с женой и маленьким сыном. На лето дядя Андрея Николай Александрович Хохряков с супругой Александрой Васильевной уехали на дачу. Мы временно поселились в их квартире на улице Островского, бывшей Малой Ордынке. Старый двухэтажный дом выходил на тихую улицу. Коммунальная кухня вмещала 10 семей. Позже дом сломали и на этом месте выстроили станцию метро «Третьяковская». Рядом в Клементовском переулке, как и сейчас, стоял в стиле барокко католический храм святого Клементия. У метро «Новокузнецкая» торговали ландышами и ночными фиалками – любками.

Андрей не изменил своим привычкам и каждый свободный день, каждую минуту буквально, использовал для экскурсий и гербарных сборов. За короткий срок в июне мы побывали на Плещеевом озере, бродили по болотам в окрестностях Хотьково и совершили трехдневную экскурсию на озеро Глубокое в окрестностях Звенигорода. Ночевали где попало: на сеновале и прямо под кустами, где нас нещадно кусали комары. Шли напрямик через леса, бурелом, болота, погружаясь в воду по пояс. Тут я, казалось, поняла, как ходит Андрей. Но полную силу его

целеустремленности в достижении намеченной цели, несмотря ни на какие трудности, я поняла позже.

Это был первый полевой сезон в аспирантуре. Нужно было срочно собирать материал по эремурусам. В отделе флоры была запланирована экспедиция в Среднюю Азию. Андрей, не сомневаясь в том, что будет ее участником, стал напрямую договариваться с начальником экспедиции Сергеем Евгеньевичем Коровиным, не подумав, что этим самым нарушает субординацию. Это задело самолюбие Культиасова – руководителя Андрея. Он отказал Андрею в участии в экспедиции. Сейчас, спустя многие годы, с болью вспоминаю все волнения, отчаяние, связанное с тем, что уже середина лета, а эремурусы–эфемероиды уже отцвели, и вся их надземная часть отмерла. Добираться к каждому виду эремурусов очень трудно. Они растут в горах. Пропадает целый драгоценный год. Тем более было известно, что в Дюшанбе (тогда Сталинабаде) директор ботанического сада Рябова написала докторскую диссертацию по роду эремурус. Стоило ли браться? Все было туманно и не клеилось. Я еще не работала, и мы решили – в Среднюю Азию поедем вместе.

Поздний июньский светлый вечер. Тепло. На Казанском вокзале нас провожает петушок на фронтоне здания. Поезд трогается, идет на восток. За три дня мы пересекли леса, степи, полупустыни. Поезда на разъездах стояли подолгу. Андрей уходил далеко, исчезая в зарослях розового тамариска. Я волновалась, боялась, что опоздает. И так будет все годы. На любой остановке он старался увидеть, что растет вокруг.

В Ташкенте мы остановились в ботаническом саду в комнате аспирантов, наполненной мухами. Андрей их ловко ловил и складывал горкой. По утрам в нашу комнату приходил аспирант Камал Арифханов, который занимался акациями, робиниями. Забавно коверкал: «Мои рабыни». Ночное небо расцвечивалось яркими звездами. Вдоль улиц в быстрых арыках прыгали жабы. Стояла жара, и большие тенистые деревья – платаны, дубы, давали спасительную тень. Везде распивали чай из огромных самоваров..

В Ташкентском университете встретились с известным ботаником А.И. Введенским, автором рода эремурус во «Флоре Узбекистана». Чопорный и манерный, он был недоволен данной Культиасовым Андрею темой. Молодой мальчик из Москвы, мог ли он по-настоящему обработать труднейший род, виды которого разбросаны по горным кряжам Средней Азии? Вызывало большое затруднение и то, что экспедиционная машина Главного ботанического сада всего за несколько дней до нашего приезда прибыла в Ташкент и отправилась по намеченному маршруту, а мы ездим своим ходом вдогонку.

Хоть нам было трудно, но мы были вдвоем, и это был наш медовый месяц, растянувшийся на все лето. Я могла поддерживать Андрея. А теперь, читая его дневники, понимаю, как эта поддержка была ему нужна.

Первый маршрут в Каракульсай вполне удался. Жили мы в маленькой избушке у узбечки, окруженной многочисленными детьми, искусанными осами. Быстрая река между крутыми склонами, поросшими диким миндалем и фисташкой, по-узбекски называлась «сай». В переводе «прозрачная река». Были сделаны первые сборы эремурусов, но с уже высохшими листьями.

В Паркентский заповедник добирались сначала на машине, а затем на лошадях. В межгорной котловине многоводная река. 6 августа с утра идем в горы, надеясь дойти до истоков сая. Южный склон выжжен солнцем, вся растительность выгорела, подниматься неимоверно трудно, я буквально спеклась. То и дело змеи притворяются палками. Впереди видна тонкая фигура Андрея, он не оглядываясь идет до перевального хребта.

Ночь на юге наступает мгновенно, спустились уже в темноте. С утра принялись закладывать

гербарий. Закончили только во второй половине дня и решили совершить небольшую экскурсию на соседний, казалось, совсем близкий хребтик. Поэтому я не надела брюки, пошла в летнем платье. Мне это казалось небольшой прогулкой. Подняться мы поднялись, а спускаться решили вдоль сая – притока основной реки заповедника. Оказалось, что этот сай весьма коварен, несмотря на небольшие размеры русла. Крутые берега его густо заросли колючей ежевикой, а по склону идти невозможно, каменистые осыпи протянулись до самой вершины хребта. Сай извивался, и, казалось, ему не будет конца, а мы никогда не выберемся к реке. Мои ноги уже давно превратились в сплошные раны и кровоточили, платье было изорвано. Спустилась ночь. На ощупь вышли к реке. Не раздумывая, по пояс в воде перебрались на другой берег. Еще долго, в полной темноте, ощупывая ногами дорогу, добирались до конторы. Израненные ноги я парила в растворе марганцовки. Они стали почти черными… Ночью по ногам бегали мыши. Походы в Паркентском заповеднике принесли кое-какой урожай, но у подножья хребтов в середине лета ширяш (эремурус по-узбекски) уже давно отцвёл. Мы выкапывали мясистые звезды его корневищ, отсылали посылками в Москву. Вокруг ползали скорпионы, пауки и саламандры. Нещадно пекло солнце.

Следующая поездка на горный стационар университета на Туркестанском хребте. В Мирзачуле – Голодной степи кузов заполнили ароматными дынями. Время от времени дыню по особенному разрезали. Прозрачные ломтики пускали по кругу, а мы лёжа вкушали ароматную прелесть южного деликатеса. Машина поднималась в высоты Туркестанского хребта. Там, наверху, в субальпийской зоне мы наконец увидели эремурусы в полном цвету. Они стояли стройные, с высокими то белыми, то желтыми соцветиями.

За эремурусом Илларии мы поехали из Ташкента сначала на поезде. На маленькой выжженной солнцем станции стояла длинная очередь женщин с ведрами. Тонкая струйка наполняла ведро – дневной запас воды. Вдали в дрожащем от жары воздухе брезжила высокая столовая гора. На ее вершине растет эремурус Илларии. Нигде ни деревца, ни кустика. Распластанные каперцы под палящим солнцем расправляли нежные розовые лепестки. Добравшись до горы, мы под зноем еле дышали, но высохшие листья розеток эремуруса были найдены.

На заповедное высокогорное озеро Сарычелек в Киргизии мы добирались в невыносимой жаре, сначала на поезде до Намангана. А оттуда в горы то на автобусе, то автостопом. Везде нас окружало мягкое, очень приятное гостеприимство, желание помочь.

Сначала остановились в доме учительницы начальной школы. Она – русская, средних лет, живет с тремя детьми от одного до пяти лет. По ночам дикобразы совершали набеги на ее картофельное поле. Когда, наконец, добрались до конторы заповедника, узнали: утром, всего два часа назад экспедиция ГБС уехала вниз. А нам необходимо попасть вверх к озеру. Палатки у нас нет. Нести сетки, папки, газеты, спальные мешки тяжело. Решили пожертвовать одним спальным мешком.

Чаша озера Сарычелек ("желтой лошади") огромная. Вокруг растительность, как говорит Андрей, напоминает южно-сибирскую, с которой он знакомился на юге Байкала. Уже в те времена взаимоотношения влаголюбивой флоры «гинкго» и сухой, ксерофитной флоры «эфедры», как их назвал Михаил Григорьевич Попов, очень интересуют Андрея. А я в то далекое время только начинала что-то видеть.

Перловая крупа кипела, но в высокогорьях оставалась жесткой. Спустилась холодная ночь. Над нами в темном небе сверкали яркие звезды. Мы никак не могли вдвоем втиснуться в спальный мешок. Андрей в течение многих лет, когда я начинала вспоминать Среднюю Азию, с досадой вспоминал это «прокрустово ложе».

На обратном пути выяснилось: второй спальный мешок случайно увезли в Наманган, сдали в

камеру хранения. В мешок заползли мириады мелких муравьев. В поезде они совершили на нас нападение. Мы долго их вылавливали, а две толстые достойные матроны, возвращавшиеся с горного курорта, смотрели на наши действия с большим подозрением.

Поездки по Средней Азии продолжались до осени.

Московская осень сильно контрастировала со среднеазиатской жарой. Я устроилась на работу садоводом с минимальной зарплатой в тот же отдел флоры Главного ботанического сада, где был в аспирантуре Андрей. Холодной осенью обнаружилось: необходима теплая одежда. Приближалась зима.

Промозглые вечера, серые рассветы, безденежье. Начались будни. Меня поражало умение Андрея работать, ни на что не обращая внимания. Возвращаясь на Ордынку с работы, я видела, как в нашей маленькой проходной комнатке над что-то пишущим Андреем стояла крупная импозантная тетя Шура и громогласно объявляла, как она любит своего племянника.

Узнав, что я жду ребёнка, тетя Шура отказала нам в постое. Мы переехали на Дмитровский проезд к родителям Андрея и стали жить с ними в одной комнате за шкафом.

Зимой 67-ого года Андрей отправил в ботанический журнал статьи, написанные на материале, собранном в студенческие годы на Украине, Урале и на Кавказе. Обрабатывал собранный материал по эремурусам. Кроме того, у него находились в печати статьи «Происхождение однодольных по данным строения проводящей системы листа», «Эволюция форм роста порядка Liliales» и «Подснежники Черноморского побережья Кавказа».

Обработки подснежников и эремурусов легли в общую концепцию происхождения класса однодольных. Как и в классе двудольных, Андрей считал первичными древесные формы, что не совпадало с общепризнанной точкой зрения. Уже тогда Андрей твердо стоял на позиции однонаправленности эволюции в сторону убыстрения развития, от деревьев к травам. В этом ключе он считал, что идея Н.В. Цицина с учениками создать многолетние пшенично-пырейные гибриды потерпит крах. Эволюция культурных растений, по его мнению, идет также в сторону убыстрения, к однолетним формам.

В отделе флоры работала пожилая дама Тарасова. Она также занималась эремурусами. Андрей исследовал морфологию клубнелуковиц этого рода и нашел у Тарасовой ошибку. По этому поводу написал статью. Отношения были испорчены. Пожилые сотрудницы сердились, считали Андрея выскочкой. Фыркали, когда Андрей предложил клубнелуковицы эремурусов называть ширяшками. По-узбекски эремурус "ширяш".

В феврале 1961 года он блестяще отчитывается за первый год аспирантуры.

Публикаци: В Бюллетенях МОИП: «Реликты во флоре средней полосы Европейской части СССР», вышедшая в 1956 году, и вторая в Ботаническом журнале в 1959 году «Новые местонахождения реликтовой известняковой флоры на Северном Урале».

Поездки 1960 г.: Подмосковье – весна: Лужки, Ступино, лето: Плещеево озеро, Хотьково, озеро Глубокое – в Московской области. Средняя Азия (Каракульсай, Парокентский заповедник, Сары Челек, Самарканд и др.)

1961 В марте в газете «Комсомольская правда» появилась статья журналиста Воинова о том, что в заповедниках сидят бездельники – научные сотрудники, зря проедающие народный хлеб. Поэтому необходимо заповедные участки запахать и высеять хлеб. Это спасет страну от голода и бескормицы!

Мы, молодежь ботанического сада, комсомольцы, были возмущены и решили опротестовать эту

статью. Андрей проявил смекалку. Его методика заключалась в том, что необходимо создать эффект массового протеста. И тогда на эту проблему обратят внимание. Ездили в университет, научные учреждения, собирали подписи под сочиненными нами на разные лады письмами. Подписывались родственники, друзья. Индивидуальные и коллективные письма возымели действие. Заповедные участки степей не были запаханы, а мы получили благодарность от сотрудников заповедника «Стрелецкая степь».

Друг Андрея по университету – Миша Алтухов, сотрудник Кавказского заповедника – пишет ему отчаянное письмо. Его сокращают, и он просит найти для него любую работу. Андрей что-то узнает, хлопочет. Он всегда горячо принимал участие в жизни окружающих, когда они об этом его просили. К счастью, Мишу не сократили, он остался в Майкопе.

У нас вскоре должен появиться ребенок. Мы по-прежнему живем в одной комнате вместе с родителями. В начале марта Андрей оставляет меня на их попечение, а сам торопится на Кавказ собирать галантусы. Его все больше интересуют не только эремурусы, но и все однодольные, их происхождение, эволюция.

Андрей Хохряков и Вероника Генриховна Зельгейм

В Батуми он открывает новый вид чистяка и называет его в честь Михаила Григорьевича. Андрей относится к Михаилу Григорьевичу с особым уважением. Автор «Флоры Сибири» Попов много работал в Средней Азии, в Сибири, на Сахалине, на Карпатах и на Кавказе.

Характер Михаила Григорьевича характеризует следующий случай, о котором в Батумском ботаническом саду я была не раз наслышана. Во время весенних посадок рядом с молодыми посадками ставят бамбуковую палку, потому что летом высокая сорная трава заглушает посадки. Косари, выкашивая траву, часто скашивают и посадки, среди которых много редкостей. Увидя, как Капитон Цхоидзе скосил редкое растение, Михаил Григорьевич накинулся на него с кулаками. Это стоило ему рабочего места в саду. Пришлось уехать на Карпаты.

После Аджарии Андрей едет в Абхазию. В окрестностях Гудаут – Бомборах живут Софья Диомидовна и Шалва Гуджабидзе. Это старинные, очень близкие друзья моей семьи. Отец Софьи Диомид Любченко работал учителем Батумской гимназии и дружил с моим прадедом Антоном Генриховичем Зельгеймом. В 1921 году моя бабушка Мадлен с тремя маленькими детьми – старшей, моей маме – было в то время 6 лет, средней –3 года, а младшей - 6 месяцев, добирались из Ташкента в Батум, сначала до Красноводска, затем через Каспий до Баку. Деньги менялись. Мадлен осталась без гроша с голодными детьми. В Батуми, в пасхальную неделю конные линейки не ходили на Зеленый мыс, где в то время жили ее свекор Антон Генрихович и

свекровь Мария Константиновна (мои прадед и прабабка).

Большая семья Любченко во главе с Диомидом оказала гостеприимство моей бабушке. Дочь Диомида Софья стала известным врачом. Работала в Гудаутах. Она и ее муж Шалва Гуджабидзе в 30-х годах боролись с малярией на Черноморском побережье Кавказа. Наши семьи сохраняли тесную связь вплоть до смерти Софьи и Шалвы в 1980 году.

Летом 1957 года у Софьи Диомидовны и Шалвы Гуджабидзе я познакомилась с отдыхавшим в то время у них Александром Сергеевичем Хохряковым. Софья Диомидовна была в родстве с его женой Галей. Спустя три года, когда я вышла замуж за Андрея, Софья Диомидовна, приехав в Москву, устроила нам с Андреем приятный сюрприз. Александр Сергеевич оказался двоюродным братом Андрея, сыном дяди Сережи, который в свое время подарил Андрею «Жизнь растений» Кернера фон Марилауна.

И еще. Племянник Софьи Диомидовны, Сергей Любченко – поэт, участник абхазского сопротивления 1993 года. Абхазы вспоминают о нем с большим уважением.

Наши судьбы сближались еще до моего знакомства с Андреем. Действительно, браки заключаются на небесах!

12 апреля Юрий Гагарин полетел в космос, 16 апреля у нас родилась дочка Оля. Андрей встречал меня с букетами ландышей.

В конце апреля – снова разлука. Андрей уезжает с экспедицией ВИЛАРа в Среднюю Азию собирать эремурусы. Теперь он не опаздывал, весной они в полном цвету. На машине, в отличие от прошлого года, удалось объездить многие районы юга Средней Азии. Главные сборы были сделаны на древних пестроцветах в Таджикистане.

В июне Андрей встретил уже подросшую двухмесячную дочку. Мы жили на даче в Ухтомской. Это большой деревянный двухэтажный дом в центре красивого запущенного сада, похожего на лес. Маленькая Оля вечерами никак не хотела засыпать. Андрей перед ней плясал лезгинку. Только тогда она притихала, видимо, удивленная этим странным зрелищем. Андрей приговаривал: «Над этим танцем еще работать и работать».

У отца Андрея была машина, ее водил родственник – дядя Костя. Вместе с ним мы совершали выезды в природу. Выглядело это так. С маленькой Олей на руках мы ехали в намеченное место. Андрей с гербарной папкой шел впереди, я с Олей на руках шла вслед за ним. Продирались сквозь лес, шли оврагами. В то лето мы побывали в Егорьевске, Зарайске, Дубне, Коломне, Дмитрове.

Однажды мы приехали в Щапово, где снимал дачу Михаил Иванович Капустин – первый муж матери Андрея. Там он жил со своей благообразной супругой Марией Алексеевной. Той самой,

которая когда-то выкапывала дерево в цвету. Встретили они нас радушно, стали Олечку качать, а мы отправились на экскурсию. Серое небо было затянуто тучами. Спустя два часа мы поняли, что заблудились и никак не можем выбраться из однообразного березняка. Я впала в отчаяние. Мне казалось, что с каждым шагом мы отдаляемся от моей голодной дочки. Наконец мы встретили пастуха, который и указал нам путь к деревне. Мы бежали что есть сил. Запыхавшись, ворвались в дом и увидели всхлипывающую и охрипшую от крика нашу Олечку. Капустины были в гневе. Они выговаривали нам, что в этом месте невозможно заблудиться. Со всех сторон видна церковь. Им в голову не могло прийти, как далеко ходит Андрей.

Несмотря на удачную экспедицию в Среднюю Азию, поездку на Кавказ, поездки по Подмосковью – Андрей неудовлетворен. В августе 1961 года он пишет в дневнике, что находится в смятении чувств. Годы идут, а сделано очень мало. Осенью он постоянно болеет и недомогает. Его угнетает обязанность ходить на работу по звонку.

Его дневник о впечатлениях поездки в Среднюю Азию посвящен не только эремурусам, но и общим впечатлениям о формировании растительности древней флоры эфедры. Его интересуют и осоки.

Составлен строгий план на 1962 год: поездка в Ленинград, Крым, Северный Кавказ. К концу года планирует полное оформление диссертации. Все планы он выполнил.

Он описывает новый подснежник, хохлатку и отправляет описания в печать.

Публикаци 1961 г.: Статья в ботаническом журнале: «Некоторые особенности морфогенеза средне-русских грушанковых».

Поездки 1961 г.: Февраль-март: Тбилиси, Батуми, Сухуми, Киев. Май-июнь: Средняя Азия. Июль-август: Подмосковье (Егорьевск, Ступино, Зарайск, Дубна, Дмитров и др.)

1962 Андрей завершал работу над диссертацией и был весь поглощен обработками о происхождении однодольных. Пересмотрел всю систему рода эремурус. Эти обработки потом легли в основу монографии по эремурусам.

Брат Николай, наконец, уехал с семьей в свою новую квартиру. Мы вселились в 14-метровую комнату. По желанию Андрея выкрасили стены в разные цвета. Он любил яркое, пестрое.

Угнетало безденежье. Стипендия Андрея и моя зарплата были небольшими. Помогали родители, платили зарплату няньке. Но это ставило нас в зависимость. Родители занимали большую комнату. Нянька Дуся с маленькой Олей жила во второй. А мы с Андреем – на кухне.

Дуся, домработница тети Шуры, все время грозилась вернуться к своей хозяйке, у которой она жила многие годы. Яслей не было.

Скопили какие-то деньги и решили купить мне платье. На Старом Арбате напротив театра Вахтангова был большой магазин готового платья. Я выбрала для себя скромное платье на каждый день. Рядом висели пышные, модные в те времена капроновые платья. Андрей настоял на покупке. Это сильно подрывало наш бюджет. Продавщица сказала: «Какой хороший у вас муж!» Девушка современная – она увидела в Андрее главное.

В марте 1962 года мы отвезли маленькую 9-месячную Олю на Зеленый мыс к моей маме. С трудом уговорили Дусю. Она никогда не выезжала из Москвы. Едем на вокзал. Костючок большой любитель рассказывать страшные истории. У него их большой запас. А нам необходимо, чтобы Дуся передумала в последний момент… Костючок рассказывает очередную историю, как столкнулись две электрички. Все, якобы погибли, и только коляска с ребенком осталась невредимой. Дуся умоляет: «Константин Константинович, давайте про веселое!» С тех

пор эти слова в нашей семье стали крылатыми.

У нас был отпуск до середины апреля, мы хотели воспользоваться им в полном объеме. Сначала решили съездить в село Гонио.

Несколько лет назад вместе с А.А.Дмитриевой, автором Флоры Аджарии, я там побывала, и мне очень хотелось, чтобы и Андрей мог увидеть эту сверхохраняемую территорию почти на границе с Турцией. За Батуми - устье реки Чорох. Село Гонио на противоположном берегу. Попасть туда можно только по пограничному пропуску, который надо получить, имея командировку и штамп пограничного управления по месту прописки.

Перед отъездом из Москвы мы добыли у себя на работе бланки командировок без оплаты. Счастливые, в пограничном управлении получили пропуска, даже не заглянули, не проверили… Оказалось, штамп поставили только в пропуске Андрея.

В Батуми мы сели в маленький автобус, который должен нас перевезти по другую сторону Чороха, где находятся Гонийская крепость, приморская долина, отвесные скалы и холмы, поросшие колхидским лесом. Яркий солнечный день располагал к экскурсии, сборам. Мне очень хотелось, чтобы Андрей увидел это почти недоступное для посещения место! В автобусе все хорошо между собой знакомы. Это в основном русские женщины – рабочие большого цитрусового совхоза в Гонио. Тетки ехали с рынка, переговаривались и смотрели на нас с большим подозрением. Одеты мы были необычно. В руках гербарные папки. Может быть, мы задумали побег в Турцию? И вот подъезжаем к мосту через Чорох. Первая проверка. Пограничники внимательно изучают паспорта, пропуска. Андрея пропускают. Меня – нет. Нет штампа. Обидно до слез. Но Андрей отказывается ехать без меня. Тетки торжествуют.

Через несколько дней мы на небольшом теплоходе «Колхида» отплыли из Батуми в Ялту. Светило солнце, легкий свежий бриз дул над голубой бухтой. Началось, как планировал Андрей, весеннее путешествие по Крыму и Южной Украине.

В те времена вдоль черноморского побережья регулярно курсировали теплоходы. Они подолгу стояли на причалах приморских городов. Плавание превращалось в удовольствие. На стоянках удавалось осматривать не только города, но и углубляться в природу. Папки у нас всегда были наготове, и первый гербарий мы собрали еще в пути.

В Ялте мы остановились в гостинице Никитского ботанического сада. Поднимались от берега моря на Никитскую яйлу, спускались вниз по крутым склонам. Заросшие густым можжевельником, они недоступны туристам, поэтому дикая флора была не нарушена. На прогреваемых склонах цвела желтая асфодель, близкая родственница эремурусов.

В ботаническом саду на кронах земляничника цвели каскады мелких цветов. Длинные плакучие соцветия сиреневой глицинии и желтого золотого дождя нежно благоухали.

Из Ялты по горной дороге, а затем прямо, без тропы, в лоб мы начали подъем на Ай-Петри. Огромные обрывы нам удалось обойти и не разбиться. После пятичасового подъема выбрались на яйлу. Наверху все было еще безжизненным. Из сухой прошлогодней травы сиротливо выглядывали бокальчики крокусов. Первые ростки высокогорной жизни! Нас накрыл туман. Из-под ног выскочил заяц. Туман сгущался. Нужно спускаться вниз к морю. Я помнила о крутых обрывах, не хотелось на них нарваться. Но я молчала, зная, как досадует Андрей, когда я начинаю чего-то опасаться, остерегаться. Наконец туман разорвало, и мы смогли ориентироваться, быстро от него убегая в светлых крымских сосняках. Вниз, вниз, к белым колокольчикам галантусов! Чуть ли не бегом мы спустились к основной автомобильной дороге, с удивлением обнаружив, что мы отошли на запад на значительное расстояние, оказавшись у поселка Гаспра.

За Байдарскими воротами на самой западной оконечности Фороса - другой, степной мир. Цвели белые птицемлечники, желтая асфодель и многое другое. Постепенно, собирая гербарий, мы плавно поднимались на гору. И вдруг неожиданно перед нами оказался гигантский обрыв. Где-то внизу очень далеко плескалось ярко-синее море. Внизу все маленькое, игрушечное. Как же мы будем спускаться по обрыву? Ищем тропу и находим. Это «чертова» лестница, крутая и опасная тропинка. Но мы молоды, а с Андреем попробуй не пойди. Когда путь пройден, я страшно горжусь собой.

Пищи мы с собой никогда не брали, не останавливались на привал. Пройдут десятка два лет, и только тогда мы начнем брать с собой хлеб, еду и чайник. Но тогда с утра до вечера мы были в дороге.

В Алушту приехали ранним утром. Быстро устроились на квартире, бросили вещи и начали подъем без всякой тропинки. Через несколько часов вышли на яйлу и прошли на запад несколько километров мимо пещер, останцов. Спускаться решили по северному склону, и пришлось долго продираться через заросли букового криволесья, идти напролом вниз на центральную дорогу. Попутная машина привезла нас в Алушту затемно. Все точки питания были закрыты. На следующий день уехали в Новый Свет. Устроились очень уютно у добродушной бабушки – работницы завода шампанских вин. Тут мы осели на несколько дней, приводя в порядок собранный гербарий. Бабушка оказалась очень милой и гостеприимной.

Наши походы по горам сопровождал холодный дождь. На холмах росла сосна Станкевича, очень похожая на сосну пицундскую. На прогалинах среди зарослей можжевельника нарядно желтели красочные лужки асфодели. Холодным дождливым вечером бабушка разогревала нас шампанским, которое приносила в чайнике с завода. Вино было чудесным, хотя и не игристым. Вокруг завода шампанских вин впечатляли огромные холмы боя – осколков темно-зеленого стекла.

На восток горы становились все ниже и не обещали яркости весенних красок. Однако мы ошибались.

Рядом с Щебетовкой - села Козы и Отузы. Несмотря на выселение татар из Крыма, деревни не переименованы. Живут здесь в основном украинцы. Татары отсутствовали, а их традиции сохранялись. Чебуреки – главное угощение по всему Крыму.

В солнечный день мы долго идем холмами к приморскому хребту Карадаг. А моря все нет. И вдруг, как в сказке, начинают появляться загадочные скалы фантастической формы. На фоне яркого неба, синего моря – зрелище завораживающее. Мы фотографируем эти чудеса, собираем гербарий. Спускаемся в большую долину. Вдали вдается в море мыс Меганом.

За высокими заборами находится дом творчества советских писателей. В такой романтической обстановке можно творить гениальные произведения. Тем более что это место освящено памятью прекрасного поэта и художника Максимилиана Волошина. Тут его могила. На территорию не пройдешь, да мы и не стремимся туда, а поднимаемся на большое плато Планерное. Тут знаменитая школа планеристов.

В Щебетовке приводим в порядок гербарий - и снова в путь, в Феодосию. Устроились на ночлег, как и раньше, без труда. Утром я вышла во двор умыться под общим краном. По возвращении обнаружила презабавную картину. Хозяйка, проникнувшись большой симпатией к Андрею, пока еще находившемуся в постели, поливала его одеколоном из пузырька в форме кисти винограда. Запах одеколона был приторным… Пора было вставать и идти на обрывы над морем, где, по словам Павла Александровича Смирнова, находился эндемичный вид – клоповник Турчанинова.

По дороге в Симферополь решили осмотреть плато у Белогорска. Выходим в безлюдной

местности напротив огромного плато, возвышающегося над степью. Издали оно кажется гигантским пирогом с крутыми боками. Прячем вещи в кустах и поднимаемся наверх, туда, где обычно снимают кинокартины с гонками и всадниками. На плато весенняя идиллическая картина. Цветут красные пионы и ярко-желтые адонисы с блестящими лепестками, отсвечивающими на солнце. Высоко в синем небе поют трепещущие жаворонки! Новые сборы... Затем, спустившись на дорогу, голосуем и к вечеру добираемся до Севастополя.

На берегу бухты за городом несколько дорических колонн и множество черепков греческих ваз. Это все, что осталось от Херсонеса. Остатки когда-то бойкой, иной, древней жизни.

В заповедник с мировой славой Аскания-Нова добираемся поездом, автобусом, автостопом. Последние 20 километров можно преодолеть только случайным транспортом или пешком. Обремененные гербарием, мы не могли идти пешком и залегли в кювете, прислушиваясь, не идет ли машина. После долгих ожиданий машина пришла и благополучно доставила нас к управлению заповедником.

Участки абсолютно некосимой степи производят гнетущее впечатление. Огромные кочки со старой соломой плотно смыкаются друг с другом, не давая пробиться эфемероидам – весенним подснежникам. Да и злаки страдают. Неестественна эта абсолютно заповедная степь. Копыта бесчисленных табунов разбивали дернины, пожар сжигал ветошь, степь весной цвела. На косимых участках иная, веселая картина. На свежей зелени пестреет касатик низкий. Цветки поражают разнообразием цветовых сочетаний. На закате степь особенно привлекательна и таинственна. В заповедник вывезены древние каменные бабы. Они словно охраняют эти жалкие кусочки природы, сохраненные для потомков и до сих пор не вспаханные.

Вернувшись в Москву на майские праздники, уехали в деревню Карманово Смоленской области, рядом с Гжатском. Этот небольшой старинный город позже был переименован в город Гагарин.

В старой избе жила мать школьного товарища Андрея – простая милая крестьянка. Мы ходили далеко, забираясь в темные ельники. Цвела яркими синими звездами печеночница, в Московской области – редкость. По пути нам встречались землянки, блиндажи, траншеи. Я нашла немецкую каску.

Вечерами хозяйка рассказывала. В Карманово зимой 1941-го стояли немцы. Здесь был фронт. Всю землю, все леса заминировали. До последнего времени скот в лес боялись отпускать, много его подрывалось. Но эти рассказы мы тогда воспринимали как нечто отвлеченное. Да даже если бы я испугалась и не захотела идти в лес, Андрей, безусловно, пошел бы один.

Слева направо: В.Н.Тихомиров, В.Р.Филин, А.П.Хохряков

Мы стоим на разъезженной смоленской дороге, ждем машину. Автобусов нет. Попутных машин – тоже. До Гжатска 50 километров. Оттуда еще поездом до Москвы. А на работу завтра попасть необходимо. С дисциплиной в ГБС строго. Наконец появляется большой грузовик. В кузове две маленькие почтовые посылки и женщина – сопровождающая. Мы бросаемся к машине, просимся в кузов. Но нельзя, там ценный груз – посылки. Машина трогается, набирает ход, а она стоит, гордая в своем административном восторге, постепенно растворяется вдалеке. Попасть в Гжатск и в Москву и не опоздать на следующий день на работу удалось только чудом .

Внешне у Андрея как будто все благополучно. Собран материал по диссертации, есть дочь, жена. А в дневнике еле разборчивым почерком пишет, что не удовлетворен. Пишет о приближающейся смерти и о том, что нужно спешить, успеть хоть что-то сделать, чтобы успеть «в случае чего».

Летом вместе со своими товарищами по университету В.Тихомировым и В. Филиным он едет в Белоомут на Оке. Андрей рассказывал, как несколько студентов аккуратно закладывали гербарий, тщательно его перебирали, сушили, а Тихомирову оставалось лишь руководить. А ему, Андрею, приходится делать все самому, и это отражается на качестве гербария. Но он считает, что лучше собирать побольше и из разных мест, чем не собирать вовсе.

Я очень надеялась на более тесные контакты Андрея с МГУ, его alma mater. Андрея не удовлетворяла атмосфера Главного ботанического сада.

В Осташкове Калининской области жили две сестры Михаила Михайловича Молодежникова, бывшего начальника Андрея в Кобулети. Андрей воспользовался этим знакомством, получил рекомендательные письма. В сентябре мы на неделю поехали в Осташков, а оттуда к истокам Волги.

Две милые старушки встретили нас с распростертыми объятиями и угощали вареньем из брусники с яблоками. Водные просторы Селигера, леса – живые картины замечательной красоты. Маленький катер мчит нас на противоположный конец озера Стерж. Оттуда мы пойдем пешком к истокам Волги.

Осень, льет мелкий дождичек. Вдоль торной, туристической дороги неубранные поля. Спешим. Нам бы засветло устроиться на ночлег. Но в деревнях дверей нам не открывают. Надоели туристы. На нас нет ни одной сухой нитки. Андрей говорит, что есть у него испытанный метод. В очередной деревне нужно пойти к председателю колхоза. Он устроит на ночлег. Так мы оказались в избе у одинокой старушки. Разделись, выжали свое, все промокшее. Она дала какую-то одежонку. Мы забрались на теплую печь. Старушка рассказывала: немцы в эту глубинку не заходили. Они прошли на восток у Вязьмы и Зубова. Так эти места остались целыми. Никто не пострадал. Однако времена теперь странные, сеют все больше кукурузу. Она не вызревает, ее и не убирают. Беднота.

Дорога к верховью Волги идет лесами. То и дело встречаются огромные валуны, заросшие мхом. У истоков Волги на высоких холмах несколько полуразрушенных больших церквей. Внизу под холмами ручейки. Это начало Волги. Построен деревянный домик-беседка. Подходят одинокие старики. Рассказывают о своем запустении. Их тут остались единицы. Нет света. Хлеб привозят изредка. Вокруг леса.

Нам нужно спешить. На новый ночлег рассчитывать не приходится. Мчимся вдоль длинной узкоколейки, проявляя чудеса скорости. К катеру мы поспели в последний момент. Взъерошенные и потные, оставшиеся метры бежим из последних сил. С катера нас увидели и подождали. Мы снова любуемся просторами озера.

Осенью 1962 года состоялось первое совещание по филогении растений. Его организовал тогда

еще совсем молодой Вадим Николаевич Тихомиров – преподаватель кафедры высших растений на биофаке МГУ. Заседания проходили в библиотеке Главного ботанического сада. Присутствовали такие ботанические светила, как Я.И. Проханов, А.А. Яценко-Хмелевский, Л.А. Куприянова. Доклад Андрея о происхождении однодольных вызвал многочисленные споры.

В конце октября Андрей представил готовую к защите диссертацию «Род эремурус и его виды (происхождение и филогенез)». Он уложился в срок. Работа была рекомендована к защите в МГУ.

В начале ноября - еще одна поездка в Армению. Андрей рассчитывал на гостеприимство дальних родственников. Его двоюродная сестра Люба Хохрякова замужем за Оганезом Сукояном, который родом из Еревана. Чопорные, они устроили нас в огромной помпезной гостинице, где на наш гербарий смотрели как на мусор. Было холодно и неуютно. Гербарий не сох. Стояли промозглые, дождливые, не характерные для Армении дни.

Мы идем по серым холмам над старинным монастырем Гегард. Пятна красных, расцвеченных осенними красками кустов скрашивают пейзаж. Сыплет дождь. Мокрое пальто тяжелеет. Растения пожухли, но кое-что нам удается собрать. Сверху с холмов монастырь сначала кажется маленьким. Но по мере спуска увеличиваются строгие формы церкви раннего христианства. Привели барана на заклание. Будут крестить девочку. Нарекли ее Сюзанной. Андрей не хочет заходить в церковь. Но позже он заходил в храмы, хотя большого рвения к религии не проявлял.

Из Еревана мы уехали в Тбилиси, где провели несколько счастливых дней у моей бабушки Мадлен и деда Генриха. Продолжали собирать растения в окрестностях города. Поднимались на гору Мтацминда.

Публикации 1962 г.: Вышли из печати две работы: «Сосна и скумпия в Святых горах», «Материалы к познанию рода эремурус».

Поездки 1962 г.: 7(!) далеких и близких поездок. Ранней весной - в Аджарию и Абхазию. В апреле вместе со мной прошли пешком весь Крым. Были мы и на юге Украины в Аскания-Нова. В мае ездили в Смоленскую область (деревня Карманово, город Гжатск). Летом на Оку, в Белоомут. В сентябре – в Осташков и Волго-Верховье. В октябре – в Армению (Ереван, Гегард), Грузию (Тбилиси, Батуми).

1963 Зимой 1963 Андрей занят обработкой, определением собранного за год гербария. Продолжает заниматься происхождением однодольных, а также формальностями, связанными с защитой диссертации. На майские праздники поехали в деревню под Малоярославцем. Для меня это была последняя вылазка на природу. Я ждала второго ребенка.

А в это время в Москве собирался семейный совет. Решалась наша квартирная проблема. Получить жилье на работе мы и не мечтали. Благородные родители решили строить для себя кооперативную квартиру, а свою оставить нам. Царский подарок! Сбережения, сделанные Андреем в Екатеринкино, также ушли на взнос.

Решили, что на лето я поеду на Зеленый мыс с маленькой Олей. А Андрей поедет в экспедицию на Дальний Восток.

К этому времени в отделе флоры произошли изменения. Заведующим стал Павел Борисович Виппер. Человек светский и высококультурный, он горячо поддержал Андрея. Безоговорочно рекомендовал его статьи в печать.

Павел Борисович – любимый ученик академика В.Н. Сукачева. Он пригласил его на семинар в отдел флоры. В.Н. Сукачев ранее возглавлял Институт леса АН СССР, но впал в немилость. Институт был сослан в Красноярск. Сукачев в Москве организовал лабораторию леса. Об этом

говорили шепотом и со страхом. На этом семинаре Сукачев, уже очень пожилой, говорил о том, что новая тема по лекарственным растениям может разрабатываться не только с позиции лекарственных свойств этих растений, но и с позиции внутривидовой изменчивости. Павел Борисович возлагал на эту тему большие надежды.

ВИЛАРу необходимо сырье луносемянника и горицвета весеннего. Луносемянник даурский растет в Сибири и на Дальнем Востоке, горицвет в южных степях. Для разработки этой темы был выбран Андрей, который должен был присоединиться к дальневосточной экспедиции ВИЛАРа и собирать материал по луносемяннику.

Андрей в течение всего лета регулярно мне пишет на Зеленый мыс. Позже эти письма легли в основу его статьи об археофитах в дальневосточной тайге (археофиты – древние растения, произраставшие до ледниковых похолоданий). Ездил он с хорошо знакомыми по Московскому университету коллегами – супружеской парой Маргаритой и Михаилом Пименовыми. Андрей пишет очень трудным для чтения почерком, часто карандашом. Некоторые письма я цитирую.

> (Число не указано) «Дорогая Майка! Сразу в Уссурийске встретили нас с машиной и повезли в лес. После Хабаровска, после всей лиственничной дикой и бедной Сибири увидеть роскошные леса из всяких причудливых пород и еще более роскошных лугов, усыпанных лилиями, пионами. В общем, уже сплошная экзотика. Но в окрестностях Уссурийска все выбито, вместо лесов – заросли кустарников, но подальше уже настоящие леса, хотя и низкие, и породы самые экзотические – амурский бархат, монгольский дуб, кустарники – цветущий жасмин, эхинопанакс, леспедеза и так далее. Уже в этот день и на следующий увидел я в природе растения, которые видел я до сих пор только в ботаническом саду – гелиотроп, оноклея, триллиумм, аризема и еще много совсем неизвестных. А сейчас, уже на первые сутки после приезда, мы на новом месте – в Супутинском заповеднике. Роскошно. Главная особенность реликтовых лесов юга Дальнего Востока - полидоминантность. На Кавказе в древесном ярусе господствует бук или пихта, или дуб, в Средней Азии – грецкий орех, ель Шренка. Здесь же нет доминирующих пород. Из лиственных – та же маакия, бархат, дуб, грабы, липа, ясень, ильмы; из хвойных – Pinus korajensis, Abies nephrolepis, A.holophylla, Picea ajanensis. Множество кустарников – дейция, жасмин, калины, спиреи, смородины. Мелкие кустарники – аралия, эхинопанакс, элеутерококк…. Извини, что пишу все только о природе, как будто делаю отчет, право ни о чем больше и думать не могу. Много вообще интересных растений – Galium paradoxum с супротивными листьями, осоки с овальными листьями, а лианы – толстые-толстые Actinidia polygama и несколько других потоньше. А сейчас стоит страшная жара. В лес (никак не в тайгу) приходится ходить одетыми в брезентовые куртки и штаны в защиту от клещей. Их тут порядком, на всех ловили. Одеваться приходится серьезно, получается серьезная запарка. Но все это ничего».
>
> «**26 июня**. Дорогая Майка! Такая спешка – ужас. После Владивостока уже были в четырех местах и сейчас опять в Уссурийске. Природа по-прежнему поражает своей роскошью и разнообразием. Видели Aristolochia mandscurica – огромная древовидная лиана с огромными листьями и цветами, с очень интересной древесиной, расщепляющейся не по годичным слоям, а радиально. В зарослях этой лианы видел великолепную огромную бабочку с хвостатыми огромными крыльями, называется анциноя. Погода нас не балует, ужасная жара перемежается с моросящим осенним дождем. В такую погоду мы совершили восхождение на С….. (очень непонятно) южнее Владивостока, на границе с Китаем. К нам присоединились еще два зоолога –

хорошие ребята, настоящие натуралисты. Промокли мы совершенно, ночевали в лесу, развели костер, палатка промокла. Кое-как дотянули до утра. Утром то же самое. Несмотря ни на что, решили идти. С первых же шагов снова промокли, но лезли и лезли. Лес величественный, в основном дуб монгольский с рододендроном Шлиппенбаха и диервиллой. Очень часто аралии, элеутерококк, калопанаксы – огромные деревья, как наши дубы. Потом начались скалы. Здесь к дождю присоединился ветер, который загнал нас снова вниз. Интересно было стоять на краю обрыва, за которым ничего нет – белая пустота тумана, и все.

А сейчас мы уже севернее Уссурийска на берегу большой реки Суйфун. Солнце жарит вовсю, хочется купаться, хочется лазить по склонами, собирать цветы. Цветет белый ломонос, желтый (непонятное слово), красные лилии, синие колокольчики, вовсю стрекочут кузнечики. Но эта проклятая спешка все портит. До сих пор я не получил багажа. Сеток не хватает, те, что есть, страшно разбухли, хочется собирать больше, да некуда. Своими делами тоже заниматься приходится урывками. Все время куда-то надо быстро ехать, быстрее собирать. Все чуть ли не бегают. Все же удалось собрать мениспермум из 4 мест. Другие объекты пока что не цветут. Совсем забыл, кому я должен посылать посылки. Майка, дорогая, как жаль, что тебя нет рядом, некому совсем помочь, не с кем как следует поговорить. Лучше все же ездить самостоятельно. Ты мне часто снишься, и я уверен, что на следующий год мы обязательно поедем вместе».

«**30 июня**. Майка, дорогая! Кручение в колесе продолжается. Уже успели побывать на горно-таежной станции, в совхозе и теперь снова в Уссурийске. Наконец получил твои письма, сразу 5 штук. Доверенность посылаю. Багаж только что получил с большими трудами. Нужна была квитанция. Ну да ладно, все обошлось. И вот прошло каких-нибудь два часа, и мы снова на горно-таежной станции, на квартире у Саши (Саша Назаренко). Саша – орнитолог, работник станции, друг Миши, ему лет 32-33, с короткой бородой. Живет он с женой в 3 - этажном доме на 3-м этаже, дом выстроен ударными методами, потолок уже проваливается. С Сашей и Катей мы всходили на Голубой утес. В общем, ребята хорошие, остроумные, приятно с ними поговорить. Приятно также провести хотя бы один день в настоящей, с полом, потолком и стенами комнате. Палатки при всей их прелести все-таки скоро надоедают. В совхозе мы жили не в особенно хороших условиях».

«**3 июля**. Майка, дорогая! В чудесное место мы попали, хребет Пидан, близ Сучана. По дороге от Владивостока места паршивые, все поселки, мелкие леса, встали у подножья гор. Здесь тоже леса не так чтобы уж хорошие. Вчера совершали восхождение на вершину Хуалазы. При подъезде в горы лес становился все лучше и лучше. Поднимались по реке. Лес в основном лиственный – клены, липа, ильмы, дуб, тополь, черемуха, хвойных мало. Травы густые. Аралии, папоротники. Выше в гору - хвойных больше: Abies nephrolepis, Picea ajanensis, Pinus koraensis, но лиственные также разнообразны. Появилась заманиха – низкий стелющийся кустарник из аралиевых с большими листьями и очень колючая. Трав становится меньше, появляются мхи, с ними плауны, сразу 4 вида clavata, annotinum, obscurum, chinense, seratum. Наконец, в некоторых местах настоящая тайга – густой древостой из хвойных, внизу брусника, линнея, плауны, папоротники. Но вокруг много лиственных – актинидия, заманиха, лимонник, виноград, аралии. Тайга как будто приурочена к каменистым выходам и связана с микроклиматом, подметить не

удается. Кислица, папоротники, цирцея к тому же есть и внизу, а вот на склонах южной экспозиции развиваются элементы светлохвойной тайги. Здесь почва еще более каменистая. Деревья – кедры корявые, в лишайниках, а между ними заросли рододендрона (Rhododendron mucronulatum), багульники (Ledum hypoleucum, пахнет как наш, но с чрезвычайно широкими листьями), кассиопея (Cassiopaea redovskii) – настоящий кустарник, кедровый стланик, стланик из микробиоты. На вершине тоже довольно разнообразно. Каменистый склон с полынью (Artemisia lagocephala), тимьяном, с другой – странный ветровал с зарослями малины и жимолости съедобной. Начала только созревать, ягоды черные, но горькие. И, наконец, участок леса с брусникой. Вид с горы чудесный, видно далеко – стада облаков, где-то за ними – море.

Итак, как мне казалось ранее, тайга связана с широколиственными лесами китайско-маньчжурского типа и выявляет себя на более бедных почвах при высокой влажности воздуха, которая дает возможность развиваться моховому покрову. Последний препятствует расселению многих травянистых видов, чем и объясняется бедность травяного покрова тайги. Теперь собираюсь сделать несколько подробных описаний. Пробудем здесь еще 3-4 дня. Может быть, удастся и отдохнуть».

«**8 июля**. Майка, дорогая! Только что прибыли в Находку. Из окна почты видны бухта, море, гористый противоположный берег с вершинами гор, опоясанными белыми облаками, и вершинами, скрытыми в тумане. Едем в Судзухинский заповедник, на Хуалазе пробыли 5 дней. Выехали оттуда вчера. Все эти дни лазил по горам, собирал копытень Зибольда. О лесах я уже писал, теперь напишу о субальпийской растительности. На другой вершине небольшие рощицы пихты и каменной березы, обширные каменистые россыпи и большие заросли настоящей крупной душистой сирени и белой спиреи. Много жимолости съедобной. Она горьковата, но я ел и ел. Обширные заросли микробиоты – хвойного стланца из кипарисовых, который и был впервые открыт на этой горе и описан Комаровым. Собрал специально для тебя и микробиоту, и кедровый стланец. С вершины прекрасный вид: гребни гор свободные, а все долины заполнены белым туманом. Здесь, на вершине, солнце, а начнешь спускаться – солнце постепенно тускнеет, начинается туман, мелкая морось, вся растительность мокрая. Интересно наблюдать, как туман поднимается вверх отдельными клочьями и постепенно тает. Солнце то проглянет, то скроется в пелене рваного тумана. Сейчас погода тоже неважная. На побережье, говорят, всегда так – туман, морось. Все сопки как срезаны туманом по одной горизонтали. Ночевали сегодня на берегу моря, сегодня утром немного купался. Берег каменистый, у самого берега заросли водорослей, морской травы. Много ракушек – настоящие, живые, шевелящие своими мускулами и «ножками».

Главное мое занятие – гербарий, но здесь много работы делают другие, я в основном только закладываю, а дальнейшая забота уже других. Что касается моей настоящей работы, то и здесь кое-что сделал. Мениспермума собрал уже довольно много, на Хуалазе собрал интересный материал по копытню Зибольда».

«**16 июля.** Дорогая Майка! Только что вернулись из похода на Лысую гору. Настоящая героическая эпопея, подобная походу на Анзоб в 1961 году. Лысая гора – в долине р. Судзухе. При подъеме была довольно хорошая погода, но еще накануне начались наши приключения. Приехали в Белавское к вечеру, часов в 6. Там были

геологи. Стали спрашивать у них про дорогу, сказали, что 5 км можно подъехать на машине. Поехали. Геологи, взявшиеся нас проводить, оказались пьяными, три раза приезжали в одно и то же ненужное место, наконец, выехали на нужную дорогу. Она оказалась очень узкой, среди леса, но машины, вероятно, по ней вовсе не ходили. Пришлось по пути рубить ветки и целые деревья. Геологи уверяли, что вот-вот будет пасека, до которой идет дорога, но уже стемнело, мы уже несколько раз застревали при переезде через речку, текущую вдоль дороги, а пасеки еще не было. Решили остановиться прямо в лесу. В гору поднимались долго. Было жарко. Пот лил ручьями, а подъем шел все выше, и конца ему нет. Наконец лес стал прерываться каменистыми осыпями – курумами по-местному; камни качаются под ногами и сыплются вниз, солнце печет еще больше. Наконец замечаешь, что лиственный лес сменился хвойными, появилась микробиота и кедровый стланик, спиреи, много мхов и лишайников, рощи каменой березы, вместо леса – рощицы с обширными полянами из высокотравья с бузульником, аденофорой, гимнадением, лилиями. И вот, наконец, вершина. Но уже солнце зашло за облака, всюду вместо величественного горного ландшафта – молочная белизна – туман, как будто кроме этой вершины на свете ничего и нет. Разбили лагерь на красивой поляне, пошли дальше по гребню, через лес, через заросли стланика и микробиоты; здесь уже северные элементы – водяника, арктоус, голубика, брусника. Пока ходили – туман совсем спустился, пошли обратно и заблудились, пришли опять на то же место, откуда стали возвращаться. Заблудились. Выручил компас. Вечером пели (пили?) у костра. Ночь прошла спокойно. Наутро как будто бы стало распогоживаться, пошли собирать плауны (Lycopodium (непонятно видовое название) сходный с L. selago) И тут погода стала портиться не на шутку. Заморосило, стало холоднее, стал усиливаться ветер. К вечеру дождь уже барабанил не на шутку, ветер так и шумел. Развели большой костер, стали сушиться, но с одной стороны сушишься, с другой мокнешь, но у костра все-таки веселее. В конце концов, делать нечего, надо ложиться. Палатки хоть и мокрые, но не текут. Легли под вой ветра и барабан дождя. И вот ночью палатка стала течь, стало холодно и неуютно. Но в спальных мешках можно было терпеть. Наконец под утро в спальных мешках стало как в болоте. Утро было не из приятных. Дождь продолжал хлестать, клочья тумана проносились мимо, дождь пробирал до костей, все было мокро и холодно. Кое-как собрали вещи и стали «скатываться» вниз. Скатывались, скатывались, и скатились не в ту речку. Пришлось снова лезть вверх, потом вниз. По скользким камням, сквозь мокрые заросли лиан, по мокрой земле, спотыкаясь и падая на мокрую землю, и все это под проливным дождем. Казалось, конца не будет всему этому, что никогда мы не придем, и все будет так же сыро, лес, камни, вода. Но вот и то место, откуда мы начали подъем, вот и пасека, вот и деревня. И вот мы в теплом доме, уже обсохшие, наевшиеся. И все уже в прошлом. Был ли поход на гору? Был ли дождь, ветер, холод? На улице еще пасмурно, сыро. Очевидно, все это было, но уже завтра все, что было сегодня «настоящим», уйдет в глубокое прошлое, лишенное жизни и реального существования, все, что не дало своих последствий, «осложнений». А «осложнения» бывают не так уж часто, и плохих «осложнений» все же удается как-то избежать.

А перед этим были в Судзухинском заповеднике, были на берегу моря в хорошую погоду. Синее-синее, как Черное море, склоны причудливой формы, разнообразные водоросли – фукус, ламинария – морская капуста. Морские ежи, раки-отшельники, актинии. Но ведь холодно, долго не покупаешься. А вчера у избушки при свете костра слышали рыканье тигра. Прямо как в тропиках. Были на озере, сплошь заросшем –

(далее несколько фраз прочесть совершенно невозможно…)

А теперь немного теории. В заповеднике в лиственно-кедровом лесу нашёл замечательную орхидею (латынь нечетко) величиною с нашу любку. Но с зеленым стеблем и клубеньком, как у тропических каттлей, целогины и т.д. Многие наши таежные орхидеи, как я показывал тебе в Осташкове, тоже имеют такой клубенек. Но еще интересно, что у них и у ряда других таежных растений корни не идут в почву, а находятся только в подстилке – это другие орхидеи (опять не четко латынь, не разберу…), большинство плаунов, кислица, папоротники. Всё это, на мой взгляд, говорит о том, что эти растения были в прошлом эпифитами тропических и субтропических лесов. А для таежных растений как раз характерно, что их корни не проникают в почву».

«**21 июля**. Майка, дорогая! С Лысой горы вернулись в Старо-Варваровку. По пути пересекли два перевала. Интересно было смотреть, как доминируют смешанные леса с бархатом, ильмом, грецким орехом, с богатым подлеском и травяным покровом, превращаясь по переходам в темнохвойную тайгу из ели и пихты, без всякого подлеска, с бедным травяным покровом, и местами ковром из мхов. А потом при въезде вниз повторились обратно картины – постепенное обогащение и превращение тайги в смешанный лес. Кажется, что основной процесс возникновения тайги – обеднение смешанного леса, т.е. виды, входящие в состав тайги, есть и в составе смешанных лесов, кроме немногих. Среди них интересны виды только южных высокогорий Echinopanax (заманиха) и Microbiota. Другие на юге встречаются в высокогорьях, на севере – внизу –Clintonia udensis. Последние примеры указывают, что при формировании тайги шло не только обеднение видимо смешанных лесов, но образование новых видов в высокогорных условиях, хотя процесс обеднения шел намного интенсивнее процесса обогащения. Что же касается «северных» элементов здешних высокогорий, вроде кедрового стланика, водяники, арктоуса, то они связаны уже с другими формациями и не с темнохвойной тайгой. Тесные связи тайги и смешанных хвойно-широколиственных лесов сказываются в общности ареалов видов, их составляющих. Все они (или комплексы близких, викарных видов) распространены через всю Голарктику, не заходя, однако, далеко в Арктику и, напротив, захватывая частично или полностью Маньчжуро-Китайско–Японскую провинцию. Только виды, более тесно связанные со смешанными лесами, имеют более или менее выраженный разрыв ареалов в области Сибири, в особенности восточной. Иногда этот разрыв и очень большой, но тем удивительнее общность и викарирующего видового состава лесов Европы и Восточной Азии.

Итак, основные вехи моей гипотезы: 1 – тайга развилась путем обеднения хвойно-широколиственных третичных лесов вследствие похолодания климата или приспособления к жизни в более высокогорных условиях. 2 – в составе флоры тайги смогли остаться виды, приспособившиеся к жизни в густом моховом покрове, основными оказались прежде всего эпифиты, и до того прекрасно обходившиеся без почвы. 3 – так как виды Pinacea возникли почти одновременно с покрытосеменными, флора тайги отмечается большим процентом споровых – папоротников, плаунов, хвощей, в особенности мхов".

Перечитывая и переписывая письма Андрея для книги о нем, я по- новому осмыслила положения 2 и 3: что сохранились виды, приспособленные к жизни в густом моховом покрове,

прежде всего эпифиты. Много лет спустя, когда мы выделили экологическую группу бриофилов, эти наблюдения подтвердили правоту выделения такой группы. Что касается обилия древних споровых на не менее древних моховых покровах – то это тема очень интересная, требующая дальнейшей разработки.

Сколько раз Андрей обижался на меня, говорил, что я не читаю его работы. Я-то читала, да вычитывала иное. В других случаях не хватало знаний для осмысления его взглядов. Так было и в далеком 63-м году. В то время я была далека от проблем происхождения тайги. А Андрей к тому времени накопил большой фактический материал. Был эрудированным ученым.

> "Ну ладно, о тайге достаточно. Теперь об изменчивости (не вообще, а растений). Все варьирует, нет двух вначале сходных листьев на одном растении! У Menispermum пока можно говорить лишь об экотипах, разграничивающихся от высоты окружающей растительности, – от низкой просто карликовой (10-15 см); на лугах, выше и мощнее, в кустарниковых зарослях 3-4 метра в длину с огромными листьями. При совместном существовании всех этих типов растительности мениспермум (луносемянник) имеет все переходы этих типов. Так что тут, вероятно, мы имеем дело с изменчивостью в духе ламаркизма, непосредственно связанной с приспособлением. У Asarum sieboldii сильно варьируют листья от сердцевидных (приводит рисунок) до дланевидных, характерных для A. europeum. Это на одной площадке, под пологом одного дерева, в общем, в одних условиях. У плектрантус также варьируют листья, не сходны листья даже одного узла, при этом некоторые варианты, сходные с листьями другого близкого вида, растущего часто рядом – P. incisus. (Далее нарисованы типы листьев. Разбирать в некоторых случаях почерк чрезвычайно трудно). Как видишь, имеются переходы. Какова их природа? Миша не преминул высказаться, что это гибриды. Однако у Asarum sieboldii видно, что вариации одного вида могут перекрывать вариации другого без всякой гибридизации. Заходящая изменчивость, а не гибридизация. Интересно проследить, есть ли изменение каких-нибудь биохимических функций параллельно морфологической изменчивости?
>
> Вчера и сегодня мы в Варваровке. Немного отдохнули. Привел в порядок свои наблюдения, сборы. Вчера ходили в баню. Хорошая баня. Жарко, воды много, главное – смех, толкотня. С удовольствием вымыл голову. Сегодня стирается все наше белье.
>
> Погода стоит дождливая. Летний муссон. Все дни пасмурно, облака низкие, чуть ли не касаются (непонятно совершенно), мелкая морось, но тепло. Лишь иногда проглядывает солнце, и тогда становится просто жарко. Обо мне не беспокойся, с питанием, с одеждой, здоровьем и т.д. все в порядке».
>
> «**26 июля**. Майка, дорогая! Получил твое письмо от 16, теперь у нас 26. 10 дней – срок порядочный. Раньше таких разрывов не было. Я стараюсь писать каждые 5 дней, а если и случается, что проходит больший срок, то это потому, что стоим мы в таких местах – где-нибудь в горах. Теперь характер работы несколько изменился – сплошная бешеная езда сменилась просто ездой и длительным, по 2-5 дней, стоянием на месте, как то было на Хуалазе, в Судзухинском заповеднике и Лысой горе, здесь, в Старо-Варваровке и в Кедровой пади, откуда мы только что вернулись. В первый день была хорошая погода. Удалось много пофотографировать на цветную пленку. Желтые бузульники, нежно-розовые астильбы, вероники, белые лабазники и так далее. Потом погода испортилась, все небо затянуло. Началась морось, потом дожди, продолжавшиеся трое суток. Собрал там Asarum, Plectrantus. Возвращались через

Уссурийск и Горно-таежную станцию. Заезжал к Саше – местному орнитологу, ездившему с нами в первую поездку. Вся обувь моя основательно пообтрепалась. Но с остальными вещами полный порядок. Все целое и чистое.

Приобрел здесь несколько книг – «Флору Дальнего Востока» Комарова и Клобуковой-Алисовой, но только второй том, труды Сихотэ-Алиньского заповедника и еще кое-что. Вчера, засыпая под стук дождя, мне представилось, что ты стоишь под буком и что Олечка тут же играет и «фантазирует». Главное для тебя сейчас – не волноваться, быть спокойной. Знай, будь уверена, что я тут в полной безопасности, что сколько бы времени ни прошло – мы встретимся, снова будем вместе, теперь уже вчетвером.

Интересно все-таки, как дела с моей диссертацией, хотя почему-то меня это совсем не волнует. Признаться, мне совсем не хочется защищаться и возвращаться к уже законченной теме. Хочется поработать над чем-то, еще не совсем известным, выяснить что-нибудь, открыть. А за этим, кажется, у меня дело не станет, лишь бы меньше мешали.

Скоро едем в Забайкалье, поэтому ответ на это письмо пиши уже в Читу, где мы будем примерно до 20 августа, до конца месяца».

«**1 августа**. Майка, дорогая! Виппер прислал письмо с выражением неодобрения в том, что не прислал ни одной посылки. А посылки посылать еще рано. Я буду тут до конца сентября, осенью самое время посылки посылать и посадочный материал, а сейчас большинство объектов к тому же только начинает зацветать. И я уже послал три посылки с мениспермумом и другими видами. Но, в общем, сделано действительно мало. Мало собрано образцов на химический анализ, потому что я тут в этой экспедиции сбоку припеку, при малейшей задержке чувствуешь недовольство. К тому же все эти объекты, кроме мениспермума, не такие уж частые. Что касается семян, то они вовсе не созрели, собирать нечего. Сейчас положение еще больше осложнилось. Виларовцы собираются в Забайкалье (на август), у меня командировка только в Приморье. Послал вчера Випперу телеграмму с просьбой работать в августе в Забайкалье, но не знаю, как к этому отнесется, скорее всего, отрицательно. Можно бы ехать и без всякого разрешения, но так мне не оплатят ни дороги (большую часть дороги нужно ехать по ж.д.), не будет командировочных, чего доброго, посчитают все это время прогулом. А оставаться тут одному тоже не особенно приятно. Транспорт ходит редко, никуда в глушь не заберешься, а если и заберешься – где остановиться? Как быть с гербарием, который у нас общий, сидеть и отбирать свое? После все равно мне надо в Хабаровск, возвращаться с полпути ещё больше неприятно. Так что чувствую себя довольно-таки паршиво. В последний раз ездили на 5 дней в Чугуевский район для сбора Saussurea pulchella, Thalictrum baicalense. Нужно было собрать полтонны сырья. Выкапывали, как черти. Жили рядом с пастухами. Хорошие люди. Делились с нами продуктами, жильем. Страшно донимала мошкара. От нее одно спасение – дымокур. Суй голову в дым, отдохнешь от мошкары. Потом отдыхай от дыма».

Задание по сбору образцов Андрей выполнил. Беспокойство Виппера было напрасным. Усилия Андрея – тоже. Через два года Виппер ушел из Главного ботанического сада. Тема заглохла. Андрей к внутривидовой изменчивости относился более чем прохладно, и материал, собранный

с таким трудом, так и не был им реализован.

«**6 августа**. Вечер. (Письмо написано слабым карандашом. Трудно разобрать). Майка, дорогая! Все время страшная гонка. Переезжаем из Приморья в Забайкалье. Выехали из Варваровки 3, сегодня 6. За 4 дня 750, кажется, не так уж много. Едем с остановками, собираем по дороге (далее несколько строчек совершенно невнятно). В Хабаровск прибыли рано и ждали в канцеляриях разрешения на перевозку час. Несмотря на это, в Хабаровске не успел переделать всех дел – отметить командировку в горисполкоме, получить письма до востребования. От Виппера телеграмму, сколотить и отправить посылку. На почте страшная очередь. Ждал полчаса. Все недовольны такой задержкой. И в результате приехали на паром за полтора часа до его отхода. Сейчас как раз переезжаем Амур. Река, конечно, широкая, но воображения она не поражает.

Ширина его, вероятно 1,5-2 км. А ведь Амазонка целых 20! Но по сравнению с европейскими реками – это, конечно, гигант. Я вспомнил тут Оку в Белоомуте, и она мне кажется смешной. Сейчас развернулись посреди течения, стала видна панорама вниз по течению, и тут, действительно, Амур стал похож если не на море, то на большое озеро. Но вот мы уже приближаемся к противоположному берегу. Хабаровск позади. Большой город такого же порядка, как, положим, Ташкент, как Ереван. Но величина за счет грязных окраин, центр – настоящий город – небольшой, причем не имеет никакого стиля. Большинство зданий советской эпохи, что не может украсить никакой город. Красивых купеческих домов XIX века немного. Но даже близ центра есть деревянные дома. А так ничего, есть кое-какая зелень. Впрочем, из-за спешки не успел его рассмотреть, и даже письмо приходится писать уже по выезде. Ну, всего, не грусти».

«**12 августа**. Майка, дорогая! Третий день едем на платформе товарным поездом из Биробиджана в Чернышевск-Забайкальский. Сегодня уже 12 число, приедем, вероятно, не раньше 14. Из Забайкалья в Уссурийск вернемся тогда не ранее 15 сентября, а уже 30 мне надо быть в Москве. Так что с моей стороны чистейшая авантюра – ехать в Забайкалье. Рискую ничего не сделать, остаться на бобах. Вероятно, из Забайкалья придется возвращаться самостоятельно, поездом через Борзю, и тогда в Читу я вряд ли попаду. Очень сильные задержки получились с погрузкой и отправкой машины. Да и сам товарный поезд идет с большими задержками. Три дня мы проторчали в Биробиджане. Здесь и в самом деле много евреев. Сам городок маленький и довольно безалаберный. Рядом со старыми деревянными домами, окруженными зеленью, – новые 3-4-этажные с облупливающейся штукатуркой. Огромный кинотеатр с колоннами в сталинском стиле.

Жизнь на платформе имеет свои преимущества и свои недостатки. Преимущество то, что нет никого посторонних, недостаток – льет в сырую погоду. Только сегодня нет дождя, а то начался с седьмого числа, и до вчерашнего дня погода была страшно сырой, морось, туман. Довольно-таки неприятно, когда кругом сыро и капает, хорошо хоть не холодно и нет гнуса. В ночь после переправы через Амур была тьма-тьмущая комаров. Они проникли даже в палатку и совершенно не давали спать. Забрался в мешок с головой. Жарко, душно, а со всех сторон слышится тонкий писк – летят. А вне палатки комаров – тучи, звон стоит. Третий день отдыхаем. Кончилась горячка.

Теперь скорость нашего движения от нас не зависит. Состав идет быстро, но уж очень часто останавливается, и иногда до вечера, надолго. Переформировка. Один вагон отцепляют, другие прицепляют, и это часов на 5-8. И вот снова мелькают сопки, покрытые мелким лесом, березой, лиственницей, речки, ручьи. Но что это мне дает? Я как Радищев. Кто я, зачем, куда я еду? Майка! Дорогая! Временами мне становится так тяжело, грустно и так тяжело, что страшно становится тяжело от одиночества. Несмотря на «общество», я здесь совершенно один, и чем дальше – тем больше и больше в этом убеждаюсь. Но! Только не поддаваться, не поддаваться унынию, верить и знать! Твой Андрей».

«**20 августа.** Майка, дорогая! Приехали в Забайкалье 13, сегодня –20. Уже неделя, как быстро! Из Чернышевска поехали в Нерчинск – пыльный городишко, совсем как деревня, только в центре несколько одноэтажных каменных побеленных зданий. Базар бедный, но есть и помидоры, и огурцы, и картошка. Из Нерчинска поехали в Шилку – городишко побольше Нерчинска, но этого же типа. Река Шилка не произвела того впечатления, что в начале лета. Пообмелела. Потом направились в Первомайск – новый индустриальный центр. Большой рудник, совершенно новый поселок, но все уборные во дворе! Из Первомайска в Мойгойту – станция на ветке, идущей в Китай. Дорога по холмистой степи, безлюдная. Оттуда – в Агинское, центр Бурятского округа. Здесь я прожил три дня, пока экспедиция ездила за заготовками. Окрестности живописные. Небольшие всхолмления, степи, березовые перелески. Эти березки напоминают мне Подмосковье. Такие же белые и плакучие. Стало ужасно тоскливо. Погода была вначале хорошая, ясная, курчавые облака. Потом началась гроза, и на следующий день небо совсем затянуло. Началась морось, как в Приморье. Стало холодно и сыро. Сам поселок более или менее приличный, две улицы, даже асфальтированные. Есть книжный магазин, в котором на видном месте стоят «Труды 12-й конференции урологов», рядом – «Основы политических знаний». Буряты самые разнообразные. Встречаются еще выезжающие в город на лошадях в пестрых одеждах, но в городе ходят уже в модных костюмах и платьях. Как-то странно видеть человека с плоским желтым лицом и узкими глазами, одетого, как в Москве. Сейчас мы уже проехали Джугджур, как раз на юг от Читы, и едем дальше на юг на границу с Монголией, где будем восходить на гору Сахандо – 2200 м. Сейчас погода как будто проясняется. Народу у нас опять поубавилось. Трое фармацевтов уехали в Ленинград. Скоро уедут и другие, останемся мы с Мишей».

Число не указано. «Даурия. Майка, дорогая моя, любимая! Если бы ты знала, как я по тебе соскучился. Ужасно одиноко. Не с кем поговорить по душам, поделиться, хуже всего то, что ты не можешь видеть моими глазами. Даурия – совсем другой мир, совершенно своеобразный, ничего подобного я до сих пор не встречал. Еще когда я ехал на поезде на Дальний Восток, я обратил внимание на это своеобразие. А теперь, проезжая на открытой платформе, можно было убедиться, что степи начинаются как-то внезапно: еще за 8 километров перед Чернышевском была тайга, лиственничники, а потом как-то вдруг – степи. Совсем другие в сравнении с Дальним Востоком. Уссурийские элементы идут на запад очень далеко, почти до Сковородино, постепенно редея. Широколиственые леса беднеют, остается почти один дуб, количество березы увеличивается, появляются сосны, лиственница. Интересно, что на Дальнем Востоке лиственница растет только на болотах, сфагновых, к северу и западу переходя на склоны. Итак, переход от Д.В. к Сибири – постепенный, Даурия имеет довольно резкие границы. Очень своеобразная степная область, резко отличная

от остальной Сибири. Да вряд ли ее можно причислить к Сибири. Вообще южная граница этой последней отсутствует как таковая. За нее обычно принимают нашу государственную границу. Но ведь это не принцип для географии! Даурия явно тяготеет к Монголии. Горные, гористые степи с небольшими островами кое-где низкорослого березняка или лиственничника. Приятно после лесного Приморья попасть в место, где взгляд не встречает никакого препятствия до самого горизонта. Бесконечные цепи холмов, то более пологих, то довольно острых, одетых ярким степным ковром. Правда, распахано здесь довольно много, еще большая территория степей скашивается, на больших пространствах можно видеть бесконечные ряды стогов. Но население здесь кое-где еще довольно редкое, так что хороших участков еще много. Несмотря на позднее лето, степь еще цветет, как и цвела она два месяца тому назад, когда я проезжал на ДВ. В отличие от европейских и казахских степей, здесь преобладает красочное разнотравье, а не злаки, – ковыли, типчаки или тонконоги. Особенно много тут астр и грудниц – близких к астрам. Розового цвета синие бубенчики – аденофоры, дельфиниум крупноцветковый – тоже синий, но цвет его гораздо гуще, глубже. Лиловые скабиозы, песчанки, синие горечавки, темно-коралловые кровохлебки также образуют в северной части целые сообщества, такого же цвета чемерица, розовые луки. А вот желтого цвета здесь мало, можно сказать, он почти отсутствует. Это невзрачные володушки, редкие лапчатки. Флора березняков же сибирского типа – шиповники, смородины, ландыши, бузульник».

Середина августа. «Майка, дорогая! Только что вернулись из похода на Сохандо, гору близ границы с Монголией. База – в деревне Алтан Кыренского района. Деревня большая, грязная. Деревьев мало. Живут русские и буряты и 3 грузина, строящие свинарник. Вокруг холмы, покрытые с севера березово-лиственничными перелесками, с юга – степь. Сначала 12-15 километров мы проехали на машине вдоль реки Агуцакан. Потом дорога кончилась, пошли пешком. Было это днем 21. Пошло нас четверо. Я, Миша, Рита, Гена – молодой преподаватель из фарминститута, с такими же претензиями, как молодой Бобров, и говорит на «э» – «бэсподобно!», «нэобыкновенно» и т.д. Но в последнее время стал отучаться от этой привычки, гонор сбавил. Нагрузились мы, как черти, рюкзаки огромные со спальными мешками, палаткой, продуктами на 5 дней. Идти было тяжело. К тому же я в последнее время был нездоров. Побаливало горло, а от этого и глаза, и сердце. Но сейчас все это в прошлом; нет лучшего лекарства, чем ходьба с грузом по горам! Так вот, вышли мы днем, нагруженные, как черти, солнце палило, речка шумела рядом. Вокруг были еще степные склоны, лес только на гребнях, в долине – осоковые болота. Но степных склонов становилось все меньше, розовые астры, синие мордовники и живокость, серебристые эдельвейсы, желтые володушки оказались постепенно под пологом леса. Но леса еще светлые, с большими полянами; лиственницы и береза, сосна. Редкие кустарниковые березы и рододендрон даурский. Но вот степные склоны исчезли вовсе, сами степные травы стали редкими, в лесу стало сырее – больше мха, более густой кустарник. Стало вечереть, повеяло прохладой, а мы все идем и идем, вверх и вниз, вверх и вниз. Признаюсь, я порядком устал, да и другие, думаю, тоже. Наконец остановились, поставили палатку, разожгли костер, сварили ужин, попили чай. Пришла ночь. Между ветками таинственно мерцали звезды. Стало более чем прохладно. Но в спальных мешках тепло. А вот комары холода боятся, так что никакие кровососы не беспокоили. На следующий день продолжили подъем. Береза постепенно стала исчезать, осталась одна лиственница, но потом появился кедр. Исчезли почти все травы. Зато появился багульник, голубика, водяника, линнея, еще

выше – кедровый стланик. Но здесь лес уже начинает редеть, подходя к своему верхнему пределу. Однако для чистых лиственничников довольно характерно господство кустарников и очень слабое участие трав. Багульники и голубика появляются только на болотах, но потом растут и на совсем сухих склонах. Постараюсь припомнить состав лиственничных и кедрово-лиственничных лесов. Кустарники и кустарнички: рододендрон даурский, курильский чай – дазифора, березка тощая, березка Миддендорфа, брусника, голубика, багульник, линнея, можжевельник сибирский, жимолость съедобная, малина, спирея –Spirea alpina, барбарис – Berberis mongolica, княжик. – Atragene. (далее две строчки совершенно неразборчиво!) травы – акониты, зонтичные, лигулярия – обитатели сырых мест. Много мхов и лишайников. Итак, светлохвойная тайга отличается от темнохвойной преобладанием в видовом отношении, и особенно по количеству массы – кустарников, кустарничков, деревянистых форм, споровых, кроме мхов и лишайников, здесь почти нет, папоротников очень мало – Dryopteris linneana, Athyrium crenarum. Путь ее развития был, очевидно, иной, чем темнохвойной. Если последняя развилась из богатого смешанного третичного леса, то светлохвойная, вероятно, из бедных высокогорных сухих смешанных лесов.

Ну ладно, хватит пока об этом. Наконец, после нескольких утомительных подъемов и спусков мы, наконец, пришли к земле обетованной – маленькой избушке–полуземлянке, оставшейся от геологов. Это было блаженство – спать в настоящем доме. На следующий день было восхождение на вершину. Здесь-то я, наконец, вновь обрел свою спортивную форму и вырвался далеко вперед. Миша и компания собирали образцы для анализов, а я не утерпел и пошел вперед. Влекут меня к себе вершины, и хотя это ребячество, но мне до сих пор хочется побыстрей на них взобраться. Так и на этот раз. Лес стал редеть, деревья стали низкорослыми. Лес стал образовывать большие острова. Потом деревья совсем поредели. Но зато сколько зелени, сколько цветов вдоль ручья. И это в середине августа! Большие синие водосборы, колокольчики, желтые лютики, розовые мотыльковые. А тропинка идет вверх и вверх. Уже лес кончился, камни и болота. Вот еще очередной подъем, и тропа поползла на саму вершину. Под ней – ровное болотистое пространство, пересекаемое ручьями, потом крутой подъем. Все вверх и вверх по камням. Кажется – вот последний подъем, и еще, и в конце концов оказывается, что никакой вершины нет – просто обширное плато, слабо покатое каменистое плато, куда ни кинешь взор. И ты один во всем мире среди этого каменного безмолвия. Камни и небо с редкими облаками – и все.

Все чаще и чаще на меня стала нападать ужасная тоска. Откровенно говоря, надоело. Все надоело, и машина, и дорога, и спутники. Эти особенно. Знаешь их вдоль и поперек, знаешь, когда и какую скажут гадость. Да уж и осень приближается. Среди зелени берез уже желтеют отдельные листья. Домой хочется, в Москву, к тебе, к Олечке. Когда ты получишь это письмо, у нас уже будет еще Павлик или Вероника! Так хочется обнять вас всех вместе, высказать все, что у меня на душе. Как здорово мы ездили с тобой вдвоем и как сейчас обидно и горько быть одному. До того тоскливо становится, что хочется лечь и ничего не делать. А впереди еще столько работы, и даже из экспедиции я смогу выбраться не раньше конца сентября.

Потом я вышел к большому обрыву. А впереди, среди камней, большие блюдца озер. Спускаться было очень утомительно. Круто, камни сыпятся. Вокруг озера. Настоящая

тундра. Карликовые ивы, дриада, карликовый кедровый стланик. А потом все повторилось в обратном порядке. Сверху хорошо видно лес в долине и поднимающиеся по склону отдельные деревца. На следующий день после полудня двинулись в обратный путь. Груза было не меньше, чем по пути сюда; прибавились образцы, сборы. Но идти было легче, обратно – это не туда! Ночевка в том же месте, что и в первый раз. И вот уже сегодня утром – последний переход. Появилась береза, степные растения, лес посветлел, пошли поляны. Долина как бы раздвинулась, лес отодвинулся. Болят плечи, поясница, но все равно – как можно быстрее. Как медленно приближаются знакомые места! Но вот они уже позади, и весь поход! Не хочу расстраивать себя и поддаваться меланхолии, но так бы хотелось побыть с тобой, никогда больше не расставаться!»

11 августа в Батуми у нас родился сын Павел.

Письмо Андрея от **30 августа**. «Майка, дорогая моя! Только вчера получил все твои письма, и это ошеломляющее известие. Признаться, я рад, что все так рано произошло, раньше тебе можно будет освободиться, раньше начать ездить.

Если бы ты могла увидеть меня, я стал похож на пирата или Робинзона Крузо. Всклокоченные волосы, блуждающий взгляд, густая свалявшаяся борода. Не пугайся, это я так, для художественности. Хотя у меня на самом деле густая борода, но вовсе не свалявшаяся и не всклокоченная. Надеюсь, что кое-какие фотографии выйдут или даже, может быть, сохранить кое-какую бороду до встречи с тобой. Может быть, я тебе понравлюсь бородатым? Да, теперь у нас сын и дочка, мы с тобой богачи по нашим временам. Здорово. Павел Андреевич – это конечно ничего оригинального, но ведь главное – содержание, а не то, как назвать.

Произошли важные события. Пименовы поругались с Генкой, о котором я писал тебе в прошлый раз. Не поделили гербария. Потом я поругался с Мишкой. Буквально не дает работать, торопит и торопит, чуть ли не матом ругается. Я даже хотел бросить их, но Валя и Клавдия Федоровна взяли мои вещи и погрузили. Я ругал себя за мягкость, но сейчас не жалею, что остался. Удивительно, есть люди, которые тебя в грош не ставят, пока им не дашь по морде. А сейчас он со мной и внимателен, и любезен даже. С кем я б.м. сошелся, это с Сашей из Приморья, из Горно-таёжной станции, который подарил мне кеды, которые ему оказались малы, и Валеркой – простой парень, любит на себя напустить, но не вредный и добрый. Мы с ним договорились, что мы с тобой приедем к нему в России на майские праздники. Теперь, к сожалению, он уехал с Ритой в Москву. Завтра уедут и фармацевты – Гена и Клавдия Федоровна. Останемся мы с Мишей, да Валей, да шофер. Время напряженное. Мы здорово задержались, теперь приходится гнать. Даже письмо написать нужно, выкроить время, и притом на тебя косо смотрят как на бездельника».

«**3 сентября**. Майка, дорогая моя! Вот мы и уезжаем из Забайкалья, опять в Приморье. Машина стоит уже на платформе, скоро ее прицепят к товарняку и ту-ту… Помню, как мы грузились в Биробиджане, ночью, в дождь, холод, все мокрое; надо крутить проволоку, забивать упоры. Потом под таким же дождем все пришлось переделывать заново. Здесь же всё благополучно.

Вчера был мой день рождения. Нас осталось всего четверо. Пили виноградное вино –

в простых бутылках без этикеток. Очень хорошее. Появление сына также было отмечено, еще там, на озерах. Тоже пили, но уже спирт.

В прошлый раз не написал о маршруте. После Сахандо – Торейские озера, Борзя, Нерчинск. Еще я самостоятельно ездил в Агинское. Районы озер – типичная Центральная Азия. Степи здесь уже не луговые – с кровохлебкой с грудницами, а с ковылями, келерией и типчаком. Много солонцов, заросли низкорослой Caragana pigmaea . Интересно, что по Онону, от границы до ж.д. на Борзю – большой район сосняков. Парковые сосняки. Сосны как у Шишкина в его «Ржи». Большие, разлапистые. Севернее Онона – пески, местами развеваемые, похожие на барханы. Еще севернее, но южнее Агинского – опять солончаковые степи, среди которых кое-где соленые озера. В этом пустынном районе пасут большие стада овец. Буряты живут в юртах.

Здесь я в первый и последний (в этот приезд) раз увидел юрты. Заходил в одну внутрь. Очень культурно. Чисто, всюду кружева, кровати, швейная машинка, фотографии. В районе Борзи тоже сухие солонцеватые степи. Да, здесь-то я как раз и получил все письма и это неожиданное известие. Потом, севернее, потянулись хребты, и на них – уже северная, сибирская флора – березово-лиственничные леса с рододендроном даурским, голубикой, багульником… и так до самой Шилки, а потом снова степи с березовыми перелесками.

Собрал интересный материал по Menispermum, Saussurea pulchella. В общем, съездил не зря».

«**7 сентября**. Майка, дорогая! Находимся в пути, торчим, жаримся на товарной станции в Хабаровске. Кругом ж.д. пути, вагоны, цистерны, запах гари. Небо безоблачное, солнце жарит. Да, тут еще жарко. А вот в Забайкалье в последние дни было уже прохладно, а по вечерам и особенно ночью - так просто холодно. Первые две ночи по выезде из Чернышевска (3 сентября) даже в спальных мешках ощущался сильный холод.

Здорово ехать на платформе. Как в панорамном кино. Думаю, что именно это сравнение здесь уместно, хотя и не был в «панораме». Кругом волны воздуха, ветер в лицо, мимо плывут сопки, одетые лесом, широкие долины, голубые реки. Снова проезжали Сибирь. Та же лиственница, но березы уже заметно пожелтели, а на болотах внизу сплошная красно-малиновая голубика. Снова проезжали Ерофея Павловича и Сковородино. Поселков мало, станции редки, все сопки и сопки, леса и леса, перемежающиеся болотами, прорезанные реками. Безлюдно, однообразно на сотни километров. Потом пошли равнины. Зейско-Буреинская низменность, Дальний Восток. Дуб появился впервые в виде низких кустов. За ним вяз, ясени. Больше стало поселков, лес сменился полями. Но за Буреей вновь горы Малого Хингана. Тут уже чисто дальневосточные леса из широколиственных и темнохвойных. Особенно выделяются ясени с их перистыми листьями и зонтиковидной кроной. Лиственница занимает лишь заболоченные долины, не поднимаясь вверх по склону. Очень интересно. На ровной поверхности долин – однообразный лиственничный покров, по склонам смешанный хвойно-широколиственный лес. В долинах, конечно, холоднее, и почвы бедные, заболоченные. Там же, где нет заболоченности, – рощи из ольхи. Вообще, думается мне, что лиственница, а вместе с ней и багульник, голубика,

брусника и другие кустарнички – более выносливые по сравнению с темнохвойными и широколиственными, занимающие более бедные местообитания уже и в третичных лесах.

Уже сейчас 7 сентября. Прибудем мы на место не ранее 9. Товарняк на перегонах идет быстро, но подолгу стоит на станциях. Прицепляют, отцепляют, гоняют взад-вперед, а то и просто стоим, хорошо час, а то и по 5-8, а в Хабаровске мы с утра, а сейчас уже 3. На станциях ходим в столовые. Ужинаем – в машине. Темнеет теперь рано. Ложимся в 9-10, встаем в 7-8, спим по 9-10 часов! Вот это отдых. Но скучать не приходится,– главное занятие – созерцание дороги, потом гербарий, чтение».

«**12 сентября**. Майка, дорогая! Наконец-то могу сесть и писать более или менее спокойно. Приехали в Варваровку девятого. Да, Приморье – это все-таки здорово. Сопки, покрытые не однообразным лиственничником, а густым кудрявым лесом. Долины словно парки, полные цветов, только вместо лилий и пионов присоединились астры, акониты, клопогоны! Название не из привычных, но соцветия в виде серебристого султана, очень красиво! Все еще зеленое, даже березы, но все же кое-где да мелькнет красная ветвь клена или палевый вяз. Погода хорошая, тепло, днем можно ходить в майке, солнце еще горячее. Но по ночам уже холодно. Утром все горы одевает туман, когда всходит солнце, он розовеет, блеснет и, разрываясь клочьями, тает. С окрестностей как будто снимают пелену, и окрестные горы вновь встают над Варваровкой. В лесу хорошо, тихо, спокойно. Кругом зелень, зеленый океан, зеленый мир. Цветов уже мало, все те же астры, доцветающие аденофоры, акониты, патринии – желтые. Но вот плоды – те разнообразнее и, главное приятнее и на глаз, и на вкус – идешь, идешь и вдруг на фоне зелени ярко-красные кисти – плоды лимонника, на вкус довольно кислые, как ни странно, вовсе не «освежают». Или черные гроздья винограда – тоже довольно кислого. Есть здесь местный, культурный виноград, но ни с кавказскими сортами, ни со среднеазиатскими его не сравнить. А дыньки просто смех – и мелкие, и невкусные. Арбузы – лучше. Помидоры, огурцы здесь дешевые. В местной столовой нам дают их бесплатно. Да и вправду сказать, на здешних совхозных огородах и те, и другие на 90% сгнивают без всякой пользы. Ужаснейшая бесхозяйственность. Но, в общем, с питанием здесь все благополучно, всего вдоволь, сравнительно дешево.

Изменчивость объектов изучена, образцы собраны (на хим. анализ), посадочный тоже, семена есть. Хочется поскорее взяться за теорию, прочесть кое-какую литературу и обобщить кое-какие данные, в общем, наработать что-нибудь вроде статейки. В журналах мои произведения не очень-то котируются. Ну, еще какие-нибудь дней 20, и все, в Москву, а там и на Зеленый. За меня, мою внешность не беспокойся. Я хоть подзарос, но хожу во всем чистом. До сих пор я поражаю народ какой-нибудь своей рубашкой. На следующий день по приезде был в местной деревенской бане – парной избе. Полотенца свои я стираю сам. Сейчас все мое тряпье висит на веревке, проветривается. Письма тебе для меня как дневник».

«**21 сентября**. Майка, дорогая! Вот мы и опять в пути, на побережье, юго-восточнее Владивостока. Берег здесь чрезвычайно изрезанный: многочисленные заливы, проливы, бухточки, острова, полуострова, лиманы, косы, скалы, болота, горы, равнины, леса. В общем, чрезвычайно пестро и красиво. Леса здесь, правда, препаршивые, дубняки без подлеска и подроста, потому что здесь кругом

оленеводство, и олени все вытаптывают и сжирают. Оленей большие стада, подпускают к себе близко. Стоят все как один, обернувшись к тебе и растопырив уши, а потом внезапно засвистят и поскачут галопом.

Но там, где леса нетронуты, они просто великолепны. Множество лиственных пород и черная пихта (Abies halophylla), обычно возвышающаяся над общим уровнем леса в виде маяков. Крона ее канделябровидная, похожа на араукарию. Лиственные самые разнообразные, с огромными веерными кронами, уже начинающие краснеть, аканто, кало- и эхинопанаксы с дланевидными листьями, ясени и орехи с огромными перистыми, много кленов с ажурной листвой, липы, вязы, березы, то с крупными, то с мелкими листьями, много лиан, и среди них сейчас особенно выделяется виноград. Плети его уже кое-где стали темно-красными, даже вишневыми. Вообще в осенней раскраске здесь преобладают темно-красные тона, желтого пока мало, а поэтому издали незаметно никакого осветления, как в осеннем лесу у нас в России или на Кавказе в буковых. Путешествие наше продлится, по всей видимости, еще дней 5. Сегодня 21, значит, в Уссурийске буду числа 26-27, и уехать, как я предвидел с самого начала, мне удастся не ранее 29-30. Хорошо бы еще на день съездить во Владивосток, поработать в гербарии. Вчера на скалах нашел интересную форму Saussurea pulchella, надо бы ее как следует «прощупать». В общем, хорошо, что деньги так задержали, будет уважительная причина моей задержки.

Тут на юге значительно теплее, чем в этой Варваровке. Даже ночью не дрожишь от холода, а в спальном мешке даже жарко. Ночуем мы обычно в помещении, но вчера засыпали под шум волн на берегу, в палатках».

«**26 сентября**. Майка, дорогая! Окончилась последняя поездка дальше на юг, в Посьет. Я ожидал увидеть хоть небольшой городишко, а оказалась просто большая деревня, безобразно разбросанная по прибрежным холмам. Улицы грязные, даже двухэтажных домов нет. Очень романтическое и таинственное название «Посьет», а такая проза в действительности. Потом отправились еще дальше на юг, на полуостров Гамова, в 20 километрах от Хасана и границы. Как ни странно, местность здесь настоящая лесостепь. Редкие кусты Quercus dentata, леспедецы и заросли Miscantus – злака с серебристыми метелками. Раньше, конечно, леса было больше, но все же имеется ряд уже не лесных растений Sophora flavescens? Cimicifuga (невнятно видовое название) Plectrantus serra. По самому побережью обширные болота – явно бывшее дно моря. Береговая линия четко выступает в виде гряды холмов, отдельные из которых островами возвышаются среди болота. И наоборот. Далеко в сушу вдаются озера – бывшие заливы, отделенные от моря болотистой равниной. Болота осоковые, но как ни странно, на них есть и полынь, и стахис. Полыни здесь интересные. Побеги двух родов – обычные цветоносные метелки и ассимилирующие с мутовкой листьев на верхушке.

По крутым каменистым склонам – низкорослые курчавые дубняки с Betula Schmidtii и подлеском из рододендрона Шлиппенбаха – похожего на азалию и Rhododendron mucronulatum, близкого к рододендрону даурскому. И еще здесь диервилла. Представляю, как здесь здорово во время цветения рододендронов и диервил.

Но главная здешняя достопримечательность – это поэрария, Poeraria hirsuta. Огромные изумрудно-зеленые плети поднимаются по отвесным каменистым

обрывам. Как раз под этими поэрариевыми обрывами мы и ночевали на берегу моря в старом доте – некая железобетонная землянка из двух комнат уже давно служит убежищем для пастухов, рыбаков, охотников. Комнаты, собственно, без окон, на полу постлано сено, имеется запас дров, свечи. Все хорошо. Сварили ужин, чай, улеглись в теплое мягкое сено, но поспать как следует не удалось – комары особые японские, рыжие. И как только они ухитряются пробираться через железобетон – непонятно. Местность здесь довольно малолюдная, но полно лошадей.

После посещения поэрарии отправились на север. Погода испортилась, полил дождь. Он лил все лето, некоторые дожди оставили по себе глубокую память, как, например, на Лысой, в Биробиджане, на Корейских озерах, в Забайкалье. Этот тоже был не из приятных. Ночевать пришлось в дороге, и вот он поливал всю ночь наши палатки. К утру они стали протекать, пришлось вылезать. Мерзкий сырой сумрак, низкие-низкие тучи, чуть ли не касающиеся верхушек деревьев, сильный промозглый ветер и дождь, то только крапающий, то льющий как из ведра. А тут еще пришлось грузить ульи – у нас кончился бензин, и за то, что нам его дали, нам пришлось выполнить эту работу под проливным дождем при сильных порывах ветра. Хорошо, что у меня были сапоги и полиэтиленовый плащ.

Сейчас 26 сентября. Находимся вновь на Горно-таежной станции близ Уссурийска. Завтра экспедиция уезжает, и я наконец-то остаюсь один. Можно сказать – и моя деятельность тут заканчивается. Осталось отослать две посылки и досушить гербарий. Денег все нет. Да это и к лучшему. Успею не спеша все закончить и хоть немного отдохнуть. От Виппера довольно мягкое послание. Он поздравляет нас с сыном, в особенности тебя».

«**30 сентября**. Майка, дорогая! Чудесное время здесь настало, золотая осень. Краски, краски и краски. От темно-красного до зеленого. Все оттенки; светло-желтые, лимонный, золотисто-желтый, красный, палевый, розовый, лиловый, вишневый. Лес издали весь пестрый, основной тон розово-золотистый с яркими темно-вишневыми пятнами местами. На опушках заросли золотистой леспедецы – золотого дождя. Да, такой красоты я еще не видывал. Особенно красочно в яркий солнечный день, когда все краски играют и живут на фоне ярко-голубого неба и белых облаков, ярко-красные плети винограда среди золотисто-желтой листвы на фоне голубого неба и белых облаков! Но в пасмурную погоду, когда небо низкое, хмурое, краски смягчают эту серость, нет такой суровости, как летом. Но умиротворением или засыпанием это не назовешь. Это вспышка пламени, горение феникса. Сейчас кульминация этой вспышки, но уже началось угасание. Даже в тихую погоду, находясь в лесу, видишь то тут, то там кружащиеся и падающие листья, а в пасмурную погоду поднимаются уже во время порывов ветра целые стайки листьев. Лес значительно посветлел, кое-где уже голые сучья торчат и даже небольшие деревца. Еще вчера дерево было в красочном малиновом наряде, а сегодня оно уже почти голое…»

Я с детьми осталась на всю зиму 1963 года и весну 1964 в Батуми. Из-за отчетов, оформления диссертации Андрей никак не мог выбраться на Зеленый мыс. Приехал только в декабре.

Я стою на платформе «Зеленый мыс». Сейчас из тоннеля появится поезд и остановится всего на одну минуту так, чтобы пассажиры могли только соскочить на платформу. Я с Андреем не виделась с июня, больше полугода. За это время у нас родился сын. С поезда спустился почти

незнакомый мне бородатый человек. Вид у него был необычный. С тех пор Андрей носил бороду, часто долго ее не подстригая. Я привыкла. Да так было удобнее, не нужно просить и требовать, чтобы он побрился.

Засыпанные снегом, мы вместе встречали 1964 год.

В середине января снегопад, накрывший Колхиду, шел на спад. Установилась ясная теплая погода. Светило солнце, таял снег, журчали ручьи. На быстро подсыхающих дорогах валялись ветви, шишки, кора эвкалиптов, сброшенная тяжелым снегом. Андрей, уезжая в Москву, с грустью говорил о том, что здесь, на юге весна, а в Москве снег, холодно и одиноко без нас.

На материалах, собранных на Дальнем Востоке, Андрей написал статью «Археофиты и неморальный комплекс во флоре тайги». Эта статья была принята в «Ботаническом журнале». Редкий для Андрея случай. Подготовлена рукопись монографии «Эремурусы и их культура». Готов и автореферат диссертации.

Публикации 1963 г.: Вышли из печати: « Морфология побега осоки стройной и некоторых других осок секции Acutae Fries», «Эволюция форм роста в порядке Liliales», «Новый подснежник с Кавказа», « Биолого-морфологические особенности рода эремурус в связи с его эволюцией», «Сравнительная биология эремурусов и других эфемероидов». Все они без исключения опубликованы в Москве, в бюллетенях МОИП и в бюллетенях ГБС. Несколько статей о происхождении однодольных были отосланы Андреем в «Ботанический журнал». Они все получили отрицательные рецензии. Главные замечания – необычный подход к происхождению однодольных от древесных форм, сближение пальм со злаками. Эти положения противоречили общепринятой точке зрения.

Поездки 1963 г.: Май. Поездка в Малоярославец. Июнь-сентябрь – экспедиция на Дальний Восток и в Восточную Сибирь.

20-25 марта 1964 года состоялось второе совещание по филогении растений. Андрей делал доклад на пленарном заседании на тему: «Относительная изменчивость и скорость эволюции вегетативных и генеративных органов у высших растений». Его фамилия стоит рядом с такими, как Н.П.Дубинин, Я.И.Проханов, А.В.Благовещенский.

Павел Борисович Виппер поддержал публикацию первой монографии Андрея «Эремурусы и их культура». Он же рекомендует к печати в Бюллетене Главного ботанического сада статью «Подснежники Черноморского побережья Кавказа», которую никак не мог пробить Андрей в «Ботаническом журнале». В Ботаническом институте в Ленинграде работала группа специалистов по однодольным во главе с З.Т.Артюшенко. По лилиям работала М.В.Баранова. Именно они считали себя главными в этой области и давали на статьи отрицательные рецензии.

Глава четвертая: Перед отъездом на Север. Камчатка. Якутия. Магадан (1967-1969)

1967 Монографию о происхождении однодольных к печати в ГБС не приняли.

Зимой 1967 года умер академик В.Н. Сукачев. Совсем недавно мы видели его у нас на семинаре. Теперь он лежит в гробу, в Доме ученых на Кропоткинской улице. У гроба небольшая группа ученых: академики, его коллеги. Говорят о его заслугах в тяжелое время для биологической науки и его гражданской позиции. Об опытах, опровергающих так называемые открытия Трофима Лысенко, о публикациях на эту тему в «Ботаническом журнале». Т.Лысенко среди

прочих «открытий» утверждал, что рожь переходит в пшеницу. Т.Лысенко утверждал и то, что кукушка переходит в зяблика. Но опытов на этот счет не потребовалось.

В воскресные дни мы водим детей в зоопарк, на детские спектакли. Нашей дочке Оле особенно понравился кукольный спектакль «Тигрик Петрик». Она так вошла в роль, что представляла себя бобром. Андрей написал письмо своему другу Мише Алтухову с просьбой прислать хвост бобра, и тот просьбу выполнил. Ранее, когда Оля должна была появиться на свет, я вычитала, что ребенка нужно класть на жесткий матрас из конских волос. Конский хвост тоже был привезен Мишей по просьбе Андрея. Конский хвост и хвост бобра мы хранили как дорогие знаки дружбы.

Наблюдал за растениями Андрей постоянно. Например, вместе с детьми подсчитывал количество долек – плодолистиков у мандарин, апельсин, лимонов. Записывал к себе в тетрадь колебания числа.

У Андрея под рукой всегда была тетрадь, в которую он своим трудным почерком что-то записывал. Сейчас в его записях разобраться очень трудно. В тетрадях между записями есть и рисунки в виде разнообразных орнаментов, значков, сделанных в момент размышлений.

В феврале 1967 года Андрей снова едет на Кавказ. Ранние поездки всегда приносят богатые сборы. На севере в это время все заснежено, и как-то не верится, что на юге уже весна, что можно уже в полной мере начинать полевой сезон.

В отделе флоры ГБС писала диссертацию аспирантка из Дагестана – Патимат Бекова. Поэтому Андрей сначала едет к родителям Патимат в Хасавюрт.

На сборах гербария

Там Андрея встретили очень радушно. Жил он в холодной комнате, занавешенной коврами. Выпал снег, и собирать растения было очень трудно. Из Дагестана он едет в Тбилиси, а оттуда на Зеленый мыс.

В начале марта и в Аджарии весна. В горах еще лежит снег. Но внизу, в долинах, подснежники уже отцветают.

В Батумском ботаническом саду недавно поселился физиолог растений чех Иржи Понерт. Каким путем удалось попасть Иржи в Советский Союз, в пограничную зону – загадка. Он спортивен, любит путешествия. Андрей с Иржи пошли на экскурсию вверх по отрогам реки Чаквисцкали. К вечеру Андрей возвратился в одиночестве. Наутро пропажа иностранца всколыхнула всю Аджарию. Особенно КГБ. Андрея допрашивали. Оказалось – Андрей пошел на экскурсию в легких кедах. В горах глубокий снег. Иржи отстал, а Андрей ушел вперед, промок и замерз. Ждал, ждал и решил вернуться без Иржи. Когда волнение достигло пика, и в горы на поиски были отправлены лучшие военные силы Аджарии, на дороге показался Иржи. В отличие от Андрея, он был одет по-зимнему. Андрей в горах никогда не оглядывался, не ждал попутчиков, вырывался вперед, забывая все на свете. Но в тот раз за пагубную привычку можно было серьезно поплатиться.

В Главном ботаническом саду на лето была запланирована экспедиция на Дальний Восток. Возглавил ее Владимир Николаевич Ворошилов – заведующий отделом флоры. Я впервые летела на Дальний Восток, на Камчатку. Читала Степана Крашенинникова, дневники В.Л. Комарова. Лето Андрея должно было сложиться иначе. На кафедре геоботаники МГУ ему предложили поездку в Крым на зональную практику. Кроме того, предложили поездку в Монголию на стационар ленинградского Ботанического института.

Если бы Андрей поехал в Монголию, знакомство с сотрудниками Ботанического института, безусловно, укрепилось бы. Тот, кто видел Андрея в работе и в быту, всегда проникался к нему симпатией. Возможно, и дальнейшее научное продвижение было бы облегчено. С другой стороны, у него уже тогда была сильная аллергия на злаки – сенная лихорадка. В Монголии с ее степями и пустынями, преобладанием злаков и пыли, вероятнее всего, аллергия усилилась бы. То же самое можно сказать и о Крыме. Эта болезнь у него развивалась быстро и очень его мучила. Он мог чихать подолгу.

В состав дальневосточной экспедиции входили в основном ботаники из Главного ботанического сада: начальник – В.Н. Ворошилов, Лилиан Плотникова – научный сотрудник из отдела дендрологии -и я. Из Сибирского ботанического сада – Галя Горохова, из Таллинского – Кари Карис, миколог, специалист по микромицетам.

С этой экспедиции для нас начался долгий северный период нашей жизни.

15 июня мы приземляемся между двух сопок на аэродроме Елизово в Петропавловске-Камчатском. В Москве разгар лета. Здесь же туманно, сыро, всего +15 градусов. Вокруг каменноберезовые леса замечательной красоты, луга покрыты сиреневой геранью и розовой княженикой. Не оставляет ощущение ранней весны.

Останавливаемся в большом поселке Елизово, недалеко от аэродрома. Ранее он назывался в честь губернатора Камчатки Завойко. Но где же вулканы – основная достопримечательность Камчатки? Прохладно. Моросит дождь, и все вокруг погружено в белый туман. Так длится несколько дней. И вдруг мгновенно разъясняется, и над нами, над городом, бухтой, на фоне голубого неба вырисовываются два огромных вулкана – Авачинский и Корякский. На противоположной стороне Авачинской бухты – вулкан Вилючинский. Мы сразу же схватились за фотоаппараты. Ворошилов убеждал нас, что это большая редкость. Быстро истратили

драгоценную фотопленку. Потом досадовали, постоянно глядя на вулканы.

Почти каждый день мы ездим в Петропавловск. Из Елизова одна единственная шоссейная дорога вьется вдоль огромной Авачинской бухты. Петропавловск прилепился к ее берегам. Вдоль бухты протянулась главная улица, окруженная домами. Сразу же за домами можно лезть на крутые холмы и делать сборы.

Мы ходим вдоль обрывов, собираем растения. Очень хочется попасть на противоположный берег. Туда ходит катер. Покупаем билеты и на небольшом катере пересекаем Авачинскую бухту. Оказывается, поселок с мирным названием «Рыбачий» - на самом деле военная база. Поэтому нам не разрешают и шага ступить в сторону от причала.

Вся наша группа проникнута значительностью момента. Мы попали на Камчатку впервые. Поэтому, как молодые козлики, пытаемся собирать все подряд. Восхищаемся любой новой увиденной травке. Но для нашего шефа все привычно. Владимир Николаевич собирает мало, только то, что может его заинтересовать, как правило, вдоль дорог. Именно там попадаются новинки, в основном заносная флора. Все остальное ему давно хорошо знакомо. Он на все смотрит презрительно, особенно на нас… В горы ходить ему трудно. Высокий и грузный, ему 60 лет, нам он кажется древним стариком. Мы все время пристаем к нему, спрашиваем. Отвечает он нам сквозь зубы, досадует.

Ездили на горячие ключи: в Малки, на Паратунку. Экзотики много, а растительность вокруг ключей такая же, как и везде: каменноберезняки, заросли вейника, группы кедрового стланика, рябины бузинолистной. Дорог нет. Много комаров. Без арендованного транспорта, без лошадей в высокогорья, где находится основное флористическое разнообразие, попасть весьма проблематично.

Неожиданно узнаю: Андрей отказался от поездки в Монголию, сославшись на больное сердце. Добился участия в нашей экспедиции. Очень ему хотелось ездить со мной по Дальнему Востоку. Уже через день мы встречаем его. Самолет садится мгновенно. Пограничники долго проверяют документы. Наконец пассажиры тянутся цепочкой к аэропорту. Среди них тонкая фигурка Андрея. Теперь мы все лето будем вместе. Обрушиваем на Андрея впечатления, в основном жалуемся на Ворошилова. Хотим попасть в высокогорья.

На седловине между Корякским и Авачинским вулканами – маленькая избушка, стационар Института вулканологии. Вулканологи соглашаются приютить нас на несколько дней. Ворошилов посылает Андрея и меня.

Дорога вьется по «сухой» реке. После весенних паводков речной поток исчезает. Все русло покрыто круглыми вулканическими бомбочками. Следы былых извержений. Мы подскакиваем в кузове грузовика, но не обращаем на это ни малейшего внимания. Перед нами разворачивается величественная картина двух огромных островерхих гор, на верхушке усеченных кратерами. Корякский вулкан спит, вершина его заснежена, а Авачинский курится.

Молодой вулканолог–лаборант в избушку нас не пускает. Грубо заявляет: «ставьте палатку», а ее у нас нет… Вокруг рассыпана цветущая горная тундра. Мы впервые видим массу новых растений. Хватаем папки и уходим далеко, лихорадочно (как будто в последний раз!) собирать растения. Уже ночь. Возвращаемся в полной темноте, разгневав уже пьяного «начальника». На рассвете опять убегаем собирать. Мы набрали так много, что опасаемся – погибнет собранный гербарий. Нет газет. Все в тумане, влажно. На наше счастье, через день пришла машина, и мы спустились вниз, увозя свежие сборы.

На Камчатке летом сыро. То и дело бухту и сопки заволакивает туманом, моросит, а то и льет дождь. В Елизове мы живем в школе, летом она пустует. На кухне огромная плита источает

живительное тепло. Гербарий сохнет превосходно.

Ворошилов постоянно недоволен. Все остальные, наоборот, веселы. Мы на Камчатке!

Спальные мешки небольшие и холодные. Ворошилову такой спальник только по пояс. Галя Горохова тщательно готовилась к экспедиции. Для сушки гербария она сшила марлевые, с ватной прослойкой матрасики размером с гербарный лист. В таких матрасиках гербарий не сохнет. Вместо марли обычно употребляется папиросная бумага. Я придумала сшить из марлевых матрасиков одеяло для шефа. Ворошилов спит на кухне на остывающей плите, под одеялом из матрасиков, напоминая большую белую глыбу. Ночью на всю школу раздается его богатырский храп. Мы вынуждены ретироваться в дальние углы школы. Но там нас подстерегает новая опасность – крысы.

В первую дальнюю поездку в долину реки Камчатки с аэродрома местных авиалиний Халактырки мы улетели в Мильково в полном составе.

Внизу из самолета видна полноводная река Камчатка. А по сторонам и справа, и слева вулканы. Навстречу летит самолет. Летчики машут крыльями. Все ново и романтично.

Мильково – большое село с пыльными улицами. Горы далеко. В бурной стремнине реки выскакивают, блестя на солнце, большие рыбины, идут вверх на нерест.

Первая и последняя, короткая и неудачная экскурсия на природу. В горы пешком не дойти. Нужны лошади или вертолет. Ворошилов идет впереди, мы – сзади. Ворошилов приказал нам не брать накомарники.

Обмахиваемся ветками от многочисленных, особенно свирепых в тех местах комаров. Андрей мрачно шутит: «Экспедиция наша называется: «Пойду туда, не знаю куда, найду то, не знаю что…». Через два часа унылого похода вдоль дороги Ворошилов в отчаянии сдался. Ринулся в аэропорт. Срочно улетаем в глубинку, в поселок Лазо, расположенный ниже по течению реки Камчатки. АН-2 взлетает стрекозой над рекой, лесами и вскоре мы садимся на большой луг среди леса. Самолет улетел, до поселка несколько километров. Мы одни. Вечереет. Где мы будем ночевать? Нашли брошенную избу без пола. Пытаемся привести ее в порядок. Становится очевидным: тут мы все погибнем. Комары высосут кровь. Необходимо искать более удобное и обжитое, а главное, защищенное от комаров жилье. Идем в поселок. В полумраке белых ночей видим ряды изб. У входа в каждую курятся дымокуры. Нас приютила старая камчадалка. Она забавно цокает, говорит по-русски чисто.

Идти в лес без накомарников немыслимо. В Лазо накомарники не продаются. Шьем сами из марли. Шефу – самый большой, с помпоном. Получилось что-то особенное. «Белые головки», то есть мы, идут в маршрут. Со стороны мы выглядим фантастично. Белая марля сразу же, после первых укусов, стала покрываться красными пятнами крови. Почти ничего не видно… Кари шутит: «Везде мучнистая роса». Со сборами что-то не получается. Все на ощупь. Прошли не более двух километров. Сдались… Опять Ворошилов впал в отчаяние.

Недалеко от Лазо находится гора Николка, на которой В.Л. Комаров делал интересные сборы. Зять нашей хозяйки предлагает подвезти к горе. Но Ворошилов нас не отпускает. Тогда Андрей впадает в ярость и отчаяние. Мы вдвоем убегаем на экскурсию, постоянно обмахивая друг друга ветками. Кое-что собрали.

Еще разок удалось вырваться. Повстречали озлобленных, сосланных сюда женщин – тунеядок. Они питаются преимущественно красной рыбой, которую ловко ловят на удочку. В 50 километрах от Лазо находится лагерь заключенных. Рассказывают: тунеядки не боятся комаров, ходят к зэкам.

Моросит. Долго сидим на полянке аэродрома, ждем обратного рейса. Андрей ловит на себе комаров и складывает в горку. Она растет на глазах. На полянке стайка девушек с букетами. Встречают эстрадного певца В.Трошина. Он в зените славы, с «распахнутой» улыбкой выходит из маленького самолетика. Быстро заскакиваем в самолет. Он плавно набирает высоту над рекой и лесами.

Снова Петропавловск. Ворошилов теперь разрешил нам с Андреем ходить и ездить самостоятельно. На склонах сопок парковые каменноберезовые леса. В таком «парке» идти трудно. Вейник Лангсдорфа стоит по грудь человеку, а то и выше. Идешь вверх с трудом, наощупь. Досаждают комары. В распадках вдоль горных ручьев густые заросли ольхового стланика, между ветвями которого приходится пробираться, согнувшись. Так же трудно в зарослях кедрового стланика. Стволы, направленные вниз по склонам сопок, перевиты между собой. То ли опираться на пружинящие стволы и забираться вверх по бесконечной «лестнице», то ли проползать под стволами. И то, и другое очень трудно. На подступах к вершине стланик ниже, по колено. Появляется обзор. Вдали становятся видны вулканы, долины рек. На хребтах горные плато усыпаны альпийскими растениями. Поднялись на вершину. Ветер разогнал комаров. Стало прохладно. Нужно натянуть свитер. Тогда мы не знали, что в ближайшие годы такие подъемы мы будем совершать по многу раз.

Ворошилов отправляет меня с Андреем в долину Камчатки. Поручает подняться на сопку Ключевскую. Остальные отправляются на Командорские острова.

Конец июля. Козыревск – поселок ниже Мильково по течению реки Камчатки. На так называемом аэродроме при посадке поднимается огромное облако пыли, сквозь которое ничего не видно. Недалеко совхоз Майский. Там мы устраиваемся у доярки. Ворошилов договорился с владивостокским ботаником Клавдией Степановой о совместных экскурсиях. Степанова остановилась в одной из изб неподалеку от нас. Под вечер идем к ней с визитом. На большой печи варится ароматное варенье из жимолости. Клавдия Степанова – полная дама средних лет, стоит рядом, торжественно помешивая варенье. Важно и холодно нам сообщает, что на следующий день она верхом на лошадях поедет в высокогорья. Нас не приглашает. Это не типично для дальневосточников. Позже выяснилось – Клавдия Степанова соперничала с Ворошиловым, считала Камчатку своей вотчиной.

Решаем идти в высокогорья сами, пешком. С 8 утра до 16, целых 7 часов, мы без остановок поднимаемся каменноберезовыми лесами с одного увала на другой. Вейник мешает обзору. Мы не смеем поднять забрало накомарников. Вокруг звенят комары. Этот плавный подъем, кажется, будет длиться бесконечно. Высокогорий не видно. Только к 3 часам дня березы поредели, и мы, наконец, вышли в густые заросли кедрового стланика. Стали попадаться высокогорные виды, но настоящей горной тундры на хребте не оказалось.

Нужно возвращаться. Но Андрей по своей привычке хочет пойти самостоятельно, всего на полчаса. Он срывает накомарник, оставляет меня отдыхать и уходит. На хребте кусты кедрового стланика стоят огромными вазами. Проходит полчаса, а затем час. Андрея нет. Становится жутко. Это самое медвежье место на Камчатке. Я начинаю во все горло кричать. Это и спасло положение. Оказывается, Андрей заблудился, метался в стланике, и только мой крик помог ему выйти. Оба мы сильно устали. Уже 18 часов. Мчимся вниз по распадку. По дороге вдоль ручья встречаются интересные виды. Время уходит на сборы. Скоро нас накроет темнота. Мне страшновато. Неожиданно выходим на заброшенную лесную дорогу. Нас это очень обрадовало, так как в вейнике мы то и дело проваливались в ямы. Спустилась ночь. Лес оглашается разными звуками. Мы уже не идем, а бредем. Неожиданно Андрей садится прямо в пыль и говорит, что дальше идти не может. Я ушам своим не верю, начинаю ругать его, теребить. Аллергия у него развивалась стремительно, но мы думали – гайморит. А ведь весь день мы шли на уровне

соцветий вейника. На центральную дорогу вышли в 2 часа ночи, в 6 километрах от поселка.

Глубокая ночь. Хозяева спят. На столе для нас оставлена тарелка красной икры и крынка молока. Я расстегиваю рубашку – вся грудь изъедена мошкой. У нее клещи, словно ножницы. У Андрея мошка изъела икры ног, забираясь в широкие голенища сапог. Он с аппетитом ест икру. Я от усталости еле шевелюсь. Дразню, мол, если он в состоянии есть, значит, не устал.

На утро узнаем – вниз до Ключей идет катер. Следующий будет только через неделю. Оставаться в таком бездарном месте не стоит. Поэтому быстро прощаемся с гостеприимными хозяевами, хватаем гербарий и садимся на катер. Он наполнен ребятишками, их везут в пионерский лагерь.

В салоне срочно закладываем вчерашние сборы, вызывая интерес у пассажиров. Лица наши раздуты от укусов комаров, мы еще не пришли в себя.

В Ключах устраиваемся в лесничестве. Директор – знаменитый на всю Камчатку и за ее пределами лесовод Павел Дьяконов. Маленького роста, со светлыми усами, пожилой, но еще бодрый крепыш.

Дальнейшая наша жизнь в Ключевском лесничестве идет под опекой его энергичной супруги Марии Александровны. Типаж, достойный капитанши из «Капитанской дочки» А.С.Пушкина. Мария Александровна командует лесниками, как и своим тихим супругом. Срочно приказано топить для нас баню.

Лежим на крыше, загораем. Любуемся и удивляемся огороду и теплице Марии Александровны. На крыше сохнут газеты. Переборка, этикетирование и прочие заботы о гербарии идут под аккомпанемент рассказов Марии Александровны. Она пережила ленинградскую блокаду, ухаживала за матерью Дьяконова, который все долгие военные годы был на Камчатке и ничего не знал о семье, не знал, что мать и его дети погибли в блокаду. В живых осталась только Мария. Вместе с Павлом она объездила весь север и юг Камчатки. У них растет приемная дочь Валя. Дьяконов написал книгу «Леса Камчатки».

По мнению Дьяконова, с ботанической точки зрения Ключевская сопка не очень интересна, хотя все ботаники стремятся побывать на самом высоком и к тому же действующем вулкане. Он посоветовал нам подняться на другой, уже давно не действующий вулкан Харчинский, противоположный Ключевскому. Там хорошо выражена горная тундра, высоты значительные.

На подъеме у сопровождающего нас лесника перед носом курится головешка для отпугивания комаров. На вершине Харчинского со стороны Ключей гора как гора, с подъемами и спусками. С противоположной – обрыв до самого основания сопки. Во время извержения оторвало ровно половину горы. В основании сопки видно жерло вулкана. На коньке хребта, на плато- ковры красочных филлодоце, лезелеурий, низкорослые ивы, багульник и всякое другое, что украшает горную тундру.

Жизнь в Ключах мы вспоминали с большим удовольствием. Собрали большой материал. Через несколько дней в Елизово собралась вся компания, полная впечатлений от путешествия на Командоры.

Ворошилов по-прежнему дуется. То и дело мы слышим: «У нас сухой закон, никаких шашней». Встречу решили отметить поздно вечером в дальнем классе школы. Не хватает закуски. Консервы лежат на полке над разделочным столом, на котором спит Ворошилов. Я, как партизанка, иду за консервами, пробираюсь к полке. Под белыми ковриками тело Ворошилова сотрясается от храпа. Но как только я протянула руку к консервам – храп прекратился. Бешено бьется сердце. Я замерла. Медленно Владимир Николаевич поворачивается на другой бок. Снова

раздается храп. С банками консервов я ползком выбираюсь из кухни.

Последняя поездка на Камчатке. Пущинские горячие ключи находятся в горах, в 20 километрах от Мильково. Циклон. Под ливнем поднимаемся в горы. Вымокли. Реки вздулись. Я иду через реку бродом. Но Андрей говорит, что у него еще подметки сухие. Берет палку, опирается и прыгает. Очки соскакивают и уплывают. Теперь его жизнь усложнилась. Он близорук, а когда можно будет купить новые очки в этом диком краю – неизвестно.

У горячих ключей стоит большая добротная изба. Одна комната – полати для жилья, вторая – бассейн с целебной горячей водой. В доме лечится пожилая пара. Мы плаваем, греемся. Добрые люди кормят нас, сушат одежду. Мы уже привыкли к камчатскому гостеприимству. Утром все вокруг затянуто тучами. В горах где-то обвал. Два потока сливаются. Один чистый, голубой, другой – темный, мутный. Отвесный склон сопки, вся его «стена» пестрит глинами. Во многих местах изливаются маленькие роднички. Каждый имеет свой вкус и цвет, видимо, свой химический состав. В тумане в высокогорья подниматься опасно. Так и не дождавшись хорошей погоды, возвратились в Мильково.

Еще несколько экскурсий по пойме реки Камчатки. Мокрые до нитки, мы вышли на дорогу. До Милькова 20 километров. Впереди прошла, не заметив нас, грузовая машина. В досаде сидим на бревне, выжимаем мокрые носки. Вдруг видим: идет маленький неказистый человек. Андрей предлагает ему присесть и ждать попутную машину вместе с нами. Обычно Андрей неразговорчив, а тут заговорил. Я решила поддержать. Пошли. Человек неохотно идет рядом. Машин нет. Вскоре попутчик заявил, что ему необходимо отдохнуть. Отстал. Нас догнала машина и довезла в Мильково. Нашего попутчика в ней не было. Шофер сказал, что из лагеря убежал заключенный, его ищут. Мы стали вспоминать то, о чем говорил этот человек, и обнаружили массу нелепиц. Видимо, это и был беглый.

Мы влюбились в Камчатку и загорелись переехать в этот чудный светлый и интересный край. Только не было в то время на Камчатке ботанического учреждения. С тех пор мысль о переезде на Дальний Восток нас не покидала.

Ворошилов решил отправить меня в Москву. Сам купил для меня билет: «Хватит, поездила!» Меня это привело в отчаяние. На Камчатке я не нашла проростков жимолости. Через некоторое время Ворошилов говорит: «Я бы вас не отправлял, да боюсь Цицина, он меня отправит на пенсию!» (Н.В.Цицин – академик, директор ГБС).

Я человек маленький, не боюсь. В крайнем случае, выгонят. Зато побываю в Магадане! Отправила телеграмму в ГБС с просьбой продлить командировку. Продлили.

Экспедиция уже в Магадане. Мы летим вдогонку.

Грустно расставаться с яркой, каменноберезовой Камчаткой, только-только схваченной первыми красками осени.

20 августа. Магадан. Большой аэропорт в широкой долине реки в 56 километрах от города. Аэропорт так и называется: «56-ой». Автобус идет по знаменитой Колымской трассе. Мрачная картина, тяжелый туман лежит над низкими сопками. Вдоль трассы сопки покрыты серыми каменными осыпями. Холодно. Первые заморозки.

Гостиница «Магадан» – прочное, надежное, так называемое «сталинское» здание в пять этажей. Из большого холла вход в ресторан. Оттуда по-ресторанному тянет перегаром. Доносится сиплый оркестр. Там гуляют.

Сидим перед будкой администратора. Мест нет. Рядом с нами такие же жаждущие устроиться в гостинице бедолаги. Администратор – надменная тетка – всем отказывает. Один из просителей

пытается разжалобить: «Я прилетел с Зеленого мыса, там уже заморозки!». Меня это известие приводит в шок. Ведь наши дети у мамы на Зеленом мысу, на Черном море! Оказалось на Колыме свой Зеленый мыс. Это поселок Черский в ее дельте…. И там уже зима….

Нам идут навстречу, разрешают расположиться в спальных мешках на полу в номере у Владимира Николаевича Ворошилова. Он очень сердит, со мной не разговаривает. Наутро вся группа, кроме нас, уезжает на север по трассе. Мы остаемся вдвоем с Андреем и, еще не осмотрев город, идем на автовокзал. Наобум, прочитав красивое название «Снежная долина», едем в этот поселок в 23 километрах к северу.

Первые краски осени. Воздух особенно чистый. С большими трудностями перебираемся через полноводную речку Дукчу, распадками выходим на горные плато. По ним то вверх, то вниз проходим значительное расстояние. Открываются виды замечательной красоты. Знать бы, что всего через три года мы станем жителями Магадана, и в долине Дукчи будем бывать часто!

Днем пригревает солнце. Магадан кажется вымытым и нарядным. С пологой сопки к северу спускается прямая улица Ленина, окруженная прочными, каменными домами с архитектурными излишествами. Вдоль улицы выстроились лиственницы. Поэтому центральная часть города имеет свое лицо. Наверху улица венчается телевизионной вышкой. Оттуда с вершины сопки открывается вид на бухту Нагаево.

Шеф по прежнему посылает нас, словно в русских сказках, на немыслимые дела. В Магадане, в геологическом Институте СВКНИИ, работает геолог Васьковский Алексей Петрович. Он рассказал Ворошилову об интересном Ольском плато в 150 километрах севернее Магадана. Там масса редких реликтов. Поэтому Ворошилов посылает нас на это плато, а затем в Усть-Омчуг, на Тенькинской трассе. Мы смотрим на карту и понимаем, что добраться до Ольского плато можно только вертолетом или на лошадях.

Андрей поступил мудро. Мы доехали по трассе до 150-ого километра, вышли из автобуса и оставили в кустах рюкзаки. Спальных мешков из-за их тяжести мы не взяли. В конце августа за Ольским перевалом уже осень. Густой красный покров голубики лежит под еще зелеными или чуть желтеющими лиственницами. Золотая осень ярко коснулась горной тундры. Серые и кремовые, а то и черные кустистые лишайники замысловатыми кружевами окружают красный арктоус, желтые ивы и вечнозеленые кустарнички. Прошли на запад по предгорьям несколько километров. На склонах сопок «лестницы» серых обломков камней – курумники, поросли замысловатыми кругами то зеленых, то оранжевых накипных лишайников. Вершины сопок плоские или пологие.

Пройдя по предгорьям в сторону Ольского плато километров 20, поздним вечером возвращаемся на трассу и долго голосуем. Водители не останавливаются. Наконец сжалились, подвезли до поселка Палатка.

В Палатке от центральной трассы на запад ответвляется Тенькинская, которая идет в самый золотоносный район Колымского нагорья, «золотую» Теньку, преодолевая два высоких перевала.

Ранним утром обстановка на автостанции нервозная. Народу много, все хотят попасть в транзитный автобус, следующий из Магадана в Усть-Омчуг. Наконец, подъезжает небольшой «ПАЗ». Водитель должен отметить путевку. Выходя из автобуса, он предусмотрительно запирает дверь. Нам необходимо попасть в автобус. Иначе гербарий, собранный с такими трудностями, может погибнуть. Его срочно нужно заложить. Вдруг с удивлением обнаруживаем: в автобусе сидят все члены нашей экспедиции во главе с Ворошиловым. Радостно машем им и, по совету одного из пассажиров, влезаем в автобус через окно. Оказывается, такой способ посадки тут распространен.

Оказалось, Ворошилов в последний момент переиграл свой маршрут и решил также посетить Усть-Омчуг. Мы усаживаемся на рюкзаки в салоне, чтобы быть менее заметными. И вдруг на весь автобус раздается в наш адрес грозный рык Ворошилова: «Прекратите хулиганить!». В ответ на его плечо ложится мощная ладонь одного из пассажиров и предупреждение: «Молчи дед!».

Шофер отнесся к нам снисходительно. Едем дорогой удивительной красоты. На склонах сопок по-осеннему желтеют лиственницы с подлеском из покрасневшей голубики. В широких долинах белые наледи. Серпантинами взбираемся на перевалы и также серпантинами спускаемся. Усть-Омчуг в большой долине. Рядами стоят квадратные домики. Здесь маленькая гостиница. Бредем вслед за Ворошиловым. В гостинице его спрашивают: «А эти с Вами?» Это о нас. Он отвечает: «Нет». Тут же Ворошилов принимает новое решение: вся группа уедет обратно завтра днем….

На сопке Чихара в лиственничнике на фоне зеленых мхов лежат орнаменты ярко-алых листьев арктоуса красноплодного. К вечеру спускаемся вниз, спешим отметить день рождения Андрея. Сегодня 2 сентября ему исполняется 34 года. Как только разлито вино и произносится тост – входит Ворошилов, присоединяется к нашей компании. Сердце его растопили сборы со 150-го километра.

Утром Ворошилов покупает билеты в Магадан. Для Гали Гороховой – детский, видимо, потому что она маленького роста… Автобус уходит в 13 часов. На экскурсию остается всего два часа. Тогда нам казалось, что эти далекие места мы видим в первый и последний раз.

Едем обратно. Два больших автобуса следуют друг за другом. Останавливаются на перевалах. Уговариваем шоферов задержаться на перевале на несколько минут для сборов, чем опять гневим Ворошилова. Шоферы проникаются нашим энтузиазмом. Мы с Лилиан бежим в сторону и приносим гербарий в охапке. Закладываем в автобусе. Доброжелательные пассажиры живо интересуются названиями растений.

Сетки с гербарием мы оставили сушиться в геологическом институте. Перед отлетом их необходимо получить, а геолог, в кабинете которого мы их оставили сушиться, – уехал. С трудом получили пропуск, забрали сетки. Но в институте сохраняются дальстроевские порядки. На вахте, в форме и с пистолетом, сидит охранница при исполнении обязанностей. Андрей на выходе спрашивает у нее: «А он у вас заряжен?». В ответ буря возмущения. Но выпустила.

На этом для меня закончилась дальневосточная экспедиция. Остальные члены экспедиции летят дальше, сначала в Николаевск-на-Амуре, а затем в Приморье. По рассказам и письмам Андрея я знаю, что и в Приморье у Андрея и Лилиан возникали конфликты с Ворошиловым. Однажды, возмущенный тем, что Андрей перед маршрутом, ожидая остальных, в одежде прилег на гостиничную койку, он пытался сорвать его с этой койки за ноги. Чем кончился этот инцидент – мне неизвестно. Но все вернулись с Дальнего Востока живыми и вспоминали приключения с юмором. А Ворошилов сделал на ученом совете пространный доклад и на все лады нас с Андреем расхваливал.

Публикации 1967г.: Вышли из печати: «Рецензия на статью Т.Л.Тарасовой «Вопросы интродукции видов рода эремурус», «Экологическая эволюция однодольных»», «Закономерности эволюции цветка», «Эволюция проростков и семян однодольных».

Поездки, экспедиции 1967г.: Март: Дагестан (Хасавюрт), Аджария (Чаквисцкали). Июнь-сентябрь: Камчатка (Малки, Паратунка, Елизово, Авачинский вулкан, Мильково, Лазо, Козыревск, Майские увалы, Ключи, перевал Харчинский, Пущинские ключи.). Магаданская область (Магадан, Снежная долина, Атка, Палатка, Усть-Омчуг). Николаевск-на- Амуре. Приморье.

1968 Новый 1968 год мы, как обычно, встречали вчетвером, в тесном семейном кругу. Традиционная утка с яблоками, пирог с секретными «счастливыми» записками. Доморощенный Дед Мороз, то есть переодетый Андрей.

Все бы хорошо, но катастрофически не хватало денег. Подрабатывали, писали статейки в популярные журналы. В основном в новый тогда журнал «Химия и жизнь», а я еще и в «Юный натуралист». За эти статейки платили гроши. Стали собирать материал для популярной книжки о растениях Европейской части. Эти наработки так и не были реализованы. Дальний Восток на многие годы оторвал нас от природы Европы.

Андрея все больше угнетало положение младшего научного сотрудника. Назревал кризис. Никаких возможностей для продвижения в ГБС не предвиделось. Он чувствует: ему необходима поддержка в лице энергичного человека.

Такими качествами, на его взгляд, обладает В.Г. Хржановский – заведующий кафедрой ботаники Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Контакты с Хржановским возникли во время заседаний, посвященных эволюционным вопросам. Хржановский продвигал работы М.Г. Попова и способствовал публикации его трудов. Очень ценил Ярослава Ивановича Проханова – ученого с прогрессивными взглядами на происхождение однодольных и эволюцию жизненных форм.

Хржановский предложил Андрею перейти на кафедру ботаники ТСХА. Была назначена встреча с ректором. Но все провалилось из-за курьезного случая. В приемной ректора негде было сесть. Андрею надоело ждать. Взорвался, ушел и успокоился. Он уже собрал документы, подал на конкурс в академию и прошел туда. Но не воспользовался этим шансом. Может быть, потому что метался, и отношения с Хржановским были испорчены. Может быть, потому, что в 1968 году мы уже серьезно думали об отъезде на Дальний Восток.

Весной Андрей едет в Тбилиси, а затем в Батуми. Казалось, впечатления, многочисленные экскурсии могли развеять его плохое настроение. Но неудовлетворенность сидела гвоздем, нарастала. Он пишет мне: «Опять стало ужасно грустно и жалко самого себя из-за всех неудач, или вернее, из-за какого-то злого рока недоброжелательства».

После Батума он едет в Абхазию, в Гудауты. Опять к Шалве и Софье Диомидовне Гуджабидзе. На экскурсии с ним ходят сестры Софьи Диомидовны. Они очень гордились тем, что ходили бодро. А Андрей, как обычно, не смотрит по сторонам, видит только растения. Он мне пишет, что путешествовал со «старушками». В молодые годы, все кому за 40, казались нам стариками. В недостроенном доме у Гуджабидзе было очень холодно, как бывает в больших грузинских неотапливаемых домах. И чтобы высушить свое дорогое детище – гербарий, Андрей тайно пользовался утюгом.

На майские праздники мы решили поехать на меловые горы под городом Вольском выше Саратова. Для этого воспользовались знакомством с Ларисой Худяковой – ботаником из Саратовского университета.

Сидим на завалинке железной дороги, на станции Быково Казанской железной дороги. Ждем отлета задержанного рейса. Позже я часто из электрички смотрела на эту завалинку. Пройдет два года, и мой свекор Павел Александрович Хохряков купит дачу на ближайшей к Быково станции «Отдых». С тех пор наши дороги на дачу идут мимо Быково, и это уже очень хорошо знакомые места. Таким образом, мы как-то приблизились к будущему.

Небольшой самолет взлетел. Под нами по-весеннему зеленые поля, леса, Волга в полном розливе. Под вечер в доме Ларисы в центре Саратова нас встречали торжественно как московских гостей. Стол накрыт белоснежной скатертью. В центре салат – гордость хозяйки,

мамы Ларисы. Лариса, симпатичная полная девушка, без конца щебечет, строит планы поехать подальше от Саратова в Жигули. А у Андрея главная цель - увидеть выходы известняков под Вольском. Ларисе пришлось смириться. Не бросать же гостей. Она считала нас заядлыми туристами. Сама она переняла внешнюю сторону этого большого племени.

Рано утром сели на «Ракету» вверх по Волге до Вольска. А оттуда на старом автобусе добрались до деревни Тепловки. Поход на меловые горы раздосадовал Ларису. В гору лезть ей не хотелось, осталась внизу. Праздники в понимании Ларисы были уже почти испорчены. Мы не оправдали ее ожиданий. Не пели песен, не говорили каких-то ритуальных туристических слов. На белых горах из больших норок выглядывали, стоя столбиком, большие сурки. Мел слепил глаза.

Размытой дорогой идем обратно с тяжелыми рюкзаками. Вдоль дороги в большой канаве расцвели лютики. Андрей отошел. И вдруг – нигде его нет. Пропал. Я бегу к канаве – он на спине барахтается и вот-вот утонет. Тяжелый рюкзак никак не скидывается и тянет вниз, а он копошится, словно перевернутый жук. С большим трудом помогла ему выбраться. Меня всю трясло. Гвоздем сидело: как бывают неожиданны несчастья. Как хрупка жизнь. Андрей грязный и мокрый. Вещи, гербарий, а главное фотоаппарат, намокли. Еле влезли в автобус. Там дюжие тетки потрясают нас отборным матом. Лариса сердится, не позволяет развязать рюкзак и проверить сохранность вещей, просушить фотоаппарат. Уже не трещинка, а пропасть разверзлась между нами. Мы уже как бы совсем не ко двору. Нас терпят. И терпим мы. Не может переделать Андрей ради чистюли-мамы и трещетки-Ларисы свои привычки!

Следующий день ясный, солнечный. В окрестностях Саратова, в Комсомольской роще первомайские гулянья. Наша попутчица быстро прибилась к веселой компании у костра и гитары. А мы ушли далеко на холмы. В логах цвели тюльпан Биберштейна и астрагал Шелихова. Березки только-только распустли свои блестящие листья. При каждом дуновении вокруг деревьев образуется облако желтой пыльцы. Весна теперь для меня гиблое время – аллергия! Я чихаю и чихаю. Андрей тоже не очень здоров. На ноге у него образовался нарыв. Нужно вынимать занозу. В чистоплотном доме, где все смотрят косо, это почти подвиг.

Утро приносит очередные огорчения. Размыло взлетную полосу, и нам обещают отлет через полмесяца! Когда высохнет чернозем! Митинг в аэропорту заканчивается победой. Для неулетевших пассажиров выделяют дополнительный вагон в поезде Саратов-Москва. Всю дорогу я разглядываю полупрозрачные чертовы пальцы – белемниты, собранные в овраге под Саратовом.

Окаменевшие моллюски лежали в детском ведрышке при входе в нашу квартиру. Каждый, кто приходил к нам гости, одаривался чертовым пальцем.

Андрей - участник экспедиции на Карпаты. По дороге на юг сначала Стрелецкая степь, затем Воронеж. Но главное – Львов и восхождение на гору Петрич. Андрей регулярно пишет мне из Львова. Оказывается, он побывал на Западной Украине еще в студенческие годы, в 1956-м году. Во Львове тогда он был только мельком, как он пишет, а теперь может рассмотреть этот старинный город. Его всегда интересует история.

Все свои силы в экспедиции он кладет на сбор гербария, его сушку. Собирает большими дозами и пишет, что отправил уже восемь посылок. Он не считал листов, поэтому просит меня, чтобы сотрудники гербария подсчитали его «урожай». Посылает он и живые растения для экспозиций. Это также одна из главных задач. Сотрудники отдела флоры пополняли новыми видами коллекции отдела.

На лето детей отправили к моей маме на Зеленый мыс. Собрались в Якутию. Денег на это путешествие у нас не было. А очень хотелось в те далекие места. Все чаще мы думали об

отъезде в Сибирь или на Дальний Восток. В ботаническом саду ко мне очень тепло, по-отечески относился ученый секретарь – Юрий Николаевич Малыгин. Он и содействовал нашей поездке и договорился с начальством. Командировочных нам не заплатят. Дорожные расходы он постарается, чтобы оплатили.

***Из дневника.* 9 июля.** Лето в зените. Четыре дня поездом едем на восток. Под городом Братском черные обгорелые лиственницы тянутся вплоть до Усть-Кута. Дальше поезд не идет. Тупик. Мы будем плыть до Якутска вниз по Лене на теплоходе «Хабаровск».

14 июля. Осетрово. Поселок Усть-Кут как на ладони. На пристани выделяется компания снобов, видимо, из столицы. Цыгане: молодка в туфлях на высоких каблуках с яркими бусами на шее, неопрятная старуха, малыш. Венчает семейную идиллию красавец с иссиня-черными волосами, усами на выразительном лице. Спит под грязным одеялом. Рядом стоят сапоги. Большую кучу пожитков охраняет собачонка. Едут они, слава богу, не на нашем теплоходе, мы уже два раза теряли то фотоаппарат, то кошелек.

У нас интересные попутчики. Рассказывают о прошлом Лены, например, как добирались в 1932 году два месяца на плотах до Якутска.

Удивительно, оба берега Лены высокие. Ночью пристали к Киренску. Старинный город спит. Светит луна. Бродим по деревянным тротуарам. Большие двухэтажные, рубленые дома с огромными, плотно закрытыми ставнями, освещенные луной, в тишине ночи кажутся таинственными. Какая жизнь там, за ставнями? На пристани, наоборот, гулянье. Нас догнал теплоход «Благовещенск», следующий до Бодайбо. Пассажиры гуляют все вместе. Многие знакомы.

15 июля. Сначала теплоход идет в сплошном утреннем тумане. Позже солнце его растопило, и открылись скалы с лесом. Картины напоминают Южный Урал. Кажется, красоте не будет конца. Река становится все шире и шире. Гудок парохода, и эхо разносится очень далеко. Везде по берегам лес. Над пароходом вьется множество стрижей. Их норки в береговых скалах, покрыты степной растительностью. Андрей загорелся. Ни о чем другом не думает, а только как попасть в эти места. У деревни Дубровки большая излучина, а за ней с двух сторон скалы сужаются. Это и есть знаменитый «Пьяный бык», или «Щёки». Форма ярко-красных, особенно ярких на закате скал, напоминает голову быков. Вода бешено прорывается сквозь узкий проход между скалами. Ощущение сильное. Мы щелкаем всю пленку и до 12 ночи любуемся рекой. Никак не можем уйти с палубы. По-прежнему оба берега высокие.

16 июля. Пойма появилась только сегодня. На равнине еловые леса. По пути скалы попадаются все реже. На берегу пасется стадо северных оленей. На пароходе много молодежи, едут в Якутск учиться. В Ленске стояли всего 40 минут. Удалось окунуться, вода холодная. У берега очень быстрое течение. Много рыбы под названием тугун. Ее едят сырой, преимущественно якуты. Попутчик Вадим так влюблен в реку, что дочку назвал также Леной. Иссиня-черные горы на фоне багряно-красного заката. С одной стороны еще светится закатное небо, а с другой в то же время всходит луна. Полночи стоим на палубе, любуемся. Встречаем рассвет. Много деревень русского облика «лицом» к реке. Расположены кучно. Потом большой перерыв. Олекма. На нашей карте нет города Мирного. Начало освоения алмазных месторождений.

Слушаем рассказы о грандиозном ледоходе. О том, как до 1955 года работала лошадиная почта: лошади по суше тянули лодки. Лошадей перегоняли только до августа, так как после сильных дождей вода в реке становится холодной.

16 июля. Утром проходили Ленские столбы. Над рекой возвышаются сказочные «замки» с полуразрушенными «башнями», «бойницами» и обрывами. Не верится, что это творение

природы. Каждый «замок» обрамлен темным лесом.

19 июля. Якутск - большой пыльный город в пойме Лены. Первое, что бросилось в глаза – так это полное отсутствие зелени. Встретила нас и приютила в своей маленькой квартирке с тройными рамами Зина Кротова – сотрудник ботанического сада, модная красавица средних лет. Её муж Володя – архивариус, рубаха-парень. Рассказывает, что под зданием института живут собаки, которых не могут оттуда выкурить даже газом.

Институт Якутского филиала Академии наук находится в центре города. Это высокое серое здание с гербарием. Познакомились с Владимиром Николаевичем Андреевым, заведующим отделом ботаники. Высокий, величественный, по комплекции он напоминает Ворошилова. Всю свою творческую жизнь он посвятил Северу. Советует ехать на Момский хребет через Усть-Неру. Так и поступим.

Совершили визит к Вере Александровне Шелудяковой – известному якутскому ботанику. Ей 85 лет, в белой вязаной шапочке она похожа на старую учительницу. Все зовут ее «баба Вера».

Поздним вечером, плавно перешедшим в белую ночь, во время прогулки по городу очень замерзли.

Ботанический сад находится в 20 километрах от города, в местечке Чучур-Муран. Участки маленькие, а вся неосвоенная территория занимает 250 га! На высокой надпойменной террасе сосняк с густым покровом толокнянки с брусникой.

20 июля. Якутск. Днем жарко, вечерами свежо и прохладно. Идешь по улице - и то тут, то там видишь вспученные бугры асфальта. О вечной мерзлоте напоминают и утепленные, словно перебинтованные наземные трубы коммуникаций. Много деревянных домов с красивой резьбой, но общее впечатление странное. Много грязных прудов. Это старицы Лены, в которых купаются дети. Рядом плавают дохлые собаки. На центральной площади памятник Ленину, главная улица – Ленина. На ней Доска почёта. Самые знаменитые люди Якутии, лауреаты Ленинских премий, геологи.

21 июля. Сегодня ездили к Зине и Володе на дачу в Сергелех. Володя шутит: «она видна из нашего окна!» За высоким забором большой рубленый дом. Ушли на экскурсию. Долго бродили в однообразных сосняках, спеклись на жаре. Ухитрились заблудиться среди не менее однообразных дач за высокими заборами. Володя искал нас с овчаркой Мухтаром. Угощали огромным пирогом с рыбой. Рыба лежит в подвале на вечной мерзлоте. Тут же битая птица, туша оленя. Володя - охотник и рыбак. Наверху - жара выше 30. Контрасты континентального климата.

День закончили в городском парке. Прохладно. На танцплощадке девушки в летнем. Рядом милиционер и «Скорая помощь». На всякий случай.

22 июля. Табага. Сосняки и лиственничники. На высоком берегу - памятник Каландаришвили. Легендарная личность, герой гражданской войны. Подпольная кличка «Дед». Проходящие суда салютуют «деду» длинными гудками. Долго ходим по упругим коврам кустарничков. Среди зелени мелькают красные брусничины. Обследовали остепненные склоны над Леной.

23 июля. Якутск. Работаем в гербарии. Андрей определял растения сотруднице института Галактионовой. Она дала нам гербарные сетки, взялась досушить наши сборы.

24 июля. Якутск. Несмотря на дождь, едем на экскурсию по Вилюйскому тракту. Удается собрать живые растения, упаковать посылку и отправить. Огорчает то, что служебные посылки стали дороже в два раза, а нам нужно экономить на всем. Мы ведь ездим на свои кровные, которые нам одолжили родители Андрея. Все делаем в сумасшедшем темпе. Завтра улетаем в

Мому.

25 июля. Якутск – Усть-Нера. В семь утра мы в аэропорту. Наш самолет с красным хвостом. Все попутчики якуты. Под нами Лена. Очень скоро появились горы, то низкие, то высокие, иногда чуть припорошенные снегом. Первая посадка в Оймяконе. Огромная плоская долина, обрамлена горами. Следующая посадка в Усть-Нере, а оттуда в Мому мы полетим «Антонами». Объявляют: «Антоны» наготове, уже давно нас ждут.

Усть-Нера. Маленький аэропорт в долине Индигирки. В зале ожидания ремонт. «Антонов» нет. Никто ничего не знает. Горы рядом, хочется пойти на экскурсию, и в то же время боимся пропустить самолет. Солнце печет. Сидим на улице на диване, изныбаем в неизвестности. Всем, кроме нас, долгие ожидания привычны. Милиционеры режутся в карты. Через два часа узнаем: самолета не будет. Бросаем вещи и на пароме переправляемся через Индигирку. Сразу начинается подъем. Березка Миддендорфа, багульник, голубика. На сопке камнеломка Редовского, змееголовник дланевидный, кассиопеи, щитовник пахучий. Горная тундра кончается, далее почти голая каменистая осыпь. Спускаемся вниз, на сфагновых мочажинах собираем жирянку.

У парома машины ждут переправы. Звонит колокол, отчаливаем. Белая ночь. На улице комары. Устраиваемся в спальниках в коридоре, но пьяный попутчик всю ночь орет блатные песни. Ночью пьяные дерутся. Драчуна выталкивают на улицу. Долгие объяснения и упреки. Милиционер объясняет: «Не тронь говно, вонять не будет». Все затихают. Но среди ночи пьяный решил устроиться на ночлег между мной и Андреем. Снова возня, снова его выдворяют. Не спали совсем.

26 июля. Усть-Нера – Мома. С утра ничего неизвестно. Вдруг прилетает «Антон», то есть АН-2. Объявляют, что это грузовой. Но уже через полчаса мы в этом самолете летим через хребет Черского. Пики гор запорошены снегом. Известняковые обнажения. Озера. Летим над рекой, сверху видны пороги – шиверы. В долине Индигирки перед Момой под нами россыпь серебристых железок. Садимся на огромный аэродром. За ним до самой реки раскинулся большой поселок Мома. На краю взлетного поля аккуратный одноэтажный домик аэропорта. Нам сразу же оказывает гостеприимство начальник аэропорта пожилой ленинградец Михаил Гаврилович Каплин. С этого момента он наш благодетель. Располагаемся в маленьком пилотском домике-техничке. Она в 100 метрах от домика аэропорта, где живет Каплин. В техничке печка, можно беспрепятственно, никому не мешая, раскладывать и сушить гербарий. Сразу же идем на экскурсию. Ноги как ватные. Далеко за аэродромом горы оленьих шкур и рогов. Выбираем себе пару самых красивых и тут же бросаем. Нужно выспаться. Час мы дремали и в пять спешим на экскурсию. Масса нового, много степных видов: синюха, злаки, прострел, арника. Путь нам преграждают глубокие протоки. Вечером в кабинете Каплина ужин со спиртом. Обычная песня: Каплин, как и все питерские, и не только питерские, любит Ленинград и не любит Москву. Белая ночь.

27 июля. Мома. Ю-гора. В углу нашей избы место Коли Коновалова. Он бывший горняк, спился и утратил способность объясняться с людьми. Безобиден. Работает в порту грузчиком.

Ю-гора – горная степь в форме буквы Ю в лиственничнике на склонах Момского хребта. Долго пересекаем протоки. Неприятно по грудь погружаться в холодную воду. Вещи, папки на поднятых руках. Ступни чувствуют холод вечной мерзлоты. Много новых видов, а много и знакомого по Усть-Омчугу: змееголовник дланевидный, вероника седая, тимьяны. На горизонте далекие синие цепи гор Верхоянского хребта. Внизу широкая долина Индигирки с несколькими рукавами. Солнце еще высоко, хотя уже девять вечера. Поднимаемся и попадаем на новый степной склон. На спуске попали в заросли березки, кедрового стланика. Ноги утопают в

моховой подушке. Ниже в пойме начинаются свалки. Разбросаны хорошие вещи. На нашем пути маленький домик. К нему проведено электричество. На железной кровати перед домом сидит совершенно пьяная бабка якутка. Курит трубку, что-то бормочет.

На новом степном участке ничего нового. Из поселка раздается громкое радио, как будто рядом. По пути кладбище. Могилы украшены камешками, рогами, детскими игрушками.

Два часа ночи. Светло, как днем. Рядом Полярный круг. Издалека видим, как Каплин гоняет коров, которые норовят рогами вспороть «живот» «Антону». Так повторяется несколько раз, пока мы не приходим на взлетное поле. Маленькие, покрытые густой шерстью коровы перепутали день с ночью. Часто можно видеть их днем спящими, а ночью бодрствующими.

28 июля. Мома. Утро уходит на закладку и разборку гербария. Наша изба - что-то вроде клуба. Коля Коновалов непонятно бормочет. Главное, что можно разобрать – так то, что он ровесник космонавту Титову. Значит, и мой ровесник – ему 33 года. Аня – молодая миловидная невысокая женщина – работает в аэропорту. В аэропорту работает и ее муж, тоже Коля. Приходят якуты поболтать и поинтересоваться. Хромой дядька принес газеты для гербария.

На гору Птицу выходим в 12 ч. 30 мин. Желтое пятно в форме птицы на фоне темной тайги, также, как и Ю-гора, хорошо видно из поселка. Опять проходим несколько проток, затем густыми ерниками и опять протоками. Мучает гнус. Постоянно мажемся диметилфтолатом. Только к шести вечера вышли к Птице. Степной склон отличается от Ю. Новые находки. Выходим на хребет. Вдали на востоке тянется цепь высоких гор Момского хребта. В 12 ночи возвращаемся домой, любуясь закатом.

В избе сильно натоплено. На столе чай. Коля спит, а Анин Коля бегает со своим Мухтаром по аэродрому. Белые ночи сбивают с толку не только коров.

29 июля. Мома. Весь день разбираем сборы, готовим посылки с живыми растениями, семенами для отправки. Весь день перед нами маленький АН-2 взлетает и вскоре садится. Так весь день. Каплин сообщает: скоро прилетит вертолет, и он постарается чтобы нас брали по пути на стойбища в высокогорья (в те времена вертолеты были еще редкостью). Председатель райисполкома удивлен тем, что я никогда не видела оленьих пастбищ. Вечером ходили в пойму до 10 вечера. Принесли много нового.

30,31 июля, река Терехтях. Мома. В поход собрались лишь в 11. С утра относили на почту посылки с растениями. Горы кажутся близкими. Долго идем ерником, гнилым лиственничником. Ноги тонут в болоте. Только через четыре часа набрели на лесную дорогу. Стало легче. Выше появился кедровый стланик. Выходим на седловину и далее в гору к вершине. С вершины открывается вид на большую долину притока Индигирки Терехтях, разветвленного на несколько рукавов. Наша вершина – это только первая вершинка. Решили спуститься к реке и за ней подняться на хребет. Не ходить же каждый день по пойме Индигирки! Нам нужны высокогорья. На склоне участок степи. Здесь тимьян пахнет совсем по-другому. Я говорю Андрею, что это новый вид (позже так и получилось. Его описал Борис Юрцев). Через реку трудная переправа. Оба держимся, чтобы не снесло за палку, переходим по пояс в холодной стремнине. На галечнике роща чозении. Ползем, бесконечно ползем вверх к горе, обливаясь потом. Две вершины кажутся рядом. Это вдохновляет. Но это только этап подъема. Опять подъем. Откуда берутся силы? Вижу свежие следы медведя. Поздний вечер. Совсем светло. Свистят пищухи. Белка-летяга планирует с лиственницы. После рассказов о медведях мне жутко. А Андрей совсем не боится. Он отважный. Не верится, но мы на горе. Ноги дрожат. Андрей идет к вершине. Налетает туман. Я делаю описание. Это горная тундра, но бедная. Идем по коньку хребта в молоке тумана. На седловине накрыл дождь. Собираем арктоус, иву барбарисолистную, клайтонию, тофельдию. Вымокли под дождем, и хоть сил нет, ползем на пик. Как я доползла –

не знаю. Дождь кончился. То и дело смотрю на величественную картину водоразделов. Вдали дождь. Боимся, если догонит – трудно ориентироваться. Холодно. Хочется смотреть и смотреть. Красота! 12 часов ночи. С ужасом думаю о спуске и о мхе в лиственничнике, в котором увязают ноги. Быстро спускаемся к реке. Лишайники стали резиновыми, скользят. Я упала, отбила бок. Кедровый стланик пропитан влагой. Раздвигаем ветки. Нас обдает, как из душа. Снизу гора, на которую поднимались, выглядит очень высокой. Входим в лиственничник. Глубокая ночь. Сумеречно и жутковато. Нужно идти вниз быстрее. Ноги, избитые на камнях, отдыхают, погружаясь в мох. Это не вверх. Быстрая переправа через реку. Вода ледяная. Мокрая, я вся дрожу. А Андрей, как ни в чем не бывало, копает новые находки. Нужно собирать. На дереве сидит сова. Вокруг нас изящно кружит любопытная ласка.

Способна ли я на новый подъем? Оказалось, способна. На седловине пытались развести костер. Сырые ветки не горят. Почти не отдыхая, долго бредем болотами. Встает солнце. Дорога кажется бесконечной. Взлетают рябчики, глухари. Андрей разводит огонь. После дождя ветки сырые, горят слабо. Мы не можем согреться. И вот, наконец, в стороне вырисовалась Ю-гора. Выходим на гарь. Переправы через протоки кажутся бесконечными. Ходили целые сутки, почти без перерыва, и как всегда без еды. Сразу же забрались в спальные мешки и заснули. Меня разбудил мат Коли-пьяницы. Ищет кастрюльку. Вечером пьем плиточный чай. Ночь стала темнее. Андрей говорит, что на той горе, где мы были, проходит Полярный круг.

1 августа. Мома. Все серо. Идет дождь. Аэропорт закрыт. Пишем письма. Сидим в доме. Неожиданно узнаем, что, несмотря на низкую облачность, самолет летит в зверосовхоз «Победа» за Индигирку. Быстро собираемся, поручаем сушку гербария друзьям. И хотя Ю закрыта тучами, самолетик легко планирует над Индигиркой. Вся она из островов и проток. Рядом со мной старуха-якутка. От нее неимоверно пахнет рыбой. Резкий поворот, и мы плавно садимся.

До обрывов 20 километров. Вокруг все якуты. Встречают на велосипедах, мотоциклах. В конторе огромный биллиард и изразцовая печь странного вида. Управляющий охотничьим хозяйством Сабо Сабович, всего месяц как у власти.

Река разлилась, и скалы, к которым мы стремимся, преграждены протоками. Договариваемся о перевозчике. Старый капитан сажает на мотоцикл, везет на конец села в пустую избу. В избе сильный запах, пусто. Но вокруг чего только не валяется! Хорошие меховые сапоги, оленьи шкуры, бутылки и, главное, кастрюли. Приходит курящая трубку старуха. А у «старухи» 4 ребенка мал мала меньше. Младшая – четырехлетняя. Перевозчика дядю Ваню я сначала приняла за бабу. Он окутан от комаров платком. Его жена дарит мне веревку из конского волоса. За нашей избой кладбище. Могилы украшены теми же затейливыми домиками-пирамидками с красным флагом на верхушке. Засыпаем на оленьих шкурах под шум дождя.

2 августа. «Победа». Нас будит дядя Ваня. Идем в тумане. Через три километра звероферма. Лис кормят оленьими тушами. Запах своеобразный. Жена дяди Вани живет недалеко в мазаной юрте. У них сын семиклассник Афоня и дочка Дуня. Через бурную протоку в плоскодонке, которую сильно относит вниз, переправляемся на другой берег. Выходим на Индигирские столбы и сразу находим много интересного: алиссум ленский, селагинелла сибирская, флоидикарпус и др. Индигирка как на ладони. Отсюда видна часть Момского хребта, на который мы поднимались и видели радугу.

Два дня в избе возимся с гербарием. Мимо нас баба с трубкой возит сено. В сани запряжен бык. Сообщают – вода в Индигирке продолжает подниматься. Пока не затопило, привозят на маленький аэродром. Весь день над Индигиркой, словно стрекозы, летают самолеты. Только к вечеру один из них прилетает за нами. Аня из Момы попросила. Через несколько минут мы в

Моме. Обнимаемся и бежим за бутылкой. Все сроднились. Ужинаем с двумя Колями и Аней. На аэродроме полно шампиньонов. В лесу выскакивают маслята. Коля-пьяница почти не разговаривает. Ест холодную заправку борща из банки.

4 августа. Рано утром узнаем – будет рейс до Сайды. Срочно собираемся. Летим вниз по реке. Благообразный управляющий Прокопий Егорович напуган разбоем медведей. Они зарвали 26 лошадей. Дает Андрею ракетницу, болотные сапоги. Стращает. Андрей сопротивляется. На стене одного из домов распята огромная шкура медведя. Конюх Афоня будет нас сопровождать. Скачем на дальние скалы. В больших загонах пасутся табуны. На склонах масса интересного: эфедра, можжевельник, роза иглистая, хесперис. Обратно скачем галопом. После чего у меня кавалерийская походка. Остановились в маленькой избушке с плоской крышей у учительницы Розы. Она приготовила щи с олениной. Угощает голубичным вареньем. Ночью сильный ливень, крыша как оказалось, течет. Всю ночь мы кочуем из угла в угол

5 августа. Утром только собрались закладывать вчерашние сборы – летит самолет. Еле успели. Через 30 минут опять в объятиях Ани. В нашей техничке новая личность: Вася, подследственный с тяжелыми глазами. Каплин уехал в Зырянку. В аэропорту много рабочих транзитом с лесоповала из Улахан-Чистая. Рубили просеку. Едут в Неру тратить деньги.

Вижу в окно – садится вертолет. Раньше мы их видели только на экране телевизора. Выходят шесть ладных вертолетчиков в сопровождении местного якутского начальства. Смеются над нашей специальностью. Выясняю: с завтрашнего дня они будут летать на высокогорные пастбища, завозить продукты. Есть надежда побывать в высокогорьях. Лихорадочно перебираем гербарий. Андрей уходит собирать в пойму. Удается поговорить со штурманом вертолета Валерой. Вечером в техничке праздничный ужин. Страшный Вася несет одну, а за ней вторую бутылку портвейна. Набегают лесоповальщики. Коля Коновалов лежит в углу пьяный. Его к столу не зовут. Очень жаль его, деградировавшего. У печки сушится несколько сеток с гербарием. Работать трудно. Уходим спать к Каплину. Всю ночь пьяные голоса.

6 августа. В техничке следы вчерашнего разгула: грязь, Коля Коновалов весь в крови. Вася ползает вокруг дома, тоже избит. У кого-то украли 250 рублей. Трудно работать. Вертолетчики могут брать в полет только одного человека. На Момский хребет я лечу первая. Сначала пойма. Потом выше и выше. Стойбище. Я бегу по распадку и лихорадочно собираю все подряд: фиалки, педикулярисы, арктоус. Вызывают ракетой. Я бегу к вертолету. После обеда Андрея берут на хребет Черского. Там оказалось во много раз богаче. Прилетают вечером. Ясное небо. Андрей рассказывает: вниз по Индигирке садились у Зашиверска. Это поселок за шиверами, за индигирскими порогами, брошенный еще в XIX веке, большой казачий поселок. От оспы «мамки» вымерло все его население. На улицах выросла высокая трава. Ладные избы целы.

7 августа. С утра на Момский хребет летал Андрей. Новые сборы. Я как проклятая, сижу в техничке, закладываю и закладываю, а конца нет. Варим в большом ведре баранину. Нужно кормить вертолетчиков.

После обеда везут государственных браконьеров на охоту. Надменные якуты, какие то «шишки» из Момы с лодкой, сетью, ружьями. Летим через Момский хребет в бассейн Колымы. Зрелище грандиозное. Огромные черные горы тянутся бесконечной чередой. Некоторые вершины заснежены. Высокие горы резко обрываются, начинаются бесконечные болота, озера. Взлетают утки. Вижу лосиху с лосенком.

Остановка. Недалеко большой сохатый. Я успела кое-что собрать на болоте. На меня набросилась мошка. На обратном пути в вертолете я одна. Вертолетчики с воздуха гоняли крупного сохатого. Волнуется: то стоит, то побежит. А откуда шум – не разберет. Вновь хребет весь в облаках. К Ю-горе вышли на высоте 2000 м, и вдруг, прямо над Момой, падение. Я сильно

испугалась. Потом медленно садимся на аэродром. Оказывается, вертолетчики останавливают специально мотор, и вертолет падает, а потом включают… В Моме вся компания готова к ночной рыбалке. Упросила. Нас тоже берут. Дичайшая спешка. Вновь летим по тому же маршруту мимо перевала, Терехтяха, вершины, которую пешком мы брали с таким трудом. Через два хребтика садимся у очень красивого озера. В нем отражаются горы. Уходим в горы. Но темнеет теперь раньше. Растений не видно. Приходится вернуться к костру. Холодно. Вертолет охладился, весь в инее. Чищу хариуса. Варим ведро ухи. На рассвете вновь летим. Снова трюк с падением. Начальник в вертолете задремал и во время падения проснулся, закричал: «Мама!» Все смеются.

Мы ужасно устали. Достали в библиотеке старые газеты. Много подшивок. Это очень выручает. Только и заняты, что закладкой и переборкой. Сборы массовые. Андрей ушел отсыпаться. Я загораю на крыше. Коля Коновалов пьет. В магазине уценили одеколон. Над поселком стоит густой запах «Красной Москвы». В техничке нет света. Гербарий перебирали почти в полной темноте. Вокруг ползают пьяные бичи.

9 августа. Утром Женя Попов – командир вертолетчиков – собрал нам на хребте Черского растения.

Прилетела красавица сумасшедшая в белом длинном платье. Её везут в Якутск. Она собрала на взлетном поле шампиньоны и подарила Андрею. Мы зажарили их на огромной сковороде.

Пакуем гербарий в большие мешки и отправляем почтой. Вдруг узнаю, что посылка с живыми растениями все еще лежит на почте в Моме! Скандалю. Вечером в техничке прощальный ужин с вертолетчиками. Они улетают в Зырянку, мы – в Хандыгу. Пьем за чистое небо.

10 августа. Мома – Усть-Нера – Оймякон – Хандыга. Утром все вещи срочно швыряем в рюкзаки. Нужно успеть сдать посылки. Еле успели.. Пилот ждет. Фотография на память. И вот в последний раз перед нами долина Индигирки, Ю-гора и бесконечные цепи хребта Черского. В самолете пьют лесоповальщики. Накануне пилот рассказывал, что один такой бич на большой высоте вышел из самолета. В Нере встречаем в парадной форме нарядного Каплина. Прощаемся. Как только самолет взлетел, Андрей неожиданно обнаруживает у себя в кармане ключ от каплинского кабинета. Передаем с пилотом.

В Хандыге придется ночевать. Самолет будет только завтра. В пойме Алдана собираем жимолость.

11 августа. Хандыга. Сегодня Павлику, нашему сыну, пять лет. Дождь, все серо. Бродим по пойме, сильно вымокли. Удалось улететь. Армянин, на что-то обиженный, долго прощался со своими товарищами. Обида жгла его и в аэропорту, и на трапе, и в самолете. Летчики волновались. Нужно срочно взлетать. Погода портится. В последний момент армянин схватил чемодан и выбежал из самолета вместе с провожавшим его другом.

Летели в тумане. Только перед Леной прояснилось.

12 августа. Якутск. Зина с Володей сразу же уехали на дачу, оставив нас одних в своей квартире.

13 августа. Якутск. Собирались в Кангаласы. Опоздали, поехали в Табагу. Все неинтересно. Тоскуем по Моме, жалеем, что там не задержались.

У рынка грузины продают вино в розлив. Маленькая фанерная палаточка с изображением пальмы и надпись: «На пользу здоровья!»

14 августа. Купили билет в Алдан. Андрей в гербарии нашел массу ошибок в определителе якутских растений. Случайно узнала, что я участник совещания по растительным ресурсам. Оно

состоится 27 августа в Новосибирске.

15 августа. Собираемся в Алдан. Накануне Шелудякова дала нам рекомендательные письма, адреса в Алдане. Рассказывала, как в середине 30-х годов она с экспедицией без всякой связи провела два сезона на Индигирке. Экспедицию потеряли.

В Алдане избы ладно скроены. Остановились в Якоките. Это старое русское приисковое селение. Вся земля изрыта драгой. Выращивают овощи. Важный агроном Масютин – поклонник Трофима Лысенко! Его ученики – якуты. Андрея приятно удивляет, что эти ребята занимаются сельским хозяйством. В Якоките насмотрелись на пьяниц, на драки. Жаль детей. Ходили на экскурсии каждый день. Сын хозяйки на лодке перевозил через реку на скалы. Экскурсии, сборы, закладка, перекладка. Отправка живых растений и гербария. Все в темпе. 23 августа по Нерскому тракту уехали в Якутск автостопом на грузовой машине. В огромной кабине было тепло. За окном уже сильно морозило.

Решаем лететь в Москву через Новосибирск. Летим над Леной и Чучур-Мураном. Первая посадка в Олекме. Плюс 10 градусов. Бежим в окрестности, собираем жимолость для гербария. Рейс задерживается. Усть-Кут закрыт. Мы опять отправляемся на экскурсию. Чуть не опоздали. Нас искали и сердились. За три часа мы пролетели над Леной путь, который на теплоходе занял у нас четыре дня. В Усть-Куте тоже удается собрать жимолость. Вновь летим. Уже в темноте садимся в Красноярске и в 12 ночи в Новосибирске.

Три дня мы были участниками совещания по растительным ресурсам, восхищались Академгородком. 31 августа улетели в Москву. 1 сентября успели отвезти в первый класс нашу дочку Олю.

Мы были так очарованы природой Якутии, а ранее Камчаткой, что разрабатывали планы переезда в Якутский ботанический сад. Наши друзья– Кротовы старались, «болели» за нас, очень хотели, чтобы мы стали их соседями. Зина рекомендовала Андрея на должность заведующего отделом флоры. Этим планам не суждено было сбыться. В работе в Якутии нам отказали. В Новосибирске, курировавшим ботанический сад Якутска, Андрею дали нелестную характеристику.

Несмотря на это, наша судьба уже была решена. На совещании в Новосибирске приятная дама Локинская из геологического института в Магадане, улетая, на ходу мне сказала, что в Магадане организуется новый институт, который будет возглавлять Витаутас Леонович Контримавичус. Она написала координаты института и фамилию. Но я не придала значения этому факту. Магадан мне не нравился. Я помнила тягостный контраст, который произвел на меня этот город, в сравнении с веселой Камчаткой. Плохая слава ГУЛАГА усиливала впечатление.

Публикации 1968 г.: «О возрасте меловой реликтовой флоры юго-востока России». Совместно со мной «Типы побегов и их эволюция у жимолостных».

Поездки 1968 г.: Март–Тбилиси, Триалети, Мцхета, Сагурами, Цхнети, Загес. Батумский ботанический сад.

Апрель: Абхазия, Сухуми, Новый Афон, Гудаута, Пицунда, Гагра.

Май – Саратов–Вольск,

Июнь– Белгород, Воронеж, Борисоглебск, Новохоперск, Харьков. Киев, Житомир, Ровно, Львов, Трускавец, Ужгород, Мукачев, Рахов, Чоп.

Июль-август – Лена, Якутск, Усть-Нера, Мома, Хандыга, Якутск, Алдан, Томмот, Якутск, Олекма, Усть-Кут, Новосибирск.Октябрь-ноябрь: Батумский ботанический сад.

1969 Мы молоды и полны надежд. Дома у нас живет попугай Каруда, дико и очень быстро размножаются хомячки. Снегиря Ваську весной выпустили на волю. Антресоли нашей квартиры – это «корабль». Стены антресолей обклеили картинками животных из журнала «Юный натуралист». Тогда было мало цветных журналов. Повесили колокол. Постелили шкуры, устроили лежбище. Андрей с детьми там часто спит, залезая вверх по канату. Придумывали свой, якобы «морской» лексикон. Размахивали флажками. Знали морзянку. Было весело. Мы играли вместе с детьми.

Это было замечательное время. Но бывали и трудности. Нянька Прасковья отказалась сидеть с Павликом, и мы его, еще не достигшего четырехлетнего возраста, определили в детский сад. По утрам поднимали заспанных детей, вели в детский сад. В 1968-м году, когда Оля пошла в школу, продленки в ее школе не было. После занятий Оля возвращаясь домой, переходила трамвайные пути, сама себе согревала обед, а я обрывала телефон, узнавая, пришла она из школы или нет.

К тому времени относится и сближение с Валей Пироговой – матерью Олиного одноклассника Алеши. Валя жила этажом выше. Мы дружили не только с Валей, а со всеми обитателями их коммунальной квартиры. Вместе отмечали праздники.

Огромную помощь оказывали нам родители. Моя мама брала детей на лето на Зеленый мыс. Фактически благодаря их стараниям и состоялись наши экспедиции.

В те шестидесятые годы мы изредка ездили в старые русские города. Профсоюзная организация в Главном ботаническом саду работала образцово. И не проходило месяца, чтобы не организовывалась воскресная поездка. Таким образом мы побывали во Пскове, Новгороде, Пензе и в Чембаре (Белинском), Владимире, Суздале и других городах. Это нас просвещало. Андрей любил историю. Но и там предпочитал уходить на экскурсии за город, собирать по пути растения.

В апреле 1969-го года в Иркутске состоялось совещание по истории флоры и растительности высокогорий Северной Азии. Я очень хотела, чтобы Андрей занимался, прежде всего флористикой, укрепился прочно в этом амплуа, а уже потом продвигал теоретические работы. Но он думал иначе.

На этом совещании Андрей познакомился с Витаутасом Леоновичем Контримавичусом, будущим директором Института биологических проблем Севера в Магадане. Ему был нужен молодой энергичный ботаник. Он пригласил Андрея к себе на работу. Ему импонировали и его теоретические работы.

Майские праздники 1969 года мы провели в Беловежской пуще. А потом 9 Мая уехали во Львов, Трускавец, Золочев. Гостили у моей подруги Лены Высоцкой.

Дневник: **1 мая.** Сегодня едем в Беловежскую пущу. Поезд Москва–Берлин вечером повезет нас в Брест. Андрей везет детей к родителям, я их провожаю на платформе «Дмитровская», а потом в спешке собираюсь. Наконец, надеваем рюкзаки. Радость отъезда. Через 30 минут мы на Белорусском вокзале. Тепло, празднично. Торгуют большими букетами ветреницы дубравной, хохлаткой. Разные народы, девицы в огромных круглых очках. Миниатюрная японочка в особенном дорожном костюме, негры. Наши с гармошкой, поют песни. С ними толстые жены. Только через час за окном начинаются щемящие весенние ландшафты, осинники, березняки. Пасмурно. Дождь. Наши попутчики едут до Могилева. Положительный дядя железнодорожник с увлечением рассказывает о том, как вышивает и гладью, и крестом. Его племянник уголовник выезжает из Москвы, у него три судимости. Таких столица не держит.

2 мая. В Бресте солнечно. Цветет миндаль, раскрываются лапками листья конских каштанов. На автостанции берем билеты до Каменюк. Оттуда рукой подать до заповедника. Бродим по тихим

деревенским улочкам с криками петухов, кудахтаньем куриц, весенней пробивающейся травой. Некоторые дома выстроены на западный лад. В реке Буг двое купаются, набережная сильно вытоптана. В Брестской крепости разрушенные бастионы зарастают американским кленом, черной бузиной и белым тополем. Почти все деревья пробудились. Только белая акация голая, шелестит прошлогодними стручками.

Экскурсанты сбиваются в кучки вокруг мест, где 28 лет назад разыгрывалась страшная трагедия. Здание госпиталя почти совсем разрушено. Крепостные стены со следами взрывов. За рекой охрана. Совсем рядом граница.

Первые сборы. За крепостными стенами собрали чистяк, фиалку. Посадка на автобус до Каменюк с боем. Но мы неожиданно попали первыми. Безлесные пространства тянутся долго, уныло. Под конец думали, что леса не будет никогда, даже в самой Пуще. Наконец, под Каменюками первый лес. До управления заповедника около километра. На фасаде современной гостиницы изображены зубры. У проходной Леня – выдающаяся личность. Проверяет наши паспорта и ведет к начальнику. Он красив, вреден, одноглаз, невежлив. Обещает номер в гостинице, который нам не нужен. Но он чуть ли не приказывает. Расстроились. Леня обещает ночлег в сторожке. Обедаем в противной забегаловке и, наконец, идем в лес мимо загонов для животных. Но самих животных не видно, только полосатые поросята и одна кабаниха.

Бродим бедными сосняками с вереском и тимьяном, осушенными болотами и хорошими ельниками с печеночницей в полном цвету. Много цветущей ветреницы дубравной. К вечеру цветки заснули, поникли головками и в сумерках выглядывают белыми точками. На обратном пути подобрала машина – это нас разыскивал взволнованный Леня и накинулся. Его гнев смягчили бутылкой вина. В сторожку, где мы прибились, приезжали, уезжали лесники, в сумерках не разберешь. Пили вино, так по доброте душевной распорядился Леня. Ему мы отдали и наш главный презент – красную рыбу, полученную с Камчатки. Это его вдохновило на новую бутылку. Ездили по этому поводу в Каменюки. К нашей радости, там все было давно закрыто, так что обошлось лишь тем, что остатки ужина унесли за избушку. Только легли – начались бесконечные телефонные звонки. Духота, звонки и Леня – большой любитель поговорить. Вылезаем из спальников, идем на чердак. Там тоже не сахар – канистра с бензином бьет в нос вперемешку со свежим воздухом. Только успокоились и стали прислушиваться к пенью птиц и кваканью лягушек, как приехал большой автобус. Визг транзисторов, девиц и парней. Дрались. В конце концов мы крепко заснули.

3 мая. Легкий ветерок. В окно смотрит на меня скворец. Здесь их очень много. В сторожке закладываем гербарий и идем к местному ботанику Смирнову. У него уютный домик в Каменюках с двойным двором, в котором растут маленькие тисы. Колютея отмерзает до основания, а весной возобновляется. Смирнов не знает названий ни одного комнатного растения и аккуратно записывает. Местный парторг, большое начальство, агитирует нас посмотреть фильм о Беловежской пуще, но мы в отчаянии просим посмотреть на Пущу в натуре. Парторг не на шутку обижается. Через полчаса нас знакомят с лесоводом по фамилии Ренклод. С претензиями на лоск, как и положено человеку с такой фамилией. В его комнате шкура рыси. Долго и нудно он рисует нам план Лецкого лесничества. Терпение Андрея на пределе. Решаем идти пешком. Лес, ельники, огромные сосны. Красиво. В лесничестве егерь – Слава Высоцкий - устраивает нас у своей матери Павлины Ивановны. Потом ведет в дубраву, показывает загоны зубров.

Сразу находим Isopyrum thalictroides, Hierochloe alpina, Pulmonaria angustifolia. На березах много омелы. Ветреница дубравная аспектирует, голубые гепатики, огромный дуб, ива-бредина. Красота! Солнце. Слава рассказывает истории, связанные с тем, как приезжал в пущу Никита Хрущев на охоту. Рассказывает, каким тот был самодуром, когда выпивал! Ведет нас к

искусственному озеру. До вечера мы бродим по пуще. Квакают жерлянки. При постройке озера домики бобров были разрушены, и бобры ушли в Польшу. Вечером слушаем рассказы Павлины Ивановны о военном времени, о довоенной Польше. Ее муж Юзек поляк, а она белоруска. Родила детей в 45 и 47 лет. Смотрит на нас блаженными счастливыми глазами.

4 мая. Березы выпустили сережки. Кабаны, а, может быть, зубры, изрыли всю дубраву. Очень много цветущего волчьего лыка. Береза пылит. У меня на пыльцу аллергия. Громовым чихом вспугнула кабанов… Андрей собирает чистяк. Он совсем другой, листья городчатые, цветки мелкие. Бродили ельниками, дубравами. Аспекты печеночницы и ветреницы. Погода хмурится. Рядом с нами у кормушек четыре зубра. Стоят независимые, жуют с достоинством. Не обращают на нас никого внимания. Вечером варили щи из крапивы. Павлина Ивановна жалуется: зубры сильно травят огороды. Летними ночами огороды охраняют с собаками.

5 мая. С утра гроза, сильный дождь, но тепло. Лесники сводят дебет с кредитом, считают на счетах. Наш хозяин не покладая рук грузит на повозку навоз и раскидывает его в поле. Сильно промок. В 4 дня лесники, закончив работу, уходят. Распогодилось. Поют птицы, кукует кукушка. Даем Павлине рубль за яйца. С хлебом они очень вкусные.

Идем на запад. Сразу попадаем в заболоченный ручей. Прыгаем с кочки на кочку, добираемся к пограничной заставе, а за ней к правительственной даче. Нашли несколько кустов ветреницы лютичной, здесь это большая редкость. Идем навстречу солнцу и наблюдаем, как за ним поворачивают головки цветков ветреницы. По ручью желтеет селезеночник. С дороги свернули на огромную поляну, окруженную дубравой с кормушками для зверей. На поляне дубы-исполины. Трава изумрудная. Среди травы люпин. Раньше, при поляках, его здесь сеяли. Он стал забивать естественную растительность. Пришлось его косить, чтобы не размножался семенами, но он продолжает расселяться, хотя не нарушает местную флору. Сегодня впервые покрылся зеленью граб. Долго ищем его сережки, чтобы собрать для гербария. Находим только женские. Желтозеленый клен в полном цветении. Вокруг деревьев гул – лакомятся пчелы. Тычиночные цветки уже опали. Пылит ясень. Бросаются в глаза огромные деревья – грабы, ясени, дубы. Возвращаемся в сумерках. Ветреница заснула, а калужница – нет, светится в полутьме золотом цветов.

Вечером Юзек рассказывает: когда пуща была польской, хорошо ухаживали за лесом. Тогда не было гнили, после ветровалов убирали, прореживали. Говорит, что лоси не выдерживают конкуренции с оленями. Помнит, как раньше медведи нападали на людей и скот, приходилось их ловить. Глаза у Юзека карие, лицо приятное, выразительное. Несмотря на усталость, вечером пошли, как обычно, на прогулку. Над головой бездонное небо, а в Пуще темно. Я испугалась рыка какого-то зверя.

6 мая. С утра отдыхаем. Дали Павлине рубль и пьем парное молоко. Стасик приглашает нас в Язвенское лесничество в 55 километрах к северу, уже в Гродненской области. Несемся по ухабам через всю пущу. Любуемся красотами. Рабочие ушли сажать топинамбур, а мы в лес. Печеночницы тут нет. Река, лес.

Неожиданно обнаружили, что собрали довольно много. Хороший повод – остаться тут еще на один день. Мы привязались к Павлине. У хозяев гость, родственник Павлины Ивановны, борец за правду Нестор, бывший лагерный.

7 мая. Весь день лежим на берегу озера. Мелкое, прозрачное, оно наполнено лягушками. Вокруг лес, приятный ветерок. Сгорели. Береза уже не сквозит, вся крона в ярких блестящих нарядных листьях. Яркая зелень кислицы, белые цветки в темноте ельников. Второй день летают комары, первый день, как поет соловей. Отцвело волчье лыко, поникли головки ветрениц, отцвела и сон-трава. И только дуб не проявляет никакой жизни.

8 мая. Ночью комары не летали. Было свежо и очень хорошо. Утром последний раз у Павлины пили молоко, простились. Не дождавшись автобуса, пошли пешком через лес. Везде вылезла кислица и своим нежным ковром покрыла землю. Парило, и из-за множества муравейников сильно пахло муравьиной кислотой и только что расцветшей черемухой. Легкой зеленью покрылись кроны дубов. Последний рывок, и мы в Каменюках. Быстро едем в Брест. По дороге городок Каменец погружен в белое кружево весенних садов. Мимо мелькает башня Белой Вежи.

Едем во Львов. Ночь в автобусе на откидных сидениях очень утомительная. Зажигали свет, постоянно входили и выходили бабки.

9 мая. Утром прибыли в старинный, очень красивый Львов. Долго искали площадь Богдана Хмельницкого, где живет моя подруга Лена. Она оказалась на работе. Мама Лены – Тереза Игнатьевна – чудесный человек. Обогрела, накормила, положила спать. Блаженствовали часа три, а затем пошли бродить по Стрийскому парку. Это кусок леса. Все пронизано стариной: и памятники, и башни. Ботанический сад маленький и очень чистый, красивый. За высокой кирпичной стеной – большие старые деревья, огромные вязы, липы, ароматные цветущие магнолии – чудесно!

10 мая. Утром ходила на рынок. Весь Львов покупает продукты только на рынке. В магазинах таких продуктов, как яйца, мясо, нет. На электричку опоздали – расписание не соответствует действительности. Мечемся по темным залам вокзала и за 8 (!!!) рублей покупаем билеты до Трускавца. Еще пять минут, и мы в поезде. До Трускавца езды три часа – красота и огорчение. Скорый, поезд совсем не скоро, только в час дня приполз в Прикарпатье. Парит. Ринулись вдоль железной дороги к буковому лесу, и – о радость! Полно новых для нас видов: белоцветник, галантус, сцилла, очень много отцветшей ветреницы дубравной. Дуб весь в курчавой листве. Есть и пихта. Тучи сгущаются, начинается дождь. Находим сциллу, желтую примулу. Пережидаем дождь. Андрей рассказывает мне о Богдане Хмельницком. Дождь усиливается. Ждать нет времени. Спускаемся в овраг. Многое напоминает Кавказ – белокрыльник, пролесник, заросль медвежьего лука, зубянка. Лещина огромных размеров. Чудесно!

Совсем промокшие собираем осоки. К шести часам подходим к станции. Моментально садимся на такси до Львова. Карпаты в дымке. Проезжаем Дрогобыч. Завязывается извечный разговор о хамах-москвичах. Андрей – коренной москвич, всегда болезненно относится к этой постоянно возникающей в провинции теме, злится.

11 мая. Закладываем трускавецкие сборы. Тереза Игнатьевна кормит нас на убой. Едем в ботанический сад, а затем в Погулянку – городской сад, вернее лес. Множество самых разнообразных деревьев, возможно, посадки, но одичавшие. В ботаническом саду много интересных травянистых растений. Сторож с собакой не пускает к альпинарию! Огибаем вход и попадаем в густой буковый лес, с глубокими оврагами, поросшими плющом.

12 мая. С утра идем в Институт биологии. Два прелюбезных ботаника – Голубец и Малиновский – советуют поехать в Золочев. Неосторожно попросили бумаги для гербария. Отвечают – в музее нам дадут газеты… В музее тихо и красиво. Любезный сотрудник музея Ив Петрович Завада долго водит нас по музею. Но наша цель – бумага! Получаем бумагу, хватаем и хотим быстро уйти. Но нам это не удается. На 3-м этаже в отделе палеонтологии необыкновенный носорог – второго такого, кроме Кракова, нигде нет. Отказать любезному смотрителю никак нельзя. Бежим наверх. Смотрим на носорога, за компанию и на мамонта. Ура! Мчимся. Заблудились. Андрей в поисках справочного бюро. Неожиданно обнаруживаем вокзал. Всего пять минут до отправления. Не доезжая Золочева, выходим и лезем в гору. Сразу же обнаруживаем степные склоны с адонисом, шалфеем, лапчаткой. Ветер. Поют жаворонки. Под нами облитое белыми садами село с огромной церковью. Вдали буковый лес. Проходим село. Наше появление не

проходит незамеченным. Здесь мы новые люди. Особенно возмущает поселян борода Андрея! Поднимаемся по холму в буковый нетронутый лес. В травяном покрове – ветреницы, изопирум, василистники! Красота красот! Бродим до семи вечера. Набиваем папки. Спускаемся вниз, вновь любуясь весенней панорамой.

Как вкусен ужин, как хорошо, уютно у Лены. Два кота играют и прыгают, как пантеры.

13 мая. У Лены на работе опять разговоры о плохих москвичах, о суетной Москве. Надоело. Идем парками. Как хорош Львов весной! Успеваем заложить гербарий и посетить в музее гербарий. Но на шкафах пломбы! Прощаемся с городом, спешим! Толкотня, посадка. Самолет. Лена нам машет! Гул винтов.

Летом я и Андрей – участники дальневосточной экспедиции. Часть группы улетала прямо на Камчатку, а мы с Андреем выбрали Магадан, чтобы познакомиться с предполагаемой работой. В Магадане мы застряли до сентября. Чувствовали себя уже вполне сотрудниками магаданского Института. Договаривались о сроках приезда, пользовались транспортом, знакомились с обстановкой. Но института как такового еще не было. Была крупная лаборатория при геологическом институте. Она щедро снабжалась прямым каналом из Академии наук, так как было уже известно, что эта лаборатория отпочкуется от геологов в самостоятельное подразделение. С жильем были огромные трудности. Нужно было формировать кадры, отделы, структуру института. Только у Витаса Контримавичуса – будущего директора – была квартира, куда стекались все полевики, как будущие сотрудники, так и командированные из Владивостока и Москвы. Сплошная текучка на фоне обаятельнейшего, милого, простодушного Витаса. Очарование дому придавала и его скромная и терпеливая супруга Светлана Бондаренко. Будущее казалось нам ясным и прекрасным. Трудности нас совершенно не пугали. К тому времени относится знакомство с биологами из Владивостока, среди которых была Мариса Григорьевна Казыханова, дружбу с которой я сохранила до сих пор. Теперь она заведует зоологическим музеем при университете.

В Магадан прилетели в середине июня. В Москве лето в зените, лесные травы уже давно отцвели, а в Магадане, сыром и холодном, состояние природы весеннее. Прибитые дождем яркие герани и княженика по обочинам дорог напоминают клумбы. Ярко зеленеет лиственница.

С городом мы уже знакомы. Магадан расположен между двумя большими сопками – Нагаевской и более высокой, 700-метровой – Марчеканом. По краям бухты Нагаева на приморской сопке улицы, вернее улочки, идут круто вверх. Сохранились маленькие приземистые насыпные дома – первые магаданские постройки. Но на вершине сопки и на противоположном, защищенном от морских ветров и туманов склоне, – асфальтированные широкие улицы. С сопки вниз спускается главная улица Ленина. По краям – красивые лиственницы. Вдоль улицы капитальные 5-этажные «сталинские» дома. За ними – коробки панельных домов расположились не только на приморской сопке, но и расползлись на противоположную. Зелени почти нет. Только в центре города – парк, остаток природного лиственничника в довольно жалком состоянии. Есть и музей. Это небольшое бревенчатое здание, окруженное несколькими лиственницами и черемухой. Остальное – голые коробки.

Улица Ленина в основании сопки плавно переходит в Колымскую трассу, снова поднимаясь на гребень невысокой сопки. Сохраняются и старые колымские названия, например, улица Транзитная. Еще вполне можно себе представить, каким был этот город во времена ГУЛАГа.

Нам дали адрес Росгипрозема – организации, связанной с землеустройством, и в том числе с геоботаническими описаниями. Мы хотели обратиться к коллегам и просить содействия с жильем и организацией работы. Двухэтажное небольшое уютное здание находится на окраине Магадана. Все ботаники на полевых. К кому обратиться? Миловидная женщина оказывает нам

неоценимую услугу. Звонит проректору педагогического института. Говорит хорошо поставленным голосом: «Необходимо устроить сотрудников Академии наук из Никитинского ботанического сада»! Она перепутала Главный ботанический сад, где мы работали, с Никитским – в Крыму. Видимо, у нее приятные воспоминания.

Перед зданием педагогического института навытяжку стоит проректор, окруженный сотрудниками. Выделяют на всё лето (!!!) прекрасную комнату, в которой мы не только спали, но и работали. Подружились с комендантом – милой женщиной. Она однажды досушивала наш гербарий.

1969 г. Магадан. Андрей Хохряков

Первая экскурсия под проливным дождем на Нагаевскую сопку. В ее основании с правой стороны бухты – морской порт. Стелется туман. Штормит серое море. Безрадостная картина. Перескакивая с одной каменной глыбы на другую, обходим сопку. Между камнями выглядывают кусты цветущего багульника, спиреи Стевена. Вымокли до нитки.

Институт биологических проблем Севера пока еще не открыт. Это только одна лаборатория. Она располагается в том же прочном трехэтажном здании Геологического института, которое мы посещали в 1967 году. Энергичные и жизнерадостные биологи ютятся в одной комнате, живут будущим. Первый, кого мы встретили, – суетливый Михаил Адольфович Вайнриб. Он по специальности врач. Хирург. То и дело сообщает по телефону: «Вас слушает доктор Вайнриб». В Магадане наслышаны. Приехал, дескать, молодой доктор биологических наук, директор нового института. Михаила Адольфовича принимают за доктора наук, а то и за директора. Это ему очень нравится. Витас не обижался, только улыбался.

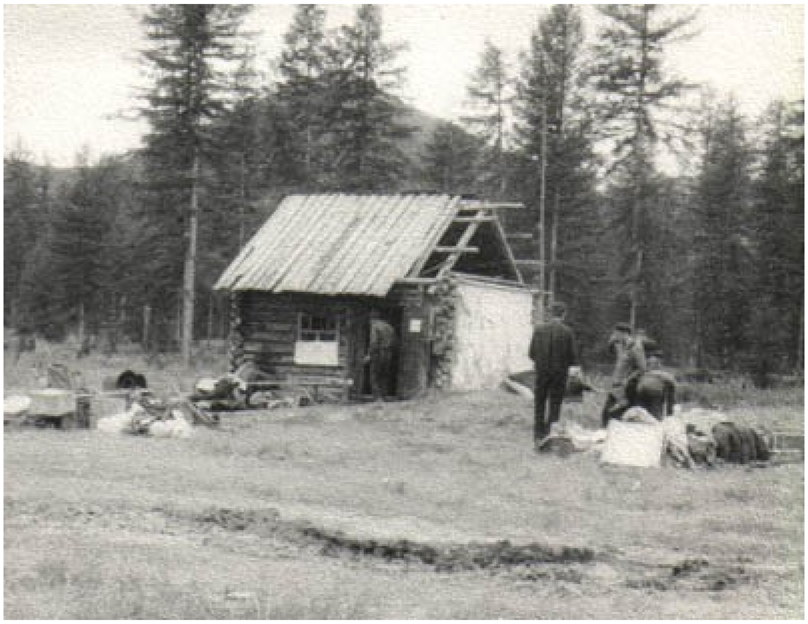
Витас, хотя мы не были сотрудниками института, сразу же пошел навстречу. Посоветовал ехать на Эликчанские озера. Рассказал, что в верховьях реки Ямы есть избушка, в которой в настоящее время находится известный зоолог из Владивостока Бромлей с супругой и двумя студентками. Туда мы и можем заехать. На единственной на всю Магаданскую область высокопроходимой машине ГАЗ-66 – предмете гордости лаборатории – едем по трассе. То и дело останавливаем машину, выскакиваем и собираем растения. Ведь в этих местах такое удобство создано для нас впервые. Шофер Володя терпеливо выполняет наши просьбы. Вот и знакомый перевал на 150-м

километре. За ним почти незаметный поворот на восток мимо огромных наледей. Пересекаем вполне невинную небольшую речку Яму. На большой поляне – маленькая избушка. В ней зоологи препарируют леммингов. Это совсем непростое дело. Ловушки, маленькие зверьки. Дело для нас совсем незнакомое.

На следующий день зоологи уезжают в Магадан. А мы пересекаем реку и идем на самую высокую в этом месте сопку с триангуляционной вышкой.

Погода портилась, река слегка вздулась. Поднялись на сопку, размышляя о том, как трудно было по распадкам и курумникам тащить вверх тяжелые бревна для триангулы. Рассуждал Андрей и о том, что мы пока молоды и хорошо ходим, но со временем его сменит и разделит трудности подъемов и экспедиций подрастающий сын. Павлу тогда было всего шесть лет, и это казалось пока мечтами. Но жизнь бежит быстро. Так и получилось, наш сын Павел прошел с нами много километров!

На спуске мы увидели: река разлилась, вода быстро прибывает. Вместо одного русла уже несколько, основное русло особенно стремительное. Не стали раздеваться. Холодно. Выбрали жердь покрупнее, взялись за нее и друг за другом пошли. Первые рукава преодолели без труда. Но на стремнине нам было уже по горло. Едва удержались, и то только благодаря силе Андрея. Главное, нас не унесло и не захлестнуло. Выбрались на берег и побежали к избушке. Быстро растопили печь, высушились, я успокоилась. Наша жизнь была на волоске, а Андрей только иронично подтрунивал надо мной.



Август 1969 г. Эликчан. Магаданская обл.

Непогода разгулялась не на шутку. Мы оказались отрезанными от лесной дороги. Никакой ГАЗ-66 по такой стремнине не мог проехать.

Обследовали незатопленные окрестности. Время текло. Непогода длилась долго. Я уговаривала Андрея заняться сбором магаданских растений для эксикат. Собираешь 100 листов. Делаешь подробную этикетку и рассылаешь в самые известные гербарии. А за тобой числится научная работа. Хотя какая же это научная работа! Но я хотела, чтобы у Андрея было больше научных работ. Да и у меня тоже. Поэтому я собрала для эксикат одну низкую осоку – Carex eleusinoides, пронизывающую длинными и прочными корнями песчаные отмели у ручьев. Андрей досадовал.

Он не любил ремесленной работы. Тем более, что бумага кончилась, а новые сборы прибывали. Меня радовало то, что в соседнем лиственничинике было полно жимолости, которой я продолжала заниматься. В лиственничной пойме цвел «колымский ландыш», крупная грушанка кровянокрасная.

Только через неделю вода постепенно спала. За нами приехала машина. Шофер Володя очень обрадовался. Был уверен в том, что мы утонули. В тех местах это дело привычное.

В Магадан приехала большая группа паразитологов – из Москвы и Владивостока. Преподаватели, студенты. Их нужно отвезти к маленькой избушке на берегу Колымы у Среднего Кана. Местечко под названием «Топографический» находится в среднем течении реки Колымы. Все рвутся побыстрей уехать. А нам нужно задержаться, досушить гербарий. Шофер Володя запил, и это нам на руку. А так как с шофером мы подружились, сложилось мнение, что мы подговорили его задержаться. Время шло. Обстановка накалялась.

Нашли нового водителя. Погрузились. Народ веселый. Едем по трассе. Опять 150-й километр трассы. Теперь хорошо знакомые места: Атка. Палатка. Запыленные, едем без остановок. Побыстрей бы до добраться до Среднего Кана. Но машина барахлит. Ночь нас застала у Черного озера. Сколько времени уйдет на ремонт – никто не знает. Водитель говорит – до утра. Все замерзли. В сумерках белых ночей бродят вокруг машины, прыгают, согреваются. Андрей решил пойти на сопку. На подъем ушло не больше часа. Наверху мне все чудятся крики. «Нас зовут!» – я волнуюсь. Андрей отмахивается. Оказалось, поломку быстро исправили, стали нас звать и не дозвались. Встретили нас более чем враждебно. Ничто не предвещало дружбы.

Август 1969 г. р. Колыма. Топографический

Через день мы все же добрались до Топографического. Изба у берега Колымы служит временным стационаром. До нашего приезда в избушке жила одна Мика (Мариса) Казыханова.

Витас дал нам в помощники лаборантку. Ранее Эля Зальцман работала на Чукотке. Устала от Севера и приехала на юг, в Магадан. Ей Магадан после Чукотки мнился курортом. Андрей, наоборот, считал: раз с Чукотки – закаленная. Конфликт представлений.

Договорились с местным мужиком. Он на моторке меня, Андрея и Эллочку перевезет на противоположный берег Колымы, а вечером возьмет обратно.

Река черно-стальная. Это работают драги, перемывают грунт, моют золото. Мотор то и дело глохнет. Я восторженно показываю Андрею: «Мы пойдем туда-сюда!». Он в ответ: «Если доберемся до берега…» Добрались. Но тут же ленивая Эллочка осталась на берегу. Весь день поливала ноги холодной водой. Жарко. «Мыла Марусенька белые ноги». Гельминтологи веселились, рассматривая ее в бинокль.

А мы по раскаленным склонам пошли вверх, чуть не ошалев от жары. Так разгорячились, что у вершины сопки брали мох в мочажинах, выжимали из него воду на голову. К реке вниз бежали изо всех сил и в одежде бросились в воду. Но не надолго. Мгновенно холод проник во все члены.

Несколько раз мы влезали в холодную воду Колымы. В основном для фотографии. Оказалось, осколков стекла в реке достаточно. Андрей поранил ступню. Поэтому, когда уезжали, на катер его несли на руках. Провожали все. Мы очень сдружились.

Алексей Петрович Васьковский рекомендовал нам посетить интересное с ботанической точки зрения место – курорт Талую. Здесь есть целебные грязи. Приехали под вечер. В гостинице нас, в полевой одежде, с рюкзаками и гербарными сетками, встретили враждебно. Не возьмут. Грязные. Что нам делать? «Идите в зону, там гостиница!» «Далеко?». «Километра три!». Идти в зону не хочется. Тащить вещи в ночь…. Что делать? Где ночевать? Нам очень повезло. В центре курорта пожарная часть. Она – пупок курорта, его главная достопримечательность. При ней маленькая гостиничка. Начальник пожарной части Таран, крепко сбитый загорелый хохол средних лет, преисполненный важности и доброты. Он принял нас как своих родных детей, положил на кровати, застеленные чистейшим бельем.

Утром мы сидим на площадке, сушим газеты, закладываем гербарий, любуемся красотами курорта. «Вы должны пойти на озеро Галитур», – советует Таран. «Г» он произносит как достойный сын своего народа. Туда он в компании всех пожарных собирается на пикник.

Вдруг над курортом начинает кружить Ан-2. На наши головы сыплется дихлофос! Это разгоняют комаров. Заботятся о курортниках!

В августе мы снова на Эликчане. Народ разнообразный. Много студентов. Вечерами песни под гитару. « Ах какая ты близкая и ласковая!» – поет Андрей. А Лиза Скрябина, внучка известного академика паразитолога, спрашивает его с удивлением: «Неужели это вам нравится?». Нравится. Все нравится. Особенно: « Приходишь – спасибо, уходишь–привет»... И многое, многое другое.

Грибов масса. Много спелой жимолости. Яма сильно обмелела, перейти в сапогах ее ничего не стоит. Утром решаем в очередной раз приготовить грибы. Выхожу с ведром. Набрать их – всего полчаса. Но каково разочарование. Ночью был заморозок. Грибы обмякли.

Сентябрь 1969 г. Долина Гейзеров

Витас дает нам машину для поездки на Ольское плато. В августе паводков уже, как правило, не бывает, и дорогой служат широкие речные галечники. Вдоль реки Олы, берущей начало на Ольском плато, едем несколько часов. Испытание. Меня сильно укачало. Остановились перед так называемой Китайской стеной. Сделали всего один маршрут. Находок много. Мы хотели найти карагану гривастую, о которой в 1967 году говорил Васьковский. Но не нашли.

Нам жаль расставаться с Витасом, с Магаданом. Хотелось уже собирать материал для «Флоры Магаданской области». С Витасом мы подружились и считали себя членами его коллектива. Но у нас командировки на Камчатку.

На Камчатку мы в начале лета еще в Москве отправили матрасики для сушки гербария, подписанные «АХ», что означало «Андрей Хохряков». В сентябре должно было состояться совещание «Биологические ресурсы суши Камчатки». Для этой цели в Петропавловске был арендован теплоход, превратившийся в гостиницу. Там мы встретились с новыми друзьями и с нашими московскими знакомыми.

Конец совещания венчался осмотром долины гейзеров, куда нас забрасывали на вертолетах. В те времена существовал туристический, довольно тяжелый пеший маршрут в долину гейзеров с остановкой в Жупаново. Нас же с легкостью вертолета партиями забрасывали в долину. Мы спускались в узкое ущелье речки между сопками, поросшими высокотравьем и каменными березами. Вдоль ручья выбрасывается пар. Фонтанами бьет кипяток. Шипит вода. Булькающие озерки в пестрых гейзеритах. Зрелище особенное и завораживающее. Каждый гейзер имеет свое название. Свой режим.

1969 г. Эликчан. Леня Контримавичус и Андрей Хохряков.

После совещания вулканологи нас забросили на стационар в кальдере вулкана Узон. Извержение было такой силы, что сорвало всю гору до основания, оставив чашу размером в несколько километров с высокими краями. В чаше разнообразные озера. Рассказывали: есть такие, которые растворяют металл. Как всегда в новых местах – стращали. Сборы делали на стенках кальдеры, покрытой тундровой растительностью. Вернулись в Петропавловск целыми и невредимыми.

Живем в квартире наших друзей Рябовских. Они гостят у нас в Москве, а мы у них на Камчатке. Интересная пара. Рябовский- начальник «Охотскрыбвода». Приятный человек, живет на Камчатке давно. Кооперация на Камчатке связана в основном с рыбой. Еще в 1967 году, когда я интересовалась, как собирают на Камчатке жимолость, Рябовский пригласил нас к себе в гости. Красная икра лежала горкой на большой тарелке. Жена-камчадалка уговаривала есть ее со сладким чаем. Мы подружились.

Льет дождь. Холодно. Несем с рынка продукты. Предвкушаем вкусный ужин. Но квартира занята. Дочь Рябовских готовит ее к приезду родителей. Нам некуда ступить. Стоим на пороге. Схватили рюкзаки и снова оказались на улице.

Взяли такси и отправились на соседнюю сопку, в другой район Петропавловска, к Дъяконовым. Они к тому времени переехали из Ключей в Петропавловск. Старик Дьяконов больной, на пенсии. Мария Александровна извлекла максимум пользы из его регалий. Сотрудники лесничества обеспечивают их дровами. Квартира в новом 5-этажном типовом доме с печным отоплением. И это удобно. Мария Александровна не думает расставаться с печью, как это делают почти все ее соседи. Такие же печи стояли и в Магадане. Но очень быстро в начале 70-х годов печи были полностью выброшены.

Едим фирменные с пылу с жару пирожки Марии Александровны. Уют и любовь. Как же нам было там хорошо!

По возвращении с Дальнего Востока Андрей улетел в Тбилиси на ботанический съезд.

К Андрею грузины относились по-отечески. Особенно Анна Лукьяновна Харадзе – заведующая гербарием. Он ведь уже давно работал на Кавказе и часто приезжал в Тбилиси в Ботанический институт. Позже Андрей гордился тем, что по материалам съезда был издан сборник, содержащий в основном грузинские работы, и только два автора были негрузинами, среди них Андрей. Как нужна была ему в это время человеческая поддержка!

На статьи Андрея из «Ботанического журнала» продолжали поступать отрицательные изматывающие отзывы.

В Москве Андрей начинал обработку наших трехлетних сборов в Сибири и на Дальнем Востоке. Задумано собирать материал для «Флоры Магаданской области». И меня, и Андрея почти без исключения все друзья отговаривали ехать в Магадан. Родственники также всю затеянную кампанию называли добровольной ссылкой. В лице Контримавичуса мы видели доброго ангела. Его личность сыграла немаловажную роль в нашем окончательном решении уехать на Дальний Восток. Он принял горячее участие в судьбе Андрея, рекомендовал быстрее оформлять и диссертацию, и монографию.

Публикации 1969г.: Статьи: «Новый вид чистяка из Колхиды» и «Нектаропродуктивность некоторых видов эремурусов, выращенных в Москве». Эту работу мы проделали вместе.

Поездки 1969 г.: Май: Беловежская пуща, Львов, Львовская область (Трускавец, Золочев). Июнь: Магаданская область (Нагаево, Марчекан, Эликчанские озера, Черное озеро, Среднекан, Талая, Армань), Камчатка (Долина Гейзеров, кальдера Узона, Сосновка). Кавказ (Тбилиси. Батуми).

Глава пятая: Первые годы в Магадане. Поездки по Колымской трассе. Ольское плато. Чукотка. Охотоморье (1970 – 1973)

1970 Зимой 1970 года мы еще раздумывали, ехать или не ехать в Магадан. Дома все было привычно. С другой стороны, под руководством В.Ворошилова никакой надежды на продвижение по служебной лестнице ни у меня, ни тем более у Андрея не было. Повысили сотрудников, проваливших отчеты, а нас оставили на прежних, унизительно маленьких ставках. Андрей продолжал быть младшим научным сотрудником, я – лаборантом.

Андрею снятся хорошие сны, и есть у него хорошие предчувствия. Но в то же самое время он пишет будущему своему начальнику Контримавичусу о несчастном роке. И сам как-то верит в это.

В конце марта мы едем в Майкоп в гости к другу Андрея – Мише Алтухову. С нами шестилетний сын Павел. В Майкопе много тихих улиц с одноэтажными, побеленными на южный манер домами, окнами со ставнями. В одном из таких домов, окруженном плодовым садом, живет Миша.

Миша продолжает работать в Кавказском заповеднике. Толстый, с добрым круглым лицом, он похож на Пьера Безухова в исполнении актера Бондарчука в фильме «Война и мир». Оба друга –

толстый и тонкий, Андрей и Миша – выглядят смешно и старомодно. Их связывают университетские воспоминания и бережное, нежное отношение к науке. Миша кончал метеорологический техникум, часто смотрит на небо, рассматривает облака, нас просвещает. Миша живет в небольшом домике, окруженном плодовым садом. В доме еще не убрана новогодняя елка.

Миша суетится, все время подчеркивает важность момента, восклицает: «Приехал Андрей Павлович с супругой! С супругой!» Нам у Миши хорошо. Домики, весна, предгорные леса и покой.

Все дни, вплоть до второго апреля, мы ходим по предгорьям. Светлые, еще не распустившиеся грабовые леса в первом весеннем состоянии. Андрей обнаруживает свой, недавно описанный кавказский вид – чистяк Попова. Цветет фиолетовая душистая фиалка, соломонова печать, шалфей клейкий. Много пролески, хохлаток, ветреница лютичная. Много цветущих растений в этих нарядных лесах. Дороникум восточный поворачивает яркожелтые соцветия – следит за солнцем. Живучка восточная едва высовывает свои необычные темные пушистые листья. В полном цветении кизил мужской с прямыми, как стрела, побегами, увенчанными желтыми мелкими цветками. И, конечно, пенно-белая алыча, создающая нарядность всего Майкопа, окрестных лесов. Колючие, голые, еще не облиственные кусты боярышников с прошлогодними не опавшими листьями наподобие зимнего дуба. У бирючины обыкновенной вечнозеленые листья только в основании кустов, там, где она была укрыта снегом. Выше, на голых ветвях ее начинают отрастать новые блестящие листья. Во влажных ложбинах большие нежные листья медвежьего лука с белой толстостенкой кажутся посаженными на клумбе. На почве стелется гибкий бересклет европейский и типичная лиана – каприфоль.

Почти ежедневно мы ходим на экскурсии и, к удивлению Мишеля, как зовет его Андрей, много времени затрачиваем на закладку, переборку, то есть на нашу обычную экскурсионно-гербарную жизнь.

Миша беспокоится. В Кавказском заповеднике перемещения, перестройки. Он партийный лидер, стремится к восстановлению порядка. Но «царские охоты» с большим размахом проводятся регулярно. Это возмущает Мишу. Он борется, но бесполезно.

Такие честные члены КПСС (Коммунистической партии Советского Союза) в какой-то степени сдерживали нарастающее беззаконие. Андрей таких партийцев мне называл дураками. В партию он принципиально не вступил и меня отговорил. Когда он работал в Кобулети, его мать Ольга Андреевна уговорила вступить в комсомол, надеясь на будущее продвижение. На том и кончилось.

Гостеприимству Миши нет предела. По утрам он варит кашу нашему сыну. Принес с рынка огромную индейку, сварил ее в ведре. Индейка в Майкопе – традиция. К индейке обязательны вино и философская беседа!

Ясные погожие дни сменились холодным дождем. Река Белая вздулась и разлилась. К нашему счастью, дождь не затянулся. Снова засияло солнце. Наступили ясные и очень теплые дни с фенами – теплыми ветрами с гор. Миша боялся пыльных бурь. Сказывалась близость степей. Наш шестилетний Павел оказался молодцом. Мы гордились: он прошел сам более семи километров. Для такого возраста – испытание. Мы подбадривали его, показывали водомерок на лужах, встретили черепаху и двух гадюк, выползших погреться.

Уже в вечерней полутьме мы, очень уставшие, подходим к Мишиному дому. Решили подшутить, как-никак 1 апреля. Павел бежит вперед, кричит: «Мама с папой потерялись!». Наивный Миша поверил и разволновался. Расставались, как родные, с грустью. Нам уже не суждено было еще

раз увидеться. Миши нет на свете. И я не знаю, сбылось ли его сокровенное желание лежать на вершине горы Аишху, на месте, где он впервые нашел тюльпан Липского.

4 апреля мы улетели в Ставрополь. Нас встретили Скрипчинские – Василий Васильевич и его сын Володя с супругой Галей Шевченко. Устроили в гостинице, показали ботанический сад, одолжили деньги. Квартира у Василия Васильевича со старинной мебелью, на стенах пейзажи Гречишкина. Мы, к своему стыду, не знали этой знаменитости, но вежливо кивали, рассматривая очень хорошие пейзажи. Хозяева удивлены нашим решением поехать на Север. Особенно в Магадан… Опасения пожилого человека, привыкшего к южному теплу и своему краю, где совмещаются и степи и горы, – понятны. Ему непонятно наше бесстрашие. Он нам показывает свои поэтические очерки об эфемероидах, дарит книжку об онтогенезе. Человек иного поколения, он с большой терпимостью относится к теории яровизации и в целом к Лысенко.

Скрипчинские организовали для нас поездку на Сингелеевское озеро – гордость жителей Ставрополя. Огромная чаша озера находится в 20 километрах от Ставрополя и на 200 метров ниже города. Во время экскурсии мы все время видим зеркало этого огромного озера. Поют жаворонки. Цветет чистяк – особый интерес Андрея. В грабовых лесах сплошной голубой ковер пролески. Картина удивительно красивая, особенно в солнечный день. И этот, не очень легкий поход, с подъемами, спусками и пронзительным ветром наш Павел выдержал героически.

Скрипчинские нас сопровождают и в музей – также гордость Ставрополя. Особенно нажимают на созерцание картин Гречишкина. Но Андрей, как всегда, досадует, когда мешают ему уйти в очередной раз на природу. Даже каменные бабы, памятники древности, его не вдохновили. Наконец мы в грабовом лесу. Собираем пролеску, толстостенку и белокопытник. В.В.Скрипчинского, как и Мишу Алтухова, мы больше не увидели. Отъезд в Магадан оторвал нас от Европы.

Я с Павликом улетела в Москву. А Андрей продолжил весеннее путешествие в Тебердинском заповеднике в одиночку.

Отъезд в Магадан откладывался. Все упиралось в рабочие места – академические единицы, которые должны были спустить из Академии наук в магаданскую лабораторию – будущий институт. Обещали только к маю.

Я продвигала свою работу с жимолостями, поэтому решила летом поехать на Восточные Саяны. Южное побережье Байкала было подходящим для этой цели местом. Туда я поехала с Ниной Алянской, сотрудницей нашего отдела флоры в ГБС. Летом в ожидании места в Магадане Андрей воспользовался возможностью поехать в Среднюю Азию с экспедицией ботанического сада.

22 июня он мне пишет из Варзобского ущелья. Ему без меня тоскливо и одиноко: «Хочется в высокогорья, но они доступны менее всего. Позавчера на весь день, с 5 утра, ходил в горы, долез до снегов, устал зверски, но было очень хорошо, нашел много интересного. А вчера и сегодня разбор материала, сборы на жаре, без тени очень утомительны. Ночи прохладные, хорошие, но ночами меня мучает аллергия. К тому же прангосом обжег все руки. Кожа покраснела, покрылась волдырями, чешется.»

> «**23 июня.** Майка, дорогая! Любимая! Кажется, я начинаю акклиматизироваться. Жара уже не так действует угнетающе, как в начале. Или просто стал привыкать? А вечера чудесные, прохладные. Но на душе по-прежнему тоскливо. Так жаль, что ты не со мной и не видишь тех красот, какие вижу я. Проехали через Душанбе на юго-восток, на Дарвазский хребет, прямо на границу с Афганистаном. Одну ночь провели на берегу Пянджа. Река не очень широкая, метров 200, но с быстрым течением. На

другом берегу такие же горы, но это уже Афганистан. Кажется, можно даже их потрогать руками. И что удивительнее всего – можно подходить к самому берегу реки, черпать из нее воду. Даже в Закарпатье этого не было. Потом мы две ночи провели на Дарвазском хребте на 3-х тысячах метров. Чудесное здесь место. Альпийские луга, полосы не стаявшего снега, цепи соседних хребтов вдали, также со снежными остриями. Цветов масса. Самые настоящие альпийцы, что мне хотелось в первую очередь посмотреть в Средней Азии. И лазить высоко не надо, потому что дорога проходит через перевал на высоте 3 тысячи метров. А чуть пониже – субальпийские луга с массой цветущего Eremurus aitschisonii, гигантские свечи в 1,5-2 метра высотой, светло-розовые, очень красивые на фоне темной зелени.

Дорога сюда по ущельям Вахша тоже очень была красивой. Река течет в узком каньоне, вокруг высокие горы с красными скалами самой причудливой формы. Дорога проложена в этих скалах так, что внизу видишь бушующую реку, а вверху только небо. Это уже преддверие Памира. А до настоящего Памира отсюда, от Пянджа, не так уж и далеко, километров 100».

7 июля в письме он мне рисует карту маршрута и остановок на хребте Петра Великого. Пишет: «Три раза я лазил здесь в горы до ледников, до вечных снегов. Один раз попал в грозу, весь промок, потом меня отпаивали спиртом. Другой раз чуть было не попал под обвал. Но, в общем, очень доволен. Высокогорья посмотрел более или менее подробно. Видел ледники, альпийские луга, разные там озера. Водопады. Вообще среднеазиатские горы, пожалуй, самые трудные. Очень крутые. Много осыпей, реки холодные и бешеные. Но зато здесь интересно. Флора эфедры и гинкго растут бок о бок».

Были у него иногда неожиданные, но очень приятные хозяйственные порывы. Он мне пишет, что купил мне верблюжьей шерсти на 16 рублей!

Вернувшись в Москву, он мне пишет с дачи: «Я блаженствовал в подмосковной прохладе, весь находясь в состоянии непрерывного тихого восторга от того, что я дома, со своей дочкой, иду по настоящей зеленой свежей траве среди моря лесной зелени, что вокруг меня прохладный влажный воздух, лес с его елями и березами, ручейками, надо мной голубое небо с большими белыми облаками и вовсе не жгучее солнце, а ласковое и приветливое, что кругом простые, обыкновенные, но яркие цветы. Летают стрекозы, бабочки. И даже комары вызвали у меня восторг. Вот она, родина, дышишь полной грудью и никак не надышишься».

Только в конце лета, в августе, пришло известие о том, что место заведующего лабораторией ботаники получено, и Андрей должен срочно лететь в Магадан.

Он подал заявление об уходе. Одновременно он вызвал меня из Сибири.

Магадан, 1970 год

В Москве на Ярославском вокзале меня встречал возбужденный Андрей. Спрашиваю: «Как дела, когда отъезд?» Он мне в ответ: «Отмечали именины отца. Было много жертв алкоголя. Мы спасли дядю Витю. Он пьяный лежал на рельсах. Мы с отцом его еле притащили домой! Тачка вязла в песке!» Я сразу же представила себе эту трагическую картину. По Казанской дороге поезда ходят часто. У нас на платформе «Отдых» гнусавый голос все время предупреждает: «Осторожно, идет поезд! Осторожно, идет поезд!». Дядя Витя, большой и грузный, лежит на рельсах! Господи! Но это для затравки, для юмора.

Главное, о чем он радостно сообщает, – это об огромном облегчении в связи с тем, что ему не нужно уже ходить строго по часам на работу, он свободен. О, сладкая свобода! Для него она была особенно дорога. Не ходить по звонку!

Он опасался, сможет ли руководить коллективом. Ведь до сих пор он работал всегда один, никем не руководил, кроме меня…

На работе я устроила небольшой прощальный ужин, где было сказано много, как положено, теплых слов. Лаборантка говорила с огорчением, что только-только стала понимать почерк Андрея, а он уезжает. Мы не предчувствовали долгой разлуки с Москвой. Казалось, едем ненадолго и ни с кем не расстаемся. Едем во вполне известные края.

Сразу по приезде в Магадан, не теряя времени, Андрей поехал в поле.

Мы часто пишем друг другу. 16 августа он на машине едет по Колымской трассе. Пишет мне: «Я теперь уже в качестве капитана своего маленького кораблика на колесах. Экипаж, кроме меня: Гена Сныткин (сотрудник лесной станции в Магадане), его лаборантка Галя, шофер Петя. Снова я сижу в машине, несусь по Колымской трассе. Мелькают за окном мрачные сероватые сопки, тощие лиственнички, уже тронутые осенней ядовито-лиловой краской ерники. Снова давно уже известные – пятьдесят шестой, сто пятидесятый, Атка, Мякит, Стрелка. А там, далее уже и неизведанные terra incognita borealis (неизвестная северная земля, как говорили древние греки и римляне). Вот проехали Оротукан, Спорное, вот и великая северная река, название которой десятилетиями наводило ужас на советских граждан, – Колыма! На самом деле это просто река,

широкая и полноводная, величественная в своих зеленых таежных берегах».

Остановились они в Усть-Таскане, в лесничестве, и отсюда Андрей делал восхождения на горы. Он пишет в том же письме: «Лазил я на высокую гору, совершил очередное восхождение. В начале шли с Геной через топи колымской поймы. Ползли вверх по осыпям и стланику. В конце концов Сныткин не выдержал, и пришлось мне его оставить внизу. Но вершина меня разочаровала. Флора богаче, чем на Аннушке, но все же бедновата, и потом, все уже отцвело. Горная тундра ярко-лиловая и желтая, как тогда на Оле в 1967 году. Потом лезли назад, вниз, по тем же осыпям. Продирались через те же дебри в пойме и долго кричали и орали на берегу Колымы, чтобы за нами прислали лодку. Уже поздно. Восемь часов. Смеркается, холодно, над Колымой плывут низкие серые тучи. А переправы все нет и нет. Мы уже совсем было пали духом, пока за нами не приехали. А как потом было хорошо оказаться в теплом доме, наесться и улечься в теплом спальнике! Почти такое же удовольствие мы испытали вчера, вымокнув под сильнейшим дождем». И далее: «Майя, дорогая, все время думаю о тебе. Как было бы здорово ездить вместе, и так мечтаю о том времени, когда это осуществится. Нет со мной настоящего, искреннего и преданного друга, и это часто угнетает. Не с кем посоветоваться в некоторые критические моменты, неоткуда ждать поддержки. Еще целых два месяца разлуки впереди! А так хотелось бы видеть тебя здесь!»

После трассы полеты на Яму, Ольское плато с приключениями.

Вот как он описывает заброс и работу на Ольском плато в письме от 14 сентября 1970 года: «Здравствуйте, мои дорогие! Только что вернулись мы с Ольского плато. Без ложной скромности: пребывание на нем и особенно путь обратно – самая настоящая героическая эпопея. Самая стопроцентная романтика. Началось все хорошо. Третьего числа мы, наконец, улетели на вертолете. Мы – это я, Сныткин, Юрцев (Борис Александрович Юрцев – выпускник МГУ, сотрудник БИН. За монографию «Флора Сунтар Хаята» ему, минуя кандидатскую, была присвоена степень доктора биологических наук), и его аспирант Саша Галанин – высокий сильный парень. (в настоящее время Александр Владимирович Галанин доктор биологических наук, профессор, директор ботанического сада-института РАН во Владивостоке). Погода была хорошая, солнце, ясное небо с редкими кучевыми облаками. Под нами как макет – хребты из остроконечных серых гольцов, опоясанные ярко-лиловым поясом горных тундр и еще зелеными лиственничниками. Подлетаем к плато – картина резко меняется. Вместо голых безжизненных гольцов – холмистая равнина, уже побуревшая, но покрытая густой растительностью. Опустились как раз в том месте, о котором нам говорил Васьковский, что там есть карагана, близ озера и истоков Олы. Встали лагерем на берегу речки, текущей в сторону Колымы, напротив горы, покрытой уже совершенно золотистой лиственницей. Было тепло, тихо и спокойно. Быстро поставили палатки, сварили кашу и отправились делать открытия. А их сразу же оказалось уйма. Кобрезия сибирская, арктический злак фипсия, кляйтония Васильева, находившаяся до того в двух-трех местах, все это почти одновременно, рядом друг с другом. В общем, богатства Ольского плато превзошли все ожидания. Всего за 10 дней мы там нашли 333 вида. Из них много редких, не указывавшихся до сих пор для Колымского нагорья. Из них особенно интересны, кроме уже названных, проломник Городкова, крупка узколепестная, оксиграфис, камнеломка дернистая, лихнис аянский, мак аянский. Да всего и не перечислишь. Очень мне повезло, что к этому путешествию успел Боря Юрцев. Флору здешнюю он, конечно, знает лучше меня, и многое мне показал и многому научил. Без него, конечно, сборы были бы куда более скромными, а главное – менее точно определенные.

Жили мы в двух палатках. Первые два дня были очень хороши, тёплые, тихие, солнечные. Ходить по горам, видеть перед собой огромные просторы бесконечных горных цепей, одетых у подножья золотистым поясом лиственниц, было одно удовольствие. На третий день небо

заволокло тучами, но было еще тихо и сухо. Вечерами мы сидели у костра и беседовали на разные темы. А потом началось. Ночью пошел дождь и шел, не переставая, целые сутки. Спать под шум дождя в сухой палатке одно удовольствие, но когда просыпаешься под этот шум и смотришь, что кругом туман, сырость и морось – становится несладко. А надо вставать, выходить, точнее, выползать из палатки, раздувать костер, что-то варить. А дождь идет, и вообще кругом вода. Хорошо, что Сныткин и Саша оказались специалистами по части разведения костров, за час ухитрялись его раздувать. Поели, и надо идти в поле. Дождь все равно не переждешь. Хорошо, если бы только дождь. А то ведь все сопки покрыты туманом. Но что делать. Так и ходили почти как в молоке, мокли, мерзли и потом опять сохли на ветру. Конечно, не бог весть какие это страсти, бывает и хуже, и многих это не испугает. Тем более, что и не все дни подряд лил дождь. Иногда первая или вторая половина были сносными, даже солнце пробивалось сквозь пелену тумана, и тогда снова проглядывали синие горные дали, черные скалы со сбегающими с них водопадами, золотые ленты лесов в глубине ущелий.

Но тут к нам подкралась настоящая опасность. Мы рассчитывали пробыть на Ольском плато три дня и 7 сентября улететь назад в Магадан. Соответственно и продуктов взяли на 4-5 дней, с самого начала это было легкомысленно. И вот сроки прошли, вертолета нет, продукты кончаются. Каждый день с раннего утра смотрим на небо. О! Сегодня с утра туман не так густ, и облака своими серыми брюхами не задевают вершин сопок! Потом даже появляются просветы – кусочки голубого неба! Вполне летная погода. А вертолета все нет. Однажды к вечеру небо вообще расчистилось и вовсю блистало звездами. Но на следующее утро снова дождь и серая морось. Хорошо, что рядом в 5 км оказалась стоянка пастухов-эвенов, пасущих северных оленей. Они подарили нам целое ведро мяса. Казалось, что его нам хватит дней на 10. Но прошло всего 3 дня, и снова остались рожки да ножки, то есть одна буханка хлеба, 2 пачки чая, немного гречки. Все было учтено и выдавалось по строгой голодной норме.

И вот мы решили уходить. Настало 12 сентября. Ночью лил дождь, и под его шум мы проснулись. Костер уже не разжечь, до того все отсырело. От пастухов мы узнали, что до трассы всего 30 километров, и притом есть вездеходная дорога, точнее, несколько глубоких колей от гусениц. Решили взять только самое необходимое, в первую очередь гербарий. Но на каждого пришлось порядочно, по 15-20 килограммов, а может, и больше. Когда мы навьючились и пошли в гору, дождь то утихал, то принимался вновь. Мы спускались вниз. Было несладко. Сразу заныла спина, забилось сердце, отяжелели ноги. Я плелся сзади всех. Ну, думаю, дойду только до перевала, где меня, наверное, подождут, и скажу, что возвращаюсь, так как все равно чувствую, что не дойду. Вот и перевал. И действительно, меня ждут и я подхожу и говорю, но совсем не то, что хотел сказать. Стыд или самолюбие не позволили признаться в слабости. А если бы был один, то, наверное, или вернулся бы, или пошел без груза. Потом было легче. Три раза мы делали большие стоянки, разжигали костер из обгоревших лиственниц, пили чай. Туман оставался висеть на гребнях, стало хоть немного уютней. Но силы явно уходили. Сначала мы делали короткие передышки, каждый час. Потом 50, 40, 30 и, наконец, 20 минут. А впереди все те же серые болота, в которых увязают ноги. Или уже наполовину голые и от этого почерневшие лиственничники или кустарники, ерники, о которые ноги так и заплетаются. Но все же со временем появляются признаки трассы – то консервная банка, то пустая папиросная пачка, а то и целая россыпь банок и бумаг. Наконец где-то вдали послышался не то гул самолета, не то машины. Но прошло еще добрых три часа, прежде чем мы заметили трассу. Вот была радость, когда мы на нее вышли! Но длилась она недолго. Ни одна машина нас не брала. Очень уж вид у нас был подозрительный. Вышли мы на 188-ом км и решили идти к Яблоневому перевалу, к дорожному участку. Уже стало совсем темно, и ни одна машина не останавливается. Наша четверка, злобная и уставшая, на последнем дыхании идет и идет вперед. Сныткин уже стал отставать, когда нашелся сердобольный шофер и остановился. Посадили Сныткина. И после

этого, как по волшебству, машины стали останавливаться, и мы, не веря себе, садились и ехали. Я оставался последним, как капитан затонувшего корабля. Но вот настала и моя очередь. Встретились вместе в столовой на 150-м километре. Вот было блаженство! Тепло, светло, сухо, глаза так и разбегаются, глядя на многочисленные яства. Но до конца было еще далеко. Потом была посадка на переполненный автобус, сидение там в довольно неудобной позе, бессонная ночь. Но все это было уже не страшно. Все перебарывало сознание движения к Магадану, его городскому мирному уюту, совсем не романтическому, но такому желанному! Прибыли туда в пять утра. Заснуть потом я уже не мог, весь следующий день был как в тумане».

Через несколько дней напряжение спало. За вещами, уже присыпанными снегом, летали на вертолете через несколько дней. После Ольского плато Андрей летал на реку Яму.

«**21 сентября 70 г**. Здравствуйте, мои дорогие! Вот я и вернулся из полета на Яму. Был там четыре дня. Место было интересное, в 35 километрах выше Ямска на берегу реки Ямы, той самой, которая течет с Эликчана, вспомнил, как в предыдущем 69-ом году мы там, в верховьях Ямы, чуть не утонули! Кругом бесконечные бурые болота с вкрапленными в них пятнами и пятнышками серых озер или желто-серые лиственничники с густым подлеском из зеленого кедрового стланика. И только долина реки вносит оживление в этот однообразный пейзаж. Вьется по равнине, причудливо разветвляясь и петляя, серая лента реки, а вдоль нее – галечники, светло-зелёные чозениевые рощи или желтые лиственничники с разными лиственными деревьями и елкой. Вот из-за нее-то мы в основном и полетели. Растет она здесь небольшими и разреженными островками в долине реки. Больше нигде не встречается. Вид у нее довольно жалкий, подроста мало. Здесь же большие заросли жимолости, которой я собрал десятка два листов. Листья у нее еще не опали.

Флора долины, в общем, весьма богатая. Здесь и элементы высокотравья – шеломайник камчатский, крестовник коноплевый, какалия, злаки. Здесь и каменная береза со своим спутником коптисом, папоротником щитовником, дереном шведским и другими. На скалах нашел свою камнеломку, описанную из-под Магадана.

Ходить по пойме было довольно нелегко. Высокая и мокрая трава выше пояса, колючий шиповник, какие-то ямы в траве, бесконечные протоки и бурелом. Все время видишь поваленные деревья с вывороченными корнями. Но особенно много бурелома на плато. Здесь деревья местами навалены одно на другое, приходится залезать на них, подлезать под них. То лезть по ним. А тут еще ветки стланика и других кустов, о которые постоянно спотыкаешься и падаешь. Особенно это неприятно в дождь, когда трава и ветки мокрые, покрыты блестящими капельками воды, такими симпатичными на вид.

Осенние краски местами напоминают Приморье. Лиственницы стоят желтые. Тут же рядом зеленые конуса елок и кусты стланика, березы уже осыпались и выделяются своими белыми извилистыми стволами. Где-нибудь на полянках алеют и пламенеют кустики шиповника и гроздья ярко-красных вяжущих рябин. А вдоль самой реки выделяются своей сизоватой зеленью, чуть тронутые желтизной рощи кореянки (чозении).

Но не только из-за изучения флоры мы сюда прибыли. На этот раз наша экспедиция была более многолюдна: я, Сныткин, два рыбака-охотника – его знакомые, и мальчишка-лаборант, тоже рыбак. Первым делом забросили сеть и выловили уйму рыбы, но увы, ни одной красной, все рыба второсортная – хариус, правда, очень крупный, мальма, кунжа. По дележу мне достался довольно порядочный мешочек, который я еле уволок. Но что мне делать с этой рыбой – не представляю.

На Яме наблюдал полет гусей и уток. Зрелище впечатляющее. Высоко в небе летят длинными клиньями стаи с характерным гоготом. Действительно: «гусей крикливых караван тянулся к

югу». А ночью к нам прилетала сова. Садилась на вершину голого тополя и молча смотрела на нас. Еще было много мышей и полевок, ночами их шорох казался таинственным».

Осенью Андрей жил на квартире у Витаса Контримавичуса. Читал книжки. Кроме него, там жили будущие и настоящие сотрудники лаборатории, пока только надеявшиеся на свое жилье.

Полевой сезон закончился. Жить негде. Андрей получил прикомандирование в Москву. 19 октября, в день моего рождения, он прилетел к нам домой. Он так соскучился и спешил домой, что, улетая из Магадана, не взял командировочного удостоверения, не узнал, на какой срок ему дали прикомандирование. Добрая душа Галина Шустова – ученый секретарь института, выслала ему командировку позже.

Публикации 1970г.: вышли из печати тезисы нашего доклада: «Сравнительный анализ адвентивной флоры Колхиды». Эта тема меня интересовала с 1963 года. Постепенно накапливался материал. Главная идея заключалась в том, что во влажные субтропики Южной Колхиды во время знаменитых, так называемых чайных, экспедиций А.Н.Краснова, вместе с 12 дарами Востока завезли широко расселившиеся заносные растения. Они указывают на климатическую общность Колхиды и юго-восточной Азии. А заносные южного берега Крыма, наоборот, – на общность со Средиземноморьем. Была подготовлена и большая статья об анализе адвентивной флоры на Черноморском побережье Кавказа, которая позже вышла в бюллетенях МОИП.

В виде тезисов и небольших очерков в сборнике молодых ученых Главного ботанического сада опубликованы работы, главные из которых: «Характер компенсационных отношений в цветках и соцветиях», «Соматическая эволюция и систематика растений».

Поездки 1970 г.: Март: Майкоп, Ставрополь, Архыз. Июнь: экспедиция в Среднюю Азию. Август: Магаданская область (Усть-Таскан, Ольское плато, Яма).

1971 Мы все еще в Москве! Зиму 1970-71 г. Андрей провел с нами в Москве, в прикомандировании. Я продолжала работать в Главном ботаническом саду, ждала, когда в магаданскую лабораторию выделят единицы, и я смогу оформиться на работу. Ждали и квартиру. Мы уже всеми мыслями в Магадане.

Андрею утвердили тему «Изучение флоры и растительности таежной части Северо-Востока СССР как основы развития оленеводства». На Севере все было связано либо с добычей золота, либо с оленеводством. Но золото стыдливо называли «металл» и не очень рекламировали его добычу.

Несмотря на хозяйственное название темы, главная цель Андрея на Севере – написать флору Магаданской области. К началу 70-х годов флора и растительность Магаданской области была почти белым пятном. Имелось лишь несколько статей, посвященных изучению растений отдельных пунктов этой огромной территории. Это очень трудный для исследования регион, включающий Охотоморье, Колымское нагорье, Чукотку. К тому времени были изданы флоры всех географических районов Советского Союза. И только флора Магаданской области отсутствовала. Эта работа была необходима не только ученым, но и всему населению северного края.

У Андрея за несколько полевых сезонов уже собран солидный гербарный материал, задумано основать в Институте биологических проблем Севера свой региональный гербарий. Правда, пачки с гербарием пока лежат на полу в лаборатории.

Зимой в Москве Андрей обрабатывает сборы, сделанные за последний полевой сезон.

Каковы научные успехи Андрея? Всю зиму он пишет докторскую диссертацию, как обещал

Витасу. Надеется защищать ее в Главном ботаническом саду и договаривается с Борисом Юрцевым об отзыве.

К началу 1971 года диссертация «Филогения и систематика лилейных по данным биоморфологического анализа» полностью написана. Готова к изданию монография «Соматическая эволюция однодольных». Собран материал для монографии «Закономерности эволюции растений». Идея заключается в том, что главным модусом эволюции являются надставки – системы побегов, возникающие из спящих почек в конце жизни растения. Высказываются мысли об однонаправленности эволюции, ускорения жизненных циклов растений и др.

Крым, Ай Петри

Постепенно мы набирали научный багаж. Как метко сказал по этому поводу Андрей, происходило не признание, а постепенное привыкание.

В апреле 1971 года мы оба принимали участие в конференции молодых ученых ботанических садов СССР, проходившей в Ялте. Хотя Андрею было 37, а мне 35 мы, на этой конференции числились молодыми специалистами. Андрей был уже не только начинающим, а состоявшимся ученым, с которым считались. Облегчало наше присутствие и то, что в молодых ходили и сорокалетние. Да и кому не хотелось побывать весной в Крыму! Жили в Массандре. Ранним утром шли пешком по холмам в ботанический сад на заседания.

В один из солнечных дней во время перерыва мы с председателем совета ботанических садов СССР В. Болычевцевым, скромным и приятным человеком, сидели на пригорке мыса Мартьян. Нежились на весеннем солнце, расписывали ему магаданские преимущества. Он, как и многие, при слове «Магадан» ужасался и нас жалел.

После совещания группа участников и мы в том числе и мы поднимались на Ай Петри. Снег уже стаял и только несколько отважных лыжников отыскивали в ущельях остатки снега.

Участники совещания разъехались, а мы, насколько хватило денег, остались в Ялте, в темной комнате, вырубленной в скале. Даже магаданская зарплата нам показалась маленькой по сравнению с суммой, которую пришлось заплатить за эту почти пещеру. Снова ездили по Крыму на запад и на восток. Наплывали туманы, цвела японская айва и нежно пахла жимолость

душистейшая.

Ялта, М. Мазуренко

Наверное, Андрей не представлял себе полной опасности подъема на Аюдаг и позже говорил, что я сильно все преувеличила. Но только моя любовь к жизни и то, что у меня двое детей, придало мне силы для того, чтобы я смогла вскарабкаться вверх по отвесным стенкам скал.

Внизу ничто не предвещало сложности подъема. Каньон как каньон в окрестностях Гурзуфа. Снизу трудно представить, как круты скалы. Сфотографировавшись на память, мы начали взбираться. Щель между скалами, в которую мы попали, становилась все уже, а подъем все круче. Андрей лез первым и был, конечно, во много раз сильнее меня. Я подтягивалась вслед за ним. Но ноги скользили по гладким скалам, а руками приходилось цепляться за щели. Вниз смотреть не хотелось. Обратной дороги не было. Снизу из «Артека», у моря, бодро и весело доносились пионерские песни, а я чувствовала: одно неловкое движение – и лечу навсегда вниз… Напряжение достигло максимума, когда, подтянувшись последний раз, мы выползли на верхушку горы Медведь и оказались в обычном лесу из граба и каштанов на плоском плато. Я долго лежала. Переживала. Руки дрожали. А Андрей, как ни в чем не бывало, подтрунивал надо мной. Так еще будет много раз. Мы будем пробираться по карнизам, осыпям. Не выбирая путь, «опасный, как военная тропа», идти напролом и, действительно, часто весьма опасным путем...

В Ялте мы сели на теплоход до Батуми. Стояли подолгу в Новороссийске, Туапсе, Сочи и Сухуми. Мы гуляли в каждом городе, уходили в горы, собирали растения. Потом в каюте я рисовала ветви. Нас очень интересовала биоморфология кустарников.

Я уже занималась не только голубой жимолостью, но и жизненными формами всего семейства жимолостных, почти полностью состоящего из кустарников. Мной были открыты и описаны циклы развития кустарников и других семейств.

В сильный шторм мы пришли в Батуми. В родном зеленомысском доме было холодно и сыро. Это последняя весна на Зеленом Мысу перед отлетом в Магадан. Родные и близкие, все, кто нас знал, ужасались нашему решению. Прикомандирование кончалось. Сразу после Крыма Андрей улетел в Магадан. Договорились, что я прилечу к Андрею на лето. Мы ждали квартиру и

штатную единицу для меня.

Андрею в Магадане одиноко. Сначала он живет у Маркса Ивановича Татарченкова в типовой двухкомнатной квартире. Маркс и его жена Нина – магаданские старожилы. Маркс – кандидат сельскохозяйственных наук, ранее работал на агрономической станции. Но за то, что развелся с первой женой и женился на Нине, был лишен партийного билета и вынужден был устроиться в Институт биологических проблем. Он намерен организовать ботанический сад. К сожалению, позже Маркса снова вернули в сельское хозяйство, и интродукционные работы в институте заглохли.

В начале июня я пишу Андрею: «Вчера я встретилась с В. Хржановским. Ты зря его посылаешь к черту, а он, наоборот, тебя хвалит и от мехового галстука из нерпы в восторге. Клянется в верности до гроба. Советует пристальнее посмотреть на возможность защиты в Киеве, мол, там вполне хорошая обстановка. Был ласков донельзя. Сказал, что читает твою работу постепенно, так как это махина. Наговорил о тебе массу комплиментов, и мне это было приятно слышать». И еще: «Не печалься, милый, как я понимаю, самое твое большое огорчение – это чавканье Сныткина, его, думаю, можно не принимать всерьез, а новых видов у тебя сколько! И столько путешествий и открытий – чемоданы! И это самое главное в жизни сейчас – чемоданы! Тем более что работа у нас любимая, нам ли горевать, а ведь огорчения должны быть. Без них нельзя». Была тогда такая бодрая песенка о чемоданах открытий.

Магадан, Снежная долина. Л. Благодатских, А. Хохряков

Нужно спешить с отъездом. Договорилась в ботаническом саду ехать на полевые в Магадан за свой счет.

Будущий институт биологических проблем Севера – все еще только одна лаборатория. Сотрудники лаборатории, как и раньше, теснятся в одной комнате. Прилетая с «материка» из прикомандирования, через несколько дней разлетаются в поля.

Большая группа зоологов переехала в Магадан из Якутска. Это основной костяк будущего института. Личности замечательные в своем роде. Главный – Олег Егоров, его красивая супруга Галина Николаевна, Владимир Кривошеев, Арсений Васильевич Кречмар, Саня Новиков, Эмма

Стрелецкая, Феликс Чернявский и Андрей Меженный.

Андрей Александрович Меженный получил на окраине города в поселке Пионерный трехкомнатную квартиру, в которой образовалась перевалбаза сотрудников будущего института. «Отец Андрей» – так называют Меженного – уехал в экспедицию. В его квартиру на лето переехал мой Андрей.

Наконец летним днем, который мне показался совсем не летним, я прилетела в Магадан. Мы шли на Пионерный и не могли наговориться. Туман заплывал белым молоком в распадки, по большой разъезженной дороге рядами шли грузовики, обдавая мое белое пальто грязью. Суровый Север нас не пугал. Мы были вместе, а это главное. Страхи отошли. Но как же уже тогда плохо себя чувствовал Андрей, если за несколько дней до моего приезда он делает приписку в письме: «Чувствую себя скверно. Голова кружится, руки дрожат, сердце дает перебои. В общем, полная депрессия». Нужно было задуматься о том, что наши красивые размышления о здоровом сибирском климате не всегда верны. Но тогда мы, несмотря на какие-то постоянные болячки, были еще на полном взлете, смотрели в будущее радостно. Впереди были защиты, надежды написать «Флору Магаданской области».

Над городом возвышается величественная сопка Марчекан. Вчетвером вместе с Марксом и Ниной решили прогуляться, подняться на ее вершину. На солнце блестят отмытые листья. Проползаем под смолистыми стволами кедрового стланика или пружиняще качаемся на его ветвях. Ноги утопают в моховых подушках, расцвеченных букетиками филлодоце. Уходят в мох яркие розетки с сиреневыми цветами кляйтонии. Почти у вершины в зарослях стланика блестят на солнце рваные осколки самолета. В тумане он разбился на подступах к городу. На вершине - щебнистое плато. На горной тундре цветут кустарнички: рододендрон камчатский, филлодоце, брусника, голубика, андромеда, кассиопея и многое другое. На обратном пути поздно вечером в глаза бьет низкое солнце. Белые ночи позволяют бродить допоздна. Застывшие «потоки» камней сменяются зарослями кедрового стланика. И не знаешь, что легче – ползти в зарослях или прыгать, балансируя, с камня на камень.

Спустя несколько дней на машине ГАЗ-66 мы уезжали в поле по Тенькинской трассе.

В машине два отряда: ботаники и энтомологи. Энтомологи считают себя главными, так как шофер числится по их смете. Энтомологи – это Лира Глушкова и Леша Бударин. Нас также трое: Андрей, я и Александр Шаткаускас. Лира – женщина средних лет, темненькая, хозяйственная, с большими претензиями. Леша – небольшого росточка, худенький добрый молодой человек, собирает жужелиц. Александр Шаткаускас – геоботаник, аспирант из Ботанического института,– стройный и высокий красавец с прозрачными, но недобрыми глазами. Он заслуженно любуется собой, особенно на фоне Лиры. Позже весь институт его звал Сачком.

С самого начала споры. Шаткаускас хотел жить в палатках. Это романтично. Андрей считал, если можно спокойно сушить гербарий – нужно жить в поселках. Обычно это пустующие летом школы, интернаты.

До Усть-Омчуга путь нам знаком с 1967 года, когда мы впервые попали с Ворошиловым в Магадан. Теперь мы едем дальше. Первая большая остановка на прииске Марины Расковой. Он похож на многие другие прииски. Насыпные приземистые одноэтажные домики стоят в два ряда в распадке вдоль реки черно-стального цвета. На галечнике широкой речной долины, рядом с поселком, работает драга, перерабатывает золотоносный песок, оставляя после себя гребневидные холмы. Питьевую воду привозят в бочках. Полно помоек. На всем печать временного жилья.

Каждая остановка занимает не более недели...

Новое место – заброшенный прииск Хениканджа. Это в прошлом женский лагерь. Все избы разрушены. Охотники растащили бревна, крыши. В разломанной библиотеке лежат труды вождя народов Сталина.

Палатки поставили на солнцепеке у прозрачной речки. Ходили в далекие маршруты. Нарядные лиственничники, горные тундры в цветении резко контрастировали с полной разрухой развороченного лагеря. Как тут было в сталинские времена? Трудно представить. На склонах сопок заброшенные штольни.

Ландшафт бассейна р. Колымы

Шаткаускас, человек грубый, считал себя некой звездой на колымском небосклоне. Постановил, дабы сохранять посуду чистой, на костре пищу не готовить, а только на железной печке. Дрова из печки выдувались, а вода закипала очень долго. Никакие уговоры готовить на костре не действовали. Все хотели мирной жизни. Настроение было испорчено. Тоненький Леша жаловался на Лиру – жену своего начальника. Шофер каждый день рассказывал о своих находках золота! Ведь мы ехали по Золотой Теньке, так называется этот богатый золотым песком район, где иногда находят довольно крупные слитки. Все камни, которые мы видели, были серыми. Поросли лишайниками. Но Лире казалось: вот- вот найдет слиток.

Энтомологи ходили недалеко и быстро раскладывали своих мошек в коробочки на ватку. Они быстро сохли. Не то что гербарий. Нужно покупать новые газеты пачками, перебирать часами. Писать этикетки, закладывать. Изнурительная работа. Шаткаускас, геоботаник, демонстративно не принимал участия в этой камеральной работе. И в маршруты, такие нелегкие, решил не ходить. Изнуряли комары. Андрею не было свойственно требовать, командовать. Он молчал. Поэтому на нас двоих легла вся работа с гербарием.

В Аян-Юряхе поставили палатки на раскаленном галечнике и даже несколько раз нырнули в холодную воду. Неожиданно ночью пошел дождь, вода мгновенно поднялась, чуть было не

затопив наши палатки. Я была дежурной. Мокрые дрова не горели, макароны я варила на железной печке, будь она неладна, несколько часов. Недоспавшие, промокшие мы приехали в Аркагалу в надежде на стол и кров агронома Гутидзе.

Гутидзе – знаменитая личность на Колыме. О нем пишут в газетах. В Аркагале большая электростанция. На отработанных горячих водах в больших оранжереях выращивают арбузы, помидоры и огурцы!

Почему я рассчитываю на гостеприимство Гутидзе? Весной у нас дома на Зеленом мысу скромная тоненькая грузиночка Цуца из бухгалтерии ботанического сада сказала нам, что ее дядя работает в Магаданской области. Она через нас передавала ему приветы. Я, зная грузинское гостеприимство и хлебосольство, не сомневалась в радушном приеме.

Магаданская обл. Верховья Колымы

Помпезный кабинет Гутидзе примыкает к оранжереям. Во главе длинного стола сидит маленький человечек с желчным лицом. Мы уставшие, сомлели в тепле, а светскому разговору, кажется, не будет конца. Лира Глушкова интересуется, какие вредители бывают на выращенных им огурцах и арбузах. Старичок с огорчением рассказывает, что борьба с паутинным клещиком теперь неэффективна. Ранее, когда ему в день выдавали на работу по тысяче заключенных, бороться было легче. Наперсток почти не видимых простым глазом малюсеньких клещиков – это пайка хлеба. Два наперстка – две пайки… Но двух, как правило, не добирали. Гутидзе выражал большое сожаление.

Арбузы и особенно помидоры были зелеными и противными на вкус.

Время от времени о Гутидзе писали в местной прессе, гордились его сельскохозяйственными успехами. В 80-х годах он вернулся на родину, в Махарадзе (теперь Озургети), где возглавил клуб северян, вернувшихся из ссылок…

В Сусумане лесоохранники, наоборот, были очень любезными и с легкостью необыкновенной забросили нас на сопку Марджот над аэродромом под названием Берелех. Шофер сразу же не преминул вспомнить расхожую в тех местах пословицу: «Леха из Берелеха» – обидев чувствительного Лешу Бударина.

Мы нашли приютившуюся в скалах родиолу четырехгранную. Тут она была единственной и чудом уцелевшей. Я вспомнила пышные шапки роскошных подушек этого же вида в Восточном Саяне, на юге Сибири.

В сентябре Андрей, вдохновленный прошлогодними находками, снова решает заброситься на Ольское плато. Летим вместе с Лешей Бударином. Нас сопровождает Стас – крупный человек без особых занятий. С ним большая овчарка Кадр. Стас, для того чтобы безбедно прожить зиму, нашел себе в Магадане подругу. Это называется «поджениться».

Живем мы в просторной десятиместной палатке. При входе ставим маленькую печку-буржуйку. Вечерами заморозки. Да и летом погода бывает очень холодной. Нужно сушить газеты, гербарий. Все последующие магаданские годы мы не расставались с нашей палаткой, которая стала нашим летним домом. Внутри в ряд надувные матрасы со спальными мешками, печка. Вечерами, ложась спать, мы выкуривали свечкой комаров, плотно застегивали вход. Искры из трубы, попадая на брезент, прожгли дыры, сквозь них просматривались звезды, а утро нас встречало тенями от деревьев на крыше палатки, раскалявшейся на утреннем солнце. Так было все 15 лет. Я часто задумывалась – где наш настоящий дом: в Магадане, в Москве или в палатке?

р. Яма, 20 сентября 1970 г.

Ночью уже заморозки. Вода в ведре замерзает. Кадр спит с нами в палатке. Тепло, весело трещат в печке дрова. Погода хорошая. Краски осени разгораются с каждым днем. Стоим на речке Нил! Отсюда по густым зарослям кедрового стланика выходим на столовые горы огромного Ольского плато – знаменитого водораздела. На юго-востоке – истоки Олы, на западе –истоки Армани, а на севере – истоки Колымы. Ледник не лежал на плато, поэтому здесь скопление реликтов. Среди

россыпей светящихся на солнце халцедонов приютились крохотные растения горной тундры. Среди них много новых. Вышли на цветущий луг. Я закладываю растения, Андрей копает. Вдруг перед нами вырастает как из-под земли молодой эвен. Фамилия у него русская – Смирнов, а лицо азиатское. Спрашиваю: «Скольких медведей видел?» Отвечает: «По дороге встретил двух медведиц, 10 пестунов и сколько-то малышей….» А мы не заметили ни одного! Эвен близок к природе. Видит лес, а мы только растения! Эвен знаменитый, пасет стада, а в свободное время – делегат какого-то съезда. Человек грамотный, учился в школе.

Вечером он посетил нас в сопровождении земляков. Просили спирт. Мы не дали. Но на следующий день, когда Андрей со Стасом ушли в маршрут, мы с Лешей совершили обмен. За бутылку спирта нам дали шкуру медведя. Ударили по рукам. Спирт в руках эвенов. Они тут же просят кружку, пьют. Пытаются угощать и нас. Сначала все было гладко, только спорили, кто открыл Америку. Делегат утверждал – открыл Колумб, другие сомневались. Наступил вечер. Спор разгорался. Андрей, вернувшись из маршрута, очень сердится. Мы с Лешей помалкиваем. Эвены ушли в тайгу. Слышны крики. Оказалось, спор затянулся. Один из сомневающихся не выдержал и в темноте запустил ножом в другого, легко поранил его руку выше локтя. Раненого мы перевязали, положили в палатку. Другие залегли в траншее, промытой паводками. На морозе эвены прекрасно спали. Мы беспокоились, укрывали их ватниками.

Сильный Стас командует Лешей, обзывает несправедливо. Леша любит готовить, обо всех заботится.

Опять мы не нашли караганы. Она как заколдованная.

Зимой Стас за драку попал в тюрьму. Его так называемая теща Клара Павловна (мы ее звали Кларнет) – женщина сердобольная, носила ему передачи. Он ей передал стихотворение, написанное весной 1972 года в тюрьме. Орфография и пунктуация сохранены.

Магадан, 1971 год

Хохряковым, Андрею Павловичу и Майе Тимофеевне:

Зимой тишина и морозы

Дышать тяжело как в парной

Весной же, пушистые брови на вербах

Осыпало солнце пыльцой

Здесь летом цветет голубика

Зеркальный ручей журчит

Солнце на отдых не ходит

Маршруты большие прошел он

Много еще впереди

И спутница жизни с ним в поле

Всегда неразлучны они

На сопку Харан поднимались

Ольское плато прошли

Только чуть веки смежит

Сочным ягелем сопка покрыта

По осыпи ива ползет

А в скалах на самой вершине

Ковром камнеломка растет

Ивы той вид Хохрякова

В Магадане ученый живет

Но дома ему не сидится

В горах Колымы ноги бьет

На Кони продукты
кончались

С друзьями до моря дошли

Флору они изучают

Травы, лекарства Земли

Много для мира открыли

Многие жизни спасли

На этом я стих закругляю

Славлю биологов труд

Скромный, порою
опасный,

Свет для науки несут

Плохой почерк у меня и грамоты мало. Пожалуйста, отдайте Хохряковым. Я часто вспоминаю, как ходили вместе на Харан и Ольское плато».

В августе Алексей Константинович Скворцов – известный специалист по роду ива – написал Андрею о том, что он в честь него, Андрея Хохрякова, описал новый вид, назвав "ива Хохрякова" (Salix khokhrjakovii). Как это обрадовало Андрея! Письмо Скворцова полно доброжелательности. Он обещает ему отзыв на диссертацию.

Во время отсутствия Контримавичуса, твердо обещавшего выделить нам трехкомнатную квартиру, мы поняли – за жилье будет драка.

Я улетела в Москву. Нужно было срочно свертывать дела в Москве и с детьми возвращаться в Магадан.

Андрей остался в Магадане. С Лешей Бударином, орнитологом Володей Воронецким, Юрием Павловичем Кожевниковым – аспирантом из Ленинграда – он улетел на полуостров Кони, восточнее Магадана. Остались слайды с изображением золотой осени на Кони. Гроза. Горы. Медвежата в кроне каменной березы.

Москва. 9 сентября в вестибюле главного корпуса я случайно столкнулась с директором Главного ботанического сада – Николаем Васильевичем Цициным. Н.В. был добрейшим человеком. Об этой слабости знали многие и сторожили машину академика у входа в корпус. Тихо поднимаясь по лестнице, Николай Васильевич встречал сотрудников, которые как бы случайно оказывались на его пути. Они бросались к нему с приветствиями, провожали его до

входа в кабинет и как бы невзначай излагали свои просьбы. Часто номер проходил. Мне удача шла прямо в руки. Академик не знал никогда, как меня зовут, но в те редкие случайные встречи либо в коридоре, либо на экспозициях он мне всегда улыбался, заговаривал и называл меня «дружок». Он, узнав, что я еду жить в Магадан, проявил самое искреннее участие. Позвал в кабинет, сказал, что в любое время возьмет нас обратно работать в ботанический сад, просил собирать семена злаков. Настаивал, чтобы я на складе получила тулуп. Говорил, что он мне необходим в северных краях. Разговор о тулупе мне напомнил «Капитанскую дочку».

Но, главное, о чем я сразу же завела разговор с Цициным в огромном и безвкусном кабинете, так это защита Андрея. Все происходило как в сказке. Тут же было принято заявление о защите, тут же он и подписал это заявление, а потом уже был вызван в кабинет ученый секретарь. Правда, ученый секретарь – Зиновий Кузьмин (мы его за спиной звали «Зина» или «Зиночка») нашел в себе смелость сказать, что так не делается, что нужно 4 экземпляра работы и протокол о предзащите из отдела флоры. Но Цицин сказал, что это мелочи, все будет благополучно. Подписанное Цициным заявление я хранила у себя, сообщила Андрею список документов и считала, что обошла Петра Ивановича Лапина – заместителя директора по науке, который не любил Андрея.

Забегая вперед, скажу, что все, что казалось таким близким, оказалось очень долгим и очень трудным. Разгорелся скандал с М. Максимовой. В этом скандале частично участвовал Лапин. Двери Главного ботанического сада для Андрея захлопнулись навсегда.

За месяц до отъезда я прошла предзащиту моей диссертации, оформила уход с работы, купила мебель, отправила контейнер. 4 октября я с детьми улетела в Магадан.

Витас выполнил свое обещание. Мы получили квартиру рядом с институтом в 5-этажном панельном доме по улице Дзержинского, 10. Его коробка, сложенная из тонких квадратов панелей, казалась карточной, особенно в Магадане. Трехкомнатная квартира была уютной и теплой. Маленькая кухня, проходная «зала» и напротив две комнаты, так называемая распашонка. Это было счастье. Немного огорчало то, что рядом стояли такие же квадраты домов, и я из окна не видела красоты Нагаевской бухты. До института ходьбы три минуты. Это так удобно! Прибыл контейнер. Расставили мебель.

Наше финансовое положение резко улучшилось. Андрей стал заведующим лабораторией. Я наконец получила место младшего научного сотрудника. Первое полугодие было нелегким. Купили мебель в долг. Долгов мы никогда не делали ни до, ни после. Северные надбавки укрепили наш бюджет и привязали надолго к Магадану. Но сначала, как и многие, мы собирались на Север только на три года, согласно контракту.

Детей определили в школу. В ту самую первую школу в центре Магадана, где в свое время учился писатель Василий Аксенов – сын Евгении Гинзбург.

Были многочисленные волнения с пропиской, со всякими справками. В институте сохранялись дальстроевские порядки. Мы писали не заявление, а РАПОРТ!

После разговора с Цициным мы очень обнадежены. Андрей в Москве пытается найти оппонентов и место защиты. Он колеблется между «родным» Главным ботаническим садом и Педагогическим институтом им. Ленина. Там он надеется на поддержку Татьяны Ивановны Серебряковой и его старых знакомых, учениц Ивана Григорьевича Серебрякова – Люси Гатцук, Лады Шафрановой. (И.Г.Серебряков – основоположник учения о жизненных формах, биоморфах. Т.И.Серебрякова – известный биоморфолог, заведующая кафедрой ботаники Педагогического института).

Быть оппонентом Андрей просит Тихона Александровича Работнова – заведующего кафедрой

геоботаники на биофаке МГУ. Получает отказ. Продолжаются переговоры с В.Хржановским. Тот не отказывает.

В это время в Магадане я слежу, как набело печатается его диссертация. Беспокоюсь о положении с продвижением диссертации в Главном ботаническом саду.

В конце ноября пришел официальный приказ об организации Магаданского института биологических проблем Севера. Грандиозное событие, которого так долго ждали! Ликующие сотрудники в тот же вечер отправились в ресторан «Северный» отмечать это событие возлияниями, песнями и танцами. Андрей произнес красивый тост, сравнивая институт с кораблем, который начинает свое плавание.

Так Андрей описывает это событие в письме к родителям: «Праздновали в ресторане «Северный». Было очень весело. Потом пошли к знакомым и до того веселились, что к ним пришел милиционер. Вот когда не нужно, они являются. А потом я попал в глубокую траншею. Она была покрыта досками, и я почему-то пошел по ним, а когда наступил на конец доски, она ухнула вместе со мной. А траншея была 4 м глубиной, то есть в 2 этажа. Но, к счастью, все кончилось благополучно. Потом оказалось, ключ не открывает квартиру, а дети спали и не слышали звонков. Пришлось идти к знакомым. В общем, ночка была не очень спокойная». Что могли подумать родители, получив такое письмо издалека? Но какая-то траншея, помнится, была, и я протягивала руки провалившемуся туда Андрею.

11 декабря к нам на новоселье был приглашен весь отдел, то есть весь институт – 40 человек, которые едва уместились в нашей квартире. Было очень весело. Танцевали под подаренный магнитофон. Андрей на плоской крыше нашего 5-этажного дома прогуливался с А. Ткачевым – заведующим лабораторией эндокринологии. Мы жили на 5-м этаже, и маленькая лесенка манила наверх считать звезды.

Во время поездки в Москву Андрея в очередной раз осенило новыми открытиями, текст раздулся до 700 страниц. Я возмущалась: «Кто будет читать эту махину?»

Осенью возник конфликт с М. Максимовой – научным сотрудником нашей лаборатории.

Окрестности Магадана. Нюкля. 1970 г. А.П. Хохряков

М.Максимова окончила в Улан-Удэ педагогический институт. Несколько месяцев проработав в Томске, поступила в аспирантуру БИНв Ленинграде к известному ученому Андрею Александровичу Федорову – заместителю директора БИН.

После защиты диссертации осенью 1970 года Максимова неожиданно, без согласования, приехала в Магадан. Добрый Витас Контримавичус принял ее на работу. Лето 1971 года Максимова вместе с сотрудницей лаборатории Галиной Леонидовной Антроповой работала на Медвежьих островах. Весь собранный гербарий, без согласования с Андреем, отправила в Ленинград. Андрей возмутился. Он организовывал магаданский гербарий. Справедливо и по закону считал, что все коллекции, собранные сотрудниками его лаборатории, - это достояние магаданского института. Потребовал от Максимовой возврата гербария. Завязалась неприятная переписка. Максимова упирается. Андрей опять требует. Андрею бы смолчать. Его положение с диссертацией довольно шаткое. Нужно думать об отзывах, о защите. Он прекрасно знал, как к нему относятся в Ленинграде, в БИНе. Гербарий вернуть не удалось.

«Обиженная» Максимова обладала артистическими качествами, умела убеждать, играя на энтузиазме. Ей ничего не стоило сесть на пороге под любой закрытой дверью и добиться приема. Сначала она сумела убедить местные партийные власти в том, что ее, энтузиастку-ученую, мать-одиночку, в молодом институте обидели и недооценили. Обнаружилась полная безграмотность этой странной и опасной женщины. Она, написавшая диссертацию по флоре Южной Сибири, не знала даже простых растений. Это задевало честь ее руководителя – известного флориста.

А так как наш институт был комплексным, многим сначала было непонятно, в чем сущность конфликта. Молодой институт, где сотрудники были едва знакомы, разбился на два лагеря. Одни, в основном обслуживающий персонал, жалели Максимову, мать-одиночку. Руководство

следовало закону. Разгорелся конфликт.

Максимова проявила необычайную мобильность. Всего за несколько дней она успела побывать во Владивостоке, в обкоме КПСС, в Дальневосточном центре. Оттуда полетела в Ленинград к руководителю. Получив у него прекрасную характеристику, полетела в Москву, в Академию наук, в правительство, в другие организации.

По советским законам снять с работы человека очень трудно. Андрей пишет своему коллеге в БИН – Борису Юрцеву, просит подтвердить безграмотность Максимовой. Тот отказывает. Не хочет мараться – так он выразился. У нее бумажка с прекрасной характеристикой из центра. И это закон! Конфликт с Максимовой затянулся на всю зиму 1971 года, весну 1972 и достиг апогея зимой 1972 года.

р. Яма, 20 сентября 1970 г.

Мудрый Контримавичус не пожалел штатную единицу младшего научного сотрудника, и по согласованию с БИН М.Максимову перевели в Ленинград. Там она стала работать в кавказском отделе гербария под началом своего руководителя Ан.А.Федорова. Дальнейший костер конфликтов с Максимовой разгорался уже на ленинградской почве. Но это совершенно отдельная, весьма типичная советская история.

В 1970 году, в начале знакомства с М.Максимовой, когда она была в прикомандировании в Ленинграде, Андрей написал ей доверительное письмо. Просил поговорить с Ан.А.Федоровым о его диссертации. Жаловался на то, что в Главном ботаническом саду его не поддерживает П.И.Лапин – «делец от науки». Так он выразился. Когда возник конфликт, Максимова переслала это письмо Лапину.

Зимой на Снежной долине особый теплый микроклимат. Это место справедливо считается курортом. Недалеко от трассы в поселке Снежный находится лесная станция. Там работает Гена Сныткин. Андрей ему помогает, пишет статьи, вместе с ним катается на лыжах. В окрестностях

Снежной долины на берегу одного из притоков реки Дукчи стоит вагончик – балок нашего института. Сотрудники института, катаясь на лыжах, могут сделать там привал, переночевать.

Во время лыжной прогулки Андрей обнаружил на пути к вагончику сотрудницу нашего института Эмму Стрелецкую с сыном Павликом и сыном Контримавичуса Леончиком. Детям еще нет 10 лет. Эмма решила в пятницу поехать на лыжах с детьми и ночевать в вагончике. По дороге ее застигла метель. Дети устали. Пурга усиливалась. Дорогу замело. Эмма заблудилась. Дети плакали. Андрей благополучно доставил всех троих в балок. Как иногда опасны некоторые мгновения! Проходит опасность, и все кажется уже иным. Так было и в тот раз. На следующий день, в субботу, мы с нашими детьми подъехали к балку. Пурга утихла. Сияло солнце. Дети катались с горок. Взрослые – на лыжах. В балке тепло, натоплена печка. На белой пелене снега алеют клювики созревшего шиповника. Их еще не занесло снегом.

Андрей выступает организатором Магаданского отделения ботанического общества. Регулярно собираются заседания, делаются доклады. Привлекаются не только ботаники института, но и сотрудники Росгипрозема, педагогического института и просто любители ботаники. Очень повезло с секретарем – собранной и аккуратной Лидией Савельевной Благодатских, бриологом нашей лаборатории.

В конце 1971 года диссертацию из Главного ботанического сада вернули.

Андрей получает очередную отрицательную рецензию из «Ботанического журнала» на статью о биоморфологическом методе в систематике растений. Татьяна Ивановна Серебрякова, один из рецензентов, обвиняет его в «аподиктичности». Он подробно отвечает Г.Г.Левину – секретарю редакции – на все замечания. Пишет о том, что рецензенты не разобрались, не поняли его статьи. «Суть ее состоит не в том, чтобы учитывать признаки вегетативных органов и жизненных форм, а в том, чтобы филогения строилась на основе изучения закономерностей соматической эволюции». «Соматическая эволюция оказывает существенное влияние на генеративные органы, не отличающиеся консервативностью». Пишет открыто о недопустимых методах рецензирования.

Публикации 1971 г.: Вышло 12(!) печатных работ. О выделении флористических границ Магаданской области. Описание новых видов. Совместная со мной статья «Вегетативное размножение в интродукции растений», связанная с наработками о вегетативной подвижности. Статья по каменистым обнажениям Башкирии, работы по проблемам эволюции, главная из которых, вымученная, но все же вышедшая в «Ботаническом журнале»: «Сравнительно-морфологический анализ злаков и пальм».

Поездки, экспедиции 1971 г.: Апрель: Крым (Ялта, Аюдаг, Ай-Петри). Июнь: Магаданская область (Марчекан, прииск Марины Расковой, Хениканджа, Аян-Юрях, Аркагала, Сусуман, гора Марджот, Ягодное). Сентябрь: Ольское плато, полуостров Кони.

1972 Зимой обжились. По воскресным дням обязательно всей семьей ездили на Снежную долину кататься на лыжах.

Шла подготовка тезисов на симпозиум «Биологические проблемы Севера». Андрей соответственно правилам не послал специальных приглашений тем, кто не прислал тезисы, в том числе известным ученым из Ботанического института в Ленинграде. Не понимал дипломатии.

Полуостров Кони. Л. Бударин, В. Воронецкий, А. Хохряков

Витас сердился, но не сильно. Исправляли положение, срочно посылали вызовы.

На симпозиум прилетело много народу: из Москвы, Ленинграда, северных городов. Все хотели видеть Магадан, новый институт.

На лето я отвезла детей на «материк», в Москву. В начале июня возвращалась в Магадан. В сумерках белой ночи меня встречал не только Андрей, но и Юра Королев. Он приехал на работу в наш институт, сейчас живет у нас. Между московским и магаданским временем большая разница, 8 часов. Прилетая с «материка», всегда трудно адаптироваться. Двое суток я без перерыва слушаю бесконечные, очень интересные рассказы говорливого Королева.

Два рассказа особенно впечатляют. Первый, как умалишенный отрезал голову чиновнику в отделе кадров Академии наук. Второй, о тяжбе Академии наук с Трофимом Лысенко, требовавшего в АН, чтобы его вспоминали хотя бы отрицательно. Лысенко вызывал комиссии, в которых участвовал и Юрий Борисович, на этом заработавший неврастению. Юра мечтает о романтике Севера, о стационаре, где он соберет материал для диссертации.

Накануне отъезда устроили бурную отходную. Опять бессонная ночь.

Нам выделили ветеринарный автобус, предназначенный для случек рогатого скота. Поэтому по стенам и на потолке полочки, приделаны крючки. Кроме того, автобус «раздели» - сняли рессоры.

Дневник: «Утром 16 июня загрузились и тронулись в путь. Состав экспедиции: Хохряков Андрей - начальник, я, Галя Антропова, Юрий Королев - научные сотрудники, лаборантка Галя Третьякова с маленькой сестрой Наташей, школьницей. С нами едет гость: Владимир Владимирович Леонович, ученый секретарь Музея изо бразительных искусств им. Пушкина в Москве. Вторая его специальность - орнитология, любимое занятие - сбор птичьих яиц.

По плану Андрея мы едем в Омсукчан с небольшими остановками. Из Омсукчана будем забрасываться вертолетом в верховья Омолона.

На четвертом километре трассы, на вершине сопки, большой щит с изображением оленя - символа Магадана - и надпись: «Вас приветствует Магадан!» Юрий Борисович останавливает автобус и долго фотографирует этот щит. Королев первый раз в Магадане, из своих снимков на слайдах делает нечто похожее на кино.

С нами две собаки. У Антроповой - лайка Антон и наш маленький игрун Бобик. На каждой остановке Антон норовит влететь в автобус в последний момент. Харитоныча, нашего шофера, это раздражает. Он каждый раз захлопывает перед собакой дверь. У них получается что-то вроде игры. Но Харитоныч злится, а Антон это чувствует и дразнит. Автобус трясет неимоверно. Приходится привязываться, словно в самолете. Присыпанные пылью, на жаре мы еле дышим. Но я, не спавшая подряд двое суток, ухитряюсь в такой обстановке заснуть!

Первая остановка - ручей Гипотетический в одном из распадков за Черным озером. Выбирает место Харитоныч, рассказывая, что именно здесь он с геологами собирал редкие камни. Юрий Борисович в северных краях после большого перерыва. Громко восторгается и долго, в течение нескольких часов, ставит свою палатку. Получилось произведение искусства. Андрей предупреждает: «Завтра мы будем двигаться дальше». Высокий, сверхманерный и вежливый Владимир Владимирович уходит от шума спать на сопку. Он знает кладки птиц, собирает яйца и просвещает нас насчет птичьих голосов.

Едем дальше. Еле дышим. При каждой встряске в нас грозит врезаться крючок под потолком. Владимиру Владимировичу раскроило голову. Умоляем Харитоныча не ездить с места в карьер. Но он со своей вечной пословицей «лучше маленький Ташкент, чем большая Колыма» смотрит на нас, как на дрова. На стоянке у костра он вспоминает, что по этой трассе возил замерзших зэков в Магадан штабелями, где их сваливали в одну большую могилу. Сворачиваем на Омсукчансую трассу. Предстоит маршрут на одному из сопок. Юрий Борисович долго собирается, готовится к восхождению. Надевает ватник, навешивает на себя фотоаппаратуру. Мы уговариваем его идти налегке. Бобика, который рвется идти с нами, привязываем. Прошел час подъема, когда мы увидели нашу взмыленную, с отвисшим языком собачку.

Каменистые осыпи, холмы, болота. Дальний маршрут. К концу дня на обратном пути, балансируя по камням курумников, Юра оживился и продолжил свои рассказы. И опять этикетки, закладка гербария, переборка.

За перевалом Рио-Рита в окрестностях поселка Балыгычан остановились в пойме. Белые ночи, весеннее пенье птиц. В голубых старицах отражаются наполненные желтой пыльцой сережки чозении. Машина медленно поднимается на величественный перевал Капранова. Растительность исчезает. Вокруг только камни, поросшие лишайниками: серыми, зеленоватыми, оранжевыми.

Омсукчан - типичный северный поселок с низкими домами, пыльными улицами. Останавливаемся в школе. Леонович ходит на кладбище. Это самое спокойное место для кладки яиц. Забавно видеть, как он, большой, по-хозяйски надевает передник и, подобно фокуснику, начинает выдувать содержимое пестрых яичек, затем их бережно укладывает на ватку в коробочки.

Здесь главное - не маршруты, а выбивание вертолета. Погода испортилась, и это отдаляет сроки заброса. Слышим роковые слова «сан.норма», а это значит, что вертолетчики отлетали свою норму и летать в этом месяце уже не имеют права.

Хотели похитить лайку Антона. Игривый Бобик показал нам, куда упрятали Антона. Может

быть, отомстили? Или случайность? В Омсукчане машины - большая редкость. Вдруг видим - он лежит, раздавленный, на дороге. Андрей плакал навзрыд. Он очень любил эту собачку и часто спал с ней, гладил.

На 26-ое, на рассвете, назначен вылет. Должны лететь на Правую Хадаранджу втроем: я, Андрей и Галя Антропова.

Ночью в школе выпускной вечер. Школьники гуляют всю ночь напролет. На рассвете Леонович бежит в пекарню, приносит три буханки свежего хлеба. В семь утра летчики на месте. Вертолет разогрет. Но нет Гавриша - начальника отряда. Мы с Галей звоним ему домой. Недоволен: разбудили. Уже 9 утра. Андрей в отчаянии шипит: «Черт, проклятье». Ложится под кустами. Наконец, появляется важный Гавриш и заявляет, что полет отменяется. И тут мы все - я, Королев, Андрей - говорим ему все, что думаем на этот счет и про самодурство тоже. Грозим сегодня же уехать обратно и написать жалобу. Это действует. Моментально оформляется заявка. За пять минут загружаемся и летим. Через час приземляемся в Верхнеомолонской впадине - на водоразделе. Выбрасываем вещи. Винты работают. Гавриш злобно шлет нас к чертовой матери. А мы рады-радешеньки. Птичка улетает. Ставим палатки. Спешим осмотреться. Вода в речке блестит на солнце. Вокруг все цветет. Собираем все подряд. Недалеко голубеют огромные наледи. Ивы только-только начинают раскрывать листья, сережки сильно пылят. Вечером прохладно. Долго сидим у костра.

Поднимались на самую высокую точку - 1350 м. Шли вдоль наледей. На склонах евражки тайком выскакивают из-под камней и с любопытством нас разглядывают, прячутся, мелькая хвостиками. На большом лугу снег стаял, но прошлогодняя пожухлая трава еще примята. Из нее торчат высотой с палец стебли, венчающиеся розоватым цветком, похожим на купальницу. Это редкая находка: нежно-розовая хегемона.

Дицентра-разбитое сердце

Межгорные ущелья почти полностью забиты снегом. Много снежников и на северных склонах. А на южных уже вполне оттаявшая щебенка. Сыпучая, она расцвечена маленькими букетиками нарядной травки дицентры - разбитого сердечка. Степные участки с незабудочником, крупками, желтым прострелом. Множество, множество красивого. В сумерках белой ночи, в тихих водах отражаются желтые блестящие цветки калужницы арктической. Цветет желтая купальница. Красные куртины цветущего рододендрона лапландского похожи на яркие клумбы! Присутствуют почти все краски спектра!

Спускаясь с вершины, слышим, как в нашем лагере из транзистора громко вещает «Голос Америки», расхваливая шахматиста Фишера.

Вертолет прилетел в срок. Гавриш на этот раз был любезным и даже завез по пути в верховья реки Гижиги. С высоты видны цепи гор до горизонта, распадки, забитые снегом. На фоне белого снега темное пятно. Присматриваемся - медведь.

Снова трясемся, засыпанные пылью. 80 км немыслимых ухабов. У Меренги ставим лагерь у прозрачной реки и приходим в себя.

Харитоныч, знаток лагерей и событий ГУЛАГовской поры, рассказывает. Недалеко стоял лагерь. Во время шторма бараки смыло волной. Почти все заключенные погибли.

Как быстро тут развивается растительность! Как коротко цветение! За 10 дней уже отцвели мытники, остролодка чукчей, паррия.

В центральных районах Колымского нагорья лето наступает раньше, чем на побережье Охотского моря. Стоит сорокаградусная жара. Днем палатка раскаляется. Мучает мошка. Трудно дышать, и только в ночной прохладе можно прийти в себя. На жарком солнце выстроились 10 сеток со свежими сборами. Много уже высохло, упаковано в папки.

Теперь в обратный путь. Перевал Галимый, перевал Капранова, прииск Невский. Горные плато перевала Галимый усеяны плоскими камнями, на которых отпечатки древних брахипод. Самих окаменевших моллюсков нет. Ручьи обмелели. Распустились деревья».

Мытник Эдера

У Андрея на икре большой нарыв. Но он упрямо не обращает на него внимания и меня не подпускает. Лечиться он не хочет. Говорит, что будет закаляться и есть грязное, чтобы организм привык. Это меня возмущает, тем более что я никогда не знаю, шутит он или нет.

На оформление документов на Чукотку ушло целых две недели. У нас дома живут безквартирные сотрудники института Юра Королев и Анатолий Ткачев. В нашей квартире прописана масса людей, не имеющих жилья. Юрий Борисович прописался, хочет это событие отметить в ресторане. Быстро идем в гостиницу «Магадан». Ту самую, в которой мы в 1967 году спали в ногах у Ворошилова.

Огромный зал ресторана. Вечерняя жизнь течет по своим законам. Андрей пляшет смешно, подпрыгивает козликом, вызывая всеобщее внимание. Ткачев заказал в оркестре модную в те времена песню: «Ваше благородие, госпожа удача». Объявляют: «Для моряков танкера ИБПС».

В шуме ресторана оркестранты расслышали ИБПС. Значит, моряки.

23 июля прилетели на Чукотку, в Анадырский аэропорт. Его зовут попросту «Анадырка». Тут сидят в грязи сутками, ожидая вылета. Нам везет. Всего ночь ожиданий. Утром следующего дня маленький АН-2 садится в красочном Заливе Креста. Говорят, залив похож на крест. Мне незаметно. Широкая долина реки. В глубокий залив впадает несколько рукавов реки. По берегам тундра.

Недалеко от маленького аэропортика одноэтажный дом. Его хотел купить наш институт, но опередил ленинградский Институт Арктики. Оставляем вещи в надежде на то, что аспирант Андрея Юрий Павлович Кожевников, как мы договаривались, замолвил за нас словечко. Не хочется терять время. Идем на экскурсию.

Все растения прижаты к почве. Везде тундра. Только грибы, чаще всего белые, торчат над березкой тощей с ее лежачими стволиками. Ярко цветет рододендрон камчатский. Много комаров.

Кожевников никого не предупредил о нашем приезде, начальник этого домика Пуминов не в курсе, а мы уже внесли вещи и надули резиновые матрацы, и собираемся отдыхать и даже спать. Происходит бурное объяснение, в результате которого мы собираемся уйти в белую ночь. Страсти улеглись, отношения уладились с помощью бутылки спирта. Кожевников уехал к геологам в Амгуэму, отсюда по трассе 90 километров.

Живем в теплой пустой комнате с единственной электроплиткой, на которой готовим пищу, сушим газеты. Для работы лучше не придумаешь. Натягиваем веревки, развешиваем газеты. Из окна комнаты видна вышка и проволока. Это остатки зоны. Познакомились с Раей – палинологом из Ленинграда. С ней ходим в маршруты.

За водой идти далеко, в распадок за аэропортом вода далеко, в распадке за аэропортом. По сторонам пищат жирненькие евражки, любопытно выглядывают. Но не так уж они были к нам добры. После самого далекого и трудного маршрута мы вернулись глубокой ночью. Дом, словно избушка на курьих ножках, стоит на высоких столбах. Положили наполненную папку с растениями под дом, на холодок, чтобы сборы не запрели до разборки. Евражке понравилась папка, он выгрыз ее середину с заложенными в газеты растениями, и там устроил гнездо, погубив многие сборы...

Идем в поход на скалы. Чтобы попасть на противоположный берег, необходимо перейти несколько рукавов. Меня переносит на спине первый встречный рыбак. Раю – Андрей. На скалах выпал снег, собирается гроза. Под ливнем, под жалобы Раи возвращаемся домой. Но уже никто никого не переносит. Спешим перейти по пояс в воде. Начинается прилив. В каждой протоке вода поднимается вверх из моря.

Туманы с моря наплывают мгновенно. Все ясно, и вдруг сплошным белым облаком накрывает плотная масса. Я вижу, как садится самолет, а за ним мчится белое облако, как будто нагоняет. Рассказывают, как в сопку врезался самолет. Так же мгновенно туман исчезает, и тогда сияет всеми красками цветущая тундра. Поют птицы. А ночами в ясную погоду над тихим заливом лунная дорожка прорезает водную гладь.

У Андрея на ноге мучительно зреет нарыв. Он не может ходить. Нам необходимо заверить командировочные в Амгуэме. Стою на трассе. Голосую. Подбирает самосвал. Шофер – грубый детина, рассказывает о лагерях. Показывает маленькие каменные полуземлянки, в которых ютились заключенные.

В сентябре полевые работы продолжались на юге Магаданской области. Андрей с Галей

Антроповой и Галей Третьяковой забрасывались на Шельтингу южнее Магадана. Места дикие. Большой медведь шел впереди и не чувствовал запаха человека. Андрей продолжал идти следом. Держал марку. Расстояние сокращалось, пока вдруг медведь не почувствовал близости человека. Опрометью вскарабкался по отвесному склону и исчез в кедровом стланике.

Андрея в лаборатории уважали. Главное – он не давил на сотрудников, не командовал, а исходил из их интересов. У него была очень важная установка, в дальнейшем принесшая нам славу лучшей лаборатории. Главный результат работы – научные публикации. Поэтому основное требование Андрея – написание статей. Он сам много пишет. Принимает активное участие в издании первого сборника института. Собирает сборники статей лаборатории.

Весной Андрей отправил на обсуждение свою диссертацию в Ленинградский университет. Её вернули. Профессора ЛГУ А.И. Толмачев, В.К.Василевская не захотели поддержать Андрея и быть его оппонентами. Т.И.Серебрякова, тесно общавшаяся с Василевской, также отмежевалась от его работы. Однако вела с Андреем активную переписку по поводу его статей по происхождению злаков.

Последняя надежда – Владивосток. Там есть совет по защите докторских диссертаций. Его возглавляет известный зоолог – эволюционист Николай Николаевич Воронцов, одобряющий эволюционные работы Андрея. Во Владивостоке палеоботаник В.А.Красилов согласился быть его оппонентом.

Теперь нужно еще раз перепечатать работу, собрать документы, отзывы, апробировать.

Публикации 1972 г.: Опубликовано четыре работы. Одна из них – статья о А.В.Благовещенском, его роли в ботанике. Две статьи весьма значительные. Это: «Интенсификация онтогенеза как основа соматической эволюции» и наша совместная «Сравнительный анализ заносной и одичавшей флоры Колхиды».

Экспедиции 1972 г.: Июнь: Магаданская область. Поездки по Омсукчанской трассе. Заброс в верховья Омолона. Приток Правая Хадаранджа. Перевал Галимый, прииск Невский. Июль: Чукотка – Залив Креста. Сентябрь: Охотоморье (бухта Шельтинга).

Глава пятая: Первые годы в Магадане. Поездки по Колымской трассе. Ольское плато. Чукотка. Охотоморье (1970 – 1973). Продолжение

1973 Вторая зима в Магадане. Под Новый год в центре города монтируют высокую елку. Каркас состоит из множества трубок, в которые вставляют ветки кедрового стланика. Вокруг елки в новогоднюю ночь собираются знакомые.

Андрей пишет моей маме:

«Дорогая Вероника Генриховна! Давно чувствую себя перед Вами виноватым. Но что поделаешь, такова жизнь. Все время надо что-то писать, все время срочно. Кажется – вот напишу последнее, и станет посвободнее. Но нет. Потом опять что-нибудь оказывается. А Вам хочется написать подробнее, не спеша, все продумав, перечувствовав. Но теперь вижу: надо все бросить и написать.

Вот и 31 декабря. Год позади. Главный его итог – отрезвление. Прошла пора восторгов Магаданом. Впрочем, и город, и климат, и природа нравятся мне по-прежнему, а также и квартира, и работа.

1973 г. М. Т. Мазуренко проводит экскурсию в пионерлагере

Просто произошло становление нашего института. И все в соответствии с законами природы и общества. Так что, собственно, жалеть не о чем. Что делать, если такова жизнь. Закон Паркинсона о неспозавистите (неспособных и завистливых) не выдуман, а открыт. Так вот, в соответствии с этим законом все наше руководство больно «неспозавиститом». Директор достиг своего уровня некомпетентности, а замы здорово его превысили. Один из них – типичный хам, типа «из грязи да в князи», а другой насквозь лживый интриган, который лжет без всякой нужды просто потому, что давно разучился говорить правду из-за «как бы чего не вышло». Половина завлабораториями и отделами тоже не понимают, что главное – это наука, и все надежды возлагают на свои дипломатические способности, как бы втереться в доверие директору, как бы угодить его замам, получше изобразить бурную деятельность. К сожалению, они достигают и достигнут успеха, так как наука как таковая никого абсолютно у нас не интересует, а если кто занимается ею по-настоящему, так у окружающих и у начальства это вызывает только зависть и насмешки с соответствующими последствиями. Есть, конечно и здесь хорошие люди, как-то случайно попали, но все на вторых ролях, точнее – в роли подозрительных. Успехи их вызывают только зависть, а неудачи – злорадство.

Теперь по поводу моих успехов. Как будто меня начинают признавать в широких кругах. Но вот именно «как будто», не более. Самое скверное заключается не в том, что я играю роль белой вороны, что мои идеи кажутся абсурдными или безграмотными, а то, что подобные же вещи все чаще появляются за границей. Напечататься мне стоит огромных трудностей, да и то обычно в каких-то плебейских книжонках, пребывающих до конца мира в безвестности. А в какой-нибудь Англии или в Штатах появляются всякие статейки в международных изданиях, всем хорошо известные. В общем, я самым катастрофическим образом теряю приоритет. И ничего тут не сделаешь. Правда, потеряно пока не так уж много, но сознание того, что у нас здесь передо мной высоченная стена равнодушия и зависти, а где-то кто-то другой легко и свободно говорит и

пишет все, что считает нужным, все «мое», отравляет сознание, ухудшает настроение и т.д. Взять хотя бы того же Манжено. В изложении Серебряковой получается так, что он – первый, я – второй. А ведь на самом деле у него только какие-то намеки, а у меня разработано гораздо глубже. Просто все это лежит в разных издательствах, рецензируется самым пристрастным образом и неизвестно, когда еще увидит свет. Вполне возможно, что тот же Манжено за это время напишет еще что-нибудь получше. В теории цветка мой «конкурент» Стеббинс. Все теперь цитируют его работы 65 и 67 годов, вот недавно появилась еще одна. А мою работу 64 года почти никто не знает, потому что это всего лишь тезисы, а саму статью так напечатать и не удалось. Потом я делал доклады в 65 и 67 годах и позднее, но пока вышли опять-таки только тезисы, да и то только в прошлом году. А когда выйдут статьи – одному богу известно.

Вот и с диссертацией все то же. Настоящее «горе от ума». И почему я ею занимаюсь? Откуда она взялась на мою голову? Вот было бы что-нибудь попроще, тогда было бы проще и легче. А тут все считают своим долгом глубокомысленно изречь: «Очень серьезная работа. Надо ее тщательно продумать и проверить. И вообще мы некомпетентны». В общем, все сводится к тому, что надо проверять и проверять, да к тому же дать на отзыв Тахтаджяну. Поистине, это значит – самому сунуть голову в пасть. Этого, конечно, я сделать не могу и не буду. (А.Л. Тахтаджян - академик из БИНа, его эволюционные работы получили мировую известность. Стеббинс и Манжено – ботаники-эволюционисты, работающие за границей).

Теперь вот надо бы снова приниматься за диссертацию. А тут одни статьи надо корректировать, другие исправлять, третьи писать, четвертые редактировать. Добро бы только это. На службе сплошные неприятности. Бумагу для гербария приходится покупать самому, бесконечно надо давать какие-то справки, писать бумажки, объяснения, требования и т.п. В общем, на работе наукой заниматься совершенно невозможно. Там только одна нервотрепка. Во второй половине дня я отдыхаю, большей частью сплю и в общем совсем неработоспособен. Так вот время и проходит, как говорят карточные гадалки, – в пустых хлопотах. Досадно и неприятно. Хочу вот взять творческий отпуск. Может быть, тогда и удастся поработать. Все же на службе можно будет и не бывать ежедневно.

Конечно, не все так уж мрачно, как я пишу. Все же мы поднялись на более высокую ступень, чем были в Москве. Хотя бы материальных затруднений особенных нет. Одно это уже много значит. Теперь не только меня редактируют, но и я редактирую. Может быть, на моем месте вообще грех жаловаться. Но я уж такой, наверное, есть, что мне чего-то постоянно не хватает.

Вот и новый год наступил. С Новым годом, с новым счастьем! Всегда строишь всякие радужные видения на этот счет, но потом, к счастью, о большинстве из них забываешь, а то сплошное расстройство. Завершится ли в этом году дело с нашими защитами и книжками? Насколько увеличится список работ? В этом году у меня намечено два съезда: в мае в Хабаровске по Берингии с участием иностранцев и в начале сентября в Киеве – всесоюзный, ботанический. А весь предыдущий год я просидел в Магадане. Не считая местных поездок – в Анадырь, Владивосток.

Да, вот еще день прошел. Надо приступать к работе. Надо идти на службу. А так не хочется, потому что надо опять что-то просить, разговаривать. Да, еще несколько часов, может быть, даже минут – и все мечты, связанные с этим годом, начнут осуществляться. Ведь всего-то осталось каких- то 363,5 дня. Целую, Ваш А.Хохряков».

Стоит остановиться на обстановке в Институте. Директор Института Контримавичус – человек добрый и доверчивый. В институте бытует поговорка: «запрограммировать Витаса». Поэтому активное, а часто и недобросовестное окружение пользуется доверчивостью директора. Добиваются привилегии, ставки, по принципу: «кто смел, тот два съел». Институт комплексный,

в основном представленный зоологами. Ботаника – только одной нашей лабораторией. Получается, что наук много, и каждый представитель определенного подразделения борется за себя. А так как в институте большинство активные, сильные личности, конкурентная борьба за единицы высокая. А Андрей не умеет быть настырным, обивать пороги дирекции. Работает в тиши кабинета. Видимо, срабатывает и его принципиальность. Своего мнения он не скрывает. Витас теперь от нас далеко. Не так, как было в начале организации института. Институт растет.

Во Владивостоке с диссертацией, как уверяет Витас, будет все гладко. Андрей оформил творческий отпуск, едет в Москву, чтобы доработать, познакомиться с новинками литературы в Ленинграде и в Москве, а главное – что-то предпринять в центре.

Уже три года, как дело с защитой стоит. Он снова пытается отдать диссертацию в Главный ботанический сад, но ее туда не берут. В Педагогическом институте он тоже получает отказ. Хотя Серебрякова говорит комплименты в адрес работы, говорит, что работа вполне диссертабельная, но оппонировать отказывается.

В Магадане я копирую рисунки в четырех экземплярах! Приходится делать их от руки. Копировальной техники нет. Андрей в Москве что-то дописывает, шлифует. Ему это осточертело. И опять перепечатывает. Нашел хороших машинисток. Уже в который раз! И как долго все это тянется!

Витас уже член-корреспондент АН. Приехав из Москвы с заседания президиума, рассказывает Андрею, что Ан.А.Федоров – заместитель директора БИНа, тот что поддерживает М.Максимову – проголосовал против присвоения Андрею звания старшего научного сотрудника. Это он объясняет тем, что у Андрея идеи, которые никто не понимает. Обидно. Утверждение звания старшего научного сотрудника на президиуме – простая формальность. Представляет к званию ученый совет института. Андрей справедливо считает, что это желание отомстить за М.Максимову. Ведь он разоблачил ее полную неграмотность. А тем самым скомпрометировал Федорова, который дал ей прекрасную характеристику. Эта характеристика, вставленная в рамку под стекло, – охранная грамота Максимовой и по сей день. Вот что значит подпись, заверенная круглой печатью!

Известный палинолог Маргарита Павловна Гричук принимает активное участие в судьбе Андрея. Так же, как и я, она уговаривает Андрея написать диссертацию по флоре Колымского нагорья. Объясняет: не будет травли. Андрей загорелся. Выбрал тему: «Ксерофитные флоры Колымского нагорья». (Ксерофиты – растения сухих обитаний. На северо-востоке привлекают внимание степные склоны, каменистые осыпи, выходы известняков. Там, в более теплых местах, сохранились древние реликты). Все бы хорошо, да публикаций маловато. Но он собирается написать работу всего за два месяца. Потом раздумал. Упрямо решил защищать теоретическую работу.

Определились оппоненты: В.А.Красилов, В.Н.Хржановский и С.С.Харкевич. Диссертацию опять нужно сократить.

Структуру института переделали. Образовали отделы. Наша лаборатория теперь подчиняется почвоведу – Игорю Васильевичу Игнатенко. Энергичный, напористый и работящий, «Игнат» любит унижать. За отчеты ставит отметки как школьникам. Я и Лида Благодатских получили пятерки, Юра Королев – тройку.

В институте «правит бал» Анатолий Кушнир – заместитель директора по хозяйственной части. Толстый, неприятный на вид, вечно курящий. Он создал очень богатый полевым оборудованием склад, но сотрудникам института что-то получить почти невозможно. Выписывает он дефицит только любимчикам или дает на сторону «нужным людям». Он него зависит транспорт, смета на

полевые работы. Это создает нервозную обстановку, так как в Магадане популярны рыба, охота, а не ботаника.

В нашей лаборатории всего пять человек. Андрей очень хочет ее расширить, но борьба за штатные места всегда кончается победой других лабораторий. За все приходится бороться.

Мы продолжаем выписывать толстые журналы: «Иностранную литературу», «Новый мир». Но времени на чтение не остается. В основном читаем самую популярную «Литературную газету». Это трибуна советской интеллигенции. В ней часто появляются дискуссионные статьи на разные темы. Андрей пишет письмо в редакцию, осуждая закрытое рецензирование научных статей.

«В одном из последних номеров я прочитал заметку по поводу рецензирования научных статей. Эта проблема меня давно занимает, так как я достаточно знаком с реакцией редакций многих журналов («Ботанического», «Онтогенез», «Бюллетень ГБС» и других) на те статьи, которые кажутся рецензентам необычными, не подтверждающими идеи ведущих специалистов в данной области, а идущими вразрез с ними.

По моему глубокому убеждению, главная причина, которая дает простор для всякого рода предвзятостей и необъективностей в оценке поступающих в редакции статей, – это закрытое рецензирование. Легко видеть, что автор в этом случае находится в явно неравноправном, худшем положении. Имя автора рецензенту известно и вместе с этим и все остальное – возраст, место работы, руководители и т.д. Автор не знает о рецензенте ничего, даже такого необходимого факта – насколько вообще рецензент компетентен судить его работу, к какому научному «лагерю» он принадлежит. Скрываясь за анонимностью (правда, как правило, мнимой) и сообразуясь не только с содержанием статьи, но и со всем арсеналом сведений об авторе, рецензент может, совершенно не стесняясь в выражениях и не утруждая себя аргументами, подвергнуть уничтожающей «критике» и полному разгрому любую статью почему-либо не понравившегося ему автора. Другое дело, когда рецензент работает с «открытым забралом». Здесь уж придется выбирать выражения и искать какие-то настоящие доводы, так как каждый понимает, насколько несолидно прибегать к общим фразам и демагогии. Да и редакции будут вынуждены подходить к подбору рецензентов более ответственно.

Вероятно, целесообразно даже упоминать имя рецензента и при публикации статьи. Ведь во многих случаях, когда рецензент объективно оценивает работу, делая ценные замечания и предложения, принимаемые автором, он до некоторой степени становится и его соавтором. Да ведь исправление авторских ошибок тоже есть род соавторства. С другой стороны, эта мера поможет, может быть, сократить поток слабых статей, так как не всякий ученый, дорожа своим именем, пойдет на то, чтобы его имя стояло рядом с фамилией заведомо никудышного произведения.

И, наконец, следует ввести общее для всех редакций правило: отрицательная рецензия не может служить причиной для отклонения статьи. В случае, если автор аргументировано отвечает на все замечания рецензента, но у последнего все же возражения не снимаются, статья должна передаваться на вторичное рецензирование другому ученому, придерживающемуся иных, по сравнению с первым рецензентом, взглядов».

При содействии Витаса в Сибирском отделении издательства «Наука» принята к печати монография Андрея «Закономерности эволюции растений», которую первоначально он хотел представить на соискание докторской диссертации, но потом решил ограничиться только однодольными.

В мае в Хабаровске должен состояться международный конгресс по Берингийской суше. Наш институт один из организаторов. У Андрея заявлена тема доклада «Берингийский элемент во

флоре Колымы».

К этому событию готовятся серьезно. Печатаются тезисы, работают редакторы, переводят на английский. Заведующих лабораториями натаскивают по английскому языку. Семинар проходит в доме отдыха в Снежной долине. Между прогулками на лыжах идут интенсивные занятия по-английски.

Май. Хабаровск. Впервые мы видим раскованных иностранцев в легких ярких одеждах. Рядом с ними чопорные, в темных костюмах, советские ученые. Директор Биолого-почвенного института Н.Н.Воронцов привез детей. По утрам в ресторане импозантная бонна кормит с ложки маленькую дочурку Воронцова – Дашу. Настоящий спектакль.

После конгресса мы вдвоем с Андреем едем на отроги хребта Хехцир.

Попутчицы – крестьянки с грубыми руками и лицами – втащили в автобус огромные чувалы, плотно набитые листьями черемши. Вся их одежда и тело усыпаны клещами, собирают их на себе горстями, выбрасывают в окно. Здесь сохранилась память о том, что черемша - ценнейшее противоцинготное средство. Ее засаливают бочками.

Магадан. В первых числах июня на несколько дней едем на Олу.

Сначала идем на склад. В подвале одного из 5-этажных домов неподалеку от института в темных отсеках лежат полевые вещи – спальные мешки, кухонная утварь, сапоги, палатки и обязательно - печка и ватники. С ними в поле мы никогда не расстаемся.

Рано утром город погружен в туман. На подъеме, на четвертом километре туман рассеивается, внизу мы видим его клочья. Поднимается холодное, ветреное солнце. Вдоль дороги уже пробилась зеленая трава, пышно цветут одуванчики. С Ольского перевала открывается вид на бухту Гертнера, Ольский лиман. В защищенных от ветра и тумана ложбинах уже ярко зеленеет лиственница, но трава под деревьямии жухлая, серая, прошлогодние отмершие листья покрывают всю почву, и кое-где лежат большие пятна снега.

1973 г. р. Ола. М. Мазуренко, Л. Благодатских, В. Петровский

Ола – старинное село, бывший острог, а в настоящем – районный центр к востоку от Магадана у устья реки Олы. Нас четверо: я, Андрей, Светлана Васильевна Константинова (позже Ершова, а

затем Чуйко) – лаборантка, и наш десятилетний сын Павлик. Не считая Трезора, нашей маленькой трехцветной собаки, помеси дворняжки с терьером.

Палатку ставим на галечнике, неподалеку от несущей весенние воды Олы. До моря всего 1-2 километра. Река при впадении разливается на несколько рукавов. Это место, оказывается, Андрей присмотрел уже давно. Была у него привычка что-то обдумать, а потом, не поделившись, молча осуществлять. Я начинала закипать. Он в ответ молчал…

В ясные дни даже тепло. Но то и дело с моря наплывает туман, и тогда мы оказываемся в бело-молочном плотном облаке. Силуэты расплываются, и на расстоянии всего одного метра уже ничего не видно.

Главная цель – поездка в Атарган, рыбацкий поселок на противоположной стороне лимана. Каждый день отсюда отправляется небольшой катер-баржа «Колхозница». Нам необходимо разведать, где место отправления, то есть порт и время отправления. Нигде никаких указаний по этому поводу в поселке нет. Идем к морю сквозь густой туман, ориентируясь по компасу. Пересекаем огромную ровную долину, и, наконец, начинают вырисовываться таинственные остовы выброшенных на берег кораблей.

8 июня. Я и Андрей спешим. «Колхозница» отправляется в пик прилива, в 12 часов. В тумане боимся заблудиться. В его густом молоке еле виден домик порта. Везде пьяные рожи. Появляется совершенно трезвый капитан, и через полчаса катер отчаливает. Наверху сильный ветер. По морю плывут льдины. Всю дорогу нас развлекает атарганская матрона. Громовым голосом, без остановки сообщает последние атарганские новости: у кого-то болят зубы, пекарь платит алименты, пьют слабовольные. Я про себя думаю: наверное, большинство обитателей Атаргана слабовольные люди. «Да,– говорит матрона, – пьют слабовольные, а учиться – хорошо!» «Чему?» – думаю я. Сожалеет, что в Оле не купила сметаны, но хорошо, что примерила в мастерской костюм. Андрей прикорнул, как всегда, не обращает внимания. Мне эта трескотня надоедает. Я выхожу на свежий воздух. Но проливной дождь опять загоняет внутрь.

Наконец причаливаем. Туман. Холодно. Серый голый поселок тянется вдоль длинной галечниковой косы. Убогие одноэтажные домики с маленькими палисадничками для картофеля. Главное – устроиться на ночлег. Андрей внимательно всматривается в каждую трущобу. Его старая привычка. Везде запах тухлой рыбы.

В конторе сидит кокетливый бухгалтер. Сегодня здесь он самый главный. Потрясает довольно длинными кудрями. Светский разговор сводится к заметке о рододендроне золотистом в «Магаданской правде». Кудрявый благодетель никак не может понять, что автор этой заметки стоит перед ним. Видимо, моя полевая одежда никак не вписывается в образ автора маленькой заметки. Но все же размягчается. Через пять минут – мы обладатели вонючей комнаты с грязным тряпьем. Быстрей бы на природу!

Путь к скалам идет по пустынной наносной косе. Шесть километров мимо бесконечных помоек с гниющей рыбой. На нас со всех сторон глядит пустыми глазницами сельдь жирная тихоокеанская. Коса расширяется, в лиственничнике большая гарь. Скалы едва просматриваются сквозь туман. Еще одна преграда. Река Атарганка спускается из невидимого из-за тумана распадка. В одном месте находим перекаты, и удается выйти к приморским скалам.

На следующий день нас обрадовала солнечная погода. Километры до скал мы прошли быстрее, хотя провели в грязной комнате почти бессонную ночь. У прибойной полосы, кроме испорченной сельди, выброшены на берег сотни высохших морских звезд.

На защищенных от ветра приморских склонах много яркого, интересного. Бокалы мохнатых цветов прострела, незабудка, примула, лапчатка снежная. Солнце пригревает, колышет лепестки.

Но еще прекраснее дальний вид на ярко-синее море, усеянное белыми льдинами, которые постепенно прибиваются к берегу. Следа не осталось от скованного льдом моря, поземки, завывания ветра по льду.

Идем вверх. Щебенка приморских склонов сменяется лужайками у горных ручьев. Прошлогодний сухой вейник скользит под ногами, мешая нам взбираться вверх. Сквозь траву прорастает купальница. Ярко-желтые головки цветов блестят на солнце. Рядом с ней соседствует ветреница сибирская. Подъем все круче. И вдруг на приморских скалах, окруженных каменной березой, мы увидели то, что никак не могли ожидать в этом месте. На скалах, в полном цвету карагана гривастая. Наконец мы впервые видим в Магаданской области это растение! Гибкие стволики изгибаются, словно в поклоне, прячась между скал. Мохнатые листья только-только отрастают. Как хороши ее розовые цветки! Нежные, ароматные, они привлекают толстых крупных шмелей, то и дело перелетающих с цветка на цветок.

После еще одной адской ночи возвращаемся. С катера любуемся широким разливом Олы. Спешим из последних сил. Нужно срочно разобрать, заложить собранные за три дня растения.

На магаданском небосклоне появился Даниил Иосифович Берман. Он невысокого роста, с живым миловидным лицом. На нем лежит печать человека из центра. Ранее он был ученым секретарем всего Сибирского отделения Академии наук. Мы его запросто зовем «Даня», потому что в школьные годы он вместе с Андреем ходил в кружок Московского зоопарка (КЮБЗ). У Дани есть фотография, которую он иногда показывает. Среди мальчиков-натуралистов Даня, Андрей и Николай Николаевич Дроздов – ведущий на телевидении передачу «Жизнь животных», человек в стране известный. Таким образом, как бы само собой получается, что Даня и Андрей тоже весьма почетные люди, хотя и работают в Магадане, так сказать, на передовом, неизведанном фронте науки. Даня с Андреем в начале лета заключили договор о совместной поездке по Колымской трассе до Индигирки. Расписание маршрута размечено вплоть до дней. Но сначала Андрей планирует работать в Северо-Эвенске и в верховьях Омолона.

Наш отряд: Андрей – начальник, Кира Павловна Веселухина, я – научные сотрудники, Света Константинова – лаборант, Ларочка Васильева – миколог из Владивостока и Павлик с Трезором.

У нас дома испортился замок. Пришлось на ночь, пока не исправили, дверь оставить открытой. В середине ночи Ларочка, прилетев из Владивостока, спокойно отворила дверь нашей квартиры, вошла и таким образом стала почти членом нашей семьи. Сразу стала помогать со сборами в поле.

При утверждении сметы на полевые режут деньги. Приходится выдерживать «бои», отстаивать любую мелочь. Все препоны преодолели.

И вот мы уже в маленьком самолетике «Яке». Взмываем, набираем высоту и летим прямо на юг, на Магадан, к побережью. Кубики домов города быстро исчезают. Поворачиваем на северо-восток. Справа бескрайнее море, слева бескрайние заснеженные сопки. Я пытаюсь смотреть вниз и рассматриваю непрерывную ленту крутых берегов Охотского моря и зелень кедрового стланика. Самолет садится на галечник широкой поймы реки Гарманды.

В центре Северо-Эвенска – маленький аэропортик. Поселок с квадратными одноэтажными домиками в пойме реки Гарманды. В райсовете начальник эвен Падерин. Наш приезд он посчитал за честь для себя. Мгновенно завязываются приятные отношения. Для нас главное – жилье. Устраиваемся в большом двухэтажном здании интерната. Чтобы не было проблем с сушкой растений, долго выбирае комнатум. Летом не топят, а климат сырой. Столовая – одна из лучших на севере. Готовят вкусно, по-домашнему. Но помещение так отсырело, что на потолке,

особенно в углах черные вуали... мрачноватый дизайн.

День клонится к закату. На берегу Гарманды на холодном морском бризе колышут нежными, то желтыми, то белыми лепестками маки. Андрей с Ларочкой копают и закладывают первые сборы.

Длинный день заканчивается прогулкой на берег моря по отливу. Здесь нет бухты. Берег тянется ровной полосой вдоль широкого устья Гарманды. На рейде светятся корабли. Всходит луна.

У нас две задачи. Первая – улететь к горячим ключам в поселке Таватум. Вторая – заброситься на вертолете на север в верховья Омолона. Оплачиваем спецрейс, ходим по несколько раз в день в аэропорт – договариваемся о забросе. А пока ходим в маршруты за поселок по бесконечным кочкам болот. Ларочка на одежду не обращает ни малейшего внимания. Постоянно круглым почерком пишет дневник. Поет песни Новеллы Матвеевой. Тонкий голосок придает шарм этим песням. Особенно жалобно про гвоздь в стене и о том, как цыганка украла медвежонка. «Все, что было, позабыла – все, что будет, позабудет!» – выводит Ларочка. Мы забираемся в спальные мешки. Трезор ссорится с Павликом.

Легкий самолетик Ан-2 взмыл над широкой долиной Гарманды и устремился на юг вдоль моря в Таватум. Справа - сплошная зелень кедрового стланика, слева - волнующееся море с обрывами. Разворот, и самолет садится на широкий галечник. Самолет подскакивает, словно кузнечик. Встречает толпа жаждущих улететь. Быстро выбрасываем вещи. Самолет исчезает в небе, оставив нас наедине с природой. Оказывается, пионерский лагерь у горячих ключей находится в шести километрах от «аэропорта». А поселок Таватум в 10 километрах, но в другой стороне. Мы не можем передвигаться, так как с нами громоздкое полевое оборудование! Вечер. Комары звереют, образуя над каждым из нас противно звенящие облака.

Утро вечера мудренее. Растягиваем полога, и под звон комаров, атакующих наше эфемерное убежище, сладко засыпаем с сознанием, что мириады кровопийц не смогут нас одолеть.

Солнечное утро. День обещает быть жарким. С Ларочкой и Светой идем в пионерский лагерь договариваться о транспорте. В широкой пойме – высокие нарядные леса из чозении, склоны сопок густо покрыты кедровым стлаником и ерником. Пионерский лагерь – это несколько домов барачного типа у большой запруды горячего источника. В глубоком и большом искусственном бассейне можно плавать в приятной теплой воде!

Около горячего озера садится вертолет. Вертолетчики решили отдохнуть на горячих ключах. Привезли с собой упитанных жен. Мужья, тоже не худые, забираются в воду вслед за дамами. Тут бы их и уговорить. Вдруг Андрей громогласно заявляет: «Ларочка, побыстрей закадрите вертолетчиков, нам необходимо привезти груз!» Жены с удивлением поворачивают головы к Ларочке. Добрые дяди помогают. Вертолет играючи переваливает через сопку. Лихорадочно кидаем вещи в салон вертолета, вскакиваем - и через несколько минут мы у ключей.

Заводим самые тесные знакомства с руководством лагеря и получаем 10-местную палатку. В центре столб. Просторно, темно и пыльно. В щели залетают комары.

Для побережья Охотского моря характерны параллельные хребты, защищающие ущелья от морских ветров и туманов. Вокруг горячих ключей – оазис камчатского высокотравья. Андрей нашел новый, неизвестный науке папоротник.

Поселок Таватум на берегу моря, в устье реки. Лиственницы нет. Кедровый стланик густо заплел склоны сопки. Маленький, типичный для Севера поселок оторван от цивилизации. За домами буднично горит кедровый стланик. Огонь с шипеньем перебрасывается с ветки на ветку, пожирая свежую, пропитанную смолой хвою. Никого это не волнует. Штиль, поэтому пожар не разгорается, а огонь методично и буднично делает свою страшную работу.

На берегу моря одинокая изба. Тут живет старик. У него что-то вроде магазина. Все продукты десятилетней давности, а может быть, ровесники старика. Он тут с лагерных времен, когда-то был завскладом при большом рыбзаводе. Но уже давно здесь пустынно. Память о лагере и рыбзаводе хранит только старик.

К морю Андрей, Света и Ларочка ушли как обычно, в 9 часов, взяв продукты только на день. Планировали вернуться в семь вечера. Андрей всегда рассчитывал поход по часам. Редко опаздывал. День пролетел в переборке гербария, купании в горячем озере.

Давно прошел контрольный срок. К вечеру комары свирепеют, я выхожу за лагерь, волнуюсь. Место дикое, медвежье. Я знаю: Андрей всегда забирается на самую высокую сопку, не щадя себя и своих спутников. Ночь. Выходим с Павликом далеко за поселок. Сумерки белой ночи делают очертания расплывчатыми. Все пустынно. Никого нет. Что делать? Только ждать. Кровь стучит в висках. Что делать, что делать? Где и как искать их в огромных, в 2-3 человеческих роста зарослях кедрового стланика? Вся надежда на умение Андрея хорошо ориентироваться. Пришли в 4 часа утра. Напряжение сразу спало. Господи, они живы и здоровы! Но ноги сбиты. Оказалось, что начался прилив, и пришлось с трудом вылезать наверх по обрыву над морем, а затем долго продираться сквозь заросли кедрового стланика. Я хорошо представляю всю эту картину.

Программа в Таватуме выполнена. Нужно возвращаться в Эвенск. Мы связаны вещами, погрузкой. Трактор везет их на галечник, то есть на взлетную полосу. Начинаются очередные трудности. Неожиданно оказывается, что рейс Ан-2 бывает только раз месяц! А спецрейс, который летел за нами, был атакован страждущими улететь. В экстремальных ситуациях «совки» очень агрессивны. Мы опять на куче вещей. С нами еще двое мужчин средних лет. Тоже ждут самолет. Может быть, мы с ними проведем в кампании целый месяц? Эту мысль быстро отбрасываем. Нужно действовать. Решаем идти в поселок, вызывать еще один спецрейс, взывать к нашему положению. Хозяйственная Кира Павловна производит обмен. За кружку спирта дают банку икры. Попутчик залпом выпивает спирт, и с ним начинает твориться нечто неопределенное. Мы, не понимая его состояния, вместе с ним идем в поселок. Комары неистовствуют, приходится бежать. Попутчик бежит за нами, бормочет, обращаясь с монологом к своему брату, который ему нанес, видимо, обиду. Обещает убить: «Я проколю тебе печень, обязательно печень, поверну нож несколько раз!» Он уже почти невменяем. Он вполне может нас перепутать с братом, тем более что брат в его мыслях, а мы рядом. Быстрей бы поселок! Злобный пьяница исчез. С тучей комаров врываемся в грязный телефонный узел. Звоню, умоляю диспетчера не позабыть о нас. На обратном пути грызет червь сомнений. Ничему в этом зыбком мире верить нельзя до конца там, где можно обмануть. Ночь провели под пологами, под звон комаров. К утру прохладно, в спальниках уютно. Самолет прилетел.

В Северо-Эвенской столовой занимаемся чревоугодием и почти не покидаем аэропорта, хлопочем о забросе на север. О нас должны помнить. В то же время опасно надоедать хозяевам. Могут разозлиться, не взять. Они - хозяева.

Ловля рыбы строго запрещена. Ее может ловить только «Охотскрыбвод». Несколько мужчин потертого вида с рваными сетями выходят к Гарманде, расставляют сети.

Помойки поселка переполнены гниющей рыбой, из чего можно заключить, что рыбу ловит не только «Охотскрыбвод».

На большом самосвале уехали на несколько дней в поселок Гарманда выше по течению реки.

Середина лета. Зацвел вейник, пылит. У Андрея сильный приступ аллергии, бессонница. Может долго, изнуряюще чихать.

В пойме Гарманды высокие лиственницы стоят величественными столбами, словно в парке. Шаровидные кусты шиповника покрыты яркими розовыми цветами. Лепестки устилают землю. Рядом такие же большие кусты жимолости с созревшими ягодами. Ни до, ни после, даже на Камчатке я не встречала таких, как здесь, кустов, обильно усыпанных темно-синими ягодами. Бичи собирают ягоду, сдают в кооперативный магазин. Собирать ее трудно: много комаров. А в магазине, в больших бочках, она быстро начинает бродить.

Мы ходим в длинные маршруты по осыпям и распадкам на вершины сопок. Ларочка с нами пробирается под ольховником и стлаником, претерпевая все трудности подъема. Каждую возможную минуту, даже под кустами или при закладке очередного выкопанного растения, Ларочка непрерывно ведет дневник. Интересно, что она там пишет?

Когда я попросила Ларочку прислать эти дневники, для того, чтобы включить в эту книгу, она мне их переслала. 120 страниц пространных записей, из которых можно точно узнать, какая была погода во время наших путешествий, как часто мы пользовались местными ягодами, травами в нашем пищевом рационе. Дневники очень интересные. Но из-за ограниченного объема они, к сожалению, вошли в книгу неполностью. В настоящее время Ларочка, как и тогда, работает во Владивостоке. Сегодня она - известный миколог, доктор биологических наук.

Поздним светлым вечером, возвращаясь в поселок, бежим от комаров, перескакивая с камня на камень по бесконечным каскадам курумников, серыми «реками» стекающими со склонов сопок. Комары догоняют, мы ускоряем темп.

Павлик подружился с местными эвенскими мальчишками. Ловит длинной удочкой рыбу, и очень увлекся. Не хочет уезжать.

В Гарманде большой зверосовхоз. Выращивают черных песцов со злыми глазами. На жаре этих зверьков особенно жаль. Они трясут пустую банку, просят напиться. Вокруг клеток стоит звон, но работники не обращают внимания на «просьбы» лисичек.

Эвенск. На утро запланирован рейс в верховья Омолона. Быстро грузимся. Железное пузо вертолета тяжело поднимается. Винт бешено крутится. Вертолет бодает воздух, разгоняется и начинает парить. Поселок становится маленьким. Исчезает залив. Долго летим над сопками. Затем Андрей поднимается в кабину, намечает точку посадки. Это Большая Ауланджа – небольшой приток Омолона. Садимся на пойму горной речки. Выбрасываем вещи. Дверь захлопывается. Черная точка вертолета быстро исчезает в небе. Договорились – прилетит через неделю.

Как только вертолет улетел, видим красный трактор. Здесь в высокогорьях выпасают большое стадо оленей. На нем перевозим вещи на стоянку.

Несколько дней олени пасутся в окрестностях нашего лагеря. Эвены рассказали: в 20 километрах стоят палатки с провиантом. Его сторожит одна женщина-эвенка.

Вышли на экскурсию – все растения объедены или выбиты оленьими копытами. Зашли в гости к эвенам на стойбище. Они дали нам мяса. Из него Кира Павловна приготовила шашлыки.

В густых ивняках большие выводки куропаток. Они то и дело взлетают, когда мы пересекаем долину реки. Трезор бегает за ними, играет.

Все семь дней подряд, без передышки, мы в дальних маршрутах, стараемся как можно детальнее обследовать территорию. На восьмой день настал срок прилета вертолета.

С утра собрали вещи, свернули спальные мешки. От лагеря уходить нельзя. Рации у нас нет. Ружья – тоже. Только ракетница. Загораем на солнце. Появился мокрец – маленькая мошка,

разъедающая кожу. Играем в кинга – вид преферанса. Вдруг слышим – тарахтит. Думаем – вертолет. Но это ложная тревога. Высоко в небе плавно пролетает прямо над нами самолет Ил-14. Это его трасса. Звук, который издает мотор, очень похож на вертолетный. В следующие дни мы опять обманываемся.

Сидим, наблюдаем маленьких тонконогих куличков, выискивающих червячков под камнями. Нас они совсем не боятся. У входа в палатку поселилась пичужка. Здесь всегда роятся комары, чуя нашу кровь. Кира Павловна любуется птичкой: «Вот бы взять ее домой, красивая». Андрей: «Вот так всегда, Кира Павловна, птичка помогает вам, ловит комаров, а вы в благодарность хотите ее в клетку!» Кира Павловна надулась. Андрей не обращает внимания. Красивую птичку согнали две боевые серенькие, похожие на воробышков. Стали совсем ручными, собирают «урожай» прямо на наших штормовках, ногах.

И на второй, и на третий день вертолета нет. Начинаем распутывать сети, которые мы случайно взяли с собой. Их приготовила хозяйственная Кира Павловна. Сети очень пригодились. Дважды мы отлавливали хариусов. Потом заводи опустели.

Хлеба давно нет. Кончился сахар. Крупы в обрез. Кончается и мука.

1973 г. Северо-Эвенск. А.П. Хохряков, М.Т. Мазуренко

В густых зарослях ив полно куропаток. Они взлетают при приближении. Ружья у нас нет, только ракетница. Андрей не любит стрелять и никогда ружья не берет. Придумал расстелить сети, высыпать на них горох. Может быть, куропатки попадутся в сети. Но «умные» птицы не отреагировали на это «изобретение».

Эвены откочевали. Нам тревожно. Появились слуховые галлюцинации, нам все время слышится грохот вертолета. Трезор стал есть едва созревающую голубику. Стараемся бодриться. Андрей глубокомысленно размышляет: «Наверное, только осенью в институте о нас вспомнят, на октябрьские праздники, когда будут распределять премии».

На девятый день вспомнили об эвенке и о складе провизии. На поиски пошли я с Андреем. В случае прилета вертолета как опознавательный знак надеваю красную футболку. Через три часа на горизонте увидели круглую палатку и приободрились. К ней пришлось идти еще три часа. Вокруг палатки - тишина. На самодельных качелях качается девочка, рядом мальчик показывает нам живую рыбку, которую поймал руками. У нас на глазах он ее съедает. В палатке спит его мать. Еле разбудили. Она дает нам столько, сколько хотим: сахар, муку, масло. На обратном пути

Андрей забирается на сопку, собирает гербарий. 9 дней безделья утомительны. Ил-14 опять сбивает нас с толку. Андрей бежит вниз и чертыхается. Ложная тревога. Придя в лагерь, я собираюсь мыть голову, красиво жить и отдыхать. Только налила воду в таз и собралась окунуть голову – мгновенно прилетел вертолет!

Андрей сломал ребро. Нужно таскать вещи на пригорок. Поэтому я говорю надменному Левшину, командиру экипажа, чтобы помогал грузить. Этого летчики никогда не делают. Помогают нехотя.

Эвенск. Работа закончена. Быстрей бы улететь. Но таких, как мы, – много. Идем к доброму Падерину, и он помогает. В ожидании самолета играем в кинга. Только начали кон, как бегут к нам в интернат. Самолет подан. Присылают машину и на дорогу - пакет с красной рыбой. Милейший человек этот Падерин! Уважает ученых. Прощай, Северо-Эвенск! Самолет на полчаса приземляется в Гижиге. Андрей выскакивает и чуть ли не под брюхом самолета собирает растения. Летчики злятся. Я бегу, беспокоюсь. Убрали трап. Пришлось его снова подкатывать.

В Магадане лежит письмо от Бермана. Он рассержен. Сорваны сроки, а то, что почти 9 дней нас не выбирали, – не аргумент.

Срочно собираемся в намеченный с Берманом маршрут по обследованию степных склонов по Колыме и Индигирке.

Кира Павловна остается в Магадане. С нами, кроме Ларочки, едет Рита Назарова – моя подруга, миколог из Владивостока, а также новая сотрудница нашей лаборатории Саша Беркутенко. На трассе мы должны встретиться с Берманом. Заезжаем к Юре Королеву на стационар «Контакт» в соседстве с поселком Стоковое. Там еще с 30-х годов изучают сток. Юрий Борисович Королев облюбовал это место очень удачно. Стационар – это три вагончика, так называемые балки. В горах есть изба, давно не используемая метеорологами. В настоящее время это основной кабинет Юрия Борисовича, его святая святых. Там он соорудил подогреваемый душ. Его гордость – красивый туалет. Оригинальная фигура Юрий Борисович. Человек нервный, шумный, но добрый. Все он делает красиво, медленно, доводит до совершенства.

На «Контакте» на полевых работах находится Алексей Мосин – сотрудник нашего института. Он на днях улетает в Москву.

В связи с предстоящей защитой моей диссертации и подготовкой к защите диссертации Андрея мы решили провести зиму в Москве. Павлика решено отправить с Мосиным в Москву к родителям. Ему 1 сентября в школу. Жаль расставаться. Мы были вместе все лето.

На трассе невыносимая пыль. Лежим вповалку в кузове. На кузов надстроен большой фанерный каркас. Он слабо защищает от пыли. Дышать тяжело. Лежим, как селедки в банке, прижавшись, вплотную друг к другу. Едем на север по Тенькинской трассе. С Берманом встречаемся уже за Сусуманом по дороге в Якутию.

Начинается какая-то странная жизнь. Бермана сопровождает Леня Кузьмин – гельминтолог, симпатичный молодой человек, и стройная студентка Ольга из Новосибирска.

Мы, привыкшие к регулярной, хорошо организованной работе, теперь попали под начало нервного Дани Бермана. Главная цель этого маршрута по трассе – знакомство с северными степями на Колыме и Индигирке. Весь день едем. Останавливаемся на ночлег уже в полной темноте. Встаем на рассвете, ходим недалеко, лишь бы успеть хоть что-то собрать.

Мчимся вплоть до Индигирки. Даня хочет обследовать степи и наметить будущие маршруты. Южные склоны гор хорошо прогреваются. Там осталась древняя степная растительность. Каждый склон оригинален. На пригорке жарко, вокруг стрекочут кузнечики. А на хребте дует холодный ветер. Берман полон новых открытий. Он мне с гордостью сообщает: в его честь описан степной клоп.

Марш-бросками доехали до Хандыги. Мчимся обратно. Конец августа. Путь по трассе насчитывает сотни километров. Нас догоняет циклон. Первого сентября выпал снег. Собирать растения стало невозможно.

Второго сентября мы в Сеймчане. Сегодня Андрею 40 лет. Машина стоит на берегу Колымы. Серое небо. Белая пелена снега по берегам. Стальные воды Колымы несутся бурным потоком. Зимний пейзаж. Берман долго договаривается с владельцем небольшого катера. Хочет осмотреть степные склоны. Мужик за бутылку готов прыгнуть на небо. Катер наготове. Могут ехать только четыре человека: два от Бермана, два от ботаников. Андрей берет меня. А в группе Бермана

бунт. Леня Кузьмин требует себе место, а Берман берет Ольгу. В результате Кузьмин не едет, Даниил Иосифович, разозлившись, убегает в лес. Одно место освобождается. Им быстро воспользовалась Беркутенко. В снежной пороше доплываем лишь до мыса Чегодан. Все покрыто белым покрывалом. Темно-серая Колыма скоро станет. Длинная Ольга «косит» большим сачком не насекомых, а снежинки. Беркутенко уводит Андрея на сопку. Они, словно северные олени тебенюют, – раскапывают снег.

В Сеймчане на берегу ждет машина. Все бело. Темнеет. В лиственничнике ярко горит костер. Приготовлен плов, подарки. На мотив песни «Самара-городок» поем посвящение, сочиненное Ларочкой.

Стихотворение, написанное Ларочкой Васильевой ко дню рождения Андрея. Его пели у костра в заснеженном лиственничнике на берегу Колымы:

Дорогой наш Хохряков,

Наш любимый Хохряков!

В сорок лет, в сорок лет

Поздравляем мы вас!

Хохряков с бородой,

В сорок лет старый дед

Ну, а если побрить…

Молодой, так и быть,

Ну и что ж, ну и что ж!

А для нас и такой

Он хорош, он хорош!

Хохряков в сорок лет

Может все, может все,

Ну а если не все,

Так ведь Мая на что?

Главный в области ботаник,

Дорогой наш Хохряков,

Мы уверены: он станет

Ну почти что Комаров!

Ой-ей-ей, летит комарик,

Подлетел и прямо в плов!

И нотации читает

Комару наш Хохряков.

Мы кончаем, мы кончаем.

Ты прости, что мы напели

Ведь обидеть мы тебя

Ну никак уж не хотели.

Ах, Самара городок,

Юность Хохрякова,

Беспокойная я!

Середина сентября. Работа продолжается на побережье. Одян – залив небольшой речки, впадающей в Охотское море в основании горы Беринга, самой высокой точки побережья к северо-востоку от Магадана. Палатки поставили в глубине бухты. С нами Света Константинова, Саша Беркутенко с мужем Алексеем Полежаевым и «отец Андрей», то есть Меженный.

Осень на побережье прекрасна. Во время штиля море тихое, прозрачное. Кажется таким теплым!

Тихие дни резко сменяются бурями с дождем и ветром. Море сильно штормит. Ночью сильно морозит, по утрам корка льда лежит на лужах. До полудня туманы заполняют весь залив, долину речки.

Андрей решил подняться на гору Беринга с берега моря. Нас трое: Андрей, я и Света. Каменистые осыпи идут от основания горы до вершины. С трудом, иногда на четвереньках ползем вверх. Андрей не оглядывается и ждать нас не собирается. Наконец, высота взята. В далекой дымке виден Магадан. Еще светло, но нужно спешить. Темнеет рано, путь к лагерю далекий. Ярко алеют схваченные морозом ягоды сладкоплодной рябины бузинолистной. Я на ходу хватаю ягоды – «заготавливаю». Андрей спешит вперед, мы за ним вприпрыжку. Еле догоняем. То и дело чувствуем запах зверя и предполагаем, что можем столкнуться с медведем. Об этом мы со Светой говорим с опаской. Андрей, когда говорят о медведях, всегда раздражается. Уже в темноте видим огонь нашего костра и Андрея Александровича, в беспокойстве встречающего нас. Как хорошо холодным вечером у костра!

Днем закладываем гербарий, греемся на солнце. Вдруг видим – на пригорке большая медведица идет вместе с двумя малыми медвежатами. Наш Трезор заливается, бежит к пригорку. Медведица, переваливаясь, спешит скрыться в лиственничнике. Один из медвежат отстал, медведица возвращается, берет его зубами за холку, дает шлепка точно так, как это делают люди. Наблюдаем эту картину, как зачарованные. Только медведица скрылась, как к нам идут два охотника. Они с моря на моторной лодке выследили медведицу. С пристрастием спрашивают, куда убежала медведица. Говорим, что никого не видели.

Буря рвет нашу палатку, раскачивает крепления. Но нам в спальных мешках тепло. Пища кончается. Шторм выбросил на берег ламинарию. Из нее готовим салат. Пошел пятый день, как должен прилететь вертолет. Рыбаки исчезли… Как сообщить?

На восьмой день ожидания летит вертолет. Сигналим ракетницей. И правильно делаем. Оказывается, этот вертолет летел не за нами, а на северную метеостанцию. Обещают на обратном пути забрать. Как хочется в это верить! Прилетел. Всего несколько минут полета до Магадана.

Через несколько дней мы с Андреем улетели в Москву. Я – оформлять и защищать кандидатскую диссертацию. Андрей – оформлять, сокращать свою докторскую диссертацию.

Публикации 1973 г.: Вышло 10 (!) работ, в том числе «Закономерности эволюции онтогенеза у растений», «Направления эволюции форм роста в экстремальных условиях». Только две в тезисах. Большинство из статей посвящено флористическим исследованиям на Дальнем Востоке. Описан новый вид – прострел магаданский.

Поездки 1973 г.: Май: Хабаровск (поездка на отроги Хехцыра, Малышево). Июнь: Охотоморье (Ола, Атарган). Июль: Северо-Эвенск, Гарманда, Таватум. Заброс в верховья Омолона (река Большая Ауланджа). Август: экспедиция по Колымской трассе до Хандыги и обратно. Сентябрь: Охотоморье, залив Одян (гора Беринга).

Глава шестая: Защита докторской диссертации. Ожидание утверждения. Колыма. Чукотка. Курильские острова. Камчатка. Куба (1974 – 1977)

1974 Зиму 1974 года мы провели в Москве в прикомандировании. 14 февраля в Главном ботаническом саду я защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Системы побегов и циклы их развития, на примере семейства жимолостных». В моей жизни это было грандиозное событие, к которому я шла очень долго и самостоятельно. Сначала изучала только голубую жимолость. На экспозиции полезных растений природной флоры, где я работала, росли два куста с вкусной ягодой. А так как я кончила сельскохозяйственный институт, то решила внедрять эту ягоду в Москве. Она, в сравнении с другими ягодами, созревала очень рано. Принесла ягоды в витаминный институт на анализ. Научный сотрудник института сообщила, что две мыши, наевшись этих ягод, умерли. Я ответила на это, что, возможно, мыши объелись. На Дальнем Востоке эта ягода - одна из самых популярных. А у москвичей настороженность к этой ягоде была связана с тем, что в лесах Подмосковья растет другой вид жимолости – жимолость лесная – «волчья ягода», с ядовитыми плодами.

В настоящее время жимолость голубая в садах Подмосковья – любимая ягода. Сначала я изучала только голубую жимолость. И обнаружила закономерность, связанную с цикличностью развития побегов. Захотелось узнать, как же дело обстоит и у других видов жимолостей, а потом и у всех представителей семейства жимолостных. Мне повезло. Жимолости, в своем большинстве – кустарники. И у них, у всех мое маленькое открытие присутствовало. Затем я решила исследовать и доругие роды семейства жимолостных. Откровенно говоря, уже не вкусные ягоды увлекали меня, а система побега формирования, присутствовавшая не только у жимолостей, калин и бузины, но и у всех кустарников. Меня все больше увлекала биоморфология. Мои теоретические работы по структуре кустарников имели и прямое отношение к агрономическому приему – обрезке кустарников. Но работа затягивалась. Мы переехали в Магадан, и это также затрудняло организацию защиты диссертации.

В 1972 году мой руководитель В.Н. Ворошилов заболел. Это задержало защиту еще на год. Перед защитой он уехал в Железноводск, в санаторий. Я волновалась, просила характеристику у А.К.Скворцова, возглавлявшего отдел флоры. Буквально в день защиты от Ворошилова по почте пришла блестящая характеристика. Боялась я и председателя диссертационного совета Петра Ивановича Лапина, зная его отношение к Андрею. Но он поддержал работу. Проголосовали единогласно.

Андрей старался помочь. Нарисовал схемы и рисунки, например, дерево с синим стволом и красными ветвями – для контраста.

Из Москвы во Владивосток Андрей отправил В.А.Красилову, своему будущему оппоненту, большую, на 45 страниц, статью «Биоморфологический анализ как основа филогенетической систематики растений». Написао он Красилову и о том, что некоторые его работы пробуксовывались или залеживались в течение 8 (!!!) лет.

Главное положение этой работы заключалось в том, что в систематике растений необходимо учитывать не только цветок, но и вегетативные органы – биоморфы.

Основное время уходило на очередную переработку и сокращение диссертации. Я боялась

оппонентов, противников. Нашла редактора, отдала ей рукопись, заплатила. Когда Андрей увидел свою рукопись, всю исчерканную, возмутился. Может быть, он был прав. Писал он хорошо, был грамотным. Но я боялась лишних придирок, подстраховывалась.

Вторым важным делом, которым мы занимались всю зиму, был обмен квартир. Мать Андрея – Ольга Андреевна – ослепла, отец вышел на пенсию. Решено было объединиться. Трудность заключалась в том, что мы обменивали две двухкомнатные квартиры на одну четырехкомнатную. В Москве четырехкомнатные квартиры, как правило, были коммуналками, в которых жило не менее трех семей. Никак не разменяешь. Ездили, смотрели, звонили и устали. Неожиданно в апреле родственница тетя Клава увидела объявление около метро "Аэропорт". Обмен состоялся. Мы съехались с родителями в 4-комнатную квартиру на Ленинградском проспекте.

Станция метро «Аэропорт» находилась под нашим подъездом. Поэтому мы, хоть и числились на 4-м этаже, фактически находились на втором. Поздним вечером из-под земли можно было слышать, как идут поезда подземки.

Наш дом находился совсем близко от того места, где в 1933 году родился Андрей. Но избы, в которой произошло это знаменательное событие, к тому времени уже не было. На этом месте выросли большие дома. И только старая ветла, скованная асфальтом, напоминала о том времени, когда здесь были деревянные домики, окруженные садами. В 1998 году не стало и ветлы. Не стало и Андрея. «Плакучей ивы тень…»

Летом состоялся переезд. Андрей пишет дочке Оле: «Очень, очень интересно пожить на новой квартире. Такого простора у нас еще никогда не было. А потом, ведь в этих местах я вырос и помню этот дом с самого начала, как помню себя. Жили мы в маленьком домике, который теперь снесли, совсем недалеко. Но в школу приходилось ездить за «Динамо», на ул. Марины Расковой, и на дорогу у меня уходило с полчаса. Обидно, конечно, было проходить мимо близкой школы и ехать в дальнюю, но с другой стороны – эти поездки по получасу были теми же прогулками, особенно когда я шел после уроков домой. Очень часто, особенно весной, мы ходили пешком».

В те годы были мужские и женские школы. Школа около дома тогда была женской. Она находится во дворе дома, в который мы переехали в 1974 году, и в ней учились наши дети и внуки.

Шестого апреля Андрей улетал в Магадан. Я нарисовала плакат: Андрей в самолете, а мы машем ему: «Счастливого полета – расставаться неохота!»

Я осталась в Москве доделывать техническую часть диссертации, чтобы отослать ее во Владивосток. Я понимала ответственность момента. А чувствовал ли его Андрей? Вопрос. Мне было важно, чтобы все было гладко, чтобы не придирались к оформлению. Этому придавалось особое внимание. Диссертацию снова, в который раз, оказалось необходимо перепечатывать. Возникали сбои. Машинистка оказалась малограмотной. Пришлось перепечатывать по-новому. Нужно было вставить в текст латынь, выверить список литературы, особенно иностранной. Я взвалила на себя огромную работу: проверяла текст, в местах опечаток вклеивала вырезанную отдельно букву. Диссертацию во Владивостоке было необходимо получить не позже 10 мая. Андрей мне взволнованно писал, что 15 мая должен состояться последний перед летними каникулами ученый совет, где будут принимать его диссертацию к защите. Если она не будет представлена, ее к защите не примут.

Из-за майских праздников все могло сорваться. Я с моей соседкой и подругой Валей Пироговой успели забрать рукопись из Нефтяного института, где печаталась работа, в последний момент перед первомайскими праздниками, пока не наложили печать на двери.

Последний штрих. Нужно успеть перед праздниками и на почту, упаковать и отправить три увесистых «кирпича» рукописи. Почту не опечатывают, но на праздники закрывают, что фактически одно и тоже. Пришлось опять все делать в последний момент!

В мае с детьми гуляли по ботаническому саду. Весна. Пели соловьи, все цвело. Везде нас окружала яркая, свежая зелень. На прудах утки забавно бороздили водную гладь. Зашли и в отдел флоры, вспоминали нашу прошлую жизнь. Эта прогулка на всех произвела большое впечатление. Ведь в Магадане в мае еще снег и метель. Я написала Андрею письмо с восторгами и пожеланием вернуться поскорее в Москву. Он отреагировал без энтузиазма.

> «Откровенно говоря, я не разделяю твоих слез по поводу Москвы. Даже как–то не хочется в который раз говорить о наших преимуществах здесь. Семейный уют, конечно, хорошо, но мы даже в экспедиции ездим вместе. А что касается детей, то идиллия с ними быстро кончится: подрастут – и ту-ту. Даже если мы будем жить в Москве, надо, чтобы взрослые, тем более женатые дети жили отдельно».

На лето дети оставались в Москве. Это было связано с трудностями организации защиты Андрея. Но родители Андрея рассчитывали на то, что внуки останутся в Москве и на зиму, будут учиться в московской школе. Часто говорили об этом. А меня это приводило в отчаяние. Остался большой архив с письмами, которые я посылала детям чуть ли не каждый день.

> Далее в том же письме: «Конечно, обстановка в институте, или «нашем заведении» (как мы его называем с Королевым), не идеальная, но все равно тут мы на первом месте и у нас есть друзья. Не забывай, что при всем великолепии на экспозиции диких полезных (в отделе флоры ГБС) ты оставалась в ГБС лаборанткой все 10 лет, а я младшим научным сотрудником. Ну и что, что Скворцов поехал за границу. А разве мы не катаемся? А ведь он наверняка не летает на вертолетах.
>
> Наконец, Москва для нас и не закрыта. На следующий год мы там пробудем по крайней мере половину лета. Да и как место жительства здесь мне больше нравится. Вышел из дома - и пешком пошел в горы. Единственное, что может сыграть роль, если говорить о переселении, – это характер работы. Когда мне разонравится изучать местную флору (в сущности, флористика - это баловство, несерьезное занятие) и когда что-то более серьезное найдется в Москве, что-нибудь связанное с широкими проблемами эволюции и систематики, тогда, конечно, стоит подумать о возвращении. Но все же здешнюю «Флору» я сделать должен».

В мае он пишет: «Времени зря не терял. Написал статейку насчет трав, ездил с Кривошеевым на Ньюклю, собрал хохлатку. Погода уже теплая, в городе травка зеленеет, на приморских склонах тоже зелень появляется, хохлатка с бутонами, пушица даже цветет. Горы все в проталинах». В том же письме сообщает, как трудно утвердить смету на полевые работы, получить оборудование, машину. У него высокое давление.

> Андрей пишет родителям: «Дорогие мамочка и папочка! Обо мне не беспокойтесь. Все у меня очень хорошо. Никаких неудобств и никакого давления. Удивляюсь, откуда вы взяли, что у меня какое-то давление. И пить я никогда ничего не пью, кроме воды, разумеется, да еще какого-нибудь спирта. Работа у меня совсем не пыльная, можно спать хоть полный день, а можно сходить, когда захочется и куда захочется. На работе все тихо и спокойно, никаких тревог и волнений, кроме как насчет экспедиционной машины и сметы. Но со сметой все уже сделано. Дали нам в этом году 10 000. Можно ездить от Чукотки до Сахалина и летать 10 часов на

вертолете. Отношения у меня со всеми очень хорошие или, в крайнем случае, просто хорошие. На 1 мая мне наприсылали всяких поздравлений из Москвы, Ленинграда, Владивостока от всяких докторов и профессоров. А я вот никому не послал, и вот приходится отвечать. Сейчас нужно идти в дом политпросвета на совещание по сельскому хозяйству Магаданской области, завтра будет заседание ботанического общества, послезавтра – ученый совет.

А на дворе у нас уже тепло. Снег перестал идти, все тает, все горы стали пятнистыми, с моря лед унесло, издали оно такое же, как и Черное. 3 мая ходил на экскурсию по берегу. Нашел очень полезную вещь – большую сетку, а в ней две мельхиоровые ложки и нож, завернутые в белую тряпку. Ее я выбросил, а сетку, нож и ложки взял себе. Дома у меня тоже все в порядке. Королев за всем следит и все за мной убирает. Ворчит, правда, что я неряха и ничего не кладу на место, но на все наводит порядок. Вот только пыль не вытирает и пол подметает редко. А так даже постирал мне рубашку и майку. Не знаю только, что с костюмом делать. Совсем запылился и завозился. А с питанием у меня все налажено. Готовлю сам, супа хватает на неделю, и вообще на еду времени почти не уходит, потому что пообедать и поужинать стараюсь в гостях. Как-то в апреле заходил на базар и покупал овощи. Картошка – 50 коп., огурцы – 8 руб., помидоры – 15 руб. Когда-то для меня были дороги помидоры за 5 руб., а теперь вот приходится покупать за 15! Но, в общем, все продукты есть и всякие овощи, и мясо, и хлеб, и даже зрелища, в основном телевизионные.

Пока всего хорошего, обнимаю и целую, поздравляю с днем Победы. Ваш Андрей».

В середине мая диссертация вместе с авторефератом уже находилась во Владивостоке. Моя подруга Рита Назарова написала мне, что я постаралась, текст был и отредактирован, и выверен. Теперь Андрею нужно было спешить во Владивосток на апробирование диссертации. Оттуда он планировал лететь в Якутск на симпозиум «Биологические проблемы Севера», а затем в Новосибирск – редактировать монографию по однодольным.

Я прилетела из Москвы в Магадан накануне отъезда Андрея. В мое отсутствие квартиру никто не убирал. Нужно было устраивать генеральную уборку. Костюм и вправду очень запущен. Срочно сдала его в чистку. Утром, перед отъездом в аэропорт обнаруживается: паспорт Андрея остался в кармане костюма. Везде необходим паспорт, особенно в закрытом городе Владивостоке. Что делать? Андрей улетел без паспорта. Я бегу в чистку. Большие мешки с одеждой грузят в машину. В последнюю секунду удается извлечь паспорт! Ура! Но как его доставить во Владивосток? У нас дома живет Леня Кузьмин, гельминтолог, с которым мы в прошлом году ездили по трассе. Он советует мне отправить изображение паспорта фототелеграфом.

Фотограф спрашивает: «Ваш муж утонул?» В Магадане часто тонут. Я в ужасе. Фотограф успокаивает: «Будет долго жить!» Фотографию паспорта он сделал мастерски, но на почте фототелеграмму отправить наотрез отказались. Пограничная зона…

Во Владивостоке Андрей успешно апробировал диссертацию и был участником регионального совещания ботаников. Совещание возглавлял С.С.Харкевич, согласившийся оппонировать диссертацию при условии, что ее пошлют на внешний отзыв в БИН, в Ленинград.

Через несколько дней мы встретились в Якутске. Симпозиум «Биологические проблемы Севера» проходил в «теплой и дружеской» атмосфере. В Якутске было жарко, хотя Лена вскрылась недавно. Симпозиум завершился поездкой на Ленские столбы – одну из самых знаменитых

сибирских достопримечательностей, в среднем течении Лены. По полноводной Лене бесконечной чередой плыли льдины. С реки высокие останцы-столбы казались белым городом. Добраться туда до растений сложно.

Цвела береза, а у меня аллергия. Поэтому на столбы пойти не смогла.На берегу в сумерках белой ночи горели костры. Участники симпозиума тепло общались. Уже поздно. Я тревожусь, Андрея все нет. Наконец вижу: идет вдоль реки оборванный, без фотоаппарата, но с полной папкой. Во Владивостоке Рита Назарова купила ему дефицитный фотоаппарат «Зенит». «Где аппарат?» Он мне в ответ: «Хорошо, что я сам вернулся».

Владивостокский ботаник Урусов, с которым Андрей ходил на эту экскурсию, много лет спустя в 2000 году рассказал мне, как рисковал Андрей на столбах: забирался на их вершины и перескакивал с одного на другой.

Из Якутска Андрей улетел в Новосибирск редактировать монографию «Происхождение однодольных». Там находилась и рукопись монографии «Закономерности эволюции растений».

20 июня, как только вернулись в Магадан, – улетели в Сусуман, откуда запланировали заброситься на озеро Дарпир. Часть нашего отряда уже находится в Сусумане.

Все идет без задержек. На Дарпир летим втроем: Андрей, я и Сережа – временный рабочий-десятиклассник.

Через полтора часа полета на запад сопки, бесконечно следующие одна за другой, стали изменять свои контуры и вершины. На них появились странные гребешки. Это выветренные древние останцы.

Снег лежит в распадках, поднимаясь к вершинам, стаяв только на южных склонах. В пойме Таскана огромные белые наледи. За ним - длинная голубая чаша озера Дарпир. Садимся на голой площадке рядом с домиками метеорологов. Выбегают два заспанных парня. 17-летние метеорологи уже два года живут в отрыве от цивилизации; прилет вертолета для них большое событие.

Несколько красавиц лаек – дети одной матери - бегают вокруг. Их дедушка волк. На противоположном берегу озера, на крутых склонах, русла высохших рек издалека кажутся белыми потоками. Весенние водные потоки обнажили белый известняк.

Через озеро нас перевозит Кадик – один из бравых метеорологов. С лайкой Кучумом он едет на рыбную ловлю. На подъеме вскоре находим множество новых, специфических для известняков видов, среди которых и мак. Растет он на влажных подушках сфагнума – совсем нехарактерное для маков местообитание. Андрей позже назовет его маком дарпирским. Заедают комары, ноги вязнут во мхах. Выше, словно на огромных террасах, как в парке, растут высокие лиственницы. На почве пестрый ковер беловато-кремовых лишайников с темной брусникой и шикшей. Лишайники, сверху высохнув, обламываются. А под хрустящей высохшей шапкой - слоевище влажное, словно резиновое, скользит. Между стройными лиственницами будто посажены высокие, компактные кусты рододендрона Адамса – кашкары. Маленькие цветки собраны в шаровидные головки. Розоватые, полупрозрачные, они издают нежный аромат.

На крутых склонах русла речек так белы, что слепит глаза. Выходим на горное плато. На хребте нас встречает пронзительный ветер. На плато белые, розовые или ярко-красные куртины рододендронов расцвечивают тундру. В тенистой моховой ложбине Андрей нашел новый вид – малюсенькую иву. Листья-крошки, величиной с мизинец младенца, лежат поверх мха. Длинные белые шнуровидные плети побегов спрятаны в моховой подушке. Чтобы заложить их в гербарий, приходится осторожно извлекать содержимое мха, расплетать и бережно укладывать

на газету. Ветер рвет газеты. Мы защищаем лист. Новую иву Андрей назвал ивой дарпирской. Сверху, с вершины открывается череда синих гор, уходящих за горизонт. Внизу, за чашей озера, словно странный оазис - видны маленькие домики метеостанции. Лес вокруг домиков полностью вырублен.

Устроились в маленькой баньке рядом с гигантской помойкой. Я пытаюсь сжечь накопившийся за годы мусор. Но это наивная затея. Вокруг много битого стекла, посуды – всего, чем знамениты северные помойки.

В сарае хранится большое богатство – кинофильмы, собранные за многие годы. После изнурительного маршрута лежим в затемненной комнате – смотрим, наслаждаемся. Метерологи выучили фильмы наизусть, цитируют. Сережа, вместо того, чтобы перебирать гербарий, весь день читает старые газеты. Попадаются иногда очень интересные статьи. А тут ещё зовут в «кинозал». Хорошо! Надеялись, вертолет задержится. Мы будем смотреть кино, ездить на озеро. Так нет, вертолет прилетел в срок.

На обратном пути из Сусумана остановка в Эльгене. Большая птицефабрика осталась со времен ГУЛАГа. Она описана в «Крутом маршруте» у Евгении Гинзбург. Удалось устроиться при клубе, в ленинской комнате. Разрешают только на одну ночь. Больше нельзя. Тут портрет вождя – Ленина! Он ведь «живее всех живых». А наш шофер напился и отборным матом беспокоил всю эту ночь вождя и нас…

В Магадане ожидало известие. БИН, куда отправили диссертацию на внешний отзыв, отреагировал отрицательно. Никакого разбора положений диссертации, обоснования отрицательного отношения к положениям, выставленным на защиту, нет. Отзыв состоит всего из одной страницы машинописного текста. Андрей решил защищаться во что бы то ни стало.

Следующая поездка - на Чукотку. Я, Андрей, Лида Благодатских надолго застряли в Анадырском аэропорту. Самолеты не летают. Туман. Дождь. Занять кресло проблема. Долго ждем. Все надоело. Здесь и ленинградские ботаники. С Юрой Кожевниковым ушли на экскурсию в сопки. Начался обстрел. Оказалось – стрельбище. Пришлось ретироваться.

Решили съездить в город Анадырь. Он находится на противоположном берегу лимана, на высоком берегу. У маленькой пристани долго ждем катер. Около пассажиров, изнывающих от долгого ожидания и, по всей видимости, желания выпить, делает круги маленький мужичок со стаканом. Обслуживает ожидающих. Ему за компанию щедро наливают. От пристани вверх тянется улица, заканчивающаяся площадью с памятником вождю народов Ленину. Под памятником, в небольшом палисаднике с упоением роют землю три больших борова. Мы предполагаем: делают подкоп под советскую святыню!

К памяти Ленина в то время относились без особого почтения. Чем больше было шуму в 1970 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения вождя, тем больше возникало анекдотов. Мы с Андреем внесли в юбилейную серию свою лепту. Придумывали курьезные ситуации. Например, сценарий балета, с па-де-де Владимира Ильича с Надеждой Крупской. Но самый удачный розыгрыш, на мой взгляд, получился, когда мы сказали нашим друзьям, что написали статью о флористическом составе шалаша в Разливе, где перед революцией скрывался Владимир Ильич. А главное, что эта статья прошла в «Ботаническом журнале» на ура. Наши друзья поверили. Такое было время.

Большой поселок Лаврентия – на берегу залива. Кругом тундра. Погрузились в сплошной туман, то и дело наплывающий на поселок. Туман развеялся мгновенно. Открылась поразительной красоты картина: море, залив, сопки. Можно лететь в Уэлен. Всем тут руководит «начальник» Чукотки – главный авиатор Борис Комков, красавец с голубыми глазами. На мотоцикле он

собирает пьяных чукчей. Им, грязным и сопливым, вытирает носы, сажает вместе с нами в Ан-2. Летим. Во время полета Комков зовет меня в прозрачную кабину.

Стоят: А. Егоров, Е. Каренченко. Сидят: слева - С. Бондаренко-Контримавичус, М. Казыханова, В. Остапенко, справа: А.П. Хохряков, М.Т. Мазуренко

Спустя несколько лет мне было очень приятно увидеть широким планом обаятельное лицо Бориса Комкова с экрана телевизора в популярной передаче «От всей души». Сейчас Комков живет в Пскове.

Внизу, как на географической карте, - Берингов пролив, за ним Аляска. Садимся на длинную Уэленскую косу. Маленькие домики. Над самолетом в виде фейерверка взмыли стайки стрижей.

Дневник: «**3 августа**. Уэлен. Лагуна, за ней мыс и далее Северный Ледовитый океан. Везде по поселку разбросаны китовые кости, огромные пни китовых позвонков. На берегу чукчи разделывают тушу моржа. Помогаем вытягивать на берег вельбот. Все мужчины-чукчи пьяны. Все женщины в огромных ситцевых платьях с оборками.

Экскурсия к горячим ключам. На заставе выписывают пропуск. На сопках сплошь каменистые осыпи. Внизу поселок погружен в туман. Сверху видны дальние заливы, горы, освещенные солнцем. На склоне сопки - кладбище. В щелях обломочных пород лежат в открытых гробах скелеты. Черепа зловеще выглядывают из-под камней. В горячих ключах купаемся в маленьком бассейне. Температура и вкус воды такие же, как в Таватуме.

4 августа. Андрей болен. Сильный приступ аллергии. Прилетел Александр Вольфсон – врач из Анадыря. Легендарная личность. Он много лет живет на Чукотке. Делает Андрею укол. Рассказывает – много чукчей больны эхинококкозом.

Вчера весь поселок пьянствовал. Чукчам выдают вино раз в неделю. Русским каждый день. Грязь. Грязные лайки с блеклыми синеватыми глазами. В окнах домов выбиты стекла. На территории поселка дети катают череп, как мяч. На берегу лежат большие китовые головы.

Баланусы – морские желуди – образовали колонии на ранках и в щелях кожи китов. Там же скопления клещей.

5 августа. Андрею лучше. Ясный день. Идем к мысу Дежнева. На заставе долго проверяют документы. Под обрывами стальные волны, белый прибой, стаи птиц. Вдали в дымке - очертания гор Аляски. Вечером на берегу чукчи разделывают туши китов. Дети сосут кожу, как леденцы. Трактором отдирают кожу с жиром. Мясо везут в ямы заквашивать для копальхена – особой еды чукчей. Андрей с нами не идет. Он не любит такие зрелища.

6 августа. С утра волнение. Прилетели участницы челюскинской эпопеи – Комова и две ее пожилые подруги. Комову увозят в поселок Инчоун. Там она надеется найти своих учеников – чукчей. В 1923 году она здесь работала на культбазе учительницей. К сожалению, в живых остался только один… Комову сопровождает корреспондент газеты «Заря коммунизма» из Лаврентия.

7 августа. В косторезной мастерской работает знаменитая Майя Гемауге. На ее лице следы алкоголя. Она расписывает нам небольшой, найденный Андреем в лагуне, осколок моржового клыка».

По возвращении в Лаврентия договорились с вездеходчиками поехать на Лоринские горячие ключи. Там бассейн и птицефабрика. Качаемся много часов по кочкарной тундре. Большое испытание закончилось в большом сарае около горячего бассейна. Долго приходим в себя. В тумане ходим на пологие сопки. День ходим в маршруте, день закладываем, сушим, перебираем. В большом сарае удобно, но сыро. Газет мало. Рядом с сараем парит большой горячий бассейн.

На целую неделю нас накрыло туманом и дождем. Ходить в маршруты нельзя. Лежим в бассейне часами. Хилые курочки, совсем мокрые от обдающего их пара, задумчиво нас рассматривают. О чем они думают? И думают ли? Вокруг бассейна специфичная флора. Много заносных видов. Видимо, семена их попали сюда с птичьим кормом и во влажном тепле проросли. Андрей об этом позже написал статью.

Вездеход сломался. Купания в тумане продолжаются. Началась вторая неделя безделья. Впору впасть в отчаяние. Тучи развеяло. Но еще серо и холодно. Садится вертолет. Выскакивают молодые девочки. Бегут к бассейну, а мы с Лидой бежим к Комкову. Жалобно просим взять нас в Лаврентия. Он сразу же соглашается. Лихорадочно тащим мешки, папки в вертолет. В салоне вертолета стоим, плотно прижавшись другу, словно селедки в банке. Вертолет с трудом поднимается и совсем низко над волнами всего за несколько минут прилетает в Лаврентия».

Осень нужно посвятить защите. Поэтому решили оставить детей в Москве, а самим лететь во Владивосток, печатать автореферат.

Во Владивостоке остановились в семье Назаровых. Рита – Маргарита Михайловна Назарова, миколог из Биолого-почвенного института – моя близкая подруга. Ее супруг Юрий Николаевич – орнитолог, один из главных организаторов дальневосточного зоомузея. У них сын – школьник Алеша. Строгая мама Риты, Надежда Васильевна – хетагуровка. В 30-х годах она приехала на Дальний Восток по призыву Валентины Хетагуровой. Несмотря на тесноту небольшой двухкомнатной квартиры панельного дома, наши друзья помогали нам во всем в очень непростое для нас время .

Рита взяла на себя заботу отдать в печать автореферат. Пока идет подготовка к защите, мы собрались работать в Приморье и на Курильских островах. Вместе с нами наши сотрудницы: Лида Благодатских и Вера Звезденко.

Чтобы попасть на Курилы, необходим специальный пропуск. Его получают в главном

пограничном управлении. После нескольких дней бесполезных хлопот понимаем: пропуск получить мы не сможем. Решили рискнуть.

Из дневника: «Владивосток. На посадке женщины грузят ящики с пивом. Плывем проливом Босфором восточным. Остров Сахалин. В Корсакове стояли пять часов. Удалось сходить на экскурсию в лес!

15 сентября. Еще ночью стали на рейд у Курильска. Светает. Вырисовываются контуры Итурупа. Весь остров в яркой зелени густых зарослей бамбука. Только в 9 утра пришел плашкоут – самоходная баржа. Большой трап катается по плашкоуту. Мужчины тут же выпивают драгоценное пиво.

Устраиваемся в общежитии. Рядом живут студенты из Сибири. Работают на разделке красной рыбы. Шумно. Андрей не может заснуть. Нет места для установки палатки. Перед общежитием маленький пруд, вернее – большая лужа. В нем деревянная лодка. Ставим палатку над лодкой. На лодке надпись: «Memento mori». На берегу рядами сидят зловещие черные вороны. На Курилах особая черная разновидность этого птичьего племени. Ночью дождь срывает палатку, в озерце поднимается вода.

16 сентября. У пограничников получили разрешение передвигаться по острову. Сохранились старые японские названия речек. Идем на Первую Инкито. На сфагновом болоте – причудливые формы лиственниц. Стелется гигантская клюква. Зеленые бархатные склоны в бамбуке. Заразились соком ядовитого сумаха. Чешемся. В красочной бухточке лагерь свердловских подводников. Снимают фильм. Подозреваем – заготавливают икру. Рыбы в речке полно. Вода в море очень соленая и холодная. Никакого удовольствия.

17 сентября. По морскому берегу можно выйти к озеру Красивые глазки. Пересекаем речки Первую и Вторую Инкито, обходим высокий непропуск, крутой прибрежный мыс, выдающийся в море. На пустынном берегу – крупный галечник. Прибило разнообразные японские вещички. Дошли до устья Серной речки, которая берет начало у самого высокого вулкана Богдан Хмельницкий. Виноград амурский очень кислый, почти несъедобный. Самое сильное впечатление произвела крупная лиана гортензия пальчатая с белыми соцветиями.

18 сентября. Прежде чем подняться на вулкан Баранский, идем в поселок Рыбаки проконсультироваться. Необходимо иметь хотя бы кроки. Карты у нас нет, а местное население походами не интересуется. Директор рыборазводного завода показывает большие бассейны с мальками. Тут оплодотворяют икру. Завод остался с тех времен, когда эта территория принадлежала японцам. В каждом ручейке крупные рыбы плывут вверх по течению. В некоторых местах вода низкая, у самцов горб находится на воздухе. Многие рыбины не достигают нерестилищ, гибнут. Рыбы здесь во много раз больше, чем на Камчатке, тем более в Охотоморье. У директора рыборазводного завода гостят военные. Они ходили на несколько дней к выходам горячих ключей. Рассказывают, что их спутник обварил ногу, провалившись в горячую грязь.

20 сентября. На вулканы для облегчения похода спальных мешков не берем. С нами только одна маленькая палаточка и продукты на три дня. Котелок и тренога. Везде бамбук. 10 километров размытой лесной дорогой, после чего начинается подъем в бамбуке. Он выше человеческого роста, растет густо. Все, кто ходит в горы, ориентируются на старые японские, хорошо протоптанные, вернее, прорубленные в бамбуке тропы. Теперь они заросли бамбуком и еле видны. Бамбук смыкается над головой. Приходится раздвигать его руками. Выходим на верховое болото. Теперь, как нам объясняли, нужно найти, а вернее, нащупать ногами старую геологическую тропу, которая приведет нас на базовую площадку под вулканом Баранский. С радостью обнаруживаем тропу, постепенно спускаемся в долину речки. Начинаем понимать – заблудились, нужно возвращаться назад. Уже вечер, время потеряно. Решили заночевать в бамбуке. Вокруг следы медведей. Место дикое. Ломаем бамбук, стелем в палатке. Андрей ушел на экскурсию. Пришел, когда стемнело. Я волновалась. Утром вернулись вверх на горное болото.

Снова ищем тропу. Нашли, стали подниматься, долго и изнурительно раздвигая ветви бамбука. Наконец бамбук стал снижаться, появился обзор. Но до перевала еще далеко. На седловине нашли подходящую площадку для палатки с остатками кострища. Открылся прекрасный вид на склоны гор. Вдалеке курится вулкан Иван Грозный. Около зеленой лужайки - невысокие коврики вечнозеленой гаультерии Микели с белыми, словно ватными шариками ягод. Это мой объект. Кладу на ладонь белый шарик, чувствую очень знакомый запах апизатрона. У меня радикулит, и я время от времени растираюсь этим снадобьем со специфическим запахом. У гаультерии точно такой же.

Ложится ночь. Поднимается огромная луна, освещая странным светом окрестности. Над нами высятся черные пики вулкана Баранский. Отсюда кажется – до вершины рукой подать. Холодно. В маленькой палатке прижимаемся друг к другу. Лида, как всегда, боится медведей, а Андрей, как всегда, при упоминании о медведях злится.

23 сентября. Ясное утро. Подъем на вулкан трудный. Большие стволы кленов простерлись вниз по крутым склонам – «смотрят» кронами прямо в лицо. Нужно перелезать, подлезать под стволы. Ближе к вершине стланцы кончаются – начинается кустарничковая тундра. На черных пористых скалах вулканического туфа ковры кустарничков, среди которых есть совсем незнакомые, например арктерика, похожая на бруснику. Много бриантуса Гмелина. Все стенки кратера обросли ими, словно мхом.

Стоим на вершине кратера. Под нами лежит весь остров как на ладони. На север посмотришь – море, на юг – море.

В жерле пар, фумаролы, грохот подземелья, шипение, пахнет серой. Андрей спускается еще ниже и исчезает из поля зрения. Мы волнуемся. Вылез. Собираем, закладываем в папку сборы. Солнце высоко. На небе ни облачка. Тепло и тихо. Штиль. Отсюда сверху под вулканом на

седловине четко видна наша маленькая белая палатка. В стороне между гор долина реки, фумарольное поле, белые фонтанчики паров. Туда и решаем спускаться вниз по ручью. Сверху все кажется близким и доступным. Начинается головокружительный спуск. Обходим водопады, цепляемся за скалы. Лида потеряла свой большой стальной нож, которым выкапывала мхи. Только под вечер спустились к фумарольному полю. Солнце осталось где-то наверху. Ущелье все уже. Находимся между почти сомкнувшимися, густо заросшими бамбуком крутыми холмами. Прошли одно, второе фумарольное поля. Встретили разрушенную пекарню. На горячих землях здесь готовили хлеб. Огромный «котел» с серой глиной булькает наподобие кипящей манной каши. Рядом булькает кипящая прозрачная вода. Скоро наступит темнота. В волнении среди бамбука нащупываем ногами тропу. Ура! Нашли. Теперь бы не сбиться и подняться на холмы, чтобы прийти к лагерю засветло. Быстро стемнело. На счастье, всходит огромная луна, таинственно освещая окрестности. Пересекаем реку с сильным серным запахом. Поднимаемся на очередной гребень, опять спускаемся, за ним вторая серная речка. Плавно поднимаемся, ориентируясь на черные пики Баранского. Наконец, выходим к нашей палатке. Весь остров ярко освещен мертвенным лунным светом.

Смотрим с гордостью вверх на «наш» вулкан. Отсюда опять он кажется совсем близким. Но мы-то теперь знаем, как к нему тяжело добираться. И как он высоко!

В маленькой палатке мы плотно, как в стручке, прижаты друг к другу. Опять спали плохо.

24 сентября. Устали. Обратно бредем, раздвигаем бамбук. У Андрея заплетаются ноги. Только к вечеру добираемся до рыборазводного завода.

25 сентября. Поселок Китовое. В нашем общежитии события. За две красные рыбы арестовали четырех студентов. Они сидят в КПЗ. В кустах обнаружен ящик с красной икрой. Около него дежурят два милиционера, ждут воров. Об этом сразу нам сообщила комендант общежития. Нас тоже обокрали. Утащили деньги, и главное, – блокноты с документами, квитанциями. Через день их подбросили. Расследование ведут серьезно. У всех жителей поселка берут отпечатки пальцев.

27 сентября. Андрей и я пойдем на самый высокий вулкан острова – Богдан Хмельницкий. Взяли палатку и только чехлы от спальных мешков. Необходимо засветло попасть к базовому лагерю. Спешим, обливаемся потом. Остановки только по пять минут. На бесконечном галечнике сбиваю ноги, падаю, сильно ушиблась. В 18 ч 30 мин. мы у серной речки. У впадения в море она бурная, сильно пахнет серой. Тащим колья из плавника, заготовленные на берегу. Водопады, желтые камни и бамбук. Ровно в 19 успеваем поставить палатку. Темнеет очень быстро. Всходит луна. Шумит река. Все таинственно и красиво. Серная кислая вода забивает все вкусы. Ночью относительно тепло.

28 сентября. Оставляем вещи и продукты. Начинаем подъем по очень узкому каньону, пробитому рекой. Глухие высокие ущелья, гроты. Внизу почти темно. Только где-то высоко виден свет. Там солнце. По руслу идти легко. Камни в речке все в желтом серном налете и не скользят. Никаких водорослей и растительности тут нет. Сколько серы утекает в море! Каньон кончается. Крутые берега заросли бамбуком. На отмелях речки видны многочисленные следы медвежьих лап. Но нас этим не удивишь – мы на Колыме привыкли видеть их мозаику. Но тут вдруг Андрей мне тихо говорит: «Посмотри – гималайский медвежонок». И впрямь, небольшой медвежонок с белой грудкой заинтересовался нами и бежит рядом. А я боюсь его матери. Медведи на Курилах огромные. Что делать? Продолжаем идти. Я отчаянно пою: «Эти глаза напротив». Медвежонок отстает. Выходим на свет.

Появляются пресные ручейки. Выше сливаются две речки. Одна серная, вторая – пресная. Обходим высокое ущелье и водопад. Подъем круче, ручей все уже. Вода исчезает. Заросли

ольховника, искривленные стланцы кленов. Под ними стелется высокогорная гаультерия. Через большую щель входим в огромный кратер с высокими стенками. В поперечнике он 5-6 километров. Огромные изломанные глыбы камней в середине кратера заросли деревьями и кустарниками. Чтобы пересечь уснувшее жерло в несколько километров, приходится взбираться на валуны, спускаться. Очень трудно. Много кассиопеи плауновидной, наползающей плотными ковриками на скалы. Большие кусты цветущей вейгелы Миддендорфа. Вверх на край кратера забираемся по осыпи вулканического шлака, затем по отвесной стенке, заросшей диапенсией. Наверху сильный ветер. Краснеет крупный арктоус японский. На остров наплывают тучи. Обзор исчезает. Под нами с одной стороны море, с другой – огромный кратер. Андрей на полчаса уходит по кромке кратера. Без этого он не может. Я отдыхаю.

15 часов. Спешим обратно. В кратере опять подъемы и спуски с камня на камень. Успеть бы спуститься засветло. В ущелье вижу рядом с нашими следами огромный след медведя. Видимо, медведица следила за нами. Бежим. Не застала бы темнота. Вверху в узком просвете скал гаснет закат. Ровно в 19 часов выходим на отмель. Красный куст рябины –опознавательный знак нашей палатки. Поднимается теплый ветер. Ночью за палаткой кто-то катает банки. Шумит река. Разводим костер.

29 сентября. С утра ветрено. Моросит дождь. Успеваем свернуть еще не намокшую палатку. На море сильный ветер, волнение. Под тяжестью груза, обливаясь потом, идем по галечнику, обходим непропуск, у второй Инкито отдыхаем. Наконец, пьем чай с пресной водой. Последний рывок. Под сильным ливнем приходим в общежитие.

30 сентября. Ливень, гроза. Все сотрясается от раскатов грома. Перед мысленным взором кипящая вздувшаяся река, по которой мы поднимались. К вечеру вода и в речке, и на озере у общежития сильно поднялась. Затопило всю равнину, подбирается к общежитию. Палатка над лодкой раздувается, словно парус. Не унесло бы в море.

6 октября. Холодно. Дождь. Неожиданно к общежитию подъезжают машины. Вываливается пестрая толпа оргнабора, быстро заполняющая общежитие. Шум, гам. Преобладают женщины. Они работают на разделке рыбы. За несколько минут все комнаты заняты, над постелями прибиты коврики. Начинается веселье. Пьют все. Я неосторожно одной из девиц дарю плитку. Мгновенно из-за нее возникает драка. Более сильная тетка захотела ею овладеть. Андрей от этого содома уходит в палатку на лодке. Утром я нахожу лодку с палаткой посреди озера.

8 октября. На рейде теплоход «Туркмения». Толпа пассажиров стоит на причале в ожидании посадки. Но сначала погрузка. С огромными рюкзаками на спинах ждут посадки и наши знакомые военные с Рыборазводного. На Курилах туристов не бывает. Это строго закрытая зона. Все эти военные блатные. Теперь они этого не скрывают. В их компании есть маленький, ниже среднего роста, молодой человек, над которым подсмеиваются. Но он сын какого то начальника. На плашкоуте главное – вскочить на катающийся по нему трап. Мы тоже нагружены. В руках сетки. Но труднее всего достается «малышу». Его почти не видно под огромным рюкзаком. Он разводит руки: «Скажите, куда мне идти?»

Прощайте Курилы! До Владивостока красиво живем. Смотрим кино, едим в ресторане».

В наше отсутствие Рита отпечатала автореферат Андрея. Гордится и радуется. Во Владивостоке много хороших, благородных, настоящих друзей. Рита среди них занимает одно из главных мест.

Большей частью мы живем на даче у матери Риты – Надежды Васильевны. Дачные участки в поселке Сад-город расположены на крутых склонах сопок среди дубняка. Длинные полосы посадок завершаются маленькой избушкой. В избушке - комнатка, устланная старыми пальто. Чадит керосинка. В тишине, на крошечной верандочке загораем под последними теплыми

лучами осеннего солнца. Готовимся к защите. Многое волнует.

Оказалось, как я и предполагала, Хржановский не очень хочет давать отзыв и прячется. Лететь во Владивосток он не собирается. Но его письменный отзыв необходим! Нужны и отзывы из крупных учреждений, особенно от докторов наук из Ботанического института в Ленинграде и из МГУ. Витас Контримавичус, очень заинтересованный в увеличении количества докторов наук в Магадане, и по человечески болеющий за Андрея, сам пишет Борису Юрцеву письмо с просьбой написать отзыв на диссертацию Андрея.

В ноябре в Магадане снова идут обсуждения. Без отзыва Хржановского защита не состоится. Необходимо его добыть во что бы то ни стало. Эту миссию я беру на себя. Покупаю панно из нерпы. С банкой красной икры лечу в Москву. С этими дарами Севера отправляюсь к Хржановскому. В последний момент перед отлетом из Магадана я выпросила у Андрея «куклу» – черновой вариант отзыва, который он, по нашей привычке, написал на черновике. Хржановский выговаривал и за эту «куклу», и за то, что Андрей высмеял В. Голубева на семинаре в Тимирязевской академии. Голубев – морфолог. Раньше работал в Главном ботаническом саду, и там его карьера не сложилась. Потом он переехал в Крым, в Никитский ботанический сад. Год назад Голубев делал доклад на кафедре ботаники в Тимирязевской академии. Заведующий кафедрой Хржановский с Голубевым были в дружеских отношениях. Ботаники из Педагогического института во главе с Т.И. Серебряковой резко критиковали Голубева. Андрей присоединился. Как с ним иногда бывало, войдя во вкус, ехидно его высмеял. Таким образом Андрей совершил очередной неосторожный поступок. Голубев отомстил. Прислал отрицательный, в очень резких выражениях, отзыв на диссертацию Андрея.

Встреча выпускников кафедры геоботаники 1957 года

В Москве еду в Тимирязевку. Хржаровский живет на ее территории. В передней квартиры все переговоры идут через его пышную и надменную супругу. Она берет мои дары и «куклу» отзыва. На второй день на пороге появился сам Хржановский, который мне выразил свое недовольство, но сделал все чин чином.

Я с отпечатанным и, главное, заверенным отзывом в начале декабря прилетела во Владивосток.

На защиту прилетел из Магадана и Витас. С защитой все до последнего момента висело на волоске.

Дело в том, что бывший директор Биолого-почвенного института Николай Николаевич Воронцов – известный зоолог, - приехав во Владивосток из Новосибирска, стал насаждать свое отношение к науке. Требовал от научных сотрудников индекс цитирования, который у многих был невысоким. Не поладил Воронцов и с местными властями. Его сняли с директоров. Андрей считался протеже Воронцова, и это также сыграло свою печальную роль во время защиты.

Защита проходила в большом темном зале Геологического института в Академгородке. Мне все казалось радужным. Андрей сделал прекрасный доклад. Оппоненты были на высоте. Это С.С.Харкевич, Г.Э.Куренцова и В.А. Красилов плюс отзыв Хржановского. Отзыв Валентина Абрамовича Красилова особенный, он сравнивал логику Андрея и его эволюционные построения с таковыми Любищева – знаменитого нетрадиционного эволюциониста. Все шло гладко. На все вопросы Андрей ответил. Но мне показался подозрительным Петя Горовой – грубый человек, вроде бы свой, ботаник, рубаха-парень. Но он не скрывал: бросил черный шар. Когда объявили, что Андрей прошел еле-еле, на дробях, меня как громом поразило. Ведь никто не выступал против!

Вечером мы пошли в ресторан с Витасом и нашими друзьями Назаровыми, Сусанной и Артуром Крыловыми. В маленьком ресторане, недалеко от морского порта, плясали моряки. Я еще не соображала, что произошло на самом деле, была как во сне. Радости не было. Навалилась усталость.

30 декабря мы прилетели в Магадан. Наконец мы дома. Нет горячей воды.

Я говорю Андрею: «Может быть, наши испытания в этом году закончились?» На что он с иронией отвечает: «Подожди, старый год еще не кончился». Оказалось, я оставила кран открытым. Ночью дали горячую воду. Она залила кухню, просочилась вниз к соседям…

Заканчивался очень напряженный год. Несмотря на трудности, итог был положительным. Я и Андрей защитили диссертации – я кандидатскую, он – докторскую. Мы в Москве объединились с родителями Андрея. Стали жить вместе в большой четырехкомнатной квартире.

Поездки 1974 г.: В мае: Владивосток, Якутск (Ленские столбы, Табага). Июнь: Магаданская область (озеро Дарпир, Эльген, Сусуман). Июль-август: Чукотка (поселок Лаврентия, пос. Уэлен, Лоринские горячие ключи), Приморье (Хуалаза), Курильские острова, остров Итуруп (пос.Китовое, вулкан Баранский, вулкан Богдан Хмельницкий).

Публикации 1974 г.: Рукопись книги «Закономерности эволюции растений» уже прошла редподготовку. Вышло 10 работ. В основном флористические и эволюционные. В «Журнале общей биологии» напечатана работа «Формы и этапы полимеризации в эволюции растений».

1975 С 1975 года начинается долгий трехлетний период ожидания утверждения в ВАКе (высшей аттестационной комиссии) диссертации Андрея. Ее из ВАКа отправляли на внешние отзывы. Одни отказывались. Другие писали отрицательные. Сотрудники БИНа не имели права давать

отзывы. Они уже высказали отрицательное отношение к его работе. Написала отрицательный отзыв ботаник из Педагогического института им. Герцена в Ленинграде – Письяукова.

Андрей уже не кандидат наук и еще не доктор.

Наша магаданская квартира – перевал-база для приезжающих на лето в экспедиции. На доске объявлений такая памятка: «Приедут без нас: 1) Ульянова Татьяна Николаевна, 2) Тихонова Наташа, 3) Мосин Алексей – у него здесь вещи, пусть живет пока не найдет места. 4) Кожевников Юра – молодой человек с бородой, 5) Юрий Борисович Королев – без бороды, 6) Королева Наташа. Поживет несколько дней.»

Дети остались в Москве. В отпуск мы теперь будем уезжать зимой в Москву, к родителям и детям. А на лето будем брать с собой детей в экспедиции.

С лета 1975 года и до конца нашего магаданского периода жизни мы были тесно связаны с Сеймчанской лесоохраной.

В среднем течении реки Колымы вокруг Сеймчана - большая плодородная и, главное, теплая долина. Здесь выращивают в большом количестве капусту. В Сеймчане большой аэропорт, авиаотряд. Отсюда вниз по Колыме ходят баржи.

Летом мы планируем работать в среднем течении реки Колымы. Главное - заброситься вертолетом в интересный с ботанической точки зрения так называемый известняковый район. Это на реке Ясачной – притоке Колымы. В нашем полевом отряде Ларочка Васильева, Верочка Звезденко, Наташа – студентка географического факультета МГУ, 16-летний рабочий Вася Гаманов и наш 12-летний сын Павел.

Пока налаживали заявку на вертолет, спали в огромной палатке из парашютного шелка, прикрепленной к большому столбу. В такой палатке уместятся два-три десятка человек. Но как же там пыльно! Вылезать тоже сложно. Нужно нащупывать в легких складках выход… Комары в этом пыльном облаке, в отличие от нас, чувствуют себя прекрасно.

Едем в Эльген. Не тот, в котором мы были в прошлом году, где птицефабрика и ленинская комната. Этот Эльген – старый разрушенный поселок в 30 километрах к западу от Сеймчана. На широкой долине лежат руины обогатительной фабрики, остатки маленькой узкоколейки, брошенное огромное кайло.

3 июля 1975 года – день открытия ботанического конгресса в Ленинграде. Вечером Андрей торжественно смотрит на часы. В Ленинграде утро. Андрей поднимает тост.

Я считала, что его будут травмировать бесконечные вопросы о защите. И мы не поехали… Не знаю, были ли правы? Андрей пишет об этом периоде так: «Была страшная жара. Камни совершенно раскаленные – как в печке. 35 градусов, при этом масса комаров. На солнце жарко. Но раздеться нельзя, сразу бросаются тысячи, кусают. Ходить, особенно лазить по камням и скалам трудно. И так прошло почти 10 дней. Из особых событий были встречи с северными оленями и другими мирными животными, поимка медведя в петлю, вытаскивание машины из трясины, восхождение на три вершины, житие в балке, наполненном комарами».

Пошли в маршрут. По дороге перед балками геологов видим в петле большую медведицу. Петля сдавила туловище. Зверь изнемогает, хрипит. Андрей хочет освободить. Я в ужасе. Умоляю, хватаю за куртку, не отпускаю. Говорю: «Медведица пожмет тебе руку и побежит на сопку, найдет новый вид и подарит». Но нет. Чудес не бывает. Я бегу к вагончикам. Выходит заспанный геолог. Глазам не верит. Прямо рядом с домом попалась, глупая! Еле удалось увести Андрея в горы. Все подавлены. Слышится выстрел. Молчим. К вечеру возвращаемся в лагерь другой дорогой.

В Сеймчане жара. Утомительно ждем, когда вертолет забросит нас на Субканью, на запад. Там выходы известняков.

Наш полет объявляют под вечер. Долго торговались. Перегрузка. Андрей уже хотел пожертвовать Ларочкой. Но она - наш давний друг. Оставили болотные сапоги и еще кое-что. Вертолет бодает воздух. Маленькие спичечные коробки домов быстро исчезают. Утомительно долго летим над тайгой. Сели у ручья на полянку с цветущим эдельвейсом!

Дождь. Комаров особенно много. Место замечательное. Нарядный яркозеленый лиственничник, высокие кусты рододендрона Адамса. Под пригорком прозрачная речка. Ставим палатки под дождем.

Среднее течение р. Колымы

Несмотря на усталость и дождь, молодежь поет под гитару. На следующее утро туман разметало, открылись чудесные виды. Цепи голубых и темно-синих гор.

Андрей пишет в Москву: «Стояли в совершенно диком месте, в сотнях километрах от всяких поселений. В течение двух недель не видели ни одного постороннего человека. Лишь два раза пролетал над нами самолет. Место было очень хорошее. Палатки стояли в лесу на пригорке, а рядом речка, недалеко - большая наледь, а кругом горы и тайга, всё лиственничники редкостойные и болотистые. Лишь кое-где возвышались безлесные вершины, покрытые горными тундрами и голыми камнями».

На следующий день дождя нет. Отмытые свежие листья блестят, играют на солнце. Природа в этих местах замечательная. Бесконечными цепями на горизонте тянутся ярко-синие горы.

Вертолет задержался только на один день.

Мы снова на сеймчанской лесоохране. Можно полететь и с летнабами. Они наблюдают пожары, которых всегда много на Колыме. Лето короткое. Необходимо обследовать максимально возможное количество точек. Поэтому решено разделиться на два отряда.

Андрей с Ларочкой и Наташей улетает на Кедон. Наш же отряд на барже спускается вниз по Колыме на ручей Аронгаз у степных склонов урочища Замковое. Состав отряда: я – старшая, Верочка – выпускница Горьковского университета, Вася – пятнадцатилетний рабочий нашей экспедиции и мой 12-летний сын Павел.

Баржа стремительно несется вниз. По сторонам мелькают красочные берега. Через три часа на излучине появляются скалы с зубцами на вершине, похожие на замок. Место это называется "Замковый". За скалами - ручей Аронгаз. На берегу - поляна, удобная для лагеря. Ставим палатку, готовим ужин. Любуемся бархатными горами за Колымой, освещенными вечерним закатом. У наших ног - величественная река.

Подплывают два рыбака. Они хорошо знают сотрудника нашего Института Алексея Петровича Васьковского, работали с ним. Сообщают – это место Алексея Петровича. Рыбаки предлагают показать молодежи свою заимку на противоположном берегу. На одной из проток у них стоят сети. Там они ловят щук. Молодежь загорается. Рыбак усаживает Васю, Веру и Павла в моторку, и они уплывают. Я же остаюсь со вторым рыбаком. Проходит час, второй. Темнеет, а моторка не возвращается. Я впадаю в отчаяние. Рыбак рассказывает, какие бывают случаи на реке, тем более что его попутчик не совсем трезв. Наконец, вдалеке появляется лодка. Пересекает стремнину, приближается. К моему удивлению, ею управляет Вася. Оказалось, пьяный рыбак начал заводить лодку. Неловкое движение - и винт раскроил ему руку. Кость не задета, но рана большая, и потеряно много крови. Пятнадцатилетний Вася оказался молодцом, завел лодку и сумел переехать Колыму. Все в лагере. Это главное. Рыбаки решают на моторке плыть вверх по Колыме в Сеймчан, в больницу. Разумно. Лодка уплывает. Собака раненого рыбака – небольшая овчарка - остается с нами. Как только рыбаки уплыли, собака, пометавшись у наших палаток, бросилась в воду и скрылась в сумерках.

С утра мы ушли в маршрут на скалы Замкового и далее на степные склоны. Поднимаясь все выше и выше к зубцам, сверху мы в центре реки увидели точку. Сначала мы решили, что реку переплывает сохатый. Но, присмотревшись, обнаружили: плывет собака, возвращается в наш лагерь.Вечером она опять уплыла на противоположный берег в поисках своего хозяина и через некоторое время возвратилась почти обессиленная.

Прошло два дня. Баржа «Венера» с бравым капитаном Савенковым, очень гордившимся своей фамилией, возвращалась из Оройка. По договоренности она должна была взять нас обратно в Сеймчан. Лодка причалила. Мы грузим вещи. Собака снова плывет, возможно, опять на противоположный берег, но уже из последних сил. В стремнине она обязательно бы утонула. Мы ее силком подхватываем на баржу. Верочка весь обратный путь возится с собакой, ухаживает за ней, кормит. В Сеймчане мы сдаем ее хозяйке, жене рыбака. Рыбак лежит в больнице. А собаку привязали в сарае и почти не кормят. Плата за преданность.

Вася - очень подвижный, веселый парень. Лесники-пожарные летят тушить пожар в тайге. Мы выясняем, что они по пути могут забросить нас на сопку, а на обратном пути заберут. Я выбираю горную тундру в таком месте, чтобы можно было набрать воды, и чтобы наша палатка была видна вертолетчикам издалека. Вертолет улетает. Мы быстро ставим палатку на небольшом плоском плато. Спускаемся с сопки за водой. Это далеко. Но так как за нами прилетят через сутки, мы не волнуемся. Рядом с нашей палаткой в начале спуска я приметила болотистую мочажину со мхом и осокой но тут много воды не наберешь, и она грязная. Спешим в маршрут и

по коньку хребта поднимаемся до позднего вечера, собираем растения. Вася с пристрастием каждый раз спрашивает: « Это новый вид? В честь кого он будет назван?» Я обнадеживаю Васю. Это придает азарт нашим сборам. Возвращаемся в темноте. Закладывать уже поздно. Кедрового стланика полно. Собираем сухие ветки. Разжигаем костер недалеко от палатки. Ветер колышет яркое пламя. Мы совсем одни над тайгой. Наверное, очень далеко виден наш костер. Но это совершенно безлюдное место. Вася то и дело бросает в костер ярко вспыхивающие дробинки. У Васи есть одностволка, он часто стреляет, балуется. Мне это занятие и раньше очень не нравилось, теперь – особенно. На лесоохране Васе выдали мешок с продуктами – паек для работников лесоохраны на пожаре. На следующее утро за завтраком он ест только эти сухари: романтика. Хоть Васе 16, но по сути он настоящий ребенок.

Утром после завтрака я забираюсь в палатку закладывать гербарий. Так как ветер рвет ее полы, я укрепляю камнями края, укрепляю колья, сажусь закладывать. Вдруг слышу странный звук: «Пах!» Это Вася кинул в огонь порох, он взорвался. Я выбегаю из палатки: всё Васино лицо сильно обожжено. Бегу к мочажине, набираю сфагнум, выжимаю. Заставляю Васю пропитать мочой. Прикладываю к ожогу. Нужно посмотреть - сохранились ли глаза, пока нет отека! Мох чистый. Ветер разгоняет комаров. Они и не добираются до вершины. Жары нет. Опухший Вася лежит в палатке. Я сижу на плато, гляжу в небо. Высоко, плавно пролетают на север самолеты.

Только к вечеру третьего дня прилетел за нами большой вертолет МИ-6. На Васю, чтобы не пугать лесников, я натянула свою шапку с большими полями. Он температурил и ослаб, но свежая розовая корочка затянула ожоги на лице - позже даже рубцов не оказалось. В Сеймчане мы положили Васю в больницу. Посмотрели на карту: ручей под сопкой назывался «Огненный».

На Кедоне бичи приволокли Андрею мамонтовый бивень. Пока завтракали, не проследили, как разгорелся костер. Чуть не сожгли палатки. Но сетки с гербарием сильно подгорели. 11 августа 74 года мы встречали день рождения Павлика в большой комнате лесоохраны. В гостях у нас была Татьяна Николаевна Ульянова со своей ученицей. Было вино и подарки, все как положено. Еще больной Вася лежал на кровати, а Татьяна Николаевна говорила: пройдут года и мы будем вспоминать этот день, Павел вырастет. Кроме того, она поделилась своими наблюдениями: именно люди неаккуратные, не обращающие внимания на мелочи и бывают хорошими научными сотрудниками, сосредоточенными на одной идее. Эта верная мысль мне часто приходила в голову - в первую очередь, она относилась к Андрею.

В конце августа мы улетали в Магадан. Работа на Средней Колыме завершилась. Под вечер над аэродромом пламенел уже холодный закат. Настроение было приподнятым. Бренчала гитара. Мы пели: «Где среди пампасов, бегают бизоны… Словно статуэтка, девушка стояла». Андрей подпрыгивал и своеобразно танцевал, собирая вокруг себя зевак. Так он самовыражался! Мы умирали со смеху.

Осенью работа продолжалась в Приморье. Из Владивостока мы поехали на мыс Гамова - сначала поездом до Андреевки, а затем несколько километров вдоль моря.

Побережье Японского моря, Хасанский район

Любуемся лунной дорожкой. Нагружены спальными мешками. Несмотря на поздний час, нас встречает начальник морской экспедиционной станции (МЭС) Галкин. Сам он с Колымы, из Сеймчана, а значит, земляк. Предупреждает: завтрак в девять, обед в час и ужин в семь. Настоящий курорт! Что-то необыкновенное. Провожают в индивидуальный коттедж на берегу бухты. Мы никак не можем прийти в себя от обилия комфорта, неожиданно свалившегося на нас!

Утром восторги продолжаются. Наш коттедж находится на пригорке. Тихий рассвет. Ярко-голубая бухта Троицы. Цепочки куэст – островков, уходящих в море. Бежим купаться. Очень соленая вода в бухточке, хоть и прохладная, но приятная. В прозрачной глубине играют пестрые краски морских звезд, лежат круглые морские ежи, раки-отшельники, актинии, колышутся водоросли. На берегу - кучи панцирей морских гребешков. Вокруг заросли мискантуса. Сухо. Все напоминает саванну. Тайга исчезла. Стайками пасутся фазаны. Со странным свистом мимо нашего коттеджа пробегают олени. Все кажется необыкновенным: пламенеющие закаты и свежие рассветы!

Дубовые леса еще зеленеют. Почти ежедневно мы бороздим полуостров. В его дальних уголках, в узких бухтах растет корявая, по-японски, сосна погребальная.

Мы были привязаны к режиму, на завтрак ходили аккуратно. По утрам в столовой обедали сотрудники станции и странный приезжий с огромной головой, как нам рассказали – известный физик, отдыхающий на станции. За завтраком он требовал себе несколько порций манной каши, каждый раз приговаривая: «Мне погуще». У нас в семье эти слова стали крылатыми. Кроме того, этот физик, узнав, что мы из Магадана, из научно-исследовательского института, решил, что и ему нужно съездить в Магаданскую область, на очередной курорт. Мы его ничем не могли обнадежить. В нашем институте были организованы стационары, но все в довольно суровых, не

курортных условиях. Мы работали по-иному, не на стационарах. Нужно было обследовать максимальное количество недоступных мест, в которые можно попасть только вертолетом.

На пароме вернулись во Владивосток и тут же уехали в леса Супутинского заповедника. Андрей пишет детям: «Сколько там было живности в море! Гораздо больше, чем в Черном. И разные морские звезды, и разные морские ежи, колючие-преколючие, и множество ракушек, крабы, камбалы, бычки и раки-отшельники. А по ночам, как и на Кавказе, – пение кузнечиков и цикад, маленькие светлячки. Масса оленей и фазанов. Так и вылетали из-под ног, целыми выводками! Местность очень походила на саванну: небольшие перелески и открытые пространства, заросшие высоким мискантусом, который действительно растет в саваннах.

А потом попали в Супутинский заповедник. Здесь уже царство только леса. Лес высокий, сплошь покрывающий все сопки, перевитый лианами – актинидией и виноградом, с массой колючих кустарников. Местами вообще трудно ходить сквозь заросли. Но зато красота какая! Огромные зеленые хвойные – кедры и пихты – контрастно выделяются на фоне желтеющих дубов, лип, берез, кленов. Особенно красивы клены с их ажурной ярко-красной листвой. Здесь тоже было много оленей, почти ручных. Ночью они задавали концерты – ревели и свистели, мешали спать».

Поздней осенью мы вернулись в Магадан. Живем уютно и весело. Яшка, наш кенар, поет на все лады. У меня в комнате садик. В большом напряжении готовим к сдаче рукопись «Кустарники. Структура и морфогенез». Необходимо было успеть отправить рукопись в издательство до 20 декабря. И мы успели!

В декабре Андрей пишет моей маме: «Только что вместе с Маей окончили книжку по кустарникам. Работали, как черти, особенно последние дни, вплоть до 25. Хорошо, что есть жесткие сроки, а то бы могли протянуть и дольше. Теперь надо ждать, чтобы ее утвердили к изданию. Да, а мое собственное утверждение откладывается на неопределенное время или даже оно вообще никогда не состоится, хотя я его себе нагадал на Рождество. По новому правилу (см. «Правду» за воскресенье, ст. «Кадры науки») все нерассмотренные диссертации направляются в спец. советы. Мою диссертацию, конечно, отправят в тот же БИН, и там же и зарежут. Вот потому у меня сейчас плохое настроение, и как-то ничего не клеится, и даже руки опускаются. Что делать? Что делать? Ничего больше и не остается, как только биться головой о стенку. Разве плетью обуха перешибешь?»

Он любил дразнить меня. Иногда он и вправду ударял головой о стену, приводя меня в отчаяние.

Делится с мамой, жалуется, что работоспособность у него падает прямо на глазах, и за месяц он написал только одну путную статейку о реликтах Колымского нагорья: «Недавно пришлось пойти на концерт Мулермана (ведь никого более достойного не было!). С микрофоном пел он неплохо, временами даже дух захватывало, особенно при словах «тебя б сожгли на площади». Вот, пожалуй, и все наши развлечения, и ничего более не предвидится, кроме как мы сами организуем выпивку по поводу годовщины со дня моей защиты. Такие ужасные слухи ходят, что ВАК буквально зверствует, из 70 каких-то докторских диссертаций пропустили только четыре! «Оставь надежду всяк сюда входящий», как сказал древний итальянский поэт, имея ввиду ВАК. Искренне преданный Ваш зять А. Хохряков».

Поездки 1975 г.: Июль-август: Магаданская область (Сеймчан, Эльген, Кедон, Аронгаз, заброс на Ясачную). Сентябрь: Приморье (мыс Гамова, Супутинский заповедник).

Публикации 1975г.: Вышли книги Андрея: «Соматическая эволюция однодольных» и «Закономерности эволюции растений». Маме удалось их заказать, а потом переслать нам для подарков.

1976 В начале 1976 года обстановка в институте не из лучших. Александр Шаткаускас уже год как ученый секретарь. В нашем маленьком институте ученый секретарь - что-то вроде директора. Чёткого распределения служебных обязанностей нет. Приходится даже по маленькому делу обращаться к Шаткаускасу. Нам он всегда отказывает. Мы работаем над сборником работ нашей лаборатории, который вот-вот должен выйти из печати, а Шаткаускас всячески нам препятствует с оформлением документов. Находятся и друзья. Приезжает из Владивостока, из редакционного центра Галина Филипповна Низяева и содействуют с оформлением документации. Сдать сборник удалось с большими трудностями, прибегнув к хитростям и поддержке друзей. Дружба с Низяевой, ее содействие способствует публикациям, пробиванию наших монографий в издательстве «Наука».

О степени напряженности жизни можно судить по той памятке, которую Андрей оставил мне, улетая весной из Москвы в Магадан: «1. Отвезти статью Антроповой в редакцию бюллетеней ГБС. 2. Позвонить в редакцию «Наука» насчет составления заявок. 3. Передать Заморскому, что нужен акт экспертизы и телефон редакции ЖОБ. 4. Связаться с Тихомировым по поводу Биологической школы. 5. Попросить Шафранову написать замечания о папоротниках. 6. Найти статью о реликтах Колымы и передать Гричук. 7. Купить книгу Терехина и прислать ее в Магадан. 8. Поговорить с Ворошиловым, сказать, что я помогу ему со вторым изданием. 9. Взять в президиуме МОИП книжечку «Доклады зоологии и ботаники».

Как только был оформлен очередной, уже третий, договор в Магадане, пришло Андрею приглашение от В.Н.Тихомирова поступить в МГУ на кафедру высших растений старшим научным сотрудником: «Я бы охотно пригласил тебя, при условии, что ты возьмешься за систематику Centrospermae и возглавишь в идейном отношении цитологов, эмбриологов, морфологов, палинологов, работающих с этим таксоном. Им не хватает объединяющего и оплодотворяющего влияния систематика, а для систематика и филогенетика, я полагаю, свет клином не сошелся на однодольных. Если эта перспектива тебя заинтересует (а мне бы хотелось, чтобы это случилось так), готов обсуждать все ее аспекты».

Это письмо нас взволновало. В такое тяжелое время Вадим Николаевич предлагает ему работу в МГУ. Мы сможем вернуться в Москву! С тех пор, как дети остались в Москве, разлука раздирает мне душу.

Андрей – Тихомирову: «По главному пункту твоего письма пока ничего определенного сообщить не могу. Просто все очень неожиданно и поэтому не переварено. Одно могу сказать. Однодольные тут совсем не причем. Я сам к ним что-то охладел. Есть, конечно, и более интересные вещи, чем центросеменные, и они, в конце концов, не так уж плохи. Более серьезное препятствие состоит в том, что я буквально только что перезаключил договор до 5 августа 79 года. Тянул больше трех месяцев, всё чего-то ждал. Но тут стала подпирать необходимость бронирования квартиры. Если же не обращать внимания на формальности, то у меня будет контрусловие: необходимость закончить флору Колымы и Охотии. Кроме того, у меня на лето намечена поездка на Аляску. Не хотелось бы ее терять. Поэтому, если все будет хорошо, то реально мой переход возможен лишь в начале осени или даже не раньше, чем через год».

На полевых сборах

Андрей остается в Магадане. Кроме того, есть надежда, вполне реальная, побывать с Б.А.Юрцевым на Аляске - а это предел мечтаний в те советские годы.

В тяжелое время, связанное с ожиданием утверждения диссертации, письмо Тихомирова очень нас поддержало. Но в дальнейшем больше разговоров о переходе в МГУ не возникало.

Андрей делится находками, консультируется с Борисом Юрцевым . Много сил уходит и на Юрия Павловича Кожевникова, который все время жалуется, требует к себе внимания. Отрывок из письма Б.Юрцеву: «Юрий Павлович меня совсем измучил со своими произведениями: оказывается, в том, что их не принимают в РИО (редакционно-издательском отделе), виноват не кто иной, как я. Тут я всеми силами стараюсь уладить создаваемые им на каждом шагу конфликты, от начальника отряда до бухгалтерии и ученого секретаря, и я же оказываюсь во всем виноват».

С начала лета 1976 вплоть до августа я отдыхала вместе с детьми на Зеленом мысу. Андрей же сказал, что не может позволить себе такой роскоши, а должен ехать на Омолон, приток Колымы. Он очень надеялся ездить со мной, Андрею всегда без меня было плохо. Все его письма полны тоски. В поле он собирается один, жалуется на трудности. В полевом отряде полный разнобой, а расхлебывать неурядицы приходится ему одному. Его изводит Шаткаускас, который урезает смету.

Перед отъездом на юг к маме, я в Москве который раз (!) пытаюсь выяснить возможность возвращения в Главный ботанический сад. Но двери закрыты. Выслушивала сочувственные советы, досадовала. Некоторые обнадеживали. Я писала по этому поводу Андрею.

Андрей 27 мая мне отвечает: «Насчет этой зимы надо ориентироваться на Магадан. И 77-й год, скорее всего, пройдет здесь. Но главное – конец где-то уже замаячил, и это должно придать настроение переносить нынешние невзгоды более бодро. Я твердо рассчитываю иметь через год черновой вариант рукописи определителя, потом внести дополнения в результате находок 77-го года, и к концу его иметь уже готовую рукопись».

15 июня: «Здравствуй, дорогая! Дело медленно, но верно идет к развязке. Ох уж эта

бюрократия! Сколько бумаг нужно написать и подписать! Студенток оформлять – тоже всякие загвоздки. Выезд наметил на воскресенье. Потому что самолет на Омолон летит два раза в неделю. В четверг из-за бюрократической волокиты мы не успеваем. Вся комната опять завалена вещами, надо: оформить акт готовности и получить все подписи, после этого идти получать пропуск, после этого – билеты, кроме того – спирт, разобрать вещи, снова упаковать их и получить деньги».

Прежде все эти заботы ложились на меня. Теперь он один, можно понять его грусть. Он надеется на поездки со мной в августе: «Маршрут я написал такой: Магадан – Усть-Омчуг, с заездом на Яну (вверх по Детрину на перевал), Кулу, Хениканджа и всякие окрестности, и назад через Кулу и Ветренный к Берману на стационар. Мы на Омолоне пробудем до середины августа. После этого будем ездить по побережью. Если переходить в ГБС (в Москву, в Главный ботанический сад), то время здесь нужно использовать максимально. Ты можешь лететь на Камчатку, когда пожелаешь. Жаль, конечно, что на Омолон и стационар мне придется ехать почти одному. А так бы славно пожить там вместе с тобой и Пашкой! ... Мне опять тут начинает нравиться. Как-никак быть сам себе хозяином, постоянно открывать что-то новое, неизведанное не всякому удается и не везде возможно. И командовать я привык. И даже к положению бобыля понемножку привыкаю».

22 июня. «Дорогая! Наконец мы в Омолоне! Но заботы на этом не кончились. Надо попасть на стационар. Приходится ходить по всяким инстанциям, упрашивать, уговаривать. Наконец, нашли одного армянина Саркисянца, который согласился нас отвезти на лодке. Но до сих пор все равно не верится, что я когда-нибудь смогу отдохнуть, и никуда больше не буду стремиться. Ох, только бы уехать сегодня! Путешествие будет продолжаться весь день. Приедем на место, если, конечно, доберемся благополучно, около часа ночи. Но лишь бы уехать в любую погоду, в любое время!

Омолон – омерзительный поселок в большущей котловине. Горы только где-то на горизонте. Ходить почти некуда, ездить тоже, так как вообще нет никаких других поселков. Поселились в школе, но временно. Ремонт, и со временем придется куда то перебираться. А сейчас лишь бы вырваться. Как я рвался из Магадана, так же рвусь отсюда подальше».

26 июня: «Здравствуй, дорогая! Никогда еще мне не было так тяжело, как теперь. Неприятности и всякого рода препятствия следуют одни за другими. Поехали на лодке, сломался мотор, пришлось возвращаться, и притом ночью. Весь следующий день разбит. Потом еще пуще. Вещи, которые брали с собой, сложили на одном из складов около пристани в поселке, откуда до пристани, где баржа, 7 километров. И вот кладовщица внезапно уезжает. Наши вещи заперты. Ключей нам не дают. Баржа разгружается. Завтра последний день. Потом она пойдет. Видимо, придется ехать без вещей. Вот тебе и проблема, совершенно непредвиденная и непредсказуемая. Потом еще одна студентка заболела. До пристани с баржи надо добираться на попутных лодках, кого-то просить, сидеть, ждать. Силы мои совершенно на исходе. Не знаю, как я без тебя просуществую эти два месяца. Ночи опять стали почти бессонными. Но самое главное, что нет у меня никаких организаторских способностей, нет необходимой энергии, и скорее потому, что я вообще устал за все годы. Будь я один – то все бросил бы и жил бы в этом поселке просто так, никуда не бегая и никого ни о чем не прося. А тут ведь люди, которые на тебя смотрят и которые от тебя ждут каких-то действий, так что волей-неволей надо шевелиться, чего-то делать, куда-то ходить, просить, хлопотать. И все это надо делать именно мне.

Я очень рад, что ты отдыхаешь, как в раю, и я знаю, что это тебе необходимо. А мне бы хотелось сейчас заснуть и проснуться только через два месяца. Если все эти неприятности не кончатся, не знаю, как я их протяну и протяну ли вообще.Извини меня за это письмо. Оно тебя, конечно, не обрадует. Но все же придет уже тогда, когда ты как следует отдохнешь и будешь собираться в

Магадан».

12 августа: «Здравствуй, дорогая! Вот мы и вернулись с Кегалей. Беспрецедентный случай – на три дня раньше срока, ждали вертолет 14, а он прилетел 11 августа. Прилетел в час дня и ждал нас до пяти – целых четыре часа! Все это я приписываю знакомству Гали Антроповой с вертолетчиками. Мы с Ларисой забирались на самую высокую гору в окрестностях высотой 1400 м, около 900 м над долиной реки. Все трудности уже позади, и надо сказать, что с некоторых пор мне стало везти. На стационаре прожил месяц без особых забот, много ездил на лодке по реке, на Кегали попали быстро, а оттуда еще быстрее. От студенток очень легко избавился. Новое помещение нашел без труда. Сейчас живем в прекрасной (по омолонским масштабам) квартире из двух комнат с кухней, питаемся три раза в день в столовой, забот теперь почти никаких (ох, как бы не сглазить!) Да и, конечно, находки. Уже в Омолоне нашли почти в поселке два-три новых вида, затем много интересного на скалах и степных склонах, и как самое интересное – редовския – новая для Магаданской области. Потом некоторые виды требуют уточнения. А в Кегалях еще больше. Там вообще оказалась очень богатая флора – более 350 видов в радиусе 10 километров! Из них самые замечательные – новые для области Silene acaulis, Saxifraga escholtzii – чукотские виды, о которых можно было только мечтать! Затем много всяких других редких, в основном арктических видов. Сейчас будем около недели в Омолоне. Надо собрать гербарий для лесников в качестве компенсации за помещение».

Сплавлялись по Омолону с неизменно верными Галей Антроповой и Ларочкой Васильевой. Долго простаивали, когда баржи садились на мель. Жили некоторое время в поселке Кегали. Андрей работал и на стационаре Института биологических проблем Севера на Омолоне.

В августе я прилетела в Магадан и уже через два дня встречала всю партию в Магаданском аэропорту. Грузили вещи, все были возбуждены, полны разнообразными впечатлениями. Андрей рассказывал о находках.

Как только Андрей, приехав из очередной поездки, после вертолетного заброса и полевого сезона, входил в нашу квартиру, он тут же шел к карте и отмечал новый обследованный пункт. Таким образом, карта постепенно заполнялась точками. Андрей шутил: «Засижена мухами».

В августе полевой сезон продолжается на побережье. Катер «Хрусталь» должен доставить нас из Магаданского рыбного порта на остров Завьялова. Этот большой остров хорошо виден и из бухты Нагаево в Магадане. Нас трое: я, Андрей и наша лаборантка Света Ершова. Грузим полевые вещи, палатки и запас продуктов. Единственное, что мы знаем, – на краю острова есть метеостанция.

В салон набиваются женщины – рабочие по разделке рыбы. Их по пути будут пересаживать на большой корабль – плавбазу. Публика пестрая. Такой же пестроты их «народный» язык. В середине ночи швартуемся у огромного корабля. Публика схлынула, мы в просторном катере одни. На рассвете подплываем к большому причалу в уютной бухте острова. На пригорке - ряды деревянных одноэтажных домов. Это Камчатский рыболовецкий и разделочный колхоз. Области Магаданская и Камчатская – два разных мира.

Выделяют большую комнату в одном из просторных, барачного типа домов. Бородатый Леша, рабочий колхоза, топит нам печку, сообщая, что завтрак в столовой в 9 утра. А мы думали жить в полном одиночестве среди дикой природы! Предлагаем Леше спирт в награду за гостеприимство. Он нам в ответ: «Я спирт не пью, чифирю!» Вокруг разделочного цеха - огромные скопления мешков из-под соли. В них крысиные поселения.

На побережье Охотского моря

Внутренности и головы рыб при разделке выбрасываются рядом с цехом. Крысы разъелись и обнаглели, гордо сидят на тропинке, не уступая дороги. Остров большой. За один день из конца в конец не пройдешь. Идем на самую высокую сопку. Сначала распадок, обрамленный каменными березами с искривленными ветрами стволами. В узких ущельях слежался снег. Он постепенно подтаивает, образуя пещеры. Лед за короткое лето стаивает лишь наполовину. Лиственницы на острове нет. Кедровый стланик низкий, что облегчает подъем. Сначала первая седловина. Думали, что она и есть самая высокая точка, но за ней открывается новая вершина, а за ней третья – и так несколько раз до самого верха. На вершине нас накрыла туча, облила дождем и улетела, снова открыв виды изумительной красоты. Стоим на вершине восточной окраины острова.

На восток - отвесный обрыв головокружительной высоты. Далеко внизу – белая пена прибоя. Стаи чаек. Наверху крутой склон зарос низким, но густым кедровым стлаником. Андрей спускается вниз и собирает дриаду аянскую. Лезет вверх, подтягиваясь на ветвях. Я не решаюсь. Обратно, на запад, идем другой стороной острова. По дороге вдоль ручьев, особенно у наледей, встречаем красочные лужайки с ярко цветущими кустарничками. Как будто сейчас не конец августа, а ранняя весна. Везде следы медведей. К берегу вышли только на закате. В лагерь необходимо прийти засветло. А пляжа как такового по берегу нет. Только нагромождения больших камней, уходящие в море. Прилив. Перепрыгиваем с одной каменной глыбы на другую. Огибаем выступ, выдающийся в море, углубляемся, затем по таким же глыбам забираемся на новый выступ. И сколько раз так будет? Папка на спине Андрея, наполненная растениями, маячит передо мной. В темноте видим огни колхоза. Играет музыка. Там идет своя привычная жизнь. Колхоз кажется нам совсем близким. Но это обман зрения. Нужно опять забираться на очередной выступ, потом снова и снова уже в темноте нащупывать каждый шаг на шатких

камнях. Другой дороги нет. И наконец вдали видим темнеющий на фоне огней силуэт Светы, в беспокойстве вглядывающейся в темноту.

Прошла неделя ожидания катера. О нас забыли, и катер не пришел. Рыбаки рассказывали – сюда пришвартовываются разные маленькие корабли и кораблики, в основном сейнеры. Отстаиваются в бухточке во время штормов. Но без всякого расписания. Связи с Магаданом нет. Каждый день мы с грустью смотрим на этот город, еле видимый на горизонте.

После шторма пришвартовался корабль морской экспедиционной станции. Договорились с капитаном. Берет. Идем сначала мимо отвесных скал острова Недоразумения, затем на запад к Армани, и только потом возвращаемся в сторону Магадана.. В Магадан пришли 2 сентября. В этот день Андрею исполнилось 43 года.

В сентябре улетели во Владивосток. В Магадане уже холодно, а в Приморье можно работать еще два месяца. С нами наша сотрудница Галя Антропова. Сразу же едем в Кедровую падь – заповедник, расположенный недалеко от Владивостока.

Е. Коротков, А.Хохряков и В. Алфимов

Вечереет, почти темно. Идем несколько километров дальневосточной тайгой, и перед нами вырисовываются три красивых охотничьих домика. Они предназначены для именитых гостей Дальневосточного центра. В домиках пустота, а неподалеку, на берегу, веселье. Погода портится на глазах. Буйных гостей грузят на катер. Все затихает. Разражается сильнейший тайфун. Река вздувается. Ветер, дождь мешают нашей работе. Целую неделю мы ощущаем себя как на острове. Андрей без работы досадует. Наконец разъяснилось, установилась погода – такая, какая бывает долгой приморской осенью: с тихими солнечными днями, яркими красками осени. Мы поднимаемся на высокие гривы заповедника, на высшую точку Чалбан. Работаем и в Супутинском заповеднике, и в окрестностях Владивостока. Опять, как и в прошлом году, живем на даче бабы Нади, где Андрея очередной раз приняли за шпиона.

В полевой одежде, с тяжелыми спальными мешками идем вверх по крутому склону сопки, пробираемся дубравой к маленьким избушкам садовых участков. Я пришла из магазина,

обнаруживаю Андрея с поднятыми руками под дулом пистолета. У него, бородатого, нет документов… Инцидент окончился братанием. Милиционер оказался магаданцем.

Вышла книга А.К.Скворцова «Гербарий». Андрей пишет ему:

> «Дорогой Алексей Константинович! Большое спасибо за Вашу книжку. Прочитал ее с большим удовольствием. Говорят, она летом продавалась в нашем магазине, но моментально разошлась. Но кое с чем я позволю себе все же не согласиться. Вы пишете, что гербарий не может быть создан за 3-5 лет. Но вот нашему гербарию всего семь лет (с 70 года), но я считаю, что он уже создан как научная коллекция, по крайней мере, если не как научное учреждение. К нам уже приезжают специалисты изучать свои роды по северу ДВ, в частности, по злакам, по березам, по дриадам. Последний – это Юрцев, который очень остался доволен. Да и Коробков тоже – полынями. У нас не менее 25 000 основного фонда цветковых, да еще тысячи 2-3 мхов. Есть и лишайники, правда, не разобранные. К сожалению, нет настоящего помещения пока. Но зимой обещают дать. Конечно, насчет типового материала у нас жидковато, только мои изотипы (уже более 20), но все равно я позволю себе считать, что наш гербарий уже существует, и его можно включать в разные справочники. Главное в нем – южная часть Магаданской области, но, б.м. полно он охватывает и Чукотку и соседние районы Якутии, а менее полно – Камчатку, Курилы, Приморье и Приамурье. В общем, типичный, региональный».

Институт праздновал пять лет со дня своей организации. Подводились итоги соревнования лабораторий института. Подсчитывалось количество очков, которые давались за научные работы. Лаборатория ботаники завоевала первое место.

25 декабря в Москве на биофаке МГУ проходило очередное совещание по филогении растений. В.Н.Тихомиров был в ударе. В ботаническом саду на банкете он был единодушно избран «мистером Филогения». В знак этого события он по-гусарски пил шампанское из самой маленькой туфельки одной из дам… А самое главное – читал поэму Владимира Леонтьевича Комарова о Козо-Полянском «Некто из Воронежа».

Владимир Леонтьевич Комаров – один из самых известных исследователей флоры и растительности Дальнего Востока, с 1932 по 1946 годы - он президент АН. Козо-Полянский – известный эволюционист с мировым именем, в то время работал в Воронеже. Комаров не соглашался с его эволюционными взглядами, написал поэму, где довольно саркастически высмеивал Козо-Полянского.

Андрей все еще не доктор и не кандидат. Стало известно: его диссертация в Кишиневе, у «черного» оппонента Чеботаря.

1 января собирались родные. Как изменились за 16 лет! И внешне, и внутренне. Сколько воспоминаний! Разных! Подросло новое поколение, и мы перешли в категорию 40-50-летних. Давно прошла молодость, и зрелость на закате!

Поездки 1976 г.: Май: окрестности Магадана (Армань, бухта Светлая, Атарган). Июнь-июль: Магаданская область (Омолон, Омолонский стационар ИБПС, Кегали). Август: остров Завьялова. Сентябрь: Приморье (Кедровая падь, окрестности Владивостока).

1977 Зимой 1977 года в Магадане жизнь Андрея идет по строгому расписанию. Утром зарядка. Затем работа до обеда в 13 часов. Недолгий отдых, подведение итогов утренней работы, и снова на работе до позднего вечера. После чего прогулка по заснеженному Магадану.

По субботам и воскресеньям мы совершаем далекие пешие прогулки по окрестностям

Магадана. Огромная Нагаевская бухта окружена горами. Особенно красив «Каменный венец» с острыми останцами, формой напоминающими корону. Бухта скована льдом. У берега изломы, торосы. Толстый лед поднимает прилив. Далее в глубь лед гладкий. Со стороны каменного венца находится рыбный порт. На противоположном берегу бухты – основной, морской.

Все выхоложено. Застывшая земля, вода. Низкое солнце освещает крутой берег. Ранний закат. Со льда Нагаевской бухты видны жалкие лачуги, напоминая первые поселения северного города.

С февраля световое время быстро набирает силу. Яркие рассветы и закаты пламенеют на горизонте бухты. На льду у небольших лунок сидят в тулупах рыбаки. Пробуравят лунку в толще льда - и однообразно дергают удочку. Маленькие кучки корюшки, покрытые инеем, лежат рядом с лункой. Жареная корюшка пахнет огурцом.

Ожидание утверждения диссертации достигло предела. Я пишу письмо в ВАК. Пишу всем друзьям. Прошу об этом и Витаса, составляю для него «куклу» письма.

Мое письмо в ВАК - не просто просьба об утверждении. Я пишу о том, что я не только жена А.Хохрякова, а его коллега. Я пишу о его многочисленных работах, выполненных уже после защиты. Кроме того, я написала письма всем, кто хоть как-то может помочь выяснить обстановку, поддержать.

Из дневника: «В довольно экстремальной обстановке мы работаем и держимся стойко. Андрей обрабатывает гербарий для «Флоры Магаданской области». Это злаки и осоки. Работы впереди уйма, но поставлены сроки, в которые он надеется уложиться. Это год или два. Год или два! Как долго мы здесь еще пробудем? Опять ставятся на весы преимущества Магадана и преимущества Москвы. Одно хорошо здесь, другое – в Москве. Но уезжать отсюда жаль. Здесь мы так покойны, так хорошо работаем. Судьба все определит».

Отрывок из письма Андрея к Юрию Евгеньевичу Алексееву: «Сам-то ты понимаешь, что дело не в каких-то противоречиях, а в том, что ты не счел нужным или возможным помочь другу или наоборот – счел возможным не помочь. Сам ты прекрасно знаешь, что в жизни бывают такие ситуации, когда в первую очередь нужна моральная помощь, поддержка, а материальная – уже во вторую очередь. И ты также прекрасно знаешь, что данный случай – именно такой. Да, спасибо за присланные назад мои письма. У меня какая-то навязчивая идея о том, что потомство заинтересуется моей перепиской. Так что не откажи в любезности, перешли и это письмо мне назад. Остаюсь преданным тебе другом, искренне твой А. Хохряков.»

Вышла из печати наша с Андреем книга «Структура и морфогенез кустарников». Среди биоморфологов эта книжка получила известность, в ней классификация побегов, приводится методика описания побеговых систем.

Майские праздники 1977 года мы провели на нашей подмосковной даче в Отдыхе. Ольга Николаевна Чистякова - сотрудница ка федры высших растений МГУ, наша соседка по даче. Оказывается, в Ульяновске совсем скоро будет проходить теоретическая школа по морфологии и анатомии растений. Ее организуют Р.Е. Левина и Т.И.Серебрякова. А нам - никто ни слова. То умолчали о конференции памяти И.Г. Серебрякова в апреле 1975 года, то - о конференции памяти А.А.Уранова в январе.

Ольга Николаевна в оргкомитете «школы» и находится под впечатлением от нашей книги по структуре кустарников. Хочет, чтобы мы присутствовали на «школе». Но на нее мы не попали. Т.И.Серебрякова сообщила нам, что на этой «школе» А. Яценко-Хмелевский критиковал Андрея. Я разозлилась и написала Хмелевскому, что за спиной не критикуют. А главное - я напоминаю ему о том, что он, Андрей Алексеевич, будучи другом Тахтаджяна, может узнать о судьбе диссертации Андрея, спрашиваю, кто этот Чеботарь, его черный оппонент. Завязывается

переписка на высоких тонах. Андрей Алексеевич не намерен помогать, а, наоборот, считает Андрея чудаком. Но я не сдаюсь. Потом волны улеглись, и переписка с Яценко-Хмелевским продолжалась много лет.

Зимой, когда гадали на Рождество, Андрею выпало поехать в тропики - его давняя мечта. В те советские времена первоначально обязательно нужно было съездить в демократическую страну, потом ждать два года, и только тогда ты можешь поехать в туристическую поездку в капиталистическую страну. Неожиданно в наш институт поступило сообщение, что есть две «горящие» путевки на Кубу. Куба числилась в полукапиталистических. Нам разрешили.

Покупаю Андрею светлый польский костюм, открытые босоножки. Рассчитываю на отдых.

Отрывки из дневника: «5 мая. Шереметьево. Посадка в Ил-62. Под нами, как на карте, удивительные видения: Италия, Рим, Средиземноморье и горы Атласа. Посадка в Рабате. Из африканской пустыни веет сухой полынью. Далее семь часов над Атлантикой. Объявляют - под нами Антильские острова, знаменитый Бермудский треугольник, о котором так много пишут.

Гавана! Ночь жаркая и влажная. Пальмы Реаль, плюмерии с огромными белыми цветами. В гостинице «Дювиль» остатки былой роскоши. Бассейн на 20-м этаже! Запущенность. Социализм по-кубински. С 18-го этажа открывается вид на океан, набережную Малекон и маяк. На рассвете уходим на первую экскурсию по набережной.

Два дня возят по городу. Вилла Хемингуэя. Из комнат несет затхлыми одеялами. Душа улетела, скорлупа осталась. Вода в бассейне спущена. Рядом могилы трех любимых собак.

Праздник в гостинице. Посреди бассейна плот с дарами тропиков: бананы, манго, папайя, ананасы. Фрукты вычурно разрезаны и выставлены на шведский стол. Подбегай и хватай, что и делают безвитаминные магаданцы.

Белое кладбище в центре Гаваны. Под мраморной плитой семейное захоронение. Главная достопримечательность - могила знаменитого шахматиста Хосе Рауля Капабланки. Улицы кладбища радиально расходятся от церкви, открытой на четыре стороны. День поминовения усопших. Народу много. Негр с отрешенным лицом несет, словно блюдо, небольшой венок белых цветов. По его щекам струйками льются слезы.

f9 мая. Весь день едем вдоль Карибского моря. Мечтаем окунуться. В программе это не предусмотрено. Руководительница - толстая магаданская тетка. Мы ее зовем «мамочка», ведет себя как мачеха. В Тринидаде до моря далеко. Пешком не дойти. В группе бунт и стенания. Выхлопотали день морских купаний. В ресторане отмечаем день Победы. Директор ресторана поет для нас «Бесаме мучо» - любимую песню кубинцев.

На рассвете в легких одеждах ушли в лес. Низкие пальмы без стволов, вьющаяся пассифлора, роща агав. Заразились лаковым деревом. Покрылись волдырями. Раны чешутся, отеки. Но это потом. А пока - морское купание на пляже Сибоней. Гладь теплого Карибского моря. Песчаные пляжи обрамлены огромными делониксами. Как только привезли на пляж - Андрей убежал в заросли ризофоры. Настоящие мангры! Недалеко коралловые рифы. Белый костюм испачкан. Босоножки изорваны. Необходима полевая одежда. Где ее взять? Тут нет магазинов. Все по карточкам. С этого времени мы сушим гербарий на лампах в комфортабельных гостиничных номерах.

Город Камагуэй. Ландшафт меняется. Растительность богаче. Большие темные деревья манго увешаны яркими, словно игрушки, желтыми грушевидными плодами на длинных плодоножках. Розетки бромелиевых скрывают под собой ветви деревьев. Броски в природу в основном по утрам. Далее туристическая программа и сборы по возможности.

Главная забота - сушка гербария. Спасают кондиционеры. Приходится ежедневно стирать и гладить одежду. Хорошо, что в гостинице есть горячая вода!

Сантьяго-де-Куба. Комфортабельный отель увит цветущими бугенвиллеями. Огромный цереус с наступлением ночи открывает большие цветки.

На пляже волны. В теплом прибое купаться очень приятно. Негр огромного роста отгоняет большой палкой тех, кто хочет зайти на глубину. Андрей убежал на отвесные скалы. Возвращается босой. Грязный, но живой! Стираем штаны в небольшой речке.

Поездка в горы Сьерра-Маэстра. Только здесь понимаешь, как Фидель Кастро мог к 15 оставшимся в живых присоединить большой отряд. Непроходимые джунгли. Андрей в большом возбуждении рвется в лес. Залез на скалу и по лианам лазал над автобусом. Сверху сыплются камни. Грязный костюм Андрей выворачивает наизнанку и таким образом может войти в автобус, успокаивая попутчиков.

Древовидные папоротники на горе Сан-Педро окутаны туманом. С утра везут смотреть крепость. Андрей имитирует болезнь, чтобы пособирать растения в захламленном лесочке около военной базы, но там однообразно и неинтересно.

Следующий пункт на побережье Атлантического океана - деревня Гуардалавака. Отель с массой недоделок. Строили недавно, по-советски или по-кубински? Гремит музыка. Льют ливни. Плюс 18. Для Кубы холодно. На пляже мальчишки дрожат, губы синеют. По пляжу разбегаются пестрые крабы.

Во второй половине дня Андрей идет на экскурсию в ближайший лес. Я даю Андрею советские значки для подарков и ухожу на берег производить обмен «комиссы» на «караколь», то есть рубашки на ракушку. В тропиках темнеет мгновенно. Я стою у выхода из отеля. Жду Андрея, очень волнуюсь. Зачем не пошла с ним? Плевать на эту розовую «караколь»! В 8 вечера, уже в полной темноте, он возвращается очень взволнованный и без растений!!! Такого не бывало никогда. Отмывается в душе, говорит возбужденно: «Я мимо них прошел! Я сумел скрыться! Все было, как в «Кавказском пленнике!» Не успел он произнести эти слова, как нас вызывают в администрацию отеля. За столом военные, на столе лежит испачканная в грязи белая вязаная шапочка Андрея. Ее торжественно, с извинениями, нам возвращают. Оказывается, как только Андрей стал подходить к лесу, его окликнул крестьянин. Андрей не хотел объясняться, терять время и побежал к лесу, где через некоторое время был окружен собаками и военными. По нему стреляли. Но он не хотел сдаваться в лесу. Прошел мимо кордона прямо к деревне и там сдался в плен. Очень помогли значки, которые он стал раздаривать крестьянам и военным.

Большой университетский город Санта-Клара. Руководительница нашей группы забыла, что мы туристы. В ее партийном представлении – мы делегация, главная миссия которой - не отдых, а представительство. Нам приходится ссылаться на мнимые болезни и удирать на природу. Полно удивительных картин. Например, в темноте светится большое дерево, облепленное большими, величиной с полпальца светляками.

Варадеро. Живем в видавшем виды отеле «Тортуга». Опять гремит музыка. Кубинцы - большие любители громкого. В Гуардалаваке Андрей никак не мог заснуть и ночью прятался от гремящей музыки в ванной. Поэтому мы боремся за тишину и получаем комнатку с гремящим кондиционером и шумящей всю ночь трубой. Дверь открывается на зеленый газон. Огромные кокосовые пальмы в изящном изгибе склонили пышные кроны. Пылают ярко-красным огромные делониксы. Гуляем босиком по песчаному пляжу. Нас сопровождает лунная дорожка. Теплое море, приятный бриз. На деревьях сверкают большие светляки. Синева моря сочетается с желтым песком берега. Роща огромных пандანусов.

В один из вечеров Андрей в женском парике танцует темпераментный танец козликом, повергнув иностранцев в смятение.

В Варадеро нам дали свободное время, и мы смогли совершить несколько экскурсий. Одна из них - вдоль берега залива в заросли мангров. Я видела летящего пеликана! Ракушки загадочной формы! Нас искусали комары.

Экскурсия на рифы. Плавали в масках среди кораллов. Яркие рыбки. Колонии ежей с длинными иглами. Синие кораллы подобны кружеву. Красные водоросли в виде веера.

Очередное шоу. Пестро разряженные негритянки визгливо поют под гром оркестра. Кубинцы в экстазе.

В Гаване с трудом выпросились в ботанический сад. Он находится в центре города. На запущенных газонах пасутся лошади. Нет этикеток. В саду, кроме нас, посетителей нет. В Сорроа большие сборы. Быстро отмываем корни папоротников, закладываем.

В завершение круиза по программе - грандиозное шоу в кафе «Тропикана». В парке подсвеченные мраморные фигуры.

Вечером объявляют: Ил-62, летевший за нами, на посадке в Гаване разбился. Поэтому будет

задержка на день. Убегаем в город. У набережной негр поймал огромную рыбу, с трудом вытаскивает. Рядом небоскребы. Андрей рассказывает, что днем, когда он спал, а мы плескались в бассейне, ему приснился сон: летит в небе вертолет и падает. Сон в руку.

На следующий день везут на известный пляж Санта-Мария дель Мааре. Пляж изумительный. Такой же мелкий песок, как и в Варадеро. Теплое море. Берега окружены густыми зарослями казуарин, которые тут называют кубинскими соснами. Праздная, а для меня и Андрея напряженная жизнь кончается. Аэродром. Долгая посадка. Мечтаем увидеть в иллюминатор Флориду. Гроза, все заслоняют тучи. В Магадан вернулись в конце мая».

В Магадане нас ожидал сюрприз. Кто-то написал в Магаданский Обком КПСС анонимку на директора института Контримавичуса. В анонимке, как говорили, было написано, что Контримавичус приблизил к себе литовцев. Андрей же в открытую говорил Витасу о плохой работе его замов. В частных беседах говорил, что вполне естественно то, что директор окружил себя земляками, в этом нет ничего плохого. Плохо лишь то, что Шаткаускас - наш враг и то, что никто среди руководства не знает своего места, а каждый мнит себя директором. Стали гадать – кто бы мог быть автором анонимки, которая была послана из Москвы. «Доброжелатели» постарались указать директору на меня и Андрея.

В наше отсутствие нашу лабораторию лишили одной из комнат. Книги, записи свалили на полу в гербарии. Часть сотрудников института перестала с нами здороваться. Вся эта кампания проходила в самое тяжелое для Андрея время.

Мы поспешили уехать на полевые. В июне мы будем работать в Северо-Эвенском районе, базироваться в Чайбухе. Оттуда нас должны забросить на Тайгонос – полуостров, граничащий с Камчаткой. В полевом отряде, кроме меня с Андреем, Галя Антропова и наша дочка Оля – старшеклассница.

Несколько дней стоит нелетная погода. Дважды объявляли рейс, и мы дважды через все летное поле таскали полевое оборудование в самолет. Давали отбой, снова выгружали. Когда полетели – не верили в свое счастье.

Июнь, а все сопки на побережье в снегу. Море штормит, туман. К северу исчезает лиственница. Сопки зеленеют кедровым стлаником.

А. П. Хохряков и М.Т. Мазуренко

Из письма Андрея Павлу 31 июля: «Прошел месяц нашего полевого сезона. Были мы на

Тайгоносе. Сначала жили в бараке на Чайбухе, потом в палатке на берегу моря во внутренней губе, потом снова в доме в поселке Верхний Парень. Всего интереснее было, конечно, в палатке. Погода была скверная, дождь шел по три дня не переставая, да еще с ветром. Река разлилась. Дождь стучит по брезенту, и кое-где в палатке начинает капать. Печка беспрестанно раскачивается из-за ветра, и колена трубы часто выпадают... В общем, временами было очень неприятно. Два дня подряд просидели безвылазно, два раза промокли насквозь. Однажды в Чайбухе мы ходили целые сутки, с ночевкой в охотничьем домике, по кочкарной тундре. Хорошо, что комаров почти не было. В первый день ходили с утра до ночи, почти до 12 часов ночи. Поход, правду сказать, был очень трудным. В Верхнем Парени мама ездила на вездеходе по корякским стойбищам, видела, как резали и ели оленя, и ей это все очень понравилось».

На Тайгоносе мы стояли в уютной бухте. Сопки вокруг густо заросли кедровым стлаником. В этом районе очень сильные отливы. Вода уходит далеко, обнажая берег и полностью изменяя рисунок ландшафта. Во время приливов берег заливает на высоту до 13 метров. Рядом с нашим лагерем медведи протоптали тропинку.

Из дневника: «11 июля. Сегодня я и Андрей идем к мысу Ачкори. Тучи высоко и далеко, как и накануне. Возможно, будет солнце. Ползем по стланику на плато. Все в поту. Обычные картины. Ручьи, лужки у снежников. Очень красивы примулы. На плато очень много аспектирующей кассиопеи плауновидной. Белые колокольчики цветов на красных цветоножках. Отсюда виден изрезанный берег внутренней губы и фантастический «город» из белых скал, к которому вчера ходили Оля и Галя. Впереди наплывают черные тучи, затягивающие противоположные горы. Холодный ветер. Спускаемся в долину ручья в ольховник. Потеряли копалку. Южные склоны остепненные. Небо затягивает все сильнее. У моря уже накрапывает дождь. Устала. Греем на плавнике чай. На глазах сопка исчезает в тумане. Обратный путь по первому распадку. Очень выручает сильно выбитая медвежья тропа. Нигде я не видела таких медвежьих троп. Если бы не сомкнутые ветви стланика и ольховника, сквозь которые приходится продираться, как в тоннеле, подумаешь, что это торная тропа, проложенная людьми. А если тебе навстречу попадется медведь? Куда мы денемся? Но я не говорю об этом Андрею, следуя за ним по-медвежьи, чуть ли не на четвереньках. Когда выходим из «тоннеля», снова вижу хорошо протоптанную тропинку, по которой ползти вверх легче.

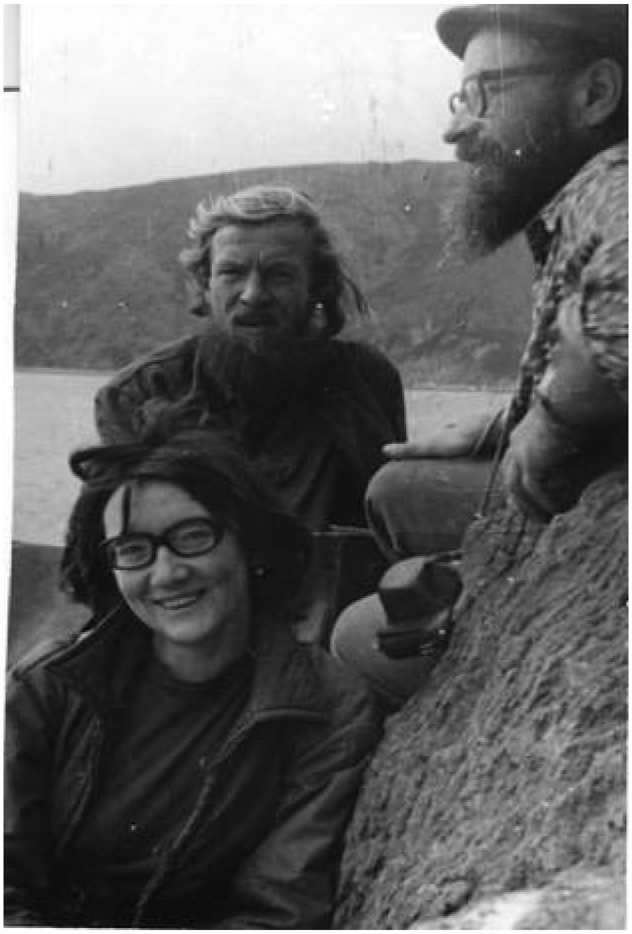
Наконец, выбрались в высокогорья. Медвежья тропа пропала. Туман еще гуще. Андрей выверяет компас. Кажется, что идем в обратную сторону. Куда идти? Вокруг туман. Самое верное – спуститься к морю. Ползем сквозь высокий стланик. Мокрые. Как я рада увидеть сквозь пелену тумана море – главный ориентир. Опять вверх. Опять медвежья тропа. Большая, нахоженная. Опять меня охватывают страхи. Торопимся, обливаемся потом. Наконец проглядывает берег, скалы разной конфигурации. До нашей долины далеко. Все незнакомо. То вверх, то вниз. Все по медвежьему «тоннелю». Ольховник, стланик. Стланик, ольховник. Взбираемся на плато. Отсюда видим нашу бухту. Отлив все изменил - не узнать, обнажились скалы. Последний крутой спуск. На берегу скользкие листья морской капусты лежат густым слоем. На камнях много морских желудей. Жалобные крики чаек. Последние километры. Наша палатка уже близко. Перед ней горит костер. Ночью ливень, ветер. Следующий день сидим в палатке безвылазно.

12 июля. Срок прилета вертолета. Непогода. Думаем, не прилетит. Я и Андрей идем в горы. На сопках шквальный ветер. Сапоги вязнут в болоте. В 6 вечера возвратились в лагерь. Я чиню трубу, замазываю глиной. Летит вертолет. Через несколько минут под нами горы, в которых мы сегодня бродили. Горы и опять огромная «наша» тундра, в которой мы завязли в Чайбухе. Садимся на аэродроме в Чайбухе. Налетели комары. Взлетаем. Под нами огромная котловина Гижиги. На горизонте пламенеет закат. Долго летим. Пареньское озеро. Кружим над поселком. Все мокро. С трудом садимся у самого поселка, и первое, что я вижу, – к нам бежит все

население поселка – старухи в кухлянках, дети. Вертолет улетает. Хватают наши вещи и тащат в поселок. Меня, Олю и Галю перетаскивают через протоку на закорках… Такого гостеприимства нам не оказывали ни до, ни после.

Верхний Парень. Гостеприимству нет предела. Устроили в комнате рядом с поселковой библиотекой. Специально для нас показывают «Солярис» Тарковского. В горы попасть трудно. Ходим в пышной пойме. Цветет вейник. У Андрея разыгралась аллергия. На вездеходе я уехала на оленье стойбище. По дороге он несколько раз ломался, что было мне на руку. В сумерках белой ночи ползаю на коленях перед сломанным вездеходом, выкапываю мелочь на горной тундре. На вездеходе сидит полупьяный директор совхоза и его напарник. Разговаривают: «Что это бабье ползает по тундре, не знаешь?»

Как только вернулась из поездки, через час сел вертолет. Далее из Чайбухи в Магадан мы улетели без помех».



Бухта Лужина. Л. Благодатских, В. Левковский, А. Хохряков.

Полевой сезон продолжался. Я с Олей улетела на Камчатку, а Андрей на «Абориген» – стационар Д. Бермана в районе озера Джека Лондона в среднем течении Колымы у хребта Большой Анначаг.

Андрей рассказывал. В Усть-Омчуге нужно было ждать автобус сутки. Пошел устраиваться в гостиницу. Спрашивают: «Будете спать с этим парнем?» Андрей отвечает: «Буду» – не подозревая, что ему предлагают спать с ним валетом… Пошел на экскурсию. Вернулся вечером. Но парень не пришел ночевать, и таким образом Андрею досталась целая кровать!

В сентябре Андрей с Лидой Благодатских и Володей Левковским забрасывались в бухту Лужина на западе Охотоморья. Вертолету негде было сесть. Только на пляже. Выше обрывы. Палатки поставили на пляже под скалой. Во время шторма волны подбирались к палаткам. Андрей остался очень доволен. Опять нашел карагану гривастую. Он так пишет детям: «Место было чудесное: берег моря, высокие крутые горы, светлые березовые леса, как на Камчатке. Погода была плохая и хорошая. Палатку пришлось ставить на самом берегу моря, на гальке под скалой. А приливы становились все больше, и мы боялись, что нас, наконец, будет заливать, тем более что в шторм волны действительно докатывались почти до палаток. Было много птиц, в основном чаек, а также утки-морянки. Нерпы подплывали почти к самому берегу. Погода по временам – дождь, штормовой ветер, сплошной туман. Топили печку, ходили в маршруты, А главное – вертолет прилетел вовремя».

Пришел отзыв от черного оппонента. Совсем черный. Андрей от меня его скрыл, не хотел лишних разговоров, как он говорил, «кудахтанья», суеты.

Из письма Андрея моей маме на Зеленый мыс: «Чувствовал себя я что-то плохо. Почему-то после маршрутов стал уставать, ходить три дня подряд тоже стало трудно. Почему-то потянуло к более спокойной жизни, прежних темпов и напряжений выдерживать стало трудно. Да, видно, сказывается общее напряжение всех предыдущих лет. А тут еще из-за аллергии насморк и воспаление дыхательных путей стали хроническими. То вдруг в животе зарежет, то сердце перебои дает, зубы заболят. Вот я и решил отдохнуть как следует, совсем отдохнуть – от всяких дел и забот. На Кубе забот все же избежать не удалось: постоянные переезды, гербарий, всюду музыка. Даже ночами. А Вы знаете, как я этого не люблю. Мечтаю пожить у Вас месяца два или даже больше. Как хорошо у Вас по утрам копать землю и колоть дрова! О! Ведь так все было! Почему не вечно?» «Поездка в Америку постоянно откладывается и теперь перенесена на конец августа. Пришли отзывы из ВАКа – от Письяуковой и Чеботаря – того же качества, как и все прочие отрицательные отзывы, что-то среднее между биновским и голубевским. Сплошное непонимание или нежелание понять, смесь демагогии с поучениями, передергивания, цитирование каких-то обрывков фраз без указания страниц, а чаще всего отсутствие каких-либо ссылок. В общем, если разбирательство будет объективным, и будут присутствовать не только ботаники, то бояться мне нечего. Аргументы этих письяуковых и чеботарей примитивные и убогие, когда они вообще есть. Вот только не могу понять, действительно ли они ничего не поняли (не смогли) или просто поняли, но не захотели написать хорошие отзывы, боясь за свое положение?»

7 октября из ВАКа прислали открытку. Вызывали на рассмотрение диссертации Андрея. Сообщали, что заседание будет проходить 19 октября (это мой день рождения!!!) в 18 часов.

Я в Магадане. Сны я вижу очень редко. Ночью мне приснился сон. Я иду по глубокой траншее, а сверху на меня прыгает упырь. Я закричала и… проснулась. Посмотрела на часы – два часа ночи, в Москве шесть часов вечера. Андрей на комиссии ВАК. До утра я не заснула, на рассвете пошла на почту звонить.

20 лет выпуска кафедры геоботаники МГУ 1957 года.

Андрей мне рассказал, что заседание комиссии ВАК проходило на биологическом факультете МГУ. Все были доброжелательны, все прошло благополучно. Андрей был в приподнятом настроении. В институте меня поздравляли.

Из-за странного совпадения на президиуме ВАК, где должны были утвердить решение комиссии, проходило утверждение и кандидатской диссертации Шаткаускаса. У него были трудности с утверждением, связанные с неприятной историей. В Ленинграде, в БИНе, на банкете в завершении защиты, в реке Карповке утонул один из гостей. Витас беспокоился. В этой истории разобрались. Диссертацию Шаткаускаса утвердили.

А докторскую диссертацию Андрея на том же президиуме ВАКа не утвердили.

Редкий случай. Андрей мне пишет 26 ноября: «Заседание президиума ВАК было только вчера, и никакого утверждения еще нет. Там подошли чисто формально: 1 – отзыв ведущего учреждения – отрицательный, 2– отзывы черных оппонентов – тоже отрицательные, 3 – есть просто отрицательные отзывы, 4 – голосование очень плохое, а «за» – только решение экспертного совета. Поэтому решили, что нужен еще один отзыв. Теперь в лучшем случае нужно ждать декабря. Но на этот раз, кажется, отзыв будет писаться с моим личным участием. Так что, может, что и выгорит. Но накануне мне снились нехорошие сны: то фантастических размеров крокодил меня хотел съесть, то зубр забодать, то я падал со всяких обрывов и утесов. Вот не верь после этого снам. И сердце часто стучало, как будто чувствовало. Вот теперь, кажется, немного успокоилось, как бы не сглазить. Но ты про это никому не говори, авось, к новому году все и обойдется».

В это очень тяжелое время, когда, казалось, счастье было так близко, так возможно, опять возникли трудности....

Андрей работает в полную силу. Да он иначе не может. В письме: «Я, как всегда, занят разной работой. Пишу или, вернее, написал статью «Роль эмбрионизации в эволюции растений» и принялся за новую книжку «Эволюция биоморф растений». Уже написал предисловие и принимаюсь за введение. Потом пришлось писать два отзыва на диссертации и предстоит еще

один, присутствовал на различных научных заседаниях и даже один раз председательствовал, на следующей неделе надо быть на двух защитах. 24-го - встреча нашего курса, окончивших МГУ в 1957 году, то есть после двадцатилетней разлуки. Уже среди моих сокурсников есть член-корр., декан факультета (биофака), завы всяких рангов и масса докторов. Вот как растут люди, не то, что некоторые».

31 декабря я летела из Магадана в Москву. Красноярский экипаж решил воспользоваться разницей во времени и встречать новый год у себя дома. Пассажиры объединились и чудом связались с главным диспетчером, после чего самолет быстро взлетел. В салоне образовалось братство, активно прощавшееся со старым годом. Там я познакомилась с геологом Татьяной Петровной Разиной, сотрудницей СВКНИИ в Магадане, с которой мы дружим до сих пор.

В приподнятом настроении, за два часа до нового года я приехала домой, где узнала, что несколько часов назад, 31-го числа, на пленуме ВАК диссертацию Андрея утвердили. Он стал доктором биологических наук.

Поездки 1977 г.: Май: Куба (Гавана, Тринидад, Сантяго-де-Куба, горы Сьерра-Маэстра, Гуардалавака, Санта-Клара, Варадеро, Сорроа). Июнь: Магаданская область (Чайбуха, полуостров Тайгонос, пос. Верхний Парень). Август: Магаданская область (верхнеколымский стационар «Абориген»). Сентябрь: Охотоморье (бухта Лужина).

Публикации 1977 г.: Вышло шесть работ. Главная их них - наша монография «Структура и морфогенез кустарников». Остальные в большинстве – описание новых видов, эволюционные: «Биоморфологический анализ и его значение в филогенетической систематике», «Условия существования как причина поли- и олигомеризации у растений».

Глава седьмая: Последние годы в Магадане. Завершение «Флоры Магаданской области». Поездки по Колыме, в Юго-Восточную Азию, на Аляску, в Средиземноморье (1978 - 1984)

1978 В первых числах января 1978 года утверждение диссертации решили отметить в кругу близких. Но празднование пришлось отменить. У Андрея сильный приступ аппендицита. Необходимо лечь в больницу. До последнего момента он упрямо не понимает, чем ему может грозить просрочка. Хотел убежать из приемного покоя, где всегда не торопятся. Срочно оперировали. В палате очень угнетал его густой русский мат. Сам он никогда не ругался.

Некоторые замечания между прочим. Я уже писала мельком, что в 1973 году на Чукотке встречалась с участницами челюскинской эпопеи. И одна из челюскинок - Комова - рассказывала мне, что после того, как экипаж парохода «Челюскин» был спасен и оказался в поселке Лаврентия, у многих начались острые приступы аппендицита. Было так много оперируемых, что кончились обезболивающие средства, и оперировали даже по живому. Считалось, что это связано со стрессом.

Я надолго осталась в Москве. Наша дочка кончала школу, сдавала экзамены.

Андрей был один в Магадане. И, как всегда, когда он один, ему плохо. Очень плохо! Только сейчас я понимаю, как многое ему было невмоготу! Он пишет моей маме: «Что-то я себя чувствую очень плохо в последнее время. Вероятно, нервы совсем расшатались, боли во всем

теле, начиная с пяток и кончая головой, особенно в животе, и сердце что-то стало сдавать: болит, участились перебои, пальцы рук иногда немеют. А тут еще в «Литературке» статья о том, как люди умирают, и что при этом ощущают, и вот сегодня видел скверный сон: будто зацепился за скалу, хочу спуститься вниз, а спуск, в то время как я стою на месте, делается все круче и, наконец, становится совсем крутым, так что мне ничего другого не остается, как падать... и всё идёт к тому, чтобы я упал и разбился, и я этого (во сне) страшно не хочу, но делать-то больше нечего, разве что висеть до изнеможения, и тогда все равно конец… и я решил лучше проснуться. Своей Мае и никому другому я об этом не пишу, но сами понимаете, с кем-то хочется поделиться, и никого, кроме Вас, у меня нет, с кем можно отвести душу».

Казалось бы: наконец его утвердили, все относительно благополучно. Но, видимо, слишком сильное, а главное длительное напряжение он перенес. И теперь наступила разрядка.

В начале лета Андрей должен лететь на Аляску. Прилетел в Москву – поездку отменили. Он пишет, что иностранцы его пока не интересуют. «Сейчас я занят вплотную своей флорой. Сделано 40 процентов. За следующий год нужно сделать остальные 60 процентов. Надо спешить. На этой почве и был у меня невроз, сейчас решил немного остановиться».

Запланированы работы на полуострове Пьягина – на северо-востоке от Магадана. Однако зацвел вейник, разыгралась аллергия, и Андрей не смог полететь. Забросились сотрудники лаборатории с приезжими из Москвы. Погода испортилась. Охотоморье накрыл какой-то особенный, не типичный для Охотоморья циклон. Андрей очень волновался. Действительно, там были приключения, унесло лодку, но к счастью, без людей.

12 августа мы уехали по трассе в Тенькинский район на стационар «Контакт» к Юрию Борисовичу Королеву.

Кроме трех вагончиков-балков, как я уже упоминала, у Юрия Борисовича есть избушка в горах. Там полная тишина. После стрессов это для Андрея особенно важно.

Из дневника: «**17 августа**. Поход на тундру. Тучи то набегают, то пропадают. Крутой подъем по королевской тропе. Довольно легкий. Весь день ходили по горным плато с альпийскими лужайками. Взошли на пики скал с останцами, туда, где мы бродили в 71-м году. Тогда для нас Магадан только начинался, я еще не переехала. А сейчас? Все те же безбрежные цепи синих гор, все те же осыпи. В долине широкая лента реки Кулу. Отсюда, с высоты, хорошо видно, какие жалкие позиции занимает лес, ютясь только по долинам, разреженными кусками поднимаясь по склонам. Царствуют здесь серые камни. Бесконечные осыпи. Пришли только к вечеру. У домика белели три глупые куропатки. Почти ручные.

21 августа. Несколько дней в обычном режиме. День в походе, день на закладку и переборку. Пора вниз и далее в Магадан. Утро прозрачное. Яркое солнце. Все так же прекрасна величественная Морозовская сопка. Спускаемся вниз, навьючив на себя весь багаж. Утренние тени бархатно оттеняют сопки. Природа светла и нарядна. Кое-где торчат уже червивые и размякшие последние грибы. В поселке только просыпаются. Навстречу мчится Юрий Борисович. Его красное лицо искажено. Волосы курчавятся. Чем-то он мне напоминает Мефистофеля, но доброго. Громким пронзительным голосом он кричит на кого-то в кустах, и в первое мгновение кажется, что он кричит на собаку. Ан, нет, это местный пьянчужка крадется опохмелиться к благообразному шоферу нашего института – Леше. А Леша вовсе и не благообразный, совсем наоборот, грубо матерится и пьет.

Пьяниц в Стоковом, как и везде на Колыме, полно. Пьяному Леше по серпантинам трассы ехать невозможно, разобьется. Нам приходится ехать автобусом. Кроме того, Юрий Борисович в поселке справедливо слывет главным носителем нравственности. Ю.Б.К.–- как он себя часто называет,- не пьет и не любит пьяниц. Впрочем как и я, и как Андрей. В поле у нас бывают долгие споры у костра или перед сном в палатке: алкоголизм – это болезнь или распущенность. Андрей считает пьянство распущенностью, я – болезнью.

Выходим на трассу. Сидим на обочине. Мимо идут машины, поднимая облака пыли. Первые блики осени. Кое-где яркие красные пятнышки листьев на березке Миддендорфа, желтые листья на чозениях. Тепло. Все сияет и блестит под лучами солнца. Как много здесь лишайников! На вершинах сопок, на перевалах - сплошные алекториевые тундры. Нет сомкнутых зарослей кедрового стланика. Он только в глубине распадков. Лиственница только в поймах. Через час приходит автобус. На Теньке (Тенькинской трассе) шоферы – свои люди. Они всех знают, всем

остановят. Посадят пьяного и разбудят там, где надо.

Перевалы, серпантины. После Мадауна сопки сплошь покрылись густыми зарослями кедрового стланика. Заросли ольховника густые и ярко-зеленые. Наконец под вечер приезжаем в туманный и холодный Магадан.

В конце августа мы втроем: я, Андрей и Олег Тузов, студент МГУ, уехали на несколько дней в пойму реки Армань. 29 августа Андрей оставляет записку в лаборатории: «Дорогие девочки! 2 сентября у меня день рождения. Прошу ко мне с М.Т. часам к 5-6. Но чтобы вы не пришли к закрытым дверям, постарайтесь для нас выбить машину на вечер 31».

До Армани два крутых, но невысоких перевала. Со второго перевала к реке – долгий затяжной спуск. Справа вдоль трассы высокие предгорья покрыты редкими лиственничниками с вкраплениями каменной березы и густым подлеском из кедрового стланика, березок и рододендрона золотистого. А слева обрывы к морю. Природа в осенних, очень ярких красках. Алеет рябина бузинолистная, желтеет береза. Лиственницы еще зеленые, но кое-где схвачены желтизной. Палатку поставили в роще чозений на галечнике, недалеко от стремительного русла Армани. Пронзительный холодный ветер дует по руслу, словно в трубе. Мы очень мерзнем. Днем бывает тихо.

28 августа. Андрей и Олег идут в каменноберезники к морю. Я закладываю гербарий в палатке. Ветер настолько холодный, что паста в ручке застывает. Яркое солнце с ветром сжигают лицо. Андрей с Тузовым тоже обветрились и обгорели. Ветер усиливается.

29 августа. Противоположный, более высокий берег Армани резко отличается от низкого, заросшего чозенией. В пойменном лиственничнике крупные деревья. В зеленых мхах – орнаменты арктоуса альпийского. Хорошо выражены прибрежные луга с обилием рябчика, ириса. Находим галению, отсутствующую в чозенниках. Продолжает цвести вейник. У Андрея снова разыгрывается аллергия. Поэтому возвращаемся раньше срока. Идем по краю основного русла реки. Внизу прозрачная быстрина. Приехала машина. Мчимся яркой, освещенной солнцем дорогой. Высокий перевал. Синие бухты. С дороги виден, как на ладони, остров Недоразумения. Впереди - Магадан».

Отмечать день рождения Андрея стало традицией. Высокий, крупный, с приятными чертами лица и курчавыми волосами, Олег Тузов внес оживление в женский коллектив нашей лаборатории. 2 сентября, в день рождения Андрея, у нас дома собралась наша лаборатория. Все нарядные, особенно Галя Антропова с распущенными и как-то особенно уложенными волосами. Сближает пережитая опасность на полуострове Пьягина. Есть что вспомнить. Первое – там медведи встречались на каждом шагу. Их разгоняли ударами в чайник. Второе – ушли в поход по берегу моря под обрывами. Начался прилив. Еле спаслись в ложбине между скал. Высокая вода держалась долго. Спортивный Олег сумел вскарабкаться по обрыву, пришел в лагерь и на резиновой лодке приплыл к запертым в каменном мешке Лиде Благодатских и Гале. Лодка маленькая. Сначала Тузов отвез Лиду, потом приплыл за Галей. Море было гладким и тихим. Стоял штиль, и ничто не предвещало бури. Но как только стали подплывать к лагерю, ветер стал относить легкую резинку в море. Боролись с ветром долго. Победила сила Тузова. Все дни сильного шторма лежали в палатке. Лодку унесло. Медведь раскачивал палатку. И еще какие-то ужасы. Но все живы. Все любят героя Тузова. Планируют поездки на будущий год.

На следующий день я и Андрей улетали на Камчатку, а оттуда на Курильские острова.

Дневник: «**3 сентября.** Рано утром вновь одеваем рюкзаки на спины. Ясный холодный день. Автобус мчит нас к аэропорту привычные 56 километров. Только начинают желтеть тополя, и кое-где краснеет березка Миддендорфа. На посадке в моем кармане рюкзака засекли флягу со

спиртом. Я мечусь, прошу оставить, кудахтаю. Разозлилась и решила вылить спирт в урну. Как только стала отвинчивать пробку, пожалели. Тащим на себе вещи в самолет. Взлетаем. Сквозь облака, как на ладони, под нами лежит трасса, серые гольцы на вершинах сопок обрамлены зеленью. Затем долина Олы, Атарган, мыс Харбис. Пересекаем полуостров Кони. Все знакомо.

Наплывает туман, и только у берегов Камчатки вырисовывается болотистый западный берег полуострова. Далее все больше зеленого. Высокие сопки с черными рваными острыми краями. Две огромные «сахарные» головки Авачинского и Корякского вулканов покрыты снегом. Самолет делает круг над Авачинской бухтой. Под нами изрезанные берега. Город тянется по берегу бухты. Куэсты, небольшие фьорды. Часть бухты закрывает караван белых облачков. Бешеный темп посадки на бетон полосы. Тепло! Елизово.

В Петропавловске останавливаемся у Дьяконовых. Баба Муся (Мария Александровна) сильно постарела, сморщена, но полна энергии. Павла Дьяконова уже нет в живых. Живет она с дочкой Валей и ее сыном-подростком Пашей, названным в честь деда. В однокомнатной квартире постоянно бывают гости, в основном из Ключей, где она с Дьяконовым жила долгие годы. Она - пенсионер республиканского значения! Андрей теперь для нее не Андрюша, а Андрей Павлович!

4 сентября. Улетаем в Эссо из Халактырки – местного аэропорта. Народ с утра ждет бортов. В Эссо летают только Ан-2 (10 человек). Стрекоза взмывает и снова под нами, но уже ближе, чем вчера, головки вулканов. До Милькова сплошная зелень. Ни одного поселка. Видим истоки реки Камчатки. Ниже по течению, серпантинные извивы, меандры реки, новые острова, зарастающие старицы. Оставляем в стороне бесформенный Толбачик и величественную Ключевскую сопку с заснеженными вершинами. Летим долиной реки Быстрой. По сторонам плоские столовые горы расцвечены осенними красками. Остальной фон зеленый. Садимся между гор. У маленькой будки аэропорта плакат: «Наш бассейн самый лучший на Камчатке!» Это не выдумка. Построенный комсомольцами большой бетонный бассейн с раздевалкой, с горячим полом – украшение не только Эссо, но и всей Камчатки.

Не успеваем отойти от аэропорта, как нас подвозит почтовый ГАЗ-66 и везет прямо к лесничеству. Домик лесничего на пригорке рядом с больницей. Жена лесничего – гречанка Мимоза, сын – Дионис.

Эссо - большой поселок с деревянными тротуарами, палисадниками перед уютными домами. Сажают цветы и овощи. Поселок в зелени посаженных тополей и осин. Плещемся в теплом бассейне. На вкус вода пресная, но все нас уверяют – очень полезная.

Лесник Антип выделяет нам комнату, отапливаемую термальными водами в двух батареях. Термальные воды пахнут серой. Отвинчиваем кран и получаем воду для мытья посуды. Очень удобно.

В 9 вечера наступила темная ночь. Над большой сопкой на холодном черном небе сверкает ковш Большой Медведицы. Ночью был заморозок.

5 сентября. С утра идем в горы. Вчера мы их долго рассматривали, умилялись их близости, как обычно, обманчивой. Проходим мостик через реку Уксичан, приток Быстрой. Начинаем подъем на увал. Так здесь называют горы. По пути высокотравье, редкий лиственничник и высокие вазовидные кусты кедрового стланика разной степени густоты. Толстые стволы простираются вниз по склону, пружиня под ногами. Каменная береза осталась внизу. Выше – пояс густого стланика. Кое-где выглядывают высокие деревья рябины в осенней расцветке. Есть и низкая рябина бузинолистная. Выше вейник с ольховником. На крутом склоне появляются альпийские лужайки. Много нового. Осень, но собирать еще можно. Папка раздулась и отяжелела. Забираемся на «пупочку» – так мы назвали вершину горы, которую видели снизу из поселка. Это, оказывается, не вершина, а нижняя часть хребта. Пламенеет арктоус альпийский, много стелющейся малютки-кассиопеи плауновидной. Красочные лужки филлодоце. Желтые низкие куртинки ивы красноплодной. Начинаются щебнистые участки, здесь много нового. Жаль уходить. Но уже 5 часов, дотемна нужно спуститься к реке, к поселку. Вниз по крутому распадку чуть ли не бежим. Пробираемся под стволами ольховника, прыгаем по камням. В высоком вейнике Андрей получает дозу пыльцы. Далее травы по пояс. Ступишь – проваливаешься в яму. Андрей говорит: «Каждый шаг – подвиг». Устала. Наконец шум реки. Последние усилия, и мы в пойме. Уже в темноте подходим к поселку. В бассейне окунаем уставшие тела в теплую воду. Над нашим домом сверкает холодный отблеск заката. Банка компота, капустный салат, горячий картофель – благодеяния Мимозы довершают блаженство. Мы погружаемся в теплоту спального мешка.

6 сентября. Весь день закладываем гербарий. Разживаемся газетами. Мимоза продолжает нас благодетельствовать: то морковь, то картофель, не говоря уж о посуде. Приходил пьяный знакомый. Набежали другие пьяные рожи и увели первого в неизвестном направлении, с глаз долой. Из дома наблюдаем тучи, наплывающие на «наши» горы. Холодно. Видимо, со дня на день пойдет снег. В бассейне очень горячая вода. Еле выдерживаем. В магазине только хлеб и огромные, холодного копчения красные рыбины. Это нерка – самая благородная из красных рыб.

7 сентября. Ночью лил проливной дождь. В горах снег. Несмотря на непогоду, идем на плато в долине Усикчана. Снизу все кажется близким и низким. На поверку, долгим и трудным. Так и сегодня. Сначала веселая дорога мимо горячих источников. Клочья тумана и туч ложатся пластами и тут же разметываются. Ищем место для подъема. Начинается бесконечное карабканье в стланике по очень крутому, почти отвесному склону. Мокрые стволы пружинят. Лишайник скользит под ногами. Ноги утопают в сфагнуме. Каждый шаг дается с большим трудом. Промокли. Куртка насквозь. Стланику нет конца. Наконец, видим осыпь и надеемся на лучшее. Но неизвестно, что лучше: осыпи из легкого вулканического туфа – непрочные (где ты, наш магаданский гранит?) или мокрый со сфагнумом стланик. Все покрыто скользкими лишайниками. Через два часа выходим на плато, которое нас разочаровывает бедностью растительности. На нем преимущественно голубичники с вкраплениями кедрового стланика. Глубокая промоина. Но воды нигде нет. Проходим все плато. Решили спускаться по ручью. Начинаем спуск в узком ущелье с отвесными склонами. Сначала маленькие альпийские

лужайки. На них - желтая арника Лессинга, колокольчики, живокость. На каждом шагу белый цветущий белозор, последние цветки на лютиках. Продираемся сквозь мокрый ольховник. Прыгаем по камням. Полное впечатление, что мы петляем, оставаясь на той же высоте. Может быть, так оно на самом деле? Близится темнота. Обливаясь потом, рассекая мокрый вейник, прыгая по камням, спешим изо всех сил вниз. Неизвестно, сколько продлится эта скачка с препятствиями, эти нащупывания дороги в вейнике и прыжки по камням. В темноте такой путь немыслим. Светлого времени остается всего час. Опять спешка. Наконец долина ручья расширилась. Уже в полных сумерках мы вышли на дорогу. В памяти остались пламенеющие деревья рябин, заросли смородины печальной, осыпанной ярко-красными ягодами, нежно-желтые кроны берез. Пять километров по дороге в полной темноте заняли не более часа. Мостик через реку нашли наугад. Очень устали. У меня болят ноги, у Андрея – зубы. Мимоза сильно волновалась. Тут много медведей. Во время спуска мне все время казалось, что нас «пасет» медведь. На пути встречались свежие э медвежьи экскременты. Мимоза рассказывает: летом медведь загрыз охотника прямо на дороге. Нашли только резиновые сапоги с ногами. Ужас. Андрей опять злится, слушая рассказы Мимозы. Я молчу и боюсь.

11 сентября. Андрей чуть ли не каждые полчаса выходит из домика и вглядывается в беспокойное метание разнокалиберных облаков. В течение часа почти все небо может очиститься, и тут же огромные синие тучи закрывают ближайшие сопки, ложатся в долинах.

С утра в маршруте. Повезло. Сразу нашли вырубленную в кедровом стланике тропу. Осенние краски: красные рябины, желтые березы, малиновая голубика. Поднимаемся в мокром высоком вейнике. Вода весело стекает в резиновые голенища сапог. В распадке тропинка вверх то видна, то исчезает. Береза идет вверх, вплоть до горных тундр, нисколько не убывая. На плато вышли в 11 часов насквозь промокшие. Пронзительный холодный ветер рвет одежду. Закладывать сборы в папку трудно. Распадок, по которому мы сегодня поднимались, начинается в огромном цирке, заключенном со всех сторон высокими горами. Осыпи поросли альпийской растительностью. Снизу из поселка они выглядят забавными зелеными полосками. На вершине цирка перевал. Сейчас, осенью, он ржавого цвета. Справа острый пик горы. Какие огни тут горели когда-то? Выходим на заброшенную стоянку коряков. У большого костра сушим одежду. Начинаем подъем. Все вокруг заволокли тучи. Сыплет град. Он сбил все капли с кустов. Ноги остались сухими. Только взошли на первую «пупочку», как взошло солнце. Внизу, в ущелье Усикчана скапливаются черные тучи. А у нас наверху солнце. Новые находки. Ходить по осыпям из туфа трудно. Легкие крупинки скатываются из-под ног. Ноги проваливаются. Медленно, с трудом поднимаемся на самую высокую точку горы. Солнце исчезает. Наплывают тучи. Андрей уже не виден, хотя он от меня на расстоянии не более 50 м. Влажные пятна мелкозема без растительности «стекают» вниз. Между ними полосы горной тундры. Влажный мелкозем засасывает ноги. Это ярко-коричневая грязь гейзерита. Идем обратно. В болотце набираю воду в чайник. Несу. Есть опасность выйти на обрыв. Рискуем. Я несу чайник с осторожностью. Не хочу разлить воду. Крупные камни скатываются. Ноги опять засасывает. Идем гуськом, с осторожностью. Спустились. Накрыла туча. Сыплет крупный град, мгновенно устилающий землю. Он скользит под ногами. Я продолжаю спускаться с чайником на весу. Андрей с большой папкой трусит по дну цирка в ернике и ольховнике. Развести костер очень трудно. Помогают сухие стружки, таблетка сухого спирта. Костер пылает. Сопка у нас за спиной мгновенно побелела. Успели. Нас греет «красный цветок». Пьем чай под градом. Спуск с сопки проделываем в темпе по насту из града. Он сыплет всю дорогу. Сильно вымокли. Сапоги наполнились водой. Иногда отливаем для большей подвижности. Сквозь тучи яркое солнце освещает желтые ягоды жимолости шамиссо. Лиственницы и березы отражаются в дорожной луже. У реки дети-коряки с длинными удилищами поймали несколько «мальмушек». Нам дают одну. К дому приходим в полной темноте. Добрая Мимоза поит горячим чаем с вареньем.

12 сентября. Закладка гербария. В «нашем» распадке лежит снег. Он уже не тает. Над бассейном пар.

13 сентября. Поход на увалы вниз по течению реки Быстрой. На сборе картофеля и турнепса работает весь поселок, включая райисполком. Поднимаемся по увалу и оказываемся в красивом осеннем березовом лесу. Прохладная свежесть, опавшая листва, пожелтевший травяной покров. В стланике мхи, плауны, ковры линнеи. Заросли с элементами темнохвойной тайги рядом с каменноберезниками с преобладанием злаков и жимолости камчатской. Ушли далеко. Но здесь, наверху, очень громко слышны из усилителя, поставленного на полях, то песни битлов, то французские шансоны. Песни звучат все громче на нашей «галерке». К вечеру спускаемся с увала и в пойме встречаем большую заросль боярышника Crataegus chlorosarca – харемы. Высокие – до 4 м деревцевидные кусты усыпаны вкусными ягодами.

16 сентября. Позади два дня беспросветной непогоды. Нельзя и думать об отлете. Вещи упакованы.

Наконец сегодня все сияет под осенним солнцем. Горы бархатные, темнозеленые, с белыми снеговыми вершинами. Ночью сыпал снег. В аэропорт провожает Мимоза. Сообщают – борт вылетел из Питера. Так тут зовут на ленинградский лад Петропавловск. Начальник аэропорта, он же кассир, говорит, что летит первая ласточка. Знакомый ветеринар предлагает по этому поводу всем «вздрогнуть». Еле отбились. Маленький помятый мужчина всем надоел. Прилетает самолет. Грузимся. Мотор работает, а сморчка с лицом печальной жирафы нет. Ветеринар его втаскивает в последний момент. Привязываемся. Летим. Ветер качает нашу скорлупку. Неожиданная посадка в Лазо. 11 лет назад мы сидели за тем же столиком. Андрей ловил на себе комаров, складывая их в кучку. Здесь В.Ворошилов не позволил нам пойти на гору Николку. В густом тумане тогда мы ее так и не увидели. Теперь она сияет снегами, высокая и островерхая. Следующий пункт – Мильково. И снова полет мимо острых пиков гор, разломов, горных озер, распадков. Экзотика! В нашем салоне – новый пьяный нахал. С «жирафой» они обнимаются и пьют. Садимся в Халактырке. Молоденький пилот сетует: столовая закрыта, а ему летать целый день. Оставляем ему наш завтрак.

В Петропавловске удалось поговорить с детьми по телефону. Есть новости из Москвы и Владивостока. Заявку на мою монографию о рододендронах дальнего востока не удалось утвердить. Значит можно спокойно плыть на Курилы, хотя обидно.

Несколько дней в Петропавловске сильно утомили. У наших хозяев тесно и шумно. Их гостеприимству нет конца. Знакомые из Ключей, где долго жила Мария Александровна то прилетают, то улетают. Не отдохнешь, не заснешь. Ходили вдоль бухты в каменноберезняках и высокотравье. Под вечер на остановке автобуса встретили знаменитую Анну Сушкину с супругом, участницу челюскинской эпопеи. Год назад я вместе с их дочерью Асей Виталь встречалась у Королева на его стационаре «Контакт». Энергичная пожилая дама, подражает мужчине. Дань ее молодости, когда женщины водили самолеты, пароходы. Рядом с ней послушный безмолвный муж. Сушкины также собрались на Курилы. Из Петропавловска раз в месяц отходит на Курилы теплоход. Мы его ждем. Он отойдет только 29 сентября.

Свободное время мы используем для поездок. Научный сотрудник института вулканологии Н.Василевский уверенно сказал нам, что из Пиночево за день можно пешком выйти в высокогорья. Мы наивно ему поверили. Погода холодная, сырая. В горы мы шли очень долго. До высокогорий так и не дошли.

28 сентября. В кассе морвокзала выстаиваем большую очередь за билетами. Будет очень обидно, если не достанется.

29 сентября. Теплоход «Урицкий». Серое туманное утро. Сыплет мелкий дождь. У выхода из бухты – скалы «Три брата». Идем вдоль берегов Камчатки до мыса Лопатка. За Лопаткой на Парамушире встает величественный вулкан Алаид. Каждый старается рассказать об ужасной катастрофе, когда Северо-Курильск был смыт огромной волной цунами.

1 сентября. Быстрый ход нашего теплохода замедляется. Идем вдоль Итурупа. Видны вулканы Баранский и Грозный. Места, где мы бывали четыре года назад. Больше 5 часов стоим в бухте Касатка у поселка Буревестник. Никого не выпускают на берег. Швартуемся у Шикотана и только на следующий день приходим в Южно-Курильск.

2 октября. Кунашир. Стоим на рейде. Долго не присылают плашкоут. Тепло! Зеленые берега. Мы на юге! Прощаемся с Сушкиными. Они отправляются дальше, на Сахалин. Прыгаем на плашкоут. Проверка документов. Пристань. Грязные серые дома. Везде пахнет рыбой. Влажно и жарко. Обливаясь потом, под тяжестью сеток и рюкзаков идем в лесхоз. После долгих просьб нам все отказывают. В магазинах пустота. Жилья нет нигде. Весь жалкий поселок, то есть город, забит военными. Никуда нас не пустят. Идем в гостиницу. Там нам также отказывают. И когда, казалось положение совершенно безвыходное, на нашем пути встречается благообразный донор. На его груди значок – капелька крови. Зовут его Лазарев Борис Павлович. Обещает после работы устроить в сарай к соседям.

В ожидании донора мы устраиваемся на песчаном пляже у выброшенных на берег остовов кораблей. Дремлем, греемся на солнце. Под вечер Лазарев ведет нас к соседке. Хозяйка сарая – душевнобольная, с высунутым языком, все время тяжело дышит и чмокает. Кроме хозяйки, в доме живет красноножий пьяница Саша по прозвищу Гордеич. Совершенно невменяем. Качаясь, открывает сарай. Рядом грязный курятник. Курочки задумчиво заглядывают внутрь. Андрею очень нравится. Подметаем. Света нет. Но есть крыша!

3 октября. С утра идем к пограничникам на горячий пляж. Там должны дать разрешение на работы. Дорога тянется вдоль моря. Отлив. На мягком песке – скопления водорослей. Много чаек. Тонкие ножки кажутся смешно приставленными к туловищу. Другое дело, когда они плавно качаются на волнах – маленький белый кораблик.

На прибрежных песках – опушка из розы морщинистой, за ней темный пихтовый лес. Много красники, черника, менцизия. Есть и большие экземпляры тиса. В подлеске вечнозеленый падуб. На опушках бамбук, гортензия, багульник крупнолистный. Большой приморский луг. Травы пожухли. Болото. Росянка, клюква огромных размеров, такая, какую мы встречали на Итурупе. Пыльной дорогой поднимаемся на сопку. Через несколько километров приходим в пограничную часть. Полно воронья. Они не каркают, а хохочут, почти полностью имитируя человеческий голос. Поселок пограничников издалека кажется игрушечным. Правильные квадратные дома, ровная дорожка. Все это в контрасте с мягкими облесенными сопками, подернутыми легким туманом. Точь-в-точь японские гравюры. Ждем. Пограничники по струнке ходят строем. Капитан Назарко интересуется красникой. Выписывает пропуск. Оказалось, кроме штампа еще нужна важная бумажка – разрешение на производство работ, которой у нас нет. Пожалел. Обложенные бумажками, мы свободны. Можно и выкупаться. Серные ванны за горой. Плещемся в небольшой шестигранной ванночке.

На обратном пути перед нами вырастает гора. Андрей ползет на нее, хотя после купания в ванночке распарился. Даже по прямой дороге идти трудно, но ему нужно все осмотреть. Внизу обрывы, плещется море. Вспоминаю, как на мысе Гамова он лез на морские обрывы, приводя меня в отчаяние. Здесь тоже самое. Обратный путь вдоль моря. Устали. Ноги вязнут в песке. Собираем ракушки, дышим морским воздухом. В нашем курятнике знакомимся со Славой – сыном хозяйки. Это высокий белокурый нечесанный балбес. Читаем при свечах.

4 октября. Холодно. Ветрено. Закладываем гербарий. Дует со всех сторон. В доме тяжело и затхло дышит хозяйка. Дремлет в тяжелом запое засиженный мухами Саша, то есть Гордеич.

5 октября. В маршруте. Берег моря. Большие песчаные дюны заросли розой морщинистой. Идем по приливной полосе. Солнце припекает, дует ветер. Вдали в море - скалы. Одна – очередной чертов палец. По отливу идем берегом дальше и дальше. В глубине бухточки палатка. В ней три солдата. Один из них, казах, подходит к нам и требует документы. Отходит в сторону, делая вид, что умеет читать. Выходим на скалы. Огибаем. Дальше по прижиму – глубокая вода. Тут не пройти. Пытаемся залезть на скалу – не получается. Приходится возвращаться и обходить прижим лесом. Начинается прилив. Ноги обдает белая пена волн. Солнце припекает по-летнему. Наверх тропинка для смелых «в никуда». За вершиной – обрыв в море. Андрей, словно акробат, идет по самому по краю. Лучше не смотреть. Я вся сжимаюсь. Но Андрею нужно все пройти до конца. Быстро спускаемся вниз. У меня долго дрожит все внутри от пережитого. Оказывается, по отливу тут есть дорога, проходят даже машины… Сейчас вода по колено. Сапоги полны воды. На берег выброшены морские звезды, и лежит странный моллюск – гигантская мокрица. Никогда такой не видела. На склонах ветровые формы пихт. В море торчат новые чертовы пальцы. Вдоль дороги отвесные обрывы. Стоит лестница. Андрей забирается и собирает скальные растения. Здесь ободранный золотой корень, за которым, как и за клоповкой, тут особенно охотятся. На обратном пути идем сначала зеленомошной тайгой, а потом долго по зарослям густого бамбука. Сухо шелестят пыльные листья. Вид сопок, покрытых лесом с разного цвета оттенками зеленого, прекрасен. Трудно представить более привлекательную картину. Большие рощи колючих аралий с огромными сложными листьями. Далее, в обход – снова идем берегом моря. Прилив усиливается. Море вливается в устье речки. Приходится идти по пояс в воде.

Вечером у нас в сарае в гостях сосед-донор, Борис Павлович Лазарев. Он жаждет ходить с нами. Андрей с Лазаревым пьют местный вермут, по-видимому, гадкая бормотуха. Ночью был заморозок, а утром ясная прекрасная погода.

6 октября. Славик с утра на работу не идет. Мать лежит в полузабытьи. Саша продолжает пить. Закладываем гербарий. Перебираем сетки. Днем идем на источники. Девять километров берегом. Потом лес, и далее в гору по тропе. Речка обрамлена высокоствольными пихтами. В подлеске вечнозеленая скиммия, падуб, много менцизии, проростки вьющейся гортензии. Нужно выходить на дорогу. Задерживаемся у актинидии. Висят зелененькие ароматные ягодки со вкусом ананаса. К дороге выходим сквозь заросль бамбука. Где же источники? Идем вверх вдоль реки, заглядывая во все углы. Встречаем трактористов. Оказывается, мы прошли вверх намного дальше. Спускаемся и оказываемся у «Росинки». Это серный источник. Источник – это маленький бассейн. Доски домика расписаны и похожи на типовую детскую площадку. Как на надгробной доске, на сером камне начертано, что это благоустройство вокруг источника создано пограничниками в честь 60-летия советской власти! Барахтаемся в теплом источнике с серным запахом. На обратном пути папка оттягивает плечо. Дорога длинная. Подвозят на «виллисе» до самого дома. Благородный Борис Павлович протянул к нашему сараю провод с лампочкой Ильича. Да здравствует свет!

7 октября. Сегодня – день Конституции. Сильный ветер. Холодно. Ночью были заморозки. Весь день погода менялась на глазах: то град, то солнце. Небо то полностью открывается, то покрывается многослойными разноцветными, от дымчатых до почти черных, тучами. В сарае очень холодно и неуютно. Идем в дом. Там тяжелый запах. Хозяйка с бессмысленным взором, разговорчивый Славик и Гордеич, который «развязал». Пьет вермут. Работать в такой обстановке нет возможности. Андрей в одночасье заболел. Воспалилось горло. Пытается отдыхать в доме. Я сижу в сарае. Совсем рядом играет оркестр в честь праздника. В 17 часов митинг и

торжественное собрание. Потом концерт на улице.

8 октября. В шесть утра успеваем на первый автобус. Тепло. Звездное небо сменяется ясной зарей. Выходим на 17-м километре трассы на Головнино. Сразу углубляемся в пихтарник. Идем по старой японской дороге к заброшенному серному заводику. Пихтарник сменяется бамбучником. Бамбуки не так густы, как на Итурупе, но и здесь шуршащая, железно-шелестящая, грубая пыльная зелень скрывает тропу, на которой то и дело лежат упавшие стволы. Сломать ногу ничего не стоит. Утренние лучи начинают освещать пихты. Осенней окраски еще нет. Только кое-где ясень и сумах пестрят желтым и красным. Остатки серного заводика еле заметны. Вверх тропа идет в бамбучнике. После полутора часов подъема подходим к фумарольному полю. Здесь и серные источники. Парим ноги. Северный ветер не позволяет нам полностью выкупаться. Фумарольное поле – небольшая пустынька, полностью лишенная растительности. Сильно пахнет серой. Из земли с шумом вырываются пары, пыхтящие, словно большой паровоз. Одна фумарола – самая большая и шумная. Она вся окутана паром, разлетающимся в разные стороны под сильным ветром. В ее центре небольшое жерло, обрамленное наплывами желтой серы.

Идем вверх по распадку лиственного леса. Преобладает каменная береза. У верхней границы леса – горная тундра с вечнозелеными кустарничками: диапенсия, брусника, рододендрон камчатский, арктерика. На обрывах скал, покрытых зелеными мхами, краснеют сочные крупные ягоды красники, словно их кто-то разбросал. На вершине вулкана Менделеева кратера не видно. Все заросло кедровым стлаником, сквозь который торчат острые черные невысокие скалы. Отсюда виден весь остров. День ясный. Ни одного облачка. На юге – небольшой вулкан Головнина. На севере – огромный величественный Тятя. На горизонте в дымке – снеговые вершины Хоккайдо. По совету Лазарева спускаемся с противоположной стороны вулкана. Путаемся в высоких зарослях кедрового стланика, ниже – в зарослях падуба. Приходится сползать со скал. Скользим вниз по высокому бамбуку, по гибким стволам. Сухая пыль въедается, не дает дышать. Выходим к обрыву с ярко-желтой почвой и по осыпи очень медленно спускаемся к фумарольному полю. Местами вся поверхность почвы источает струйки пара. Выходим к остаткам японского кирпичного завода. Каждый кирпич приводит Бориса Павловича в восторг. Японские, аккуратные кирпичики очень отличаются от привозимых с материка наших больших рыхлых кирпичей. Меня поражает прочность телеграфных столбов. Японцы пропитывали дерево серой, и оно годами не разрушается. По сторонам на каждом шагу горячие, шипящие и булькающие источники. Вода в речке становится беловато-голубой. Серный ручей впадает в мощный коричнево-ржавый приток, растворяющий голубоватую речку. Спешим, почти бежим, перепрыгивая с камня на камень. Вот и «Росинка» с ее безвкусным теремком и массой голых тел, барахтающихся в небольшом бассейне. Следующий пункт – кислая речка. Дорогу хорошо знает Борис Павлович. 40 минут быстрого хода по густому лесу, и мы оказываемся у теплой реки, которая течет в каменном ложе. Здесь, в отличие от серных источников, вода кислая. Лужа с грязью тоже теплая. Каскады водопадов, «ванночки», то есть вырытые по краю речки небольшие бассейны. Всё это в глухом, защищенном со всех сторон лесу. Купаемся, стоим под водопадом. Усталость уходит. Две гостеприимные купальщицы угощают нас картошкой, сваренной в кипящем ключике! Барахтаемся в грязях. Лечимся. Уже поздно. Нужно выйти на трассу засветло. Идем опять лесом и бамбуком.

На Речной (так зовется наша улица) всё та же кампания. Гордеич по прежнему пьет, Славик славит на все лады Гордеича, мать лежит. Вонь и грязь. Мухи обсидели потолок. Меняем гербарий.

9 октября. Закладка гербария. Тепло, ветрено и очень красиво. Все время пахнет морем. Идем обеспечить тылы к знатной рыбачке Фаине Александровне. Нужно же где-то жить. Ее

разваленный дом стоит на обрыве у мола. Вокруг лежат горы панцирей морского гребешка, но, к сожалению, все перебитые. Налетает свежий ветер. Тучки заволакивают вершину вулкана Менделеева.

10 октября. Поднялся ветер. На море шторм. Станция вулканологов стоит на берегу. Это красивый особняк, а в нем важный главный вулканолог Мархинин. Удалось договориться. Он берет нас в кальдеру вулкана Головнино. Там он будет стоять три дня.

12 октября. Сегодня уезжаем в Головнино. Тащим тяжелые вещи через весь поселок. Ноги увязают в песке. Андрей стал задыхаться, когда приходится носить тяжелые вещи. У дома вулканологов разложены спальные мешки, у всех очень занятой вид. Мне это кажется удивительным, так как собираются они уже больше недели. Нам дают поручение. Мы должны составить рацион на 12 человек с расчетом на три дня. Для нас трудная задача. Ведь мы видим этих людей впервые, не знаем их традиций. Капризам нет предела и путанице тоже. Оказалось – есть в запасе тушенка. Что же покупать? Мы несколько раз проезжаем мимо нашего сарая в поисках продуктов. В конце концов догадались: мы здесь некстати, не знамениты, как, например, писатель-фантаст из столицы и оператор, тоже видимо из центра. Он будет снимать фильм о Мархинине…… Мы ведь издалека, из Магадана.

Год или два спустя, как-то случайно, по телевизору я увидела шипящие фумаролы, импозантного Мархинина на фоне вулкана. Диктор торжественно вещал, что большой ученый стоит у истоков жизни на земле.

По дороге у Серноводской заставы тщательно проверяют документы. Едем в гору. Деревья среди бамбука стоят островками. Резкий спуск в кальдеру. В центре - ярко-голубое озеро, словно из медного купороса. Есть еще небольшое кипящее озеро. Там пыхтят фумаролы. По берегу черный сыпучий шлак. Вечером сильный ветер в темноте рвет в стороны языки огня большого костра.

13 октября. У кипящего озера раньше был японский серный заводик. Теперь все в запустении. Поднимаемся на край кальдеры. Везде бамбук. Встречаем магнолию обратнояйцевидную с большими лопатчатыми листьями. Красивая листопадная магнолия мне хорошо знакома по Батумскому ботаническому саду. В природе, на территории нашей страны она распространена только здесь, на юге самого южного острова Курильской гряды. Должна строго охраняться. Внесена в Красную книгу. Но Гордеич нам с упоением рассказал, как местное население

собирает ее листья, лечится от гипертонии. Действительно, магнолия - ценное лекарственное растение. Спасет ее, по всей видимости, только то, что она растет в весьма труднодоступном месте.

Добираемся до гребня и в бамбуке находим самый главный для меня вид – рододендрон Чоноски. Рядом - большие кусты багульника. Странно – он растет в сухом бамбуке. Мы шли целый день до заставы Алехино – не дошли и вернулись. Решили расстаться с вулканологами и идти в Алехино самостоятельно.

14 октября. С утра Мархинин позирует перед камерой. Потом вся компания уезжает. Прячем в бамбуке палатку и идем к морю. Узкий распадок, которым мы спускаемся, хорошо защищен. На противоположной стороне ветер гнет огромные деревья. Здесь он дует, как в трубе. Алеют необычно ярким цветом листья сумаха, краснеют дубы. Огромные березы поднимаются вверх из глубины ущелья. Вьется по деревьям древогубец. Лианы очень толстые. На ветвях ярко-желтые плоды. Дорожка поворачивает в очень глухое, защищенное от ветра ущелье. Здесь деревья особенно высоки. Магнолии, березы, акантопанакс, ясени, маакия. Далее резкий спуск к морю. На берегу картина меняется. Ветер бушует, оборвал листья, намел их в большие кучи. А у самого моря ветра нет, даже припекает. На узком пляже огромные, круглые, обтесанные штормами валуны. Здесь остатки почти разрушенной заставы. На доске надпись, что эта застава охраняется государством. Почему эти обломки должны охраняться государством – загадка. Возможно только потому, что напротив остров Хоккайдо? Нам, на этот вопрос никто не дал ответа. Но мы предполагаем: это связано с тем, что раньше пограничники пользовались конным транспортом, по крутым тропинкам спускаясь к заставе. Теперь все механизировано. На берег моря никакая автомашина не проедет. На узкий берег моря вертолет не приземлится. Заставу закрыли.

Шторм. Идем вдоль берега. Я срываюсь с камня, падаю. Опять будет синяк. Для Андрея это - сигнал смыться. Оставляет папку и уходит осматривать скалы. Я остаюсь наедине с бушующим морем. Вдали в тумане Хоккайдо. Долго жду, досадую, плачу. Где он? Ползу вверх на скалу. Никого нет. Вижу Андрея внизу, сразу успокаиваюсь. Обратный путь идет быстрее. Нас снизу, с пляжа, вносит в распадок сильный ветер, и снова мы в густом огромном лесу.

Озеро. По-японски оно называется Итибасинайо. Вулканологи уехали. Мы одни. Ветер стих. Заготавливаем бамбук, в нем будем ночевать. Спальные мешки увезли вулканологи. У нас только палатка. Ночью опять поднимается ветер. Холодно. Согреваемся спиртом.

15 октября. Тайфун стих. Белые барашки на ярко-голубом озере улеглись. Поднимаемся на край кальдеры. Вдали море. Хоккайдо как на ладони. В проливе кораблики. Живописной тропой идем несколько километров в лесу, а потом спускаемся к морю, любуясь морскими просторами. Пустынный пляж. Вдалеке на берегу застава. Одинокий солдат ходит по берегу, рассматривая дары шторма. Множество цветных разорванных сетей, туфли, старые игрушки! Он на нас не обращает ни малейшего внимания. Застава – маленький домик. При входе большая надпись: «Все, что принадлежит народу, должно охраняться!» Начальник заставы забирает документы. Мы будем ночевать перед заставой, на ее территории не должны находиться посторонние. До вечера можно сходить в лес. Кисти съедобной калины, кизил. Высокая лилия – кардиокринум. На верхушках канделябров большие коробочки, набитые семенами. Огромные боровы – достопримечательность заставы – носом выкапывают лилию, внесенную в Красную книгу… Огромные пихты, ели, магнолии. Лес красоты особенной. Переваливаем через хребет и оказываемся над обрывом, с видом на море. Вдоль берега курсирует крейсер. Поздним вечером нам разрешают выкупаться в горячем источнике. Ложимся в маленькие низкие шестигранные ванночки – фасон, оставшийся после японцев. Распаренные, ложимся на сырые матрацы, которые нашли рядом с заставой. Ночь очень холодная. Дрожим. Засыпаем в забытьи после

изрядной дозы спирта для «сугрева»…

16 октября. Утро. Застава заперта. Никаких признаков жизни. Только в 11 утра совершенно заспанный старшина, окруженный кошками, отдает нам документы. На прощанье еще раз плещемся в ванночках.

14 километров идем до Серноводской заставы. Сначала дождь накрапывал. Потом все сильнее и сильнее. Затем накрыл шторм с ветром. Шальные пограничники с трудом отметили наши документы. На счастье, попалась попутная машина. До самого Курильска поливал холодный дождь. На Речной нам искренне рады. Валентина Семеновна, наша полоумная хозяйка, оказывается, соскучилась и привязалась к нам. Вечером опять размышления: «Завязал Гордеич или развязал…»

19 октября. Сегодня мне 43 года! Целый день пакуем гербарий. Пишем этикетки. Удалось отправить три посылки! Под вечер черная туча накрыла Курильск. Гремели громы, сверкали молнии! Купили круглую бутылку «Гамзы» и торт, отправились к Лазаревым.

20 октября. Пакуем посылку. В избе запустение. Славик спит на полу. Хозяйка выпила горсть транквилизаторов и продолжает ныть: «Славик, где ты?»

Путь к источникам показался коротким. Привыкли. Распадок, темный лес и у каскада теплые воды, ванночки в каменном ложе реки. На источниках пара ученых все время, что мы барахтались, как кайманы, в грязи, трясли колбу, выясняя химический состав целебных вод.

По возвращении обнаруживаем у нас Анну Петровну Сушкину. Они с супругом вернулись с Шикотана. Рассказывает всем о своих приключениях на теплоходе «Андровская». С каждым разом ее рассказ шлифуется. Видимо, войдет в историю.

21 октября. Сегодня последний день на Кунашире. В окружении наших шизофреников зашиваем последние посылки. Сушкины сообщают: «Урицкий» будет в три часа дня. А почта закрыта на перерыв! В темпе укладываем вещи. Нужно успеть отправить посылки. Огромная очередь. Никто не торопится. Приходят преданные Сушкины. Рвутся принять участие в экспедиции, поднести груз, пробить отправку посылок! Ура! Посылки сданы! Напряжение спадает. Последнее «прости». С бутылкой идем прощаться к Лазаревым. Сушкина в четвертый раз кормит нас рассказом о своем путешествии. По поводу названия теплохода «Ольга Андровская» значительно говорит: «Баба есть баба». У нее бравада – она «мужик». Это весьма экстравагантно для пожилой дамы и ее бледного, худого и послушного мужа, безропотно сопровождающего ее в этих далеких турне.

Нужно спешить. Месим грязь до пристани. Но там никто ничего не знает. Сушкина мечтает познакомиться со знатной рыбачкой. Идем к ее разваленному домику рядом с причалом. Хозяйка под большим градусом. Сушкина и рыбачка бросаются друг другу в объятия. «Я мужик» – кричит Сушкина, «и я мужик», – вторит ей рыбачка. Анна Петровна рассказывает о своем участии в челюскинской эпопее, но хозяйка еле соображает, качается. Оставляем Анну Петровну закреплять знакомство. Люди тащат с пригорка чемоданы. Начинается посадка на плашкоут. Пограничный досмотр. В море высокая волна. Сильно качает. Плашкоут подбрасывает на высоту в два этажа. Объявляют, что по случаю непогоды на Шикотан заходить не будут. Трап катается по плашкоуту. Нужно вовремя заскочить. А мы нагружены! Как-то это удается. Мы на корабле! Нас помнят, встречают! Вдали в темноте видны огоньки Курильска. Теперь наша жизнь потечет в ритме: ужин, кино, сон!

23 октября. Идем на север. К вечеру у Парамушира темно-серые тучи низко висят над кораблем. Пейзаж почти северный. Если бы не кратеры, мрачные разломы – все было бы точь-в-точь как на Чукотке. Везде тундра. Японский аэродром пришел в негодность. Всю зиму

сообщения вообще не будет. Только раз в неделю, а чаще всего реже, катер с Камчатки будет привозить почту. И все. Уже третьи сутки красиво живем. Но завтра мы придем в Петропавловск, и конец отдыху.

24 октября. Утро. Медленно идем вдоль знакомых берегов Авачинской бухты. Листья облетели. В природе ясность и строгость. В Петропавловске меня ждет телеграмма. Оказалось, мою заявку на монографию приняли. Необходимо сдать рукопись до Нового года! А улететь в Магадан мы можем только через неделю! Нет билетов!

У Дьяконовых в «теремке» ночует одновременно до шести человек. Гости, веселье, разговоры. Устали.

Самолет взмыл. Под нами все бело. Через три часа под крылом вижу заснеженный полуостров Кони, залив Одян, Атарган. В Магадане давно зима».

До конца декабря я работала над оформлением монографии «Рододендроны Дальнего востока, структура и морфогенез». Это было сверхнапряженное время. Нужно было успеть во время сдать рукопись в издательство «Наука». Андрей мне помогал. Был действительно настоящим ответственным редактором. Но ворчал, хотел заниматься своими делами. Я очень устала, но успела в срок.

Поездки 1978 г.: Август: Магаданская обл. (Верхнеколымский стационар «Контакт», Армань). Сентябрь: Камчатка (Эссо, Пиночево, окрестности г.Петропавловска), остров Кунашир (г. Курильск, вулкан Менделеева, кальдера вулкана Головнино, застава Алехино).

Публикации 1978 г.: У Андрея вышло шесть печатных работ. Три по флористике, три на эволюционную тему. В «Журнале общей биологии»: « Изменение образа жизни растений в онтогенезе», «Эволюция эмбрионизации у растений».

1979 С начала 1979 года, одновременно с работой над «Флорой Магаданской области», Андрей работает над монографией «Эволюция жизненных форм растений». Чтобы объективно оценить работу сотрудников лаборатории, Андрей разработал коэффициенты оценки. Доктор наук должен выполнить наибольшую работу, старшие научные сотрудники – несколько меньшую, и так далее по нисходящей. Это организует коллектив. Андрей показывает им пример.

Борьба за первое место среди лабораторий института приобретает форму игры, азартного спорта. Мы второй год на первом месте!

Андрей уехал в командировку «на материк», работать в гербариях. Я радостно ему сообщаю: «Наша лаборатория вырвалась вперед и получила 170 очков. Орнитологи 130, а остальные – 70-90, а Берман – 32 очка!»

Кроме радостных сообщений, были и тревожные. Я отправила рукопись своей монографии в Москву посылкой, в срок. А она пропала. Уже январь. Андрей прилетел в Москву, а рукописи там нет… Я хожу на почту, выясняю. С удивлением работники почты мне сообщают, что пропадают в основном меха, а бумажки никто посылками не высылает. Действительно, в «Науку» все работы посылалось бандеролями. Работники издательства за посылкой не пошли. Андрей мне звонит, успокаивает: «У тебя ведь есть черновик, второй экземпляр». Я ему в ужасе: «Загнанных лошадей застреливают, не правда ли?». Подумать о том, чтобы этот рывок повторить – было немыслимо. Главное – рукопись нашлась.

Зимой мы возились с работами Юрия Павловича Кожевникова. Он издавал депонированную монографию. Кроме того, прислал в чукотский сборник огромную статью. Часть работы пришлось делать мне, оформлять документы, редактировать. Юрий Павлович все наши магаданские годы требовал к себе большого внимания, заваливал Андрея письмами и

рукописями. Андрей, хоть и ворчал, но, чувствуя глубокую увлеченность Ю.П. ботаникой, выполнял все его просьбы.

Юрий Павлович был постоянно неудовлетворен, жаловался на свое трудное положение в Ленинграде. Андрей хлопотал, хотел его устроить к нам в институт на работу. Но Контримавичус был не намерен устраивать Кожевникова в свой, то есть наш, институт. Прежде всего, потому, что тот испортил отношения с Борисом Юрцевым, которому Контримавичус симпатизировал. Да и сам Юрий Павлович не был намерен менять свое прочное и удобное положение в Ленинграде. В дальнейшем, при каждой встрече с Юрием Павловичем, я выслушивала его намерение уехать в очередное место, прекрасно понимая, что никуда он не уедет, а будет жить в Ленинграде.

Андрея выматывало постоянное недомогание. В мае ему делают кардиограмму. Давление 160 на 90 и диагноз: атеросклеротический кардиосклероз… Несмотря на это, работал он с особенной энергией.

В мае мы с Андреем организовали в геологическом институте СВКНИИ чтения в честь Ж.Б.Ламарка. Отмечали юбилейную дату выхода «Философии зоологии». Андрей посвятил свой доклад взглядам Ламарка. Он так увлекся, что написал по этому поводу статью. Эту статью в виде главы он включил в свою книжку по эволюции биоморф растений. Но она, к сожалению, в книгу не попала.

В начале июня мы работали на Атаргане, недалеко от поселка Ола на побережье. Там, где мы с Андреем были весной 1974 года. На сей раз в отряде ботаники – я, Андрей, Света Ершова и энтомологи – Эрих Матис и Витя Ведерников. Матис – средних лет, невысокого роста, тихий и аккуратный, возглавляет в нашем институте энтомологическое направление. Витя – молодой специалист, худощавый, с маленькой, очень круглой головкой. Большие круглые очки дополняют впечатление стрекозы. Нас сопровождает учительница биологии из поселка Ола. Она когда-то хотела устроиться в наш институт, но единиц не было. Устроилась преподавать биологию в поселке Ола. Учительница надеется снова заниматься кедром, кедровым стлаником и поступить на работу в наш институт. На Атаргане она устраивает нас к своим знакомым. Семья большая, простая и шумная. Мы в теплоте и тесноте, но не в обиде. Сильно мучают клопы.

В полном составе идем в маршрут на мыс Харбис. С самого начала обнаруживается: учительница одета не по-полевому, без брюк и сильно отстает. Андрей, как всегда, не обращает внимания на окружающих. Прошли 10 километров по косе, затем берегом. Андрей выбирает небольшой крутой распадок для подъема на горную тундру. Отсюда мы начнем подъем вверх, на тундру и будем спускаться по другому склону, к выступу мыса Харбис.

Энтомологи остаются внизу. На подъеме трудно, приходится хвататься за ветви, напрягаться. Скользит сухой вейник, тащит вниз. Учительница еле ползет и не решается жаловаться ни мне, ни тем более Андрею, который по привычке вырывается вверх. Толстые сережки каменной березы раскачиваются, прямо в нос летят фонтанчики желтой пыльцы. У меня аллергия. Тру глаза, чихаю, но ползу. Под нами необычайно красивое синее море с белыми чайками. Через залив вдалеке виден весь заснеженный остров Завьялова. Мыс Атарган сверху формой напоминает муравья.

Магаданские раннецветущие растения

Еще одно усилие, и мы на горной тундре. Пологие склоны, небольшие снежники, рядом лужки, щебнистые плато. Глядим на кустарничковую тундру – глаза разбегаются. Пятна белых цветов – диапенсии, колокольчики брусники, голубики, белые кассиопеи, розовые куртины рододендрона лапландского. Все сияет. Пронизывает холодный ветер. Света с учительницей в стороне, она все время отстает. Я их поджидаю. Андрей досадует.

По крутизне морского склона начинаем спуск к мысу Харбис. На небольших полянках белеет нежными головками дриада аянская. Так круто, что нам приходится ехать на «пятой точке», вниз, как на санках, по сухому вейнику. Сверху не видно, есть ли тропа у мыса Харбис или нет. Андрей предполагает, но до конца не уверен. Меня тревожит, пройдем ли мы берегом со слабой учительницей, если на берег наплывет прилив. Спорим, а тем временем учительница полностью обессилела и на каждой полянке ложится, говорит, что в институт работать не пойдет. Идти она уже почти не может. Я уговариваю Андрея идти обратно вверх, как бы это ни было трудно. Нужно откуда-то брать силы и идти обратно. Что мы и делаем. На вершине не задерживаемся и с полуобморочной учительницей начинаем спуск. Обратный путь знакомый, но очень непростой. Особенно трудны последние этапы. Энтомологи поднимаются по распадку и буквально подхватывают на руки несчастную женщину, спускают вниз. Мы у берега. Но еще нужно пройти несколько километров до поселка.

Нужно собираться в дальние летние экспедиции. Запланированы работы в поселках по среднему течению реки Колымы с забросами в горы Колымского нагорья.

Наш сын Павел сможет прилететь только 25 июня. Ждем из Москвы и Олега Тузова – студента МГУ, который был у нас на практике в прошлом году. Поэтому, мы на неделю едем на Сплавную.

Из дневника: «**19 июня.** Состав группы: я, Андрей, Света Ершова (Константинова), Оля

Иконникова и Витя Ведерников.

Останавливаемся на надпойменной террасе одной из проток реки Хасын. За протокой - чозениевые рощи в весеннем наряде. Лиственничники полностью сведены. На горизонте - синие силуэты гор с полосками снега в распадках.

20 июня. С утра пасмурно. Мы со Светой остаемся закладывать гербарий, остальная группа сплавляется вниз на красной резиновой пироге. Целый день идет проливной дождь. В шесть пришли все промокшие до нитки. Нашли росянку и клюкву четырехгранную.

21 июня. Непогода. Унылая картина. Я, Света и Андрей идем вверх по Хасыну. На лугах цветущие черные рябчики, синяя мертензия. Пенье птиц. Кукование кукушки. Стареющие тополя исполинами стоят над лесом. В тихих старицах отражается черемуха. Она перевивается стволами, ложится, укореняется. Есть места, где темно. Набредаем на полянку ярко-алой цветущей грушанки кровянокрасной – «колымский ландыш», так ее здесь называют. Крупные лиловые цветы княжика охотского густо обвивают ивы на опушках леса.

Недалеко аэродром «56 километр». Взлетающие самолеты разрывают облака. К вечеру снова сильный дождь.

22 июня. Весь день со Светой закладываем гербарий. Остальные в маршруте. Серо. К вечеру развеялось. Сопки на горизонте темно синеют. Одна имеет форму вулкана. Свежо и тихо.

Вечерами перед сном играем в шарады. Победила шарада Светы Ершовой: Чай. Стул. Хина. А все вместе: «Частухина». Дело в том, что в нашем институте работает молодая, способная, веселая, и совсем не «хина» Света Частухина.

Рядом сельскохозяйственные угодья. Вместо комаров в палатку набиваются мухи. Они не кусают, как известно, но противно ползают, щекотят, летают. Ловим их. Андрей пользуется своим испытанным методом – поджигает свечкой. Но если комары маленькие, быстро сгорают под пламенем, мухи – более крупные, сразу не сдаются… Оля Иконникова не принимает участия в этой кампании, тяжело вздыхает.

23 июня. Зато утром на рассвете Оля первая ушла за черемухой на букеты. В Магадане черемухи нет. Наконец после сплошных дождей ясное утро. Все умыто. Так обидно уезжать. Днем даже удалось позагорать.

26 июня. Магадан. Встретили Павла. Ждем Тузова. Сообщил: прилетит прямо в Сеймчан. Поэтому улетаем вчетвером: Андрей, Павел, Света и я.

Перед отъездом на все лето мы в заботах о полевом оборудовании. Холодный ветер метет пыль между серыми коробками домов. Идем на склад.

После Сплавной нужно разобрать вещи. Расстилаем, проветриваем, выворачиваем наизнанку палатку, из которой неожиданно на просторы столицы колымского края вылетают тысячи мух.

Теперь нужно собраться на все лето. Мы давно знаем наизусть, что нам нужно взять. Распределяем вещи между членами отряда, упаковываем в баульные мешки, во вьючные ящики. Закупаем продукты, получаем спирт. Нужно так упаковать вещи, чтобы не было лишнего, ведь все тащим на себе. Долго раздумываем, брать – не брать войлок, чтобы постелить на пол палатки. Решаем взять. И в этот войлок укутываем канистру со спиртом. Необходимый запас – разменная монета в экспедициях.

Наконец, куплены билеты до Сеймчана, заказывается машина в аэропорт.

27 июня. В аэропорту на погрузке с пристрастием просматривают вещи. Злая тетка на регистрации в лоб спрашивает меня: «Что там в кошме?». Я признаюсь: «спирт». И тут

началось. «Его нужно сдать в багаж», – говорит. Если сдадим – значит, обязательно украдут. А самолет уже стоит. Что делать? На глазах у тетки распаковываем вещи, вытаскиваем канистру. С ней Света уезжает обратно в Магадан. Она планирует до следующего, вечернего рейса купить пластиковую канистру и провезти в ней спирт. Мы улетаем. Света успела все сделать. На посадке она передала свой чемодан со спиртом транзитному пассажиру, и он его преспокойно пронес! Тетка не верила, следила. Через 40 минут мы встретили Свету в Сеймчане. Её попутчик отдал чемодан и улетел.

28 июня. Базируемся на лесоохране. Ставим палатку в лиственничнике, рядом с парашютной вышкой. Вечерами к нам на чай приходят сотрудники лесоохраны и начальник лесоохраны Володя Киреев.

Сразу договариваемся о лодках, вертолете и др. Киреев готов нам оказать всяческую помощь.

29 июня. Ждем Тузова. На лесоохране есть и плавсредства. В ясный день на моторке переплываем полноводную Колыму. Жара. Весь день ходим по красочному склону, собирая мелкие подушки, флоксы, душистый тимьян, словно где-то в степи. Внизу Сеймчан, аэропорт и бурная в разливе, мчащаяся Колыма как на ладони. За ней зеленеет огромная долина, на горизонте синеют горы.

1 июля. Наконец дождались Олега. Сразу улетели в Рассоху. Далекий поселочек на севере, куда летает за два с половиной часа Ан-2.

Поселок – это одна широкая улица, разъезженная вездеходами. По обочинам стоят добротные избы. Эвены на кочевке. За поселком большой, пустующий кораль. Избы не заперты, в них пусто. Но одна изба вполне обжита. В ней бойкая старушка Настя варит самогон, продает.

3 июля. Заняли полуразваленную избушку. Из маленького окна открывается вид на кораль, а за ним - степные склоны.

Жизнь идет в обычных ритмах: экскурсия, закладка, перекладка и опять сборы. Андрей ходит в маршруты почти каждый день, а остальные поочередно.

7 июля. В окрестностях Рассохи высоких гор и, соответственно, горной тундры нет. Эвены выпасают стадо оленей на горе Конус. На стоянку эвенов отвез вездеход. Ночевали в чуме. Эвены с утра до вечера бегут за огромным стадом. Труднейшая жизнь.

10 июля. Из Рассохи перебросились в поселок Ороек, на границе Магаданской области с Якутией. Нас встречает стройный, голубоглазый, с приятным, несколько женственным лицом, белокурый Володя Щеглов. Они с Киреевым друзья, заядлые охотники.

Лесоохрана, куда нас устраивает Щеглов, – небольшой домик на берегу Колымы. Вокруг неказистые избушки, где ютятся в основном бичи. Рядом с лесоохраной большая вертолетная площадка. Сюда самолеты не летают. Везде грязь и запустение. Живем вповалку в одной комнате лесоохраны, куда по утру приходят лесники и долго играют замусоленными картами.

Отношения в поселке вполне домашние. Через несколько дней нас все знают и оказывают всяческое гостеприимство. Но главный наш благодетель - Щеглов. То рыбку вяленую - уек (мойву) - принесет, то мясо сохатого. Тут на сохатого ходят, кажется, все.

Тузов задирает Свету. Он груб и неприятен. Все время чем-то недоволен, что вносит в наш маленький коллектив напряжение. Спальные мешки, в которых мы спим, лежат рядком. Ночью Света храпит. Олег ее грубо обрывает, Света плачет. Андрей помалкивает, хотя, видимо, у него со сном тоже не все в порядке.

Щеглов дает нам лодку, своего сотрудника Володю Обоева. Он возит нас вниз и вверх по реке на

экскурсии.

1 августа. Из Оройка на барже поднимаемся вверх по Колыме на Коркодонскую метеостанцию. Ночами холодно. Баржа медленно ползет вверх. Кажется, что стоим на одном месте. Медленно мимо проплывают в сумерках белой ночи красивые берега, покрытые лиственничником. Впереди виднеется «Палец» – высокий останец, у которого камни выветрились так, что вверху остался только острый пик.

3 августа. Метеостанция находится у впадения Коркодона в Колыму, в одной из её проток. Это добротный рубленый дом, в котором живут молодые супруги Селифановы. К своим обязанностям они относятся с большой ответственностью. Через каждые два часа отправляют данные, отстукивая морзянку. Метеостанция – бойкое место, что-то вроде клуба. Сюда заходят все без исключения баржи, следующие вниз и вверх по Колыме от Сеймчана до Зырянки. Все капитаны – друзья метеорологов.

Степные склоны Колымы

8 августа. Селифанов на лодке возит нас на степные склоны. Стоит прекрасная погода. Нам удалось обследовать большое пространство. Пойма Колымы широкая. Заболоченные лиственничники, кочкарные болота, постоянно залитые водой ивняки с осокой, старицы. Есть и настоящее озеро. Селифанов рассказал нам, что там водились прекрасные карпы, но метеорологи глушили рыбу, и теперь ее нет.

10 августа. Хребет Кудлей тянется вдоль Коркодона. Забираемся на хребет по крутому склону, поросшему редкой лиственницей. Обливаемся потом, не решаясь снять штормовки. В этих местах особенно много комаров. На вершине хребта причудливые известняковые останцы, маленькие, не сравнить с гигантами на Таскане. Ветер разогнал комаров, сразу стало холодно. Открылся вид на разливы Колымы, горы. Внизу вьется лента Коркодона. Лодка Селифанова медленно поднимается вверх по реке. Сверху она сначала кажется маленькой точкой. Мчимся вниз, чтобы лодочник нас заметил. Гремит выстрел, отдаваясь эхом на склонах. Пока мы спускались, Селифанову удалось застрелить большого лося. Лось лежит в воде у берега, и Селифанов пытается его причалить. Нужно помочь. Туша очень большая. Но Андрей насупился. Не подходит.

11 августа. Стоит жара. Колыма сильно обмелела. Баржи не ходят, а нам нужно подняться в Сеймчан. Мы перекочевали на берег Колымы. На высоком берегу Колымы поставили палатки.

Загораем у кромки воды, иногда окунаемся. Утомительное ожидание. Гербарий высушен. Андрей опаздывает в Хабаровск на Тихоокеанский конгресс, но не очень волнуется. Ему здесь, на природе, нравится больше. Тузов все сильнее мрачнеет и хамит.

Курилы. У острова Шикотан

Однажды к нам приплыл на катамаране из пустой бочки рыбак. Хотел узнать, когда же будет баржа. Таким же путем он уплыл вниз в Ороек.

16 августа. По-прежнему жарко. Охотник Антон, наш старый знакомый, предлагает свозить на свой остров на Коркодоне, там он делает массовые заготовки черной смородины-дикуши, зимует и охотится на соболя. Сказал, что возьмет для заготовки смородины бочку. Летом он сдает ягоду на пункт приема в Сеймчане. Меня, Свету и Тузова Андрей отпускает. Плывем вверх по Коркодону. По берегам - сказочной красоты лиственничники. Нетронутый остров Антона зарос высоким тополевником. Здесь густые, обильно плодоносящие заросли смородины-дикуши. Не зря ее называют алданским виноградом. Ягоды крупные, темные, в больших кистях. Антон деловито берет бочку и большой овальный банный таз. За ушки привязывает веревку и вешает себе на грудь. Подходит к кусту смородины и ударяет по ветвям. Ягоды ссыпаются в шайку. У нас со Светой так ловко не получается. Антон собрал целую бочку. Мы также довольны сборами.

Едем обратно. Холодно. Пронзительный ветер дует как по трубе. На реке барашки. Погода портится. Ягоды вскружили голову Тузову. На рассвете следующего дня он покинул наш лагерь и ушел жить на метеостанцию к Селифанову, собирать ягоду. Хочет заработать. Андрей нам по этому поводу сказал: «Так будет всем нам спокойнее». Действительно, Тузов всех нас держал в напряжении.

20 августа. Льет проливной дождь. Колыма вздулась. За несколько часов уровень в реке поднялся на несколько метров. Исчез пляж, исчезла лестница, сделанная нами на обрыве к реке. Начался сильный паводок. Огромная река в разливе мчит серые стремительные воды. Противоположный берег едва просматривается.

Мы оказались на острове. Вокруг все залило водой. Как сохранить сухим гербарий, и останемся ли мы вообще живыми? Река гудит. Собака, прибившаяся к нам, лает на плывущие совсем рядом

вырванные с корнем деревья. Неожиданно подплывает на лодке Тузов за своей бочкой с ягодой. Андрей тихо и деликатно говорит ему: «Как нам быть? Нужно спасать гербарий». А тот в ответ: «Пропадайте вы тут к чертовой матери!» И уплывает.

Вода прибывает. Андрей с Павлом пошли искать деревья, куда можно привязать гербарий, если вода затопит остров. Ивняк слабый, гнется.

Неожиданно далеко внизу по реке видим белое пятно. Потом все явственнее и явственнее. Глазам не верится. Из Зырянки, как только вода поднялась, отправили в Сеймчан баржу с грузом. Баржа! Это спасение! Баржа все ближе. Решаем сигналить из ракетницы. И правильно делаем. Капитан думал, что мы ягодники, собирающие смородину. Баржа пришвартовывается к нашему островку. Капитан узнает Андрея. Он плавал с ним на Омолоне в 1976 году. Два дюжих матроса грузят нашу бочку с ягодой на баржу. Через нескольких минут мы покидаем островок. Еще некоторое время мы переживаем чудесное спасение. Хриплый голос Высоцкого раздается «по окрестным берегам». Можно отдохнуть».

Вдоль реки видим знакомые берега, степные склоны. Через два дня мы снова в Сеймчане.

В конце августа мы работали в окрестностях Сеймчана, в пойме Колымы. Андрей опоздал на конгресс, но не жалел.

В сентябре мы снова на несколько дней ездили на Атарган. Полевые работы на этом не закончились. Андрей со Светой Ершовой и Евгением Тихменевым забрасывались на запад по побережью Охотского моря на Монтеклейские горячие ключи.

В начале ноября очередной раз нас гоняли на овощную базу перебирать гнилую капусту, сложенную в мешки. Капуста – не картошка. Тут своя специфика. Прежде всего – это дефицит. Нужно очищать вилки от гнилых листьев. Андрей относится к этой работе с большой ответственностью. Но за свой труд всегда берет натурой. Два вилка ему удалось принести домой. Хорошо, что не поймали. Я всегда волновалась. А он упрямо всегда отбирал несколько, но лучших: то картофелин, то луковиц.

После демократической Кубы нам разрешили посетить и капиталистические страны. Мы купили путевки в круиз по юго-восточным морям. Нас ждут тропики, Япония! В те, уже далекие времена поездка в капиталистические страны была дорогой. Попасть в такую поездку очень трудно. Мы не пожалели денег и оказались в каюте первого класса.

Из дневника: «**12 ноября.** Сначала Хабаровск. Снега нет. Но холодно.

В большом холле центральной гостиницы установочная лекция. Стращают, предупреждают: ходить только тройками, чуть ли не взявшись за руки.

13 ноября. Находка – порт отправления. Снега нет. Ветер. Изнываем. Небольшой теплоход «Приамурье» готовится к дальнему плаванию. Наконец, проходим таможню и поднимаемся на теплоход. Раздается марш «Прощание славянки». Пароход отчаливает и набирает скорость. Огни Находки исчезают. Начинается сильная качка.

14 ноября. Весь день в море. Штормит. Проходим Сонгарский пролив. Серые скалы. Тучи. Холодно. Идем на юг вдоль берегов Японии. Вдали светятся города. Качает.

15 ноября. Утром заходим в величественный Токийский залив. Над нами один за другим взлетают в небо «боинги». Вдали морской порт в виде огромного корабля. Швартуемся в гавани Хоруме. Полдня стоим на палубе, изнываем. Перед нами серый дом, грузчики в респираторах и белых перчатках грузят цемент. Наконец нас везут в город.

Везде огромные развязки. Узкие тротуары и знакомые мне с детства деревья: гинкго, камелии,

все японское и только японское.

Официальная программа. Везут на фирму «Тошиба». Здесь царство электроники. В огромном холле что-то вроде люстры переливается всеми красками под тихую мелодию. В большом зале маленькая красивая японочка держит в руке стальной грибочек. На экране выстраиваются квадраты с видами Японии. Чудеса техники и гармонии.

Только после ужина дают свободное время. Отпускают тройкой. К нам прилепилась Раечка – женщина с длинным, лошадиным лицом, назойливая. Ее муж – партийный функционер в одном из поселков на Колымской трассе. На главной улице Гинзе знаменитый театр Кабуки. Любуемся маленькими витринами, чистотой. В конце улицы удается посидеть в тихом скверике. Ирисы обрамляют маленький прудик. Вода льется по маленькому каскаду. Японский садик. Рядом гудит огромный город. Здесь, в тихом местечке, город кажется за экраном.

Токио

17 ноября. Подъем в 6 утра. Экскурсия в горы Никко. Долго, очень долго выезжаем из города. Трудно провести границу, где кончается Токио, и где начинается пригород. Вдоль современных улиц несколько раз видим сваленные в кучу каменные фонарики. Здесь раньше были японские садики. На каждой улице флажки возвещают распродажу подержанных машин: все улицы запружены ими. Для нас это небывалое зрелище. Школьники в желтых шапочках, взявшись за руки, идут в школу. За городом - маленькие сады. В них одно-два мандариновых дерева, хурма, вся в желтых плодах. Дороги платные. То и дело останавливаемся у кордона, где наш шофер на ходу отдает талончик.

После 2,5 часа езды начались предгорья. Натуральные леса из криптомерии японской. Остановка у огромной автозаправки. В магазине красивые повседневные товары. Детские игрушки очаровательны. Мандарины уншиу, крупные, величиной с маленький апельсин, висят рядами в сеточке, словно желтая гирлянда. Решаемся купить и попробовать, что вызывает удивление у наших спутников. Нам ведь разменяли на все страны только 30 советских рублей. Деньги берегутся как зеница ока для Сингапура, где можно что-то купить из «тряпок» и выгадать.

Впервые удается сбегать в лесок на несколько минут. Вижу в диком виде абелию, поэрарию и заросли энкиантуса. Выше – хвойные леса. Маленький, как с картинки, город Никко. Все тут дышит древностью и патриархальностью. Люди одеты скромно, по-европейски.

Огромная долина, покрытая лиственным, уже безлистным лесом. Священные обезьяны не боятся людей. На гору Никко поднимаемся по 48 знаменитым серпантинам-виткам. Едем круто вверх. Качество дороги идеальное. Вдоль дороги обрывы покрыты сетками. Городок у большого озера. Холодно, но снега нигде нет. В туристическом центре полно народу, в основном молодежь. Все очень чисто, никакого шума. На жаровнях лежат необычной формы моллюски.

В программе – водопад. Спускают вниз на огромном лифте. Смотровая площадка может вместить несколько сот человек. А водопад ниже среднего. Струйка стекает по скалам. Может быть, потому, что глубокая осень? Обед в ресторане на берегу озера. На тарелке всего очень мало. Маленькая рыбка форель, несколько горошин. Все красиво. Рисовый хлеб очень свеж.

Свободного времени нет. Отсюда никуда в сторону не выберешься.Обратно вниз спускаемся по другой дороге. Те же витки, так же ограждена дорога от падения камней, и мы снова в Никко. Дают возможность пройти по территории буддийского храма. Андрею удается собрать первый гербарий. Идем по длинной аллее криптомерий с огромными стволами. Ярко-красные крыши пагод украшены драконами. Монахи в белой одежде. Народу много, но экстаза на лицах я не вижу.

Обратный путь в Токио затягивается. Едем медленно, в темноте. Бесконечные пробки. Уйма машин.

18 ноября. С утра везут в императорский дворец. Несколько низких сосенок изящно изогнулись, как будто бы под ветром. Огромные, широкие магистрали украшены орнаментами из цветущих хризантем, обрамленных вечнозелеными приземистыми кустами гардений.

Посещаем огромный, почти дикий парк в центре города. Густые рощи вечнозеленых мирзинолистных дубов, говения сладкая роняет ветви с мясистыми плодоножками. Поют птицы. В синтоистский храм привели красивых маленьких девочек в кимоно на освящение. Так и хочется сказать – крестины. Андрей убегает в лес. На дороге подметает дворник, не обращающая никакого внимания на Андрея, лихорадочно собирающего на обочине папоротники и запихивающего их в карманы. Моросит дождь. Андрей приходит весь в грязи.

Следующее по программе – обзор города с токийской телевизионной башни. Внизу в холле стоят восковые фигуры самураев. Очень натурально. Комфортабельные лифты поднимают вверх. Из обзорной башни видны бесчисленные улицы, 3-6 - ярусные развязки дорог. Очень много зелени!

И снова свободное время. Теперь мы немного освоились, освободились от Раечки. Сегодня воскресенье. Торговый день. Поэтому Гинза полностью отдана пешеходам для посещения магазинов. В огромном количестве сувениров находим цепочку с крестиком. Его, оказывается, нельзя покупать. Мы – советские люди, должны числиться атеистами, так объясняет Раечка. Думаю припрятать. Говорят, могут отобрать на таможне. Идем вдвоем мимо игровых автоматов, которые видим впервые, мимо кафе, где девушки миловидно и бесконечно кланяются перед молодыми людьми. Жизнь, своя японская жизнь кипит на Гинзе.

В 15 часов все уже на теплоходе. Проверки. В 18 отчаливаем. Буксир тянет нас из гавани, а потом набираем скорость, и Японские острова остаются вдали. Темнеет. Штормит.

19 ноября. Шторм. Весь день лежим. Качает. Добываем с трудом немного газет для закладки гербария. Как хорошо, что у нас отдельная каюта. В дело идут и глянцевые проспекты, что нам

дали на «Тошибе». Обнаруживаем, что там Курильские острова причислены к Японии!

20 ноября. Идем на юг. Стало тепло. Наполнили бассейн. Развлекают самодеятельностью. Сегодня день группы из Узбекистана. Потрясли богатейшими подарками капитану и команде.

21 ноября. Шторм 8 баллов. Тепло. Загораем. За бортом летучие рыбки. Поздний вечер. Мы стоим на носу. Корабль разрезает воду, поднимая волны. Завораживающее зрелище. Небо расцвечено яркими звездами. Андрей удивляется: «Те же созвездия, но на новом месте». А главное – Южный Крест. Он тоже ясно виден. Тихий океан – не пустынное место. То и дело в темноте появляются, словно пасхальные пироги, ярко освещенные многопалубные теплоходы. Наш корабль меняет курс. Получен сигнал «SOS». С палубы в темноте, как в театре, виден тонущий корабль. К нему подходят несколько кораблей. Штормит. Лодка не заводится. Дают красную ракету. Наконец, лодке удалось подплыть. Люди спускаются по веревочному трапу. Лодка отплывает к японскому кораблю.

23 ноября. Мы на Филиппинах. Манила. Внизу у корабля пестрая толпа молодых людей бросает нам монетки и просит в ответ наши. Играет оркестр с огромной трубой. Каждого одаривают ожерельем из душистых неизвестных цветов. Быстро рассаживают в автобус. Пересекаем город в основном с двухэтажными, ничем не примечательными домами. Реже встречаются высотные квадраты домов, обрамленные обширными газонами, шпалерами из разноцветных бугенвиллей. Везде кокосовые пальмы. Много открытых бедных лавчонок. В грязных канавах барахтаются дети. Улицы запружены небольшими, ярко раскрашенными джипами с картинками и трогательными надписями. Например: «О, papa!», «О, mama!» На капоте маленькие фигурки серебристых коней. Везде торгуют кокосами и ананасами. Как только автобус останавливается, собирается толпа с сувенирами из ракушек, куколок и других безделушек. Орут, их отгоняют полицейские.

Едем на юг. Проезжаем несколько маленьких городков, где жалкие лачуги находятся рядом с комфортабельными двухэтажными домами. Как и в Маниле, много католических храмов. На домах тоже кресты. Все зелено. Жара. В автобусе нет кондиционера. Буйволы обреченно жуют жвачку. Предгорья в дымке. После двухчасовой тряски по жаре – невысокие горы. Привезли к местечку Пагасан. На маленькой пристани у темно-коричневой быстрой реки посадка в длинную лодку. Гребец на корме, а в центре лодки помещаются только три туриста. Рядом неизменная Раечка. Возможно, ей поручили следить за учеными. Но у Андрея идеальное алиби. Он собирает только растения. Ни с кем не заговаривает.

На стремнине реки за банку сока уговорили не ехать на водопады, а пойти в лесок на берегу. Андрей на скале собирает папоротники. Раечка терпит. На водопады мы уже не попадаем. Лодка разворачивается, подключается к веренице других, плывущих на большой скорости вниз. В ресторане беспорядок. Шведский стол. Кулинария своеобразная. Острые подливы, пресный рис, вареная капуста с каким-то вьюнком, приторный соус из бананов, водянистые арбузы.

После обеда удалось побродить по скверу. Андрей нашел канаву, в ней набрал множество папоротников. В восторге!

Возвращаемся в Манилу. Провозят по улицам, не открывая дверей автобуса. Мы под охраной. У изысканного магазина успеваем собрать растения на стене и купить половинку тридакны. Темнота наступает мгновенно в 6 часов. В город вечером не пускают.

24 ноября. Экскурсия по Маниле. Форт Сант-Яго с казематами и музей, связанный с памятью о народном герое Хосе Рисале. Перед музеем – парадный сквер с тропическими деревьями, многие из которых в цвету. Огромный квадрат международного центра выстроен японцами. В гигантском холле – люстра на весь огромный потолок. В полный рост портреты маслом

президента Филиппин Маркоса и его супруги.

Демонстрируют документальный фильм об истории Филиппин. В конце фильма большой портрет Мао Цзедуна (в знак дружбы с Китаем) и Подгорного (в знак дружбы с СССР).

Привозят на закрытый рынок. За воротами охрана. Мир изысканных сувениров. Андрей в азарте накупил раковин, среди которых одна особенная, маленькая, вся колючая.

25, 26 ноября. Загораем на палубе. Штормит. Развлекают, устраивают спортивный праздник. Наша магаданская группа такая азартная, что мы, несмотря на огромные тела узбеков, перетянули канат. Очень этим гордимся.

27 ноября. Утром просыпаемся как обычно, но на улице еще темно. Астрономическое время не совпадает с судовым. 6 часов. Стоим в заливе Кучинг у острова Калимантан (Борнео). Изрезанные красивые берега сплошь покрыты мангровой пальмой ниппой с огромными листьями. Андрей возбужден, долго фотографирует.

С корабля видна китайская деревня рыбаков на сваях. Протоку заполнили маленькие суденышки. В Кучинге дома, в основном двухэтажные, еле выглядывают из зелени рощ огромных разнообразных пальм, очень высоких деревьев. Вдоль улиц полянки, заросшие злаками, выглядят так же, как лужки в Подмосковье. Забавно наступать на траву стыдливой мимозы. Она тут же складывает свои сложные листья. То же самое было и на Кубе. Мимоза – сорное растение! Открытые лавки изобилуют плодами: ананасы, бананы, дурьян. Много неизвестных плодов, среди которых букеты с красными «шишками» рамбутана.

Китайский храм без дверей, весь расписан драконами. Преобладает красный цвет. Андрей бегает вокруг и собирает все, что может, в основном папоротники. Пакет быстро набивается. Времени нет. Газеты добываем с трудом, в основном на улицах.

Везут к музею. Мы с Андреем ходим вокруг музея, собираем, копаем. На улице экспонаты из жизни племен Малайзии. В скале вырублена фигура охотника. В программе посещение огромной мечети с золотыми куполами. В мечеть впускают и женщин. Андрей говорит, что здесь настоящая дружба народов, терпимость к вероисповеданиям.

Обедаем в огромной беседке. Шведский стол. Грузины брезгуют. Кто-то пустил слух, что самое вкусное блюдо – это змея. Вполне вероятно. Раздают букеты с рамбутаном. Внутри мохнатого плода – скользкая, еле сладкая косточка. Во время обеда Андрей уходит. Я волнуюсь. Тут очень строго с посадкой в автобус.

Везут в даякскую деревню под названием Лонгхауз. Только недавно тут исчезла оспа. Огромные деревья вдоль шоссе. Везде рощи пальм. Углубляемся в лес, едем горной дорогой. Где-то вверху, очень высоко, зеленым шатром смыкаются кроны деревьев. Почти темно. Ярко-красные откосы лишены растительности. На стволах много эпифитов. Проезжаем мимо плантаций черного перца. Они небольшие, с трудом отвоеваны у буйного тропического леса. Невысокие опоры обвиты маленькой слабой лианой. Вьется горная грунтовая дорога. В основании деревьев – огромные досковидные корни, между которыми может спрятаться человек. На почве ползут разнообразные бегонии. Хотим купить дурьян, но он тут стоит дорого. По дороге собираем гербарий. Подходим к цели нашего путешествия – к этнографическому селению даяков. Длинные деревянные бараки на сваях. На высоких балконах стоят маленькие живые люди в виде экспонатов. Я и Андрей не заходим в бараки, собираем травы перед домами.

По возвращении у пристани последние сборы. Нас, как пионеров, считают по головам и успокаиваются. Андрей влетает на трап последним, но никто не сердится. Все добродушно, с пониманием относятся к его работе.

28 ноября. Весь день в море. За бортом дельфины, летучие рыбки. Завтра кульминация круиза – Сингапур. Все деньги припасены для покупок.

29 ноября. На рассвете входим в Сингапурскую бухту. Небольшие заливчики заполнены кораблями. Формальности занимают минимум времени. Меняют деньги на сингапурские доллары, и мы сразу становимся богатыми! Жара невыносимая. Наш гид – малаец Филипп. В городе широкие проспекты, высокие дома, зеленые бульвары. Никакой скученности. Смотровая площадка – зеленая гора, созданная руками человека. Газон из карликового фикуса. Андрей убегает в заросли глейхении, похожей на гигантский орляк.

Прогулка по знаменитому парку тигрового бальзама. Сюжеты взяты из малайского эпоса. Одна скульптурная группа следует за другой. Андрей убежал собирать гербарий. Я его потеряла. У меня совершенно пропал интерес к бесчисленным странным фигурам. Пришел в последний момент.

В зоопарке звери на воле. Все необычайно чисто и красиво. На осмотр дают только минуты… Турне по городу. Вдали джонки, плавучие города бедных. Вечером свободное время на дешевом базаре. Андрей захотел купить красивую железную коробку. Я возмущаюсь, в конце-концов сдалась.

Прошли годы. Давно изношены дефицитные тряпки-подарки, привезенные в нашу закрытую страну. Уже 10 лет как нет Андрея. А яркая расписная коробка напоминает мне тот теплый вечер, шумную улицу и нашего растерянного спутника-геолога, купившего мешочек со смехом. На всю улицу из мешочка раздается громкий, истерический смех. А геолог никак его не может утихомирить, нажать кнопку, чтобы затих.

Хочется почувствовать аромат страны. В красивых стеклянных ящиках-холодильниках лежат огромные гроздья винограда. Тропический виноград очень вкусный. Есть и яблоки, и груши. Велорикши и просто рикши возят в основном американцев.

30 ноября. Свободное время. Гуляем у пристани. Фотографируем Мирилина – эмблему Сингапура – льва с рыбьим хвостом, созданную в честь Раффла, одного из основателей этого свободного города. Город-сказка. Акведуки превращены в комфортабельные магазины с кондиционерами. Нет нищих и попрошаек. Особенно впечатляет территория бухты, отвоеванная у моря! Все это кажется каким-то чудом.

Мгновенно спускается ночь. Мы сидим в парке недалеко от причала. Скоро идти на посадку. Смотрим на яркие звезды, расписавшие все небо. Вечером немного прохладнее.

1 декабря. Идем на север. Опять сильная качка. На корабле праздник Нептуна. Нептун ловит всех, кто попадется на глаза и окунает в воду, а потом, если удается, ставит на теле несмываемую печать. Весело.

2 декабря. Вьетнам. Плывем вверх по огромной реке Меконг. Однообразные берега. Мимо проплывают лодочки с одним парусом из бамбука, набитые до отказа рыбаками.

Хошимин. Первое, что бросается в глаза, везде огромное количество людей. Большинство на велосипедах. Много велорикш. Легковые машины переделаны на потребление дизельного топлива, сзади торчит большая, словно у трактора, труба, из которой вылетает сизый дым. Дым скапливается под высокими деревьями. Многие ветви высохли. Дышать трудно. Большая площадь запружена велосипедистами. Много нищих.

Музей посвящен войне во Вьетнаме. Стена, пробита снарядами, танки. В музей мы не идем, а пытаемся хоть что-то собрать на улице. Кокосы тут мелкие. Плантации неухоженные. В городе много нищих. Тунеядцы наводнили город и не желают работать.

Вечером свободное время. Улицы не освещены. В темноте на страшной скорости мчатся мотоциклы. Прямо на мостовой лежат тела. Их очень много. Ночуют бездомные. Проводить время в прогулке по городу в таком окружении не хочется. Вернулись на теплоход. По причалу ползают толстые тараканы величиной с палец.

3 декабря. Знакомство с Хошимином продолжается. В зоопарке масса народу. Все запущено. Голодные нищие клянчат у нашего автобуса. Грязная худая женщина держит на руках совсем исхудалого ребенка.

В детском доме дети спят на голых нарах. Зарабатывают плетением красивых хлебниц из листьев кокосовой пальмы. Узоры сложные, очень красивые. Мальчик дарит маленькую плетеную лошадку. Доверчивые лица. Для нас дают концерт. Пронзительно гремят литавры, бесконечно повторяется любимый мотив: «Наш адрес – не дом и не улица, наш адрес – Советский Союз». На улице ливень такой силы, что выйти за порог нельзя.

На овощном рынке вместо картофеля продают ямс и таро.

Обратный путь на север. 4 дня мы на корабле в открытом море. Продолжает качать.

9 декабря. Нагасаки. Мы снова в субтропиках. Долго стоим в сказочной красоты бухте. Красивый город на зеленых холмах, окружен небольшими бухточками. Обломанный атомной бомбой синтоистский насест оставлен в назидание потомкам. В парке пальмы трахикарпусы, темные мирзинолистные дубы. Тонко пахнет, роняя малюсенькие белые цветочки, маслина душистая. Приятная прохлада. Тишина и покой.

Парк Гловера. На гору, освещенную солнцем, нас поднимает эскалатор. В парке, несмотря на декабрь, много цветущих растений. Особенно хризантем самых разнообразных форм и красок. Сочетания фантастические. Клумбы из цветной декоративной капусты. Дорожки обрамлены вечнозелеными деревьями. Ярко цветет камелия масличная. Чайное деревце покрыто кремовыми ароматными цветами.

У нас осталась горсть советских монет. Я решила их подарить подросткам. Через несколько минут эти ребята нас догнали и вручили нам мелочь, но уже японскую. Для нас – целое богатство. На японскую мелочь на развале с уцененной посудой мы купили очень красивые расписные блюда.

В центре города - католический храм. Большое распятие Христа перед храмом строго обрамлено гималайскими кедрами.

В школе самураев совсем маленькие дети дерутся в основном ногами, мгновенно и замысловато крутятся.

На пристани нас провожают представители Общества дружбы с СССР. Японские девушки в национальных нарядах держат ленточки, а мы держим эти ленточки с другого конца. Корабль медленно отходит от причала. Вот уже появилась полоска воды. Ленточки рвутся. Звучит протяжная грустная музыка. Круиз заканчивается. Теплоход быстро отдаляется. Буксир выводит наш корабль на середину бухты. Буксир сигналит три раза. Теперь до Находки - только открытое море.

10 декабря. Жизнь на теплоходе заключается и в самодеятельных выступлениях каждой из групп круиза из разных областей и республик Советского Союза. Наша группа должна выступать под конец. Сочинили капустник. Еще во время репетиций мы покатывались со смеху, когда Андрей решил плясать и петь «В траве сидел кузнечик». Надели на него зеленую кофточку. Толстенький, он был очень комичным. После концерта его звали не иначе как «Кузнечик».

Наш теплоход ждало неприятное приключение. Волны утихли, мы шли ровно. И вдруг корабль резко накренился. Китайский пират – небольшой корабль - шел прямиком на наш теплоход и хотел его протаранить. Опытный капитан сумел вовремя увернуться. Оказывается, такие маневры китайцы предпринимали неоднократно. Капитана благодарили и чествовали как героя.

Последняя перед Находкой ночь была очень тяжелой. Разразился сильный шторм. Старый корабль трещит. Волны поднимаются и заливают верхнюю палубу. Вдруг затихли машины. Что можно думать? Корабль стоит или идет? Понять невозможно. Глухая ночь. Мы с Андреем лихорадочно думаем о плавательных средствах. Наконец винты начали тихо работать, но не в полную силу. По прибытии нам сказали, что, действительно, испортилось управление, и мы с большим трудом и очень медленно добрались до Находки.

Мы очень боялись, что на таможне наш гербарий конфискуют. Сухие папки с гербарием Андрей распределил между нашими попутчиками на случай, если конфискуют у нас. Хоть что-то останется. Но все обошлось. Был в нашей группе анонимный стукач, который потом должен был сделать отчет о нашей благонадежности или наоборот. Мы, благодаря увлеченности Андрея, считались благонадежными.

По приезде в Магадан навалилась работа. Четыре корректуры, в том числе моя монография по рододендронам. Андрей сдает рукопись книжки «Эволюция биоморф растений». Весь декабрь и начало января я рисовала, перерисовывала, дублировала рисунки его рукописи.

Прошедший год Андрей, несмотря на трудности, считает удачным, особенно декабрь, когда он закончил рукопись очередной монографии и отправил ее вместе с корректурой моих «Рододендронов» в Москву.

Поездки 1979 г.: Июнь: Магаданская область (Атарган, Сплавная). Июль: Магаданская область (Сеймчан, Рассоха, Ороек, метеостанция Коркодон). Сентябрь: Атарган, мыс Харбис, Монтеклейские горячие ключи. Ноябрь: круиз по юго-восточным морям - Япония (Токио, Никко, Нагасаки), Филлипинские острова (Манила, Кучинг), остров Калимантан, Сингапур, Вьетнам (Хошимин).

Публикации 1979 г.: Вышло 10 работ. Из них 6 флористических и 4 биоморфологическо-эволюционных.

1980 Поездка в Юго-Восточную Азию принесла нам не только яркие впечатления, но и знакомства с «лучшими» магаданскими людьми, среди которых была и тренер в бассейне. Зимой 1980 года мы получили возможность посещать бассейн. После дневных трудов - час плавания. Усталые, просветленные, мы тихо идем домой через парк. Мороз. Снег скрипит под ногами. На темном небе мерцают звезды! Красота!

В выходные дни, как и раньше, мы ходим в далекие пешие прогулки в окрестностях города, чаще всего по льду Нагаевской бухты. Мы любим магаданскую зиму.

К началу 1980 года монография Андрея «Эволюция биоморф растений» закончена. На очереди сборник наших трудов. Но главное – обработки сборов прошлого года.

Заключительная глава в книгу об эволюции биоморф, написанная под влиянием взглядов Ж.Б.Ламарка, вызвала бурю возмущения у технического редактора издательства «Наука» Н. Бабуриной. В обязанности технического редактора не входит вникать в содержание текста. Но Н. Бабурина, редактировавшая большинство наших с Андреем монографий, претендовала на большее, считала себя ученой. Ранее она работала в области генетики. Защитила диссертацию, на которую мы ей писали положительный отзыв. Но она никак не могла стерпеть поддержку Ламарка. Главу из рукописи она выбросила.

Андрей всеми силами отстаивает эту главу. Ищет поддержки у своего друга Юрия Евгеньевича Алексеева, ответственного редактора этой книжки. Но Юра – человек тихий, не хочет ссориться с Бабуриной, которая самовольно изъяла эту главу и припрятала рукопись у себя дома.

Из журнала «Природа» статью на ту же тему вернули с отрицательным отзывом. Дарвинизм был незыблем.

Но Андрей не успокоился, позже с помощью В.А.Красилова и Н.Н.Воронцова опубликовал ее в дальневосточном сборнике.

В зимний период бумажная канитель в институте набирает обороты. Кончаются отчеты – начинаются планы, утверждение сметы расходов на полевые исследования.

Андрей был единственным заведующим лабораторией, который не стремился иметь отдельный кабинет. Работал вместе со всеми. Считал, что его присутствие организует сотрудников.

Направление наших работ поддерживает в «Журнале общей биологии» Меркурий Сергеевич Гиляров – главный редактор, известный ученый эволюционист.

Мы в числе всего 19 человек включены в туристическую группу в Австралию, на ботанический конгресс.

Весной вышла из печати моя книжка «Рододендроны Дальнего Востока». Я послала ее А.А.Яценко-Хмелевскому. И он мне по этому поводу пишет совершенно поверхностное письмо, обвиняя всех биоморфологов в сектантстве. Секта – и баста. И никакого объяснения. Андрей пишет ему по этому поводу несколько писем. Выдержка из одного из них: «Вы пишете, что Ваши мысли иногда появляются в печати без ссылок. Но и мои мысли тоже, бывает, появляются в печати без моей подписи. Вот, например, с 62-го года я говорю о том, что у однодольных первичны деревья, и именно за это (или, точнее, из-за этого) я и поссорился с некоторыми БИНовцами (которых Ворошилов очень метко назвал хунвейбиновцами), а сейчас, по Серебряковой, дело обстоит так, что я вовсе и ни причем, и что это всегда признавалось. Мои статьи по эволюции типов цветков тоже долгое время не принимались, так как я высказывал такую ересь, что апокарпный гинецей может быть и вторичным. А теперь вот, по В.Тихомирову, тоже оказывается, что в этом нет ничего особенного, и здесь тоже нечего копья ломать. Я могу претендовать хотя бы на соавторство той идеи, что эволюция жизненных форм идет в сторону убыстрения смен осей, которая целиком приписывается Серебрякову. По крайней мере, я об его взглядах ничего не знал, когда писал на эту тему свою курсовую в 54-м году.

По поводу понятия «дерево». Оно меня не волнует. Если вы внимательно читали мою последнюю работу в ЖОБе, то могли заметить, что мой критерий прогресса - не столько «древесность-травянистость», сколько интенсификация различных процессов, прежде всего роста-отмирания».

Для флористических обработок необходима работа в центральных гербариях, особенно в БИНе. До полевых работ Андрей летит в Москву, а затем в Ленинград. По возвращении он пишет Юрию Павловичу Кожевникову. Опять идет разговор о приезде Кожевникова в Магадан: «Для меня Ваш переход к нам имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительно то, что я получаю хорошего, если не сказать отличного, сотрудника. Отрицательно то, что я теряю хорошего друга в БИНе. Подумайте как следует, не спешите с ответом (в пределах месяца-двух). Спасибо за Ваше гостеприимство в Ленинграде, вы меня очень выручили, я был совсем разбит».

Постоянные недомогания портят настроение Андрея. Особенно тяжело возвращаться в Магадан. Мучает адаптация. Он долго и мучительно привыкает он к магаданским суточным ритмам.

Говорит, что поэтому лишний раз не хочется летать «на материк».

В мае льют дожди, сыплет мокрый снег, реки вздуваются. И только в начале июня начинается вегетация. Еще рано ездить в экспедиции. Но Андрей очень соскучился по природе. В конце мая втроем с нашей дочкой Олей и лаборанткой Светой Ершовой он едет на несколько дней на Оксу – неподалеку от Магадана. А я остаюсь в Магадане. Работаю над монографией по кустарничкам северо-востока. Работа изнурительная. Но я дома одна и могу полностью сосредоточиться.

Окса – гористая местность по пути на Армань напротив острова Недоразумения. Крутые склоны спускаются вплоть до морского берега. Они покрыты кедровым стлаником с вкраплениями каменной березы и лиственницы. Тут на белой мелкой щебенке найден новый вид прострела. Андрей назвал его прострелом магаданским. Мохнатые лепестковидные чашелистики его светлосиреневые.

Ура! Спускаясь с гор по снегам, Андрей однажды провалился по шею в снежный завал. Девочки не могли понять его трагического положения и смеялись. Торчала одна голова. Я вспоминала, как часто мы скатывались с сопок вниз по снежникам. Сядем на папку или просто так «на пятую точку» - и мчимся вниз по плотному снегу, быстро сокращая расстояние.

Магадан, перед отъездом в поле

Запланированы работы в Сеймчане. Нужно застать степные склоны в цветении. Затем полетим в Омсукчан и будем забрасываться в верховья Омолона.

В отряде, кроме меня, Андрея и Оли, – Галя Антропова с собакой Лимбо, энтомолог Витя Ведерников, с которым мы уже ездили в поле, и Коля – студент-географ из Владивостока.

Сеймчан. Широкая долина Колымы, далекие горы. Мы опять на лесоохране, где нас встречают как старых знакомых, всегда помогают с транспортом. Делимся новостями.

На лесоохране новый сотрудник – летный наблюдатель Боря Хобта. Красивые курчавые черные волосы зачесаны набок. Он знает, что производит впечатление «на женский пол». Девочки млеют. На Боре лежит печать выпускника Московского лесотехнического института. Хобта со своей собакой один ходит зимой на соболя. Высшее достижение!

Около нашего костра вечерами собирается «общество». Это в основном летнабы и

лесоохранники. Рядом с лесоохраной расположились географы из МГУ.

Дневник: «**19 июня**. Сеймчан. Жара и комары. Маршрут в пойму Сеймчанки. Река в разливе. Перебираемся через рукава. Прострел даурский отцветает, но ветреница даурская, калужница в полном цветении. Вышли к свалке. Пели «Выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа». Разозлили Андрея. За свалкой кладбище. Безвкусные ограды. Искусственные цветы. Неопрятное запустение. Вечный покой. Гудронка. Так называют большое искусственное озеро. Бросаемся в бодрящую воду. Долго не продержишься. На берегу комары с особым удовольствием набрасываются на наши голые тела. Натягиваем штормовки и на последнем дыхании по жаре добираемся до раскаленных палаток.

21 июня. Главная забота – попасть на степные склоны на противоположном берегу Колымы. Река в полном разливе. Лодок полно, но у всех без исключения летят шпонки и не заводится мотор.

Бродим по пристани. К кому бы пристать и за спирт переехать на другой берег?! У причала баржа СПН. А на ней знакомый капитан Василий Иванович. Радостная встреча. В 16 часов, как только разгрузят баржу, она пойдет вниз по разлившейся Колыме в Балыгычан за лесом. Нас могут свезти вниз до Замкового, а на обратном пути взять обратно. Андрей не хочет терять времени. Уплывает с Олей на склоны. А мы едем на лесоохрану собрать продукты и оборудование.

В 4 часа мы на пристани. Баржа уже почти разгружена. Василий Иванович не может ждать. Андрея и Оли нет. Что делать? Не ехать же без них. Вдруг вижу знакомую самоходку «Марину», а в ней также знакомого механика в клетчатой кепочке, предмет особого кокетства! Он выручает. Выплываем на стремнину. Один прижим, второй, третий. Наконец вдали Оля машет белым платком. Они уже давно стоят с наполненными папками и ждут лодку, которая за ними не пришла.

Срочно грузимся. Баржа отчаливает. Штурман Саша отдает нам свою каюту. Можно принять душ! Мчимся вниз мимо степных склонов, затопленных островов. Через два часа показались зубцы Замкового. Солнце садится за зубцы, отсвечивает.

С трудом высаживаемся. Вода затопила балаганчик. Баржа сигналит и исчезает. Ставим лагерь выше по склону.

22 июня. Замковый. Утро ветреное и солнечное. Все, кроме меня, уходят в маршрут на зубцы и степные склоны. Я весь день закладываю вчерашние сборы и принимаю гостей. Здесь собираются баржи, лодки. Знакомые общаются. Мы для них ученые, знакомые – биологи. Подкатила самоходка «Обстановка». Следит за фарватером.

23 июня. Бесконечно льет дождь. Дрова мокрые. Костер гаснет. Макароны сварили с трудом. Измучились и отравились дымом. Посыпал снег. Вода поднимается.

Баржа пришла только ночью. Вверх ползет очень медленно. Гружена как попало наваленными бревнами. Отогреваемся у штурмана на мягкой постели. Разбираем, сушим гербарий в страшной жаре под стук дизеля.

В Сеймчане прощаемся с капитаном. Снова лесок лесоохраны и дружеский ужин у костра. Галя Антропова торжественно отмечает 10-летие работ в экспедициях.

Снова пакуемся. Отправляем вещи на машине в Омсукчан. Бродим по пыльному, жаркому и сонному поселку. Закупаем вещи. Андрей с Галей уехали на Эльген.

Во время тушения пожара на Буксунде потерялся человек. На вертолете Киреев – начальник

лесоохраны, срочно летит на поиски. Взял нас с собой.

В последний вечер прощальный ужин. Белая ночь. Рассказы.

27 июня. Сеймчан. Сборы. Трогательные прощанья. Грузимся в самолет вместе с нашим старым знакомым летнабом Хайдарычем. Прощай, долина Колымы! Летим на восток. Тонкая лента Колымы исчезает. За перевалом – маленькая точка поселка Лунный. А далее бесконечные заснеженные сопки. Перед Омсукчаном – большая испещренная разработками гора. Прииски Невский и Дукат – крупнейшие на Колыме.

Омсукчан, аэропорт

На залитом солнцем аэродроме после гостеприимства сеймчанских друзей мы почувствовали себя одинокими. Но ненадолго. Начальник лесоохраны Родичев Александр Степанович быстро устроил нас в домике лесоохраны.

Из Магадана прибыли энтомологи. По дороге машина трижды ломалась. Все покрыты толстым слоем пыли, устали, измучены. Машина набита до отказа. В ней еще группа московских геологов. Энтомологов четыре человека. Родичев терпит всю эту ораву. Но вертолет не резиновый. Идут переговоры и споры. Андрей рассудил: без мужчин нам нельзя. Поэтому полетит географ Коля. А из энтомологов Витя Ведерников и мальчик 15 лет Олег – тихий и бездеятельный.

Витя, оказалось, с большими комплексами. Ему очень хочется властвовать и чувствовать себя начальником. Голова круглая и два круга очков – большая стрекоза. Коля – ужасная балаболка, но безотказен.

29 июня. Отлет назначен на 10 утра. Погода портится. Моросит дождь. Вещей огромное количество. Риск. Грузимся в темпе. Главный вертолетчик Лукомский – виртуоз. Взлетаем с трудом. Тучи мчатся фронтом. Летим низко, под сопками. Знакомые картины осыпей, желтые лишайники. Сквозь туман переваливаем через перевал. Снова горы. Садимся у огромной наледи. Последняя роща лиственниц. Выше только тундра.

Выгрузились на галечнике широкой поймы речки Жданки. Таскаем ящики на пригорок. Ставим лагерь под дождем. Все пропитано влагой. Чтобы поставить печку, приходится вырубать корни.

Начинается оттайка мерзлоты. Мы будем спать на воде! Делаем отводной канал! Ветер рвет палатку. Печка греет. А это главное. Макароны готовы. Андрей забирает ключи от продуктового ящика, где среди продуктов хранится канистра со спиртом.

Сразу по прилете Андрей уходит на ближайшую сопку собирать растения. Здесь еще весна. Цветет лапчатка одноцветная, остролодка чукчей, много кассиопеи четырехгранной. К вечеру Андрей приходит мокрым и усталым. Сразу же представители от молодежи во главе с Галиной Леонидовной обращаются с деликатной просьбой к Андрею - налить кружечку из канистры, чтобы «не затушить энтузиазм».

30 июня. Солнце играет всеми красками. Ветер разогнал тучи. Поют птицы. Рядом с палаткой гнездо кедровки. У голубой наледи – густые заросли ивы аляскинской и Крылова. Куски наледи по мере оттаивания отваливаются и с грохотом падают, сотрясая долину «пушечными» выстрелами.

31 июня. За наледью долго тянется каменистая тундра с большим участием вересковых кустарничков. Цветет диапенсия, лезелеурия, кассиопея. Филодоце мало. Небольшие куртины рододендрона золотистого похожи на большие желтые букеты. На северных склонах сплошные покровы ягеля подавляют рост кассиопеи. На каменистом плато – ковры цветущей дриады. При каждом порыве ветра она колышет цветками. Ива чукчей блестит остренькими листочками. На обратном пути вспугнули гнездо крачек. Птицы хотели отвести нас от гнезда и с криками летали над нами. Бесстрашные, они даже бросились на Андрея. Переходили полноводные речки. Измокли и забрались на высокую наледь.

Андрей каждый день в маршрутах. Мы по очереди остаемся в лагере закладывать и перекладывать гербарий, сушить матрасики и газеты. Очень выручает пресс, который я когда-то придумала. Две рамы завинчиваются и прессуют свежий материал.

3 июля. В лесу влажно. Лишайники пружинят под ногами. На подъеме – огромные чаши кедрового стланика. На плато – кустарничковая тундра. Ярко-зеленые пятна арктоуса. Дицентры так много, что весь склон краснеет. Наконец и находки: мытник головчатый, несколько крупок. На трех сопках нашли по одному одуванчику. Один из них с красным соцветием. Много мытников: пушистый, розовый мытник Адамса, мытник милый, тоже розовый, есть и кремовый лаппонский. У озера нежно пахнет ярко-голубой эритрихиум, оттеняется калужницей перепончатолистной. Во влажных ивняках есть и купальница.

На обратном пути изнемогли в долинном кочкарнике.

И так каждый день. Андрей оставался в лагере только один раз. В высокогорьях со здоровьем у него лучше. Нет аллергии. На сердце не жалуется. Из транзистора по голосу Америки здесь, на краю света узнали: умер Володя Высоцкий. Наш кумир. В самых дальних уголках Колымы, везде звучали его песни. Юра Королев свой маленький фильм заканчивал песней Высоцкого: « В суету городов, и в потоки машин…. Лучше гор могут быть только горы». Лучше гор... что может быть лучше гор... И красота, и преодоление, и новые находки, друзья!

12 июля. Вертолет не прилетел. Мы привязаны к лагерю. Отойти далеко нельзя.

13 июля. Яркое солнце. Быстрей бы улететь. Вдруг из-за сопки появляется Ми-4. Летит высоко и вскоре исчезает. Что бы это могло означать? Вдруг снова гул вертолета. Выбегаю из палатки. Вертолет очень низко летит над сопкой, садится у наледи. Начинаем лихорадочно собирать лагерь. Но, оказывается, горючее на исходе. Перебросить нас не могут. А могут только забрать в Омсукчан меня и Олю. Коля задумал писать письмо невесте. Не может найти конверт! Спешка дикая! Хватаю гербарий, рюкзаки. Винты работают. Еле успеваю поцеловать на прощанье Андрея. Ми-4 взмывает. Исчезает и наледь, и наш маленький лагерь. Переваливаем за хребет».

В Омсукчане я купила хлеб, конфеты. Написала письмо Андрею в надежде, что их перебросят на следующий день. Мне бы знать, что будет дальше, мне бы остаться хлопотать о вертолете!

14 июля я с Олей уехала в Магадан, а оттуда на Сахалин.

До середины августа я не имела никаких вестей. Была уверена, что наших заберут. Но несколько раз мне снились страшные сны. Вот и не верь снам или названиям. Ведь стояли на речке Жданке!

Оказалось, вертолет на Жданку не прилетал три недели. Продукты кончались. Отходить от лагеря нельзя. Андрей не выдержал и пошел пешком в поселок Буксунда за 85 километров от Жданки. «Бравые» ребята Витя и Коля отказались идти. С Андреем пошли Галя Антропова и Олег, которого я считала почти ребенком. Шли четыре дня по кочкарной тундре. У Гали разболелась нога, но она держалась из последних сил. Не доходя двух километров до поселка, увидели: идет на посадку вертолет. Галя дала сигнал из ракетницы и чуть не расстреляла вертолет. Сдали нервы.

Андрей пишет родителям: «Теперь я живу в поселке как городской житель, в комнате с печкой и телефоном. Еще остается одна поездка в горы. Я надеюсь, что так долго сидеть не придется».

Андрей уже полностью собрал материал для «Флоры» и теперь считает самым главным писать определительные ключи.

Поездки, экспедиции 1980 г.: Июнь: окрестности Магадана (Окса, бухта Светлая, бухта

Гертнера) Июнь-июль: Магаданская область (п. Сеймчан, урочище Замковое, пос. Омсукчан, заброс в верховья Омолона на реку Жданку, пос. Буксунда, пос. Аякс).

Публикации 1980 г.: Вышло 4 работы, 3 - по флористике и одна - в «Журнале общей биологии» о взаимосвязи биоморфологической и таксономической эволюции у растений.

1981 Новый год мы встречали вдвоем. Я доделывала рукопись «Кустарничков». Андрей, будучи ответственным редактором, во всем мне помогал. Но главная его работа – это «Флора».

Часть материала можно было издавать через дальневосточный центр в виде препринтов. Книжечки с обработками отдельных семейств. Таким образом, общее число печатных работ у Андрея быстро увеличивалось. Одновременно можно было увидеть и объем будущей работы, и недостатки.

Зима, как обычно, шла в своих постоянных ритмах. Утром Андрей делал зарядку, завтракал и точно в 9 утра шел на работу. В лаборатории он работал до обеда в 13 часов. После обеда отдыхал в течение часа, а затем обрабатывал просмотренное и снова с пяти вечера работал в лаборатории, «разгребал» всякую бюрократическую писанину.

Вечерняя прогулка была для нас обязательной. В метель и в хорошую погоду мы часов в 9-10 вечера выходили из института и совершали «почетный» круг по главным улицам Магадана. Вечер завершался чтением. Особенно мы любили читать друг другу «Записки Пиквикского клуба» Диккенса.

Вышла из печати монография «Эволюция биоморф растений». Полагающиеся автору 10 экземпляров в магазине «Академкнига» выкупили в Москве родные. Эти экземпляры разошлись быстро, а другие купить мы не успели. У меня дома сейчас только один затертый экземпляр.

К этому времени относится знакомство Андрея с Александром Орионовичем Шубиным – ботаником с Сахалина. Шубин зовет Андрея работать на Сахалин. От Магадана Андрей начинает уставать. Ему хочется новых земель и новых просторов.

В апреле нам сообщают из оргкомитета ботанического конгресса, что из-за резкого сокращения туристической группы нас исключили. Еще в 1980 году мы были очень обнадежены, мечтали поехать в Австралию на ботанический конгресс. Поездка стоила дорого. Перелет до Сингапура, а оттуда в Австралию всего на несколько дней на одного человека стоил больше 4000 рублей. Я считала, что в Австралию, о которой Андрей мечтал давно, должен поехать только он. На поездку могли уйти почти все наши северные сбережения. Но Андрей благородно записал нас обоих. К сожалению, поездка не состоялась.

На Сахалине остановились у Шубиных. Александр Орионович работает в Южно-Сахалинском НИИ, собирает горцы. Надеется сделать диссертацию.

В середина мая на Сахалине - самая ранняя весна. Сопки еще под глубокой пеленой снега. И только в долинах на лужайках расцвела калужница, молодые ростки которой собирают корейцы для весенних блюд.

Из моего дневника: «**14 мая**. Погода пасмурная. Сегодня идем на сопку в окрестностях Южно-Сахалинска. Наш проводник – Саша Шубин. С утра мы пытались купить билет на самолет до Южно-Курильска и, чтобы сэкономить время, оставили деньги и документы в кассе с тем, что вернемся не позже восьми вечера.

Сахалин, Корсаков

За городом в перелесках появились весенние: краснобурый симплокарпус, белый лизихитон. Много эфемероидов: ветреницы, хохлатки, горицвет, гусиный лук. Незаметно поднялись на гору, перевалили первый хребет и оказались у северного склона в зеленомошном пихтарнике с подлеском из черники. А выше по распадку еще везде лежит глубокий снег. Андрей просил не заходить в снега, его интересует растительность. Но Саша сказал, что рядом перевал и мы его быстро пройдем и окажемся близ города. Подъем становится все более и более трудным. Легкий и тонкий Саша прыгает впереди козликом. Мы же, толстые и неуклюжие, проваливаемся в снег. Я встала на четвереньки, словно медведь. И тут же увидела следы крупного медведя. Здесь следы медведей много крупнее, чем на севере. Оказалось, мы заползли на самую высокую сопку. Перевала нет. От города отошли далеко. Проплутав в зарослях стланика, решили возвращаться. Увязли в глубоком снегу. Нужно спешить. Скоро восемь вечера, а мы далеко. Мчимся вниз. Саша бежит впереди, строго напоминая: «время – деньги». Действительно. Наши деньги лежат в кассе. По городу бежим из последних сил, производя на окружающих странное впечатление.

Билеты купить не удалось. В Южно-Курильске размыло взлетную полосу».

Через несколько дней из Корсакова мы на теплоходе «Ольга Андровская» отплывали на остров Кунашир.

«**19 мая**. День в пути. Стоим на рейде в Курильске. Итуруп. Бухта Китовая. Все серо и туманно. Вулкан Богдан Хмельницкий почти весь в снегу. На его вершину ложатся темные серые тучи. Вспоминаю наше восхождение на этот вулкан. Осенью он был бесснежным. Долго плывем вдоль острова. Узкие бухты почти до основания скрыты тучами. Высокие вулканы курятся. В проливе между Итурупом и Кунаширом началась сильная качка. В Южно-Курильске утомительно ждем плашкоут. Проверка. Трап катается по плашкоуту. Спрыгнули. Теперь мы качаемся на плашкоуте, рядом громада теплохода. Маленькая кучка людей на плашкоуте быстро отдаляется от белого теплохода. Знакомая пристань.

20 мая. Южно-Курильск. Солнечный прозрачный день. Загораем и любуемся чистотой неба, нарциссами. Остановились в избушке у Лазаревых рядом с курятником, в котором жили в 78-м году. Сумасшедшая хозяйка Валентина Семеновна выздоровела и выглядит прекрасно для своих

57 лет, все время хохочет своим беззубым ртом и копошится в огороде. Ее сын Славик на лечении, был пойман на воровстве лошадей. Знакомые, у которых мы остановились, наоборот, опустились. Лазарев уехал на Сахалин. Его супруга завела друга. В нашем лице они рассчитывали найти собутыльников.

Здесь холоднее в сравнении с Сахалином. Природа только-только начала просыпаться.

21 мая. На экскурсии. Прибрежные дюны. На травянистых откосах, среди густой травы, нашли примулу Фори и селагинеллу, заросль ботриостеге с торчащими темными ветвями. Волны гребешками издалека накатывают на большой песчаный пляж. Дымкой заволокло горы. На горизонте еле просматриваются снеговые вершины Хоккайдо.

На заболоченном лугу собирали селезеночник, лизихитон. Поют жаворонки. Оказывается, они вместе с воробьями налетают стаями на огороды, моментально склевывая посевы!

22 мая. Тепло, даже жарко. В пихтарнике темно. Среди зеленых мхов заросли еще голой менциезии пятитычинковой – высокого кустарника из вересковых. Ольха стоит голая, еще не цветет. Только кое-где лопаются сережки. Травянистый покров на заболоченных лужках уже ярко-зеленый. На болоте полно по-зимнему краснолистной клюквы огромных размеров. Вода прогрелась. В лиственных лесах поют птицы, пошло в рост высокотравье. На вершине попадаем в заросли сухо и противно шуршащего бамбука. Под ногами пружинят гибкие стебли. Солнце припекает. С облегчением снова входим в тенистый и прохладный пихтарник и быстро спускаемся вниз по распадку. Мощные лианы гортензии пальчатой присосались к стволам берез. Обратный путь по берегу моря. Андрей рассматривает и собирает ветвистые водоросли. Море пахнет свежестью. Вечера ясные и прозрачные!

23 мая. Идем на горячие источники. Сыплет дождь. 17 километров по дороге, а потом тропинкой вверх вдоль реки. Лесное ущелье со всех сторон защищено, но тайфун добирается и сюда. По пути мы несколько раз встречаем свежесломленные верхушки пихт. Под проливным дождем согреваемся в ванночке – небольшом углублении у реки, наполненном горячей целебной водой. Рядом грязи. Лежим, ощущая целебность и важность момента. Весь обратный путь любуемся видами весеннего леса, моря и вулкана. Холодный ветер подгоняет.

25 мая. Весь день сильный ливень. Холодно. На море шторм. Все заволокло туманом. С хозяевами разлад: поздно вечером приходят пьяными. Во время выкопки растений сок сумаха попал в ранки на руках. У нас началась лаковая болезнь – язвы на всем теле сильно чешутся. Тут называют это заболевание «ипритка».

27 мая. Поход на «кислую» речку, а затем на «серную». Ветрено и очень холодно. Много копали и получили добавочную дозу ядовитого сока сумаха. Вся почва перевита его корневищами. Необходимо оформить документы у пограничников. Идем на «горячий пляж» – резиденцию пограничников у шести ванночек. Небольшие шестигранники обрамлены кафелем и наполнены горячей водой. Приглашали купаться. Но мы предпочли уйти в лес.

28 мая. С утра пасмурно и холодно, но кое-какая видимость. Решаемся идти на вулкан Менделеева. В открытом кузове холодный ветер рвет штормовку. На двадцатом километре трассы начинается японская конная тропа к бывшему серному заводу. Бамбук высокий, скрывает сваленные стволы, через которые то и дело приходится перелезать. От серного заводика дорога идет вверх по сплошному бамбуку. Путь длинный. Бамбучины переплелись между собой, и по пути приходится их расплетать, раздвигать. Выматываемся, а бамбуку конца нет. У вершины серная речка пробила русло в белом сыпучем грунте и выходит к фумарольному полю. На голом плато пыхтят, выбрасывают пар две фумаролы. В воронке желтая сера. Текут горячие ручейки, булькают кипящие ключики. Туман скрывает вершину вулкана до самого подножия. На склоне, в

лесу и в бамбуке полно снега. Вверх идти бессмысленно. Дождь и ветер усиливаются. Бросаем последний взгляд на причудливые скалы на вершине, на фумаролы и поворачиваем вниз к источникам. Купаться или не купаться? Под дождем и ветром, в горячем потоке руками выкапываем в мягком грунте ложе. Пролежали около часа. Встаем и надеваем ставшую колом одежду. В бамбуке, пропитанном влагой, мы совсем промокли. Сапоги наполнились водой и вздулись. По расплетенному бамбуку идти легче. У остатков серного заводика с большим трудом развели костер. Но сучья мокрые и только дымятся. Снова в дорогу, в движении легче. Пройдя почти весь бамбуковый путь с перелезанием через стволы, обнаружили отсутствие копалки. Забыли у костра! А запасной нет. Пришлось возвращаться. И опять перелезаем через бесконечные мокрые стволы. На центральной трассе ни одной попутной машины, ни одной. Идем и идем. Спирт не согревает. На подходе к Курильску догнал ПАЗ. С нас стекает потоками вода, стучат зубы.

Курилы. У острова Шикотан

В избе печь натоплена, хозяева отсутствуют - как всегда, в загуле. Спасибо!

29 мая. Весь день льет дождь, ветер, а к вечеру дождь со снегом! И это в конце мая!

Днем приходил хозяин. Растопил печь. Сказал, что завтра должен быть теплоход, но сильно штормит. Лаковая болезнь усиливается. Поражена шея, плечо, рука. Язвы чешутся и не дают спать.

30 мая. Шторм. Непогода. О теплоходе ничего не известно. Ходили на пристань. Обещают завтра. Жизнь на островах суровая и неустроенная. Магадан в сравнении с Кунаширом кажется раем земным!

31 мая. Посадка на теплоход «Серго Орджоникидзе» будет в 9 утра. Последний взгляд на дом, речку, уточек. Месим грязь к пристани. Там стоит пестрая толпа отплывающих. Полно детей. Горячее время отъезда в отпуска. На рейде качается теплоход. Подают плашкоут. Пограничник проверяет документы. Толпа напирает. Андрей уступает место женщинам с детьми. Я – тоже. Привозят группу солдат. Они вне очереди. Посадку прекращают. Самые отчаянные прыгают на

плашкоут без трапа. Но мы не можем. На спине рюкзаки, в руках – сетки. Обещают прислать второй плашкоут. На причале пронзительный ветер. Объявляют: мест на теплоходе нет, пассажиров больше брать не будут. В отчаянии бродим по пристани. Драматизм положения заключается и в том, что поездка в Америку опять маячит для Андрея. Кажется, на сей раз все реально, но нужно поспеть вовремя.

Вдруг пришвартовывается почтовый плашкоут. Грузят почту. На плашкоуте отправляют на Сахалин женщину-шизофреника в сопровождении милиционера. Самые отчаянные, в том числе и мы, прыгаем на плашкоут. Почтовый работник, сопровождающая посылки, орет на нас, пытается вытолкать. Но мы стоим, не шелохнемся. «Ладно, поболтаетесь и вернетесь!» – кричит почтальон. Плашкоут отчаливает. Качает, но мы не замечаем. Все мысли о посадке. Трап спустить отказываются. Будут брать почту с кормы. Сумасшедшая в легком платье ругается матом. Я от холода лязгаю зубами и этим её раздражаю. Плашкоут вплотную подходит к корме. Его подбрасывают волны. На гребне волны маленький человечек прыгает, хватается за поручни, забирается на теплоход. Мы снова ухаем вниз. Сопровождающая почту мне говорит, что так она влезает на теплоход всегда. Вижу – когда мы снова на гребне волны – подхватили женщину, за ней прыгает и хватается за борт следующий мужчина. Решилась и я. Снова плашкоут несет вверх. Подпрыгиваю, меня хватают за руки, и я переваливаю через поручни. Рюкзаки, сетки Андрей мне бросает вверх. Теперь его очередь. Он ухватился за борт в очень неудобном месте. Сначала повисает над водой. Я хватаю его руки, держу из последних сил... сейчас перевалюсь через борт... Он подтягивается и залезает!

Ура! Мы на корме! Хватаем вещи и прячемся. Сначала никак не можем прийти в себя. Не верится. Но потом успокаиваемся. Туман едва-едва рассеялся, и перед нами весь остров в снегу, даже ближайшие сопки, не говоря о вулкане Менделеева. Долго сидим смирно, боимся засветиться. Теплоход все не отчаливает. Только когда подняли якорь, мы решились подойти к кассе. Помощник капитана набрасывается – мы не прошли пограничного досмотра. Качает. Подплываем к Шикотану. Чайки парят совсем рядом. Буксир, зарываясь в волну, огибает теплоход.

1 июня. Весь день идем в сплошном тумане. Теплоход постоянно сигналит. Туман настолько густой, что не видно мачты».

На Сахалине нас ждет известие о том, что в Москве уже куплены билеты до Нью-Йорка. А мы все еще на краю земли.

Знакомый геолог обещал забросить на север Сахалина в Оху, а оттуда прямиком в Магадан. Андрей поверил. По возвращении оказалось, что это блеф. Геолог запил. Рейса нет. Время упущено. В начале лета с Сахалина попасть на материк так же трудно, как с Курил. Геолог – «честный» малый – связывает нас с его знакомым артистом, у которого блат. Отдаем документы, деньги. Артист исчезает. Начинаются приключения. Выяснили – артист выступает в маленьких поселках Сахалинской области. В погоне за ним побывали в Утесном, в Новиково, в Белокаменке. Время тянется.

С Шубиным и ботаником из Орла – Ниной Державиной - совершили восхождение на пик Чехова. Крутой подъем в гору. Красивый лиственный лес на подъеме сменился бамбучником, среди которого – краснолистные кусты японской вишни. Белые цветки на красном фоне! Идем круто вверх под сильным солнцем, и вот первая вершина. Основной покров горной тундры – брусника с вкраплениями багульника, немного водяники, спиреи и стелющейся березы Эрмана. По коньку хребтов поднимаемся все выше к вершине 1400 м над уровнем моря. Тропа на северном склоне сначала идет в тоннеле, прорубленном в стволах кедрового стланика. Ниже начинается бамбучник. Это старая японская тропа, очень похожая на те, что мы видели на

Кунашире. Спешим прямиком вниз по березняку с папоротником орляком. Молодые сочные ростки торчат вверх, закручиваясь на верхушке круглой улиткой неразвернутых листьев. 9 вечера, а до города далеко. Мчимся вниз на центральную трассу. Вдоль дороги – пункты приема папоротника. Ранней весной тут его массово заготавливают. Потом этот папоротник засаливают в бочках, сушат. Отправляют в Японию. Ходят слухи, что самые рьяные заготовители получают талоны, позволяющие им купить машину!

Остальной путь пешком. Только в 11 вечера попали в город.

Считанные дни остаются до отлета в Америку, а мы все еще на Сахалине. Артиста поймали в последний момент. Стоим у кассы. Толпа напирает. Уже ничему не верим. Билет получен. Отрываемся от острова и летим в Хабаровск, где обстановка не менее напряженная. Весь зал, окрестности аэропорта, устланы картами Советского Союза. Они продаются в ларьках и служат ложем пассажирам, ждущим отлета сутками.

С Андреем в Америку летел Алексей Пугачев - почвовед, сотрудник нашего института. Под эту поездку его приняли в ряды КПСС. Он должен следить за беспартийными учеными – Андреем и его ленинградским коллегой Борисом Юрцевым.

Были в Вашингтоне, в Канаде. На Аляске плыли по Юкону. Андрей был поражен прекрасным состоянием лесов Аляски, отношением американцев к животным. Медведи спокойно выходили на дорогу. Туалеты и места отдыха встречались там, где надо. Оборудование было прекрасным. Даже такой молчун, как Андрей, был под огромным впечатлением и рассказывал с восторгом об этой удивительной стране.

Карагана гривастая. Ольское плато

В отсутствие Андрея мы работали на Колымском нагорье в районе Кулу на Хеникандже и на Омчане. На Ольском плато нашли карагану гривастую, за которой охотились с 1967 года. Она оказалась у подножия горы Ледяной, в стороне от «китайской стены».

Из Америки Андрей прилетел в Москву. Звоню ему, спрашиваю - купил ли пишущую машинку. Мы договаривались, что он там купит качественную, американскую – основное наше орудие труда. А он мне в ответ: «Я купил тебе дублёное пальто». Я опешила. Он, оказывается, когда-то слышал, что это моя мечта. Попав в фешенебельный магазин в Фербенксе, купил мне модную дубленку – писк моды в то время! «Как же ты подгадал, что она мне в самую пору?» – спрашивала я его потом. «Я ее мерил на себя!». Он, гипертоник, сильно располнел. Но не

настолько, чтобы не мерить на себя дубленку!

Пришла телеграмма от Андрея. Ждем его в Магадане 31 июля.

Дневник:«**30 июля**. Задержка с самолетом. Будем встречать Андрея завтра. С трех до четырех дня солнечное затмение. Весь город высыпал на улицу с темными стеклышками. Наступила тьма. Самое интересное, как постепенно стало рассветать, и все пришло в норму. Засияло солнце!

На складе утрясали вещи, выбивали машину в Сеймчан.

1 августа. Опять не встретили Андрея. Поехали на Снежку. Жара. Купались в реке. Заедала мошка.

2 августа. Встретили! Андрей весь день перебирает, смотрит наши сборы. Доволен. Нам приятно. Дождь. Холодно.

3 августа. Следующий маршрут запланирован сначала на машине до Сеймчана, а оттуда на вертолете на запад, в Таскан и на Каньон. В машине нам отказывают. Скандал. Выбили! Грузим. Наш отряд почти семейный: я, Андрей, дочка Оля – студентка биолог, сын Павел – студент МАИ, дипломница из Владивостока Ира Драневич. Организационная возня. Опять просмотр гербария. Ночные сборы. Одновременно нужно срочно читать и отправить в Москву корректуру «Кустарничков». Успеваю.

4 августа. Выехали рано. Машину ведет наш замечательный шофер Коля Игнатенко. Весь день в пути. На счастье, идет дождь, не пыльно. Остановка в Мяките. Туалет без задней стенки. Спереди тоже не все в порядке…Андрей зарывается в ватники и воет, вспоминает американские туалеты. Но мы их не знаем. Нам привычнее. Приехали в Сеймчан ночью. Нас не пускают на лесоохрану. Пришлось ехать к Киреевым. Ставим палатку. Костер разводим у нашего кострища.

5 августа. Сеймчан. Налаживаем полет. Как всегда, с оформлением большие сложности, звонки в Магадан. Сколько бюрократии! Вечером отмечаем у Киреевых свой приезд.

6 августа. Сеймчан. Лежим на деревянном помосте лесоохраны, загораем. Колька пьет. Жара.

7 августа. Опять жара. Наконец нас ставят в план, но только на вечер в воскресенье. Убиваем время. Идем в маршрут по протокам Сеймчанки. Жара неистовая, изнуряющая. Возвращаемся

мокрые, потные.

8 августа. Грузим вещи на склад аэропорта. Это значит, полет реален. Все нас хорошо знают, встречают как родных. Страшная жара. Пыль. Прощаемся с Колькой. Жаль расставаться. Он, как всегда, был душой коллектива.

9 августа. Утром нас будит командир вертолета. Погода портится. Нужно быстрей нас забросить. Словно солдаты на побудке, выскакиваем из спальников, грузимся в вертолет в дикой спешке. Ветер. Дают отбой. Обидно. Возвращаемся обратно и идем в кино сразу на три сеанса подряд! Назавтра мы только в резерве.

10 августа. С утра опять спешка. Грузимся, подвозим вещи к аэропорту. Вертолеты разлетаются в разные стороны. Ждем в полном неведении. Тучи то нагоняет, то разгоняет. И опять боевая готовность, но начальник вертолета хочет обедать. Боимся отойти. Нам не до обеда. Знаем, как тут бывает. Наконец грузимся и летим! Ми-8 летит быстро. Появляются известняковые горы-гребешки, останцы. Садимся в долине Таскана перед горой Шогучан на ручье Веселом! Чудесное место. Долина реки широкая.

11 августа. День рождения Павла. В маршруте Андрей, Ира и Павел. Мы с Олей в лагере. Обживаемся, собираем ягоды и печем на костре торт! Вечер у костра. Уже прохладно.

12 августа. В маршруте Андрей и Оля. В гости пришел геолог Володя Шпикерман. Он из геологической партии в Ягодном. Место дикое, но, оказывается, мы не одни. Это приятно. Вышли в пойму. Там его и встретили с собакой Бахусом.

13 августа. Дождь, переходящий в снег. Весь день в палатке. Надоело. На сон грядущий Андрей, по просьбе молодежи, рассказывает историю России. Дружный храп.

14 августа. Поход вниз по реке Таскан. Стадо горных баранов проскакало по осыпи совсем рядом. Бараны выходили и в долину реки на галечник. Сначала я их приняла за оленей. Места поразительной красоты. Белые известняки слепят глаза.

16 августа. Маршрут на дальние останцы. На скалах баранья лежка. На разложившемся помете нахожу крошечный проломник, помещается на ладони! Оказался новым видом.

19 августа. Валентин Нилов – проводник Шпикермана - рассказывает мне о своем нерадостном детстве в Ленинграде, о блокаде, о ссылке на Колыму. Об отце-генерале, «сугубом и жестоком».

Бараны подошли совсем близко. Странно, не боятся. Валентин утопил ружье. Оно лежит в стремнине. Не вытащишь. Выручил вездеходчик. Он вдруг появился со стороны Ягодного и помог его извлечь.

21 августа. Перебазировались в Каньон. Быстро садимся на отлогую косу рядом с метеостанцией. Выбрасываем вещи. Вертолет тут же улетает. Засветло успеваем поставить палатки. Рядом метеостанция, окруженная помойками. За ней гора отработанной руды. Её называют «Сахара», а за ней брошенный лагерь заключенных.

22 августа. Сегодня маршрут в горы. Идем все. Сначала вверх по густому ернику. Около лагеря кладбище. На могилах невысокие дощечки с еле просматриваемыми номерами. С сопки хорошо виден весь брошенный лагерь, окруженный двумя протоками, словно рвом. Сохранились вышки, колючая проволока. Поднимаемся вверх по распадку на плато. Трудный подъем. Ходили весь день. Обратно спешим. Осыпи. Крутые обрывы. Скоро стемнеет, а курумникам нет конца. Спускаемся по очень крутым склонам. Но нужно успеть засветло. Пришли в темноте.

23 августа. Под гору Эзоп идут Андрей и Павел. Пришли поздно. Видели остатки самого строгого лагеря. Заходили в карцер. Все опутано колючей проволокой.

Я, Оля и Ира днем ходили в лагерь в двух километрах от наших палаток. При входе в лагерь - большой портрет «отца народов», то есть Сталина. Хорошо сохранился, только немного выцвел.

Бараки стоят рядами. Между ними выросли тополя. Прошел дождь, пахнет прелой листвой. На каталке лежит куча огромных заскорузлых ботинок. На окнах решетки. Все остальные лагеря на Колыме почти исчезли. Рыбаки и охотники растащили доски. А здесь все как будто застыло и было совсем недавно. Гляжу на пустую вышку. Закрываю глаза и представляю, как тут в 60-градусный мороз зимой. Этот лагерь сохранился только потому, что мосты на дороге в Сеймчан давно сорвало. Проезда нет. Можно добраться сюда только вездеходом, и то только в середине августа, когда вода перед заморозками спадает.

Вечером топим печку. Холодно. На лужах корочка льда.

24 августа. В излучине реки густые заросли голубики. Это «медвежья тундрочка». Полно медведей. Среди острых выступов скал на вершине – гнездо орланов. Два крупных орла кружат над нами совсем близко. Долго спускались к реке. Крутые склоны в мелкой щебенке.

27 августа. На рассвете разбудил вертолёт. Андрей никак не мог развязать завязки на спальнике и словно червяк копошился. Улетели быстро. В тот же день удалось упаковаться и улететь в Магадан».

В Магадане 2 сентября отмечали день рождения Андрея. Ему 48 лет. Кролев написал стихи. Среди гостей- Боря Юрцев. Он летит с Чукотки, но все еще полон воспоминаниями об Аляске».

В сентябре краболовное суденышко доставило нас на край Нагаевской бухты в маленький распадок. На крутом склоне в зарослях рябины с трудом поставили палаточку. Вечером сидим у костра. Гладь Нагаевской бухты бороздят моторные лодки. Вдали освещен закатом остров Недоразумения, светит огнями Магадан. Я отвлеклась. Слышу, Андрей говорит Гале Антроповой: «Скоро грянет революция». Я про себя ухмыляюсь. Какая там революция! Все падает, тихо распадается. Все хронически плохо. Народ молчит. В слова Андрея совершенно не верится. Но он, провидец, был прав. Не прошло и нескольких лет, как забродила перестройка, что-то лопнуло и покатилось.

В бухте Светлой, на восток за бухтой Нагаево, неожиданно нашли биквицию – редчайший здесь вид, обычный для Чукотки. Потом на скалах собрали новый вид эдельвейса. Огромные, обкатанные волнами шаровидные скалы притерлись друг к другу. Взбирались вверх в щелях отвесных скал. А наверху у края огромной бухты острыми пиками торчат вверх каменные нагромождения –«венцы», приютившие иву красноплодную. Через день красота осени сменилась печальными картинами осенних дождей.

Андрей снова засел за обработки. За гербарий. Опять нездоров. Еще в Америке у него очень болели голова и спина, рука. Радикулит.

Поздней ночью я, прилетев из Якутска, шла от автовокзала домой, по шестигранникам магаданских тротуаров. Что первое меня поразило дома - так это куча лекарств на журнальном столике. У Андрея радикулит в тяжелой форме. Сильное переутомление. Теперь он не возражает прикрепиться к спецполиклинике, так называемой обкомовской. Там лечилась партийная элита и еще граждане, состоящие на руководящих должностях. Андрей как заведующий лабораторией имел на это право. Я могла там лечиться только как жена заведующего лабораторией. Мы, ученые, числились наравне с обслуживающим партийную элиту контингентом.

Чувствовалось – настало время уезжать с Севера. Устали. Пора домой. Мечтали об отпуске, о теплой осени на Зеленом мысу как о земле обетованной. Туда попали только в конце ноября, не надеясь погреться. Но судьба нам улыбнулась. В то время, как в Магадане в декабре выли вьюги, рано темнело, в Колхиде было жарко. Температура поднималась до 26 градусов. Мы загорали на теплом солнце. По соседству с нашим домом в садах мандарины еще не были собраны и красиво желтели на фоне темной листвы. Мы блаженствовали. На хурме висели, словно яркие фонари,

плоды. Виноград был собран еще в ноябре. Теперь созрело молодое вино, дополнившее блаженство южного зимнего отдыха.

В конце декабря в Москве проходило очередное совещание по филогении растений. Мы оба были докладчиками.

Поездки 1981 г.: Май: Сахалин (окрестности Южно-Сахалинска, Белокаменка, Утесное, Новиково, пик Чехова), Курильские острова, остров Кунашир (Южно-Курильск, вулкан Менделеево). Июль: Америка (Нью-Йорк, Вашингтон, Аляска). Август: Магаданская область (Сеймчан, Таскан, ручей Веселый, Каньен). Сентябрь: Магадан (Нагаево, Каменный венец, бухта Светлая).

Публикации 1981г.: 15 опубликованных работ, большинство флористические. Главная работа монография – «Эволюция биоморф растений».

1982 В середине января 1982 года, возвращаясь в Магадан, мы с грустью оставляли московский дом. Трудно было отрываться от родных, от детей. В то же время встреча с Магаданом уже была привычной и радостной. Там тоже был наш дом.

Павел с Андреем нервно паковали чемодан. Они всегда были заодно, Лишнее, на их взгляд, выбрасывали, показывая свое умение. Хотелось привезти в Магадан что-то особенное. Что-то есть в Магадане, что-то другое в Москве.

В аэровокзале с трудом зарегистрировали багаж. Ко мне подходит вроде бы приличный человек. Просит дать денег, мол, обокрали, застрял в Москве. Сколько раз мы слышали рассказы о жуликах, попрошайках. И все равно попадали на крючок!

Поздним вечером нас после регистрации запустили в накопитель. Ждем. Объявляют задержку до утра. Говорят, забастовали шоферы автобусов. Уже в те годы многое разваливалось, но как-то тихо. Сидим и досадуем. Так как живем всего в двух трамвайных остановках от аэровокзала, вернулись домой. На рассвете все же решили пойти в аэровокзал, проверить положение вещей. Мороз 30 градусов. В аэровокзале тот же попрошайка промышляет у очередей. Накопитель пуст. Пассажиры уже отправлены, а наши вещи сиротливо лежат в стороне у стойки. Некогда разговаривать и возмущаться. Хватаем чемоданы. Ох, как тяжело мы их регистрировали, что-то прятали! Теперь все зависит от скорости такси. Мчимся, красно светят звезды Кремля. Промелькнул дом Пашкова, музей изобразительных искусств им. Пушкина. На замерзших торосах машина то и дело подскакивает, но мчит и мчит. В Домодедово долго объяснялись, пришлось снова перерегистрировать багаж. Но успели! В самолете долго приходили в себя. Могли опоздать. Повезло. Но так бывало много раз. Привычно, в очередях мы боролись за свое место под солнцем.

Автобус едет 56 километров по трассе в Магадан, поворачивает на гору, и вот хорошо знакомый щит: «Вас приветствует Магадан». Спуск вниз, небольшой подъем по улицам города. Вот мы и дома!

Мы оставили квартиру нашему любимому, но пьющему шоферу Кольке, и он безобразно ее запакостил. Уже в который раз мы переживаем эти безобразия! Несколько дорогих потерь, в том числе пластинки с песнями Высоцкого. Даже Андрей считает, что необходим ремонт.

Вдвоем клеим обои, красим. К моему удивлению, Андрей без досады и с большим умением и аккуратностью работает вместе со мной. Обои очень красивые. Нам приятно видеть результат нашей работы. Вдруг Андрея заклинило. В коридорчике он хочет наклеить темный кусок. Это меня возмущает. Но ничего не поделаешь – приходится соглашаться. Потом привыкла – смотрела и посмеивалась.

На второй день по приезде к нам на квартиру пришел новый сотрудник Б. Похожий на длинную злую лягушку, он мне крайне неприятен. Из соседней комнаты слышу довольно громкую беседу Андрея с Б. Андрей доказывает ему, партийному, что необходима хотя бы двухпартийная система, а не однопартийная, тоталитарная. Чувствую – Б. вызывает Андрея на провокацию. Но прекратить разговор не могу. Через час я зашла на работу и обнаружила там того же Б., перематывающего пленку на диктофоне. Я разволновалась. Андрей часто был неосторожен в разговорах.

В этот же день в ресторане отмечали юбилей института. Мое настроение было сильно испорчено, тревога не проходила. Но этот инцидент не имел продолжения.

Десятилетие института отмечали торжественно. Как быстро пролетели эти годы! Мы стали уже ветеранами. Обстановка была уже совсем иная, чем десять лет назад. Отдельно, на возвышении сидели директор и его приближенные, среди которых нас уже давно нет. Но все веселились искренне. Танцы под оркестр. Много молодежи. Юра Королев сочинил по этому поводу поэму в стихах.

Подвели итоги соревнования между лабораториями. Мы обогнали все зоологические лаборатории на 1000 очков. Поэтому хитроумные зоологи решили нас вовсе исключить из передовых, наградив Андрея месячным окладом, а меня грамотой. Мы возмущались.

В начале апреля мне пришлось улететь в Батуми на целых два месяца к больной матери, оставив Андрея одного в Магадане.

Несколько лет назад, еще до отъезда в Литву Витаса Контримавичуса, когда был еще жив Алексей Петрович Васьковский, как-то зимой Даня Берман делал доклад на тему «Что есть почва». Оригинальность доклада заключалась в том, что, по мнению Бермана – почва – это тот субстрат, на котором может прорасти растение независимо от того, воздух это или вода… Все зашумели. Контримавичус смотрел в рот Берману, словно пифии. Некоторые ученые пытались возражать, приводили определения. Алексей Петрович, со свойственным ему тактом старался до конца выяснить позицию Бермана. Заведующий лабораторией почвоведения Игнатенко с красным возбужденным лицом приводил классическое определение почвы. Но Берман пел соловьем. И вот встает Андрей, и как «великий» артист, протянув руку, пощупав воздух, заявляет: «Разве мы не знаем, что такое почва? Это земля. А все, что говорит Даниил Иосифович Берман – чушь собачья». Неужели такие трюки мог простить сверхсамолюбивый человек! И позже Андрей был неосторожен с Берманом. Эти мальчишеские упражнения позже обошлись Андрею очень дорого.

Статью о Ж.Б.Ламарке, отправленную в сборник по проблемам эволюции, просят «подчистить». Он возмущается: «Обе теории (дарвинизм и ламаркизм) не противостоят, а дополняют друг друга. Менять же саму направленность статьи я не могу, так как в этом случае попросту теряется ее смысл, по крайней мере, для меня самого».

До полевого сезона для «Флоры» осталось обработать одуванчики. Но этот материал очень трудный.

Директора нашего института Витаса Контримавичуса, уехавшего на родину, в Литву, сменил Георгий Краснощеков. Отношения у Андрея с ним более чем прохладные. И раньше нас раздражало то, что судьбы института решались в зависимости от симпатий или антипатий начальства, а не от стратегии развития института. Я все чаще задумывалась над тем, каким бы мог быть талантливым заместителем директора по науке Андрей. Именно по науке. Как важно гармонично развивать научные направления в комплексном институте, где на стыке разных направлений возможны контакты. У нас же в институте происходила не стыковка, а наоборот.

Каждый руководитель выпячивал свое направление. Особенно зоологи. Поэтому образовались большие перекосы в зоологическом направлении.

Когда пришел к руководству Краснощеков, интриги, скандалы усилились. Витас обладал способностью не разжигать скандалов. Краснощеков не имел этого дара, был мелочным и мстительным. Темноволосый, среднего роста, молчаливый, он у меня и внешне не вызывал симпатии. К такому, как прежде к Витасу, не зайдешь поговорить по душам.

Вспоминала, как я, которую уже два года «мазали», обвиняли в том, что я написала анонимку, в 79-м году пришла к Витасу и просила объективно разобраться, перестать клеветать. И он сначала в сердцах мне заявил, что считал Хохрякова хорошим парнем, а теперь Андрей « ест из той тарелки, в которую с…». Я возмутилась, говорила резко, доказывала нашу непричастность к этой грязи. И Витас понял. Больше разговоров на эту тему не поднимали. С Краснощековым так не поговоришь. Около него совсем другие люди.

Магадан Андрею надоел. После окончания «Флоры» он планирует уехать либо во Владивосток, либо в Якутск. С Дальним Востоком ему расставаться не хочется.

Андрей мне пишет на Зеленый мыс: «Я, правда, был болен. Теперь лучше, но состояние тревоги и неопределенности, пожалуй, усилилось. Вчера имел разговор с Краснощековым, из которого стало совершенно ясно, что ни о каком развитии лаборатории не может быть и речи, брать от нее он готов, а давать – ничего. Со снабжением в институте все хуже, с ужасом думаю о том времени, когда нам понадобится машина, опять начнется нервотрепка и склока. Да и весь этот месяц на нервах, то по поводу отвозки бумаги, то по поводу ее привозки. «Флору» я, в общем, кончил, осталось только доработать сборы прошлого года. Ничего принципиально нового ждать уже от Магадана не приходится, так что все подходит к тому, что срок нашего пребывания здесь подходит к концу самым естественным образом. Взял билет во Владивосток, оттуда лечу в Якутск. Так что теперь дилемма не в том, чтобы уходить или нет, а в том, когда и куда. Думается, что в Якутск можно прямо через месяц и провести полевой сезон где-нибудь в Верхоянье. Конечно, Якутск не сахар, но тоже есть свои плюсы. Морозы, должно быть, компенсируются близостью расстояний внутри города. Насчет печати будет самостоятельность. И больше не будет таких унижений как у меня с препринтом об эволюции. Сами будем распоряжаться ставками, машинами и т.д. Самое же главное – более высокая ступень. Личное общение с академиками и т.п. Впрочем, если с АН ничего не выйдет, можно уезжать и в Грузию, ведь у нас в запасе еще полтора года. В Батуми, конечно, почет и уважение, но уж масштабы какие-то мизерные и работать там все давно отвыкли. Гербарий, верно, годами не обрабатывается. А ведь главное, что тяготит здесь, в Магадане, именно то, что невозможно расширить масштабы деятельности, а как мы теперь сможем обходиться без лаборантов, да и без м.н.с.? До пенсии еще лет 5, а то и 10. А самое главное – почему бы не попробовать? Больше развалить, чем уже развалено, невозможно, да и за развал сейчас не судят, а повышают. Сегодня 1 Мая. Демонстрация, а погода мерзкая, всю ночь дуло и завывало, выпал мокрый снег, сыро и промозгло. Колонка наша совсем крохотная, я только дошел до дома и пошел греть ноги, промок. В общем, все сумрачно и скверно…»

Затяжной кризис продолжается. И при Витасе Андрей не мог развивать лабораторию. Сколько ни просил новые ставки – Витас не давал. А при Краснощекове началась травля. Очень обидно, мы много работаем, а награждают и продвигают совсем никчемных людей, еще зеленых юнцов. Все дела в институте, как и во всей стране, решаются келейно, только между своими любимцами.

Экспедиционные работы должны проходить в районе Оройка, в среднем течении Колымы.

Мужчин в лаборатории мало. Мы надеялись на Павла Жмылева, недавно приехавшего к нам на

работу выпускника МГУ. Но он решил сплавляться самостоятельно в Охотоморье. Андрей уступил. Он никогда не давил, не требовал. Все делал в интересах дела. Таким образом, нас осталось четверо: я, Андрей, Оля и Ира Драневич.

Произошло замирение с Колькой Игнатенко, который зимой загадил нашу квартиру. Написали ему записку о том, что мы его полностью прощаем и что он нам ничего не должен. Он сразу же пришел к нам и, как сказал Андрей, «простил нам свое хамство…»

Колька в знак замирения сразу же наладил машину, везет нас в Сеймчан. Шофер в экспедиции – великий человек, а Колька вдобавок – любимый!

Из дневника: «**18 июня.** Магадан. Уезжаем на все лето. Машина стоит у института. Солнечно и прохладно, ветер несет пыль по голой улице. Грузимся. В последний момент наш начальник отряда Павел Жмылев вносит «на распахнутых руках» ящик сливочного масла – 25 килограмм. Учитывая колымскую жару, это довольно коварно. Объясняю. В магазинах с продуктами плохо. Перед началом полевого сезона на складе мы можем затовариться: вот и выписал Жмылев по неопытности много. И то, что ему не нужно.

Дорога по трассе до Сеймчана привычна и утомительна. Все пропылились, но девочки довольны. Снова в пути. Будем в интересных местах.

19 июня. Сеймчан. На лесоохране общаемся со старыми знакомыми. Все по-старому: аэропорт, аэродром, пыльная улица и лесоохрана. Жара, комары и пыль. Спешим на причал. Вода в Колыме быстро падает. Пойдет последняя баржа – СПН. Она еще грузится. Кран поднимает наши вещи на баржу. Рискованное мероприятие. Боюсь, что все треснет, упадет в воду. Капитан Березовский сам принимает и расставляет вещи! Сегодня у его помощника день рождения. Поэтому баржа пойдет завтра. Ночь прошла под истошные крики в несколько туров. Команда гуляла с местными девицами. Все перепились. Капитана искупали, и он мчался кому-то мстить за оскорбление. Все сопровождалось отборным матом.

20 июня. Погрузка окончилась только днем, но оргия – нет. Еще два часа оформляют отход. Наконец отчаливаем. С этого момента, не доверяя команде, капитан в мягких тапочках стоит у штурвала. Вода низкая, мели. Колыма прекрасна, особенно белой ночью. Синеют сопки, воздух становится беловатым. Прохладно. Днем очень жарко.

21 июня. У Сугойского кривуна горят леса. В Оройке причалить не можем. Вещи перевезли на лодке. Володя Щеглов устраивает нас в большом сарае, недалеко от берега.

22 июня. Андрей и Ира идут на степные склоны. Жара невыносимая. В центре поселка грязное пространство, что-то вроде площади. В застывшей грязи разбросаны доски для того, чтобы можно было пересечь это пространство в непогоду. Около домов теплицы. За пленкой зеленеют лианы огурцов. Рядом с домами помойки. На реке зеленые острова, высокий гористый прижим.

К пристани ежедневно подходят баржи, разгружаются и тут же отчаливают. Лесоохрана не зависит от местных властей. Красивый голубоглазый начальник лесоохраны Володя Щеглов – законодатель моды, щеголяет особым магнитофоном, японскими часами. С утра на лесоохране собирается его команда – народ пестрый, большинство - просто вольные охотники. Зимой ходят на соболя. Большей частью бездельничают, но когда пожары – проявляют чудеса героизма. Одеты во что попало и выглядят весьма «красочно». Завскладом Владимир Петрович Марков – бич бичом, но важничает. Постоянно просит выпить.

23 июня. Девочки остаются в поселке. Меня с Андреем Щеглов везет вниз, к прижиму. Целый день идем вверх по раскаленному склону, через большие гари. На вершине – триангуляционная вышка. Открылся вид на извивающуюся лентой Колыму, дальние темно-синие сопки. Маршрут

бездарный. Обратно по раскаленным камням чуть ли не бегом спускаемся к реке. Преследуют комары. Внизу по реке мчится моторка. Машем изо всех сил. Но с реки мы незаметны. Два раза моторка колесит то вверх, то вниз, ищет. Наконец, увидели. В лодке постепенно остываем.

24 июня. Оля с Андреем едут на Карасиное озеро. Поход не удался. Сильно ободрались. Завхоз Владимир Петрович выпросил у меня спирт за свою работу по перевозке. Тут же надрался, и в таком состоянии ехать за Андреем и Олей, я понимаю, не может. Попросила Щеглова. Но тут пьяный завхоз пробрался к лодке и умчался первым. Щеглов завел вторую лодку, бросился вслед. На стремнине Владимир Петрович выписывал необыкновенные узоры, ставил лодку чуть ли не вертикально. Всю эту картину мы наблюдали с берега. Здесь это модно, высший шик. Через полчаса все вернулись без приключений.

25 июня. Ира и Андрей снова едут на озеро. У Оли температура. Я зайцем бегаю по поселку в поисках фельдшера. Он оказался домашним, милейшим и невежественнейшим человеком. Славится плясками в клубе.

Предмет нашего волнения – масло. Оно портится на глазах.

26 июня. День ветреный и пасмурный. На сегодня был намечен торжественный выезд баржи «Сток» на косу, место гулянья ороекцев, где не бывает комаров и можно загорать. Привезли стайку девушек из Глухариного – поселка в 30 километрах от Оройка. Наконец, появился охотник Обоев – наш проводник. Теперь можно собираться на Чебукулах. Там на берегу стоит избушка.

27 июня. Весь день отлеживаемся, сушим гербарий. Его уже порядком. У Андрея недомогание. Читает девочкам лекции по эволюции. Комары ошалели. Несмотря на холод, совершают набеги. Спим под пологами.

У реки бойко. То и дело жители поселка с детьми, собаками едут на рыбалку. Привозят чебаков и щук. У домов висят вязанки вяленой рыбы.

28 июня. Собираем вещи, продукты. В Чебукулахе рассчитываем быть неделю. Лодка маленькая, вещей много. Нужно делать два заезда. Первыми уплывают Андрей и Оля. Приходят «гости». У всех магнитофончики с кассетами. Песни Высоцкого, «Машина времени». Много знакомых. Игорь, который в 1979 году на катамаране из пустых бочек сплавлялся по Колыме, охотник Антон, с которым мы в то же время собирали смородину-дикушу. Савенков – капитан «Венеры», сильно располнел. Некий Хохол опять прибыл с очередным магнитофоном, хочет покорить Иру. Все они мелькают, а время идет. Обоева все нет. Наконец, появляется. Но нужна еще одна лодка. Много вещей. После трех неудачных попыток находим лесоохранника Сашу – ухаря. Все время старается перегнать нашу лодку. Опять немыслимые виражи.

В Чебукулахе стоим на коренном берегу у большой протоки. Перевозчики, получив плату, тут же надрались и, отъезжая, выделывали на реке всякие штуки. Особенно отличался Обоев – поворачивал лодку на 180 градусов, вставал во весь рост и т.д. Белой ночью с обрыва смотреть на выкрутасы лодок на колымской стремнине – зрелище впечатляющее.

Избушка стоит на берегу Колымы. Место очень красивое. Стоим на коренном берегу у большой протоки. На островах- ивовые заросли. Прозрачный ручей. Густые заросли березки. Цветет ветреница лесная. В наше отсутствие Андрей с Олей привели избушку в божеский вид. Их здорово закусали комары.

29 июня. Андрей с Ирой идут на степные склоны вверх по Колыме. Мы с Олей работаем в густом лиственничнике, выросшем на гари. Продираться в нем невозможно, густо щеткой стоят молодые деревья. Перед сном растянули полога. Читаем вслух «Швейка».

30 июня. Старая вездеходная дорога оставила глубокие, еще не заросшие следы. Все заболочено. То и дело пересекаем ручей. Печет солнце, заедает гнус. Среди тайги стоят аккуратные бревенчатые домики. Все брошено и безжизненно. В центре поселка всего одна улица, на засохшей глине отпечатки следов медведей, сохатых, лис. На хлебопекарне изображена круглая мордочка и надпись «Ни хлебом единым!» Не «не», а «ни»…

По договору Обоев должен быть с нами, возить вверх и вниз по Колыме. Но его все нет. По пути вверх по Колыме на свою Коркодонскую заимку заехал охотник Антон с супругой и детьми. С ним охотник Вася. Привезли бутылку коньяка. Огурцы. Хорошо помнят нашу флягу со спиртом. Ждут нас в гости.

Андрей изо всех сил борется за режим. Но светлые белые ночи скрадывают вечера. Солнце садится только в 10 вечера. Планируем трехдневный поход в горы. Оставлять вещи в избушке рискованно. Будут искать спирт. Нужно прятать вещи – тулуп, спальники – все то, без чего нельзя работать.

1 июля. К брошенным домикам мы идем вечером, по холодку. Добираемся за 2 часа. Выбираем одну из избушек. Оля всем устраивает постель на старых брошенных матрасах. В огромные щели залетают комары. Вспугнули зайца.

2 июля. С утра холодный ветер. Километров 10 месим грязь по старой вездеходной дороге. Девочки развлекаются, наблюдая свежие следы медведя, лося, лосят! Ползем вверх унылыми гарями. Но склон оказался очень интересным. На выходах известняков нашли венерин башмачок, рододендрон Адамса. Сильно замерзли под сильным ветром. С вершины открывается вид на далекие синие горы и излучины Колымы. Под вершиной вспугнули семейство диких оленей. Коричневый олененок еще без рогов, быстро догоняет взрослых.

На спуске устали. На склоне гарь. Искалеченная земля вся в трещинах. Возобновление очень слабое. Перебираемся через обгоревшие лежачие стволы. Внизу на дороге идти чуть легче. Это понимают и животные, оставляя на глине следы. До места, откуда начали подъем, прошли не менее 5 километров. Андрей бодрит нас, поет: «На рыбалке у реки… потерял рыбак портки». Особенно смешно у него получается «шарил, шарил, не нашел, без порток домой пришел..» Для девочек эта песня – новость.

В брошенный поселочек пришли только в час ночи. Очень холодно. Стаи комаров, мучавшие на дороге, исчезают. Согреться трудно. В щели дует холодный ветер.

3 июля. Обратный путь без приключений. Не торопясь, тащим большой гербарий. У нашей избушки видим несколько подозрительных людей. Расспрашивают об Обоеве. Все знают – Обоев хороший охотник. Эти люди – крысятники. Так в этих краях называют прилипал. Они выслеживают склады мяса, сделанные охотниками, и ночами воруют. Увидев приближающуюся лодку Обоева, быстро уплывают. Разбираем гербарий.

4 июля. Два дня посвящаем разборке и сушке гербария. Затем на двух лодках, с приключениями, пересаживаясь с лодки на лодку, плывем вверх по Колыме на метеостанцию у впадения Коркодона, ту самую, на которой мы стояли три года назад.

Начальник станции - Коля Сахно. Он, с женой Любой и дочкой, живет тут давно. Три года назад, когда нас возил Селифанов, Коля с семьей ездил в отпуск на «материк». Невысокий, голубоглазый сразу предоставляет нам жилье. Вечером смотрим кино «Подсолнухи». Ходили на коренной берег, на то место, где мы стояли во время наводнения в 79-м году.

5 июля. С утра все тихо. Якуты всю ночь шарахались. Охотники спят в бане. Лодочник по кличке Короток увозит Андрея и Олю на Кудлей – хребет над Коркодоном. Я с Ирой еду к

подножию высокого странного «пальца», острой пикой виднеющегося далеко на противоположной стороне Колымы. Там много степных видов.

Андрей с Олей приехали только в 10 вечера. Комары неистовствуют. Успели сыграть партию в лото – традиционную игру на метеостанции.

6 июля. Весь день закладываем гербарий. Люба кормит нас как на убой: мясом, рыбой, пирожками, пончиками! Объедение! Днем едем с Колей Сахно на карасевое озеро. Он проверяет сети, мы собираем гербарий. Вода теплая. Цветет нимфея, заросли цветущей вахты. К вечеру закладка гербария и вечернее лото. Хорошо!

7 июля. Нужно возвращаться в Ороек. С утра ждем Обоева. Люба готовит котлеты. Вместо Обоева приезжают Антон и Андрюшка-якут. Сахно ставит на стол бутылку водки к котлетам. Снова отдыхаем, ждем, читаем «Швейка». На улице град с дождем. Появляются новые люди. Команда «Золотинки». Приносят водку, батарею пива, закуску. Душа общества – Сахно. Решено ехать вниз по Колыме на «Золотинке» и не дожидаться Обоева. Грузим вещи на две лодки и торжественно подъезжаем к барже. Множество провожающих: якут Андрюшка, Коля, старый якут. Стоят у «нашего» места. Прощаемся. Быстро спускаемся вниз по Колыме мимо «пальца». Теплый воздух бьет в лицо. Из домика на Чебукулахе нужно забрать вещи. На лодку без весел садится бойкий парень Федя. Берег однообразный, избушки не видно. Вверх-вниз. Наконец находим наш мысок. И вдруг навстречу нам - Обоев. Очень кстати. Привез письма из дома. Читать о Черном море, зеленомысских новостях тут, на краю света, особенно дорого. Подвозит к избушке. На «Золотинке» любуемся ночным закатом. Светлая ночь. В Оройке, пока выгружались, несмотря на глубокую ночь, навстречу к нам идет сам Щеглов. Сообщает: вертолетчики летают на пожары каждый день. Это означает – можем заброситься на Юкагирское плато.

9 июля. Знаменательный день. Володя Щеглов отмечает свой день рождения выездом на косу. Будут лучшие люди, будут шашлыки. С утра то взлетают, то садятся вертолеты, делают облеты. Снуют по реке баржи. Мы, недоспавшие, еле шевелимся, разбираем вещи, гербарий. К вечеру одеваемся не в полевое. Праздничный эскорт из нескольких лодок вывозит гостей на косу. На ней плоские камни. Можно танцевать. Щеглов привез оленьи шкуры, мы – ватники. Располагаемся у костра. Начинается застолье. Водка и шампанское. Молодой вертолетчик Витя все время пристает к Андрею – требует пить водку до дна. Белая ночь. Поблекли краски. Обоев в белой шапочке развозит гостей. В первой лодке трое. Оля осталась на косе. Вода быстро прибывает. После дождей начался паводок. К моменту разъезда коса сужается на глазах и вскоре будет затоплена. Мы уже в Оройке, стоим на пристани, ждем следующую лодку. В ней два мокрых вертолетчика – испуганные, пьяные. Наконец подъехала и Оля с остальными. Только тогда я немного успокоилась. Оказалось, пьяный Щеглов вместе с вертолетчиками перевернул свою лучшую лодку «Крым». Полночи шумели, привозили лодку. Переживали.

10 июля. Вертолетчики напросились на обед, перешедший в долгое застолье. Активное участие в застолье принимает Хохол, прозванный девочками почему-то Фербенксом. Днем он привез огромный кусок только что убитого сохатого. Гремят магнитофоны. Всем хочется танцевать. В том же помещении, в углу, я с Андреем спешим: разбираем, сушим, укладываем гербарий, связываем папки. Только в двадцать три вечера гости расходятся. Долго не могли заснуть. Мучили комары.

Из детской клеенки я сшила огромный плащ-накидку. Это моя гордость. И вещи укрывает, и в дождь незаменим. Ночью я в этой накидке пробираюсь к основному туалету поселка – «пизанской башне». Лучшие люди поселка во главе с главной соблазнительницей – продавщицей Валей – гуляют. Вдруг видят меня похожую на ку-клукс-клановца. Раздаются

громкие вопли. Разбегаются.

11 июля. День рыбака. То и дело к лодкам подходят либо нарядные пары (на косу), либо в полевом (на рыбалку). Жена Фербенкса в нарядном халате примчалась к нам в сарай. Он мирно завтракает с нами. Его плитка, мясорубка нам верно служат. Принес огурцы, чеснок.

Часть вещей, сухой гербарий нужно оставить в поселке. Затовариться продуктами. Все рассчитать. Подаренную лосятину девочки нечеловеческими усилиями прокручивают через мясорубку, жарят котлеты. К вечеру активизируются вертолетчики. Варят уху из линьков, приглашают. Надеемся на завтрашний заброс.

К вечеру поселок наполняется пьяными. Обоев упал в реку, освежился.

12 июля. С утра чувствую себя совершенно больной. Ангина. Нужно утрясти вещи, готовить завтрак. Полный развал. На почте необходимо отправить посылки с гербарием. Купить продукты. Масло, которое нам навязал Жмылев, катастрофически портится. Девочки его срочно перетапливают. Андрей оформляет документы. Подогнали машину, грузимся. Бегу за хлебом, но его еще не выпекли. Едем к пекарне и берем 10 буханок горячего хлеба. Шофер ищет Обоева. Он должен лететь с нами, но исчез, видимо, пьет.

Вертолет готов, нас ждут. Грузимся. Бешено завертелся винт. Парим над поселком, рекой, удаляемся в горы на север, на Юкагирское плато, где еще не ступала нога ботаника! Сели у прозрачного ручья.

13 июля. Я больна, лежу. Наш ручей называется Томительный. Весело журчит у палатки, поет свою песню. Оля с Андреем в маршруте. Андрей рассказывает: олени сильно вытоптали тундру. Пологие плато. Высоты небольшие. Находок мало.

15 июля. Заболела ангиной и Ира. Разбираем гербарий. Неожиданно Андрей говорит, что перед отлетом Щеглов отказался нас выбирать. Это не его район. Вертолетчики, вероятнее всего, уйдут в отпуска и вернутся в Сеймчан. Вызовет ли Щеглов вертолет из Сеймчана, чтобы нас забрать? Шутит ли Андрей или говорит правду? Но Щеглов наш старый друг, неужели бросит и не вспомнит?

17 июля. Жарко. Парит. К вечеру Ира идет на плато собирать остролодку. Подъем занимает всего полчаса. Вдруг слышим гром. На Колыме гроза редкость. Черная туча, словно ворона, мгновенно налетает, уже видны молнии. Мы волнуемся. Ира, романтически настроенная, храбрая, стоит на голом плато. Даем залп из ракетницы. Вторая ракета оказалась испорченной, вьется по лиственничнику и поджигает сухой ягель. Оля с Андреем мчатся с чайником, гасят лишайник. Появляется Ира. Гроза пролетела стороной.

18 июля. За сопкой пожар. Издалека несет гарью.

До 21 июля – срока прилета вертолета - ходили на дальние плато.

Прошло 6 дней – вертолета все нет.

25 июля. Поворот к осени. Отцвел багульник. Разлетается пушица. Появились коричневые краски. Ручей по-прежнему прозрачен, но воды поубавилось. Постоянно прислушиваемся, смотрим в небо. Выше на плато выпасают оленей. К нам приходили пастухи, у которых стадо насчитывает до 4 000 голов. Пастухи вызывают санрейс. Им положена профилактика. Пастухи русские. Женаты на эвенках и очень довольны. Раньше бичевали, спивались в Сеймчане. Потом одумались и ведут здоровый образ жизни. Особенно помогла необходимость бегать за стадом, искать оленей.

28 июля. Просыпаемся поздно. Томимся. Тень лиственницы покрыла узорами крышу палатки.

Жарко. Журчит ручей. Седьмой день ожидания. Полная безвестность. Опять гремит вертолет. Мы не верим глазам. Садится! Это вертолет землеустроителей, летит в Рассоху. Пастухи передали о нашем положении по рации. Быстро, как в бреду, заталкиваем все подряд без разбору. Летим в Рассоху на восток. А в Оройке находятся наши вещи. Туда приходит почта! Но нам лишь бы к людям. Пролетаем знакомую гору Конус и садимся в Рассохе, где мы работали в 79-м году. Знакомые лица. Встречает старая знакомая полупьяная тетя Вера. Те же домики, огромная улица. Счастливые, идем к тете Вере пить чай. Маленькая злая шавка схватила сзади за ногу, да так сильно, что прокусила брезент. Вся нога в синяке.

Нам выделяют вполне благоустроенный дом. Вещи подвозят на тракторе. Узнаем – вертолет у Щеглова каждый день работает на пожарах. Не может быть, чтобы забыл! Но мы сидели семь дней!

Вертолет со стойбища привез тушу оленя. Ее быстро распродают. Мы тоже купили здоровенный кусок. Оказалось – он густо засижен яйцами мух. В полутьме не рассмотрели. Идем к прозрачному ручью и отмываем. Две огромные кастрюли плова рассчитаны на росгипроземовцев, вертолетчиков – наших спасителей. Тут и сеймчанский врач Толя Будко. Он ведет девочек на эвенское кладбище, местную достопримечательность. Снова садится самолет, за ним вертолет. Прилетает Белый – ботаник из Магадана, работающий в Росгипроземе. Ведет себя отчужденно. Гербария своего не показывает и не интересуется нашим. В транспорте отказывает.

В соседней избе живет красивый молодой ветеринар Халил. Его будут забрасывать на стойбища. Сразу же пригласил Иру Драневич поехать с ним. Она в восторге.

29 июля. Утором жарко. По центру поселка одна огромная улица. Я иду в легком платье отдавать Вере мясорубку. В руках только мясорубка. Вокруг ни палки, ни камня. На земле только засохшая грязь. На пороге у бабы Веры сидит вчерашняя шавка. Глаза ее синеют от гнева, а вокруг собирается большая стая разнокалиберных дворняжек. Под предводительством шавки они собираются в стаю и довольно быстро бегут мне навстречу. Еще один миг – и мои голые ноги будут растерзаны. Что делать? Я ору изо всех сил, зову Халила. Ветеринар выбегает из своей избы, разгоняют свару и удивляется моему испугу. Когда позже у меня спрашивали, пугалась ли я чего-нибудь, я всегда вспоминала этот случай.

Вертолеты заняты на пожарах. Андрей с Олей ушли в пойму и вскоре вернулись, сварившиеся на жаре, закусанные комарами. На Сугое сильный пожар. Затушенный в июне, он теперь разгорелся с новой силой, идет сплошным фронтом. В Ороек ничего попутного нет. Ситуация все время меняется.

Зацвел вейник. У Андрея начались сильные приступы аллергии. Он планирует уехать на тундру, на Конус, куда должен пойти вездеход. Но ни на что надеяться не приходится, хотя Гулевский – директор стойбища, как и в 79-м году, старается нам помочь.

30 июля. На прощанье вертолетчики покачали девочкам корпусом вертолета. Мы махали! Самолетов нет. Недоброжелательный Белый все же улетел. Приехал вездеход с геоботаниками. В нем девочка Марина. Сразу же стала показывать неаккуратно собранный гербарий. Андрей счастлив – новый вид батрахиума. Хорошо бы его добыть на Лебединых озерах. Но туда можно попасть только вертолетом или вездеходом.

31 июля. Опять весь день договариваемся о поездках. Андрей надеется уехать на Конус. Вездеходчик пьет, не думает ехать. Над поселком серая дымка. Пожары разгораются. Ира должна ехать с ветеринаром, а на Конус поедет Андрей с Олей. Но пока все стоит. Работы почти нет. Гербария минимум. Сборы высушены.

1 августа. Опять планы меняются. Вездеходчик продолжает гулять. Никуда ехать не хочет. Вездеход то и дело шныряет перед нашей избой. Садится вертолет из Омолона. Спор из-за горючего. Гулевский должен срочно тушить пожар и максимально использовать вертолет, а вертолетчики - побольше налетать. А геоботаники - сохранить горючее. Кричат, спорят. Полная путаница. Моя поездка в Ороек за вещами становится проблематичной.

2 августа. С утра Андрей решил плюнуть на все и идти на Конус пешком. Все надоело. Поездку Иры на стойбище из-за все время меняющихся планов решили отменить. Наконец, вездеходчик собрался и увез на Конус Андрея, Иру и Олю. Только уехали – разразилась сильная гроза. Дождь лил до вечера. После жары приятно. Но я волнуюсь за Андрея и девочек.

3 августа. С утра договорилась с вертолетчиками о полете на Лебединые озера. Со скрипом, но берут. Наконец, Халил летит в бригаду. Он весь в ожидании работы. Надел все новое, в накомарнике, перчатках. Жара. Вертолетчики полны желанием мне помочь. Интересуются растениями, расспрашивают. Летим. Вижу сверху: все кочкарные болота на пойме искалечены вездеходными «дорогами». Пролетаем Конус, я высматриваю нашу палатку, но ничего не вижу, кроме эвенских чумов. В пятой бригаде оставляем Халила. Несмотря на жару, эвены в мехах. На озерах, пока вертолетчики делают облеты, могу 3 часа работать. На стоянке круглый год живет женщина с дочкой. Пьет. В старице большая щука смотрит на меня зло, словно в сказке. Жара. Нахожу батрахиум. Счастлива, отмываю корни. Собираю все подряд - получилась полная папка. В лиственничнике лишайники крошатся под ногами. Высших растений почти нет.

Вертолетчики наловили окуней. Чищу и жарю, наблюдая дружбу вороненка с двумя поросятами и щенком. Вороненок жалобно каркает, выпрашивая еду у жадных поросят, и купается под умывальником.

6 августа. С величайшим скандалом удалось отправить вездеходчика на Конус за Андреем. Вездеходчик захватил с собой беременную жену. Дикие нравы. Обратно приехали поздно. Не разбирая дороги, вездеходчик крушил молодые лиственницы, в темноте искры разлетались в разные стороны. Я с замиранием сердца смотрела на эту картину.

7 августа. Весь день закладываем гербарий. Резко похолодало. Сыплет снег. В избе тепло. Андрей читает девочкам лекции.

10 августа. Наконец развеялось. Надеемся улететь первым бортом.

11 августа. Утром на Ан-2 прилетел Н.Соколов. Делает облеты. Предлагает по пути забросить в Ороек. То, что надо. Летим вместе с Олей. Пилоты Макс и Вреш – наши старые сеймчанские знакомые. Макс, «Максютка» – знаменитый пилот. Вреш - тоже знаменитый. У него был случай. Загорелся самолет, и он, спасая детей, сильно обгорел. Оба влюблены в Север. Летим на бреющем полете вдоль реки Булун, затем вниз по Коркодону. На Колыме все заволокло дымом. Везде пожары.

2 дня приключений. Оле удалось покататься на моторке по Колыме. Водитель "подшафе", как здесь принято, выписывал на воде узоры. Потом долго тряслись в машине до Глухариного. На самолет успели. Предыдущий борт не долетел, сделал вынужденную посадку где-то в пойме. Много по этому поводу разговоров. Летим в Сеймчан над Колымой. Я высматриваю знакомые места: Коркодон, Палец, Замковый!

16 августа. Андрей с Ирой прилетели из Рассохи. Ира сразу улетала в Магадан. Мы стали дожидаться машины из Магадана, чтобы перебазироваться на Буюнду. Но, оказалось, в сенокосную страду выбить машину у нас в институте так же трудно, как уехать на вездеходе на Конус. Похолодало. Сыпал снег. Мы на лесоохране жили в сырой комнате без печки. Простудились. В сильном напряжении нас держали 10 дней.

Сколько же техники на лесоохране! И катер, и вездеход, не говоря о вертолетах. Это все используется на охоте. Это главное. Особенно зимой. Чем же заняться? Ведь зимой нет пожаров.

3 сентября приехала машина с Колей Игнатенко, Пашей Жмылевым и его женой Ирой Кривохарченко. Мы уже и не чаяли. В Балыгычане остановились в леспромхозе. В большой долине нещадно рубят вековые лиственницы. Заготавливают. Неизвестно для чего. Собирали гербарий в большой пойме. В основном ходила я с Пашей Жмылёвым. У Андрея аллергия.

Сразу же по возвращении в Магадан, не отпуская машину, в том же составе уехали на юг Охотского побережья в Талон.

Утром просыпаемся в густом молоке тумана, который развеивается только к полудню. Зато во второй половине дня, все сияет голубым, золотым и алым. Стоят замечательные осенние дни. Как всегда, ходим в близкие и далекие маршруты. Как всегда, дружим с любимым шофером Колей, несмотря на его разгильдяйство и пьянку. Безотказный, умный и веселый, он умеет и пошутить и помочь и создать веселое настроение в отряде. В тяжелых условиях это, пожалуй, самое главное.

Еще летом нам удалось попасть в число участников Средиземноморского круиза. В те времена своими глазами увидеть Турцию, Грецию, Италию и Испанию – кто бы не мечтал об этом! Я не сомневалась, что и для Андрея эта поездка представляет большой интерес, тем более что его всегда интересовала история. Однако, выяснив, что мы в основном будем ездить по городам, он расстроился. И только то, что мы будем на Канарских островах, где он сможет увидеть субтропическую растительность, несколько его успокоило. Поездки для него были всегда связаны со сбором растений, а не с культурной программой.

У Андрея идеальная характеристика. Все стукачи, как мне передали в магаданских профсоюзах, распределявших путевки, давали Андрею прекрасную характеристику: мол, его не интересует ничего, кроме растений!.. Как хорошо, что эти стукачи не беседовали с Андреем. Он не скрывал своего отношения к «Софье Васильевне», то есть к Советской власти, как мы ее между собой называли!

До отъезда в экспедицию, ранним летом, необходимо было оплатить стоимость путевок. Она привела меня в шок. Оказалось – мы должны были сразу выложить чуть ли все наши сбережения – больше 5 тысяч рублей. По тем временам – сумма огромная. Нам выделяли каюту люкс.

Работа в экспедиции отвлекла меня от этих огромных трат. Но позже, на корабле, я нисколько не пожалела о выплаченной сумме. Ехали мы с комфортом. Друзья и родственники просили нас поделиться своими впечатлениями. В те времена редко кто из нашего окружения бывал за границей.

24 сентября мы из Москвы уезжаем в Одессу. Перед отъездом страшная гонка. Сборы. До последнего момента чинили сумку, покупали часы. На Киевском вокзале, на огромном табло температура воздуха показывает + 17°. Но за несколько минут упала до + 15°.

В Одессе никого не знаем. Ищем гостиницу «Красная». Город весь в зелени, очень нарядный. Стены густо заплетены виноградом.

26 сентября. Одесса. Ждали руководителя. Выслушивали нудную установочную накачку. Досадовали. Гуляли по красивому городу с правильными улицами, домами преимущественно Х1Х века постройки. Бульвар с огромными акациями, каштанами и развесистой софорой. Нарядные люди спокойно ходят по улицам. Осмотрели «Привоз» – одесский рынок. Ночь мы проводим уже на корабле «Беларусь» в шикарной каюте гранд люкс. Она превзошла все наши

ожидания. Это комфортабельная квартира с финским дизайном.

27 сентября. Одесса. С утра опять инструктаж. Потом длительная процедура обмена денег и, наконец, таможня. Смотрят внимательно, но наш чемодан не открывают. В 15 часов уходят последние пограничники. Поднимают очень высокий трап, и мы быстро отчаливаем. Вдали уменьшается потемкинская лестница, красочная бухта. Мы в открытом море. Уйма палуб. Мы на самой верхней. Наша каюта на самом носу. Таких как наша– только две. Вторая принадлежит директору круиза – приятному интеллигентному человеку.

28 сентября. Стамбул. В 12 дня вошли в Босфор. Берег совсем близко. У берега лепятся минареты мечетей. Далее коричневато серые холмы. Берега видны до деталей. Люди на лодках. В некоторых местах до берега не более 200 метров. Стамбул расположен в обширной бухте. Очень знакомая по картинам панорама. Мечети. Купола Айя Софии. В городе осмотр национального музея во дворце султана. За стеклом ятаганы украшенные бриллиантами, изумрудами огромных размеров. Далее мечеть. Необходимо снимать обувь и идти босиком по пыльному ковру. Вокруг мечети очень много знакомых растений, очень похоже на Батуми, но сказывается более сухой климат. Много пираканты – кустарника с мелкими красными ягодами. Мужчины одеты по европейски. Женщины в черном. В некоторых случаях закрывают лицо пестрым платком. Много низкорослых. Мужчины все без исключения темные, усатые, восточного типа. Множество экскурсантов разных национальностей стремятся в столицу Византии. Везут на мост через Золотой Рог. Душно. Дома скученно лепятся по холмам. Узкие улицы. Новые современные дома на окраине высокие, но не небоскребы.

Чувствуем важность момента. Попасть в Стамбул и в другие капиталистические страны в то советское время очень трудно. В вечерней программе – посещение кафе с исполнением танца живота. Этот танец у всех на устах. Но Андрей и слышать не хочет об этом танце. Поэтому мы единственные на корабле остаемся на палубе. Любуемся бухтой, красивым закатом на фоне темнеющего неба с четкими силуэтами минаретов. Быстро темнеет. Огоньки освещают верхушки минаретов. По бухте снуют паромы, катера.

29 сентября. Стамбул. С утра экскурсия по городу, затем свободное время для покупок и посещение Айя Софии.

Ждём. Гид Али отсутствует. Видимо по случаю национального праздника. Лихорадочно ищут запасного – Ивана. С жидкой бородой в потертых джинсах он похож на котенка. По русски говорит чисто, но со своеобразным акцентом. Сын эмигрантов. Показывают дворец султана, высокую стену гарема. Едем мимо памятника пирату Барбароссе, жившем в 16 веке. Почвы на обочинах улиц и холмов красные, похожи на аджарские. На окраине города дома – типовые коробки. На магометанском кладбище плиты прижаты друг к другу. Мост через Босфор – гордость турок. Попали в Азию всего за одну минуту. На азиатской стороне деревянные ветхие домики. Роща приморской сосны. На смотровой площадке изумительный вид на Босфор. Далекие берега в сильной дымке. Айя София огромный храм 6 века. Мозаичная икона Божьей матери. Огромные хоры. Царское место. Все грандиозно. Безобразные круглые щиты с арабской вязью из Корана. Храм был разграблен. Икон в храме нет. О их былом присутствии, говорят большие крючки. Множество туристов. Грязно и пыльно.

На корабль возвращаемся одурманенные смогом. Жарит солнце. Отчаливаем. В море приятный бриз. Ночью проходим Дарданеллы. Очень близко огоньки берегов.

30 сентября. Греция. Пирей. У причалов плотно друг к другу множество кораблей, яхт. Здесь был Саламинский бой! С корабля видны безрадостные серые предгорья. Город лепится по краям бухты по холмам, сохранив очень древнюю, первоначальную планировку улиц.

Жара плюс 32 градуса! Выпускают на час. Толпой идем по незнакомому городу. Зелени почти нет. Узкие улочки. В нижних этажах магазины. На витринах множество красиво разложенных товаров. На улицах пустынно, люди ходят не торопясь. Подъезды богатых домов отделаны мрамором. Много церквей. Небольшие базилики, ажурные колокольни.

Вечером едем в Афины. В полной темноте ярко подсвечен Парфенон. Ужин в ресторане. Танцуют сиртаки. Гвоздь программы – виртуозный исполнитель греческих и русских мотивов на бузуке – национальном инструменте, нечто между мандолиной и гитарой. И опять танец живота от которого все в восторге.

1 октября. Пелопонесс. В 8 утра посадка в комфортабельные автобусы с кондиционерами. По дороге в Коринф невысокие горы с обрывистыми скалами беловатого цвета покрыты низкорослой, формой напоминающей арчу, алепской сосной. На камнях подушковидные кустарники. Растительность – типичная фригана с полукустарниками, полукустарничками. Долины и пригорки сплошь заняты плантациями маслин. Старые деревья с шаровидными кронами и растрескавшимися стволами. Много фисташек. Посадки цитрусовых. Большая долина. Гид рассказывает: Здесь жила богиня плодородия Деметра и ее дочь Персефона.

Вдоль дорог часто встречаются маленькие часовни, похожие на скворечник. В крошечном домике на столбе – икона, перед ней лампада. На пригорках невысокие базилики церквей.

Горят сосняки. То и дело встречаются обширные черные гари. Коринфский канал имеет длину 6 километров, очень узкий и глубокий. Выпускают любоваться голубыми красотами и обрывами канала. Мы бежим в рощу низкорослого дуба хермесского. На выжженной почве собираем все подряд. Отрастает крупный птицемлечник с высоким цветоносом. В сосняке высокий белый крест. Много олеандра, пестреющей красными ягодами пираканты. Красивые особняки обвиты ярко цветущей красной бугенвиллей. Много дрока испанского. Вдоль речек - высокие заросли тамарисков. Вдоль дорог лежат расплюснутые, прижатые к почве цветущие каперцы. Рядом серые жесткие листья бешеного огурца. При каждом прикосновении маленькие огурчики плюются слизью. Крупные шаровидные кусты инжира обрамляют дорогу.

Едем в Микены к дворцу Агамемнона! Высокие, с пологими вершинами горы. Представляю, как на них зажигались огни, к.ак по этим знакам узнала коварная Клитемнестра о возвращении мужа с троянской войны. К холму с развалинами дворца – паломничество. Разноголосье народов. Камни под ногами отполированы ногами. Проходим вперед под арку знаменитых львиных ворот. Циклопическая кладка – для постройки дворца служили огромные квадратные камни. Спешим вверх на вершину холма. Андрей торопится собрать растения. Между камней пробивается цветущий и уже выгоревший на солнце маленький цикламен итальянский. Нещадно палит солнце. На противоположном холме слышится звон колокольчика. На совершенно отвесных обрывах пасется стадо коз. Мы спешим вниз, по дороге хватая все, что попадается на пути. Натыкаемся на густую сетку. Нет прохода… Снова бежим вверх и обратно. Жара! Стайка автобусов. Какой наш? Не опоздали! Раскопки Шлимана. Здесь он, как и в Трое, нашел уйму золота. Но мы не спускаемся в колодец раскопок, а наоборот, бежим на вершину холма, с которого прекрасно виден дворец Агамемнона. Среди диких грушевых деревьев выгоревшая трава.

Едем в Тиринф на родину Геракла. Здесь он совершил свой первый подвиг – убил Немейского льва.

Далее дорога в Арголиду. Едем мимо города Аргоса в Нафплеон – курортный городок на берегу Эгейского моря. Места эти связаны с мифом о Тесее. Именно здесь на холме несчастный Эгей стоял и увидел черный парус на корабле своего сына.

В Эпидавросе – родине Эскулапа нам показывают знаменитый театр с чудесной акустикой. Здесь до сих пор играют трагедии древних греков. Каменные скамьи расположены амфитеатром – как и в любом древнем греческом городе. Акустика действительно поразительная. Мы проверяем и слышим наверху каждое, хоть шепотом произнесенное слово стоящего на сцене. Амфитеатр окружают высокие можжевеловые заросли.

Теперь нам обещают пляж. Но до него очень далеко. Дорога вьется вдоль гор с густыми яркозелеными сосновыми лесами образующими сомкнутые насаждения. Есть и высокоствольные, у вершин – ниже. Море далеко внизу. К нему спускаются серпантины дороги. Наконец у маленького городка пляж. На песчаном берегу собираем кермек.

В Пирей возвращаемся под вечер. Бухта заполнена кораблями. Нет нефти. Полное впечатление что они готовятся к битве.

Вечером бродим по празднично освещенному Пирею. Магазины сверкают витринами. На память покупаем греческую вазу. Везде бензоколонки с эмблемой-ракушкой. В маленьком парке на обочине огромных размеров мирабилис с человеческий рост. Рядом такого же большого размера латук!

2 октября. Афины венчает Парфенон – творение великого Фидия. Развалины, к которым стремится огромный поток людей. Камни на подъеме отшлифованы ногами так, словно это каток. В храме Афины все скульптуры увезены. С Парфенона открывается вид замечательной красоты. Под холмом амфитеатр, за ним сосновая роща. Сорные заросли опунции. Сосняк крайне запакощен. Много мусора. Андрей возмущается:«Это ведь как наш кремль!».

Едем мимо храма Зевса, вернее Юпитера, построенный во 2 веке при императоре Адриане. Иудино дерево больших размеров. Показывают дом Шлимана. Сюда он тайно вывез золото Трои. Далее - академия изящных искусств, университет, национальная библиотека и, наконец, музей. В основном, античные ценности, найденные в последние годы. Несколько залов заполнено мраморными скульптурами. Здесь и ранний период греческого ваяния, и поздний. Есть и бронзовая скульптура мужчины, датированная 6 веком до н.э. Много римских копий. Запомнился Посейдон, Геракл, Пан – все первого века до н.э.

Едем по городу. Огромные деревья лавра благородного. Стрекочут цикады! Величественная скульптура императора Константина, созданная в 4 веке нашей эры, то есть вскоре после его кончины. Начинаешь понимать – в Греции христианство укреплялось очень сильно с самого начала.

Памятник Каликатронису, одному из борцов за независимость от турецкого владычества. Жил в начале 19 века. Памятник Байрону.

Свободное время мы используем для прогулки. Церковь с открытыми дверьми на все четыре стороны. Очень много верующих. На шее почти у всех - большие тяжелые кресты. Пронзительный звон колоколов. Кроме нарядной и благопристойной публики, на газоне расположились грязные хиппи.

У нас на корабле по соседству в каюте люкс едет внук Брежнева, тоже Леня. Но он худенький и выглядит карикатурно по сравнению с «гарным» и бровастым дедом, нашим первым секретарем, то есть главой государства. В каюте с ним красивая жена и ее подруга. Поговаривают– охранница. Вполне вероятно.

4 октября. Мальта. После дневного перехода мы в главном городе Мальты – Ля Валетте. Белые старинные здания. Поездка в старую столицу – Медину – память об арабском владычестве. Осмотр пышных католических соборов. Особенно подчеркивается то, что русский император

Павел I был магистром мальтийского ордена. Показывают и катакомбы, в которых прятались во время гонений христиане.

Развито огородничество. Сухо. Проблемы с водой. По обочинам дорог высокие, более человеческого роста травы: анис, мелколепестник канадский. Заросли айланта. Олеандр растет деревом до 5 м высотой. Очень высокие культурные пеларгонии высотой до полутора метров. В сорных местах, на обочинах много одичавшей опунции. Созревают её красные плоды.

Италия. Вечером причаливаем в Чивитавеккио. Завтра осмотр Рима!

6 октября. Рим. Ранним утром формальности. Выверка паспортов. Полицейский острым глазом то на тебя, то в паспорт. Особенно внимательно на внука Брежнева. Тот , словно индюшонок, выставил грудь. Гордится происхождением.

Дождь, но тепло. Дорога в Рим тянется вдоль виноградников, посадок маслин. Только вдали видны облесенные горы. Едем быстро, но на подходе к Риму пробки, бастуют шоферы. Поэтому итальянцы на работу выехали на собственном транспорте, которого великое множество. Машины стоят вдоль тротуаров сплошной полосой. Подвозят к Колизею. Старые стены из коричневого кирпича не производят грандиозного впечатления. Сегодня Палатин холм со странными старыми домами, зияющими пустыми глазницами окон. Обрамляющая Палатин зелень усиливает впечатление ветхости. Рядом с этими жалкими остатками истории, пульсирует большой современный город, мчатся непрерывным потоком блестящие машины. Форум – те же обломки колонн. Очень трудно представить описанную неоднократно небывалую пышность, обилие мрамора, золото, триумфы! Нет грандиозности, которую рисовало воображение. Проезжаем мимо остатков храма весталок. Развалины. Несколько колонн между современными домами. Церковь 16 века Петра и Павла. В ней Моисей Микеланджело.

Красные почвы. Заросли ежевики. Эвкалипты. Серый можжевельник. Высокие кустарники эфедры густо покрывают невысокие холмы. Пинии. Окраины Рима. Большое кладбище машин. Мусор в больших черных пакетах выставлен на улицах. На стенах надписи. На одной вижу свастику и серп и молот. Знак равенства! Могилы этрусков. Оптовый рынок. Ворота святого Павла. Высокие платаны. Едем на холм Эсколино, что означает « часть целого». Между Палатинским холмом и Капитолием – форум. Невысокие колонны. Отдельно место, где сжигали труп Юлия Цезаря. На колонне Трояна - барельеф. Изображена битва Трояна с даками.

Все перемешано. Совсем недалеко от Форума огромный помпезный памятник начала 19 века. Могила неизвестного солдата. Памятник Виктору Эммануилу. За ним совсем небольшая капитолийская волчица с двумя младенцами – Ромулом и Ремом. Рядом невысокие заросли лавровишни с зрелыми плодами, вполне съедобными.

Едем по Риму. Среди современных зданий храм Минервы, развалины храмов 4 века до н э. Едем по улице Цезаря к месту старого форума. Здесь церковь 17 века, святого Андреа де Валлей. Это место связано с сюжетом оперы Пуччини «Тоска». Входим в Пантеон. Могила Рафаэля. Любимец Рима умер в 37 лет. Фонтан Треви. Скульптуры 17 века. Позднее барокко. Впервые источник был обнаружен Агриппой в 1 веке до н.э. Прозрачная вода бьет в бассейн. Полно народу. Бросаем монетки с надеждой сюда еще вернуться.

Следующий фонтан Тритонов. Произведение Бернини, основоположника барокко. Затем площадь святой Сюзанны. Термы Диоклетиана. Площадь Венеции. Здесь недалеко дворец президента. Торговые ряды Траяна. Опять Капитолий. Статуя Марка Аврелия. Кроме лавровишни в тенистом скверике в диком виде зеленеет акант. Далее площадь Сильвестра. Колонна невинной Марии и наконец площадь Испании. Большая лестница. Кафе, где часто бывал Гоголь. На стене его автограф. Едем дальше. Устали. Укачало. Никаких правил движения

тут не соблюдают. Автобус то и дело тормозит. Площадь тополей. Обелиск привезенный из Египта императором Августом. Церковь Марии дель Пополо. Многие мраморные скульптуры повреждены, с потеками. Андрей говорит: «плачут».

На вилле Боргезе осматриваем картинную галерею. Здесь много Караваджо. Дворец Фарнезе. Микельанджело Площадь императора Августа. Опять этрусские могилы. Улица Кондотти – самая фешенебельная в Риме. Вечереет. По городу распространяется запах жареных каштанов, кофе. И опять едем, опять на каждом шагу исторические места, храмы, площади. Вечный город. Переезжаем Тибр. Замок Адриана. Замок святого Ангела. Можно очертить границы старого Рима. Вдали виден купол храма Святого Петра. Прогулка по холму Джаниколо. Здесь дуб Торквато Тассо. Устали. Полны впечатлений. Трудно все переварить. Неужели все это видели своими глазами?

7 октября. Сегодня Ватикан. По дороге из Чивитавеккиа заросли арундо. Кедр ливанский. Лесок из эвкалипта. Вдоль дорог заросли клематиса. Белая акация. Высокий анис. Заборы из пираканты. Много орляка. Травянистая бузина. Высокие колючие цезальпинии. Платаны. Улица Согласия. Въезд в Ватикан.

Долго идем вдоль высокой стены отделяющей Ватикан от города. Большая площадь. Показывают окошечко, в котром иногда появляется папа римский.

Входим в музей. Ботичелли. Микеланджело. Рафаэль - ученик Перуджино. Народ идет мощным потоком. Аполлон Бельведерский.

Розелли, Сигнорелли, Ботичелли. Купол Микеланджело. Огромный зал наполнен людьми. Полный зал, задрав голову рассматривают росписи на куполе. Святой Иероним Леонардо да Винчи. Египетский зал. Мумии. Розетский камень. Оригинал! Лаокоон Анаксимандра. Римская мозаика. Несколько залов подряд – римские мраморные статуи. Римские гобелены 17 века: Воскресение Христа, Бегство в Египет. Станцы Рафаэля 1511, 1512. Философы! В центре Аристотель и Платон. Апартаменты Борджиа. Сикстинская капелла. Страшный суд. Изгнание из рая. Микеланджело.

Грандиозный собор святого Петра. Захоронение святого Петра. Император Константин поставил первую церковь, просуществовавшую до 16 века. Старая разрушилась. Взамен поставили новую, при участии Микельанджело. В этой церкви короновали Карла Великого (Шарль Мань) Высота купола 135 м диаметр 41 м. Балдахин Бернини из 700 тонн бронзы. Могила святого Петра. Кафедра – произведение Бернини. Голова переполнена впечатлениями. Едем по набережной Тибра мимо тюрьмы под названием «Королева неба». Тиберийский остров в виде корабля. Круглый храм Весты. Храм мужества и счастья.

Стоим на холме Аветино. Сверху видны бани Каракаллы, стены Рима построенные в 3 веке. Холм Эскулино. Санта Мариа маджоре.

Едем в современную часть Рима. Дворец спорта. Улица Колумба. Ресторан гриб. Рим стоит на катакомбах! У ворот святого Себастиана начинается Аппиева дорога. Опять Колизей. Рассматриваем амфитеатр Флавия. Развалины золотого дома Нерона.

8 октября. Сегодня последний день в Риме. Вилла Боргезе остается напоследок. Осмотр знаменитой картинной галереи.

Голова идет кругом от разнообразных впечатлений: Бернини – Давид бросающий камень в Голиафа. Аполлон и Дафна.

Караваджо: Давид с головой Голиафа. Отдыхающий Давид. Кореджо: Даная .Тициан: Любовь земная. Антонелло: Портрет неизвестного. Ребенок вынимающий занозу – скульптура. Рафаэль:

Снятие с креста. И многое другое.

Перед отплытием стоим на высоких палубах. К теплоходу подъезжают машины. Это внука Брежнева с супругой провожает посол. Мы видим подобострастные улыбки. Вслед за парой поднимающейся по трапу несут многочисленные коробки – подношения. Их складывают по соседству с нашей каютой, в просторной каюте гранд люкс, в которой едет директор круиза. Провожающие ворчат, но тихонько.

На этом дневник прерывается. Слишком все напряженно. Кроме культурной программы, у нас уже собран большой гербарий, которым нужно заниматься поздно вечером и на рассвете. Мы очень рады комфортабельным условиям для работы. Далее успеваю записывать только кое-что на ходу.

9 октября. Испания. Барселона. После сильного шторма к вечеру причалили к Барселоне. С корабля увидели высокие горы, рощи кипарисов, старинные замки. Формальности проходим мгновенно и свободно, весь вечер гуляем по Барселоне. Недалеко от порта, в начале большого бульвара высокий памятник Колумбу. Бульвар вымощен гладкими плитами. По обочине рядами растут высокие платаны. По сторонам лавчонки с разнообразными сувенирами: куклами, кастаньетами и очень красивыми веерами. Весь бульвар заполнен нарядной медленно прогуливающейся толпой.

10 октября. Барселона. С утра объезд города. В воскресенье улицы пустынны. Рядом со старинными помпезными серыми тяжеловесными домами – современные, с зеркальными стеклами. На улицах деревьев нет, но каждый свободный клочок, развилки улиц используются для больших клумб. Это густые кусты алоэ, пальмы хамеропс, рокарии. Композиции выполнены с большим вкусом. Чувствуется забота о внешнем облике города. Знаменитое творение Гауди – дом своеобразной архитектуры.

Проезжаем мимо памятника Колумбу. Гид объясняет. Барселона – столица Каталонии. Основал ее в 1 веке Барсино – римский полководец. Помпезная триумфальная арка поставлена в 1878 году. Площадь Испании. Здесь цирк где проходят корриды. Кое где деревья стеркулии в плодах. Алоэ ферокс, пираканта в плодах. Подокарпусы, пальмы! Много оградительных шпалер из питтоспорума. Вьется плумбаго с голубыми цветами. Инжир. Цветут большие агавы. Большое иудино дерево со стрючками на стволах.

Везут на гору в парк Гуэлле. Гауди. Оригинально. Периплока и текома вьются по обочинам. Кусты цеструма Паркa с красными цветками. Кипарисы. Все осматривают парк. Мы убегаем на гору в сосняк. Заросли ежевики, клематиса, периплоки, и особенно сассапарили. В основании стволов всё переплетено. На окраине- утесник. Высокий мирабилис и зантоксилум. На горе в полном цвету деревья цареградских рожков.

Едем по городу. Банки Каталонии. Современная архитектура. Дом в зелени. Композиция из фатсии японской, цветущей юкки. Готический кафедральный собор.

Музей Пикассо. В чем успех его картин? Для чего он дорисовывал картины Веласкеса, Эль Греко? Например, «Менины». И прославился. Нас быстро прогоняют по залам.

Большая площадь перед огромным готическим собором заполнена хороводами. Ритуальный танец единения. Что-то вроде молитвы. Играет оркестр. Люди взявшись за руки или положив руки друг другу на плечи танцуют совершая несложные движения. Движутся по кругу. Лица серьезные. Сгруппированы по возрасту. На молодых специальные тапочки. В середине круга горкой сброшены куртки.

Во второй половине дня везут 9 километров на гору Тибидабо над Барселоной. Главная цель –

осмотр храма построенного Гауди. По пути сосняки, рощи из пиний дрок испанский, вереск. Подлесок из дуба хермесского, цитизус. Володушка кустарниковая. Стелющиеся лианы обвивают кустарники: смилакс, спаржа, периплока, каприфоль, ежевики. Все зеленое.

На вершине, кроме храма, детский городок, смотровая площадка, русские горки. Шумно. Свежий ветер. Все идут в храм. Мы спешим в обратную сторону в поисках спуска в лес. Виллы выстроились в ряд, не пройдешь. С трудом находим проход, продираемся сквозь густые переплетения ежевики и клематиса. Все загажено, в мусоре. Спускаемся по крутому склону и попадаем в настоящий лес из каменного дуба. Все зеленеет. Плющ густо устилает землю. Заросли средиземноморской калины лавролистной. На земляничном дереве висят гроздьями красные «земляники». Рядом такое же дерево, но уже только с цветками! По крутым склонам, по проторенным тропинкам пробираемся вниз. На крутых скалах сплошной покров мелкого папоротника – асплениума черного. На осветленных местах непроходимые заросли сасспарили, ежевики и плюща. Недалеко от высоких, более 25 м высотой каменных дубов роща сосны черной. Рускус с рост человека! Ниже по водотокам яркая зелень высоких платанов. Холмы на вершине в густых зарослях хермесского дуба. Вернувшись, мы еще успеваем зайти в церковь Sacre coer, увидеть пышный алтарь, красные свечи и шумную публику со вспышками фотоаппаратов.

В центре города в небольшом парке у недостроенного собора Гауди цыгане танцуют фламенко. Около пруда растет высокий, с курчавыми листьями папирус.

11 октября. На окраине Барселоны выставка народных промыслов. В маленьких магазинчиках продаются замысловатые, испанские воротники, веера и всякие прочие красивые сувениры. Маленький ушастый феннек сидит на пороге небольшого кафе. Это забавное домашнее животное, что-то вроде нашей кошки, Написал на порог, вызвав гнев хозяйки. Она шлепает маленького лиса. Он виновато убегает, размахивая пышным хвостом.

Вторая половина дня – свободное время. Поднимаемся на склоны еврейской горы в сад суккулентов. Это частное владение. Сад расположен на склоне южной экспозиции напротив морского порта. Пробираемся через колючую проволоку и бродим в полном одиночестве, очарованные огромными кактусами, цереусовидными молочаями. Удобные усеченные кирпичики с названиями растений покрыты майоликой. Их легко переносить с места на место. Коллекция огромная. Андрей хочет увидеть природную растительность. Выбираемся за дорогу в небольшую рощу сосны аллепской. На опушке дрок испанский, злаки. Высокий гомфокарпус, скабиоза, дикорастущая лаванда. Стрекочут кузнечики. В кустах большое осиное гнездо. Одичавший виноград. Огромный куст фикуса. Солянки похожие на хвойные. В кустах лежка цыган. Все сильно загажено. Возвращаемся в сад суккулентов и осматриваем его до позднего вечера.

Остается всего полчаса до посадки. У пристани стоит копия каравеллы Колумба. Удивляют ее маленькие размеры. Андрей вбегает на палубу, но нужно платить за вход. А деньги не разменяны.

12 октября. Остров Мальорка. Медленно приближаемся к очень нарядной пристани. В бухте много яхт. Город Пальма с огромным готическим храмом. И на набережной, и в городе – везде высокие и пышные кроны канарских финиковых пальм.

Едем на другой конец острова. Дорога идет вдоль плантаций миндаля. Попадаются высокие с пышными большими кронами деревья цареградских рожков – цератонии. Гид на мой вопрос отвечает, что ими кормят свиней. Вспоминаю притчу о блудном сыне. На полях стоят смешные круглые ветряки выкачивающие воду для полива. Сосняки с подлеском из жестколистных кустарников. Но дрока, как в Барселоне нет. Нет и пиний.

Пещеры приносят владельцу 60 миллионов песо в год. Вход стоит 200 песет, то есть полтора доллара. Спускаемся в пещеру по длинным переходам, любуясь огромными сталактитами, глубокими гротами, очень прозрачными подземными озерами. Около главного, самого большого озера концертный зал. Сюда, вдоль сталактитов, спускают нас на высоком эскалаторе. Будут давать концерт. Но Андрей рвется наружу, наверх, к растениям. Просим смотрителя вывезти нас наверх, дарим ему расписную ложку. Он очень удивлен нашим поступком, но все же поднимает вверх, на дневной свет.

Жара. На морском, каменистом склоне вечнозеленые плотные шаровидные или несколько расширенные кусты до 1,5 высотой. Главным образом эрика, зантоксилюм, сизифус. Есть и ладанники. В небольших промежутках между гигантскими подушками покров из уже сухих злаков. Большой ветвистый аспарагус. В сухом сосняке вылезают эфемероиды осеннего цикла: галантусы, мерендера, крокусы, цветущий нарцисс! Много маслины, а по опушкам вездесущая сассапариль!

15 октября. Канарские острова. В очень жаркий день наша «Белоруссия» подошла к причалам города Лас Пальмас – городу на острове Гран Канария. Зелени, канареек и жестколистных субтропических лесов, какие я себе представляла – нет и в помине. В бухте вода грязная, плавают масляные круги. Испарения и жара. Неподалеку от пристани баки огромных размеров в которых хранится американский бензин. Надпись «Эссо». Быстро высаживают на берег. С самого начала круиза все наслышаны о баснословно- дешевых ценах на Канарских островах. Все берегут свои жалкие 30 рублей, то есть 44 доллара, как нам их разменяли. У меня страшно болит голова. Но это не останавливает Андрея. Ему главное попасть на природу. Но где здесь природа? Идем жаркой улицей вверх на холм. Выходим к колючему заграждению. Андрей намерен зайти за проволоку. Далее прохода нет. Я бросаюсь ему в ноги, умоляю не ходить в запретную зону. Сцена. Слышится его привычное «Черт, проклятье». Соседней, узкой, такой же жаркой улочкой, наполненной низкопробными отелями и девицами определенного сорта, рассматривающих нас как пауков под стеклом, спускаемся вниз, в прибрежный парк. И только здесь, увидев огромную драцену, Андрей немного успокаивается. Тут же неизвестное нам молочайное. Большой куст с большим количеством стволиков. На верхушке розетка листьев и соцветия. К цветкам подлетают мухи. Снова удалось выйти за город, на холмы из пористого вулканического туфа. Все раскалено. На черных скалах точками разнообразные растения, в основном нам неизвестные. Два вида опунций. Разрастаются мощными кустами. У одного лепешки особенно колючие.

На Канарских островах нам предоставили, наконец, возможность самостоятельно ходить по городу. Мы уходили далеко на холмы, купались в море. Пляж находится в самом центре города. Вдалеке виден остров Тенериф. Днем, его вершина скрывается в облаках, поднимаются облака заволакивая вершину.

Поездка на один из пиков Гран Канарис. На скалах вдоль серпантинов дороги растут эониумы. Очень крутые повороты. Мы парим в воздухе. Две машины разойтись тут никак не смогут. Наконец видим рощу легендарных драконовых деревьев – драцен. Много агав. И везде дичающая опунция.

На обратном пути удалось осмотреть ущелье речки. Растительность по облику разительно напоминает Колхиду, но виды растений другие.

Андрей накормил нашу группу плодами опунции. Съели не очистив их от колючек, рот у многих распух. Не рассердились. Отношение к энтузиазму Андрея самое доброжелательное.

19 октября. Марокко. Рабат. Каса Бланка. Последний пункт. Большой шумный город. Женщины в длинных балахонах. В таких же, почти до пят, балахонах и мужчины. Шумно. На окраине,

около дворца, много жимолости японской. Вьется бугенвиллея. В городе – старый город Медина. Много и почти темнокожих, похожих на негров людей с вьющимися волосами. Мы как никак в Африке…

По дороге в Рабат высокий молочай – пуанцеттия – рождественская звезда. Но растет он тут не как на Канарах деревом, а кустарником. Смоковницы. Бесстебельная пальма. Красноземы. Виноградники возделываются так же, как в Кахетии на шпалерах. Далее в дневнике записывает Андрей. Его непонятным почерком список средиземноморских элементов и список тропических африканских растений.

Круиз закончился. Мы привезли в Москву большой гербарий. Как и прежде в поездках за рубеж мы не отдыхали. Андрей и я рядом с ним, использовали малейшую возможность для сбора растений. Рядом с Андреем, я понимала – должна быть его помощницей. Не только сбор, но и этикетирование, закладка, переборка, сушка газет требовали максимального внимания.

Как было заведено в круизах – вечерами давались самодеятельные концерты групп туристов из разных городов. В нашем круизе в московской группе был известный эстрадный артист Петросян. Но он не выступал, а большей частью развлекал знаменитого внука Брежнева , особенно в ночном баре. Зато наша магаданская группа отнеслась к выступлению с ответственностью. Среди магаданских туристов были артисты театра. Андрей очередной раз прославился. Он, бородатый изображал «мальчика», который вынимает занозу. Много веков эта заноза не вынималась, наступил радостный момент. Андрей с радостным криком вырвал занозу и всем показал. После этого Андрей прославился и как артист и некоторые туристы брали у него автографы.

Наш сосед по каюте – директор круиза рассказал нам, что если в Марокко для всех нас круиз кончается, а элитарный внук поплывет дальше с новой партией туристов.

Но не пришлось внуку идти на лайнере «Белоруссия» на север. Конец октября. Капитан с директором перешептываются. Заболел дед, то есть Леонид Ильич. А возможно уже умер? У нас ведь не впервые задерживать похороны. Праздник могут нарушить, или не сообразить, как сразу народу сказать…

Прилетев в Москву, через день мы узнали – Брежнев умер. Москву закрыли, и она, ранее наполненная страждущими купить дефицит, неожиданно опустела.

По телевизору мы видим похороны. Чеканят шаг многочисленные военные. Мой свекр Павел Александрович в раздражении ворчит: «Вот вам и государство рабочих и крестьян». У мавзолея могила. Вокруг стоят родные, и я снова, но уже по телевидению, вижу и внука, и его миловидную жену. Когда опускали на веревках гроб, что-то случилось. Но гроб опустили.

Король умер. Да здравствует король! Нет, король, то есть советская власть, не умерла. Еще будут маленькие всплески: Черненко, Андропов. Но что же внук? Где он? Там, в круизе, говорили, что он работает в комитете по науке. Нам, научным сотрудникам, ничему удивляться не приходилось.

В дальнейшем внук себя утверждал слабо - вступал, и кажется, создавал меленькую партию. Недавно, к столетию Леонида Ильича, которого сильно реабилитировали, вспоминая Советскую властьчуть ли не как нирвану, показали и внучка. О! Он раздался, обрюзг, хотя еще молод. Показывал довольно скромные по современным меркам апартаменты дачи в Крыму, в которой прошли его блаженное детство и юность.

Нет, я надеюсь, король умер.

В конце ноября мы отмечали золотую свадьбу родителей Андрея.

Нам выдали талоны, по которым мы отоварили для свадьбы продукты. В ящике была красная икра, консервы, водка и коньяк. Драгоценные дефициты.

В Магадан вернулись в конце ноября и сразу окунулись в работу.

На профсоюзной конференции подсчитываются очки. Лаборатория ботаники опять попадает в первые ряды.

Андрей пишет обоснование организации Магаданского заповедника. Занимается описанием растений Магаданской области для Красной книги СССР. Эта работа занимает много времени, отвлекая от работы над «Флорой».

Поездки 1982 г.: Июнь: Окрестности Магадана(бухта Гертнера, бухта Светлая). Июнь-июль: Магаданская область (Сеймчан, Ороек, Юкагирское плато, ручей Томительный, Рассоха, Чебукулах, метеостанция Коркодон, пос. Буюнда, пос. Балыгычан). Сентябрь: Охотоморье (пос. Талон). Октябрь: круиз по Средиземному морю. Турция (Стамбул), Греция (Афины, Пирей, Арголида), Рим, Испания (Барселона, Канарские острова, Мальорка), Марокко (Касабланка).

Публикации 1982 г.: Вышло восемь работ. Это в основном препринты. Статья «Уровни полимеризации в эволюции растений» вышла в Известиях Академии наук**.**

1983 Новый 1983 год мы встретили неудачно. Были приглашены в гости к знакомым. Наутро, когда возвращались домой, поднялась сильная метель, увязли в сугробе. Андрея продуло. Весь январь он сильно болел. Дышал очень тяжело, с сипами.

Андрей раздумывал – кто мог бы стать ответственным редактором его «Флоры». Сначала выбор пал на В.Н.Ворошилова. Он, автор «Флоры Советского Дальнего Востока», может подойти к труду Андрея с полной ответственностью. Но В.Н. всегда сомневался в его новых видах. Особенно задевало Андрея то, что Ворошилов не признавал его хохлатку магаданскую. Из письма к Ворошилову: «А теперь позвольте объяснить свое понимание вида: для Вас, как я понял, вид (практически) – такое-то количество гербарных листов, которые следует держать отдельной кучкой, а если смешать с другими – то снова можно ее легко выделить в отдельную кучку по вполне определенным признакам. Так? Хотя бы теоретически? (хотя могу держать пари, что и Вы не всегда сможете проделать такую операцию безошибочно). Для меня же вид – особое явление природы, особый «вид живого вещества, где на равных правах выступают и морфология, и биология, и география». Я вполне допускаю наличие переходных форм между видами, если они хорошо обособлены экологически и в какой-то мере географически. Или – наоборот – географически, а во-вторых – экологически. Поэтому мне кажется, что к своим видам я тоже подхожу отнюдь не с позиции: описать во что бы то ни стало, потому что они мои, а объективно, потому что они существуют. Ваши аргументы меня отнюдь не убедили». Далее он приводит многочисленные примеры.

Поэтому кандидатура Ворошилова в качестве ответственного редактора отпала. Был выбран Владимир Борисович Куваев, известный исследователь Севера, который и согласился взять на себя труд редактировать «Флору». Ему для пробы были отосланы препринты с первыми публикациями определительных ключей для будущей сводки.

В стране к власти пришел Юрий Андропов. В связи с этим на работе стали резко устрожать дисциплину. Волна строгостей прокатилась по всей стране. В Магадане в общественных местах в рабочее время вылавливали горожан и требовали оправдательные документы. А у кого их не было, куда-то на время отправляли… В институте всех обязали находиться на работе от звонка до звонка.

При входе в институт со времен «Дальстроя» существует вахта, та самая, где в 1967 году сидела

тетка, вся в военном и с пистолетом. Времена военной формы и пистолетов у вахтеров прошли. Но они продолжали регулярно сменять друг друга, дежурили. Теперь возобновились проверки, но в комической форме. По утрам заведующие лабораториями во главе с директором выстраивались на вахте и учитывали приход на работу своих сотрудников. А тем, кто не приходит вовремя, «разбаловался», объявляли выговор.

От работы отвлекали и конфликты. Обстановка в институте раздражала Андрея. Ему бы сидеть тихо, заканчивать рукопись, быстрей издавать «Флору». Но он ввязывался в конфликты, защищаел сотрудников как из своей, так и из других лабораторий.

Например, в институте решили не издавать монографию энтомолога Эриха Матиса. Эрих Гергардович - тихий, бесконфликтный человек, но ему фатально не везет. Сначала обещали заведывание лабораторией, но оставили только группу. У него затяжной конфликт с Д.Берманом. По моему мнению, именно в этом трудность издания монографии. По этому поводу собирается ученый совет, критикуют работу Матиса, не утверждают документы на ее издание. А Андрей защищает. Он твердо считает, что любой труд, даже самый бредовый, имеет право на издание. Считал, что время покажет, кто был прав, кто виноват!

На субботнике

Катаясь на лыжах на Марчекане, скатываясь по крутым склонам и снежному насту, я подвернула ногу и повредила мениск.

Андрей уходил на весь день и работал, работал. Это была гигантская работа. Переделывал. Обдумывал. Завершение работы над «Флорой» требовало полной самоотдачи. Из своей комнаты, где я лежала с больной ногой, постоянно слышала треск, словно кто-то ломал хворост. На самом деле Андрей в своем маленьком кабинете печатал и печатал, стучал на машинке.

Необходимо было день отработать на стройке. Это называлось «ленинский субботник». С субботника Андрей пришел домой в веселом настроении. По традиции, во время работы выпивали. Из маленького радиоприемника у нас на кухне доносился голос Аллы Пугачевой: «Миллион, миллион алых роз». Андрей прислонился к холодильнику и слушал. Потом исчез, что меня взволновало, так как я никогда не знала степени его опьянения. Вроде бы трезвый, но какие-то неуловимые неуверенные движения говорят о другом. Оказывается, Андрей растрогался, слушая песню, пошел на рынок и купил мне большой букет тюльпанов. Поступок для него революционный, потому что он не любил срезанных цветов и вообще не делал подарков.

Весной мы вместе улетали в Москву, а оттуда в Донецк на съезд Ботанического общества. Там мы оба делали доклады. После съезда были интересные поездки. Мы выбрали заповедник «Хомутовская степь». В степи Андрей ушел далеко, в одиночестве собирал гербарий. Я по привычке высматривала его полную фигуру, маячившую вдалеке, среди высоких ковылей и степных трав. Боялась – будут опять недовольны его опозданием на автобус. Он сильно располнел, мучила гипертония.

13 мая Андрея наградили орденом «Знак Почета».

Река Кава

По возвращении в Магадан Андрей сплавлялся по реке Каве вместе с В.Михайловым и П.Жмылевым. Я была на Зеленом мысу у больной мамы.

В его архиве я нашла записку, датированную 13.06.1983. Андрей пишет почему-то от руки. Может быть, в экспедиции?

«Что наша жизнь? Игра! Устал жить, но надо – ради детей, ради жены, ради родителей. Еще нет 50, а уже утомительно носить свое тело, организм работает на пределе. Не хватает гармонии. Как будто погружен и все глубже погружаюсь в трясину безразличия, равнодушия и лени

(подчеркнуто). Ничего не хочется, ни-че-го.»

14.06.«Утро, солнце, и опять хочется чего-то, но чего-то совсем выходящего за рамки сегодняшнего, например кругосветного путешествия, признания, почестей, семьи, верных друзей и даже повелевать миром! Ах, каким бы я был добрым, но справедливым! Прежде всего, надо истребить ложь, обман, хитрость, коварство, демагогию – в общем, всякую неправду, а значит и несправедливость».

24 июля 1983 года: «Дорогая Вероника Генриховна! Давно Вам не писал после большого письма о Средиземноморском путешествии, которое, надеюсь (т.е.письмо), Вам понравилось. А теперь вот путешествую тут, поблизости по реке Каве. Река эта, как ни странно, течет параллельно берегу по совершенно ровной местности, страшно извивается, течение очень слабое. В одном месте подходит почти к самому побережью – на 10 км, да еще в этом месте от нее отходит протока, вытекающая тоже из озера (тоже Кава), южный берег которого подходит к берегу моря на 4 км, да еще в это озеро текут ручьи, верховья которых подходят к берегу моря чуть ли не вплотную, до 1,5 км. Правда, берег тут высокий, от прибрежной гальки поднимается сразу очень круто, в самых низких местах – на 200 м, а в высоких – на 600-700. Нас было трое, я и два моих сотрудника, ребята бывалые, полевые. Простояли на озере 4 дня, потом пустились в плавание. Вокруг масса птиц: утки, чайки, гагары, гуси, кулики да еще лебеди и орлы. Такой массы я еще никогда не видел, то и дело взлетают целыми стаями. Видели много медведей и лосей на берегах. Те и другие любят мелководные озера, что-то выкапывают со дна. Когда они таким образом заняты, можно подойти к ним потихоньку метров на 200, а как заметят, так сразу наутек во все лопатки, разбрызгивая во все стороны воду. В течение двух недель не встретили ни одного человека. Только самолеты пролетали вверху. Погода была, в общем, жаркой, в лодке ехали почти раздетыми, здорово загорели. Только вот в маршруты было ходить трудно, жара да еще местность, не приспособленная для ходьбы: ровные места все болотистые, кочковатые, сопки же покрыты горелыми лиственничниками с поваленными деревьями либо зарослями кедрового стланика, ветки которого направлены вниз по склону, колючие, да еще здорово пружинят. Но ничего. Плывя по реке, приходилось постоянно грести, так как течение очень тихое. Плыли с утра, часов с 10, до 8 вечера, с небольшими перерывами, через 2-3 дня плавания останавливались на 2 дня стоянки, исследовали окрестности. И ботанические результаты хорошие. Много нового и интересного находили, в том числе один очень красивый ирис, синий-синий, растет в массах. Таких синих больших полей я нигде не видел, даже в Средиземноморье. Много новых растений и для области, и для Охотии (тоже около 10)».

В конце июля прилетели наши дети студенты. Мы уехали в экспедицию по Колымской трассе, а затем далее через Верхоянский хребет в Якутию до Хандыги на Алдане.

Дневник: «**4 августа**. Едем по Тенькинской трассе. Все зелено и красочно. Высокие перевалы, прижимы, затяжные спуски. В Усть-Омчуге остановились на лесоохране в маленьком домике на окраине аэродрома. В доме все вокруг устлано сеном. Его массовые заготовки идут полным ходом. Боря Хобта теперь здесь начальник лесоохраны. На месте его нет, он работает с сенокосчиками. Увиделись в последний момент перед отъездом. Сообщил печальную новость. В Сеймчане у Киреева сгорел на пожарах человек. Глухой, он не заметил огня. Теперь Киреев под следствием. Ему грозит «химия». То есть поселение в закрытой зоне.

5 августа. Далее едем до Нелькобы, а затем на Кулу к Юрию Борисовичу Королеву на «Контакт». Там Ю.Б.К. встречал по царски. Ходили в баню.

6 августа. В путь! За день проехали более 500 километров. Проехали всю Тенькинскую трассу. Перевалы Гаврюшка и Лачканах с высокими прижимами.

В Аян-Юряхе снова услышали почти легендарный рассказ о старике, который здесь в свое время

пек необыкновенно вкусный хлеб. К нему ездили издалека. А когда старик умер, то в его избе нашли большой мешок, наполненный бумажными деньгами.

1000 км Колымской трассы

В столовой мы купили хлеб. Он был очень вкусным, выпечен по особому. Видимо старания старика не прошли даром.

Кадыкчан – грязный поселок без единого зеленого стебелька. Есть и 4-х этажные дома. Обедали в ресторане. Еле держались на ногах! Пыль утомляет. Потом ехали и ехали. Безлюдные многокилометровые пролеты. Огромные широкие долины, но горы до якутской границы невысокие. Встали в широкой долине Нерского плато, неподалеку от трассы, где в 1972 году нас привечал старик. Дом его и баню сожгли. Осталось только одно строение из всего хозяйства. Старик убил старуху и сидит!

7 августа. Нерское плато. Маршрут вверх по реке. Долго идем галечником, затем горным лиственничником. Потом ползем вверх по ручью, собирая по пути душистую смородину. На горное плато вышли только к часу дня. Шли хребтами. Зашли далеко, пришли поздно. Разбила ноги на галечнике. Но сильной усталости нет.

8 августа. Ходили на ближайшую к трассе вершину с триангуляционной вышкой. Долину окружают высокие цепи гор. Загорали. Молодежь полночи болтала.

9 августа. Поход в долину реки. Погода портится, ветер. Дымка. Где-то сильные пожары. Видели медведицу с медвежатами, оленей. В молодежной палатке хохот. Андрей не может заснуть.

10 августа. С утра погода пасмурная. Сборы лагеря заняли не более двух часов. В 11 мы уже в пути. Ровные долины, большие парковые лиственничники. Едем без остановки, покрытые густым слоем пыли. Мосты на трассе плохие, доски забиты крючками, очень опасными для шин. На небольшой остановке собрали ведро грибов. Наконец, Томтор – грязный поселок на равнине. Ни палисадников, ни огородов. В столовой «Айхал» пустынно. Во всю стену панно. Девушка, закутанная вуалью, с хлебом и солью, и розовый конь весь обмотан большой гривой и хвостом. Ходили на степные склоны. Долго ехали по жаре и по пыльной дороге. Накрыл дождь. Так и ехали весь день в сплошном дожде. К вечеру поставили на галечнике палатку. Андрей с Павлом ушли на степные склоны. Ходили под дождем дотемна. Вымокли до нитки.

11 августа. Утром побросали мокрые вещи в машину и снова едем по трассе. Виды изумительной красоты, горные озера. Дорога идет все выше в горы до перевала на высоте 800 м. Тут и остановились. Сегодня Павлу 20 лет. Готовим угощение. Отмечали торжественно. С шампанским, тортом и пловом. Павел топит печку в палатке. Обложил плоскими камнями. Молодежь веселится и днем, и ночью.

12 августа. Каменистое. Дождь. Сопки в облаках. В маршруте я, Андрей и Павел. Большая долина реки, курумники, среди которых в щелях много ивы барбарисолистной. Очень сурово. Ветер. Холодно. У горных озер я упала на камни, сильно ушиблась. Ползли в горы по осыпям. Пищухи смешно свистят и тут же прячутся, высовывая пушистый хвостик. На обратном пути в ернике полно грибов, в основном подберезовики. Выпасают оленей. К нам в лагерь приходили якуты. Ищут большой откол.

13 августа. В маршруте молодежь. Много времени ушло на закладку. Сборы большие. Вечерами подмораживает. Особенно хороши вечерние сопки, резко очерченные на фоне синеющего неба.

14 августа. Андрей в маршруте с Таней и Жмылевым. Павел весь день просушивал спальные мешки, заготавливал дрова, менял гербарий. Из маршрута пришли в половине десятого. Мы волновались, ходили встречать. Юра заклеил шины и, кажется, наладил машину.

15 августа. В маршруте Андрей с Павлом на дальних горах. Ветрено. Жаль уезжать. Много сборов. Место очень красивое. Холодно. Все время топим печку. Греемся у костра.

16 августа. Выезд в 11 часов. Холодно. Пыли нет. Высокие горы, обрывы, скалы. Дорога

опасная. Ниже перевала очень широкие долины. У реки Томпо появилась ель с тонким стволом. В 4 часа добрались до Теплого ключа. Столовая закрыта. Пошел дождь. Очень неуютно. Машина стала останавливаться на каждом шагу. Юра то и дело поднимает капот, долго и тоскливо смотрит внутрь. Дождь льет все сильней. Мы голодные и мокрые. Темнеет. Ставим палатку у обочины дороги.

Утром дождь льет все сильнее. Что в машине сломано – неизвестно. К вечеру Юра выяснил: поврежден бензонасос.

В автомобиле ГАЗ-66 на трассе

17 августа. Андрей с Павлом ходили до трех часов. Пришли вымокшие до нитки. Все мокро. Остались ночевать. Юра упрямо высматривает фонариком внутренности машины.

18 августа. Грузились под ливнем. Кое-как машина пошла. Путь в Хандыгу – сплошное мученье. Через каждые 200 метров останавливаемся. Юра поднимает кабину и что-то чинит. Потом опять ползем. И так, видимо, будет до самой Хандыги! Перед Хандыгой загорелся мотор, удалось в последний момент залить. Машина неисправна и требует основательного, если не капитального, ремонта. А обратный путь очень далекий. Бездумный Юра – даже троса в машине не имеет. Но что интересно. Стоило ему отойти и внимательно посмотреть по сторонам, как тут же на обочине трассы нашелся трос… Большой КрАЗ дотащил нашу машину в красивое место под Хандыгой на берег Алдана.

19 августа. С утра ветер. Он нас просушит. Типичный северный грязный поселок живет жизнью реки. Большая пристань, величественные пойменные леса. Есть почта. Летают самолеты, мчатся по реке катера. Река поднялась. Дожди.

20 августа. Распогодилось. Вода в Алдане высокая, продолжает прибывать. По реке несутся бревна, доски, коряги. Юра в поселке добывает детали для машины.

21 -23 августа. Стоим без движения. Начинаем понимать: шофер машину не починит. Что-то он делает, почему-то ночью и без фонаря. Одно чинится, второе ломается. Андрей сохраняет олимпийское спокойствие и ходит в маршруты. Травы высокие, заливные луга. Флора тут богаче, чем на лугах Магадана. Начался грибной взрыв. В маленьком лесочке вокруг нашего лагеря грибницы масленников дают новые грибы дважды в день. Моросит дождь. Вечерами любуемся огнями на реке.

24 августа. Вода все прибывает. Починку машины нужно брать в свои руки. Отправляюсь в поселок. Иду на автобазу к начальству. «Ученые», «доктор наук» – здесь слова чудодейственные.

25 августа. Машина отремонтирована. Кое-что привели в порядок, хотя полной уверенности в том, что машина исправна, – нет. Но мы можем выезжать, возвращаться! Это главное! Прощальный ужин у костра на берегу Алдана.

26 августа. Едем по трассе! По пути Андрей останавливается у надгробного памятника. Здесь медведь в прошлом году задрал 30-летнюю женщину. Снова по обочинам мелькают длинные, как карандаши, ели. Юра гонит машину во всю мочь. Наконец река, переправа, зеленые камни. Застряли посредине реки… Вытянули… Замочили гербарий. Пришлось разгружаться, просушивать. Места замечательной красоты. На сером ягеле - кусты рододендрона Адамса.

27 августа. Весь день без передышки преодолеваем перевалы Верхоянского хребта. Прижимы, спуски. Девочки измучены. Пылают краски осени. Ночуем у реки Айгахан в пойменном, по-осеннему желтом чозеннике. Вода в ведре замерзает. Закат красоты неописуемой.

28 августа. Начались степные склоны. Андрей с Павлом забираются вверх, собирают последние, еще не скованные морозом растения. Вот и «славный» Томтор, где мы намереваемся пообедать. Но по случаю воскресенья жители все перепились. Настроены к русским весьма агрессивно. Еле пробиваемся в столовую. Грязь. В чае, в супе полно мух.

Как часто говорил Андрей, я борец за правду. Приехав из экспедиции, я написала в центральную печать о мухах и порядках Томтора. Спустя два месяца получила ответ. Меры были приняты. В Томтор приезжала комиссия Совета Министров Якутской АССР.

Юра грозится: с минуты на минуту кончится бензин, а талонов у него нет!

Мы уже в Магаданской области. Очень устали. Запылены. На ночь устроились у реки. Холодно. Юра настрелял куропаток. Ручей прозрачный, ночью его сковало льдом.

29 августа. Еще два часа пути по плохой грунтовой дороге, и все печальные воспоминания о «мостиках» Оймяконской котловины позади. От Кадыкчана, где мы последний раз заправились на Юркины талоны, машина покатила как по зеркалу. Чистые поселки, иной ритм жизни. Основная Колымская трасса. Обедаем в чистейшей столовой! Быстро миновали Сусуман, и в 5 часов - уже в Ягодном. Связались с геологами, раздобыли талоны. Остались ночевать в пустой квартире Володи Мулюкина. В 1972 году он – юный натуралист – показывал нам здесь овощи огромных размеров. Теперь он превратился в комсомольского вожака. Агитирует поехать на озеро Джека Лондона. Я сомневаюсь. 2 сентября у Андрея юбилей - 50 лет. Не хочется опаздывать. Нас уломали.

Озеро Джека Лондона. 1983 г.

30 августа. Больше всех возражал Юра. Опасался за исправность машины. Но потом сам же, никого не спрашивая, свернул в сторону озера. По дороге любуемся яркими осенними красками. Дорога разбита и не восстанавливается со времен ГУЛАГа. После 80 километров тряски показался пик Абориген. Высокие фантастической формы зубцы. У подножия – огромное озеро Джека Лондона. С дороги оно как на ладони. Оказалось – лагерь биологов нашего института стоит на противоположном берегу озера. К вечеру озеро заволновалось, поднялся ветер. Ветер рвет полы палатки.

31 августа. Ночью ударил мороз. Все поблекло, припорошило снегом. Вернулись в Ягодное, и машина встала, кажется, насовсем. Необходим серьезный ремонт. В Магадан будем возвращаться на автобусе. Морозит. Разожгли костер, греемся. Глубокой ночью удалось сесть в проходящий автобус -только благодаря комсомольскому авторитету Мулюкина. Трясемся по трассе в полуобморочном состоянии».

2 сентября Андрею 50 лет. Нужно успеть все разгрузить, отмыться, подготовиться к юбилею. Успела! Собралась лаборатория, друзья. Пришел Борис Юрцев. Он в Магадане пролетом с Чукотки. Много пели. Я брусничными ягодами вывела на пироге: «50 лет». Вся семья была в сборе.

На следующий день наши дети Оля и Павел улетели в Москву.

10 сентября мы уехали за Армань, на запад по побережью Охотского моря. Остановились, не доезжая переправы на Талон, почти на берегу моря. Нас четверо. Я с Андреем, новая сотрудница, миколог Нина Сазанова и толстый сонный парень. К переправе идет сплошной поток машин. Осенняя страда – ловля красной рыбы. У берега кувыркаются нерпы.

Прекрасная осенняя тихая пора. В воздухе особенная ясность, прозрачность. С вершины хребта открывается вид на ярко-голубое, до самого горизонта море. Полный штиль. Вдали, в морской синеве, как на картинке, разбросаны корабли. К северу, по другую сторону хребта, лежит широкая долина. Хорошо просматриваются глубокие прочесы ледника.

В полной темноте, почти на ощупь, спустились с сопки. На шоссе то и дело нам в глаза светили фары машин. На следующий день пошел холодный проливной дождь. Андрей с Ниной ушли в горы. Под дождем я долго не могла разжечь костер. Палатка промокла. Толстый парень спал. Пришла машина. Мокрые, мы возвращались в Магадан. Все это в последний раз.

Юбилей Андрея не был замечен и отмечен в институте. Он мне ничего не говорил по этому поводу, но явно был задет.

Поездка во Владивосток в прошлом году не прошла даром. Андрей был включен в члены экспедиции в тропические моря от Института географии и оформлял документы. Выезжать нужно было летом 1984 года. Мы очень радовались.

«Флора» готова. В декабре пришлось долго возиться с рукописью, с фотографиями и рисунками. Нужно отправлять ее в Москву на редподготовку. Машинистка печатала определительные ключи «Флоры» плохо и небрежно. Но работа была сделана!

Коллектив лаборатории ботаники ИБПС

Конец года очень напряженный. О нем можно судить по отрывку письма к дочке Оле: «на лыжах не ходим, в основном в связи с авралом: скоро надо сдавать рукопись «Флоры Магаданской области», а еще много недоделок. На составление указателя ушла целая неделя, а уже давно надо делать выверку. Занимается этим пока мама. Положение ужасное, ошибок столько, что прямо ужас! А у нее еще свои дела с переаттестацией, с оформлением звания «старшего». И текущих дел по горло. В частности, утверждали с ней сборник на следующий год. А еще на нас свалилась проверка, то есть на институт в целом, но и нам тоже нужно готовиться. Проверить архивы, прибрать рабочие комнаты, упросить людей, чтобы не жаловались и на все вопросы отвечали бы, что всем довольны! А это ох как не просто! Ведь всегда есть на что пожаловаться, особенно на начальство. Одно только людей останавливает: комиссия с проверкой пройдет, а начальство-то останется, и уж потом отыграется на недовольных, чтобы не жаловались в следующий раз».

Наш институт отмечал Новый год в ресторане «Северный». В лаборатории не оказалось желающих. Энтузиазм первых лет приутих. А Андрей захотел пойти и повеселиться со всеми. Любил он и веселье и застолье.

Вспоминаю один курьезный случай. Друзья как-то пригласили нас в тот же ресторан

«Северный». Публика разношерстная. Меня приглашает на танец, какой-то детина, спрашивает об Андрее: «Это твой парень?». Ему видимо невдомек, что в ресторан могут прийти и семейные пары. Андрей нисколько не приревновал, наоборот, говорит: «Пойду и поцелую его, он меня назвал парнем». Правда, не выполнил своего намерения. Андрей не хотел стариться, не любил, когда его, бородатого, называли дедом.

После напряженной работы ему необходимо было расслабиться. В ресторане его одели Дедом Морозом, и мы отплясывали вокруг елки. Танец Деда Мороза Андрей исполнил соло и выиграл бутылку шампанского. Мне общественное веселье всегда казались искусственным, раздражало. Но на сей раз все остались довольны. Это была последняя встреча Нового года в Магадане.

Поездки 1983 г.: Май: Донецкая область (заповедник «Хомутовская степь»). Июнь: Охотоморье, сплав по реке Каве. Август: поездка по трассе Магадан-Хандыга. Сентябрь: Охотоморье (Талон).

Публикации 1983 г.: Вышло из печати 11 работ. Это флористические работы по Северо-Востоку, подготовка к изданию «Флоры Магаданской области», препринты, издаваемые во Владивостоке, в Дальневосточном центре. Не менее важная работа связана с разработкой биоморфологических проблем, основная из которых «Биоморфологическая эволюция как активный процесс».

1984 Начало 1984 года было напряженным. В лаборатории на столе лежала почти готовая рукопись «Флоры Магаданской области». Андрей продолжал править, выверять. Как-то мы засиделись в лаборатории. Я включила электрический чайник в соседней комнате, решила перед уходом выпить чашку чая. Чайник стоял на столе рядом с развернутой рукописью. На столе лежали папки с гербарием. Я забыла о чайнике. Мы вышли на улицу. Я глянула вверх на наши окна. Горит свет. Решила, что пришла уборщица. О чайнике я вспомнила час спустя. Звоню в институт. Вахтер успокаивает: все обошлось. Оказывается, чайник, выкипев, стал плавиться и расплавил пластиковое покрытие стола. На противный запах прибежали сотрудники, игравшие в зале в настольный теннис. Еще немного, и в пламени сгорела бы рукопись, гербарий. Андрей меня успокоил: «Ладно, не волнуйся, все обошлось». Ни слова упрека от него я не услышала.

16 января Андрей улетел в Москву отвозить рукопись. Нужно было править статьи в Журнале общей биологии. Оттуда в очередной раз, после долгих рецензирований, вернули статью «Принцип взаимопомощи и интегральное размножение в эволюции растений и животных».

В феврале у нашего сына-студента каникулы. Андрей вместе с ним полетел на Зеленый мыс к моей маме. Их присутствие ее окрылило. Были разговоры о переезде на Зеленый мыс, которые я очень поддерживала.

При возвращении в Москву в последний момент Андрей обнаружил отсутствие паспорта. Весь дом перерыли, нигде не нашли. А как лететь? Оказалось, он потерял его еще в Москве, на посадке, и паспорт переслали в Магадан. С отлетом на Москву помог сосед, который, как это водится в Аджарии, имел родственников в аэропорту. Андрея беспрепятственно посадили в самолет.

А в это время в Магадане произошли неприятные события.

К нам часто заходил геолог Савелий Томирдиаро. В народе за ним прочно закрепилось прозвище «Термоядер». Вместе с Андреем они написали статью в местную газету «Магаданская правда». Андрея можно было подзадорить, и тогда он загорался. Дело в том, что Савлий всеми силами пробивал идею спуска воды в озерах Чукотки, где потом поднимались обильные травы. Этот способ осушения озер – аласов издавна традиционен в Якутии. Однако в сельхозинституте сопротивлялись. В Магаданской печати на этот счет оппоненты Томирдиаро писали всякие критические статейки, например: «Ихтиандры на покосе» и так далее. Андрей поддержал

интересную идею - что тут было плохого?

Как только Андрей улетел, за статейку с Томирдиаро ему объявили строгий выговор. Оказывается, необходимо было согласование с институтом.

Томирдиаро агитировал меня поехать в Москву и встретиться с президентом Дальневосточного центра академиком Шило – геологом, в его московской резиденции. Советовал быстро действовать и защищаться. Он справедливо доказывал – иначе совсем съедят.

В Москве я встретилась с академиком Шило. Маленького роста, хитрый и на вид простоватый человек произвел на меня самое неприятное впечатление. Однако, спустя два месяца, в мае, когда меня уже не было в Магадане, Шило приехал в Магадан, и выговор с Андрея был снят.

13 марта умерла моя мама. Накануне Андрей написал ей подробное письмо, которое не достигло адресата. В нем он ей рассказал о своих делах, настроениях. Он всё еще был под впечатлением поездки в Батуми, чувствовал душевность и щедрость грузин: « В общем, решили все срочно бросить и ехать в Батуми, в ББС (Батумский ботанический сад). Да вот только оказалось, что М.Т. (это я) захотела написать еще одну книгу, но, чтобы ее написать, надо ждать конца года, а может быть, начала следующего. А потом, ей очень жаль оставлять неиспользованными четыре месяца творческого отпуска, так что дело затягивается не меньше, чем на год, а там, т.е. в апреле-мае 85-го года рукой подать до законного окончания срока северного контракта, до конца августа. А так как сразу не уйдешь из-за разных бумаг, отчетов, то мы решили установить крайний срок пребывания в Магадане сентябрем-октябрем 85 года». И еще: «Таких, как я, везде очень боятся, как бы не было конкуренции. Даже тут у себя я это ощущаю со стороны своих коллег. То один намекнет, что его труды, хотя и немногочисленные и не объемные, но зато очень-очень ценные, не в пример ботаническим, то другой – что вот он умеет руководить лабораторией как следует, не в пример ботаникам (хотя именно мы занимаем всегда первые места), третий вдруг заявит, что во всем институте никто не знает экологии и всем надо учиться у него. Было мое 50-летие, так ни слова, а в других институтах, смотришь, даже уборщицам преподносят адреса, и не на 50, а даже на какое-нибудь 55-летие. Ну, конечно, наш институт не какой-нибудь плохой, везде так: чем больше работаешь, тем больше на тебя косятся, и если у тебя (то есть у меня) такая нехорошая слава продуктивного ученого, так тебя (то есть меня) бояться будут везде, т.е. не хотеть меня (тебя) иметь своим сотрудником. Вот я и боюсь, что то же самое будет в ББС. Хорошо вести такие разговоры в абстрактном духе, тогда, конечно, каждый будет сыпать комплиментами, что, мол, такой ученый, такой разученный, мы вот только и думаем, ночей не спим, как бы заиметь такого, а как до дела – так и в кусты. Это из личного опыта - уже пытался бросить якорь в Москве. Надо бы прикинуться бездарностью, маленьким и ужасно скромным, почти незаметным и серым-серым, да уж что же теперь сделаешь, когда ослиные уши отросли так, что их ни под какой шапкой не спрячешь, т.е. это книги. Все же о них знают, хотя и делают вид, что их нет. В общем, надоело нам здесь, и мне в первую очередь. Я бы хоть сейчас рванул куда угодно, хоть на край света, например, на Сейшельские острова или остров Вознесения, или в Новую Зеландию, или в Новую Каледонию. Лучше всего, конечно, в какие-нибудь горы, Альпы, например, или Анды, Кордильеры, Гималаи! Чтобы тебе тут и тропики, и вечные снега, и альпийские луга, и густые папоротниковые леса. В этом отношении из знакомых мне мест больше всего подходит, пожалуй, Тенериф. Там и снег есть, хотя и немного, и леса хорошие, и тропики почти, и море. Море я тоже люблю. Ах, мечты! А вот как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, так и видишь, какая это пустая и глупая шутка, эта жизнь. Вот, поверите ли, как встанешь утром, так и думаешь: опять день начался, опять что-то делать, так надоело, скорее бы на пенсию, 4,5 года!»

Моей маме время от времени Андрей высказывал свои мысли, делился с ней, уважал. Он ей симпатизировал. Еще и потому, что она была в курсе его ботанической жизни, гордилась им,

рекламировала. В библиотеке, где она работала, отдельно на стеллажах были выставлены наши работы.

Мысль об отъезде не покидала нас. Звали нас работать в город Горький (Нижний Новгород), предлагали заведование кафедрой ботаники в университете, а мне в сельхозинституте. Предложение было солидным, да времена противные. В это время там сидел под домашним арестом академик Сахаров, и с ним обошлись довольно грубо, когда он объявил голодовку.

Кроме Горького, Андрея звали в Якутск. В.Н.Андреев, заведующий отделом ботаники Якутского филиала, искал для себя смену. Кроме того, был еще вариант переезда во Владивосток. Андрей не очень хотел расставаться с Севером, с Дальним Востоком.

Переезд в Грузию был связан с риском. Но мне очень хотелось на родину. Я устала от Севера, вечных разлук. Еще зимой, когда Андрей привез рукопись «Флоры» в Москву, пытались со знакомыми и друзьями говорить о возвращении. Но все ахали, делали круглые глаза и пугали отсутствием мест. Надеяться на переезд в Москву и устройство на работу не приходилось.

Я улетела в Батуми, на Зеленый мыс. Устраивалась на работу в Батумский ботанический сад. Договорилась и об устройстве Андрея.

Наш маленький старый домик на Зеленом мысу, где я провела детство и юность, окнами выходил на плоскую площадку. В начале прошлого века мой прадед мечтал построить дом и сровнял верхушку холма. На конце площадки посадил три веерные пальмы. Дом прадед не построил. Грянула первая мировая война, а за ней и революция. А старенький домик садовника сохранился. С переездом на Зеленый мыс были связаны планы построить на северные сбережения новый дом. На пенсию нас добрые аджарцы не пошлют, ведь там никого не отправляли на пенсию. Андрей будет изучать любимые горы Кавказа. К нам будут прилетать наши дети, а потом внуки. Теоретически все выглядело правильно. Но практически оказалось иначе.

На начало лета была назначена поездка Андрея в тропики на одном из кораблей Дальневосточного центра. Были оформлены и отправлены документы. Казалось, ничто не может помешать этой поездке. Но в последний момент пришла телеграмма, что на его место взят профессор Воронов из Москвы. Поездка сорвалась.

Институт биологических проблем начало сильно лихорадить. Главная борьба шла между медиками и зоологами. Институт был задуман как медицинский, а создан как биологический. В нем осело много медицинских работников, однако и среди зоологов оказалось масса сильных личностей. Андрея вообще игнорировали. Он мечтал об увеличении ботанических кадров, но мечты оставались мечтами. Думаю, что Андрей мог бы быть идеальным заместителем директора по научной части: у него был талант планировать научные направления.

В это время Андрей работал со сборником по биоморфологии. На Зеленом мысу я налаживала новую и очень непростую жизнь в маленьком разваленном домике.

В начале июня Андрей неожиданно заболел. У него нервный срыв. Он связан с тем, что Андрей просил в дирекции института в связи с нашим отъездом отдать нашу квартиру своему сотруднику Саше Егорову – сыну известного зоолога Егорова. Но дирекция наотрез отказала и, мало того, написала жалобу в областной комитет партии, обвинив Андрея в том, что он хочет продать квартиру. В те времена – серьезный криминал.

Я посылаю телеграммы, прошу и требую его приезда. Он берет на все лето отпуск и в июне прилетает на Зеленый мыс. С мая я работаю в Батумском ботаническом саду. Запустение и безделье там бросаются в глаза. Но с другой стороны, в южной природе все так прекрасно!

Это единственное лето, когда Андрей не ежедневно ходил на экскурсии и сушил гербарий. Все лето он ходил на пляж, загорел и поздоровел. Заплывал далеко в море, отдыхал, ложась на спину. Мы давно забыли, что такое приятная курортная обстановка, луна, светлячки, праздность, отдых.

В середине лета собралась приятная кампания. Приехали из Москвы наши старые друзья – супруги ботаники Рита и Миша Пименовы с двумя очаровательными дочками, Дима Тухарели – филолог, профессор Тбилисского университета, и московский поэт Каллегорский. Все они отдыхали в соседнем доме отдыха и вечерами собирались у нас в беседке, обвитой виноградом.

Днем компания часто совершала приятные прогулки в ботанический сад. Заходили в мой так называемый кабинет. А на самом деле – кухню квартиры. В советские времена для сотрудников ботанического сада был построен двухэтажный жилой дом. На первом этаже располагалась начальная школа, детский сад. Школу закрыли, в ней разместили гербарий. Дом пришел в упадок. Текла крыша. Квартиры превратили в рабочие помещения.

Наша дочка звала Андрея «папусик». Когда Тухарели увидел здание, в котором предстояло работать Андрею, увидел проваленную крышу, сквозь которую во время ливней заливало лестницу, он произнес крылатую фразу, которую мы в семье потом часто повторяли: «Жаль папусика!»

Сотрудники ботанического сада едут на экскурсию в Сванетию. Народ собирается очень вяло. Прошли все сроки. Терпеливо ждет директор – Нодари (Нури) Мамедович Шарашидзе. Андрей, привыкший все считать до минуты и очень гордившийся своей точностью, сидит в автобусе как на иголках. Вдруг он вскакивает, хватает рюкзак и убегает. Я вслед за ним. Он в отчаянии спрашивает: «Как мы будем тут жить, если директор так ведет себя, если такой развал?» Но потом страсти утихают. Наконец все собрались, всем хорошо, все поют и даже пляшут. Проезжаем мимо ИнгурГЭС – огромного водохранилища в горной котловине. Выше дорога вьется над пропастями. В столице Сванетии Местиа – сванские башни. Андрей снова почувствовал себя в родной стихии. Совершил несколько экскурсий.

2 сентября в день своего рождения Андрей пишет план задуманной монографии.

БИОМОРФОЛОГИЯ И СИСТЕМАТИКА РАСТЕНИЙ

Глава 1. Определение биоморфологии.

1. Определение биоморфологии.

2. Основные систематические группы растений.

3. Основные правила систематики.

4. Основные представления об эволюции. Адаптациогенез.

Глава 2. Низшие растения.

1. Водоросли: низшие и высшие (происхождение многоклеточности), основные подразделения. Цианеи – происхождение.

2. Грибы. Растения или животные? Низшие и высшие. Моно

или полифилия?

3. Лишайники. Моно или полифилия?

Глава 3. Высшие растения.

1. Мхи. Происхождение и эволюция.

2. Сосудистые споровые. Экологические особенности.

3. Папоротникообразные. Биоморфологическая классификация.

4. Голосеменные.

5. Цветковые.

Заключение. Биоморфологическая эволюция и систематика.

Именно 2 сентября в шикарном ресторане на берегу моря отмечали день рождения Андрея. Большинство чествующих – сотрудники ботанического сада во главе с Вано Рафаэловичем Папунидзе, заместителем директора Батумского ботанического сада, большим жизнелюбом и знатоком грузинского стола.

В октябре Андрей уехал в Москву. Сразу навалилась работа с «Флорой». Он сам делал цветные рисунки для Красной книги. И сразу заболел: горло, сердце, перебои. Господи! Я так привыкла к его постоянному недомоганию, да и сама болела часто, что уже как-то не обращала внимания на то, что он все делает через силу. Казалось, он на юге закалился, поздоровел. А тут сразу все насмарку!

В октябре в Таллине мы – участники совещания по адаптациям к Северу. Я для Севера уже отрезанный ломоть, а Андрей еще магаданец.

Таллин. Совещание по Северу

В конце ноября Андрей вернулся в Магадан. В нашей квартире неуютно. Часть вещей упакована, все в развале. Ему было очень одиноко. Он собирал материал для монографии по анализу флоры Колымского нагорья, перепечатывал рукопись моей монографии по биоморфологическим адаптациям к Северу. Он проделал всю техническую часть: перепечатку, разметку рисунков, оформление документации. Он так хотел, чтобы я стала доктором наук, так помогал мне, так верил в меня, что я сама в это уверовала. И вошла в образ.

Неприятности в институте продолжались. В 1984 году был собран очередной сборник, написана «Флора», подготовлена к печати моя монография. Мы были уверены – наша лаборатория займет первое место. Для Андрея это была не игра, а результат его работы. Но начались тщательные проверки: сначала лаборатории присвоили какое-то из первых мест, но потом обвинили в фальсификации.

В Батуми я хлопотала о месте для Андрея. Это дело непростое. В Академии наук Грузии о ставке старшего научного сотрудника для Андрея хлопотал Вано Папунидзе. Он человек с большим весом – брат первого секретаря Аджарии Вахтанга Рафаэловича Папунидзе. В начале ноября Вано мне сообщил, что ставка получена. 1 декабря будет объявлен конкурс, и с 1 января Андрей уже может приступить к работе.

Несмотря на трудности, будущее мне виделось радужным. Зеленый мыс – моя родина. Мы построим дом. 1984 год – переломный. Мы оставляли Север.

Поездки 1984 г.: В 1984 году Андрей совершил только одну поездку в Верхнюю Сванетию.

Публикации 1984 г.: Вышло из печати 10 работ.

Глава восьмая. На перепутье. Кавказ – Москва (1985 год)

1985 Весь декабрь 1984 и январь1985-го года в Магаданском институте Андрею было неспокойно. На научном семинаре, как писал он мне на Зеленый мыс, Феликс Чернявский и Даня Берман ругали Андрея и даже обзывались. Прежде чем подавать заявление об уходе, Андрей, сомневаясь в том, что в Грузии получена вакансия, договаривался о месте в Магаданском заповеднике и в Геологическом институте. Уходить из Института биологических проблем он решил бесповоротно.

В конце января 1985 года я прилетела в Магадан, чтобы апробировать свою диссертацию и организовать отъезд, отправить контейнер. Со мной прилетел, чтобы помочь с отъездом, наш сын Павел. У него были зимние каникулы.

Мела метель. Андрей лежал больной. У него была сильная простуда, похоже на воспаление легких. Квартира уже давно утратила свой привычный облик, уют. Часть вещей была упакована, остальное громоздилось в беспорядке. Андрей тут жил холостяком.

4 февраля – последний день работы Андрея в институте. На этот день было назначено итоговое профсоюзное собрание. Лабораторию ботаники с первого места спустили на четырнадцатое и громогласно объявили Андрея фальсификатором и нечестным человеком. Так прощались с Андреем, проработавшем в институте 15 лет. Как потом оказалось, без одного (!) месяца, что отразилось на пенсии.

Позорная кутерьма очень задела Андрея. Валентину Абрамовичу Красилову он пишет: «Уезжаю из Магадана, потому что все надоело здесь, и природа, и институтская обстановка, и особенно

то, что институт наш зоологический-медицинский, а ботанику никто не хочет развивать, и более того – вообще на нее ноль внимания».

Прощальное письмо в газету «Дальневосточный ученый»:

«Покидая Дальний Восток, Магадан, после 15 лет работы в должности заведующего лабораторией ботаники Института биологических проблем Севера, хочется выразить благодарность и признательность коллективу, в котором проработал, может быть, не столь длительное, но все же заметное для человеческой жизни время. Как-никак я приехал в Магадан еще молодым, не было и 40. а уехал далеко за 50, стало быть, уже пожилым. Вот и получается: лучшие годы отданы Магадану. Листаю страницы памяти: 1980-й год. Верховья Омолона. После 18-дневного ожидания вертолета нам с Галиной Леонидовной Антроповой и парнем-старшеклассником пришлось совершить 170-километровый бросок по тайге и тундре. Шли пять суток по горам и тайге, через болота с качающимися под ногами кочками, по долинам рек с их бесконечными протоками, по лесным завалам. Галина Леонидовна весь этот тяжелый маршрут проделала с больной ногой, что обнаружилось лишь почти в самом конце!

Свежи воспоминания о сплаве по реке Каве с Валерой Михайловым: неторопливое течение реки, масса птиц, медведи и лоси, переплывающие реку, и ни одного встреченного человека за целые две недели!

> **1974 год. Итуруп. С Маей Мазуренко, Верой Звезденко и Лидой Благодатских блуждаем в зарослях бамбука. Ночуем в горах уже на ощутимом сентябрьском холодке. А яркая луна освещает незасыпающий вулкан Иван Грозный.**
>
> **1970 год. Ольское плато и поход с него до трассы уже по сентябрьскому снегу.**
>
> **1967 год. Первая встреча с Магаданом и Колымой.**
>
> **1976 год. Наводнение на Колыме, когда вода подступала к палаткам, и мы со Светланой Чуйко (она же Константинова, Ершова) уже намечали деревья, на которых собирались развешивать наш скарб.**

Величавая тайга Приморья, дальние горизонты арктической Чукотки, неисчислимые вершины Колымского нагорья, речные просторы Колымы, Индигирки, Лены, Алдана, Амура, Анадыря, вулканы и гейзеры Камчатки, майские снежники Сахалинских гор, крутые обрывы и скалы Тайгоноса, горячие ключи Таватума, Мотыклейки, Лорино, Уэлена, Курил.

Вереница впечатлений. И всегда рядом были верные соратники – сотрудники нашей лаборатории, презирающие страх, усталость, гнус и прочие трудности и неудобства северной жизни.

Вспоминаются и другие вехи. Наши монографии и сборники. Первые из них – десятилетней давности, последние – прошедшего года, подводящие итоги пятнадцатилетней деятельности. «Флора Магаданской области»», «Биоморфологические адаптации арктических растений» – в их создании большое участие приняли не только ботаники, но и машинистки – Ира Большакова и Нелли Янко. И, наконец, наша гордость – гербарий, самый полный по северо-востоку, без которого невозможно уже писать «Арктическую флору СССР», «Флору Советского Дальнего Востока». В создании его первейшую роль сыграла ветеран гербарного дела, фактически его заведующий Светлана Васильевна Чуйко. Почти в одиночестве над созданием бриологического гербария трудилась Лидия Савельевна Благодатских, а сейчас микологическую коллекцию создает Нина Сазанова. Юрием Борисовичем Королевым был создан уникальный верхнеколымский стационар «Контакт».

Нашу работу замечали, оценивали, были грамоты, премии, наградили орденом. И все же, наверное, не все было гладко в моей деятельности, наверняка были и недостатки. Но теперь вижу главное – контакт и взаимопонимание, дружбу и взаимное уважение в том маленьком коллективе, которым мне довелось руководить. Я очень тронут его вниманием. Ведь будучи начальником, трудно не быть требовательным, что не может не вызывать у подчиненных неудовольствия. И вот теперь убедился. Это неудовольствие было невелико, и я, видимо, был уж не таким плохим начальником. Прошу поэтому через газету передать мою искреннюю признательность и благодарность Антроповой Галине Леонидовне, Благодатских Лидии Савельевне, Королеву Юрию Борисовичу, Ире Большаковой, Докучаевой Вере Борисовне, Егорову Александру Олеговичу, Кузьмину Герману Вариславовичу, Кузьминой Вале, Михайлову Валерию Ивановичу, Мелиховой Ларисе, Сазановой Нине Александровне, Степной Ларисе, Чуйко Светлане Васильевне, Янко Нелли Андреевне. Спасибо, друзья мои, успехов вам в работе, благополучия во всех делах!

А. Хохряков».

Метет метель. Мы навсегда покидаем Магадан, заснеженные знакомые сопки. Подъем на первую сопку. Щит с надписью «Вас приветствует Магадан».

На этом месте сейчас стоит памятник жертвам ГУЛАГа Эрнста Неизвестного. Постоянно звонит колокол.

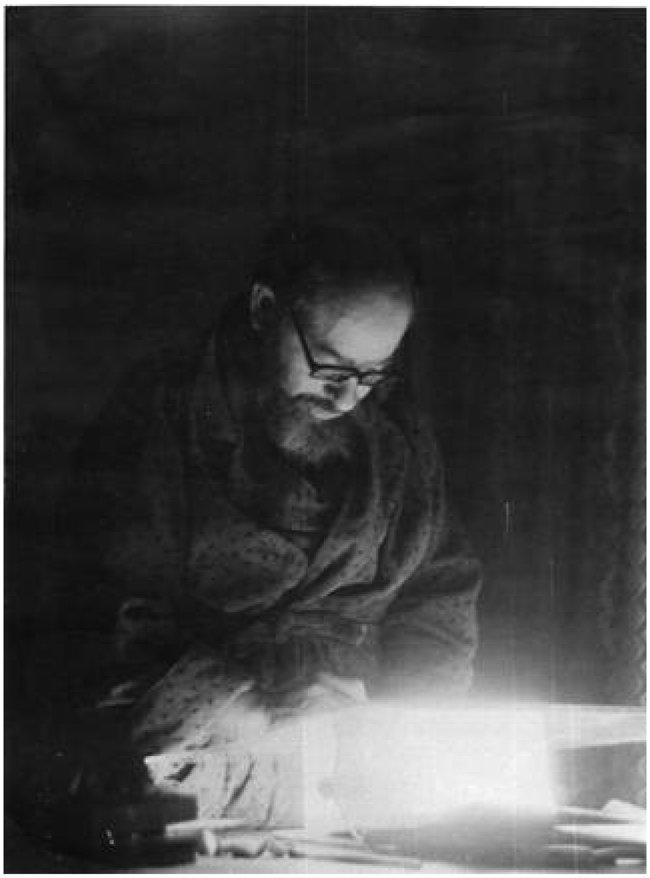
Отсюда начинался этап на Колыму. С вершины сопки открывается панорама Магадана. Черно-белые квадраты типовых домов беспорядочно разбросаны в долине маленькой речки Магаданки. Последний взгляд. Главное дело, ради которого мы ехали на Север, было сделано.

Закончился самый значительный период нашей жизни. Здесь, на Колыме, Андрей провел свои лучшие годы. В эти советские годы он побывал в разных уголках земли: в тропиках, субтропиках, в Америке. Именно в те годы мы имели полную возможность планировать, и главное – осуществлять самые далекие путешествия по нашей стране. Сегодня это было бы совершенно невозможно. Именно в те годы мы вполне свободно могли заказывать вертолетные забросы в любую точку Магаданской области. В Магадане была возможность публиковать свои работы. Выходили монографии, сборники.

В те годы Андрей занимался не только флорой, но и многими отраслями ботаники, среди которых главными были биоморфология и систематика.

Больше никогда в его жизни не будет у него маленького, но дружного, слаженного коллектива. Не будет вертолетных забросов в совсем дикие безлюдные места. Не будет долгих походов в горы по курумникам и горным плато. Не будет яростной борьбы в институте. Все, все в его жизни уже будет по-другому.

В Магадане он жил полной жизнью, хотя часто был неудовлетворен. Сам ничего почти не предпринимая для осуществления своих планов, наивно думал: «Сами придут, сами дадут». Но никто сам ни к кому не приходит.



Работа над рисунками

Жизнь продолжалась. Многие работы были в печати. Планировались новые. Стол был забит папками с наработками.

Его всегда манило новое. К старому он не любил возвращаться и шлифовать. Это было ему несвойственно. Не обращал внимания на детали. Видел главное. Февраль мы провели в Москве в долгих прощаньях. Будущее казалось нам радостным. Ведь улетали не в Магадан, а на юг.

Были куплены билеты. И вдруг известие: снегом завалило всю Аджарию, да так глубоко, что все полеты самолетов отменили на неизвестное время.

Пришлось ехать поездом. На Кавказе снег быстро таял, в Сухуми зеленела трава. Чем ближе к Аджарии, тем чаще поезд останавливался. Железную дорогу завалило снегом так же, как и аэродром. Голодные и холодные, глухой ночью мы приехали в Батуми и остались на вокзале до утра. Наутро нашему взору открылась печальнейшая картина. На улицах утрамбованный снег никто не убирал. Жители города в легких пальтишках напоминали мокрых куриц. Нас торжественно встречали представители дирекции ботанического сада во главе с Вано Папунидзе, который в сыром и очень холодном привокзальном ресторане, украшенном еще дореволюционной лепниной, кормил нас дымящимся хачапури с чаем, что нас хоть как-то привело в чувство. Старая знакомая – ученый секретарь ботанического сада Нермин Багратиони, обращаясь к Андрею, поздравляла его с приездом и пророчески сомневалась в его долгом пребывании на аджарской земле. «Хорошо бы, чтобы Вы нас, Андрей Павлович, не оставили», – говорила она. Я в тот момент не сомневалась, что Зеленый мыс – наше постоянное пристанище.

Проехать к дому мы не сумели. Все холмы лежали под толстым слоем снега. Тащили чемоданы, протаптывая в снегу, словно в тоннеле, дорожку к дому.

Снегопад был так силен, что пригнул к земле мандариновые деревья, а многие разорвал. Дома было сыро, холодно и неуютно. Срочно затопили маленькую железную печурку-буржуйку. Андрей сидел около печки и счастливо говорил: «Вот я, наконец, и дома!». Я была в отчаянии, удивлялась его словам, думала: «Господи, куда же я его привезла!».

Он очень любил тепло, юг, тропики. Ощущал рост растений. Это было в нем очень глубоко. Всегда мечтал жить на Зеленом мысу и часто говорил об этом.

Мы думали так: 1. Тихий ботанический сад, где не будет интриг, а будет спокойная и счастливая старость. И никто нас не выкинет за борт на пенсию. Помнила, как в Москве по старости увольняли научных сотрудников, полных сил и желания работать и работать. А для Андрея пенсия была бы равносильна смерти.

2. Построим себе дом. Есть сбережения. Есть изумительный сад. Родное теплое место. После Севера отогреемся. Дети всегда прилетят к нам в отпуск отдыхать. Поэтому мы не будем с ними надолго разлучаться. Кроме того, в Батумский ботанический сад будут приезжать ботаники из центра, и это поможет нам не оторваться от ботаники. Андрей будет изучать Кавказ, горы, которые он так любит. А мне жизненных форм субтропических растений хватит до конца дней.

Все бы так, но получилось совсем иначе.

По случаю снегопада люди на работу не ходили. Пригрело солнце, потекли ручьи. Мы с Андреем бродили по ботаническому саду, наблюдая разрушения, нанесенные снегопадом. Везде валялись огромные обломанные ветви. Рабочие собирали их в огромные кучи, поливали бензином и поджигали.

Поступление Андрея на работу отмечали торжественно. В отделе за длинными столами были накрыты столы. Еду привычно готовили женщины – сотрудницы ботанического сада. Было съедено огромное количество вкуснейших яств (ели и пили в несколько заходов), выпито огромное количество вина и произнесено несметное количество тостов. Каждый сидящий за столом, а это в основном мужчины и почетные женщины, должны были произнести здравицу очередной жертве, которая стояла и слушала комплименты. Какое красноречие, какие прекрасные слова! Наконец, все без исключения произнесли свой тост. Стоящий и слушающий комплименты участник застолья обращался к гостям с ответным благодарственным словом. И только тогда все выпивали бокал….

Андрей в своей магаданской лаборатории всегда ратовал за тосты. Иначе, говорил он, это просто пьянка. Но тут даже он не выдерживал краснобайства и хотел, как положено, выпить и закусить. Нет, застолье должно растянуться надолго. Это ритуал.

В первые же дни работы настроение у Андрея резко упало. Одинокий, он бродил по ботаническому саду, по Зеленому мысу и молчал. Только иногда говорил, что уже почти не стало на холмах деревьев, а все больше видны не деревья, а новые дома. Действительно, без совести и законов на всех холмах строились дома. Рубили редкие экзотические деревья, посаженные в начале века. Исчезли парки. Вместо них сажали мандарины, прокладывали к домам дороги. В ботаническом саду выпасались коровы, куры и свиньи. Шло наступление на территорию сада и по его границам.

Андрей написал обстоятельную докладную записку о положении с границами ботанического сада, о его возможном дальнейшем развитии. Отдал эту докладную директору. Но, как всегда дремлющий, Нодари Мамедович положил эту записку под сукно.

Ботанический сад жил своей размеренной, установленной годами жизнью. Сотрудники ботанического сада – это почти семейный клан, со своими сложными отношениями, в которым

растениям нет места. Сад постепенно, как и вся страна, приходил в упадок. В местном правительстве, как и в дирекции сада, представления не имели о значении этой растительной сокровищницы. Правда, на торжественных собраниях произносились гладкие, еще в начале века отработанные фразы.

Апрель. В ботаническом саду, как и во всей стране, ленинский субботник. Мы по старой магаданской привычке оделись в полевое, пришли в сад работать, сделать что-то полезное. Но тут свои порядки. На садовые работы начальство не ходит. Величественный Вано в хорошо отглаженной рубашке прогуливается по саду, наблюдает, как мы, научные сотрудники, среди них Андрей, единственный доктор наук в ботаническом саду, работаем с вилами и тяпками.

В апреле началось буйное отрастание растений. Зазеленела трава. Наша дочка, прилетев к нам на несколько дней, нашла нас в саду. Первым делом спрашивает: «Как вы тут?». Ничем ее я не могла порадовать. Ничем. У Андрея кризис и отчаяние. В заповеднике вырубали деревья, сажали мандарины. Вдруг видим странное зрелище: Андрей отстал от нас, ломает ветви мандарин. Мы ничего не можем понять. А это акт отчаяния. Кричит: «Будьте прокляты!» Потом, как это с ним бывало, зеленомысский Дон Кихот успокоился. Но я поняла: здесь ему оставаться нельзя.

Судьба сада его очень волнует. Он пишет Вадиму Николаевичу Тихомирову в Москву: «Хочу изложить тебе причины, почему я хочу отсюда, то есть из Батумского ботанического сада, уйти. Здесь нет не только ученых или ботаников, но даже и таких людей, которые просто любили бы растения, не говоря уж о природе в целом. Все заняты своими личными делами и тем, как бы больше настричь с сада. Прошедшая зима с ее гигантскими снегопадами очень тому способствовала, и сейчас сад буквально вырубают и выжигают. Того понятия, что дерево можно спасти – поднять, подвязать, закрасить полом, – здесь и в помине нет. Мелочь жгут, часто на корнях. Мы по этому поводу много говорили, но бесполезно. Были обещания, но не было их выполнения. Это тоже страшно раздражает. Всё выслушают внимательно, понимающе, но ничего не сделают. А только вдвоем спасти сад невозможно. Есть еще проблема – уменьшение его территории: то электролинию проведут, то водопровод. Но чаще всего – владельцы соседних домов втихомолку прирезают себе кусочки. Обычно это сами сотрудники сада. Но и простой народ этим не гнушается. И самое страшное – отхватывают куски от заповедного леса, «никому не нужного». По саду вовсю разгуливают куры, индюшки, даже козы и коровы. Только свиней не хватает, но я не уверен, что их нет. Все «освобождающиеся» места в саду (из за снегопадов, ветровалов) занимаются мандаринами».

С дочкой Подмосковье

В мае Андрей улетел в Москву вычитывать сигнальный экземпляр «Флоры Магаданской области». Позже мне рассказывал: была депрессия. Лежал, ничего не хотелось делать. Думал так: «Вот я работал, старался, выкладывался. А оказалось – никому не нужен».

Освободилось место заведующего кафедрой в Тимирязевской академии. Но узнал Андрей об объявленном конкурсе поздно. Ему, коренному москвичу, было оскорбительно то, что ему не нашлось в Москве места: ни в МГУ – своем вузе, ни в Главном ботаническом саду, где он кончил аспирантуру, защитился и долго работал.

Мне он пишет, что и магаданские обиды, и стремление ехать в Москву создают дискомфорт, «и чтобы от этого избавиться, надо на всем поставить крест. Ну не будет Москвы - что из того, лишние хлопоты и беспокойства, уносящие нервы и здоровье. Сердце все время в перебоях, временами схватывает ревматизм и не оставляет, голова как пивной котел, спишь и не высыпаешься. И вот уже несколько дней я от всего этого отрешился и почувствовал себя гораздо лучше ... Так что вот, никаких шансов нет, и никаких надежд, и слово я себе дал: на Москве крест поставить, ну уж теперь как судьба, а скорее никак. В Горьком все-таки кафедра университета – это школа, ученики».

Так же откровенно он пишет проректору по науке Горьковского университета Анисимову: «Я решил окончательно и бесповоротно пробыть здесь, то есть в Батумском ботаническом саду, как можно меньше, то есть убраться отсюда как можно скорее, желательно, конечно, в Россию, и вовсе не из-за того, что здесь грузины или аджарцы, а из-за того, главным образом, что здесь нет ни ботаников, ни ученых вообще, а есть корыстные хищники или в лучшем случае – равнодушные байбаки, озабоченные чем угодно, но только не делами сада, не состоянием растений. Прошедшая суровая зима это показала во всей своей красе. Поломало и поморозило много деревьев; казалось бы, надо принимать меры к спасению того, что осталось, но все эти меры свелись к одному – пилке, рубке, сжиганию, зачастую на корнях живых деревьев. У меня сердце кровью обливается, когда я все это вижу каждый день своими глазами. Просить, уговаривать сделать все как надо – бесполезно. Но легче сделать самому молча, что мы и делаем при случае, но на весь сад нас (меня с женой) явно не хватает. Да и о науке нет-нет да и

затоскуешь. Правда, есть тут и положительные стороны, а именно: всем абсолютно безразлично, чем вы тут занимаетесь и занимаетесь ли чем-либо вообще. До вас никому никакого дела нет, можете хоть вовсе не ходить неделями. Но это хорошо неделю-другую, а потом чувствуешь, что это тебя засасывает, сам становишься ко всему равнодушным и все время хочется спать. Правда, нам это удается сравнительно редко, так как много дел по дому. Поломало сад, развалился сарай, течет крыша. Всякие текущие мелочи вроде навоза, торфа, кур, собак, кошек, рыбок и т.д. Пришел контейнер, надо расставлять мебель, куда-то девать старую. В общем, постепенно (в течение дней 50) мы сами втянулись и стали считать, что живем вполне нормально, как все, своими собственными заботами. А вчера вдруг случайно встретили одну даму из московского Института морфологии животных, отдыхающую в соседнем доме отдыха. Пошли разговоры о науке, об Академии наук, Яблокове, Воронцове, и вдруг мы как проснулись. Даже как-то странно стало, что есть еще места, где есть наука, где люди думают не только о своем материальном благополучии».

Это письмо как нельзя лучше отображает наше состояние. Мы сразу же оказались совершенно оторванными от привычной деловой интересной жизни. В старом домике с неустроенным деревенским бытом, в десяти километрах от города, жить трудно. Идиллические мечты о счастливой старости, постройке дома на Зеленом мысу разбились о наследственную тяжбу.

Одновременно Андрея радовали тепло, весенний рост растений, буйное цветение, светлячки в ночной темноте, дурманящие запахи, теплое море – все то, что так привлекает на юге.

Нужно было срочно что-то предпринимать. В Москве я пошла в ботанический сад, посоветовалась с Лилией Ардашниковой. Многие годы она работала секретарем при начальстве. Лиля относилась ко мне доброжелательно. Рассказала, что с тех пор, как директором стал Лев Андреев, Петр Иванович Лапин подобрел и отошел от дел. Но по-прежнему именно он решает судьбы, если скажет добро – Андреев возьмет Андрея на работу. Решилась: иду к Лапину, ведь он всегда относился ко мне прилично. Вхожу в его кабинет. Есть и маленькая приемная. Умный старичок хорошо сохранился. Разбирает марки. Обращается ко мне на «ты». Советует поехать в Якутию, мол, там лето жаркое, а зима холодная. Знал бы он, будь мы на 10 лет моложе, обязательно поехали бы, и именно в Якутию, без раздумья. И на прощание: «Почему твой Андрей так меня не любит? Все меня любят. В Академии наук Овчинников любит, а Андрей не любит». Промолчала. Дома в отчаянии рыдала и говорила что-то о том, как все несправедливо, как обидно за Андрея, как он заслужил большего. Что делать?

В то время мы сблизились с семьей Филиных – сотрудников кафедры высших растений на биофаке МГУ. Я, приезжая в Москву, делилась нашими делами с супругой В.Филина Ниной Ивановной – очень приятной дамой. В тот вечер я ей рассказала о Лапине, о своем отчаянии. Вдруг меня осенило. Что я теряю? Запишусь-ка я к декану биофака МГУ М. Гусеву, и все ему расскажу. И Нина Ивановна записала меня на прием к Гусеву, с которым Андрей учился в МГУ.

Долго я сидела в приемной и, наконец, вошла в большой длинный кабинет, в центре которого сидел спокойный человек с приятными мягкими чертами лица. Говорю ему: «В Аджарии Андрею совсем плохо. Ни машины, ни машинки, ничего не будет. Ничего». Просила о помощи. И Гусев понял отчаянность положения. Попросил кратко охарактеризовать работы Андрея и принести через два дня.

На двух листах я подвела итог творческой деятельности Андрея. У него было уже пять монографий, 180 печатных работ и 45 новых для науки видов. Я прониклась гордостью за Андрея. И откуда-то в меня вселилась уверенность в благополучном исходе, в возвращении Андрея в Москву.

Снова я в кабинете Михаила Викторовича Гусева. Подаю ему листки с характеристикой Андрея.

Он читает, просиял: «Это то, что надо». Я прочла в его глазах гордость за друга. Спасибо ему. Все это произошло в одну из самых трудных минут в нашей жизни. О дальнейшем Гусев обещал сообщать, оставил свои координаты.

Я пишу Андрею из Москвы: «Отсюда видно главное: 1 – жить нужно среди своих, 2 – мы думали, что будем первыми на деревне, но если степень дикости достигает такого уровня, что люди не имеют представления о степени твоей квалификации, то разговора о том, что тебя хоть как-то оценят, нет и в помине! 3 – нужно быть там, где тебя знают».

Обнадеженная, я возвратилась на Зеленый мыс. Считала, что совершила большой семейный подвиг.

Во время моего отсутствия Андрей ездил в Казбеги, в Бакуриани. Прямо с поезда он приехал в ботанический сад. Встречаю его на центральной дороге ботанического сада. Он идет мне навстречу в полевой одежде, с наполненными папками. Спешу сообщить радостную весть. Ах, как он любил дразнить и ерничать. Отвечает: «Ты гонишь меня с Кавказа!» Ну я сразу же в позу, обиду. Но на самом деле, я думаю, он был очень рад. Однако еще предстояло проползти в открывшееся нам игольное ушко.

Стояло жаркое южное лето. Теперь Андрей не отдыхал, как в прошлом году, а активно ездил по Кавказу. Так как у него еще не было батумской прописки, в пограничные районы Аджарии попасть он не мог, приходилось удовлетворяться в основном восточной Грузией. Кроме Казбеги и Бакуриани, он ездил в Южную Осетию, на стационар ботанического института. Командировки, поездки на природу раздражали пассивных сотрудников ботанического сада. Им было не понять стиля жизни и работы Андрея.

Он постоянно вел наблюдения за растениями, климатом. Измерял температуру воздуха утром и вечером, сравнивал. Своими соображениями со мной он, по обычаю, не делился. Только изредка удавалось его расшевелить. Ему было важно выяснить, к субтропикам относится Южная Колхида или все же к умеренному поясу. Климатические данные о перепаде суточных температур он испытывал на себе, изнывая от того, что в середине лета даже ночами нет прохлады. Круглые сутки стоит изнуряющая жара, так плохо действущая на его больное сердце…Я видела его белое лицо, испарину. Но он не щадил себя.

Хотя у него не было прописки в Аджарии, но на военный учет встать пришлось. Начальство под каким-то благовидным предлогом выманило у него военный билет, чтобы хранить в сейфе. Это

меня волновало.

П. Хохряков, А. Хохряков. Южная Осетия

Лето прошло под знаком ожидания вестей из Москвы. Истекал срок северной брони и права на московскую прописку. Михаил Викторович Гусев хлопотал. Сообщал – с вакансией он постарается, но прописать Андрея в Москве не сможет. Я уговаривала Андрея рассчитаться и уехать в Москву, восстановить прописку. Но он наотрез отказался. Вдруг в МГУ ничего не получится. Говорил: «Вдруг не возьмут, как я буду с побитой мордой болтаться в Москве?». Я считала это неразумным, но уговорить его не сумела. Спасло то, что после окончания срока брони можно прописываться на постоянное место жительства еще в течение полугода.

Только в октябре Андрею пришла бумага о переводе. Гусев свое слово сдержал.

Просто не верилось в реальность этого события. Все произошло как в сказке. И все, как в его судьбе уже бывало, свершилось в последнюю минуту, в последний момент.

В Москве месяц ушел на восстановление прописки. Было очень много бюрократии и формальностей. Пишет мне: «Этот проклятый строй, бюрократический и бумажный насквозь, вот что возмутительно. А тут какая-то болтовня по радио о демократии, о свободах, правах, когда нами управляют чиновники и бюрократы, будь они прокляты вместе со своим социализмом, чтоб ему задавиться».

Весь ноябрь, пока шло тягостное время по восстановлению прописки, Андрей интенсивно работал, в основном редактируя и печатая мою монографию по биоморфологическим адаптациям растений.

Снова он оказался в родном доме. Серебряную свадьбу решили отметить 13 декабря, в день Андрея Первозванного, спустя настоящей даты более полугода. Радовались будущим перспективам, возвращению в Москву. В «зале» нашей квартиры собрались родственники: Хохряковы, Бояровы и Капустины. В основном сестры и братья. Из старшего поколения был жив только дядя Витя и его супруга Нина Яковлевна. Пришли студенческие друзья - Владимировы Валя и Саша с сыном Володей, Юра Алексеев со второй женой Алей. У всех уже седина, располнели. Работают по-прежнему на старых местах. Юра – на кафедре геоботаники в МГУ. Саша и Валя – в НИИ антибиотиков.

«Флора Магаданской области» опубликована, но минимальным тиражом - всего 1000 экземпляров. В летних волнениях и отъездах я не организовала заявок, а Андрей принципиально не хотел этим заниматься. Рисунки, которые он сделал сам, были удачными, но фотографии, на самом деле хорошие, в книге выглядели плохо, что сильно снижало общее впечатление. Много было допущено технических ошибок, что очень раздосадовало Андрея. В письме от 10 ноября: «Я занялся анализом флоры, воспользовавшись свободным временем, которого в результате не оказалось. Да, этим бы я не мог бы заниматься на Зеленом мысу. Это дело требует всего внимания. Составляются разные списки и сотни названий по типам распространения. Желательно удержать все это в памяти».

Теперь, когда я пишу эти строки на компьютере, легко нажимая клавиши, вспоминаю, какой огромный труд был сделан Андреем. Как облегчилась жизнь! А его уже нет. Теперь бы он уже написал флору северо-восточной Турции. А его нет…..

13 декабря он был зачислен в ботанический сад МГУ, в так называемый филиал. Слово «филиал» огорчительно. В центре Москвы, рядом с Садовым кольцом находится самый старый в России ботанический сад – «Аптекарский огород», основанный Петром I. Когда Московский университет перекочевал на Воробьевы (Ленинские) горы, там при биологическом факультете построили новый ботанический сад, а старый сад, петровский, на улице Мещанской (ныне проспект Мира), стал называться филиалом и постепенно увядать.

Маленький сад (филиал) занимал всего 2 гектара и был сжат со всех сторон домами. Пруд, окруженный деревьями, большая горка с альпийскими растениями, но запущенная, оранжерея, старинный двухэтажный корпус с библиотекой и помещениями для сотрудников... Езды от дома до работы Андрею- всего 20 минут. На работе ему был выделен небольшой кабинет. В этом кабинетике с большим столом и несколькими стульями Андрей одиноко работал до самой своей кончины – немногим больше 11 лет.

Андрей стал числиться научным руководителем этого маленького сада. В начале он и вправду думал руководить наукой. Но это был совсем иной коллектив. Одна научная сотрудница Нинель Никандровна Капранова, 2 лаборантки. Есть и обслуживающий ботанический сад персонал: бухгалтер, рабочие, сторожа, уборщица. Во главе администрации Светлана Константинова Романова. Женщина в годах, далекая от ботаники, именно она истинный руководитель филиала. Строго следит за дисциплиной и всячески пытается принудить Андрея ходить на работу от звонка до звонка. У «филиала» есть и настоящие начальники: Вадим Николаевич Тихомиров – заведующий кафедрой высших растений на биологическом факультете МГУ и одновременно директор ботанического сада, и его заместитель Владимир Сергеевич Новиков. Оба находятся на Ленинских горах. Там дел хватает, жизнь идет своими привычными ритмами. В филиал начальство только изредка совершает ревизионные поездки.

Филиал для Андрея оказался чудесным местом, где он мог спокойно работать, если не считать мелочных уколов злобной тетки «Романкиной», как называли за глаза Романову. Переход Андрея в Москву мы считали подарком судьбы. Я оставалась временно на Зеленом мысу и в любую

минуту могла вернуться в Москву. Андрей мечтал выезжать на Кавказ, приезжать ко мне. Так оно в будущем и получилось. Начальство не препятствовало, в командировках не отказывало.

Год после 8-ми месячной работы в Батуми завершался уже в Москве. Но сколько событий совершилось за этот год!

Поездки 1985 г.: Поездки на стационары Ботанического Института Грузии: в Казбеги, Бакуриани, на Южно-Осетинский стационар.

Глава девятая. Снова в Москве. МГУ. Филиал. Кавказ. Аджария (1986-1988)

1986 В начале января 1986 года в Новосибирске защищала диссертацию наша магаданская знакомая Таня Давидович. Андрей – оппонент ее диссертации. За несколько дней до отъезда в Новосибирск заботливая мать совершила на Андрея атаку, требуя надеть в Сибирь тулуп, шерстяные носки и, кажется, валенки. От валенок он отбился, но полетел в тулупе и проклял все на свете. Слово «Сибирь» действовало на мою свекровь завораживающе, леденяще. А Магадан, видимо, был чем-то вроде курорта, так как за долгие годы наших полетов и жизни на Северо-Востоке она ни разу не вспомнила о тулупе.

Но шутки в сторону. Эта поездка для меня была знаковой. Андрей, зная, что у меня в первой половине года выходит монография, договорился с директором Новосибирского ботанического сада И.В.Коропачинским и ученым секретарем Э.А. Ершовой о возможности защиты моей докторской диссертации по монографии.

К этому времени относится появление у Андрея нескольких привычек. Он стал собирать упаковки от вафель, которые любил. Стал собирать необычные или смешные фамилии, если встречал их в газетах или на экране. Стал выписывать два журнала. Один толстый – «Октябрь» и еще «Знание - сила». Из газет он читал в основном «Литературную». И живо откликался.

Письмо в «Литературную газету»: «Дорогие друзья! Давно слежу за дискуссией относительно защиты диссертаций и общих проблем развития науки. Нужные – не нужные диссертации, как бороться с лженаукой и нужно ли бороться с ней вообще, как вообще усилить действенность науки, ускорить прогресс. В общем, создается впечатление, что правы и те, и другие, все стороны приводят равно неотразимые аргументы, и снова неизвестно: следует защищать диссертации или нет? Как бороться с лженаукой? Как повысить эффективность науки? Очевидно, остается во всей этой дискуссии и что-то недосказанное, что-то главное, что укрылось от внимания борющихся сторон. Или это само собой разумеется, что наука должна делаться чистыми руками? Что ученый должен быть бескорыстен и не стремиться ни к званиям, ни к почестям, ни к карьере? Ждать, когда окружающие заметят и оценят? Разумеется, так должно бы быть, но так не было, нет, и не будет никогда, к сожалению, потому что один из фундаментальнейших законов природы тот, что в мире ничего не может быть идеального, только хорошего или только плохого.

Наука, как и другие виды человеческой деятельности, не застрахована от разного рода проходимцев и карьеристов, «пробивных» элементов, которые и занимают в ней рано или поздно ведущее положение, становятся во главе разного рода ее подразделений и на своих постах, сознательно или нет, тормозят ее развитие, протаскивают свою креатуру, а неуживчивым фанатикам закрывают ход. И причем тут число защит и процедура защиты? Конечно, лишняя

защита – все же лишний барьер для лжеученых или дельцов от науки. Сложный ритуал защиты – барьер для настоящих ученых, но ни то, ни другое не гарантирует науку от засорения, ибо вершителями-то судеб молодых ученых остаются старые кадры, уже проникшие в науку дельцы, обзаведшиеся званиями и регалиями. Кто наши академики? Почти сплошь – директора институтов, а то и выше, реже – замы, еще реже – зав. лабораториями. Вряд ли таких наберется 10%. А ведь только их можно назвать в какой-то степени учеными, делающими науку «своими руками», директорам и замам до науки уже не дотянуться. Да и были ли они когда-либо учеными? Вряд ли, ведь административная карьера требует специальных, отнюдь не научных приемов и навыков, а скорее политических и дипломатических, тем более в таких условиях, когда материальное снабжение, финансирование, строительство даются с величайшим напряжением сил. А тут еще взаимоотношения с партийными и советскими органами, вышестоящими инстанциями… А для того, чтобы это все освоить, нужна школа, и тоже отнюдь не научная, а дипломатическая или административно-хозяйственная. В таких условиях заниматься наукой серьезно, конечно, нельзя, а защита докторской выливается просто в неприятный и трудный, но только ритуал, способствующий дальнейшей карьере. Настоящего ученого защита, конечно, отрывает от настоящей работы, но все же хоть как-то уравнивает с карьеристами-администраторами, а эти последние в ее процессе хоть как-то соприкасаются с наукой, хотя бы не надолго.

Как исправить положение дел, если вообще нужно исправлять? Лучше всего было бы, конечно, провести основательную чистку АН, но это вряд ли возможно без нарушения ее ныне действующего устава. Поэтому лучше всего было бы преобразовать ее в совет директоров или другой чисто административный орган, а настоящую АН создать заново, сообразуясь с чисто научными достижениями. Но как ее создать и кто будет этим заниматься? Я не вижу иного пути, кроме как конкурсного, а комиссия должна быть из ЭВМ. То есть можно и нужно разработать такую программу, которая позволяла бы объективно оценивать научные достижения. Конечно, и при этом не исключается «просачивание» карьеристов, так как кто же будет создавать эти программы, как не те же люди, ученые, со своими симпатиями-антипатиями. Однако здесь этот процент (карьеристов) будет уже существенно ниже. Затем, когда во главе АН встанут настоящие ученые, т.е. энтузиасты своего дела, благородные и бескорыстные, не карьеристы и дельцы, остальное уже не составит труда. Они уже сами все решат, как надо оградить своё общество от проходимцев и «дипломатов». Правда, они сами будут нуждаться в няньках, но ничего идеального нет и быть не может».

Это письмо в двух экземплярах осталось лежать в его архиве.

Он планирует для себя за два года написать анализ флоры Северо-Востока СССР (эта работа была завершена в назначенные сроки). Планирует за четыре года завершить работы по ритмам развития субтропических растений в природе и культуре. Кроме того, планируются работы по биоморфологии и систематике папоротникообразных.

Недалеко от города Гагры в Абхазии, в местечке Холодная Речка находится опорный пункт Главного ботанического сада. На крутом склоне над морем небольшой дом окружен субтропическими растениями. От него удобный спуск к морю. Это прекрасная база отдыха сотрудников ГБС. Там намечено совещание работников закрытого грунта.

11 февраля поздним вечером в полной темноте я вышла на станции «Холодная Речка» и пошла вверх, едва нащупывая тропу. Наверху сияют огни. Там Андрей стоит на тропе, присматривается, ждет меня.

Возглавлял совещание тихий и приятный человек – Александр Сергеевич Демидов. На совещание приехали и сотрудники Киевского ботанического сада – яркие, энергичные и бойкие.

Была там и знаменитая Дарья Никитична Доброчаева, заведующая музеем. Собрался приятный коллектив, с которым мы ездили в Сочинский дендрарий, в Адлер - в совхоз «Южные культуры».

Я помню этот красивый и ухоженный совхоз в студенческие годы, когда там выращивались цветы для всего большого Сочи. Там проходили практику студенты Ленинградского университета под руководством О.А.Муравьевой. Теперь цветы отсутствовали, а парк был сильно запущен. В субтропиках зимой, в период, названный мной «вечнозеленым» (то есть тогда, когда лиственные породы стоят оголенными), природа выглядит неухоженно. На первый план выходят темные кроны хвойных и вечнозеленых пород, пожухлая трава.

Юрий Николаевич Карпун – директор молодого ботанического сада «Белые ночи» - возил нас и на крутой склон одного из санаториев в Хосте, где первоначально большой горой владел Андрей Николаевич Краснов, мечтавший создать субтропический ботанический сад. И сейчас, правда с трудом, просматривается планировка географических отделов. Деревья состарились, а об истории этого места знают немногие интересующиеся историей ботаники.

После совещания мы вдвоем уехали в Очамчиру на станцию Тбилисского института леса, которой руководит наш старый знакомый Карло Тугуши. Жена и дочь его живут в Тбилиси, а Карло в Очамчире. Это нас особенно сближает, так как наша судьба теперь похожа на судьбу Карло. Большие окна гостиницы с тяжелыми и пыльными шторами выходят на зеленый двор. Там пасутся курочки Карло. Холодно и сыро.

После экскурсий под вечер мы приглашены на ужин к Карло. Он потчует сухим вином и жареной курочкой. Курочку, по просьбе Карло, готовят в столовой. К жареной курочке приложены ее скрюченные лапки. Лапки удостоверяют – повара ничего себе не взяли…

Нас почитают как гостей, приближенных к директору. По утрам несут мацони, творог, сыр.

Карло организует семинар. Приятно видеть настоящий интерес к ботанике. С огромным уважением вспоминают Василия Захаровича Гулисашвили – замечательного ученого-лесовода, организатора этой ЛОС (лесной опытной станции). Гулисашвили долгие годы возглавлял Институт леса и оставил много учеников, которые вспоминают его с благоговением.

Очамчири – север Колхиды с тяжелыми землями. На больших квадратах, называемых чеками, посеяны разнообразные экзотические породы. Площадь небольшая. Редкие породы растут густо и не самоизреживаются. Карло на машине ЛОС организует поездку в заповедники – Мюссеру и в Скурчу. В Скурче на берегу моря большой массив самшита, что не типично. Обычно самшит растет в горах. В самшитовом лесу бродят коровы. Однако крепкий самшит вырубить не так-то просто.

Мюссерский заповедник охраняется хорошо. К побережью ведет прекрасная дорога. Там мы видим склоненные над морем высокие деревья земляничного дерева и древовидный вереск. На побережье, в пределах Советского Союза – это единственное место произрастания этого редкого вида. Здесь он невысокий. Зимой кусты покрыты маленькими отмершими колокольчиками цветков. Растет тут и цистус критский – один из реликтов средиземноморской флоры.

Прощальный день мы проводим в Сухуми в гербарии у Альфреда Алексеевича Колаковского. У него прекрасный гербарий, ученики. Во всем чувствуется доброжелательное отношение и к гербарию, и к самому заведующему. В памяти встают сырые комнаты аджарского гербария и сидящая в пронизывающем холоде Александра Алексеевна Дмитриева с большой лупой, склоненная над гербарным листом. Сухумский же гербарий значительно лучше. Нам завидно. Мы считаем себя батумцами и очень любим свой Батум, но видим, что тут все более цивилизованно.

С внучкой Галей

Колаковский говорит, что мы там, в Аджарии, как в мешке, то есть находимся в изоляции между Турцией и Грузией.

10 дней пролетело в интересных поездках. Мы разлетаемся в разные стороны. Я – в Батуми, Андрей – в Москву.

Опять тянут со статьей о бриофилии. В Ботаническом журнале не признают этой экологической группы. Статья от рецензента с отрицательным отзывом возвращается дважды и полностью забракована. А сегодня слово БРИОФИЛИЯ, БРИОФИЛЫ стало обычным среди экологов и биоморфологов.

Вышла моя книга «Биоморфологические адаптации растений к условиям Арктики». Андрей очень гордится. Он ведь ответственный редактор.

Из моего дневника: «В начале июня Андрюша бомбардировал меня телеграммами. Одна извещала о том, что моя книга вышла из печати. Во второй сообщалось, что в Новосибирске меня ждут на предзащиту и что я должна готовить автореферат, а вот третья телеграмма попала в самое яблочко. Андрей, не достав прямого билета до Батуми, решил лететь в Сухуми и там, в Абхазии, поездить.

7 июня утром я прилетела в Сухуми. Новый большой и красивый аэропорт. Везде на лотках, в маленьких палаточках торгуют всякой снедью. Я сразу замечаю, что попала в более цивилизованное место, хотя конечно не без кавказских изъянов. В столовой грязно, но вкусно! А в парикмахерской нет кричащего клуба кикелок.

Вижу огромный пузатый аэробус, выпускающий огромную толпу. Солнце, жара, вся масса людей устремляется к выходу... Вот и мой Андрей. Седая большая растрёпанная борода, рубашка набекрень и узкие брюки, выкопанные моей дочкой из сундука…. Весь его вид вызывает досаду и огорчение. Мы ведь живём не вместе…. А за Андреем нужен тщательный уход….

Но теперь мы вместе, вместе решаем, куда ехать! Вместе! Быстро садимся в автобус до Очамчир.

Как всё близко на Кавказе! Не успели мы, прижавшись друг к другу, поделиться последними новостями, как нас уже выгрузили у поворота на ЛОС. У Андрея чемодан, там в основном масло и другие продукты, но вещей, так же как и зимой, он захватил уйму. Тут и спортивный костюм, и костюм для экспедиций. Я же легкомысленно еду в одном платье. И не пожалела.

Ах как хорошо в таком месте, как ЛОС! Сразу вспоминается февраль, теплая кавказская, колхидская весна. И гостиница, и вечера у Карло, и его трогательная гастрономия. Особенно вспоминается курочка, выращенная самим Карло и запеченная в столовой.

Жарко. Мы спешим на море. Идем долго по каким-то задворкам и наконец выходим к морю. Высокий прибрежный обрыв. А мы себя чувствуем так хорошо и вольно, вместе. Я все время думаю, как привести в порядок Андрея, и сразу же по возвращении, в раскаленном номере гостиницы перешиваю брюки - кажется, мне это удалось... А на следующий день удалось постричь Андрея в парикмахерской и даже купить рубашку апаш. Мы шутили: "Рубашка апаш – удобна для папаш!"

Несколько дней были очень насыщенными. Утром и вечером мы были приглашены к Карло, который как всегда потчевал чем-то им самим приготовленным, сухим вином. Кроме того, ко мне благоволила Любочка, соседка Карло, приносившая дары своей коровы в виде мацони, молока, всего того, чего я была полностью лишена дома.

Жаркий праздничный Сухуми. Курортный сезон в полном разгаре. Ботанический сад в самом центре города. Альфред Алексеевич Колаковский окружен учениками – Зураб Адзинба самый главный. Говорит по-русски чисто. Большой гербарий. Зураб показывает нам фотографии земляничного дерева у берега моря в пределах государственной дачи то ли Сталина, то ли уже новых хозяев в лице Раисы Горбачевой. Весной туда из батумского ботанического сада отправляли бесплатно самые лучшие экземпляры бамбуков и других редкостей. К земляничнику в этом месте не подобраться. Все закрыто.

Мы едем на Пицунду. В знаменитой роще Пицундской сосны, расположенной на побережье моря, организован заповедник. Контора заповедника – красивый двухэтажный дом. В нем сидит директор Хачапуридзе . Рядом его молодая сотрудница Женя Пучкина. Нам оказывают максимальное гостеприимство, предоставляют отдельный номер. Фактически этот милый двухэтажный дом – гостиница для близких и неблизких людей, возможно, и дополнительный заработок. Нам там чудесно. Мы в лесу и на берегу моря. Ранним ясным утром мы бежим к пустынному морю. Днем экскурсируем в роще. Забор во многих местах нарушен, а главное – почему-то сублитораль не огорожена и полностью истоптана. Охраняют только сосну, которая прекрасно возобновляется. За сосновой рощей – три огромных точечных дома, не небоскрёбы, но в несколько десятков этажей. И кому пришло в голову строить их совсем рядом с морем, да и рядом с редчайшей, единственной заповедной рощей! У домов курортная жизнь. Курортники роятся на небольших асфальтированных площадках. С Женей Пучкиной мы идем в поселок Рыбачий, поднимаемся на истоптанные рогатым скотом приморские холмы. Тут очень приличная роща земляничников. Они более крупные в сравнении с крымскими, но есть опасность их исчезновения. Почва утоптана, и возобновления нет.

На попутке несемся вверх по Бзыбскому ущелью к озеру Рица. Накатанный маршрут курортников. Автобусы привычно везут вверх к озеру группы туристов. Посещение Рицы – обязательный ритуал. Приятные холмы, горы. Богатые дома с большими приусадебными участками. Все говорит о достатке и хорошем климате. Вот и большое зеркало озера Рица, по которому снуют катера. Вокруг озера – причалы, палатки с сувенирами и снедью. Мы же идем на противоположный берег в сосняки, находим стелющуюся, как и положено, толокнянку. Странно видеть ее тут – последний раз я ее собирала морозным сентябрьским днем под

Якутском. Небольшой реликтовый остров толокнянки известен давно, здесь ее считают отдельным видом. Но на первый взгляд, никаких отличий, за исключением более крупных размеров, мы не видим. Как всегда, собираем гербарий и на попутном автобусе с курортниками по серпантинам возвращаемся к гостеприимному Хачапуридзе.

Колаковские в своей большой светлой квартире, расположенной напротив ботанического сада, устроили нам званый обед. Вида Савельевна показывает нам старые альбомы. Это историческая ценность. Супруги рассказывают о своих экспедициях по Большому Кавказу. Я им завидую. Жизнь, в отличие от нашей, уравновешена и устроена. До работы всего два шага. Вида Савельевна рассказывает, как увлекалась селекцией хризантем и наблюдала их огромное расщепление, появление самых фантастических красивых форм. Вспоминаем и общих знакомых – известных ботаников. Вида Савельевна вспоминает и Андрея Алексеевича Яценко-Хмелевского, с которым я уже многие годы в переписке. Кавказские ботаники время от времени общались между собой. Мне бы записать, расспросить о Гроссгейме, но не спросила.

15 июня приехали в Батуми. Под руководством Вано Папунидзе вместе с сотрудниками Батумского ботанического сада была организована поездка в Кедский район за знаменитой орфанидезией, эпигеей гаультериевидной. Экспедиционная машина не может пройти по плохой лесной дороге. Идем пешком на хребет со стороны реки Аджарисцкали несколько километров буковым лесом. Лесник помнит местонахождение редкого растения. Сергей Голицын – первооткрыватель этого редкого вида – шел по скотопрогонной тропе со стороны Черного моря. Но за полвека все густо заросло колхидским подлеском. Несколько раз ботаники искали орфанидезию и не могли ее найти.

Эпигея растет на крутом обрыве. Андрей сделал удачные снимки и решил исследовать ущелье. Оно узкое и глубокое, края почти отвесные. У Андрея сильная гипертония. Он очень полный, весит более 80 килограмм. Но я уверена в его ловкости. Он ведь всегда прекрасно лазил на деревья. Но я жду, жду и начинаю волноваться. Вано недоволен. Нужно возвращаться, а Андрея нет. Наконец вижу – вылезает. Говорит, что стал уже старым и с большим трудом смог вскарабкаться по отвесным стенкам ущелья, цепляясь за гибкие ветви рододендрона.

В сопровождении двух проводников недалеко от селения Намонастреви мы надеемся найти рододендрон Смирнова. Попали в девственный лес с огромными серыми стволами буков. На обрывах ярко розовеет гибрид между белым рододендроном Унгерна и ярко-алым рододендроном Смирнова - цвет ярчайший и необычный, розовый. Андрей описал этот гибрид как рододендрон Харадзе, в честь Анны Лукьяновны Харадзе – известного грузинского ботаника.

Теперь у Андрея московская прописка. Это открыло ему доступ в пограничные районы. Он получил возможность работать в Верхней Аджарии. Самое приятное то, что народ там крайне гостеприимный. Встретят, накормят и положат тебя на мягкую кровать в гостевой комнате на втором этаже просторного дома. И это в любой точке всей горной Аджарии.

В середине лета мы вместе с Андреем полетели в Новосибирск, где я апробировала свою докторскую диссертацию. Андрей поехал со мной для поддержки.

После Новосибирска Андрей улетел в Якутск на совещание. Герман Денисов – наш старый магаданский знакомый, - всеми силами зазывает Андрея на работу в Якутск. Зовет его и В.Н.Андреев, возглавляющий ботанику в Якутске, ему нужна смена. Андрей загорелся. Север продолжал притягивать. Может быть, год назад П. Лапин был совершенно прав? Нужно было все оставить и лететь в Якутск... Чудесные места, просторы! Но эти настроения в Москве сами собой отпали.

В конце октября Андрей снова на Зеленом мысу. Мэри Джиджавадзе – моя сослуживица. Это высокая темноволосая девушка старше 25 лет. Мэри – родом из Мериси, высокогорного селения по дороге на Намонастреви. Оба селения располагаются на крутых отрогах Шавшетского хребта, совсем недалеко от турецкой границы. Мы хотим найти рододендрон Смирнова. Это очень редкий вид в Аджарии, распространен в основном в Турции. Поэтому пользуемся знакомством с Мэри и едем вместе с ней и Наной Концелидзе в Мериси.

От Батумского автовокзала ходят в горы автобусы. В основном это маневренные ПАЗы. За Батуми дорога уходит в горы. Сначала Кахаберской низменностью, полностью заполненной мандариновыми садами. У впадения в Чорох его притока Аджарисцкали дорога поднимается в горы, вьется вдоль русла реки. Начинается горная Аджария. По сторонам крутые склоны гор поросли буковыми лесами. На пограничном контроле обязательна проверка паспортов. Служат русские пограничники. Первое большое селение Кеда. В Аджарии каждый уважающий себя крестьянин должен построить свой дом. Огромные квадратные дома из серых цементных бетонных брикетов в 2-3 этажа лепятся на крутых склонах. Крыши, словно большие зонты, отсвечивают на солнце. От Кеда в сторону от основного шоссе серпантинами начинается подъем. Едем по грунтовой дороге по отрогам Шавшетского хребта.

Наш ПАЗ с трудом поднимается. И здесь вдоль дороги тоже выстроились большие дома. С дороги они выглядят одноэтажными. Нижние этажи лепятся к склону горы. Самый нижний – для скота.

В большом доме родителей Мэри на первом этаже бухари – камин с трубой на улице. Около огня вечерами собирается вся семья, родственники и многочисленные гости. Женщины только подают еду, а сами едят отдельно. Второй этаж просторный. Там сияют лаком мебельные гарнитуры, с трудом добытые в Москве или Ленинграде.

С балкона открывается изумительной красоты вид на большое и узкое ущелье. Небольшая плантация табака у дома источает сильный запах. Хотя поздняя осень, табак еще цветет. На балконе сушатся фрукты, рядами лежат свежесобранные грецкие орехи, гроздьями свисают початки кукурузы.

Голодный маленький скот поодиночке рыскает по лесу в поисках травы. Забираемся выше. Выходим на ручей, добираясь до водопада. Андрей пытается подняться по крутому обрыву. Начинает резко темнеть. Я возражаю. Воспитанные девушки, для которых слово мужчины закон, молчат. Но робеют перед быстро наплывающими сумерками. Андрей досадует, кричит привычное: «Черт, проклятье» и с неудовольствием смиряется.

В следующем селении Намонастреви живут два брата – родственники Мэри. Один женат, имеет несколько детей. Второй, Камал, пока холост. Собирает разнообразную аджарскую утварь и соорудил маленький музей. Пока хозяйка долго готовит ужин, братья ведут нас в святая святых – туда, где бродит в больших чанах молодое вино качичи. То и дело подносят для пробы ковш с вином. Андрей с хозяином пробуют. Камал показывает достопримечательности своего музея. Старые утюги на древесном угле, ятаганы, шашки, светильники. Обращаясь к Андрею, часто повторяет «дед», что Андрею совсем не нравится. Он всегда молодится.

Уже темно и холодно. Подмораживает. Дом не отоплен. В бухари весело трещат дрова. Но согреться около такого камина - вроде как у костра. Стол накрыт. В тех краях особенно славится картошка. Она действительно очень вкусная. Мчады – горячий хлеб из кукурузы, сыр, густая сметана каймак и, конечно, вино. Застолье затягивается. Пора и на покой. На втором этаже обстановка простая. Кровати, словно в гостинице, застланы чистейшими простынями и шерстяными одеялами, под которыми сначала трудно согреться - все ледяное, но затем становится очень уютно. На полу рассыпаны яблоки. Местный сорт алиага источает приятный

аромат. Холод и яркий свет луны – последнее, что я помню, засыпая.

Встаем рано. По крутому склону спускаемся вниз к реке. Перебираемся по мосткам и начинаем подъем вверх. Девушки в длинных юбках. Здесь брюки не приняты. Тропа идет по очень крутому склону под кронами высоких буков, вьется серпантинами. Буковый и каштановый лес заслоняет обзор. Кажется, подъем будет бесконечным. После нескольких часов подъема лес редеет. В субальпийской зоне – заросли кавказской черники, стелется береза мегрельская. Вдоль тропы – заросли кустарникового дуба понтийского. На дороге рассыпаны красивые блестящие длинные желуди. До высокогорий все еще далеко. Я впервые пользуюсь посохом. Андрей, хоть и сильно располнел, от такой помощи при подъеме отказывается, тащит свое тело вверх, но с трудом. Вида не показывает. Вижу – и девочки сильно устали.

Стали появляться скалы. На них мы и нашли рододендрон. Только в 16 часов мы на яйле Кослистави. Летовки – деревянные двухэтажные домики – на зиму уже закрыты. Над яйлой возвышается огромная серая гора, наполовину уже заснеженная. Это знаменитый Карчхал, высотой более 3000 м, расположенный на территории Турции. Величественный, он кажется совсем рядом. Даже помыслить невозможно попасть на эту гору. Наша граница на замке.

И кто бы мог подумать, что через несколько лет мы побываем на Карчхале, и не раз…

Уже поздно. Нужно успеть спуститься вниз засветло. До лесного пояса добираемся уже в полной темноте. Идем на ощупь. Палка очень помогает пробираться среди корней. Достигли уровня дома Камала на противоположной стороне ущелья. Слышим – кричат. Отвечаем и спешим, спешим. Не разбирая дороги, перешли холодный ручей и из последних сил поднялись вверх к дому.

В 1986 году Андрей оппонировал одну диссертацию. Делал три доклада: в Якутске, в Очамчири и в Москве. Написано две статьи. Вышло из печати восемь.

5 декабря в Мурманске родилась наша первая внучка Галя. Андрей стал дедом, а я бабушкой!

16 декабря в Новосибирске я защитила докторскую диссертацию. Уверена – без Андрея я бы не стала доктором наук. Мои родственники, из-за тяжбы по поводу земельного раздела, писали в ученый совет Новосибирского ботанического сада клеветнические жалобы. Ученый совет проголосовал единогласно.

23-25 декабря мы были участниками традиционного совещания по филогении растений, проходившем в МГУ. Это было 7-е совещание. Андрей делал доклад на пленарном заседании на тему «Дихотомическая система высших таксонов растительного мира».

Поездки и экспедиции 1986 г.: Март: Абхазия (Холодная Речка, Очамчири, Скурча, Мюссера, Пицунда). Июнь: Абхазия (Пицунда, озеро Рица); Аджария (Кеда, орфанидезиевое ущелье, Намонастреви). Июль: Новосибирск (окрестности Академгородка). Сентябрь: Аджария (Мериси, Намонастреви, Кослистави).

1987 К началу 1987 года монография «Анализ флоры Колымского нагорья» была уже готова. Для ее публикации требовались разрешения, утверждение заявок Дальневосточного центра. В издательстве «Наука» существовал строгий лимит на издание трудов, особенно монографий. Поэтому Андрей вел напряженную переписку, просил своих бывших сотрудников лаборатории помочь с оформлением сопроводительных документов.

Центральный аэровокзал находится рядом с нашим домом. Там Андрей неожиданно повстречал Георгия Кращнощекова – директора магаданского института. Радушно пригласил его в гости и поил нашим зеленомысским вином. Я была удивлена. Но Андрей мне объяснил, что сделал это для того, чтобы тот видел, как мы хорошо живем на юге, пьем свое вино… Андрей всегда был

гостеприимным. Но человека не исправишь. Эта встреча чуть не помешала изданию «Анализа». В дружеской беседе Андрей, видимо, под парами Бахуса, заявил Краснощекову: «Как мне все это надоело! Бросить бы и ничего не печатать!» Это были его любимые фразы. Любил он сказать наоборот, поиграть. Краснощеков запомнил и на ученом совете в Магадане, где утверждали к изданию монографию, эти слова передал: мол, Хохряков уже остыл к своей работе!

Оформление документов затягивалось. В Магадане, в институте продолжались бои двух партий: медиков и зоологов. После множества скандалов утвердили нового директора Александра Владимировича Андреева. К Андрееву мы всегда относились с большой теплотой. Молодой орнитолог. Бесстрашный исследователь глухариных зимовий на Омолоне. Прекрасный фотограф. Его отец – ленинградский художник – еще в 1978 году написал большой портрет Андрея маслом. Теперь этот портрет висит у меня в квартире. Саша Андреев подарил его нам еще при жизни Андрея.

Андрей пишет Андрееву письмо, спрашивает о сроках сдачи рукописи. Неохота ему заниматься ею летом, во время экспедиционного сезона. Он привык работать зимой, а летом ездить в природу. Кроме того, открыто пишет ему свое мнение о бывших сотрудниках. Любой другой человек поостерегся бы. Ведь необходимо получить документы и «добро» на издание, а он опять неосторожен. Но Андреев не препятствует оформлению рукописи, а наоборот, помогает.

«6 апреля 1987. Дорогой Александр Владимирович!

Во-первых, поздравляю Вас с назначением на высокий пост и желаю Вам на нем и остаться. А во-вторых и главных, мне хотелось бы уточнить положение с моей работой «Анализ флоры Колымского нагорья». Дело в том, что Георгий Петрович Краснощеков неправильно вас всех информировал. Я вовсе не отказывался от написания ее, а просто спрашивал о возможностях, как и где уточнить оформление рукописи. Я получаю из Магадана противоречивые известия и не могу понять главного: утвердили мою монографию или нет, если да, то на какой год и когда надо сдавать рукопись».

В течение года документы были собраны, а рукопись благополучно достигла издательства. Но перед тем, как ей выйти из печати, были очередные сложности. Издательство перешло на хозрасчет. Поэтому пришлось отказаться от рисунков. Книжка вышла в мягком переплете. И хоть книжка небольшая, специалисты очень ценят эту работу.

На основе северных наблюдений были рождены идеи о бриофилии, обитании растений на моховых покровах, содружестве высших растений с мхами. Мох служит многим растениям пористым, насыщенным влагой субстратом. Статья об этом была написана нами давно. Сначала мы ее отправили в «Ботанический журнал», но после двух отрицательных рецензий она была возвращена. Затем она опять долго лежала в журнале «Экология», но и оттуда ее вернули с отрицательным отзывом. Статью Андрей забрал, но протестовал против несправедливости. Затем отдал в бюллетень МОИП, где она, наконец, вышла. Слово «бриофилия» теперь, спустя годы, стало общепринятым и широко употребляется ботаниками. Бриофилия обнаруживается на многих объектах.

Готовились тезисы на очередную школу по теоретической анатомии и морфологии. Хотя мы давно занимались проблемами биоморфологии, но организаторы этих «школ» не очень нас жаловали и не приглашали. Поэтому на первых школах нас не было. На сей раз все было иначе. Еще зимой, в декабре, на совещании по филогении растений завязался контакт с новой морфологической звездой Татьяной Валентиновной Кузнецовой. Т.В. читала Тролля в подлиннике и занималась трудной проблемой – соцветиями! Она была и в оргкомитете новой «школы». К нашему участию в «школе», которая должна была состояться во Львове, в сентябре,

она отнеслась весьма благосклонно. Были срочно написаны тезисы. Но с оформлением актов экспертизы Андрею пришлось повозиться, тем более, что свои тезисы я должна была оформлять в Батуми, пересылать их, подписывать! Сколько бесполезной мороки. Вот они - явные проявления закрытости нашей страны! Акты экспертизы, пропуска!..

Андрей не привык приказывать, администрировать, не вписывался в стиль работы филиала. Маленький коллектив жил по заведенному ритму, где главное - не наука, а уход за растениями. Сначала казалось, что ветер перемен коснулся и «Филиала»: обещали новых сотрудников, появилась аспирантка Наумова, которая окончила МГУ. Красивая, она производила самое благоприятное впечатление и собралась заниматься папоротниками. Однако будучи матерью троих детей, она получала мизерную зарплату, не выдержала и вскоре ушла.

Появился ещё один сотрудник – молодой и красивый. Он окончил биофак педагогического института. Андрей также надеялся на его серьезный ботанический интерес, просил меня провести с ним установочные занятия по биоморфологии. Но этот великовозрастный мальчик оказался еще более легкомысленным и ушел в трубочисты, а затем исчез из нашего поля зрения.

Сколько раз до и после я видела молодых, казалось, увлеченных людей. Но спустя время они остывали, переключались на что-то другое, и забывали о науке.

Юрий Павлович Кожевников прислал Андрею письмо с вырезкой чукотской газеты. И в письме, и в газете описывается опасное приключение, произошедшее с Юрием Павловичем. Ю.П. путешествовал в одиночку. Ночью, в 50 километрах от лагеря, в его палатку забрался медведь и прокусил плечо. Ю.П. шел с раной к геологам, а затем санитарным рейсом был доставлен в чукотский поселок Лорино и прооперирован. Андрей называет Юру героем - действительно, человек проявил свой характер в неординарной ситуации.

Начало года для нас трудное. Мои родственники на Зеленом мысу продолжают тяжбу, пишут жалобы в ВАК, надеясь на то, что мою диссертацию не утвердят. Андрей всеми силами защищает меня. Пишет в разные инстанции, в том числе в ВАК, куда направлены килограммы (!!!) жалоб. Оттуда требуют на меня очередную характеристику. В результате в Батумском ботаническом саду собирается ученый совет, на котором присутствуют соседи, знающие меня с детства, и участковый милиционер(!). А главное - заведующие лабораториями, которые также знают меня с детства – горячо выступают, защищают. Особенно тепло говорили обо мне Георгий Авденагович Габричидзе и Арчил Нестерович Татаришвили. Вспоминали время, когда я работала в ботаническом саду после окончания средней школы. В результате в ВАК были послана выписка этого ученого совета и другие документы, выявляющие ложь клеветнических жалоб. Я боялась, что из-за жалоб защиту в ВАКе могли не утвердить. Вспоминала трудности с утверждением докторской диссертации Андрея. Но все обошлось - через полгода пришла открытка о моем утверждении.

В марте на Зеленом мысу еще сыро и холодно, но в теплые дни уже прелестная весна. Мы едем в высокогорное селение Хуло.

Дома лепятся друг за другом на крутых склонах. Выше лежит глубокий снег. Мы останавливаемся в доме Абашидзе. С супругами Абашидзе мы познакомились прошлой осенью и воспользовались их приглашением. Перекладываем гербарий маленькой газетой под названием «Шрома», что в переводе означает «работа». Хозяин дома – преданный коммунист, ходит на работу, не получая зарплаты, продолжает выпускать эту газетку. На жизнь и устройство своего сына в институт он зарабатывает, выращивая кукурузу и картофель. Его жена - черноокая, с черными кудрями, медсестра. Дети – две девочки и мальчик – под стать матери. Отец страдает от раннего облысения и очень интересуется древними медицинскими книгами-карабадинами. Вместе с ним мы ходим в окрестностях Хуло, собираем в глухих каньонах цветущий зимовник.

Поднимаемся по выбитым скотом крутым склонам и неожиданно выходим к очередному дому, прилепившемуся, словно ласточкино гнездо, над обрывом.

Однажды, после маршрута, на подходе к Хуло нас окружили мотоциклы и машины: проверка документов. Очередной раз нас приняли за шпионов, доставили в здание КГБ. Это большое здание, как всегда в Аджарии, обшарпанное и грязное. Наш хозяин вскоре пришел нам на помощь. Мы были отпущены. Представитель КГБ оказался родственником нашего хозяина и вечером пришел в гости. Застолье сопровождалось рассказами о бдительности, нарушениях границы.

Вернуться домой на Зеленый мыс не составило труда. Автобусы спускались из далеких ущелий друг за другом. Через 2-3 часа мы уже дома. А до Москвы самолетом всего два часа.

По возвращении с Кавказа Андрей полетел на несколько дней в Мурманск, к нашей дочке Оле посмотреть на свою внучку Галю, которую еще не видел. Она родилась 5 декабря 1986 года в Мурманске. Встретил Андрея мрачный зять. Оля с девочкой лежала в больнице. Дело в том, что у Гали, как и у Андрея, очень большой лоб. Детский врач решила, что маленькая Галочка – гидроцефал, то есть больна водянкой головы, и дни ее сочтены. Наша дочка упала в обморок и, таким образом, обе оказались в больнице, куда и направились наш зять и Андрей. В соседней палате было пусто, и Андрей с зятем уютно устроились на больничных койках.

В мае мы оба приехали в Ленинград, в гербарий ботанического института. В гербарии высокие шкафы, проходы в «пеналы». Обязательно посещение лучшей ботанической библиотеки страны. Портреты на стенах. Уникальная академическая атмосфера всегда создает настроение.

В Ботаническом институте работают наши сверстники и друзья, которых мы знаем со студенческих лет: Андрей Бобров, Лена Мордак, Надя Короткова-Имханицкая, Марина Баранова, в университе – Галя Борисовская. В начале 50-х годов, будучи студентами Ленинградского университета, с руководителем Ольгой Алексеевной Муравьевой они ездили на юг, на практику в Адлер, в совхоз «Южные культуры». Затем совершали поездки в Сухумский и в Батумский ботанические сады.

Из Ботанического института мы возвращались поздно вечером стройными прямыми проспектами. Начинались белые ночи, черемуховые холода. С Еленой Владимировной Мордак гуляли вдоль Невы и в Петропавловской крепости. Андрей и Лена все время говорили о сциллах и галантусах. Им интересно, я иду рядом, слышу: «тычинки, гладкие покровы, размеры лепестков». Систематические тонкости для обоих очень важны.

Со студенческих лет, когда я приезжала в Ленинград, обязательно была звана к Евгению Григорьевичу Боброву и Людмиле Андреевне Куприяновой. Родители Андрея Боброва всегда помнили, что Андрей, их сын, жил у нас на Зеленом мысу, когда делал свой диплом. Бобровы живут на территории Ботанического института. Однако Андрей не мог меня сопровождать. Он уже был зван на обед к Юрию Павловичу Кожевникову и не хотел нарушать обещания. Юра Кожевников жил на улице Попова близ БИНа в огромной коммунальной квартире, где он занимал большую комнату и делил свой кров с певчими птицами. Птицы вольно летали по комнате, а Юра потчевал гостя крепчайшим чаем и незамысловатой похлебкой. А у аристократических Бобровых - белая хрустящая скатерть, нарядный сервиз, отбивные котлеты. Евгений Григорьевич обиделся: Андрей предпочел ему Кожевникова. Но Андрей не обратил на обиду внимания и рассказывал мне, какое Юра сделал открытие: можно использовать мясо в бульоне дважды, а то и трижды. Рассказывал о том, что птички, пролетая над головой, не всегда бывают осторожными! Я про себя думала, что все правильно. Андрей не умел держать ни ножа, ни вилки по всем правилам и «полевая» обстановка у Ю.П. более соответствовала его поведению и настроению.

И опять мы в разных местах. Андрей в Москве редактирует «Анализ Флоры», я на Зеленом мысу.

В середине лета Андрей был неожиданно назначен начальником экспедиции на Кавказ. Экспедиция организовывалась М.Г. Пименовым, заведующим лабораторией в ботаническом саду МГУ. В последний момент оказалось, что Пименов должен ехать в Среднюю Азию. Было решено – экспедицию возглавит Андрей. В составе экспедиции, кроме Андрея, были в основном сотрудники лаборатории Пименова, которым было поручено собрать определенные виды семейства зонтичных. Намечено работать сначала в западной Грузии, затем пересечь Малый Кавказский хребет и оттуда попасть в Джавахетию и далее работать в Армении.

Дневник. «**20 июля.** Я на «Комете» приплыла в Сухуми. Жара. На улицах праздная толпа. Из Москвы машина еще не приехала. Ровно год прошел с тех пор, как гостеприимные Колаковские потчевали нас у себя дома. Теперь все изменилось. Умерла Вида Савельевна. Еще одна беда свалилась на Альфреда Алексеевича – пожар гербария. Сгорело, слава богу, только одно крыло здания.

21 июля. Машина прибыла. Андрей озабоченно рассказывает: шофер экспедиции – отвратительная личность, мешает работе, уходит на рыбалку, грубит, и совладать с ним очень трудно. Народ в экспедиции тоже не простой, разбит на группы и группки, которые не ладят между собой. Меня очень удивило это сообщение, так как в отряде было совсем немного людей. Юля – сотрудница Пименова – умная и энергичная. Я ее знала еще студенткой. Остроумова – правая рука Пименова. Она, необычайно преданная растениям семейства зонтичных, в полутьме сидит с лупой и определяет сборы. Вторую группу возглавляет Татьяна Валентиновна Кузнецова, та, что способствовала нашему внедрению в морфологическую школу. Она взяла с собой молодого физика – гитариста. Третья: Сережа Язвенко, аспирант В.Н.Тихомирова, и его супруга Маша Смит. Народ, в общем, неплохой, но несовместимый и при каждом удобном случае шипящий друг на друга. Андрей, всегда поступавший в интересах дела, оказался в весьма затруднительном положении. Экспедиция растекалась на пять русел, учитывая шофера и наши интересы. Глядя на эти неприятные взаимоотношения со стороны, я с тревогой думала о том, что в Батуми прилетит и наш сын Павел. С ним мы много лет ездим в поле.

22, 23 июля. Первая поездка в Кодорское ущелье, к перевалу Южный Приют. Еще сегодня утром мы видели голубое море, магнолии и пальмы, и вот уже буковые нарядные леса, затем их сменяют огромные пихты. Бежит веселая большая река Кодори. Машина останавливается. Далее шофер отказывается ехать, мол, в горах его машина не пройдет. ГАЗ-66 - вполне хорошая, прекрасно оборудованная машина. Но спорить с этим человеком бесполезно. Оставляем машину и садимся на попутную. Горы все выше, огромные водопады размывают дорогу. То и дело встречаются снежные завалы.

Южный Приют. Быстро ставим палатку, разбираем вещи. Группа Кузнецовой и Язвенко рвутся в горы, быстро исчезают. Юля идти с ними не может. У нее повреждено колено.

На следующий день вчетвером отправляемся в маршрут. Андрей идет вперед, не оглядываясь, никого не ждет. Поэтому Остроумова и Юля быстро отстают. Перед нами огромный завал снега. Зима была очень снежной, сорвало огромные линии электропередач. Мне страшновато. И тапочки у меня совсем легкие, не предназначены для ходьбы по снегу. Но Андрея не переспоришь. Каждый шаг делаю с трудом, вытаптывая тропинку. Вниз смотреть не стоит. За слежавшимся снегом – яркие луга. Пахнет весной, все цветет. Так же отбивая каждый шаг в снегу, мы возвращаемся. Спустились с гор и остальные члены экспедиции. Где-то оборвались - пострадал студент-физик. Но это тщательно скрывается, ведь травма оказалась несерьезной. С очередной оказией спустились вниз к нашей машине. К вечеру приехали на Очамчирскую

лесную станцию.

24 июля. Из Северной Колхиды мы приехали в Южную. Прилетел из Москвы наш сын Павел, привез открытку об утверждении моей докторской диссертации.

29 июля. Дальше мы должны ехать в Верхнюю Аджарию, оттуда – в Джавахетию. На первой же заставе шофер заявил, что у него не то что пропуска, но даже и паспорта нет. Этому типу хочется остаться на море. Необходимо решить, как действовать дальше. Почему не проверены документы при выезде? Кто начальник? Но я молчу. Я – гость. Андрей решительно заявляет: во что бы то ни стало будет продолжать маршрут. Машина с шофером остается в Батуми. Но на этот раз берем почти все вещи вплоть до палаток. Мы знаем – без особого труда можно попасть в самые отдаленные уголки Аджарии.

Через два часа мы уже в Шуахеви. Устраиваемся в лесничестве.

30 июля. Наутро вместе с лесниками, нашим знакомым Темури Абусеридзе, идем в горы. Лето в зените, жара до 40 градусов. Но под кронами дуба чорохского относительно тенисто. На выходах скал все вытоптано и съедено скотом. Особенно страдает реликтовый здесь земляничник мелкоплодный.

Экскурсия завершается торжественным обедом в ресторане. Законы гостеприимства тут непреложны. После сытного обеда с винопитием все разомлели. Лесники подвозят нас выше, в Хулойское лесничество. Красочный домик стоит на крутом склоне перед Хуло. В полусонном состоянии вываливаемся из машины и в маленьких комнатенках засыпаем.

В высокогорьях все выбито, и только на крутых слонах, на подступах к Годердзскому перевалу есть места, где травы огорожены для сенокоса. Можно кое-что собрать. Мы советуем сначала обследовать субальпийские луга, огороженные для сенокосов. Но Остроумова и компания не верят, для них главное – высокогорья. Андрей не спорит. Мы оставляем часть отряда в лесничестве, а сами идем в Хуло к нашим друзьям Абашидзе заручиться рекомендательной запиской. Родственники Абашидзе живут в селении Даниспараули в субальпийском поясе, рядом с сенокосами.

На подходе к Хуло на всем разбеге нас догоняет мотоцикл с милиционером. Нас арестовывают и уже привычно доставляют прямо в КГБ! Опять с улыбками и объятиями нас освобождает Абашидзе. У него мы проводим чудесный вечер в окружении его семьи. Особенно красиво поют на разные голоса дети. Как я люблю это необыкновенно гармоничное разноголосье грузинских горных песен! Получаем рекомендательное письмо в Даниспараули.

31 июля. Наутро спускаемся вниз, подходим к лесничеству и видим – у лесничества на всех парах стоит ГАЗ-66, готовый ехать на Годердзский перевал. В кузов, кроме нас, быстро грузятся лесники во главе с директором – налитым черноволосым красавцем. Наши попутчики нас почти не слышат. Их очаровали лесники. Они и доставят на перевал. Едем вверх. Пролетаем мимо поворота на Даниспараули. Меня возмущает пассивность Андрея.

На голом, совершенно без растительности перевале Годердзи густые облака носятся вдоль дороги, то полностью закрывая местность, то внезапно разрывая окружающее пространство. В ресторане лесники кормят всю нашу кампанию до отвала, а главное – поят. И к моему ужасу – пьют не только мужчины, но и женщины! На перевале переночевать негде. Домики летовок далеко, да и для того, чтобы устроиться, нужны рекомендации, знакомства. В Даниспараули спускаться далеко. На перевале полно народу. Подъезжают машины, едут дальше в летовки. Прибывают на летний высокогорный праздник, отмечаемый раз в году, с плясками и винопитием. Он будет через день, в воскресенье. Где же мы будем ночевать? Андрея это мало беспокоит. Лесники подвозят к ветхой одноэтажной избушке у центральной трассы на голом

плато перевала. В пустой избушке огромные щели, нет запоров. Меня ужасает: неужели мы тут будем ночевать? Но, кажется, это беспокоит только меня. Андрей с Павлом рвутся в природу. День без сборов гербария – это для Хохрякова очень большой срок! Вокруг избушки роятся парни с бутылками вина. Тут же их открывают, пьют. Вино здесь как вода…

Сквозь облака едем к озерам. О них я давно наслышана. Но бесконечные поселочки с маленькими домиками-летовками, выбитые дороги и голые, с выщипанной травой пастбища не внушают надежды на богатые сборы. Вот и озеро. Вокруг все, как и везде, выбито. Иногда сквозь дымку тумана видим понуро бредущую в поисках травы маленькую корову.

Застолье продолжается. Бутылки вырастают как из-под земли, все более ускоренными темпами. Я остаюсь охранять дам. Андрей с Павлом ушли в туман, совершенно не заботясь о последствиях. Моя тревога растет. Наконец Андрей с Павлом возвращаются, и мы едем обратно к перевалу. Шофер мне популярно объясняет, что дам накормили и напоили, на них потрачена солидная сумма. Теперь они – добыча начальника лесничества. Мы снова у избушки на самом пупке перевала. Положение очень неприятное. С трудом удалось убедить Андрея, что тут ночевать невозможно. Главное – ему негде закладывать гербарий, нет света и дует ветер. Это его убеждает. На наше счастье, на Годердзском перевале недалеко от избушки стоят прочные палатки пограничной заставы. Единственный выход – идти на заставу, просить пристанища. Я помню заставу Алехино на Кунашире: на заставе нельзя находиться посторонним. Однако после моих отчаянных просьб начальник идет на риск, разрешает нам у них переночевать. Молодой человек, посланный директором лесничества, размахивает перед начальником заставы красной книжкой, требует добычу. Но территория заставы неприкосновенна.

В многоместной палатке нас накормили ужином, и мы втроем: я, Андрей и Павел – до поздней ночи закладывали гербарий. Я вышла из палатки. Облака исчезли. Над нами огромная луна ярко освещает высокогорья. Холодно. В маленькой палатке, где наши попутчики уже давно спят, нам места не нашлось. Легли под открытым небом.

Утром наши спутники недовольны. Все выбито, собирать нечего. Решили уехать обратно в Батуми. Андрей не возражает. Но сам он твердо решил проделать весь намеченный маршрут. Выбитые альпийские луга производят гнетущее впечатление. Вся трава выщипана. Маленькие коровы бродят вразброд в поисках пищи, вызывая жалость и досаду. Собирать грамотно гербарий на пастбищах почти невозможно, кое-что сохранилось только у мочажин.

Во второй половине дня мы стоим на остановке автобуса. Юля, когда к ней подходит Андрей говорит: « Отойдите Андрей Павлович, не создавайте массовости». Наконец, довольно невежливых и спасенных мной участников экспедиции автобус увез в Батуми.

А мы втроем (я, Андрей и наш сын Павел) отправились на другой склон Малого Кавказа, в Аспиндзу, а оттуда в древний город Вардзия. За перевалом – выгоревшие желтые травы, аспекты розового ксантиума. Сразу попали в другой, сухой мир.

1 августа. Около города Вардзия выстроена большая турбаза. Рядом пограничный пост. Офицер Махарадзе вместо ареста проникся к нам большой симпатией, основанной на том, что он родом из Аджарии, из Чаисубани. Нам бесплатно предоставлен очень приличный номер в пансионате и относительно приличный бесплатный ужин! Андрей, которого уже многие называют отцом, в том числе Махарадзе, не перестает повторять, как он любит грузин. Теперь наше путешествие - не экспедиция, а привычное для нас семейное путешествие с экскурсиями в природу, сбором гербария, его закладкой и сушкой.

Вардзия – пещерный город с подземными источниками. В средневековье это было прекрасно защищенное от врагов огромное поселение. Очень удобное для жизни, так как пещера выходит

на южную сторону. Но еще в средние века в результате землетрясения часть пещеры была разрушена.

Огромные пространства плоскогорий, лессовые, промытые реками долины – типичный пейзаж Джавахетии. По хорошей дороге мчимся мимо деревень старообрядцев. Тут их называют богодулами. Они сохранили свою самобытность. Длинные юбки, белые платочки, бородатые мужчины славянского облика. Дома, похожи на избы.

2 августа. Армения. Ленинакан. Ночь провели в центральной, лучшей гостинице города в номере «люкс». Огромное помещение с гигантскими кроватями, старинной ванной и почему-то, вероятно, для большего шика, – детскими ковриками на стенах. Сильно пахнет плесенью и не только ею… Сантехника не работает. На площади идет гулянье, в динамике надрывается Алла Пугачева. У Андрея со сном всегда проблемы. Ищет тишины. Несет огромный матрац в коридор.

Через полтора года страшное землетрясение разрушило этот город, и мне потом не верилось, что этой гостиницы, нарядной площади, красивых домов, запаха рокфора, распространяющегося чуть ли не на весь город, уже нет и не будет никогда.

3 августа. В Ереване сильная жара. В ботаническом саду нас устраивают в отделе цветоводства, где собираются делать ремонт. Помещение это вполне подходит для работы с гербарием, но совсем не для жилья. Грязь, даже днем бегают крысы. Познакомились с Цолаком Давтяном. Пожилой, крупный обаятельный человек. Доброта разлита на его также крупном лице. В воскресенье он приглашает нас на экскурсию в Гегард. Монастырь, у которого мы были поздней осенью в далеком 1961 году.

Едем в монастырь на следующий день. Уже с утра изнуряющая жара.. Ереван остается под нами внизу, в котловине. У монастыря знакомый строгий купол церкви. Привели на заклание несколько баранов. Тут же котлы, в которых варят жертвенное мясо. Цолак делится с нами своим скромным завтраком в небольшой роще рядом с монастырем. На всех кустах развешаны белые тряпочки.

Из Гегарда едем к недавно отреставрированному языческому храму, построенному при римлянах. Дорические колонны венчают вершину горного отрога. Отсюда открывается поразительной красоты вид, создавая какое-то особое настроение.

Следующая поездка с Цолаком в Эчмиадзин не менее интересна. Цолак – глубоко верующий человек. В этом знаменитом духовном учреждении он принимает участие в мироварении, знает старинные рецепты и травы. Поэтому нас представили каким-то высшим духовным чинам и показали в центре главной церкви языческое капище, на месте которого позже, в христианские времена, был воздвигнут храм, а затем монастырь.

4-7 августа. Договорились о поездке в высокогорья, в район горы Арагац. По дороге встречаем старинные брошенные, полуразрушенные храмы, монастыри. Под вершиной горы Арагац работает большой научный центр, обсерватория. Рядом в маленьком вагончике нам предоставлен кров. Там тихо и сухо.

Подъем на вершину Арагаца занял более четырех часов. Я поднималась долго, отвыкла от подъемов. На вершине в ложбинах скал – полосы слежавшегося снега. В котловине внизу в дымке лежит Ереван, а за ним в жарком мареве на горизонте еле просматривается величественный Арарат.

Долго шли плоскогорьями по склонам Арагаца. Все сильно выбито скотом, в основном овцами. Кое-что удалось собрать в понижениях рельефа.

Наше появление на Арагаце не осталось незамеченным. Дети пастухов, собравшись кучкой, издалека сопровождали нас несколько километров, громко скандируя: «Бабушка, дедушка!» Совершенно верно, мы, уже бабушка и дедушка, к удивлению пастушков еще ходим по горам.

Под вечер спускаемся по горным отрогам вниз. Навстречу нам идут двое. Сначала мы не поверили своим глазам. Это оказались Кузнецова и студент-физик. Они решили догнать нас. Оказывается, Остроумова, вернувшись в Батуми, звонила в Москву, жаловалась на Андрея, мол, он плохой организатор, не последовал за ними в Батуми. Я считала – Андрею нужно срочно лететь в Москву, объясняться. Но Андрей был совершенно спокоен.

В Батуми, заручившись записками от Вано Папунидзе – моего всемогущего начальника, я простояла три дня в аэропорту, в надежде достать билеты на Москву. Андрей с Павлом в это время продолжали экскурсии на побережье. Андрей ворчал, не хотел улетать, считал всю эту историю не стоящей волнений, а меня паникершей.

Но в Москве не обошлось без неприятностей. Андрею объявили выговор и грозили еще чем-то. Он написал пространную объяснительную докладную записку иничего не боялся. На том история и кончилась».

В сентябре на морфологическую «школу», проходившую во Львове, Андрей летел из Москвы, я – из Батуми. Снова мы вместе. Там он делал доклад: «Биоморфологические признаки как основа для систематики двудольных».

К событиям осени относится и поездка в Ясную Поляну.

Остроумова, та самая, которая посылала из Батуми депеши о срыве экспедиции, пригласила нас к своей маме, живущей по соседству с Ясной Поляной на Косой горе.

Туманным осенним днем мы собирали антоновские яблоки, усыпавшие старый сад. Шли в Ясную Поляну по длинной аллее Андрея Болконского к скромной могиле великого человека, который в детстве тут закопал волшебную палочку. «Только тут,– сказал мне Андрей,– я понял простоту и величие этого удивительного человека, его значение для русской культуры, для ее развития в начале 20-го века»! Я же думала о том, что талантливые люди никогда не думают, какое впечатление они произведут на кого-либо, они живут глубокой творческой жизнью.

В декабре мы опять вместе на Зеленом мысу. Теперь Андрея больше всего интересует Кавказ, а вернее, флора Аджарисцкальского ущелья и ритмы растений влажных субтропиков. Изучает он и соцветиеносные побеги и ритмы их развития.

В горах уже снег – туда не поедешь. Но на побережье все зелено.

Свой отпуск Андрей посвящает помощи мне по хозяйству. Сбор мандаринов – тяжелая и долгая страда. Сбор начинается во второй декаде ноября. В это время все склоны оглашаются гортанными криками сборщиков мандаринов, которые сидят на невысоких деревьях, обрезают секаторами плоды и осторожно кладут в подвешенное ведро или корзину из бамбука, годорку. Сбором занимаются в основном женщины. Большие годоры, наполненные плодами, мужчины подобно рюкзаку вешают на спину и поднимают вверх по склону. Работа трудная. Хорошо в сухую погоду, а если прошли дожди и тропинку развезло, то каждый шаг вверх становится вдвое труднее. Во время сбора боятся неожиданных снегопадов. Особенно боятся града, долгой непогоды. На нашем участке всего несколько деревьев, а у многих колхозников их сотня и более.

В.Н.Тихомиров собирает рекомендации для получения вакансии в Академии наук - он баллотируется в члены-корреспонденты. Андрей просит о ходатайстве директора Батумского ботанического сада Н.М.Шарашидзе. Одновременно пишет по этому поводу письмо в Литву В.Л. Контримавичусу, своему бывшему директору в бытность работы в Магадане.

Несмотря на довольно сложные отношения с В.Тихомировым, Андрей дает ему вполне объективную характеристику: «Вадим Николаевич Тихомиров – профессор МГУ, который мне симпатичен, во-первых, как москвич, во-вторых – как рьяный борец за охрану природы, притом не столько на словах, сколько на деле – путем объезда, осмотра, «пробивания» местных органов власти. И в третьих – как бескомпромиссный борец со всякого рода недобросовестностью, некомпетентностью и вообще халтурой. В общем, это не только хороший администратор, но и ученый, которых, к сожалению, в Академии не хватает».

Несколько дней мы провели в Тбилиси. Нужно было поработать в гербарии, а главное – договориться с Г.Ш. Нахуцришвили о проведении очередной морфологической школы в Тбилиси. Один из организаторов школы - Т. Кузнецова, та, что ездила с нами по Кавказу, - очень просила об этом. Андрей, человек обязательный, договорился с любезным Гией Шалвловичем о проведении школы через год.

Во второй половине декабря погода испортилась. Я уходила на работу, а Андрей оставался дома, рубил дрова, топил печку и строчил на машинке. Новый год мы встречали под грохот грома и сверканье молний.

Поездки и экспедиции 1987 г.: Март: Аджария (Хуло, Пирвели маиси) Июль: Абхазия (Сухуми, Кодорское ущелье, Южный приют, Очамчири). Аджария (Шуахеви, Хуло, Годердзский перевал). Грузия (Вардзия), Армения (Ленинакан, Ереван, Арагац, Гегард).

1988 В первых числах января 1988 года на Зеленом мысу продолжал сыпать снег, покрывая огромными лапами мандариновые деревья. Ночью небо расцвечивалось «корнями» ярких молний, гремел оглушительный гром. Андрей сидел дома, рубил дрова и топил маленькую печурку на веранде.

Зимние снегопады – время тревожное. То и дело слышатся выстрелы. Это местные охотники, вооружившись одноствольными ружьями, в сопровождении ирландских сеттеров отправляются на охоту. Охота на вальдшнепов была распространена в Аджарии в конце XIX– начале XX века. Вальдшнепы пропали, но охотничий инстинкт остался. Многие птицы, прилетая с юга, зимуют в Колхиде. Вслед за исчезновением деревьев птиц становится все меньше и меньше. Во время снегопада увидеть мужчину с патронташем и поясом, на котором лохматятся несколько десятков маленьких птичек, - не редкость.

Возвращаясь из Батуми, мы спускались старыми парками к нашему домику и вдруг увидели: под темными кронами магнолий стоит охотник и целится. Андрей увидел мертвых птичек на его поясе и неожиданно размахнулся, ударил его по голове сеткой с овощами. Я и охотник обомлели. Затем охотник ринулся на Андрея с ружьем. Я повисла на одностволке. Охотник гортанно орал проклятия на грузинском языке. Я же что есть сил не только закрывала собой ружье, но и кричала: «Реджеб, Реджеб, помоги!» Дом Реджеба находился неподалеку. Этот Реджеб был оригинальной личностью. В сталинские времена он был министром юстиции Аджарии, занимался репрессиями и сохранил знакомства и связи в КГБ. На старости лет стал числиться главным защитником природы.

Охотник отступил. Я постаралась быстрее увести Андрея. Но пока снег не стаял, то и дело слышались выстрелы.

Рукопись по анализу флоры Колымского нагорья, которую Андрей сдал в декабре, оказалась слишком большой. На ее сокращение ушел январь и февраль.

В марте Андрея вынудили взять отпуск, которым он не пользовался три года. По этому поводу он пишет дочке в Мурманск: «После переезда из Магадана, т.е. весь 85, 86 и 87 г, г, т.е. больше трех лет я не брал отпуска! Вот я сейчас подсчитал и сам удивился, как это так получилось? Ну,

наверное, хорошая у меня работа. Ну теперь о семейных новостях. Два раза собирались гости. Гадали. Было очень весело. Мне выпало поехать в тропики, стать академиком (причем два раза), а Павлу (сыну) все не везет: никак не попадется, чтобы жениться: либо похудеть, либо найти 100 р. Неплохо, но мало. А мои прошлогодние гадания не оправдались, тоже было найти 100 р. – и мимо, только 3 р. И тоже были тропики, и тоже оказались только субтропики. Правда, вот академика не было».

На Зеленом мысу в марте уже весна. Снегопады позади. Цветут в полную силу зимнезеленые травы и эфемероиды. Особенно красивы фиолетовый трахистемон и белая пахифрагма. В ботанический сад приезжает Центральное телевидение. Передача «Времена года». Нужно отразить колхидскую весну. Едем с телевизионщиками в долину реки Чаквисцкали. Снег почти стаял. Река с шумом несет воды, перекатывая через валуны. Ущелье узкое. Буковый лес с самшитом подступает к дороге. Приток Чаквисцкали – речка Бзонис. Цветет подснежник Краснова – вид, описанный Андреем. Андрей стоит перед камерой. Рассказывает о колхидской весне. Большая борода, круглая шапочка-сванка. Вместо «каждый« обязательно говорит «кажный». И всегда так.

В 1985 году Андрей, еще работая в Батумском ботаническом саду, написал в дирекцию ботанического сада пространную докладную о недопустимом отношении к природе и коллекциям. Я в течение всего периода работы в ботаническом саду, с 1984 по 1993 годы, постоянно писала о неудовлетворительном состоянии сада в местной печати, писала докладные и в дирекцию. Никто на эти сигналы не обращал внимания. Мы с ужасом наблюдали, как в ботаническом саду выпасают коров. Шли к директору, волновались, жаловались, просили принять меры. Тихий и печальный Нури Мемедович терпеливо выслушивал и ничего не предпринимал.

6 марта в газете «Аджара» появилась статья «Золотые рыбки в болоте». На ботанический сад обрушились со справедливой критикой. Статья подписана неизвестным (но в узких кругах известным) человеком. Вся эта критика – ни что иное, как интрига против директора. Андрея эта статья сильно возбудила. 8 марта мы едем Тбилиси. В ботаническом институте Андрей горячо рассказывает директору Ботанического института Г.Ш.Нахуцришвили об этой статье, о положении дел в батумском ботаническом саду. Тот просит рассказать об этом в Академии наук. Нахуцришвили говорит Андрею, что будет хлопотать о том, чтобы поставить его директором. Русский ботаник, не знающий грузинского языка во главе сада! Фантазии. Но Андрей загорается. Гия Шалвович везет нас в АН Грузии. Все сотрудники академии кажутся совершенно одинаковыми в безукоризненных черных костюмах и белых рубашках. Президент АН – такой же чопорный, – справедливо требует выяснить ситуацию на месте, на Зеленом мысу. Это грозит скандалом и приводит меня в отчаяние. По сути, Нахуцришвили был на 100% прав. Именно Андрей мог бы быть настоящим директором - но при совершенно других обстоятельствах.

Наш визит в грузинскую академию не имел никаких последствий. Если даже добрейший Нури Мемедович что-то и узнал, просто не обратил на это внимания.

В связи с этими событиями Андрей написал очередную большую докладную записку. Описывает положение вещей, состояние и перспективы развития Батумского ботанического сада.

В Тбилисской опере давали «Аиду» Верди. Я помнила этот знаменитый театр в военное время, в 44-45-х годах переполненный. В этот раз он, сияющий восточными орнаментами, после ремонта, был почти пустынным. Слушатели сидели только в первых рядах партера. Голоса, особенно хор, не уступали лучшим в мире. Возвращаясь после спектакля, Андрей спросил таксиста о причине малой посещаемости оперы. Тот ответил: «Эй, кацо (человек), мы ходим на

стадион, оперы-моперы нам не нужны».

Тбилиси я особенно люблю. Это моя родина. Здесь мы бываем у дорогих нам друзей: Заиры и Таили Гвинианидзе, Дмитрия Тухарели .

Среди знакомых Армен Георгиевич Долуханов – известный геоботаник, автор монографии «Колхидский подлесок». Он относится к старшему поколению кавказских ботаников, которые с уважением и интересом относились к молодому поколению ботаников, их смене. Изредка в Магадане я получала его большие, обстоятельные письма, посвященные рододендронам, вересковым на Кавказе. А.Г. , уже очень пожилой, рассказывал нам о старом довоенном Тифлисе. Например, как время от времени к ним в семью приходили лудильщики, забирали медные котлы, лудили, а затем через некоторое время приносили обратно. Никому в голову не приходило спросить, где они живут.

И еще на эту же тему. Приезжая на вокзал, пассажиров встречали носильщики «муши». Они брали чемоданы, узнавали адрес и быстро шли вперед по крутым улицам горного города по намеченному пути. Никто не сомневался в том, что этот груз не доставят. В «Исповеди» Сергей Параджанов вспоминает куродов-грузчиков, заносивших по крутым улочкам в дома мебель, замысловатые умывальники.

Многие годы во время походов, когда приходилось носить на спине тяжелые рюкзаки, мы с Андреем подшучивали друг над другом: «Что я тебе - муша?»

В Аджарии главная цель исследований Андрея – Шавшетский хребет, ранее недоступный. Ботаники там почти не бывали. По рекомендации Абусеридзе – лесника Шуахевского лесничества - мы едем в верховья Чирухи, левого притока Аджарисцкали, в село Дарчидзееби. Из Шуахеви выезжаем под вечер в переполненном автобусе. Узкая грунтовая и очень скользкая дорога вьется вдоль крутого склона, набирая высоту. Буковые леса еще оголены. С высотой они сменяются ельниками. В ущельях лежит снег. По дороге автобус часто останавливается, высаживает пассажиров. От центральной дороги к домам ведут горные тропинки. Все горы в дорогах и дорожках. С трудом выезжаем на скользкий горный склон. Дальше автобус не тянет. Пассажиры перебазируются в открытый кузов грузовой машины. Шофер гортанно кричит и шутит. Еще несколько километров едем вверх по грязной глинистой дороге. В деревне Дарчидзееби живет семья лесника Дарчидзе. Два длинных ряда больших деревянных двухэтажных домов образуют улицу. Дома построены из хорошо выструганных и очень точно пригнанных досок. В Аджарии такая улица с плотно прилегающими друг к другу домами – редкость. Обычно дома разбросаны по склону на значительном расстоянии. Вся деревня ярко освещена. Нас размещают на втором этаже в обставленной современной мебелью гостевой комнате, очень напоминающей номер гостиницы. Две кровати, тумбочки, коврик. Вечер проводим втроем в почтительной беседе с хозяином дома. Многочисленные женщины то и дело подносят с нижнего этажа угощение. То горячий мчади – кукурузный хлеб, то огненно наперченную подливу из лобио – красной фасоли, (там она называется «черный лобио»), и, конечно, жареную картошку – гордость горцев.

Через несколько дней, нагрузившись сборами, идем пешком обратно, переваливая с хребта на хребет. Погода жаркая. В долинах женщины уже сеют кукурузу. По несколько в ряд, они тохают (тяпают) землю и сеют горстями зерна кукурузы одновременно с фасолью, которая летом будет обвивать крепкие и прочные кукурузные стебли. Резкие спуски.

На пути из одного из домов выходят два бойких молодых человека, требуют наши пропуска. Внимательно рассматривают, читают. Сначала подозревают нас в шпионаже. Потом выясняются общие знакомые на Зеленом мысу. Зазывают выпить холодного мацони, что нас очень ободряет.

Кураж по поводу защиты Батумского ботанического сада у Андрея не прошел и в Москве. По возвращении из Грузии он мне пишет, что этого дела, то есть спасения ботанического сада, он не оставит «ни за что» и будет действовать через В.Н.Тихомирова.

22 апреля в Мурманске у нас родилась вторая внучка, которую назвали в честь меня Майей.

В апреле Андрей едет в Ленинград, в основном по поводу предзащиты Юрия Павловича Кожевникова. Диссертацию объемом 600 страниц под названием «История растительного покрова Северной Азии» нужно срочно прочесть и сделать заключение. Это поглощает уйму времени. Андрей считает: предмета защиты нет, хотя сама работа интересная. Кожевников обиделся.

Из письма: «За неделю в Ленинграде два раза ездил на экскурсии в природу (один раз с Н.Цвелевым), сильно сбил ноги, удалось встретиться с А.Тахтаджяном и договориться об обработках ясноток и незабудок, рассказать о положении в Батумском ботаническом саду».

Ему необходимо поехать в Абхазию, куда он зовет и меня. Настроение у него бодрое и окрыленное.

Совещание в Перми

Ещё в феврале он сделал две заявки на доклады на совещание по флористике в Кунгуре, которое курирует Б.Юрцев. Так, он пишет Борису о своих делах: «Я недавно сдал в Бюллетень ГБС описания пяти новых видов с Кавказа, главным образом из Аджарии. Один из них – нефролепис, как адвентивный из Батуми, прекрасно зимует уже 15 лет, я сам его наблюдал две зимы и три лета. Еще гроздовик многонадрезный. О них в Биологических науках №5. Еще две яснотки, одна из них армена, можешь обрадовать Армена (Тахтаджяна), тоже из Аджарии, а другая (не помню названия) из Азербайджана. И, наконец, новый подснежник – галантус икарии. Так что немного рано затеян этот конспект флоры Кавказа. Много там оказалось нового, особенно в юго-западном углу. Побудь Попов здесь побольше, возможно, навел бы порядок как следует. Впрочем, занятия Северо-Восточной Азией тоже не оставляю. Описал новый вид – эдельвейс пушистенький».

Кроме работы, отзывов, помывки окон и пр., Андрей пишет пространную докладную на имя А.Л.Тахтаджяна, как договаривался, о положении Батумского ботанического сада.

Жизнь страны также его живо интересует. На работе в его кабинетике есть маленькое радио. Днем он его слушает. Из журналов в то время самый популярный и прогрессивный – «Огонек».

Продолжает выписывать журналы «Знание – сила» и «Октябрь», а также «Литературную газету».

Перестройка, политическая ситуация начинает вселять надежду. Есть возможность высказаться. И он «от души», не жалея драгоценного времени, пишет в «Огонек», в журнал «Знание - сила» и в газеты. Несколько примеров.

«Читая по поводу перестройки, в том числе «Огонек» №14 «Больше социализма», я замечаю: речь идет о чем угодно: о повышении, понижении, расширении, сужении, даже о человеческом факторе, но только не о том, что нужны способные, талантливые люди, и не о том, как им, к тому же еще честным и благородным, подняться до руководителей постов? Даже и сейчас всякие там завы, директора, министры (те более!) заинтересованы в чем угодно, но только не в том, чтобы под их руководством работали простые талантливые благородные люди, талантливые ученые в НИИ, изобретатели на производстве. Даже в любом НИИ директор не озабочен тем, чтобы у него работали талантливые ученые, способные создать школу и направление. Напротив, он с удовольствием проводит на пенсию доктора наук, чтобы на его место взять кандидата или четыре лаборантов. Ему в высшей степени наплевать на лицо института, лишь бы отчетность была в порядке и выше им были бы довольны.

Как и кого у нас выбирают в АН? Ученых? – отнюдь нет, в первую очередь администраторов, способных угодить начальству. Те, кто выступал ранее с критикой, заняв вышестоящее кресло, превращается в того, кого он критиковал. Менять надо не людей, а систему, но как?

У нас любят повторять: перестройку надо начинать с себя. Нет, не так. Те, кто это сделал и не угодил начальству, – попал в самое скверное положение, в положение обманутого и одураченного человека. Нет, начинать надо не с себя, а с начальства. Чтобы не было таких щелей, где бы, проявив подхалимские способности, можно было спрятаться и отсидеться (в крайнем случае), а то просто спрятаться за спину. Чтобы никогда, никакой чиновник не чувствовал себя в полной безопасности. Нам нужна официально действующая оппозиция. Почему бы, скажем, не иметь нам партии Зеленых? Ведь нынешний Комитет по охране природы – такое же чиновничье, бездушное учреждение, как и все остальные Госкомы. В партии Зеленых собрались бы истинные патриоты родной природы, которые, будьте уверены и покойны, во все щели залезут сами. Добровольно. И не придется нам тогда разводить руками по поводу загубленной целины, усыхающих лесов Полесья, исчезнувшего Арала и т.д. и т.п. И уж дирекции Батумского ботанического сада со всем его коллективом не удалось бы отговориться и отписаться».

17 мая в газету «Советская Россия»: «Больше всего меня задевает механизм торможения, бюрократизм, бюрократы, чиновники… Нехорошие люди, просто враги какие-то. Но позвольте, товарищи дорогие! Ведь это наши советские, партийные люди, не сами они залезли на свои места, а их посадили туда наша партия, наш народ и посадило наше, советское государство! А места эти самые определила им партия и правительство! И вся их деятельность регламентирована партией же! Упрекать бюрократа в бюрократизме, тем более нашего, советского бюрократа, все равно, что упрекать крокодила в том, что он крокодил и, видите ли, не слишком деликатно обращается со своими жертвами. Вот упрекают наших советских партийных бюрократов в том, что они бездушны, палки в колеса прогрессу вставляют, тормозят. Ну, а как им не тормозить, если они на то и поставлены? Представьте вот себе, что было бы в стране, если бы повсюду и везде сразу бы внедряли все изобретения, все бы делалось и ремонтировалось вовремя и качественно, что бы было? Вам кажется, что только хорошо? Не спешите с ответом, не спешите…. А было бы в числе многого хорошего и то плохое и очень плохое, что 9/10 нашего населения оказалось бы безработными. Куда деваться всяким алкашам, тунеядцам, лентяям, бракоделам, бездельникам. Не в концлагеря же их сгонять? Их все равно надо трудоустроить, а

для этого (поскольку со старых предприятий их всех повыгоняют) надо создавать новые, а для этого в свою очередь нужны средства, время и, главное, пространство. То есть надо срочно было бы строить в 10 раз больше против настоящего: фабрик, заводов, совхозов, леспромхозов, рудников… А на большей части Европейской части СССР, Урале, Казахстане, Кавказе, Средней Азии, Южной Сибири для этого попросту нет места. Всё уже застроено, даже на самой пахотной земле. А ведь растущее население и кормить надо. Выходит – чем больше населения, – тем меньше площадей, с которых можно снимать урожай. Не пора ли подумать об опасности перенаселения? Демографический взрыв похуже взрыва водородной бомбы. Этого, видимо, и вообще не будет, а демографический – вот он, налицо! И, слава Богу, что наши бюрократы тормозят его как могут. Слава и хвала им за это! Вот я слышал, что в Узбекистане при существующих, так сказать, нормах медобслуживания не хватает 600 родильных домов! Вы только подумайте, 600 одних роддомов! Ведь это целый приличный городок! А если они действительно были бы, какими бы темпами шло размножение в Узбекистане? Да ведь этак скоро не только сахара или там масла, просто земли не станет хватать для строительства одних только роддомов! Вот говорят: ничего, при нашем научно-техническом прогрессе урожайность будет такой, что всех и вся, сколько бы ни было, можно будет прокормить. Положим, что так. Но ведь не хлебом единым жив человек. Для полноценного, гармонического развития человека (точнее, Человека разумного) нужна живая природа – просто леса, поля, горы, населенные животными и растениями. Само собой это и здоровье, и чистый воздух, и вода и т.д. Но не об этом я сейчас, а о пространстве, о жизненном пространстве для каждого отдельного человека. Чем оно меньше, тем неполноценнее личность. Надо срочно отменить все льготы по многодетности.

Вот еще ругают Сталина, такой, мол, сякой, изверг рода человеческого. Но, опять, таки, не с неба же он свалился. Сама Партия его поставила у власти. Сами те, которых он впоследствии уничтожил, усердно продвигали его к власти, холили, можно сказать, и лелеяли его культ во имя сохранения, видите ли, единства. Все они так боялись раскола, что даже собой пожертвовали. И все остальные культы и культики (я имею в виду местные культы типа Багирова в Азербайджане, Рашидова в Узбекистане и т.д.) – все это возникло вполне закономерно из деятельности Партии в целом и каждого ее члена в отдельности. Так кому же теперь адресовать все сыплющееся на головы Сталина, Брежнева и иже с ними упреки? Партия, если она такая честная и правдивая, должна, прежде всего, адресовать их себе и только себе.

Зачем только о плохом писать? Ну, были концлагеря, были массовые расстрелы, переселения народов, расцвели бюрократизм и чиновничество. Но об этих последних я уже написал, что они выполняли и положительные функции. А что же Сталин, только плох? Не надо забывать, что ему и только ему мы обязаны возвращением нашей стране (СССР) Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии. А после ВОВ – Закарпатья, Ю.Сахалина и Курил. Вот еще говорят, что Сталин виновник неслыханных человеческих жертв во время ВОВ. Вполне возможно, что, не будь Сталина, не было бы провалов в его политике с фашистской Германией. Немцы бы не дошли до Москвы, ни тем более до Волги. Но была бы тогда ВОВ вообще? Чем бы мы сейчас гордились, какой победой? Так что всякая медаль имеет две стороны.

О концлагерях. Только ли это следствие его звериной натуры? Ну, нет, конечно. Все началось еще с кулаков. Говоря попросту, было проведено государственного масштаба ограбление сельского населения, и результатов этого грабежа хватило для развития первых двух пятилеток. А средства-то были еще нужны. Ну, ограбили нэпманов, выкачали все царское золото… Короче – нужны были рабы, армия рабов. Нет, конечно, доказательств (а м.б. есть в архивах), что Сталин отчетливо понимал необходимость формирования армии именно рабов, но он именно к этому прилагал все усилия. И, конечно, в первую очередь в эту армию сгонялись враги

социализма, враги Партии, враги лично Сталина, и потом уже все почти подряд, а после ВОВ – даже целые народы. Можно это осуждать. А можно и хорошие стороны находить. Плотность населения в густо населенных местах значительно падала, а в редко населенных – возрастала. Впрочем, чего уж там осуждать только Сталина? Вот ведь Хрущев как истинный азиатский деспот, никого не спросясь, от широты своей души только, взял и подарил целый народ, населявший Крым после татар, – Украине. А Партия где была? Да здесь же, при сем присутствовала… Но безмолвствовала или хором воспевала: какой вы, Никита Сергеевич добрый, какой хороший… Хорошо, что его сняли, но как? Путем типичного для 18, не 19 даже, дворцового переворота! А следующий правитель оказался не намного лучше прежнего. Это в смысле личных качеств. А в смысле объективной деятельности, направленной на всеобщую занятость населения, на то, чтобы каждый был при деле, он действовал вполне на уровне. В духе политики Партии. Поэтому дожил до своей естественной кончины и похоронен с почестями. И именовался всю жизнь истинным коммунистом-ленинцем. В меру сил тормозил научно-технический прогресс, держал закрытыми границы (чтобы чужая идеология, не дай Бог, не коснулась бы какого-нибудь захудалого умишки), боролся за мир (причем даже один-единственный во всей стране) и т.д. И вот вдруг в одночасье мы все узнаем, что наш дорогой Л.И. вовсе и не кристальный ленинец, м.б., и вовсе не ленинец?

Нет уж, извините, кто-кто, а он – ленинец, т.к. заботился о народе, о том, чтобы все работали в меру своих сил (не перерабатывали) и полноценно бы отдыхали. Честное слово, мне эти гонения на алкашей и наркоманов не совсем понятны. Ну, спиваются люди, ну, погибают, но по своей же собственной инициативе, они сами этого хотят, именно в этом проявляется их свобода воли! Если они уж очень мешали на основной работе, для них при Брежневе были созданы всякие там профилактории. Вот это забота о человеке. Не хочешь – не пей.

И вот еще брежневское наследие – война в Афганистане. Лично я был бы (если бы меня спросили, конечно) против вывода наших войск из Афганистана. Посмотрите на рожи этих бандитов-душманов! Да это же фанатики! Стоит нашим войскам уйти – и они перережут всех коммунистов в этой стране, это же ясно как день. И потом, где мы теперь будем совершенствовать нашу боевую технику, где наши воины будут приобретать боевой опыт? А что армия без боевого опыта? Она постепенно деградирует. Что это еще за дедовщина такая? Раньше, ни при Сталине, ни при Хрущеве и даже Брежневе, ничего подобного и слышно не было, а теперь, видите ли, – дедовщина (чертовщина) какая- то?

Коррупция. Когда сталкиваешься с ней лично, ничего хорошего нет. Но, вероятно, и она выполняет в коммунистическом обществе какую-то положительную роль. Ну, например, способствует разделению общества на более или менее четкие касты (партийных работников, торговцев, совслужащих, академиков), каждый из которых благодаря этому лучше выполняет свои функции в обществе. Так сказать – всяк сверчок знай свой шесток. И никаких лишних иллюзий. И каждому человеку спокойнее, когда он знает, что его ждет уже заранее приготовленное ему место и что не надо за него бороться и вырывать зубами, как в капстранах. Может быть, и не совсем такое место, о котором мечталось в детстве, но ведь это, как кажется, основное положение устава КПСС – работать там, где нужно, а не там где хочется. Так что и тут всё по-ленински».

«Дорогие товарищи! Прошу прощения еще раз. Решил: раз уж пишу, так надо писать на всю катушку, ибо это не каждый день. Итак, продолжаю. По поводу еще одного нынешнего козла отпущения – дорогого Трофима Денисовича, народного академика. Пишут вот тоже вроде как о Сталине: такой-сякой, немазаный душегуб, организатор средневекового мракобесия, шабаша ведьм. Отбросил, мол, нашу биологию на десятки лет назад. Все так – не спорю; но кто виноват? ОН ЛИ ОДИН? Ну, конечно, были и Презент, и Деборин, и Глущенко, и прочие соратники, но не

в этом вопрос. Смогло бы это все произойти в другой стране, где не было диктатуры пролетариата? Нет, не МОГЛО! Вся эта петрушка – прямое следствие Революции, когда сметалось все старое и на место одного постановлялось все новое. Не мудрено и даже закономерно, что в числе этого старого оказалась и наука. И не только биология, а наука вообще. Да и культура. Тут уж доказывать нечего (Пролеткульт). Так вот, революция, энтузиазм масс, повсюду вожди. Из гущи народной и на самой вершине – один-единственный правильный вождь. Тут уж просто никуда не денешься, чтобы и в каждой отрасли, в каждом роде деятельности произросли бы свои новые народные вожди, и притом сметающие все старое. Не будь Лысенко, был бы другой, из числа хотя бы тех, кто вокруг него увивался. И, естественно, никакой благодарности у Лысенко к Вавилову не было и не могло быть, поскольку он все равно бы добрался до вершин власти. И Вавилов был уже обречен тем, что он был представитель не пролетарской, а старой, «профессорской» науки. Вся эта интеллигенция, включая партийную, была обречена потому, что сама она не была из гущи народной либо успела «обынтеллигентиться». Ну, в общем, не притерлась к народу, не опустилась до его уровня.

А далеко ли мы сейчас ушли от того псевдонаучного средневековья 30-х – 50-х годов? По видимости-то, конечно, а по существу? Можно было бы, конечно спорить, что все же ушли, далеко ушли. Но, к счастью (нет, к несчастью) есть объективные показатели: техническая отсталость, низкое качество всего и вся, слабое и формальное участие во всех международных научных мероприятиях (съездах, симпозиумах), очень слабая цитируемость наших авторов, полное отсутствие за последние 15-20 лет нобелевских премий. Правда, сравнительно недавно (лет 10 назад) ее получил Капица, но за работы 20-х годов, главным образом в Англии. А по биологии – ни одной со времен Мечникова и Павлова. А ведь лысенковщина вот уже четверть века как изжита. 25 лет для науки 20 века – целая вечность, а вот воз-то и ныне там. Отчего? Ну, одна из причин на поверхности – железный занавес. Правда, для многих он уже поднят, но не для ученых. Кого угодно у нас посылают за границу: артистов, детей, студентов, музыкантов, особенно спортсменов. В общем, всех тех, кто может дать немедленный эффект, отдачу. А ученый, даже получивший приглашение на какой-либо заграничный симпозиум, по-прежнему выехать туда не может даже за свои деньги. На международных конгрессах наши делегации смехотворно малы, порядка 10 человек делегатов плюс 15 так называемых туристов, в то время как от США по сотне! Не мудрено, что американская наука и идет впереди всех. Не может и не хочет пролетарское государство понять, что наука ему нужна. Все требует от нее так, как от какой-нибудь мастерской: подай сейчас и только сейчас то-то и то-то. А за границу ездить зачем? Читайте журналы. Ну что после этого можно объяснить? Все уже на эту тему давно сказано, еще Вавиловым. И если до сих пор нет внимания, значит, пролетарское государство до него попросту еще не доросло. До уровня спортсменов и пионеров – доросло, а до уровня науки – нет. Оттого-то и наша Академия Наук такая убогая в смысле талантов, получающих международное признание. До сих пор там котируются народные, партийные академики, мастера словесной эквилибристики и политической демагогии. Вот, говорят, какие-то перемены назревают, что-то вроде «конкурса идей» объявляется, иными словами – деятели науки будут решать демократично, голосованием среди какой то части ученых. Эх, ну что тут скажешь, нового – ничего. Старо как мир, что в науке никакие вопросы не решаются голосованием. И совсем дело не в том, актуально такое-то направление или нет, дает оно народному хозяйству что-то или нет, а в том – насколько добросовестно работают ученые, не подгоняют ли результаты? Не прикрывают ли званиями и диссертациями своего карьеризма, не служит ли им наука каким-то иным, кроме научных, целям. Ну, в общем, как в Партии: коммунист должен быть честным и кристальным, а ученый – уж вдвое. Тогда и все само собой решится. Это я о науке вообще. А уж прикладная – это другое дело. Там, конечно, актуальность и актуальность. Но ведь смысл в этой науке есть только тогда, когда есть на нее заказы от производства. А если их нет, как было у нас

до настоящего времени, то и что пользы от такой ненужной производству (я имею в виду конкретное, а не абстрактное производство) науки? Проще за границей закупать готовые технологии, как и делается. А будут заказы от производства, – эта самая отраслевая наука (прикладная) расцветет сама собой, без всякой регламентации и опеки. А насчет выборов в АН справедливо пишут, что они келейные и сводятся к продвижению своих креатур. Уж слишком много льгот, притягивающих к себе демагогов. Ну, ладно, простите меня, старого старикашку, насекомое, еле видимое. Утомил я вас своей болтовней. Больше не буду. Честное слово. Искренне Ваш Хохряков Андрей Павлович. Москва. Ленинградский проспект, 62, кв.9.»

Насчет старикашки – это его любимое выражение. Он часто его употреблял среди близких, но не в письмах. Прекрасно понимал – никому это его письмо неинтересно, но ему было необходимо высказаться.

Андрей ждет перемен и радуется всему новому. Но до демократии еще очень далеко. В конце июня Андрей летит на Зеленый мыс через Сочи. Даже на Сухуми билетов нет. Перед отъездом он пишет письмо своему начальнику В.С.Новикову. Возмущен тем, что в филиале всем заправляет партийная Романова. Она отдала приказ выкосить его опытные посадки травянистых растений.

«29 июня. Дорогой Владимир Сергеевич! Вылетаю в командировку только сегодня, так как с билетами очень плохо и более того – пришлось взять билет на Сочи, так как на Сухуми не было на две недели вперед. Вчера и сегодня я тебе звонил, но не застал. А пишу главным образом по другому поводу – в крайнем возмущении по поводу поведения Романовой С.В., которая отдала приказ выкосить все мои опыты по пересадке лесных травянистых растений, что я тебе высказывал неоднократно. И была договоренность с указанной Романовой, что, кроме газонов, ничего не косить. Так нет же. Вот шило в ней сидит: все косить, все грести, все стричь… Ну когда же этому будет конец? Я прямо начинаю подозревать, что Вы меня постепенно выживаете. На съезд не пустили, лаборантку не дали, теперь и прямое вредительство учинили… Если я вам не нужен… Кстати, о съезде. Все-таки мне прислали приглашение, прямо из оргкомитета из Алма-Аты. Видно, там меня больше уважают, чем тут.

Относительно Романовой нужна ясность. Научный консультант сохраняет право распоряжаться. И мои распоряжения должны выполняться Романовой».

Никаких прав в ботаническом саду, по-прежнему, он не имеет. Нарастает недовольство. Работает он фактически в одиночку. Я его часто успокаиваю. Мол, никто не мешает основной работе. Но чувствую, ему хочется большего.

У нас завязались тесные связи с Джумбером Джобава – научным сотрудником Кинтришского заповедника в Кобулети. С ним договорились о совместной работе в высокогорьях, о чем мечтал Андрей. Несмотря на заверения и обещания, а также договор о научном сотрудничестве с ботаническим садом, все это оставалось на словах и на бумаге. А Джумбер бескорыстно возил в горы.

В июле Джумбер с Андреем поднялись в Нижнее Хино. Там была арендована лошадь, и Андрей поднялся на яйлу Сарбиелу. Собрал гербарий в высокогорьях и счастливый вернулся назад.

Теперь решено было еще раз, более широко обследовать высокогорья и добраться до Верхнего Хино, которое, как все уверяли, находится на яйле.

В Батумском ботаническом саду появился молодой общительный сотрудник Эмзари Нагервадзе. Он хорошо говорит по-русски. В армии он служил в Североморске, где работал поваром. Интересуется лилиями. Он и поехал с нами в Хино. Там мы живем у лесника в большом каштановом доме. Дом старый, со щелями, двухэтажный. На первом этаже скот. Вокруг дома

отвоеванная у леса кукурузная плантация и несколько грядок для зелени. Женщины с утра до вечера заняты по хозяйству и на огороде.

Договариваемся о лошадях. Крестьянам это выгодно. Они попадут к родственникам в высокогорья, да еще им и заплатят за это.

На рассвете грузим лошадь. Собирается несколько конных, а мы идем вверх пешком. Утром еще не жарко. Тропинка вьется в густом лесу. Солнце начинает припекать. Когда идешь первый раз, дорога кажется особенно длинной. На высоте 1000 метров каштан на северных склонах сменяется ельниками. Мне подъемы даются с трудом. Всадники с лошадьми ушли далеко вперед и не думают нас ожидать. Через три часа подъема начинают попадаться ярко цветущие субальпийские травы, особенно красивый нежный клиноподиум.

Под горой ждут проводники. Указывают тропу вверх и исчезают в тумане. На горном плато сплошные снега (и это в июле!) рядом с густыми зарослями цветущего рододендрона кавказского. Мы устали и надеемся вот-вот увидеть поселок с характерными летними домиками. Но в тумане только снег. Иногда вдалеке мелькает лошадь нашего проводника. И опять идем, идем. Полдень близится, а мы продолжаем идти по пробитым в снегу тропинкам. И вдруг начинается спуск, и снова мы входим в буковое криволесье, что нас повергает в отчаяние. Так не хочется терять высоту… Но нужно спешить и не терять из вида проводника. Оказалось, летний поселок находится не на яйле, а в долине горной речки. Это уже не бассейн Кинтриша, а восточный отрог Имеретинского хребта! Но для нас главное - крыша, отдых. Переходим речку из последних сил и поднимаемся к домикам поселка. Наш проводник указывает на свободную летовку. Домик на высоких столбах. Внизу место для скота. Вверх, к дверям дома положена жердочка. По ней и взбираемся. После перехода нужна передышка. Шли без остановки в гору четыре часа, потом снегами. В общей сложности 6 часов! Эмзари бодр, чего не скажешь о нас. Он, как всегда, улыбается и бежит добывать воду, устраивать быт. У нас нет спальных мешков. Сыро и холодно. В центре большой комнаты находится очаг на куске жести. Топят по-черному. Вокруг разбросаны сырые клеклые шкуры. Они нас и спасают. Вскоре появляется Эмзари с небольшим кувшинчиком-гугунчиком. Его мы устраиваем над огнем. Сушимся, пьем горячую воду и блаженствуем.

Холодно. Ветер дует по долине речки. Разбираем собранный гербарий, устанавливаем сетки у очага и, счастливые, засыпаем.

Наутро, несмотря на непогоду, идем вверх по ручью. Холодно. Ветер рвет промокшую одежду. По берегам горной речки густые заросли рододендрона понтийского и белого рододендрона Унгерна. Оба еще в полном цвету. Есть и яркорозовые гибриды. Эмзари встречает лилию Кессельринга, начинает выкапывать луковицы. По возвращении обнаруживаем, что мы чуть не сожгли наш дом. На костре в центре дома оставались горячие угли. Уже загорался деревянный пол. Но Эмзари выручил, сразу же где-то наполнил гугунчик.

Наконец, погода установилась, тучи разметало, природа преобразилась и засияла. Отмытые деревья, кусты, пенье птиц. Но гербарий раздуло. Бумага для прокладок закончилась. Поэтому нужно возвращаться.

Ранним утром все вещи навьючиваем на себя - и в путь. То и дело я оглядываюсь. Домики становятся все меньше и меньше, а вдали разворачивается панорама Большого Кавказского хребта с белыми вершинами.

Горное плато меньше избито в сравнении с Годердзи в верховьях Аджарисцкали. Здесь под зарослями рододендрона кавказского– по грузински деки, - как бы спрятались, укрылись знакомые по северу кустарнички: брусника, шикша. Но тут листья мельче в сравнении с

северными. На спуске дорогу развезло. Но она нам кажется уже не такой длинной. Вниз, вниз. Становится все теплее и жарче. Снизу поднимается влажный теплый воздух. Вот и Хино. Из последних сил, нагруженные, спешим к дому. К нашей радости, у дома стоит грузовик, и через несколько минут он поедет вниз, в Кобулети. Поэтому, не разбирая и не перекладывая сборов, мы вскакиваем в кузов. На каждом повороте картины меняются. Все ближе побережье. Опять холмы с неимоверно огромными квадратами домов. Плантации тунга, мандарин и чая. Очень жарко. Вдали море. Чтобы не запарились наши сборы, нужно быстрее добраться домой. Садимся на первый же автобус. Они ходят регулярно один за другим. Привычная дорога . Сначада Цихисдзирский перевал, долина Чаквы, у сразу за Чаквинским перевалом мы выходим и спускаемся быстро к нашему дому. Сразу же принимаемся за спасение так трудно добытых сборов.

Бешуми – высокогорный, модный курорт Аджарии в верховьях Аджарисцкали.

Аджарцы называют июль «дамплис тве», что означает гнилой месяц. Жители Батуми стремятся уехать от жары и влажности побережья к прохладе горных ельников. В Бешуми есть гостиница, в которой мы решили остановиться. Это длинное двухэтажное здание барачного типа, сейча соно переполнено. На беду я заболела ангиной. Андрей с Эмзари уходили на весь день, меня оставляли разбирать сборы. Погода испортилась, газеты не сохли. Нам достался номер на втором этаже. Пол ходил ходуном - каждый шаг в коридоре вызывал сотрясение всей гостиницы. Там весь день бегали дети, катались на детских велосипедах. Вечером, по возвращении, веселому и коммуникабельному Эмзари удавалось где-то достать кипяток и заварить сухие супы, которые он особенно любил. Все удобства на улице - туалет стоит одиноко перед гостиницей на голой площади. Впору вспомнить колымские ужасы туалетов на трассе.

Поселок произвел не менее удручающее впечатление. Между маленькими избушками пыльные улицы. Почва под оставшимися в живых елями выбита так, что торчат корни.

Моя соседка по Зеленому мысу Валентина Васильевна Жубер-Моцкобили завидовала мне, когда узнала что мы едем в высокогорья, в Бешуми. Она в молодости отдыхала там, вспоминала красоту горных лугов. Просила привезти скабиозу с сиреневыми цветами. Пришлось ее разочаровать.

В Алма-Ату на ботанический съезд Андрей летит из Москвы. Я прилетела из Батуми раньше, встречаю в аэропорту. Мы снова вместе. У всех приподнятое настроение. Московские ботаники – все знакомые. Сообщают: Вадим Николаевич Тихомиров, как и армянская делегация, вместе с А.Тахтаджяном (высокие гости и гости, приближенные к Тахтаджяну) будут жить в резиденции. То есть в советском дворце, предназначенном для правительственной элиты.

По пути в темноте южной ночи Тихомирова высаживают у высокой решетки резиденции, а нас везут в гостиницу. Наутро узнаем: Тихомиров часть ночи бродил вокруг ограды, и после долгих препираний его с трудом впустили.

Съезд прошел на высоком уровне. Выбирали новый состав президиума Ботанического общества. В Ботаническом обществе идет борьба за власть. Там своя номенклатура, к которой Андрей никакого отношения не имеет.

После окончания заседаний было несколько поездок на природу: на Медео – высокогорный спортивный комплекс над Алма-Атой, и в горы Заилийского Алатау, на высоту более 3000 метров. Андрей ушел еще выше, хотя чувствовал себя скверно. На обратном пути у него кружилась голова, был гипертонический приступ. Преодолел. Он не придает значения недомоганиям. Часто говорит, что здоровье в руках самого человека, отмахивается.

После съезда Андрей озабочен ситуацией в ботанике. Вот что он пишет в статье «Задачи

ботаники в СССР»:

В последнее время престиж ботаники в СССР неуклонно падает, и это имеет весьма негативные последствия, сказывающиеся в невыполнении продовольственной программы, неуклонном ухудшении окружающей среды, падении общей культуры. Виновны в этом, прежде всего сами ботаники, которые не проявляют должной активности в прессе и на телевидении.

А между тем невозможно серьезно говорить о выполнении продовольственной программы, не зная азов ботаники, так как в основе всего продовольственного дела лежат (стоят) растения. Даже проблема животноводства упирается в проблему кормов. Недаром решение продовольственной проблемы в ряде зарубежных стран связывают с так называемой зеленой революцией.

То же самое и с окружающей средой. Но разве не нонсенс, что принимаются законы об охране воздуха, вод, окружающей среды в целом, животного мира – ну буквально всего, вплоть до недр, кроме самого главного, основополагающего – охраны растительного покрова! Ну, какая после этого может быть охрана вод и воздуха? Ведь воды (в частности озера, реки, тем более ручьи) охраняют прежде всего растения, а воздух очищают от вредных и ядовитых примесей только они, они же (он же – растительный покров) охраняет и животных.

Конечно, закон об охране растительного мира крайне невыгоден разного рода хозяйственникам – лесопромышленникам, скотоводам, энергетикам (затапливающим тысячи га плодородных земель), которые готовы по первому приказу бросаться истреблять зеленого друга. Но он выгоден обществу в целом, так как только в сохранении зеленого покрова гарантия существования человечества в будущем. Опасность от атомной бомбы (водородной) – опасность разовая, которую можно избежать разовым запрещением этого оружия, опасность же отравления окружающей среды и полной потери жизненного пространства (из-за перенаселения) пострашнее опасности атомной, т.к. ситуация, чем дальше, тем усугубляется все больше, и решить ее разовым запрещением чего-то и того-то нельзя, а лишь с помощью глубокого осознания проблемы сегодняшнего дня и прежде всего – необходимости охраны – полнейшей! – растительного мира в целом и каждого растения в отдельности, признания и за растительным покровом права на законное существование.

Виновность ботанической общественности в сложившемся положении наглядно проявилась на прошедшем 8 съезде ВБО (Всесоюзное ботаническое общество) в Алма-Ате, который показал, что в ботанике сейчас нет своего лидера и что наша отечественная ботаника далеко-далеко отстала от мирового уровня. Избранный большинством съезда президентом ВБО академик Тахтаджян, бесспорно, ученый мирового уровня, слава и гордость отечественной науки в целом, однако и он в настоящее время далек от решения общественных проблем ботаники, прежде всего из-за своего преклонного возраста. Складывается положение, весьма напоминающее брежневщину: престарелый лидер, может быть (и даже наверняка), искренне стремящийся сделать что-то полезное, но не могущий это сделать вследствие своего физического состояния, а вокруг зато – камарилья различного калибра деятелей, стремящихся использовать ситуацию в своих целях, прежде всего – с целью захвата монополии на научную и (чаще) псевдонаучную истину. Благодаря этому «Ботанический журнал» публикует такие стерильно-правильные статьи, что стал совершенно скучным и неинтересным. Не мудрено, что и за границей его престиж упал как никогда, цитация советских авторов за рубежом резко снизилась.

Причина последнего, конечно, не только в этом, а в общем положении ботаники в СССР, которая не пользуется должным уважением ни в каких правительственных и партийных кругах, вплоть до самых высоких. Благодаря этому контакты ботаников с зарубежными коллегами самые ничтожные и, что даже более важно, – экспедиций ботаников за рубеж (специализированных)

никаких нет! Это просто ужас, если вспомнить хотя бы Н.И.Вавилова. Имя этого человека, сделавшего необычно много для России и за то пострадавшего, у нас любят поднимать на щит при всякой возможности. Это стало модным не только в научных, но и в политико-государственных кругах. А нет ведь того, чтобы обратить внимание на то, что Вавилов добился мировой известности ТОЛЬКО благодаря тесным связям с заграницей, смог поднять нашу науку на мировой уровень ТОЛЬКО организуя экспедиции (специальные, ботанические) во ВСЕ страны света, не обращая внимания на их политический строй, что только, конечно, и приемлемо для науки.
Мы даже не можем подать как следует того, что у нас есть. Взять, к примеру, развивающееся преимущественно в нашей стране направление биоморфологии. Уже с 1975 года стало ясно, что это – особое направление, в котором у нас работают много ботаников и ряд учреждений. Даже в «Реферативном журнале» введен раздел «Биоморфология». Так, оргкомитет съезда (находящийся в БИН в Ленинграде) не счел нужным организовать даже секции биоморфологии. Все доклады на этом съезде носили сугубо частный характер, никаких общих проблем поднято не было, и кажется, никто этого даже не заметил. Во всяком случае, во время заключительного итогового заседания замечаний на этот счет сделано не было.

Из рук вон плохо работает и Совет ботанических садов – второе крупное после БИНа ботаническое учреждение СССР, находящееся в Москве, в ГБС. Чем и как он руководит, кроме рассылки циркуляров? Казалось бы, именно это учреждение, прежде всего, должно болеть за практическое состояние ботаники, за охрану растительного мира хотя бы в масштабах, доступных ботаническим садам. Но нет, руководство со стороны Совета идет часто бюрократическим путем, за состоянием ботанических садов Совет не следит, на охрану растительного мира плюет, даже в самих ботанических садах. Пример тому – Батумский ботанический сад, который постепенно, но неуклонно растаскивается всеми кому не лень, в том числе и самими сотрудниками, и это положение прекрасно известно Совету, но никаких мер к пресечению или даже стабилизации положения в ББС им не принимается.

Если уж Совет ботанических садов не может и – главное – не хочет осуществлять общее руководство (настоящее – не бумажное!) подведомственными ему учреждениями, то, само собой разумеется, что в стране отсутствует руководство общими ботаническими проблемами вообще, хотя ботанических учреждений в стране достаточно. Кроме ботанических институтов и ботанических садов – это и заповедники (только кафедра высших растений МГУ и ботанический сад МГУ осуществляют руководство некоторыми заповедниками Центральной России), и лесные опытные станции, биостанции, педвузы и т.д.

Из всего сказанного вытекают необходимые мероприятия:

Избрание академиком хотя бы одного ботаника широкого профиля (при сохранении места, разумеется, за А.Л.Тахтаджяном), а также и места член-корра. Всего же нужно еще один член корр.

Организация специализированных ботанических экспедиций в тропики и субтропики, более широкое участие советских ботаников во всех международных программах, совещаниях, симпозиумах и т.д. и т.п.

Принятие закона об охране растительного мира в целом и отдельных растений (из числа внесенных в Красные книги) в частности. Организация и, главное, действительная охрана заповедников и разного рода памятников природы. Необходимо увеличить финансирование всех этих учреждений.

Развертывание пропаганды этих знаний, прежде всего через телевидение, а также газеты, журналы (в первую очередь молодёжные) и т.д. Перенести преподавание ботаники с 5-го класса

хотя бы на 8-й. Вкупе с экологией и охраной природы. Совершенно недопустимо считать ботанику, экологию, природоведение чем-то второстепенным. Это важнее любой физики, химии, математики и даже марксизма-ленинизма.

Покончить с научными мафиями в Ботаническом институте АН СССР и «Ботаническом журнале». Открыть зеленую улицу всему передовому и прогрессивному, способному вызвать интерес за рубежом, для чего рецензирование в «Ботаническом журнале» должно быть открытым, а рецензенты должны нести ответственность за свои клеветнические писания.

Лидерам ботаники СССР (академикам, член- корреспондентам) следует добиваться изменения законодательства в следующем направлении: чтобы решения, хотя бы съезда ВБО, имели бы законодательное значение, тогда только секции охраны природы не будут работать впустую.

В ГКНТ по охране природы большинство должны составлять ботаники, и председателем его должен быть ботаник, академик или член-корр. Решения этого комитета должны иметь законодательное значение.

Всесоюзное ботаническое общество должно быть признано общественной организацией, могущей и должной выдвигать своих кандидатов при выборах в советы самого разного ранга (всех рангов), включая Верховный. Члены ВБО должны иметь возможность вести свою предвыборную кампанию.

Возможно, целесообразнее будет создать новый ГКНТ – по общей биологии, который бы ведал всеми делами, касающимися развития биологии и пропаганды биологических знаний: преподаванием биологии в школе и вузах, уровнем ее в биологических институтах, связями с зарубежными странами, экспедициями вне СССР и т.д.»

Из Алма-Аты Андрей улетел в Москву с Сережей Бебия – нашим другом, сотрудником Сухумского ботанического сада. Сережа прожил у нас в Москве неделю. Он с Андреем разрабатывали планы перехода Андрея в Сухуми. Андрей опять зажегся. Написал Сереже в Сухуми горячее письмо, где излагал свои планы по поводу того, что обязательно будет заниматься анализом флоры Кавказа, и эта тема как нельзя лучше ему подходит в стенах Сухумского ботанического сада.

Сережа – человек общительный, у него есть связи в Академии наук. Он устроил встречу со Львом Рысиным, который уже тогда занимал высокий пост. Разумный Рысин посоветовал Андрею перейти в Главный ботанический сад. Поэтому Андрей ходил к директору ГБС, разговаривал, но как всегда, бесполезно…. Но больше манил Сухуми. Андрей размечтался о любимом Кавказе. Но везде уже сгущались политические страсти. Рысин рассказывал Андрею о беспорядках в Прибалтике, советовал жить в России.

После съезда Андрей сразу же поехал в Пермь. Там он был участником флористического совещания, где делал доклады: «Принципы флористического анализа субарктических территорий на примере флоры Колымского нагорья» и «Эндемизм и флористическое районирование».

О совещании в Перми он мне пишет: «В общем, выступал я всего четыре раза, два – с докладами и два – так, по докладам, причем один раз даже сорвал аплодисменты, кажется, второй раз в жизни. В последний раз очень хвалил поваров».

В ноябре Андрею прислал с Сахалина письмо 34-летний штурман Гафаров Владимир: «Уважаемый А.Хохряков! Прочитал ваше письмо в журнале №10 «Знание - сила» за 1988 год и хочу поблагодарить вас за мужество и откровенность, которые я увидел в вашем письме. Мне кажется, любой здравомыслящий человек понимает, или, по крайней мере, должен понять, что

однопартийность и демократия - вещи несовместимые (тем более власть одной партии, закрепленная конституцией).

Вы один из немногих, который решился выступить вполне определенно по этому вопросу в печати. Полностью согласен с вашими рассуждениями и выводами. Хочу добавить, что, по-моему, нынешняя «гласность» – это «выпускание» паров, а перестройка не может осуществиться без радикального изменения нашей политики в сторону действительной демократии, которой не может быть, пока будет существовать одна партия.

Вы мужественный человек – очень редко доводится слышать такие суждения даже в «курилке» или «за рюмкой». А чаще всего анекдоты вроде этого: «Пройдут года, умолкнет гласность и перестроится страна. И вот тогда госбезопасность припомнит ваши имена…»

Очень бы хотелось пообщаться с вами, хотя бы путем личной переписки».

В сентябре Андрей приглашен в Махачкалу на совещание по экосистемам высокогорий. Дагестанские ботаники предложили ему сотрудничество.

Почти весь год Андрей был в поездках, совещаниях.

Поездки 1988 г.: На Кавказе был 4(!) раза: зимой, весной, летом и осенью.Март-апрель: Аджария (Чаквисцкали, Бзонис, Кеда, Дарчидзееби). Июль: Аджария (Нижнее и ВерхнееХино, Сарбиела, Бешуми). Август: Алма-Ата (Заилийский Алатау). Сентябрь: Дагестан (Махачкала).

Публикации 1988 г.: Главное – сдал последний вариант монографии «Анализ флоры Колымского нагорья». Описал новые виды из Магадана и с Кавказа. Защищал на разных уровнях Батумский ботанический сад. Участвовал в обработке видов для Красной книги. Обработал семейство вересковых для «Флоры Дальнего Востока». Собрал материал по зимнезеленым растениям влажных субтропиков. Был участником 4(!) конференций в разных городах. И это все только за один год!

Написал более пяти обстоятельных (с разбором) отзывов на диссертации разной тематики. Вышло из печати 9 статей.

Глава десятая. Москва. Кавказ: Дагестан, Аджария (1989-1992)

1989 После смерти моей матери в 1984 году я столкнулась с очень запутанной ситуацией, связанной с вступлением в наследство, разделом дома между родственниками, получением колхозного надела на землю. Тяжба тянеулась бесконечно. Я никак не могла получить разрешение на постройку дома.

С площадки перед нашим старым домом открывается вид на бухту. Вдали батумский мыс, а за ним – синеют горы Турции. Это моя родина. Андрею этот угол также дорог, но по иной причине. Он любит юг, где всё растёт быстро, весь год зелено. Это горы, которые он любит еще больше. Это место новых исследований.

Андрей, как и раньше, живет и работает в Москве, часто приезжает на Зеленый мыс. Я в свою очередь часто летаю в Москву. Связь налажена. Билеты на самолет дешевые, несколько рейсов в день из Москвы в Батуми и обратно, всего за два часа.

23-26 января на биофаке МГУ проходила конференцию по проблемам эволюции. Докладывали преимущественно зоологи. Наш с Андреем доклад был посвящен девиациям и анаболиям у

древесных растений.

Николай Николаевич Воронцов с супругой Е.А.Ляпуновой, красивый и импозантный, держал в руке одну из центральных газет, читал очередной подвал об охране природы. Последний раз мы с ними встречались на Дальнем Востоке в конце 70-х годов. Н.Н. был полон энергии, выступал как ярый защитник природы, становился видным общественным деятелем. Я этим воспользовалась и договорилась о том, что он поможет обратить внимание на тяжелое положение с охраной Батумского ботанического сада. Позже, уже через год, он стал министром охраны природы, а затем был одним из организаторов Академии естественных наук, в которую Андрей был избран членом-корреспондентом и этим очень гордился. Но этому он был обязан Алексею Константиновичу Скворцову.

Андрей заключает договор о научном сотрудничестве с Дагестанским педагогическим институтом об исследовании высокогорных районов Кавказа на его северном макросклоне. Заключается договор о сотрудничестве и с Кинтришским заповедником в Аджарии.

У него сложились дружеские и научные контакты с И.Ф.Удрой из Киева, и он рекомендует его диссертацию в Новосибирск, где защиты проходят объективно. Просит прислать черновик автореферата, так как считает, что автореферат – главное.

В Магадане разворачивается мощная кампания по организации ботанического сада. Два энергичных ботаника – Александр Владимирович Галанин и Татьяна Александровна Москалюк – продвигают это дело, ищут поддержки. Но со стороны магаданских зоологов это встречает сопротивление. Тем более огорчительно, что к мнению зоологов присоединяется и А. Беркутенко, бывшая сотрудница лаборатории ботаники. Андрей возмущен. Он очень поддерживает организацию ботанического сада и считает, что ведущее положение в ботаническом саду должен занять отдел интродукции. И обязательно – гербарий!

Увы, который раз идея организации, все усилия в этом направлении остались неосуществленными. Москалюк вскоре уехала в Приморье, а Галанин в Анадырь.

Зимой 1988 года на нас свалилась беда: заболел раком отец Андрея. Его оперировали в очень далекой больнице в Тушино, куда добирались больше часа. Сердце у него, очень пожилого человека, было прекрасным, это и помогло выдержать операцию. Отец лежал в палате с мужчинами на 10-20 лет моложе его, но внешне выглядевшими так же, как он. Даже в таком положении он шутил, называя соседей по койкам детьми. Разница в возрасте позволяла ему так говорить. Склонность к шуткам, юмору унаследована Андреем от отца. Отец писал поэмы о семейных событиях, любил каламбуры. После операции врачи боялись новых метастаз, но нам казалось, что все обошлось.

Я прошла конкурс в Тимирязевскую академию на должность директора ботанического сада при кафедре ботаники, и в феврале уехала на Зеленый мыс с тем, чтобы быстро свернуть дела и в апреле ехать в Москву.

С каждым днем природа расцветала, расставание с родиной становилось все тягостнее. А вызов задерживался. Я колебалась.

Поэтому я не поехала в Талыш и Баку, куда в марте поехал Андрей с нашим сыном Павлом. Кроме Баку и Ленкорани, они работали и в Лагодехском заповеднике, в Телави, где их застало известие о расстрелах в Тбилиси в ночь на 9 апреля. Вся Грузия была в волнении

В Лагодехском заповеднике

12 апреля в Махинджаури я встречала тбилисский поезд. Андрей с Павлом вышли, нагруженные гербарием. Рассказывали, что в Тбилиси стояли танки. Был жаркий весенний день. У нас в саду цвели розы, глициния.

На следующий день мы уехали в горы. Там произошла крупная экологическая катастрофа. В деревне Цаблана, расположенной на одном из крутых склонов речки Чирухи, притока Аджарисцкали – той самой, вдоль которой мы спускались в прошлом году, обвалилась половина горы. Это произошло в одно мгновение. В завале были погребены несколько домов вместе с жителями. Реку перекрыло завалом. Образовалось озеро. Был объявлен всесоюзный траур. Это был не единственный случай обвалов. Но этот самый грандиозный!

Андрей пишет своей бывшей сотруднице Г.Л. Антроповой по этому поводу в Магадан: «С 27 марта по 11 мая, у меня как всегда, Кавказ. Ленкорань, восток Главного Кавказа, родная Аджария с ее оползнями и селями. Слыхали? И по радио об этом говорили и в газетах писали. В общем, довели страну до того, что жить в ней уже нельзя: все так выбито скотиной до почвы, и почва тоже до камней так, что горы почти что сами собой ползут вниз, от дождей, от снегов. Тут съехало два дома, там засыпало сразу четыре со всем населением… Эта Аджария страшно перенаселена, сплошной поселок на десятки километров, от берега моря до вершин. И, конечно, все это можно было предвидеть. А теперь вот эти коммунистические бараны качают головами и изрекают: стихия, мол. Да, конечно, стихия в смысле того, что не было никакого руководства, стихия тупости, безразличия и лени».

В мае 1-ый Съезд народных депутатов СССР, организованный Горбачевым, воспринимался как глоток свободы. Андрей продолжает писать в редакции свои соображения на разные темы. Например:

«Дорогая редакция! Долго думал, куда бы мне написать о своих основополагающих идеях относительно реформы судебной системы (создания так называемого правового государства) и решил остановить свой выбор на «Огоньке», потому что: 1- он мне нравится, 2- я его выписываю давно, 3 - в нем есть рубрика писем. Ну, так вот и письмо.

Много у нас пишут о необходимости создания правового государства. И такие-то законы для этого надо принять, и такие то, и то-то нужно делать работникам юстиции и судов, а того–то делать не нужно. А собака, по-моему, зарыта в одном – в партии. Нет у нас правового

государства не потому, что законы плохи (хотя есть и такие), а потому, что в конечном итоге все замыкается на Партии, на ее ведущей роли, потому что в конечном итоге все замыкается на партийных секретарях: в районах – районных, в областях и краях – областных и краевых, в республиках – республиканских, – и как итог на Генеральном. Вот последняя судебная инстанция, к ней в конце концов, прибегают как к последней надежде, Да что доказывать, Вы сами всё хорошо знаете. Взять хотя бы те же Брежневщину, Сталинщину, Рашидовщину и т.д. И в каждой области местный царёк и божок – это областной секретарь, в районах – районный. Вот у нас в Магадане был такой Шайдуров. Настоящий уголовник. Вывозил меха контейнерами. Бабник страшный. Так что же с ним в конце концов сделали (и то после того, как область стала проваливаться по золоту)? И что же? Да просто перевели в Москву. И это вместо того, чтобы судить и отправить в один из колымских лагерей.

Ну, это было накануне перестройки. А сейчас разве утратила Партия свою ведущую роль? Вот взять хотя бы Егора Лигачева, одного из столпов перестройки. Так и у него рыльце оказывается в пушку. А попробуй, скажи об этом – как же, дискредитация Политбюро! Только «Голос Америки» и может об этом говорить. И что после этого спрашивать со следователей и прокуроров? Вот недавно в газетах промелькнуло эстонское дело (о незаконно репрессированных в 83-м году эстонских ученых во главе с Хинтом, кажется так), так что - же, разве можно поверить, чтобы такой опытный следователь, как Гдлян, чего - то там не учел, чего то там не принял во внимание. А прокурор-то чего ждал целых 6 лет? Яснее-ясного, что весь процесс был сфабрикован Партией (на республиканском уже уровне), что и следователи и прокуроры действуют по указке свыше. А реабилитация Хинта и компании произошла только потому, что надо срочно дискредитировать Гдляна за его неприятную для Лигачева деятельность.

С ведущей ролью Партии в области судебного производства я столкнулся лично (хотя и косвенно). Хотя у нас и поощряется сейчас строительство частных домов, но ведь все же в каком-то законном русле, а тут человек уже построил дом без всякого разрешения, не говоря уж о проекте. Об этом все знают, никто вплоть до прокурора этого не отрицает. Этот человек оставил за собой и старый дом. А этот дом и вовсе не его…. И построил новый дом этот человек не на своем участке… И куда пожалуешься на такое беззаконие? Все той же Партии? А она как раз творит эти беззакония. Ибо этот человек, о котором идет речь (который построил незаконный дом) – близкий друг первого секретаря райкома Нияза Махмудовича Гогитидзе, который управлял районом во времена Брежнева и теперь правит им же. Но я не думаю, что дело поправится во имя законности, если вместо одного человека – плохого, посадить другого – хорошего. Вначале что-то пойдет (известно, что новая метла метет лучше старой), а потом все снова съедет, как бывало не раз и не два. Менять нужно не людей, а систему. В данном же случае, в свете создания правового государства, требуется, по моему, лишить Партию возможности влияния на судопроизводство и на юстицию в целом, для чего, по моему разумению, следует принять закон, наподобие того, который действует в области религиозных убеждений, т.е. что-то вроде закона «об отделении Парии от государства» Вот Югославия пошла уже в этом направлении, там будто государственные должности запрещено занимать высокопоставленным партийным деятелям. И правильно. А вот совмещать эти должности, как это планируется и сейчас имеет место у нас, – это значит только болтать о правовом государстве для усыпления народа. В конце концов , вступать или не вступать в партию, продвигаться или не продвигаться по партийной лестнице – такое же дело совести каждого, как верить или не верить в Бога или Аллаха или Будду и т.д. Меня всегда удивляло и не перестает удивлять, что когда речь заходит о совести, так имеется в виду лишь вера в Бога, религия. Ведь понятия «совесть» и «бессовестность» связаны отнюдь не только с религией. Можно быть и верующим совсем бессовестным и не верующим – совестливым. Так откуда такая жесткая связь пошла? Ведь

получается так, что в нашем государстве «по штату» совесть могут иметь лишь верующие, а все прочие – пожалуйста, будьте бессовестными. Так оно, в общем- то и получается. И ни для кого не секрет, что в секретари разного рода пролезают у нас, как правило и в основном, именно бессовестные люди. И чем выше - тем бессовестнее….»

В архиве еще одно письмо: «Уважаемая редакция! Обращение к Академии Наук совершенно справедливо и своевременно. Упреки в адрес Академии сегодня необходимы, чтобы как-то сдвинуть с места застой Академии. Участь писателей – самопознание народа, а не освоение специальностей, связанных с охраной природы, спасением Родины, как это вынуждены делать многие писатели, болеющие за судьбу своего народа. Но еще лучше, чтобы пироги науки пек ученый и чтобы эти пироги были на пользу Родине, а не во вред.

Как ботаник я с болью и часто с отчаянием вижу, что сегодня уже говорят в основном о воде, воздухе, искалеченной почве, то есть о следствии, а не причине, а вот о лесе вопрос стоит как-то опосредованно. «Литературная газета» за 25 января почти вся посвящена вопросам охраны природы, а вот о лесе и в выступлениях Ю.Черниченко и В.Распутина говорится лишь вскользь. Чтобы был воздух, чтобы была вода, чтобы была нормальная почва – нужен лес, нужны сегодня крупные деревья, восстанавливающие кислородный баланс, восстанавливающие водный режим, восстанавливающие почву. Это очень важная и серьезная работа, которую необходимо срочно делать ботаникам. Но доля участия ботаников в деле охраны природы очень мала. Все мелко и рассеянно. Не буду голословным. Недавно прошедший в Алма-Ате съезд ботанического общества – очень представительное собрание – представил 65 докладов об охране природы. Но это очень мелкие, совершенно незначительные исследования или заявки о беде. Включение растений в Красную книгу. То есть в основном констатация фактов. Во всех передачах об охране природы на телевидении первую скрипку среди биологов играют зоологи. А передача о жизни растений на телевидении носила многие годы совершенно поверхностный характер, а последнее время и вовсе заглохла.

Мне кажется удивительным, что на Центральном телевидении нет до сих пор регулярной передачи под рубрикой «Охрана природы» и нет передачи «Экология» – своеобразного образовательного общедоступного курса. Но, думается, причиной отсутствия таковых передач и является застой в Академии, нежелание думать о нашем будущем. К застойным явлениям относится и то, что нет в средней школе предмета «экология», «охрана природы», нет такого курса и в высших учебных заведениях, чтобы в ближайшем времени мы имели грамотных педагогов.

Беда, думается, заключается в том, что не видно сегодня таких ярких личностей, подобных Сукачеву и Вавилову, среди биологов, которые сегодня отрешились бы на время от некоторых научных проблем в пользу охраны природы, спасения своего Отечества так, как это сделал академик Лихачёв. Ведь действительно отечество в опасности. Думаю, что такие учёные у нас есть, но они не носят высоких титулов академиков и посему неизвестны многим и, таким образом, не могут приложить своих сил в полной мере.

Уверен, что неблагополучие в науке, ее пассивность связана прежде всего с общим положением в стране. Наша Академия – модель того застойного времени, когда и формировались ее нынешние кадры. Как обновить науку, сделать ее прогрессивной, мобильной? Над этой проблемой ломались копья и на страницах «Литературной газеты» в период застоя, но воз пока все ныне там. Правда, теперь повеяло некоторыми переменами.

Финансируются не институты, а темы, мол, они будут конкурировать между собой. Ничего подобного, деньги остались прежними, А если бы действительно соревновались идеи, к чему бы это привело? Да к еще большему застою, так как новые идеи, еще неокрепшие, слабые, часто (в

большинстве случаев) кажутся странными и большей частью противопоставляются старым, опробованным, а отсюда наиболее надежным идеям. Вся история науки пестрит такими примерами. А у нас кому угодно поддерживать что-то новое, когда совсем тепленькое местечко тебе обеспечивает безбедное существование?

Мне видится прогресс только в конкуренции между учеными. Застой нас далеко не поведет. Нужны конкретные критерии оценки ученого и не далекие, раз в 3-5 лет, переаттестации, сейчас чисто формальные, а ежегодные и на основании определенных критериев. Ну, допустим, ученый много пишет, но все больше приводит фактический материал, не может обобщать данные. Конечно, плохо, но этот ученый все же работает. Ему и можно дать всего один балл в сравнении с человеком, и вовсе не работающим. Таких у нас очень много, годами высиживают места, публикуя лишь тезисы. Впрочем, считаю, что тезисы не стоит включать в список научных работ. Тезисомания захлестнула многих, числом поболее – ценою подешевле. Количество самостоятельных (а не в многочисленном соавторстве, как это часто водится у занятых академиков) работ является основным критерием. Общественная работа также должна оцениваться по балльной системе. Такая форма оценки работы существовала у нас в лаборатории ботаники Института биологических проблем Севера ДВО АН СССР и была очень эффективной, стимулировала работоспособность и конкуренцию за лучшее место среди членов лаборатории. Но что очень интересно – вызывала сильнейший протест со стороны соседствующих с лабораторией бездельников. Ну, зачем им такие критерии? Денежки и так льются рекой, и можно вешать «лапшу» сколько угодно. Приведу пример. Рекультивация почв на Севере, задернение отвалов – необходимое мероприятие. Всем широко известно, что задернение идет быстро пионерными видами растений, стоит только разровнять после добычи золота полигон. Вот и все дела. Но сколько «туфты» вокруг этой проблемы, сколько наворочано, сколько денег сорвано! Это выгодно ученым. А вот если бы весь процесс от начала до конца был на ученых и если бы этот ученый получал существенную прибавку за более простой и экономичный эффект, то и желание осложнять проблему сразу же пропало бы.

Свобода творчества совершенно необходима в науке. Огромный тормоз в этом отношении заключается в закрытых, анонимных рецензиях. Вот где разгул для «творчества». Каких гадостей не прочтешь в рецензиях! И какой стойкостью надо обладать, чтобы преодолеть после такой рецензии стресс. Я знаю некоторых молодых ученых, у которых после подобных рецензий навсегда отпала охота что-то писать в журналы. А не лучше ли с открытым забралом, честно. Что тут прятать? И так большей частью уже знаешь почерк и стиль рецензента.

Думаю, что право публикаций должны иметь все, без исключения, ученые. Например, организовать свободный журнал, где статьи печатаются за счет авторов с резюме на английском. Думаю, что такой журнал окупил бы себя и дал простор для настоящего творчества.

Профессор И.Ларионов в газете «Советская Россия» (19 января 89 г) предлагает создать ассоциации ученых по отраслям и как бы в противовес бюрократической АН. Но, спрашивается, кто будет создавать эти ассоциации? Ведь и так сегодня существует масса добровольных научных обществ: ботаническое, орнитологическое, териологическое и пр. и пр. Только что-то незаметно, чтобы эти общества как-то влияли на положение дел. Возглавляют их те же академики, в сущности, эти общества просто придатки Академии, там тоже свои люди насаждают политику своих мафий. Отсюда вывод: члены АН не должны входить в состав этих научных обществ, это должны быть образования, противопоставленные Академии.

Вот еще одно «нововведение», рушащее сейчас науку сильнее, чем другие нововведения. Это так называемое «омоложение». Положение об увольнении ученых в 60 лет, если кандидат наук, и в 65 – если доктор. Об этой «беде» уже писал в «Огоньке» академик Полянский (№34,1988). Мгновенно рушатся целые школы. Ученые, полные сил, оказываются за бортом, и в результате

страдают не только ученые, а в целом вся наука.

Кто сегодня будет учить молодежь? Кто? Необходима преемственность, а, к сожалению, в период застоя 40-50-летние ученые сегодня не очень сильны, мы все продолжаем опираться на старшее поколение. Как выйти из этого положения? Ведь всем хорошо известно, кто спит на работе, а кто работает. Кроме балльной оценки, думаю, стоит большее значение придать индексу цитирования. Он как необходимый критерий должен входить в балльную оценку. И, кроме того, ученый, выйдя на пенсию, если он хочет продолжать работу, не должен мгновенно лишаться прав печататься, должен иметь определенные права. Вы мне возразите – он может быть консультантом. Господи, какое слово! Он лишь консультант. Нет, если он заслужил, независимо от степени, если он широко известен за границей, если его труды стали мировым и отечественным достоянием, если он за свою научную жизнь создал направление, школу, – он должен продолжать работу, если он в силах и желает. Вот те главные критерии. А для того чтобы, знали нас, чтобы мы не были закордонными незнайками, необходима свобода обмена учеными в любой форме. Ведь до сих пор к нам едут десятками и сотнями, а мы и помыслить не можем о широком обмене. Если и ездят, – то все та же элита.

И еще – необходимо совершенствовать конкурсную систему. Посмотрите, какие у нас конкурсы!!! Кто судьи? Опять те же бюрократы и чиновники от науки! В душе каждый знает, кто чего стоит, правда, с некоторым перекосом в свою пользу. Но если попросить всех докторов и кандидатов предоставить список из 10-15 ведущих ученых в своей области, получится более или менее объективная оценка, кто является лидером нашей науки, а не администрации. Но эти данные должна обрабатывать совершенно нейтральная к АН организация, например, статуправление.

Возвращение к конкуренции в самой работе необходимо. Необходимо платить за реальные дела и прежде всего в деле охраны природы».

И еще статья в газету под названием «Наука и демократия». Она фактически повторяет то, что сказано в предыдущей статье, но с добавлением: «Ужасно жаль, что нельзя (по действующему уставу) выводить из состава АН всякого рода карьеристов и приспособленцев, которых там полным-полно. А то как бы хорошо – сколько свободных мест освободилось бы! Да и нужна ли такая раздутая академия? Всем известно, что новые вакансии создавались в недавнем прошлом специально для конкретных лиц, проявивших себя на партийном, а отнюдь не на научном поприще.

Или вот еще новшество: заставляют ученых бегать и заключать хоздоговора. Приказать, конечно, можно все. Однако сначала нужно заинтересовать предприятия во внедрении этих самых новшеств.

А предприятия по-прежнему должны выполнять план, гнать вал, и в отсутствие рынка и конкуренции совершенствовать производство им незачем. Пока-то всё это до них дойдет! А питаться ученым надо прямо сейчас, сегодня. И вся эта затея может кончиться только тем, что ученые разбегутся кто куда сможет. Если уж на то пошло, то предприятиям выгоднее иметь свои собственные лаборатории, а не ходить туда-сюда с протянутой рукой.

Так что же делать? А ничего лучше все равно не придумаешь, как только возвращение к конкуренции в самой работе, руками и головой, только не языком. Притом по всей стране. Тогда никаких проблем не будет. Демагоги сами в науку не пойдут, а какие туда пробрались – выветрятся. Только академики останутся, потому что им уж очень хорошо платят. Ну, кто откажется от лишних денег? Ну да если демократия установится настоящая, то это будет не страшно, ведь все смертны, и академики-демагоги со временем вымрут. Только не поймите меня так, что, мол, все академики подряд плохи. Нет, конечно, есть и среди них порядочные люди,

принципиальные. На них вся надежда».

В середине лета, в июле, я упала и сильно поранила ногу. Рваная рана не заживала, начался некроз. Андрей и мой сын Павел срочно прилетели на Зеленый мыс. Я лежала пластом в беседке и любовалась игрой света и листьями винограда, а также быстрыми перебежками крыс. Черная крыса, мама называла ее Чучундра, питается плодами и ловко лазает по деревьям. Пока я лежала, Андрей с Павлом активно ездили в Верхнюю Аджарию, пользуясь личными знакомствами.

Отдаленные уголки Аджарии были вполне доступны. Андрей, для полноты сборов, для более детального изучения флоры Аджарии, любой свободный день использовал для экскурсий. Обычно он ехал на автобусе в определенное село к знакомым. Всего за один-два дня можно обследовать довольно большую территорию. Андрей возвращаетлся со свежесобранным гербарием и досушивал его дома у большой электрической батареи.

Задумана книжка о субтропиках. Вот как видится она Андрею:

«Флора субтропиков СССР» или «ВЛАЖНЫЕ СУБТРОПИКИ ЗАКАВКАЗЬЯ»

Систематический состав природной флоры

Основные флороценотипы

Анализ географических элементов

Основные биоморфы.

Феноритмотипы

Районирование и связи с соседними флорами.

Итоги интродукции

В Москве разворачиваются приятные для Андрея события – организуется поездка в Италию. Создана советско-итальянская международная комиссия по проблемам окружающей среды. Едут Андрей, директор ботанического сада В.Новиков и зав. оранжереями Главного ботанического сада Б.Головкин плюс дама из министерства, а вернее, надсмотрщик КГБ. 20 июля они летят в Рим, а затем в Неаполь и Помпеи. Этому предшествует масса бумажек и взятие билета до Рима с боем.

Андрей в Италии собрал большой гербарий, вел записи, которые легли в основу статьи о впечатлениях в поездке. Рассказал, что истратил все деньги, выданные на поездку – купил фотоаппарат. А в последний момент оказалось, что нужно платить за гостиницу, иначе не выпустят. Пришлось Новикову и Головкину платить и за Андрея.

Итальянские связи с МГУ расширяются; оплачиваются подготовительные курсы с изучением итальянского. С 14 по 21 октября готовится заседание советско-итальянской комиссии, где намечаются поездки по различным ботаническим садам Италии. Андрей должен ехать на Сицилию! Я – в Пизу! Все кажется фантастическим и нереальным. Потом так и оказалось. В октябре мы вместе с итальянско-советской комиссией встречаемся на самом высоком этаже

высотного дома в МГУ. Ректор В.А. Садовничий и другие знаменитости дарят итальянцам картину. На стенах тоже добротные картины маслом, утверждающие счастье советского строя. Потом банкет в ресторане «Прага».

17-20 октября в МГПИ (Московский государственный педагогический институт) проходила конференция памяти И.Г.Серебрякова « «Архитектоника растений и жизненные формы». Мы с Андреем делали совместный доклад: «Классы метамеров деревьев».

Еще год назад Т.В.Кузнецова просила нас содействовать в организации морфологической школы в Грузии. Мы с Андреем ездили в Тбилиси, договорились с Гией Шалвовичем Нахуцришвили. И вот неожиданно на конференции узнаем, что школа уже почти организована и будет проходить не в Тбилиси, а в Калуге.

Андрей пишет письмо своей старой знакомой, одной из организаторов школы Л.Гатцук: «Итогами конференции я недоволен, и прежде всего ее направленностью. Ведь главное, основное, что есть в учении Ивана Григорьевича (Серебрякова) – отнюдь не морфологические типы (модели, модули), а эволюция жизненных форм, а по этой тематике ничего не было. Выступать с критикой на воспоминаниях было неудобно, а заключительное заседание было смято. Три длиннющих доклада, которых смело могло и не быть, по крайней мере, первых двух, так как на них излагались результаты давно проведенных работ. Да, впрочем, и большинство докладов было того же типа. Конечно, доклад Чистяковой очень блестящий, да ведь он уже опубликован в Бюлл. МОИП! Это была собственно, лекция, а не доклад, лекция для студентов, конечно, очень хорошая. И Т. Шулькина со своими колокольчиками носится всю жизнь, не удостоившись даже познакомиться с общей литературой по жизненным формам. Куда это годится? То же самое и у Виноградовой. Поистине специалист подобен флюсу. Впрочем, спасибо и за то, что нас вообще позвали. Искренне. Поэтому на морфологическую школу мы не претендуем, тем более что Кузнецова заявила мне, что участвовать в двух школах подряд неприлично. Ну, дама она у нас светская, начитанная и судя, по всему, действительно выходит в дамки. Надо слушаться».

В архиве лежит копия письма: "Мы, семья Хохряковых-Мартыновых, проживая по адресу Ленинградский проспект 62, кв. 9, требуем вернуть старое историческое название улице Горького – Тверская".

И подписи: Хохряков П.А. – старший, Хохряков А.П., Хохряков П.А. – младший, Хохрякова О.А. – старшая, Хохрякова О.А. – младшая, Мартынова Г.А. Майечку почему-то не включил…. Видимо, была маленькая еще, не могла расписаться.

В декабре, мы участники совещания в МГУ, по проблемам изучения адвентивной флоры СССР.

Поездки 1989 г.: Март-апрель: Азербайджан (Баку, Талыш, Ленкорань), Грузия (Лагодехский заповедник), Аджария (Хуло, Цаблана). Июнь: (Шуахеви, Чирухи, Хуло, Замлети). Июль: Италия (Неаполь, Рим, Помпеи).

Публикации 1989 г.: Вышло 10 статей, в основном посвященных флоре Кавказа. Вышла монография « Анализ флоры Колымского нагорья».

1990 В марте 1990 года не стало отца. Дома осталась слепая мать Андрея. Это время совпадает с разводом нашей дочки. В Москве она оказалась без работы, в поисках заработка. На ее руках две маленькие дочки. Много времени Андрей уделяет внучкам. Они еще совсем маленькие. Галю Андрей отводит и приводит в детский сад, Майечку – в ясли.

Андрей часто приезжает на Зеленый мыс. На работе ему не препятствуют. Удается много ездить вместе и по горной Аджарии.

В начале июня мы полетели в Абхазию. В Сухуми нас устроили как почетных гостей в домике на территории ботанического сада. Крики обезьян раздавались в чернильной темноте теплой ночи.

С ботаниками Сережей Бебия, Савелием Читанава и Таней Гуланян по Бзыбскому ущелью поднялись в субальпы. Снег только-только стаял. На снежных проталинах нарядно цветут первые весенние травы. По озеру, как и прежде, бойко снуют катера.

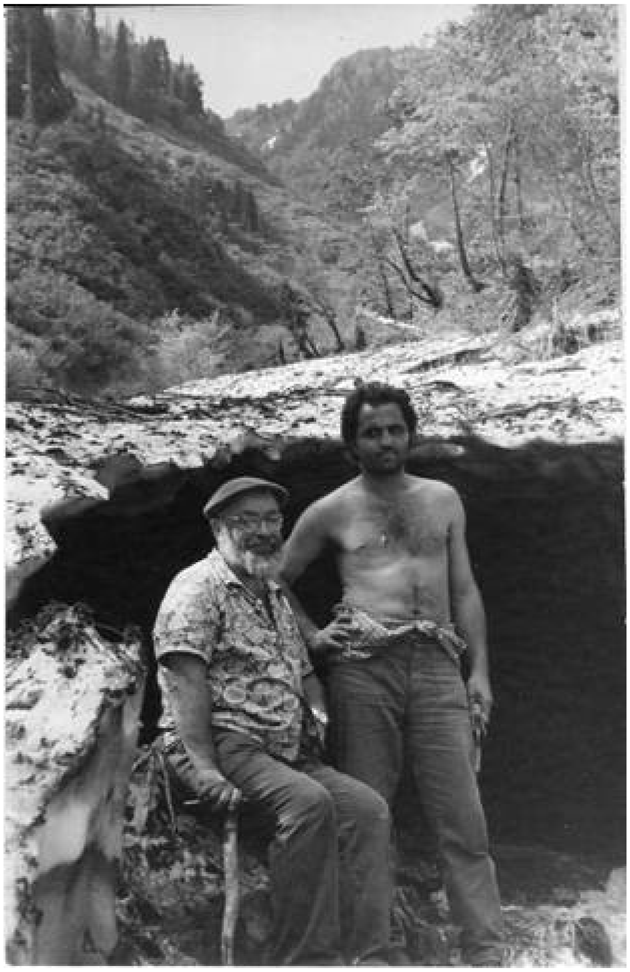
Директор сухумского ботанического сада Гиви Григорьевич Айба – невысокого роста, с большой головой и черными, недобрыми, пронзительными глазами – сидит за большим письменным столом в просторном кабинете. Тут есть и лежанка, коврики. Над его головой висит большая, во всю стену, объемная картина из местных материалов. Круглая морская галька в основании картины обрамляет клумбу. Из центра клумбы возносятся приклеенные к полотну пальмы. Все время ловлю себя на мысли: вдруг эта тяжелая картина упадет на голову Айбы? Айба сетует на возрастающую демократию. Особенно упирает на то, что он за границей видел, как скромно живут там директора ботанических садов. Никто из них не имеет такого большого и красивого кабинета, как у него. Андрей согласен.

В Сухуми тревожно, вечерами ходить опасно. С каждым днем абхазско-мингрельский конфликт набирает силу. Да и днем довольно неспокойно. На пирсе, перед посадкой на катер в Батуми молодые агрессивные девушки вроде бы ненароком чуть не столкнули меня в воду.

В Батумском ботаническом саду, тихом, казалось, уголке разгорелся скандал между двумя партиями, борющимися за власть. Одна из партий предлагает мне возглавить ботанический сад. Я отказываюсь наотрез. Как бы я ни болела за судьбу ботанического сада, прекрасно понимаю – в Аджарии свои, негласные законы. Прежде всего, я женщина, и русскоязычная. Победил Вано Папунидзе. После смерти милейшего и тишайшего Нури Мемедовича Шарашидзе осенью 1989 года Вано держит вожжи в своих руках.

Через несколько дней проторенными путями мы с Андреем едем в Кинтришский заповедник. С нами Джумбер – научный сотрудник заповедника, наш сын Павел, Савелий Читанава. В Нижнем Хино, как и в прошлом году, останавливаемся в доме Романадзе.

Савелий, темноволосый коренастый молодой ботаник, под влиянием революционной обстановки в Абхазии наэлектризован, затевает споры. Но аджарцы далеки от абхазско-грузинского конфликта.



А. Хохряков, С. Читанава

Андрей с Павлом и Савелием уходят в горы – на яйлы Сарбиелы. В горах самая ранняя весна. Там нашли новый вид рябчика, который Андрей назвал в честь Джумбера – рябчиком Джобавы.

Большой старый дом Романадзе на склоне горы, как большинство аджарских домов, – двухэтажный. Его не поддающиеся гниению каштановые доски со временем потемнели. Между ними большие щели. В центре дома как всегда горит бухари, на котором хозяйка готовит традиционные аджарские блюда.

Летом в доме жарко, а зимой заваливает снегом. Я начинаю понимать, почему грузины так гордятся детской люлькой – аквани. В ней ребенка плотно пеленают, а вниз, под люльку подвешивают баночку, в которую скапливается моча. Но видимо, главное в аквани - то, что ребенок зимой не мерзнет. У многих местных жителей затылок плоский – след долгого пребывания в аквани.

Вокруг дома с трудом отвоеванная земля. Она занята под большое кукурузное поле и несколько грядок с зеленью. Женщины - хозяйка и взрослые дочки – постоянно работают то на пашне, то в доме.

На ярком солнце играют краски зелени. Буйные травы выросли выше человеческого роста, шумят горные ручьи и реки. Ходить по влажной жаре среди высокотравья совсем непросто.

Нижнее Хино, у дома Романадзе

Андрей, согласно договору, должен ехать в Дагестан. Мне не хотелось расставаться с Андреем и Павлом, и я решила поехать вместе с ними до Махачкалы. Из Тбилиси всего за несколько часов мы пересекли Кавказский хребет и в середине дня были в Орджоникидзе, а во второй половине дня уже ехали по предгорьям Северного Кавказа, мимо Грозного.

В Махачкале мы остановились у Патимат Бековой – старой знакомой, которая в далекое уже время нашей работы в Главном ботаническом саду писала диссертацию по марене красильной. В настоящее время она работает в педагогическом институте. Несколько дней в ожидании машины мы ездим в окрестностях Махачкалы. Самое интересное – бархан Сарыкум. Настоящий, такой как в пустынях, реликтовый бархан. На подъеме на бархан ноги вязнут в раскаленном песке. Андрей не знает усталости. Павел от него не отстает. Я изнемогаю. Флора очень интересная. Немного утолили жажду полувысохшими мелкими плодами абрикоса, выросшего на песке. С одной стороны строители постепенно «откусывают» бархан, увозят песок. Пришла машина, Андрей уехал в горы. Я тем же путем быстро пересекла предгорья и к концу дня оказалась в таком же жарком Тбилиси у моей близкой подруги, заведующей гербарием в ботаническом институте Заиры Гвинианидзе. Теперь Заиры нет в живых. Остались светлые воспоминания о необыкновенном ее гостеприимстве, замечательной семье, где мне было всегда тепло.

По возвращении из Дагестана в Москву у Андрея разыгрался сильный приступ радикулита. Он в отчаянии прилетел ко мне на Зеленый мыс в отпуск. Я организовала сеансы в лечебнице под названием «Серные ванны». Она находится в поселке Махинджаури. Нужно идти два километра в глубь поселка по пыльной дороге, посыпанной гравием, и вы оказываетесь в темном ущелье, откуда бьет источник тепловатой серной воды. Серный запах в ванной едва ощущается. Я вспоминала серные реки на Курилах и на Камчатке.

По дороге Андрей просматривает все обочины дорог, насыпи железной дороги в поисках новых растений.

После нескольких сеансов массажа и серных ванн со спиной у Андрея стало легче. Мы снова отправились в высокогорья Кинтриша.

Конец августа. Ночами уже сильно холодает. Совсем скоро скот отгонят с пастбищ. Погода стоит прекрасная. Видимость идеальная. В высокогорья из Нижнего Хино идем пешим ходом. Взяли с собой только папки и бумагу для гербария. Теперь мы хорошо знаем дорогу, и на яйле Сарбиела

остановились в малюсенькой избушке под горой. Вместе с толстой хозяйкой мы с трудом поместились на грязных полатях. К вечеру под избушкой собирается скот. Ночью под его мычание спать очень трудно. Рано утром хозяйка, заполняя почти все пространство избушки, совершает намаз, обратившись на восток.

Горные ущелья, заросли рододендрона кавказского, перевалы – все ярко и четко в солнечных лучах. Мы стоим на одной из вершин Малого Кавказа. Горные цепи Большого Кавказского хребта вдалеке очень хорошо просматриваются. Отсюда можно перевалить по другую сторону хребта и оказаться в Мингрелии, в Бахмаро. Торные тропинки, существующие тут веками, ведут и в противоположную сторону – на перевалы, к Аджарисцкали.

Поездки 1990 г.: Июнь -Абхазия (верховья Бзыбского ущелья, озеро Рица), Аджария (Хино, Сарбиела), Дагестан (Махачкала, бархан Сарыкум, высокогорный стационар Куруш). Август: (Хино, Сарбиела).

Публикации 1990 г.: Вышло четыре работы. Среди них «Система двудольных на основе закона дивергенции» – результат его доклада на эволюционной конференции. И вторая, совместно со мной, – «Зимнецветущие растения Аджарии». Мы выделили группы растений по ритмам развития.

1991 По-прежнему, читая газеты, слушая радио, Андрей живо реагирует, пишет письма в газеты, часто их не отправляя.

> Письмо академику Д. Лихачеву: «Глубокоуважаемый академик! (Извините, не знаю Вашего отчества, а писать академику просто «Дмитрий» как-то неудобно). Так вот, дорогой академик Д.Лихачёв! Хорошую статью Вы написали в «Известиях», согласен на все 100, но все же с чем-то не вполне. Начиная с заголовка. Почему «культурное одичание грозит»? Да оно уже давно есть, мы все одичали по самую макушку, и кто-кто, а Вы-то хорошо об этом знаете, общаясь с власть предержащими, с партийной так называемой элитой. Это же сплошь дикари и варвары, а ведь они-то и управляют нами ¾ века. Вот о чем надо бы сказать ясно и четко.
>
> Дикари и уголовники захватили власть в октябре 17-го года и держат ее до сего времени. Чему же тут удивляться? И что за легенды о культуре «ленинской гвардии», Луначарском, к примеру, или Бонч-Бруевиче? Да разве культурным людям было по пути с разбойниками? Тем более – нравственными.
>
> Больше всего меня, конечно, в Вашей статье удивило то, что Вы как бы сами еще не знаете, что такое нравственность, какова она, и почему-то не сочли нужным об этом сказать. Помилуйте, как можно говорить о нравственности вообще, не сказав ничего конкретного, хотя бы библейского: чти отца и мать свою, не убивай, не воруй, не лги. Да ведь мы погрязли не просто в безнравственности и бескультурье, а именно конкретно: в воровстве, во лжи, в злобе какой-то (а ведь сказано в Писании: люби ближнего, как самого себя – отчего же об этом прямо-то не написать, будто тут надо и впрямь быть сверхакадемиком?). Правильно о нас говорится – империя Зла, империя Лжи. Нельзя поднимать культуру и тем более нравственность «вообще». Без борьбы с конкретным злом – ложью, воровством, жадностью – тут никак не обойтись. Гуманитарное воспитание – это хорошо и даже прекрасно, но когда-то еще умные ученики догадаются, что врать и красть плохо. Прямо об этом надо говорить, учить надо непосредственно правдивости, честности, щедрости. Ну, конечно, без личного примера тут никак не обойтись. Трудно будет учителям, но иного пути нет. Сколь

угодно долго можно твердить о коммунистической морали, получая обратный результат, если ты сам член КПСС. Вот, кстати, – материальный носитель всякой безнравственности, лжи и лицемерия, с ним и надо бороться конкретно. Если быть до конца честным – так Вам надо и сказать, – падаем мы в пропасть одичания благодаря именно этой так называемой партии (номенклатуре); борьба за культуру, за нравственность поэтому – борьба с КПСС.

Дальнейшие рассуждения о том, что быть слабым – не позорно (по поводу завоевания Гитлером Франции, Польши), извините, мне кажутся весьма сомнительными. Может быть, к нравственности и морали это и не имеет отношения вовсе? Ну, а потом, все же в силе, физической силе ничего ведь предосудительного нет? А у вас получается так, что вот быть художником да писателем – это да! Быть слабым – можно, ничего, а вот быть сильным – не то чтобы плохо, а как-то все же сомнительно. А как же «в здоровом теле здоровый дух»? А занятия спортом, это что – не так уж и важно? Ну, хорошо, думаю, что просто как-то неудачно у Вас получилось со стилем и что основная мысль Ваша – что силу надо употреблять во благо, а не во зло.

Далее. «Захват чужих территорий – позор!» Ваша мысль? Чудесно звучит, по-современному. Только ведь буквально вчера, да и сегодня еще это считалось доблестью, и как это сразу вдруг – «позор!»? Надо ведь как-то обосновать, доказать. И как же тут не обойтись опять без библейских заповедей: не бери чужого, отдай своё? Да, сдается мне, что без конкретизации принципов и тут не обойтись.

И насчет «исторических прав» тоже не все так просто. А вдруг они обосновываются тем, что в прошлом как раз то-то и то-то у нас было захвачено? А раз захват безнравственен, так и отдайте нам захваченное! Вот, представьте, если бы гитлеровцы победили и загнали бы Россию за Урал, как грозили, разве безнравственно было бы требовать русским возвращения своих земель? Или вот пример не абстрактный, а конкретный: крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхетинцы. Разве их требования безнравственны, если они хотят вернуться к своим очагам, хотя и давно потушенным и разграбленным?

Ну и последнее, насчет источников финансирования. Хорошо, конечно мечтать о меценатстве «больших предприятий и торговых организаций», боюсь только, что долго, лет 100. Ведь пока народ еще дорасти должен до понимания необходимости этого, то есть меценатства, народ жесткий, хваткий, оборотистый. Будет такой народ меценатствовать! Армия… ну что тут скажешь? Ведь и сейчас полно стройбатов, а что толку? Опять-таки сначала воспитать народ нужно. И офицеров и солдат, а то ведь того и гляди, одна половина армии перебьет другую (дедовщина!).

Виноват. Еще последнее. По поводу законов. Да их и сейчас полно, одних досок «охраняется государством» сколько поразвешано. Правда, как украшение. Законы есть, да на них плюют. Власть предержащие. Потому что дикари и невежды. Люди новые нужны, а не законы. Тогда и наказаний не нужно будет, ибо настоящим наказанием будет моральное осуждение общественного мнения. Только до этого, конечно, дорасти надо, а точнее и правдивее – сбросить власть КПСС, ибо именно в ней средоточие всякой дикости, произвола, невежества, лжи, зла, лицемерия. Вот против чего Вам бы направить свои стрелы, и это было бы самым нравственным и моральным. Разоблачение реакционной сущности этой эксплуататорской

организации, государственной мафии».

В середине апреля Андрей прилетел на Зеленый мыс. Дато Гвианидзе – сотрудник ботанического сада - везет нас в село Мачахелу. Он родом, как и многие мои коллеги, из горной Аджарии. За Хелвачаури, вверх по Чороху, у слияния Аджарисцкали с Чорохом на горе у него родовой дом. За горой, всего в нескольких километрах, в Чорох вливается Мачахела. Она низвергается с горы Карчхал по узким каньонам почти у границы с Турцией. Поэтому ранее это место для ботаников было совершенно недоступно. Едем. Почти на каждом шагу Андрей останавливает машину и лезет вверх на склоны, принося охапки свежесобранных растений. Растения блестят на солнце, отмытые весенними дождями. Собираем в основном травы, лес давно сведен. Едем выше и выше. Доезжаем до маленькой деревни - дальше дороги нет. Отсюда огромная гора Карчхал совсем близко – рукой подать. Но она за границей, на турецкой стороне. Обратно на машине едем быстро вниз. В Аджарии все рядом, и вместе с тем все разное. Каждое ущелье имеет свое лицо, а главное, отличается от побережья. Не прошло и часа, как мы подъехали к дому сестры Дато, недалеко от Батумского аэропорта. Многие жители горной Аджарии переехали в окрестности Батуми. Милая полная улыбающаяся женщина одета по тамошнему обычаю в байковый халат. Потчует нас лобио, то есть фасолью. Еда очень вкусная. Двор заасфальтирован, ни одной травинки. Только большое дерево лавровишни у калитки, темнеет жесткими блестящими листьями. Его основание также залито асфальтом. На ветвях большие свечи ароматных соцветий, вокруг которых вьются пчелы. Их так много, что стоит гул.

Следующая поездка в горную Аджарию, в окрестности Шуахеви. От села Замлети по крутым склонам, цепляясь за ветви и стволы чорохского дуба, то поднимаемся, то спускаемся в ущелье Аджарисцкали. Одна из ценных находок – желтая асфодель, выросшая на крутом склоне. Достать ее трудно. Позже мы еще раз обнаружили её в Чирухи. И спустя несколько лет – еще раз уже в Турции. И всегда в этих краях она растет одиночно. Желтый цветок смерти (по греческому преданию) каждый раз добывать нам было трудно.

С 22 по 29 апреля в Тбилиси проходил 4-й конгресс европейско-средиземноморского отделения МАБС. Что означает МАБС, до сих пор для меня осталось загадкой. Конгресс – сказано слишком пышно. Иностранцев – раз-два и обчелся. Их лелеяли как самых-самых.

В программе – экскурсия по ботаническому саду. Он отгорожен от города отрогом Коджорского ущелья. Крутые склоны гор с дикой растительностью прорезаны узкими параллельными тропинками. Андрей отдельно от толпы лазает по склонам. Я беседую со Звиргстом – известным ботаником-дендрологом из Риги. Одновременно, одним глазом, с верхних дорожек слежу за тем, как Андрей исследует крутые склоны ущелья, рассматривает то, что растет под ногами. Не хочу терять его из вида. Это уже вошло в привычку. Звиргст мне говорит, что хорошо знаком с нашими работами. «Слишком многое говорится по пути, скороговоркой!» – говорит он. Я возражаю – лучше сказать, хоть скороговоркой, чем вовсе ничего не сказать.

После конгресса несколько поездок. По пути в Боржоми заезжаем в Гори, чтобы увидеть домик Сталина. Это знаменитое место – предмет поклонения. Простой домик окружен мраморными колоннами.

Зеленый мыс. Семья

В Кахетию – Телави и Лагодехский заповедник – поездка сопровождается приятными застольями с множеством разнообразных вин, осмотром имения Чавчавадзе. Все говорит о щедрости, радушии и гостеприимстве. Особо подчеркивается, что русские в течение всего XIX века грабили Грузию, увозили в Россию главные ее драгоценности. Одновременно забывают, что весь XIX век Грузия, ранее раздираемая соседями, была под прочным патронатом России.

У Андрея все эти чванливые, несправедливые высказывания вызывали протест. Он заступался за родную державу – Россию, вступал в споры. Вроде бы тихий человек, но в некоторых случаях бескомпромиссно лез на рожон.

Лагодехский заповедник Андрею был хорошо знаком. В 1989 году они с Павлом провели здесь несколько дней, поднимаясь в высокогорья. Андрей сразу же откололся, ушел вверх. Обратно вернулся грязный, с полной папкой. Пришлось отмываться в ручьях.

И снова мы разъезжаемся. Его майские письма полны энергии, заботы о доме. Он, словно по традиции военных лет, сообщает цены на продукты. По талонам отоваривает сахар и водку. Ходит за ветеранским пайком для своей матери.

Андрей отослал тезисы на высокогорное совещание. Одновременно написаны тезисы на совещание по ароидным. Пишет мне с досадой, что пропустил время подачи на конкурс в Главный ботанический сад. На какую должность он рассчитывал? Не знаю. Но видно – работой в МГУ он не удовлетворен.

Из письма: «Тихомиров мне выговаривал, мало, мол, забочусь о саде, надо больше, а в конце концов оказалось то, что надо сдавать его в аренду, голландцам или еще кому. Впрочем, зарплату платят».

Дагестан. Куруш

Наши знакомые, молодая пара Люда и Гриша Йордановы, живут в Болгарии. Андрей списался с ними и получил вызов. Дело оставалось за валютой. Но даже по закону разменять советские деньги на валюту было делом немыслимым. Жители среднеазиатских республик занимали очередь огромными кланами. Андрей наивно, каждые 10 дней, ходил в эту очередь, отмечался почти все лето. Никуда не ездил и досадовал. Потом махнул рукой на это дело и поехал в Дагестан, вместе с сыном, выполнять условия договора.

Он дал слово приехать на Зеленый мыс ко дню рождения Павла – 11 августа. И выполнил. Приехали они грязные, уставшие. Из Куруша он описал два вида колокольчика и один род колокольчиковых. Работали они и в Цейском ущелье. Андрей и Павел крайне немногословны. Слова не вытянешь. Но в этот раз Андрей с жаром рассказывал об обратной дороге, где они совершали чудеса героизма. С трудом забирались в тамбур поезда. Андрей под впечатлением надвигающейся анархии, развала. Второе, о чем он рассказывал, – так это про культ Сталина. Осетины считают Сталина своим, осетином.

На машине ГАЗ–66 вместе с сотрудниками ботанического сада поехали в высокогорья, на яйлу Чирухи. С нами едут Давид (Дато) Гвианидзе, Гия Леонидзе и Нино Манвелидзе. Проезжаем Цаблану. После обвала остался голый обрыв. В высокогорьях, на яйле остановились в доме лесника. Внизу ночует скот. Мычат коровы. Снизу поднимаются неприятные испарения.

Наутро мы увидели удручающую картину. Вся почва изрыта копытами. Летние домики стоят рядами, поднимаясь по небольшим ущельям выше на яйлу. Дорога размыта. Везде овраги. У подножья Арсиянского хребта главная широкая грунтовая дорога соединяет между собой заставы. От нее в стороны расходятся дороги второго, третьего порядка, а затем скотобойные

тропки. Только на крутых скалах, там, куда не могут забраться голодные коровы, можно кое-что выкопать. Перебираясь с одной скалы на другую, доходим до вершины, откуда открывается вид на турецкие выпасы.

Застава Чирухи находится у соединения Арсиянского и Шавшетского хребтов. Только на нейтральной полосе можно представить, как выглядели ранее высокогорные луга. Травы пестреют красками, стоят высоко. В ложбинах они по пояс. Нам разрешили ходить по нейтральной полосе в сопровождении вооруженного пограничника.

Аджария. Шавшетский хребет. На границе

В конце августа, ночью я слушала радиостанцию «Свобода». Ушам не поверила – в Москве государственный переворот, слышны крики толпы. В то время я не знала, что среди людей, собравшихся у Белого дома, был и наш сын Павел. Днем смотрела по телевидению «Лебединое озеро», ждала известий. Но тревоги не было, а была твердая уверенность в том, что старое, советский строй вернуть невозможно. В этом же был уверен и Андрей.

В сентябре я приехала в Москву, где все-таки были куплены билеты на поезд до Софии. Андрею удалось закупить какой-то дефицит, который мог компенсировать наше пребывание у знакомых Йордановых. Валюту получить так и не удалось. Выручил брат Люды. Где-то были раздобыты доллары и там, в Болгарии, разменяны на левы – болгарскую валюту, без которой передвижение по стране было бы невозможно. Все складывалось как нельзя удачно. Известный ботаник Рудольф Камелин снабдил Андрея рекомендательными письмами в ботанический институт в Софии, в музей природы.

Андрей еще с весны намечал интересующие его маршруты. Первая поездка в Мальовицу в Родопах. Можно попасть в высокогорья, в альпийскую зону.

На туристическую базу, расположенную в лесном поясе, раз в день идет автобус. Сначала дорога идет вдоль холмов с буковым лесом. Выше начинают появляться ельники. Автобус останавливается у небольшой гостиницы для туристов. Нас предупреждают: обратный рейс будет в 4 дня. Другого транспорта нет.

Надеемся подняться в высокогорья и вернуться в срок. Проводника у нас нет, ориентироваться трудно. Горы затянуло туманом. Собирается дождь. Вокруг густые заросли соснового стланика (Pinus mugo). Как две капли воды он похож на кедровый стланик, в зарослях которого мы много

раз продирались в Охотии. В зарослях горной сосны ходить так же трудно, как и в кедровом стланике. Нас накрыло дождем с туманом, видимость минимальная. Мы давно вымокли, но упрямо ползем вверх. Я начинаю беспокоиться – вероятно, мы заблудились. Но Андрей, расстроенный жалкими сборами, считает, что нет. До высокогорий так и не добрались. Идем в полном тумане. Заблудились. Андрей ошибся первый раз в жизни. Со скандалом я настояла на своем и оказалась права: по туристической тропе спустились вниз к шоссе. Там нас, совсем мокрых, на пути вниз, в Софию захватил автобус.

Оставив почти высушенный гербарий, мы уехали на юг, в Петрич. Остановились в уютном лесничестве. Лесам в Болгарии придают особое значение, чуть ли не почитая их священными. В тихой гостинице с балкона свешиваются огромные, длиной с локоть, гроздья уже спелого винограда. Нас зазывает к себе в гости работница лесничества. Угощает пивом. Особое внимание она оказывает Андрею, который стремится закладывать гербарий, а нашей соседке нужен компаньон.

Экскурсия в каштановый лес на границе с Македонией. Ходим по нейтральной полосе, совсем рядом с Грецией. Вокруг старые каштановые пни. В лесу очень сухо.

На обратном пути из Петрича заехали в заповедник в горах Пирин. Вышли на полустанке, а рюкзак с гербарием спрятали в кустах. По сухим холмам с редким можжевельником переваливаем с одного холма на другой. Так же, как и в Средиземноморье, в сентябре сильно печет солнце, осеннего холода нет. Находим маленькую, умещающуюся на ладони черепаху. Назвали ее Пеатриче.

Под конец своего пребывания в Болгарии мы экскурсировали в окрестностях Софии. На Искырском водохранилище поднялись на сухие холмы. На гребне попали в очень густые и колючие заросли терна. Обратно спустились по очень крутым склонам, заросшим дубняком.

На вершину Витоши - горы над Софией высотой 2290 м, - нас поднял подъемник. Сильный холодный ветер на плато не давал спокойно собирать.

Осенью в Москве Андрей нездоров: болят зубы, искривился и болит позвоночник. Идти к врачу не хочет, только жалуется. А кому он может еще рассказать о своих недомоганиях? Дома в Москве он – глава семейства, а жизнь с каждым днем становится все более суровой и непредсказуемой.

Андрей хотел поехать ко мне на Зеленый мыс, но пристала Тужилина – бойкая дама, издающая маленькие просветительные брошюрки по линии общества «Знание». Когда на Андрея нажмут – отказать не может. Андрею очень захотелось написать популярно о биоморфологии. Он назвал небольшую книжку «Что такое биоморфология». Писал, писал и уложился в срок. А Тужилина исчезла, как и исчезло ее издательство «Знание». Так и не удалось осенью ему приехать на Зеленый мыс. Потом он очень тужил по этому поводу. Все уже разваливалось. А рукопись до сих пор лежит в столе.

Осенью на него навалилась масса дел. Вот что он мне пишет 16 октября: «Уже половина октября прошла, а к брошюре я и не притрагивался. Некогда: то хоз. дела (мытье окон, химчистка, магазины, дача), то отзывы надо писать (две диссертации, автореферат, статья из «Бот. журнала»), то отчеты (тоже не менее двух). Силы уже не те, вечерами, если перед этим не поспишь часа два, работается не более часа же, только утром остается часа 3-4, а тут ведь еще гербарий: аджарский, дагестанский, осетинский, болгарский!»

И еще в том же письме: «Хорошо, хоть недомогание прошло, а то после вашего отъезда еле передвигался дня два-три. Вероятно, реакция после напряжения и перемена климата после Болгарии. Появился сахар, но что делается! Прямо не то, что толпы, а именно массы, самые

всенародные. Даже и не очереди. Да. Хорошенькие времена нас ожидают. И с хлебом перебои. А в остальном, прекрасная маркиза – все хорошо, все хорошо!»

Провожая дочку и внучек из Батуми в Москву, в аэропорту, в свалке я потеряла паспорт. Это сломало все планы. На восстановление паспорта ушло более трех месяцев! Требовалось удостоверение моей личности из Магадана и еще свидетельство о браке. А оно лежало где-то в Москве… И это там, в Махинджаури, где я выросла и впервые получала паспорт!

Мы были в разлуке. Поэтому переписывались чуть ли не каждый день. Андрей полон сочувствия, соскучился, хотя мы виделись совсем недавно.

Пишет: «Так что в эти продуктовые и очередные (очередь) заботы я вполне вжился, трачу на них значительное время, стою, горжусь, когда достану колбасу или, к примеру, печенье. Вот только очереди за сахаром и водкой пока нам недоступны. Еще я не созрел, чтобы стоять и записываться с ночи. Но, может быть, будет такое. Скорее всего, все к тому идет».

«У меня на почве ежедневных тревог по поводу продуктов и денег, как я думаю, развились многочисленные неврозы. Прежде всего, заболели все зубы. Сразу, но главным образом с левой стороны. Правда, иногда затихают, иногда болит макушка, как игла пронзает. Позже – шея слева. Справа – бок. Хондроз в основании черепа. Просыпаешься с болью и засыпаешь. Пишу не для того, чтобы жалела, а для обрисовки обстановки. Хлеб кончается. Надо идти стоять полчаса. За молоком очередь метров за 100 от дверей магазина».

И еще: «Вообще в Москве страшные слухи ходят, что зимой ничего не будет. Да и сейчас сахара нет. Выбросят кое-где, так сразу огромная толпа набегает. Вчера получил ветеранский паек матери, так просто смех: маленький кусочек масла 100 грамм, столько же сыра, баночка сгущенки, полкило колбасы. В магазины выбросили вареную колбасу, так за ней толпы, никуда не протиснешься, а так в магазинах пусто. Но, правда, Оля как-то устраивается, главным образом тем, что перешла на вегетарианство. Да это всем нам предстоит. Еще перестала употреблять соль. Я тоже стараюсь, но пока не совсем удачно. Видимо, самое верное – отвыкнуть от всего: и от соли, и от сахара, и от масла. Даже за хлебом кое-где очереди».

В конце ноября: «Дела мои таковы: две защиты прошли, где я был оппонентом, одну статью в «Бот. журнал» отправил, где я с Куваевым. Остался отчет по работе, статья о каштане, свои две статьи в «Бот. журнал». Кроме того, необходимо быть на заседании ГБС, посвященном памяти М.В. Культиасова, 14 ноября».

«В.Н. Тихомиров заставил меня выступить на семинаре на кафедре высших растений в МГУ. Я выбрал тему: «Жизненные формы и их категории» по своей книжке 10-летней давности («Эволюция биоморф растений»). И что бы ты думала? Восприняли все как совершенно новое, во-вторых, отвергли с порога как нетрадиционное. Я просто обалдел от удивления – и это МГУ, рассадник новых знаний! Говорят: не надо нам вашего определения жизненной формы, давайте серебряковское. Я говорю: «Чем же мое плохо?». Снова зачитываю, медленно, каждое слово, нарочно останавливаюсь, чтобы все ясно было. Ничего конкретно сказать не могут, т.е. возразить нечего, а вот просто так: не хотим, и все, будто речь шла о приглашении к трапезе. А Тихомиров онтобиоморфы одобрил, видать, в виде утешения. Ну, каков академик, в руках которого судьбы науки?»

Я хлопотала о получении нового паспорта, взамен потерянного. По этому поводу время от времени ездила в Хелвачаури – районный центр. С Зеленого мыса до Батуми на автобусе 10 километров. Из Батуми на троллейбусе еще столько же, вдоль аллей огромных эвкалиптов, посаженных при осушении Кахаберской долины. И только тогда попадаешь в «страну Хелвачаурию», где находится райсовет, а над ним обком КПСС и другие присутственные места.

В декабре темнеет рано. Электричество гаснет неожиданно, часто во всей Аджарии, и тогда жизнь останавливается.

Село Махинджаури, где я когда-то кончала 8-летнюю школу, находится в 2 километрах от моего дома. В чернильной темноте я нащупывала ногами дорогу, шла мимо сельсовета (тогда это уже звучало по-грузински сакребуло). Неожиданно провалилась в яму, но неглубоко. Вылезла. Вымазанная в грязи я, буквально заползла на гору, к себе домой.

Наутро непогода сменилась ярким солнцем, и я поехала в Батуми звонить в Москву. Из автобуса я увидела яму, в которую провалилась накануне, содрогнулась. Яма была глубоким колодцем, наполовину наполненным водой. Он остался от недостроенного водопровода Чаква-Батуми. По счастливой случайности, в темноте, я попала ногой на маленький бортик. Еще шажок - и я бы обязательно ухнула вниз, и вероятнее всего навсегда….

Все годы моей жизни в Аджарии, с 84-го года, впрочем как и в Магадане, я была привязана к телефонной станции. В то темное время разлуки и ожиданий я старалась звонить при каждой возможности, почти каждый день. Ездила в город, то есть в Батуми. Это выглядело так: в кабинах автоматы горстями «поедают» драгоценную денежную мелочь. Часто бумажные деньги не разменивают, мелочи не хватает. В очереди курят, иногда в лицо. Но я привязана невидимыми нитями к этим кабинкам, к телефонной станции. Успокаиваюсь, только когда слышу родные голоса.

Деньги, скопленные на Колыме, обесценились. Инфляция.

Зеленый мыс. По шоссе на Батуми течет поток машин, груженных самыми разнообразными товарами, в основном велосипедами. Он устремляется на таможню за Батуми – Сарпи, а оттуда в Турцию. Там этот товар можно обменять на доллары! Но для получения визы, паспорта, нужен хоть маленький капитал, которого у нас нет. Андрею очень хочется попасть в Турцию для обследования, особенно той части Турции, которая до 1918 года относилась к Российской империи.

Уже составлен список флоры Аджарии, выделены типы растительности, выделены редкие виды. Кроме Аджарии, Андрей вплотную занимается флорой Куруша в Дагестане.

Поездки 1991 г.: 1991-ый год – плодотворный и напряженный. Это 5(!) поездок по Кавказу и поездка в Болгарию. В Аджарии он побывал два раза – весной и летом. Был участником средиземноморского конгресса.

В апреле: Аджария (Мачахела, Замлети, Шуахеви), Грузия (Телави, Лагодехи, Коджорское ущелье, Боржоми). Июль: Дагестан (Куруш), Юго-Осетия (Цейское ущелье). Август: Аджария (яйла Чирухи, яйла Сары Чаири, Шуахеви). Сентябрь: Болгария (София, гора Витоша, Мальовица в Родопах, Петрич, горы Пирин, склоны Искырского водохранилища).

Публикации 1991 г.: Подготовлено к печати семь статей. В 1991-м году вышло 14 работ, в основном посвященных флоре Кавказа. Самые главные (совместно со мной) вышли в «Журнале общей биологии»: «Базальные и медиальные девиации в эволюции жизненных форм высших растений» и «Классы метамеров деревьев».

1992 5 января 1992 года Андрей пишет мне последнее перед моим приездом письмо. Сильно скучает, ужасается, сравнивает положение в Грузии с 1918 годом. В то же время меня представили к званию главного научного сотрудника. Объявлен конкурс. Это вселяет надежды.

Из письма: «Вот ведь в Тбилиси как обернулось, кто бы мог подумать, при таких-то их заверениях (помнишь Ратиани на конгрессе), что они не дикари. А вот поди ж ты, оказались самыми отъявленными дикарями. Хуже, чем где бы то ни было. Но надеюсь, что дни Звиада

(Гамсахурдия) сочтены. Медленно, но верно этого фанатика убирают. Дай-то Бог. Но если не сейчас, то все равно это неизбежно. Рано или поздно его уберут, и политика изменится в лучшую сторону, то есть в пользу негрузин. Правду сказать, грузины все же лучше, чем другие, в частности, чеченцы. Эти уж совсем дикари. Все сейчас надеются, что мы переживаем самый пик всяких невзгод, месяца 3-5, и после – полупшает. Лишь бы тебе удалось вырваться побыстрее». И я буквально «вырвалась».

27 января проходило очередное совещание по филогении растений.

В МГУ, на кафедре высших растений Вадим Тихомиров отмечал свой 60-летний юбилей. Было много гостей. Пришло много народу с других кафедр. В большом, темном коридоре расставили длинные столы. Произносились тосты. Пришло много уже остепененных учеников Вадима Николаевича. Это их любимый учитель, с которым его учеников связывает полевая практика, студенческие песни. Вадим подарил мне тогда маленькую книжечку «Звенящие ландыши» с собранием его лирических стихов, вероятно, написанных в молодые годы. На развороте книжечки на двух страничках перечисляются его многочисленные регалии, что не вяжется с милым, бесхитростным содержанием стихов.

Завершил банкет просмотр слайдов – воспоминание о полевых практиках последних лет в Мордовии. Именно таким я и представляла заведующего кафедрой: и знающим, и демократичным человеком.

Я говорила Андрею, что напишу о нем книжку под смешным названием «Одержимый птенчик». Дело в том, что иногда я звала в шутку Андрея «птенчиком». Савелий Томирдиаро – наш магаданский знакомый, уехав в Ленинград, написал нам письмо. Жаловался на одиночество и писал: «Никто меня не называет птенчиком…»

В начале марта я опять улетала на Зеленый мыс. Опять привычная задержка. Сижу в грязном аэропорту. Пишу впечатления, озаглавив: «Мой одержимый птенчик». «Каким я на этот раз нашла Андрея? Сильно поседел, но похудел. Соскучился. Одежда старая, ходит в куртке, купленной еще в Магадане в 84-м году. Дом в полном развале, и ему от этого трудно. У машинки – нашей верной «Оптимы» – буква вылетает, но чинить ее сложно. Организовать машину, для того чтобы свезти пишущую машинку в ремонт – сложно! Вот и печатает он с пинцетом, каждый раз выправляет буковку! Работает как вол, строго по расписанию. Встает рано утром и делает серьезнейшую зарядку. И кувыркается, и делает гримасу льва, до пота выжимается, завершая погружением в холодную ванну. Вода ледяная, и он выходит оттуда красным. Режим соблюдает жестко. С утра работает, днем едет на работу в ботанический сад. Работа его поглощает. За два месяца полностью обработан дагестанский гербарий и написан список растений Куруша».

Благодаря регулярной зарядке, обливаниям и режиму – полнота, такая сильная в 80-х годах, отступила. Но, несмотря на постоянные недомогания, поверхностный сон, невралгические боли, радикулит и испорченные зубы, – он считал, что лечиться у врачей вредно, нужно справляться собственной волей. Часто повторял: «Хочешь быть здоровым – будь им», так же, как и расхожую фразу о счастье, которую он также очень любил: «хочешь быть счастливым – будь им!».

27 марта 92-го года Андрей – участник совещания в Липецке, посвященном флоре Центральной России. Его доклада в программе нет. Там были заявлены всего несколько парадных докладов. Из письма: «В Липецке все было хорошо. Доклады, заседания, приемы, знакомства. Может быть, когда и придется снова втискиваться в Россию. А может быть, и совмещать. Месяц в Турции, месяц в Греции, месяц в Болгарии, а остальное в России. Мечты!»

Из письма: «Защита Кузнецовой прошла бурно, как и ожидалось. Твой отзыв зачитывался, еще

было три отрицательных отзыва, но ей как с гуся вода. Выступала Шорина. Крылова хвалила взахлеб. Потом я раскритиковал. Голосование такое, что я сам не ожидал: 7 на 7 при одном воздержавшемся, которым был я. Занял центристскую позицию. Гатцук с Шафрановой наперебой кричали: «Ваш ученый совет опозорился!». А позвольте, чем? ... Есть теперь у меня идея-фикс – самому заняться соцветиями. Прямо покоя не дает, все флористические спектры полетели и все прочее. А так хорошо получились «Жизненные формы плодов и семян» для Войтенко».

(В. Войтеко – преданный ученик Р.Э Левиной в Ульяновске, организовывал совещание по репродуктивной биологии. Андрей послал туда тезисы.)

В этом письме много от характера Андрея. Кузнецова интересуется ботаникой, разбирается, много работала - значит, чего-то заслужила. При всей его антипатии к ней – черный шар бросить не может. Для него человеческие отношения – не главное, главное – наука. А тема у Кузнецовой новая, еще неразработанная - соцветия. Это так интересно! И он, как это часто бывает, загорается. Теперь ему очень хочется заниматься соцветиями!

В архиве лежит письмо, адресованное Геннадию Федосеевичу (фамилии и адреса нет). Некоторые мысли этого большого письма интересны. «Письмо Ваше прочитал. Оно напомнило мне защиту своей собственной докторской по филогении и систематике лилейных, которую я защищал во Владивостоке (БПИ) в 1974. Она же явилась причиной (основной по крайней мере) переезда в Магадан в 1970 г. т.к. в Москве в ГБС была сильная оппозиция во главе с Ворошиловым. Сейчас-то он старый и смирный, сидит дома и пишет небольшие статейки в Бюллетень ГБС и даже в мою честь описал один новый вид с СДВ (Север Дальнего Востока). А тогда он был во главе отдела флоры ГБС и считал меня молодым выскочкой (в 1969 г. мне было 36 лет). Я и сам понимал, что чем больше филогении и всяких новых эволюционных законов – тем хуже, и поэтому старался все больше свести к систематике. Я тогда разделил лилейные на несколько семейств (точнее, восстановил ранее выделенные) как луковые, сасспарилиевые, иглициевые, триллиевые. Тогда это восприняли как оригинальничанье, а сейчас, благодаря Тахтаджяну, от лилейных вообще ничего не осталось. Так вот и получается по старой схеме: сначала – не может быть, потом – здесь что-то есть, и наконец – а это все мы уже давно знали», и ты сам оказываешься в дураках….

Тем не менее жить надо. И работать. А теперь конкретнее: то, что мхи – потомки зеленых водорослей и всех прочих высших растений, не новость, конечно. У Веттштейна есть схемка, которая это показывает. Но тем не менее сейчас господствует взгляд Циммермана на то, что мхи боковое слепое ответвление филогенетического дерева высших растений, и доказательство обратного (то есть точки зрения Веттштейна) может быть предметом защиты. Даже несмотря на то, что эта же точка зрения изложена и мной, так как у меня эта идея высказана, но не разработана детально. Есть только «голая идея», состоящая в том, что первичные мхи были плавающими и затем – лежащими на сырой прибрежной почве, со вполне дорзивентральными гаметофитами, со спорофитами, возникшими «де ново» и потому ортотропными. У Вас, насколько я понял, точка зрения несколько иная: мхи с самого начала обладали ортотропными и гамето – и спорофитами. В таком случае Вам надо дать ответ на вопрос: откуда у них взялась сразу такая механическая прочность? Ведь водоросли, как настоящие, так и водные цветковые, будучи вынуты из воды, как известно, «опадаются», их механические ткани ослаблены, т.е. сама вода их держит. И ничто в воде не способствует развитию механических тканей. Даже и у таких массивных водорослей, как бурые – ламинария, нейроцистис, саргассум, несмотря на наличие стеблеобразных частей, они вне воды их не держат, не стоят. Ну, а с зеленых и вообще взять нечего. К примеру, хары – на что уж обизвествленными бывают, жесткими, и те «стоят» только в воде.

И потом надо Вам объяснить обратное: как из прямостоячих мхов возникли лежачие, каковы все маршанциевые – юнгерманиевые, в общем, все печеночники. С моей точки зрения, объяснять тут нечего, так как это - первичный признак. А с Вашей – дело другое. Ведь стоять – иметь преимущество в дальности разноса спор, а тут вдруг утрата такого важного завоевания. Отчего?

Но более важный вопрос, который касается одинаково и Вас и меня – это промежуточное звено между мхами и другими высшими растениями. И по гаметофитам, и по спорофитам. Вы, как я понял, придерживаетесь той точки зрения, что первичные наземные растения были изоморфными. Но ведь доказательств этому нет, а только догадки об этом. То, что у гаметофитов псилотов есть устьица, доказывает только то, что они были первоначально наземными, но не ортотропными.

Но я, к сожалению, слаб относительно того, какие есть данные у современной палеоботаники относительно гаметофитов риниевых и прочих куксоний. Вообще тут без палеоботаники не обойтись, особенно без находок настоящих мхов. Когда я писал свои писания относительно первичности мхов как предков высших растений, то их самые древние находки датировались пермью, а сейчас, кажется, гораздо раньше: верхним девоном. Надо их искать и в силуре.

А в целом я присоединяюсь к Вашим советчикам, которые советуют делать крен на флористику. Не потому что я не люблю филогении, а на основании своего опыта, когда я чуть было не «пролетел», три года ждал утверждения! Ведь на защите докторской жизнь не останавливается, и после нее пишите что хотите».

> Чтение газет снова вызывает его реакцию. Письмо в «Литературную газету»: «Дорогие товарищи! Право, ваше (и не только ваше) недоумение по поводу расстрелов, репрессий и т.д. меня уже давно удивляет. Ну что за загадка? Мистика? Рок, иррациональность, театр абсурда? Да не больше, чем весь этот социализм, мнимый и настоящий в целом. Раз уж эта утопическая иррациональность как-то воплотилась, так она и должна быть утопической и иррациональной, этот «социализм» и фашизм, или как там еще и должен быть театром абсурда. Почему? Ну, общий-то ответ, по-моему, ясен. Потому что социалистическое (так называемое) общество иррационально, оно не способно поддерживать себя естественным образом из-за отсутствия производительности труда. Потому что понятие о счастье и труде несовместимы. Абсурд – звать к всеобщему благоденствию и процветанию через «свободный труд свободно собравшихся людей». Потому что каждый ведь будет думать только о себе. Захотел – потрудился, захотел – отдохнул. «Землю попашет – попишет стихи». Идиллия. Тоже театр абсурда, хотя и не страшный, а напротив – завлекающий. Это на сцене. А за сценой ведь кто-то должен приводить все в движение. Из ничего что-то не возникнет. Вот за сценой и происходит настоящее действо. Кручение театральной машины. Что здесь? Ну, прежде всего начальство, которое точно знает, что делать, потом штат чиновников, конечно, актеры (писатели, поэты, художники, ученые и т.д. и пр.), потом рабочие сцены. Лишних здесь быть не должно! Зрители – только снаружи, в зрительном зале, а то ведь свои-то могут заподозрить, что что-то неладно, начнут шептаться, шепот дойдет до актеров, и те станут плохо исполнять свои роли и мир чего доброго догадается, что «король голый». А этого ни в коем случае допустить нельзя. Вот вам и первая причина, с октября 17-го года: все сомневающиеся, т.е., извините, не сомневающиеся в абсурдности любым путем должны быть из театра абсурда удалены: изгнаны, а еще лучше – тихо и спокойно уничтожены. Разумеется, как можно незаметнее для актеров. А так как по мере развертывания действия театра абсурда в этом абсурде убеждается все большее и большее количество людей, отсюда ясно, что с течением

времени качество ликвидируемых неминуемо должно возрастать. Это, разумеется, при условии, что главный пахан – человек более или менее умный, радеющий о своем театре, знающий всю механику. Потому что он знает: сомневающийся, хотя бы и молчащий, – это мина замедленного действия. Вот два первых пахана у нас были умными, по крайней мере, один – Ленин – точно. И сам понял, и своему напарнику строго настрого заказал: сорную траву из поля вон. А этот второй, хоть парень не промах, хорошим оказался только как ученик, хотя и первый. А вот учителя из него не получилось, Третий-то наш пахан оказался сущим дураком, даже скорее – дурачком, Никитушкой, за что и сам поплатился. Ну, а после него вообще о чем можно говорить? И пошло, и поехало все вкривь и вкось.

Это то, что касается расстрелов, убиения, так сказать. Но не забудем о ГУЛАГе. За одно уж объясним вам, зачем он. Так вот, театр, сцена, актеры – это все очень хорошо, но кто же их будет кормить? Ведь театр сам по себе нечего не производит, он только потребляет. Даже и полуголодных актеров надо кормить, а чем, откуда взять? Ну, вначале ограбили царскую казну, потом капиталистов и помещиков, церкви, потом за крестьян взялись, но ведь все это (и многое другое, вроде изъятия ценностей) – разово? А чего же тут можно придумать лучше того, что было придумано уже давным-давно – рабовладения и крепостничества. ГУЛАГ – это и есть рабовладельческие государственные хозяйства, где достигались две цели: и уничтожение инакомыслящих, и даже просто сомневающихся, и даже еще проще – с подозрением на сомнения (тут уж важно не само сомнение по себе, а раб в чистом виде) и извлекаемая из них польза для театра абсурда. Надеюсь, вы теперь все поняли? Нужны были рабы, чтобы работали и работали, бесплатно. Чтобы выработались без остатка. При чем тут национальность, образование, вероисповедание, пол, наконец? Вот когда расстреливали – тут образ мыслей что-то значит, вот здесь, умный пахан это, конечно, понимал, в первую очередь нужно уничтожать всех потенциальных противников, потенциальных сомневающихся, т.е. интеллигенцию. Все другое значения не имеет. А для рабовладельческого предприятия в первую очередь нужны физически сильные и здоровые особи. То, что уничтожался интеллектуальный и физический потенциал, получалось как-то уже само собой, попутно, так сказать.

Я уже писал в вашу газету по поводу необходимости суда над так называемой КПСС. Надеюсь, и эти соображения послужат материалом для такого суда. И чем раньше – тем лучше».

> Письмо в журнал «Знание – сила»: «19 мая. Дорогая редакция! До сих пор как-то не замечал, что «Знание – сила» это не только научно-популярный, но еще и научно-художественный журнал. Считал его только научно-популярным. Но вот прочитал статью Г. Любарского и убедился, что действительно – художественный, и даже без всякого «научно». Очень художественно и занятно написано, красочно, с юмором, с фантазией. Только при чем здесь «научно»?
>
> Я, конечно, понимаю, очень модно сейчас стало ссылаться на Любищева, Мейна, Раутиана. Подпустить что-нибудь из «Алисы» или на худой конец, из какой-нибудь другой сказки, вспомнить классиков античности или хотя бы Возрождения, в общем – блеснуть. Только ведь настоящая наука

делается без блеска и без треска. Зачем эти деланные сожаления, что система жизненных форм якобы рассыпалась? К чему эти деланные вздохи о том, что она еще выйдет из архива в живую науку? И при чем тут Гетеанская теория стиля?

Любой мало-мальски образованный человек, прослушавший курс ботаники, скажет, что все эти расширения и сжатия в растении – просто чушь. Ну, семя, положим, сжато, а все растение – вытянуто, а что это за сжатие в чашечке? Точнее сказать – сжатия, множество сжатий? Да такого рода сжатий и на стебле можно найти сколько угодно, стоит только взглянуть на ветви деревьев и кустарников осенью, полным-полно на них «сжатых» почек! А что это за новое расширение в цветке? Что, чашечка, тычинки и пестики – это не части цветка? А они-то как раз и сжаты, и что это за расширение в плоде? Ведь плод-то – это не что иное, как созревшая завязь, то есть тот же цветок! Да и семена (сжатие) – не сами по себе, а из плодов, в конечном счете из завязей! Да не у всех растений есть цветки, плоды, семена, и – ничего, живут себе без всяких там сжатий и растяжений. Обсуждать-то это как-то смешно.

А тут еще новый оракул нашелся – Юлиус. Как хотите, а ботаники такого не знают, да и не ботаник он вовсе, иначе бы не выделял «семь основных жизненных форм высших растений» прежде всего потому, что таковые уже давным-давно выделены и общепризнанны, а семь юлиусовских форм не обнимают всего разнообразия жизненных форм растений, хотя бы и высших. Куда скажете-прикажете причислить мхи, папоротники, стланики, очень своеобразные и характерные для высокогорий формы подушковидных растений?

Ну, положим, есть такие кактусы, у которых стебли уплощены, имеют вид лепешки (опунции), но большинство-то из них – древовидные колонны, как ветвистые телеграфные столбы, если уж о каком либо преобладании тут говорить, так именно – осевом! И ничего тут «под Гете» не подгонишь, потому что и у Гете, как он ни велик, ничего путного по этой части нет.

Ну, то, что автор (Г.Любарский) не знает ни строчки всей огромной ботанической литературы на тему о жизненных формах, – это понятно, поскольку он не ботаник, это ясно. Только вот зачем тогда пускаться в глубокомысленные рассуждения на тему, в которой сам ничего не смыслишь, вот занимательный вопрос для такого журнала как «Знание – сила». А вот то, что Г.Любарский не знает и зоологической литературы на избранную тему – тут уж только руками остается развести. Ведь недавно вышла огромная книга, страниц на 500, «Экоморфология» некоего Алеева, как раз посвященная классификации жизненных форм животных, со всеми этими «стилями»,«рефренами» и пр. и пр., тут уж не только юмор и не только смех… И ведь была рецензия на эту монографию в бюллетенях МОИП, так что мимо научного работника (не юмориста только) она никак не могла пройти мимо.

Конечно, много в статье и совсем не смешного, как, например, о том, что

биоценоз состоит из жизненных форм, что внешние признаки организма не менее важны, чем внутренние, о том, что эволюция совершается при ведущем изменении жизненных форм, о биоморфо-таксономическом несоответствии и пр. Только все это совсем не оригинально, обо всем этом писалось и не раз. А тут явно прослеживается покушение Г.Любарского на авторство.

Во втором номере «Знание - сила» за этот год была очень хорошая статья о дилентантизме и дилетантах. И как будто специально, ваша редакция в следующем номере публикует вышеизложенную статью Г.Любарского, которая иллюстрирует в живом, так сказать, виде, что же дилентантизм представляет собой на самом деле. Тут уж ей действительно не откажешь в юморе и остроумии.

С наилучшими пожеланиями процветания в наше нелегкое время

А.Хохряков. 19.05.92».

Двоюродная сестра Андрея Любовь Оганезовна Хохрякова и ее сын Рубен обратились к Андрею с просьбой отказаться от своей доли наследства в наследственном доме Хохряковых в поселке Ухтомская по Казанской железной дороге. И Андрей пошел навстречу. Но в шутку попросил за эту услугу 10 бутылок водки. Ездили к нотариусу, заверяли бумаги и также сердечно заверяли, что будут благодарны до гроба… Так оно и получилось. Когда я увидела Любу, Любовь Оганезовну у нас дома с большим портфелем, наполненном бутылками водки – была крайне удивлена. На мой вопрос Андрей ответил, что у него уже есть своя дача в «Отдыхе», поэтому он отдает Любе свою долю. Что касается водки, то это событие должно быть как-то отмечено, хотя бы символично, как-никак ходили к нотариусу. Водку он не пил и не любил, а любил вино.

Сегодня, спустя годы, Любовь Оганезовна этот благородный поступок расценила иначе… Высказала мне, мол, водка в те годы была дорогой, и Андрей дачу им продал в виде бартера. Слышать такие заявления мне было неприятно, обидно за Андрея. Сегодня этот дом в Ухтомской, совсем рядом с кольцевой дорогой уже находится на территории Москвы. Получилось, что этот благородный и на мой взгляд не совсем обдуманный поступок не объединил, а разъединил нас с родственниками.

В середине мая я ждала Андрея, он должен был прилететь в Батуми самолетом. Самолеты еще летали - целых три рейса в сутки. Но ни на одном из рейсов Андрея не было. Прошли сутки, я продолжала встречать. И опять я в аэропорту. Вдруг оказывается, что тот рейс, которым должен был прилететь Андрей, прилетел еще вчера… А его нет. Оставаться в аэропорту бесполезно, я еду на Махинджаурскую почту к моей подруге Миле Утянской. Сюда я хожу регулярно. Она соединяет меня с Москвой, накручивая какую-то старинную машину начала века… Иногда соединяет, и я слышу родные голоса. На сей раз связи нет. Я гляжу в окно, откуда открывается вид на море, на железную дорогу, которая тянется вдоль моря. В окно я вижу проходящий мимо длинный тбилисский поезд. Именно на этом поезде и приехал Андрей, но я об этом не знала. Совершенно опустошенная, иду домой и, заглушая тревогу, начинаю крутить собранный чайный лист (один из этапов приготовления чая). Но все внутри дрожит от тревоги, мысли роятся. Поднимаю голову - и вдруг в распахнутом окне вижу Андрея. Господи! Какое счастье! Оказывается, в Москве рейс на Батуми задержали. Тогда он сел на тбилисский рейс, а потом из Тбилиси приехал домой поездом. Слава богу... вся тревога позади. Мы вместе и надолго... Андрей приехал на все лето и был со мной без перерыва вплоть до 4 сентября.

Едем в Кобулети к нашему другу Джумберу. У него большая семья. Жена Джумбера Таня, родом из Твери, полна забот о доме. Семья большая – дочки с маленькими детьми, тихий сын. Идем на кобулетские, уже сильно деградированные болота. Ноги утопают в больших сфагновых подушках. Влажно и жарко парит. Главная достопримечательность – пышно разрастающийся большой папоротник, осмунда царская, по-царски раскрывшая огромные вайи. Она похожа на приземленный древовидный папоротник.

В верхней Аджарии, в горном селении Горджоми, живет отец моей приятельницы Наргиз Болквадзе. У нас на Зеленом мысу все зовут ее Додо. Так часто принято на Кавказе: у человека одно имя, но он носит совсем другую краткую кличку. Наргиз заведует в ботаническом саду медпунктом. Идя на работу, я иногда заглядываю к ней. Она темноволосая красавица и большая рукодельница. С огромным вкусом оформлен и ее гостеприимный дом на зеленом мысу, и клумбы сада. Фамилия отца Додо – Иремадзе, что означает в переводе «сын оленя». Наргиз давно приглашает нас поехать в горы к отцу – в Горджоми.

Маленький ПАЗ бойко поднимается по серпантинам дорог в верхнюю Аджарию. В высокогорном селении Хуло дорога сворачивает в одно из боковых ущелий Аджаро-Имеретинского хребта – противоположного Шавшетскому. В Хуло мы неожиданно встречаем ботаника из Москвы Андрея Георгиевича Еленевского, приехавшего в Батумский ботанический сад со своей преданной супругой Люсей и молодым корейцем – его учеником.

По аджарским меркам Горджоми – глубинка. Везде разбросаны дома, дороги размыты. Выше Горджоми транспорт не идет. Вдоль дороги на горных отрогах огромные оползни – результат селей. В одном месте снесло часть горы, нарушив сообщение. Тут, как и везде в Аджарии, видны следы перенаселения, перевыпаса, леса сведены. На крутых склонах цветет рододендрон желтый. Додо показывает мне желтеющие склоны, говорит: «иели». Так называется по-грузински желтый рододендрон. Сильный его аромат проникает и в автобус. Вокруг цветущих и еще безлистных кустов обильно вьются пчелы, несмотря на приближающиеся сумерки. В Аджарии свой вид пчелы, стойкий к болезням. В горах развито бортничество. На ветвях высоких буковых крон можно увидеть колоды – пчелиные ульи. Мед из иели темный, очень вкусный и часто ядовитый: вызывает временное сумасшествие. Вокруг этого явления много разговоров и легенд.

Горджоми – большое село. Двухэтажные деревянные дома прижаты друг к другу, длинные крутые улицы не замощены. Зелени, деревьев в поселке нет. Рядом с мечетью возвышается высокий минарет - здесь центр магометанской жизни Аджарии. Аджарцы – жители долины Аджарисцкали и ее отрогов – грузины. До порабощения турками они были христианами. В верхней Аджарии, в селении Схалта, до сих пор находится небольшой, прекрасно сохранившийся средневековый храм с гармоничной византийской базиликой. За 300 лет все население Аджарии приняло ислам.

В 1991 году к власти в Грузии пришел Звиад Гамсахурдиа, особенно подчеркивающий свое христианское происхождение. С его подачи, вместе с патриархом Грузии Илией, в Батуми были одновременно крещены несколько сотен человек. Молодежи нравится подражать столичным обычаям. Крестик святой Нино с опущенными вниз перекладинами - теперь главное украшение у девушек. Католический храм – одна из главных достопримечательностей Батуми – все годы советской власти был занят под архив и склад. Его открыли и назвали грузинской церковью. Открыли и церковь и в селении Схалта, что вызвало резкое сопротивление горцев.

Горджоми живет по-старому, по магометанским обычаям. Во время намаза на минарете мечети включается микрофон с записью молитвы. Истошно и громко, далеко разносятся незнакомые нам слова.

Дом Иремадзе типичен для горной Аджарии. На первом этаже скот. Зимой во время обильных снегопадов первый этаж засыпан снегом. Люди живут на втором этаже. К нашей радости, у хозяина нет коровы, что делает наше существование сущим раем. А так как дом находится над откосом, то с узкого балкона второго этажа кажется, что мы, по крайней мере, находимся на четвертом этаже. Открывается замечательной красоты вид на синие горы Шавшетского хребта, отроги гор, заросшие ельниками. В углу балкона – туалет. Экскременты летят под откос на пашню, где их с нетерпением ждут куры. В домах идеальная чистота: все выскоблено, посуда блестит. Нам предоставляют отдельную комнату. Для закладки, сушки гербария место идеальное. Пожилой отец Додо – учитель, он рассказывает, что был одним из организаторов советской власти в горной Аджарии.

На следующее утро, не дождавшись Андрея Георгиевича, мы пошли в горы на хребет Сакулаперди.

В июне в высокогорьях еще весна. Но солнце печет очень сильно. На хребет выйти не просто. Сначала довольно долго идем вверх по глинистой улице поселка, затем - бесконечными кукурузными полями. На окраине плантации стоит маленькая избушка. В ней дремлют старик и молодой парень, который с удовольствием собирается провожать нас на хребет.

Пьем холодный мацони – кислое молоко - и радуемся спутнику. Начинаем подъем, ничто не предвещает опасности. Тропинка начинает исчезать, а заросли становятся все гуще. Наш спутник изменяется на глазах, становится агрессивным и пытается сорвать у меня с руки кольцо. Я прошу Андрея не оставлять меня, идти рядом. Но он всецело поглощен растениями, а парень становится все агрессивней. Наконец удалось уговорить Андрея вернуться в избушку. Андрей ругается и злится, я что есть сил бегу вниз. Старик хватает палку, парень убегает. Оказывается, что это известный всему селу безобидный блаженный. Но поди разберись! А время потеряно. Близится полдень, а нужно подняться на хребет. По распадку, продираясь сквозь заросли высоких кустарников, выходим на вершину хребта Сакулаперди высотой 2500 м. В ложбинах еще лежит снег. А главное, хребет крутой, сюда скот не доходит, а поэтому растительность не тронута и не выбита. Можно собирать растения в их естественном виде. Редкое место в Аджарии! Рядом со снегом вылезают эфемероиды: встреченный на Сарбиеле рябчик, пролески, прострелы. В легких кедах ходить нелегко: мокрые ноги, проваливаясь в рыхлый снег, мерзнут. Для возвращения необходимо найти нужное ущелье и не уйти в сторону от села, хотя оно внизу видно как на ладони, а вой муэдзина так громок, что, кажется, мечеть совсем рядом. Отсюда хорошо видны и отроги, и вершины Шавшетского, противоположного Аджарисцкали, хребта. А по другую сторону – горы каскадами уходят на север Аджаро-Имеретинского хребта.

Идем по коньку хребта. С северной стороны – завалы глубокого снега. Спускаемся вниз, переходя с одного отрога на другой. И чем ближе к поселку, тем сильнее скотобой. Много скота разбрелось в беспорядке по жалким перелескам - обычная в горной Аджарии картина.

Ночью у Андрея был сердечный приступ, а мне залило кровью глаза. Резкие подъемы нам уже вредны.

В этом далеком селе сохранился обычай вышивать яркие цветы на белых полотнах. Стены домов украшены разнообразными вышивками. Чемоданы приданого наполнены вышитыми простынями. Яркие вышивки цветов очень напоминают украинские. Рассказывают, такой обычай существовал во всей Аджарии, но с появлением моды на полированную мебель вышивки выбросили.

То и дело мы слышим, как грабят поезда. Совсем недалеко от Батуми, в Поти, идут бои. Мингрелы–звиадисты выступают против партии Иоселиани-Кетовани. Оказалось – все бандиты… Госпиталь забит ранеными. Фронт совсем рядом.

В Батумском ботаническом саду организована поездка в высокогорья Аджарии, в Чирухи. Туда, куда мы ездили с Дато Гвианидзе в прошлом году.

Начальник – Зураб Манвелидзе – сотрудник ботанического сада, сын директора лесного хозяйства Аджарии. Невысокий, яркорыжий, он работает в отделе флоры. Растений он не знает. Отец дал ему на время свой высокопроходимый «козлик» – «виллис». Его загрузили спальными мешками, сетками, бумагой, продуктами. С нами Нино Мемиадзе и Гия Леонидзе – молодые ребята, которые ездили с нами год назад.

9 июля. Быстро мчимся вверх по долине Аджрисцкали по главному шоссе. Хорошо знакомые места. Проверочные пункты сняли, остались одни столбы. Сначала проезжаем Дологани, потом Пирвели Маиси. Здесь ранней весной в прошлые годы Андрей нашел новую для науки незабудку. У села Махунцети скалы нависают над рекой. На них растет вечнозеленая филлирея Медведева - здесь это редкость. Выше – родник Дандало. Рядом с горбатым средневековым мостом царицы Тамар через Аджарисцкали перекинут большой, современный мост. На противоположном берегу дом Зураба. Отец–директор мирно тохает, окучивает кукурузу. Зураб ему сигналит, тот в ответ машет рукой. От Шуахеви поворачиваем вправо. Горная грунтовая дорога вьется серпантинами вдоль Чирухи, набирая высоту. Крутые склоны покрыты ельниками. Зураб за рулем в приподнятом настроении. Все шутят и поют. Чем выше, тем больше восторг Зураба. В субальпийском поясе после очередного виража на полной скорости вылетаем на красочную поляну и останавливаемся над обрывом головокружительной высоты. Еще бы одно мгновение, и мы бы слетели в этот обрыв. Выходим из машины, переживаем счастливое непадение в пропасть. Но пора и вверх, в поселок. Оказалось, наши приключения на этом не закончились. Так же с разбегу Зураб въезжает к домам пастухов. В потрясенном состоянии он забыл залить воду в радиатор. Загорается мотор. Зураб в отчаянии отбегает, кричит нам, чтобы мы последовали его примеру. Положение не из лучших, вот-вот машина взорвется. На балконы соседних домов выбегают люди, смотрят, советуют. Нино схватила мой развернутый спальный мешок и накрыла уже загоравшуюся машину. Пожар погашен. Зураб клянется зарезать самого жирного барана. Но это для красного словца. На этом, к нашему счастью, приключения подобного рода закончились. Машина после маленького ремонта смогла ездить по избитым холмам высокогорий.

Самые удачные сборы мы сделали на заставе Чирухи. Там нас уже хорошо знают. Предоставили жилье, дали сопровождающих. Мы поднимались на хребет Шертули, пограничный с Турцией. Красочно цвели невытоптанные высокогорные луга.

Вторым значительным походом был подъем на самую высокую точку Аджарии – Канлы, высотой 3000 метров.

С заставы несколько километров едем на машине. На хребте Шертули большая седловина. С нее подъем идет круто в гору по осыпям и курумникам точь-в-точь таким, по которым мы ходили на Колымском нагорье. Серые камни покрыты лишайниками. Вот только нет привычного багульника с голубикой. Подъемы такие же крутые. Нас с Андреем сопровождает солдат, вооруженный до зубов, но местность пустынная.

Мы стоим на вершине, а под нами лежит вся Аджария. Большая долина реки Аджарисцкали уходит вниз к морю. Противоположный Аджаро-Имеретинский хребет скрывается в далекой дымке. Спускаемся. На седловине нас ожидают остальные участники экспедиции. Андрей захотел перейти границу и собрать растения на той, турецкой стороне. Это вызывает гнев и отчаяние Зураба. Он кричит, заламывает руки. Андрей спокойно пересекает границу. Она весьма условна - нейтральной полосы нет, зеленый лужок. Андрей собирает растения под отчаянные крики Зураба. Пограничники молчат, усмехаются.

На обратном пути на невысоком холме, поросшем ельником, нашли разновидность оносмы, которую Андрей описал в честь экспансивного Зураба.

Наш сосед на Зеленом мысу родом из горного села Хихадзири. Он рекомендует нас своим родственникам. Небольшой автобус ПАЗ везет нас в горы мимо Цабланы, еще не залечившей раны обвала 89-го года. Наши попутчики – большая семья, несколько лет назад переселившаяся из горной Аджарии на Кубань. Там тучные земли. Мать, окруженная детьми, прижимает их к себе, на остановках не хочет выходить из автобуса. Оказывается, по пути, в Мингрелии, бандиты устраивали обыски, убивали пассажиров. Им удалось с трудом выбраться в Аджарию.

В Хихадзири знакомых, к которым мы ехали, не оказалось на месте. Летом многие живут в горах, на пастбищах. Стоим в растерянности. Почтальон Резо зовет нас к себе домой, берет наши папки, рюкзаки. По узкой тропинке мимо огромных домов поднимаемся по склону к его не менее огромному дому. Там пустынно, жена его в горах на летнем пастбище Сары Чаири. Огромный дом охраняет сестра Резо, девушка не в своем уме, но безобидная. Резо говорит нам, что на следующий день, вероятно, в горы пойдет попутная машина. А пока мы располагаемся в его огромном доме. В одной из комнат стоят рядами мешки с крупами, орехами, мукой. Похоже на магазин. Резо объясняет нам, что зимой, когда Аджарию заваливает снегом, запас продуктов необходим.

На следующий день спускаемся на дорогу, и весь день проводим на остановке в ожидании машины. С нами еще группа терпеливых горцев. Но машины нет, и нам приходится снова возвратиться к Резо. Вещи мы предусмотрительно оставили в доме недалеко от остановки. С ними идти вверх по тропкам еще обиднее.

Пошел второй день ожидания и томительного безделья. Погода портится. Вдруг появляется машина. Шофер капризничает, не хочет ехать. Нынче бензин на вес золота. Резо – благородная душа – платит за бензин. Закон гостеприимства в горах мы встречаем на каждом шагу. Сигнал к посадке, множество людей разного возраста наполняют кузов: дети, взрослые, старики, которых заносят в кузов на руках. Прижавшись друг к другу, трясемся на камнях крупного приречного галечника, а затем берем вверх по грунтовой, сильно размытой дороге. На склонах гор ельники. Но чем выше в горы, тем сильнее эрозия, овраги. Верхняя граница леса представляет собой печальное зрелище. Везде торчат пеньки. Травы почти нет. Начинают появляться домики, разбросанные в горах без всякого порядка, все совершенно одинаковые. Кажется удивительным, как местные жители узнают свой домик среди сотен подобных.

Долго развозят пассажиров. Домик Резо такой же, как и все, тут живет его миловидная жена Марина с грудным ребенком. Марина и Резо – прекрасная пара. Оба невысокие, ладные. Наутро Резо оставляет нас на попечение Марины, а сам уходит раздавать по домикам пенсию. Кроме того, его беспокоит пропажа быка. Видимо, его украли. А может быть, этот бык заблудился между однообразными домиками или удрал на тучные луга Турции?

Наутро просыпаемся в густом тумане. Даже соседнего дома не видно. Радоваться приходится лишь тому, что мы в высокогорьях, а не на остановке в Хихадзири. Три раза в день Марина выдвигает небольшой столик и ставит на стол сметану с сыром, мчады и лобио. Жизнь крайне однообразна. Целую неделю никакого просвета!

Наконец одним утром туман разметало. Светит яркое солнце. На голубом небе - ни облачка, ясность поразительная. Перед нами на пригорке застава, совсем рядом с нашим домом. Это добротное кирпичное строение выглядит как нечто чуждое.

Начальник заставы идет нам навстречу. Завтра обещает подвезти к подножию главного пограничного хребта Бюют-даг, и мы сможем подняться на самую высокую его точку. А сегодня

нас пускают без сопровождающего в западную часть охраняемой территории этой заставы, на нейтральную полосу. Но и здесь много выбитого и вытоптанного, потому что сюда в последние годы стали запускать скот.

Вдоль границы – маленькие столбики. Никого вокруг нет, и Андрей преспокойно идет за границу. Я очень волнуюсь, умоляю его вернуться. Но он не обращаетна меня внимания. Очень уж ему хочется побывать в Турции, хотя бы в нескольких шагах от границы.

Вечером разбираем сборы и готовимся к завтрашнему восхождению. На следующее утро ГАЗ-66 везет нас вдоль границы к подножию высокой горы, на хребет Бюют-даг. Здесь нас оставляют одних, предупреждая, что приедут за нами вечером.

На подъеме каменистые осыпи сменяются субальпийским высокотравьем. Многие виды растений в полном цвету. Трудно собирать крупные растения. Высокие, в человеческий рост, прочные стебли лилии Кессельринга с многочисленными крупными цветками подобны канделябрам. Они источают дурманящий аромат. Подъем крутой. Наконец выходим на хребет. Затем вдоль пограничных столбиков идем по коньку хребта на восток, досадуя на то, что нужно возвращаться назад.

Высокогорья под нами как на ладони. Слева зеленая турецкая сторона. Справа яркокоричневая – аджарская. На ней уже почти нет травы, и контраст между Аджарией и Турцией – разительный. Места вдоль границы безлюдные. С аджарской стороны от пограничного хребта обрыв в несколько километров. Следующая за заставой Сары-чаири застава Васюхно находится у подножья этого обрыва–гиганта. Сверху домики заставы выглядят спичечными коробками. Как оттуда делают обходы границы? Обратный путь вниз идет быстрее. На спуске держимся не пограничной тропинки, а по осыпям заходим на территорию Турции. Внизу у влажного лужка густые заросли. Андрей лихорадочно копает, я закладываю. Пограничники на машине уже ждут нас внизу и относятся к нашему нарушению границы снисходительно: видят нас, не сигналят. Бежим. Последние сборы. Андрей нашел на турецкой стороне новый для науки лютик.

Вид на море с Батумского ботанического сада

Гербария так много, что необходимо спуститься в Хихадзири, разжиться газетами, заложить гербарий и быстрей уехать на Зеленый мыс сушить его.

Попасть на автобус трудно. Дорога стала дорогой, но пока нам по карману.

На Зеленом мысу Андрей ходит вдоль морского побережья, собирает растения на приморских песках. Там появилось много нового. У меня перед глазами раскаленное побережье под лучами полуденного солнца. В колеблющемся от жары воздухе маячит фигура Андрея.

Чтобы попасть в Турцию, нужны деньги. Все покупается. С трудом добыли визы - это стоит дорого, по две тысячи рублей на человека. На большее нам не хватило. Для поездки, как минимум, нужно шесть тысяч.

В начале октября в Бологом на турбазе «Озерное» состоялась очередная школа по теоретической морфологии и анатомии растений. Организатором была кафедра ботаники Тверского университета. Там меня пригласили на работу в Тверской ботанический сад. Жизнь на Зеленом Мысу становилась все суровее, приходилось задумываться об отъезде в Москву.

В конце ноября в преддверии переаттестации Андрей представляет такие сведения:

«Ежегодно, уже в течение 7 лет, с 85-го года, в том числе и в весьма неблагоприятном 1992 году, провожу экспедиции в разные части Кавказа, в основном в Аджарию (но также в Абхазию, Осетию северную и южную, Дагестан, разные части Грузии, Армении и Азербайджана), где собрал гербарный материал в несколько тысяч листов. Выпустил несколько сводок по флоре указанных районов, главным образом с описанием новых таксонов.

В период 1985-1990 гг. заканчивал также свои старые работы по Колымскому нагорью и опубликовал монографию «Анализ флоры Колымского нагорья», где развил оригинальный подход к принципам ботанико-географического и флористического районирования. Свое дальнейшее развитие эти принципы получили уже на примере флоры Кавказа.

Занимаюсь также вопросами систематики, эволюционной теории и теоретической морфологии.

Признан международным биографическим центром в Кембридже «International Man of the Year 1991/1992».

После морфологической школы я улетала на юг вместе с сыном, который взял отпуск. Ехать одной было опасно, в Абхазии шли бои. Аджария была почти оторвана от внешнего мира. Ни почтовой, ни телефонной связи с Москвой не было. Только в начале декабря удалось с трудом связаться с Андреем, и я узнала, что в ноябре у него обнаружилась грыжа. Врачи боялись делать операцию - кардиограмма была очень плохой.

Но делать нечего – он рискнул, лег в больницу. Операция прошла благополучно.

Обстановка на Кавказе с каждым днем ухудшалась. Нужно было вывозить в Москву гербарий – 4 больших тюка, собранных за весь летний сезон, кроме того, что вывез Андрей в сентябре. Денег на авиабилет не хватало, цены менялись каждый день. Решили ехать в Тбилиси, а оттуда попытаться улететь самолетом. Обстановка в Тбилиси была тяжелой. За два дня цены изменились, мы опять не смогли улететь. Оставался один путь – ехать поездом через Баку. С приключениями, в разбитом поезде, с окнами без стекол, мы добрались до Баку. С не меньшими трудностями через Северный Кавказ – до Москвы. В Чечне обстановка была очень тревожной, но еще не было войны. На наш поезд напали бандиты, искали ценные вещи. Гербарий они не отнесли к ценным вещам, но мы боялись – разозлятся.

В Москве на платформе меня встречал сильно похудевший, внешне изменившийся Андрей.

Под Новый год он пишет нашим друзьям в Болгарию о том, как все подорожало. Очень его беспокоит повышающаяся квартирная плата. «Единственное, что еще у нас остаётся – это надежда на лучшую жизнь где-нибудь лет через 10, уже в новом тысячелетии. Любчик и Таня тогда будут совсем большими! В общем, поздравляем вас с наступающим новым 1993 годом! А желал бы я больше всего, чтобы мы снова встретились. Как нам тогда было у вас хорошо! Приезжайте и Вы к нам. Дачи на Зеленом мысу у нас уже не будет (надеюсь), а вот под Москвою, надеюсь, останется. В общем, счастья вам и процветания»!

Поездки 1992 г.: Май-август: Аджария (Кобулети, Горджоми, хребет Сакулаперди, Чирухи, гора Канлы, хребет Шертули, Хихадзири, яйла Сарычаири, хребет Бюют-даг).

Публикации 1992 г.: Вышло из печати шесть работ.

Глава одиннадцатая: Москва. Кавказ. Первые поездки в Турцию (1993-1995)

1993 Как и прежде, по утрам Андрей делает зарядку, гладит белье и одновременно смотрит очередной сеанс мыльных опер, к которым очень пристрастился. Мыльные оперы необычайно популярны. То какая-то «Просто Мария», то «Рабыня Изаура», и все на одно лицо. Но Андрей с полной серьезностью говорит: «Мне нравятся хорошие отношения между людьми и любовь, любовь!» И артистически закатывает глаза. Любит иронизировать.

У него вполне устоявшиеся привычки. Он читает газету «Московский комсомолец», вечером обязательно смотрит программу «Время». Книги читает редко. В это время стало возможным читать Набокова. «Приглашение на казнь» он перечитывал несколько раз. «Это роман о советской власти, все в этом романе показывает ложь и неопределенность этой мифологической жизни», – говорил он.

Но роман не произвел на меня впечатления. А вот «Защита Лужина» меня испугала. Главный герой этого романа Лужин, по моему мнению, очень похож на Андрея, но у Лужина его фанатичная страсть к любимому делу, к шахматам, еще сильнее, чем у Андрея.

Всю зиму 1993 года я в Москве. Меня пригласили на работу в Тверской университет, директором ботанического сада. Нужно ехать в Батуми, оформлять уход с работы, но денег и возможности попасть туда нет.

В начале марта мой начальник Вано Папунидзе перегонял из Москвы в Батуми машину и предложил мне ехать в Аджарию вместе с ним.

Из дневника:«10 марта. Вано, Бадри – заместитель директора и я, не считая провожающего меня Андрея, стоим у какого-то подозрительного гаража в Замоскворечье. Там Вано по дешевке купил подержанную «Волгу». Только выехали – машина остановилась. Стали толкать… Ехали на юг степями, затем предгорьями Кавказа. Далее добирались из Сочи на утлом сейнере до Поти, а потом сухопутно до Аджарии. На Кавказе война.

Очень трудно было расставаться, оставлять дом, семью. Одна надежда, – что ненадолго. Хорошо помню, как провожавший меня Андрей вышел из машины и пошел к метро… Так и стоит перед глазами его невысокая, такая родная, все более уменьшающаяся фигура». По счастливой случайности, удалось позвонить из Ельца и услышать его голос. А затем – долгое путешествие на юг мимо воюющей Абхазии. И уже никакой связи с Москвой до мая.

С прошлого года оформлены (куплены слева) иностранные паспорта, оформлены визы в

Турцию. Теперь задача, как туда попасть. Рассказывали, на таможне нужны большие деньги.

Раннее утро в Батуми. Я стою у причала морского вокзала и всматриваюсь в морскую даль. Катер опаздывает. Прохладно. Рядом с морским вокзалом, в центре города живет моя учительница Инна Васильевна Сандалиди. В ее маленькой комнате мы бываем постоянно. Я решила согреться, выпить чашечку турецкого кофе. Оказалось, катер причалил раньше. Андрей догадался – пришел к Инне Васильевне, надеясь на связь со мной. Привез колбасу, сыр, кофе – все то, чего мы в Батуми давно не видели.

Поездка в Турцию стала реальностью. Но до последнего момента в это не верилось.

Первая поездка в Турцию

Вано Папунидзе поручает Зурабу Манвелидзе и Давиду Гвианидзе поехать в Трабзон, завизировать контракт о совместной работе Батумского ботанического сада с Трабзонским университетом. Мы с Андреем – группа поддержки, ученые. За рулем Зураб, рядом Давид. Мы с Андреем на заднем сидении.

Подъезжаем к таможне. Она находится сразу же за аэропортом, в Кахаберской долине. Это большое одноэтажное здание, претендующее на комфорт. На обслуживание этой таможни сразу же забирают 2 000 купонов – две мои зарплаты. Нужно платить не только за нас, но и за попутчиков. Объясняют – они наши благодетели. Собирается 10 машин, сопровождаемые пограничниками. Мы как бы на нейтральной полосе. Едем через реку Чорох по широкому мосту. Дорога вьется вдоль берега моря через селения Гонио, Квариати. У селения Сарпи находится граница с Турцией. У проволоки стоят пограничники, наши русские ребята. Из таможни стайками выходят женщины в бумазейных халатах. Растрепанные, неопрятные, они в окошечко показывают паспорта и на плоской колясочке, словно черепахи, перевозят груз на турецкую сторону. Там много грузовых машин, груженных арматурой, строевым лесом. На крышах автобусов – ряды велосипедов.

На турецкой стороне в большом грязном зале снова платим. Ставят печати. Турецкие таможенники в темнозеленой форме. Над их головой портрет Ата-тюрка: на нас смотрит большое лицо с пронзительными недобрыми глазами.

Дорога в Хопу. Турция

До городка Хопа 24 километра едем по берегу моря. Над дорогой нависают серые, почти отвесные скалы или заросшие лесом склоны.

Зурабу Манвелидзе лет 35. Рыжий, с бегающими глазами, довольно нервный и мнительный. Главные черты его характера – трусость и феноменальная лживость, сочетающаяся с хвастовством. Мы с его характером уже хорошо знакомы во время поездок в верхнюю Аджарию в прошлые годы. Давид в свои 53 года полноватый, высокий и довольный своей жизнью негоциант. Наукой он уже не интересуется, хотя числится научным сотрудником. Зураб и Дато – враги. Первый два года назад захватил его место на работе в ботаническом саду.

Низкие серые тучи спустились к морю. Бухты вдоль дороги – одна прелестнее другой. В небольших заливах – огороженные бухточки, предназначенные для рыбной ловли.

В городке Хопа - так называемый рус-базар. Торгуют утварью. Наши попутчики ушли на базар, исчезли надолго, а ведь только что говорили, что спешат в Трабзон засветло. Андрей обходит пустырь у рынка, делает первые сборы. Зураб предлагает ехать сразу в Артвин, говорит, до Трабзона очень далеко, не хватит бензина. Андрею важно проехать как можно дальше по побережью. А спутникам нашим все это давно знакомо. Они не раз уже тут бывали, торговали. С трудом удалось их уговорить ехать в Трабзон. Далее вдоль дороги красивые скалы, широкие долины, горные речки впадают в море. Вокруг новые, недавно выстроенные 5-этажные дома. Их вид напоминает красивые новые игрушки. Такое же впечатление производят мечети, минареты.

На холмах – ряды чайных посадок. У подножия полуразрушенной крепости Оф на приморских скалах – первые сборы. Ближе к Трабзону начинают встречаться маслины. 180 километров проехали очень быстро. Трабзон – город без деревьев с минаретами и мечетями. У магазинов выставлены ящички с овощами. Аппетитные красные помидоры, зеленые огурцы, киви, апельсины. В магазинчиках на первом этаже торгуют пышными булками. На окраине города недавно выстроен университет. Несмотря на поздний вечер, Дато быстро созванивается с администрацией. Нас посылают в университетскую гостиницу на берегу моря.

Отель только что выстроен. Все аккуратно, никакого скопления строительного мусора. В отеле тихо. Наш номер с балконом на море, ужинаем в номере. Дато привез чачу, которая развязала языки. Зураб «честно» признается, что был в отношении Дато нечестным человеком.

Принимаем душ. Для нас неслыханная роскошь. Закладываем свежесобранный гербарий.

Из дневника: «13 мая. С шести утра Андрей на ногах. Бродит вдоль моря и приносит влажные, пропитанные росой растения. Наши попутчики встали тоже довольно рано - спешат в университет. А мы закладываем свежие сборы, не готовим завтрак. За кого они нас принимают? Начинают выражать свое недовольство нашим поведением, приказывают быстрее собираться, понукают. Собирать растения они не собираются, в то же время много разговоров о совместных работах и даже надежда на описание в честь них новых видов. Андрей не реагирует.

Факультеты университета протянулись вдоль приморского холма, некоторые еще достраиваются. Двухэтажное здание лесного факультета обвито лианами. На большой площадке перед входом - бюст Ата-Тюрка. Просторный кабинет декана обставлен современной мебелью. Все чисто, как и сам любезный декан Аншин со сдержанной улыбкой. Угощают кофе в маленьких чашечках. Дато быстро договаривается, прежде всего о бензине. Его дают бесплатно. Контракт о совместной работе оформляется на глазах. Кроме бензина нас повезут в горы на экскурсию в Мачку. Нас будет сопровождать молодой ассистент Сали Терзиоглу - невысокий, очень чистенький, с невыразительным лицом. Быстро переодеваемся в полевое, и в путь. Мачка, или Мериэм Ане, что означает Божья матерь – древний византийский монастырь в горах. Идеальное

шоссе выпрямляют, прорубают тоннель в огромной базальтовой скале, нависшей над дорогой. Дважды останавливаем машину и уходим ненадолго в горы. Спешим собрать все, что можем. Но собираем только мы с Андреем. Зураб, Дато и ассистент остаются в машине, поторапливают.

Сначала городок Мачка вдоль горной речки под тем же названием. Выше начинаются еловые леса, узкие ущелья. Дорога ведет в национальный парк. Вдвоем с Андреем уходим в горный лес. Наши спутники все время нас торопят, раздражаются тем, что мы хотим собирать растения. Разразился ливень, поэтому приходится возвращаться на шоссе. Сборы прерваны. Подъезжаем ко входу в национальный парк - плата за вход два доллара с человека. Платить за всех мы не в состоянии, а наши попутчики не заинтересованы в поездке в парк. Недалеко от входа завтракаем.

Аншин описал разновидность рододендрона понтийского. Сали рисует форму листьев, более широкую по сравнению с типичной. Ботанические упражнения возымели благоприятное действие: охранник сжалился над нами и разрешил бесплатный въезд на территорию национального парка.

Совсем недалеко от входа, в узком ущелье – горная речка Мачка бурлит в камнях. Через нее перекинут мост. Стоит небольшой ресторан, гостиница. Отсюда начинается подъем к монастырю.

Пешая дорога, недавно благоустроенна, вьется серпантинами по крутому склону. Собирать растения тут запрещено. Андрей все же ухитряется выкопать вдоль дороги траву, но наш гид следит за ним, одергивает. Зураб недоволен, идти вверх ему не хочется, жалуется, вздыхает. Часто обращается ко мне с вопросом, когда мы повернем вниз. А Дато увлекается, идет быстро. Открываются красивые виды на заснеженные горы. С каждым поворотом далекие горы становятся все ярче и красочней. Над головой прилепился к скалам византийский монастырь - его главные помещения вырублены в скалах, похожи на гигантские соты. Там идут реставрационные работы. Многие помещения в строительных лесах. То и дело нам навстречу свеху спускаются группы улыбающихся иностранцев. Наверху перед входом в монастырь - большая площадка и касса для оплаты входа. Нам навстречу из монастыря спускается высокий круглолицый улыбающийся человек. Он – лесовод из Голландии Хари Вриман. В моей голове откуда-то появляются французские слова. Хари покупает нам входные билеты и настаивает на осмотре фресок. Наши попутчики торопят, особенно Сали - его рабочий день кончился! Хари возмущен: как смеет простой ассистент командовать профессором! В огромных темных залах монастыря, вырубленного в скалах, – яркая роспись на куполе. Лики святых искалечены, глаза выколоты еще в средние века турками-сельджуками.

Хари предлагает нам путешествие по круговой дороге через Понтийский хребет. Это очень заманчиво и кажется нереальным. Мы ведь впервые в Турции - в стране, долгие годы закрытой для советских людей. Но приходится отказаться - сырой гербарий лежит в гостинице. Предложение кажется нам фантастическим, все в Турции нам вновь. Ведь до сего дня Турция для нас была несбыточной мечтой. На прощанье Хари дарит карту Турции и обещает приехать в Аджарию. Он очень хочет посмотреть на буковые леса. Договаривается об этом с Зурабом, который обещает ему поездку в горы, рассказывает о том, что его отец министр.

Вечер уходит на разборку и закладку гербария.

14 мая. Трабзон – Артвин. На рассвете Андрей на экскурсии. Потом закладка гербария, сбор вещей. Наши «хозяева» ведут себя барами. А вещи приходится таскать довольно далеко. Грузимся мы. Наконец утряслись, сели в машину. И тут я обнаруживаю отсутствие подаренной карты, а ведь вечером мы ее долго рассматривали. Ее спрятал Дато. Еле удалось вернуть.

Зураб недоволен. Главное для Дато с Зурабом – рынки в приморских городках. Остановки с целью ботанических сборов, наоборот, их злят. Вся дорога от Ризе до Хопы – разговоры о том, что бензина уже нет, что нужно его купить, то есть выманить у нас деньги. Идут разговоры и о том, что мы должны оплачивать еду.

Подъезжаем к Хопе, до границы с Аджарией совсем близко. Ехать в Артвин Зурабу с Дато неохота. Снова на рус-базаре наши спутники исчезают среди прилавков. Машина раскаляется. Бедный Андрей изнывает от бездействия и ожидания, а мужчин нет. Долго ждем, по очереди ходим на поиски, но найти их не можем. Неожиданно появились, как ни в чем не бывало. Я плачу, кричу: «Нам нужно ехать в Артвин, а не торговать. Я и Андрей хотим работать!» Еле уломала, сдаются. В Борчхе по дороге в Артвин тоже есть рус-базар, это их успокаивает. У Дато для продажи гаечные ключики, а у Зураба - чернила в бутылочках.

Неалеко от Хопы - поворот на Артвин. Начинаются затяжные подъемы. На обочинах шоссе все еще цветут весенние растения, много яркосинего омфалодеса. В горных лесах белые пенные шары цветущей клекачки. На перевале высотой 600 м бьют горные ручьи, размывая глинистую почву. Здесь надолго останавливаемся для сборов. Далее также серпантинами спускаемся в долину Чороха. В районе Борчхи Чорох делает большую петлю, огибая городок. Большая полноводная река стремительно несет воды в Аджарию. Через реку перекинут выстроенный в начале XX века узкий стальной мост, тут его называют Николаевским. Машины могут проехать только в один ряд. Есть и деревянные пешеходные мосты, колеблющиеся над потоком. Андрей уходит собирать на крутые прибрежные осыпи. Наши добрые молодцы опять не хотят ехать в Артвин. Опять с большим трудом их уламываю.

Дорога в Артвин – это прекрасное шоссе вверх вдоль Чороха. Растительность резко изменилась. На галечниках в пойме – высокие заросли розовеющих тамарисков. На крутых склонах – шаровидные кусты самшита, можжевельник, в белых цветках кусты пираканты, ладанники. Зеленеет кустовидный земляничник. На склоне стоят две высокие пинии. Оказывается, они тут не в посадках, а природные. Андрей неосторожно говорит Зурабу: «А ты не хотел ехать сюда!» Господи, что тут началось, какая искренняя обида! Тут же, прямо в глаза Зураб заявляет, что он от всей души всегда сюда стремился!

Вечереет. Приближаемся к Артвину. Небольшой старинный городок лепится на крутой горе. Дато говорит, что у него есть знакомые, у которых можно ночевать на скамейках и не платить за гостиницу. В ответ бурный взрыв Зураба. Ему очень хочется в Артвин, на очередной базар. Решено ночевать за плату у знакомых Дато. Поэтому, как только въехалив город, Дато оставляет нас с Зурабом и отправляется к знакомым. Ждем его, ждем. Уже прошло больше часа, потемнело. Рядом в высокой казарме идет своя размеренная жизнь, а Дато все нет. Мы волнуемся, дважды выходили на шоссе. И когда уже всякая надежда была потеряна, Дато появился как ни в чем не бывало. Оказалось, у знакомых мест нет. Решено ночевать в гостинице и платить.

Центр города - на вершине горы. Перед небольшой площадью - огромная, пузатая мечеть зажата высокими домами. Крутая лестница ведет в маленькие номера гостиницы. Есть и вода, чистый туалет. Комнатки так малы, что кровать занимает все пространство. Очень сухо. Есть возможность заложить гербарий и сразу высушить газеты.

Утром Дато и Зураб на базаре. Андрей убегает за город и к 10 утра возвращается с надеждой на то, что мы поедем на склоны между Артвином и Борчхой. Но попутчики пьют кофе и чай, неторопливо беседуют со своими знакомыми. Ждем их в раскаленной машине. Время приближается к полудню. Сильно парит, собирается гроза. Это приводит Андрея в отчаяние. Он все еще надеется работать и огорчен, что придется ходить под дождем. Новая сцена! Очередной

скандал, в результате которого удается выехать из города. Едем вверх по Чороху километра два. Дато остается у знакомых, а мы получаем возможность подняться по каменистым осыпям у шоссе. Забираемся вверх по крутым склонам, лихорадочно собираем все подряд. Много растений совсем новых и незнакомых. Средиземноморская флора. И мы здесь! Под кустами еще просматриваются не сгоревшие на жарком солнце однолетники.

На обратном пути в Борчху нас настигает дождь. Останавливаемся на обед в маленькой придорожной столовой. Все расходы за наш счет. Андрей лезет на гору. Сверху на крышу сыпется щебенка. Спускается с большим пакетом с растениями. Все сборы в больших пакетах складываем в багажник.

В Борчхе Зураб выгодно продает чернила. На этом миссия завершена. Просить их еще об одном дне в Турции бесполезно. Все их мысли о доме. То и дело раздаются стоны: уже суббота, а они еще в Турции!

По идеальному шоссе быстро поднимаемся на перевал. Вдали виднеется голубое море. Дорогу из Хопы до таможни проехали без остановок и приключений, за исключением того, что Зураб потребовал себе доллары за то, что возил нас по Турции. И получил. Процедура въезда в Аджарию повторяется. Ставят штампы и на турецкой, и на советской сторонах. Вот мы уже в Аджарии: мелькают рощи эвкалиптов, мелкие коровы, огромные серые дома. Все привычно и совсем не похоже на Турцию. Состояние душевного подъема от поездки сохраняется еще долго. Нужно спешить заложить большие сборы из Артвина - могут запариться. Закладываем растения до поздней ночи. Они прекрасно сохранились».

Андрей несколько дней сушит гербарий, а я принимаю экзамены в медицинском институте. Теперь есть в Батуми и такой. В приезд голландца, как он обещал, не верилось. Мы теперь знали, что такое граница.

Как только досушили гербарий – отправились в Скурдиди на границу с Турцией в нижней части Шавшетского хребта. В Агмарти, в долине Мачахелы летом живет Эмзари Нагервадзе, с которым мы ездили в прошлые годы в Хино и Бешуми. Его мать – армянка Гулико – миловидная пожилая женщина. Гадает на кофейной гуще. Отца аджарца уже нет в живых. У него в Агмарти был большой сад. Позже на месте сада долго стояла ферма. Теперь Эмзари с матерью поселились на развалинах фермы, стремясь застолбить территорию, которая им положена по наследству. Но армянское родство мешает этому, возникают конфликты. Длительное содержание коров на ферме сделало почву плодородной – фактор в тех местах очень важный.

Выше в горах, рядом с заставой Скурдиди, живет пожилой веселый пчеловод Кахидзе, претендующий на большую ученость. Романтически настроенный Кахидзе при каждой встрече рассуждает о селекции, Мичурине и громко вещает. Задумал в ботаническом саду разводить фейхоа. При первом же намеке он пригласил Андрея в гости, к себе домой в горы. Прошлогодние походы в верхней части Шавшетского хребта были очень успешными. Теперь нужно ознакомиться с флорой в его нижней части. Поэтому решено сначала поехать в Агмарти, а затем подняться в Скурдиди с тем, чтобы попасть на границу.

Из дневника: «**27 мая.** Несколько часов ждем автобус на автостанции в Батуми. Вокруг суетится народ. Оказывается, последний и единственный автобус уйдет в горы не от автостанции, а от базара. По страшной жаре несемся более двух километров к базару. На остановке толпятся женщины и дети. Но вот подошел небольшой ПАЗ, который берут с боем. Несмотря на то, что мы чужаки, опыт у нас изрядный, заняли два сиденья. Но пришлось потесниться. Все прижались. Автобус стоит. Солнце в середине лета заходит поздно, обливаемся потом. Наконец просочилась весть: шофер привез мясо, он должен его продать, и только после этого поедет в Агмарти. Через день, во вторник начинается байрам. Пассажиры вылезают из автобуса –

подышать, но не теряют бдительности. Мясо наконец продано, раздается победный клич. Все снова с боем берут автобус на абордаж, и он, раскачиваясь от тяжести, выезжает за Батуми. Знакомая дорога: Хелвачаури, Эрге. Там, где сливается Аджарисцкали с Чорохом, стоит на высоком холме, с трех сторон окруженное водой, село Аджарисцкали. Едем несколько километров по направлению к границе с Турцией вдоль Чороха до впадения в него Мачахелы и поворачиваем к Агмарти. Всего несколько дней назад мы были в Борчхе, совсем недалеко от этого места, но по другую сторону от границы. В Агмарти Эмзари и его мать сразу же обрушивают на нас все свои трудности, связанные с борьбой за землю.

Поздним вечером восходит огромная луна, видно как днем. Густой буковый лес на крутом склоне простирается до самой реки. Засыпаем под шум реки. Утром на рассвете Андрей ушел собирать растения, а сосед в лесу искал корову и, встретив бородатого Андрея, принял его за турецкого шпиона, поднял шум.

С раннего утра, нагрузившись сетками и бумагой, пересекаем Мачахелу и вдоль узкого притока начинаем подъем. На крутых склонах сеют кукурузу.

Солнце печет нещадно, и небольшие остановки для сбора растений вдоль обрыва дают мне возможность передохнуть. Дорога все круче. За каждым поворотом кажется, что мы достигли места назначения, но опять новый поворот. Вдоль дороги изредка встречаются дома с выходом прямо на дорогу. С дороги они кажутся одно или двухэтажными, но на самом деле внизу находятся еще один или два этажа. Наконец, за очередным поворотом, показались домики заставы, окруженные густым колхидским лесом.

Хозяин дома Энвер Кахидзе – отец пчеловода. Ему 85 лет. Его большой каменный дом находится в глубине ущелья. Вниз ведет крутая тропинка вдоль кукурузного поля. Тут сумрачно и сыро. Солнце освещает дом только днем. Мужчины не работают. Измученная и больная невестка возится с детьми и еле ходит. В отличие от большинства женщин Аджарии, отличающихся чистоплотностью, у этой молодой женщины на большой кухне грязновато. Ей то и дело приходится носить еду и вино на верхние этажи. Гостей много. В смутное и неопределенное время соседи собираются и вспоминают, кому какая земля принадлежала до коллективизации. Старые люди помнят границы, что облегчает восстановление земельных наделов.

Утром идем на заставу. Она совсем близко, находится в темном ущелье среди колхидского леса. У огороженного колючей проволокой входа медленно, по звонку открываются ворота. Но на территорию заставы нас не пускают - стоим у входа за тремя ограждениями. Территория заставы надежно ограждена колючей проволокой. Андрей не привык сразу сдаваться. Идем вдоль колючей проволоки. Колхидский лес заполонил все пространство. Для передвижения остается только узкая полоса. Андрей проклинает все на свете, чертыхается. Сборы в лесу самые жалкие. Жара невыносимая. Возвращаемся к Энверу. Уставшая невестка возится с ребенком, доит коров, продолжает носить еду по высоким лестницам. Там в большой зале, опять собрались соседи. Ночью разразился сильный ливень, сверкают молнии.

28 мая. Идем в горы. Дорога лесников вьется вдоль склона до водораздельного хребта между двумя притоками Мачахелы. Высокогорной растительности тут нет. Все поросло густым буковым лесом. Скот не отгоняют, выпасают прямо в лесу. Через два дня пешком спустились вниз в Агмарти. Вечером так же красиво и ярко светит луна. Шумит река.

30 мая. В автобусе соседи бурно обмениваются новостями.

Гербарий доставили в хорошем состоянии. На жаре не сварился.

Первое, что мы обнаружили дома – аккуратную записку от Хари. Оказывается, он в Аджарии, искал нас. Мы не знаем, где он находится. Может быть, уехал? Очень грустно. Я собралась

написать ему письмо в Голландию. Такой милый и светлый человек!

Через день под вечер, придя домой, я обнаружила у нас дома Хари. Он сидел на кровати в ногах у Андрея и улыбался! Оказалось, он остановился в Махинджаури, в двух километрах от нашего дома, оставил у местного турка под охраной свою машину. Собирается в Тбилиси, а затем приглашает нас на 10-дневное путешествие по Турции».

На Зеленом мысу дни тянулись в повседневных заботах. Главным занятием были бесконечные ожидания очередной выпечки хлеба. Как только хлеб был готов к раздаче, соседи с талонами выстраивались в плотную очередь, прижимаясь друг к другу. Могло не достаться - тогда нужно снова ожидать новой выпечки и снова становиться в потную очередь. Вперед протискивались сильные молодые мужчины.

Прошло несколько дней, Хари приехал из Тбилиси. Наша жизнь наполнилась экскурсиями по окрестностям Зеленого мыса, по ботаническому саду. Зураб Манвелидзе, обещавший свозить Хари в горную Аджарию, прятался. Хари очень хотелось увидеть колхидский лес. Мы решили поехать в Кобулети к нашему другу Джумберу Джобава и показать Хари лесные посадки в Тикери.

Поездка в Кобулети теперь для нас большая роскошь. Цены на билет подскочили до 300 купонов. Отдали почти все купоны, что имеем.

Пока у Джумбера готовится обед – идем к морю. Хари волнуется, спешит не опоздать к обеду, смотрит на часы. Мы хорошо знаем, что точность не относится к достоинствам местных жителей. Наконец, стол накрыт, начинается застолье, гостеприимный Джумбер щедро разливает местное вино. Обещает повезти в лес на своем маленьком «виллисе», досадуя на малое количество бензина. Обед затягивается. Мы буквально вырываемся и едем в Тикери. Этот лес мы с Андреем хорошо знаем - это большие лесные посадки из тюльпанных деревьев, криптомерий, редких видов сосен. Но что мы видим! Криптомерии вырублены, торчат вываленные пни. Земля разворочена. На обратном пути машина неожиданно останавливается - кончился бензин. А до дома Джумбера не менее пяти километров, а может быть, больше. Остаемся рядом с «дохлой» машиной, а Джумбер уходит в неизвестность добывать бензин.

Хари и я сидим на лавочке. Андрей бродит вдоль побережья в поисках новинок. Хари произносит: «Only plants». Действительно, для Андрея ничего, кроме растений, не существует. Терпеливо ждем, тревожимся. Вечером мы должны уехать электричкой обратно в Махинджаури, автобусов не будет. Темнеет, а Джумбера все нет. Когда потеряли всякую надежду, показался велосипед - Джумбер привез маленькую канистру с бензином.

Мы снова дома у Джумбера. Ужин с вином. Джумбер советует остаться переночевать. Но сверхобязательный Хари не соглашается ни в какую, весьма недоволен. Андрей совершенно невозмутим. На станции Кобулети пустынно. Кассы закрыты. На лавке спит станционный служащий. Вести неутешительные: из Махарадзе (Озургети) электричка прибудет только в час ночи, но может и вовсе не прийти. Хари волнуется, нервно ходит по платформе, заламывает руки и требует себе такси и телефонного разговора. Оказывается, Хари еще в Тикери слышал «ту-ту»: поезд прошел, а мы на нем легкомысленно не уехали. Приходится успокаивать. Андрей располагается на соседней с железнодорожником лавке, дремлет. В чернильной тьме неспокойно, то и дело слышатся автоматные очереди. Но на станции свет. Глубокой ночью послышалось настоящее «ту-ту»: электричка загружена ящиками и корзинами с овощами и фруктами, предназначенными для батумского рынка. Прощаемся с благородным Джумбером и втискиваемся в поезд. До Махинджаури доехали без приключений. Глубокой ночью молча провожаем разгневанного Хари до дома турка Омара. Позже выяснилось: благоразумные хозяева закрыли все двери и не очень беспокоились. Хари пришлось перелезать через забор и проникать

в дом какими-то необычными путями.

Хари не появлялся. Казалось, он обиделся, и обещанная поездка в Турцию не состоится. Вдруг однажды вижу перед собой круглое милое и радостное лицо Хари. Объясняет: утром следующего дня он будет у нас на своем «мерседесе» и мы поедем в Турцию! Хари с Андреем уточняют маршрут. Все это кажется сказкой. И эта сказка состоялась.

Вторая поездка в Турцию

Дневник: «Утром **16 июня,** почти ровно месяц спустя после первой поездки, к нашему дому подъехал на машине улыбающийся Хари. Теперь мы знакомы с таможней. Процедура выезда проходит быстро, без приключений. Льет дождь. Пограничники забирают документы Хари. Долго ждем, пока я не догадываюсь подняться к капитану и выяснить причину задержки: капитан с масляными глазками надеется выманить из Хари доллары. Въезд в Аджарию ему обошелся в 250 долларов. Сначала я не догадываюсь о подоплеке, потом и сказками, и ласками удается добиться бесплатного выезда. Капитан с досадой отдает документы.

Дорога на Хопу разбита. Грязь. Дождь льет как из ведра, по-батумски. Но Андрей то и дело останавливает машину. Хари галантно открывает дверцу. Андрей лезет на склоны. Пакеты с мокрыми растениями складываем в багажник. Каждая остановка – отдельный пакет.

В Ризе Хари должен позвонить в Голландию. Потом мы вернемся в Артвин и оттуда будем ездить в горы.

Ризе – город на берегу. Высокие дома прижаты друг к другу, большая набережная. Люди одеты аккуратно, небедно, ходят неторопливо, с достоинством. Все первые этажи заняты магазинами. Бесконечная череда красивой одежды, россыпи фруктов выставлены не только в витринах, но и на улицах перед магазинами. В отеле «Келеш» хозяин встречает Хари слащавой улыбкой. Вещи несут в отдельный номер с большими кроватями, на которых нам приходится разбирать мокрый гербарий. Самое оригинальное то, что в номере три кровати. Третья – для работы с гербарием!

Во время вечерней прогулки в город Хари довольно бойко объясняется по-турецки, всем улыбается открытой искренней улыбкой.

17 июня. Ризе – Артвин. Хари должен звонить в Голландию, поговорить с любимой тетей. На почте все налажено, нет суеты, спокойно и чисто. Какой-то другой мир. Это вам не полное отсутствие связи в Кобулети и в Батуми. Андрей посылает письмо ботанику в Стамбул. Это обходится нам в копеечку.

Едем обратно в Хопу, оттуда по уже знакомой дороге через перевал в Борчху, а затем в Артвин – предел мечтаний Андрея.

В Борчхе пересекаем Чорох по Николаевскому мосту, то есть мосту, построенному, когда эта территория принадлежала русской Империи в конце XIX века. Едем по направлению к границе с Аджарией. Андрей готов останавливаться на каждом шагу. Хари галантно и терпеливо ждет. Заворачиваем в боковое ущелье, поднимаемся вверх по дороге вдоль одного из отрогов Шавшетского хребта. Грунтовая размокшая дорога окружена зарослями вечнозеленой филлиреи Медведева. По мере подъема дорога портится, и что-то случилось с колесом. Пришлось вернуться в Борчху: в большом автосервисе чинят машину.

В полутьме, под сильным дождем въезжаем в Артвин. Хари выбирает лучший отель «Каравак». Первым делом проверяет, льется ли вода в кранах. Главный принцип Хари – заказывать лучшее, когда оно есть. Как мы далеки от его психологии, мы безденежные. С высокого балкона отеля

видим далеко внизу ленту Чороха, горы Шавшетского хребта. Мы как будто в ласточкином гнезде. Темные, почти черные тучи заволокли горы. Непогода огорчает, холодно.

18 июня. Утром льет дождь. Успокаиваем друг друга. Ровно в половине восьмого завтрак, затем дружеская встреча с директором лесничества. Милые улыбки. Джип везет нас в горы. Едем вдоль склона горы за Артвином, проезжаем небольшой тоннель, а затем по затяжному спуску вниз к Чороху. На крутых склонах много древовидного можжевельника.

Хатила дере – приток Чороха. В узком и влажном ущелье шумит река. По большим валунам на перекатах струится прозрачная вода. На высоте 900 м находится домик лесников. В окрестностях – смешанные леса с примесью ели. В подлеске – цветет рододендрон понтийский, несмотря на то, что середина лета.

Нам дают сопровождающего с ружьем. Дождь не прекращается. Проезжаем полосу сплошного тумана. На высоте 1000 м – большая пасека, сыроварня. Выше – хвойный лес с колхидским подлеском. В глубине ущелья стелется туман. Картина краснеющих рододендроном склонов горы – одна из самых прекрасных. Дорога плохая. Выше идем пешком, много рододендрона Сохадзе с розовыми цветками, белого рододендрона Унгерна, черники кавказской. Над нами густой буковый лес с красивыми серыми стволами. Сильно вымокли. Очень холодно. В Артвин приехали уже в сумеречном тумане. Сборы отмываем, кладем на балкон - для того, чтобы они хоть как-то сбросили влагу и можно было их заложить.

19 июня. Встаем в 5 утра. Закладываем собранный гербарий, перебираем старый. Перед завтраком покупаем газеты в мясной лавке. Здесь мясо заворачивают в газеты.

Собираемся в горы. Хари долго объясняет: мы поедем на юг. Вдоль дороги как бы висячие, на каменных террасах, большие сады маслин. У реки – заросли высокого арундо. За Зетелингом на сочащихся водой скалах – заросли папоротника венерины волосы и дремлика высокого. Вдоль Чороха, прямо около реки, – очень узкий глубокий каньон. Скалы повисли над дорогой. Нас то и дело обгоняют наполненные автобусы с грузинами - едут в Сирию за дешевым товаром.

Чорох уходит в сторону – на запад. Дальше дорога вьется вдоль притока Чороха – Алту, затем сворачивает на восток. Складчатые породы «рисуют» на склонах гор загадочные картины.

Усиливается сухость. Деревья пропали. Кустарники растут поодиночке или группами: держи-дерево, инжир, колютея. Появились растения полупустынь. Много однолетних. В щелях скал лепится белый колокольчик с повисающими побегами. Есть и другой – двулетний с головчатыми

соцветиями.

Вверх по Тортуму выезжаем к огромному водохранилищу. Выше сухость усиливается. Хари торопит, хочет проехать до перевала. Однако сам увлекается. Андрей на каждой остановке бегает вверх по склону, лихорадочно собирает растения в полиэтиленовый мешок. Багажник почти заполнен.

На берегах водохранилища только одна большая деревня. Вдоль дороги мальчишки предлагают купить черешню и зеленые каперцы.

Выше озера всюду кентрантус, шалфеи, один из них белый, астрагалы и много других мотыльковых. Стали встречаться ферулы, пока они не цветут. Много однолетних володушек. Далее свернули на перевал к истокам Алту.

Ближе к перевалу на высоте 1600 м стали снова появляться кустарники: розы, жимолость, жасмин, дерен белый, барбарисы. Ксерофиты растут вместе с мезофитами. Здесь еще весенняя флора. Низкий ирис с цветками желтовато-кофейного цвета, два-три вида мускари. Новые виды льна, эспарцеты, астрагалы. На высоте 2000 м у дороги отвесные скалы с окаменевшими деревьями. Видны сучки, кольца древесины. Рядом у ручья из трав – лиловые колокольчики, ярко-красные астрагалы, синяя непета, яснотка белоприцветниковая.

На перевале 2400 м – альпийские луга. Сильный выпас, но собирать можно, особенно у мочажин.

Быстро спускаемся с перевала вниз - перед нами яркие картины гор. По воде водохранилища рябь жаркого ветра. Проезжаем узкие каньоны. Хари волнуется, хочет приехать в Артвин засветло. Но по серпантинам городских поворотов в центр города поднимаемся уже в темноте. Перебираем сетки. В ужасе от огромных сборов. Боимся – опять не хватит газет.

20 июня. Весь день до середины дня, без перерыва, закладываем гербарий. Закончили только в три часа дня. В нашей практике такой аврал был только в Моме в 1968 году. Но этот, пожалуй, покруче.

Утром Хари уехал на прогулку вдоль Артвина. Днем приезжает, улыбается. Решил за наши неустанные труды сводить нас в ресторан. Хозяин встречает непрерывными поклонами и деланными улыбками. Расположил нас на высоком балконе и приносит большой бинокль. Видим на альпийских лугах пастухов, отары овец.

Под вечер Андрей просит Хари поехать за город: не хочет терять ни минуты. Делает сборы в зарослях цветущего ароматного и колючего держи-дерева. На скале вспугнули совенка. Андрей повис над обрывом, собирая редкий белый колокольчик. Я держала его за ноги, чтобы не упал. Хари останавливается по первой же просьбе Андрея, в то же время волнуется, боится приехать затемно по плохой горной дороге. Наконец удается заманить Андрея в машину и вовремя приехать в Артвин.

21 июня. С утра купили в мясной лавке новую порцию газет, в хозяйственной – веревки. Будет жаркий день. Едем в Ардаган, сначала по долине Берты в направлении к Шавшату. Вдоль дороги – высокие холмы и скалы. По водотокам невысокие деревья каркаса, грабинника, клена разнолистного, уксусного дерева, держи-дерева, крушины Палласса. На скалах – можжевельник колючий, заросли ладанника. На деревьях лепится плющ. На опушках - ломонос восточный и колючая ежевика.

В окрестностях Шавшата – густые еловые леса. Сам Шавшат – небольшой типовой турецкий городок в высокогорьях. От Шавшата до перевала еловые леса соседствуют с альпийскими лугами. Разноцветные лужайки с желтыми лютиками, лиловыми шпажниками, фиолетовыми

хеслерисами. Много ятрышников.

Близ перевала появилась сосна. У верхней границы леса, у самого перевала – большие пятна снега и темные полосы можжевельника. Перевал – это большое высокогорное плато. Холмы не выше 50 м с широкими долинами ручьев, вдоль которых пышнеют альпийские лужки.

Западный склон Арсиянского хребта со стороны Шавшата крутой. Не верится, что совсем рядом Аджария, граница, где мы были в прошлом году на заставе Чирухи. Вниз на восток в сторону Адагана дорога спускается плавными зигзагами. Восточный склон хребта постепенно переходит в котлообразную долину. Проезжаем поселок Салакли-юрт. Пирамидальные тополя колоритно оттеняют плоские крыши домов, отапливаемые кизяком. Над долиной стелется дымок, вечереет. Красивый закат оттеняет четко очерченные пологие холмы. Ардаган расположен на высокогорном плато высотой 1100 метров в верхнем течении реки Куры. Здесь ее ширина не более 10 метров. При въезде в город ее пересекает небольшой, но прочный каменный мост. В Ардагане, как и во всех городах и городках Турции, отели – это дома свиданий. Зовут такой отель «Наташка». Поэтому поиски приличного отеля продолжаются долго. На пригорке за зубчатыми стенами крепости - военные казармы. Преобладают грязные двухэтажные дома, но изредка встречаются капитальные строения, сохранившиеся со времен русской империи.

Отель напоминает наши провинциальные гостиницы. В грязноватой столовой на стенах лубочные картинки, в том числе и из Советского Союза. Вечером холодно. На черном небе крупные яркие звезды. До поздней ночи меняем газеты в гербарии, сушим и закладываем растения. После Тортума мне казалось, что уже невозможно собирать новый гербарий, так много набралось, но вот оказывается еще и еще...

22 июня. Ардаган – озеро Чалдыр. Как и в предыдущие несколько дней, с пяти утра разбирали, закладывали растения до завтрака. По утрам здесь едят жидкий суп с лимоном и свежим хлебом. Курят. Сморкаются. Мы просим чай, но тут не принято. Из соседнего магазина приносят маленькие чашечки. Худой загнанный мальчик бесперебойно носится, что-то убирает, что-то расставляет на столах и опять вытирает.

Едем на запад в сторону озера Чалдыр. Вдали несутся табуны лошадей. В грязных лужах плещутся гуси. Низкие дома с плоскими крышами выглядят грязными конурами.

На берегу большого озера много осоки, лютик ползучий, рдест, жирушник. Высокие холмы прорезаны речными долинами. Есть и глубокие каньоны. Крупные массивы сосняков огорожены от скота колючей проволокой. Берега озера окружены вытравленными альпийскими лужайками. За озером очень далеко, четко просматривается заснеженная вершина величественного Арарата.

На одном из высоких холмов – полуразрушенные стены старой крепости. Вечером долгие занятия с гербарием. Валимся с ног в 12 ночи. С пяти утра работаем из последних сил, еле успеваем.

23 июня. Попытались проехать на перевал Ялнис чам. Все говорят – не проехать. Пересекаем грязные кишлаки. На каменистых склонах – синие аспекты непеты, трагакантовые астрагалы. Остановились на высоте 1100 м. Дальше ехать побоялись, пошли пешком до высоты 1400 м. Растительность сильно выбита овцами. Едем другим путем, сначала к Гюле, что расположен у истоков Куры.

На перевале Хари устраивает пикник, угощает арбузом. Высокогорные домики – плоскокрышие норы. С перевала идет пологий спуск вдоль красочных склонов. Исток Куры – большая заболоченная долина, русло еле просматривается. Высокие травы. Гигрофиты: ситники, ситняги, элеохарис, триглохин морской, триглохин болотный, мускари. За Гюле резкий спуск в бассейн Чороха. Картина резко меняется: по крутым склонам горные леса, рощи осин.

Городок Акшара на реке Пенек – притоке Алту. Вдоль дороги - массовые посадки пирамидальных тополей и сизифуса. До Олура на горизонте сопровождают яркокрасные горы с острыми гребнями. По долине несется жаркий ветер. Астрагалы, эспарцеты, акантолимон, каперцы – типичная растительность полупустынь. В нижнем течении Пенека на высоком холме стоит античный храм. На скалах вдоль Алту – группа древних разрушенных крепостей. Вечереет. Мчимся на ясный закат. Только в районе Тортума появилась маслина. От Тортума, а затем вдоль Чороха дорога нам уже знакома.

24 июня. Последний день в Турции. В небе ни облачка. Пакуемся. Хари везет нас в Сарпи на границу. Между Артвином и Борчхой делаем две остановки. На щебнистых склонах Чороха страшная жара. Андрей с Хари принесли массу нового. В это время я лихорадочно сушу газеты, гербарий огромный.

Сарпи. Из багажника на две каталочки перекладываем 33 сетки! Положенные плашмя, они заполняют их до верха. На каменном парапете у границы едим прощальный арбуз. Прощай, Хари! Прощай, Турция! Спасибо тебе, добрый и благородный Хари! Когда доведется встретиться? Все это путешествие я назвала «сказкой для Золушки».

Нагруженные гербарием, везем каталочки к пропускному пункту, ползем как черепахи. Беспокоимся - на жаре гербарий может спечься. Как добраться до Батуми? Рейсовых автобусов до Батуми нет. Зато полно автобусов с челноками. Аджарские таможенники удивляются. Мы единственные, кто ездил в Турцию не с целью торговли, а для науки. Это вызывает у них уважение. Самый симпатичный из таможенников Думбадзе подсаживает нас в переполненный автобус с челноками из Башкирии. Пьяные матерщинники и матерщинницы везут из Турции ковры. Стоим в проходе и вскоре подъезжаем к Батумскому железнодорожному вокзалу. А там у перрона электричка, наполненная пассажирами. Вот-вот отойдет. Быстрей бы докатить наши каталки, сесть в нее. Ведь другого транспорта не будет! Только вышли на перрон – электричка тронулась и начинает набирать скорость, а нам остается всего несколько метров, чтобы в нее вскочить. Но у нас груз! И вдруг из электрички выскакивают два грузина, бегут к нам, хватают каталки. Мы бежим, на ходу вскакиваем. Нам помогают взобраться. Кто они – эти добрые люди, которые спасли наш гербарий, требующий срочной переборки? Мы их больше не видели.

33 сетки – это огромная работа. Все последующие дни связаны с переборкой, сушкой, перекладкой и этикетированием.

Поздно вечером на пляже уже давно нет прожекторов, полосующих море, нет пограничников. И что же? Андрей потерял часы. Наутро сырая серая галька однообразна - ничего не видно. Только после нескольких прочесов я увидела часы. В то время они нам были нужны позарез, мы вели полудикий образ жизни. Новые – не купишь.

> Андрей, под впечатлением от поездки в Турцию, пишет заметку в газету «Аджария». Некоторые выдержки: «Всем известна прекрасная картина Рембрандта «Флора», на которой изображена молодая девушка в венке и с живыми цветами в руках. Эта богиня цветов и всех растений – моя богиня. Я изучаю флору, то есть все растения, что растут здесь, в Аджарии. Раньше работал в России, на Колыме и Чукотке, написал «Флору Магаданской области», а с 1984 года регулярно, каждое лето, приезжаю в Батуми и езжу по всей Аджарии. Вообще-то «Определитель растений Аджарии» уже написан ныне покойной А. Дмитриевой, бывшим работником Батумского ботанического сада. Так нужно ли изучать уже не раз изученное? К тому же и до А. Дмитриевой работали многие выдающиеся ботаники – Н. Альбов, А. Гроссгейм, М. Попов, Е. Кемулария-Нотадзе. Судите сами. Только за пять последних лет на территории Аджарии мной найдено около десятка совершенно новых, никем

> ранее из ботаников не наблюдаемых растений, новых для науки вообще, таких, например, как рябчик Джобавы, лук Александры, овсянница Дмитриевой, рододендрон Харадзе.
>
> Никакую флору никакого государства нельзя изучать изолированно, тем более вне связи с флорой соседних государств. В противном случае ботаник-флорист от этого много потеряет, как он уже потерял в связи с «границей на замке» бывшего СССР. Знание флоры соседних территорий для него важно, как воздух. Поездка в соседние районы Турции с 12 по 15 мая – событие знаменательное в плане историческом, ибо впервые ботаники бывшего Союза могли попасть и поработать на той территории, которая до 1921 года входила в Батумский округ и которую русские ботаники интенсивно изучали в период с 1878 по 1918 год.
>
> Что же мы увидели в Турции такого, что мы не замечали у себя в Аджарии? Итак, первое – то, что обычная для Аджарии так называемая колхидская флора (наши леса из каштана и бука с подлеском из рододендрона понтийского) не так уж широко распространена в Турции, по побережью – лишь до района Ризе, а по горам – до Трабзона. А что это значит для Аджарии? А то, что флора эта – уникальная, ее надо охранять и беречь, ибо нигде в мире нет более типичной колхидской флоры, как в Аджарии».

Середина лета. В ботаническом саду полное запустение. Бронзовый памятник А.Н. Краснову пытались украсть на металлолом. И ранее в памятник кидали бутылки с кислотой - разбитые, они лежали рядом, не разрушив и не исковеркав благородного и спокойного облика основателя сада. На сей раз серьезнее: тяжелый бюст сбросили со склона, но в зарослях кустарников он застрял, его не смогли спустить вниз к железной дороге.

В русской редакции на телевидении у нас знакомые. Правда, эта редакция доживает последние дни. То же самое и с русской газетой «Аджария». Заметка о ботаническом саде написана с грустью. Там пишется и о поврежденном Краснове, и о коровах, и о территориальных нарушениях. Удивительно, но в то смутное время на волне демократии все это было напечатано. К сожалению, эта заметка не сохранилась.

Следующая наша поездка – в среднюю часть Шавшетского хребта. Из Шуахеви, нагруженные бумагой, сетками, пешком мы поднялись к дому лесника Нодари Абусеридзе. Прошли те времена, когда машины ездили друг за другом. Крутые подъемы. Дома – большие, серые, выстроились вдоль дороги. Нас то и дело приглашают. Когда мы спрашиваем о доме Абусеридзе, с удовольствием указывают дорогу. Тут все друг друга знают. Оказалось, Нодари живет в стороне от основной трассы. Жаль терять высоту, но делать нечего. По крутой тропинке спускаемся вниз к ручью, а оттуда по такой же крутой тропинке идем вверх. Нас встречает миловидная улыбающаяся хозяйка, окруженная несколькими детьми. Хозяин на яйле, он спустился с гор уже в полной темноте.

На следующий день мы снова спускаемся в ущелье и, по узкой крутой тропинке выходим на основную дорогу в надежде на попутную машину. Идем и идем, постепенно набирая высоту. Сетки пока пустые, но на спине запас газет. Жарко, а машин нет - теперь большие трудности с бензином. В середине дня приходим к самому верхнему селению. Отсюда ежедневно к заставе поднимается машина. После долгого ожидания, потеряв надежду и вымокнув под дождем, решили пешком взять длинный затяжной подъем. Единственное, что нам помогало, так это маячившие на горе дома заставы. На заставу пришли только к вечеру.

Начальник заставы – молодой парень - был удивлен и даже восхищен тем, что два пожилых человека с грузом сумели самостоятельно подняться на такую высоту. Он сразу выделил нам комнату и пригласил на ужин. Его молоденькая жена родом с Украины, миловидная и очень хозяйственная, испекла гору пирожков.

Наутро начальник заставы дал нам двух сопровождающих. Маршрут наш идет вдоль границы вверх по хребту. На нейтральной полосе – альпийские луга в полном цветении. Во многих местах нейтральная полоса не обозначена, только на определенном расстоянии стоят небольшие пограничные столбики. С турецкой стороны на луга Аджарии неосмотрительно забрел молодой бычок. На следующий день вся застава ела котлеты.

Кончилась бумага. Нужно идти вниз досушивать гербарий. Весь обратный путь опять прошли пешком. Машин нет - нет бензина. Солнце припекает, обливаемся потом. Несем большой груз. Одна радость, что идем не вверх, а вниз. Из Шуахеви автобусом спуститься в Батуми уже не составило труда.

В пограничном управлении в Батуми мы получили разрешение на работы в пределах заставы Скурдиди. Мы снова поехали в Агмарти, и оттуда поднялись к заставе. В отличие от первого посещения, ворота заставы для нас широко распахнулись. Начальник, такой суровый в прошлый раз, теперь наш друг. Мало того, мы живем в его уютной квартире. В первый день нам дали сопровождающего, с которым мы попытались пройти лесом в горы. Сначала идем узкой дорожкой вдоль горного ручья. Над головой смыкаются кроны огромных буков. Выше по склону толстые стволы лавровишни полегли вдоль склона, упираясь в землю нижними ветвями. Стволы густо заплетены колючими ежевикой и сассапарилью. Заросли совершенно непроходимы. Тропа на подъеме исчезла. Сопровождавший нас солдат окрестностей не знает, мы запутались и вернулись обратно.

Поход на границу более удачный. Туда поднимаемся в сопровождении начальника заставы и нескольких пограничников. В лесу прорублены тропы, на обрывах лестницы. Пограничники по лестницам и горным тропкам поднимаются к границе. К середине дня вышли на верхнюю границу леса. Андрей решил пройти этот маршрут до самой границы, я же осталась у подножия. Вместе с начальником они по крутому склону поднялись к пограничным, уже обветшавшим столбам. Сначала моросил, а затем усилился колхидский проливной дождь. Быстро стемнело. Обратно идем по узкой тропе. Высокие травы и кустарники, пропитанные влагой, смыкаются. Раздвигаем, нащупываем ногами тропу. Где же так было? Вспоминаю: на Курилах в бамбуке. Но здесь еще и дождь! Но теплый. Идем и идем в полной темноте, уже на ощупь, шлепая по лужам. Совершенно мокрые, к часу ночи вышли на изъезженную грузовыми машинами дорогу, ту, по которой мы ходили в начале лета. Вдали забрезжил огонек. Там ночуют лесорубы. В маленьком вагончике тепло и сухо, полно мужчин. Удалось раздеться и выжать одежду. Дали смену белья, на полатях уложили на чистейшую, с белыми простынями постель. Все казалось сказкой. На улице дождь усиливался, а в вагончике было тепло и уютно.

Начальник заставы остался на ужин. Теперь он гордится выносливостью и целеустремленностью Андрея. На все лады его расхваливает. Седая борода Андрея, его возраст – все вызывает уважение.

Гостеприимные хозяева рубят вековые буки, вывозят в Турцию. Обратно на одной из грузовых машин, тяжело груженных толстыми стволами, мы вернулись в Батуми.

В конце лета к нам приехал наш сын Павел. С ним мы совершили последнюю в этом сезоне поездку в горы Шавшетского хребта. Во многом она походила на все предыдущие. В автобусе пассажиры наперебой звали нас к себе в гости. Победил учитель географии. Гостеприимно встречали и на заставах. Андрей нашел новый вид вайды, которую назвал в честь

сопровождавшего нас во многих экспедициях сына – вайдой Павла.

2 сентября Андрею исполнилось 60 лет. Этот день мы отмечали скромно, у друзей: Наташи Васильевой и ее мужа Толи Степурко. С помощью Наташи была срочно продана мебель. Нужно было быстро уезжать. У Павла кончался отпуск.

Все наши мысли были поглощены проблемой, как вывезти гербарий: его очень много. Я расстилала одеяло и в середину клала пачки с сухим упакованным гербарием, а потом зашивала в большие пакеты. Набралось больше десятка. Остальное взять не смогли.

В последний момент нашему соседу Автандилу Беридзе, которому мы поручали охрану нашего сада, удалось достать трактор. Быстро грузим тюки на трактор, а сами бежим вниз с нашей горы. Потом на автобусе едем до Батуми. На пристани уже собралась масса народа. У причала стоит большой катер «Светлов»: посадка будет очень трудной, и вся надежда на помощь Авто. Он вскоре подкатывает на тракторе с нашим скарбом. На посадке свалка - кидаем вещи через борт. Протискиваемся, толкаемся - и вот мы уже на катере. Сидим на куче вещей - охраняем, чтобы не помять и не сломать наш драгоценный груз. На пристани остаются наши друзья. Мы еще не ощущаем, что покидаем Зеленый мыс навсегда. Мы еще будем приезжать сюда. Но Зеленый мыс уже перестал быть нашим домом. Дальше будет только долгое прощание.

Отвязывается канат, и вот уже полоса воды все сильнее и сильнее увеличивается, а берег уходит вдаль.

Утром, после бессонной ночи пришли в Сочи. Огромные баулы высятся горой. В Сочинском дендрарии нам дали машину, доставили вещи на вокзал. Чтобы сдать наш груз в багаж, пришлось его снова как-то по особому упаковывать. Но и этот рубеж мы преодолели - груз сдан. Но денег не хватает, и нужно разменять доллары, которые все лето хранились в баночке, упрятанной под корягу. Наш неприкосновенный запас: они немного отсырели, но не испортились. Тут нас ждет приключение. Андрея приняли за чудака и хотели обмануть, только мое появление пресекло этот разбой. Жулики испарились.

Осенью я стала работать в Твери, в маленьком ботаническом саду при университете. На воскресные дни я приезжала домой в Москву. После длительных разлук, стрессов, пережитых на Кавказе, расстояние в 200 километров не казалось мне большим. Я была дома, в России.

60-летний юбилей Андрей решил отпраздновать 13 декабря. Приурочил ко дню Андрея Первозванного. В филиал ботанического сада МГУ пришли сотрудники и друзья, с которыми Андрей учился, работал. В большом зале накрыли длинный стол. Там еще в XIX веке проводил занятия Горожанкин. Со стен смотрели портреты знаменитых ботаников Московского университета. Произносились тосты, вспоминались забавные случаи. На этом банкете была атмосфера, которую ботанический сад сохранял много лет.

За несколько дней до этого события «знаменитая» Романова также отмечала свой юбилей и очень гордилась тем, что были закуплены какие-то особые сардельки. Мы тоже решили не отставать и где-то добыли почти такие же, но, кажется, уступавшие в калорийности. Среди тостов запомнился тост этой самой Романовой, все годы бдительно следившей за дисциплиной труда и так и не смирившейся с тем, что у Андрея свой режим. Она снизошла и объявила, что Андрей человек работящий.

Ко дню рождения Андрею была выдана премия в размере 60 тысяч рублей. Сумма солидная. Её торжественно вручал на банкете директор В.С. Новиков.

Кроме официального чествования, дома собрали родственников и друзей. Народу собралось не менее 30 человек. Произносились тосты, я носилась между кухней и «залой». Сосед, композитор

Валера Калистратов с женой – певицей Аней Литвиненко - пели романсы. Владимир Владимирович Петров – наш старый друг, преподователь кафедры геоботаники МГУ, написал стихотворение:

Собрался круг родных, друзей,

И повод для того серьезный:

У Хохрякова юбилей

И очень важный, шестизвездный

Сказать уместно нам сейчас,

Как А.П. рос и развивался,

Как удивлял приятно нас

И как в ботанике старался.

Окончил МГУ когда-то.

С тех пор прошло уж много лет,

И из простого кандидата

Он крупный стал авторитет.

Но начиналось всё не просто,

Работал А.П. в Гэ БеЭс,

Условий не было для роста,

И вот он из Москвы исчез.

Поняв, что почва Гэ БеЭса

Не даст ему пустить корней,

И чтоб достичь в науке веса

Уехал в Магадан скорей.

Стал доктором довольно рано,

Вкусил познания плоды.

Он в Колыме был не один.

Потом уже, достигнув цели,

В Москву вернулся снова он.

И убедиться все сумели,

Как он талантлив и умен.

Ученый он теперь солидный,

Объехал много разных стран,

Ботаник всем известный, видный,

Летал не раз за океан.

Но сердцу все ж всего милее

Кавказ чудесный, дивный край.

Что может привлекать сильнее?

Ведь для ботаника здесь рай.

А дома А.П. муж примерный

И сын, и любящий отец,

И внучек друг надежный, верный.

Ну, словом, просто молодец.

Поздравим дружно с юбилеем

Андрея нашего сейчас.

Его зовем мы корифеем.

Он создал «Флору Магадана»

И еще многие труды.

Росла в науке и супруга.

Достигла докторских вершин.

Всегда опора мужа-друга.

Таких ведь мало среди нас.

Желаем доброго здоровья

И жить подольше - много лет.

Среди ученых поголовья

Ему у нас подобных, право нет.

Все вышедшие в 1993 году работы были посвящены Аджарии и Лазистану. Лазистан – область, простирающаяся вдоль Черноморского побережья от устья Чороха до Трабзона в Турции. Ранее эта территория была заселена народом – лазами. Еще в середине XX века лазы имели свою национальную одежду. Лазистан – географическое, в настоящее время исчезающее понятие.

Этот год для нас был знаменательным. Наконец Андрею удалось попасть в Турцию, о которой он мечтал многие годы. Было положено начало экспедициям в Турцию, куда он вместе со мной ездил каждый год вплоть до смерти.

Поездки 1993 г.: Май:Турция (Хопа, Оф, Трабзон, Мачка Артвин, Борчха,). Июнь: Аджария (Агмарти, Скурдиди). Турция (Ризе, Хопа, Борчха, Артвин, Хатиладере, отроги Мургула, Тортум, Шавшат, Ардаган, озеро Чалдыр, Гюле). Июль: Аджария (Агмарти, Скурдиди, отроги Шавшетского хребта). Сентябрь: Краснодарский край (Камышовая Поляна).

Публикации 1993 г.: Список флоры высокогорий Арсиянского хребта, подготовлены материалы по ботанико-географическому анализу флоры Аджарии, составлен список лазистанской флоры. Выделены и проанализированы ритмологические группы дикорастущих и интродуцированных видов флоры Аджарии.

Глава одиннадцатая: Москва. Кавказ. Первые поездки в Турцию (1993-1995). Продолжение

1994 Открываются новые академии. Одна из них, Академия Естественных наук – довольно представительная, организована несколькими прогрессивными учеными, в том числе Николаем Николаевичем Воронцовыым, который там вице-президент.

30 марта 1994 года Андрей стал членом-корреспондентом РАЕН – Российской академии естественных наук. Для него это большое событие. Главную роль в избрании Андрея сыграл Алексей Константинович Скворцов.

11 марта 1994 года у нас родился внук, которого назвали Андреем в честь дедушки, то есть Андрея. Появился на свет новый Андрей Павлович.

Письмо Н.Н. Цвелеву, известному исследователю злаков, работающему в БИН, датировано седьмым апреля: «Питаю большую надежду, что в этом году тоже удастся попасть в Турцию. Но все приходится делать на свои средства и по своей инициативе. Связываться со всякими фондами – только тратить время, хотя с другой стороны, если бы дали – не отказался. Спасибо

Соросу за его доллары. И еще – где бы достать последние 3 тома Флоры Турции с однодольными?».

Главное время зимой у него уходит на определение многочисленных сборов. Разобрав очередную папку, он увозит материал в гербарий МГУ, Главный ботанический сад.

Джордж. Сорос – американский миллиардер и меценат - решил поддержать науку в СНГ. Каждому мало-мальски заслуженному ученому он выделил по 600 долларов. Для нас в те времена - сумма огромная. К сожалению, мы соросовские деньги положили в банк «Финтраст». В то странное время возникали банки, выманивающие деньги у населения, в основном с пенсионеров, которых заманивали баснословными процентами в размере 40 и даже 60%. Мы тоже прогорели. А хотели на эти деньги ездить за границу!

В апреле 1994 года мы с Андреем – участники совещания Совета ботанических садов в ботаническом саду Кубани при пансионате «Белые ночи». Возглавляет этот маленький ботанический сад Юрий Николаевич Карпун – его создатель. На небольшой территории собрано много экзотов. После заседаний Андрей уходит в горы. Под вечер быстро темнеет. Мне неспокойно, когда он задерживается, я издалека высматриваю его фигуру, спускающуюся с горных склонов, еще не закрытых густой листвой.

После совещания мы уехали в Новороссийск. Но было холодно. Природа еще не проснулась. Андрей агитировал ботаников, друзей на совместную поездку по Турции. В этом случае поездка обошлась бы нам дешевле.

Третья поездка в Турцию

Поездка в Турцию должна состояться в конце июня 1994 г. С нами едет Петя Волцит – студент. Присоединиться решили и два эстонских ботаника, и еще – Михаил Георгиевич Пименов и Женя Клюйков – сотрудники ботанического сада МГУ. Мы берем с собой и наших внучек Галю и Майю. Гале почти семь лет, Майе пять с половиной.

На Кавказе с продуктами довольно плохо. Поэтому мы делаем значительные запасы круп, консервов – то, что нам будет необходимо во время долгого пребывания в Аджарии и во время выездов на турецкую сторону. Мужчин много, а значит, много и помощников тащить этот тяжелый груз.

До Сочи едем на поезде. По дороге утром в Харькове наш поезд осадила огромная толпа торговцев. Предлагают колбасу и каталки. Мы решили купить и то, и другое. Пока я уносила в вагон каталку, торовцы совершили нападение на Андрея. Они просили обменять деньги, и он решил пойти им навстречу. Выхожу из вагона и вижу странную картину: Андрей вынул из кармана все наши деньги, у него вырывают из рук купюры, напирают. С трудом удалось прорваться и увести Андрея в вагон. Деньги сохранили.

В Сочи у морского вокзала стоят небольшие катера, курсирующие как в Аджарию, так и в Турцию. Рейсы в Аджарию зависят не только от погодных условий, но и от желаний капитана. Поэтому долго ожидающие пассажиры насторожены, все время ждут, когда можно броситься к кассе и выстроиться в плотную очередь, купить билет и погрузиться на катер.

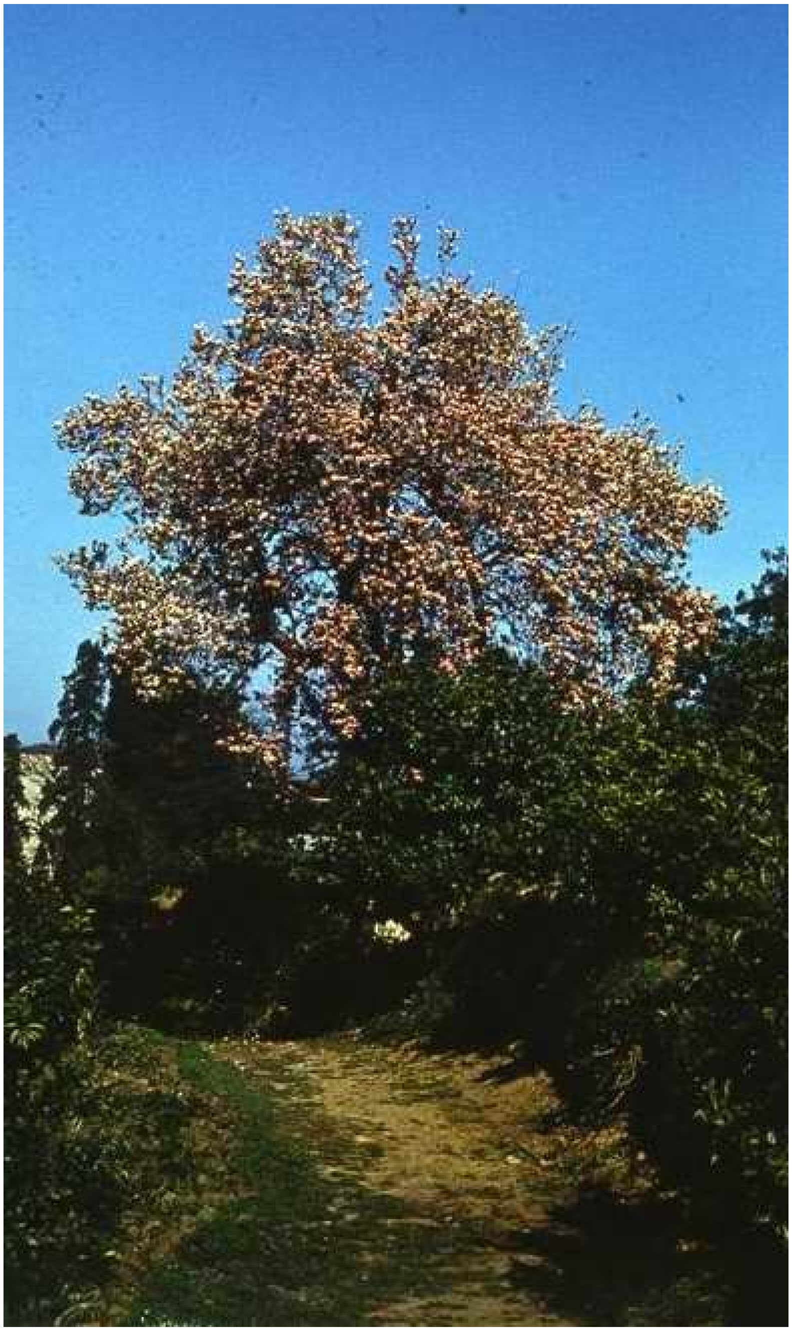
Отплытие задерживается. Отойти от катера не решаемся. Приятный летний вечер сменила ночь, её мы провели на пригорке, откуда порт виден как на ладони. Эстонцев в последний момент не пропустили: их страна не входит в СНГ. Состав нашей экспедиции сократился на два человека. Только во второй половине дня катер «Михаил Светлов» отчалил. Полный штиль, приятный

ветерок, стайки дельфинов подплывают довольно близко.

Причалили в Батумском порту в середине ночи. Светит огромная луна.

Теперь в Аджарии на купоны ничего не купишь. В ходу русские деньги. Поток машин с товарами, следующими в Турцию, прекратился.

Четыре дня уходят на поиски и аренду машины. Нашли микроавтобус с большим багажником на крыше, что очень удобно для сушки гербария. Наш шофер – Тамаз Абашидзе, приятной наружности, худощавый, доброжелательный. Наших внучек на время поездки в Турцию оставляем на попечение моей подруге, сотруднице Батумского ботанического сада Маше Овчинниковой.



Магнолия Суланджа на Зеленом мысу

4 июля выезжаем. На таможне поборы усилились. На турецкой стороне все проще: плати деньги – ставят печати.

Мы планируем сначала поездку на горы Мургул по левому берегу Чороха, затем в Ардаган, оттуда в Эрзерум, откуда вернемся через перевалы, следуя на север к Черному морю.

Дорога до Хопы хорошо знакома. Но Андрей сразу начинает сборы. Останавливает машину, осматривает склоны. Затем знакомым путем едем на перевал к Чороху. Все зеленеет. Каштан уже отцвел.

От Борчхи поворачиваем направо в сторону Мургула. Вдоль дороги тянутся унылые безлесные пространства. Проезжаем мимо фабрики по добыче меди. Она построена в XIX веке и не обновлялась. Средневековые лачуги производят неприятное впечатление. Река несет грязную, зеленоватую воду – результат добычи меди. Быстро проезжаем мрачные поселки и останавливаемся на ночлег на красивой зеленой полянке у грязной речки странного серозеленого цвета. Она несет отходы медного рудника - dоду пить нельзя. Находим родник, ставим палатки. Мы впервые можем использовать полевое оборудование, которое при отъезде из Магадана в 1985 году привезли на Зеленый мыс. Все годы, что мы работали в Аджарии, это оборудование нам ни разу не пригодилось. Это удивляет М.Пименова. Я ему объясняю: в Аджарии везде, буквально везде нам предоставляли для ночлега комфортабельные гостевые комнаты. Палатки нам были не нужны. Теперь я с радостью вспоминаю нашу прежнюю, долгую полевую жизнь на севере. Спим в спальных мешках, так как довольно холодно. По долине реки дует ветер.

Местные жители очень интересуются нашей экспедицией. Везде показываем контракт о совместной работе с Трабзонским университетом. Я себя по старой памяти выдаю за сотрудника Батумского ботанического сада.

Из дневника: « **5 июля.** С утра едем вверх по реке Мургул. Планируем попасть в высокогорья.

В среднегорном поясе еловые леса с буком, очень похожи на аджарские. Граба мало, изредка липа. Долина реки сужается. На высоте 900 м оставляем машину и вчетвером: Пименов с Клюйковым, я с Андреем - идем в горы.

Лесная дорога, петляя, идет вверх. По обочинам высокие травы. Как только начали подъем, Пименов с Клюйковым энергично вырываются вперед, не останавливаясь и сосредоточивая свое внимание лишь на зонтичных. Остальное их не интересует. Нам за ними не угнаться. На склонах гор – террасы с посадками лесных культур. Они и замыкают дорогу. Настоящая тропа в высокогорья идет по соседнему хребту. Издалека вверху мы видим спускающуюся группу крестьян. А мы в начале пути не сориентировались. Теперь для того, чтобы выйти на тропу в горы, нужно пересечь густой колхидский подлесок, спуститься в глубокий овраг и подняться вверх по крутому склону. Сделать это совсем не просто. Сразу же попадаем в густые заросли с лежачими стволами лавровишни. Так же, как на заставе Скурдиди, пробираться в этих зарослях почти невозможно. Парит. И все же удается с большим трудом выйти вверх на тропу. Миша то и дело убегает вперед, но Женя ждет меня. Мы потеряли время, а нам нужно подняться в высокогорья и засветло спуститься к лагерю.

Тропа идет строго по коньку холма, берет круто вверх. Ельники кончаются. Только в высокогорьях, наконец, встречаем плотные, почти круглые, высокие кусты рододендрона Смирнова с яркоалыми соцветиями. Впереди – скалы. Мы уже не надеялись встретить эпигею. И вдруг на высоте 2100 м находим ее. Свои побеги она спрятала среди камней, торчат лишь кожистые листья. Цветков не обнаружили. Сильный скотобой. Вниз идем по коньку горы. По обе стороны тропы, почти вертикально вниз на значительное расстояние уходят крутые обрывы. Я

очень устала.

В наше отсутствие несколько раз приезжали лесники, требовали, чтобы мы покинули это место. А мы рассчитывали тут переночевать. Сворачиваем лагерь, возвращаемся на предыдущее место ночевки.

6 июля. Утром спускаемся с гор на основную трассу. На высоте 300 м картина меняется, становится жарко и сухо. На пологих склонах много кавказской хурмы, по обочинам густые опушки кустовидного инжира. Сильная жара. Пересекаем Чорох и знакомой дорогой въезжаем в Артвин. В центре города разговорились с высоким полным турком. Зовут его Дурсун. У него в Артвине магазин. Он довольно бойко говорит по-русски и вызывается быть нашим переводчиком в лесничестве. Мы, как и в прошлом году, пьем кофе в нарядном кабинете главного лесничего. Командировки заверены. Дурсун сопровождает нас в горы. В горах над Ардanучем у него ульи, там живет его дядя. Мы можем остановиться в заброшенной гостинице - это нас очень устраивает. Мы рассчитываем подняться на перевал.

Знакомый поворот на реку Берту. По дороге Дурсун нас кормит в столовой обедом. Но Андрей сначала забирается на жаркий склон. Использует каждую минуту. За Ардануčем поднимаемся в горы и останавливаемся у деревни Акарцукой. Рядом с ульями на небольших делянках посеяна пшеница. Около домов – созревшая тута-шелковица, черешня. Брошенная гостиница опрятная, на кроватях чистые матрацы. Работу с гербарием кончаем уже в темноте. Дурсун приносит от дяди мацони, творог. Ему очень хочется попрактиковаться в русском. Жаркий воздух поднимается вверх из ущелья. Всходит огромная луна.

7 июля. Миша Пименов встает в пять утра и готовит завтрак. За ним Клюйков, работящий и немногословный. Потом тянутся все остальные. Дурсун на первой попутной машине уехал вниз, в Ардануч. Мы же направляемся в другую сторону. Ближе к перевалу начинаются густые ельники с красочными лугами. Под перевалом стоит военный кордон, вверх не пускают. Это связано с курдскими повстанцами, требующими самоопределения. Пришлось вернуться. Обратно быстро съезжаем вниз. По узкому каньону Берты несется жаркий ветер. На склонах можжевеловые редколесья. От Чороха поворачиваем на юг, едем знакомой трассой вверх по Чороху до Алту, а затем до Тортума.

Начались первые неполадки с машиной. На подъемах вода кипит, мотор греется, нужно остужать. С этим и связаны остановки, которыми широко пользуется Андрей, на одной из которых очередной раз потерял копалку. К вечеру, у Тортума, жара спала. Поднялся сильный ветер. Палатки поставили в одном из маленьких ущелий.

8 июля. Ранний завтрак. С утра сухо. Сушим газеты, перебираем, закладываем. У нас на редкость слаженный коллектив. За исключением ехидностей Пименова, все идет гладко. Миша собирает исключительно зонтичные, их в этой жаркой стране много, а Андрей – все подряд. По этому поводу Миша часто проезжается. Мол, к нему в Турции не будет никаких претензий, а к Андрею придерутся, так как у него интерес ко всей флоре Турции. И в этом есть свой резон.

Первую половину дня проводим у озера. Андрей с Пименовым обследуют крутые берега. Вода в озере очень холодная.

Очень жарко. К вечеру, не доезжая Эрзерума, останавливаемся около пасеки на цветущем лугу. На соседней горе светится воинская часть. Пчеловоды говорят, что тут повсюду курды-повстанцы.

9 июля. Утро, как обычно, посвящаем гербарию. Андрей уходит на экскурсию. С утра уже очень жарко. Быстро собираем лагерь и уже в первой половине дня въезжаем в Эрзерум.

Город лежит в межгорной котловине. На улицах много женщин, укрытых в коричневые суконные покрывала. Видны только глаза. В жару это кажется особенно неестественным. Закупаем продукты. Пересекаем город и мимо жалких лачуг едем в сторону перевала Чад. Шоссе идет вдоль речки, плавно поднимаясь к перевалу. По берегам луга - косят сено. Его собирают очень аккуратно, скатывая в большие шары. Наша машина еле тянет. Поэтому останавливаемся под перевалом Паландакен на скошенном лугу. Приходят косари, пугают курдами. Здесь бывают военные действия.

Мужчины уходят в маршрут в сторону перевала. Я остаюсь в лагере и, конечно, волнуюсь. Вокруг красочные предгорья. Луга обрамляют заросли кустарников. Никаких признаков военных действий не увидели. А по возвращении в Москву из газет узнали, что как раз этот район был местом главного конфликта турецких военных частей с курдскими повстанцами.

10 июля. Приведя в порядок разросшийся гербарий и привязав его к багажнику, мы оставили идиллические горные луга у перевала, вернулись в Эрзерум и повернули на запад. Шли долгие рассуждения – каким перевалом пересечь Понтийский хребет, чтобы выехать к морю. Пришлось ехать более низкими перевалами. Миша расстраивается. Машина явно может застрять, она не берет и небольшие высоты. То и дело приходится выходить, толкать.

К полудню жара достигает пика. Развалины крепости Аш-Кале находятся на красивом холме. Под ним у реки лужайки под пирамидальными тополями – место остановки проезжающих.

Мутная река Карасу течет в бассейн Евфрата, об этом много разговоров. Едем к перевалу Коп. Под вечер остановились на вершине одного из пологих холмов. Вдали через реку- небольшая деревня Бозбурун. В темноте к нам из деревни приходят в гости две молодые пары. Тамаз нас уверяет, что это скрытые армяне. Во время геноцида 1915 года они не убежали, а остались здесь, приняв облик турок. Теперь они хранят иконы своих предков, но говорят по-турецки.

11 июля. На холме у наших палаток – полусферы плотных колючих подушек акантолимона и трагакантовые астрагалы. Мужчины уходят в горы на экскурсию. Я остаюсь наедине с гербарием, который все более и более разрастается. К полудню возвращаются, и как только подходят к машине – подъезжают жандармы, вынимают автоматы, берут на мушку. Стоим под их прицелом, пытаемся объясниться. Наши вчерашние гости сообщили им, что мы ищем золото. Старая песня. Пускаю в ход контракт - он успокаивает жандармов. Они опускают автоматы и уезжают.

Оставаться тут небезопасно. Решаем ехать вперед и расположиться на обед в более безопасном месте. Машина медленно поднимается к перевалу. Глубоко внизу, в большой котловине находится красочная деревня, окруженная деревьями, полями. Та самая, в которой живут бдительные молодые люди. Ксерофиты сменяются зарослями низкорослого дуба. Ближе к перевалу – осиновые рощи с наземным покровом из низкорослого можжевельника казацкого.

Под перевалом – затяжной подъем. Машина совсем не тянет, то и дело в досаде выходим, толкаем. Небольшая остановка. Нужно передохнуть – не нам, машине. Маленький ослик нагружен огромными хурджинами. Его головка еле видна. Андрей ушел собирать растения.

За перевалом Коп высотой 2305 м – зеленые лужки. На военном кордоне очередная проверка документов. На сухих крутых склонах много груши с колючками, кусты шиповников, барбарисов. Въезжаем в долину Чороха и останавливаемся на берегу в его верхнем течении.

12 июля. На крыше гербарий хорошо продувается и сохнет. Удалось окунуться в холодную и быструю воду Чороха. С утра жара. Хотя мы едем по ровной дороге, перед Байбуртом машина остановилась совсем недалеко от автосервиса. Удалось подтолкнуть и починить. Мастера разглядывают нашу машину, цокают и удивляются, как такая развалина может ехать. Байбурт –

небольшой городок среди гор, на холме старая крепость с развевающимся флагом. Быстро пересекаем город и вскоре попадаем в марево жары в межгорной котловине. Однообразная длинная дорога среди полей. В зените дня останавливаемся на обед около большой трубы с холодной водой, предназначенной для орошения. Арбуз очень кстати. За равниной начинаются предгорья, кишлаки. Ищем место для ночевки. Крутые склоны подступают прямо к дороге, даже обочин нет. Уже близится ночь. Наконец находим подходящее место на отмели горной речки. Палатки не ставим - устраиваемся на ночевку на открытом воздухе, любуясь небом, усыпанным звездами.

13 июля. На подъеме к перевалу Зигана - долгие затяжные подъемы. Дорога идеальная. На перевале – небольшой тоннель. За тоннелем решаем осмотреть высокогорья. Оставляем машину с шофером и Петей, а сами спускаемся в боковое ущелье, поднимаемся и оказываемся почти на уровне с шоссе на противоположном склоне. Видим, как к нашей машине подъезжают жандармы, о чем-то спорят с Тамазом и Петей, как вытряхивают вещи. Необходимо возвратиться и выяснить положение. Андрей с Мишей не хотят терять время, остаются. Когда я подхожу к машине, обыск подходит к концу. Офицер рассержен. Для него наш контракт – не указ. Особенно он недоволен упоминанием слова «Лазистан», что говорит о сепаратизме. Спасает положение то, что его громко вызывают куда-то по рации. Уезжают.

По серпантинам большого шоссе быстро спускаемся вниз к побережью. Ельники кончаются. Начинаются знакомые буково-каштановые леса. И вот мы на побережье Черного моря у Трабзона. Теперь дорога идет вдоль побережья по идеальному шоссе в сторону границы. За Трабзоном на берегу моря останавливаемся на обед. Турчанка выносит из дома хворост для нашего костра. Купаемся среди камней и, кажется, мы единственные, кто здесь это делает.

Жаркое солнце сопровождает нас до Ризе. Там мы делаем покупки. Миша с Клюйковым «клюют» на дешевые кожаные куртки. Я покупаю подарки внукам. Петя трогательно покупает портфель своей сестре и фрукты, которыми всех угощает. Обилие разнообразных вещей поражает наше воображение. Мы еще далеко не привыкли к капиталистическому обилию. Быстро, без приключений мы подъезжаем к таможне Сарпи. На Зеленый мыс приехали в половине двенадцатого ночи. А так как электричества в Аджарии нет, всю ночь перебираем гербарий при свете керосиновой лампы.

По возвращении на Зеленый мыс мы быстро досушили гербарий. Пименов с Клюйковым собираются в обратный путь. Мы остаемся на Зеленом мысу для дальнейшей работы в горной Аджарии и в надежде снова попасть в Турцию. Надеялись, что Пименов с Клюйковым заберут в Москву собранный в Турции гербарий. Но они отобрали только зонтичные, а остальные сборы взять отказались. Клюйков ссылался на недомогание Пименова, на его слабое сердце.

В июле мы снова арендовали машину для поездки в горную Аджарию. С нами поехал Петя и наши внучки.

Сначала приехали в Бешуми. На Годердзском перевале остановились в горном домике – летовке. В густом тумане ходить в маршруты не было никакой возможности, и Андрей изнывал.

Только 26 июля разметало облака, и мы смогли выехать в сторону заставы. По долинам еще стелился туман. Высокогорья быстро высохли под лучами яркого солнца. По вершинам Арсиянского хребта доехали до заставы. Мы рассчитывали на помощь бывшего сотрудника ботанического сада, теперь пограничника на заставе. Но когда подъехали– обнаружили, что все, кто находится на заставе, пребывают в большом волнении, не выходят из помещений. Оказалось: два турка-пастуха, ничего не подозревая, в поисках своих животных в тумане пересекли границу, и их убили пограничники. Вызвана комиссия из Москвы. Мы как раз угодили к ее приезду. Быстро едем на следующую заставу. Затяжной спуск с хребтов к

подножью гигантской горы, к заставе Васюхно. Названа она так, потому что в 30-е годы тут геройски погиб пограничник Вася.

На заставе по традиции нас кормят обедом. Очень кстати. Петя удивил всех - съел пять обедов и, кажется, остался голодным. Мы уже давно не удивляемся его аппетиту.

Начальник заставы – молодой парень, хвастается недавней охотой на медведя. Каждый начальник заставы в этих краях хвастается своими охотничьими победами. Лето короткое, родина далеко, зимой завалы снега. Тоска.

В лесном поясе, где находится застава Васюхно, нам делать нечего. Нам нужны высокогорья. Поэтому едем дальше вдоль Арсиянского хребта к заставе Чирухи. Пересекаем знакомую яйлу Сары Чаири. Сплошные овраги, выеденная дотла земля. Все знакомо. Начинается крутой подъем к хребту Шертули, который год назад по осыпям мы штурмовали с Нино Мемиадзе. С противоположной стороны он более пологий, но для машины – крутой. Поэтому выходим из машины, идем вверх вместе с девочками. Галя, наша старшая внучка, испугалась трудностей подъема. Я задумываюсь, сможет ли она, как дед, никогда не пасовать и идти напролом? Смотрю – прошла.

В большой казенной комнате развешиваем, словно простыни, скудный запас газет. Туман опять ложится густым одеялом. По очереди то я, то Петя, но каждый раз обязательно Андрей, ходим вдоль границы, где на нейтральной полосе еще сохранились почти нетронутые луга.

По приезде сушим гербарий то у костра, то на солнце. Чем больше сеток, тем больше забот. Девочки, Петя нам очень помогают. Почему у костра? Газа нет. Мы не только сушим гербарий у костра, но и готовим на костре пищу. Костер мы разжигаем под навесом. Дожди в Батуми – постоянное явление.

Ходим на море, и там мы совсем одни. Пляжи совершенно пустые, только к вечеру выползают из домов отдыха беженцы из Абхазии. Они садятся на шпалы железной дороги и смотрят на закат. Поезда давно не ходят, в домах отдыха их почти не кормят, нечем. Они развели огороды по обочинам домов отдыха, топят маленькие печурки, на которых готовят пищу. Мрачные, в черных одеждах, словно черные вороны. Много стариков с обликом обреченности. Сами они чувствуют, что вернуться на родные пепелища не придется.

Настала пора Петиного отъезда. Он согласился увезти в Москву весь гербарий.

Большие тюки с упакованным гербарием лежат внушительной горкой на пристани. А так как до отхода катера больше часа, мы решили заглянуть к нашим знакомым, живущим недалеко от пристани в центре Батуми. Звоним в дверь - нам отворяют, и неожиданно мы оказываемся на свадьбе. Молодожены и гости только разместились. Еле вырвались из тисков свадебного пира. Мчимся на пристань - Петя в большом замешательстве. Посадка, то есть свалка, уже началась, а нас нет.

Теперь мы остались одни. Снова собираемся в Турцию.

Андрей никогда не теряет времени. 7 августа жаркий день. Мы вдвоем едем в Гонио. Теперь граница не на замке. За Чорох проехать на попутных машинах ничего не стоит. Цель нашего похода – детально обследовать обрывы между Гонио и Сарпи. Об этой, в свое время особенно охраняемой пограничной территории, ходили легенды как о самых красивых обрывах и бухтах Черноморского побережья. Действительно – обрывы красочные, но ничем не отличаются от других на побережье.

Четвертая поездка в Турцию

Об очередной поездке в Турцию мы договорились с Отари Апакидзе. Он – маленький и толстенький человек средних лет, живет на территории ботанического сада, а работает в Махинджаури на автосервисе. Машина у Отари прекрасная - свои «Жигули» он любит и холит.

17 августа мы на таможне. Отари – ушлый парень, он рекламирует нас, мол, ученые. Но теперь это никакого значения не имеет. Приходится платить по полной программе. Долго ждем на солнцепеке полного состава каравана – 10 машин. Спереди мотоциклист, сзади мотоциклист. Подлетаем к границе. Тут опять таможня, проверка, паспорта. Все уже хорошо знакомо - опять поборы.

Во второй половине дня почти без приключений доехали до Ризе. Почему почти? Отари ошибся. Машину на одной из многочисленных бензоколонок заправили супербензином. Это обошлось нам в копеечку и испортило на время настроение.

Спешим в горы к перевалу Овит Даг. Повернули в горы сразу же за Ризе. Идеальная дорога вьется вдоль реки, окруженной крутыми склонами, покрытыми буково-каштановыми лесами. Яркая зелень делает дорогу особенно нарядной. Нужно думать о ночлеге, но поставить палатку негде. Спускается вечер. Отари в незнакомой стране особенно насторожен.

У реки небольшая электростанция. Маленький домик смотрителя станции находится у дороги. Под прикрытием домика ставим палатку. Смотритель впускает нас на кухню. Разрешает пользоваться газовой горелкой. На уютной кухне только необходимое, очень чисто. Отари ободряется, заводит знакомство со смотрителем и выдает себя за турка, хотя совсем недавно объяснял нам, что он гуриец, то есть не аджарец, а грузин. Я начинаю понимать: он наполовину грузин, есть в нем и аджарская, а, возможно, и турецкая кровь. Он пользуется своими кровями в зависимости от обстоятельств.

18 августа. Утро в густом тумане, сыплет дождь. По мокрой дороге начинаем подъем. Отари то и дело беспокоится, возьмет ли его машина перевал. Туман рассеивается. Мотор греется. Ох, как я не люблю, когда мотор греется… Но машина у Отари слушается, поэтому с несколькими остановками для сбора растений, с некоторым напряжением мы выезжаем на перевал.

Несмотря на август, на перевале завалы снега. Но главное, что расстраивает – густой туман. Во многих местах растения в полном развитии, особенно у снежников. Много выбито скотом.

За перевалом сразу попали в совсем другую, сухую страну. Дома в деревнях с плоскими крышами, растительность – преимущественно ксерофиты. Затяжными спусками, по такой же, как на подъеме, хорошей асфальтовой дороге, с постоянными остановками для сборов, мы к середине дня спустились вниз к Чороху у городка Испир. Испир – турецкая глубинка в среднем течении Чороха. На развалинах старинной крепости развевается турецкий флаг.

Ищем место для ночлега. Для Отари – это серьезная проблема. Он всего боится. Нужно найти такое место, чтобы спрятаться от турок и, главное, чтобы ничто не повредило его машину, не осыпались на нее камни. Задача трудная, но на сей раз, как оказалось, вполне разрешимая. В нескольких километрах ниже городка по течению Чороха на галечнике, окруженном тамарисками, нашли хороший съезд к реке. Паводка в августе не предвидится. Машину спрятали в кустах, палатку поставили рядом. Успели приготовить ужин и заложить гербарий. Спустилась темная ночь. Отари слышались выстрелы. Кажется, стреляли на самом деле, но мы спали как убитые под шум реки.

19 августа. С раннего утра началась жара. Андрей ушел на склоны. Я занимаюсь гербарием.

Газеты на солнце сохнут прекрасно. После большого переезда Отари холит, моет свою машину. Дорога до Юсефилли древняя, грунтовая. Тянется вдоль Чороха, пересекая поселки и старые крепости. Видимо, дома строились рядом с караван-сараями, а крепости располагались на определенном расстоянии друг от друга. Проезжаем мимо садов с созревшими плодами. Это страна древнего земледелия. На противоположном склоне Чороха пестреют разными красками горы. В долине - минеральный источник. Отари должен обязательно помыть ноги в источнике молодости, как он говорит. Омовение придает ему особую энергию. Несмотря на очень плохую пыльную дорогу, мы проезжаем значительное расстояние. Город Юсефилли стоит у впадения в Чорох речки Пархал. От Юзефилли до Артвина – прекрасная асфальтированная трасса.

Теперь нужно найти место для ночевки. Вдоль трассы это невозможно. Везде крутые склоны. Но сразу за Артвином у трассы видим брошенный сад. Под тенистыми высокими орехами - очень хорошее место для остановки. Сюда может заехать машина. А главное, ни машины, ни нашей белой палатки с дороги, проходящей сразу же за деревьями, не видно. На пригорке стоит деревенский дом. Хозяева показывают нам дорожку к роднику.

На противоположной стороне Чороха высокие обрывы. Среди ночи раздается характерный, похожий на детский плач, вой шакалов. Их концерт усиливается тем, что вой экранирует от скал. Ложится ночь. Всходит огромная луна.

20 августа. Утро уходит на перекладку, закладку гербария, завтрак. Время утекает, жара усиливается. Спешим на Карчхал, на высокую гору на Шавшетском хребте, откуда начинаются истоки Мачахелы, впадающей в Чорох уже на территории Аджарии.

От Борчхи начинается долгий подъем в горы. Вдоль узкого ущелья, по правому борту его вьется крутая дорога. На склонах ущелья трепещут под жарким ветром лиственные леса. Река Балджи, правый приток Чороха, течет в очень узком ущелье. Ветер шумит по ущелью. С дороги в глубине ущелья русло реки едва просматривается. Отари справедливо беспокоится – возьмем ли мы эти высоты, попадем ли на высокогорные пастбища.

Дорога грунтовая, в основном предназначена для грузовых машин и тракторов. Но иногда нас обгоняют выхоленные новенькие машины турок. Они едут к источникам, к серным ваннам или выше в горы, к родственникам на горную кочевку скота.

На полпути к Карчхалу находятся серные источники. Над горной рекой стоит старый, но прочный дом. Это духан, в котором веселятся турки после принятия серных ванн. Ниже духана – купальня, небольшой домик с бассейном, выбитым в скалах. Вода еле теплая. Ощущается очень слабый запах серы.

Выше по краям дороги – заросли рододендрона Унгерна с белыми нежными соцветиями. В среднегорном поясе дорога все круче. В двух местах приходится вылезать. Отари с огромным напряжением, в два захода, берет небольшие, но очень крутые подъемы. Все время заслуженно хвалит свою машину.

В субальпийском, а затем в альпийском поясе начинаются голые горные, сильно выбитые скотом высокогорья. Это не плоские яйлы, а крутые холмы, между которыми размытые овраги. Издалека виднеются деревянные летние домики, точь в точь такие, как на яйлах Аджарии.

Впереди – самый крутой затяжной подъем. Если Отари его возьмет, мы доберемся до высокогорий. Машина его берет. Отари в восторге от своей машины. Мы с почтением оцениваем подвиг Отари. Въезжаем на самую высокую, 2600 м яйлу, наиболее приближенную к Карчхалу. Над нами возвышаются огромные серые пики с белеющими снежными вершинами. Останавливаемся около самой высокой деревни. Несмотря на ясный вечер, дует очень холодный, пронзительный ветер. Андрей сразу же выскакивает собирать растения. Я лихорадочно ищу

шарф. Отари сразу заводит знакомства, выдает себя за турка. Здесь довольно богатая кочевка. Дома каменные. Мужчины, насколько возможно, отдалены от женщин. Меня приглашают в помещение, похожее на светелку, где две достойные турчанки занимаются рукоделием, плетут тончайшие кружева. Отари представляет нас супругами-учеными. Так оно и есть на самом деле. Есть в поселочке и свой мулла. Все как положено в достойном магометанском поселке. Мы с Андреем идем выше поселка, на лужайки. Ясно и очень ветрено. Под нами изумительные картины высокогорий.

Возвращаемся очень замерзшими. Отари уже свой человек среди турок. Даже нашел какие-то общие корни и бойко, коверкая грузинские слова, лопочет по-турецки. То и дело слышится, даже обращаясь к нам: «Мэ вар муслим», что означает по-грузински «я магометанин». Поэтому Отари будет ночевать в теплом доме у хозяина. Нам с Андреем выделяют отдельный пустующий дом. Он очень чистый. Газовый обогреватель согрел помещение. Огромные полати застелены чистой постелью, шерстяными добротными одеялами. Мы, так сказать, в отдельном номере, куда приносят в чистых, начищенных до блеска кастрюлях горячий ужин!

Быстро засыпаем. Завтра – главный день. Подъем на Карчхал!

21 августа. Встаем очень рано. Подают каймак с сыром, чай. В долинах стелется туман. Тропинка идет вверх к озеру, о котором нам рассказывают чудеса. Идем круто вверх. Начинает кружиться и сильно болеть голова. Видимо, у меня кислородное голодание, горная болезнь. Раньше в высокогорьях со мной такого не бывало никогда. Андрей крепится, не признается. Но вижу – тоже неладно. Но такого шанса у нас, возможно, уже не будет. Поднимаемся на плоское, но небольшое плато, заросшее яркой зеленью. Коровы сюда не добираются, поэтому все растения не потравлены. Тропинка уходит вверх, тянется по скалам и осыпям. Выше растительность исчезает. Мы среди скал Карчхала с противоположной к Аджарии, лицом к Турции, стороне. Отсюда берет начало река Балджи. Через два часа выходим к средней величины озеру в котловине между скал. Глыбы камней подходят прямо к воде. Все серо, поросло лишайниками - 3600 м над уровнем моря. Приятно сознавать, что мы, уже довольно пожилые люди, смогли снова подняться в высокогорья.

Могли ли мы себе представить в 1985 году на яйле Кослистави, что нам удастся попасть на Карчхал!?

Начинаем спуск обратно. Выходим из тисков скал. Справа, далеко внизу - маленькие точки домиков кочевок. Нужно спешить, туман быстро заполняет долины. К четырем часам приходим в поселок. Папки набиты растениями - хорошо бы их заложить, но нас приглашают на обед пожилые достойные супруги. Супруги улыбаются, угощают горячим супом. Согреваемся и расслабляемся после долгого похода. Мы слышим традиционную молитву муллы. Отари на грани блаженства. К родственникам на новой красивой машине приехали молодые охотники. Рассказывают: ходили на вепря, убили и бросили, - магометане не едят свинины. Я вспоминаю рассказ начальника заставы в высокогорьях Аджарии. Он гнал огромного вепря, охотился.

Пора уезжать. Необходимо засветло успеть спуститься вниз, в Борчху.

Прощаемся со сладко улыбающимися гостеприимными хозяевами. Быстро съезжаем с гор. У Отари прекрасное настроение. Всего за полтора часа мы уже в Борчхе. Вечереет, сыплет дождь. Останавливаемся на перевале рядом с дорожной службой. Рядом полицейский пост. Очередной раз показываем контракт. Под дождем ставим палатку. Ночью разразилась гроза с ливнем, сверкали молнии.

22 августа. Без приключений приезжаем в Ризе. Мы рассчитывали, что покупки Отари будет делать быстро, ну, не более двух часов. Но настал его звездный час: он должен купить одежду

для дочки-студентки. Со смаком он обследовал все магазины, измерял платья по данным ему меркам, спорил и накупил массу заказаного! Вся процедура заняла почти весь день. Андрей изнывал в машине. Мы не догадались развернуть гербарий, заложить сборы, переложить старые. Потеряли время.

Путешествие вполне удалось. Главное – мы побывали и на Овит Даге и на Карчхале».

Конец августа. Девочек – Галю и Майю – необходимо отвезти в Москву к началу школьных занятий. Андрей остается еще на несколько дней на Зеленом мысу. В Краснодаре он участник совещания по злакам в Кубанском университете.

Улететь в Москву так же сложно, как и в былые времена. Весь день мы стоим у бронированных дверей в зал регистрации. За кругленькую сумму удалось пропихнуть туда Галю с Майечкой. Это устроил нам Автандил Беридзе, провожавший нас до самолета. Он же и обеспечил без поборов регистрацию гербария. Мало ли что придет на ум аджарским таможенникам. Мы ведь летим уже в другое государство, и докажи, что ты везешь не их достояние.

Я привезла в Москву весь остальной, собранный в Аджарии и в Турции гербарий. В Твери на своей работе я обнаружила приглашение на совещание в Краснодар и решила им воспользоваться.

Уже через день я ехала на поезде в Краснодар. В середине теплой ночи я выхожу на перрон краснодарского вокзала. Участников совещания ждет небольшой автобус. Шофер рассказывает, что другие гости еще не приехали, за исключением одного бородача из Батуми. Я поняла – Андрей уже здесь. Нас везут в общежитие. В маленькой комнатушке Андрей, как греческий философ, закутался в белую простыню. Ему, как всегда, ночью не спится. За 10 дней я совершила круг из Батуми до Твери и обратно до Краснодара, а он катером и поездом только до Краснодара. Мы снова вместе. Рядом с портфелем стоит корзина, наполненная мохнатыми киви. Андрей рачительно собрал ее у нас в саду на Зеленом мысу. Получился значительный запас, которым мы угощали участников совещания.

Владимир Яковлевич Нагалевский, декан биологического факультета Кубанского университета – главный организатор совещания. Он проводил его с большим размахом. В первый же день на территории ботанического сада на открытом воздухе были накрыты столы. Кормили стерляжьей ухой. Основные заседания должны проходить в высокогорьях, на стационаре Камышовая Поляна.

Нагалевский оказывает особое внимание Андрею. По дороге в горы вместе с собой сажает нас в легковую машину. Мне приятно, Андрей совсем не избалован почетом.

Жара, мы мчимся по пыльной дороге на Камышовую Поляну. Останавливаемся в тенистом леске у обочины дороги. Гостеприимный Владимир Яковлевич открывает багажник. Достает изысканные закуски, водку, наливает, хочет угостить. Но где же Хохряков? Его нет. Он ушел в лес собирать растения.

Осенью Андрей как научный руководитель «филиала» должен представить годовой отчет. Особенно странно, что в научный отчет включен агроном Н.А. Зеленнов. Энергичный, с барскими замашками молодой человек быстро оценил преимущества торговли - на территории филиала у него коммерческий участок. Он берет заказы на озеленение и быстро богатеет. Признаком его благополучия служит его кабинетик, расположенный напротив кабинета Андрея.

Из дверей Зеленнова постоянно разносятся крепкие пищевые запахи: жареной курицы (в те времена большая роскошь!), кофе, сигар. Часто приоткрывается дверь, где барином курит Зеленнов. В его ногах лежит красивая собака, все время приходят посетители. Напротив ютится

в запущенном старом кабинете Андрей. Он сидит за большим столом. Никто его кабинет не убирает.

Поездки 1994 г.: Июнь: Турция (отроги Мургула, Артвин, деревня Акарцукой, Тортум, Эрзерум, перевал Чам, Ашкале, перевал Коп, Байбурт, перевал Зигана). Август: Аджария (Годердзи, Гонио), Турция (Ризе, перевал Овит Даг, Испир, Юзефилли, Артвин, Карчхал).

Публикации 1994 г.: Составлен список флоры Лазистана. Проанализирован состав ксерофитной и мезофитной флор в различных географических регионах. Доказана субтропическая природа каштана как основного лесообразователя.

Выделены биоморфо-ритмологические группы субтропических растений: зимнецветушие, эфемероиды и однолетники.

Глава одиннадцатая: Москва. Кавказ. Первые поездки в Турцию (1993-1995). Окончание

1995 Зимой 1995 года я приезжаю из Твери на воскресные дни уставшая. Кроме ботанического сада в Тверском университете, которым только-только стала руководить, на кафедре ботаники в Тверском университете я читаю множество предметов. Андрея вижу редко. Приезжая в Москву, в основном занимаюсь хозяйством.

Установленный за последние годы режим дня Андрея сохраняется. Утром серьезная зарядка с холодной ванной. После ванны он гладит скопившееся белье. Девочки еще маленькие. Одновременно смотрит очередную мыльную оперу. В 10-11 садится за свой стол в домашнем кабинете и пишет статьи, отзывы, а потом идет на работу на весь день определять гербарий. Там он задерживается до позднего вечера.

Из Твери в Москву я приезжаю вечерней электричкой. Андрей почти всегда меня встречает. Толпа вываливается на платформу, Андрей идет мне навстречу, берет мою сумку, и мы едем домой, рассказывая друг другу новости. Так хорошо было рядом с ним! Ему всегда нравилось ходить вместе со мной. Он любил и наши прогулки, особенно вечерние. На Зеленом мысу сотрудники ботанического сада удивлялись: мол, вы всегда ходите вместе.

Очередное письмо в журнал «Знание - сила»: «Дорогая редакция! Ваш журнал самый любимый. Выписываю я его постоянно вот уже более 20 лет, еще с Магадана, где я долго жил. Еще в советское время я писал в ваш журнал письмо о необходимости многопартийной системы, и вы его опубликовали. На это письмо были читательские отклики. И вот настало время, когда у нас не только многопартийная система, а сверхмногопартийная система. Но теперь меня беспокоит другое. Недавно я видел по телевизору предвыборное собрание коммунистов, а главное – их лозунги. Эти до боли давно знакомые: «Мир народам, земля крестьянам, заводы и фабрики рабочим». И смотрят с экрана фанатичные, но уже совсем не радостные, как когда-то, а озлобленные лица. Неужели они ничего не помнят? Ни бесконечные очереди за всем и вся, ни постоянные погони за дефицитом, ни целевые поездки за продуктами в Москву и те же мизерные пенсии? Уж не говоря о высоких материях вроде закрытых границ, всякого рода несвободе, постоянных реанимациях качества. И во всем, во всем всепроникающую и все пронизывающую ложь. Ложь во всем и вся, везде и всюду.

В последнее время появились несколько интересных статей в разных журналах о природе

тоталитаризма, в том числе и в «Знание - сила». Интересные и правильные. Во главу угла ставится всеохватывающая государственность, жестокость и диктатура. И этот ужас, видимо, затмил от авторов, что главное в этом странном государстве были и есть ложь и демагогия. Именно с их помощью приходят к власти фашисты и коммунисты. С их помощью удерживаются столь длительное время и с помощью демагогии хотят вернуться вновь к власти.

Досадно, простодушный и легковерный народ продолжает верить в сказки. И это после 70-летнего террора и издевательства. Смотрит в рот этим крысоловам из Гамельна, снова зачарованно слушает их лживые, но столь сладостные речи и снова готов идти за ними к своей гибели…

О коммунистической лжи и демагогии можно писать диссертации. Нет для них более благоприятных условий, где бы они могли расцветать столь пышно и иметь столь многоликие формы. Это и ложь «обыкновенная», и клевета, оговоры и напраслина, столь популярные в сталинские времена, ложь частная и общая, тотальная, государственная. Все эти: «Народ и партия едины», «У партии нет иной цели, как благо народа», «К 80-му году советский народ будет жить при коммунизме».

Так повелось с самого начала. Но 70 лет – большой срок, и за этот период существования советской власти изменилась и категория лжи и реакция на эту ложь. Вначале необходимо было заманить и создать сказку для безграмотного, усталого от войны и пр. народа. Все удалось на славу. Думающих – убить, оболгать и манить сказкой как конфетой. Верил ли народ, прозрел ли, приспособился? Это другая тема. Главное – верха врали с самого начала и совершенно сознательно. Низы верили. Откуда же эти искренние слезы над гробом Ильича? Низы тоже очень быстро смекнули – нужно приспосабливаться. Стало размножаться племя «голубых воришек». А верха продолжали врать и в то же время зажимать. Вранье умножилось, жизнь становилась все «веселее». И чем был сильнее террор, тем стремительнее создавалась иллюзия благополучия. Но перед войной жесточайший террор не очень-то позволил низам обманывать. Но процветало доносительство во благо доносчика. То комнатку отдоносит, или еще что. Возвысится над соседом. Но ведь вранье какое иезуитское! И последствия самые страшные. Исчезнет человек навсегда, и донос – не донос. А так, пустячок. Во время войны народ кое-что увидел и смекнул. Куда возвращаться? В лагеря не стоит, и остался в оболганном мире капитализма. А те, что вернулись – победители, для них готовились новые, чудесные сказки о ближайшем блаженстве коммунизма. Кое-кто до сих пор вспоминает о так называемых понижениях цен в послевоенные годы. Несчастный народ верил в это близкое благополучие. И сейчас верят, что-де «добрый и самый лучший» наш вождь Иосиф Сталин дал бы коммунизм, да бедняга, умер. И вот не получилось…

При Хрущеве тоже кое-что прояснилось насчет обманщиков, но совсем не надолго. Снова вокруг Никиты стал виться Трофим Лысенко и обманул его еще раз, как обманывал и всех. То бывали случаи, когда низы околпачивали верха и сами прорывались на верхушку. При Брежневе явно наметилась усталость. Верха продолжали врать беззастенчиво. Особенно показателен курьез, когда освоение целины Брежнев приписал себе, а анекдоты гласили: «все, что было не со мной, – помню». Вранье приобретало комический характер. Но не до смеха было, когда за границей обязательно стукач, и только 30 рублей размена и все в таком духе. Циничная ложь, всякая. А низы уже разуверились и пошли в несуны. Только единицы продолжали искренне верить в светлое будущее, но были и такие.

И вот рассыпался колосс на глиняных ногах, этот странный Советский Союз. Даже в самом названии ложь. Рассыпался. И что мы видим в настоящее время? Исчезла ли ложь? Ничего подобного. Выросло новое поколение, для которых ложь – естественное состояние. И в верхах, и в низах. Послушайте внимательно кандидатов в депутаты, как залихватски они обещают все. И

им верят. Ведь вся Тверь голосовала за Жириновского. Господи! Как народу хочется красивой и радостной жизни! А низы? Им не хочется расстаться со сказкой.

Помните, наверное, поговорку последних брежневских лет: «они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем». Ну и что после этого удивляться, что коммунизм рухнул? Удивляться нужно тому, что он так долго существовал. Но и тут удивляться особенно нечему. Как в песне Высоцкого о правде. Правду давили, гнали, убивали, шельмовали всеми способами и средствами. Говорить на черное – белое. На хорошее – плохое, про светлое – темное и наоборот – стало потребностью всех и вся. Въелось в плоть и кровь. Стало второй натурой. Да почему второй? Первой! Именно первой!

Отчего это сейчас, после такой, казалось бы, блестящей победы над прогнившим коммунизмом все идет вкривь и вкось? Просто честных людей почти не осталось. И неоткуда им взяться. Если они и были, то только на самом низу, на самом дне, и к власти никогда не придут прежде всего потому, что не будут туда допущены врунами, лжецами, льстецами, клеветниками и прочими обманщиками.

Правда, сейчас правды вроде бы и больше, и ложь перестала быть краеугольным камнем политики, но оружием политики осталась. И в особенности – оружием всякого рода ловких дельцов, продолжающих с помощью лжи околпачивать простой и доверчивый народ, который просто так и рвется быть обманутым. Все эти лопнувшие банки – Тибеты, Чары и пр. Или соберутся несколько товарищей, сами, искренне отдают свои сбережения, чтобы открыть свое дело. Но не тут-то было. «Товарища» и след простыл. А как красочно зазывают у метро и на улицах поиграть в деньги!

И еще обратим внимание на то, что ни один из обманщиков, никогда (!) не признается во лжи. Он всегда клянется, что он самый что ни есть праведник. Так что «рейтинг» правды, несмотря ни на что, стоит очень высоко, и чем больше лжи, тем он выше!

Но, наверное, самый худший вид лжи – это смесь ее с правдой. Но коммунизм удивляет не этим, а беззастенчивостью и наглостью во лжи. Вспомним эти обязательные уроки марксизма-ленинизма, когда суровые марксисты, окончившие главную школу лжи, то есть партшколу или высшую партшколу, гордые своей непогрешимостью (и безнаказанностью), с умным видом вещали нам, что трудящиеся капиталистических стран «нищают абсолютно.

Ханжество считается ложью религиозной, когда человек божится в своей глубокой вере, а на самом деле творит пакости. Не таковы ли партийцы – и прошлые, и настоящие. Все они очень легко ушли из своей дорогой партии в коммерческие структуры и процветают, молясь уже другим богам».

Это письмо, перепечатанное для отправки и названное с моей легкой руки «Над пропастью во лжи», так и осталось неотправленным. И сейчас оно не утратило своей актуальности.

На реке Тверце. Майя Мартынова, Катя Виноградова, Галя Мартынова, А. Хохряков

В начале февраля 1995 года на совещании «Флора Центральной России» в Липецке Андрей на пленарном заседании делал доклад « Основные типы флористических спектров Средней России».

Конец апреля. Начало полевого сезона 1995 года ознаменовалось сплавом по реке Тверце. Инициатором был наш сын Павел. «Команда» представляла собой три поколения нашей семьи. Старшее – Андрей, среднее – Павел, он же капитан, младшее – приемная дочь Павла Катя – 10 лет и наши внучки – племянницы Павла – первоклассница Галя и только что покинувшая детский сад Майечка. Сыпал снег. Весенние ростки только пробивались. Но храбрые пассажиры байдарки под Андреевским флагом победоносно преодолели намеченное расстояние, закончив поход в Торжке.

Андрей, приезжая ко мне в Тверь, ходит на экскурсии с Колей Веселовым – сотрудником ботанического сада. Однажды, переходя реку, Андрей чуть не утонул, но напрягся и с трудом выбрался из стремнины. Молодой и сильный Коля не понял, что Андрей действительно обессилел и шел через поток с трудом.

Вечерами, когда контрольный срок кончался, я начинала волноваться. Бродила вокруг общежития университета, где я жила в маленькой комнатке на первом этаже. Жаркое весеннее солнце склонялось к закату, а Андрея все нет. Наконец появлялся он, с наполненной папкой. От сердца отлегало, но нужно было быстро закладывать гербарий.

Тогда и было положено начало организации гербария ботанического сада Тверского университета. Ректор мне шел навстречу, и после больших хлопот и трудностей в дальних корпусах на окраине Твери, на Соминке, ботаническому саду была выделена комната под гербарий, куда мы и складывали довольно большие сборы. Андрей это делал на добровольных началах.

Пятая поездка в Турцию

В Измире с 20 по 26 мая должен проходить симпозиум «Жизнь растений».

Из дневника: «**7-19 мая**. Поезд Москва – Кишинев. В купе подержанного вагона я, Андрей, М. Пименов и Е. Клюйков. По дороге несколько таможен. Первая – украинская, потом молдавская. Таможенники грубые, придираются, пассажиры их боятся. В свежей зелени леса и долины.

20 мая. Кишинев. На площади небольшой домик. Нас сразу же заманивают слащаво улыбающиеся турки. Билеты до Стамбула стоят 30 долларов. Автобус отойдет в три часа дня. Вещи оставляем в домике и идем в город и в ботанический сад. В городе везде следы былого советского размаха. Теперь ощущается упадок - дома не крашены, клумбы не ухожены. Ботанический сад тоже создан с размахом, а теперь переориентирован на румын. Научные сотрудники, проходившие аспирантуру в Ленинграде, жалуются, что начинают забывать русский. Встречают гостеприимно, и каждый вспоминает былую общность с Советским Союзом.

В Турцию выезжаем с опозданием. В Румынии у Ясс стоит памятник Суворову. Болгарию проезжаем ночью. Фирма, которая перевозит нас в Стамбул, каждого одаривает бутылкой шампанского. Утром мы уже на границе с Турцией. На огромной таможне платим 10 долларов - ставят в паспорте печать, и мы оказываемся в Турции. Совсем скоро доезжаем и до Стамбула. Перед нами огромный город. Как мы будем в нем ориентироваться, не понимая по-турецки? Нижняя часть огромного автовокзала еще строится, а верхняя площадка полностью отдана под офисы разных фирм. Жара. Договорились об отъезде в Измир завтра на рассвете.

Миша Пименов все время поддевает и задирает Андрея, тот не обращает внимания. Добродушный Женя молчит. На микроавтобусе нас везут в центр города в гостиницу. Почему не рядом с автовокзалом? Турок не знает ни слова. Ни по-английски, ни тем более – по-русски. Отель в торговом центре. Там полно грузин и русских. У них два основных занятия: проституция и торговля. Зачастую эти занятия сочетаются. Вокруг отеля – узкие улочки, грязь. Молодая женщина в белом костюме с папиросой в зубах наблюдает, как мальчик загружает в автобус огромные тюки. Задняя часть автобуса грузовая.

Устраиваемся в многоэтажном отеле. У нас темная комнатушка с видом на узкую улицу. Середина дня, спешим на прогулку. Миша бежит впереди бодрым козликом, мы за ним. Он купил карту Стамбула, и теперь мы надеемся сориентироваться. В темпе по узким и грязным улицам спускаемся с холма к набережной. Город остается на высоком холме. А справа море, ярко-голубое, в дымке. На большом зеленом приморском лугу Андрей сразу начинает собирать травы. Миша торопит. Вдоль моря рядами расположены рестораны, перед входом - лоханки, в которых плещется разнообразная рыба, шевелят усами лангусты. Мы быстро идем вперед и оказываемся на краю мыса Босфор. Над нами на высоком холме – дворец султана. Идем мимо дворца по набережной, огибаем мыс, поднимаемся на холм. За дворцом большой парк. Нужно пересечь парк вдоль дворца, чтобы оказаться у Айя-Софии на вершине мыса. За вход берут по доллару. В глубине парка высокие деревья смыкаются кронами, а почва под ними так вытоптана, что превратилась в камень. Нигде ни травинки. Народу много, большинство – женщины. Они, несмотря на жару, в длинных плащах и косынках. В центре парка эстрада, все скамейки вокруг эстрады заняты. Певец поет заунывную песню. Спешим к голубой мечети: тут полный парад. На скамейках сидит праздный народ. Миша и Женя спешат в Айя-Софию. Мы уже там бывали в 1982 году во время круиза по Средиземноморью. Поэтому предпочитаем остаться на воздухе. Мимо нас идет разносчик воды в пестром средневековом наряде. На холме в конце города – колонна с египетскими иероглифами.

Миша и Женя убегают в торговый центр, а мы с Андреем, чтобы хоть что-то собрать, идем снова вниз к заливу, мимо куч с мусором, грязных бедных маленьких домов, прилепленных друг к другу. На лугу у залива удалось собрать злаки, сорняки.

Вечерняя прогулка по Стамбулу. Утром нам предстоит самостоятельно сесть на метро, чтобы доехать до автовокзала. Только что построена его первая линия. Толпы людей запрудили улицы. Везде торговля, шум. Огромный город.

21 мая. Из вагона надземного метро видна панорама центра города. Выходим у автовокзала. В большом двухэтажном автобусе полный сервис. Медленно едем по улицам Стамбула - из города выезжаем три часа! Из окна видны бесконечные соты домов. Наконец, автобус въехал на паром, и мы смогли выйти из автобуса и вздохнуть, полюбоваться Мраморным морем. Наивный Женя решил, что сервис на пароме бесплатный. В небольшом буфете разносят чай с вкусными пирожками, начиненными сыром. Это нам стоит 20 долларов и портит на время настроение. Далее едем по прекрасному шоссе мимо холмов. Растительность до Бурсы – фригана и гарига. Вершина Вифинского Олимпа еще в снегу, тогда как внизу жара. Издалека хорошо просматривается дорога на вершину. Фригана исчезла. В центре материка серо тянутся вдоль дороги маслинные поля. Ближе к Измиру появились рощи сосны аллепской, густой шибляк. Низкорослый колючий дуб хермесовый образует очень густые и колючие заросли. Проезжая мимо Манисы, вдали видим древний цирк и высокую гору. Наконец, к концу дня перед нами разворачивается панорама Измира, амфитеатром расположенного в морском заливе.

На окраине, в университетском городке сначала никого не нашли. Миша нервничает и задирает Андрея. Чувствует себя хозяином положения, а мы вроде приживал-иждивенцев. Действительно, Миша тут один из известных ботаников, а нас никто не знает. Нас устроили в очень приличной гостинице-общежитии для студентов. Здесь учатся и азербайджанцы и узбеки из СНГ. За прибытие выпили шампанское.

22 мая. Андрей с пяти утра успел побродить по парку вокруг гостиницы и сделать сборы.

В красивом здании в центре города - торжественное открытие симпозиума. Чествуют англичан и шотландцев. Тут главный Хедж – один из авторов «Флоры Турции». С ним Пименов на короткой ноге и очень этим гордится.

В перерыве я вижу улыбающегося Хари! Радостная встреча. Он только что приехал и готов взять нас в путешествие по Турции! После заседаний участников симпозиума везут в закрытый ресторан. На большой зеленой лужайке стоят столики. Разливают холодное пиво. На тарелочках малюсенькие замысловатые закуски к пиву. Звучит заунывная восточная музыка. Все очень достойно. Вечером перебираем первые сборы.

23 мая. В пять утра Андрей опять убежал в горы. Я волновалась, ждала к завтраку. Пришел потный, в последний момент, собрал много.

Мимо уже знакомой грязной бухты на автобусе везут в центр города. Заседания продолжаются в парадном театре. В просторном холле золотой бюст Ататюрка . Рядом красный флаг со звездой и полумесяцем.

Нужно достать газеты для перекладки гербария.

Старой Турции в Измире нигде не видно. Все на европейский лад. И дома, и люди. Одеты скромно, многие в шортах. Все неспешно.

Днем между заседаниями удалось вытащить Андрея в магазин, чтобы купить джинсы. Еле уговорила. Ворчал, рвался обратно. Но как же мы завтра поедем на природу в Манису?

24 мая. Национальный парк Маниса находится на высокой горе к северу от Измира. Первая остановка в густых зарослях средиземноморского маквиса на крутых склонах. Известняки. Все степенно ходят недалеко от автобусов. Андрей забирается в заросли и лихорадочно собирает все подряд. Убегает, опаздывает. Я волнуюсь. Складываем растения в полиэтиленовые мешки в тени

автобуса. До 1500 м над ур. моря горные леса из невысокой сосны Брута, а выше ее сменяет более высокая сосна Палласа.

Останавливаемся в небольшом леске. Раздают завтрак в пакетах. Андрей убегает делать сборы. Много жандармов, охраняющих парк. За леском большой вольер. Всех заводят за ограду. Показывают редкий вид тюльпана. Большая толпа участников симпозиума утаптывает ногами площадку, поэтому он так тщательно огорожен. Здесь на симпозиуме присутствует ассистент из Трабзона Сали Терзиоглу. Тот самый, который во время нашей первой поездки в Турцию при подъеме на Мачку не разрешал Андрею собирать гербарий. Вдруг слышим: громогласно на всю долину в рупор объявляют, что московский ботаник собирает растения в заповедном месте. Я напугана. Жандармы ищут - это трабзонский ассистент предупредил жандармов и следит за Андреем. Пименов с Женей спускаются в долину с одного холма, Андрей – с другого. Жандармы на них не обращают ни малейшего внимания.

Следующий пункт – смотровая площадка с изумительным видом на Манису. Наверху много мелких весенних луковичных. Ассистент Сали со своей компанией продолжают бдительно следить за Андреем. Когда тот что-то пытается выкопать – на него цикают. Сами же турки на правах хозяев копают большим ножом, демонстрируя, что они тут хозяева. Сверху спускаемся красивым сосняком. Цветут дороникумы.

Все эти усилия, минуты, вырванные на сбор растений, для Андрея пропали даром. Перед отъездом из Измира Андрей очень просил Пименова привезти гербарий в Москву. Тот опять, как и в прошлом году, отказался. Мы запаковали гербарий и отнесли ботанику Оттюрку, знакомому Пименова. Просили прислать в Москву, но он так и не прислал.

Вечером в Измире в одной из столовых кормят узбеков, азербайджанцев, пакистанцев и нас, русских. Мы – бедные, пища в Турции дорогая. Днем подкармливают пакетами с бутербродами.

25 мая. Поездка в национальный парк Дилек Варимадази. Как обычно, с раннего утра сбор гербария, переборка.

Два часа едем жаркой дорогой мимо Эфеса. Видим его только издалека. Дилек – национальный парк на побережье. Небольшая остановка у моря. Красивый пляж, выше – холмы, густо поросшие вечнозеленым лесом. Купаемся в Эгейском море, оно еще довольно прохладное. Андрей убегает в лес. С дороги я его не вижу, в лес пробраться трудно. На обрывах, в густой растительности можно рассмотреть красные стволы земляничника мелкоплодного. На скалах привычная сосна Брута.

При выходе из автобуса мы не узнали контрольного времени, ведь Андрей рвался собирать. Приходим на стоянку, а автобуса нет. Мечемся, спрашиваем, куда ушли участники симпозиума. Указывают на дорогу вверх. Как я устала от этого режима! Но что делать? В таком бы красивом месте спокойно, без спешки любоваться природой. Нет! Я не должна упускать Андрея из виду.

В темном каньоне люди растянулись по узкой дорожке вдоль горной речки. Вокруг по склонам – густой вечнозеленый субтропический лес. Андрей убежал вверх по ручью. Вернулся точно к контрольному сроку с наполненными пакетами.

27 мая. На машине Хари – это маленький желтый «опель» – мы снова едем в высокогорья Манисы. Теперь тут тихо, и Андрей может собирать все что угодно.

На красивой высокогорной площадке в маленьком ресторанчике мы расплатились за чай. Это сильно отразилось на нашем бюджете и испортило настроение, несмотря на красоту изумительных видов, открывавшихся с балкона хитрой избушки.

28 мая. Отъезд из Измира. Утром к нашей гостинице подъезжает Хари. Так началось это

уникальное, замечательное путешествие. По дороге Андрей мог в любом месте остановиться и собирать, углубившись с дороги довольно далеко. Часто его сопровождал Хари. Этот благороднейший человек бескорыстно и почти бесплатно возил нас. Правда, иногда он кричал и был недоволен неаккуратностью Андрея, но тут же добрел и улыбался.

Вначале наш путь лежал на юг Турции в Мармарис, где Хари хотел увидеть своего друга Женю – художника из подмосковного города Жуковский. Мчимся на юг по жаркому шоссе. Можно расплавиться. Подъезжаем к Эфесу. В музее множество мраморных осколков статуй. Осматриваем руины города, анфиладу мраморных колонн. Отдельно, и тоже в руинах стоит храм святого Иоанна.

Далее по раскаленному шоссе едем по пути завоеваний Александра Македонского, на юг. Вдоль дорог городки, магазинчики. Продают огромные персики. Асфальт плавится. Проезжаем Магнезию, затем в Приенне поднимаемся на холм, рассматривая красивые статуи, посвященные Афродите. По пути то и дело встречаются розовеющие заросли цветущего дикого олеандра. Какие знаменитые места!

Едем по большой, ровной, засоленной и заросшей кустарниками долине Меандра. Море отступило далеко. Осматриваем руины Милета. Пустынно. В амфитеатр проход по подземному тоннелю. Колонны. Красиво, но не монументально. Нужно обладать большим воображением, чтобы представить себе, какая в этом месте шла жизнь в древние времена.

Дорога вьется вдоль морского побережья. Мраморный берег обрамлен земляничными деревьями, склоняющими красные стволы над прозрачной водной гладью. Поднимаемся в горы к городку Мулга. Чем выше, тем больше сосны. В большой речной долине – огромный карьер глубиной в несколько этажей. За ним дымит завод. Городок Мулга. Хари долго выбирает отель. Просторный номер с ванной и горячей водой, что очень кстати. Под окном гонят коз, блеют овцы. Рядом большая мечеть, время от времени раздается громая «песнь» муэдзина.

Тепло. Столики ресторана в беседке с замысловатым узором. Хари долго выбирает блюда. Официант подпоясан огромным красным поясом, похож на флибустьера.

29 мая. Ясное утро. В большом павильоне утренний завтрак. Медлительный турок еще не совсем проснулся. Хари злится. Он раздражен еще и потому, что мы пользуемся в качестве веревок какими-то обрывками. Идем по рядам магазинов, где множество разнообразных товаров. Покупаем яркую синтетическую зеленую веревку. Надеюсь, ее хватит на весь наш путь.

Теперь снова в дорогу. Скалы. Шибляк. С утра сильная жара. Останавливаемся у посадок молодых пиний. На опушках заросли ладанников - это красивые природные клумбы. Нежные сиреневые лепестки начинают вянуть на солнце. По направлению к морю крутые спуски вьются серпантинами. Скалы. В узкой долине сильно обмелевшей речки – тенистые леса высоких платанов и ликвидамбара восточного.

И опять серпантины. Жара усиливается. Останавливаемся в лесу, очень похожем на бор верещатник северного типа. На каждой остановке сборы в отдельный пакет.

Въезжаем в Мармарис. Синее Средиземное море. Огромный залив. Напротив – остров Родос. Полно курортников. Дети разных народов в разнообразных ярких костюмах заполняют крытые проходы бесконечных магазинов. На золотого цвета песчаном пляже удалось окунуться. Все пляжи заполнены курортниками. Никакого удовольствия. Хари весь в поисках своего московского друга, но того нет в Мармарисе. Мы про себя радуемся этому событию и немного ревнуем Хари к неизвестному художнику.

По узкому перешейку едем на полуостров Книдос, примыкающий к Мармарису. В его основании

– небольшой городок Датча. Дорога вьется в светлых сосняках. Типичный средиземноморский, яркий, как для рекламы, пейзаж. Сквозь стволы синеет прозрачное море.

Вершина полуострова. Слева море, справа море! Мы находимся на тонкой талии перешейка. В подлеске в полном цвету яркорозовый олеандр. Хари останавливается на пикник. Мы пытаемся уйти на берег для сборов, но ходить по сильно заплеванному сосняку мало удовольствия. Много уже подсыхающих однолетников. Сборы в полиэтиленовых пакетах складываем в машине - сыплется земля. Чистоплотный Хари злится.

По дороге опять светлые сосняки, красные стволы земляничника, цветущий олеандр, много можжевельников, лидийский дрок. Легкий бриз, слышен шум прибоя. Дальше все суше. Дорога идет по коньку хребта. Справа и слева крутые склоны. Справа глубокое ущелье. На дне ущелья Хари показывает кроны пальм с перистыми листьями - это финик Теофраста. Глубокое ущелье защищает пальму от морских ветров. Спуститься мы не можем - это довольно глубоко и круто.

Въезжаем в маленький городок Датча. Здесь тихо и по курортному нарядно. Все залито солнцем в дневной дремоте. Устраиваемся в большом, с белыми колоннами, отеле. В холле амфора, облепленная ракушками. Не теряя времени, едем на экскурсию в окрестности. Дубняки (Qercus infectoria) почти все вырублены. Чернильные орешки используются для дубления кож. Высокие деревья сохранились только на кладбище.

По сторонам узкой главной улицы отели и рестораны следуют один за другим. Улыбчивые хозяева зазывают посетителей. Хари сдается перед зазывалой-официантом, который помнит его (а может быть, делает вид) с прошлой поездки. Перед входом в больших тазах плещутся лангусты. Развеваются флаги разных стран, в том числе голландский, чем Хари по праву гордится. В ресторане опять дорого. Хари закатывает глаза. После ужина прогулка по городку. На берегу лежат обломки греческих статуй: руки, ноги, части торсов. Хари опять пытается связаться со своим другом-художником. Мы ему рассказываем, что у нас в Жуковском дача. А тут тоже что-то вроде дачи – городок Датча. Каламбуры очень нравятся Хари.

30 мая. Едем на самый нос полуострова. Крутые подъемы. Старинная кладка, развалины, пещеры. Прозрачные воды моря. Амфитеатр. Высокое, до 15 м, дерево тамариска. Солнечные часы. Остатки мозаики. Храм Венеры позднего римского периода. Творение архитектора Стратоса. Везде мрамор. Лежат старинные амфоры. У самого носа перешейка в море курсирует военный корабль. Среди достопримечательностей пустынно. Встретили только одну пару – пожилые немцы восхищаются стариной. На обратном пути Хари разрешает нам поплавать. Большие морские ежи сидят под скалами.

31 мая. Датча. Утро встречает солнцем, пеньем птиц и цветущей у нас под окном бугенвиллией. Синее море. Гармонию портит привычный крик муллы. Обратная дорога в Мармарис так же прекрасна. Снова останавливаемся, чтобы полюбоваться, но уже при другом освещении, на кроны финика Теофраста.

Сидим, изнываем на жаре. Ждем пока Хари звонит, ищет друга. Оказалось, его в Мармарисе нет. Хари нравится командовать нами и поучать, потом добреть и улыбаться. Андрей не перестает напоминать Хари: ему необходимо попасть в горы. Для него это главное. Едем на восток вдоль красочных берегов по идеальному шоссе. Одна из остановок – на скалах у бухты. Полно крупных подушек, большими группами покрывающих все пространство.

Кейджеиз находится в большой речной долине. Небольшой лесок из высоких ликвидамбаров. Деревья смыкаются кронами. На деревьях следы добычи амбры. Ее добывают вырезая кору длинными лентами. Все опушки густо перевиты лианами: периплокой греческой, клематисом, смилаксом и вездесущей ежевикой, совсем так, как в Грузии. Под деревьями стелется, образуя

темнозеленый покров, плющ. Кое-где пробиваются желтые листья отмирающих эфемероидов. Хари показывает ствол винограда толщиной с ногу.

Сильно парит. Собирается гроза, но птицы продолжают петь. Едем по идеальному шоссе в сторону Анталии, ненадолго останавливаясь для сборов. Проезжаем Ликию. Дороге нет конца. Постоянные остановки для сборов. Уже затемно, очень уставшими приезжаем в Калкан. Внизу у городка глубокая бухта Город весь в огнях. Светит луна.

Устраиваемся в отеле, похожем на маленький дворец. Две молодые и энергичные турчанки встречают нас телевизионными улыбками и устраивают в крошечный, словно спичечный коробок, номер. Тут нужно заложить сборы, переложить растения, вести полевую, камеральную работу. Еле поворачиваемся. А Хари зовет нас в ресторан в этом же отеле. Это большая просторная, на свежем воздухе веранда. Рядом на полатях вповалку спят женщины–обслуживающий персонал. Молодые хозяйки обслуживают нас. Хари улыбаясь ведет с ними неторопливую беседу. Они недавно окончили университет, построили отель. Мы очень устали, а нужно заниматься гербарием. Чтобы управиться, приходится вставать в пять утра.

1 июня. Уходя вечером, Хари улыбается и указывает время готовности к завтраку. Это всегда полвосьмого. До этого нужно заложить свежие сборы, написать этикетки, перебрать заложенное, высушить газеты, отмыть одежду. Как правило, к вечеру все грязное. Но мы ни разу не опоздали. Всегда были готовы.

Следующий день весь в дороге и сборах. Дорога вьется над яркосиним, прозрачным морем. Из Каша мы поворачиваем в горы. Все склоны покрыты густым лесом из сосны Брута. На высоте 700 м Хари останавливается на пикник. У него все предусмотрено: баллон с водой, маленький столик. Андрей уходит собирать. Сидим под развесистой грушей.Издалека горы светлоголубые. Это пояс ливанского кедра. Трав почти нет. Машина едет быстро, и одни ландшафты сменяются следующими, еще более яркими и интересными. За перевалом 1550м огромная межгорная котловина засеяна зеленой пшеницей.

В городке Эльмали останавливаемся в отеле водного хозяйства. Вода и лес в Турции - ценности особого порядка. С балкона открывается замечательной красоты вид на далекие заснеженные горы. После двух дней непрерывного пути Хари устал, но продолжает улыбаться. А мы должны разбирать и закладывать, сушить и перебирать. С газетами проблем нет. Мы их подбираем в холле отеля, куда, уезжая, бросают газеты постояльцы.

2 июня. Утро. Тишина. Приятно слушать пенье птиц, смотреть на заснеженные горы, ощущать тонкий сладковатый аромат жимолости японской в центре открытой веранды, на которую мы выставляем наши многочисленные сетки.

Едем в Гембе, там есть домики древних дервишей. Хари очень интересуется историческими достопримечательностями. Его задевает то, что Андрей не разделяет его интересов. Но здесь, в Турции, Андрею дорога каждая минута, и если выбирать между ботаникой и историей – первая безусловно приоритетна.

По мере подъема дорога портится. Река сорвала мост. Пастухи пасут коз. Хари отпускает нас на четыре часа. Ползем вверх по крутому склону. Между камней ксерофиты, подушки, на мелкой щебенке – почти отмершие эфемероиды. Сильный скотобой. У снегов черные козочки на вольном выпасе прыгают с камня на камень. Коленки у них в мозолях. Набрали много и все мелкое. Дорога вниз довольно опасная. На горном солнце обгорели.

Вечером за ужином респектабельный мэр и полиция требуют у нас разрешения на сбор гербария. Это Хари утром ходил в лесничество, просил разрешение поехать в горы, в строго заповедную территорию с лесами ливанского кедра и неосторожно рассказал о том, что мы его

сопровождаем. Удалось отговориться. Выручил, как всегда контракт и то, что мы были участниками конференции. Но решили уехать побыстрей.

Термезос, Турция

3 июня. Багажник уже полон. Папки и сетки теперь будем класть и на заднее сидение.

Сначала мчимся по ровной долине, а потом по предгорьям. Развевается ковыль. Степная флора, васильки. В поясе арчевников – можжевельник высокий, корявые стволы торчат черными точками. Сильно объеден скотом низкорослый дуб хермезский. Серые трагаканты, фисташки. В скалах стоит невысокий мидийский идол. Древняя земля. Эфедра тонкими побегами проникает в куст стиракса, как бы вьется. Выезжаем на низкий,1000 м, перевал. С него резкий съезд на юг, и мы сразу оказываемся в лесах из сосны Брута.

Термезос, Турция

Хари предлагает посетить Термезос – древний город. Но у Андрея очередные руины не вызывают энтузиазма. Каждая минута в Турции для него – это сбор растений. Он снова просится в горы. Но вежливое предложение Хари – лишь куртуазный маневр, ему хочется посмотреть, и это главное. В сторону от основного шоссе едем 9-10 километров. Древняя крепость находится между двух гор в 30 километрах к северу от Анталии. С севера высокая гора служила надежной защитой. Серые руины заросли лесом. Туристов сопровождают гиды по одним им известным дорожкам. Большой гимнасиум. Это очень древняя крепость упоминается в Одиссее, в одном из мифов. Она была так хорошо укреплена, что Александр Македонский не решился ее завоевывать и со своим войском прошел мимо. Среди руин выросли высокие деревья. Огромный амфитеатр, обращен в сторону моря. Хари впереди, мы трусим за ним, кое-что собирая по пути. Заглядываем в глубокие колодцы – цистерны. Сейчас это пустые пропасти. Андрей, к ужасу Хари, садится на край цистерны. На склоне горы – перевернутые каменные саркофаги. Андрей ложится в один из них, отдыхает. Но нужно идти вверх на холм за Хари, что мы и делаем не без усилий. Хари нужно все осмотреть детально, а Андрей досадует, хочет на природу. На все ушло больше трех часов, а здесь, к досаде Андрея, далеко не дикая природа, много сорного.

В шумной Анталии тянется огромный длинный пляж. Мне хотелось выкупаться, но переодеться негде. Поэтому поехали за город, и там, наконец удалось искупаться среди песчаных дюн.

Мчимся на восток, чтобы успеть устроиться на ночлег. Но Хари перепутал дорогу, поэтому приехали в Белек, в отель «Тюрбан» очень поздно. Устраивались в темноте. Цементные домики-казематы выстроились рядами на песчаном берегу. На нас смотрят маленькие липкие лягушечки, считающие этот дом своим. На песчаных дюнах – рощи пиний.

4 июня. Утром удалось и выкупаться, и собрать гербарий, и сфотографировать хамелеона. Прощаемся со Средиземным морем. Мчимся на восток. Вдали виден амфитеатр Аспендоса – древнего города, в 333 году до нашей эры взятого Александром Македонским. Хари предлагает заехать. Но Андрей кричит, что не хочет руин, а хочет в горы. И Хари сдается. Поворачиваем на север. Бесконечными серпантинами набираем высоту. Перевал Чакым 1280 м. Поиски места для пикника, как всегда, вызывают у Хари сильное волнение. То одно место выберет, то другое. Потом оказывается, что самое хорошее место уже проехали. Заехали на красивый лужок в пихтарнике (Abies cilicia). Как я хотела в молодости увидеть настоящую киликийскую пихту! Вот она! Нещадно кусают мухи.

Опять высокие перевалы. Древняя Фригия. Хари показывает каменные пещеры и дорогу, выбитую колесами. Теперь все безлюдно. Второй перевал Баделели, за ним третий – Ухулу. Горы в снегу. В долинах жара. К вечеру мы в Бейшехире. Ужинаем в ресторане на балконах над озером. Наконец можно передохнуть в вечерней прохладе. Хороводы мелких поденок белыми тучами летят на свет. Вдоль озера женщины в длинных платьях молчаливо сидят на берегу, дышат вечерним воздухом. В темноте ночи они кажутся изваяниями. Привычно истошно кричит муэдзин.

Гербарий растет, как снежный ком. Работы прибавляется. Мне кажется, Хари не понимает, для чего это нам нужно, и не меняет своего темпа. Хоть бы дал один денек на разгрузку. Было бы легче.

5 июня. Анатолийское плоскогорье. Прямая, как стрела, дорога. Машина мчится мимо бесконечных полей, только на горизонте синеют горы. Первая остановка – у полуразрушенного караван-сарая Кёзелерен. Рядом яркокрасные поля сорного мака. Такой же яркости однолетний лиловый дельфиниум, синий василек! Поют птицы.

Кониа – большой город. Подъезжаем к автосервису. Машина в отличном состоянии.

Мевлана – древнее жилище дервишей, известное с начала XIII века. Здесь находятся усыпальницы – как древних дервишей, так и современных глав ислама. В центре города большая мечеть с зеленым куполом. За стеклами усыпальницы расположились рядами огромные, величиной с кресло, тюрбаны. Есть тюрбаны и поменьше. Постоянно играет тоскливая музыка. Люди молятся, простирая вперед две руки. Женщины совершают обряд: семь раз проходят под веревкой, которую держат два человека. Рядом с усыпальницей находится музей. Здесь старинные, написанные на пергаменте кораны, музыкальные инструменты дервишей. Напоминающие вериги цепи из металлических шаров.

Снова в пути. Начинаются сухие холмы. В выветренных скалах двухэтажные пещеры. Как в купе, округлое, каменное, очень тесное ложе. Все заброшено. Вот и большое прозрачное озеро. Рыбаки ловят рыбу. Андрей раздевается, собирает водные растения.

Следующий пункт - Ихлара Вади. На ровном плато в лессе река промыла глубокий каньон. В верхней части ручья турецкая деревня с прилепленными к горам пещерными домами. Ниже по течению в глубине каньона в скалах пещерные византийские церкви с росписями. По путеводителю пытаемся их найти. Каждая имеет свое название. Одна называется «серпента», то есть «змея», другая – «черный воротник» и так далее. Пещеры не охраняются, и молодые люди с криками заходят в них. У всех святых глаза выколоты. Между нагромождениями огромных камней вдоль русла заросли цветущего лоха. Мелкие его цветки издают тонкий и приятный, слегка дурманящий аромат. В мутной бурной речке сетями ловят рыбу. Каньон считается национальным парком. Есть и тоннели. Быстро темнеет. По узкой тропе выходим к лестнице, спускающейся очень глубоко в каньен. Нам навстречу, освещая нас фонариками, с большими пистолетами спускаются жандармы. Вечерняя проверка.

Поздний вечер. В темноте Хари трудно вести машину. Что-то он перепутал, ворчит. Потеряли час. Въезжаем в Новшехир. На крепости развевается подсвеченный турецкий флаг. Везде изображения грибков – эмблема Каппадокии.

6 июня. Центр Каппадокии. В настоящее время туристический центр. Погода испортилась. Ветрено и холодно. Льет холодный дождь. В интересных природных башенках из песчаного камня находятся магазины. В таких же башенках жилые помещения, старинные церкви. Андрей очень расстроен. В такую погоду ехать в горы бесполезно. Дождь и ветер не прекращаются. Горы закрыты черными тучами. Собирать трудно. Кое-что удалось выкопать на берегу соленого

озера. Все грязное и мокрое.

Въезжаем на перевал, не доезжая Кайзери. Наконец попадаем в высокогорья. Долго бродим по отрогам. Кажется, Андрей должен быть доволен, но все выбито овцами. Остались лишь подушки колючего астрагала и куртины ядовитой дафны. Ветер, тучи, неуютно. Потеряли копалку. Гора в снегу. Едем дальше. Предгорья снижаются, и мы снова на плато. Зеленеет пшеница, синеет однолетняя живокость.

Без перерыва проехали 200 километров. Под вечер въезжаем в большой город Сивас, сияющий многими огнями. С трудом разыскали квартал с отелями. Устроились на ночлег поздно. Но в комнате чисто и, главное, тепло. Нужно закладывать сборы с высокогорий, перекладывать и сушить.

7 июня. Ни дня перерыва. Работаем поздними вечерами и на рассвете. Еле успеваем. Очень выручают газеты из отеля. Выезжаем рано. Первая стоянка – 20 километров ниже Сиваса. Известняковые холмы покрыты яркими цветами. Сиреневый, желтый, лиловый и белый, все на зеленом фоне. Поют жаворонки. Мчимся по идеальным асфальтированным турецким дорогам. Вторая остановка - в 75 километрах от Сиваса на высоте 1350 м. Здесь еще весна, цветет беллевалия. По обочинам дороги большие заросли розы с желтыми цветами. Известняковые обрывы.

Пригрело солнце. Выше к перевалу высотой 2000 м на фоне зелени - белые пятна отар. Поднялись до снегов. Здесь полно интересных высокогорных видов. Красная хохлатка, белый птицемлечник, рябчик с большими темно красными цветками, рябчик широколистный, розовая примула, синий гадючий лук и многое другое. Собираем не торопясь. Это особенно приятно. За перевалом начался лес с невысокой кряжистой сосной обыкновенной, густыми рощами осин, низкорослым дубом.

Безлюдная дорога. Осыпи. Сколько высокогорий мы пересекли!

Под вечер поднимаемся на перевал Сакал-Тутан – 2160 м. Прохладно и сыро. Я остаюсь в машине, а Андрей с Хари идут на соседний холм. Оглядываюсь – оказывается, за мной стоит танк. Рядом пограничный пост. Смотрю вперед – Андрей с Хари идут под конвоем. У всех забрали документы, долго выясняют, зачем Андрей забрел на их пост. Жандарм, молодой и симпатичный, оказался на редкость доброжелательным. Звонили в Стамбул для подтверждения того, что мы были участниками симпозиума. В результате улыбки, братание. В соседней с постом кофейне бравый капитан нас всех напоил горячим чаем.

В полной темноте спускаемся вниз с перевала по серпантинам. Хари волнуется. Перед Эрзинджаном опять напоролись на пограничный пост. Проверяют документы, освещая их фонариками. Рядом пушка. Военные вооружены до зубов, с автоматами. Чувствуется близость курдов. Самое смешное, что у нас в паспортах стоят штампы о въезде в страну, и нас отпускают, а у Хари – голландца, - въезд в Турцию свободный, паспорт без штампа. Его задержали, мол, нужен штамп. Он разволновался, раскричался. Отпустили.

8 июня. С утра огромная закладка растений с двух перевалов. Сушка газет. Решено ехать в Эрзерум. Хари очень интересует весенняя флора. Из Эрзерума поедем в Паландакен на перевал Чам. Я было заикаюсь, что места там неспокойные. Но Андрей и особенно Хари резко меня обрывают. Для них главное - ботанический интерес.

Знакомые места. В прошлом году мы тут были вместе с Пименовым. Останавливаемся на том же лужке у развалин старой крепости Аш-кале в роще тополей. Все знакомо и будит воспоминания. Но сейчас, весной, всё здесь по-иному. Травы в цвету. Цветут и кустарники: яркие розы, розовые тамариски, кремовый лох и многое другое. Едем вдоль по весеннему взмученной реки Карасу.

То и дело встречаются военные.

Становится обычной высокая, до 2,5 м, скумпия с яркими пышными красными соцветиями. На подъезде к Эрзеруму на холмах становятся обычными трагакантовые астрагалы. Издалека видна большая межгорная котловина, в которой лежит Эрзерум, окруженный высокими, еще заснеженными хребтами. Вокруг города зеленые луга. Картина окрестностей Эрзерума совсем не похожа на прошлогоднюю, хотя разница во времени совсем небольшая. Мы в прошлом году были в Эрзеруме в первой декаде июля. Было жарко и очень сухо. Многое выгорело. А сегодня здесь, хотя и солнечно, но дует пронзительный холодный ветер.

Уставшие, недоспавшие и разморенные, в середине дня мы въехали в Эрзерум. На каждом шагу встречаются старые, полуразваленные дома. Опять начались длительные поиски отеля. Андрей настоял на том, чтобы окно выходило к солнцу. Необходимо досушить гербарий, сетки ставить на освещенное окно.

Оказалось, в номере есть даже балкон, а в комнате столик для гербария! Заносим наши огромные сборы и приводим себя в порядок. Быстро начинаем разбирать, писать этикетки. Улыбающийся Хари назначает время ужина. Перед тем, как выйти в город, он чистит туфли Андрея. Улыбается.

На улице к нам пристает бойкий молодой человек, предлагает себя в качестве гида. Говорит на ломаном французском. Как из-под земли, к молодому человеку прилипает друг, а они оба к нам. Мы просим молодого человека показать нам ресторан, где можно познакомиться с достопримечательностями, местными блюдами. Идем широкой шумной улицей. Холодный пронзительный ветер делает нашу прогулку неуютной. Большинство жителей одеты тепло. На открытых больших каталках продают черешки горного ревеня и стебли непонятного зонтичного с горьковатым вкусом. Овощей, фруктов полно. Это горы эриоботрии, арбузы, помидоры, огурцы. Все это с выкриками носят и катают разносчики. Идем долго. Наконец молодые люди заводят нас в полуподвальное, довольно грязное заведение, наполненное людьми и чадом перегара. Нам это не подходит. Мы выбираем ресторан в белокрасных тонах, он побогаче. Молодые люди беззастенчиво усаживаются с нами за нарядный столик. Вежливый Хари терпит и собирается заказывать еду. Тут я категорически говорю Хари, что не намерена ужинать с прилипалами, и они мгновенно исчезают. А нам приносят на большой каменной сковороде очень горячее перченое, необыкновенно вкусное блюдо.

На улице мы снова замерзли. Нас ждет гербарий. Чистый номер отеля превратился в рабочую комнату. Закладываем, разбираем, пакуем. Ведь этот гербарий нужно еще утрясти и уложить в машине!

9 июня. По радио слышим: вчера курды совершили очередной террористический акт в местности совсем рядом с нами. Несмотря на это, Хари очень хочет попасть в Паландакен. Андрей – безусловно. Это не обсуждается, несмотря на то, что погода испортилась. Льет проливной холодный дождь. Стоят низкие тучи.

Хари беспокоится. Требует, чтобы я купила Андрею резиновые сапоги. Я сопротивляюсь. И денег нет, и как мы эти сапоги потом будем таскать? Не выбрасывать же! Но Хари недоволен, видимо, ему кажется, что я недостаточно забочусь об Андрее.

Под проливным дождем едем по ровному шоссе в сторону Паландакена. На пограничном посту солдаты сидят в будке, не вылезают. Проезжаем мимо места в предгорьях, где мы стояли лагерем в прошлом году. Речка Эскиполат вздулась. Заросли облепихи, ивы наполовину погружены в воду. Дорога вьется на перевал Чам. Льет дождь. Андрей, совершенно мокрый, с несколькими полиэтиленовыми мешками собирает растения у снежников. Хари страшно недоволен тем, что я

не купила резиновые сапоги. Выговаривает мне, но я молчу. Видимо, он меня принимает за прислугу. Возможно, это так и есть на самом деле.

По шоссе то и дело проезжают большие грузовики с овцами. Их перевозят из долин на горные пастбища. Сильный скотобой.

Андрей очень доволен. Собрал много луковичных. Хари ходил вместе с ним один раз. Второй – не решился. Дождь льет все сильнее. Возвращаемся. За ветровым стеклом опять видим сидящих в своей прозрачной будке пограничников, не обращающих на нас никакого внимания. В отель вернулись в пятом часу совершенно мокрые. Срочно мою, стираю, стираю. Отмываю все подряд, в том числе и растения.

Вечерняя прогулка. Главные достопримечательности города – старая мечеть и медресе – почти разрушены и не восстанавливаются. Все грязно, пахнет мочой. Нас сопровождают новые прилипалы. Они, видимо, дежурят на главной улице в поисках иностранцев. Прилипалы зазывают Хари в магазин ковров. Это ветхий сарай, заваленный пыльными и грязными потертыми коврами. Поят традиционным чаем из малюсеньких прозрачных чашечек. Хари ведет долгую беседу, рассматривает ковры. Но нам некогда. Мы оставляем Хари долго беседовать, а сами, минуя улицу, сверкающую золотыми изделиями, выходим на видимо медицинскую улицу: на домах многочисленные вывески. Тут вылечат от всех болезней и даже похоронят.

Вечер заканчиваем закладкой гербария. Все мокро. Нужно быстро перекладывать.

10 июня. С раннего утра занятие гербарием. Опять сушка и перекладка. Но нужно быстро собираться. Бумага сохнет хорошо. Грузим наши папки. Я сижу сзади, почти заваленная ими. Луга в цвету. Все ярко сияет отмытой яркой зеленью. Поворот на Испир. Речка бурная и мутная. Проезжаем мимо очень бедных деревень. Женщины закрыты наглухо покрывалами. Снова нас накрывает дождь. Андрей уходит на склон собирать. Много нового.

Дорога забирает круто вверх. Много осыпей. По просьбе Андрея то и дело останавливаемся.Подъемы и спуски. Преодолеваем три высоких перевала. Весь день в пути среди гор и ярких цветущих лугов. В пятом часу мы на вершине третьего перевала. Пронзительный ветер. На горизонте видны заснеженные вершины Понтийского хребта. Андрей с Хари ушли надолго в горы, принесли много нового.

По очень крутому склону с затяжными спусками спустились в долину Чороха. Вдоль реки тянутся сады, деревни с высокими пирамидальными тополями. Навстречу нам идут с кувшинами закутанные с головы до пят женщины. Испир – маленький городишко с развалинами крепости и гордым турецким флагом. Мы проезжали его в жаркий день с Отари. Первые этажи невысоких домов заняты магазинами. Товары подернуты пылью. Внутри, словно пауки, сидят медлительные турки. В отеле крутая лестница ведет на второй этаж. Перед большим буфетом низкие столики, за которыми весь вечер играют в нарды и курят мужчины. Третий этаж – это три небольшие комнаты, куда несут наши многочисленные папки. Воды нет, вонь туалета распространяется по всему этажу. У кровати на каменном полу стоят резиновые тапочки. Долго, до поздней ночи закладываем свежие сборы. Под конец сил уже нет.

11 июня. Долгая дорога на перевал Овит Даг. Затяжные подъемы. Пологие высокогорные луга. Овцы прибились в ложбине у снега. Перевал Овит Даг в облаках и глубоких снегах. Холодно. Собирать и ходить некуда. На спуске сначала везде снег. В субальпийском поясе цветет кавказский рододендрон. Андрей на щебнистом склоне чуть не оборвался. Опять полез. Я вместе с ним. Хари злится - мы опоздали на пикник.

На полной скорости по идеальному шоссе мчимся вниз без остановок. Становится всё жарче и жарче. В узком ущелье сначала густые ельники, ниже буковый пояс. На высокой скорости

пролетаем мимо маленькой электростанции, где в прошлом году нам оказал гостреприимство смотритель. Мы погружаемся в темнозеленые колхидские леса.В Ризе знакомый отель «Келеш». Удивительно, но нас узнают. Отмываемся в номере с горячей водой.

Вечером опять закладка собранного в пути гербария, переборка. Нужно решить, каким путем нам ехать в Москву. Рус- базар в Ризе заглох. Хари предлагает ехать из Трабзона в Сочи, откуда курсируют паромы. Но я боюсь – застукают нас с гербарием, занесут в компьютер - и прощай дальнейшие путешествия. Лучше уж ехать в Аджарию, а оттуда самолетом. Да и на мамину могилу нужно пойти.

12 июня. Встаем в 6 и до завтрака перебираем гербарий, сушим газеты. Андрей утром таскает папки на крышу отеля - сушит. Едем в высокогорья на Айдин. Дорога по утреннему и уже жаркому шоссе идет на восток от Ризе. От Пазара поворачиваем в горы Понтийского хребта, едем вверх по реке Пазар. Речные наносы образовали обрывы высотой до 30 м. На галечниках ивняки, заросли облепихи, тамариски. На подъеме въезжаем в пояс каштановых лесов. Бука мало. Появилась ель, узкие ущелья заросли колхидским лесом. Вверх машина не тянет – у нее низкая посадка. Идем вверх пешком вдоль бурлящей реки. По дороге мы встретили туриста–художника. Он живет в Стамбуле, очень гордится тем, что он лаз, из этих мест,тут в горах живут его родители. До высокогорий мы не дошли - закусали комары. Обратно быстро спускаемся на приморское шоссе. Машина мчится. Солнце садится в море, ему на смену всходит луна.

Во время вечернего ужина в открытое окно слышим звук разбитого стекла. Хари подходит к окну: разбито стекло его машины. Оказалось, на нее на полной скорости наехал молодой парень на мотоцикле и быстро скрылся. Хозяин отеля тут же отыскал его отца. Стекло восстановят, но за ним посылают в Стамбул, привезут через два дня. По этому поводу много извинений.

13 июня. С утра пакуем огромный гербарий. Хари идет покупать билеты до Батуми. Сам он

после того, как машина будет починена, вернется на юг, в Мармарис, где, наконец, встретится с подмосковным художником. Мы продолжаем увязывать папки. Вечером обнаруживаем, что свежий гербарий на крыше запарился - очень обидно. Весь день мы провели в работе с гербарием.

В 6 вечера прощальный ужин. Все как всегда, но это последний раз. Грустно расставаться с Хари. Вежливый турок, узнав что Хари голландец, говорит ему, что у него есть большой круг хорошего голландского сыра и настойчиво предлагает его купить. Хари так же вежливо отказывается. Так повторяется несколько раз. Но мы торопимся. Необходимо перебрать гербарий. Мы не не знаем, что нас ждет завтра на таможне в Сарпи, нужно облегчить багаж, выбросить так верно служившие нам газеты-прокладки. Горничные, наши старые знакомые, нам помогают.

Мы очень боимся, что наш груз будет конфискован. Именно поэтому мы и не поехали через Трабзон, как нам предлагал Хари. В автобусе наши вещи заваливают тюками «товара». Это нас успокаивает. Всю ночь едем вдоль берега Черного моря. Слева море. Над нами огромный диск луны. Оказалось, наши страхи были напрасными. Никто не обратил внимания на наши папки. Наоборот, на грузинской таможне мы с Андреем встретили сына его старого начальника в Кобулети Нодари Сванидзе, который сразу же угостил нас бокалом шампанского. Гостеприимство – одна из прекраснейших черт этого замечательного народа.

14 июня. Батуми. Медленно, черепахами, нагруженные до отказа гербарием, ползем по набережной к моей учительнице Инне Васильевне Сандалиди. Она поит нас кофе, ругает грузин и спорит с Андреем, который любит ее дразнить. Коля – муж Инны Васильевны – выдает нам старинные запасы газет, которые Инна Васильевна намеревалась когда-то прочитать. Сейчас для нас газеты - как нельзя кстати, необходимо срочно заниматься гербарием. Располагаемся на большом внутреннем балконе второго этажа. Погода хорошая, газеты сохнут, но гербария уйма. Только к вечеру смогли уехать на Зеленый мыс. Пахнет цветущая хурма кавказская.

15 июня - улетаем в Москву».

В Москве Андрей сидел за пишущей машинкой, писал более подробные этикетки, разбирал наши огромные сборы. Уносил папки с высушенным гербарием в ботанический сад. Это было самое большое путешествие по Турции, длившееся почти месяц.

К ботаническим сборам в Тверской и Смоленской областях Андрей относился с полной ответственностью. Создавая гербарий ботанического сада, он договорился собрать и обработать гербарий Смоленской области для планируемой «Флоры России». В Смоленской области, как ни странно, многие места оказались не охваченными ботаническими исследованиями.

С 24 июня по 14 июля 1995 г. мы выехали в экспедицию по югу Тверской и в Смоленской области. Мой заместитель по хозяйственной части – В.Григорьев, человек жуликоватый, - дружит с водителем. Оба они мечтают о рыбалке, взяли с собой маленькую коптильню. Нас это устраивало. В экспедиции участвовала Маргарита Егоровна Пименова – научный сотрудник Института лекарственных растений. Мы взяли с собой и нашу внучку Галю. После высоких гор, колоссального разнообразия растительности, перевалов, степей, пустынь, лесов – идиллическая природа Средней России просилась на картинку, успокаивала.

И снова дневник. « **28 июня.** Тверь – Старица – Вазуза. Работы и сбор гербария на берегу водохранилища.

29 июня. Вазуза – Дорогобуж. Остановка в верховьях Днепра. До Дорогобужа ехали по старой Смоленской дороге. На остановке совершали радиальные экскурсии. Андрей искал выходы известняков, такие же, как у Старицы на Волге, но не нашел. В окрестностях Дорогобужа

тягостное впечатление производит огромный комбинат удобрений, шумит и пыхтит. Дорогобуж – тихий провинциальный городок с историческим прошлым. Деревенские улицы, окруженные одноэтажными и двухэтажными деревянными рублеными домами, спускаются с холмов. На холмах – полуразрушенные церкви. Город утопает в зелени.

30 июня. Дорогобуж – Соловьево. Сильный ветер, дождь. Примаков, наш водитель, запирает нас на висячий замок, когда мы выезжаем! Машина идет, как черепаха. Покидаем Дорогобуж. Жарко. Днепр тут совсем неширокий.

2 июля. Гусятино под Смоленском. Рядом река, красивый луг. Через реку - военная часть. Андрей с Ритой на резиновой лодке переплывают на противоположный берег. Рита наговаривает описания растительности на маленький диктофон-«говорунчик». Андрей боится, что благодаря Ритиному диктофону их примут за шпионов. Рита обижается.

5 июля. К ночи разразился сильный дождь. Гербария много. Придумали прессовать его домкратом. Вполне заменяет пресс. Едем мимо городка Красного. Тихий городок на равнине. Нигде нет памятников войны 1812 года. Много сгоревших изб. Торчат на пепелище кирпичные русские печи. Долго выбирали стоянку. Нашли очень красивую, в дубраве на реке Остер. Всю ночь бушевала гроза, но к утру все спокойно.

8 июля. Корсики. Недалеко - остатки имения Римского-Корсакова. Мы стоим на красивом лугу над излучиной реки. Много лесной малины.

10 июля. Каменка – Хмость. Возвращаемся в Тверскую область. Стоим рядом с деревней Дворище на озере Красном. Место очень красивое. Вечерами туман, утром обильная роса. Андрей в резиновой лодке на озере собирает чилим и другие водные. На пригорке стояла церковь. От неё ничего не осталось, кроме остатков фундамента и вывороченных могил на холме. Видимо, вандалы искали сокровища. На большой плите черного мрамора одно загадочное слово: «Никса». Каждый день приходит пьяный молоденький пастушок. В деревне полное запустение.

12 июля. Хмость. Последняя остановка. Красивые холмы. Поднялась для покоса трава. Следы разрушенных деревень. Андрей ходил в маршрут с Галей. Опоздали. Я волновалась».

В июле после поездки по Смоленской области Андрей едет в Тромсе, в Норвегию, на совещание. Участниками этого совещания были ботаники, изучавшие северные растения: Владимир Борисович Куваев, Павел Жмылев. Андрей чувствовал себя там одиноко и неуютно, угнетал языковый барьер. Северные ландшафты очень напоминали магаданские. После Турции они казались серыми и однообразными. Позже он вместе с Куваевым по материалам сборов, сделанных в Тремсе, написал статью.

На симпозиум «Дерево», проходивший с 11 по 16 сентября в Монпелье, мы попали чудом. Казалось, все шло благополучно- наш доклад был принят, Андрей вел длительные переговоры о возможности поездки за счет фонда фундаментальных исследований. Мы получили из Франции программу совещания, где был указан наш доклад.

Едем в посольство. Множество желающих попасть во Францию. Высокие оградительные решетки. Милиционеры и полицейские - не пробиться. Андрей артистически закатывает глаза: «Ах, Франция, что может быть лучше Франции!» Только на третий день мы оказались перед небольшим окошечком, и красивая капризная девица наотрез отказалась с нами разговаривать – нет приглашения, а программа для нее не указ. А где же приглашение? Господи, наверное, я или Андрей потеряли его по своей рассеянности. Значит, не едем. И тут начинаются необыкновенные события. Посыпались звонки из Монпелье - французские коллеги были настойчивыми. Звонки продолжались. Андрей шутит: «Французы ринулись как тучи, и все на

наш редут», то есть на наш телефон. Так продолжалось несколько дней. Оказалось, французы нам купили билеты во Францию и обратно, и очень хотели нашего присутствия на симпозиуме. Только за два дня до отлета мы полностью удостоверились в том, что попадем во Францию. Я, суеверная, решила до последнего момента не готовиться к докладу. Поэтому перевод нашего доклада был сделан в последний день, когда билеты были на руках.

9 сентября. Улетаем в Марсель! Встречаемся с участниками симпозиума и к своей досаде узнаем, что в посольстве давно лежал список участников. С нами летят О.Смирнова, Юдифь Львовна Цельникер и Алексей Юрцев. Последние двое – сотрудники лаборатории лесоведения. Спасибо французам за настойчивость.

В самолете, на наше счастье, оказалась очень милая пожилая дама. Она летит к сыну-физику, работающему в Марселе по контракту. Полет прошел в приятной беседе. Андрей читал текст доклада, положил его на столик, задремал. Доклад выпал и спрятался под сиденье.

Восторгам нет конца. Синее Средиземное море, под нами легендарный замок Иф. Самолет пикирует, приземляется на раскаленном аэродроме Марселя. Проходим формальности. Очередь. Настроение приподнятое. Мы во Франции! Трудности позади. Однако Андрей в сильной тревоге - пропал доклад. Он его потерял, выронил за столик во время полета. Своего представительства у Аэрофлота в Марселе нет. Самолет закрыт, стюардессы ушли по своим делам. 9 сентября в Марселе совершен террористический акт. Что делать? Все говорят, как и положено, только по-французски. Мой словарный запас на уровне детских разговоров с бабушкой.

Участники совещания оставляют нас на произвол судьбы, в отличие от моей душевной спутницы Марины Александровны. Вместе со встречавшим ее сыном они прилагают максимум усилий - и вот счастье, через полчаса у нас в руках папка с докладом. Хороши бы мы были в Монпелье! Все иллюстрации, тексты, перевод… Страх отступил. Любезный Саша подвез нас на марсельский вокзал. В последние минуты до отхода поезда мы воссоединились с бросившими нас попутчиками. Теперь уже действительно волнения позади. Поезд едет как по маслу: плавно, как-то неожиданно, останавливается, так же трогается. Мимо проплывают небольшие, уютные городки. Проезжаем город Арль, а потом видим реку Рону. Неужели все это на самом деле?

Монпелье – небольшой уютный город. В университете, где будет проходить совещание, нас встречает сам Франсис Алле. Пожилой, стройный и хорошо сохранившийся, он искренне рад нашему приезду и быстро адресует в студенческое общежитие, расположенное всего в трех кварталах от университета. Студенческий городок находится в большом красивом парке. Двухэтажные корпуса прячутся в посадках.

10 сентября. Старинный ботанический сад примыкает к зданию университета. Центральная аллея заканчивается гротом и барельефом с изображением Рабле.

Город настолько зеленый, что Андрей собирает гербарий в городе. Нужно добыть газеты. Сначала мы просили об этом сотрудницу лаборатории, но она приносит крохи. Потом приспосабливаемся: на улицах стоят большие, легкие, высокие пластмассовые ящики. В эти ящики бросают прочитанные газеты - щель находится на уровне груди. В этих ящиках мы нашли большой запас очень качественных газет, они прекрасно впитывают влагу.

11 сентября. Открытие симпозиума в восемь утра! Любезные улыбки. Парадные доклады на французском. Синхронный перевод по-английски. Андрей, у которого плохое произношение, делать доклад боялся, но смело вступал в дискуссию, спрашивал докладчиков по-английски.

Университет Монпелье, Франция

12-13 сентября. Два дня докладов показали, что наше русское биоморфологическое направление находится не в последних рядах. Кроме заседаний, Андрей успел выяснить, какая растительность в окрестностях города, и съездить на экскурсию к морю.

14 сентября. Экскурсия в природный парк в окрестностях города. Здесь сосны с вереском, дикой маслиной, фисташкой и сассапарилью. Парк пересечен асфальтовыми дорожками.

15 сентября. Закрытие симпозиума в той же большой аудитории. Во второй половине дня лесовод из Монпелье любезно предложил нам поездку в Лангедок, на запад Франции. В большом джипе мчимся по идеальной автостраде, затем сворачиваем в горы.

Маленькие городки окружены виноградными плантациями. Собранный виноград везут на небольших тракторах. Углубляемся в горы. У входа в средневековый монастырь - кафе. Все мирно и тихо, тут идет своя неторопливая жизнь. Все словно на картинке. На обратном пути снова окунаемся в сумасшедший темп автострады. Вдалеке римские акведуки, море.

16 сентября. День отъезда. Раннее утро. Монпелье только просыпается. Уборщики так тщательно моют вокзал, что студенты в белых брюках мирно спят прямо на каменном полу, а брюки их остаются белоснежными.

Едем в Марсель в том же поезде, но уже в обратном направлении. По дороге перебираем гербарий, выбрасываем накопившиеся газеты, которые служили нам прокладками. Под сидением образуется большая куча. Любезный проводник улыбается, машет рукой, успокаивает.

Улетаем из Марселя без приключений. В Москву прилетаем под вечер. Очень холодно, дождливо, грязно. Беспорядок в аэропорту и особенно на посадке. Автобус берем с боем, расставаясь с нашими попутчиками.

В «Ботаническом журнале» редколлегия отклонила статью Андрея: «Фенобиоморфологическая классификация репродуктивного цикла высших растений». Он очень огорчался, долго отвечал на замечания рецензентов, но позже сдался с горечью. Так и осталась эта статья неопубликованной.

Я сагитировала Андрея писать статейки в журнал «Юный натуралист», что давало небольшую,

но ежемесячную прибавку к нашему бюджету. Андрей садился за пишущую машинку, смотрел внимательно на снимки и, хорошо зная эти растения, писал очень интересные, высокого качества очерки. Позже, спустя год, он мне сказал, что если собрать их– получится неплохая книжечка. Но книжку не собрали.

11-15 декабря 1995 г. мы были участниками конференции «Биологическое разнообразие и интродукция растений» в Санкт Петербурге. Доклад по феноритмотипам Андрей делал на пленарном заседании. Никаких замечаний не было. Почему же статью отклонили? Директор ботанического сада БИН Юрий Смирнов отечески гордился докладчиками, говорил: «мои пленарщики».

Каким для Андрея был этот год? Очень напряженным. Он участник четырех совещаний, из которых три (!) зарубежные. Он ездил с ранней весны до поздней осени. Осуществлена большая поездка, а вернее, экспедиция по всей Турции. Кроме того, Андрей провел экспедицию по Смоленской области.

Поездки 1995 г.: Май: Тверская область (Торжок, окрестности Твери). Май-июнь: Турция (Стамбул, Измир, Маниса, Дилек Варимадази, Магнезия, Милет, Мулга, Мармарис, Книдос, Датча, Кейджеиз, Каш, Эльмали, Гёмбе, Термезос, Анталия, перевал Баделели, Кезелерен, Кониа, Ихлара Вади, Байшехир, Новшехир, Кайзери, перевал Сакал Тутан, Эрзинджан, Ашкале, Эрзерум, Паландакен, Испир, Овитдаг, Пазар, Айдин). Июнь: Тверская область (Старица, Вазуза), Смоленская область (Дорогобуж, Гусятино, Корсики, Каменка, Хмость). Норвегия (Тремсе), Франция (Монпелье).

Публикации 1995 г.: Вышло девять работ. Они посвящены флоре Центральной России, Средней Волги.

Наиболее серьезные работы: «Биоморфологический анализ флоры Магаданской области» в бюллетенях МОИП, «Годичнозеленые лесные травы Аджарии». Обе эти работы написаны совместно со мной. Третья важная работа – третье дополнение к «Флоре Аджарии».

Глава двенадцатая: Последние поездки в Турцию. Поездки по Тверской и Смоленской областям (1996-1997)

1996 На 1996 год Андрей планирует для нового издания «Флоры Маевского» обработку бурачниковых. Незабудками, особенно с Кавказа, он интересуется давно. Описал несколько новых для науки видов. С начала 1996 года Андрей работает по совместительству в Тверском ботаническом саду, где я директором.

Два раза в месяц он приезжает в Тверь. В комнатке на первом этаже университетского общежития меня регулярно сверху заливают, да так сильно, что жить в этой комнатенке немыслимо. Но самое главное – это хлопанье дверью при входе, шаги, шум на вахте рядом с нашим коридором. Я притерпелась, а Андрей никак не может. Однажды он мне заявил, что перестанет ко мне приезжать, если я не поменяю комнату. Такой случай представился. На 9-м этаже освободилась комната.

Он приезжает ко мне с вечера. Садится в Москве на восьмичасовую электричку, которая приходит в Тверь в 22 часа 45 минут. В 23 часа он уже в моей комнате. Как правило, он приходит точно, и мое вечное беспокойство в его присутствии сразу же улетучивается. Мы снова вместе!

Часто он поднимался наверх, на девятый этаж пешком, быстро, запыхавшись. Однажды он буквально ворвался в мою комнату. Оказывается, Андрей на вахте перелез через высокий турникет, который перед ним закрыла вахтерша. Возмутился! Сказал, что вахтерша его прекрасно знает и не хотела пустить.

И вот спустя два года в 98-м году весной вдруг вспомнил ее, толстую и спесивую. Я не спорила и не ссорилась с этими старыми и недовольными жизнью женщинами, сидящими всю ночь напролет, когда к ним ломятся звонить студенты. Я подумала о его свободолюбии, о том что он не выносил преград, и мне иногда приходилось за ним перелезать через высокие заборы… Но в его возрасте и вроде бы солидности совершить такой поступок было более чем странно…

25 мая 98-го года с той же вахты я звонила в «Скорую помощь», выбегала на улицу и видела только черноту ночи. Опять бежала на 9-й этаж, ждала. Сосед Саша держал голову Андрея. Андрей был неузнаваем, дышал тяжело. Я опять бежала вниз, опять звонила, а «Скорой» веё не было. Наконец, приехала…

Шестая поездка в Турцию

Из дневника: «**28 марта.** Москва. С утра разразилась метель. Нас четверо: я, Андрей, Андрей Кириллович Сытин из Петербурга, сотрудник Ботанического института, и Оля Волцит – зоолог из Москвы, изучает клещей. Ольга – миловидная женщина средних лет. Сытин небольшого роста, также среднего возраста, занимается астрагалами.

В день отъезда с утра перед выходом из дома, Андрей задумал смотреть очередную мыльную оперу под названием «Тропиканка». В результате уже в метро обнаружили отсутствие портфеля с картами. Я помчалась обратно. Таким образом, к месту встречи у метро «Юго-Западная» опоздали на 20 минут. Доброжелательные, в предвкушении путешествия, попутчики терпеливо ждали. Внуково. Все очень знакомо. На аджарском самолете гордо написано «Adjarian airlines». В самолете одни толстосумы, очень толстые. Для одного, особенно толстого и почти квадратного «чемодана» (он везет два больших телевизора), перед отлетом специально подгоняли трап. В салоне пассажиры разбились на несколько компаний. Нещадно курят, едят икру, запивая шампанским. Высший шик! Над Россией снег. Кавказский хребет пролетали в стороне от Абхазии, повернув сразу к Малому Кавказу, и только под конец в тумане разворачивались над морем. Самолет мчит по взлетной полосе. Из иллюминатора вижу родной, знакомый, но совершенно пустынный аэропорт. На таможне содрали за все, что могли, даже за заполнение декларации взяли по 2 доллара! Свинство, бедность и холод. На площади у аэропорта на нас накинулись таксисты. Машины подержанные, такие же неопрятные водители борются за пассажиров…

Нижний парк Батумского ботанического сада

29 марта. Зеленый мыс. Сыро и промозгло. Цветут алыча и листопадные магнолии. Заметны только вечнозеленые обломанные, а чаще обрубленные деревья. Люди живут на минимальную зарплату. Свет включают изредка. Нужно выживать, заводить кур, корову, сажать картофель.

На Зеленом мысу много беженцев из Абхазии. Женщины на рынке торгуют полиэтиленовыми пакетами. У них на груди фотографии в черной рамке – погибшие сыновья. Мужчины отдыхают или ночами обрубают ветки деревьев на отопление.

Договорились о машине. Шофера зовут Сулико. Гордится тем, что поставил новый мотор. Машина старая. Собираемся. Оля и Сытин сразу же подружились, это приятно. В сарае лежит с прошлого года полевое оборудование. Достали спальные мешки и палатки. Сытин настаивает взять печку. Мне эта затея не нравится - печка тяжелая, чугунная, но Андрей не возражает.

31 марта. На сегодня назначен отъезд. В 10 утра приезжает наш водитель Сулико – толстый, низенький, в широченных штанах с глуповатым, плоским, красным лицом и косящими глазами. Он приехал вместе со своим таким же толстым соседом, который артистически просит задержать отъезд на сутки. Соседские отношения в селе Чаисубани, в котором живет Сулико, –

святое. Сулико как бы тут ни при чем. А нам дорог каждый день. Пришлось проявить твердость и победить. Но все же уступить машину на несколько часов. В результате уехали только в час дня.

Андрей сидит рядом с Сулико, а мы - втроем, плотно прижавшись на заднем сиденье. Весна. Мы быстро едем на запад. Знакомое шоссе вьется вдоль моря. Цветут клекачка, алыча, темнеют зеленью чайные плантации.

Под вечер долго ехали вдоль речки Ортокойю. Место для стоянки выбрать крайне трудно. Дома вразброс идут вверх без конца и края. В узком ущелье над поселком Орхави мы наконец нашли, как говорит Сулико, «скучный место», что означает – подходящее. В полном цвету весенние растения, но галантус, за которым охотится Андрей, уже отцвел. Очень пригодились палатки. Дрова сырые, печка топится долго и бесполезно. Народ веселый и дружный.

Окрестности Трабзона. Турция

1 апреля. Утром быстро собираемся, спускаемся на трассу с небольшими остановками. Машина разболтана, двери не закрываются. Испортились покрышки, чинили полдня. На запад едем по трассе с небольшими остановками для сбора растений. На скалах появился вереск. Уже к вечеру добрались до Офа. Андрей поднимался на отвесные скалы, собирал вереск и брукенталию. Скалы поросли сосняком, вереском и ладанником. Опять долго едем вверх по грунтовой дороге. Выбрать место для стоянки просто невозможно - узкие обочины дорог, поселочки. Наконец, у реки, на заливном лугу, почти в темноте, поставили лагерь. К счастью, рядом нашлись доски. Ночью под боком шумела река, шумел и ливень. С утра собрали лагерь, чтобы ехать вверх к озерамЮ но нас накрыл туман, поэтому повернули вниз. Переезжали странной формы крытые старинные деревянные мосты. Все мокро.

2 апреля. В окрестностях Кумапазари - красочные скалы с сосной Брута. Много вереска, есть и брукенталия.

Приключение. Сулико неизвестно где, видимо, в Сарпи, потерял декларацию. Кроме того, не привязал ремни. В результате - штраф 15 долларов! Пришлось платить нам. Перед Трабзоном в окрестностях деревни Аракли настоящий маквис из вечнозеленых, высоких кустарников. За Трабзоном один городок плавно переходит в другой, и, кажется, все побережье превратилось в один огромный мегаполис. Вечереет. От Териболу по реке Харшит поворачиваем вверх, в горы. Останавливаемся на ночлег в заброшенном саду из фундука. Кричит муэдзин.

3 апреля. Териболу. Ясное утро. Поют птицы. Широкая пойма Харшита густо заросла облепихой. Её обрамляют густые ольховники. С утра разбираем гербарий и выезжаем только в 12. Чем выше в горы тем дорога, тем реже поселки. На крутых склонах - буковые леса с подлеском из понтийского рододендрона. На скалах белеет цветущий вереск. Сулико еще с вечера подсчитывал не запас бензина, а километры, которые придется проехать. Вдруг, совершенно неожиданно, на пыльной дороге машина останавливается - нет бензина. Наш шофер, кажется, без царя в голове. Стоим. Мутный Харшит несет весенние воды. Здесь на горных дорогах ездят в основном на мазуте, а у нас даже шланга нет, чтобы налить бензин, который предлагают нам проезжающие мимо нас турки на легковых элегантных машинах! Выше по реке идет гигантская стройка. Вдоль узкого русла рушат крутые берега, расширяют дорогу, строят тоннели, асфальтируют. Мимо нас на стройку вверх по Харшиту едут огромные самосвалы, обдавая нас пылью. Как выйти из этого странного положения? Сытин и Ольга берут канистру, на попутной машине едут до Торула. Это 45 километров вверх по реке. Там главный штаб стройки. Нужно привезти хотя бы канистру бензина, чтобы спуститься снова вниз и заправиться.

Андрей идет в горы собирать. Только в 8 вечера Оля с Сытиным привозят канистру бензина. Её хватит только до первого поселка. Туда и едем, кое как добываем ещё немного бензина. Спускаемся обратно вниз до Териболу. На радостях Сулико за наш счет заправляется самым дорогим супербензином. С Сулико все время приходится быть начеку, он может еще натворить массу глупостей.

Мы снова на старой стоянке. К моей радости, в избе обнаруживаю джинсы Андрея. Он их забыл перед отъездом, когда переодевался. Значит мы возвращались за джинсами! Ужинаем в темноте и расходимся по палаткам. Только стали засыпать, как приехала полиция - светят фонариками в лицо. Показываю контракт с Трабзонским университетом, нашу палочку-выручалочку. Извинения и улыбки.

4 апреля. Териболу - Гюмюшане. Просыпаемся в густом тумане. Перебираем гербарий, собираемся в путь. Зеленеет только что распустившийся фундук. Все склоны покрыты его посадками. Чая здесь уже нет, выше посадок фундука на северных склонах - буковые леса. А на южных вереск идет вверх по Харшиту вплоть до перевала. Растет и самшит - отрастают его яркозеленые побеги. Вверху появляются лавровишня и ель. На скалах лепится плющ.

Выезжаем без приключений. В пойме опять видим огромную помойку со стаями черных ворон. Довольно быстро достигаем городка Догнакент, где мы вчера так безрадостно искали бензин. Нас встречают с улыбками, как добрых знакомых.

Выше по реке начинается стройка. Огромные плотины, стены, заливаемые цементом. Ковши землечерпалок, колеса тракторов величиной с одноэтажный дом. Проезжаем большие тоннели и забираемся все выше и выше. Увеличилось количество пока еще не облиственных листопадных деревьев. Стал появляться дуб Qercus infectoria. Много ярко цветущих эфемероидов. Ближе к Гюмюшане дорога уже выстроена. Езда по гладким её серпантинам доставляет нашему Сулико и удовольствие, и досаду. Мол, в Турции так все хорошо, а в его Аджарии – наоборот, полный развал. За перевалом - Торул, маленький чистенький городок. Закупаем продукты и едем вниз по горным серпантинам. Деревни, городки следуют один за другим. Много белых домиков, окруженных яблоневыми садами. Поставить лагерь – проблема, все застроено, занято посадками или дорога идет по узкому ущелью. Все же нам удалось найти свободное место на старой пашне в пойме речки. Дубы кустовидной формы сохраняют прошлогоднюю листву. На северных склонах сосняки. В пойме много посадок пирамидальных тополей.

Яркая луна. Ночью был заморозок. Засыпаем под завывание муллы.

А. Хохряков, А. Сытин. Перевал Кезе. Турция

5 апреля. Ясный ветреный день очень кстати для сушки гербария. Дневка, занимаемся гербарием. Время от времени кучки людей выходят на дорогу над нашим лагерем, рассматривают нас, лагерь. Ночью из продуктового ящика утащили продукты.

Сухо. На горах трагакантовые астрагалы, колючие подушки. Андрей Кириллович – большая Андрею подмога и в сборах, и в закладке гербария. Ольга хохочет постоянно. В общем, обстановка вполне доброжелательная. Андрей потерял копалку. Вижу – устал. Иногда часто дышит.

6 апреля. Дорога на перевал Кезе берет круто вверх. Вокруг все по-зимнему серо и мертво. На северном склоне сплошные снежные завалы. На перевале в лесу, на прогалинах цветущие гусиный лук, калужница, сцилла. За перевалом крутой спуск в долину. По пути к Байбурту сплошные поля на очень широкой долине. Перед Байбуртом очередная проверка. Как всегда, в дело идет контракт. Под вечер остановились в долине Чороха. Топим печь сухими побегами коровяка. Сгущаются черные тучи, ветер рвет полы палатки.

7 апреля. Едем в сторону перевала Саганли. На полях весенний сев, работают в основном женщины. Холмы в трагакантовых астрагалах. Доехали только до 2300 м, выше лежит снег. Андрей с досадой уходит осматривать окрестности. Пришлось вернуться обратно к Чороху. Поедем в Артвин через Испир.

Широкая долина Чороха изрезана полями. Поднимаемся на холмы, объезжаем прижимы. Наша машина еле тянет по разбитой грунтовой дороге. На крутом холме - деревня Лялели. Много глинобитных домов. Дорога проходит через поселок. Берем особенно крутой затяжной подъем, машина пыхтит, из домов выглядывают женщины, закутанные с головы до ног в чернобелые клетчатые одежды. Видны одни щели для глаз.

Нас преследует непогода. Ветер, дождь. Природа едва пробуждается. Вокруг только серые и коричневые тона. Ольга размахивает большой простыней, как флагом, собирает клещей, приводя Сулико в замешательство. Для него женщины - это толстые, как он, домоседки.

Ставим палатки на голой вершине покатого холма. Ветер рвет их полы, выдувает огонь из печки. Ужинаем под зонтами. Вдали через реку - большой поселок с мечетью. Издалека доносится заунывная вечерняя молитва.

8 апреля. Весь день вдоль мутного Чороха едем в том же режиме. Ближе к Испиру теплее, с погодой лучше. Холмы в весенних нарядных садах. Цветут персики, шаровидные кусты

миндаля. На маленьких полосках земли женщины вручную сеют пшеницу.Наша разбитая машина, нагруженная печкой и продуктовым ящиком на багажнике, вызывает у местных жителей живой интерес - улыбаются, машут.

На подъезде к Испиру, несмотря на дождь, Андрей хочет проехать километров 30 вверх по дороге на перевал Овитдаг. В прошлом году он там собрал особенный астрагал, но без цветков. Ему нужен цветущий. Хотя дорога прекрасная, наша машина не тянет. Астрагал не цветет, льет проливной дождь. В Испире нас узнают. Из окна видны заснеженные горы, минарет, над крышами вьется дым.

9 апреля. С утра на глазах «лучших» людей Испира в центре главной улочки грузим машину. Собираются зеваки, цокают, качают головой. Привычно приторачиваем на крышу продуктовый ящик, печку и всякую хара-хуру, как тут говорят. В багажник укладываем папки. Под себя кладем спальные мешки, утрясаемся, увязываемся. В путь! Андрей высматривает на обочинах растения. Дорога знакомая. На нарядных откосах розовеет дикая вишня, желтеет цветущий кизил, нежные шары скумпии с распускающимися красноватыми листьями. Старинная грунтовая дорога. На определенном расстоянии друг от друга - развалины крепостей. Под огромными крышами сеновалы.

Очередная остановка. Потек бензин... Еле дотянули до стоянки за поселком Синанонаклар. Выглянуло солнце. В закрытой с трех сторон скалами ложбине расположились между валунов. Сразу пожаловали жандармы, долго читали контракт. Улыбались. Пожали руки и уехали. Вслед за ними приехал на новой машине, одетый с иголочки, мэр поселка, привез дрова. Просушились, разложили газеты, сетки.

11 апреля. Город Юзефилли в устье притока Чороха - Пархалчай. Как и везде в Турции, он быстро застраивается новыми кирпичными домами. В центре города кое-где еще сохранились старые деревянные постройки. Утром городок просыпается медленно. Неторопливо открываются магазины. Приятно пахнет свежеиспеченным хлебом.

По направлению к городку Сарыгель едем вверх по Пархалчаю. Андрею важно разведать путь в высокогорья. Он планирует попасть летом на гору Качкар, равную по высоте Карчхалу. По берегам мягкие наплывы застывшей лавы. Становится жарко, машина раскаляется. В садах виноград, шелковица, абрикосы, гранат. Белорозовые цветки айвы усыпают большие деревья. Сливы, маслины. Черешня уже отцвела, начинают цвести яблони. Только у инжира торчат вверх еще голые, несуразно толстые ветки. На скалах разрушенные крепости. По пыльной дороге без перерыва берем подъемы.

В городке Сарыгель - одна улица, мечеть и большой памятник Ататюрку, который оседлал большого черного коня. В маленькой кофейне под плакучей ивой пьем традиционный чай. Андрей заводит знакомство с хозяевами кофейни. Они «гурджи», то есть грузины, знают несколько слов по-грузински. Почему городок называется Сарыгель - «желтое озеро» - не знают, озера в окрестностях нет.

На обратном пути машина уже не скребет по щебенке, за Юзефилли на гладком асфальте набирает скорость. Снова встает проблема - где поставить лагерь. Везде крутые берега. Сворачиваем на реку Берту и под вечер находим замечательное место у речки Купулер в зарослях можжевельника. Дров полно. На звездном небе неожиданно появляются перистые облака, и вскоре все затягивает.

12 апреля. В центре Артвина у маленького магазина «Карчхал» нас окликает Дурсун - наш знакомый по поездке 1994 года. Сопровождает нас в лесничество, берет на себя роль переводчика и опекуна. Знакомый лесничий Айдин, по наводке Дурсуна, устраивает нас в

гостинице деревообрабатывающего завода. Цеха завода и гостиница для рабочих находятся под артвинской горой у Чороха. Рабочие на воскресные дни уехали. На улице льет проливной дождь, а мы под крышей, в тепле. Батареи сушат наши газеты!

13 апреля. Андрей планирует поездку в горы за Чорох. Сулико гордится и удивляется, как его машина смогла взять очередную высоту, дорогу сильно развезло. В сосняке еще самая ранняя весна. Заросли пираканты перевиты свернувшейся в огромные зеленые клубки сасспарилью. Много можжевельников. Цветущий зимовник. Только-только проклюнулись почки грабов. Упрямый Андрей Кириллович не расстается с печкой, на которой часами готовим обед. Пока разгораются дрова, мы с Андреем обследуем большой и зеленый луг, на котором выскочили пестрые, замечательно красивые орхидеи.

Деревни следуют одна за другой. Много баранов. Люди одеты бедно. У женщин головы повязаны платками с монистами, нависающими на лоб.

14 апреля. Пасха. Небо расчистилось, ясно, но с утра еще сыро. Снег очень близко. Над Артвином лес из уже распустившегося граба. Розовые аспекты примулы восточной. Выше ельники с сосной. Дорога старая, пустынная. Вдоль крутых обрывов только тропинка.

Очередная поломка машины. Мы с Андреем оставляем Олю с Андреем Кирилловичем готовить праздничный обед, а сами идем по тропинке, которая вскоре исчезает. По крутым осыпям идти довольно опасно. Но Андрей должен пройти все и еще чуть-чуть. Я тянусь за ним, осторожно наступая на камни.

Оля с Андреем Кирилловичем расстарались. Приготовили курицу. Кекс заменил кулич. Вокруг сияет свежая зелень. Пасха.

Машина кое-как восстановлена. Сулико продолжает удивляться, как смог взять очередную высоту. Луг в голубых незабудках. Ветер разметал тучи. Отсюда на далеких отрогах Карчхала хорошо видны маленькие селения у самых снегов.

15 апреля. Утром спор: Оля мечтает о палатке, в общежитии - неромантично. А Андрей думает о гербарии. Решено не трогаться со всем скарбом, а поехать на день по Хатиладере. По дороге впервые готовим завтрак на костре. Топим ветками земляничника! Сильный ветер, но завтрак готов в считанные минуты! Сосняки, такие богатые травами летом, сейчас бедны. Красота Хатиладере завораживает. Прозрачная вода перекатывается через огромные валуны. По берегам не менее огромные валуны заросли плющом. На скалах синеют цветы сциллы и брунеры.

Машина не выдержала. Полетело колесо... Мы с Андреем уходим вверх по реке. Солнце играет, отсвечивает на темных скалах. Покрышку сменили. Машина на ходу! Любуемся обрывами Чороха. На темнеющем ясном небе вырисовывается силуэт Артвинской крепости.

16 апреля. Утро ушло на укладку вещей и прощальные визиты. Андрей оставляет гербарные сетки Дурсуну, рассчитывая на летние поездки. Жаркий день. Сильно парит. По дороге знакомый родник. Маленькая столовая разрослась в уютный ресторанчик. Андрей лезет вверх и так же, как и в 1993 году, на крышу летят камни. Тут же налетают жандармы. Читают контракт, улыбаются, жмут руки.

За Борчхой поворачиваем в сторону аджарской границы. На повороте к Мачахеле очередной пост и проверка. Голые скалы редко поросли низкими травами. Чорох стремительно несет мутные воды. Последние сборы на скалах - и обратно к Борчхе, к аджарской границе.

Оля не оставляет надежды по пути ночевать в палатке. Сулико, наоборот, всеми силами стремится домой, в Батуми. Говорит, что не ожидал таких больших переездов и досадует на то, что, кажется, загубил мотор! И действительно, на первых же совсем невинных витках мы

вылезаем, заливаем капот холодной водой. Но это мало помогает. Оля все чаще намекает на ночевку. Начинается холодный дождь. Наплывает туман. Все мысли о том, чтобы взять эти роковые перевальные 600 м. На перевале нас ждет ГАИ. Не пристегнуты ремни. Останавливают, штрафуют. Сулико все сваливает на нас! Истерика, крики. Красный, сильно возбужденный, яростный Сулико мчит машину вниз по серпантинам, в белое облако густого тумана, с трудом успокаивается.

В холоде и сырости стоим на турецкой таможне. Сулико бегает, ищет свою декларацию, без которой его не выпустят домой. Нашел! На Зеленом мысу в полной темноте при свете фонарика расплачиваемся с Сулико, и он навсегда нас покидает. Ольга с Андреем Кирилловичем быстро ставят палатку. Мы забираемся в наши комнатенки. В спальном мешке тепло. Гербарий с нами. Закончилась пятая по счету турецкая поездка».

На середину июня в Тверском ботаническом саду запланирована очередная экспедиция на юг Смоленской области. Больше недели у меня уходит на организацию выезда. Все экспедиционные машины в автопарке университета неисправны. Шофер Юра – нудный и пассивный, целыми днями добывает детали, чинит. А время идет. Нужно добыть деньги на бензин. Я обиваю пороги ректората и наконец получаю деньги наличными – миллион! Этого вполне достаточно для всей поездки, рассчитанной на 10 дней. Маршрут разработан. С нами едет Коля Веселов – сотрудник ботанического сада средних лет. Светловолосый, с типичным русским круглым лицом, он вызывает симпатию знанием растений. Два студента Игорь Корда и Оля Воробьева едут на практику. Мы берем с собой наших внучек Галю и Майю.

Наконец наступает день выезда. Машина на ходу. Получены деньги. Закуплены продукты. Андрей с девочками – Галей и Майей ждут нас в общежитии. Я с утра ношусь. Нужно получить командировочные, путевой лист, бензин. На автозаправке замечаю группу цыганок в пестрых юбках.

По дороге Юра ноющим голосом рассказывает о трудностях с сыном-калекой. Я ему сочувствую.

В ботаническом саду, в Затверечье грузим полевое оборудование, папки, газеты. Переезжаем мост через Волгу, едем центральной улицей, по проспекту Чайковского. Проезжаем в форме огромного корабля здание Тверьуниверсалбанка. Он выглядит неестественно рядом с типовыми советскими домами-квадратами. Его хозяйка Козырева – гордость тверитян, она мгновенно разбогатела. В темных зеркальных окнах отражается маленький, очень красивый, храм Покрова божьей Матери - один из немногих памятников, оставшихся от величия тверского княжества. Далее едем к общежитию у вокзала. Андрей с девочками уже давно изнывает, стоит на балконе. Быстро грузим вещи, все забираются в кузов. Я сижу рядом с водителем Юрой. На выезде вспоминаю – нужно купить масло. Последняя остановка у лотков с продуктами - их длинные ряды расположились около вокзала. На покупку уходит всего несколько минут. Подхожу к машине, забираюсь в высокую кабину и вижу странную картину: Юра вышел из машины, рядом с ним цыганка, а у него в руках раскрытый бумажник. Он кричит неистово: «Все деньги пропали!» Оказалось, пока я покупала масло, цыганка успела выведать у Юры о болезни сына, выманить все деньги, выданные на бензин. Я в шоке. Выскакиваю из кабины, за мной из кузова высыпают все остальные. Уже вдали, по широкому проспекту, картинно размахивая пестрыми юбками, быстро удаляется группа цыган. Мы в отчаянии. События начинают разворачиваться быстро: внезапно появляется милицейская машина, продавец масла указывает на цыган. Машина их догоняет, мы следом. Цыган и нас с Юрой забирают в милицию. Я в отчаянии - больше недели выбивала деньги, унижалась, организовывала поездку – и все пропало! Цыганка грозится меня проклясть. Но милиционер обещает посадить ее за торговлю наркотиками, и она притихает. Не проходит еще нескольких минут, как цыганка говорит: «Деньги на месте». Юра

вновь открывает бумажник: действительно, деньги на месте. « И чего орала?», - с презреньем говорит цыганка. Через полчаса мы в пути, успокаиваемся. Как будто ничего этого не было.

Вечером, в райском местечке на берегу Волги у костра вспоминаем первый блин комом.

10 дней мы ездили по югу Смоленской области. Лили дожди. Дороги развезло. Только на реке Угре у деревни Булгаково распогодилось. Там стояли несколько дней. Студенты собирали материал по осине. Андрей с Колей – гербарий. Часто Коля с Юрой таинственно удалялись, возвращаясь резко повеселевшими. Девочки помогали сушить гербарий. Излучины Угры очень красивые, река небольшая. Андрей рассказывал, что именно здесь после Мамаева побоища было великое проитивостояние монголов и русских. Русские войска демонстрировали татарам свою мощь, выставили пушки. Но глядя на очень мирные картины красивой реки на закате, на безлюдье, трудно было представить, как это выглядело в начале XV века.

Машина то и дело ломалась. Юре много помогал Коля Веселов. Все время выскакивали свечи. Под знаком « свечей» на обратном пути застряли под Вязьмой прямо на дороге. Пришлось ставить палатки в сыром ивняке у обочины. Закусали комары. С трудом добрались до Вязьмы, где очередной раз на ремонт машины потрачено 20 000 рублей… Вернулись 28 июня.

Седьмая поездка в Турцию

Г лавная цель Андрея – более подробно обследовать турецкие высокогорья. Однако сборы в альпийском поясе можно делать только в конце июля и в первой половине августа. Поэтому вторую поездку в 1996 г. мы запланировали именно на это время. Состав: А.П.Хохряков 63 года (почти). Мазуренко М.Т. – его жена, то есть я, 61 год (почти). Внучки – Галя – 9 лет. Майя – 8 лет!

26 июля. Толкотня во Внуково. Рейс на сутки откладывают. Сдавать багаж в камеру хранения не по нашим деньгам, там цены для челноков. Мы с грузом, по сильной жаре возвращаемся из Внуково домой на Аэропорт.

Едем мимо недостроенного купола храма Христа Спасителя. Мимо дома Пашкова въезжаем на полностью разрытую Манежную площадь. Поворачиваем и едем по улице Горького. В районе метро «Белорусская» быстро выросли новые здания.

27 июля. С утра снова едем во Внуково. Беспорядок. Слушаем объявления в напряжении. Измученные, улетели только во второй половине дня. В Батуми прилетели под вечер, боялись – не успеем. С темнотой самолеты в Батумском аэропорту не садятся. Нас долго держат на таможне - толстые хапуги вымогают деньги. Микроавтобус уже в темноте доставляет нас на Чаквинский перевал, мчит по знакомым серпантинам на гору к домику Авто Беридзе, моего благодетеля, присматривающего за садом на Зеленом мысу. Мы очень надеялись на помощь Авто, но он в отъезде - лечит здоровье в Абастумани.

Термезос, Турция

Мы погрузились в зелень и влажное тепло. Куда ни бросишь взгляд – везде огромные листья. Живем в доме Авто – на вершине Батумского ботанического сада под горой Фриде за Чаквинским перевалом. Высота над уровнем моря примерно 100 метров. Тут, на склоне холма, Авто выстроил небольшой деревянный дом по аджарскому образцу. Первый этаж – коровник и сарай - прилеплен к склону холма.

Второй этаж из кухни и двух комнат – жилой. Двери открываются на площадку на вершине холма. На эту же площадку обращены двери еще нескольких домиков. В отличие от более надежного и основательного дома Авто, это фанерные времянки. Тут живут настоящие и бывшие сотрудники ботанического сада. Образовалось нечто похожее на малюсенькую деревню. С противоположной стороны дома Автандила, с маленькой веранды открывается вид на море головокружительной красоты. Под нами - ущелье речки, на отрогах которой густой лес из разнообразных экзотических деревьев. Кроны многих сомкнулись. Сплошная зелень; сейчас в августе она сочная и темная. На склоне жителями деревеньки отвоеваны участки под огород. Из родника по старинке тянут проволоку с ведром. Нас опекает Натела – жена Автандила. Невысокая, миловидная, она не знает русского языка. Её две дочки – Нонна и Нана в возрасте наших внучек, -тоже не знают ни слова по-русски. Нам предоставлена большая светлая комната. Кормят как гостей, Натела только подает, по обычаю, за стол не садится.

Мы ищем машину, нас обманывают, торгуются и обещают. Обещания, заверения – главная особенность местных жителей. Сначала пообещал Зураб Манвелидзе – сотрудник ботанического сада, с которым мы ездили в Турцию в 93 году. Беззастенчиво обманул, исчез. Ищем новые варианты. Время уходит, впору отчаяться. Второй наш компаньон по первой турецкой поездке Дато (Давид) Гвианидзе – научный сотрудник ботанического сада, – соглашается ехать с нами в Турцию за 35 долларов в день. Еда и бензин за наш счет. Берет аванс 200 долларов. Но сомнения в отъезде нас не покидают до последнего момента. Бесполезно уходит драгоценное время.

2 августа. Ранним утром Дато приезжает на своей старой легковой машине "жигули". Он заверяет – она прекрасно ходит, в нее можно погрузить полевые вещи. Грузимся. У нас уже есть опыт езды в подобных условиях: сетки в багажнике, спальные мешки на сиденьях.

Выезжаем из города в надежде побыстрей достигнуть таможни. Уж очень затянулись споры, сборы и ожидания. Аджария, где все машины разбиты, где масса обещающих и обманывающих, нам сильно опостылела. Но нет, это еще не отъезд: Дато заежает в авторемонт, просит на обслуживание. Слоняемся на жаре, изны各, становится ясно: машина старая и еле ходит… Но отступать некуда.

На таможне 150 долларов как не бывало. Но выехали! Удалось дозвониться до Дурсуна в Артвин - он нас ждет. В Артвин добрались только поздно вечером, почти в полутьме. Разразилась сильная гроза. Магазин Дурсуна закрыт, никто не знает, где он. Подъезжаем к гостинице деревообрабатывающей фабрики, где мы останавливались весной. Но без разрешения нас туда не пускают. В полной темноте ставим перед входом у забора палатку. Засыпаем под шум дождя.

3 августа. Утром можно осмотреться. Над палаткой на крутом склоне - фруктовый сад. Красивая пожилая турчанка бросает девочкам яблоки. Идем по знакомой кривой улочке вверх. У своего склада стоит величественный Дурсун, улыбается. Полное впечатление, что мы и не покидали это гостеприимное место. Огромное помещение склада заполнено мешками с мукой. Два рабочих просеивают муку. На сите остаются долгоносики, вызывающие большой интерес у наших внучек, а у меня - воспоминания о военных годах.

Берем гербарные сетки, оставленные весной. Первый маршрут наш - по Хатила дере на горы Моргула. Разрешения в лесничестве не берем, решили рискнуть – проскочить через кордон. Вначале все идет гладко. Проезжаем знакомые повороты под скалами над Чорохом, спускаемся и въезжем в ущелье реки. Едем вдоль реки Хатила дере. Все зелено, липа уже отцвела. По дороге Дато предлагает мне закопать под камень наши доллары. Он предполагает, что мы, живя в Москве, имеем гранты (это слово он хорошо знает), везем с собой значительную сумму. Девочки вспоминают сказку о Буратино, долго смеемся по этому поводу.

Подъем в горы сразу же обнаруживает слабость мотора. Еле тянем, мотор греется. По мере подъема перед нами открывается величественная картина огромного ущелья и цепи гор хребта Моргул. Там, в верховьях, в субальпийском поясе растет рододендрон Смирнова. Картина зеленеющих склонов не менее замечательная. Рододендрон понтийский, как и рододендрон Унгерна, отцвел. Я вспоминаю, как мы поднимались по этой дороге с Хари в 1993 году, и все склоны внизу алели, а выше белели от обилия и аспектов лесных рододендронов. Тогда подняться выше в горы нам помешал дождь, хотя главное, что нас интересовало в субальпах - рододендрон Смирнова, и собрать его всё же удалось. Сейчас нужно обследовать субальпийский пояс более подробно. Андрей надеется собрать и альпийскую флору. Выше лесного пояса нас накрыло туманом. Разбили лагерь на большой площадке. Машина еле тянула. Дато спит в машине, мы – в палатке. Я и Андрей по краям, девочки посредине.

4 августа. Дато с Андреем ушли в высокогорья. Я собираю растения вокруг лагеря. Девочки собрали малину, из которой мы сварили на костре варенье. Андрею удалось пройти высокогорьями. Пришел вполне довольный, но решил не тратить тут время, спуститься в Артвин и оттуда добираться на перевал Ялнис чам.

Уже в первый день машина барахлила, и гостеприимные турки помогали Дато с ремонтом. На свалке он разыскал старые покрышки для машины, очень хвалил, но видимо, они оказались лысые. Вот эти подержанные шины на спуске все и прохудились! Господи! Ты испытываешь наше терпение! Картина замечательная. 30 лесников пытаются реанимировать рваные запасные шины. Чудом обошлось, мы добрались до Артвина. Дурсун хочет устроить нас у своих

знакомых. В полной темноте спускаемся по узким, очень крутым улочкам. Машина тут не может развернуться, Дурсун перегрузил машину. Над нами гора города ярко освещена. Машина бесконечно ломается, еле тянет, лавируя среди старинных домов, минаретов. Хозяев нет дома. Дурсун, глядя на машину Дато, на каждом крутом повороте громко ахает. Покупает большой арбуз за миллион лир. Снова поднимаемся в центр, где устраиваемся в знакомой нам по прошлым годам гостинице. Взбираемся по крутой, неимоверной высоты лестнице в комнатенки-номера. Под нами вечерний Артвин. Над городом плывет запах жареной баранины. Главное – здесь сухо, можно разбирать гербарий. Девочки, радостные и терпеливые, съели подаренный Дурсуном арбуз и заснули в душной жаре. Ночью, как это здесь водится, совсем рядом надрывал свой голос муэдзин.

С внучками. Дорога на Ардануч. Турция

5 августа. С утра Дурсун кормит нас супом; утренний суп у турок – традиция. Едим в душной столовой с огромным вентилятором. Спускаемся с горы в жуткую жаркую духоту нижнего магазина Дурсуна. Здесь можно спокойно разложить гербарий, оставить кое-что на досушку. Планируем ехать через Ардануч, перевал Ялнис чам в Ардаган. Два года назад с Пименовым этот маршрут совершить нам не удалось из-за волнений с курдами. Сейчас, как утверждает Дурсун, спокойно. Дато исчезает якобы чинить свой драндулет. Андрей перекладывает гербарий, я сушу бумагу. Дурсун торопит – хочет свезти нас в Ардануч, в лесничество, где есть у него знакомые, могут оказать нам содействие. Дато, появившись, вновь исчезает чинить шины. Дурсун волнуется, торопит. Господи! Наконец в 12 часов в спешке грузимся и выезжаем по сильной жаре в Ардануч – родной город Дурсуна. Сначала вверх по Чороху, затем по реке Берте. Жаркий ветер дует по ущелью. Вспоминаем весенний дождь и холод. Заросли можжевельника, где мы весной ночевали, теперь завалены горами щебня - начинается стройка.

Знакомые сады. Расхристанная машина вновь останавливается. Дурсун ее ругает, я досадую. На заправке Дато, весьма рассеянная личность, стукнулся о высокий тротуар. Обвинил нас, мол, мы его толкали.

В лесничестве Ардануча идут долгие переговоры. Как положено в кабинете, все обито деревом, полки с с книгами для красоты. Величественный директор. Щебечут по-турецки. Долгий чай в два захода. Но, несмотря на любезность лесников и знакомство с Дурсуном, лесники оказались перестраховщиками и отказались заверить командировку. Теряем время. Дато, наоборот, времени не теряет. Он деловито идет в ремонтные мастерские лесничества, заправляет

аккумулятор, выпрашивает шины и многое другое. Пользуется ситуацией, и за счет турок пытается произвести максимально полный ремонт своей машины-старушки.

Дурсун огорчен. В центре города бульвар, под тенистыми кронами платанов пережидают жару, перебирают четками праздные мужчины. Дурсун ведет нас в столовую. За длинным столом в ряд сидят клиенты, нас кормят бараниной с рисом. Как всегда, куча официантов – молодых мужчин с искусственными дежурными улыбками. Наелись досыта, но побыстрей бы уехать! Даже фрукты и овощи не привлекают.

Прощаемся с Дурсуном. Начинается подъем в горы. Сначала едем жаркими холмами. Мотор греется, закипает через каждые полчаса. Вынужденные остановки используем для сбора растений, но многое уже выгорело. На маленьких квадратных деляночках женщины серпами аккуратно, до зернышка, скашивают и собирают пшеницу. Так, видимо, было испокон веков. С подъемом становится прохладнее, а деревень – меньше. Начинается лесной пояс, ельники. Выбрали для лагеря очень красивое место: лесная поляна окружена большими елями, журчит прозрачный ручеек. Дато боится медведей и зажигает большой костер. Мы шутим, ведь «Дато» в переводе с грузинского означает "медведь"! Ночью в палатке душно и тесно. Андрей вылезает и спит на улице. Под елками много маслят.

6 августа. Утром все вокруг затянуто туманом. Моросит дождь, но тепло, а под елками сухо. Собираемся в дорогу. На первом же повороте спустила шина. Выручают проезжающие - улыбаются, помогают. На это постоянно рассчитывает Дато. Снова вверх. Место, где нас задержали два года назад, теперь пустынное, все спокойно. На поворотах стоят маленькие бедные духаны. На крутых склонах пасутся бараны. Почва, так же как в Аджарии, изрыта копытами, травы объедены. Собирать гербарий трудно.

Дорога выше лесного пояса идет параллельно хребту, плавно поворачивая и очень постепенно набирая высоту. Это и выручает, мотор тянет. Машина еле передвигается, но едет! Мы медленно, но верно поднимаемся к перевалу. Время от времени встречаются груженые микроавтобусы, откуда выглядывают веселые лица пассажиров. Стали появляться приземистые горные домики с плоскими крышами, похожие на норы. Выехали на перевал. Несколько километров едем по плоскогорью, затем начинается плавный спуск. В субальпийском поясе - яркие красочные луга. Ялнис чам означает: «Только сосна». Действительно, на Ардаганской стороне - только сосняки и только ниже альпийского пояса. В высокогорьях есть и осинники, но очень редко. На спуске сухо, безлесные скалы. Остатки древней крепости. Как только Дато видит следы расцвета средневековой Грузии, долго говорит о царице Тамаре и о том, что это земля грузинская. Машина кряхтит, но идет. Спускаемся в долины. Своеобразный запах дыма! Топят кизяком.

В Ардаган решили не заезжать, а верховьями реки Куры успеть доехать до Гюле. Но не тут то было! На первом же повороте машина остановилась, как вкопанная. Место оказалось удачным - на красочном лугу рядом с пчеловодами разбили лагерь и занялись разборкой гербария.

Вечером пчеловоды пригласили на чай. Дато бойко переводит. Рассказали, что на этом месте в XIX веке была русская церковь. В земле нашли русские монеты. Все монетки, что они нам показывают, достоинством одна и 10 копеек, 1883 года выпуска. Темное чистое небо пересекает млечный путь. Не жарко.

7 августа. С утра Дато спит. Андрей, который всегда следит за временем, подъемом, сердится. Утром небольшая экскурсия, красочное летнее разнотравье. Дато куда-то ушел. С гербарием он нам не помогает, но иногда приносит неаккуратный пучок трав и просит заложить. Мы вроде как его лаборанты! Андрей не выдержал и наорал. Это случается с ним редко, но это отрезвило Дато и возможно машину, так как на подъеме она шла послушно, особенно по ровной долине у истоков Куры. Несколько раз останавливались для сборов. В высоких травах - орхидные. Гюле –

небольшой провинциальный городок - разомлел на жаре. На улицах пустынно.

Вниз едем между красочных красных гор. Проезжаем мимо бедных, с плоскими крышами деревень. В большом и шумном городе Олту есть университет. За ним высокие, очень красивые горы. Нас накрывает ливнем с ветром. Поднимаемся все выше и выше. В последней под перевалом Киричили деревне Дегермен койю отъезжаем в сторону и находим замечательной красоты луг, рядом с прозрачной речкой - тут и останавливаемся. Вокруг сенокосы, на холмах - крупные массивы приземистых осинников. Сосны нет. Собираются темные тучи. Успеваем поставить палатку. Андрей уходит собирать растения. Нас накрывает дождь.

8 августа. Дегермен койю - место замечательное. Решили остановиться на день, разобрать и досушить гербарий. Дети отдыхают, ловят кузнечиков. Недалеко, через маленькую речку на холме - большой осинник. Часть дня я занимаюсь этими осинами. Андрей ушел на экскурсию. Костер, кухня полностью на мне и требует большого внимания, а главное – времени. Нужно добывать дрова. Большой гербарий тоже требует максимального внимания.. Солнце и ветрено, бумага сохнет быстро. Над нашим лагерем - дорога в деревню, по ней весь день монотонно возят сено на больших быках. Древняя арба с большими скрипящими колесами, обитыми железом. Аробщики, загоревшие дотемна, медленно идут рядом с повозкой. Женщины в чадрах.

Разбросанные для сушки газеты привлекают внимание местного населения - они их собирают и уносят. Приходится спасать. Вечером принесли молоко. Сильный холодный ветер рвет полы палатки. На темном небе сверкают яркие огромные звезды.

9 августа. Приготовление пищи забирает целых 3 часа! Ветер выдувает пламя из костра. Погрузка, увязка сеток на багажник все нашими же силами... Дато не помощник, ходит рядом барином, командует. Выезжем, поднимаемся на перевал - трава здесь выбита так же, как и в Аджарии. Много баранов. Растения можно собирать (и то с трудом) только в маленьких оврагах и на небольших зеленых лужках у ручейков. По дороге две остановки. Стучит мотор, вылетают свечи! Опять свечи! Сколько раз я слышала это слово от Юры в Твери! Вместе с тем нужно ехать - наплывает дневная жара. По идеальному шоссе серпантинами съезжаем вниз и останавливаемся у скалы с окаменевшими деревьями, собираем образцы. Андрей торопит. Когда не касается сборов, гербария, он нервничает. Путь вниз только с мелкими поломками.

В небольшом жарком городке, не доезжая озера Тортум, под шатрами разложены турецкие товары. Торгуют грузины из Батуми, вернее, перепродают купленное в турецких магазинах в Ризе. Дато сразу же находит знакомых.

Машина раскалена. Крутой подъем Дато берет с большим трудом и страхом, вспоминая свечи. Мчимся вдоль озера, надеясь выкупаться, немного охладиться. Но Дато наотрез отказывается спуститься вниз по пологой дороге к озеру. Боится - обратно не поднимется. С большим трудом уговариваем его остановиться в конце огромного озера, где наконец купаемся в очень холодной воде, собираем водные растения. Жаркий ветер мчится по озеру. Мы едем вверх по осыпям, проезжаем небольшой тоннель, за ним проезжаем красочный каньон с пластами осадочных пород. Красота неописуемая! Хорошо бы остановиться на ночлег на природе, а не в гостинице. Но вдоль трассы нигде нет места, нигде.

Подъезжаем к Артвину. Дато предлагает поставить палатки у своего знакомого на берегу Чороха, на подступах к Артвину у основной трассы. Это третьесортный автосервис. На маленьком пятачке валяются старые машины. Из старой избушки выходит толстый слащавый турок. Дато советует тут поставить палатку. Пахнет бензином! Еле удалось отбиться. Уже поздний вечер, но солнце высоко. Решаем ехать на старое место вниз по дороге на Борчху. Оно - единственное свободное и незаметное. Палатку приходится ставить прямо на камнях дороги под кронами больших орехов. С трассы нас не видно, это главное. Выше по дороге - ручей с чистой

водой. На газовой горелке готовим ужин, разбираем гербарий и забираемся в жаркую палатку. Не хочется ехать с Дато на Карчхал. Его машина, мы знаем, не сможет взять его крутые подъемы. Засыпаем под монотонный гул машин мчащихся по трассе.

10 августа. В Артвине находим Дурсуна на своем месте в мучном складе. Дато продолжает выведывать – сколько у нас денег, каковы наши доходы. Требует себе премии, считает нас богачами… Нам надоел и Дато, и его старая машина. Дурсун предлагает договориться с турецким шофером. Он готов брать с нас не 35, а 30 долларов в день. Но Дато устраивает дикий скандал. Грозится в Аджарии нам отомстить. Говорит – нарушаем договор… Андрей сдается. Высушенный гербарий оставляем на складе Дурсуна, а мокрый берем с собой и мчимся вниз. В Борчхе рядом с новой Турцией еще прочно гнездится старая - маленькие деревянные домики с балконами, с примыкающими к ним складами, грязные лавчонки. Переезжаем Чорох по «Николаевскому» стальному мосту. Закупаем продукты.

Дато заявляет, что мокрый гербарий нужно оставить в лавке его знакомого, для облегчения машины. Делать нечего, мы выставляем папки на солнце, в маленькой деревянной избушке в надежде, что хозяин будет их переворачивать. Сетуем на то, что не оставили его у Дурсуна. Когда вернулись, оказалось, папки не переворачивали, как обещали, но гербарий не погиб, а прекрасно высох. Выручила жара и то, что мы упаковали его в тонкие папочки.

У Дато тут полно знакомых. Ботаника его давно не интересует, он часто ездит в Турцию торговать. Один из его знакомых показывает нам сундучок, наполненный старыми русскими бумажными деньгами. Наследие того времени, когда эти края принадлежали в начале XX века Русской империи. Спрашивает – можно ли их реализовать. Мы советуем отдать их в музей в России.

Андрей хорошо помнит о том, что это была территория России, часто говорит:«Обидно за державу, хочу написать флору Северо-Восточной Турции в пределах Русской Империи». Дорога на Карчхал нам известна и мы очень сомневаемся в том, что машина Дато возьмет высоту. Но Дато уверяет – возьмет. Главное – пообещать.

Лесной пояс. Нарядные лиственные леса лепятся по крутым склонам реки Балджи, ветер шумит в кронах. Дорога грунтовая, вьется над узким ущельем. Сверху в темной глубине видны кипящие на камнях белые буруны горной реки. Машина пока тянет. Жара, ветер. Дато каждого, кого встречает, расспрашивает о дороге. Нам, уже бывавшим тут, он не верит. Все без исключения говорят ему о крутых подъемах. В среднегорном поясе сразу начались трудности. Дорога идет вверх среди вечнозеленого подлеска и ельников. Серпантины. Даже небольшие подъемы машина не берет. Несколько раз выходим, толкаем. Но наши приключения только начинаются. Очередной раз Дато просит всех выйти, говорит, возьмет подъем налегке. Уезжает и оставляет нас на дороге одних. Впереди, хотя мы идем вверх не менее 3 километров, нигде его красной машины не видно. Мы уже подумали, что он по ошибке случайно заехал в другое ущелье. Мы одни, в летних платьях, без документов, на горной дороге. Идем и идем в верх уже в отчаянии - ведь с нами маленькие девочки! Впереди видим знакомые домики серных ванн - это середина пути. Взмыленные, подходим ближе и наблюдаем странную картину. Дато из нашей машины перегружает вещи на грузовик. Летят кастрюли, все перемешано… Дато объясняет: его машина не может ехать дальше в верх, мы поедем в горы на грузовике. Нужно забираться в кузов, нагруженном бревнами! Андрей соглашается. Кое-как перегружаемся. В кузов набиваются попутчики. Забираемся на бревна, я прижимаю детей.

Крутые подъемы. Остановка. Рубят высокие ели. Начинается гроза, а мы в летнем. С трудом нахожу в мешках одежду. Одеваю детей, на Андрея свитер. Кое-как разворачиваем палатку и накрываемся. Вымокли. Грязь. Холод. Все наши вещи разбросаны, вымазаны в глине. Нужно

укрыть гербарий.

В полном тумане, по разъезженной дороге машина медленно поднимается по крутым подъемам, серпантинам в субальпийский пояс. Сквозь туман и дождь проглядывают белые нарядные кусты рододендрона Унгерна. Холодные и мокрые, мы заезжаем на гору. К нашей досаде, нас везут на одну из средних йайл, в поселок Девски яйла. А мы надеялись, как ранее с Отари, подняться максимально высоко.

В полутьме позднего вечера выгружаемся у деревянных летних домиков. В отличие от Аджарии, они плотно лепятся друг к другу по крутому склону. Поздний вечер. Все вокруг изрыто и лишено растительности. Домики стоят на столбах, вниз загоняют скот. Наверху - так называемые жилые помещения. Выгружаемся, льет дождь. Дато пытается договориться о ночлеге. Здесь живут ортодоксальные магометане, присутствие христиан им претит. И все же нас не бросают - выделяют пустующий «дом». Одна большая темная комната с низким потолком и единственным маленьким смотровым окошком без стекла. Оно закрывается деревянной задвижкой с ручкой в центре, как пробкой. Большие низкие полати. По соседству сарай, там немного сена. Есть умывальник. Вход - через низкий коридорчик, в конце которого примитивный туалет. Под туалетом - деревянный короб: нечто, похожее на канализацию. Но все это мы рассмотрим завтра, при дневном свете.

Сил хватает только на то, чтобы расстелить спальные мешки и залезть в них, согреться. Пахнет навозом. Под нами в жиже топчутся, иногда мычат и звонят колокольчиками коровы. Только улеглись, как по крыше ударили камни, и так три раза. Дато испугался. Позже ему объяснили – камни по крыше кидал мулла. Он принимал нас в магометанство. Несмотря на лай собак, завывания муллы, топот животных под нами, мы засыпаем.

11 августа. С утра ясно. Андрей и Дато идут в горы. Андрей теперь доволен. Сориентировался и говорит, что прошлый раз мы осмотрели верховья реки Балджи с западной стороны Карчхала, теперь можно увидеть верховья Мачахелы с восточной. Я с девочками остаемся в грязном домике. Уйма гербария - спешим перебирать, писать этикетки. Наш дом заполнила куча детей в бедных рваных одеждах - глазеют. Наплыл туман. Мы в белом густом облаке ждем мужчин. Газовая горелка спасает положение, можно приготовить пищу.

Андрей с Дато приходят вовремя. Ходили в тумане, не заблудились, а я волновалась. Собрали много.

Вечером Дато распространяет слух о том, что я врач, профессор. И себя также разрекламировал!

12 августа. Туман стелется по долинам и ущельям, но пока видимость сохраняется. В поход идем все. Поднимаемся на ближайшую вершину: отсюда хорошо просматриваются горы на Аджарской стороне, начало Мачахелы. Узкое ущелье реки на лесной границе. Густые, в полном цвету заросли кавказского рододендрона. Много голубики. Дети собирают ягоду. Шикша-водяника очень мелкая, и ее мало. Выше в горах всё избито скотом. Дато все время что-то собирает и дает нам для закладки. А мы несем тяжелые папки. Ведет себя как наш начальник, идет налегке. Туман опять густо накрыл гору. На подходе в тумане наши домики еле просматриваются.

Вечером соседка принесла высокую круглую печку. Стало тепло. Сквозь огромные щели сильно продувает, и кажется, что туман проникает в нашу утлую комнатенку. Очень раздражают «гости», а вернее, «пациенты». Объясняюсь с ними через Дато.

13 августа. С утра снова туман, а ведь ночью были звезды. Андрей с Дато ушли на скалы. Мне достается неприятная роль врача, которую я вынуждена делить с переборкой и закладкой гербария. Девочки очень помогают, пишут этикетки. Весь день чередой ко мне приходят

больные, несчастные, невежественные, старые женщины в длинных юбках и платках, отороченных вышивками. Живут здесь очень бедно. Слава моя так вырастает, что вместе с Дато вечером приходят и мужчины, консультируются. Быстрей бы вниз! 15 человек заполнили нашу полутемную комнату. Дато собрал тимьян и всем показывал как чудо. Под нами ночью мычат коровы и звенят колокольчиками. Мы провоняли, Андрей не может заснуть.

Наконец, Андрей с Галей спустились к коровам и привязали колокольчик, чтобы можно было заснуть.

На поминках Андрея в 1998 году Галя со слезами вспоминала этот случай.

14 августа. Вниз пойдет трактор, нас могут подвезти до ванн, то есть до машины Дато! Утро началось с укладки вещей. Опять повалил народ: старухи просят заговорить. У одной голова скособочена, глаза не видят - тяжелая травма.

Подкатил набитый людьми трактор. На него навалили наши вещи. Я с девочками и другими пассажирами садимся на прицеп. Дато с Андреем, как на насест, сели на облучок. По дороге молодые женщины дознаются с пристрастием – едим ли мы свинину. Главный вопрос. Едем вниз крутыми спусками. Ясное небо, солнце, только кое-где появись белые тучки. Высокогорья искалечены, как и в Аджарии. Небольшие фрагменты леса еще как-то устояли. Вокруг пустыня, смывы. Шутливый молодой человек с травмированным позвоночником и большим темпераментом то и дело балагурит, выпрыгивает из прицепа и бежит за нами, то опять вскакивает на ходу. На скользкой дороге он очередной раз подпрыгивает, не успевает вскочить, неловко падает. Снова ударил спину. Боль исказила его лицо, стонет. Никто не обращает на это внимания. Женщины говорят о своем.

Добрались до ванн. Дато отправляется принимать ванны, а нам приказал грузиться. Андрей с ним не спорит. Снова все привязано к багажнику. Медленно, без приключений, по пыльной дороге спускаемся вниз в Борчху. Забираем гербарий и засветло добираемся до нашего укромного места под Артвином. На камнях под кроной ореха ставим палатку. Готовим ужин. Засыпаем в духоте, нещадно кусают москиты. Мы очень грязные. По дороге вдоль Чороха мчатся машины. По-детски кричат шакалы, и звук их странного воя отдается на противоположных Чороху скалах.

15 августа. Ранним утром я отмываю девочек на берегу Чороха в зарослях тамариска. Вода в реке спала, у берегов прозрачная. Кусты тамариска и облепихи в основании густо закрыты ветошью и тиной - следы весенних и летних паводков. Снова спешка, укладка. Будет жаркий день. Терпим поучения Дато. Он нам очень сильно надоел.

В Артвине Дурсун стоит у входа в мучной склад. Наш гербарий в полном порядке, а Дурсун договорился с турком о нашем дальнейшем путешествии. Рассчитываемся с Дато. Он выклянчил себе не только положенные ему по договору деньги, но и премиальные, а кроме того, и гребенки, которые в большом количестве подарил девочкам Дурсун. Наконец, Дато уезжает. Декорации быстро меняются. К складу подъезжает желтое такси с турком Топ Кадыром. Он когда-то работал в Бельгии и кое-что знает по-французски, поэтому я могу с ним объясняться. Договариваемся о следующем маршруте в горы Качкара в верх от Юзефили - вверх к Сары гелю и Пархалу. Берет он с нас не 35, как Дато, а 30 долларов в день. За нами еще бензин и питание. Невысокий и степенный, старше среднего возраста, он приносит из дома продукты, чтобы приготовить турецкое блюдо: мясо, овощи, сыр. Долго объясняет способ приготовления. Торжественно обедаем с Дурсуном в складе. Собираемся в путь.

В машине большой багажник - все вещи помещаются. Мы усаживаемся на мягкие сидения ухоженной машины и мчимся вверх по Чороху со скоростью 90 км в час! Время от времени

галантный Кадыр опрыскивает нас одеколоном – традиция турецких таксистов. Середина дня, жара, но машину продувает. У разъезда дорог, у впадения в Чорох реки Алту недавно построена огромная мечеть Кемаль Паши. В ней наш водитель молится о счастливом путешествии в горы.

В жарком Юзефилли покупаем продукты. Топ Кадыр выбирает, настаивает на покупке маслин. Едем быстро вверх к Сары гелю и далее к Пархалу. Машина едет быстро, без остановок. Мелькают знакомые места. В салоне удобно. Вспоминаю весеннюю поездку в этих местах на разваленной машине Сулико. Андрей говорит, что наконец мы порвали грузинскую пуповину, чему я очень рада. Но позже оказалось, что нам пришлось еще раз ездить с грузинами, и тоже на разваленной машине, и что и турки не идеальны…

Преодолевая несколько крутых подъемов по пыльной грунтовой дороге, очень быстро достигаем Сары геля. Проезжаем знакомую главную улицу с помпезным большим наездником Ата-Тюрком на огромном коне. Опять же быстро вверх вдоль прозрачной горной реки Пархал доезжаем до небольшого одноименного селения Пархал.

Мимо мелькают мирные деревенские сады со зреющими фруктами. Яблони усыпаны плодами. Земля завоевана по клочкам на берегах горных рек. Закрытые платками навьюченные женщины – типичная для Турции картина. Здоровые бородатые старики. На склонах лепятся большие дома с огромными чердаками для сена. Растительность в основном ксерофитная и не похожа на Карчхал.

Въезжаем в селение Пархал, расположенное на скрещении двух горных рек, ведущих соответственно в два ущелья. Много новых прямоугольных, таких как и во всей Турции, домов, но есть и старые, деревянные, с балконами. Огромная пузатая мечеть в узком ущелье, почти полностью заполняет его своим «пузом». В центре поселка, рядом с мечетью чайхана. За столиками сидят очень похожие друг на друга праздные мужчины и коротают время за нардами и кофе.

За поселком, на берегу горой речки на галечнике ставим палатку, по-турецки "чадыр". Под руководством Кадыра готовим его любимый, непривычный для нас суп. Над прозрачной быстрой рекой свисают скалы, поросшие елью. В темноте купаю детей в горной холодной воде. Небо ясное, светят высокие звезды над узким ущельем.

16 августа. Встаем, как всегда, в 7, но сетками не занимаемся - готовим на костре завтрак и таскаем вещи в машину. Дорога идет в верх по реке. Вдали открываются величественные горные ландшафты. Вдоль дороги то и дело попадаются красочные цветущие лужки. Скалы, сосны, водопады! Много ксерофитов. Осина растет не колками, а внедряется в ельники, крупная. Серпантинами вверх мы доезжаем до тупика, до конечной остановки – селения Огулнар. Красивая долина горной реки окружена зелеными лугами. Выше – горы. Далее дорога на высокогорные озера только пешая. Поэтому машину, палатку ставим недалеко от селения, у прозрачной реки, рядом с огромным валуном. Дома здесь небольшие, с плоскими крышами, каменные, основательные, не похожи на неопрятные курдские времянки. Андрей и Галя идут в горы. Я с Майечкой занимаюсь гербарием. Ясный прохладный вечер. Кадыр был в гостях у муллы и зовет нас на ночлег в комнату при мечети - что-то вроде гостевой: на чистом полу ковер и матрац.

Мы предпочитаем нашу палатку. Засыпаем под шум реки.

17 августа. Погода ясная. Хотя встали рано, приготовление пищи на костре занимает время, Андрей нервничает. Он идет в горы, в дневной маршрут один. Я должна оставаться с детьми. Дети весь день у реки, купаются в холодной воде. Кадыр весь поглощен общением с муллой, находит время объяснить, что это место – высокогорный курорт. Посещают его

преимущественно жители Эрзерума. Много тут и европейских туристов, в основном немцев. Навьюченные рюкзаками, одни идут цепочкой вверх, другие вниз.

Весь день, без перерыва, я перебираю гербарий. Его очень много. Место интересное, на закладку уходит много времени. Андрей приходит в 5 вечера, очень усталый. Он дошел до высокогорных озер - места интересные. Яркий солнечный день заканчивается вечерней прогулкой на холмы. Ночь теплая.

Топ Кадыр показывает нам ксерокопию газеты, где он, молодой, изображен грызущим дерево. Этот аттракцион прославил его на всю Турцию. Топ Кадыр – означает «бобер». Я спрашиваю, какую же породу дерева он грыз? Оказалось, иву. Сейчас он уже не грызет палки, а в основном занят постоянными молитвами Аллаху. Совершает все намазы.

18 августа. Раннее утро нарушается приходом сборщика налога. За место нужно платить по доллару. Кадыр кричит, спорит, но сборщик, как и положено, непреклонен. Берут только с иностранцев. Едем вниз до Пархала. Оттуда планируем подъем по другому отрогу в высокогорья. Жара. В тени деревьев, в уютном кафе мирно играет в нарды знакомый нашего Дурсуна - мэр Пархала Мустафа. Он полон доброжелательности и советует посмотреть главную достопримечательность Пархала – древний византийский храм. Вскоре к нему проведут хорошую дорогу. Храм совсем недалеко. Андрей стремится вверх, в высокогорья, но соглашается посмотреть храм. Однако жаркая и влажная атмосфера в ольховнике, а затем долгая, в несколько километров дорога забирает драгоценное время, а храма все не видно. Мы всматриваемся вверх, смотрим на холм в надежде увидеть храм, но его не видно. Андрей стонет и ругается. Тропа вверх на холм к храму теряется в зарослях. Идем наугад по крутому склону без тропы и вдруг перед нами вырастает громада храма. Ныне он превращен в мечеть и закрыт. Красивое каменное здание с византийскими орнаментами - образец гармонии. В древности здание, видимо, хорошо просматривалось издалека. И сегодня это одно из красивейших зданий древности - строгие формы, базилика. Быстро, насколько возможно, возвращаемся к машине.

Теперь только вверх в высокогорья! Заливаем бензин, покупаем продукты - и в путь. Топ Кадыр – идеальный шофер. И машина хорошая, едет безупречно, без остановок. Свечи не выскакивают и прочее. По крутым склонам, грунтовой дороге мы без приключений всего за 2 часа достигли перевала в субальпийском поясе. Выбрали место на небольшой площадке крутого склона над горной дорогой. Палатки растянули среди рододендрона кавказского.

Под нами - огромный величественный цирк в несколько километров. Края его заросли кавказским рододендроном. В центре цирка сохранилась эстрада. В середине лета тут проходят летние празднества. Сейчас остались только следы празднества в виде брошенных пакетов, ящиков и прочего мусора. Видимо, было грандиозное сборище.

Наше место очень удобное. Рядом горный ручей. Солнце клонится к закату. Андрей собирает хворост, Кадыр расстилает коврик - молится на восток.

19 августа. Утром снизу наплывает туман, собирается дождь. Андрей с Галей едут на машине на перевал, а оттуда идут в маршрут к озерам. Мы с Майей остаемся заниматься гербарием. Туман то набегает, то рассеивается. Это создает сложности - то затаскиваем сетки, то вытаскиваем, и так до обеда, до возвращения нашего желтого такси.

После обеда к нам пришел назойливый пастух. Он пытается выклянчить у нас рюкзаки, сетки и спальники. Живет бедно. Грузин, то есть по местному гурджи. Он почти утратил словарный запас грузинских слов. Ест суп Кадыра, заставляет нас сфотографировать его и угощает гнилым сыром, который Кадыр ест с удовольствием. С этого старого сыра и начались наши бедствия.

Под вечер мы совершили большую экскурсию в окрестностях горного цирка. Вечером совсем

разъяснилось, взошла молодая луна.

20 августа. Утренние сборы. День ясный, но Андрей заболел, слабый. Только позже я узнала, что ночью ему было плохо с желудком, но он нам ничего не сказал. Я думала - что-то с сердцем. Собираемся быстро, вспоминая Датошку, сборы с которым занимали уйму времени. Едем вниз, по пути собирая гербарий. Красочные горные дороги тянутся среди скал. В лесном поясе значительные массивы осины. Деревья высотой до 20 м со стволом до 30 см. Чем ниже – тем жарче. Быстро промелькнул Пархал, за ним Сары гель. Крепости, скалы. Юзефилли с огромными новоиспеченными мечетями и серебряными круглыми крышами. Развилок Алту. Едем так быстро, что кажется – летим со скоростью ветра.

Топ Кадыр намеревается завезти нас на свою родную яйлу, также под названием Карчхал. Но она находится выше Ардануча, в одном из его отрогов. Родной дом Кадыра находится на крутом горном склоне Берты, между Ардануем и Артвином. Он хочет показать нам и свой родной дом, где находится его жена и взрослая слабоумная дочь, которая его очень любит, а он отвечает ей взаимностью. У него два сына -старший женат, но невестка бездетная. Это очень огорчает Топ Кадыра. Хотя мы очень быстро едем вниз, Кадыр внимательно следит за временем. В определенное время он останавливает машину и совершает намаз.

В Артвине мы пакуем гербарий и идем в гости к Кадыру. Он угощает нас сытным обедом. Андрею не стоило бы есть этот обед, он уже болен, но я не знаю, что с ним. Нужно ехать в лесничество, обязательно отметить командировку. Начинаются наши мытарства.

Идем к главному лесничему. Поднимаемся на третий этаж Ормана (лесничества). Множество мужчин шныряют по этажам, а кабинет главного лесничего подобен будуару: мягкие кресла в стиле барокко, белые кружевные занавески, искусственные розы в большой вазе. Оказывается, из посольства в Анкаре сообщили о том, что мы будем экскурсировать в этих местах. Андрей был связан с сотрудником ботанического сада МГУ, который работал в посольстве садовником. Приносят огромный гроссбух и в нем находят фамилию Андрея. Тут бы и заверить командировку, но ничего подобного – отсылают в мэрию. Хорошо, что она рядом. Мимо огромного и мрачного, в накидном плаще Ата-Тюрка заходим в большое серое здание мэрии - пытаемся объяснить, что нам нужны только штампы, удостоверяющие наше присутствие в Турции. Всё бесполезно. Нас благородно сопровождает Дурсун. Из кабинета в кабинет! .. Уже седьмой кабинет - и все бесполезно! Не представляю, как все это выдерживает Андрей, ему совсем плохо. Он говорит мне, что у него температура.

Последняя надежда - Айдин, лесничий, с которым мы уже давно знакомы. Мы привезли ему сувениры. Но когда мы просим его поставить штамп – он заминается: над ним начальство. И все же в последний момент, с риском для себя, он ставит нам этот штамп! Теперь бы побыстрей смыться из этого ада, но еще долго нам толкуют о «репере», то есть какой-то сопроводиловке.

Дурсун нам здорово помог! Мы снова в мучном складе, складируем наш гербарий. Топ Кадыр звонит в свой деревенский дом и сообщает о нашем приезде. Мы у него должны переночевать, а наутро уехать на его родную кочевку Карчхал. Поздний вечер, стемнело. Мчимся по идеальной трассе. То и дело мелькают ярко светящиеся знаки. Сворачиваем на дорогу на Ардануч и в одном из отрогов поворачиваем очень круто вверх. Кажется, взбираемся на вертикальную гору. Тут целый куст домов, прилепившихся на вершине скалы, один из них – дом Топ Кадыра. Оставляем все вещи в машине на маленькой площадке и по тропинке, на ощупь, в полной темноте пробираемся к дому. Идем вдоль горного арыка, шумит вода. Дома - то большие каменные, то старые деревянные - замысловато лепятся друг к другу на гриве горы. А по бокам на крутых склонах лоскутами прилепились терраски – сады. Дом к дому. От горного ручья к домам отведены арыки. Жена Кадыра – невысокая женщина со злым лицом - накрывает на

маленьком столе праздничный ужин, домашнее печенье. Она все время ползает на коленях. Нас также усаживают на половики, на пол. Жарко пылает печь. Столик заставлен турецкими кушаньями: картофель, рис, салат, айран. Много печеного, вареная кукуруза. Вход в туалет прямо из «залы». У дырки стоит кувшин для слива. Нас ведут в отдельную комнату на втором этаже: две кровати, на стене - картинка горного озера. Наутро мы должны ехать на яйлу.

Ночью у Андрея поднялась высокая температура, началась дезинтерия. Но все лекарства заперты в машине. Утром пошла кровь, температура спала. Я стала давать лекарства, но нужны были сильные. Андрей лежал. Топ Кадыр сообщает, что ночью он уже думал вызывать блюстителей порядка, то есть думал, что Андрей умирает или умер…. Кто знает, когда кого ждет этот жребий... Бедный Топ Кадыр, которого так ждала и ласкала его слабоумная дочка! Бедный Топ кадыр, который надеялся на женитьбу своего второго сына и на появление внука, о котором мечтал! Дождался ли он этого внука, внучки? Через год у него обнаружили рак. Дурсун сообщил нам, что он скончался в Стамбуле, в больнице.

Во второй половине дня Андрей немного оправился, решил ехать в высокогорья. Спорить с ним бесполезно. Не довести дело до конца – не в его характере. А к своему здоровью он всегда относился легкомысленно и злился, когда я пыталась его лечить и останавливать.

21 августа. Андрей еле ходит. Я давала ему весь день септрин, думала, болезнь отступит. Едем. На дорогу в горы, в верховья Берты ушло 2 часа. На кордоне у нас забирают документы, паспорта - недалеко граница. Едем сначала ксерофитными редколесьями, затем еловыми лесами. Поселочки с плоскими крышами лепятся по склонам. Чем выше, тем становится холоднее. Достигаем высокогорий. Кочевка – небольшой поселок с плоскими крышами; на крышах, чтобы не сорвал их ветер, лежат большие камни. Кое-где каменные стены. Жуткая грязь, пыль. Нас устраивают в пустующей избушке - внизу овцы. Топят по черному, дым ест глаза. Кое-как устраиваемся в полутьме, протираю всем руки спиртом. Кадыр блаженствует - тут полно его родственников. Приносит сыр и каймаг. Ночь у Андрея тяжелая, но уезжать, не собрав растения, упрямо не хочет. Вечером сидим у очага. Внизу копошатся овцы. Особенность этой яйлы - в том, что тут, в отличие от Карчхала, пасут в основном овец. В центре поселка большой родник.

22 августа. Берта яйла. С утра ясно, завтрак готовим долго. Трудно разжечь очаг. Топ Кадыр – любитель поболтать, все время мне что-то рассказывает, перемежая французские фразы турецкими. То и дело обращается: «Мадам, Мадам!» и требует к себе внимания. Андрей еле ходит.

В горы идем мы с Галей. Все вокруг выбито, везде скотобойные тропы. Они идут не только параллельно, но и вниз по склону. Вся картина напоминает жилкование листа. Есть места полностью выбитые - там только пыль и ни одного растения. Жара. Поднимаемся по распадку. Только у ручья кое-что растет и не обглодано, можно выкопать. Добираемся до вершины. Скалы поросли казацким можжевельником. Обозреваем окрестности и дали. Внизу наш маленький приземистый поселочек лежит как на ладони. Вдали бесконечная гряда синих гор, очень красиво.

Начинаем спуск - это тоже непросто. Галя молодец. Вдруг неожиданно из-за горы выползает туман. Маленькая туча быстро разрастается, заполняя все ущелье. Нужно спешить, к счастью, мы уже недалеко. Сквозь клочья тумана внизу мы видим Андрея с Майечкой. Они высматривают нас, стоя в центре поселка у родника. Уже в полном тумане, по совершенно избитым склонам спускаемся к поселку. Нас накрывает дождь и гроза. В нашу избушку набиваются оборванные дети: глазеют, как мы разбираем и закладываем гербарий. Огромные стада баранов заполняют улицы поселочка. Есть и коровы, такие же крошки, как и везде.

В этом краю уже все позабыли, что они когда-то были грузинами, говорят только по-турецки. На

женщинах намотана масса одежды, под юбками носят шаровары. Здесь холодно.

Вечером сильная гроза, молнии. Потолок протекает, мы засыпаем в дыму. Андрею по-прежнему плохо - даю лекарства, но улучшения нет.

23 августа. С утра совершенно ясно, небо сияет. Все сухо, никаких следов вчерашнего ливня. С мычанием стадо уходит в горы на выпас. Я пытаюсь быстро собраться, но Кадыр не спешит. Все время: «Мария, Мария, то подай, то убери!» (это ко мне). У меня же в голове одна мысль: побыстрей добраться бы до Артвина. Понос начался и у Майечки. В жандармерии Берты нам возвращают паспорта. Быстро едем вниз мимо поселочков с минаретами, далее выезжаем на трассу и вскоре мы в Артвине. Кадыр самовольно везет нас на автостанцию. Он задумал побыстрее отправить нас в Хопу. События разворачиваются стремительно. Я пытаюсь объяснить Кадыру, что необходимо купить лекарства и упаковать гербарий. Он не хочет понять или делает вид. На склад Дурсуна приезжает микроавтобус, чтобы отвезти нас в Хопу. На наше счастье, Дурсун на месте. Даем отбой. Пакуем более компактно огромный гербарий. Все в муке. С Дурсуном едем в аптеку, добываем лекарство и последний раз по раскаленным виткам «дуракам» – так это по-турецки указано на каждом повороте, - спускаемся в склад. Дурсун сам договаривается о цене билетов, о времени отъезда. Подъезжает микроавтобус. Всего за полцены по сравнению с той, о которой договаривался Кадыр, за 50 000 лир покупаем билеты. Из Хопы в Батум забронированы билеты. За груз, по закону, не берут, но пытаются. Прощаемся, уезжаем. Мчимся знакомой идеальной дорогой: место ночевок, Борчха, перевал – все места связаны с нашими путешествиями и какими-то событиями.

Приезжаем в Хопу. На автостанции несколько фирм, начинаются обманы. С нас за багаж берут лишние 15 долларов и только после моей жалобы начальству возвращают. Молодые люди - представители фирмы - любители красивой жизни, тут же рядом сидят за столиками в кафе, пьют водку.

Долгое ожидание. Больны уже все. Только ночью обнаружилось – автобуса не будет. Везут только до Сарпи. На таможне поборы и проверки заняли всю ночь. Стаи таможенников в огромных павильонах вызывают дрожь воспоминаний. Дети терпеливо спят. На рассвете поднялся теплый ветер. Все сидят в автобусе, как обреченные. Опять долгое ожидание у выхода из таможни - ждут сопровождающих на машине-«канарейке». Они будут сопровождать эскорт из 10 автобусов, следующих до Тбилиси, вплоть до границы с Аджарией.

В автобусе торговцы из Тбилиси, поэтому аджарские милиционеры не едут - ждут, пока им не соберут деньги. Но челноки прячутся, артачатся, автобус стоит. Наконец деньги собраны, едем. Хорошо знакомая дорога. Турки заводят свою заунывную музыку. Нам нужно быстро выброситься из автобуса с нашим огромным багажом, с гербарием, спальниками, палаткой на перевале у дома Авто. Гадаем, остановят ли? Милиционер оказался моим знакомым - так всегда случается в Аджарии, обязательно кто-то знакомый или родственник. Остановили. Выгружаемся. Теперь мы у Авто, он нас давно ждет.

5 дней мы проводим у Авто, как в лазарете. Болеем дезинтерией все, но Андрей сильнее всех. Удалось подавить болезнь сильными и дорогими лекарствами.

На прощанье Авто повез нас на пляж. Еще тепло. Собралась сильная гроза, какие бывают в Аджарии в конце августа. Весь гербарий мы высушили и упаковали. За багаж, то есть за гербарий, уплатили большие деньги. Боялись, что его могут тут задержать - обстановка в аэропорту нервозная. Когда подали трап, пришлось к нему бежать, занимать места. На трапе повисли люди, его качало. В самолет необходимо прорваться первыми. Продают на одно и то же место несколько билетов, и нужно захватить место первым, чтобы сесть или вообще остаться в самолете. Помог Авто.

Девочки опоздали в школу только на один день. В Москве жизнь вошла в свою колею. С болезнью справились, но сказывалось общее ослабление организма, особенно у Андрея. Я работала по-прежнему в Твери, ездила туда из Москвы на всю неделю. Андрей приезжал в Тверь, как и раньше, два раза в месяц.

В августе в очередной раз вместе с М.М. Пименовой ездили по югу Тверской области с заездом в Смоленскую.

Ноябрь 1996 С 8 по 11 ноября, в Германии, городе Халле на Заале (Галле) состоялась конференция, посвященная памяти Георга Штеллера, по- русски – Стеллера. До этой поездки о Стеллере я знала, как и многие, что этот исследователь был участником второй Камчатской экспедиции в 1840-1841 гг. Зимовал вместе с потерпевшими крушение на острове, названном позже островом Беринга, и описал оттуда Стеллерову корову – сирену, полностью уничтоженную в середине XVIII века. Стеллерова корова – эмблема исчезнувших животных на нашей планете.

Галле - родина Штеллера. Конференцию организовывало общество «Франкише». Общество это, носящее имя его основателя Франке, организовало конференцию памяти Штеллера основательно. Был построен острог, привезен из С.-Петербурга единственный сохранившийся скелет стеллеровой коровы, собраны книги, посвященные Штеллеру, материалы экспедиции, истории открытий Командорских островов, Камчатки, Алеутских островов. На научной конференции было много ученых из России, особенно с Дальнего Востока.

Из моего дневника:

8 ноября. В Шереметево - знакомый по Дальнему востоку народ. В дороге всего 1,5часа, в Берлине нас встречают. Первым делом вижу Андрея Боборова и Андрея Сытина, сотрудников Ботанического института из Петербурга. В Галле едем на комфортабельном автобусе. Вдоль дороги сосновые леса, стволы поросли зеленой водорослью. Обильно зеленеет ежевика. Листья на многих деревьях еще не опали. Много пестрой осенней краски. Краснеет пираканта, зеленеет буддлейя, хризантемы, розы. Равнина, мирные картины.

В Галле - комфортабельный двухэтажный отель, это роскошный маленький особняк. Нас встречает высокий, доброжелательный, с приятным лицом, обрамленным круглой бородой, ботаник Эгехарт Ягер - он один из главных организаторов конференции. Удобства, оформление отеля, дизайн бросаются в глаза. Перед нами сами по себе распахиваются двери. Нам выделяют прекрасный номер, я впервые вижу такие удобства. Большую комнату венчает огромная кровать, покрытая белым воздушным покрывалом, на подушке трогательно лежит маленькая упаковочка леденцов.

На площади ратуши - большая церковь, памятник Генделю. Извилистые средневековые улицы, современные дома сияют витринами. Многие дома затянуты сетками - идет ремонт. В начале открытия конференции камерный концерт. Вечером Ягер водит нас по городу, рассказывает об его истории. Неподалеку - бывшее Голштинское княжество, откуда родом Екатерина II. Уютный городок, крепость, много зелени.

9 ноября. Заседания проходят в доме Франкише. Поднимаемся на верхние этажи, в «острог»: большая панорама берега моря. Жалобно кричат голоса сивучей, крики чаек, записанные на пленку. Лежит скелет стеллеровой коровы. За витринами - старинные книги. Доклады в этом же здании, в уютной маленькой аудитории. Дождливо. Гуляем по городу. В красивых контейнерах разнообразные растения. Цветущий вереск. На улицах рождественские базары. Товары разложены прямо на чистейшей мостовой. В городских посадках платаны - здесь они совсем невысокие, не выше 8 м.

10 ноября. Экскурсия по ботаническому саду, он расположен в центре города неподалеку от крепости. Нас очередной раз сопровождает Ягер, возглавляющий этот сад. Говорит он по-русски очень хорошо, ведь Галле относился раньше к Германской Демократической Республике - вто время в школах изучали русский язык. Бросается в глаза зеленый цвет, очень много зимнезеленых растений. Огромный старый куст мужского кизила весь обсыпан красными плодами. Особенное впечатление производят оранжереи - там представлена растительность Канарских островов и пустынь. Интересна палеоботаническая оранжерея с экспонатами.

Мой доклад во второй половине дня, он посвящен гариманелле Стеллера, ее систематике и жизненной форме. Мои работы по биоморфологии тут очень хорошо знакомы и Ягер, ученик Тролля, относится ко мне с большим уважением, что обижает Андрея. Он привык ходить в лидерах. Меня это веселит, я ведь и на Штеллеровскую конференцию попала только благодаря Андрею. Жизнь у меня настолько напряженная, что не до конференций. Но Андрей всегда старается, хлопочет не только о себе, старается, чтобы мы ездили вдвоем.

В воскресенье город замирает. Тишина. Трамваи ходят редко, на улицах пустынно.

11 ноября. Утром в буфете Андрея благословил батюшка - он из Иркутска, тоже участник конференции. Доклад Андрея - на пленарном заседании. Много волнений с пленками для кодоскопа, схемами, рисунками. Справились с помощью дальневосточных друзей. Я читаю по-английски доклад Андрея – он на карте демонстрирует распространение реликтов и эндемов на северо-востоке.

Э. Ягер, М. Мазуренко, Л. Малышев, Н. Фризен, А. Хохряков. Галле на Заалле. Германия

Во второй половине дня мы в лабораториях ботанического сада. В кабинете Ягера небольшое угощение, по просьбе Андрея - бутылка хорошего вина. Леня Малышев – ботаник из Новосибирска - долго показывает слайды Сибири. Какая выдержка и воспитанность у немецких ботаников! Никто не намекнул, что мы опаздываем на закрытие конференции. А Леня увлекся, слайды, которые он показывает – для него приятное воспоминание. Он каждую картинку долго комментирует. Я сижу как на иголках. Площадь ратуши недалеко - город средневековый, это спасает положение. Не опоздали. Только вышли на площадь– ударили старинные куранты. Двери ратуши распахнулись, участники конференции вошли в здание на прием у бургомистра. Поднимаемся по парадной лестнице. Долгие речи. Старинный зал блестит золотом барокко.

Угощают шампанским.

Вечером кормят в очередном ресторане под названием «Картофель». Опять кружка пива, и на огромных тарелках - огромный кусок свинины с картофелем.

12 ноября. Последний день заседаний. Большая прогулка по городу, в крепость. Удалось собрать гербарий. В озеленении еще много цветущей дазифоры. Белые шарики стелющегося снежноягодника на плетях рассыпаны на пологих склонах вдоль улиц. Много ирисов.

13 ноября. Ранним утром к отелю подают большой комфортабельный автобус. Едем по гладким дорогам. Вдруг пробка - стоим, шофер нервничает. Чуть не опоздали к самолету. Во второй половине дня мы уже в Москве. Окунулись в серость и неразбериху аэропорта Шереметьево.

Сразу же по возвращении из Германии меня ожидали неприятности. В Тверском ботаническом саду против меня был организован заговор - было задумано убрать меня из директоров. Связан этот заговор был с тем, что сотрудники воровали растения, пьянствовали, а я этому препятствовала. Как бывает в таких случаях, на меня были написаны клеветнические жалобы. Было назначено заседание профкома, где безграмотные тетки разбирали, компетентна ли я в области ботаники. Вся процедура выглядела комично. Поздно вечером после заседания профкома я шла из университета в свое общежитие, удивлялась. У меня в то время было уже более 100 научных работ, несколько монографий, а у заговорщиков – ни одной, и меня считали безграмотной! В это время Андрей был в командировке в С.-Петербурге. Я решила прогуляться и позвонить Андрею, рассказать об этом странном сборище. Никак не могла успокоиться.

Андрей, услышав о позорном заседании, с возмущением воскликнул: «Это ведь лысенковщина!» и тут же проявил оперативность. Наутро, к моему удивлению, он приехал в Тверь и через час уже был на приеме у ректора и в профкоме. Его активность, а главное, логика возымели действие настолько, что ректор Кудинов Алексей Никифорович предложил Андрею возглавить одну из биологических кафедр.

Под впечатлением Андрей написал фельетон под названием: «Большие страсти по поводу маленького ботанического сада», однако так и не опубликовал его.

Андрей проявил огромную энергию. Возможно, только благодаря Андрею я и осталась там директором и смогла с огромным трудом продолжить свою работу.

Бывая на биофаке МГУ, он заходил на кафедру геоботаники к своему однокурснику Юре Алексееву и бывшему своему магаданскому сотруднику Павлу Жмылеву. Тогда и была задумана совместная работа – курс биоморфологии, вернее, монография «Введение в биоморфологию». Большой план такой работы, более похожей на морфологию растений, а не на биоморфологию, составил П. Жмылев. Но шло время, а работа все откладывалась и в таком большом объеме не могла быть выполнена. А жизнь продолжалась в бешеном темпе. Я не находила времени для ее выполнения, Алексеев со Жмылевым не заикались. Но Андрей если что задумал – обязательно будет выполнять, тем более, что он придавал огромное значение биоморфологии. Он стал писать тезисы по различным разделам биоморфологии, выстраивая материал в единое целое. Эта целостная работа так и не была осуществлена. Но к этой теме он обращался, развивал последовательно до последнего дня.

Поездки 1996 г.: Апрель: Турция (Ортокойю, Кумапазари, Териболу, Харшит, Торул, Пирахмет, перевал Кезе, Байбурт, Лялели, Испир, Юзефилли, Сарыгель, Купулер, Артвин, Хатиладере). Июнь: Смоленская область. Август: Турция (Артвин, горы Мургул, Ардаган, Тортум, Карчхал, Сарыгель, Пархал, Огулнар, Качкар.). Август: Смоленская область. Сентябрь: Германия (Галле).

Глава тринадцатая: Последние годы. Москва. Тверь. Турция. Гималаи (1997-1998)

1997 В конце января в Пущино проводилась 8-ая школа по теоретической морфологии растений. Я заболела и вместе с Андреем не поехала, хотела поехать, когда станет лучше. На второй день мне позвонил из Пущино человек, который назвался школьным товарищем Андрея. Он работал в Пущино и был одновременно сотрудником МГУ. Андрей просил его позвонить мне и передать, что в гостинице очень холодно, и ехать мне туда, рисковать не стоит. Человек этот восторженно отзывался об Андрее... Мне бы расспросить его, нет, не спросила. После смерти Андрея я несколько раз предпринимала попытку искать этого человека, давала объявление на биофаке МГУ, но никто не откликнулся.

В Пущино Андрей жил вместе со своим знакомым Александром Жуком, научным сотрудником Петербургского университета. Вернулись в Москву они – Андрей с Сашей - возбужденные, продолжали выяснять проблемы структурной ботаники. В биоморфологию начинало внедряться понятие «модуль».

Зима шла у Андрея своими привычными ритмами. В начале дня работа дома до обеда, а после 13 часов и до позднего вечера - работа с гербарием в филиале.

В нагрудном кармане он постоянно носит пропуск в университет. Красненькая книжечка с его фотографией истерлась, но он на это не обращает внимания. Волосы стали редкими, поседели. Всклокоченную седую бороду он постоянно теребит. Во время работы он приближает гербарный лист к близоруким глазам, в то же время грызет дужку от очков. Так удобнее. Очки наготове. Грызет и ручки. Читает газету «Московский комсомолец». Вечером обязательно смотрит по телевизору последние известия.

С. Мамаев, И. Коропачинский, Л. Андреев, А. Хохряков, М. Мазуренко.
Главный ботанический сад. Москва

По пятницам на факультете - защиты диссертаций. Он член Ученого совета. После защиты, как правило, банкет. Там он шутит, произносит остроумные тосты; он любит застолья. Берет для внучек фрукты и конфеты и навеселе приходит домой.

На воскресные дни всю зиму мы ездим на дачу. Там у нас есть запасная пишущая машинка, и

Андрей в перерывах между колкой дров сидит за машинкой у окна. Привычная картина.

В Твери, куда он приезжает два раза в месяц, он обрабатывает тверской и смоленский гербарий, который хранится на Соминке в Заволжье, в одном из корпусов университета. В ботаническом саду есть компьютер. Кроме того, со своими статьями и наработками он занимается с Тамарой Павловной Юдиной – программистом ботанического сада. Они вместе часто работают у нее дома по соседству с ботаническим садом.

После скандала, связанного с заговором, ректор обратил особое внимание на ботанический сад. Сад получил статус кафедры, а я, будучи его директором, стала и заведующей кафедрой. Появилось несколько аспирантов. Андрей руководил Володей Ивановым, который занимался корреляциями органов цветка у колокольчиковых. К сожалению, после смерти Андрея Иванов бросил ботанику, как и остальные аспиранты.

В мае Андрей вместе с сотрудниками Тверского ботанического сада и М. Пименовой едет в очередную экспедицию по Смоленской области. По приезде Андрей рассказывал о музее Пржевальского в довольно глухом месте в Смоленской глубинке. С погодой не везло. Попали в грозу.

Последнее воскресенье июня в Твери отмечают День города. Главное событие – вечерний салют. На середину Волги между двумя мостами выплывает баржа, откуда производится салют. Почти все жители Твери садятся по берегам и ждут с нетерпением темноты.

В Тверь на День города приехала наша дочка с внучками. В ботаническом саду, а он был включен в число участников дня города, давал концерт бард, пели ветераны. Поздним вечером мы сидели на берегу Волги, при каждом залпе вместе со всеми ахали. Андрей сказал: «Настоящий Чесменский бой». Потом мы часто, когда видели салют, вспоминали эти слова!

Восьмая поездка в Турцию

В середине лета мы снова собрались в Турцию. Я предложила желающим студентам поездку в Турцию с полной оплатой: нужны были помощники. Согласилась Оля Воробьева. Андрей вел активные переговоры и в МГУ. На географическом факультете нашелся студент Рустам. Двух помощников нам вполне хватало. Запаслись необходимыми продуктами. В Батуми их нет, а в Турции дорогие.

5 июля утром встречаемся с Олей в метро. Тонкая, изящная, она катит на колесиках большую сумку.

Багаж у нас на этот раз небольшой, но Андрей тащит сумку с трудом. Жара, пот капает с его лица. Во Внуково полная неразбериха. Толпа стоит, задрав голову и высматривает очередной рейс. Наш уже объявлен, но студента нет и нет, поэтому несколько раз мы выбираемся из накопителя и бежим в другой конец вокзала звонить студенту. Так он и не появился. В этой неразберихе есть и свой странный порядок. Отправку самолета преспокойно задержали – торговали билетами налево. Зарабатывали служители самолета, летчики и толстые стюарды-грузины средних лет, нисколько не похожие на тот сказочный образ стюардессы, к которому нас приучили. По облику наша Оля подходила куда больше. Во время полета толстые дядьки бойко торговали бутербродами и шампанским – обязательный ритуал. Неимоверно спесивые и толстые пассажиры собирались кучками выпивать. Звучит грузинская речь, русских нет совсем. Поэтому все глазеют на нас в полевом и в основном - на белокурую Ольгу.

Привычная трасса. Кавказ. Но мы летим стороной, облетаем мятежную Абхазию. Облака

разрываются, и под нами бурный Рион. Посадка. Взлетная полоса окружена родными эвкалиптами. Родина. Жара. Сонные коровы на асфальте равнодушно жуют жвачку. К нашей радости, таможню с ее ужасными поборами отменили.

Все обветшало и неопрятно, серо в аэропорту. Никаких курортников. Исчезли оригинальные замысловатые скульптуры перед зданием аэропорта. Пустынно. Несколько встречающих богатых пассажиров быстро разъезжаются. В грязном, так мне хорошо знакомом аэропорту, теперь перегороженном клетушками, встречаю старого знакомого диспетчера Диасамидзе. Столько раз я обращалась к нему с надеждой и настойчивостью в 80-х годах, когда так трудно было достать билет! Он какой-то дальний родственник моего бывшего директора Вано Папунидзе - иногда он и действительно помогал достать билет и улететь, а чаще прятался в диспетчерской. Теперь он, как и аэропорт, сильно обветшал и постарел, но узнал. Вяло, по традиции интересуется мной, здоровается. Но глаза косят на белокурую Олю.

Свора неопрятных так называемых «таксистов» кидается на нас с остервенением. Все машины подержанные.

Мы мчимся знакомой догой вдоль моря. Жара. Серпантинами поднимаемся к знакомому домику Авто, где год назад так страдали вместе с внучками от дизентерии. Авто на месте. У него есть маленькая машина «запорожец». Все в порядке. Маленький фанерный поселочек из пяти клетушек живет своей жизнью: поливает огурцы, собирает и продает их в Батуми. Дети играют в центре. Мы погружаемся в глубину заповедного букового леса и оказываемся, наконец, в тишине природы.

Быстрая смена событий, перелет кажутся фантастическими, а прогулка по заповеднику– подарком. Вокруг нас глубокие сырые овраги, заросшие мхами и эпимедиумом. Под пышными кронами каштанов лежат еще не совсем сгнившие, уже темнокоричневые палочки опавших соцветий. Вечнозеленые рододендроны и самшит блестят листвой.

За вечерним гостеприимным ужином мы сидим за столом. Беззубая Натела – жена Автандила - подает еду, за стол не садится и что-то сердито лопочет, недовольна. Мы нагрянули уже второй раз, и кроме того, хотим сманить работника в Турцию в разгаре лета. Я надеюсь на Авто. Человек он верный и проверенный. С ним, как я надеюсь, нам будет лучше, чем с ненадежными прошлыми попутчиками.

Забегая далеко вперед в 2008 год, с грустью приходится констатировать, что «проверенный» мной Авто оказался не совсем честным человеком. Я оставила на него доверенность по охране моей земли, а он за моей спиной ее переоформил на свою дочь...

Идем в ботанический сад. Вано Папунидзе, мой бывший директор, едет нам на встречу на старой разбитой «исторической» "волге". Он не может вылезти из машины поздороваться – откажут тормоза, а очень хочется взглянуть на молоденькую Олю.

Днем яркие синие шары соцветий гортензий поникают до вечера.

Три дня мы наблюдаем природу Батумского ботанического сада и его сотрудников. Они, как и все жители маленькой страны, стонут от безденежья. Какой-то маленький ручеек жизни течет в этом замкнутом сообществе. Совершаются какие-то мелкие, в основном семейные события. Ни о какой науке и речи нет. Но Вано собирается отметить очередной юбилей ботанического сада. Под это он получил деньги, и побелили красивое здание дирекции – бывший особняк Татаринова, на фронтоне которого выбиты цифры постройки. Ровесник XX века!

Прогулка по родным местам к морю. На турбазах и домах отдыха по-прежнему равнодушно коротают странную жизнь абхазские беженцы. Все разбито.

Появились и новые «хозяева». Хозяйкой пекарни продолжает быть Светлана. Вспоминаю, как в 1993 году мы долго ожидали очередной выпечки хлеба, а она, энергичная и мужеподобная, начальственно выходила из большой черной «волги». Сегодня она отхватила большую площадь мандаринового сада над пекарней, ранее принадлежавшую Махинджаурскому совхозу, и построила огромный, с претензиями, дом. В советские времена никто бы не подумал о таком поступке. Новые хозяева. Так же гигантски и огромно отстроен ею и памятник над могилой дочери. Все говорят о Светлане с придыханием...

А в доме отдыха «Магнолия» - ужасное запустение. Из сырых серых помещений с выбитыми окнами торчат трубы временных печек, их теперь на лето не убирают, видимо, готовят пищу.

Недоуменные звонки в Москву возымели действие: пропавший студент Рустам неожиданно под вечер появился на горной дорожке. Высокий и длинный в модном американском жилете, он сразу же произвел на всех, а на Олю особенно, хорошее впечатление. С этого момента они с Ольгой слились воедино, хотя до сего момента никогда не видели друг друга. Ситуация во многом напомнила прошлогоднюю весеннюю... К сожалению, в отличие от весенней пары, помощь молодых и занятых собой людей была небольшой. Но без них нам было бы во много раз труднее. Рустам должен был собирать черепах, но они по жаре куда-то девались. Казалось, он должен был посвятить свое время изучению растений, но не тут то было. Рустам считал себя отдельной единицей со своими задачами и не очень-то хотел принимать участие в общих работах. Все эти трудности выплыли позже.

Все наши мысли связаны с отъездом. Трудность заключается в том, что Авто должен получить иностранный паспорт, а в Батуми это предмет бойкого бизнеса. Те, кто попадает в Турцию, имеют возможность продать-купить и поправить свое бедственное положение. Пришлось дать деньги на паспорт Авто. Второй вопрос – машина, ведь в маленький «запорожец» мы не поместимся. Решили, что машину одолжит родственник. Новые заботы: необходима доверенность на машину.

После двух дней мытарств и погоней за этим родственником по приморским холмам, наконец машина стоит у нашего домика. Но на подъеме она подозрительно хрипит, и у меня закрадывается сильное подозрение о ее непригодности. Ведь нам подниматься на Карчхал и в высокогорья Мургула. Мы уже испытали все возможные трудности с подъемом на Карчхал с Дато в прошлом году! Но Авто меня успокаивает, а я ему полностью доверяю. Потеряно несколько драгоценных дней. Быстрей бы в путь! А ведь впереди - снова эта изматывающая таможня и на аджарской, и на турецкой сторонах!

Только **11 июля**, спустя пять дней, мы утром нагрузились старой палаткой, одеялами и спальными мешками, бумагой для гербария, сетками и выехали к таможне. Стоял жаркий день. Солнце пекло невыносимо. Асфальт раскалился. Нам же пришлось обойти несколько окошечек, где с нас все время брали огромные суммы, и я каждый раз с болью ощущала, как худеет наш кошелек. Поборы самые фантастические, например, "за экологию". В те уже далекие времена, когда из Советского Союза в Турцию можно было попасть по этому маленькому проходу, машины выстраивались в ожидании на много километров, стояли несколько недель. Все побережье было замусорено, поэтому в поселке Сарпи решили узаконить взнос за чистоту под громким названием «экология». Побор остался, хотя теперь здесь пустынно.

Таможенники в Аджарии - это главные, богатейшие люди. Сидит этакий длинный, как мертвец, в белом, как саван, костюме таможенник и сверлит тебя проваленными глазами. Сам отрешен и полон своего потустороннего значения. Ты же всеми силами хочешь пройти и этот очередной рубеж. Зажав в потной руке доллары, снова расплачиваюсь. Граница. Стоят молодые русские мальчики-солдаты. Они тоже отравлены таможенными поборами. Как далеко они от дома! Что

они тут сейчас делают на чужой земле?

Пересекли. Знакомая турецкая таможня: злобный портрет Ататюрка, таможенники в зеленом. Но как поговаривает Авто, аджарцы их научили тоже брать за все. Наша машина вызывает огромные подозрения. Видимо, ход их мыслей таков: старая странная машина нагружена старьем, какими-то мешками, газетами, сетками. Необычно. Все, без исключения машины из Аджарии едут за товаром, а тут - какая-то экспедиция. Как всегда, помогает много раз отксеренный контракт ботанического сада с Трабзонским университетом - наша палочка–выручалочка. Но этого мало; наверное думают, что мы прикрываемся и провозим наркотики или что-то еще. Не пропускают. Вылощенные, с иголочки одетые чиновники время от времени подходят к машине и заставляют нас разгружать, открывать. Андрей хотя и злится, но терпелив, понимает – нужно выдержать все. Далее выходит целая топа чиновников с чемоданчиком и запускают в бензобак большой длинный шнур. Последняя проверка... и нас отпускают. Но не тут то было! Уже на выезде требуют оформить страховку, за какую-то большую сумму. Мы решили пропустить это - сил уже нет платить и платить.

Вот и первый минарет – и оглушительный, истошный вопль моэдзина. Но мы ведь так долго стремились к этой знакомой дороге, к этим обрывам над морем!

В дороге нас накрыл ливень и уже у Хопы громыхал гром. Андрей уже почти ничего не собирал. Все наши мысли были о том, как побыстрей пересечь перевал и подняться на Карчхал, в высокогорья. Знакомые серпантины, чайные плантации. Вдали мелькает море... и вот невысокий и очень хорошо знакомый перевал с полицейским пунктом. Потом серпантинами быстро вниз. Минуем Борчху, пересекая Чорох по «Николаевскому» мосту. Едем мимо квадратов налепленных на склоны без всякой фантазии домов. Поворачиваем на дорогу к Карчхалу.

Ещё утром мы были на Зеленом мысу. А теперь едем круто вверх с холма на холм и далее вверх на летние пастбища, на которых мы были уже два раза, откуда из высокогорий Андрей привез главные находки. Вот и первая деревня - Балджи. Становится ясно – машина такая же, как у Дато, а может быть, ещё сильнее разбита, не тянет, хоть толкай. Поэтому время от вемени приходится выходить, идти пешком, и Авто старается изо всех сил. Что-то скребет внизу под машиной, мотор не тянет. Андрей пользуется остановками и не торопясь собирает растения на обрывах. Горные ручьи, глубокие ущелья. Из жаркого сухого ветреного нижнего пояса мы переместились в горный и влажный.

У серных ванн стало ясно – машина вверх не пройдет. Авто беседует с каждым, спрашивает и нам не доверяет, какой-то растерянный. Приходится смириться с этим, уже не раз проделанным с нами трюком. Решили оставить машину у ванн и переночевать на веранде заброшенного дома над ваннами. Вполне полевая обстановка: ужин у костра, кое-где летают светлячки, закладываем первые сборы. Засыпаем под писк комаров. Кусает мокрец, вспоминается север.

Вокруг в полном цвету - огромные кусты белого рододендрона унгерна. Мы на значительной высоте.

12 июля утром мы дождались попутной грузовой машины и с пастухами, женщинами в бедном платье в кузове едем серпантинами вверх, надеясь попасть в самый дальний поселок на яйлах. Но, к сожалению, нас опять привозят к Дэвски яйле в - знакомую брошенную избенку, в которой мы с внучками коротали трудное время год назад. За подвоз шофер требует не мало ни много 40 долларов, что приводит меня в отчаяние. На примитивном турецком, ломаном грузинском как-то объясняемся и с трудом останавливаемся на 5 долларах. Мы снова в грязи поселка, под нами скот, и я нахожу этикетку к гербарию, которую писала год назад!

Оказывается, в прошлом году Дато всем наобещал - кому палатку, кому тент, кому рыбацкую

сетку, кому брезент, - в общем, все то, что так необходимо этим бедным, забитым жизнью людям. Этот краснобай, всегда всех обманывающий, и в этот раз всех обманул, но теперь тень невыполненных обещаний падает на нас, и отношение к нам несколько иное. Все эти претензии высказываются Авто, который ходит по поселку и собирает сведения. Он болен, мнителен и не ходит с нами в маршруты. Но аккуратно собирает газеты, когда туман неожиданно в своем густом беломолочном облаке поглощает все вокруг.

Весна в полном разгаре. Поэтому Андрей так и спешил сюда, в высокогорья, чтобы застать горные виды в цветении, в начале их развития. Скотобой, коровы бродят в тумане, извещая о своем появлении грустным звоном колокольчиков. Стоим над скалами и обрывами. Туман разрывается, и вдали мы видим ущелье Мачахелы в Аджарии, а за ней что-то синеет. Это Аджария, в которой мы были еще вчера - другое государство.

Дождь накрыл нас по пути в поселок. Сосед принес печурку и дрова, свежий хлеб и сыр. Я опять должна консультировать - ведь у местных жителей со времен Дато полная вера в то, что я врач.

Все пропитано запахом скота. Под нами ночуют козы, блеют, одна всю ночь кашляла. Андрей всю ночь не мог уснуть и был почти в отчаянии. Рядом на полатях Ольга с Рустамом шептались всю ночь, но Андрей не мог их приструнить и только мне жаловался.

13 июля. После почти бессонной ночи трудно вставать. Но на сегодня намечен главный маршрут в высокогорья к верховьям Мачахелы. Авто остается в поселке. Выбитая дорога тянется к второму летнему поселку Эпига. Все эти маленькие поселочки похожи друг на друга, как родные братья, сидят тесно и кучно, в отличие от раскинувшихся на много километров разбросанных летовок в соседней Аджарии. Возможно, это связано с тем, что тут большая высота над уровнем моря, а высокий Карчхал разрезан узкими каньонами.

С трудом переходим вброд горный поток– истоки Мачахелы. Мимо поселочка Эпига мы поднимаемся вверх по склону к снежникам. Становится трудно дышать. Молодые Ольга с Рустамом легко перескакивают с камня на камень, а мы с трудом, прерываясь на сборы, ползем за ними и достигаем скал, почти лишенных растительности. Рядом снежники. Туман то наплывает, то рассасывается - ветер резко его раскидывает, и тогда сразу же облик всего, что нас окружает, меняется. На крутые зубцы серых скал мы уже не забираемся. Папка набита. Вниз идти тоже непросто. Последние километры по разбитой дороге были особенно тяжелыми. Ночевать в вонючей избе очень не хочется. Основные сборы сделаны.

Авто принес нам невеселые вести. Спуститься вниз даже за деньги нет никакой возможности: нет ни машины, ни трактора. Люди тут спускаются вниз по случаю, ищут попутку. Они не скованы нехваткой времени, как мы. Авто пугал тем, что опять запросят доллары, и был прав – запросили 100 долларов. Решили спускаться своим ходом, нагрузить все на спины. Сначала эта мысль показалась нам неосуществимой, но потом подумали и распределили. В нашем маленьком коллективе, хоть мы вместе всего несколько дней, определились характеры. Оля бережет, защищает интересы Рустама, а поэтому он должен нести минимум. Мы же должны нести по максимуму. Авто, хоть болен и весьма мнителен, нагружается так, что едва виден под грузом спальных мешков. Сетки со свежими сборами совсем не легки. Спуск идет по выбитым горным склонам. Мы все еще надеемся на попутку. Авто, хорошо знакомый с горными тропами, сокращает путь по кручам. Под тюками одеял он выглядит маленьким муравьем. Оля с Рустамом вырываются вперед и исчезают вдали. Вот и пояс субальпийских зарослей рододендрона, а попутной машины все нет. И таким образом мы дошли до серных источников к машине. Там мы заслуженно выкупались в еле теплом бассейне с очень слабым запахом серы, перебрали гербарий и, наконец, сели в родную машину.

Решили сократить путь и ехать в Артвин не через Борчху, а взобраться на гору и по грунтовой дороге спуститься к Артвину. И хотя Авто проконсультировался – боится всего, а пуще всего за машину. Она не тянет, поэтому на подъеме у нас опять "гимнастика": мы то и дело выходим и идем пешком, а Авто изо всех сил старается, чуть ли не просит эту развалюху подняться вверх и не капризничать.

Долина Чороха затянута тучами - тут в середине лета, несмотря на сухой климат, часто идут дожди и становится холодно. Мы едем к единственному привычному месту под орехами, не доезжая Чороха, где мы дважды ночевали с девочками и ранее с Отари. Но теперь остановиться тут немыслимо - все заплевано, приходится ехать в Артвин. Мы поднимаемся по крутым виткам «дураков», то есть по-турецки, поворотов и остановок.

Останвливаемся в центре Артвина, в известной нам с 1993 года гостинице, где нас встречают как старых знакомых. Слащаво и неискренне вспоминают наших внучек и оказывают гостеприимство за четыре доллара в сутки. Есть крыша. Орет рядом муэдзин. Гостиница забита крикливыми грузинками-проститутками.

В центре - магазин Дурсуна, теперь там бойко и деловито торгуют два молодца – сыновья Дурсуна. Оба - злая копия доброго отца: с нами они никаких дел иметь не желают. С большим трудом нам удается связаться по телефону с Дурсуном. Он на бахче, то есть на своем огороде у загородного дома, обещает приехать.

Ранним утром он появился перед нами - высокий, с большой головой, громогласный. Как принято, мы идем в кафе, сидим за пыльным столиком, пьем терпкий чай из малюсеньких стаканчиков и слушаем ломаные фразы Дурсуна с претензией на философию. Мы рассказываем ему о своих нуждах: нужно оставить полувысушенный гербарий во время поездки на Моргул и далее на запад. Как всегда, он готов помочь, и вскоре мы оказываемся на его складе, внизу под крутой скалой на узкой улочке - хорошо знакомое место по нашим прошлогодним мытарствам.

Льет холодый дождь с сильным ветром. В гостинице холодно. Авто болен и недоволен всем. Андрей с Рустамом едут в горы и привозят совершенно мокрый гербарий. Как его сушить? Газеты все мокрые. Приходится покупать новые в мясной лавке: все они одинаковые - на меня то и дело, во время перекладки, смотрит развратная девка в цветном исполнении.

16 июля. День отъезда. Ясный чистый день, все склоны сияют. Непогоды как не бывало, и день обещает быть особенно жарким. Дурсун нам с Андреем оказывает большую честь: приглашает к себе в дом. Две проходные чистенькие комнаты завершаются балконом, откуда открывается замечательный вид на горы и Чорох. Толстая жена сидит на круглых подушках и еле передвигается на кривых ножках. Варит традиционный кофе.

Фотографии на память. На складе Дурсун одаривает нас банками с медом и пачками турецких макарон - очень кстати. Рассказывает о том, что бедный Топ Кадыр лежит в стамбульском госпитале - болен раком. Грустно.

Нужно спешить. Авто придумал поставить машину на мощные пружины. Обещает, если это будет сделано – возьмем любую высоту! Поэтому мы едем дорогой на Моргул и на солнцепеке останавливаемся надолго у автосервиса. Пружины нам обошлись в 15 долларов ... продолжаются непредусмотренные траты. Несмотря на мощные пружины, в горы подниматься рискованно - дорога размыта. Моргул опять нам только моргнул. Мы привычным путем через Борчху возвращаемся на побережье, чтобы осуществить маршрут за Трабзон и еще дальше, за Харшитом выбраться в долину Чороха и далее подняться в горы и перевалы, чтобы собирать растения именно в это время, когда снега в высокогорьях уже растаяли, но еще нет дыхания осени.

На побережье жара, и машина быстро катит по идеальному шоссе. Один городок слился с другим. Все побережье застроено типовыми домами, все довольно однообразно. Пляжей нет, но мелькают красивые отели на берегу. В знакомом Ризе приключение: требуют страховку, а так как ее нет – 100(!) долларов. Это повергает меня в шок, ведь платить, как я понимаю, придется нам. Авто по-русски стыдит турок: «Это стыдно!» Видимо, они что-то поняли, потому что оштрафовали всего на 20 долларов. Но для нас с Андреем это тоже немало... какие аппетиты у этой машины!

Решили остановиться перед Трабзоном на витке старой дороги. Место это мы с Андреем присмотрели еще весной, других на всем побережье и не сыщешь. Уже был поздний вечер, когда у деревни Аракли на крутых склонах мы увидели это заветное место. Дорога ранее вилась над морскими обрывами, потом дорогу спрямили, а старая над обрывом осталась. Но въезд на старую дорогу загорожен камнями - как их отвалить? Мы всем миром напряглись и откатили.

Поставили палатки очень удобно - с трассы не видно, хорошая площадка над морем. Под нами грот, куда можно спуститься крутой тропинкой. В таком гроте, наверное, сидят морские сирены. Вода то и дело разбивается о камни, таинственно. Тут мы и выкупались, так как пляжи почти все усеяны огромными глыбами.

Аракли - место очень интересное. На скалах маквис вместе с древовидным вереском. Льет снова налетевший дождь. Андрей идет на небольшую экскурсию, откуда приходит совершенно обессилевший, ссылаясь на аллергию. Такие приступы бессилия и усталости накатывали на него теперь время от времени и были связаны с плохой работой сердца, он же ссылался на аллергию.

Утром мы покидаем небольшой остров средиземноморской флоры и едем в Трабзон разведать, как уехать катером в Сочи. Нам не хочется возвращаться в Аджарию, где придется отдать последние деньги - через Сочи удобнее.

В морском порту все привычно. Несколько небольших агентств по продаже билетов. Каждый вечер на Сочи отходит большой паром, все просто. Поэтому мы решили, сделав круг через горы, вернуться в Трабзон и отсюда выбираться домой.

На набережной - бесконечные и однообразные магазины, где часто звучит грузинская речь. Шумный восточный город. Часто звучит и русская речь - это челноки. На улицах - степенные, хорошо одетые турки, русские полуголые челноки и особенно челночницы и тут же (редко) встречаются турецкие женщины, все в черном, много и в типовых плащах чуть ли не до пят, головы повязаны платочком. И молодые, и старые.

Настроение Авто портится еще сильнее. Как только въехали в Трабзон и взобрались на холм, в его торговую часть, в самом центре машина остановилась и идти дальше никак не захотела: выскочила свеча. Далее она будет выскакивать с навязчивой регулярностью. Молодежь воспользовалась, удрала в магазины, а Авто привязал веревочкой что-то под капотом, и машина поехала. Правда, нитки, которыми я то и дело снабжала Авто, почему-то рвались время от времени, и приходилось останавливаться. Авто стоит перед поднятым капотом с удивленным лицом и что-то завязывает - и так до позднего вечера.

Благодаря постоянным остановкам сборы сильно увеличились, удалось собрать и на хорошо обозначившейся песчаной литорали с мелким черным песком.

Нужно думать о ночлеге и лагере, но вдоль побережья все тянутся и тянутся обжитые места. Наконец, у городка Саракая кале мы нашли чудесное местечко на берегу у рощи фундука - тут можно поставить палатки, разжечь костер, выкупаться в изумительной бухте. Оля с Рустамом удалились в укромную бухточку. Авто – суровый магометанин - кипел при виде довольно вольных отношений Оли и Рустама. Больше всего его задевало то, что главная инициатива

принадлежала Ольге. Я его успокаивала.

С Андреем снова плохо... накатила слабость. Что делать? Взошла луна, осветившая бухту. Ее блики мелькают на потолке нашей палатки, а я все думаю, как помочь Андрею. Эти приступы слабости проходят, и как только Андрей снова чувствует себя сносно, как ни в чем не бывало с упрямством выкладывается до предела.

19 июля. Переборка гербария, сушка газет. Утреннее купание в райской бухте. Но нужно оставлять побережье и ехать в горы к перевалу Эгрибель. Морской макросклон весь порос лесами.

Машина совершенно разбита. Постоянные остановки. Сначала винтик зажигания, потом мотор греется - опять нужно вылезать. Машина остужается, Андрей уходит в горы. К сожалению, Рустам не сопровождает Андрея, не интересуется и не помогает, в основном обследуем склоны мы вдвоем. Ольга большого рвения к науке тоже не проявляет, а Андрей не умеет требовать. На высоте 2000 м - привычные колки из кряжистой осины.

На спуске машина пошла бодро. Леса исчезли, повеяло сухостью. Растительность, облик ландшафта резко меняется. Решено заехать в городок Шебиркарашехир за хлебом. Только подъехали к городу – как раздался привычный звук «бах!» - выскочила свеча. Машина остановилась, до сервиса на окраине города рукой подать, да никак не доберешься! И тут подкатывает на своей машине улыбающийся, доброжелательный и элегантный представитель местного телевидения. Он и помог быстро восстановить свечи, мы опять поехали. Но как только выехали из городка – машина снова стала, и снова неожиданно появилась телевизионная улыбка. Он, как волшебник, что-то снял под капотом, и машина пошла послушно на покатую гору вдали от города, где мы остановились на ночлег.

Здесь все голо и сухо. Воды нет. Светит яркая луна, вдали в городке поет моэдзин.

20 июля. Мы попали в жаркую, сухую сельскохозяйственную страну. Сухие предгорья, поля: часто сажают, косят. Вдоль дороги на полях работают, согнувшись, одетые с ног до головы в ситцевые балахоны женщины. Иногда рядом с несколькими женщинами, с тяпками выстроившимися в ряд, стоит мужчина-надсмотрщик - он не работает.

Так как на нашем круглом пригорке рядом с небольшой скалой сухо, можно привести в порядок гербарий, высушить бумагу, спокойно заложить вчерашние сборы, сделанные во время многочисленных остановок. Мы все же преодолели перевал и были в высокогорьях! Андрей, как обычно, уходит делать сборы. Мы укладываемся, перебираем и, ориентируясь по карте, берем путь на восток к Эрзеруму.

Солнце жарит нещадно. Только выезжаем на ровную, прекрасную дорогу без всяких перевалов, как раздается привычное и ненавистное «Пах!». Далее, как всегда, машина останавливается... поочередно: бензонасос, мотор, свеча! Стоим. А тут глубинка, собирать растения можно только вдоль дороги. И все же кое-что удается. Андрей собирает гербарий, я - грушу, которая, будучи корнеотпрысковой, выскакивает прямо на полях, и ей удается сохраниться и отвоевать свое место под солнцем. В машине невыносимо душно. Рустам с Олей никого не замечают, и заставить их работать трудно. Единственное развлечение во время езды – музыка. У Авто есть две пленки, одна – с аджарской заунывной музыкой - нам не нравится, вторая - какой-то блатной бард с бойкими песенками, среди которых особенно задорно звучит: «Лови момент». Эту музыку любят Оля с Рустамом. Идет невидимая борьба: Авто, измученный старой машиной, стремится к родной музыке, молодежь просит «Лови момент». Воспитанный Авто уступает, но злится.

Весь день по жаре ехали до Исрана, только к 7 вечера допилили. Перед нашими глазами стоит

Авто с железной трубкой, которая все время выскакивает. Один раз даже так далеко выпрыгнула в траву, что чуть не потеряли. Днем, в одном поселке ее заклеили эпоксидкой, но она, строптивая, тут же выскочила! Опять собираются турецкие мужчины у открытого капота, заглядывают и многозначительно дают советы, качают головой. Наконец, диагноз поставлен, нужен токарь, на турецком языке «торнадо» (!). В Исране токарь есть, но уехал на моленье, нужно ждать. Поэтому мы отъезжаем на окраину города и устраиваемся на ночлег на одном из холмов в зарослях каменного дуба. Палатки почти скрыты в кустах, ниже, под холмом - долина речки, поселок и плантации. Восходит огромная луна. Вдали звучит заунывная музыка, шум - турки выехали на пикник и гуляют, их истошные крики долго раздаются в вечернем воздухе. Веселье заканчивается лихим катанием на тракторе, который, прознав о нашем лагере, решил приехать с визитом и чуть ли не наехал на нашу палатку. Ночью наконец все успокоились, и наступила блаженная тишина, и главное - предрассветная прохлада.

21 июля. Гербарий сохнет идеально, у нас уже 10 сеток. Выяснилось – токаря не будет. В Килките большой автосервис, но связанный в основном с тракторами. Опять едем вдоль однообразных полей, посреди которых вылезают порослевые груши. «Бах!» – свеча отлетела. На трех цилиндрах с величайшим трудом дотянули до Килкита.

Невыносимая жара. С трудом отыскиваем мастерскую с токарным станком. Опять у нашего капота собирается совет. Наконец трубка выточена, опять деньги и торг. Не верится, но эта поломка устранена. Преодолеем ли мы перевал? Начинается подъем. Вдоль дороги луга, расцвеченные лиловой викой. Множество ульев, в Турции мед – предмет особого внимания. В предгорьях - луга и заросли кустарников. Главное – машина движется.

Большой город в межгорной котловине Эрзинджан окружен военными постами. Его пересекает большая парадная улица. Шумно. Много народу. Бесконечные магазины. Андрей стремится в горы, быстрей бы вверх. Въезжаем на первый над городом холм. Доброхоты, которых всегда много, ухитряются нам объяснить, что дорога есть, но плохая и грунтовая, по которой наша машина не пройдет. Действительно, наш автомобиль не тянет даже на первый холм… Пронзительный ветер разметал купленные газеты. Мы бегаем, подбираем. Андрей хочет поставить лагерь на обочине, на виду у всех военных и жандармов Эрзинджана! Сопротивляемся. Андрей, так желавший попасть в горы, в отчаянии лезет на первый пропавшийся холм: хотя бы что-то собрать! Но все избито, сборы плохие, многое выгорело. Нужно ехать обратно. Андрей решает остановиться чуть ли не прямо в городе, рядом с жандармерией. Еле уговорила уехать!

На дороге абрикосы падают с больших крон развесистых деревьев за дуванами. К вечеру жара не спадает. Нужно ехать за город; везде кордоны, проверки. Нас проверяют трижды. Удается выехать на восток по прямой, как стрела, дороге. Везде поля, где остановиться? На счастье, видим большую рощу тополей. В зарослях лоха на небольшой полянке ставим лагерь, готовим ужин. Становится прохладно, переборка гербария идет в машине. Сушим бумагу у костра. Ни Ольге, ни Рустаму эта изнурительная работа не по душе. Рустам не работает, а видимо, мечтает поймать хоть одну черепаху. Авто просит ехать ранним утром, по холодку, а днем, во время сиесты, заниматься переборкой и закладкой. Много комаров, кусают - вокруг большие каналы с мутной водой для полива полей.

22 июля. Авто встает в шесть утра, надеясь быстро уехать. Светает. Быстро собираемся, укладываем лагерь. Однако Ольга манкирует, долго копошится в своем мешке на колесиках. Как работа, так она долго укладывает мешок! Авто свирепеет, но сказать не решается. В нашем маленьком коллективе мира нет. Не нравится Ольга Автандилу, да и у Андрея она большой симпатии не вызывает. Прежде всего, потому, что ботаника ей совершенно не интересна. Теперь машина идет без остановок. Дорога ровная, места хорошо знакомы. Основные сборы делаем на

поросших лесом холмах. Доезжаем до Аш Кале - какие дорогие воспоминания! Сидим на выгоревшей, теперь выбитой летним зноем полянке, размышляем, как нам выбираться к Чороху. Андрей мечтает о высоких перевалах, которые мы проехали с Хари ранней весной, когда растения только просыпались. Но машина туда не пройдет. Придется ехать через более низкий перевал Коп. Как могу, успокаиваю расстроенного Андрея. Ему ведь нужно в этих местах собрать максимально. Он планировал совсем другой маршрут. Мы бродим по пойме, заросшей ивой и облепихой. Андрей говорит мне, что материал собран большой, территория вполне обследована, можно уже писать флору северо-восточной Турции. Говорит, что трудные, связанные с поломанными машинами маршруты утомляют. Но разве он бросит?

Медленно по серпантинам, мимо знакомого предгорья углубляемся в очередную раскаленную котловину, окруженную горами, трепещущими в жарком мареве. Сначала едем по ровной дороге с арыками по обочинам. Далее постепенно поднимаемся на перевал Коп. Слабый мотор хрипит и греется. Мы вылезаем и молчим, идем вверх пешком. Авто в трансе. Но нужно взять эту высоту, самую низкую из всех перевалов. Под перевалом все голо и пустынно. На повороте к Чороху - традиционный памятник Ататюрку в высокой папахе! Небольшой маршрут на перевале. Нарядные рощи на крутых спусках. Останавливаемся в топлевнике в верховьях Чороха. Можно отмыться, немного отдохнуть от жары. Воздух пустынь скрыт за перевалом, но и здесь, в котловине, сухо.

23 июля. Местечко Манден очень приятное. Останавливаемся на зеленом лугу среди тополей. Рядом шумит прозрачный Чорох. После очередной закладки, этикетирования и главное – переборки, собираемся, заезжаем в знакомый Байбурт.

Через день заканчивается срок пребывания Авто в Турции. Дело в том, что грузины, попадая в Турцию, обычно застревают с машиной надолго; в одном месте купят подешевле – в другом продадут дороже. Оказалось, что торговые способности иноплеменников выше, чем у более оседлых турок. И правительство, очень внимательно следящее за прибывающими, ограничило пребывание грузин только 10 днями.

Объезжаем казармы на окраине города и едем полями на восток, останавливаемся в густом саженном тополевнике. Красивый луг в полном цвету, несмотря на пик лета. Тут Андрею раздолье - можно вволю собирать. Солнце в зените, а под тополями относительная прохлада. Сетка переполнена. Дорога идет то вдоль Чороха, то высокими холмами. Голые покатые вершины. В горах - поселки с минаретами. Деревня Лялели. Все женщины в пестрых одеяниях закутаны так, что видны только щелки глаз. Выглядывают из бедных жилищ. Дома лепятся друг за другом на крутом склоне. Дорога идет по центру поселка очень круто. Затяжной подъем. Спуск к Чороху. На крутых склонах вдоль реки можно собирать. В местечке Чатанбахче песчаный берег зарос густым ивняком.

Авто помогает сушить газеты. Андрея он называет то "дед", то "бебе", и относится к нему особенно ласково и с уважением.

Тут бы постоять 2–3 дня! Но время безвозвратно потеряно. Допоздна разбираем, перебираем гербарий. За ужином остатки чачи развязали языки. Долго сидим у костра, ярко светит луна. Авто загорел, выглядит уже не жалким птенчиком, а задорным петушком… Составил разговорник, бойко говорит с турками. Сухой климат пошел его слабым легким на пользу, и ни о каких уколах теперь нет и речи. Мнительность его как рукой сняло. Как мало нужно человеку!

Ранним утром луна на небосклоне быстро тает, и жара вползает в ущелье. Опять сетки, переборка, погрузка – и в путь. Жаль оставлять это диковатое место, где ночью лиса приходила к палатке, прыгала белка! Совершаем небольшую экскурсию на холмы, сложенные древними лавовыми натеками.

24 июля. Вдоль дороги холмы тянутся один за другим, и все вдоль реки. Дорога длинная и утомительная. Поэтому Автандил начинает сомневаться в существовании Испира. Андрей молчалив, мои же утверждения для Авто – не резон. Я – женщина. Все повторяется так же, как и под Байбуртом. Но машина тянет, ведь мы едем долиной. Все ближе Испир, о чем говорят красочные усадьбы с садами, небольшие площадки посеянной пшеницы, к которым подводят воду. Я вспоминаю розовые весенние кружева этих садов. Теперь они темно-зеленые, покрыты пылью. Дорога пересекает поселки. Наконец, мы въезжаем на асфальт. Андрей опять хочет собрать астрагал на подъеме к Овит дагу. Цветков на астрагале опять не нашли, зато нашли цветущую дикую герань, что в какой-то мере успокоило Андрея.

В сонном Испире турки монотонно перебирают четки. Далее – дорога вдоль Чороха, от одной развалины старинной крепости к другой. Пестроцветы далеких гор отливают разными красками. Выходы минеральных вод, где Отари мыл ноги, стараясь омолодиться, теперь огорожены. Источник иссяк. Опять барахлит бензонасос и прочее. Авто умаялся больше нас, всех укачало. Остановились на крутом склоне у самого берега Чороха, недалеко от деревни Копюгорен. Машину оставляем на пригорке, костер разжигаем ниже, на скалах. Палатку ставим еще ниже, на небольшой площадке среди скал. Прощальный ужин, много теплых слов. Несмотря на мелкие трения, мы сдружились. Авто привязался к Андрею, сушит и собирает газеты. Гербарий раздулся. Чорох теперь прозрачен, но так же многоводен. Засыпаем под яростный шум воды.

25 июля. Выеезжаем на асфальт. Быстро проезжаем Юзефили, затем крутыми виражами к перекрестку у впадения Алту, а далее – вниз вдоль Чороха. С трудом заползаем вверх в центр Артвина. Авто отдали палатки и спальные мешки. Нужно срочно разбирать гербарий. Последние прощальные слова, и Авто уезжает, предварительно полностью заправившись. С нами остается огромный тюк сухого гербария и сетки с сырым гербарием.

26 июля. Артвин живет своей привычной жизнью. Гостиница с претензиями и клопами. Но есть вода и место для разборки гербария - это важно. С утра идут переговоры с местными шоферами о поездке на Качкар. За 35 долларов в день возить не соглашаются. Дурсун обещает найти дешевого в родном Ардануче, туда с интервалом в полчаса ходят автобусы. Оглянуться не успели, как мчимся вниз с артвинской горы, а затем вверх по Берте. Денег на этот «променад» с нас взяли кучу. В Ардануче большая тенистая платановая аллея. В летнем кафе млеют мужчины. Дурсун ищет нам шофера, задета его честь, ведь он нам обещал. Но шофера чувствуют нашу зависимость и повышают цену, требуют 40 долларов. Это мгновенно возбуждает темпераментного Дурсуна. Он тут знает всех и разражается бурными проклятиями в адрес таксистов. Полная неразбериха. Никто не спешит, медлительный Восток. Никто не понимает наших забот... Вдруг Дурсун появляется с новым шофером, он готов везти нас на Карчхал и за 30 долларов. О! Не верьте дешевым шоферам! – сказали мы себе потом, когда было поздно. Старик Гусейн весьма вежлив. Знает несколько французских фраз и картинно открывает дверь своего желтого такси. По привычке всех местных таксистов, он нас сразу же обрызгивает одеколоном. И снова мы возвращаемся, мчимся вниз по раскаленной дороге. Сухой гербарий оставляем на складе у Дурсуна: он в дорогу дает нам мед и макароны.

Мы снова едем вверх по трассе вдоль Чороха. Затем мимо Алту, Юзефилли. Все, как было с Топ Кадыром. Но теперь у нас нет палатки, придется останавливаться в гостиницах. Мелькают крепости, скалы. Планируем подняться по необследованному отрогу Качкара. Гусейн все время улыбается, старается изо всех сил. Машина перегрелась, мы заехали в тупик, заблудились. Нужно возвращаться вниз, на центральную дорогу... Досаде нет предела. Время потеряно. Только затемно добираемся до Пархала. На подъезде к поселку на фасадах домов соблазнительные названия так называемых «отелей». Жители этого поселка смекнули, что тут проходит туристическая тропа, и в каждом доме теперь «отель». У толстой турчанки есть душ,

умывальник! В большой комнате на диване рядами расположились туристы разных народов...

27 июля. Пархал. Наконец, можно в горы. Дорога плохая, машина – тоже. Ущелье поросло ольхой, дубом. После часа езды вверх машина не тянет. Любезный старичок остается в своем желтом такси. Вспоминаем Топ Кадыра, который в соседнем ущелье с легкостью преодолевал крутые подъемы… Идем вверх пешком. От самой последней в горах деревни берем напрямик круто вверх на скалы в альпийскую зону. Вдоль горных ручьев поднимаемся на высоту 2600 м. Здесь, на крутых обрывах, почва не выбита, скот отгоняют выше. Не верится, что мы весь этот огромный путь преодолели сами. Сверху видны глубокие овраги, деревни на крутых склонах и в дымке исчезающие горы. Ниже лесной пояс. Очень устали. На подходе стали сомневаться – не пропал ли наш возница. Очередной поворот, а желтого такси все нет. И вот, наконец, зажелтело. Любезный, крайне предупредительный Гусейн опять помпезно открывает перед нами двери машины.

В нашем «отеле» перемены: хозяйка стремится нас выгнать. Она едет на воды к «дохтуру», поэтому мы должны освободить помещение ровно в шесть утра. А главное, ее не устраивает наша грязь на балконе, где мы закладываем гербарий и сыплем с растений землю.

28 июля. Хозяйка поднимает нас чуть свет. Хотя договаривались за 3000 000 лир, орет, берет со скандалом 4 000 000. Попробуй поспорь! Пропали мои туфли, а у Оли - юбка со свитером. Несмотря на наши постоянные перекладывания вещей, одежду вытащили как раз из мешка!

Теперь едем на Арсиянский хребет. Раскаленными дорогами, в пыли, спускаемся в Юзефили, вниз по Чороху и вверх в высокогорье к Шавшату.

Под Шавшатом высокие горы, поросшие лесом, обрывы над рекой. Проезжая, вспоминаю Топ Кадыра, его деревню, прилепленную к крутому склону. Вспоминаю, как он сигналил снизу, чтобы родные его услышали. Как ждала его любимая слабоумная дочь и как заболел Андрей дизентерией, и далее - все то страшное, что было связано с этой болезнью. Теперь бедный Кадыр умирает от рака в Стамбульской больнице, и Аллах, которому он так верно молился, не помог ему, веселому и невезучему. Жаль его.

Жара невыносимая. Вдоль дороги несет воды Берта – голубая, прозрачная, стремительная. Белые берега в крупной круглой обкатанной гальке. За руслом - крутые склоны, по которым тянется асфальтированная гладкая дорога. Выше она поднимается в густых ельниках. Скот сильно выбил корни елей. В городке Шавшат останавливаемся в отеле « 8 марта». Что это за знаменательная дата, нам выяснить не удалось. До позднего вечера пишем этикетки, закладываем, перекладываем, сушим сборы с Качкара. Вечерняя прохлада спускается на город. С балкона видны склоны гор, поросшие елью. В вечерней прохладе слышны детские голоса. Умиротворение. Всходит луна.

29 июля. Горы затянуло. В сплошном тумане поднимаемся к перевалу. Мирные картины: горные луга, стога сена. Рядом за перевалом совсем близко Аджария. Ландшафт совершенно не похож на аджарский. Поднялись на ровную, как стол, яйлу. С Андреем идем в полном тумане. Все выбито скотом, одна щучка устояла под копытами овец. Неожиданно туман рассеивается, и перед нашими глазами открываются: стада, летовки, кошары, овцы, коровы. Припекает солнце. Только у ручьев кое-что удается собрать. Вдруг Андрей снова ослабел, говорит, что запах скота действует на него отрицательно - аллергия. А может быть, высота?.. С трудом возвращаемся и быстро спускаемся вниз, в жару долины Берты, а затем в Артвин.

Прощаемся с Гусейном. Плохо ли, хорошо ли, но с ним удалось съездить в высокогорья. Артвин живет своей вечерней оживленной жизнью. Вся гора светится, словно пасхальный пирог. На вершине его -главная улица, запруженная народом. Заунывно пищит турецкая музыка в

ресторане. Грузинские проститутки наряжаются, собираются на промысел. Кричит в огромной мечети муэдзин. В центре города рядом с муниципалитетом стоит безучастный и грозный Ататюрк.

Гербарий разросся. Опять бесконечная переборка. Нужно успеть высушить или хотя бы подсушить свежие большие сборы. Весь вечер уходит на переборку.

30 июля. Артвин.Чуть свет номер нашей гостиницы оглашается громовым голосом Дурсуна, впору соперничать с муэдзином. Это он приехал за нами, будет провожать в Трабзон. Не проходит и часу, как мы со своим большим багажом грузимся в такси и виражами, по жарким поворотам-«дуракам» спускаемся вниз, в узкую турецкую хорошо знакомую улочку к складу-магазину Дурсуна. Огромное помещение со следами муки, стиральные порошки, грязный, турецкий туалет. Как будто и не прошло года, как мы паковали тут гербарий, собираясь в Батум. Мы опять пакуемся, благо есть место и нет муки, которая вызывала в прошлом году у больного Андрея приступы аллергии. Оставляем Дурсуну газовый баллон, сетки и вьючный ящик, договариваясь о следующем приезде. В Артвине мы были в последний раз.

Главное для нас сейчас – компактнее упаковать вещи. Мы ведь впервые едем паромом, и я волнуюсь, как бы не обнаружили недозволенный груз – гербарий. А если «засветят» и включат в компьютер – то пиши-пропало Турция и будущие поездки. А пока пьем чай в затхлой чайной с грязными скатертями, едим большой арбуз и ждем автобус. Нужно наш груз подтащить к основному шоссе, где будет ровно в 4 часа проходить автобус, который повезет нас в Трабзон. Обо всем ранее договорился Дурсун, забронировал билеты. Он, как всегда, оказывает нам максимальную помощь. Отсюда, из грязного склада можно позвонить и в Москву, и в Тверь. Высокий и грузный, в старом поношенном костюме, он помогает нам вынести наши большие тюки на центральное шоссе. Лишний раз поговорить по русски, пофилософствовать – его любимое занятие. Русских уже нет в Артвине. Рус-базар закрыт.

Стоим у нижнего поворота. Прошло пять лет с того дня, как мы впервые с Дато и Зурабом приехали на это место поздним вечером и долго сидели в машине, ожидая Дато. Тогда для нас все было внове, теперь же мы хорошо знакомы с этим городком и его окрестностями. Сколько раз мы тут бывали в разное время! Но это – последний раз.

Ожидание всегда тревожит. Придет ли автобус, посадит нас или промчится мимо? Андрей не теряет времени, делает описания. Мимо на сильной скорости пролетают машины. Наконец, появляется огромный двухэтажный автобус: удивительно, как он на таких крутых склонах и поворотах лавирует. Грузимся, трогательно прощаемся с Дурсуном. Дверь захлопывается, и мы, сидя на мягких сиденьях, из окна посылаем прощальный взгляд на горы. Автобус мчится с головокружительной скоростью, затем поднимается на перевал, оттуда вниз и по побережью. Всего за 8 часов мы домчались до Анкары. Бойкая стюардесса с кривыми зубами и густыми румянами лавирует в салоне, словно циркачка, разносит кипящий кофе. Всего одна, но большая остановка в Ризе и далее, на той же скорости вплоть до Трабзона знакомой дорогой.

Поздно вечером выгрузились на Трабзонском автовокзале. Тут же рядом через дорогу - гостиница. Дагестанка средних лет бойко говорит по-турецки, она работает в этой маленькой гостинице. Рассказывает– у нее в Дагестане взрослый сын, которого нужно кормить, поэтому она в Турции. Большая комната выходит на главное шоссе, под окном мчатся машины. Нужно перебирать гербарий, но мы голодны, нужно разведать, где мы находимся, где морской порт – лиман. Идем бесконечной улицей вдоль моря мимо бесконечных магазинов и ресторанчиков, но до лимана не доходим.

Наша гостиница оказалась ни чем иным, как вертепом. Дагестанка преобразилась: на ней яркие желтые брюки и алый бант в черных волосах. В комнатах шум. Пришлось на ночь

забаррикадироваться, так как «гости» рвались и к нам.

31 июля. Сам хозяин вертепа, пожилой благообразный усатый турок, за сходную цену доставляет нас в морской порт. На причале стоит огромный паром. Покупаем билеты. Мы - обладатели каюты, куда складываем свой драгоценный груз. Никто ни о чем нас не спрашивает. Рустам с Ольгой быстро исчезают. Мы с Андреем свободны и не связаны со сбором растений. В ресторанчике с видом на море Андрей заказывает котлеты - соскучился по русской кухне.

В скверике медленно, словно жуют жвачку в жаркий день, степенные турки перебирают четки. В витринах бесконечных столовых под названием «локанта» на огромных вертикальных вертелах поджаривается шаурма – турецкое блюдо из баранины, нечто похожее на шашлык. А на горизонтальных вертелах крутятся жирные курицы. В праздности, покупках день пролетает быстро.

Мы стоим у причала, жарко. Заходить на паром в душную каюту не хочется. На всех парусах из Сочи подплывает быстроходная «Комета». Из нее выскакивают жирные полуодетые женщины, мужчин почти не видно. Они быстро и деловито, почти бегом отправляются за покупками - им нужно обернуться до отхода парома. Это Сочинские челноки: они покупают здесьтовар, а сбывают его в Сочи. Полуголые суетливые тетки резко контрастируют с одетыми с иголочки и застегнутыми на все пуговицы неторопливыми турками. Тут же черные монашки, еще турчанки в типовых плащах, похожих на те, что носили все в СССР в 50-е годы, - и это в жаркий день! Разноликая толпа.

Время бежит. Скоро отход теплохода. Синее море. Мы идем по молу и любуемся холмами Трабзона.

Паром отчаливает, мы в открытом море. Быстро темнеет. Все корабли похожи друг на друга - белая пена за кормой, белые чайки. Бесконечная полоса светящегося побережья постепенно исчезает... Челночницы – развратные матерщинницы, пьют водку в кафе. Мы же перебираем гербарий, оставляя в маленькой каюте на память очередную огромную кипу газет.

1 августа. Ясное утро. Мы в открытом море. Где-то за дымкой -родная Аджария, потом мятежная Абхазия. В море плещутся дельфины, в прозрачной синеве воды скопления полиэтиленовых пакетов сопровождают паром весь путь.

В Сочи таможенная проверка. Большая очередь стоит на солнцепеке. Здесь никто не обращает внимания на наши тюки. Проверка формальная. Толпа пассажиров спешит со своим товаром. Мы на Родине. Шумный вокзал. Полная неразбериха.

Через два дня мы в Москве.

В середине августа Андрей уехал в экспедицию в Смоленскую область. С ним, как это бывало раньше, поехал его верный помощник – наш сын Павел. Я упрямо осталась на даче дописывать книжку о Южной Колхиде. Андрей ворчал: «Все книжки да книжки». Обидно. Андрея нет, сырая рукопись книжки лежит пока в столе. Не доходят руки.

Гималаи

О льга Волцит рассказала Андрею, что возможна довольно дешевая поездка в Непал. Активная и восторженная Ольга агитировала Андрея подать документы на комплексный, с зоологами Московского университета, грант по изучению флоры и фауны Восточной Азии. Попросят – Андрей всегда соглашается. А кто не согласится, если возникла возможность увидеть Гималаи! Грант утвердили. Андрей в состав исполнителей включил и меня.

В августе Андрей мне сообщил, что в начале сентября должна состояться поездка в Катманду и в высокогорья Непала. В рамках программы по гималайскому гранту едем мы с Андреем, зоологи Оля Волцит и Миша Черняховский, ее муж, преподователь в педагогическом институте, а из МГУ - Николай Формозов, сын известного зоолога. Зоологов мы, кроме Ольги Волцит, никого не знаем. Возглавляет эту экспедицию заведующий кафедрой на биофаке МГУ – Васильев. Я с пристрастием спрашиваю: будут ли там, в составе экспедиции, такие же пожилые люди, как мы? Андрей отвечает, что Васильев - наш ровесник.

Уезжая в экспедицию в Смоленскую область, Андрей просил меня связаться с Андреем Кузнецовым, который занимается покупкой билетов в Катманду.Кузнецову лет сорок, спортивного вида, широкоплечий, черноволосый. С апломбом он мне рассказал, что бывал в Гималаях, шел по горной тропе. Расписал намеченный маршрут. Ему мы вручили наши с трудом скопленные 2200 долларов. Сказал: расчеты за дорогу и прочие расходы будут сделаны потом, по возвращении. Передача денег проходила на полном доверии.

Возник вопрос: как оформляют страховку. Я помнила, как ответственно относились к страховке при оформлении документов и билетов во Францию. Но Кузнецов мне ответил: Гималаи мол, дикая и опасная страна, туда не страхуют. Итак, мы летим в дикую страну, где все путешествие – риск. И мы идем на этот риск.

На сборы остались считанные дни. А тут новые срочные дела. Наконец, в Петербурге выходит из печати моя с Татьяной Александровной Москалюк книжка «Краски северного лета». Андрей – ответственный редактор. Нужно срочно ехать в Петербург, выверить сигнальный экземпляр. Так как у меня тяжелейший бронхит или воспаление легких, Андрей благородно взял на себя эту обязанность. Деньги на издание этой книги я добывала несколько лет, однако практически все они ушли на другие издания, а на наш тираж осталось минимум. Поэтому печаталась книжка на плохой бумаге и не в Петербурге, в результате Андрей привез сигнальный экземпляр, который меня очень расстроил. Это были не краски северного лета, а черные, смазанные краски. Никакого впечатления о яркой северной природе не было и в помине! Но Андрей радовался искренне. Там было написано, что ответственный редактор - профессор. Это главное! Он мечтал быть профессором, а тут черным по белому написано: проф. А.П.Хохряков.

Сведения, которыми я и Андрей располагали о Непале, были весьма скудными. Экспедиция в Гималаи должна была длиться месяц - нам предстоит пеший переход из высокогорий в тропическую зону. Все сведения мы получали от А. Кузнецова. Я пыталась выяснить кое-что, но Андрей парировал, дескать, Кузнецов пока и сам не знает… Кузнецов предупредил: на время перехода нужны спальные мешки. Кроме того, мы берем сетки, запас бумаги.

Из дневника. «**10 сентября.** В аэропорту Шереметьево мы увидели всех, как нам казалось, участников нашей экспедиции. Возбужденная Оля Волцит с супругом Мишей Черняховским и Николаем Формозовым образовали красочную группу, немного в сторонке - Кузнецов. Появляется Васильев с дочкой Аней, оказывается, он только в числе провожающих. Кроме того, чтобы можно было купить более дешевые билеты, как нам объяснили, с нами летит всего на одну неделю артист Театра на Таганке Андрей Борисович Семин. Мы, два пожилых человека, нагруженные рюкзаками и сетками, выглядим в этой компании комично. Я кажусь себе старой черепахой.

Долго летим на юг. Посадка в Арабских Эмиратах. Персидский залив. Пески и финиковые пальмы, жара 37 градусов. Снова летим: под нами, как на карте, темно-коричневый Ганг, зеленые предгорья Гималаев. Горы! Самые высокие в мире...

Приземляемся в зеленом аэропорту Катманду. Сразу окунаемся в жаркую тропическую влажность. Формальности проходим быстро, попутчики улыбаются. Особенно приятен Семин -

красивый, вежливый, он катит мою тележку с вещами. Но за пределами аэропорта начинается полная неразбериха - на нас бросается толпа невысоких смуглых людей с транспарантами. Они стараются перекричать друг друга, каждый рекламирует свой отель. Тут же выстроились такси. При посадке оказывается, что зоологи берут для себя такси отдельно. А нам с Семиным и Кузнецовым достается другое. О чем-то перешептываются. То же самое происходит в отеле - все эти тонкости пока недоступны нашему пониманию.

Катманду расположен в большой котловине. В нескольких километрах от города зеленеют высокие предгорья Гималаев. Рядом на плотно застроенной улице в окно такси видим знакомые растения – высокие и пышные панданусы, хедихиум или что-то из зингиберовых, пальмы. Все это очень интересно. Мы в тропиках.

Зеленый дворик отеля. Идут переговоры, в которых выясняется, что зоологи будут жить рядом с нами. Четыре человека располагаются в одной большой комнате, Кузнецов – отдельно. Семину достается особенно красивый и комфортабельный номер. Мы тоже довольны: балкон выходит в сад с цветущими цитрусовыми.

Стемнело мгновенно. Освещена только центральная, туристическо-сувенирная часть Катманду, где много достопримечательного. Особенно многочисленны рикши, гортанно зазывающие в свои пыльные маленькие кабинки. Всю ночь под нами на открытой веранде гремит плохой оркестр. В тонкой школьной тетради с веселым снеговиком на обложке Андрей ведет краткий дневник своим плохим и почти неразберимым почерком. Вот выдержки из этого дневника:

«Катманду, тропики. Отель «Непал-Nepal» Пальм нет. Фикусы. Бананы. Цитрусы с огромными плодами. Папоротники. Череда и у дороги дихроцефала, но другой вид. С белыми цветами ипомея».

14 сентября. Наутро оказалось: вся группа зоологов, уже хорошо знакомая с этими местами, уехала в Королевский парк на гору Джамачок. Кузнецов остался, опекает нас и Семина, которому он должен показать храмы. Только после осмотра храмов мы попадем в Королевский парк на гору Джамачок. Возникают вопросы: почему Кузнецов нас опекает, а все остальные сами по себе? Кто такой Кузнецов? Загадочная фигура... Если мы в одном гранте, то должна быть общая программа. Но я хорошо знаю, что такое комплексная работа. Природа, новые яркие впечатления нахлынули волной.

Храм так храм. По дороге постепенно кое-что выясняется. Довольно высокую доплату к авиабилетам сделали я с Андреем и Семин - с каждого по 600 долларов, поэтому Кузнецов нас опекает. Мы - очень выгодные попутчики, так как чем больше группа, тем дешевле стоят в Катманду билеты. Все эти хитрости начинают прояснять картину отчуждения зоологов. Обо всех этих штуках приходится лишь догадываться.

Но машина останавливается. Времени на анализ не остается.

Перед нами - лестница из 365 ступеней. Солнце высоко. Вдоль лестницы сидят убогие и искалеченные побирушки. Смотреть на неаппетитные голые обрубки очень неприятно. То и дело прыгают клянчащие обезьяны. Мы вчетвером поднимаемся вверх к храмовому комплексу, где главное – огромная ступа. Кузнецов, мрачный и спортивный, идет впереди, Семин семенит за нами. Он признается мне: сильно болел в последние дни. Это нас сближает, я тоже сильно болела перед отъездом. Мы держимся молодцами.

Ступа похожа на большой перевернутый колокол. В него можно достучаться до Будды, и чем больше ступа, тем лучше все слышит Будда. Таких ступ – и больших, и маленьких – в Катманду много, они находятся в старинных храмовых комплексах. Храмы, исповедующие разное вероисповедание, находятся рядом. Обходим вокруг огромной ступы величиной в двухэтажный

дом! Толпы паломников окружают ступу. Рядом торгуют мелочью, много бирюзы, продают тексты молитв. Недалеко находится буддийский храм. Вокруг него все так же беспорядочно и грязно. Вокруг интересные растения, мы как бы в полутропиках. Кустарники из вербеновых с яркожелтыми ягодками, тут же неизвестный мне кустарник с голубыми ягодами. Магнолии, бигнонии и, к моему удивлению, древовидный каллистемон – типичное австралийское растение! Много цветущей бугенвиллеи – обязательного украшения улиц.

На этом оканчивается осмотр храма. Мы опять в такси. Едем вдоль бесконечных деревенек с полями риса. Предгорья. Горы в густой зелени. У входа в Королевский парк - небольшая касса. Неприступный Кузнецов все делает важно и молча. Но говорит по-русски, и мы понимаем, что нам предстоит подъем на гору Фолчоки.

Крутые красноземные, гладкие и скользкие склоны начинаются сразу у входа. Невысокие деревья с жесткими листьями напоминают дуб мирзинолистный. Взбираемся по маленькой тропинке круто в гору. Обливаясь потом, выходим на гребень - открывается прекрасный вид на предгорья. Полянка поросла мискантусом. На склонах - сосна Роксбурга. На гребне среди злаков скачут наши попутчики: хохочущая Оля Волцит, маленькая остроносая Анечка. Семин обращает внимание на ее хищный взгляд при виде лягушки. Рыхлый Коля и очкастый Черняховский – все они заняты ловлей насекомых, и при виде нас куда-то исчезают. Мы с Кузнецовым продолжаем подъем. Нас накрывает дождем, склоны становятся гладкими, как стекло, и скользят. Приходится хвататься за кустарники, подтягиваться. По пути много нового и интересного, Андрей собирает. Меня беспокоит: все намокло, как будем сушить? Семин надеется, что на вершине мы найдем уютный ресторанчик и в нем мирно пообедаем. Его надежды напрасны: место здесь диковатое. Наверху храм, но заброшенный, на стенах надписи на непонятном нам языке. Мы на вершине высотой 2 400 м. Ни о каких субальпах и речи нет, и на вершине густой лес. Сверху открывается вид на густо поросшие высоким лесом горы, все зелено. Далеко в дымке еле виден Катманду. Нас догоняет остальная бойкая кампания: появились и снова растворились, как будто вовсе их не бывало. Нужно решить – какой дорогой спускаться вниз, уж очень крутые и скользкие склоны, по которым мы взбирались. Решили идти более спокойной дорогой - она вьется вокруг горы, опоясывая её кольцами, постепенно спускаясь вниз. Путь неблизкий.

Вокруг много интересного. Высокие кусты гаультерии с яркосиними ягодами и характерным запахом, таким же, как у гаультерии Микели на Курилах. Высокие деревья смыкаются над дорогой. Начинает быстро темнеть, а мы прошли только полпути. В полной темноте, взявшись за руки, под оглушительный треск каких-то огромных сверчков, нащупываем ногами дорогу. Выхода из парка все нет и нет; мы очень устали. Вдали светятся огни Катманду. Выходим к колючей проволоке, ограждающей парк, и решаем сократить путь, пройти деревнями. Кузнецов одобряет. Раздвигая кустарники, спускаемся по холмам. Вдоль огородов и полей находятся канавы со стоками. Не разбирая, на что ступаем, кладем друг другу руки на плечи и с трудом выходим на более сухие места. Как нам выйти в город? Никакие такси тут не ходят; а Кузнецов горд, молчалив и силен. Мы трое – на пределе, особенно я, мысленно молю бога, чтобы дал силы выдержать этот первый поход. Ноги мокрые и грязные, но нам все равно. Когда, наконец, увидели такси – очень обрадовались. Вместе с Семиным закончили вечер в ресторанчике, о котором он мечтал весь день. Андрей рассказал, как он любит путешествовать и как он хочет сыграть домового. Просил об этом Семина.

За дружеской беседой обнаружилось, что моллюски, о которых так часто говорит Кузнецов, – камуфляж, ими он занимался в прошлой жизни, когда работал в Институте океанологии. Теперь моллюски в цене, он собирает их, торгует. Оказывается, он туристический агент, и никакого отношения к гранту не имеет, как и Черняховский.

Мы начинаем кое-что понимать. Для зоологов мы - только выгодные попутчики: чем больше группа, тем дешевле стоят билеты до Катманду. Кузнецов, получая от нас деньги в Москве, ни словом не обмолвился о том, что он турагент. Выходит, мы передали ему 2200 долларов под честное слово, не заключив, как это положено, договора. Дали деньги под будущие выплаты гранта. Ни словом об этом не обмолвилась и Оля Волцит, так активно агитировавшая Андрея включить ботаническую тематику в грант, утвержденный еще полгода назад.

Успокаиваем себя: главное – мы в Гималаях. Кузнецов должен выполнить свои обязательства перед Семиным и перед нами как гид. В отличие от нас, простодушных, с Семиным честь-честью заключен договор, и Кузнецов должен ему показать энное количество храмов. Андрея же интересуют только растения. Вечером пытаемся выяснить это странное недоразумение. Формозов резко объясняет: к гранту наша поездка не имеет отношения. А что же приятельница Андрея Ольга, которая отсылала нас к Кузнецову? Сколько раз я пристрастно спрашивала о деталях поездки Андрея!

Делать нечего. Будем следовать программе, которую еще в Москве расписывал нам Кузнецов. Она не научная, а туристическая, ну и что? Сегодня он - наш гид, получивший вперед без всяких документов кругленькую сумму. Теперь он везде торгуется и жмется по мелочам. Биологи, входящие в грант, то есть научная группа из четырех человек, от нас все время отмежевываются.

Дневник Андрея: «Встали в 7ч. Солнце. Во дворе банан. Подъем на «ступу». Буддийский храм. Королевский парк. Высота 2400. Подъем 1000 м. Подъем с 12 до 15. Спуск с 16 до 21ч.30м. Всего в пути 9,5 часов. В 19 полная темнота. Лес с эвкалиптами, папоротники и без лиан. 2 вида меластом.»

15 сентября. Посещаем знаменитый храмовый комплекс Патшу Патинат. Храмы один за другим расположены вдоль бурной и грязной реки Потан. Около храмов роится невысокий и смуглый народ. Много туристов из Европы. Заглядываем в дом престарелых: кровати стоят под навесом, усохшие маленькие старики и старухи, не обращая внимания на туристов, варят пучки ботвы сочной травы. У реки в большом коробе сжигают покойника. Никаких рыданий - ритуал вполне обыденный. Храм фаллоса связан с искусством наслаждений, которому обучают особенно тщательно новобрачных. На алтаре лежит умильный каменный бычок, он как будто с радостью стремится под жертвенный нож! В трансе сидят йоги, их высохшие загорелые голые тела напоминают скелеты. Длинные крашеные волосы собраны на голове в несколько кругов. Курят марихуану, растущую рядом на обочине.

Небольшие парки затоптаны и загажены - собирать почти нечего. Высокие лавровые деревья смыкаются кронами, не облегчая дыхания. Дневник Андрея: «Встали в 7ч. Утро солнечное. Ночью сильно сводило ноги и сердце с сильными перебоями – последствия похода».

16 сентября. Дворец богини Кумари. Богиней избрана маленькая девочка, на нее можно посмотреть. Везде ступы, грязь и жертвенные каменные бычки на шумных узких, с сизым смогом торговых улицах. Старинные дома без стекол наполнены людьми, везде страшная перенаселенность и никакого понятия о гигиене.

Следуя программе, посетили королевскую библиотеку. В большом зале - огромные портреты королей и принцев в европейских нарядах, в круглых очках, со шпагами. В огромном холле лежит большое чучело тигра. Затхлая библиотека собрана в начале века. Никто ею не пользуется.Перед библиотекой в небольшом парке растут: плюмерия, магнолия, каллистемон. На ветвях висят похожие на жирных уток, головами вниз, летучие мыши - днем они спят. В заболоченном газоне из оплисменуса живут пиявки; не успели оглянуться – пиявки насосали на ногах кровяной пузырь, еле оторвали.

Следующая намеченная маршрутом поездка – город Покхара в глубине Непала. Оттуда полетим в предгорья Аннапурны, в Тибет. Но сначала нужно получить "пермит" – разрешение на поездку в национальный парк Джомсом. Дневник Андрея: «Встали в 7. Переборка гербария. Пасмурно. Город Киник. Храмовый комплекс. Неудача с отъездом в Покхару».

17 сентября. Решили поехать в ботанический сад. Кузнецов не намерен оплачивать эту поездку, и ехать с нами ему неохота. По любому поводу он с нами торгуется и как бы делает нам одолжение. Я довольно резко даю ему понять, что это его обязанность, и он сдается. В 7 утра мы едем в ботанический сад. В городе волнение - ожидается забастовка, поэтому транспорт ходить не будет, но нам удается чудом схватить такси и умчаться в ботанический сад. Кузнецов нас сопровождает, но страшно злится. Пришлось заплатить 400 рупий. Оказывается, ботанический сад в этот день закрыт. Недовольный Кузнецов остается при входе. Мы беспрепятственно заходим на пустынную территорию сада - он небольшой, расположен в основании горы Фолчоки. Есть и суккулентная горка, смотрится она необычно: обрамлена рощей непальской ольхи. В центре горки юкки, агавы, кактусы. Везде стелется оплисменус. Небольшая коллекция деревьев, коллекция папортников (многие стоят в горшках под навесом). Собирается дождь. Несколько женщин (по всей видимости, они живут в соседней деревне) серпами, несмотря на дождь, выкашивают невысокую траву, складывают в корзины. Мы быстро осматриваем ботанический сад и идем на холм в заросли высоких кустарников субтропического типа, похожих на маквис. Это вторичный лес. На нас совершают нападение пиявки - они бросаются с ветвей на все части тела, особенно ноги,почуяв кровь. Мы спускаемся к ручью. Новые порции пиявок быстро заползают на ноги - только успевай отдирать. Грозный, как статуя, Кузнецов стоит безмолвно. Стоим под навесом в надежде переждать дождь, но он все усиливается.

Ботанический сад Катманду. Непал

Андрей решил, несмотря на дождь, подняться в заповедник, расположенный на горе Фолчоки недалеко от ботанического сада. Вдоль дороги крутые склоны густо заросли тропическими травами. Под большим навесом сидят человек 20, пережидают дождь, наблюдают, как мы, совершенно мокрые, с папкой, идем мимо по дороге. Прошли вверх километра два, и вдруг нас догоняют 10 человек: пытаются отобрать гербарий и семена. Но мне удается отбиться и знаками обещать посетить управление и получить «пермит». Быстро возвращаемся на дорогу, тем более, что дождь не перестает, и на нас нет сухого места. Машин нет ни у подножия Фолчоки, ни далее. Идем и идем в направлении к Катманду - мимо зарослей цереусов, мимо деревень. Дороги нет

конца, ноги заплетаются от усталости, впереди маячит фигура Кузнецова.

Сколько же идти? Уже пройдено по влажной жаре больше 10 километров, и это после целого дня экскурсий! Вдруг, как ангел, подъезжает машина Красного креста - правда, едет она только до Потана - этот город вплотную прилегает к Катманду и отделен от него рекой. Довезли только до моста, за ним мы сразу оказываемся в Катманду. Но сколько же идти? Вижу, как устал Андрей. У меня горят ноги, папки с влажным гербарием тянут вниз. Наконец, замаячили рикши. Садимся в грязную тарантайку и подкатываем к гостинице. Вечер уходит на разборку мокрого гербария, семян. У Андрея пиявки насосали на животе большой синяк, у меня искусаны все ноги.

Дневник Андрея: «Подъем в 6, выход в 7. Ботанический сад. Участки суккулентов. Папоротники+древовидный. Ольшатник с эпифитными папоротниками. Травянистые растения: Solanum sp., Origanum. Pinus Roxburgii, Castanopsis, Smilax, Juglans regia. Вдоль дороги Pyracanta, Spirea japonica, Euphorbia - суккулентный древовидный, как изгородь. Мелкие бигонии. Заросли глейхении.

18 сентября. Встали в 6.30м. Гербарий. Розетка кипятильника вышла из строя одна за другой… Целый день в номере с гербарием.

19 сентября. На рассвете, как весной, слышно дружное пенье птиц. Встает солнце, и временная утренняя прохлада тут же исчезает. Удалось, несмотря на ожидающуюся забастовку и волнения, взять такси на вершину Фолчоки. Никакого разрешения не потребовалось. Кузнецов понял, что мы готовы ездить за свой счет, и до отъезда в Покхару решил нас не сопровождать. Веселый шофер везет нас через Потан, где два дня назад на последней стадии усталости мы брели в Катманду… Теперь все идет быстро: мелькают знакомые многонаселенные деревни. Крутыми поворотами едем вверх на гору мимо зарослей дейции, леспедец и хедихиумов. На обочинах - заросли тонких бамбуков. Высокие дубы с редкими кронами кажутся ободранными. Общий аспект создают леса из непальской ольхи. Привершинные откосы и скалы поросли многолетними травами. Растет хорошо знакомый анемон японский.

На обратном пути экспансивный шофер на полной скорости чуть не угодил в пропасть. Дневник Андрея: « Встали в 6. Переборка. Вышли в 8. Поездка на Фолчоки. У подножья в 9. На вершине в 10ч.20м. Полоса туманов. Полоса осбекия. Субальпийский лес выше 2000 м до вершины. Разреженный древостой и как бы обрубленные ветви усаженны мхом и эпифитами, ароидными .Орхидное – 1 вид. Богатая травянистая флора. Кустарники: лейцестения, ивы, гортензии, дейции, шагающие виды рубус – 2-3 вида». Далее перечисление мелких трав его неразборчивым почерком.

20 сентября. Встали в 7. Гербарий. Упаковка. Перебазировка гербария в гостиницу «Discovery».

21 сентября. Ночью разразилась гроза. Вдобавок в середине ночи в гостиницу заселилась крикливая толпа. Ранним утром мы едем в Покхару, нас трое: Андрей, я и Кузнецов. Нагрузившись сетками, бумагой, с боем погрузились в низкий, видимо рассчитанный на мелких непальцев, автобус. Долго выезжаем из города. Лавчонки – норы. Прямо на улице лежат ярко-синие кучки мелких баклажанов, много мексиканского чайота.

Дорога постепенно, мимо деревень, окружающих Катманду, поднимается вверх. Ярко-желтые квадратные латки уже скошенного риса скрашивают пейзаж. Витки дороги берут все выше и выше, на перевале прохладно. Затем, такими же крутыми серпантинами, спускаемся вниз. Становится все жарче. Начинают встречаться высокие бамбуки в виде гигантских пучков высотой с большое дерево, фикус религиозный со свисающими с веток обрубленными корнями. Вдоль дороги стоят небольшие алтари. Мальчик угощает плодами кислой гуайявы. Начинаются тропики. Проезжаем несколько перевалов, дорога вьется вдоль реки. На склонах красиво цветет

сиреневая баугиния, полное впечатление весны. Свежие посадки риса на террасах, посевы молодой кукурузы, бобовых. Плантации калоказии с огромными красивыми листьями. У домов часто растут невысокие дынные деревья с висячими дынями разного калибра, но пальм почти не видно. Только изредка выглядывают невысокие кроны трахикарпусов.

В Покхаре - очередное яростное нападение агентов отелей. Опытный Кузнецов отмахивается, берет такси и гордо везет нас по главной улице мимо озера в очень приличный отель. На плоской крыше-веранде - смотровая площадка: отсюда видны белые пики величественной Аннапурны. На закате зрелище великолепное.

Покхара – курортный городок. Вдоль центральной улицы - бесконечные развалы сувениров, композиции из фруктов вроде живых картин. Рядом - ручная соковыжималка, похожая на мясорубку - выдавят сок из апельсина или грейпфрута, и тут же можно им освежиться! Вдоль дороги благоухает цветущая плюмерия. Дневник Андрея: «Ужасная тяжелая ночь. Встали в 5.40. Отдали 20 рупий за багаж. Отъезд в 7. По дороге появились тропические элементы после перевала: Mimosa sp. Delonix, Ceiba, Carica papaia, сахарный тростник, фикус бенгальский, абутилон, таро. На склонах много бананов - дичает. На чеках рис. На более крутых склонах кукуруза. Калоказия. Близ Катманду много Salix babilonica. Низшая точка – ниже 500м».

22 сентября. Идем в лес над озером, а Кузнецов - за билетами и дешевыми товарами. Его мрачное присутствие утомляет: он все время что-то хочет выгадать, содрать с нас лишние деньги. Пришлось доплатить за самолет - ругаться с ним не хочется. Скуп до крайности и этим гордится.

На скользких склонах красноземов - редкий лес из жестколистных деревьев. Неистово стрекочут цикады, заглушая все звуки. Каштанопсис, хоть числится листопадным деревом, сейчас весь зеленый и не думает ронять листву. На деревьях полно эпифитов. В лесу бродят коровы, выискивая отсутствующую траву. Дневник Андрея:«Встали в 7. Облачно. В поход 9ч.30м. Вернулись в 15. Лес на террассах. Каштанопсис. Много эпифитов, в том числе орхидных до 5 видов».

23 сентября. Раннее утро. На маленьком самолете летим в Джомсом. Вдали - белые величественные вершины Аннапурны. Внизу - глубокие зеленые ущелья. До высоты 5000 м снега нет.

В Джомсоме садимся на голый аэродром. Сухой высокогорный Тибет, ветер и солнце. Все совсем иное в сравнении с влажными и жаркими тропиками Покхары. Джомсом – небольшой городок в долине широкой, в несколько рукавов, реки Каликандаки. По сторонам единственной улицы друг за другом тянутся отели с плоскими крышами и стеклянными, защищенными от холодного ветра, соляриями. В гостинице «Мона Лиза» остановились прилетевшие раньше зоологи.

В гостинице два этажа. Жилые помещения в виде большого квадрата, окружающего большой зал, перекрытый стеклом. Из внутреннего зала идет лестница на второй этаж, опоясанный внутренним балконом. Нам достается сырая комната на первом этаже без окон, но есть ванная с холодной водой. После бессонной ночи отдыхаем часа два, а затем идем на экскурсию вверх по реке.

На улице постоянное движение - то вниз, то вверх: идут караваны груженых мулов, носильщики, много конных. Пыльно и сухо, все выбито. Ярко розовеют посевы гречихи. Высокие кусты эфедры обсыпаны желтыми, сочными, сладковатыми ягодами. Вдоль дороги растет клематис тибетский с пушистыми плодами. Поднимаемся на холмы, поросшие редким можжевельником.

Почва между кустами выдувается, облачка пыли несутся и вдоль реки. Вдруг Андрею стало

плохо - обессилел, еле идет. Как ему помочь? Идем обратно уже затемно. По руслу реки, словно по трубе, несется холодный ветер. Ярко под луной белеют огромные вершины гор. Андрей совсем обессилел. Ночью ему не легче, сильный отек. Злится.

Дневник Андрея: «Джомсом. Встали в 5. Вылет в 8. Прилетели в 9. Устроились в гостинице в 9ч.30м. Солнце и прохладно. Отель «Мона Лиза» До верхней границы леса метров 500. В поход пошли в 12ч.10м. Вернулись в 18ч.50м. Высокогорная фригана. Clematis tangutica у реки, Lonicera. Фригана: Artemisia gmelinii, Rosa, Cotoneaster, Asparagus. Juniperus, Picea polita, Pinus excelsa выше». В дневнике Андрея, написанном очень коряво и только с перечислением видов, встреченных в том или ином месте, запись: «Плохая ночь из-за нерегулярного дыхания. Сердечная недостаточность». И далее цифры. Подсчитывал пульс…

24 сентября. Яркое солнце. Заложили гербарий. Пошли по дороге в сторону Аннапурны, сначала огородами, мимо полей гречихи и низкорослой, уже созревшей кукурузы. Над головой сияют огромные снежные пики гор. Навстречу идут женщины, нагруженные корзинами с навозом для топлива. Улыбаются, здороваются, говорят: «намастэ», что означает – «здравствуйте». Сильно обгоревшая на солнце группа альпинистов возвращается после восхождения. Около буддийского храма развешаны выгоревшие на солнце флажки. На кустах вдоль дороги привязаны лоскутки. Я неожиданно повредила ногу, не могу идти. Андрей оставляет меня среди можжевелового редколесья. Яркое солнце и сильный ветер сжигают лицо.

Сажусь на камень, наблюдаю, как Андрей медленно поднимается вверх по тропе, диагональю пересекающей склон. Очередной поворот, и он исчезает из виду. Сколько раз так было - на мою беду, и на этот раз. Он ведь болен! Но с ним спорить бесполезно. Смотрю на дорогу - когда он появится? Как буду идти обратно?

Через час вижу его маленькую фигуру - спускается. Отлегло. Говорит, что вверх дошел до 3000 м. Теперь с полными папками возвращаемся обратно. Поселок внизу лежит, как на ладони. Решили пойти огородами напрямик и запутались в тропинках, очень устали. Я сильно обгорела, вечером поднялась температура, знобило. Андрей отёк - дышит тяжело, злится, когда я прислушиваюсь к его дыханию. Достаю мочегонное, сердечное. Для поездки в горы можно нанять лошадь, мы просим об этом Формозова, так как отвратительный Кузнецов отказался содействовать. По его мнению, это не входит в его обязанности гида. Дневник Андрея: «Плохая ночь из-за (неразборчивое слово) дыхания. Сердечная недостаточность. Поход в сторону Аннапурны до 3000 м. Кустарниковая фригана. Внизу остатки сосняка из сосны длиннохвойной с абрикосом. Жимолость, кизильник, роза. В поселке саженые ивы и тополя. Тимус, дракоцефалюм, стеллера, астра, желтые силены. День с лошадью и гидом».

25 сентября. Из дневника Андрея: «Встал в 6.30. Утро свежее. Прохладно. Суета. Выехал на лошади в 9.30. Достиг высшей точки в 12.»

Нога болит - идти в горы я не могу. Андрей едет на лошади. Долго ждем. Наконец появляется проводник, Андрей взбирается на вторую лошадь уезжают вверх по реке. Я занимаюсь гербарием, время от времени любуюсь величественными пиками. В гостинице постоянное движение: приходят-уходят туристы. По пыльной дороге бесконечной чередой идут вверх паломники из Индии в храм Муктинат - там скоро будет важный праздник. Этот храм – святыня, возникшая в высокогорьях выше Джомсома еще до проникновения сюда буддизма. Джомсом – центр национального парка «Мустанг». В его пределах находится и храм Муктинат, куда идут паломники.

Оказалось, проводник довез Андрея до поселка и ушел в гости. Таким образом, самый трудный подъем в горы Андрей был вынужден был сделать самостоятельно, пешком. Но обратный путь, по самой пыльной дороге, они проехали конными. Собрано много нового. К вечеру Андрей

сильно отек. Дневник Андрея: «Встали в 6ч.30м Утро свежее, прохладное, чирикают воробьи. Выехал на лошади в 9ч.30м достигли высшей точки в 12. Назад в 15ч. Вернулись в 17. Верхний пояс - березы».

26 сентября. У Андрея сильнейший отек лица, особенно век. Сердечная недостаточность, еле ходит. Приходится давать мочегонное.

27 сентября. Из моего дневника: «Весь день в мрачной комнате гостиницы. Андрей дышит тяжело. Мне тяжело. Чем помочь? Кое-как сняла отек. Ночь не из легких».

Из дневника Андрея: «Ночь плохая, с боку на бок. Сердечная недостаточность. Заснуть не могу. Отъезд. Откуда болезнь».

28 сентября. Утро. Сегодня мы выходим из Джомсома вниз по Каликандаки. Везде пыль. Андрей все сваливает на аллергию, тяжело дышит. Я в отчаянии, даю разные лекарства: сердечные и от аллергии. Совсем больной, он ходит как на ватных ногах.

Кузнецов суетится. Его темная фигура мелькает то на втором, то на первом этаже. Можно догадаться: он хочет идти вместе с Аней. То, что ее отец - заведующий кафедрой, делает ее в глазах Кузнецова особенно соблазнительной. Видимо, он еще не совсем расстался со своей биологической карьерой. Уговаривал нас лететь из Джомсома в Покхару самолетом. Для нас главное – пройти дорогой вниз по реке. Долго ищем проводника - здесь, в Тибете, проводники дорогие. За 800 рупий удалось добыть тощую кобылу с совсем молоденьким возчиком. Андрей взбирается на лошадь, с трудом приторачиваем наш красный рюкзак, набитый сетками, и в путь.

Перед отходом неожиданно появился Черняховский. Он собрался идти с нами до первой ночевки.

Джомсом. Непал

Грунтовая, избитая копытами мулов, лошадей, ногами людей тропа идет вдоль реки. Под ногами серая галька. Перескакиваем через маленькие ручьи. Главное русло далеко, река разливается на несколько больших рукавов. Долина широкая, спуск едва намечается. Лошадь с Андреем я не упускаю из виду, ориентируясь на красный рюкзак. Толпы индусов идут вверх нам навстречу. Два слова то и дело звучат при встрече, произносятся с улыбкой. Первое «намастэ», второе – «муктинат», что означает монастырь в горах.

Остановка в старинном городке Марфа. Дома прилепились друг к другу вдоль главной улицы,

она же главная дорога. Под большими каменными плитами журчит быстрый поток. Обедаем в уютном ресторанчике. Кузнецов и Анечка сидят за соседним столом, обед они себе не заказывают. С торжественным и строгим видом Кузнецов покупает кипяток и заваривает суп из пакетика - так будет до конца нашего похода. Мы заказываем непальское традиционное блюдо по названием «непали долма» - это рис с острой разнообразной приправой.

Вниз отгоняют стада винторогих коз с густой шерстью. У каждого стада рога выкрашены в определенный цвет. Пыльная дорога пропитывается сильным запахом овец и коз.

Вниз прошли всего 15 километров по относительно сносной дороге и остановились на постоялом дворе в маленьком городке Тукуча. Это старинные постоялые дворы: маленькие, словно пеналы, кельи для ночлега, окна без стекол со ставнями выходят на главную дорогу. Приток туристов в «Мустанг» обогатил хозяев постоялых дворов. Старая часть оставлена для паломников, а для иностранных туристов пристроен солярий, европейский туалет. Из окна видны белые пики Аннапурны. Под окнами идет поток паломников, слышимость идеальная! Дают одеяло - ночью будет холодно.

Мы выходим пособирать растения. Сразу за городом начинаются крутые подъемы. Через большой приток Каликандаки перекинут большой, высокий, рассчитанный на паводки мост. Но сейчас река относительно мелкая, по берегам обширные галечники. По долине дует пронзительный ветер. На крутых отрогах - редколесья из сосны высокой с ее красивой мягкой хвоей. Среди уже отмерших злаков блестят маленькие зеленые листочки вечнозеленого кизильника с вкрапленными в зелень яркокрасными ягодками.

Под холмом - высотой не менее 30 метров можжевельник. Под деревом алтарь - на нем кусочки листьев, цветы. Рядом растет молодой можжевельник высотой до 10 м. Тоже святыня.

К вечеру пришли в отель с полными папками. Нужно заложить, написать этикетки, но света нет - только китайские фонарики во внутреннем дворике. Ночь прошла сносно. Но во второй половине снова начались одышки. Льет дождь.

Дневник Андрея: «Встали в 6.30. Вдвоем на лошади. В 9.30 в Марфе до Тукучи 15 км по дороге все бедно. Лес из можжевельника. Сосна длиннохвойная. Кусты розы, кизильника. Сорбария (появилась). Астракаулон 2-3 вида. В Тукуче редкостойный лес с довольно сомкнутым травянистым покровом из злаков. Инкарвиллея в полном цвету. Сложноцветные типа бессмертников. Кусты жасмина. Холодно. Дождь и ветер в лицо».

29 сентября. Тукуча. С утра ясно и хорошо, идем в горы. Андрей дышит неровно, но хочет пройти подальше и не обращает внимания на свое состояние. За мостом долго идем по галечнику, надеясь перейти на противоположный берег. Река сужается, бурлит между скал, переправы нет. Приходится возвращаться и идти вверх по тропинке. Надеемся достигнуть высокогорий. Тропа узкая, разъезжена, но очень крутая - тут, видимо, спускаются и на лошадях. Много злаков. Достигли альпийской зоны. Андрей хотел идти выше, но не мог. Досадовал. Вниз спускались из последних сил. На мосту ветер сорвал у Андрея с головы кепку, но идти искать ее вниз на берег не было никаких сил.

За ужином все чинно сидят за большим столом. Под столом, накрытом до пола суконной скатертью, на большом противне тлеют угли для обогрева.

Ночь холодная, под одеялами тепло. Засыпаем под цокот шагов и стук палок о каменные плиты. Ночь вроде бы спокойная, только во второй половине снова одышки. Сердце сжимается! Дневник: «Ночевка в Тукучи. Дождь. Холодно. Гостиница – старый постоялый двор. Утром сыро и холодно. Встали в 6.30. Пошли в 8. Вышли к реке в 9.30. Неудачно вдоль реки, затем в 12 прямо вверх по тропинке вверх до субальпийского пояса. Можжевеловые, сосновые редколесья с

мезофитным покровом. Общий характер растительности – субальпийские редколесья с зарослями кустарников и травянистыми склонами. Кусты: роза, можжевельник, жасмин, крушина, карагана, кизильник. Травы: астра, непета. Злаки, осоковые. Внизу у реки папротники».

30 сентября. Рано утром бегу к мосту, перехожу и стараюсь найти кепку, унесенную ветром. Бесполезно.

Новый проводник приводит худую кобылу, никак не удается приторочить рюкзак: он все время сползает вниз. Андрей взваливает рюкзак на себя. Нужно балансировать, видимо, Андрею нелегко. В таком виде мы отправляемся. Дорога становится трудной - все время подъемы и спуски вдоль крутых берегов, пылевые бури. Андрею совсем плохо, ослабел, то и дело приходится слезать. Лошадь не берет подъем на крутых обходах. Не знаешь, что легче. Часть пути Андрей идет пешком, груз на лошади. Но идти Андрею тяжело - опять подъемы, обходы, пылевые бури. Переходим большие притоки.

В маленьком городке Кокбени - небольшая передышка. В старинном монастыре смотрит со стены большой безразличный Будда, рядом его большая статуя. В храме много паломников с отрешенными лицами. В темных низких помещениях древняя старуха курит ладан.

При входе и на выходе городков - большие ворота. Через городки проходит основная дорога. Долина реки по-прежнему очень широкая. Спуск пологий. Река течет как бы по плато. Вокруг все довольно однообразно, за исключением величественного фона снежных гор.

Неожиданно картина меняется: крутые горы смыкаются, становятся зелеными, русло сужается. На склонах уже не разреженные, а густые леса из сосны высокой, ели, тиса, тсуги. Это верх субальпийского пояса. Снова прижим, и на пути возникает огромное стадо козлов, среди которых исчезает кобыла с Андреем. Вижу вдалеке, как качается красный рюкзак на его спине. Впереди плетеный мост через реку, которая бурлит в глубоком каньоне. Мост именно такой, какой рисуют и фотографируют. Он качается и, возможно, сплетен из лоз. По нему движется волной поток козлов, и среди них на кобыле, словно Дон Кихот на Россинанте, больной Андрей. Я очень боюсь за него, но пробиться сквозь сплошную массу коз не могу. Наконец вижу, что мост им пройден, и успокаиваюсь. За мостом тропу накрывают кроны огромных деревьев. Начинается сильный дождь.

Рассчитываем пообедать и согреться в маленьком отеле, поэтому продолжаем путь под проливным дождем. Выходим в долину реки. Впереди качается Андрей. Опять спуск с лошади, и опять приходится залезать. Густая растительность окружает реку. Теперь река течет только по одному руслу. Пересекаем маленький мост через кипящий, бурлящий поток, за ним мы оказываемся на длинной улице городка Лете, где намечена остановка.

Наш отель средней руки называется «Аннапурна». Комната- крошка с одной кроватью. Гербарий сырой - надо срочно разбирать, но сушить газеты негде. Сыплет дождь. Теплые вещи очень пригодились - натягиваем на себя все, что есть.

1 октября. Андрей: «Встали в 6.30. Сумрачно. Низкие облака. Близко снег. Холодно. Сыро. Коз гонят вниз». Далее описание растительности.

Выходим в девять утра после переборки гербария. Дождя нет, и вроде бы развеивается. Идем к крутой горе у въезда в городок - на ее склоне сомкнутый лес из сосны высокой, тсуги и ели. На опушках - азалии, вечнозеленые рододендроны, ароидные в рост человека, папротники-эпифиты. В травянистом покрове белозор. Хвойный лес чередуется с альпийскими лужками, чаще на крутых склонах южной экспозиции. Снег лежит близко. Полно знакомых растений: офиопогон, дюшения, оплисменус. Из листопадных кустарников - знакомая вечнозеленая

саркококка. Выше - крутые каменные скользкие глыбы, по которым идти очень трудно. Над лесным поясом - разреженные рододендронники, в которых рододендроны в виде больших кустов, невысоких деревьев. Огромная гортензия. Прогалины заросли злаками, высокими травами. Под конец маршрута нас накрыл проливной дождь с грозой и молниями. Спускаемся по скользким скалам с величайшим трудом. Каждый шаг дается с трудом, я упала, скатилась вниз. Промокли до нитки. Все сырое. Согрелись сытным обедом и водкой. Вечером развеялось, открылась освещенная лунным светом Аннапурна. Снег лег совсем близко. Ужинаем при свечах. Хозяйку с монгольского типа лицом и грациозными движениями зовут Лачми. Под стол, накрытый скатертью до пола, она приносит большой противень с горящими углями.

На дороге - поток людей вверх-вниз. Иностранцев сопровождают портеры-носильщики. Поиграют друг с другом в карты, проулыбаются и расходятся - кто вверх, а кто вниз. Только наша парочка – Кузнецов с Аней – мрачные. По всему видно, Ане хочется вкусно поесть, а он по- прежнему заваривает только лапшу. Очень смешно. Засыпаем рано. Слушаю дыхание Андрея: дышит тяжело - 10 раз нормально, потом затихает надолго, и опять…

«Вышли в 9. Вверх через пояс соснового леса с тисом до пояса рододендронов. «Редкокустно», высота 1.5-2.5. Рододендроны выс. 2-3 м. Субальпийское высокогорье. Между ними альпийские травы на камнях. Внизу у ручья на камнях камнеломки, парнассия. Много сорняков». Далее в дневнике Андрея подробное описание растительности, написанное невнятным, трудно читаемым почерком.

2 октября. Лете. Ясно. С утра разбираем многочисленные сборы, ставим на солнце сетки. Хозяйка играет с ребенком, легла на камни перед отелем.

На дороге мелькают черные голые ноги паломников: босые или в резиновых легких тапочках. С мешками за плечами идут – старые, молодые, мужчины, женщины, быстро, в темпе торопятся вверх, опираясь на бамбуковые палки.

Днем вышло солнце. В лесу сыро. На склонах огромные валуны скрыты под яркими зарослями бамбуков с тонкими стволами.

Пробираемся узкими проходами между огромных обкатанных валунов. В щелях между ними проросли кустарники. Огромный кардиокринум высотой выше человека поднял вверх канделябры плодов. Несколько видов очень крупных аризем с красными плодами сверкают на фоне сочной зелени. Я собирала семена для ботанического сада, стала отмывать сочные семена аризем в початках - красный яд попал под кожу. Руки с красноватым оттенком долго чесались и горели.

В долине среди валунов - много высоких пеньков кипарисов, возобновления нигде нет. Стволы высоких деревьев облепихи иволистной густо поросли мхами, разнообразными эпифитами, в том числе луком!

В центре поселка большое пространство занято школой, огороженной высоким каменным забором. С горы хорошо видно, как дети строятся на линейку. Слышится бойкая песня.

Дневник: «Встали в 6.30. Ясно. Блестящие снега». Мы обедали в ресторане. Андрею хотелось купить водку непальского происхождения. Он как сувенир оставил бутылку с этикеткой и привез в Москву. В дневнике - подробное меню всего того, что мы съели в «Лете». Видимо, Андрей хотел увидеть особенности гастрономии. Он никогда не придавал значения еде, ел все простое. Даже гордился, что не любит выкрутасов, а просто картошку. Дразнил нас дома: мы готовим по всем правилам пельмени, стараемся, а он покупает противные советские магазинные, ест и нахваливает.

Портера найти невозможно. Это связано с приближающимся праздником. Что делать? Андрей говорит Кузнецову, что чувствует себя вполне прилично, и будет нести рюкзак сам. Я в ужасе, так как с каждым днем гербарий разрастается. Договорились выходить в 8 утра.

3 октября. Андрей: «Встали в 6. Облачность высокая, но сносная. «Господи». Паломники. Выход в 8.30 до Тотопани. 30 километров вниз и вверх по реке вниз. Ступени. Бананы перед Даной. Ступени и водопад перед Даной. Тотопани в полной темноте. Риса нет, но есть чумиза».

Мой дневник: Проснулись, как всегда, рано. День сулит быть солнечным. Упаковка забирает время. Портера нет, а груз тяжелый. Только в последний момент нашелся очень приятный парень, одетый с иголочки, по имени Мун. Он одевает рюкзак – главный груз. Мы берем остальное - и в путь. На окраине поселка - кордон, записывают в большой гроссбух наши фамилии, проверяют документы. Перед нами прошли австралийцы! Теперь в путь. Резкий спуск к реке. Некоторое время идем вдоль бурлящей реки, затем опять подъем и лес. Чем ниже – тем теплее. По дороге продолжается массовый ход паломников, перемежающихся с туристами, большинство идут вверх. Под дождем добираемся до очередного городка под названием Газа, где обедаем в маленьком ресторанчике, сохраняющем тибетский колорит. Однако во дворе растет банан и томатное дерево – цифомандра. Кузнецов торжественно очередной раз покупает кипяток и заваривает лапшу для себя и для Анечки, которая терпеливо жует.

Льет дождь. Мы продолжаем шлепать по каменистым плитам дороги. Опять подъем, крутые склоны горы. На Андрея чуть не сваливается камень, упавший с горы: пролетает перед носом. Это событие производит на него большое впечатление - потом он с удивлением и радостью рассказывал об этом. Я же шла впереди и, видимо, была уже уставшей, так как пожилой индус с очередным «намасте» отдал мне меченную голубой краской бамбуковую палку, которая меня сильно выручила. Я ее привезла в Москву и назвала "Непалкой". Очередной приток Каликандаки проделал русло в камнях - преодолеваем. Крутой спуск. Огромные ступени - и по ним сплошной поток паломников. Темнокоричневые босые ноги. Груженые мулы с пестрыми перьями на голове. Портеры с корзинами за плечами. Лестница по вертикали метров 200 - и мост над рекой. Вода кипит, перекатывается по камням в довольно узком ущелье. Портеры, паломники, туристы ... в глазах пестрит. У водопадов - небольшой отдых. Видимо, Кузнецов с Аней тоже устали - то и дело отстают. Только наш Мун идет как ни в чем не бывало, даже не запятнав чистых туфель. После крутых спусков и подъемов у реки попадаем в длинную деревню Дана, по которой идём полтора часа. Начинают встречаться фикусы религиозные с алтарями. Дождь кончился, но дорогу сильно развезло. Идём по сплошной грязи и чувствуем, что этой дороги не будет конца, а Кузнецов тут не очень разбирается. Более 30 километров в нашем возрасте – огромная нагрузка, учитывая состояние Андрея. Но прошли, под вечер шли в полной темноте. Под конец не верилось, что мы попали в шумный ярко освещенный городок, по центральной улице которого шумел поток туристов. Устраиваемся в древнем постоялом дворе: пенал с двумя койками впритык, окна не застеклены, взамен - бамбуковая циновка. Рядом в соседнем пенале - пение и хохот, но мы засыпаем. Переход был огромным!

4 октября. Тотопани. Встали в семь. Во дворе гостиницы - садик с бугенвиллиями и пуанцеттиями. Аннапурна сияет снегами, солнце освещает ее белые вершины. Городок стоит на крутом отроге горы правого берега Каликандаки между скал. В 10 утра солнце еще не проникло в городок. После дождя сыро, в тени прохладно. Ищем газеты для закладки гербария. Кузнецов с Аней уходят на два дня на перевал. У нас передышка. Андрей занимается гербарием. В Тотопани есть горячие источники - я захотела искупаться. Андрей не пошел, чувствует себя неважно. Спускаюсь вниз к реке по очень крутой, длиной не менее 50 метров, лестнице. На широком галечнике - три низких горячих бассейна, вода очень горячая. Рядом бурлит под скалами река. Северный склон горы - в полной тени. Из платного бассейна для белых выливается вода в более

низкий бассейн - для умывания многочисленных паломников. Они мылятся, не раздеваясь, одежду сушат на себе. Везде запах кала, купаться в такой обстановке не очень хочется. Опять вспоминаю Курилы и Камчатку. Один из паломников возмущается: горячий источник – индуистская святыня, он хочет ей поклониться, но хозяин, огородивший и благоустроивший ванны, не пускает. Все платное.

К вечеру стало по-тропически тепло и влажно.

Каменные заборы домов очень остроумно украшены не колючей проволокой, а колючим молочаем с розовыми цветками или опунцией. После вчерашнего перехода ноги продолжают гудеть.

5 октября. Тотопани. Второй день отдыхаем. Много тропических плодов: манигот, авокадо, папайя. Почти тропики. В поселке растет знакомая павловния Форчуна. Около домов - огромные пучки гигантов-бамбуков для хозяйственных нужд. Поток пилигримов прекратился: сегодня праздник. Наступила тишина. У дороги - родник с небольшим алтарем. Это святыня, куда кидают обрывки цветов, монетки. Приложат руку к голове – и дальше в путь.

6 октября. Тотопани-Бени. Встаем рано. Портер Тул – крепкий малый 36 лет, с круглым лицом, помещает рюкзак в бамбуковую корзину. На лбу у него повязка, связанная с корзиной.

Только вышли – у Андрея начался тяжелый приступ аллергии. Чихает без конца, еле идет. Впереди переход более 30 километров, а возможно, и больше. Дорога трудная - осыпи, скалы, переходы через ручьи. Шумит река. Стало жарко. Андрею плохо, ложится. На несколько минут передышка. Перешли очередной висячий мост. Это, кажется, треть пути. Крутой берег реки порос лесом. Андрей опять лежит, с трудом приходит в себя. Даю ему сердечное. Что делать? Остановились в очередном отеле на обед. Готовили долго. Андрей успел немного отдохнуть. Снова в путь. Опять осыпи над рекой. Пересекаем город Рахучхата. У большого родника местные женщины моют головы, тут же их красят. Потом вдоль реки еще ходу полтора часа, хотя Кузнецов утверждал, что ходьбы всего полчаса. Он с Аней уходит далеко вперед, затем досадливо поджидает. Андрей идет медленно, я рядом. Знал бы этот Кузнецов, что через год он, сильный и злой, умрет на этой тропе от сердечной недостаточности... Но будущее знать не дано.

Только к шести вечера добрались до Бени. Почти без передышки шли весь день! Портер разговорчивый и суетливый, но мы ничего не понимаем. Я ему отдала свои спортивные ботинки - счастлив, надел их сразу.

Бени – городок из двух улиц в красочной долине реки. На склонах холмов разбросаны отели с плоскими крышами и большими балконами. Все они на один фасон. Остановились в отеле «Иети». С плоской крыши видны зеленые холмы, белые вершины Аннапурны и дорога в Баглунг, по которой мы должны идти завтра. Как говорит наш проводник – пути всего три часа.

Электричество выключают рано. Вкусный ужин при свечах. И главное – у нас прекрасный сухой номер. Тихо.

7 октября. Бени-Баглунг. Встаем чуть свет. Гербарий не разбираем. За завтраком у Андрея нет аппетита. Сильный приступ аллергии и, видимо, температура. Кузнецов в этих местах ранее не был, но утверждает, что мы в Баглунг должны идти не центральной дорогой по левому берегу реки, а направо по правому, не пересекая реки - и таким образом быстро попадем в Баглунг. О том же говорит наш портер. Кузнецов с Аней остаются на время в отеле, обещают догнать. Долго выходим из города по грязным многонаселенным улицам. На небольшой площади - смешной памятник королю в зеленом костюме и в очках.

Поднимаемся в гору по плохой заброшенной дороге. Отсюда, с далекой тропы правого берега,

хорошо видна основная дорога на противоположном берегу. Там массами идут караваны с мулами, туристы и паломники. Наша же дорога совсем пустынна. Через час нас догоняет Кузнецов, озабоченный очередными финансовыми рассчетами. Мелочность его, получившего от нас крупную сумму, возмутительна. Но я занята состоянием Андрея и не хочу вступать в спор. Продолжаем путь по дороге, которая становится все пустынней. Кузнецов и Тул обещают: как только перевалим за хребет – тут и Баглунг. Андрей идет плохо, сил нет. На хребте обнаружилась ошибка: впереди глубокий каньон притока Каликандаки, а главная дорога отсюда едва просматривается. Андрей как в тумане, а нужно идти. Тул вопит и проклинает себя. Делать нечего. По целине и холмам мы спускаемся в каньон, пересекаем приток и видим впереди мост через реку. До него далеко. Но мы вышли на тропу над дорогой и входим в небольшую и очень бедную деревню. Но и здесь есть лавочка, и можно выпить фанту. Но где же Банлунг? А он, оказывается, за очередной горой. Но мы, к недовольству и стенаниям нашего портера, решаем твердо выйти на главную дорогу и там узнавать. Делать нечего, идем к мосту. А сколько еще идти? Это пешеходный, но надежный мост, по которому проходят и караваны с гружеными мулами. Покрытые потом, под огромной поклажей, они тяжело дышат нам в лицо. Выходим на центральную дорогу. Поток людей к полудню сократился. На пути - огромная смоковница с висячими обрубленными корнями и неопрятным алтарем. Андрею плохо. Мы не идем, а бредем. Сколько же нам еще нужно пройти? Андрей иногда ложится, ему плохо. Что делать? Нужно идти и идти. Кузнецов с Аней ушли далеко вперед. Портер с нашим рюкзаком тоже ушел вперед. Андрей в каждом ручье мочит кепку, он весь горит. Два раза проезжают мимо небольшие автобусы, наполненные непальцами, словно тараканами. Жарко и влажно. Мы идем по большой и прямой дороге, с трудом отмеряя километры. Видим автобус: выезжает с соседней дороги. Андрей не хочет ехать без меня, а места нет. Да и куда едет этот автобус? Мы ведь не знаем местного наречия! И мы снова идем и идем...

Выходим в довольно широкую долину реки и начинаем понимать, что Баглунг находится за горой, по затяжному подъему которой идет дорога. Оттуда идет транспорт до Покхары. На карте указано до Баглунга 15 километров, а мы идем куда больше. Кузнецов ведет нас по инструкции, данной в Москве, сам этой дороги не знает. Андрей совсем обессилел. Ложится, еле дышит. Опять даю таблетки: лишь бы выдержало сердце. Еле ползем. Вдалеке вырисовывается мост через реку, и хорошо виден спуск из Баглунга, по которому едут автобусы. Но до моста идти по яркому солнцу, тропической жаре еще далеко. Еле доползаем,. Андрей отстает. Из Баглунга едет автобус, спускается и заезжает на мост. Нам нужно успеть. Но Андрей быстро не может, ползет по насыпи из последних сил. Успели! Портер забрасывает на крышу автобуса наши тяжелые вещи. По лесенке помогаем забраться и Андрею. Лихорадочно расплачиваюсь с встревоженным портером. Он боится, что мы не дадим ему денег за его ошибку. Но тут же его круглое как луна лицо расплывается в широкой улыбке. На плоской крыше полно народа, и две козы! Мы протискиваемся в щель между людьми и ложимся. Автобус едет вверх серпантинами. Мы отдыхаем и обозреваем окрестности.

Крыша автобуса с бортиками, чтобы пассажиры на крутых виражах не вывалились. Медленно взбираемся на перевал. По дороге останавливаемся у каждой деревни. Постепенно толпа на крыше редеет, выгружают и коз. На крыше свежий воздух, продувает. Лежим, отдыхаем, что для Андрея особенно важно. Сверху прекрасный обзор. В скалах растет пышный нефролепис. У перевала – леса из непальской ольхи, уже с длинными смолистыми, еще не раскрывшимися сережками. С перевала предгорьями по асфальтовой дороге спускаемся в долину. На подъезде к Покхаре приходится распластаться: боимся задеть провода. Весь путь занял три часа.

Мы опять в отеле, из которого улетали в Джомсом. Круг завершился. Отдыхаем в комфортабельном тихом номере. Под окном во дворе блеет коза, жещина выбирает насекомых в

голове ребенка. Последняя запись в непальском дневнике Андрея: « Бени-Банглунг по карте около 15 км, однако на самом деле все 30. Сначала вверх, потом вниз и потом по ровной дороге. Устал страшно (подчеркнуто) т.к. жарко, хотя солнце и не прямое. Пришли к мосту в 14.30 и сразу уехали в Покхару. По пути много суккулентов, среди них агава, там же какой-то фикус, цереус».

8 октября. Покхара. Занимаемся гербарием. Приходим в себя, Андрей чувствует себя лучше. К вечеру идем в город: темная главная улица ведет к озеру. По сторонам озера протянулись бесконечные сувенирные лавочки, лотки. Из ресторана - прекрасный вид на гладь озера. Андрей заказал любимую рыбу, а я что-то тибетское, малосъедобное. В тишине ресторана нам вдвоем хорошо.

9 октября. Покхара – Катманду. Отъезд назначен на 6.30. Недоспавшие, тащим тяжелые рюкзаки. С озера веет утренней прохладой. Осень, а ароматный жасмин в полном цвету. Мы опять в компании Кузнецова и Ани. Как и во время всего пути от Джомсома, Аня с нами не разговаривает, приняла образ «гордого» Кузнецова. Туман стелется по долинам. Жары нет. Предгорьями переваливаем с одного перевала на другой. Горные леса в первых красках осени. Мелькают красные, желтые тона. Некоторые деревья уже наполовину безлистные. Есть и цветущие деревья, особенно нарядна сиреневая баугиния. Вдоль дорог - много высоких трав, по всей вероятности, из имбирных.

Юкка с цветоносами в бутонах, лантана с голубыми шариками плодов. Плантации калоказии. На холмах у деревень - высокие качели из скрещенных, очень высоких стволов бамбука: детишки качаются над обрывами. На подъеме на очередной перевал - характерный запах цветущего каштана, это зацвел каштанопсис. И это осенью! Спускаемся в котловину Катманду. Подготовка к фестивалю в полном разгаре. На алтарях разделывают туши тощих козлов. Грязь. На подступах к городу - огромные рынки птиц: утки на заклание. Выгружаемся на автовокзале и тащим на себе вещи в довольно далекий отель. Там Кузнецов забронировал номер.

Рюкзак, набитый сетками с гербарием, Андрей несет на себе. Потом очень гордился тем, что смог так далеко пронести такой тяжелый груз. В отеле скандал. Оказалось, Кузнецов опоздал на сутки и не созвонился, с него потребовали неустойку. Он отказывается платить. Долго сидим в холле, слушаем пререкания. Наши вещи, и главное гербарий, оставленный на хранение, под арестом. Каким-то образом Кузнецову удается выманить багаж. Главное - сетки в наших руках, пробираемся дворами. Кузнецов боится погони, нести вещи не помогает и опять, как и раньше, до исступления, торгуется с таксистом. Через несколько минут мы оказываемся в темном и затхлом номере большой гостиницы «Ракушка». Он похож на маленькую каюту большого корабля, но можно отдохнуть.

10 октября. Праздничные толпы идут к алтарям, ступам и храмам. Нарядные женщины с красиво уложенными волосами, украшенными цветами... Дети несут убитых уток - они кладут их на алтари, забрызганные кровью, усыпанные разорванными листьями, цветами.

Последний день мы посвятили походу в книжный магазин. Спустился теплый вечер. Мы долго сидим в открытом ресторане «Green leaves». Долго ждем официанта в приятной прохладе. Андрей забывает здесь кепку.

11 октября. С утра жарко. Гербарий утрясен, вещи уложены. Последние два часа бродим по узким улочкам. В крошечных лавчонках мужчины старательно вышивают орнаменты на футболках.

Гербарий в полном объеме удалось вывезти в Москву».

Зимой, после Непала, Андрей часто недомогал. Гимнастику он уже не делал, говорил –

«слабость». Поездка в Гималаи окончательно подорвала его здоровье.

Зимой он определял турецкий и гималайский гербарии. Написал большой отчет по гималайскому гранту.

Осенью, к 850-летию Москвы, на работе давали медаль. Но Андрею не дали, мол, он не проработал 10 лет в Москве, что было неверно. Он рассказывал – дали каким-то молоденьким девочкам, лаборанткам, а ему, коренному москвичу, – нет. Это его очень обидело. С самого начала своей работы в филиале он, истинный ученый, далекий от интриг, оказалсмя в чуждой и непонятной ему среде и как инородный элемент у некоторых коллег вызывал раздражение.

В филиале ситуация менялась. Взяли на работу несколько молодых людей. Андрей позже говорил: «Ну прямо как в сказке: один пришел, десятерых привел». Им нравилось картинно говорить, курить, показывать себя. Они сразу же завели кучу компьютеров, буфет. Как я уже упоминала, это первый в России ботанический сад, «аптекарский огород», основанный Петром первым, сохранялся более 300 лет - пережил пожары, революции, смены правительств. Теперь он был отдан в аренду на 49 лет с обязательством восстановить ботанический сад, отстроить заново оранжерею. За это было разрешено по краю ботанического сада выстроить что-то коммерческое. Территория сада еще более сократилась. В настоящее время филиал находится в оцеплении коммерческих организаций: клиники, салона красоты, сбербанка, ресторана «Огород». Под оранжереей вырыт подземный гараж. Вечерами подгулявшие гости ресторана продолжают веселье под сенью старинных деревьев на территории сада.

Молодцы принимали Андрея за странного чудака-старичка. Он, как и раньше, тихо сидел в своем кабинете и определял гербарий.

Еще при Романовой он был недоволен тем, что главное внимание в ботаническом саду уделялось не деревьям, а дорожкам. Сейчас эти тенденции усилились.

Как-то Андрей пришел домой сильно расстроенный. С трудом удалось узнать, что дубок, который он вырастил из желудя и который был так ему дорог, вдруг был срублен. Начали проводить глобальную переделку территории. Гибель дубка Андрей пережил как личную трагедию.

На факультете Андрей встретил однажды В.Н. Тихомирова, который заявил ему, что он-де завалил работу в филиале и потому не пройдет переаттестации. Я разволновалась. Все знали: Тихомиров болен, часто лежал в больнице, а выходя, раздражался. Я размышляла: сама я выдержу все, могу жить и без работы, хотя люблю свою специальность. Но Андрей без работы погибнет. Решила поговорить с А.П. Меликяном – профессором на кафедре высших растений. К нему в кабинет на кафедре часто по-дружески заходил Тихомиров. Объяснила. Меликян все превратил в шутку, но с В.С.Новиковым, прямым начальником Андрея, поговорил. Тот успокоил: мол, Андрея никто не тронет. Но сама постановка вопроса была очень унизительной.

Андрей работал так много, так упорно и самоотверженно! Уже был собран материал, чтобы писать флору Лазистана. Работал он и по Флоре Центральной России. И вдруг такие заявки...

Андрей готовился к переаттестации. Перепечатывал список работ, их число приближалось к 300. Последняя работа, вышедшая при его жизни, о растениях литорали на Черном море, была ровно трехсотая. Он так пишет о себе: «Научные интересы А.П. весьма разнообразны, но концентрируются вокруг трех основных тем: 1– флористика + ботаническая география, 2 – биоморфология, в особенности конструктивная (метамерия, модульность), 3 – биология и циклы сезонного развития в субтропиках. Флористические исследования А.П. проводит в последнее время главным образом в трех районах: 1 – средняя Россия (в основном в Тверской и Смоленской областях), 2 – в Аджарии и северо-восточной Турции, 3 – в центральных Гималаях

(Непал)».

Напряжение в основном было снято, но Андрей стал часто говорить, что у него пропало настроение работать в МГУ. Он хочет уехать в Тверь, преподавать там в университете. Дело в том, что еще осенью 96-го года, во время общения с ректором Тверского университета, когда Андрей защищал меня от заговорщиков, он очень понравился ректору, который предложил Андрею заведовать кафедрой. Андрей к этому предложению отнесся серьезно. Написал представление, отдал в ректорат, а также на факультет. Но на том все и кончилось, никто больше с ним по этому поводу не объяснялся.

Еще один и весьма существенный удар был ему нанесен под новый 1998 год.

В филиале, который теперь получил название садового центра, праздновали Новый год. В большом зале, где когда-то проходили занятия со студентами, где в свое время, уже пять лет назад, отмечали 60-летие Андрея, были накрыты новогодние столы. Приехало начальство: В. Новиков с сопровождающими.

В тот вечер Андрей, как всегда, работал у себя в кабинете. Никто не позвал его на новогодний банкет. Уходя домой, он подошел к двери, открыл ее и увидел своих коллег, сидящих за столом. Все взоры обратились к нему, но никто не пригласил к столу. Постоял, постоял и пошел домой, впав в депрессию. Мне он ничего не рассказал. Посвятил в свои обиды внучку Галю... Он был уже лишним в садовом центре.

После смерти Андрея в течение недели, по строгому требованию Новикова, я увезла все содержимое кабинета Андрея к себе домой. Позже этот солидный гербарий я перевезла в Главный ботанический сад. Я таскала папки, книги со второго этажа в машину, а совершенно неизвестный мне тип – сотрудник филиала с недовольным лицом следил за тем, чтобы я побыстрей погрузила гербарий.

Несмотря на видимое запустение, в филиале сохранялась атмосфера научного учреждения. И Андрей своим присутствием сохранял преемственность научных традиций. С уходом из жизни Андрея эта атмосфера исчезла.Теперь ни этой комнаты, ни зала с портретами знаменитых ученых уже нет, как нет никакой памяти в «филиале» и об Андрее.

С начала 1998 года по-прежнему два раза в месяц Андрей приезжает на работу в Тверь и отдает на перепечатку многочисленные наработки по биоморфологии Тамаре Павловне Юдиной – сотруднице Тверского ботанического сада, с которой подружился. Тамара Павловна живет рядом с ботаническим садом. Однажды она пришла ко мне взволнованная, оказалось, у нее в доме не работал лифт. Пришлось Андрею пешком подниматься на 14-й этаж. Он задыхался и вообще был очень ослаб и нездоров. Я все это хорошо видела, но что я могла сделать?

Я тогда сказала Тамаре Павловне, что не могу себе помыслить жизни без Андрея, что если его не будет – не будет и меня. Что за слова! Человек так устроен, что может пережить все. И я пережила, хотя до сих пор, словно в фильме ужасов, прокручиваю перед мысленным взором все с первой минуты, когда он вдруг сидя преобразился и выронил лекарства... Пережила. Самое удивительное – продолжаю жить так, как бы он хотел.

Зимой Андрей мне рассказал, что Сурхай Аллахвердиев приглашает нас в Турцию. Это очень его обрадовало. До сих пор мы собирали и вывозили ботанический материал контрабандой - теперь же открывалась перспектива работать вместе с турецкими ботаниками.

Зимой состоялся очередной сбор выпускников кафедры геоботаники его выпуска. Андрей рассказывал, что многих уже не досчитались, и навряд ли уже будут встречаться: после 60 и того нет, и второго.

С внуком на даче в Отдыхе

Всю зиму на воскресные дни мы ездили на дачу. В конце недели я приезжала из Твери, Андрей встречал электричку, и мы прямо с Ленинградского вокзала переходили на Казанский и ехали на дачу. Ворота на даче были старыми. Во время оттепели вода стояла под воротами, оттаивала, а потом все замерзало. Чтобы открыть ворота, нужно было отбивать лёд. Андрей, несмотря на болезнь, ломом отбивал лед, хотя это было ему совсем непросто. Мы вместе поднимали тяжелую крышку, чтобы отключить летний водопровод. Это было очень тяжело, но он всю эту процедуру проделывал сам. Был очень сильным. Рубил дрова.

Мы на даче. Мороз 23 градуса. Тихо. В середине ночи вдруг кто-то на террасе разбил стекло. Я проснулась и подумала: что-то случилось с Андреем. Однако он спал и вслед за мной встал. На террасу ломился замерзающий мужик: одет он был легко. Я схватила швабру и ринулась на него. Андрей пристыдил меня, зачем, мол, так грубо, это ведь человек! Мужик ушел за дом, и мы поняли – может замерзнуть. Позвали его и уложили в пристройке террасы, накрыли одеялами. Утром, проснувшись, стали обдумывать ситуацию. Заложили дверь стульями, чтобы услышать, когда он проснется. Не прошло нескольких минут, как загремели стулья, и мы увидели дрожащего с похмелья человека. Я надела на него теплый свитер, шапку и попросила прийти починить разбитое стекло. Он ушел – и был таков. Оказывается, мы по рассеянности не закрыли калитку.

Рассеянность Андрея возрастала. Он терял все, особенно ключи от дачи, это очень осложняло жизнь. Он то и дело теряет бумаги, долго ищет, досадует, а когда находит – гордо заявляет, что у него никогда ничего не пропадает.

По гималайскому гранту мы не получили ни гроша, как надеялись, хотя Андрей в срок представил полный отчет. Нам не оплатили даже дороги в Гималаи. Но была получена возможность приобрести компьютер. На работе поставить компьютер места не было, поэтому его привезли домой. Наш сын его наладил, и Андрей начал его осваивать. Мешала рассеянность. Часто он набирал телефон сына и спрашивал его, какую кнопку нужно нажать. Вроде бы привык, научился, но как-то нажал не ту клавишу - и статьи как не бывало. Впал в транс. Но потом начал снова.

Поездки 1997 г.: Май: Смоленская область. Июль: Турция (Карчхал, Дэвски яйла, Балджи, Артвин, Аракли, Саракайя, перевал Агрибель, Шебиркарашехир, Исран, Эрзинджан, Манден, Байбурт, Испир, Артвин, Сарыгель, Пархал). Август: Смоленская область. Сентябрь: Непал

(Катманду, Джамачок, Фолчоки, Покхара, Джомсом, Тукуча, Лете, Тотопани, Бени, Баглунг).

Публикации 1997 г.: у Андрея вышло 11 работ, посвященных биоморфологии и описанию новых таксонов из Турции.

1998 В начале 1998 года моя знакомая Лена Матвеева, редактор в издательстве АСТ, предложила написать книжку «Удивительный мир растений». Предвиделся хороший заработок. Это нас соблазнило, и думалось, что мы сделаем эту работу шутя. Но, оказалось, не все так просто: нужно было написать не менее 200 очерков. Очерки прочитывали наши внучки и ставили нам отметки; за каждый прочитанный очерк девочки получали по рублю. Андрей так увлекся, что писал даже тогда, когда я уезжала в Тверь. Он считал, что необходимо не надергивать разные интересные факты, а материал выстроить, охватить хотя бы все классы растений. Поэтому он написал и о водорослях, и о грибах, мхах и хвощах. Еще в молодости мы задумали книжку о растениях наших лесов, но потом с отъездом в Магадан забросили. Меня всегда тянуло писать популярные очерки. Андрей рядом со мной зажигался и тоже писал. Его очерки написаны ярко, интересно.

Писал и вспоминал детство, например, когда отец учил его опылять огурцы. Было это в Орске, в эвакуации, где имели огород. К сожалению, его оригинальный стиль не был понят редакторами, и большинство очерков не вошло в книжку. Выплата задерживалась и совпала с дефолтом в августе, когда Андрея уже не было в живых. Но ничто не пропадает даром: эти очерки мне очень пригодились, когда я готовила лекции по систематике растений.

Всю зиму, время от времени, он продолжал писать разделы «Биоморфологии растений». Привозил черновики в Тверь, мы обсуждали очередную тему. Материалы по биоморфологии так и остались неопубликованными.

У меня накопились материалы по классификации экологических групп. Хронически не хватало времени. Кроме того, без критики Андрея, без его оценки материала я никогда не решалась на публикацию своих работ. Считала, что если он прикладывал усилия, читал и советовал, - это совместная с ним работа. Какую фамилию поставить первой – выбирал он.

Отмечаем Новый Год. В семье

С экологическими группами также много возились вместе. И этот материал тоже остался «в столе».

В январе на биофаке зоологи проводили конференцию по вопросам модульной организации

живых организмов. Андрей в ней принимал активное участие, делал доклад. По теме доклада написал статью о модулях репродуктивных органов и представил в «Журнал общей биологии». На статью он получил отрицательный и неприличный по форме отзыв.

Девятая поездка в Турцию

Во время поездки в Непал в прошлом году мы выиграли льготные авиабилеты, которые нужно было использовать в течение полугода. Поэтому крайние сроки для поездки в Турцию – конец марта. Это очень устраивало Андрея, который очень хотел собрать весеннюю флору. В марте, судя по Колхиде, ранняя весна в Турции уже в полном разгаре, но в конце марта могут быть и резкие похолодания, даже со снегопадами.

В Твери меня не хотели отпускать. Слишком часто, по их мнению, я ездила за границу, так сказать, гуляла где-то. Но я не могла оставить Андрея, тем более что теперь мы ехали не «контрабандой», а официально.

В Бартыне, в университете, работает Сурхай Аллахвердиев – физиолог растений из Азербайджана. В Турции много азербайджанцев. Сурхай заинтересован в работе с русскими учеными, зная степень их квалификации. Его русская супруга Татьяна Ивановна зимой заходила к нам, налаживала контакты, говорила, что можно пробить грант на флористические исследования в Турции.

Меня отпустили в последний момент. На сборы оставалось всего два дня. С нами поехала моя сотрудница из Твери Лена Пушай. Она занимается орхидеями Волговерховья.

23 марта, накануне отъезда в Турцию, я обнаружила на десне опухоль. Первая мысль – рак. Все внутри потухло. Что-то нужно делать, предпринимать! Совсем недавно я унижалась в регистратуре нашей поликлиники, восстанавливала Андрею потерянный страховой полис. Теперь необходимо получить полис мне, а затем показать врачу эту опухоль. А Андрей пребывает в ином мире. Он получил отзыв на статью по модульной организации растений с пометками на полях и узнал почерк рецензента. Пометки несправедливые, оскорбительные, в отзыве говорится, что автор статьи, то есть Андрей, неграмотен и некомпетентен в этих вопросах! Андрей весь поглощен этим отзывом... он как будто не слышит меня! Он говорит, что для других это, возможно, и не имеет значения, но ему это очень важно, ему нужно ехать в университет и показать этот безобразный отзыв коллегам, вывести рецензента на чистую воду. Мне не до соображений: хочет ехать – пусть едет, я в другом измерении.

Иду в поликлинику, в отчаянии стою перед регистрационным окошечком и рассказываю: сегодня нужно ехать в Турцию, ночью улетаю, а на десне опухоль. Что делать? Добрый ангел – регистраторша - быстро оформляет полис и отправляет меня в стоматологическую поликлинику, объясняя на ходу адрес. Далее все идет как по маслу. Подходит автобус, подвозит прямехонько к поликлинике, которую я без объяснений никак бы не разыскала. Там мне быстро, наметанным жестом вырывают зуб. (Уже в Турции через день рана зажила, и я выздоровела.) Теперь можно домой - страх прошел, и я уже беспокоюсь об Андрее. У меня всегда было странное чувство: если его нет рядом – я тревожусь. Чего он добился в МГУ? Показал А. Меликяну статью. Ему посочувствовали - вот и все.

Андрею было очень обидно, что его обвиняют в некомпетентности. С горечью он говорил мне, что хочет печататься самостоятельно, а бороться с рецензентами уже нет сил.

Погода ясная. Под вечер прохладно, дует свежий холодный ветер. Я стою у метро, высматриваю в толпе Андрея. Последнее время мне все время неспокойно. Оказалось, он ездил к метро

«Речной вокзал» – узнавал расписание автобусов до Шереметьево. Его продуло. Потом мы все время думали, что у него простуда, а у него отказывало сердце - так же, как и в Непале.

Перед отъездом долго утрясались, устраивали Леночку и встали глубокой ночью. Андрей сказал, что чувствует себя плохо, простудился. Но, видимо, перенапрягся, и опять обессилел. Брезжит рассвет. Мы втроем идем пешком к аэровокзалу. Но Андрей не может тащить вещи, я беру эту миссию на себя. Потом он говорил, что я героически тащила тяжелые сумки с гербарными сетками. На аэровокзале обнаружилось: расписание висеть-то висит, но уже давно автобусы ходят как попало, а ночью и вовсе их нет.

На такси за кругленькую сумму нас с ветерком доставляют в Шереметьево. Вся остальная процедура идет быстро, без задержек. Летим на юг. Под крылом самолета вырисовывается берег Черного моря: серые буруны, белый прибой. Потом мы видим горы в снегу. Непогода. В Турции - суровая зима, а не весна. Налетел циклон, холодно.

В Анкаре в аэропорту полный порядок и благопристойность. Нас никто не встречает. Пронзительный ветер, метет метель, Андрей еле держится. Лицо землистое, совсем больное. Как только впали в отчаяние - появился наш благодетель: среднего роста, темный, со слащавой улыбкой и выразительным лицом. Рассыпается в любезностях. С ним его сотрудник – молодой и манерный турок Гиркан. Его машина – ему под стать – чистая, новенькая. Едем в центр - город очень широко раскинулся по высоким холмам. Все покрыто недавно выпавшим снегом. На узкой улочке Сурхай уходит на почту отправить корреспонденцию.

Дома разного калибра и архитектуры облепили крутой спуск. Снег тает, ребятишки играют в снежки. Андрей, по своей обычной привычке, выходит из машины и рассматривает сухие плоды иудиного дерева, облепившие его стволы. Сетует на непогоду. Как будем собирать растения? Но главное – добраться в Бартын. Предстоит проехать на север более 100 километров.

Очень долго выезжаем из Анкары. Едем мимо совсем небольших обветшавших дорических колонн - кажется, единственного напоминания здесь о древней Греции. И везде, везде, куда ни бросишь взгляд, – крупные прямоугольники домов, какими теперь покрыта вся Турция. Наземно проезжаем тот путь, который утром, всего за несколько минут, пролетел наш самолет. Перелески в снегу. Дубняки на холмах и торчащая по одиночке на пашнях знакомая груша. Рядом со мной - совсем больной Андрей, я слышу с тревогой эту страшную одышку. Дорога длинная, то ельники, то сосняки. На северных склонах появился рододендрон понтийский. Только к вечеру в полной темноте добрались до Бартына. В просторной уютной квартире пятиэтажного дома нас ждет с праздничным ужином гостеприимная Татьяна Ивановна. Если бы не болезнь Андрея!

25 марта. Бартын. Вокруг снег. Можно рассмотреть местность, корпуса университета. На крутом холме - большая площадка. Несколько типовых домов, похожих на здание средней школы хрущевского периода - это лесной факультет.

У Андрея сильнейшая одышка. Но днем распогодилось, и удалось сходить в недалекий грабинник, собрать цветущие виды. Обратно Андрей еле шел.

С. Аллахвердиев, А. Хохряков, М. Мазуренко. Бартын. Турция

Сурхай весь в приготовлениях к встрече с деканом. Нужно показать Андрея в полном параде, а мы приехали только в полевой одежде! Турки придают одежде, степенному поведению, красивым разговорам особое значение. А это все, чем мы вовсе не обладаем, поэтому решено купить Андрею костюм, на что я выделяю 100 долларов.

Мы живем в гостинице. Это огромная квартира с телефоном, с гостиной. Каждому достается по комнате. Добыли газеты - заложили гербарий, пишем этикетки. Здесь все удобно. Но ночь была тяжелой - как и в Джомсоме, я слышу тяжелое дыхание. Сердце сжимается. Что делать?

26 марта. С утра дождик и неуютно. Ведем разговоры о выезде на природу, но Сурхай весь сосредоточен на покупке костюма. Маленький старый городок Бартын находится в нескольких километрах от факультета.

Днем на факультете знакомимся с ботаниками. Группа милых людей чем-то напоминает аджарцев. Гербарий лежит на полу, сырой и неаккуратный. Создается впечатление, что эти ребята не имеют ни малейшего представления о ботанике. Андрей говорит с трудом, а Сурхай показывает прекрасные аудитории. Учащихся очень много, лесное дело в Турции – одно из важнейших.

27 марта. С утра Сурхай в волнении. Нужно показать «товар» лицом. Поэтому Андрей вынужден облачиться в новый костюм. Я умоляю надеть и подаренный Сурхаем галстук, что, конечно, злит Андрея. Он галстуков не носит принципиально. Ради будущих поездок он сдается.

И вот состоялась светская беседа с деканом в его торжественном кабинете. Сурхай, словно искусный визирь при императоре, направляет беседу. Говорит о необходимости контракта с русскими. Приятное круглое лицо декана, как ни удивительно, славянского типа. Прекрасные манеры, доброжелательность.

Андрей изнывает, он еще не был на природе. Оказалось – вполне возможно свозить нас к морю. Сурхай живет будущим, а Андрею нужно собирать растения сейчас, сегодня. Нас сопровождают ботаники Барбарос и Саима. На крутых склонах – типичный средиземноморский шибляк с филлиреей, лавром и двумя видами земляничников. В еще голом лесу отрастают и цветут травы, есть хорошо знакомые, много и средиземноморских. Идет дождь, все мокро. По дороге к морю на скалах – высокие земляничные деревья, цветут высокий вереск и листопадный кизил мужской. Типичное Средиземноморье. На морском берегу – широкая лагуна. Большой песчаный пляж. Есть и панкратиум. Шум прибоя сильно экранирует от крутых прибрежных скал.

Вечером мы званы с визитом к декану. Татьяна Ивановна по этому поводу надевает вечернее платье. Но главное – костюм Андрея, гордость Сурхая.

Образцово-показательная, как в рекламном журнале, квартира декана с претенциозной, в стиле барокко, мебелью. На белой скатерти овального стола расставляются турецкие яства. Сурхай в роли переводчика. Декан – светский человек, работал в Финляндии, интересуется русскими и даже читал Горького! Мой бедный Андрей еле сидит в кресле. Каждое движение стоит ему усилий, роняет вазочку. Неловкость воспитанные хозяева не замечают. Его тяжелое дыхание, вернее, задыхание, держит меня в сильном напряжении.

28 марта. На сегодня назначена большая экскурсия в горы, в направлении к Кастаману, на запад от Бартына. Для этого Бартынское лесничество предоставило две прекрасные машины, куда помещаются все ботаники. Едет и Татьяна Ивановна с Сурхаем. Для всех – это просто прогулка с пикником. Но для Андрея – работа. На северных склонах, густо заросших рододендроном понтийским, – все колхидское. Тут же рядом средиземноморские, еще совсем по-зимнему голые грабинники. Дождь. После каждой вылазки, грязные, мы забираемся в чистую машину, что очень волнует Сурхая. Андрей еле ходит. В серых сырых клочьях тумана под дождем проезжаем невысокий перевал. Вдоль дорог крестьянские дома, скот.

Собран довольно большой, из-за дождя сырой гербарий. Вечерами мы извлекаем из всех шкафов многочисленные газеты, оказавшиеся тут очень кстати. Перебираем и закладываем, этикетируем. Леночка во всем нам помощник. С ней общаться – одно удовольствие.

Для Сурхая главное – налаживание будущей работы, связей. Необходимо убедить турок в том, что не в Англии, а в России есть ученые, способные развивать науку в этой стране.

Сосед Сурхая Зейфер приносит Андрею для определения собранный в высокогорьях гербарий. Это разложенные на больших листах крупные высокогорные растения, высушенные без пресса! Много разговоров о будущих поездках. Есть реальная возможность для поездок в высокогорья!

Основная миссия, благодаря которой мы прибыли в Бартын, - визит к декану - выполнена, теперь нужно думать о дальнейшем. А здоровье Андрея все ухудшается. Я прошу Сурхая показать Андрея врачу, но почему-то это вызывает непонимание.

Сыплет сырой холодный дождь, все пронизано влагой. Но с гербарием все нормально: газет полно, батареи горячие. В большой гостиной стоят сетки. Череда сытных завтраков, обедов и ужинов продолжается. Андрей хочет ехать побережьем на восток до Самсуна. А потом в Трабзон, где планирует попасть в высокогорья. Но Сурхай и особенно Татьяна Ивановна пугают нас обвалами, наводнениями. Действительно, весной в Турции, горной стране, реки разливаются. Да где они только не разливаются!

Грядет байрам – большой религиозный праздник, когда вся деловая жизнь Турции замирает. Сурхай с Зейфером на все праздники уезжают. Мы здесь уже лишние. Андрей болен, Сурхай не хочет брать на себя ответственность, видит, что болезнь усиливается! Но Андрей хочет исследовать это место максимально. Мешает дождь. Сурхай, неожиданно для нас, пресекает все эти разногласия: бронирует билеты на Трабзон на 1 апреля.

31 марта. Наконец ясная погода, но еще все сыро и свежо. Едем в Асмару. Это древняя Амастрида – город на побережье в 20 километрах от Бартына. Перед нами открывается изумительной красоты бухта, посредине которой небольшой остров. С нами молодые ботаники. Тепло. Ветер. Поднимаемся на скалы. Здесь жалкие остатки генуэзской крепости и византийского монастыря. Внутри торговые улочки с безвкусными сувенирами.

Андрей ходит медленно, с большим трудом. У него сильный отек век. Изменился голос. Но идет,

и даже по отвесной стенке.

На красивых зеленых приморских лугах много одичавшего ириса германского, цветущих ноготков.

На экскурсии в Амастре. Турция

Нужно успеть заложить гербарий. У Андрея сильные отеки ног. Я пытаюсь достать мочегонное. Сурхай говорит, что его нет в продаже. Что делать? Все рассчитано на здоровых людей. Соблюдаются приличия, все улыбаются. Зовут в гости. А нужно помогать! Необходимы лекарства!

1 апреля. Утром Андрею еще хуже. Я рыдаю, прошу Сурхая достать лекарство. Но нужно, по здешнему обычаю, идти на завтрак к ботанику Сарыбаю: он приготовился. Поднимаемся к манерному Сарыбаю. Пьем чай. А потом медленно вверх в гору на факультет.

Ботаники просят определить растения. Мы разбираем сваленные на полу неаппетитные завалы. Андрей определяет, определяет. Потом говорит, что ему совсем плохо.

С помощью Сурхая нам в Бартыне оказали максимальное внимание. Договорились о контракте, возили по окрестностям и, кроме того, экипировали. Вот только бы здоровье! А его нет!

Сидим в большом автобусе. Миловидная Саима приносит на память сувениры: платочек, ручку.

В Трабзон мы приедем только на рассвете следующего дня. Едем голыми перелесками вдоль высоких гор. На перевале растет ель вместе с пихтой киликийской с растопыренными хвоинками. На холмах можжевеловые редколесья. Ночью у Самсуна выезжаем на побережье. На высокой скорости переезд до Трабзона.

2 апреля. Трабзон. Сурхай заверял нас в том, что декан Трабзонского университета - его друг. У нас к нему рекомендательное, от Сурхая, письмо. В университетскую гостиницу мы приехали на рассвете. Прохладно. Два часа ждем директора, Андрей в дремотном состоянии. Я надеюсь найти врача, но никто ничего не знает. Я всеми мыслями об аптеке: нужно снимать отек. За нами присылают машину. Через несколько минут мы в лесном факультете. Я в панике и ни о чем, кроме как об аптеке, не думаю. Чувствую: Андрей в большой опасности. Мы в чужой стране.

Кабинет декана. Цветет пуанцеттия. Декан любезен, но формален. Без стука, так же как это принято в Аджарии, входит Сали Терзиоглу – наглый молодой ассистент, с которым мы столкнулись в 1993 году на Мачке, а потом в 1995 в Измире. Он сообщает декану, что Андрей

собирал яснотку в национальном парке! Нарушал порядки. Мы просим машину для разъездов и помощь. Декан любезно улыбается и вежливо во всем отказывает. Еще раз прошу отвезти к врачу - бесполезно. Прием окончен, ушли не солоно хлебавши.

Далее я, как в бреду, спрашиваю каждого, где аптека, «escane». С трудом мы с Леночкой смогли объясниться - в Турции названия лекарств иные. Но вот наконец у меня в руках таблетки мочегонного типа фурасемида. Наконец я смогла дать Андрею таблетку и уложить. Решила узнать, как переделать билет и улететь быстрей домой, в Москву, к врачам. Ему необходимо лечь в больницу, лечиться. Но об этом не стоит говорить вслух - все эти разговоры его раздражают.

Днем стало легче. Отеки спали, а к вечеру произошло чудо – восстановилось дыхание. И Андрей пошел на экскурсию вокруг отеля. Зеленеет трава, цветут мускари, цикламены. Как быстро забывается плохое! Появилась надежда.

Разговоры идут уже не об отъезде, а о том, чтобы поработать в Трабзоне.

3 апреля. Нашли более дешевую гостиницу «Билим». Она в центре города, построена в начале XX века. Все тут напоминает о временах Ата-Тюрка, злобный портрет которого присутствует у пыльной стойки. Там сидит старик с четками – хозяин гостиницы. В маленьком номере тихо. Большой открытый балкон на верхнем этаже с видом на море. Можно сушить газеты, раскладывать гербарий.

Погода установилась. Напротив нашего отеля на просторной площади - большая мечеть. Время от времени заунывные «песни» муэдзина оглашают окрестности.

4 апреля. Солнечно, но сыровато и прохладно. По центральной трассе бойко снуют маленькие автобусы-автолайны. Аракли - в 20 километрах на восток в сторону Ризе. Знакомое место - здесь мы останавливались в прошлом году вместе с Авто. Поворот старой дороги. Скала с вереском. В посадках фундука, словно в изысканном саду, сверкают красным, желтым и белым пышные примулы. Горное ущелье с перекатами ручья. Андрей не обращает внимания на мчащиеся на огромной скорости машины и идет через мост по крошечному тротуару. Я за ним... Пронесло.

5 апреля. Купили путевки для поездки в монастырь Мериам анэ. Тот самый, где в 1993 году мы встретили Хари. Туристическая группа представлена веселой молодежью. Доброжелательные, улыбающиеся, они всю дорогу громко смеются и поют. Прозрачная река бурлит на перекатах. Тот же мостик, маленький отель, ресторан. По тропе идем медленно вверх к монастырю, прилепленному к скале, словно соты. Цветут сцилла, цикламены и галантусы. По дороге спускается и поднимается масса туристов - в основном турки: они на каникулах во время байрама. Все ближе, кажется, прямо над головой, здание монастыря, выстроенного в отвесной скале. У входа в монастырь – маленький ресторанчик под открытым небом. Андрей разговорился с приятной семьей, приехавшей сюда на байрам. Мальчик поет вместе с Андреем веселую песню.

В монастыре идут восстановительные работы. Был пожар. Некоторые фрески погибли, другие искалечены современными турецкими вандалами. К ликам святых подрисованы усы! На стенах надписи, царапины. Здесь, по преданию, проповедовал апостол Андрей. С посещения этого храма для меня и Андрея начиналась Турция. И этим храмом она для Андрея закончилась.

За монастырем - тропа на вершину скалы. Поднимаемся в густом лесу с зарослями черники кавказской. Забираемся все выше. Через два часа приходится повернуть обратно - боимся опоздать. Всю дорогу на обратном пути молодежь поет. Фотография на память на очередном горбатом мостике царицы Тамары. Андрей с ними, сидит на самом краю. Леночка в волнении. Экскурсия завершается на вершине Трабзонского холма - бухта как на ладони, на западной окраине хорошо просматривается купол византийского храма.

Вечером приходит новый знакомый Осман. Молодой и деловой, он то и дело звонит кому-то по мобильному телефону, в то время это дорогая редкость. Ему приятно знакомство с учеными. Он везет нас вверх на Трабзонский холм, и мы снова оказываемся на смотровой площадке. Прохладно и ветрено. Мы очень устали, но Андрей держится молодцом. Любуемся вечерними огнями города.

Каждый день мы ездим на экскурсии. Погода прекрасная, с транспортом никаких проблем. По идеальным шоссе мчатся мини- автобусы, останавливаясь в любой точке. Осмотрели Айя Софию Трабзонскую. Поехали в предгорья на запад по побережью в Ачкаабад и Вакиркефар. На побережье негде ходить - при постройке шоссе все побережье завалили огромными глыбами камней. Выручают остатки старого шоссе - там много растений. Как только подошли к скалам – сразу же нас остановили бойкие, на взводе, откуда-то возникшие люди. Оберегают, боятся падения камней. Мы только и понимаем: «таш», «таш», то есть в переводе «камень». Еле отвязались. Быстро ретируемся, садимся на очередной микроавтобус, а потом крадучись, чтобы не заметили, забираемся на холмы. С моря дует холодный ветер. Старая дорога вьется над крутым обрывом.

Андрей стремится на перевал Зигана. Я считаю это для него опасным. Но разве поспоришь? Чувствует он себя неважно, но все же не так плохо, как раньше.

Бафра. Турция

10 апреля. Байрам кончается. В мечети и на большой площади под нашим отелем - большая толпа.

Едем 80 километров к перевалу Зигана. Выходим на подступах к тоннелю. Снег только-только начинает таять, на проталинах много подснежников. Сильно выбитые скотом зеленые лужки. Высокогорные отели. Собираем фиалки, цикламены, сциллу, хохлатки. На склонах сосняки,

ельники и рододендрон понтийский. Андрей идет по крутизне медленно, но упрямо. Под конец неожиданно обессиливает, еле дышит. Сидим у шоссе. Ждем попутного транспорта. Удачно, через несколько минут нас подбирает легковая машина. По виражам идеальной дороги моментально съехали вниз. Внизу окунулись в жару.

По-весеннему тепло. Светские вечера продолжаются. Часто заходит сосед мингрел Хвича – беженец из Сухума. Веселый и бесшабашный, он торгует люстрами и угощает нас лепешками с мясом и пивом. Андрей грустный, совершенно отрешенный. Таким я его до сих пор не видела. Ехать снова на перевал, на южный склон я считаю безумием. Мы с Леночкой долго отговариваем Андрея. Но он непреклонен.

11 апреля. Рано утром мы снова поднимаемся к перевалу Зигана. Теперь тоннель охраняется военными. За тоннелем южный склон порос сосняками. Фрагментами растет пихта Норманна. Кое-где в распадке лежит снег. Только-только отрастают розетки коровяка, тысячелистника, живучки, душицы, дороникума. Поют птицы. Андрей медленно идет вверх. Задыхается, но идет.

Пакуемся. Собираемся в Самсун, где планируем работать несколько дней до отлета. Андрей спорит, хочет ездить по Турции до последнего срока - 24 апреля.

Прощальный вечер в Трабзоне. В странном ресторане на стене высоко висят два больших телевизора. Зал заполнен курящими и орущими турками. Транслируют футбольный матч. Мы в этом ресторане в прошлом году ели котлеты. Поэтому Андрей заказывает пельмени - ему хочется русской еды. Их специально варят в соседнем ресторане, приносят в судках клеклое соленое тесто. Но Андрей гордо ест…

12 апреля. Наутро прощаемся со стариком у грязной стойки, с Хвичей и длинным медлительным студентом.

Жаркий ветер. Андрей еле передвигает ноги - снова приступ. Тащим вниз узкими улочками большие сумки, набитые гербарием. На терминале – разъезд после байрама. Все автобусы полны. Это дает возможность заработать владельцам микроавтобусов.

С 11 до 17 часов, без перерыва, мчимся по извилистому, очень жаркому шоссе вдоль моря. Салон заполнен багажом, поэтому шевельнуться невозможно. Мелькают знакомые городки: Териболу, Гюмюшане, Орду. Все они связаны с воспоминаниями о прошлых поездках.

Самсун – большой город на берегу моря. Андрей ходить не может, сидит на вещах. В отеле «Диван» Андрей с трудом поднимается вверх по крутой лестнице на второй этаж. Лифта в гостинице нет. У нас маленькая, но сухая комнатка, газеты сохнут хорошо.

Вечерняя прогулка к лиману. Только что по телевизору мы видели веселую собачку, которая дружит с уткой. Собака плавает и ласкает утку. И вот перед нами этот же пруд - у нас перед глазами эта же утка и собачка.

13 апреля. По ровной дороге на восток 75 километров обошлись нам в копеечку. Пустынный песчаный берег моря. Море тихое и прозрачное, еще очень холодное. В искусственных тополевых лесах влажно и жарко, много комаров.

14 апреля. Последняя экскурсия. Едем на запад в Бафру. Цветут плодовые: айва, груша, черешня. В безлистном весеннем грабинннике цветет рябчик, примула уже отцвела. Весь склон желтеет блестящими лютиками. Собираем все подряд. В траве ползают многочисленные черепахи. Леночка сфотографировала Андрея на память. Он сидит за своей работой с папкой среди блестящих яркожелтых лютиков.

На обратном пути микроавтобус мчится вдоль побережья на предельной скорости. Промчались

мимо ферулы - поэтому приходится потом ехать за ней под вечер. Она желтеет на холмах - к ней можно подойти только перейдя мост. Из последних сил Андрей взбирается на мост. Удается собрать цветущие растения. Это последний в его жизни сбор.

Шумный вечерний город. Полно магазинов, отелей. Нам нужно организовать отъезд. Рано утром к отелю подъезжает старинная арба: два больших колеса, плоская платформа и возница вроде рикши. На арбу наваливаем разросшийся багаж.

Анкара. Билеты забронированы на следующий день. Тихая гостиница. За окном сверкает огнями огромный город. Андрей очень болен. Еле ходит.

Наутро без проблем достаем такси, едем мимо древних развалин в парадный аэропорт. Жарко.

В Москве минус 5 градусов. Все серо и буднично.

Поездки по Турции в 1998 г.: Март-апрель: Бартын, Кастаману, Амастра, Трабзон, Мачка, Мериаманэ, перевал Зигана, Бафра.

1999 Я надеюсь на больницу. Андрей сопротивляется. Вызываю скорую помощь, целая бригада раздумывает: класть – не класть. Везут в Боткинскую больницу. Жуткий приемный покой, рядом умирающие. Долго оформляют. Никто никуда не торопится. Кардиологическое отделение, затхлая палата. Рядом - умирающий старик с трубкой, через два дня он умер и долго лежал в коридоре.

Никто Андрея не лечит. Все его мысли - о докторской диссертации, которую он должен оппонировать. Он хочет присутствовать на защите, наивно боится, что его не выпишут. А его, наоборот, выписали до срока. Отеки на время сняли. Временами становилось легче.

На защиту в университет он пришел в новом костюме, купленном в Турции - в нем он выглядел очень прилично. Но лицо больное, говорил через силу. Мы тихо шли к метро, ехали домой привычным путем, но для него это было последний раз. А как он любил выступать на ученых советах, на симпозиумах! Остроумно, интересно. Это была его единственная трибуна.

Мы оформляли документы в Турцию, надеялись на длительную командировку.

В мае под вечер я приехала на дачу прямо из Твери. Договаривались – он приедет туда раньше, а его нет. Места себе не нахожу. И вот спустя всего полчаса вижу – пришел с другой стороны, пролез через разломанный забор. Сразу стало спокойно. Он рядом.

В мае он много работает. Мы собираемся на съезд ботанического общества, открывавшийся 25 мая. Много говорили о том, что ехать в поле не стоит, а стоит отдохнуть на даче, взять отпуск. На это я возлагала все надежды.

Я уезжала, как обычно, на неделю в Тверь, и он меня провожал, родной и близкий. Расставаться не хотелось. Моя подруга сломала ногу. Поэтому я приехала в Москву на день раньше. Андрей меня встречал, но мы разминулись. Я приехала домой одна, а он за мной следом - плохая примета, сердце сжалось.

Опять начались приступы. Вызывали скорую помощь. Снова ложиться в больницу он категорически отказался. Впадал в отрешенное состояние, что меня приводило в отчаяние. Я требовала, чтобы он пошел в университетскую поликлинику, чтобы был под наблюдением врача. Но он говорил, что в ней нет хороших врачей, лечат формально. Был прав. Наконец 22 мая пошел, но там его гоняли по этажам за страховым полисом, а потом потребовали срочно лечь в больницу. Отказался.

Через три дня открывался ботанический съезд. Он должен был докладывать (вместе со мной) о наших исследованиях в Турции и в Гималаях. Как он хотел рассказать об этих поездках! Все они

были сделаны на одном голом энтузиазме, особенно в Турции. Девять серьезных, полноценных экспедиций!

Перед съездом решено было заехать на один день в Тверь, а оттуда ехать в Петербург, на съезд. Перед отъездом он долго искал командировочное удостоверение, так и не нашел. Я его успокаивала, говорила – возьмем бланк в Петербурге. Три раза возвращались. Плохая примета.

Ехали в Тверь вечерней электричкой. По дороге говорили о Петербурге, декабристах. Он рассказывал внучке Гале, которую мы брали с собой, о восстании на Сенатской площади. Поднявшись на 9-й этаж, сказал с гордостью: «И эта высота взята!» Это была его последняя высота. Последний ребяческий поступок, последнее усилие.

По радио шла дискуссия на тему: «Что такое счастье». Он сказал внучке: «Галочка, счастье – это отсутствие несчастья, это ты скоро узнаешь». Это были его последние слова.

По темным улицам Твери мчалась скорая помощь. Инсульт. В больнице он уже не пришел в себя.

Он ушел из жизни рано, очень рано. Ему не было 65 лет. Работал все время. Каждый день. Жил ботаникой.

На открытии съезда по традиции предложили почтить память умерших. Произнесли и его имя. Зал ахнул. Известие было очень неожиданным.

Почти никто не знал, что большую часть жизни он прожил с очень больным сердцем, всегда преодолевал недуги, вел очень активную жизнь и успел много. Мир его праху.

В бюллетенях Главного ботанического сада А.К. Скворцов и В.Ф. Семихов написали некролог. Ни в бюллетенях МОИП, ни в ботаническом журнале некролога не было.

Глава четырнадцатая: Воспоминания друзей, коллег и знакомых

После смерти Андрея, задумав написать о нем книгу, я с Сашей Луферовым – московским ботаником – разослали в разные ботанические учреждения, а также знакомым Андрея просьбу откликнуться и написать свои воспоминания о нем.

Среди друзей семьи – его два студенческих друга: Юрий Евгеньевич Алексеев и Александр Владимирович Владимиров. Юра стал известным ботаником. После окончания университета работает до сих пор в МГУ. Саша Владимиров связал свою жизнь с исследованиями антибиотиков. Многие годы мы встречались по праздникам семьями, обменивались мыслями, радовались становлению детей. Поэтому на первое место я поставила их воспоминания.

Кроме друзей, коллег и знакомых, написала воспоминания и наша внучка Майя Мартынова. В настоящее время ей 17 лет. С Андреем прошло ее детство.

Курсивом мои комментарии.

Алексеев Юрий Евгеньевич

Впервые мне довелось встретиться с А.П.Хохряковым в 1952 году, когда мы оба стали студентами 1 курса биолого-почвенного факультета МГУ. Биологический факультет как самостоятельное подразделение выделился много лет спустя.

Знакомство, сначала поверхностное, завязалось в перерывах между лекциями, в воскресных выездах на уборку картофеля на поля агробиостанции МГУ «Чашниково». Более близким знакомство стало на 2 курсе во время летней практики на Звенигородской биологической станции. Начальником практики в этот период был известный отечественный ботаник И.Г. Серебряков, один из основоположников отечественной эволюционной морфологии растений. Наши занятия на этой практике проходили в одной студенческой группе. Именно в это время я, как и другие сокурсники, почувствовали, что А.П. является необычным человеком. Его отличали, прежде всего, хорошие знания растений и общая высокая биологическая эрудиция. Именно в этот период мы стали звать А.П. не просто Андреем, а Андреем Павловичем. Это шутливое по форме обращение было основано на сознании его эрудиции и увлеченности.

Интересно в этой связи отметить факты, связанные с выполнением тогда самостоятельной работы по экологии. Большинство мальчишек и девчат были заняты отловом рыбы подуст с целью изучения особенностей питания данной рыбы. И если большинство исполнителей этой темы с удовольствием проводили время на реке Москве, то А.П. выполнял самую ответственную работу. Он сидел за микроскопом и бинокуляром и определял те объекты, которые находили в желудках подуста. Бригада, выполнявшая эту работу, сама выбрала А.П. для анализа крайне трудного материала. И он «безропотно» принял это решение, осознавал его важность для «судьбы» всей бригады.

Конечно, уже в это время он усиленно занимался гербаризацией и много времени проводил с определителем растений. Он много самостоятельно экскурсировал в окрестностях звенигородской биостанции. Его увлеченность стала нам очевидна, и уважение к нему постепенно росло. Однажды к концу выходного дня, когда студенты возвращались из Москвы, А.П. появился на ЗБС совсем с другой стороны. Оказалось, он пешком прошел от станции Истра Рижской железной дороги и лесами, болотами добрался до биостанции. Мне запомнился его измученный и одновременно вдохновленный новыми впечатлениями вид. И, конечно, он собрал многие неизвестные нам в тот период растения.

Чуть позже мне стало понятно, что одна из особенностей А.П. – это исследовательская страстность. Об этой черте ученого, настоящего ученого, как известно, говорил известный отечественный физиолог Павлов. А в лице А.П. я впервые увидел именно человека с такой чертой характера. Она сохранилась у А.П. на всю его жизнь. Ею определялось его постоянное стремление изучать живую природу, много читать и постоянно писать.

Передо мной проходят многочисленные примеры его увлеченности ботаникой, органической потребности видеть новые ландшафты, собирать растения и все время думать, писать и читать. Круг научных интересов А.П. очень широк – морфология, систематика, флористика, ботаническая география, проблемы эволюции, и в каждом из этих разделов ботаники он оставил глубокий след. Их анализу и оценке, естественно, могут быть посвящены специальные исследования.

Страсть к изучению у А.П. была круглогодичной. В студенческие годы его экскурсии, многие из них совместные, продолжались до октября-ноября. В Подмосковье мы совершали маршруты, соединяющие пункты смежных железных дорог (Киевской, Белорусской, Павелецкой, Курской и др.). И конечно, во время таких походов мы не только наблюдали, но и постоянно рссуждали о ботанических проблемах.

После окончания университета А.П. сначала проработал учителем средней школы один год. Затем он уехал работать по договору в институт биологических проблем Севера. Работа в Магадане открыла большой и ценный в творческом отношении период жизни А.П. Была изучена флора огромного региона, описано много новых видов как им самим, так и разными

специалистами по отдельным систематическим группам (например, один вид Draba описал А.И.Толмачев). Параллельно А.П. интересовался проблемами эволюции цветковых растений, и в том числе формированием разных жизненных форм. По всем этим вопросам он писал многочисленные статьи и книги.

Было очень интересно встречаться с А.П. в магаданский период его жизни, когда он приезжал в Москву в отпуск или командировку. Он привозил много диапозитивов, огромный гербарий и массу живых впечатлений. Он рассказывал не только о Колыме, но и о Камчатке и других районах Востока нашей страны. Мне было ясно, что А.П. сформировался в великого труженика науки. Находясь в Москве, даже во время дружеских застолий, в перерывы, А.П. удалялся в соседнюю комнату, и мы находили его там сидящим за пишущей машинкой. Работа его мысли была беспрерывной, пока он бодрствовал.

Владимиров Александр Владимирович

С Андреем Павловичем Хохряковым я учился в МГУ на биологическом факультете (в то время он назывался биолого-почвенный). Знакомство с ним, перешедшее в дружбу, состоялось в 1953 году на втором курсе, куда я был переведен с заочного отделения факультета. Дружба эта продолжалась до его кончины.

В мою задачу не входит разбор и оценка его вклада в ботаническую науку, это сделают другие. Тем более что я, окончивший МГУ как ботаник, начал и продолжал работать совсем в другой области биологии. В кратких воспоминаниях своих я остановлюсь на впечатлениях от общения с Андреем Павловичем главным образом в период студенчества. В последующем встречи проходили, по разным причинам, изредка, в частности, потому, что лет 10 он работал в магаданской экспедиции.

Итак, второй курс. Сентябрь. Первый день занятий. Начинаются они (и заканчиваются) лекцией академика А.И. Опарина в Большой аудитории старого здания на Моховой. Тема: «Возникновение жизни на Земле». Пришел рано. Я новенький. Никого не знаю. Присматриваюсь к людям. Они постепенно заполняют аудиторию, рассаживаются. Входящих встречают веселым смехом. Но вот вошел студент небольшого роста, в очках, с виду – серьезный, одетый несколько небрежно. В аудитории оживление, шум: ему рады. Становится ясно, что этот человек пользуется в коллективе симпатией. Это был Андрей Хохряков.

Началась лекция. Гул, однако, не прекращается, становится трудно слушать. Еще бы: первый день вместе после каникул! Явно жизнь в настоящем в тот день была интереснее процессов возникновения жизни.

Такова была первая встреча с Андреем Хохряковым. Постепенно знакомясь с товарищами, я дошел и до Андрея Хохрякова. Его очень уважали. При общении без тени иронии называли Андрей Павлович. Я скоро убедился, что уважение было следствием больших знаний в ботанике, которой Андрей занимался с ранних лет и которую очень любил. Откуда такое пристрастие – не знаю: и отец, и мать, и старший брат, как я понял, были от ботаники далеки.

Интерес к ботанике у Андрея пробудился рано. По рассказам матери Ольги Андреевны, он в эвакуации (а это, видимо, лет от роду десяти) ходил уже на ботанические экскурсии, привлекал туда с собой местных ребятишек, которые не выдерживали темпа, «сходили с дистанции» досрочно. Он же возвращался под вечер.

Любовь к ботанике нас сблизила. Мы, однако, отличались по интересам: Андрей тогда – флорист, я – анатом-«древесинщик». Наша дружба проявлялась и так: бывая у меня, он любил,

взяв интересную для него с полки книгу, погрузиться в в чтение, что длилось почти до самого его ухода. Был молчалив. Никакой неестественности при этом мы не ощущали.

В период студенчества Андрей чувствовал себя довольно уверенно; видимо, уже приобретенные и постоянно пополняемые знания и природный ум позволяли это. Но он никогда не проявлял признаков зазнайства, превосходства над другими. Человек он был скромный и добрый.

Были ли у него авторитеты в науке, также среди преподавателей? Не сомневаюсь, что были. Но его высказываний на этот счет не помню. С годами Андрей стал видным ученым в своей области, защитил докторскую диссертацию.

Как-то на встрече, состоявшейся после смерти моего друга, один из выступавших сказал, что он «разбрасывался». Думаю, что правильнее говорить о разносторонности его научных интересов. Косвенно и я могу свидетельствовать в пользу этого. Уже по окончании университета я неожиданно встретил Андрея в лаборатории у В.В. Сахарова, видного генетика, автора полиплоидной гречихи. При мне Владимир Владимирович обратился к Андрею, сказав: «Иди, Андрей Павлович, посмотри корешки». Как видно, оживление генетических исследований в нашей стране для Андрея было не безразлично.

Вспоминая нашу дружбу, не могу не остановиться на том, как Андрей после второго курса брал меня в поход с целью поиска редкой орхидеи венерин башмачок. Состоялся он сразу после экзаменов, перед летней практикой. Я считаю, что это была моя первая настоящая ботаническая экскурсия. Поехали в Вербилки по Савеловской дороге. Я был удивлен, что нужно выезжать в 12 часов ночи, но раз надо… Никогда не забуду этой поездки. Конец мая. Рассвет. Ясное утро. Еловый лес. Полно цветущей купальницы. Роса блестит на солнце. Красота неописуемая. Нагнув голову, Андрей идет, внимательно вглядываясь в травяной ковер, отрешившись от всего постороннего. Конечно, он видит неизмеримо больше, чем я. Часов через семь похода Андрей нашел цветущий экземпляр башмачка. Я уже «готов». Сил нет. Усаживаюсь на обочину. Прелести природы как-то отдаляются. А он только входит во вкус. В общем, я не выдержал, сбежал на станцию. А настоящий ботаник, не обидевшись на меня, продолжал свой путь.

Андрей, образно говоря, дал мне хороший пример. В науке нельзя останавливаться: нужно постоянно идти вперед, несмотря на усталость. Он и в жизни следовал этому принципу. В конце своей жизни, по-видимому, уже серьезно больной, бывал в экспедициях, не щадил себя, ходил в горы, собирая растения для гербария.

Не долечившись, ушел из больницы, так как в Петербурге открывался ботанический съезд. Как же не быть на съезде! На пути в Санкт-Петербург его настигла смерть. Она явилась для меня и моей семьи полной неожиданностью, ведь Андрей не производил впечатления больного. Видимо он, мужественный человек, умел это скрывать. Скорбь о тяжелой утрате мы испытывали долго. Осталось и какое-то светлое чувство, когда вспоминаешь о дружбе с таким замечательным человеком. Память об Андрее Павловиче Хохрякове мы сохраним на всю оставшуюся жизнь.

Мартынова Майя

Первый класс. Утро. Дедушка ведет меня в школу. Совсем недавно, гуляя в школьном сквере, дедушка говорил: «Вот здесь ты будешь учиться через год». И вот теперь он ведет меня учиться. Стоим и молчим. Он говорит: «Где твой портфель?» А его нет. Дедушка незаметно ушел. Я осталась одна. Он так же незаметно вернулся с портфелем. Так было приятно стоять рядом с ним!

Со следующего утра дедушка заходил к нам в комнату с палкой (он использовал ее для зарядки) и тыкал ее в ноги, «будил». Мы с сестрой нехотя вставали. Как-то он с бабушкой уехал и на следующее утро не пришел нас будить. Мы, конечно, проспали. Его отсутствие сразу ощутилось в полной мере.

Каждое утро он делал зарядку. Любил особенно перед телевизором встать с палкой и крутить ее на плечах. Он часто забирал меня из школы. Любил нам читать разными голосами, изображая персонажей, с иронией, хорошо все выделяя.

Я иногда говорила: «Хочешь, я прочту тебе стихотворение?» –«Читай». Я читала, а он в конце подчеркивал, что читать надо «с чувством, с толком, с расстановкой». Это он часто повторял. Любил после того, как что-нибудь прочитывал (басню или рассказ), спрашивать: «Ну, и какова же мораль?» Я, конечно, всегда отвечала. Он так говорил: «Правильно! Самое главное – это мораль».

Перед выборами первого президента России мы были в Твери. Народ в трамвае взбудораженный. Дедушка говорит: «А вы спросите у детей, кого в президенты выбирать». И сам спросил у маленькой девочки, за кого надо голосовать. Она ответила: «За Ельцина».

Хорошо помню, как в первый раз ехала в электричке с дедушкой в Тверь. Почти весь путь три часа он молча читал. Обещал Волгу в Твери показать. Еще он речку Тьмаку любил. Помню его на Дне города в Твери. Мы сидим на лавке в первом ряду, а перед нами два музыканта с гитарами исполняют песни собственного сочинения. Дедушка говорит: «Один лучше другого!» Помню, пришла в ботанический сад семья, и дедушка для них проводил экскурсию. Мы с сестрой подошли, стали слушать. Так было здорово, что этот человек, который знает все о любом растении в этом саду, и это семейство с таким вниманием его слушает, этот человек - наш дедушка, а мы его внучки! Это было счастье!

Его характер мне очень нравился. Всегда спокойный, неторопливый, без всякой посторонней суеты, взгляд серьезный, сосредоточенный, даже когда смеялся, глаза оставались серьезными. А смеялся он не так уж и редко, особенно когда смотрел ехидные передачи Шендеровича про политику и «Куклы». «Куклы» ему особенно нравились.

Любил животных. Всегда приговаривал: «Кота на мясо изрубили». Животные его тоже любили. Часто можно было увидеть такую картину: дедушка сидит в кресле, а на нем бок о бок расположились кошка с собакой – русская голубая с Бишкой. Любил их потискать, погладить.

Что бы я его ни попросила – всегда делал с энтузиазмом: нарисовать, рассказать, помочь с уроками, с английским. Галя что-то читала, я попросила дедушку ее нарисовать, он сразу взял и нарисовал ее. А еще помню, когда приехали на Зеленый мыс, сидим в комнате, окно распахнуто во двор, а там стоят какие-то наши знакомые, с которыми мы и поехали. Я попросила нарисовать его одного из них, он так здорово изобразил этого человека на бумаге, даже смешно. Стало очень весело. Я спросила у дедушки, можно ли я покажу этот рисунок этому нашему знакомому, который и был нарисован, дедушка сказал, что можно, и добавил: «Подойди и скажи ему: «Это ваш портрет, это я нарисовала!» Я так прямо подошла и сказала, было очень смешно!

Когда я была во втором классе, я должна была приходить в школу на четыре часа позже обычного. Он меня водил, потому что больше некому было.

Когда поздно вечером приходил с какого-нибудь банкета, то с порога лез в карман и доставал оттуда нам две или три конфеты. Когда Галя была в 5-м классе, он с ней серьезно занимался историей. Я так хотела, что бы и меня он так же учил истории через год... Но этого не произошло. Мне нравилось смотреть, как он пьет чай. Наливает в чашку заварку, крутой кипяток и, не дуя, пьет залпом всю кружку! Терпеть не мог жвачку, вид ее. Любил смотреть сериалы:

«Дикая Роза», «Просто Мария».

Помню его печатающим на машинке, а потом на компьютере. До сих пор слышу звук отскакивающих от его быстрых пальцев клавиш.

У него было всегда настолько ровное настроение, что было трудно догадаться, грустен он или просто задумчив, весел или невесел. Я его очень люблю, всегда буду помнить, как он рассказывал о том, что, когда шмель залетит в цветок наперстянки, то цветок надо зажать и не выпускать шмеля оттуда.

В Турции дедушка взобрался высоко на гору, а мы стоим внизу. Нужно ехать дальше, бабушка его зовет снизу: «Спускайся, Андрей!» А он отвечает: «Не могу, не знаю, как». Мы говорим: «Как залез на гору, так и слезай с нее!» А он: «А я не знаю, как я на нее залез!» Смешно. Помню, как мы собирали растения в гербарий, а дедушка приговаривал: «Вот кто соберет какое-то (забыла) растение, в честь него и назову». Мы сразу же бежали к нему с этим растением.

Дедушка был всегда молчаливым, погруженным в свой огромный внутренний мир, что ни спросишь – все знает, на любой вопрос ответит. Он был живой энциклопедией. Сам он не лез на рожон, но если случалось – ничего не боялся, мог ответить на любую грубость.

Заботился обо мне. Едем на дачу в метро, он сел и попросил рядом мальчугана подвинуться, чтобы я тоже села. Однажды про девочку в театральном кружке, в который он меня водил, сказал: «маленькая пигалица». Мне так понравилось это слово! Иногда мог произнести такую фразу: «Губа не дура!»

Приехали на Зеленый мыс. Мы стоим с дедушкой и смотрим на чайный сад. Я: «Наш сад…» Дедушка: «Уже не наш…» Там же он бревно пилил очень большое. Несколько дней пилил, каждый день чуть-чуть после обеда - и распилил.

Однажды мы с ним пошли в ботанический сад. Входим. Он говорит: «Вот это мой кабинет». Я смотрю: маленькая комната, вся заставлена книгами. Есть микроскоп. Дедушка провел для меня экскурсию, здорово было, даже в оранжереи зашли. Потом мы вернулись в его кабинет и стали смотреть в микроскоп. Открылся удивительный мир! Это было как в сказке! С того дня иметь микроскоп у себя дома – моя мечта!

Как-то зимой мы долго ехали на электричке, потом шли заснеженными улицей, она, кстати, называлась «улицей им. Грибоедова», дедушка тогда еще произнес «Грибоедов, наверное, грибы любил есть». Падали снежные хлопья. Снег скрипел под ногами. Пришли в гербарий. Дедушка стал работать, а я, видимо, мешала. Он говорит: «Я тебя свяжу по рукам и ногам, как гербарий!» И правда – положил и стал перевязывать веревками, как папку с гербарием. Я, конечно, сопротивлялась…

Потом мы пошли гулять по этому институту и зашли в аудиторию. Тишина такая. Входим в аудиторию, а там студенты сидят, много их. Дедушка говорит: «Встаньте и поздоровайтесь. Это ваш новый преподаватель!» Я испугалась и убежала. Студенты засмеялись.

Про преступников он так говорил: «Им всем головы надо отрубить, а то сидят в тюрьме, наши деньги проедают. Потом выходят на волю и опять начинают, опять в тюрьму их сажают и деньги на них тратят. А так: отрубил ему голову, и дело с концом, не надо больше о нем заботиться».

Однажды в школе нам раздали специальные бланки, где наши родители должны были написать пять просьб главе нашего округа. Мама так радовалась, что у нее не один ребенок, а двое, и поэтому можно написать 10 просьб. Написать на моем бланке она попросила дедушку. Он отнесся с полной ответственностью, написав следующее: «1. Изгнать всех дебоширов, пьяниц, хулиганов. 2. Построить подземный переход. 3. Надстроить в школе №152 5-й этаж», так как мы

учились в филиале. Еще что-то написал, не совсем тогда мне понятное. Когда все в классе сдали эти листы учительнице, она их все прочитала и сказала: «Я сейчас хочу прочитать пять самых умных просьб». Прямо так и сказала «Самых умных». И, представляете, первый бланк, который она стала читать, был с просьбами, которые написал мой дедушка. Я была на высоте, все мне завидовали. Когда пришла домой, сразу рассказала, как наша учительница, Галина Андреевна, хвалила дедушку, все были счастливы. Мой дедушка называл эту самую учительницу коммунисткой за то, что она все время говорила, как раньше было хорошо.

Как-то мама послала нас купить яйца. Пошли в одно место, посмотрели на цену, пошли дальше, там дешевле было. Дедушка говорит: «Вот видишь, не зря ходили, сэкономили 1400 р. на одном десятке». Потом подходим к палатке с овощами, дедушка спросил: «Сколько стоит огурец?» Продавец отвечает: «11тыс.р.» Дедушка тогда говорит : «Нет, мы не профессора, чтобы такие деньги платить.» А я подумала про себя: «Какой же ты, дедушка, не профессор? Ты и есть профессор!»

Как-то идем к нашей даче. Темно. Впереди идет знакомая нам дама -балерина Могид. Дедушка любил повторять: «Балерина Могид, которая все могит!» Дедушка нам говорит: «Вы сзади так незаметно подкрадитесь, отнимите у нее сумки и бегите к даче!» Балерина, видимо, все слышала. Стоя у калитки, смотрела довольно долго, не спуская с нас глаз. Дедушка вообще любил шутить. Я как-то подошла с раскраской и спросила, в какой цвет раскрасить оленя и лося, на что он мне ответил: «Оленя раскрась в красный цвет, а лося - в синий». Я немного засомневалась, но в конце концов так и раскрасила животных, потому что была уверена, что дедушка не может ошибиться, но мама, когда увидела ярко-красного оленя и темно-синего лося, пришла в ужас. Я ей рассказала, что, мол, это дедушка сказал мне так раскрасить животных. Мама побежала к нему, а он ей и отвечает: «Скучно же, когда все животные одинаковые - коричневые! А так красиво: олень красный, а лось синий!» Мама еще долго не могла понять, в чем дело, а дедушка все доказывал ей правильность своего цветового решения.

Дедушка лежал в Боткинской больнице. В мой день рождения он отпросился. Придя домой, раздал нам по «киндер-сюрпризу». Было очень приятно.

Когда я вспоминаю дедушку, он встает в памяти как живой, в очках, как будто это все было только вчера.

Антропова Галина Леонидовна

Галина Леонидовна, в бытность нашу в Магадане, – научная сотрудница нашей лаборатории ботаникии института биологических проблем Севера. Она бессменный, выносливый спутник Андрея Павловича во многих маршрутах по Магаданской области.

Наше сотрудничество, вернее, мое ученичество у Андрея Павловича началось в конце 1971 года, когда я попала во вновь организованную лабораторию ботаники, которую возглавлял Андрей Павлович Хохряков. С первого знакомства бросались в глаза его увлеченность, его неистовая устремленность к исследованиям. К тому же Магаданская область была огромным белым пятном в ботаническом смысле и сулила немалые открытия.

30 мая 1972 года, лишь только сошел снег, мы выехали на полевые работы. Это была первая экспедиция с Андреем Павловичем. Сколько же мы в тот раз исколесили километров на нашей машине ГАЗ-66! Всю Омсукчанскую трассу плюс заброс на вертолете в верховья Омолона, трассу Омсукчан-Меренга. Сколько впечатлений! Сколько удивительных мест!

Так началось знакомство с флорой этой обширной территории.

Много экспедиций, бесчисленное количество маршрутов и в дождь, и в снег, и по жаре, и по холоду, с комарами и мошкарой – все было. Но сколько интересных находок! Разве зря эти пройденные неисчислимые километры? И всегда неизменно впереди, размеренным шагом идет шеф, не останавливающийся ни перед какими преградами, будь то сыпучие склоны, труднопроходимые речные долины, каменистые сопки, горные, леденящие ноги, ручьи. Здоров ли, болен ли, солнце или непогода, - наступало утро, он брал гербарную папку на плечо, копалку в руки и в поход – с сопки на сопку, то 15, а то и 25 километров за маршрут.

Мы, сопровождающие его сотрудники, могли остаться в лагере, отдохнуть на хозработах. Но Андрей Павлович был всегда неутомимо в маршруте. Приходит в лагерь, быстро перекусывает и начинает закладывать гербарий. Он всегда следил за тщательностью этого процесса, не терпел небрежности. Он не ругался, если обнаруживал, что кто-то недостаточно тщательно расправляет растения при закладке – обижался. Это нас дисциплинировало больше, чем если бы мы получали словесный выговор.

Работы с гербарием затягивались иногда за полночь, но никогда не могло остаться ни одной не перебранной сетки. Это было его кредо! Гербарий – это то, что в любых обстоятельствах должно быть в полном порядке.

Пока работой были наполнены дни, все спорилось, все шло легко, непринужденно. По-другому было, когда выпадало вынужденное безделье. Точка отработана, завтра должен прилететь вертолет. Но… сваливалась непогода: день, два, неделя… От лагеря не отойти – вдруг прилетит? На Андрея Павловича нападала хандра – он просто не мог без работы! Мы, члены экспедиции, со временем научились излечивать его от этой напасти. У Андрея Павловича была замечательная память и энциклопедические знания - и не только в биологических науках. К примеру, он прекрасно знал историю государства Российского. Это было в 1980 году в верховьях Омолона на реке Жданке. Вертолета все не было, и надежды на его скорое появление тоже не было. Наступили длинные, тоскливые дни. Лагерь и ближайшие сопки погрузились в молочное марево. Шел мелкий занудливый дождь. Днем – сушка гербария, а вечером – ликбез. Мы прослушали курс русской истории, начиная с Рюриковичей. Слушая, исписывали не по одному дневнику, конспектируя лекции. Это не только скрашивало ожидание (мы с нетерпением ждали этих вечеров), но и Андрей Павлович забывал свою хандру и с воодушевлением восполнял пробелы в нашем образовании. А ждать вертолет, ну что же, разве это впервые?

Вспоминаю, однажды попали в непроходимый стланик, ноги и руки слушались уже с трудом, а Андрей Павлович, пыхтя и спотыкаясь, на каждом шагу выдает афоризм: «Кто не любит стланик, из того не выйдет ботаник». Смеясь, преодолеваем и эту преграду, казавшуюся совсем недавно совершенно непреодолимой. И так во всем. Иногда он увлекался в поисках растений и забывал, что сзади тащимся мы, обливаясь потом, стараясь не отстать. Остановится выкопать растение, мы к нему с претензией. Он буркнет: «не буду». И некоторое время мы идем с ним вровень, но потом вновь увлекается. В поле он был совершенно неутомим. Дровишки для печки – всегда на нем. Разобрались с гербарием, выдалось свободное время – он за топор. Когда хорошая погода – гербарий сушили на солнце. А если дождь, да еще обложной? Тут без печки не обойтись, вот и стремился всегда дровишки впрок заготавливать.

С нами часто забрасывались энтомологи. Они никогда не ставили палатки. Андрей Павлович говорил о них: «беспечные вы». То есть без печки.

Гербарий – святыня. И в любых обстоятельствах – это его главная забота.

Как человек, большую часть жизни проводящий наедине с природой, он был не слишком разговорчив. И это было здорово. С ним хорошо молчалось. Но, с другой стороны, ни один вопрос, если он возникал, не оставался без ответа. Немногословность не значит угрюмость. Нет.

Но то немногое, что он говорил, стоило слушать, и главное, нужно было взять на заметку, запомнить, потому что это было всегда нечто существенное.

Свою монографию по биоморфологии розоцветных я никогда не решилась бы написать, если бы не Андрей Павлович – и вдохновитель, и наставник, и редактор.

Самые светлые воспоминания жизни связаны с «полем», а стало быть, и с Андреем Павловичем. Мне приятно осознавать, что такой замечательный человек оказался рядом, определил мой профессиональный, а по сути, и жизненный путь. Потому что «поле» - это не работа, а способ существования. А путешествия, жизнь среди природы навсегда остаются неотъемлемой частью души каждого, кто к этому прикоснулся однажды. Мне повезло. Спасибо, Андрей Павлович!

Бебия Сергей

Директор Сухумского ботанического сада-института АН Абхазии.

Познакомился я с Андреем Павловичем Хохряковым впервые в 1970 году в Ялте, в Никитском ботаническом саду на сессии Совета молодых ученых ботанических садов СССР. Вначале он показался мне малообщительным, замкнутым человеком. Возможно, потому, что он тогда уже носил бороду, выглядел Андрей Павлович гораздо старше своих лет. Атлетического телосложения, в полевой одежде, он выделялся среди участников сессии своим оригинальным обликом. Помню, его доклад на этой сессии был лаконичным и интересным, и, к удивлению всех нас, излагал его он достаточно эмоционально. На заданные ему вопросы отвечал четко и уверенно, как вполне состоявшийся ученый-ботаник.

В Ялту на сессию с Андреем Павловичем прилетела и его супруга, Майя Тимофеевна Мазуренко, тоже ботаник. По своему характеру она была полной противоположностью своему мужу, веселая, общительная, увлеченная своей специальностью. Разница в их характерах обнаруживалась во время ботанической экскурсии группы участников сессии на вершину Ай-Петри. Андрей Павлович был при рюкзаке и гербарной сетке. Наши коллеги Сергей Кузнецов, Геннадий Захаров, Геннадий Куликов, Раиса Галушко с захватывающим усердием вели экскурсию. Вся группа внимательно слушала их. Андрея Павловича среди слушающих не было. К двум часам дня, во время привала на легкий полевой ланч, Майя Тимофеевна разыскала своего мужа где-то вдали от нас и привела. Подшучивая над мужем, с присущим ей юмором, она сказала, что нашла Андрея Павловича в какой-то балке, где он на россыпях склона искал петрофиты и веронику. В ответ ее супруг скептически улыбнулся и молча стал есть свой полевой паек.

Я тогда впервые видел восхитительные «парковые» леса сосны крымской на Ай-Петри. Уловив мое увлеченное любопытство к низкорослым одиночным соснам с приземистой зонтикообразной кроной, Андрей Павлович шутливо заметил, мол, я вижу только деревья, но не обращаю никакого внимания на замечательные весенние альпики Крыма. И он действительно, был прав. Хорошо помню, это было весной, стояла солнечная, прохладная погода. По лощинистым местам из-под земли стали появляться шафран крымский с пурпурной окраской, ирис карликовый и другие растения. Но тогда меня, молодого лесовода, действительно мало интересовали травянистые растения.

На этой сессии и завязалась моя дружба с семьей Хохряковых. В последующие годы мы неоднократно встречались на различных научных конференциях. Всегда находили время для общения и тему для оживленной дискуссии, особенно по вопросам охраны редких видов флоры и растительных сообществ страны, в первую очередь Колхиды. Долгие годы, занимаясь этой проблемой, Андрей Павлович, при случае, как достаточно хороший знаток природы Колхиды

мог дать мне весьма полезные советы и рекомендации.

Будучи в Москве, я неоднократно посещал семью Хохряковых на Ленинградском проспекте. Двери этого замечательного дома всегда были открыты для друзей, коллег. Хозяева отличались радушным гостеприимством. Гость здесь чувствовал себя непринужденно. У них в квартире была богатая ботаническая библиотека, и каждый посетитель мог пользоваться свободно литературой.

Безусловно, общение с Андреем Павловичем всегда было чрезвычайно интересно. Иногда за чашкой чая и вкусными пирожками Маи Тимофеевны наши дискуссии продолжались за полночь, и хозяйке дома приходилось «палкой» отправлять нас ко сну.

Андрей Павлович был хорошим знатоком флоры Кавказа. В одно время он работал в Батумском ботаническом саду и несколько раз приезжал к нам в Сухумский ботанический сад, где имел возможность обсуждать с профессором А. Колаковским различные вопросы систематики и флористики, свои находки новых видов вероники и папоротника на территории Аджарии и Турции.

Последний раз я встречался с Андреем Павловичем в Санкт-Петербурге в БИНе в декабре 1995 года на конференции. На пленарном заседании мы выслушали его содержательный доклад на тему «Феноморфы и феноритмотипы в аспекте их эволюции». Встретив меня здесь, он очень обрадовался и тут же стал подробно расспрашивать о трагических событиях 1992-1993 годов в Абхазии, о состоянии Сухумского ботанического сада, о судьбе нашего коллектива. Выражая искреннее сочувствие всем нам, он с большим возмущением высказывался в отношении агрессии Грузии против Абхазии. Он был очень расстроен, узнав о гибели сотрудников нашего сада, об огромных разрушениях и ущербе, нанесенном ботаническому саду войной. Я тогда не мог представить себе, что эта наша встреча, к великому сожалению, окажется последней. Ведь он всегда выглядел крепким и здоровым, и таким он сохранился в моей памяти. Верно говорят, все мы ходим под Богом.

Безусловно, Андрей Павлович Хохряков был видным ученым- ботаником России, прекрасным флористом, систематиком, морфологом, эволюционистом. Оставив заметный след в науке, он внес существенный вклад в развитие фундаментальной ботанической науки. Его научное наследие всегда будет служить будущим ботаникам и землепроходцам России и Абхазии.

Сухуми. 20.04.2002.

Благодатских Лидия Савельевна

Лидия Савельевна – бриолог. В нашу бытность в Магадане она была научной сотрудницей лаборатории ботаники, которую возглавлял Андрей. И, кроме того, неизменным, аккуратнейшим секретарем Магаданского отделения ботанического общества, которое также возглавлял Андрей.

С Андреем Павловичем Хохряковым я ездила не так много. Но тем не менее, это и кратковременные экскурсии в окрестностях Магадана, незабываемый вертолетный заброс в бухту Лужина, Жданка и Аякс в 1980 году! И сказочные впечатления от путешествия в 1974 году на Чукотку и Курильские острова. Это был как подарок мне по случаю защиты диссертации в том году.

Но самое, возможно, запомнившееся – это первое знакомство с Андреем Павловичем. И как с человеком, и как с азартным, сильным, энергичным ученым, полностью увлекающимся своими любимыми растениями, природой. Знакомство с ученым и путешественником. Это было 8 июня

1972 года. Эту дату я запомнила на всю жизнь, так как это было мое «боевое крещение» на все последующие 20 лет работы в суровых и одновременно прекрасных условиях замечательного края – Магадана, Колымы, Чукотки!

Подлетая впервые на самолете к Магадану, я глаз не могла оторвать от иллюминатора: от бескрайних нагромождений сопок, плоских и остроконечных вершин, еще покрытых снегом, узких распадков и широких долин. Даже представить не могла, что буквально через 4-5 дней я буду карабкаться по этим склонам по следам бородатого, хмурого на первый взгляд человека – моего начальника, заведующего лабораторией ботаники Андрея Павловича Хохрякова. По-моему, было воскресенье или суббота, и он предложил мне посмотреть, познакомиться с весенней природой Магадана. Мы доехали на автобусе до Снежной Долины и пошли вдоль ручья в сопки. Все для меня было необыкновенным, ничего подобного не приходилось ранее видеть, хотелось все сфотографировать. Но только я замешкаюсь со своими восторгами, оглянусь, а Андрея Павловича нет уже, и только следы на снегу, и далеко впереди его фигура, сливающаяся с камнями. Проваливаясь в снегу в своих коротеньких сапожках, я догоняла А.П. Видя, как я постоянно вытряхиваю снег, он бурчал: «Сапоги надо длинные надевать», поднимался и шел дальше в горы. Я снова изо всех сил догоняла, а он поджидал меня. Я, честно, даже рассердилась тогда на него, выбилась из сил. А теперь-то я понимаю – он просто проверял меня. Испытывал, наверное, как я могу ходить, можно ли будет меня брать в забросы на вертолете и т.д.

Все мои физические страдания, усталость были вознаграждены изумительным видом с вершины одной из сопок на бухту Гертнера, остров Завьялова, полуостров Кони!

Но на этом испытания на мою «прочность» в том маршруте не закончились...

Спускаясь уже с сопок, мы заметили, что на склоне, на снегу было много-много каких-то следов. «А это недавно проснулся медведь, а вот и его, видимо, берлога. Возможно, он, где-то поблизости и бродит», – спокойным голосом сказал Андрей Павлович. Боже! Можно представить мое состояние в тот момент. – Ноги подкосились, вся красота отошла на второй план, и одна мысль – скорее уходить с этого места. Тогда я и представить не могла, что впереди у меня будет много-много встреч с этими хозяевами тайги и даже более двух недель жизни с ними «бок о бок» и ходьбы по их тропкам в маршруты, как это было в 1979 году на полуострове Пьягина.

Спуск в долину ручья Арпок по южному склону был не менее изнурительным, чем подъем на сопки. Здесь мне пришлось познакомиться и ощутить все «прелести» ходьбы по стланиковым зарослям, да еще вперемежку с курумовыми выходами. Если раньше я видела фигуру Андрея Павловича, то теперь я догоняла его только по треску сучьев и шуму скатывающихся камней. Порой казалось, что нас догоняют медведи...

И еще одно знакомство с северной природой в условиях Охотоморья, а с ним и новое препятствие, пришлось испытать мне в тот день и преодолеть его, благодаря А.П.

Ручей, по которому мы уходили утром в маршрут, к вечеру, когда мы спустились с сопок, превратился в бурную и довольно широкую реку. Течение буквально сшибало с ног. Что делать? Андрей Павлович вначале перешел сам, разулся, перебросил мне сапоги, и я начала переходить. Но, увы, сила потока была такая, что я удержаться бы не смогла. Тогда А.П. взял большую палку и буквально вытащил меня на берег.

Уставшие, вымокшие, голодные, под вечер мы добрались до поселка и зашли к Сныткину Геннадию Васильевичу – сотруднику нашей лаборатории, где отогрелись и от души попили чайку. Вот какое знакомство было у меня с А.П. Оно вспоминается отчетливо и ярко до сих пор,

и я как будто снова побывала в тех прекрасных местах.

Лидия Савельевна думала тогда, что Андрей испытывает ее. Ничего подобного. Он был так самобытен, что в природе забывал об окружающих и шел вперед, чтобы пройти максимум возможного, не обращая внимания на спутников. Примеров много. И главный его спутник – это я. Так же как и Лида, я тянулись за Андреем, старалась успеть, задыхалась. У меня было одно преимущество: я могла звать Андрея, кричать и просить подождать, что он не всегда исполнял, а остановившись, с досадой чертыхался. Но так же, как и Лида, выбравшись на вершину очередной сопки, я чувствовала радость преодоления, победы, и мои усилия отплачивались изумительными видами, открывающимися с вершины. Трудно сейчас перечислить все сопки, все преодоления. И как бы ни было трудно, теперь, я думаю, это лучшие часы моей жизни.

Бухта Лужина, 1977 год. Полтора часа на вертолете, и мы вчетвером (А.П., Володя Левковский, Галя Антропова и я) оказываемся в «каменной стране» на берегу моря. Даже вертолет еле-еле сел на галечниковую полосу отмели. Кругом почти отвесные обрывы, под одним из которых мы и поставили палатку, за что потом нас «склоняли» по технике безопасности (увидели фотографию). Здесь нам пришлось испытать настоящий шторм на море. Ветер был такой силы, что, казалось, вот-вот сорвет палатки и унесет вместе с нами в море. Из палаток почти не выходили, было страшновато от грохота волн, которые обрушивались на берег. Оказывается, А.П. вставал и все время проверял, докуда дошла вода и не грозит ли это нам.

А Жданка летом 1980 г! Вертолетчики неправильно поставили точку на карте, и нас почти целый месяц не могли забрать. У А.П. тогда разыгрался радикулит от промозглой погоды. Галя Антропова нагревала камни и сковородку и привязывала к спине А.П. И вот в таком полусогнутом состоянии они вдвоем пошли в ближайший поселок за спасением, т.к. веры уже в то, что нас найдут, – не было. И они дошли уже почти до поселка, как увидели, что в нашу сторону полетел вертолет. Галя от радости и чтобы привлечь внимание, бабахнула в него из ракетницы. Вертолетчики, когда прилетели к нам, то были в ужасе, что их чуть не сбили с земли. И смех, и грех, как говорится. Это надо было представить то состояние, в каком находились все мы. У нас там еще был студент Коля из Владивостока, который опаздывал на свадьбу.

А Чукотка и Приморье с Итурупом! Это уже 1974 год.

Я запомнила А.П. в яркой оранжевой фланелевой рубашке. Вы, Мая Тимофеевна, сказали тогда, что специально такие покупаете, чтобы его было видно издалека.

В Приморье я помню нашу поездку в поселок Анисимовку, где мы поднимались на гору Хуалазу. Помню, мы на склоне встретили Microbiota digissata. Нам А.П. рассказывал с Верочкой про нее, что это единственное нахождение в мире, и вдруг – треск в кустах, посыпались камни. «Это, возможно, уссурийский тигр пробежал невдалеке», так спокойно сказал А.П. Мы с Верочкой, конечно, затряслись от страха, схватились за руки. Наверное, он так подшучивал над нами, я думаю. Он всегда это делал с невозмутимым лицом, поэтому было вроде и страшно, а с другой стороны и спокойно. «Он же не боится, так чего же мне бояться», – проносилось в голове.

А на Итурупе? Помните, Мая Тимофеевна, как А.П. спасал рыбу на рыбозаводе? Мы с Верочкой гуляли и слышим, что кто-то еще ходит невдалеке, и увидели А.П. Он, оказывается, открывал «шлюзы» для того, чтобы выпустить рыбу, которую приготовили, чтобы взять у нее икру. Ему ее стало жалко.

А помните ту лодку, на которой вы поставили палатку и в ней жили? Романтика!

Не знаю, как выразить Вам свое соболезнование, дорогая Мая Тимофеевна. Я ведь вот писала и представляю А.П. только живым, даже не верится, что он умер. Я вас не представляю без него, редко какие пары трудно представить поодиночке. Почему-то вспоминается песня в связи с

этим: « Над страной летели лебеди…»

Галанин Александр Владимирович

Директор ботанического сада института ДВО РАН, г.Владивосток

В 1970 г. я был целевым аспирантом первого года обучения в лаборатории растительности Крайнего Севера Ботанического института АН СССР. Мой научный руководитель, доктор биологических наук Борис Александрович Юрцев, определил темой моей кандидатской диссертации сравнительный анализ двух конкретных флор на Западной и Восточной Чукотке. В тот год июнь, июль и август я с коллегами – студентом Тартуского университета Приитом Пярном, студентом Московского университета Николаем Болдыревым и ленинградским школьником Володей Разживиным работали в центре Чукотского полуострова в среднем течении р.Эргувеем. Составляли геоботанические описания и собирали гербарий сосудистых растений. В конце августа я отправил студентов и школьника домой, у них начиналась учеба, а сам решил отвезти полевое снаряжение нашего отряда в п.Бараниху на Западной Чукотке. Там в среднем течении р.Рау-Чуа летом 1971г. мне предстояло отработать второй район, выявить его конкретную флору и описать растительность.

Все сложилось очень удачно так, что 26 августа из Баранихи я уже вылетел в г Магадан – столицу Колымского края. Там мне предстояло познакомиться с институтом биологических проблем Севера, который и направил меня в целевую аспирантуру, познакомиться с заведующим лабораторией ботаники этого института, тогда еще кандидатом биологических наук Андреем Павловичем Хохряковым. Ведь после окончания аспирантуры мне предстояло работать в лаборатории под его руководством. Так что «сверить часы» наших научных интересов было просто необходимо. Андрей Павлович появился в Магадане недавно, всего год или два назад, он приехал из Москвы, чтобы сформировать и развить здесь свою научную школу. Да и институт биопроблем Севера тогда только еще начинался, он выделился из СВКНИИ – Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института, в котором всего год назад был отделом.

Почтово-багажный самолет Ил-14, экипаж которого согласился подвезти меня бесплатно из Баранихи в Магадан, летел над лентой реки Колымы, над бескрайними просторами, флору и растительность которых предстояло до 1985 г. изучать Андрею Павловичу Хохрякову с сотрудниками лаборатории ботаники ИБПС, а потом, с 1985 г. мне с сотрудниками той же лаборатории. Но тогда это было для нас очень далеким, туманным будущим, мы же жили настоящим и, в лучшем случае, планировали нашу жизнь на 2-3 года вперед. Я любовался горными хребтами и белыми кудлатыми облаками, в которые то и дело нырял наш самолет. В голову лезли разные мысли, одна из них о том, что элементарной составляющей растительного покрова является не вид, не сообщество, а особь, впоследствии легла в основу моей докторской диссертации. Тогда я впервые записал ее в своем полевом дневнике.

Магадан встретил меня ласково. Я бодро шагал от автовокзала вверх по проспекту Ленина, любовался лиственницами, росшими вдоль тротуара, симпатичными домами, чем-то напоминавшими ленннградские. В голову лезли стихи колымского поэта о том, что «Был Магадан оленинграден в далекой юности моей». Было невозможно представить, что всего 15 лет назад этот город был столицей колымского ГУЛАГа, так все выглядело здорово. Вскоре проспект Ленина пересек проспект Карла Маркса, и я свернул направо к институту биопроблем. Здесь на углу проспекта Карла Маркса и улицы Дзержинского в трехэтажном угловом доме и располагался институт, в котором я встретился и познакомился с Андреем Павловичем Хохряковым.

Это был бородатый молодой мужчина, окладистой бородой отдаленно напоминавший Карла Маркса. Он сидел за обширным столом, на котором лежала пачка гербария, стоял бинокуляр, были навалены книги, тетради. Помню, что в комнате было тесно от большого количества столов и шкафов, коробок с гербарием. Здесь размещалась вся лаборатория ботаники. Меня с любопытством разглядывали несколько молодых женщин – сотрудниц лаборатории, которые предложили попить чаю. Андрей Павлович солидно представлял мне их: «Светлана Васильевна Чуйко, Галина Леонидовна Антропова, Александра Наумовна Беркутенко - цветы нашей лаборатории». Он сообщил мне, что его лаборатория приступила к изучению флоры южной части Магаданской области, так как флору северной части вот уже несколько лет изучает группа Б.А. Юрцева. Объединивши наши усилия, сказал Андрей Павлович, мы могли бы в обозримый срок выявить флору всей области (Чукотский АО тогда был частью Магаданской области) и написать солидную сводку. В этой работе места хватит всем, в том числе и нам, целевым аспирантам, – мне, Юрию Павловичу Кожевникову, Евгению Александровичу Тихменеву и Лидии Савельевне Благодатских.

С этим трудно было не согласиться. Такая перспектива меня вполне устраивала. Мой будущий бородатый завлаб произвел на меня благоприятное впечатление, милые женщины были действительно милые, да еще полные научного энтузиазма и бескрайней северной романтики. Андрей Павлович пригласил меня домой, а жил он тогда временно на квартире директора института, члена-корреспондента АН СССР Витаутаса Леоновича Кантримавичуса, который находился не то в отпуске, не то в длительной командировке. Квартира директора института тогда была временным пристанищем многих сотрудников, съезжавшихся на работу в формирующийся новый институт. Все мы тогда были флибустьерами и авантюристами, и наша «бригантина» поднимала и расправляла паруса. Сегодня, спустя 31 год, я понимаю, что то время для всех нас было знаковым, и совершавшиеся тогда события были событиями большого круга жизни. А жизнь сложилась у всех нас по-разному. Но все мы оказались в ней тесно связаны друг с другом даже тогда, когда жили и работали в разных городах и очень редко встречались. Институт биопроблем и Северо-Восток России начала 70-х оказались прочным клеем, склеившим наши судьбы.

В последний день августа в Магадан прибыл Б.А. Юрцев. Мы планировали с ним несколько ботанических экскурсий в окрестностях города, прежде чем отправиться в Ленинград. И тут А.П. Хохряков любезно пригласил нас принять участие в короткой экспедиции (всего на 3-4 дня) на Ольское базальтовое плато, которую он организует сегодня-завтра. Он решил заменить нами двух сотрудниц своей лаборатории, Свету и Галю. Был заказан вертолет Ми-4, который должен доставить нас в истоки р.Олы, где на высоте более 1000 м н.у.м. и располагался этот слабо расчлененный базальтовый блок земной коры, окруженный горными цепями, сложенными гранитоидами. Отказаться от такой возможности мы, разумеется, не могли, хотя своим решением лететь очень расстроили девушек.

Юрцев спросил Андрея Павловича, что из продуктов нам следует закупить, на что он ответил, что все уже закуплено и ничего покупать не нужно. Выйдя из института, мы, тем не менее, купили 15 пачек индийского чаю, подумав, что уж этот продукт в поле лишним не бывает. Быстренько упаковали свои рюкзаки и спальные мешки и купили в киоске солидную пачку газет для сбора гербария. Это была газета, которая называлась многозначительно – «Магаданская правда». Когда один приятель в Ленинграде увидел у меня на столе эту газету, то воскликнул: «Надо же, даже такая правда у нас теперь есть!»

На Ольское плато (водораздел рек Олы, текущей в Охотское море, и Малтана – притока р. Колымы) прибыли 3 сентября. Осень иззолотила лиственничные леса, побурели и покраснели луга, болота и тундры. Изумрудились буйные заросли кедрового стланика и кустарниковой

ольхи. На плато мы попали в тундру, леса остались внизу в долине Олы. Сюда же забредали только отдельные лиственнички, которые жались к южным склонам и чувствовали себя здесь явно дискомфортно. Погода была чудесная - настоящее колымское бабье лето. Быстренько поставили палатки, стали разбирать вещи: гербарные прессы и газеты – в одну сторону, продукты, кастрюльки и чайник – в другую, личные вещи – в третью. При разборе выяснилось, что девушки, вместо которых мы прилетели сюда, по ошибке вместо рюкзаков с личными вещами забрали рюкзаки с продуктами. Б.А. Юрцев на это довольно бодро заметил, что на три дня нам еды хватит, что переедать вредно. Кроме двух снятых рюкзаков, с продуктами у нас был еще третий, правда, в нем не было хлеба и было совсем мало сахару.

Андрей Павлович предложил ходить в маршруты двумя группами: он с Геннадием Сныткиным и Б.А. Юрцев со мной. Времени у нас мало, и двумя параллельными группами мы более полно выявим флору плато. Первый маршрут был недалеким, в радиусе километра от лагеря мы вчетвером собрали около сотни видов и составили несколько геоботанических описаний – списков видов с оценкой обилия этих видов в конкретных местообитаниях. Вечером при обсуждении результатов маршрута Андрей Павлович и Борис Александрович много рассуждали о своеобразии флоры плато, о ее сходстве с флорами тундровой Чукотки. Я тогда записал в своем дневнике: «Юрцев и Хохряков обратили внимание во флоре плато на разные вещи. Юрцева больше заинтересовала связь этой флоры с флорами тундровой Чукотки, как и когда происходил обмен видами между этими регионами. Хохряков же больше размышлял о том, как на плато протекали процессы видообразования, как шла эволюция жизненных форм.» Геннадий Сныткин рассказывал о своих наблюдениях над лесными пожарами. Я же в основном слушал, так как был всего лишь аспирантом первого года обучения, слушал и думал.

За три дня работы на плато мы обнаружили много интересных видов сосудистых растений: Phyppsia algida, Poa platyantha, P. breviramosa, Carex glacialis, C. gynocrates, Luzula beringensis, Salix khokhrjakovii, S. jurtzevii и многие другие. Это потом по нашим сборам А.К. Скворцовым были описаны два новых для науки вида ивы - Хохрякова и Юрцева, а тогда мы ломали головы над тем, что же за ивы мы собрали. Находка нами кляйтонии Васильева на Ольском плато сильно расширила представления о географическом ареале этого приберингийского вида. До сих пор он был известен только из окрестностей Берингова пролива, и то всего из 2-3 точек. Флористические открытия так и сыпались. Благодаря Андрею Павловичу мы попали в самое настоящее ботаническое Эльдорадо.

Прошло три дня, но вертолет за нами не прилетел. Мы продолжали наши исследования. Каждое утро упаковывали спальные мешки и рюкзаки так, чтобы в случае прилета вертолета быстро загрузиться и лететь. Затем шли в тундру, составляли геоботанические описания и собирали растения в гербарий. Далеко от лагеря уходить мы не решались, но на пару километров удаляться рисковали. В случае прилета геликоптера эти два километра можно было пробежать за 15 минут – время, за которое наш дежурный мог погрузить все вещи. Сосудистые растения были собраны, и я решил собрать коллекцию мхов и лишайников, ведь Ольское плато оказалось очень оригинальным районом в плане флоры сосудистых растений. Подобную оригинальность можно было предполагать и для флоры мхов и населения лишайников. Юрцев и Хохряков эту мою инициативу поддержали и помогали делать пакетики.

Прошло еще два дня, погода резко испортилась, пошел дождь, сделалось холодно, у нас закончились продукты. Вертолета все не было. Плато затянуло густым туманом. Мы решили пойти в сторону р. Малтан, разыскать там аборигенов-оленеводов, разжиться у них продуктами и попросить помочь нам вывезти груз на Колымскую трассу на оленях. В этот поход рано утром 9 сентября отправились я и Б.А. Юрцев. Шли вниз по ручью целый день, вымокли, прошли не менее 20 км и дошли до лагеря оленеводов. Увы, лагерь был пуст, если не считать двух-трех

собак, убежавших от нас в лес. Мы обошли все палатки и чумы, но ничего съестного не нашли. На столах стояли радиоприемники, разная посуда, можно было взять одежду, шкуры, но продуктов не было. В одной из палаток оставили записку с просьбой о помощи и не солоно хлебавши отправились обратно. На самом краю стойбища на берегу ручья увидели плотно закрытые алюминиевые фляги. Я открыл одну крышку и отшатнулся от резкого запаха. Это был знаменитый копальхен – квашеное мясо, которым аборигены на Северо-Востоке кормят собак. В голодное время едят его и сами.

Я не думал, что мы сможем есть этот копальхен, но другой пищи не было, и мы взяли несколько кусков, тщательно завернув в полиэтиленовую пленку, чтобы не пахло. Юрцев шел впереди, я с копальхеном сзади. Идти за мной ближе, чем за 20 м, было просто невозможно. В наш лагерь мы вернулись уже ночью, так как не евши на подъем идти было тяжело. Замочили копальхен в ручье и утром сварили. Поели копальхена кто сколько смог, и… зря. Такого расстройства желудка у меня не было ни до того, ни после того. Не лучше себя чувствовали Юрцев и Сныткин, а вот Андрей Павлович пострадал еще больше. Его сильно рвало, и никакие средства из походной аптечки не помогали. Весь день 10 сентября мы страдали расстройствами желудков, лежали в холодных палатках, закутавшись в спальные мешки и надев на себя всю одежду. Было холодно, в воздухе порхали снежинки.

Через два дня к нам приехали эвены и привезли немножко продуктов. Они вернулись в свой лагерь, прочли нашу записку и решили помочь, хотя и у самих продукты были на исходе (!). Завтра они сворачивают свой лагерь и откочевывают вниз по Малтану на Колыму, сопроводить нас на Олу и трассу не могут, а вездеход у них сломан. Пригласили нас идти с ними вниз по Малтану. Посовещавшись, мы отказались. Решили подождать еще 3-4 дня и, если вертолета не будет, выходить на трассу пешком, захватив с собой коллекции, а палатки, посуду, тяжелую верхнюю одежду и спальные мешки решили оставить здесь до лучших времен. Андрей Павлович пообещал специально слетать за ними на вертолете. Но собранная коллекция была огромной, на каждого пришлось примерно по 15 кг, ведь собранные нами растения нисколько не высохли. Минимум личных вещей, которые предстояло нести, каждый определял сам. Тяжелый топор и котелок решили нести по очереди. Я попытался взять часть груза Андрея Павловича себе, так как после поедания копальхена он еще не оправился, я же был моложе и, благодаря дополнительному количеству закупленного чая, от расстройства желудка избавился. Но Хохряков уперся и делиться своей ношей со мной не стал.

Прошло еще два дня, погода только ухудшилась. Скудная еда заканчивалась, если не считать заварку, надежды на вертолет рухнули окончательно. Решили идти на трассу завтра рано утром. Вот запись из моего дневника: "С утра ходили в маршрут на южный край плато. Боже! Какой отсюда величественный вид открывается на Олу и ее притоки. Бесчисленные горные цепи покрыты пожелтевшими лиственничными лесами. Искали кустарник из семейства бобовых – Caragana jubata, его приводил для Ольского плато Васьковский, но не нашли. Зато на дне скалистого края нашел огромные рога снежного барана – редкого вида, позднее занесенного в Красную книгу России. Тащил их в руках до самого лагеря около 10 км. На краю плато нашли множество круглых каменных шаров – вулканических бомб. Внутри этих бомб пустота, и внутренняя стенка выложена топазами, кристаллами горного хрусталя, еще какими-то красивыми минералами. Насобирали еще и камней. В распадке по ручью ели красную смородину, ее очень много, но голода она совершенно не утоляет. А вот изжога от нее такая, что в желудке дырки проедает. Сегодня на обед было по две чайных ложки сахару, по кружке бульона из протухшей головы горбуши и граммов по 50 черствого хлеба. Гена Сныткин отчаянно пытался разыскать что-то съестное в рюкзаках девушек-лаборанток, которые по ошибке вместо личных забрали общественные рюкзаки с продуктами. Съестного там не было

никакого, он поочередно вытаскивал бесчисленные бюстгальтеры и трусики, тупо их разглядывал и клал обратно. Андрей Павлович отчаянно пошутил: «Хоть этого у нас много». День подходит к концу. Снова пошел дождь, да еще со снегом. Костер уже погас. Хорошо, что успели высушить одежду. Хочется есть, в спальнике мерзнут ноги. Скорчившись в спальниках, мы обсуждали детали предстоящего маршрута. Предстояло примерно 5 км идти на подъем к краю плато, затем 3-4 км спускаться по крутому скалистому и осыпному склону в истоки Олы и далее около 60 км идти вниз по реке без дорог, в лучшем случае звериными тропами до моста. Здесь Колымская трасса пересекает р. Олу, отсюда мы можем уехать на попутках. Останавливаться на ночлег не будем, так как у нас не будет палаток, спальников и теплой одежды. Мы подбадривали друг друга, но каждый понимал, что маршрут наш будет очень тяжелым.

А переход оказался значительно тяжелее, чем мы себе представляли, ложась спать. Ночью выпал снег, да такой, что слой его доходил нам до колен. Утром разожгли костер, вскипятили воды и напились крепкого чаю без сахара, съели по маленькому кусочку хлеба. На дорогу у нас было по кусочку хлеба, два стакана рисовой крупы и пять пачек индийского чаю. Мы с тоской смотрели на пологий заснеженный склон, который уходил до горизонта. Вверх по этому склону в глубоком снегу мы шли не менее четырех часов. Снегопад продолжался. На самом краю перед спуском сделали привал, поздравили друг друга с первой победой. Но самым страшным оказался спуск по крутому каменистому заснеженному склону. Мы падали, поднимали друг друга, подбадривали, местами скользили несколько десятков метров на «пятой точке», снова шли, осторожно ощупывая ногами камни под снегом. После трех часов спуска мы оказались на берегу малюсенького ручейка, сочащегося из-под огромной каменной россыпи у подножья склона. Это была р. Ола. Я вспомнил, как велика эта река у моста, и понял, как далеко нам придется тащиться. Это поняли и мои спутники.

Внизу снегопад превратился в спорый холодный дождь, от которого мы насквозь промокли уже через полтора часа ходу от истока реки. Мы уже не разговаривали, мы тупо глядели себе под ноги и шагали словно автоматы. Топор и чайник несли по очереди, и с каждым очередным разом топор становился все тяжелее. Геннадий Сныткин предложил бросить его, но Андрей Павлович молча взял у него топор и понес вне очереди. Через полчаса мне удалось уговорить отдать топор мне. Дальше чайник несли по очереди Юрцев и Хохряков, а я как самый молодой нес топор. После того похода я очень внимательно относился к весу снаряжения и всегда выбирал самое легкое. Но с топором никогда не расставался. Топор в маршруте в тайге – это жизнь. В этом мы убедились, когда решили развести костер, отдохнуть и съесть все наши продукты.

Развести костер не удавалось, все вокруг промокло насквозь. Мы заспорили о том, каким способом следует разводить огонь. Так и не придя к единому мнению, стали разводить каждый своим способом. Один пытался собрать тонкие сухие сучья и ветки лиственницы и разжечь их, другой сдирал грубую кору с корявых каменных берез и с ее помощью хотел разжечь лиственничные сучки, третий тесал сухую лиственничную лесину, пытаясь дорубиться до не промокшей древесины, четвертый ничего не собирал и не разжигал, а молча сидел под лиственницей и убеждал нас, что все бесполезно и костер нам не разжечь. Вопреки пессимисту, мы костер развели, срубили несколько лиственниц, сварили кашу, чай, отогрелись и даже несколько обсушились.

Но после привала стало быстро темнеть. Ждать нам было нечего, и мы решили идти, двигаться - медленно, но двигаться, упорно продвигаясь к трассе. Дождь не кончался, а ночью он мог превратиться в снег. По нашим грубым прикидкам, мы прошли примерно половину пути. И мы шли после привала всю ночь, шли по шуму реки, которая была справа, то удаляясь от нас, то приближаясь. Когда она от нас удалялась, идти было легче, – мы шли по надпойменной террасе,

а вот когда река текла совсем рядом, мы с трудом продирались через пойменную урему, переходили бесчисленные протоки, заполненные водой. Местами нам попадались звериные тропы, и тогда шагать становилось намного легче. После каждого часа пути мы делали привал на 10-15 минут. Поднимались, как только становилось холодно, от ходьбы разогревались, снова отдыхали, снова шли… Казалось, что нашему пути не будет конца.

Ночь закончилась, новый день был такой же дождливый. Мы двигались в полуобморочном состоянии, подчиненные одной мысли - не останавливаться, идти, медленно, но идти, иначе можно незаметно умереть от переохлаждения. Есть уже никому не хотелось, были только слабость и отупение. Как прошел этот день, я не помню. Помню только, что бросил топор, когда услышал шум машин на трассе. На трассу к мосту мы вышли уже затемно. Последние 5-6 км шли по довольно накатанной грунтовой дороге, по которой вывозили заготовленный лес. Вышли на трассу и стали останавливать машины, но водители не обращали на нас внимания и, не снижая скорости, проносились мимо. Так мимо нас промчалось не менее 20 грузовиков. Совсем отчаявшись, мы вышли на проезжую часть шоссе, сели на наши рюкзаки и взялись за руки.

Грузовик остановился, водитель, ругаясь матом и размахивая монтировкой, бросился к нам, но, разглядев, в каком мы состоянии, взял двоих – Сныткина и Хохрякова - к себе в кабину. Андрей Павлович наотрез отказался уезжать первым. «Я, - сказал он, – заварил эту кашу и должен уехать последним». Юрцев не хотел оставлять меня и Хохрякова на дороге, боясь, что нам не остановить следующую машину. Водитель, видя наши препирательства, подождал, остановил следующий автомобиль, в который сели я и Юрцев, и мы поехали все четверо. Оказывается, неподалеку из лагеря (да, в 1970 г. на Колыме еще были лагеря!) сбежало несколько заключенных, и водителям на трассе было строго-настрого запрещено подбирать незнакомых пассажиров. Мы, наверное, очень сильно были похожи на сбежавших зеков. Никакой еды у водителей не оказалось, наша голодовка продолжалась, но уже часа через два-три мы были в большом поселке Палатка, в столовой для трассовиков. Помню, что была уже ночь. Мы стояли в очередь за едой, я тупо ставил на свой поднос всевозможные тарелки с котлетами, борщами, салатами, а наш водитель, стоявший в очереди за мной, снимал их и ставил обратно. Он понимал, что если я с голодухи все это съем, то отправлюсь к праотцам.

Смутно припоминаю, что, поев, мы улеглись на пол в углу столовой. Было тепло и спокойно. Кто-то дал нам сухую одежду, так как наша была мокрая насквозь, в рюкзаках тоже все промокло. Через несколько часов нас разбудили, пришел рейсовый автобус на Магадан. Мест в нем не было, но нас взяли. Мы легли на полу в проходе между креслами и продолжали спать. Проснулись уже в Магадане. От автовокзала до гостиницы, в которой оставался забронированным наш номер с нашими вещами, совсем рядом – только перейти дорогу. Уже рассвело, в Магадане была теплая солнечная погода, и склоны сопок вокруг переливались оттенками золота и пурпура.

В гостинице мы разглядывали себя в зеркало и удивлялись тому, что человек за полторы недели может так сильно измениться. Все тяготы последних дней внезапно превратились в историю. Выяснилось, что наше решение выходить было правильным – вертолет и не собирался к нам лететь, так как у вертолетчиков в журнале заказов не было соответствующей записи. Но мы прошли через серьезное испытание судьбы, голодные, со стертыми ногами вышли на трассу, вынесли весь гербарий. По тем материалам было написано несколько научных статей, описано несколько новых для науки видов растений, но самое главное - эта «Ольская дорога жизни» соединила наши судьбы на всю жизнь. Я с улыбкой вспоминаю, как Андрей Павлович и Борис Александрович, шутя, рассуждали спустя года два после этого похода, какая ива лучше - ива Хохрякова (Salix khokhrjakovii), или ива Юрцева (Salix jurtzevii). В качестве главного аргумента А.П. Хохряков тогда сказал: «А моя лучше пахнет». Действительно, ива Хохрякова обладает

сильным приятным запахом.

После этого мне не пришлось больше работать вместе с Андреем Павловичем. После окончания аспирантуры я не смог приехать работать в Магадан, там не было жилья, даже комнату в общежитии институт не мог мне предоставить. А у меня к тому времени было уже двое детей. ИБПС в лице В.Л. Контримавичуса выдал мне "вольную", по которой я мог устроиться там, где захочу. И я в 1972 г. устроился на кафедру ботаники Калининградского университета.

Все вроде бы складывалось прекрасно: мне нравилось читать лекции, я изучал местную флору, но Чукотка и Ольское плато являлись мне во снах, горы и дикие ландшафты звали меня, и я уехал из Калининграда в Алтайский заповедник. Потом были Сыктывкарский университет, Полярный Урал, р. Вычегда, Сохондинский заповедник в Южном Забайкалье. Каждый раз, приезжая на новое место работы, я думал, что это последний переезд, что здесь я буду работать до конца своих дней. Но не тут-то было, проходило 4-5 лет, и душа моя жаждала новых путешествий. Изучив одну флору, я хотел изучить другую, познакомившись с растительностью Полярного Урала, я хотел изучить растительность Восточного Алтая, потом Даурии.

И все же, в конце концов, я доехал в 1985 г. до Магадана и поступил на работу руководителем лаборатории ботаники ИБПС, которой руководил Андрей Павлович. В том году он переехал из Магадана в Москву. Я же к тому времени окончательно понял, что никакое другое место на Земле не может заменить мне Северо-Восток Азии, и написал Андрею Павловичу письмо. Он порекомендовал руководству института меня на свое место. Так я занял большой стол Андрея Павловича в гербарной комнате на втором этаже на углу улиц Карла Маркса и Дзержинского – тот стол, за которым познакомился с ним в конце августа 1970 г.

В 1985 г. А.П. Хохряков был уже всемирно известным ученым, опубликовавшим несколько монографий по классификации и эволюции жизненных форм растений, отдаленным флористическим связям между Колымским нагорьем и Кавказом. Многие из идей, изложенных в этих монографиях, Андрей Павлович впервые испытал на нас на Ольском плато. Он написал и издал «Флору Магаданской области», в которой обобщил результаты флористического изучения Северо-Востока Азии по состоянию на 1985 г. – сводку, которой сегодня пользуются все ботаники, хоть как-то связанные в своей работе с этим регионом. Гербарная коллекция, созданная под его руководством в ИБПС, и на сегодняшний день является самой полной коллекцией сосудистых растений, собранных в Магаданской области.

Странно. Мы очень редко обменивались с Андреем Павловичем письмами, хотя по большому счету были связаны с ним прочно-напрочно. Читая его монографии, я часто дискутировал с ним так же, как тогда на Ольском плато в заснеженной палатке. Своей теорией макроэволюции растений он научил меня не бояться огромных научных проблем, не чувствовать себя мелким научным сотрудником. Вот и сейчас я отчетливо вижу, как под проливным дождем в верховьях Олы пытаюсь взять у него тяжелый топор, чтобы нести его, а он не отдает, убеждая меня, что еще не устал.

Наумцев Юрий Викторович

Директор Тверского ботанического сада

Андрей Павлович Хохряков работал в ботаническом саду Тверского госуниверситета в должности заведующего гербарием с 1995 по 1998 год. С его именем связаны интересные начинания в нашем учреждении – поиск мест концентрации редких исчезающих и полезных растений северо-запада Центральной России (Тверская, Смоленская, Псковская области). О подобных работах в зарубежных ботанических садах нам ничего не известно. В России такие

работы ведутся только в Ставропольском, Полярно-Альпийском, Главном ботаническом саду РАН. Интенсивная экспедиционная работа по выявлению местанахождений полезных и редких видов растений, в которой активное участие принимал Андрей Павлович Хохряков, была начата в 1995 году. В результате экспедиций была собрана богатая коллекция живых растений, которая послужила основой для создания систематического участка и участка полезных растений.

За три года работы в Тверском ботаническом саду Андрей Павлович собрал большой гербарий по Смоленской области.

Хотя эта область не представляет собой «белого пятна» во флористическом отношении, данные о ее флоре носят отрывочный характер. А.П. мечтал написать конспект флоры по этой административной единице, но смерть прервала эту работу.

Большой популярностью в коллективе пользовался научный семинар «структурная биоморфология растений», который вел А.П.

Его взгляды на проблему основных типов модулей у многоклеточных организмов были очень оригинальны.

Андрей Павлович был ботаником от Бога. Всю свою жизнь он посвятил этому разделу науки. Даже в последние годы, когда А.П. уже плохо себя чувствовал, он участвовал во всех экспедициях, которые были организованы ботаническим садом ТвГУ. Он использовал любую возможность познакомиться подробнее с природой других регионов. В конце жизни он участвовал в очень сложной экспедиции в Непал и мужественно выносил все тяготы поездки. В любых ситуациях он собирал гербарий и документировал собственные наблюдения.

А.П. имел очень широкий кругозор. Он хорошо ориентировался в разных систематических группах растений. По многим группам он имел оригинальные представления об основных направлениях их эволюции. Его интересовали общие проблемы биологии, вопросы эволюции органического мира. А.П. отличала большая смелость в суждениях, он не боялся высказывать свою точку зрения по самым сложным вопросам эволюции живых организмов.

А.П. был неординарным человеком во всех отношениях. Общение с ним никогда не было скучным и утомительным. Он умел разрядить обстановку в любых ситуациях, причем делал он это обезоруживающе непринужденно. Любое его выступление на научных конференциях и симпозиумах было ярким и запоминающимся. Этих выступлений ждали, многие приходили и приезжали на пленарные заседания именно для того, чтобы послушать А.П. Поразительный стиль изложения материала, оригинальные рисунки, простое общение со слушателями, удачные шутки, яркие примеры и факты, идеально глубокое знание матриала, умение ориентироваться в вопросах – все это делало его выступление событием.

А.П. умел хорошо разбираться в людях. Видел самые хорошие качества человека, умел оценить не только его научный потенциал, но и общечеловеческие качества. Одинаково уважал любой труд – и ученого, и рабочего. Независимо от уровня, достигнутого в науке и в жизни, А.П. был готов реально оценить любого человека. Был одинаково приветлив и с маститым ученым, и со студентом. Он всегда был искренне рад поделиться опытом и очень щедро дарил свое внимание. А ему было что рассказать, и собеседником он был интересным.

А.П. умел отдохнуть. Он не имел на это много времени, но как настоящий русский человек любил хорошее застолье, с веселыми тостами, считая, что умение общаться в приватной обстановке – тоже определенный талант.

Все жизненные устремления А.П. понимала и разделяла его жена Мая Тимофеевна Мазуренко. Эта пара особенно дополняла друг друга. Два столь ярких человека создавали особенный

колорит в любой ситуации и в любом обществе. Умная и решительная женщина, которой является Мая Тимофеевна, – своеобразный счастливый билет для А.П., любящая жена, соратник и друг. Она особенно понимала скрытое величие его натуры, глубину его миропонимания.

Светлая память об А.П.Хохрякове останется в благодарных сердцах сотрудников ботанического сада Тверского университета.

Королев Юрий Борисович

Юрий Борисович Королев, в бытность Андрея в Магадане, - научный сотрудник лаборатории ботаники .

Кто он, доктор Хохряков?

С Андреем Хохряковым у меня связано почти полжизни… Но когда меня попросили о нем написать, я почувствовал некоторую растерянность. Трудно писать о человеке, чьи научные достижения (о которых все поминают) столь велики, что недостижимы пониманию во всей их полноте. По крайней мере, для меня… Однако для меня Хохряков прежде всего не выдающийся ученый, а хороший старый друг, сыгравший немалую роль в моей судьбе. Вот почему я решил написать о нем просто как о человеке, собрать все те «мелочи», которые остались в памяти. Может быть, это будет даже интересней, чем анализ его научных трудов…

Итак, с Андреем мы познакомились впервые еще в МГУ, где он учился на кафедре геоботаники, на курс младше меня.

Тем не менее даже тогда (на третьем курсе) однокашники звали его уважительно Андрей Павлович. Кстати говоря, в геоботанику он попал случайно: на кафедре высших растений, куда он хотел, не было места… Видимо, поэтому он, прирожденный систематик, флорист от Бога, подарив мне один из своих оттисков, написал на нем: «настоящему геоботанику от геоботаника бывшего». Хотя Хохряков и в геоботанике разбирался отменно… А куда мне, геоботанику, без флориста?..

Потом наши пути надолго разошлись: я мотался по Якутии, Андрей добывал материал «на югах». Но встретились снова, как ни странно, все таки на Северо-Востоке. В.Л. Контримавичус пригласил нас во вновь организованный институт биологических проблем Севера: Хохрякова – в качестве заведующего (и создателя) лаборатории ботаники, меня – для организации биологического стационара. С этого и началась наша совместная «служба» в науке, которая продолжалась более 15 лет и была (смею надеяться) весьма успешной и результативной.

Пожалуй, стоит упомянуть основные три результата этой совместной деятельности, не считая частных (личных) достижений.

Создана и успешно работала первая на Северо-Востоке лаборатория ботаники, в которой под крылом А.П.Хохрякова собралось немало высококвалифицированных специалистов разного профиля.

Создан первый и единственный на Дальнем Востоке уникальный гербарий флоры Магаданской области и смежных территорий.

Создан и успешно функционировал много лет единственный на Северо-Востоке Верхнеколымский биогеоценологический стационар «Контакт».

К слову сказать, по поводу статуса этого стационара у нас с Андреем возникло разногласие. Он был против того, чтобы «Контакт» считался общим, биолого-ценологическим стационаром, как я его представил; он предлагал сделать его только ботаническим. Конечно, это было бы ущербно

для такого уникального места; но жизнь показала, что Андрей был прав в своих опасениях. В самом деле, на «Контакте» «паслись» все, кто хотел, кого там только не перебывало, чего там только не случалось – а обслуживание, содержание и вся ответственность лежали на лаборатории ботаники, которую материально обеспечивали очень скудно. Тем не менее по работам на стационаре было опубликовано более 300 научных статей, не только по ботаническим вопросам, но и почти по всем отраслям биологии.

А вот жилищный вопрос в первые пять лет стоял очень остро. Квартира в Магадане пока была только у Хохрякова. Поэтому чуть ли не вся лаборатория была прописана по этому адресу (без прописки не платили зарплату!), а многие даже жили в этой квартире (и не только члены лаборатории). Больше других, наверное, довелось там жить мне – и с Андреем, и без него, если он был в отпуске или в очередном путешествии. Когда я впервые прибыл в Магадан, мне первым делом вручили ключ от квартиры Хохрякова – с наказом жить там до его приезда. А потом пришлось однажды обитать там почти всю зиму.

И Андрей, этот «добрый человек из Магадана», пять лет терпел стоически весь этот «проходной двор» – ради того, чтобы работала лаборатория! Хотя сам он был довольно неприхотлив и нетребователен к бытовым условиям, потому и переживал спокойно все неудобства, лишь бы ему не мешали работать. А он очень много работал дома, где его не отвлекали бесчисленные обязанности завлаба и надоедливые посетители в институте.

(главное - терпела я. М.Т.)

Как всякий талантливый человек, Хохряков был талантлив не только в своей профессии. В частности, он был неплохим рисовальщиком (не хочу употреблять слово «художник», ибо оно слишком ответственно). Причем, на мой взгляд, он был приверженцем стиля «граффити», чем сейчас балуется молодежь. Так, в упомянутой магаданской квартире (а затем и в московской) все пустые стены кухни и коридора были изрисованы экзотическими пейзажами: какие-то тропические цветы, длинноносые птицы, травы, облака. И уж не помню, что там еще было. Но сделано было здорово, впечатляло не хуже хваленых фотообоев.

Несмотря на то, что Андрей был хорошим научным руководителем, администратор он был никудышный. Обязанности завлаба его тяготили; все эти планы, отчеты, выходы на картошку и тому подобные мероприятия были ему не по вкусу, поскольку мешали его творческой мысли и угнетали своей бестолковостью. В самом деле, для настоящего ученого нет никакой необходимости в обязательном регулярном составлении планов и отчетов, тем более за целый коллектив. Но так уж тогда полагалось – приходилось заниматься этой пустой работой в ущерб делу.

Однажды Андрей честно признался, что согласился на эту должность главным образом потому, что за нее больше платят – хотя и меньше, чем он заслуживает (он все таки знал себе цену, умница!). Особенно неприязненно относился он к пресловутому соцсоревнованию между лабораториями, хотя тут уже главное значение приобретали самолюбие и гордость за коллектив. Поэтому лаборатория ботаники почти ежегодно занимала в этом соревновании первые места.

В основном, конечно, это происходило благодаря нашему завлабу, который скрупулезно подсчитывал не только очки (баллы) за свои многочисленные публикации, но и все то, что можно было приплюсовать к общей сумме – например, баллы за консультации, за выход на дежурство в ДНД, за ту же овощную базу и обязательно – за прием энного числа посетителей на стационаре.

А премию, полученную за первое место, делили на общем собрании лаборатории – честно и справедливо, по вкладу каждого и чтоб никого не обидеть. Любимчиков или изгоев при

Хохрякове не было (в отличие от некоторых других лабораторий). И к мелким административным проступкам, нарушениям и прочим грешкам своих сотрудников Андрей Павлович относился весьма снисходительно, что вполне способствовало дружбе и взаимопониманию в коллективе лаборатории. Насколько я знаю, единственное, что он буквально «на дух» не переносил, – это предательство, интриганство и главное – присвоение чужих заслуг. Но и в этих случаях от Хохрякова было не дождаться адекватных ответных действий: его толерантность поистине безгранична.

Это вовсе не означает, что Андрей был эдаким мягкотелым, христосиком, незлобивым всепрощенцем. Нет, когда нужно, он проявлял твердость и жесткость, был непримирим в отстаивании своей позиции. Даже на меня однажды пожаловался – в партбюро (!). Правда, потом выяснилось, что напрасно, просто было недоразумение. И вообще все наши конфликты (не без этого!) разрешались очень мирно, как и подобает «человекам разумным».

Для тех, кто мало знал Хохрякова, он мог показаться мрачным, угрюмым, замкнутым. Такое впечатление вполне могло возникнуть, поскольку Андрей все время был погружен в размышления, нередко очень глубокие, и с трудом выходил из этого состояния. (действительно в студенческие годы у него было прозвище «мрачный тип» М.Т.)

На самом деле он был очень веселым и общительным человеком, обладал своеобразным чувством юмора. Между прочим, эти качества Андрей неожиданно проявил в отзыве на мою диссертацию. Этот отзыв, самый дорогой для меня, был полон дифирамбов по адресу диссертанта, за что он был изъят из досье для ВАКа и оставлен мне на память.

А какой он был ходок! Не чета иному из геоботаников. Согласно поговорке, геоботаника, как волка, «ноги кормят». Когда мы с ним пошли в первый маршрут, он так шпарил по тайге, невзирая на всякие буреломы, ямы и кочки, что я никак не мог за ним угнаться. При этом он непостижимым образом успевал заметить то, что надо, – какое-то необычное растение, даже совсем невзрачное, незаметное… Наверное, поэтому он и обнаружил так много новых и редких видов (подвидов, форм, рас и т.п.).

Была у Андрея удивительная способность (характерная, по-видимому, для многих высокоинтеллектуальных личностей): он мог во время какого-нибудь застолья, после двух-трех рюмок, прикорнуть где-нибудь в углу дивана, отключиться на 15-20 минут, даже захрапеть – а потом вдруг проснуться и выдать какое-то резюме или анекдот совершено к месту, как будто он и не отлучался от разговора.

Обычно молчаливый, углубленный в себя, Хохряков любил иногда побалагурить, поиграть словами, «почесать язык» –дать отдых мозгам. Например: «Бесы бывают разные: один бес толковый, другой – бес партийный, третий бес совестный… Вот ты (это мне) бес партийный, а вот он – бес страшный». Или так (я и сейчас пользуюсь этой скороговоркой: «Он у па-пы-пи-па, он у папы – пуп…»

Вместе с тем стоит отметить, что Андрей совсем никогда не матерился, что вообще нетипично для грубых полевиков. Видимо, интеллигентское воспитание не позволяло, или он совсем не умел и не знал этих «словоупотреблений». Во всяком случае, мне, закоренелому матерщиннику, ни разу не приходилось слышать от него матерной брани. Ну прямо святой человек был в этом смысле…

Частенько проглядывало в нем что-то трогательно-детское, и тогда он любил напевать детские песенки, вроде: «От улыбки станет всем теплей, и слону, и даже маленькой улитке…» Однажды завел он собачку – маленькую, беленькую, и когда я спросил, зачем она ему, ответил: «Чтобы было на кого кричать». Много раньше с нами путешествовала приблудившаяся дворняжка,

добрая, ласковая псина. В каком-то поселке она убежала «погулять», и ее задавила машина. Так Андрей плакал буквально навзрыд, уткнувшись в раскладушку, когда ему об этом только сообщили… Вот таким бывал доктор Хохряков…

Удивительным было какое-то трепетное отношение Андрея к растениям – основным объектам его изысканий. Так, например, он никогда не брал в гербарий то растение, которое он фотографировал, даже если это был единственный экземпляр! Памятен и такой случай. Как-то он приехал на стационар в момент массового цветения злаков, на что у него всегда была сильная аллергия. А возле домика, где он поселился, как раз была маленькая (около 5 кв.м) злаковая лужайка. Так он вместо того, чтобы просто ее вытоптать (как это сделал бы я), аккуратно срезал ножницами (!) все соцветия злаков, оставив в целости весь вегетативный травостой. Поистине высшая степень экологической этики!

К сожалению, администрация института не оценила в должной мере научные и организаторские заслуги Андрея Павловича. В течение всех 15 лет его донимали мелкими уколами и придирками. А когда этот глубоко порядочный, честный и очень ранимый человек «осмелился» выступить в печати с какой-то критикой в адрес руководства, так на него обрушилась целая волна административных взысканий. Не хочу здесь вспоминать все подробности этого грязного дела, но в результате обиженный Хохряков вынужден был просто уйти из института, оставив на произвол судьбы созданную им лабораторию.

В какой-то степени и мне пришлось разделить судьбу Андрея. Через недолгое время после его ухода, не сработавшись с новым завлабом, я также принужден был покинуть ИБПС, оставив на произвол судьбы созданный мной стационар.

Так институт необдуманно и себе во вред практически выбросил ботанику из своего состава, поскольку лабораторию покинули почти одновременно и главный систематик-флорист, и ведущий биоморфолог растений, и ведущий геоботаник – начальник стационара.

После нас из лаборатории ушли еще несколько сотрудников- коллег; зато новое начальство включило в нее ряд «неугодных» из других лабораторий (энтомологов, почвенников, зоологов и т.п.) и переименовало в «лабораторию экосистем» – название громкое, но ни к чему не обязывающее. Ботаника в ИБПС кончилась.

Чтобы не быть голословным, приведу выдержки из последнего письма от Андрея – это ответ на мое письмо из Магадана, в котором были сетования по поводу того, как все стало плохо после его ухода.

«Дорогой мой Юрий Борисович! Очень надеюсь, что твои обиды на меня шуточные, так как до сих пор я знал тебя как человека, который любит и ценит шутку и даже, смею надеяться, прибаутку. Или жизнь тебя так скрутила, что ты утратил чувство юмора совершенно… всерьез и надолго? Жаль, если так. Ведь все, что ты пишешь о себе, т.е. своих злоключениях, в первых строках такого дорогого мне письма, все это происходило и со мной, вплоть до деталей – тоже «надавали ни за что ни про что административных оплеух, наконец, вынудили просто уйти из института» – не говоря уж о премии за первое место, с которого меня (то есть всю лабораторию) цинично спихнули за один час до моего ухода из этого гнусного заведения, которому я отдал 15 лет. И ничего, все съел, пережевал и выплюнул, не озлобился, не потерял веру в людей (хотя бы в некоторых). Ну так вот, не падай духом, а я мысленно всегда с тобой.

Всегда твой А.Хохряков».

Кто-то может подумать, что я пишу больше о себе, чем об Андрее. Но ведь это мои воспоминания о моем друге и соратнике, мое представление о нем – как же обойтись без «якания»? Во всяком случае, в моей благодарной памяти Андрей Хохряков всегда останется

именно таким – умным, добрым, честным и скромным, несмотря на его огромные заслуги в науке, к сожалению, не оцененные по достоинству вовремя…

Куваев Владимир Борисович

Владимир Борисович Куваев доктор биологических наук – известный ботаник, автор многочисленных работ по северной тематике. Ответственный редактор «Флоры Магаданской области» А.П.Хохрякова.

Мы познакомились с Андреем на кафедре геоботаники МГУ. Тогда я знал его мало, и он не привлекал моего внимания. Но однажды меня несколько озадачил наш корифей флористики Павел Александрович Смирнов. Язвительный критик, называвший даже маститых, по нашим понятиям, сотрудниц ленинградского БИНа, участниц Флоры СССР, «сопливыми девчонками», в одной беседе со студентами на перерыве он сказал: «Да ведь Хохр понимает это по-своему» (что именно, сейчас не помню). Что нашел П.А. в этом неказистом и несколько ершистом студенте, чтобы доверительно отзываться о нем почти как о равном? И уж совершенно я был изумлен через довольно много лет, когда начались первые публикации Андрея, в том числе первоописания новых видов. П.А. с какой-то пророческой проницательностью разгадал в недавнем подростке неуемную творческую натуру и исключительный научный потенциал!

Но о том, что Андрею был отпущен небольшой срок, догадаться было нетрудно. В 1969 году мы оба оказались на Ботаническом съезде в Тбилиси. Встретились солнечным утром на улице; оба опаздывали на заседание. Андрей был в белоснежной рубашке с завернутыми рукавами и расстегнутым воротничком. И лицо у него было почти такое же белое. «Чего опаздываешь?» - спросил я. «Сердце прихватило». А ведь тогда мы были еще молоды.

Работали мы одно время оба в системе ВИЛАРа – Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений: Андрей на Закавказской зональной опытной станции в Кобулети, я – в самом институте у станции Битца. Затем Андрей перешел в Главный ботанический сад Академии наук в Останкино. Потом обоим нам в наших учреждениях стало неуютно. И оба мы – не зная о шагах друг друга – подали заявления на конкурс в Институт биологических проблем Севера в Магадане. Заявления принимал Витаутас Леонович Контримавичус, назначенный директором ИБПС: он сказал мне, что нас, претендентов, двое. После некоторого размышления он предпочел А.П.Хохрякова. Ни малейшей горечи и зависти в связи с отказом я не испытал, был рад за Андрея и за то, что место досталось достойному ботанику.

В Магадане, куда Андрей переехал из Москвы со своей супругой и коллегой – ботаником Маей Тимофеевной Мазуренко, для них обоих началась наиболее яркая и творческая полоса жизни. Можно сказать – полоса для них символическая. Имена Хохрякова и Мазуренко в дальнейшем в представлении коллег связывались с Магаданом, с природой огромной Магаданской области.

Деятельность А.П. и М.Т. в Магадане была одновременно в высшей мере целеустремленной – только ботаника! – и в то же время феноменально разнообразной. За 15 лет – с 1970 по 1985 годы – были проведены многие десятки экспедиций (до трех в один сезон); лично Хохряковым и Мазуренко была перекрыта маршрутами почти вся гигантская территория области площадью в 1 миллион 200 тысяч квадратных километров – в два с лишним раза более территории Франции! Из экспедиций доставлено огромное количество коллекций, включавших десятки тысяч гербарных листов. Для написания отсутствовавшей до того «Флоры Магаданской области», благодаря самоотверженному труду, в сущности, преимущественно двух человек возникла необходимая фактическая база.

Мне трудно судить о деталях этого необычного ботанического штурма целой страны двумя

исследователями. Но с созданием «Флоры» я знаком не понаслышке. Андрей пригласил меня быть ее редактором.

В 1985 году «Наука» в Москве издала «Флору Магаданской области». Дикое напряжение, давившее нас обоих больше года, оборвалось. И это тоже было стрессом, но с другим знаком. Я стал смотреть опубликованную книгу, и, после стольких просмотров, доводивших до изнурения, издевательски на меня глядела такая знакомая «ляпа». Я кинулся к Андрею: «Андрюша, черт с рогами!» Лицо Андрея испуганно натянулось (он уже знал меня, как я его). «Куда из латинского указателя делись тараксакумы?» Мы так и не выяснили, куда они делись, хотя вначале они точно были. И в листочек «Опечатки и исправления» они, конечно, не попали. Но все же эта капелька дегтя не испортила вкуса «Флоры» в целом. Эта скромно изданная, но тщательно подготовленная книга, в которой как бы дышит любовь автора ко всему, что зеленеет под холодным магаданским небом, будет долго и верно служить нашим ботаникам, особенно дальневосточникам. Так жаль, что Андрей не дожил до осуществления предполагавшегося второго, улучшенного издания «Флоры».

Во Владивостоке, примерно в тот же период, развертывал свою деятельность другой, прибывший с запада несколько позже, ботаник – Сигизмунд Семенович Харкевич, объединивший исследования флоры всего советского Дальнего Востока. Под его научной эгидой оказалась и флора Магаданской области. Этим столь несхожим людям пришлось работать сопряженно. Глядя на них, невольно думалось: до чего же они разные! Один, прибыв к месту полевых работ, совершал свой первый маршрут в крайком, обком или, на худой конец, в райком – докладывать, заручиться поддержкой, гарантировать; другой – день, ночь – безразлично (там ночи светлые) – бежал к ближайшей сопке посмотреть, что там растет, что есть, чего раньше не встречал. Кипучая и разносторонняя деятельность Андрея не всегда находила нужный резонанс у научного куратора всех полевых исследований на Дальнем Востоке. Не жаловал Сигизмунд Семенович и меня. Эта «избирательность» к научным коллегам и игнорирование их научных результатов иногда бросались в глаза. При редактировании одного из дальневосточных сборников в Ленинграде участница редакторской группы удивленно спросила: «С.С., почему вы исключаете этот материал?» – «Прошу вас сделать, как я предложил. Ведь каждый хочет быть в науке личностью!»

Такая позиция привела в дальнейшем к последствиям, достойным сожаления. С 1985 г. (года выхода «Флоры Магаданской области») начала выходить сводка «Сосудистые растения советского Дальнего Востока». С большим удивлением мы с Андреем увидели, что новые для науки таксоны из флоры Дальнего Востока, действительно опубликованные нами, в эту сводку не включаются. Их как бы просто нет – ни в природе, ни в науке! Такая манера придавала изданию странный, однобокий вид: одни выявленные виды в нем представлены, другие – нет. Посоветовались и решили обратиться в редакцию «Ботанического журнала», изложив факты и попросив поправить положение.

Ответ – без даты, номера и подписи – гласил: «Редколлегия обычно письма такого рода отклоняет от публикации». Да Бог с ней, с публикацией – поправили бы дело! Но этого сделано не было. «Личность» восторжествовала.

Итоги: с одной стороны – солидная стопа крупных, увесистых золоченых томов; с другой стороны – одна книжка полевого формата и обычного технического исполнения. Невольно вспоминается сказанное Фетом о Тютчеве:

«Но муза, правду соблюдая,

Глядит, - а на весах у ней

Вот эта книжка небольшая

Томов премногих тяжелей».

Финал жизненного пути Андрея был внезапным и трагичным. В конце мая 1998 года предстоял съезд Русского ботанического общества в Петербурге. Мы с Андреем договорились жить в Питере вместе. Но он не прибыл, и никто не знал, в чем дело. 26 мая, открытие съезда; по традиции оглашают имена ушедших из жизни ботаников. И вдруг – последнее: «И вот – Андрей Павлович Хохряков…» По залу пронеся изумленный ропот; все были ошеломлены настолько, что некоторые не могли встать; другие стояли после того, как остальные сели. Тяжело повисло воистину гробовое молчание.

Сразу после съезда – в Москву, на проводы. Ботанический сад университета, последнее место работы. Цветущий, солнечный день – и в гробу столь близкое и дорогое бледное лицо с бородкой клином. Рвущий душу несообразностью диссонанс…. Вдруг ресницы шевельнулись, правый глаз на мгновение приоткрылся – ветер? Но по спине пробежал холод…

Все. Началась жизнь без Андрея.

09 апреля 2001.

Луферов Александр Николаевич

Преподователь Московской медицинская академи им. И.М. Сеченова

Известный специалист по флоре Дальнего Востока.

Воспоминания – это такая удивительная особенность человека представлять себе эпизоды прошлого, которая позволяет как бы перевернуть странички календаря, а вместе с ним и время обратить вспять. При этом открывается та неумолимая диалектика, показывающая со всей остротой, что, к сожалению, воспоминания – всего лишь продукт деятельности человеческого мозга, а реальное время, к сожалению, вернуть уже нельзя. В сознании возникает гнетущее чувство невосполнимой утраты, когда вспоминаешь человека, с которым длительное время был связан научными интересами, у которого многому учился, с которым много спорил по самым разным проблемами – и вдруг… о нём приходится говорить, думать в прошедшем времени.

Вот уже более трех лет минуло с того дня, как с нами нет Андрея Павловича Хохрякова – человека, которого без преувеличения можно назвать легендарным и в то же время самым незаурядным нашим современником. Его имя по праву занимает достойное место в отечественной и мировой науке. Обладая широким кругозором и энциклопедическими знаниями в самых разнообразных областях естествознания и прежде всего ботаники, Андрей Павлович уже в молодые годы снискал себе репутацию нестандартного ученого, постоянно находящегося в научном поиске. Таким он оставался и всю свою жизнь, прозорливо определяя круг нерешенных проблем, за исследование которых брался с полной самоотдачей.

Об Андрее Павловиче Хохрякове я узнал в 1977 г., когда впервые открыл его книгу «Эремурусы и их культура» (1965). Тогда меня интересовали способы размножения и выращивания этих необычных декоративных растений. Просмотрев около трех десятков справочников и журналов по цветоводству, я обратил внимание на работу Андрея Павловича, которая существенно отличалась своей детальностью, разноплановостью и большой информативностью. Наряду с разделами по интродукции эремурусов она включала интереснейший экскурс в историю их изучения, содержала новые сведения об особенностях морфологического и анатомического строения, циклах развития и, наконец, систематике, географии и эволюции. Тогда мне подумалось, что нужно обязательно посмотреть и другие работы этого автора и завести

отдельную рубрику в своей домашней картотеке на его публикации. Позднее мною делались попытки классифицировать их по тематике, однако в большинстве случаев они оказывались безуспешными. Морфологические в своей основе работы были очень тесно связаны с хорологией, систематикой и, конечно, филогенией. Нередко эти разделы исследований дополнялись анализом биологических, в том числе физиологических, ритмологических, поведенческих особенностей растений. То же самое можно сказать и о многих флористических работах Андрея Павловича, где наряду с описанием флоры определенного региона, приводились сведения и о растительных сообществах, обнародовались новые таксоны и номенклатурные комбинации, указывались биоморфологические, фенологические и другие характеристики отдельных видов. Было очевидно, что все эти вопросы рассматривались комплексно, и это помогало автору добывать из обширной массы фактического материала обоснования для своих теоретических построений, а также делать выводы практической направленности, например, по охране редких видов и ценозов, организации природоохранных территорий, рациональной эксплуатации хозяйственно ценных растений.

А. П. Хохряков в 1978 г.

В семидесятые годы я познакомился еще с двумя монографиями Андрея Павловича: «Соматическая эволюция однодольных» (1975) и «Закономерности эволюции растений» (1975), основанными как на анализе многочисленных библиографических источников, так и на довольно обширном материале его собственных исследований. Было видно, что автор критически проработал массу первоисточников: содержащиеся в них идеи классифицировал,

«разложил по полочкам» и снабдил обстоятельными комментариями. Чтение этих книг и других работ Андрея Павловича были для меня словно лавина информации. В них помещались обстоятельные обзоры и многочисленные примеры, которые позволяли легче представить суть обсуждаемых явлений и процессов. Особенно мне импонировали примеры поисков таксономически значимых признаков с использованием биоморфологического анализа, сведений об онтоморфогенезе, количественных и качественных корреляциях в структуре вегетативных органов, цветков и плодов.

Проведение столь разноплановых исследований Андрей Павлович считал возможным только при детальном изучении растений в естественных ценозах, а при необходимости – и в условиях интродукции. Поэтому и его экспедиционная жизнь была заполнена работой до предела: прежде всего сбором обширных гербарных коллекций, ведением научных записей и нередко подготовкой черновиков будущих публикаций. Об этом я узнал от Андрея Павловича значительно позже, когда лично познакомился с ним в 1987 г. Знакомство состоялось в Гербарии Главного ботанического сада. В тот день мне нужно было посмотреть дальневосточные василисники, выписать содержание этикеток. Помню, как дверь – «хранительница Гербария» – неистово заскрипела, извещая, что кто-то пришел. Между шкафами показался человек невысокого роста с густой бородой. В одной руке у него был портфель, в другой – большой пакет с гербарием. Мы поздоровались. Затем бородач сел напротив меня и стал рассматривать свои растения под бинокуляром. Минут через пять он подошел ко мне и сказал: «Вот, я вижу, вы изучаете василисники. Скажите, а встречался ли вам василисник блестящий на Дальнем Востоке ?»

Я ответил: «Этот вид известен из Магадана, конечно, как адвентивный. В литературе указан Хохряковым во «Флоре Магаданской области». Бородач заулыбался. «Да, кроме как в Магадане я его на Дальнем Востоке больше нигде не собирал» – последовал ответ. Мне стало ясно, что мой собеседник и есть Андрей Павлович Хохряков. Мы познакомились, и с тех пор между нами завязались теплые дружеские отношения. В их основе были, прежде всего, общие интересы к ботанике. Наши беседы касались самых разных ботанических проблем: вопросов методики исследований, эволюции жизненных форм, побегов, листьев, корней, цветков и плодов, взглядов на противоречивые трактовки объема таксонов разного ранга, затрагивая особенно часто проблему вида и рода в систематике растений. Нередко мы обсуждали трудности при определении растений, варианты их изменчивости и целый ряд других тем. Правда, не все выводы Андрея Павловича мною принимались безоговорочно. Предметом острых дискуссий было, например, поддерживаемое им мнение о первичности у покрытосеменных древесных жизненых форм по отношению к травянистым, которое и на сегодняшний день имеет своих сторонников и противников. Во время этих «баталий» Андрей Павлович обычно уверенно отстаивал свою точку зрения и в то же время уважительно относился к мнениям других собеседников: умел их слушать.

При разговоре чувствовалось, что Андрей Павлович прекрасно знает диагностические признаки многочисленных растений, помнит особенности ландшафтов и ценозов, где они были собраны, и даже обстоятельства, при которых эти сборы проводились. Действительно, он не был только кабинетным работником, его всегда тянуло в экспедиции. А сколько их было ? По-видимому, не менее 60, хотя, возможно, и гораздо больше.

Ведь возникает вопрос: что считать за экспедицию? У Андрея Павловича нередко в течение одного полевого сезона было по несколько поездок, переходящих почти без перерыва одна в другую. Например, в 1960 г. он работал в Средней Азии, а также объездил почти все Закавказье, побывав в Армении, Грузии, Азербайджане. В 1967 г. Андрей Павлович путешествовал по Камчатке, Приморскому краю и в Хибинах; в 1968 г.– в Якутии и Магаданской области; в 1971 г.

– в Средней Азии и Карпатах; в 1973 г. – в Чукотском автономном округе, по разным районам Магаданской области, Хабаровского и Приморского краёв, на Курильских островах; в 1981 г. – в Магаданской области, на Сахалине и Курильских островах; в 1983 г. – в Якутии, Магаданской области, а также на Аляске; в 1988 г. – в Аджарии и Хибинах; в 1997 г. – в Аджарии, Турции и Непале. И это лишь краткий, далеко не полный перечень его экспедиций. На самом же деле они были ежегодными.

Коллекционирование растений было не просто страстным увлечением Андрея Павловича: это была неотъемлемая часть его профессиональной деятельности. Сбор материала осуществлялся с использованием вертолетов, вездеходов, грузовиков и «газиков», водного и гужевого транспорта и, конечно, во время пеших маршрутов. Эти похождения происходили независимо от капризов погоды, и как обычно, сопровождалось приключениями, опасностями, разными курьезными случаями. Например, как-то раз в лесу он вышел на крупного медведя. Реакция у обоих была одинаковая: медленно «на цыпочках» разошлись в разные стороны. В общем, встреча прошла, как у Дерсу Узала с тигром.

Важнейший результат многочисленных поездок Андрея Павловича – почти 30 тысяч собранных им лично гербарных листов. Среди них имеются и типовые образцы, с которых были описаны новые роды, виды и внутривидовые таксоны; многие растения оказались новыми для флоры России и ее отдельных регионов, а также ближнего и дальнего зарубежья, особенно Турции. Все эти коллекции теперь являются достоянием ряда отечественных Гербариев, из которых Магаданский – первый на Северо-Востоке России – был фактически организован усилиями Андрея Павловича.

Отдавая себе отчет том, что воспоминания – лишь «короткие строки большой книги жизни», преломленные через субъективное мнение, мне думается, что всецело охарактеризовать жизненный путь Андрея Павловича Хохрякова не под силу даже нескольким его современникам. Его научное наследие, несомненно, еще долго будет в поле зрения исследователей. Это относится и к собранным Андреем Павловичем коллекциям растений, которые хранятся во многих российских Гербариях и являются ценнейшим материалом для дальнейших ботанических изысканий, а также и к публикациям, посвященным разнообразным проблемам естествознания. Широта научных интересов и небоязнь браться за решение вопросов, которые, казалось бы, невозможно решить одному человеку, приводили Андрея Павловича к нестандартным идеям и выводам. Из них доказанные и разработанные проблемы, несомненно, должны быть взяты на «вооружение» и использованы в теории и практике ботаники и биологии. Гипотетичные же вопросы в будущем необходимо будет подтвердить или опровергнуть – это и есть та «эстафетная палочка», которую вручил своим современникам и последующим исследователям Андрей Павлович Хохряков.

Мачутадзе Изольда

С 1984 по1993 годы я работала в Аджарии, в Батумском ботаническом саду АН Грузинской ССР. Изольда – в то время моя лаборантка.

Был прекрасный весенний день. Я в отделе интродукции сидела и рисовала для Маи Тимофеевны ветку ивы. Вдруг открывается дверь и входит Мая Тимофеевна. Поздоровалась и говорит: «Это мой муж Андрей Павлович». Никогда не забуду милого, пухленького, с бородой мужчину с очень добрыми глазами. Он подошел ко мне, посмотрел на рисунок и сделал, очень деликатно, замечание. Это была незабываемая первая встреча.

После этого были экспедиции на гору Тирала на высокогорья. Этот полный человек – Андрей

Павлович – был очень подвижным, быстро ходил в горах. Он там был очень ласковым. И как было ужасно сообщение о смерти Андрея Павловича! Шли годы. В начале 2001 года я работала вместе с немецкими учеными на торфяных болотах в Испании, и мне приснился сон, как будто я иду навстречу Мае Тимофеевне и говорю, что я Вам что-то должна дать. А она говорит: – «Дай не мне, а Андрею Павловичу.» Он идет мне навстречу и что-то несет. На второй день я обнаружила на болоте Calluna vulgaris. Я связала эту находку с вещим сном. Это Андрей Павлович мне показал пример.

Москалюк Татьяна Александровна

Татьяна Александровна Москалюк – доктор биологических наук. Научный сотрудник ботанического сада ботанического сада-института ДВО РАН во Владивостоке. В бытность нашу в Магадане работала в институте биологических пролблем Севера. Вместе с ней написана книжка «Краски северного лета». Андрей ее редактор.

Впервые о том, что есть такой ученый – А.П.Хохряков, я узнала от Г.В.Сныткина, который работал на Магаданской лесной опытной станции. Это было в 1972 году. Андрей Павлович возглавлял отделение ботанического общества. Сколько я себя помню на Севере, работа магаданского отделения ботанического общества определялась всецело им. Это благодаря ему регулярно, а главное – неформально, очень живо проводились заседания, и всегда последнее сообщение или доклад должны были быть научно-популярными, с демонстрацией слайдов, цветных иллюстраций, интересных книг. Душой каждого заседания был А.П., его комментарии, дополнения к каждому выступлению были яркими, образными, часто с добрым юмором. До сих пор помню доклад А.П. о флористических границах Магаданской области. Впервые А.П. на заседании ботанического общества высказал мнение, что каменноберезняки определяют растительный покров Северного Охотоморья, где А.П. впоследствии выделил два флористических района: Прибрежно-Охотский и Охотско-Колымский водораздельный.

А.П. внешне не производил впечатления человека, обладающего выдающимися организаторскими способностями, но он так сумел организовать работу ботанического общества, что каждое заседание было событием не только для ботаников института биологических проблем Севера, но и для ботаников всего Магадана. Это были праздники ботанической науки! Милая, исполнительная Лидия Савельевна Благодатских, бессменный ученый секретарь ботанического общества, загодя обзванивала всех его членов, среди которых были геоботаники Магаданского филиала «Дальгипрозема», геологического института СВКНИИ, научно-исследовательского институтв ВНИИ-1, преподаватели педагогического института, школ, станции юннатов. Много лет, помню, ездила на эти заседания учитель биологии из школы поселка Дукча Лидия Яковлевна Карпова. Она и многие учителя биологии не пропускали ни одного заседания ботанического общества, осаждая выступающих своими вопросами.

На заседаниях выступали не только «чистые» ботаники, но и сотрудники из других лабораторий которые в экспедициях собирали гербарий. Думаю, что многие до сих пор помнят доклад В.Г.Кривошеева о посещении им Вьетнама, его чудесные снимки каких-то экзотических растений. До сих пор помню атмосферу того заседания и радостный интерес к снимкам самого А.П. Он весь подался вперед к экрану, на лбу очки, левая рука под грудью, в правой карандаш. Он им водит по изображению и что-то объясняет докладчику и всем присутствующим.

На ботанические заседания приходили и работники общества охраны природы, общества «Знание». Они часто обращались со своими проблемами, просили дать заключение по наболевшим вопросам.

А.П., будучи сам очень знающим ученым, влюбленным в ботанику, в Север, сумел создать и

лабораторию, сотрудники которой, мало того, что были увлечены по настоящему своей работой, но были и патриотами северной ботаники. Никто из института биологических проблем не читал больше лекций и не проводил больше экскурсий, чем ботаники. Итогом таких встреч стала наша совместная с М.Т.Мазуренко книга «Краски северного лета. Рассказы о растениях». Конечно же, ее ответственным редактором был не кто иной, как А.П.!

А.П. был немногословным, всегда выглядел спокойным, разговаривая, всегда смотрел прямо в глаза и говорил негромко, вроде бы отрешенно, без лишних эмоций, часто с легкой иронией, но говорил то, что думал, а не то, что от него ожидали. И на собраниях, заседаниях ученого совета он всегда выступал не по-казенному и всегда по делу. Не слушать его было нельзя. При этом никогда не подлаживался под общее большинство, под начальство. И потому не всем был угоден и часто за это в опалу попадал и сам, и его лаборатория, но не считаться или принизить ботаников не удавалось никому. До сих пор помню, как он ненавидел всякую прокоммунистическую пропаганду. Все наше поколение помнит эти еженедельные политинформации, ежемесячные философские семинары. На последних в свете идей диалектического материализма ведущие ученые института поочередно обязаны были подобрать тему и сделать в духе времени доклад. Обычно на этих докладах кто зевал, кто читал, кто писал или занимался каким другим делом. Два-три особенно умных человека потом высказывались – и до следующего семинара. Но А.П. и такое мероприятие умудрялся оживить. Темой одного из своих докладов он выбрал закономерности эволюции растительного мира в экстремальных условиях, доказывая, что общепринятое мнение о заторможенности жизненных процессов на Крайнем Севере – неверно, наоборот, северным растениям присуща высокая активность жизнедеятельности и не меньшая, чем на юге, эволюционная продвинутость. Такой дискуссии давно, а, возможно и вовсе не было на семинарах института. На А.П. ополчились тогда многие сторонники первой точки зрения (Игнатеноко И.В., Берман Д.И., Чернявский Ф.Б. и другие) А.П. выслушал всех и заключил: «Ну вот, получилось то, что требовалось – оживленная дискуссия, а не пустая трата времени».

А.П. был неутомимым, страстным полевиком. И пешком, и на машинах, и на моторных лодках, вертолетах, самолетах он все лето проводил в экспедициях, возвращаясь из них с огромными пачками гербарных листов. Еще когда я работала на лесной станции, задолго до личного знакомства с А.П., была наслышана, что он и его жена - люди не от мира сего. Так, нам в отчет нужно было впечатать названия растений по-латыни. Машинки с латинским шрифтом были большим дефицитом в Магадане. Одна из них принадлежала А.П. Директор лесной станции Котляров И.И договорился о том, что наша лаборантка Чебыкина Валентина Ильинична съездит домой к А.П. и сделает необходимые вставки. Валя вернулась на станцию под таким впечатлением, словно побывала в другой стране! Была ранняя весна, и шла напряженная подготовка к полевым работам. Валю поразила простая и деловая обстановка в квартире Хохряковых. Туда то и дело входили-выходили одетые по-походному люди, что то обсуждали, сверяли списки, разглядывали карту. Многие были в болотниках (длинные резиновые сапоги, без которых немыслимы полевые исследования) и ходили по большому ковру не разуваясь Не до этого! С часу на час должна была приехать машина, и надо было ехать в какую-то бухту. Среди всех ничем не отличался хозяин квартиры, разве что всегда присущим ему спокойствием. Он со всеми таскал кипы газет, гербарные сетки, рюкзаки и прочее оборудолвание. А на Валю никто внимания не обращал, и она совсем не чувствовала себя помехой. Слушать это было удивительно, так как трудно было представить нашего чопорного директора И.И. Котлярова без толстого портфеля и без галстука в окружении сонма лаборанток, сотрудников и так просто, как А.П, ведущего себя с продчиненными.

В начале 80-х годов в Магадан, в наш институт приехал доктор медицинских наук Березин

Феликс (отчество запамятовала). Привез тесты, выясняющие интеллект и профессиональную пригодность сотрудников нашего института. Тестирование показало – Андрей тянет на директора!

Этим Березин оказал не лучшую услугу Андрею. В то же время Березин, увидя, как Андрей вместе со всеми сотрудниками лаборатории носит полевые вещи: папки с гербарием, оборудование в лабораторию, – с изумлением остановил Андрея и громогласно заявил, что этот поступок не вписывается в тест, определяющий Андрея как директора… Но Андрею важничанье, тщеславие, высокомерие были совсем не свойственны.

На всю жизнь мне запомнилась научная экскурсия летом 1984 года. Ею завершалась выездная сессия Дальневосточного отделения Ботанического общества. А.П. просил меня принять участие в ее подготовке. Маршрут от Магадана до устья реки Яны по Арманской трассе. Цель – показать участникам совещания природу Северной Приохотии. За месяц до ботанической сессии А.П., я и Нина Сазанова решили поехать предварительно по всему маршруту экскурсии. Это был такой урок на природе для нас с Ниной! А.П. – неугомонный, не жалея ни своих, ни наших ног, взбирался по крутому щебенистому склону реки Окса, чтобы показать нам маленький пятачок, где рос эндемичный прострел магаданский с сильно опушенными цветками. Вид, описанный для науки А.П.

Пименова Маргарита Егоровна

Маргарита Егоровна – научный сотрудник Института лекарственных растений (ВИЛАР). Выпускница кафедры геоботаники МГУ. Ездила с Андреем в экспедиции по Дальнему Востоку, Европейской части России.

В годы раннего студенчества после распределения по кафедрам в нашей среде будущих геоботаников были очень популярны два имени – Юрцев и Хохряков. Первого звали просто Борей, а второго только по имени и отчеству – Андрей Павлович. Так получилось, что ни одного из них в студенческие годы мне не удалось увидеть, но оба они через рассказы преподавателей кафедры, и прежде всего, Павла Александровича Смирнова, воспринимались нами в качестве эталонов необыкновенной талантливости и вместе с тем – нестандартных в обыденности, отрешенных от повседневной суеты молодых ученых. Довольно скоро один из них уехал в Ленинград, а другой, спустя год, был распределен сельским учителем куда-то в глушь. Кафедра не заступилась, очень умных не привечали. Мы заочно все жалели Андрея.

К окончанию студенческой поры стало известно, что Хохряков работает ботаником на Закавказской зональной опытной станции ВИЛАР в г. Кобулети.

В начале 60- х годов, когда я перешла на работу в ВИЛАР, пронеслось известие, что Андрей вернулся в Москву, но не один. Из Аджарии, с Зеленого мыса он вывез молодую жену с романтическим именем Ая. Это была Мая Тимофеевна Мазуренко (М.Т.). Они стали сотрудниками ГБС АН СССР.

По-настоящему мы познакомились в дальневосточной экспедиции ВИЛАР в 1963 году, начальником которой был М.Г.Пименов, он и пригласил А.П. С нами вместе в тот год работали два замечательных биолога-орнитолога – наши сокурсники Женя Панов (Евгений Николаевич, член-кор РАЕН) и Саша Назаренко (Александр Александрович, заведующий отделом почвенно-биологического института Дальневосточного отделения РАН). Запомнились многие совместные с ними маршруты: и подъем на одну из вершин хребта Пидан в Южном Сихотэ-Алине, в Забайкалье, вместе с Андреем – на г. Сохондо (для меня в ту пору уже повторный, но не менее впечатляющий). В подгольцовом поясе Сохондо в тот год был собран копеечник альпийский, из

которого позже создали эффективный противогерпесный препарат аппизарин.

Увлеченность любимым делом и внутренняя сосредоточенность объединяли всех этих очень разных и очень веселых молодых людей. Царило доброжелательное подтрунивание друг над другом, особенно доставалось А.П., но он отвечал тем же. Сколько было ежедневных разговоров о новых находках, необыкновенных встречах, сборах и наблюдениях из жизни растений, птиц, насекомых и млекопитающих. Андрею было интересно все. Помнится, известие о рождении сына Павла он получил, когда мы приехали в Судзухинский заповедник. Все его поздравляли, и вечером, на берегу лагуны Японского моря, где экспедиции отвели место для стоянки, мы отпраздновали это событие. Южная ночь, как всегда, надвинулась быстро, светилось звездное небо, отблески костра сполохами освещали мощную стену тростниковых зарослей, плотно окружавших лагерь. Сидели за полночь. И вдруг поблизости раздался раскатистый рык, потом рев, не слышанный ранее и очень впечатляющий. Этот раскат сразу же повторился. После наступившего и несколько затянувшегося аналитического молчания Саша и Женя как-то раздумчиво, но громко заспорили: «Тигр или пантера?» Зверь поддерживал этот спор достаточно продолжительное время, то немного удалясь, то приближаясь к нашему костру. Разошлись по палаткам, так и не установив точно, кто же пасется рядом. К моменту общего подъема Андрея уже не оказалось на месте, но вскоре он появился и спокойно так сообщил: «Это был тигр, следы его». Любознательность покоя не давала. Проснувшиеся зоологи тут же подтвердили исследование Андрея и показали всем неоспоримые свидетельства: приходил в гости действительно полосатый.

В магаданскую пору Хохряковых мы встречались с Андреем Павловичем и М.Т. только на научных конференциях – то в Москве, то в Ленинграде или Донецке, бывали иногда друг у друга в гостях. После того, как М.Т. перебралась на Зеленый мыс, мы отдыхали там же.

Приехавшего А.П. можно было встретить купающимся на море только рано утром или вечером, после трудового дня – работы в колхидских субтропиках или в гербарии Батумского ботанического сада, - все такого же внутренне отстраненного, поглощенного мощью растительности этого удивительного района Кавказа и, возможно, сопоставлявшего его с другими субтропическими и тропическими краями. К этому времени он и М.Т. уже многое повидали на широтах южных морей.

В трудный момент моей жизни они протянули руку помощи. Этот период для всех нас можно назвать тверским, когда М.Т. возглавила ботанический сад Тверского гос университета. Вместе с А.П. в 1995 и 1997 годах мы в составе экспедиции ботанического сада ТГУ обследовали флору и растительный покров Смоленской и западных районов Тверской областей. Маршруты проходили по моренным возвышенностям и зандровым равнинам в Смоленско-Тверском пограничье с лишайниково-толокнянковыми и бруснично-зеленомошными сосняками на грядах и всхолмлениях, с озерами между ними, местами – со сфагновыми болотами; по заливаемым лугам в верховьях Днепра с чрезвычайно красочным разнотравьем, с остатками пойменных лещиновых дубрав и фрагментами черноольшатников между старицами, затянутыми белоснежными кувшинками, дрейфующим телорезом и ярко-зеленой щеткой аира вдоль береговой линии.

Сам Днепр неширокий, зажатый, как в каньоне, 6-8-метровой террасой с зарослями ольхи и черемухи по крутым, местами почти отвесным склонам, мы переплывали на надувной резиновой лодке, чтобы обследовать противоположные берега. Почти всегда бывали ботанические подарки. Однажды, вскарабкавшись на берег, мы сразу же уткнулись в забор, заросший со строны Днепра кустарником. Через несколько шагов вошли в пролом и оказались на территории военного объекта. Пересекли его беспрепятственно, встретив одного-единственного офицера. Он не обратил на нас никакого внимания, но А.П. на всем пути через

объект не уставал укорять меня за беспрерывный монолог с диктофоном, куда заносилась запись растительного покрова в ходе всего маршрута. «Вот поймают и посадят как шпионов, будешь знать!» - «Я на работе, а ты не строй из себя начальника, и тебя не посадят. Посадят Маю Тимофеевну». Неодобрительное фырчание длилось вплоть до встречи на противоположной окраине объекта небольшой популяции наперстянки крупноцветковой. И сразу все было забыто! По-видимому, с возрастом А.П. стал осмотрительнее, и его ворчание было навеяно воспоминаниями о неприятном инциденте в 1963 году, когда пограничник обнаружил и привел на заставу А.П. вместе с М.Г.Пименовым и А.А.Назаренко, возвращавшихся с территории Китая, куда они забрели, не заметив КСП. Времена тогда еще были «додоманские», и КСП действительно во многих местах оставалась условной.

Вечерами и Днепр, и все травы и кусты окрест покрывали туманы. Поскрипывал коростель, тихо взбулькивала вода в реке, Мая и Андрей уходили подышать в луга, растворялись в молочном облаке, неторопливые, спокойные, единые….

Много интересного было собрано по долине р. Западная Двина, в северных районах Смоленщины – Пржевальском, Демидовском и Духовщинском, и особенно на юге Смоленской области, на реках Остер и Ипуть, неподалеку от с. Корсики – имении Римских-Корсаковых. Когда ничего стоящего некоторое время не находили, А.П. становился скучным, особенно молчаливым, возникала даже какая-то неловкость от его молчания. Стоило появиться чему-нибудь интересненькому, он сразу оживлялся. Когда встречал новенькое первым, то поучал: не надо носиться по сторонам и уходить далеко от ведущего! Надо было видеть, как А.П. с фотоаппаратом на вытянутой руке демонстративно отплывал на середину широкой старицы в долине Ипути, чтобы зафиксировать заросли цветущей кувшинки белоснежной и прочих, никем не обиженных великолепных гидрофилов, не переставая при этом стыдить нас за предпринятые усилия по изучению продуктивности безбрежной монопопуляции аира. Сбор посадочного материала даже для ботанического сада вызывал у него, по-моему, физическое страдание за выкапываемое растение. Где уж до сырьевой фитомассы. Но семена дикорастущих видов он всегда собирал с удовольствием и в стандартном объеме.

В беседах А.П. всегда оставался самим собой, ясным и лаконичным, не облегчая незначащими репликами положения собеседника. И юмор его был таким же, даже если объектом становился он сам. Вот пример (разговор «среди своих» в будке экспедиционной автомашины ботанического сада ТГУ в пути по Смоленской области, не стертый мною с диктофонной ленты и забытый, а через два года воспроизведенный случайно; во время маршрута 27 мая 1997 года в окрестностях села Баево Западнодвинского района Тверской области):

– Андрей Павлович, скажи что-нибудь в диктофон на память. Ну, не стесняйся! Мы все знаем, что ты очень скромный!

– Да. Я очень скромный.

– Что ты очень хороший!

– Самый хороший!

– Что ты – самый у-умный!

– Да, очень умный.

– Самый мудрый!

– Да, самый мудрый.

– Самый саа-амый!

А.П. постепенно расходится:

Да, я самый большой, самый крупный, самый необыкновенный, самый ученый.

Все подсказывают: «Мировой ученый!»

– Да (чуть смеется), я ученый с мировым именем. Вот с таким, на большой палец, да.

– (М.Т. смеется). Да, «человек года». Человек прошлого года. (Хохочет).

– Да. Человек позапрошлого года.

– (М.Т. почти соглашается). Да, позапрошлого года, ха-ха!

– Да, 1992- го, что ли, года.

– (М.Т. вспомнила окончательно). Да, человек 1992 года.

– Все хотят узнать, как он стал «человеком года».

– Да, вот однажды получаю бумагу, что я «Человек года», такого-то, что, если я захочу получить удостоверение, а также медаль двух родов, какого-то английского и какого-то оксфордского общества, то должен послать то ли 100, то ли 200 долларов. Ну, я решил им становиться, да, но без медали. Становиться им я решил таким образом, чтобы не показывать, а рассказывать.

Все умирают со смеху.

– А медаль-то дали?

– Медаль там есть. Она нарисованная на бумажке. – Хохот. –Сам нарисовал? – Не обижается:

– Я не сам нарисовал, она нарисована на этом письме, которое было прислано. Эту медаль я вырезал, наклеил на металл, и она выглядит как настоящая. Как на 200 долларов. Но без всяких долларов.

Отхохотали. Но А.П. продолжает:

– И там ленточка. Ленточка даже нарисована. Тоже.

Жаль, далее идет новая запись – описание ельников на обратном пути с озера Дубоцкого.

Помню, повторно этот веселый собственный рассказ А.П. прослушал вяло, без поощрения, поскольку люди в той поездке были другие.

И в целом весной 1997 г. чувствовал он себя хуже – часто мучила аллергия на цветущие злаки. В долине реки Межи (приток Западной Двины) в маршруте на «заграничную» Смоленскую территорию они сильно допекли Андрея, ему было трудно подняться после короткого привала на окраине лужка, образованного мятликом узколистным. Помог тавегил. На обратном пути к лагерю он, несмотря на плохое самочувствие, все-таки спускался по склонам оврагов, прорезавшим крутой берег Межи, к вязовым рощам и гербаризировал, а по возвращении сразу же принялся за перекладку в прессы и очередную просушку собранных растений.

31 мая 1997 года в нашем присутствии на почте г. Торопца была принята телефонограмма о штормовом предупреждении назавтра для западных районов Тверской области. А 1 июня мы уже работали в глуши на водоразделе рек Куньи и Сережи (правобережье бассейна Ловати) к юго-востоку от Галибицы. Ураган накрыл нас в старом перестойном и заброшенном лесу на обратном пути с болота. Лес был довольно интересный. Зеленомошные и кисличные ельники чередовались с березняками и елово-липовыми лещиновыми широкотравными фрагментами, украшенными в ту пору белым ковром ветреницы дубравной, местами – доцветающей ветреницей лютичной и медуницей, а также кружевными пятнами голокучника Линнея среди

поблескивающей темной зелени копытня европейского. Но деревья, те, что помоложе, сгибались от бешеного ветра под углом в 45 градусов, старые же с пушечным хрястом ломались посредине или валились с корнем, поднимая слой почвы, кромсая и уничтожая соседей. Гул стоял как в аду, голос кричащего был неслышен в пяти шагах от него. Ко всему очень скоро исчезла условная тропка, натоптанная прошлой осенью местными жителями в походах на болото за клюквой. Выбирались по наитию, перебежками, все время меняя траекторию, увертываясь от ломающихся стволов и сучьев. А.П, плохо видевший и никогда не снимавший очки, успел тем не менее заметить, как над Риммой Николаевной Соловьевой хрястнула и стала заваливаться толстая осина. Сразу же оказавшись рядом, он круто выдернул Р.Н. в сторону. Только выбравшись к опушке леса, мы все без слов поверили, что преисподняя позади. Но и ураган постепенно стихал.

Экспедиционная автомашина имела право передвигаться только в пределах строго обозначенной территории, в 1995-м – по Тверской и Смоленской областям, а в 1997 году – только по Тверской (на оплату подорожной пошлины для работы в сопредельной области денег не было).

В конце мая 1997 года мы сразу же отправились в приграничный Жарковский район Тверской области, где двумя годами ранее со стороны Смоленской области нами был собран отцветший лютик, по предположению – новый для этой территории. Когда в августе 1995 года мы впервые наткнулись на него в окрестностях озера Щучьего, то вопросительно смотрели друг на друга, вежливо предоставляя другому приоритетное право высказаться по поводу видовой принадлежности растения. Я перед тем только что вернулась из Беловежской пущи и предположила, что найденный лютик очень похож на лютик северный – обычный там в редкостойных хвойно широколиственных лесах.

В 1997 году мы опять побывали на озере Щучьем. Два года назад мы сюда пришли со смоленской стороны, совершив пеший маршрут. Машина не могла пройти. Везде была непроходимая топь. Там, среди массивов сложных елово-черноольхово-широколиственных лесов, местами представленных почти чистыми ясеневыми сообществами, но чаще липовыми, вязовыми и черноольшатниками с кленом и дубом, в первом ярусе рос Ranunculus lanuginosus. По возвращении, после тщательной диагностики, мы окончательно убедились, что нами собрана новинка для России в теперешних границах, и для Тверской области в том числе.

Не стало А.П.Хохрякова – крупного ботаника с широким взглядом на морфогенез и филогению многих групп цветковых растений. Для меня же бездонный провал – в уходе замечательного, увлеченного флориста и отзывчивого человека, независимого и в то же время заискивающего перед своей единственной земной любовью, неповторимой Маей Тимофеевной, умного и в то же время ворчливого от беззащитности перед несправедливостями, целеустремленного и временами замученного бытом, не обращавшего внимания на свою внешность и отстраненного, похожего на позднего Пушкина.

А.П. очень не хватает, и особенно, чтобы обсудить и успеть рассказать обо всем увиденном и собранном в совместных экспедициях.

Савиных Наталья Павловна

Заведующая кафедрой ботаники Вятского государственного университета.

Когда я вспоминаю Андрея Павловича, всякий раз на память приходят слова Гельмгольца об его учителе Р. Вирхове: «Кому приходилось быть в соприкосновении с человеком первой величины, у того на всю жизнь изменяется духовный масштаб, и он переживает интереснейшее из всего, чем может одарить жизнь» (Б. Володин. И тогда возникла жизнь. – М.: Знание. 1980 - С.98).

Андрей Павлович действительно был человеком первой величины по той роли, которую он мужественно выполнял в науке и вообще в жизни. Первое знакомство с ним было, как у всех начинающих аспирантов с периферии, заочным, в 70- х годах теперь уже прошлого века. Мы слушали об его работах и идеях на лекциях Т.И.Серебряковой, М.П.Соловьевой, С.В.Мейена в МГПИ им.В.И.Ленина (ныне Московский педагогический университет) и представляли Андрея Павловича неким магаданским гигантом мысли – современным ботаником- классиком.

Первую книгу о структуре и морфогенезе кустарников я получила в подарок от мамы Маи Тимофеевны Мазуренко – Вероники Генриховны Зельгейм. Она в то время работала в библиотеке Батумского ботанического сада. Всех московских ботаников (а я также входила в их число, т.к. была аспиранткой Т.И.Серебряковой, а в Батуми приехала изучать кустарниковые вероники из Австралии и Новой Зеландии – хебе) она встречала настолько тепло и радушно, настолько это можно было сделать. Вероника Генриховна очень гордилась своим зятем, рассказывала много хорошего о нем как о человеке и о его работах; даже больше, чем о ботанических заслугах своей дочери. Мне тогда подумалось: до чего же не просто умный, а еще хороший человек Андрей Павлович Хохряков.

Позднее были регулярные встречи на разного рода совещаниях. Помню вьюжный вечер одного из заседаний V1 Московского совещания по филогении растений в 1981 году. Свет фонарей пробивается через падающий снег, освещая улицу и участников, возвращающихся с очередного заседания. Среди них красивая и счастливая женщина в великолепной дубленке – Мая Тимофеевна. Как выяснилось много лет позднее, эту дубленку привез ей Андрей Павлович из Америки. Разве может быть женщина счастливой, если нет рядом заботливого и доброго мужчины? А ведь Мая Тимофеевна – жена Андрея Павловича.

Удивительно внимателен к людям был Андрей Павлович. На том же совещании по филогении (1981) я сделала доклад о гетеробатмии и оценке эволюционных взаимоотношений жизненных форм растений на примере вероник. Заседание проходило в большой аудитории в ботаническом саду на Ленинских горах. Андрей Павлович был одним из самых внимательных слушателей. Здесь, как обычно, он сидел на одном из первых рядов. Докладов на заседании секции было достаточно, много вопросов не задавали. И каково было мое удивление, когда некоторое время спустя из Магадана пришло письмо, в котором были такие слова: «Глубокоуважаемая Наталия Павловна! Я с большим удовольствием прослушал доклад, но за неимением времени не смог его обсудить с Вами». И это мне - почти вчера защитившей кандидатскую диссертацию аспирантке, молодому преподавателю из затерянной в снегах Вятки. Мы еще тогда не были знакомы. Он по-прежнему оставался для меня ученым, казалось, недоступным, большим и строгим. А дальше – целая серия советов о том, что, по его мнению, хорошо бы еще сделать и посмотреть. Такое внимание к молодым ученым, да еще с периферии, так удивило и подкупило, а главное – продемонстрировало доброту, ум и заботу Андрея Павловича в будущем.

Безусловн,о Андрей был внимателен к людям. В последние годы жизни он старался отметить даты жизни ученых , коллег на пенсии. Наприме,р написал статью к юбилею Владимира Николаевича Ворошилова – известного флориста, автора «Флоры Советского Дальнего Востока». С В.Н. у Андрея были совсем не простые отношения, так как В.Н. не признавал новые виды Андрея, что его очень обижало. И вместе с тем он считал, что забывать слепого и одинокого коллегу нельзя.

А дальше какой-то пробел в памяти. Хотя впечатлений разных было много и встреч на различных ботанических совещаниях – тоже немало. Но всегда вспоминается постоянное: доклады Андрея Павловича неординарны, может быть, слегка «непричесаны», без излишнего лоска, но всегда оригинальны. Глубинные идеи его сообщений были мне порой труднодоступны, ведь Андрей Павлович мыслил всегда широко и глобально. Его доклады охватывали всегда

огромную плоскость существующих ныне видов и форм, но глубокий пласт исторических процессов в преобразовании растений. Глубоко убеждена в том, что ботаническая общественность еще не вышла из состояния шока после ухода Андрея Павловича. А большинство знавших его еще не осознали в полной мере потерю, которую они понесли.

Перечитывая сейчас работы Андрея Павловича, постоянно приходит на ум мысль о том, как много еще мог бы он сделать, ведь неразработанными остались много его замечательных идей. Взять хотя бы некоторые – о растении и окружающей среде как микроэкосистеме, о генеративизации, о структурных элементах побегового тела растения (блоках, модулях, метамерах, как мы сейчас говорим). А что стоит одна из последних работ – о флористической границе в Гималаях, подтверждающая ранние представления ученых на новом уровне.

Пройдут годы, а ботаники по-прежнему, как свежий глоток воды, будут получать новые мысли и подтверждения своим идеям из работ Андрея Павловича. Жаль только, что изданы все его книги в мягких обложках, которые имеют свойство быстро стареть.

Андрей Павлович как большой ученый охотно делился своими знаниями, как бы теперь сказали, своей интеллектуальной собственностью, с коллегами. Помню 1996 год. Я изучаю зарубежные вероники. Знаю, у Андрея Павловича есть гербарий растений, в том числе и вероник из Турции. Короткий звонок – и разрешение на просмотр гербария получено. Андрей Павлович работал тогда в ботаническом саду МГУ на проспекте Мира. Через некоторое время я у него в лаборатории. И – о, чудо! Огромная комната, большой черный стол, несколько стопок гербария любимых вероник, а рядом замечательный консультант. Он помнил про каждый образец многое: где собрано, как росло растение, другие интересные детали. Несколько дней я работала с этим гербарием и позже лишь поняла, насколько расточительна была к его времени. Лучше бы он отдохнул, занялся другими, более важными делами. Но тогда об этом не думалось, хотелось, как губка, впитать каждую мысль, каждое слово, каждый совет.

И вот последняя встреча. Это было в Пущино, в 1997 году, в январе, на V111 школе по теоретической морфологии растений. У Андрея Павловича за плечами переход через Гималаи. Он выглядел как-то неважно, в глазах поселилась непонятная печаль. Тем не менее он прочитал великолепную лекцию в своем стиле, внимательно, как всегда, слушал других, помню, даже слегка поспорили об однолетних верониках. Как-то в кулуарах он сказал: «Доделывайте скорее свою докторскую. Надо бы к осени». Услышав в ответ, что спешить некуда, он вновь поторопил меня. На вопрос: «Зачем?» - ответ был странным: «А вдруг я…» Я не могу продолжить конец этой фразы, даже написать.

Поэтому как гром среди ясного неба были слова председателя на открытии 11(X) съезда Русского ботанического общества: «Не стало Андрея Павловича Хохрякова». Говорят: «Незаменимых людей не бывает». Бывают. Андрей Павлович – один из них.

Семихов Владимир Форезович

Доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Главного ботанического сада РАН, г. Москва.

С Андреем Павловичем Хохряковым я познакомился в в 1967 году. После окончания аспирантуры во Всесоюзном научно-исследовательском институте удобрений и агропочвоведения я поступил на работу в Главный ботанический сад АНСССР к профессору Андрею Васильевичу Благовещенскому. Однажды осенью 1967г. Я, по своему огбыкновению,

зашел к Андрею Васильевичу (мы, его сотрудники заходили к нему едва ли не каждый день так что мой визит был совершенно обычным, рабочим) и увидел у него солидного, но все же достаточно молодого человека в очках и бороде. « Знакомьтесь – сказал Андрей Васильевич – это Андрей Павлович Хохряков, научный сотрудник отдела «флоры». Надо сказать что об Андрее Павловиче я слышал довольно много от Андрея Васильевича да и не только. О нем говорили, что это хоть и молодой ботаник, но уже с именем, кандидат биологических наук и что сам Владимир Николаевич Ворошилов, очень скупой на похвалы, отзывается о нем очень высоко. Я по силе возможности вклинился в беседу, а речь шла о проблемах филогении и систематике однодольных, но видимо, на Андрея Павловича особо благоприятного впечатления я не произвел. И наши контакты не получили в то время продолжения. И это понятно. Тема моей кандидатской диссертации к этим проблемам отношения не имела. В тему, которую мне предложил Андрей Васильевич, касавшуюся проблем систематики и филогении злаков, я еще как следует не включился, поэтому в основном во время беседы помалкивал. В то время в ГБС работало много молодых специалистов, лаборантов, инженеров, аспирантов. Поэтому было неудивительно, что на очередное всесоюзное совещание молодых ученых и специалистов ботанических садов в Ялту (1970г.) в государственный Никитский ботанический сад прибыл большой десант из ГБС в том числе Андрей Павович Хохряков с женой Маей Тимофеевной Мазуренко. Было это ранней весной, мы были молоды и жизнерадостны. Здесь я более близко познакомился с Андреем Павловичем и в общем то мы, в какой то мере сошлись на основании глубокого уважения к Андрею Васильевичу Благовещенскому, которого Андрей Павлович ценил чрезвычайно высоко. Конечно, и тогда между нами ощущалась существенная разница. Андрей Павлович к тому времени уже был совершенно сформировавшийся глубокий исследователь в области систематики и филогении однодольных. Мои достижения в области хемосистематики растений были много-много скромнее. Это оказался милдый и добродушный человек, если дело не касалось проблем эволюции и и филогении. Если вы стояли на позициях резко отличающихся от позиций Андрея Павловича в этом вопросе, то…

Через некоторое время Андрей Павлович с Маей Тимофееывной уехали в Магадан, хотя и по собственной воле, но в связи с обстоятельствами, в основном материального характера во вновь организовавшийся институт биологических проблем Севера в котором Андрею Павловичу предложили должность заведующего лабораторией. Наши контакты в значительной степени прервались. Однако вскоре я заново познакомился с Андреем Павловичем, уже заочно. Как-то Андрей Васильевич Благовещенский пригласил меня к себе и показал на толстенный манускрипт и сказал: «Очень советую прочитать. Это диссертация Андрея Павловича Хохрякова.» Надо сказать что я с большим интересом и пользой для себя прочел от корки до корки диссертацию с пространными рассуждениями о значении энергии в эволюции, рандизации, направлениях эволюции жизненных форм, систематики однодольныъх. Диссертация была написана свободно и свежо, читалась легко. Я прочитал ее с удовольствием и пользой для себя. И мне было приятно. Что я лично знаком с таким образованным человеком и даже в какой то степени нахожусь с ним в дружеских отношениях.

Позже, уже в восьмидесятые годы Андрей Павлович и Мая Тимофеевна вернулись в Москву из далекого Магадана. С работой в ГБС как то не сложилось и Андрей Павлович был принят на работу в ботанический сад МГУ, возглавил филиал сада на Проспекте Мира. Видеться мы стали довольно часто, особенно в зимнее время, поскольку в более теплые сезоны, как только солнышко прогреет землю, Андрей Павлович стремился уехать в экспедицию, чаще всего на Кавказ и даже в приграничные районы Турции. Виделись мы в основном в ГБС, куда Андрей Павлович приезжал то в гербарий, то в библиотеку, то в редакцию «Бюллетеня ГБС» где часто печатался, на защиты где нередко выступал в роли официального оппонента. Очень часто заходил к нам в лабораторию, где к нему все относились тепло и с большим уважением. Пили

чай, гоняли тьму проблем. А поговорить было о чем. Время было бурное– грянула перестройка. Но главными в наших беседах оставались проблемы эволюции и систематики растений, роль биологии и науки вообще в нашей стране. Конечно, к этому времени мы стали взрослылее, как говорится умудренные опытом, и не слишком остро реагировали на неодинаковое понимание проблем, тем не менее беседы нередко принимали острый характер и всегда были для меня интересными. Я поражался нестандартностью научного мышления, хотя и далеко не всегда соглашался с Андреем Павловичем, широте его подхолда к обсуждаемым проблемам. Много и интересно, прямо художественно, Андрей Павлович рассказывал о своих поездках за рубеж (где бывал нередко) и экспедициях.

Свое шестидесятилетие Андрей Павлович отмечал в филиале ботанического сада МГУ на проспекте Мира. Обрались сотрудники, коллеги, близкие друзья. Андрей Павлович был полон сил и энергии, по прежнему полон грандиозными планами, в том числе написать флору Северо-восточной Турции. В общем то шестидесятилетие это хороший возраст, есть силы, опыт, знания, кажется что впереди еще много-много работы, событий, достижений. Нередко так и бывает. Но в данном случае судьба распорядилась по иному. В конце мая 1998 года в Санкт-Петербурге открывался 11(10) съезд русского ботанического общества. В это время Андрей Павлович чувствовал себя не лучшим образом. Но разве он мог пропустить такое событие! Конечно нет. Поехал и не доехал. Это было как гром с ясного неба. В это никак не хотелось верить.

Соколова Лидия Борисовна

Заведующая кафедрой Северо-Осетинского университета. Владикавказ.

Андрей Павлович был человеком с большой буквы, редкого обаяния. Никогда не забуду, как мы случайно встретились на «Комете» по дороге из Батуми в Сухуми. Пять-шесть часов пути пролетели незаметно в увлекательной беседе. Казалось, нет такой темы для разговора, нет такой области знаний, в которой он не был бы компетентен. Общение с ним всегда доставляло радость, обогащало, запоминалось надолго.

Не забыть также встречи в Батумском ботаническом саду, где я в благословенные доперестроечные времена проводила учебную практику со студентами-ботаниками Северо-Осетинского государственного университета. Мне захотелось подарить студентам радость общения с крупным ученым и настоящим человеком. Я долго не решалась обратиться к нему с просьбой прочитать лекцию моим студентам, зная его занятость, но к моему удивлению, он охотно согласился, за что я была ему чрезвычайно благодарна.

Несмотря на то, что у него весь день был расписан по часам, он все-таки выкроил время и прямо в природе экспромтом прочитал студентам интереснейшую лекцию о флоре Кавказа. Было ясно, что этот человек не только крупный ученый, но и отличный педагог. Студенты с восхищением его слушали, задавали много вопросов и удивлялись энциклопедичности его знаний.

Приехав на защиту своей докторской диссертации в МГУ, я сначала обрадовалась, когда узнала, что одним из оппонентов у меня будет Андрей Павлович. Однако после беседы со «знающими людьми» радость моя поубавилась. Среди своих коллег Андрей Павлович слыл чрезвычайно требовательным и даже придирчивым оппонентом.

И вот состоялась наша встреча. С душевным трепетом вручаю ему свою диссертацию. Через несколько дней встречаемся вновь, и я слышу «приговор»: «Все плохо, никуда не годится». Начинаем беседовать, и я с горячностью и азартом последовательно привожу контраргументы на все его доводы «против». Замечаю: он не только слушает меня, но и внимательно за мной наблюдает. С одними моими мыслями соглашается, вокруг других возникает дискуссия. В

общем, не заметили, как пролетело несколько часов. В заключение он сказал, что ему понравилось, с каким темпераментом я защищала свою работу, в диссертации много новых идей, дискуссионных вопросов, поэтому защита ее будет сложной. Тем не менее он согласен быть оппонентом, так как теперь, пропустив меня через своеобразную предзащиту, уверен в моем успехе. Однако необходимо диссертацию доработать.

О нашей совместной работе над моей докторской диссертацией у меня также остались самые светлые воспоминания. Работали мы у Андрея Павловича дома, превратив его квартиру в рабочий кабинет. На это время я стала членом его семьи. Богатейшая научная библиотека, машинка для печатания, рукописи – все было в моем распоряжении. Много ценных советов давала и Мая Тимофеевна Мазуренко – супруга А.П.

А как можно забыть совместные чаепития по вечерам, во время которых задушевные беседы на различные житейские темы переходили в научные дискуссии.

После успешной защиты моей диссертации Андрей Павлович с неподдельной радостью и искренностью поздравлял меня. При расставании высказал много интересных мыслей по дальнейшему развитию изложенных в диссертации идей.

Андрей Павлович Хохряков – крупный ученый-ботаник широкого профиля. Сфера его научной деятельности чрезвычайно разнообразна.

Сытин Андрей Кириллович

Научный Сотрудник Ботанического института им. В.Л. Комарова (Санкт-Петербург).

Рабле говорит, что редкие и драгоценные вещи – как тот мекккский бальзам, амбра и мускус, порошки из драгоценных камней и тому подобные удивительные снадобья – хранились порой в смешных и забавных шкатулках. Украшенные рогатыми зайцами, взнузданными гусями, василисками, гарпиями, сатирами и прочими затейливо вырезанными фигурками, подобные ларцы в древности называли "силенами" – по имени языческого божества, лукавого охотника до скоромного их собутыльника доброго Бахуса, и что случается так, что эманация божественной мудрости бывает порой заключена в причудливом и вовсе ей неподобающем хранилище. Вот этаким Силеном и представлялся мне Андрей Павлович Хохряков. Ларчик приоткрывался нечасто, но загадочный аромат аравийских благовоний явственно бередил обоняние.

Андрей Павлович Хохряков был одним из своеобразнейших представителей нашего ботанического сообщества. Его трудно классифицировать. В эволюционной морфологии растений, систематике, флористике, ботанической географии он открыл много нового. Присущие ему скепсис в отношении устоявшихся в науке парадигм, сомнения в методах освященных традицией школ или возражения авторитетам создали ему репутацию раскольника, но сделали из него неординарного мыслителя. Его эскапады, остроумные и язвительные, побуждали оппонента искать столь же нетривиальные возражения. И даже если при этом и не достигалась главная цель – обретение истины, то побочный результат полемики — возвышение градуса научного диалога – был очевиден. Идеи Андрея Павловича были, несомненно оригинальны, но многие остались эскизами, недоосмысленными самим автором. Разбросанные здесь и там в небольших работах, нередко напечатанные в малодоступных изданиях или даже вовсе неопубликованные, они жизнеспособны. Стало быть, если умный компилятор соберет их под одной обложкой, то труд его будет плодоносен. Он сможет подвести итог сделанному Андреем Павловичем и передать его опыт будущим исследователям. В этом случае мы исполним долг не только перед Хохряковым, но и перед наукой. Сохранить живые впечатления современников об Андрее Павловиче как о человеке – задача не менее достойная. Знаю по

опыту, что нет ничего труднее восстановления мелочей экспедиционного быта и атмосферы полевых исследований. А Андрей Павлович в годы перестройки стал настоящим первопроходцем. Воспользовавшись прозрачностью границы сопредельной Кавказу страны, он проник в Восточную Турцию, где появление иностранцев, да еще натуралистов, было настоящим шоком для местного населения. Слухи о его турецких путешествиях вызывали восторженное изумление и у отечественных ботаников.

Как же выразить своеобразие нрава и повадки Хохрякова? Современный мир слишком привержен стандарту, а Андрей Павлович был живым отрицанием любого шаблона. По степени самобытности его можно сравнить лишь с Павлом Александровичем Смирновым, знаменитым учителем многих московских ботаников. Увы! Были и небылицы о нем исчезнут вместе с немногими уже из ныне живущих носителей университетского фольклора. У Хохрякова студентов не было, но аура легендарности несомненно имелась.
А потому создателям его коллективного портрета следует постараться выявить черты подлинно неповторимого сходства, а не делать очередной фоторобот.

Интересно было слушать доклады Андрея Павловича, а также присутствовать на разного рода дискуссиях (например, защитах диссертаций), где он высказывался. Этого ждали. Его замечания были метки, остроумны, неожиданны. Ювелирное шлифование идеи, любование игрой бликов, огранивание магического кристалла не прельщало Хохрякова. В отношении продуцирования мыслей он был изобилен, плодоносен и щедр. Однако реплики свои, порой весьма забавные, он подавал с видом хмурым и невозмутимым. Эта манера почему-то чрезвычайно веселила его слушателей. Некоторые потом пересказывали слова Хохрякова смеясь, как свежие анекдоты, не всегда стараясь проникнуть в их глубину.

Да, это был настоящий enfant terrible! Москва беднеет, теряя своих чудаков. Поэтому хотелось бы, чтобы Андрей Павлович предстал в натуральном виде. Подобно киническому философу, он был весьма безразличен к одежде.

Хохряков перебрался в Магадан, где работал в институте биологических проблем Севера. Здесь он обрел несравненно большую свободу научного самовыражения. Таким образом, пятнадцатилетнее разлучение с Москвой открыло ему небывалые возможности для исследования флоры восточной Пацифики. Но, может быть, тоска по месту рождения стала причиной того, что Андрей Павлович стал особенно горячим московским патриотом. Он, например, упрекал меня в измене моей родной Москве, которую я, по его словам, променял на Питер.

Мы познакомились в Магадане в сентябре 1973 года. «У Вас истинно московская фамилия» – приветствовал меня А.П.Хохряков не без церемонности. Затем он продолжил разговор с Борисом Александровичем Юрцевым, мне же, по молодости лет, принять участие в беседе великих исследователей дальневосточного Севера было непросто. Второй раз я увидел его в Анадырском аэропорту летом 1974 г. Он сухо доложил о находках на Золотом хребте, умолчав о том, что чуть не погиб при учебных стрельбах, когда от воронки орудийного залпа его отделяло несколько метров. Впрочем, об этом мне поведали его взволнованные спутницы. Он сам, я думаю, не придал большого значения этому происшествию. Ведь он охотился за травами...

Познание растений было главным смыслом существования Андрея Павловича. Страстное любопытство к «прозябаемому царству» (как говорили в XVIII веке) не знало удержу, и его невозможно было ограничить никакими преградами, установлениями, регламентом. Он изучал растения всюду, где мог найти хоть один цветущий или плодоносящий побег. Никакие исторические или культурные ценности цивилизации (а ездил он по миру немало) не были для него столь притягательны, как какой-нибудь изрядно затоптанный холм в отдаленном городском

предместье, не важно Стамбула или Галле-на-Заале. Андрей Павлович всюду и везде устремлялся в природу. Во время посещений заповедников или национальных парков, входивших в программу каких-либо зарубежных конференций, Хохряков приводил гидов-аборигенов в отчаяние, а ботаников-соотечественников – в ужас, когда нимало не таясь он выцарапывал из земли краснокнижные редкости пальцами. Подчеркну, что охотничий азарт Андрея Павловича как коллектора был нацелен, главным образом, на поиск и сбор растения. Он мог вскарабкаться на страшную кручу, чтобы вытаскивать из трещины скалы вожделенную добычу чуть ли не зубами. Затем он низвергался| с высоты к подножию, запихивал растение в папку, едва раскрыв ее, и двигался на поиски очередного трофея. К процессу закладки растений для сушки он относился с полным сознанием его ответственности. Расправив образец, Андрей Павлович ужасным своим почерком писал этикетку. Затем начинались сложности. Дело в том, что, перекладывая пресс, он менял большинство рубашек для скорости высушивания, почти не обращая внимания на то, что подсыхающее растение сминалось и перекручивалось. Что и говорить, терпение и аккуратность не были в числе его добродетелей. Вот почему гербарные сборы Хохрякова не поражают высоким качеством.

Справедливости ради замечу, что, несмотря на погрешности в технике гербаризации, научная значимость собранных им коллекций высока. Хохряков крайне неохотно расставался с собранным материалом, но желание обеспечить сохранность коллекции превозмогало чувство собственности. Он решил передать часть турецкого гербария в Петербург, в Ботанический институт им. В.Д Комарова. С этой целью я явился с рюкзаком в мае 1994 года в кабинет Андрея Павловича, в филиал Ботанического сада МГУ (проспект Мира, 26). Закончив увязывать пачки, мы отправились прогуляться по парку. Каждый куст и дерево в нем мне были знакомы – ведь пришел я туда еще мальчишкой и проработал там четыре года (1968-1972). Поэтому картины быта сада почти тридцатилетней давности воскресли в моем сознании. Хмыкая и ухмыляясь, Андрей Павлович настаивал на записи этих невольно излившихся воспоминаний, притом срочно и непременно. Открыв калитку, мы оказались на огражденном участке – экспозиции полезных растений. Здесь Хохряков стал серьезен и непроницаем. Он нагнулся к грядке, на которой рос роскошный любисток, и, оторвав изрядной величины лощеный темно-зеленый лист, сложил его и быстро засунул под пиджак. Хмуро оглядевшись, он порекомендовал и мне оценить гастрономические достоинства этой пряной зонтичной травы в супе. Я охотно последовал его совету.

Поздней осенью 1995 года Хохряков предложил мне присоединиться к нему для поездки в Турцию на следующий год. Выезд в поле предполагался очень ранним. Он хотел датировать первые этикетки турецких сборов мартом.

Итак, утром 28 марта 1996 г. мы вылетели из ненастной, промерзшей Москвы. Белый покров тянулся почти до ростовских степей. Дальше показались проталины, раскинулись бурые равнины предгорий Кавказа, поднялись горные склоны, одетые голым лесом, вздыбились заснеженные цепи скалистых хребтов. Наконец, они отступили и открылось море, подернутое рябью, и узкая полоса аэродрома – мы приземлились.

Батуми встретил томной дымкой. Благоуханно-терпкие испарения земли смешивались с смолистыми ароматами самшита, эвкалиптов, кипарисов и кедров. Иссиня-белые цветки алычи и желтые соцветия керрии напоминали японские ксилографии. Быстро проехали город и взобрались по петляющей дороге на гребень холма. Здесь, высоко над морем, находилось родовое гнездо Маи Тимофеевны Мазуренко на Зеленом мысу. Отсюда начался очередной для Хохрякова и единственный для меня турецкий маршрут.

В саду около домика покойной мамы Маи Тимофеевны росли вечнозеленые пальмы и грейпфруты, еще не одетые листвой североамериканские березы и огромная лиана киви,

истекавшая весенним соком. Мы занимались там разборкой вещей. На исходе дня Батуми быстро погружался во мрак. Электроэнергия подавалась всего на два часа в сутки (поздно ночью). Вечерами мы ходили в гости, где пировали из скромных запасов хозяев при свечах.

В дендрарии Батумского ботанического сада цвели магнолии и понтийский рододендрон. Парк, казалось, был хорош по-прежнему. Но это было не так. Памятник великому фитогеографу А.Н. Краснову – основателю сада - исчез с постамента. Бронзовую статую пытались вывезти в Турцию, на металлолом (позже вернули на место). Библиотеку растащили. Гербарий, светлый и уютный при Александре Алексеевне Дмитриевой, ныне был разорен. Раскрыты дверцы шкафов, выброшены связки растений, все гнило и разрушалось. Бедная Александра Алексеевна! Как она знала и любила растения гор и ущелий Аджарии!! Прежде она казалась мне немолодой, но очаровательной феей из сказки Андерсена. Той самой, которая сделала невидимыми кусты роз в цветнике, чтобы Герда не вспомнила, глядя на них, о своем Кае, но забыла, по рассеянности, стереть изображения роз с полей своей соломенной шляпы. Теперь ее не стало, и лишь два тома написанной ею «Флоры Аджарии» напоминали о ней самой.

Между тем укладка вещей продолжалась. Различие полевого опыта компаньонов рождало противоборствующие замыслы. Особенно страстно обсуждался вопрос о печке. Железная буржуйка, против которой была настроена Мая Тимофеевна, все-таки поехала с нами. Она очень пригодилась, особенно в дождливые и ветреные дни, которых было много. Кроме прямого назначения – приготовления пищи, на ней сушили бумагу. Когда не хватало древесины, жгли сухие стебли шиповника, барбариса, трагакантов. Плоский камень, которым я прикрывал отверстие трубы, чтобы дрова не прогорали слишком быстро, собирал на себя продукты неполного сгорания топлива. Интересно было следить за появлением на его поверхности конденсата – тягучего желтого масла, вытопившегося из прошлогодних побегов коровяка (Verbascum), а внутренние стенки дымохода при этом быстро заполнялись жирной сажей. Во время переездов печку увязывали на багажник вместе с горой прессов, рюкзаков, вьючников. Вся поклажа вызывающе увеличивала габариты наших «Жигулей», приводя в изумление турецкую дорожную полицию. Вскоре Мая Тимофеевна примирилась с печкой и стала использовать ее внутренность для транспортировки побегов деревьев, морфологию которых она изучала. К концу дня из печки торчала немалая связка кривых и колючих ветвей – представителей древесной флоры горного Лазистана. Андрей Павлович, поглощенный изучением и сбором растений, сохранял относительный нейтралитет и был довольно терпим к бытовым неурядицам. Однако он весьма оценил мой способ разогревания на печке пышного турецкого хлеба, быстро сыревшего в перенасыщенном влажностью воздухе. Надо сказать, его философическое бесстрастие иногда взрывалось. Он был вспыльчив, и темперамент его мог прорываться тогда, словно кипящая лава. Объектом его гнева (не всегда праведного) был чаще других наш шофер Сулико. Однако тот умел постоять за себя и, отбросив флегматичное добродушие, со всей пылкостью батумского уроженца бросался в контратаку. К счастью, оба были отходчивы и незлопамятны. Вот короткие выдержки из моего полевого дневника: «Воскресенье, **31 марта**. 2 часа дня. Выехали с Зеленого мыса. Машина не вполне готова к далекому путешествию. Тщетно ищем работающую вулканизацию – все закрыто. Заправляемся в последний раз бензином за лари. Заплатив 10 долларов на таможне, вступаем на чужую землю. Турция встретила нас белым минаретом в предвечернем тумане. По дороге к Хопа Сулико вспомнил, что оставил путевой лист на таможне. В Хопа купили мешок картошки, более дешевой, чем в Аджарии». «Первые сборы растений были сделаны в окрестностях деревни Лиман кой (все-таки в марте!). Я поднимался по дорожке до начала чайных плантаций, обычных по склонам. Здесь же состоялась первая трапеза – банка шпрот, хлеб и вода из источника. На приморских склонах западной экспозиции – россыпи розово-пурпуровых соцветий Primula megaseifolia. Скалы сырые, покрытые мхами и папоротниками. Цветет небесно-синий

Omphalodes cappadocica. В сумерках, проехав городок Архави, устраиваемся на ночлег в лесистом (граб, ольха, орешник) ущелье. Деревья еще голые. Орешник одет зеленым пухом. По дороге видели старые сараи на четырех ногах-сваях».

«**1 апреля.** Удивила темнота в ранний час (7 часов по батумскому времени, 5 утра по местному). Отдаленное пение муэдзина. Яркая Венера над лесистыми склонами. Скоро вышло солнце. Стало тепло. По дороге спускались машины. Люди, в них сидящие, с удивлением наблюдали нашу стоянку и странный быт».

«**2 апреля.** Погода дождливая. Машина едва вскарабкалась по скользкому подъему на шоссе. Вещи носили на себе. В ущелье видели много интересной старины, не очень ценимой местным населением. В городке – базар. А ниже – замечательный мост через реку, – деревянный с крытой черепицей галереей. Уже вблизи самого Офа поднялись с А.П, с большим трудом продравшись сквозь колючие путы ежевики, по ломким ненадежным базальтовым скалам ущелья, повыше, где на каменистых склонах рос сосняк с Rhododendron ponticumj Erica sp., Azalea pontica. Я нашел здесь Diphasium complanatum. < … > Продолжили путешествие по приморскому шоссе. Остановились у небольшой искусственной гавани, созданной из громадных камней, которые выламывают и свозят со строящихся дорог. На берегу лежали массивные рыбачьи лодки. Немного плавника и сухого былья помогли вскипятить воду для чая. В бухточке плавали поганки (пролетные?). Часто видим и бакланов, однако не замечали, гнездятся ли они. Стайки трясогузок летят к нам на Север.<...> «Среди домиков мелькают белые мечети и минареты. Они разнообразны и, кажется, построены недавно. Некоторые похожи на уменьшенные копии константинопольской Айя-Софии. Дождь и туман усилились. Недалеко от Трабзона встретился маквис: Arbutus, Erica, Laurus. Проехав городок Териболу, свернули с побережья в долину р. Харшит. Миновали городскую свалку, где кормилось множество воронов и серых ворон. По грунтовой дороге, среди огороженных плантаций фундука уже в ранние сумерки добрались до полуразрушенной хатки, стоявшей на склоне. Это место напоминало декорацию к опере «Майская ночь». Здесь и заночевали. Отапливались снятыми с дома ставнями, которые использовались также в качестве стола и скамьи. Приготовленный МТ плов (вкусный, хотя и пересоленный), разделил повстречавшийся с нами водитель – турок. Он не мог расстаться с Сулико, они говорили не умолкая. За трапезой он несколько раз с беспокойством спросил у него, не накормим ли мы его свининой." <...>

«**3 апреля.** Утреннее пение муэдзинов показалось мне архангельским благовествованием. Сидя на лавочке в предвкушении завтрака, А. П. в предрассветных сумерках жаловался, что не избирался Академиком никакой академии, ни даже почетным членом какого-либо научного общества, что он непризнан. Полукомические ламентации на неангажированность продолжались. В утешение мы решили учредить «Academia Pontica» и единогласно избрали Хохрякова| президентом ее. Эмблемой академии предложена Daphne pontica в цвету. <...>

С трудом одолел наш Сулико крутой подъем из садика на дорогу. Выехали на шоссе вдоль р. Харшит. На южных склонах около одинокого турецкого старого дома, на перилах деревянной галереи которого проветривались круглые половики, сшитые из лоскутных клиньев в виде лучей, я собрал первую созревшую землянику.

Ущелье становилось теснее и уже. Проехав 30 км, машина остановилась – кончился бензин. Появилась возможность забраться в боковое ущельице, откуда были видны крутые склоны долины. Растущие здесь дубы, очевидно, угнетены – их кроны напоминают метлу. Ольга Волцит (энтомолог из зоомузея МГУ, систематик, специалист по клещам (Acarinae), встретила старика, ухаживавшего за своими ореховыми плантациями. Возможно, он счел ее гурией!

Сулико, надеясь разжиться бензином, сел в микроавтобус и уехал с какими-то проезжавшим

вниз по ущелью парнями, однако без результата. АП и МТ не позволили ему ехать на поиски бензина с теми же попутчиками вверх по долине. Он остался у своих «Жигулей». Все проезжавшие владельцы легковых автомобилей предлагали бензин (другие работали на солярке), но попытки залить горючую жидкость в наш бак были тщетны – диаметр отверстия и толщина шланга не совпадали.

К концу дня вдвоем с ОВ на машине, принадлежавшей работнику из среднего начальствующего персонала дорожного строительства, который что-то нам пообещал, поехали наобум куда-то. У нас был разговорник, но понять друг друга не могли. Заезжали в несколько мест по дороге. Слово «патрон», которое было произнесено младшим, передававшим строительным рабочим какие-то свертки (очевидно, шашки для взрывных работ). В других местах мы решили бы, что имеем дело с террористами. Проехав около 40 км до бака с бензином, мы всего лишь час спустя были доставлены обратно к «Жигулям» с полной 12- литровой канистрой. Его едва ли хватило бы до заправки в Гюмюшхане. Посему решено было вернуться назад, к «майской» х|атке.

Спускаясь в темноте по шоссе, не заметив поворота, оказались вдруг в Тиреболу, где во избежание повторения случившегося запаслись бензином как следует (бак и канистра)! К несчастью, вместо «normal», Сулико по ошибке залил «super», который был дороже вдвое (30 долларов). Последовала очередная разборка, т.е. весьма нервное обсуждение сегодняшних злоключений, по дороге к знакомой хатке. Войдя в нее, АП обнаружил там забытые им во время утреннего переодевания парадные джинсы.

Злополучный день сменила ночь, таившая очередной кошмар! Лишь только мы стали засыпать, вволю насмеявшись, со стороны начальственной палатки послышались крики, напоминавшие фонограмму эпизода фильма о нападении на мирную деревню шайки разбойников. Мы прислушивались к панике, не вылезая из палатки. Вскоре возбуждение улеглось, но топот множества шагов убедил нас, что мы окружены и что настал наш черед стать объектами операции по захвату. Это был визит местных жандармов.
Проверяли документы, светили в лицо фонариком. Меня без церемоний вытащили босиком из палатки, как «беляки» красного комиссара в гражданскую войну. Слово «доктор» их успокоило, но нам было предписано не задерживаясь оставить это место рано поутру. Мы нарушили право частной собственности, расположившись на постой без разрешения владельца участка».

Сейчас, когда прошло уже пять лет и с нами нет дорогого Андрея Павловича, я сознаю, как пленительно было это, так нелегко давшееся всем его участникам, путешествие; как интересна весенняя флора Малой Азии; как живописны селения восточной Турции, лежащие вдали от проторенных туристами маршрутов. Сама неустоявшаяся весенняя погода с циклонами, чередованием солнца и ливней, с нагромождениями облаков дарила редкой красоты впечатления. Разве можно забыть Испир, когда по крутым ступеням, мокрым от недавнего дождя, мы поднялись к мощным стенам крепости и вошли в развалины большого христианского храма. Через проломы стен на фоне темно-сизых туч и серых скал ущелья светились, сквозь лучи низкого солнца, свежая зелень листвы пирамидальных тополей, бледно-розовые цветки и карминно-красные бутоны абрикосовых деревьев. Этот эмалевой звучности аккорд оттенков зеленого, розового, сине-фиолетового цветов делал понятным истоки декоративной живописности иранских миниатюр.

Неповторимую ноту вносило участие Маи Тимофеевны, за здоровье которой Хохряков торжественно поднял тост по возвращении. Трудно представить эту чету врозь. Андрей Павлович очень ценил Маю Тимофеевну, да и можно ли остаться равнодушным к женщине, которая способна назвать свою умнейшую, не похожую ни на какую-либо иную, кошку «Лючия-Де-Ла-Мер-Мур»? И как было бы скучно в нашем маршруте без ее импровизаций, когда оперно-мелодраматические темы вплетались в злободневный сюжет о «Черном Начальнике»? Без ее

приснопамятных восклицаний: «Хамарджоба! «Хамарджоба!» – по прибытии наших «Жигулей» в горные турецкие деревушки? Другие – «серьезные» экспедиции, где невозможен весь этот балаган на колесах, кажутся в сравнении с той поездкой куда более пресными и бедными впечатлениями, а главное – теплом, которым так щедро одаривала всех нас кавказская традиция общения, ее юмор, отзывчивость и культура. Дух этого обычая Мая Тимофеевна впитала в Батуми и Тбилиси в золотое послевоенное время, еще не омраченное ни национальной рознью, ни одичанием, когда в уличной толпе тут и там вспыхивали блестки подлинного артистизма, не говоря уж о тонкости гостеприимного обхождения грузинских «хороших семей».

Андрей Павлович крайне дорожил временем в той поездке. Он торопился посетить как можно больше точек, собрать как можно больше образцов растений. Не останавливаясь, прямо в машине, он диктовал Маее Тимофеевне списки сообществ. Особенно его интересовали ассоциации средиземноморских видов, фрагменты «маквисов» и нагорных ксерофитов, встречавшихся группами, наиболее обычно – в долине Чороха. Думаю, что анализ формаций этих ореофитов, чуждых лесистой Эвксинской провинции, занял бы важное место в концепции Андрея Павловича об островных фитохориях и получил бы освещение в его детализации флористического районирования Кавказа и сопредельных территорий и, конечно же, отразился бы в его новой книге о флоре Северо-Восточной Турции. Но во время путешествия Хохряков не расположен был ни задерживаться, ни отдыхать, ни пространно комментировать значимость флористических находок или особенности строения растительного покрова. В ответ на наши увещевания он не раз напоминал нам слова Н.И. Вавилова: «Надо спешить...» Он был нацелен на поиск фитогеографических связей Балкан с Эвксинской и Гирканской провинциями, с их продолжением в Восточной Азии. Не довольствуясь данными литературных источников, Хохряков надеялся наблюдать особенности размещения растения в натуре, своими глазами. Он успел еще побывать в Непале и сделать важные выводы о связях флор Гималаев с переднеазиатской.

Последний упрек, самый горький, – обращу к самому себе. Раскаиваюсь в беспечности, с которой я отнесся к возможности поучиться у Андрея Павловича за тот недолгий срок, отпущенный мне для общения с ним; в том, что не распознал в его одышке и губах, синевших на трудных горных подъемах, угрожающие признаки болезни; что недостаточно вникал в замысел и содержание его ненаписанной «Флоры Северо-Восточной Турции», которая стала бы венцом его многолетних наблюдений флор горных стран Евразии. Тогда другие интересы заслонили очевидное: оборвавшееся сотрудничество могло бы стать одним из интереснейших в моей жизни. Казалось, подожди немного – и начнется совместная работа по обработке коллекций, и обещанный им доклад в Ботаническом институте на тему о русских исследователях Малой Азии, и многое другое. Не состоялось...

Овал бухты. Серое море со всеми оттенками серебра и перламутра. Военное судно на рейде. Все те же темные кипарисы и оранжево-золотые плоды цитрусовых деревьев на ветках. Мы вернулись из Турции на Зеленый мыс и занимаемся гербарием...

Не только в шкафах, но и на чердаках, лестницах, чуланах в доме Маи Тимофеевны и Андрея Павловича валяются книги. Они отсырели, мицелий грибов пятнами расползается по слипшимся страницам, но запах тлена, исходивший от разрушающейся целлюлозы, не был неприятен. Книги жгли в печке вместо дров. Увозить их на себе слишком тяжело. Было предложено брать на выбор что угодно. Среди прочих там находились издания академической серии «Литературные памятники», имелись и другие заманчивые редкости. Из этого книжного кладбища я захотел оставить себе на память только книгу Андрея Павловича «Закономерности эволюции растений» (1975). Он подписал ее мне: «Дорогому Андрею Кирилловичу Сытину в память о турецком путешествии и пребывании на Зеленом мысу. 28.111. – 20.IV. 1996 г. автор А. Хохряков». Эта

небольшая книжка теперь – одна из самых дорогих для меня.

Ульянова Татьяна Николаевна

Доктор биологических наук. Научный сотрудник гербария Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства им. Н.И. Вавилова, г. Санкт-Петербург.

С Андреем Павловичем Хохряковым я впервые познакомилась в Магадане в 1974 году во время полевого сезона. Это была наша первая встреча, а затем было длительное общение в следующем полевом сезоне 1975 г. В дальнейшем жизнь подарила мне еще множество дружеских теплых встреч с Андреем Павловичем – и в Москве в Главном ботаническом саду, в Ленинграде в Ботаническом институте.

В 1974 году я (как и всю жизнь) работала в ВНИИ растениеводства им. Н.И. Вавилова в отделе систематики, гербария и сорных растений. Отделом руководил профессор В.В. Никитин, прекрасный знаток сорных растений. За мной была закреплена тема – сорные растения советского Дальнего Востока. К 1974 году, начиная с 1970 г., уже были обследованы Приморский и Хабаровский края, Амурская и Камчатская области, где был выявлен видовой состав сорных растений, но очень хотелось побывать и на северо-востоке страны. Однако, до этого еще не приходилось общаться с ботаниками Магаданской области, хотя флористические работы Андрея Павловича мне были известны. И вот с сотрудницей нашего отдела Н.Н. Луневой мы прилетели в Магадан, в институт биологических проблем Севера, где была большая лаборатория Андрея Павловича Хохрякова. Но в этот момент он был в экспедиции. Однако, нам разрешили временно разместиться прямо в лаборатории. Это была небольшая комната, снизу до потолка заполненная гербарием. В середине комнаты стояли столы, также заполненные гербарием. Пустое место для спальников нашлось лишь сбоку стола и под столом. Там мы и ночевали две ночи. На третье утро очень рано из экспедиционной поездки вернулся Андрей Павлович. Он был страшно удивлен нашим присутствием (без предупреждения!) и видом. «А это что за тетки здесь?» – сказал он суровым голосом. Сначала мы очень испугались его тона, но уже через полчаса Андрей Павлович мирно беседовал с нами и оказался так добр и великодушен, что сразу пригласил нас жить к себе в городскую прекрасную квартиру, где также тепло нас приняла его замечательная супруга – известный ботаник Мая Тимофеевна Мазуренко.

До поездки в Магадан я знала работы Андрея Павловича по эволюции растений, но сама я флорист и потому очень волновалась от мысли о предстоящей встрече с ним. К тому же надо отметить, что мы – сотрудники ВИРа, традиционно занимающиеся прикладной ботаникой, почти всегда ощущаем по отношению к себе еле уловимое превосходство «чистых» ботаников. Здесь же этого не было и в помине. Наоборот, Андрей Павлович сказал: очень хорошо, что вы будете обследовать посевы, ибо нам из-за отсутствия времени это почти не удается. Все наши маршруты, с учетом существующих сельскохозяйственных совхозов (и доступных транспортных средств), были обсуждены и разработаны совместно с Андреем Павловичем и Маей Тимофеевной. Перед нашим выездом Андрей Павлович очень подробно рассказал о флоре Магаданской области и ее особенностях и предложил поработать в гербарии, что мы сделали с радостью.

Надо сказать, что уже с первых встреч с Андреем Павловичем было ясно, что мы познакомились с необыкновенным человеком. Сразу поразила его увлеченность ботаникой и необычность мышления, когда он мог на любое явление, любой факт взглянуть не с обычной, присущим многим точки зрения, а со своей особой, нестандартной, свойственной только ему.

Беседы, общение с Андреем Павловичем будили мысль, заставляли глубже осмысливать

полученные научные результаты.

Наши обследования посевов сельскохозяйственных культур в Магаданской области (Сеймчан, Сусуман, Хасын, Ола, Талон и другие районы) позволили, как и предполагал Андрей Павлович, обнаружить ряд новых заносных растений, еще не указанных для флоры области. Это Agrostemma gitago L., Amaranthus retroflexus L., Centaurea cyanus L. Fagopirum tataricum (L.) Gaertn. Raphanus raphanistrum L.

Мы были счастливы влить эти сборы гербария в общий гербарий Магаданской области. Еще я помню, как Андрей Павлович помог мне избавиться от постоянно мучившей меня мысли во время моих первоначальных полевых исследований о том, что я не могла сразу определить растение до вида, а определяла лишь до рода. Я очень стеснялась этого, Андрей Павлович сказал, что это так и должно быть – и он в поле не стремится определять растения до вида, а определяет лишь до рода.

Помню, как в Сеймчане мы с Андреем Правловичем и Маей Тимофеевной отмечали день рождения их тогда еще маленького сына. Это был совершенно необычный праздник. Все мы полулежали на спальных мешках. На полу лежал подарок сыну – большой бивень мамонта, найденный Андреем Павловичем во время экспедиции. Конечно, было много интересных рассказов и воспоминаний, а также вкусной еды, главным же угощением для нас была икра, которую до этого мы не ели и не видели в таких количествах. Я запомнила этот праздник, этот прекрасный миг жизни, радушие хозяев, юмор и особое остроумие Андрея Павловича.

И тогда, и сейчас я благодарю судьбу за то, что были и этот прекрасный день, и многие другие удивительные, неповторимые часы общения с дорогим Андреем Павловичем.

Не стало Андрея Павловича, но навсегда остался огромный гербарий, собранный им, остались его многочисленные труды, книги, в которых отражены его взгляды на растительный мир, остались ученики и вечная, прекрасная память о выдающемся ботанике и интереснейшем человеке.

Шорина Нина Ивановна

Доктор биологических наук. Профессор Московского государственного педагогического университета

Об Андрее Павловиче Хохрякове я впервые услышала в 1954 году, будучи студенткой 3-го курса биофака МГУ, ка*фед*ры геоботаники.

А.П. младше меня на два года, и соответственно, в это время был только первокурсником. Однако уже тогда среди студентов факультета он был широко известен как талантливый ботаник, глубоко увлеченный этой древней наукой. На факультете его всегда почтительно, но с некоторой иронией называли Андреем Павловичем и преподаватели, и все студенты от первокурсников до выпускников. Действительно, он выделялся среди них своей целеустремленностью.

Когда сокурсники впервые показали мне А.П., я увидела хрупкого юношу в больших роговых очках с очень серьезным выражением лица. Я подумала: «Да, это настоящий ботаник!» Тогда я, естественно, не подозревала, что четверть века спустя слово «ботаник» среди школьников приобретет уничижительный смысл и будет означать чрезмерно старательного ученика, ничем, кроме учебы, в этом мире не интересующегося.

В студенческие годы я, в общем, мало общалась с А.П. и видела его преимущественно издалека на разнообразных научных заседаниях. В них он активно участвовал и поражал своим

бесстрашием в дискуссиях с преподавателями и старшекурсниками.

Однажды, возвращаясь домой из университета, я оказалась рядом с А.П. в вагоне метро, и мы разговорились. Разговор был светский и касался разных тем, в том числе истории нашего Отечества. Из этой встречи, я вынесла убеждение, что А.П разносторонне эрудирован и отнюдь не зациклен на одной ботанике.

Позже, в 1960-1961 годах, я неоднократно сталкивалась с А.П. в Главном ботаническом саду АН СССР, где оба мы работали: А.П. – в отделе флоры, а я – в оранжерее. Моим непосредственным начальником в те годы был Станислав Михайлович Разумовский, известный геоботаник и флорист. Он задумывал тогда реформировать оранжерейные экспозиции на основе флористических принципов, а потому интересовался вопросами становления классификации флор. Вопросы эти весьма сложны. С.М. разрабатывал их в свойственной ему экцентрической манере и нуждался в достойных оппонентах. Среди сотрудников ГБС таковых в этот период не было, и С.М. занимал позицию абсолютного научного лидера.

Когда в конце 1960 года А.П. начал работать в ГБС, он проявил интерес к концепции С.М. и стал периодически появляться в комнате №13 оранжерейного здания, где находились рабочие места С.М. и мое.

Наконец-то научное лидерство Разумовского перестало быть абсолютным, у С.М. нашелся собеседник (и оппонент) равного научного веса. Я невольно присутствовала при их беседах и спорах. В моей паамяти ярко сохранилась картина: за одним столом сидят напротив друг друга высокий сутуловатый С.М.Разумовский и сверкающий очками А.П.Хохряков и яростно спорят о проблемах флористического членения Земли.

За время работы в ГБС мне запомнилась также одна нечаянная встреча с А.П. Это было 16 апреля 1961 года, в день моего рождения. День был солнечный, весенний, и я решила сделать себе подарок – насладиться прогулкой по дубравам ГБС. По дороге в отдел флоры навстречу мне шел А.П. Меня поразило выражение счастья на его лице, и я поинтересовалась, чем это вызвано. «А у меня сегодня родилась дочь! - с гордостью ответил А.П. – И я потому счастлив!»

После отъезда А.П. и М.Т. на Дальний Восток с 60-80-х годов я встрečалась с ними главным образом на научных конференциях, посвященных памяти проф. И.Г. Серебрякова, и школах по теоретической морфологии растений. Их регулярно организовывали МГУ и кафедра ботаники МГПИ (ныне МГПУ). Школы проходили в разных городах страны, а конференции в Москве и рассматривали проблемы экологической морфологии растений – оригинального направления ботаники, созданного И.Г.Серебряковым, его учениками и последователями. И школы, и конференции всегда были многолюдными, в них участвовало от 60 до 150 ботаников из разных городов и разных учреждений (вузов, ботанических садов, академических институтов и др.).

Сообщения А.П. на этих научных собраниях выделялись широтой постановки вопросов, новизной подходов к их решению и оригинальностью теоретических сообщений. Нельзя сказать, что выступления А.П. всегда встречали всеобщее одобрение. Их критиковали за недостаточную четкость формулировок, непривычную терминологию, редакционную «непричесанность». Однако слушали доклады и выступления А.П. с большим интересом, хотя не все слушатели смогли оценить по достоинству их оригинальность и новизну идей.

Доклады А.П., а позже и М.Т. включали новые результаты, например, об изменениях жизненных форм в онтогенезе (онтобиоморфах), особенностях жизненных форм высших споровых (категории жизненных форм), сезонных изменениях жизненных форм (антобиоморфах) и т.д.

Оглядываясь назад, понимаешь, что А.П. Хохряков был одним из самых ярких продолжателей серебряковского направления в ботанике. Доклады, статьи и книги А.П.Хохрякова развивали это

направление, обогащая его новыми фактами и идеями. Именно А.П. один из первых осознал, что И.Г. Серебряков и его последователи создали принципиально новый раздел экологической ботаники, предметом изучения которого были жизненные формы растений. А.П. предложил называть этот раздел ботаники биоморфологией растений. В наши дни это направление все шире используется как в ботанике, так и в общей биологиии.

В середине 90-х годов я подготовила к защите докторскую диссертацию, посвященную биоморфологии и популяционной биологии папоротников. Главным оппонентом своей работы я выбрала А.П., поскольку его интересовала эта тематика и он опубликовал ряд крупных статей о классификации и эволюции жизненных форм папоротников. А.П. охотно откликнулся на мою просьбу об оппонировании. Он тщательно изучил диссертацию, сделав пометки на полях. В целом он одобрил работу, но высказал ряд дельных замечаний. Самое главное, он подсказал возможные направления дальнейших исследований, например, анализ «дерновинных» биоморф. папоротников, сопоставление онтогенетических изменений жизненной формы у длительно живущих папоротников и сериальных смен растительности, изучение механизмов рассеивания потомства у «шагающих» папоротников и др. Эти пожелания А.П. позже, уже после защиты, я постаралась реализовать в работах своих аспирантов.

Надо заметить, что ряд моих воззрений (например, на эволюцию гаметофитов) не совпадал с представлениями А.П. Хотя мне не удалось убедить его в своей правоте, формы наших дискуссий во время защиты были вполне корректными. А.П. отнюдь не занимал позицию человека, который считает правильными только собственные взгляды.

В период нашего общения в связи с моей защитой я еще раз убедилась в широте и энциклопедичности знаний А.П. в разных отраслях ботаники и в его прекрасных человеческих качествах: доброте, трудолюбии, добросовестности и искренности.

Сообщение о безвременной кончине А.П. застало меня в Санкт-Петербурге на заседании 11 делегатского съезда Русского ботанического общества. Это было неожиданно, как гром среди ясного неба. Трудно было поверить, что такой энергичный и нестарый человек так внезапно ушел из этого мира. Хочется надеяться, что его научные задумки и планы будут реализованы его учениками и близкими и послужат развитию ботаники – любимой науки А.П.

Глава пятнадцатая: Отрывки из дневников Ларисы Николаевны Васильевой

Лариса Николаевна Васильева – миколог, доктор биологических наук. Работает во Владивостоке в биолого-почвенном институте РАН. С нами работала в экспедициях в 1973, 1974,1975 и 1976 годах.

Как обидно, ничего-то никогда не помню, а часть записей потерялась... Не помню подробности перелета в Магадан и знакомства с А. П. Хохряковым и М. Т. Мазуренко.

Магаданская

«1973 **20 июня**. Ездила с Хохряковым на Оксу. Выехали по трассе Магадан-Армань, сошли на пересечении ее рекой Оксой и отправились вдоль реки к морю. Залезли на ближайшую сопку, где среди камней и песка росла дицентра удивительной красоты, очень яркого розового цвета, густая и пышная; патриния сибирская с желтыми шариками соцветий над маленькими розетками листьев; куртинка кассиопы с белыми, словно фарфоровыми "колокольчиками". В пойме собрали лейзелеурию, похожую на шикшу, с розовыми звездочками цветков, анемон Ричардсона с желтыми цветками, Carex podocarpa с красивыми черными колосками... Наледи на реке еще толщиной до полутора метров.

На морском берегу растения удивительные – аммодения (морянка) с сочными зелеными листьями, голубая мертензия, пышно разросшийся крестовник с листьями, словно покрытыми паутиной. На склонах вдоль моря растут эдельвейсы. Бледно-розовые зонтики примулы, ярко-малиновые цветки рододендрона. Особенный запах морского берега, наполненного

выброшенной ламинарией...

23 июня. Ездили на 54-й километр, влезли на гору за поселком Сокол, недалеко от аэропорта. Чудесные горные растения: малиновые крупные цветки рододендрона камчатского, прямо над землей; резьба плотных вай папоротника Dryopteris fragrans; плотные полушечки диапенсии с белыми цветочками; сиреневые кисти Erysimum с приятным запахом – как странны нежные растения среди камней и песка; мелкие зеленые звездочки стеллярии сибирской; сизоватое растеньице Bupleurum triradiatum с фиолетовой сыпью цветения в зеленых обертках; розовые фонарики Phyllodoce. Но больше всего белых, трепещущих на ветру цветов – дриады, сиверсии, анемоны.

24 июня. Вчера много бегали, спать легли только в час ночи, а в три уже встали. Минут через сорок грузились в маленький носатый автобус, чтобы ехать в аэропорт. Наш отряд состоит из семейства Хохряковых (Андрей Павлович, Мая Тимофеевна, Паша и дворняжка Трезор), сотрудницы лаборатории ботаники Киры Павловны, лаборантки Светы и меня. В автобусе было холодно и очень хотелось спать.

Аэропорт битком набит народом. Вылет самолета откладывается. Сваливаем спальники и рюкзаки на пол и спим на них до одиннадцати часов, потом регистрируемся и еще полтора часа сидим на улице.

Северо-Эвенск. Жарко, пыльно, чахлая зелень и белые бараки. Аэровокзал помещается в жалком домишке. Свалили там вещи, оставили К. П., Пашу и Трезора возле них, вчетвером пошли искать пристаница. В вестибюле школы-интерната – беспорядок ремонта. Вахтер – милейший человек, усадил нас, повел А. П. и М. Т. к директору и развлекал разговорами о том, как здесь речки кипят от кеты, когда она идет, и как мешками собирают на берегу уек, корюшку и мальму. Молодой и осторожный директор поместил нас на эту ночь в спортивном зале – солнечном и уютном, где много стульев и столиков, два пианино и кроватные сетки, перекочевавшие сюда из-за ремонта. На этих сетках мы и расположились по углам.

Устроившись, пошли в ресторан “Северянка”, функционирующий днем как столовая. Изнутри облицован коричневым деревом, покрытым лаком, а на нем – черная чеканка: бригантина, краб, голова оленя, рыбы. Очень красиво, только потолок очень страшный, давно не было ремонта. Купили котлеты и шницель из оленины... Потом отдыхали. Часов в одиннадцать вечера тихо, закат, розовые облака, белая ночь. Я всыпала в чайник слишком много заварки, так что никто не мог пить, и А. П. изводил меня насмешками и сожалениями, что меня взяли в экспедицию.

Ночью все ходили гулять по Северо-Эвенску до двух часов, совсем светло.

25 июня. В райисполкоме отметили командировки, получили груз, занимались им до полудня, закладывали гербарий, я писала этикетки для А. П. К вечеру разделились на тройки, пошли на экскурсию. А. П., Света и я – к реке Гарманда, она течет прямо за летным полем. Хотели перейти – за ней такие чудесные обрывы, но река быстрая и глубокая, не перейти. На берегу двое парней указали нам брод и угостили чаем с конфетами, но брод все равно был глубокий, воды по пояс, и А. П. заявил, что меня снесет. Этот берег был беден растениями и не интересен.

26 июня. Погода испортилась: туман, морось, сплошная серая пелена, южный ветер. Сидим дома, пишем письма. Вечером отмечали “число рожденья” Светы, пили “Тракию”, потом А. П. и я еще “дернули” спиртику под насмешки всего остального коллектива. Ходили гулять к морю. Была ужасная морось, серость и холод, волны злобно бились о берег, уек лежал ковром на берегу и морские водоросли.

27 июня. Холодно и мерзко. Сильный ветер, серый мир. У всех подавленное настроение, сидим без дела. Окрестности – бездарные. Самолеты не летают, и почты нет. Тоска. Пытались найти

хоть какую-то возможность уехать. Просились с геологами на вездеход, но не взяли: слишком много мужиков нужно было увезти отсюда “на просушку”, оторвать от пьянства. После обеда А. П. сердито и демонстративно лег спать. Его примеру собирались последовать почти все, но тут пришел замдиректора Артур Романович и стал красочно описывать озера километрах в семи от поселка. А. П. сразу вскочил. Мгновенно собрались на эти озера, остались только М. Т. и К. П., которым поручили пойти к очередному начальству за бумажками, чтобы нас приютили в Таватуме. Упрятали себя в непромокаемые ватники и пошли.

Быстро дошли до “прижима”, где дорогу сжимают река с одной стороны и скалы с другой. Река стремительная и зеленоватая. Потом нас подбросила машина до кораля – вдоль ленты чозений у реки. От кораля по оврагу – к бескрайнему болоту. Дикое место. Озерцо махонькое. Опять началась морось и пополз туман. Трезор вымок и устал, и Павлик от усталости хватался за руку Светы. Ветер и холод. Кочки и кочки, болото и кое-где снег, стынут руки. На обратном пути – ветер и водяная пыль в лицо. У “прижима” нас догнал самосвал. В кабине уже сидело три парня, но еще я с Павликом влезла, Трезор и гербарная папка. Нам включили для обогрева печку, довезли до самого интерната и поехали за Светой и А. П.

28 июня. Погода беспросветная. Морось. Хорошо, что ветер дул в спину, когда вышли в маршрут, и мне дали непромокаемый ватник с капюшоном. Зато протекают сапоги, и после перехода первой же речки в правом сапоге захлюпала холодная вода, и нога стала коченеть. Шли вдоль реки, по пойме, среди ив и чозений. Чозениевые рощи очень красивы: как в парке, среди деревьев – зеленый травяной ковер и серебристые от мороси кустики дазифоры. Только комары совсем заели, и морось так перемешалась с комарами, что составляла единую, приносящую страдание массу. Кричали утки. У самой тропы вспархивали птицы. Нашли гнездо с яйцами, потом свернули к сфагновым болотам, и Хохряков надолго застрял у небольшого озерка, обнаружив там арктический лютик Палласа. Цветки андромеды – словно рассыпанные розовые бусины на сфагновом ковре. Поодаль еще одно озерко – и здесь роскошные заросли вахты: нежные цветки почему-то пахнут арбузом. Побродили вдоль ручья в овраге, по еще мощным снежникам.

Потом вдруг морось кончилась, ветер утих, на сером небе белым кружком обозначилось солнце, и день наполнился сиянием и надеждой на почту. Долго разбирали сборы, они все прибавляются, а еще и перекладывать нужно. После позднего ужина, вина и смеха ходили гулять к морю. Ночь теплая, но небо беспросветное.

29 июня. Утро чудесное: теплое, тихое, затаенно-блеклое. В восемь утра выехали на машине на другой берег Гарманды. На середине реки начало заливать мотор и кабину, шофер развернулся и пошел вперед кузовом, в кузов сразу набралось воды, перехлестывали волны, машина – как корабль. Луга на другом берегу – прелесть! Заливная пойма, высокая сочная трава, роскошные бордовые рябчики с ярко-желтыми серединками, поляны, розовые от мытника или заросшие чемерицей. День разгулялся, стало жарко и ярко, по небу забегали “аннушки” и вертолеты. Ползали по гранитным скалам, довольно страшным, долго ходили по ернику и кочкам, потом спустились на берег моря. Был отлив, в тягучей грязи валялась масса упругих ламинарий, которые мы тотчас принялись жевать, стоял гнилой запах, перебиваемый свежим ароматом моря, тихого-претихого, валялись красивые ромбовидные крабы с оранжево-крапчатыми мохнатыми лапками. Мощный снежник таял на солнце. Еще одно болото, жаркое и одуряюще ароматное от багульника. Шофер за нами приехал вовремя. В зале все блестело чистотой от стараний К. П. Отправились в баню и превосходно намылись. Ужинали в столовой, купили билеты в кино. До кино разбирали грибы, пили чай и смеялись. Стало опять облачно.

30 июня. Утро яркое и синее, чистое, ни облачка. Начали собирать вещи в надежде, что полетим в Таватум. К часу нам велели доставить вещи на летное поле. В магазине закупили продукты,

долго искали машину, чтобы перевезти вещи, но в субботу никто не хотел работать. Наконец, нашли газик. На поле выгрузились и долго ждали под жарким солнцем. Самолеты взлетали и садились, засыпая нас камешками и пылью. Неподалеку лежала рыба в мешках и уже начала “вянуть”, поэтому наш “зафрахтованный” самолет сначала полетел в Гарманду и повез рыбу, а потом вернулся за нами. Погрузились только в пять вечера в пропахший рыбой самолет.

Таватум. На посадочной площадке мы сразу очаровались: в пойме роскошный лес, крутые сопки окружают долинку, речки тихие. М. Т. и А. П. пошли в пионерский лагерь, а мы сидели на вещах, мучаясь от комаров, хотя и намазались диметилфталатом. Чистейшее небо, белая и огромная звезда солнца. В конце концов, натянули полог и забрались под него. М. Т. и А. П. вернулись ни с чем: транспорт достать не удалось, чтобы переехать в лагерь от посадочной площадки. Там есть только трактор, а тракторист в запое. Решили, что завтра он захочет опохмелиться, и вот по этому слабому месту нам и нужно завтра “ударить со всей силой”. Хохряков сказал, что места там сказочные, источники разной температуры и солености, два сторожа в лагере – энтузиасты красот здешней природы, нас уже ждет палатка, к которой прошлой ночью подходил медведь.

На краю посадочной площадки стояла развалюшка без окон и двери, стены и потолок в щелях. Перетащили вещи поближе к ней, распределили обязанности: мне и Паше – носить дрова, Свете – варить макароны, А. П. – носить тяжелые вещи, остальным – заделывать щели в домишке. Окно и дверь затянули полиэтиленовой пленкой. А. П. надул резиновые матрасы. Белая ночь, сильная роса.

1 июля. Ночь была беспокойная и бессонная. Дул сильный ветер и рвал пленку на двери, белая ночь раздражала, сильно шумела листва деревьев, донимали комары, а в спальном мешке дышать было невозможно. Дежурить по жребию выпало Свете. День сверкающий. Драгоценные цветки рябчиков просто усыпали волосы травы. После завтрака А. П., М. Т. и я пошли в лагерь договариваться о транспорте. По дороге выяснили пренеприятную вещь: нас здорово обманули в аэропорту, воспользовавшись тем, что мы перепутали числа месяца. 30-го был рейсовый самолет в Таватум, а мы думали, что число 29-е и заказали дорогой спецрейс. А. П. на дороге обзывал себя старым дураком, потом ругал нас, потом начальника аэропорта, потом опять себя. М. Т. сказала, что если бы была стенка, он бился бы об нее головой, а если бы было много волос, то рвал бы на себе волосы. Настроение было испорчено, и это порядком отравило наше восхищение долиной источников, где расположен лагерь.

В пойме – лес из душистого тополя с бальзамическим запахом, много рябины, и есть черемуха. Трава – по пояс, сочная и прохладная, купырь цветет и возле бревенчатой избушки создает картинку деревенской средней полосы России. Только сопки, покрытые кедровым стлаником, сразу напоминают, где находимся. Теплые пруды – какое блаженство! – составляют проточное ожерелье источников: от кипятка до теплой воды. Вертолетчики тоже прилетели купаться, А. П. договорился со старшим (Левшин), что наши вещи перебросят с посадочной площадки сюда часа через четыре, и ушел. Мы с М. Т. долго нежились и отмокали в горячей воде. Наша палатка, выделенная для жилья, стоит на краю лагеря, возле какой-то канавы, затянутой тиной, большая, душная, заросшая травой и цветущая желтыми цветами лапчатки. Очень жарко, много слепней.

Левшин не обманул. Мы со сторожем Николаем Николаевичем прилаживали доски через канаву возле палатки, чтобы к ней можно было таскать вещи от вертолета. Носили вещи, устраивались в палатке, опять ходили купаться. А. П. пошел на экскурсию со Светой. Вечером ели уху из красной рыбы, которой нас угостили вертолетчики.

2 июля. Сегодня меня оставили дежурить. Паша целый день сидел в источнике “до посинения”. Едва, к восьми вечера, суп сварился, как все пришли. Еще раньше на куске белой материи

написала: “Андрей Палыч! Поздравляем с числом рождения!” и прикрепила к палатке. После ужина мыла посуду, а все остальные ушли смотреть кино. Дети уже приехали в лагерь.

3 июля. Все с утра вялые и квелые, ни у кого нет аппетита, поковыряли ложками кашу, попили чайку. Утро – сверкание и ветер. К. П. и Павлик остались в лагере, остальные пошли по торфянистой дороге, А. П. стонал, что он болен и его надо беречь. Блеск березового ерника, курильский чай улыбается ярко-лимонными цветочками, печет солнце. Вскоре разделись и загорали на ходу. Потом лезли на сопку, продирались через стланик, наконец – гольцы. С вершины открывается горная страна, болотистая долина с мелкими озерами. Как здесь просторно и вольно! Ветер сдувает всех комаров. Перевалили одну вершину, в узеньком распадке у ручья поели и напились, пошли вверх по этому ручью. По берегам – заросли камнеломки. Лезем на следующую сопку, места неинтересные, ветер все сильнее. Небо затянулось облаками, прогремел гром, сверкнула молния. Сидели на обширном снежнике, ели снег. Потом – спуск, мрачные камни, снежники, по которым А. П. и М. Т. съезжают, заросли пышных трав по берегам ручья – еще не цветущий аконит, высокие метелки волжанки, голубая мертензия. Опять еле проходимый стланик. Комары совершенно распоясались, когда начал накрапывать дождь. Вернулись в половине девятого. Серо-розовая, мглистая туча – на полнеба, дождь, радуга. Рано залезли в спальные мешки. Комары не дали насладиться.

4 июля. Ночь ужасная, сплошной общий стон: “не могу больше! комары проклятые!” В спальнике жарко. Серый день. Вышли поздно, около полудня. Тепло и серо. Комары не мучили. Глаза болели от белого пасмурного сияния. Кушка – печальное, запущенное, почти безлюдное селение. Какие-то ободранные, слепые, полуразрушенные дома, всего два огорода, обнесенные сетями вместо забора, крапива, валяющийся китовый позвонок, ржавые остовые машин и бочки. Люди откуда-то появлялись – нарисуются и сразу сотрутся – симпатичные девушка и парни-рыбаки. Женщину-пекаря сразу встретили, договорились о хлебе, а у дома продавца долго стояли и не могли докричаться – орало радио, прикрепленное снаружи, и лаяла собака. Наконец, все закупили, вышли за околицу, сели и стали уплетать еще теплый хлеб с баклажанной икрой. Прогремел гром, но вскоре засияло солнце, и тучи ушли к дальним сопкам. На обратном пути комары совершенно одолели. Руки заняты грибами и дровами, на локте – сетка, за спиной – гербарная папка. А. П. тащил рюкзак с хлебом.

Опять сплошные тучи, дождь пошел. Обедали в палатке при свече. Уютно потрескивали дрова в железной печке, вокруг которой расставили гербарные сетки. После кино занимались гербарием, сушили матрасики, благодарили “полевого” Северушку Эвенчика за уютную атмосферу. Глаза болели от тусклого света свечей. Сборы хорошие.

5 июля. Ночью по палатке барабанил град размером с фасоль. Света и А. П. жгли комаров свечами. Под утро все же пришлось надеть накомарник. Встали поздно – в девять часов, и А. П. ворчал, что мы совсем разболтались на этом курорте. Пошли в пойму А. П., Света и я. Надели болотные сапоги, накомарники, непромокаемые куртки. Морось, мокрые травы выше головы, много проток, которые надо переходить. Света ныла, что лучше по сопкам ходить, чем по этой сырости, падать, путаясь в мокром ернике, или проваливаться в ямы с водой.

Вышли к Таватуму. В пойменных лугах цветут ирисы и герань в густой росистой траве. Все так же моросит, но очень хорошо. Пошли вверх по реке. В три часа сели на поваленный ствол, стамеской открыли консервы, ею же ели. Долго кружили по пойме, по высокотравью, косам и галечникам, совершенно одинаковым ольховникам, чозенникам, ивнякам и смешанному лесу. Стало жарко, хотя еще пасмурно. Речки быстрые – при переходе трудно устоять на ногах. Перед лагерем, как обычно, набрали дров. Сразу – в бассейн. Долго парились в одном, долго плавали в другом, болтали.

6 июля. Утро сырое и пасмурное. А. П. объявил выходной день. Обед получился удачный. После него все легли спать, а я разбирала вчерашние сборы. Вечером все ушли в пойму. После ужина ходили в кино, смотрели фильм в сарае, украшенном купырем, рябчиком и ольховыми ветками, на маленьком экране, где половина кадра – на досках. Лента была старая, иногда расплывалась. Вечером – купание, свечи, чай.

7 июля. Сырость и серость – опять "выходной". Встали в девять, купались. Цветут злаки, и А. П. заболел аллергией. Вечером после купания пили глинтвейн, потом закладывали гербарий, и я сонно писала этикетки. Ударили по комарам и легли спать.

8 июля. На сопках обрюзгшие облака. В маршрут опять двинулись А. П., Света и я. За спину – рюкзачонок с завтраком, термосом, фотоаппаратом и аэрозолью против комаров, в руки – накомарник и полиэтиленовый пакет. От грячих ключей сразу полезли в сопку. От одной вершины к другой. Гольцы. Изредка продираемся сквозь кедровый стланик. Иногда снежники. Чаще всего прыгаем по сыпучим камням в красивых узорах лишайников. Анемона сибирская сияет матовыми звездочками со всех сторон. Вскоре стало холодно. На нашу сопку легло облако, и мы долго блуждали в тумане. Решили идти к морю (по компасу), чтобы не заблудиться окончательно, но до моря было очень далеко. Шли часов пять, то вверх, то вниз, по высохшим руьям, по зарослям, по болотам.

Вышли к морю только в восемь вечера, довольно далеко от Кушки. В устье ручья А. П. нашел Cardamine victoris и сказал, что ради одного этого растения стоило совершить весь этот переход. Света собирала лук-скороду, росший здесь в изобилии. В пакет, уже наполовину заполненный листьями оксирии для завтрашних щей, запихнули лук и стали торопиться: было время прилива, и между волнами и отвесными высоченными скалами, ржавыми от лишайников, оставалась уже довольно узкая полоса нагроможденных камней, базальтовых бордовых наплывов и гранитных ступеней. Прыгая по камням, пошли в сторону Кушки и, конечно, не успели. Пришлось лезть вверх по скалам. А скалы такие крутые, а внизу такие острые камни, а до этого мы прошли более 30 км, и уцепиться почти не за что, кроме редких травянистых куртинок, и рюкзак за спиной мешает! Света с моим пакетом, где сборы смешались в кашу, героически не бросает его. Очень страшно стоять, прижавшись всем телом к скале, над пропастью, и больше некуда ногу поставить, и руку некуда положить для опоры... Кое-как выбрались, потом спустились на галечный берег, развели красивый костер, отдохнули.

Опять полезли вверх по расщелине, опять по зарослям стланика, часто спотыкались и падали, потом съехали вниз по осыпи и долго шли по берегу. В Кушке были в половине двенадцатого ночи. В серости увядающих белых ночей белели цветы чины морской (какая-то альбиносная популяция). В поселке ни одного огонька, мрачные заколоченные дома, чья-то фигура, в тишине откуда-та музыка "Лебединого озера". М. Т. и К. П., наверное, уже страшно волнуются, но идти еще 15 километров... Вот уже прошли треть этого пути – тундровое болото, белеющая пушица, сапоги чавкают по грязи. Вот поселок Таватум. Света отстает и твердит: "Только бы дойти!" Какой-то сверчок верещит в тишине... Пришли во втором часу ночи. К. П. высунулась из палатки со свечкой: "Майя! Пришли!" – сказала она в палатку. М. Т. выскочила и бросилась нас целовать. Сначала выкупались, и после горячей ванны нас перестало шатать, потом набросились на еду. После этого совсем едва шевелились.

9 июля. М. Т. с утра ворчала на А. П. за то, что тот поднял Свету дежурить. Долгое купание. После завтрака помогали всем миром А. П. закладывать гербарий. Потом мы со Светой остались в лагере, остальные пошли в пойму. Света варила щи и кисель, помогала ей закладывать гербарий и писала этикетки, она мне – разбирать мой пакет.

11 июля. М. Т. проводила экскурсию с пионерами. После обеда я пошла с А. П. в маршрут, взяли

с собой Трезора. Было пасмурно и тихо. Комары. В пойме пышные травы, цветение, журчание ручьев, опасные болота, парковые ландшафты, кудрявые ивы, далеко отстоящие друг от друга, раскидистые кусты курильского чая, горящие лимонными, яркими огоньками цветков, пустые домики “для браконьеров”... Туман спускается с гор, наполняет долину, тихо мерцают зеленые деревья. Пришли в девять вечера.

12 июля. Вчера туман сгустился, сегодня – ясный день. С утра начали готовиться к отъезду, выносили вещи из палатки на солнце. Скоро прилетел вертолет. Отправили только Свету, так как ей давно пора на сессию, вместе с сухим гербарием в крафт-мешках. Остальные добирались вездеходом. Очень трясло, приходилось держать Трезора, чтобы не выпрыгнул.

Сидели на вещах посреди летного поля, загорали, кормили всевозможных кровопийцев. Небо затягивалось кисеей. На обед ели жареные молоки. Чистили кастрюли на речке, мужественно терпя атаки комаров. Прислушивались к любому гулу. Я сшила для А. П. маску из бинта, чтобы пыльца не попадала в нос. Вездеход привез еще трех жаждущих улететь. Комары еще больше активизировались. В половине девятого вечера поняли, что ждем напрасно, хотя вертолетчики знали, что мы уже сидим на летном поле. Двое из приехавших ушли обратно в лагерь. С нами остался тип неопределенного возраста по имени Леша, по профессии электрик, разукрашенный пышной и густой татуировкой – портретами и букетами, подарил нам четыре рыбины – две горбуши и две мальмы. На теле у мальмы – розовые пятнышки и почти нет чешуи, мясо бледно-оранжевое, не такое красивое, как у горбуши. Пребольшущая бледно-розовая ущербная луна.

Вещи оставили посреди летного поля, рядом – костер для устрашения росомахи, а спальники отнесли в домик, затянули дырку окна белой тканью, чтобы не было сквозняка, дверное же отверстие не заделали. Повесили три полога, А. П. надул матрасы, Пашу уложили, А. П. и М. Т. ушли ругаться по телефону. Мы с К. П. у домика тоже развели костер.

13 июля. Ночью был сильный ветер. Под пологом хорошо спать: не душно и нет комаров. А. П. злой от аллергии, безделья и невезения. М. Т. и К. П. после завтрака опять ушли звонить. М. Т. рыдала в трубку, которая нагло заявила: “А чего вам! Погода хорошая. Загорайте!” Добавила, впрочем, что – может быть – к вечеру пришлют самолет. Опять притащился Леша и еще какой-то тип, опять выпросили спирт. Лень, жара, идиотские разговоры.

Часам к четырем поднакопилось народу, пришла толпа пионеров. Вскоре затарахтел самолет, мы бросились упаковывать недомытую посуду, собирать у несчастных пьяниц кружки. М. Т. ходила по пятам за летчиками, те абсолютно ее не замечали. И вот все улетели, а мы опять одни на пустом поле, на куче вещей, продуваемые холодным ветром. Солнце клонилось. Тихо. Очень обидно. Впрочем, через час был еще один рейс.

Северо-Эвенск – через полчаса на пыльном галечнике летного поля. Я осталась на вещах с Трезором, К. П. пошла на почту, остальные – договариваться о машине. Мысли о почте, гербарии, ночлеге, бане, о том, что приготовить на ужин. Газик перевез наши вещи в интернат. Там ремонт, хорошо пахнет краской, в зале навалены кровати, наши вещи, которые оставались, разбросаны.

14 июля. В половине девятого еще блаженно спали, но пришла завхоз и начала вопить, чтобы “до десяти часов очистили помещение!” Тогда нас засунули в спортзал соседнего здания школы, где уже вповалку разместились 20 студентов. Они предложили свою помощь в перетаскивании вещей. М. Т. (больная, с ангиной, усталая) пошла проводить с детьми ботаническую экскурсию.

Небо заволоклось тучами, аэропорт закрылся. Удачно мы выбрались из Таватума! В Эвенске пыльно и холодно, скучные дома-бараки, но дети играют большими желтыми апельсинами, потом съедая их, и очень вкусный хлеб, и оленина в столовой. Вечером А. П. перебирал

гербарий, совсем больной после двухдневного сидения на летном поле среди цветущих злаков,

15 июля. В половине четвертого утра всех переполошил отчаянный стук в окно, пришел за спиртом совершенно пьяный шофер газика, перевозивший вчера наши вещи с летного поля. Скрипела дверь, лаял Трезор, где-то в зале голосила кошка, истошно кричали чайки на море. А. П. (едва держащийся на ногах, так как выпил с вечера димедрол от аллергии) и М. Т. встали, а через некоторое время А. П. притащил взамен спирта целый мешок красной рыбы, М. Т. стала пить валерьянку. Встали около 10 утра, белесое солнце светило в окно, но все равно пасмурно. Из столовой пошли к морю за крупной солью для рыбы. А. П. договаривался о машине, чтобы поехать в Гарманду. Соль взяли на рыбозаводе, представляющем собой несколько сараев с большим двором, где разгуливали чайки и лежали японские мешки с солью, плетеные из какого-то злака. По возвращении у нас в классе тоже открылся "рыбозавод". Вечером начали собираться в Гарманду. Чистила от копоти кастрюли, варила уху, она долго не закипала, просидела над ней до часу ночи, пока А. П. не сказал, чтобы я бросила ее. Эвенск окружен стеной тумана.

16 июля. Встали в восьмом часу, укладывались, перетаскивали вещи из спортзала, где еще спали студенты, к музею, а то, что брали с собой, таскали в зал – к выходу. Волновались, нервничали, так как негде было оставить вещи, чтобы ремонт на них не отразился. Завхоз заявила, что ничего у нас не выйдет, и за вещи она не отвечает. Уже машина была у входа, и вещи погружены, шофер сигналил беспрестанно, а мы еще ничего не ели, хотя уха давно остывала, разлитая в миски, наваристая до коричневого цвета. Наконец, лучшее, что мы могли сделать, это помириться с завхозом, которая, конечно, прекрасно знала все укромные места в школе. Оказалось, что она умеет даже улыбаться, что ее зовут Лариса Михайловна, и что мешки можно сложить в ее комнате. Уху пришлось вылить.

Ехали в кабинах двух самосвалов, около двух с половиной часов, по плоской кроне огромного дерева-реки. Ветви – рукава, речки – серебристые и быстрые, чистые и зеленоватые. Дорога проходит то по руслу, и мы будто плывем на катере по воде, то пересекает несчетное количество мелких речек, то ложится на галечники, сияющие розовым светом цветущего иван-чая широколистного. Жарко горят ярко-желтые соцветия пижмы. День пасмурный. Дальше пошли сопки, все выше и выше, в курчавых и косматых париках облаков. Лиловые и красные скалы, изящно изогнутый стланик на уступах, фиолетово-розовые куртины змееголовника. А то обступят дорогу чозении, хлещут по машине ветвями, и Трезор (высунутый в окно, так как его укачало) яростно ловит их зубами. То вдруг купыри и дикие розы на сумрачных пойменных лугах среди ивняков, чозенников и ольховников, то яркие ковры цветущей герани, копеечника, ирисов. Накрапывал дождь. В кабине жарко. Трезор сначала вертелся у меня на коленях, рвался в окно, потом сполз на пол, но там ему стало совсем дурно, и он стал жалобно и часто разевать пасть. Вот пошли лиственницы – высокие, гордые, далекие друг от друга. Вот широкий и плоский распадок, в середине которого белые домики среди лиственниц, которые смотрятся издалека, как кипарисы.

Гарманда. Вдруг лопнула заплатка на шине, и мы пошли пешком к белым домикам по толстому слою пыли на дороге. Безветрие, жарко, пелена облаков разорвалась, солнце плавало среди белых айсбергов. Трезор носился и жевал пыльную траву, в поселке он независимо перебирал лапками, эскортируемый сворой гигантских лаек. А. П. и М. Т. приехали раньше. М. Т. бросается к нам: "Как хорошо! Нас ждали, приготовились! Полы в классе вымыты, цветы поставлены, красная рыба жарится! Председатель колхоза – молодой, энергичный, обещал забросить нас на вертолете в тундру, дать палатки!" Нас, действительно, очень уютно устроили. Школа маленькая, маленькие классы и парты, низкие потолки, ремонт закончили, все покрашено и сияет чистотой. Воду здесь привозят, и нам уже налили целую бочку. Дрова разрешили брать в сарае. Тяжелые, толстые поленья из лиственницы. Сопки вокруг будто покрыты темно-зеленым

бархатом.

В маленькой чистой столовой традесканции на стене и цветущий бальзамин в горшке. Толстая и флегматичная Таня-повар дала нам, что осталось: гороховый суп с олениной, огромные порции рожков с подливой и одну на всех котлету из горбуши. После обеда все спали, а после полдника все пошли в пойму. Погода совсем разгулялась. Чистые белые облака полоскались на ветру. Аромат диких роз – кругом естественные розарии в розовом сиянии. Жимолостники полны крупных зеленых ягод. Пойма богатая, зелень нежная, свежая, чозении кружевные, кузнечики трещат под солнцем, тополя, потом лиственничный лес паркового вида – прекрасный, строгий, чистый: одни лиственницы, бордюры из красноватой полевицы, лишайниковые или травяные ковры. На склонах сопки заросли аконита или герани.

После ужина обычная работа разборки и закладки гербария. Вечер прелестный. Над серовато-лиловыми, четко очерченными сопками – зеленоватое чистейшее небо. М. Т. говорит, что пейзаж – рериховский. Но к полуночи все сопки окутались туманом. Жарко натоплена печка, форточку не открываем из-за комаров. Половина розового куста стоит в бутылке, мерцают цветы при свечах. В полночь погас свет во всем поселке.

17 июля. Полезли на ближайшую сопку на восток от поселка. Ах, какой день – сплошное сияние, чистота неба, свежесть ветра, голубые сопки вдали. Даже продирание по кедровому стланику – пахучему спрутовому царству – ничтожная плата за изумительная уголки, где на щебенке цветут нежные растения, за пестрые от цветов лужайки, за дриадовые ковры, за вид горных стран, открывающийся наверху, за простор и волю. Спускались по нивальным луговинам, розовым от примул и золотым от купальниц. Потом по ручью, густо заросшему высокими травами, собирали оксирию на щи. Когда вышли в лиственничник, было просторно, легко, приятно идти. Облака сплели для солнца гамак, оно лежало там и не било в глаза. В поселке на улице сушились медвежьи шкуры.

18 июля. Все утро М. Т. ходила то к председателю колхоза, то к парторгу, то к вертолетчикам, брала с собой К. П. или А. П. – “поговорить”, чтобы забросили куда-нибудь на вертолете. В половине одиннадцатого вышли в маршрут. Ужасная жара сегодня, подъем на сопку становится тяжелее в несколько раз. Густая голубая дымка окутывает сопки. У ручья пригоршнями плескаем воду в лицо. Здесь прохладно, приятно, тенисто, сидим и нежимся, насколько это возможно при комарах. Вдоль горного ручья – ольховое криволесье и высокотравье. Поднимаемся вверх, к снежнику, от которого питается ручей. По берегам – то голубые куртины мертензии, пахнущие огурцом, то розовые – прелестный иван-чай широколистный, то желтые – пижма или купальницы, то лиловые – герань. Пересекли снежник. Возле него – ранняя весна: полно всяких проростков, цветет золотистый рододендрон и розовая примула. На отдыхе сосем снежные комочки.

Потом вышли в горную тундру, недолго шли по нашим вчерашним следам, но на другие вершины. Красивые горные лужайки: то аспект клайтонии и oxytropis на ковре из дриадовых листьев, то опушенный Senecio tundricola с красивыми цветками – красными в середине и желтыми язычковыми, то лимонно-желтая Arnica. На вершинах – праздник души и тела. Так привольно, так просторно, такой мягкий ветер снимает жар лица, никаких зловредных насекомых, от красоты цветов волнуется сердце. Прошли по каким-то красным породам – как кирпич, только с малиновым оттенком, начали спуск по прекрасным нивальным лугам, по красочным бликам разнотравья, потом по высокотравью, ручью или ольховому криволесью. Разгоряченные, пили студеную воду. Комары здесь заедают, А. П. намазался какой-то дрянью, ему стало от нее плохо, М. Т. заставила его мыться в ручье.

Ручей, мимо которого проходит дорога, все набирает силу, в пойме его растут чозении, а на

террасе над ними – красивый лиственничный лес. Комары совсем заели. Среди серых и светлых камней – нежный розовый огонь иван-чая с голубоватыми листьями. Пришли в девять вечера, все устали.

19 июля. Жаркий белый день. Дымка (говорят, от лесных пожаров) так густа, что сопки проступают лишь очертаниями. Солнце расплылось в большой шар кремового цвета, как и вчерашняя луна. Варили кислые щи из оксирии. А. П. всю ночь не спал и вообще ему плохо, поэтому на закладку гербария сели К. П., М. Т. и я, пришлось долго и скучно выбирать мох и землю из корней. После обеда – экскурсия в пойму. На быстрине, отливающей медно-розовым светом солнца, эвены ловят горбушу. Цветет иван-чай узколистный, созревает жимолость.

20 июля. Теплое мягкое утро, золотисто-белое сияние. Встали в половине седьмого, в семь уже погрузились в машину. В кузове вещи, А. П., я и Трезор, еще два попутчика – русский и морщинистый старик-эвен. На галечнике видели большого черного медведя.

Северо-Эвенск. Ясный жаркий день. Поселили нас в тот же класс, только парты покрашены, в соседнем классе тоже какие-то бродяги живут, в коридорах маляры продолжают красить парты в красивый зеленоватый цвет. Столовая на ремонте, но обеды перенесли в спортзал второй школы, совсем близко от нас. Закат был тихий, розовый и теплый.

21 июля. День белесо-солнечный из-за дымки. Не понять то ли пасмурно, то ли дым от пожаров – солнце едва проступает. Потом поднялся южный ветер, дующий с моря, он всегда приносит непогоду. Вечером вдали меж сопками лежит белая груда тумана. Море зеленое.

22 июля. Так и есть: с утра – нелетная погода, сильный ветер. Пошли к морю на экскурсию. Сначала долго шли по берегу серо-зеленого моря, дул сильный и холодный ветер. Обрывы над морем, наверху – тундра, в цепи обрывов – снежники, из-под которых – ручьи; эти наклонные распадки оказались наиболее интересными. Так шли километра два, потом поднялись по оврагу в тундру, где было холоднее, мокрее, мерзли ноги.

23 июля. Полнеба очистилось, но ветер сильный, холодновато. Какая-то пронзительная четкость сопок, облаков, ясность голубого неба, но вертолетчики опять что-то “темнят”. Все же собрали вещи, кроме посуды. Ожидание, потом – дикая спешка, так как все-таки летим. Быстро свернулись, подъехал газик, шофер помог грузиться. На летном поле еще долго сидели на холодном ветру. Хотелось есть, столовая закрыта, купили хлеб и масло... В вертолете такой гул, что невозможно разговаривать, и холодно. Пересекли водораздельные хребты, теперь реки текут в Северный океан.

Река Большая Ауланджа (верховья Омолона). Приземлились на равнине среди гор, поросшей кустарниковыми пушистыми ивами. Недалеко протекала река. Вот где холодно-то! Прыгали, чтобы согреться, сгрузив вещи, пока вертолет улетел. Ветер расчесывал седые ивы, М. Т. бросилась к дельфиниуму Шамиссо в голубых цветках. Неожиданно появился оранжевый трактор, с водителем было двое ребятишек-эвенов, прибыли за информацией. Помогли нам частично перевезти вещи к месту, выбранному для палатки, но остальное таскали долго и тяжело. Палатки решили ставить на галечнике, защищенном с трех сторон зарослями Salix alaxensis, между двух рукавов мелкого ручья. М. Т. велела мне заняться ужином, я сварила макароны и согрела чай. Ух, и холод! До ужина уже стояли две палатки: шестиместка – семье Хохряковых, двухместка – нам с К. П. Макароны застывали в мисках моментально. А. П. ставил палатку под продукты, остальные выбирали камни из палатки и рубили стланик, чтобы устилать землю. В палатке стоял сильный душистый запах.

24 июля. К. П. осталась дежурить, остальные пошли в маршрут. От лагеря – вверх по ручью, навстречу солнцу, ветер в спину. А. П. нашел много новых растений, но непрерывно чихал, хотя

утром я сшила ему марлевую повязку от пыльцы. По небу – тяжелые облака, солнце – в синих лужах неба. Когда вышли из узкого распадка, задуло так, что порадовалась надетому ватнику. В мелком ернике нашли много потрескавшихся подберезовиков (значит, недавно было жарко). Эвены говорят, что в грибной сезон олени жируют на грибах.

При возвращении на сопке нас больно и зло посекло дождем, а потом вдруг ясное небо, солнце и сверкание капель дождя на травах и кустах. Блистающий мир. Сразу две радуги – одна яркая, другая бледная. Сварили вкусный грибной суп, густой, с рисом. Когда сели ужинать, опять холод и дождь. Открыли единственную бутылку “Каберне”, разогрелись от вина, пищи, горячего киселя и рубки дров. Около полуночи холодно до того, что пар изо рта.

25 июля. Утром тепло и не хочется вылезать из спальника, но М. Т. уже раскладывает по мискам вчерашний суп-кашу. Все небо обложено тучами. В маршруте А. П., К. П. и я. Дожди бродят между сопками, но мы им не попадаемся, только один раз налетел мелкий град. Маршрут пресный, находок почти нет. Чудесный аромат змееголовника, в распадках тепло. Много куликов и куропаток. Вкусно жевать лук. Вернулись к шести. Легли рано, читать нельзя (свечей мало).

26 июля. Все ушли в маршрут, Трезор остался со мной дежурить. К шести они не вернулись. Сидели грустно с Трезором в темной палатке, где тихо мерцала печка, транзистор выдавал жизнерадостные новости о десятом фестивале молодежи и студентов в Берлине. Наконец, в половине восьмого они пришли, принесли оленье мясо, красивые камни. Для мяса сварили маринад, залили, завтра будем делать шашлыки. Рано легли спать.

27 июля. Была сравнительно теплая ночь, то есть в свитере и под ватником не мерзла. Утром ветер, комаров нет. Запах дыма – где-то пожары. Густая дымка – соседние сопки и те голубые, узор стланика не различим, а дальние вообще в тумане. Часа два помогала М. Т. закладывать вчерашний гербарий, писала этикетки и читала вслух “Смерть Ивана Ильича”, в полдень закончили. Разбросали по лагерю спальники и надувные матрасы – просушить. Паша уже два дня ныл, чтобы поставили сети на хариуса. Наконец, М. Т. взялась за эти сети. Рыбы много: в глубоких заводях плавали красавцы с малахитовыми прожилками. Долго искали место, где поставить сеть, хотя сначала попытались ловить весьма оригинальным способом: держали колья и водили сетью по воде, надеясь, что плывущая рыба в ней запутается. Не тут-то было! Доплывая до сети, рыба моментально сворачивала в сторону. У меня уже были полные сапоги воды, А. П. нервничал и злился (“Ловите сами вашу рыбу! меня это не вдохновляет! идемте в маршрут!”). Но стоило оставить сеть на месте в одной из заводей и отойти, как в ней тотчас же забился большой хариус с розовым хвостом. Тогда и А. П. охватил азарт. Поймали еще одну рыбину, и пошли на экскурсию. Собрали два растения, полюбовались на пушициевые ковры в пойме – белое и зеленое среди серых галечников, вернулись, вынули еще две рыбины, оставили сеть на ночь.

Решили делать шашлыки, и мы с Пашей строгали шампуры из ивовых ветвей. Неожиданно появился молодой эвен с двумя собаками, который и дал вчера оленину. Он пришел взять взамен сахар, но сахара у нас было очень мало, дали только консервы и напоили чаем. М. Т. и А. П. перекладывали гербарий. Помогала К. П. жарить шашлыки, долго махала над углями доской, чтобы они не гасли. Ужин чудесный, острая подлива к шашлыкам, чай с вареньем.

28 июля. В маршрут пошли только А. П. и я. Перешли Ауланджу и полезли вверх на сопку. Скучные сопки, бесплодные, голые, трудно спускаться по шаткой обломочной породе, одни лишайники на камнях, изредка на лишайниковых подушках трепещут стебельки или прутики. Наверху задувает ветер, но в общем-то не холодно. Вот спустились в долину, там прекрасное треугольное озеро, возле него всего одна тонкая лиственница, вокруг – сырое болото. На реке кое-где сохранились наледи. Вдруг надвинулась мрачная и страшная гроза. Хорошо, что

проходили мимо кустов, когда засверкало вокруг, загрохотало над головой, затрещало так, что из камней неподалеку посыпались искры. Посыпался крупный град, обступила туманная мгла. Сидели под редким ольховым кустом, за шиворот текла вода, ели “затрак туриста” ножом из банки и размокший сахар. Когда гроза прошла, быстро пошли назад, долго переходили долину по кочкарнику, даже жарко стало. Видели оленье стадо. Еще несколько раз принимался сыпать дождик, но слабый и от комаров не спасал. Сборы скудные.

В седьмом часу пришли. На холмике, на раскладном стуле, сидела М. Т. и высматривала нас. Сияло солнце. Мокрые ноги немного замерзли. Наелись, переоделись, все Хохряковы ушли на речку в болотных сапогах. С юга приполз густой-прегустой туман, заполнил долину реки и ползет дальше. Алый шарик солнца на закате. Опять холодно в палатке, опять пар изо рта. М. Т. дала еще по ватнику, чтобы не замерзли ночью.

29 июля. Утром туман – на сопках и в долине, росистый мир. Ушли все Хохряковы с Трезором, мы с К. П. остались. Сидели в большой палатке – комары нас ели, транзистор развлекал, закладывали вчерашний гербарий. Прилетала знакомая птичка, прыгала по ногам, склевывала комаров.

Комары сегодня особенно злые! В шесть вечера тоже влезла на холмик, села на стул, высматривала маршрутников, солнце било в глаза. Туманные сопки, ивы внизу блестят, серебрятся листвой. В половине восьмого пришли. Увидела их издали, бросилась к костру.

30 июля. Утро чудесное – тихое, мягкое, солнечное. К. П. готовила обед, я помогала М. Т. закладывать гербарий и читала вслух “После бала”. Жарко, блаженно, тихо. После обеда собрались в маршрут. Быстро шли по знакомому распадку, комары заедали, назойливо стукались в лицо, даже диметил не спасал. На закате стало холодно, ноги начали мерзнуть, но А. П. как раз застрял на глинистых сырых плешинах возле снежников на сопке – там оказались интересные для него маленькие растения. Дымка сгущалась, превращаясь в туман. Шарик солнца нежен и печален. На обратном пути шли быстро, согрелись. Легко и приятно идти. Особенно прелестны кусты цветущей дазифоры – просто кукольный парк. Вернулись в десять вечера.

31 июля. Сильная дымка, белое и неяркое солнце. Поднялся холодный ветер. Кое-какие вещи уложили и отнесли к месту посадки вертолета по дороге на речку. Сняли продуктовую палатку. Ветер холодноватый. Дымка густая и голубая. В сети – три рыбины. Я их почистила – утром сварю уху. Только заикнулась о лепешках, М. Т. сразу разгорелась их печь. В два счета она развела молоко в миске, замесила крутое тесто в тазу, размяла его руками, раскатала бутылкой. Я сидела у печки и пекла, одновременно сушила матрасики. Было тепло, уютно, интересные разговоры, а потом вкусный сладкий горячий чай с горячими пресными лепешками. Еще и на завтрак лепешки остались.

1 августа. Матовое, бело-дымчатое утро. Днем тепло, дымка. Перетащили спальники и рюкзаки. Весь день – томительное ожидание вертолета. И белое томительное сияние, и какой-то томительно-холодный ветер. И уже стало ясно, что вертолетчики не прилетят сегодня, как обещали, но ждали восьми часов, чтобы прочно обрести уверенность, затопить печь и начать печь лепешки.

2 августа. Самое противное время: ожидание вертолета и никаких маршрутов. Утром все долго лежали в спальниках. Сначала был густой туман, потом он поднялся, но пасмурно, потом ветер, а солнце едва проступает. Трезор все время копошился на каменистом склоне. А. П. с Пашей пошли туда, принесли в банке пищуху, похожую на мышонка с большими ушами в берете. Такое впечатление, будто вся дымка, наполнявшая прошлые дни эту горную страну, поднялась вверх и сгустилась до серого цвета. Солнце обозначилось на небе тускло-розовой монеткой. Край неба – дождливо-мрачен. Карликовая березка уже в ярко-алых проблесках, скоро кончится северное

лето. Самолеты летают, гул нас волнует, но опять разочарование. С восьми вечера, когда в Эвенске вертолетчики кончают работать, уже привычный ритуал выпекания лепешек, уже несладкий чай, игра в карты. Рано ложимся.

3 августа. В семь утра разбудил стук дождя о палатку. Сильный дождь. В девять встали. Тепло, сыро, тихо. Комариная погода. Желтый кружок солнца. Перевал затянут туманом. Плохо. Опять поставили сеть. Начала созревать голубика на сопке, М. Т. и А. П. собирали ее для киселя. На речке хорошо – ветер, комаров почти нет. Парит сильно, как перед грозой. Переучли продукты уже всерьез. Как долго придется здесь ждать? Вечером М. Т. и К. П. пекли лепешки, а я и А. П. ходили на речку, принесли двух хариусов. На обратном пути спугнули выводок куропаток. После чая с голубикой и лепешками поставили сеть на куропаток, насыпали остатки гороха.

4 августа. Туманы на сопках и в распадках. Никакие куропатки, конечно, не поймались. Пошли на речку, в сетях – ничего! Еще и рыба перестала ловиться, когда кончаются продукты! Туман сильно сгустился, лежит как легкое пуховое одеяло, жарко под ним, душно и сонно. В тундре попадаются очаровательные травяные лужайки с темно-синими аконитами в светлой зелени или холмики, покрытые алыми коврами Arctous. Потом поднялся сильный ветер, вмиг разнес в клочки туманное одеяло, и они плавают по ярко-голубому небу. Но ветер все сильнее и холоднее, облаков все прибавляется, они мрачнеют и уже превращаются в тучи. Поем из Высоцкого: “А я уже не верю ни во что...” Две рыбины в сети. Лепешки и чай с голубикой. Муки хватит только на завтра. Розовые облака.

(Теперь уже трудно сказать, почему пробел в записях: то ли у меня тетрадь кончилась, а больше бумаги не было, то ли потеряла что-нибудь. Не прилетали за нами долго. Есть было нечего. Рыба ловилась плохо. Иногда одна рыбина составляла пищу пяти человек на целый день, то есть это один маленький сваренный в воде кусочек. Разговоры все время сбивались на еду. Все мечтали: вот вернемся в Магадан, напечем лепешек и наедимся вволю, намазав их вареной сгущенкой. Такая вкусная лепешка была та, которую съели последней!

Непогода держалась долго. Нам не везло. Вертолетчики прилетели виноватые: ведь в тот день, когда они должны были нас вывезти, была отличная погода. Наверняка летали на горячие источники или за красной рыбой. Хлеб привезли. Паша как в него вцепился, так не знали, как удержать...

Дальше все испарилось из памяти: возвращение в Северо-Эвенск, возвращение в Магадан... Экспедиция дальше продолжалась в сильно возросшем составе.»

«1975 **2 июля.** Магадан. Около четырех утра вышли из самолета, было только десять градусов тепла. Над мягкими очертаниями сопок то розовело, то зеленело, то синело небо... Отправилась в институт, обе комнаты лаборатории ботаники были закрыты. Зашла в канцелярию, отметила командировку, выяснила, что Хохряков и М. Т. в Сеймчане, собираются быть там долго (может быть, я их поймаю).

4 июля. Сеймчан. Жарко, пыльно, цветет нежная лиловая вероника и отчаянно кусаются комары. Явочный пункт – лесоавиаохрана. Я – туда, Но где же Хохряковы? Подхожу к аэропорту – вот они! стоят, машут: А. П., М. Т., Павлик, Вера Звезденко, двое незнакомых молодых ребят – Наташа и Вася Гаманов. Они только что приехали из Эльгена, ужасно искусанные комарами. Закупили продукты на новую точку, теперь стоим у лесхоза, так как нужна справка-разрешение для работы в бассейне реки Ясачная – кругом пожары. Добыв эту бумагу, ходили в баню. На ночь устроились в шатре из парашюта возле авиаохраны.

5 июля. Жара, вертолетная тянучка: то обещают поставить в план, то нет, и когда полетим – неизвестно. Ожидание, ничегонеделанье, жара, комары покусывают, пить все время хочется. По

бревнам возле парашютного шатра бегают огромные черные жуки-усачи. В шатре, где наши спальники, еще жарче. Жаль, что нет полога: в спальнике всю ночь обливаешься потом, а высунуться нельзя – комары заедают. Поднявшийся ветерок разогнал комаров, принялись загорать, забравшись на крышу машины.

6 июля. Вчера палатку обкурили пиретрумом – ночью комары не мучали. Очень здорово! Насыпаешь зеленовато-желтый порошок в консервную банку, бросаешь туда горящую бумажку, и порошок начинает потихоньку дымиться. Загорали на Сеймчанке. Речка изменила русло, теперь галечник на другом берегу.

7 июля. Ну, вроде бы, что-то забрезжило: обещали поставить в план на завтра. Долгие хождения. Сначала в горпромхоз, где просили пустить нас в склад напротив авиаохраны (там мечтали сделать "базу" между забросами), но зав. складом расфырчалась. Потом на почту: Королев не прислал полевые отряду Хохряковых. Потом в паспортный стол – для оформления пропусков в Омолон, но там сегодня закрыто. Потом к геологам – просить диметилфталат. У них не было, но сказали по секрету, что в аптеку привезли (по секрету – так как в продаже нет). В аптеке упросили аптекаршу и она сказала, что дэта есть на аптечной базе в больнице. На базе висел замок – обеденный перерыв. Пошли в столовую и выстояли длиннющую очередь. А потом проходили мимо кинотеатра "Колыма", до начала сеанса оставалось пять минут, и мы, махнув рукой на все дела, пошли смотреть "Не самый удачный день" (как и у нас!). Еще ездила с Наташей в совхоз к председателю за диметилфталатом. Председатель – очень милый человек, отнесся к нам доброжелательно, написал записку кладовщице, пожелал нам счастливого пути и, так как склад был уже закрыт, рассказал, где найти дом кладовщицы. Но эта грубая баба захлопнула перед нами дверь: мол, у нее рабочий день кончился, приходите завтра в восемь утра. А нам вылет назначили на 6.40... Вечер прошел в сборах.

8 июля. Утром, вернее ночью, испортилась погода, все небо в тучах. Встали в пять, упаковали спальники, погрузили в машину, А. П. пошел узнавать метеосводку. Дождь. Рейс отложили до полудня. Машина ушла в Магадан, свозив нас на почту, где дали телеграмму в ИБПС (потребовалась вдруг доверенность на оформление рейса), и отвезя вещи на склад в аэропорту. Там их взвесили: около 500 кг, да еще 7 человек. Хохряков сказал, что, может быть, придется меня оставить, я расстроилась. Потом меня все же решили взять, но 60 кг лишних, долго думали, что оставить.

Как иногда удивительно улаживаются дела! Оказалось, что можно обойтись и без телеграммы-доверенности, которая все не приходит из ИБПС, и кладовщица посмотрела сквозь пальцы на вес отобранных вещей, и небо очистилось, ярко сияет солнце. Вылетели в шесть вечера. Полет – час с небольшим. Опустили нас в тайге, в распадке, прорезанном многоветвящейся речкой (р. Субкандья, бассейн р. Ясачной), недалеко от громной белой наледи. Кругом сопки, поросшие лиственничным лесом. Моросил дождь. Комаров – тьма-тьмущая. Пока разбивали лагерь, дождь все усиливался, но костер удалось развести большой.

9 июля. На небе еще тучи, но солнце проглядывает. Генеральная просушка мокрых рюкзаков, спальников, других вещей. Жизнь под накомарниками. При разговоре комары в рот лезут. Вечером – оладышки с комарами, как с изюмом – столько их нападало в тесто. Только в десять вечера они угомонились, но зато стало ужасно холодно. Небо ясное, ночи еще белые.

16 июля. Погода почти без перемен. Среди дня сквозь тучи просвечивало солнце, но к вечеру опять все серо. Вася дежурил, М. Т. тоже осталась в лагере, остальные пошли в маршрут, вверх по Эдельвейсу, за наледь, и по сопкам. Комары совсем заели сегодня, глаз раскрыть было нельзя, в нос забивались, а откроешь рот – в рот, устали от них ужасно, а также от хождения в болотных сапогах по сопкам – влажным и скользким (камни, стволы, лишайники). По возвращении долго

бегали по наледи, чтобы не приносить мириады комаров в лагерь. Ночи светлые.

17 июля. Маршрут довольно далекий, по сопкам (А. П., Наташа и я). Возвращались часа три быстрым шагом, задерживаясь лишь на каменитых осыпях, по которым спускаться очень неприятно. С утра везде проглядывало солнце, но к вечеру опять все заволокло, заморосил дождь. Мы как раз успели вернуться. На сопках, на хребте было хорошо – дул ветер, комары не очень докучали.

22 июля. За завтраком (немного гречневой каши, сухарь и два кусочка сахара к чаю) обсуждался план сплава по Ясачной, если вертолет не прилетит и совсем не останется продуктов, даже муки. Потом лежали на надувных матрасах, играли в кинга, загорали в купальниках, обмазавшись диметилфталатом. Затеяла было стирку, в самом разгаре прилетел вертолет. Пришлось быстро затолкать мыльное и мокрое белье в корзинку, спешно собирать сохнущие и разбросанные пакеты и вообще все делать в страшной спешке. В вертолете съели оставшиеся сухари (по три на нос) и оставшуюся банку конфитюра. По пути еще залетели за охотниками, сели на прекрасном галечном желтом пляже, где у них стояла палатка, обдуваемая ветром, без комаров, возле очень красивой, широкой и темной реки. У охотников ели очень вкусную жареную щуку, пили крепкий чай с печеньем. Опять летели на вертолете, где теперь остро пахло оленьими шкурами, в которые были завернуты вещи охотников, и сидели две красивые и очень большие эвенские лайки.»

«**27 июля.** Сеймчан. Встали в шесть, свернули спальники, увязали рюкзаки, вынесли вещи. Сидели на досках и вещах перед складом, ждали машину из аэропорта. Погоды не было до 10 часов. Потом долго ждали в аэропорту. Вот рейс до трех отложили, вот вообще на завтра перенесли. Взяли спальники со склада в аэропорту – и опять на “наш” склад. Сторожиха Юлия Вановна мылась в бане, пришлось ждать на крылечке. Наташа надула матрас, легла спать на травке. На небе тучи – серые, лиловые и синие. После кино пили чай в сумерках. Ночи стали темнее. Еще почти неделя прошла без работы.

28 июля. А. П. рано утром ходил в аэропорт – закрыт до полудня: серое небо низковато для “аннушек”, потом и вообще дали полный отбой на сегодня.

Решили разделиться: А. П., Наташа и я – на Кедон, остальные обследуют берега Колымы до нашего возвращения.

29 июля. Вдруг подвернулась баржа, идущая вниз по Колыме, и началась страшная спешка. Срочно позавтракали, побежали на склад – делиться. В суматохе отряд М. Т. остался без муки, макарон и сковородок. Вася нашел машину, которая повезла их на пристань, в час дня баржа ушла, остались втроем. Погоды нет до трех дня. На всякий случай свернули спальники. Облака поднялись высоко и истончаются, солнце светит. Ходили на почту, в аптеку, столовую. Наташа осталась в очереди за помидорми, а мы с А. П. вернулись на склад. Взяли с Наташей из аэросклада котелок, треногу, ведро и гербарные сетки. Ходили опять в пойму.

30 июля . С восьми утра мы с Наташей торчали в диспетчерской: будет ли погода? Один ответ: ждите. Оставила Наташу, пошла на наш склад собирать мелочи. Наташа примчалась: нам дали десять минут на сборы. С помощью охотника, строящего забор вокруг склада, дотащили все за 20 минут. И что же? Опоздали! Наш самолет отправили в Рассоху! Очень обидно: мы здесь торчим вторую неделю, а нам десять минут дают! Диспетчерша равнодушно заявила: “Улетите”. Только отнесли вещи в зал ожидания и стали приходить в себя, заплаканная Наташа приводила себя в порядок, я достала кошелек и решила, что надо, пожалуй, позавтракать, а то мы и чаю попить не успели, как выбежала из диспетчерской в зал кладовщица и стала торопить: “Девочки! Скорее, скорее! Может быть, сейчас улетите! Я ваши вещи со склада сама привезу на машине, а вы тащите эти к самолету. Где ваш начальник?” А начальник пропал. Уже спальники и

прочие мешки перетаскали в самолет, уже грузчики приехали с нашими вещами и тоже их перегрузили, уже три раза объявили по радио, что Хохряков срочно приглашается на выдет. А Хохрякова нет! Мы с Наташей изнервничались, я даже в лесоавиаохрану бегала, туда и обратно – вся в мыле. Как выяснилось уже в самолете, он “с горя пошел в кусты, лег в канаву и стал плакать”, поставив крест на нашем вылете... Больше часа летели. Довольно холодновато. Хорошо, что о куртках вспомнили в последний момент, уходя с нашего склада. Какие красивые горы пролетаем! Радуга у крыла самолета.

Кедон (река). Оленеводческий совхоз. Несколько домов и большая палатка. Место прекраснейшее – просторная долина, изумительная панорама гор. Выгрузив вещи и самолета, пошли к управляющему. Он был пьян, настроен благодушно, долго и придирчиво рассматривал командировки, поселил нас в недействующем клубе, похожем на сарай, где уже живет какой-то мужик, приказал такому же пьяному вездеходчику перевезти наши вещи. Мы принесли ему четыре ведра воды, и через несколько минут все перевезли. Клуб – одна большая комната с печкой в виде бочки. Еще есть комнатушка-библиотека, ключ от которой у нашего соседа. Тотчас же набежали всякие пьянчужки, суетились, предлагали ненужные услуги, один принес малосольную и свежую мальму, занимали нас косноязычной болтовней в надежде на выпивку. Не знали, как от них избавиться, но, наконец, А. П. налил им спирту, они забрали наш единственный свежий огурец и выпили заварку, приготовленную к чаю. Я все это время – в раздражении готовила обед.

Одного из бичей тоже накормили, а потом торопливо сбежали в маршрут. Ходили по пойме, до первого щебнистого склона. Голубики много, крупная, но здесь только-только начинает созревать. Hordeum jubatum еще малиновый, а в Сеймчане уже потух. В долинном ернике очень много грибов – в основном, подберезовики, собрали полведра. Куропатки из-под ног взлетают выводками. Медово пахнет ржавчина, сплошь поразившая Salix alaxensis. Вертолеты и “аннушки” снуют в небе: Кедон, оказывается, очень популярное место. Комаров почти совсем нет – благодать! Солнце ярко светит, простор кругом – удивительно хорошо. На щебнистой осыпи за рекой растет Dracocephalum palmatum с волнующе острым ароматом. Пришлось, правда, в кедах переходить многочисленные рукава речки, ноги немели от холода, да и течение быстрое – едва держишься. Вернувшись, затопили печь, переоделись, сварили уху из мальмы и нажарили грибов.

31 июля. Спали плохо, в два часа ночи заявился местный фельдшер, хороший знакомый нашего соседа – Георгия Михайловича (пастуха оленеводческого стада, бывшего шахтера): он был сильно навеселе, ему хотелось поговорить, причем во весь голос. Кое-как его выпроводили. Ранним утром заявились вчерашние пьянчужки – опохмелиться. Хорошо, что вчера перелили почти весь спирт в бутылки и спрятали в кустах. Показали пустую канистру. В маршрут вышли в десять утра. Чистое небо, яркое солнце, свежий ветер – сердце радуется. Километров пятнадцать, два часа – до наледи, вброд через речку (опять ноги дубеют), потом по наледи (совсем ногам плохо в мокрых полукедах!), к левым сопкам, карабкаемся вверх. Эх, "в науке нет широкой столбовой дороги"! Потом по хребту, по камням и лишайникам, по розоватой гранитной щебенке, потом альпийские лужайки, сырая горная тундра, вид с гор – неописуемый.

Обедать решили на склоне, так как там можно найти дрова – сухой кедровый стланик и веточки редких лиственниц. Пошли с Наташей за сушняком, возвращаемся – А. П. устроил пожар. Высохший сверху лишайник мгновенно вспыхнул – и пошло! Пытались затаптывать – бесполезно, пожар молниеносно разрастался. Бросились окапывать, лихорадочно вырывали лишайник (к счастью – влажный снизу, хорошо, что последние дни здесь шли дожди), переворачивали камни. Сгорела площадь около сотки, на тушение ушло минут десять. В наказание остались без кофе, спички сразу сгорели. Попили чаю из термоса (по полкружки), съели банку кабачковой икры, затоптали дымящиеся очаги и пошли дальше.

Обратный путь был тяжеловат. Кочкарное лиственничное редколесье, кочкарные ерники, ледяные речки, долгое болото, заросшее ивами, березкой и голубикой – не видно, куда ступить, все время попадаешь в яму с водой. Чапали, чапали, за день прошли километров тридцать, ходили десять с половиной часов, ноги гудят. Вернулись в половине девятого вечера. Георгий Михайлович сварил гречневый суп и накормил нас. Ох, блаженство – переодеться в сухое, умыться теплой водой, выпить крепкого чая с горячими лепешками. А больше ни на что не хватает сил. Завтра будет заниматься гербарием, устроим дневку. В "библиотеке", где почти нет никаких книг, топится печка и сушатся сетки.

1 августа . Спали хорошо, пьяницы не одолевали. Утром часа два сражалась с кабачками – жарила их с морковкой и луком, просто мучение! Хорошо, что Наташа сварила манную кашу, а

то бы остались без завтрака. Устав с ними бороться, поставила оставшиеся ломтики тушиться и села за гербарий. Небо затянуто белесой пеленой, довольно прохладно, днем стало совсем пасмурно. До трех часов дня крутилась между печкой, костром и гербарием. То одно, то другое начинало гаснуть, особенно если очень увлекалась работой. Медведей полно вокруг этого паршивого и пьяного поселка.

2 августа. Утром пошли в маршрут – на север в сторону реки Кедон. Моросил редкий дождик. Шли еле-еле (в тяжелых сапогах по болотам поймы), до реки не дошли, хотели вернуться пораньше – ведь по субботам баня. В поселке много новостей: прибыл борт из Омсукчана, вернулась продавщица и пекарша, значит, полуголодное существование обитателей поселка закончилось, и пьяницы на некоторое время обеспечены водкой, даже коньяком. Истопник бани запил, значит, напрасно мы так стремились сегодня вернуться пораньше. Георгий Михайлович был совершенно пьян, поставил нам бутылку коньяка, горку свежих огурцов, сварил гречневый суп, испек превкусные лепешки. Девочки-эвенки, жившие в крайнем домике напротив клуба, улетели в Омсукчан, и управляющий дал нам ключ от этого домишки. Поживем теперь отдельно от Георгия Михайловича и, может быть, в покое. “Библиотека” же будет нашим рабочим кабинетом и сушильным помещением.

3 августа. Утром заявился опохмелившийся Георгий Михалыч со своим другом “монголом” и двумя бутылками “Рубина” – корми их, да еще и пей с ними! А нам далеко в горы идти! Житья никакого! А. П. все-таки выпил. С десяти до двенадцати шли до первых отрогов. Горы высокие, “неприступные”, суровые, необычайно красивые. Хребет очень волнистый: то спускаешься, то поднимаешься, отроги крутые, ноги изболелись ходить по камням, щебенке, осыпям. Хруст лишайника – черные розочки на камнях. Часа четыре понадобилось, чтобы подняться, перевалить через хребет и спуститься по осыпи. Обедали в распадке. На обратном пути напала мошка. В одиннадцать вечера вернулись, пили чай. Солнце садилось алым шаром, а луна взошла какая – огромный золотой рог!

4 августа. Камералка. Солнечный день. Свежий ветер. Резкий и неприятный запах от красивого букета голубых дельфиниумов, собранных вчера в горах.

5 августа. Маршрут на реку Кедон – прекрасный. До реки чапали по ужасной болотистой дороге, танцевали на кочках, увязали в жидкой грязи, раздирали ногами густой ерник. Но зато как жарко грело солнце! Как хороши были зарастающие озера в этой болотистой пойме, покрытые моховыми сплавинами – желтого, зеленого, оранжевого цвета! Привал – на высоком берегу Кедона – сухом, заросшем Dryas grandis, в розовом цвету гвоздики (Dianthus repens) и в синих колокольчиках. Искупались в реке, развели костер из ивового сушняка, выпили растворимый кофе с сухарями и, не одеваясь, побрели обратно. Было жарко, тело поджаривалось, во встречных речушках обмывались и шли дальше, купаясь в солнце и блаженстве.

6 августа. Ходили в горы – почти одиннадцать часов, безмерно умаялись. При выходе с дороги свернули рано, долго шли по кочкарному лиственничнику, по ернику – до самых гор. Хребет был высокий и крутой, долго ползли вверх по почти бесплодным камням. Где-то посредине даже сделали внеочередной привал. Спускались долого и трудно по осыпающейся щебенке, ноги дрожали от напряжения. В распадке восстанавливали силы с помощью кофе, пошли обратно, уже в пятом часу, плелись долго, ели голубику. На заброшенном корале Наташа набрала оленьих рогов, собрали много лиственничных маслят. Небо, почти весь день покрытое облачной.

8 августа. Встали в восемь, сияет солнце. Управляющий дал лошадь с телегой, чтобы отвезти груз на летную полосу. В десять сидели там. Прилетел самолет из Северо-Эвенска и снова улетел. Из Сеймчана – нет, с той стороны гроза надвигается, гром рокочет, над сопками растет

туча. Жарко, гнус мельтешит. Уже совсем было отчаялись, закрапал дождик, надоело есть голубику возле летной полосы, чтение вслух “Двенадцати стульев”, совсем было захиревшее, значительно продвинулось. В два часа дня прибыл борт из Сеймчана. Летчики согласились взять нас без разговоров и даже без оформления всяческих бумаг.

Сеймчан. Прилетели в пятом часу. У наших – масса новостей и приключений. В доме – лазарет: Паша лежит с температурой выше 39 градусов, у Васи ужасно обожжено лицо. Его и М. Т. забрасывали на вертолете на какую-то сопку, где совершенно не было воды, только “копытце”, и Васька разжигал костер, применяя какую-то особую свечу, подаренную ему пожарниками лесоавиаохраны, и результат оказался плачевным. А вертолет прилетел только на следующий день! Выглядит он страшновато: часть волос надо лбом, ресницы и брови сгорели, ожог обмазан какой-то коричневой мазью. Все они дружно восторгаются красотой Колымы в том месте, где стояли, ручьем Арангасом, вспоминают, сколько у них было ягод, грибов, рыбы (несколько вяленых щук привезли). Рассказывают, как утопили в Колыме бинокль, как плыли на барже “Венера”, как Верочка, Паша и Васька катались на лодке с подвыпившим рулевым, ему маховиком перебило руку, и Ваське пришлось впервые в жизни вести моторку, и они намучались с ней, заливая бензином и заводя мотор (а М. Т. в это время, отпустив детей одних, в ожидании “билась головой о камни”). Хозяин моторки отправился в сеймчанскую больницу, а его собака осталась на попечении наших друзей, из-за нее тоже было много волнений: сначала собака выла и плакала, бросалась в Колыму, переплывала ее туда и обратно, вконец обессиленная была подобрана на баржу, потом привыкла к Верочке и ходила за ней везде, потом пришлось отвести ее к хозяину, и теперь Верочка чуть не плакала. Пили пиво с вяленой рыбой, слушали, рассказывали.

9 августа. После завтрака собрались было на Щучье озеро, но потом договорились с катером лесоавиаохраны, который собрался везти ягодников за смородиной-дикушей (охтой), ждали еще полтора часа. Машина отвезла нас на пристань, на катере подбросили до сопки на противоположном берегу за островами, оставили А. П., Верочку и меня на берегу, поехали дальше. М. Т. тоже отправилась с ягодниками. Мы втроем полезли вверх по каменистым и щебнистым осыпям, остепненным склонам, полным колючих трав. Пить хотелось ужасно. Внизу Колыма блестела на солнце, много прохладной воды, а мы лезли все выше. Наверху был горелый лес и полно краснеющей, очень крупной брусники. Набивали ею рты до оскомины, но пить все равно хотелось. Даже водяника не помогала.

Через четыре часа начали спускаться – по скользкому склону, густо заросшему Agropyron jacutorum. Потом попали в колючие заросли малины, увешанной душистыми ягодами, розы иглистой в алых плодах и крапивы. Потом катились по щебнистой осыпи в облаках пыли, с наслаждением бросилась в Колыму – отмыться, искупаться, напиться. Вскипятили воду в кружках, с удовольствием пили кофе, полчаса подождали катера. Колыма – красивейшая река. Домой добрались только к девяти вечера, приехали рейсовым автобусом.

11 августа. “Какое утро чистое...”! Как пахнет полынью и горячими, августовскими, напитавшимися за лето солнцем травами! Обшивала коробки и загорала, отлынивая от всеобщей беготни и суеты: сегодня у Паши день рожденья, исполняется 12 лет, задуманы пироги, салаты, глинтвейн. Неплохой получился вечер, были гости – соседка Оля, у которой мы вечно занимаем всякие мелочи, Ульянова и Наташа из ленинградского института растениеводства (они тоже здесь на полевых).

12 августа. Утром А. П. сделал мне втык за то, что поздно ложусь. После завтрака отправила еще две коробки с гербарием. От Королева пришла телеграмма, что машина потерпела аварию и находится в ремонте. Придется отсюда лететь самолетом. А. П. опять собрался на Щучье, пошла с ним, еще М. Т. и Паша. Автобуса в совхоз нужно было ждать 20 минут, и в эти минуты опять

все переиграли. Встретили Подкидышева (главного вертолетчика), и он согласился взять два-три человека на Каньон. Решили, что летят все Хохряковы и я. Быстренько вернулись, собрали все необходимое на два дня, погрузились вместе с пожарниками в машину во дворе авиаохраны, но вертолет полетел на пожар в районе Балыгычана, на Каньон планировался второй рейс. Выгрузились из машины, и опять А. П. все передумал: меня решил оставить и отправить с пожарным катером на степные склоны мыса Чегодан (в 30 км от Сеймчана), а взять Веру или Наташу. Небо затянулось облаками, ветер. В конце концов никто и никуда не полетел.

13 августа . Вертолет на Каньон был еще под вопросом в десять утра. Пожарники долго собирались, А. П. и М. Т. ушли на Щучье озеро, Наташе и Васе было предложено лететь на Каньон, если будет возможность. Часов в одиннадцать за забором нашей "фактории" послышалось рокотанье подъехавшей машины, и голос в рупор закричал: "Эй, ботаники!" Торопясь, мы с Верочкой забыли куртки, копалку, нож для консервной банки. На Колыме красота неописуемая, прохлада от массы серой воды, жаркое солнце, чистое небо. На пути к Чегодану была одна остановка на острове, ели там малину, карабкаясь по кучам валежа и бурелома. На мысу были в два часа дня, нам дали часа три, приказав к пяти вернуться.

На Чегодане не было ярко выраженных остепненных склонов, мимо которых проезжали. Были скалы, близко подходящие к реке, оставившие лишь узкую полоску гальки; была сопка, густо заросшая молодняком лиственницы, над которым возвышались голые стволы-палки сгоревших деревьев. За речкой Чегодан, впадающей в Колыму около стоянки катера, сопки выглядели неприветливо и голо, хотя и были кое-где покрыты пятнами кедрового стланика. Мы закарабкались на хребтик, обрывающийся скалами к реке, а с другой стороны покрытый мелкой щебенкой и довольно скудной степной растительностью. Интересного почти ничего не было. В грустной задумчивости и молчании прошли по хребту, кое-что собрали и около пяти спустились. Развели костерок, согрели воду, кое-как проделали узкую щель в консервной банке тупым перочинным ножом, отыскавшимся в сумке у Верочки, поели и выпили кофе. Катер стоял на противоположном берегу и уже взывал через рупор: "Студенты! Время к пяти!"

Мы послушно прошли по берегу, сели на огромное поваленное дерево прямо напротив катера, но катер объявил, что "студенты подошли", и больше не обращал на нас ни малейшего внимания в течение двух часов (!), хотя мы кричали так громко, что эхо рассыпалось по окрестным сопкам. Там гремела музыка, кто-то гулял по берегу. Мы с Верочкой совсем извелись: могли бы ведь подольше поработать и осмотреть сопки за речкой. Хоть бы крикнули, сколько они там еще пробудут! Не отойти никуда! Наконец, в семь часов катер подошел к нашему берегу, почти все – навеселе, обгоревшие на солнце, ведра и тазы полны ягодами смородины-дикуши. Нас угощали ягодами, затеяли еще чай кипятить, мы тоже мрачно попили чайку. Наконец, в восемь вечера отчалили. Обратно – вверх по течению – шли четыре часа, под конец – наощупь, так как свет на катере был в неисправности. После захода солнца стало холодно. Мы с Верочкой закутались в одеяло и дремали. В полночь подошли к пристани, нам дали энцефалитки, чтобы добраться до дому, а то без курток мы совсем замерзли. К счастью, двадцать минут первого шел последний автобус в Сеймчан, и мы на него успели, а то бы еще пять километров шагать в темноте! Дома обеспокоенные друзья еще не спали, накормили, напоили чаем. Наташа с Васей так и не полетели на Каньон.

15 августа. Утром купили билеты на вечерний рейс. Дежурила. С утра было весьма холодно, днем разъяснилось, солнце согрело. Вынесли все вещи за забор. Потом сидели на вещах в аэропорту. Вещей много, ни на один рейс не хотели брать. Звонили в Магадан, машина из института уже вышла, но надежда улететь была очень слабой (если будет АН-24, может быть, отправят, а если ИЛ-14, то нет). Быстро темнело, на летном поле зажглись огни, мы прощались с этим очаровательным (именно так!) аэродромом. Все вещи перетащили из здания аэровокзала к

калиточке в ограждении летного поля, самолет из Магадана приближался, мы громко пели “Там, среди пампасов”, Андрей Палыч преуморительно плясал, прыгал и изображал влюбленного пирата – так, что мы попадали на мешки от хохота, пели дальше через пень-колоду, а потом Васька и вовсе не мог держать гитару в руках. Вылетели около одиннадцати вечера.

16 августа . Магадан. Первый час ночи. Никакой институтской машины, конечно, нет и в помине. К счастью, Вася уже который раз проявил свой талант в добывании машины, и нас взял рейсовый автобус. Погрузили наши полтонны (в который раз за последние несколько часов!), устроились на мешках, покатили по ночной трассе в город. Сложили все вещи в институте. Вася и Верочка пошли домой, а я и Наташа – к Хохряковым. Устали все очень, напились чаю, приняли душ – и спать.

Проснулись около десяти. До завтрака с жареной свежепросоленной красной рыбой и кофе я чуть не отхватила себе кончик пальца ножом, нарезая хлеб, но нож вошел только до половины пальца. М. Т. держала мой палец над раковиной, чтобы не хлестала кровь, крепко зажимая его, чайник кипел, А. П. ворчал, что ему не дают спокойно позавтракать, все искали и не могли найти йод, пластырь или клей “БФ”, пришлось бежать в трампункт.

23 августа. А. П. запланировал на сегодня Марчекан. Мы с Наташей в девять утра пришли в институт, Верочка уже ждала там. По городу гулял резкий ветер, было пасмурно, темно и тоскливо. Вскоре пришел А. П., сказал, какой же Марчекан в такую погоду, тем более, что почти вся сопка скрыта под низкими и тяжелыми облаками, и предложил нам ехать на Солнечный. Втроем поехали на автобусе к подножию Марчекана, чтобы предупредить ожидающего на остановке Ваську, поболтали с ним и вернулись к автовокзалу – ловить 11-й автобус. Пока ждали, начался дождь, мы совсем скисли и решили никуда не ехать...

25 августа. Солнечное утро, ветер. Наташа и А. П. ушли на Марчекан. У них с А. П. были сплошные камни и камни, а потом густо заросший травами склон, так что она даже каталась по нему на папке для сбора растений, и эдельвейс они нашли, и Dryas...

29 августа. День распустился ясный, чистый, даже в семь утра было очень тепло. Если будет хорошая погода, поедем на Гадлю. Пошли на автовокзал, но все кассы были закрыты, так как дороги размылись прошедшими дождями. Тогда сели в такси и поехали на Солнечный. Тремя километрами дальше поселка, где ответвление дороги на карьер, вышли и потопали через него вверх на сопку. Кругом – гари и гари, на сопках целые кладбища серого стланника, там очень много спелой брусники. Очень жарко. Все вверх и вверх, немного надоедает мошка. На хребте уже осень, вся Arctous красная, и сиверсия, и листья рододендрона камчатского.

По другую сторону хребта открылась Снежная долина, решили идти туда. Долго прыгали по огромным камням, спускаясь. Вскоре из-под камней появился шумный ручей, там обедали, пили чай у костра, запрыгали вдоль ручья дальше. Когда камни кончились, начались густые заросли кедрового стланика, березки Миддендорфа и кустарниковой рябины с золотистым рододендроном, тоже трудно идти. Ручей постоянно разветвлялся, затоплял высокие луговины. Собрала много, день восхитительный, настроение хорошее, усталости почти нет, хотя прошли километров двадцать и одолели сопки. Наконец, горный ручей влился в долинный, вдоль которого шла тропинка, а потом дорога на Снежный. В семь вечера пришли к автобусу, в восемь были дома.

2 сентября. Встала рано, надо было купить цветы до начала рабочего дня – у Хохрякова сегодня день рожденья. Подсвечник с тремя совами купили с Сашей еще вчера. По дороге, когда бежали к автобусу, одна сова отломилась. Пошли к Верочке, она дала клей, стали приклеивать. Пока они этим занимались, я побежала к универмагу, где продавали жалкие и взъерошенные цветы на холодном ветру под пасмурным небом, купила три красных гладиолуса. Их поставили в

высокую колбу, сову удалось посадить на штырек из скрепки. Ужасно мерзкая погода сегодня. Дождь лил и лил. Бегала по магазинам, покупала шампанское, потом торт и конфеты, долго стояла под свирепым дождем и ветром в очереди на улице за чудесным виноградом (“дамский пальчик”), промокла вся. После окончания рабочего дня пили шампанское за здоровье Хохрякова и чай с тортом.»

«1976 **20 июня.** Поселок Омолон. Хохряков собирается куда-то на лодке и берет с собой Люду Аблову, студентку географического факультета МГУ, а меня оставляет в Омолоне ждать Галю Антропову.

29 июня. Хохряков и Люда уплыли на барже 27-го. Вертолетчики обещали забросить меня и Галю на Уляшку, но когда неизвестно. Перетащили в аэропорт вещи, сидим в мрачном, сыром и холодном интернате, читаем. Погода все время была плохая, ветры сильные, в результате – жесточайший насморк. Сегодня тепло, но зато одолевают комары. В Омолоне – множество ласточек, а в окрестностях – целые поля желтых маков.»

«**30 июля.** Вещи опять свезены в аэропорт. Ждем погоды, чтобы улететь на реку Кегали. Если не улетим в ближайшее время, то 1 августа сменится экипаж, и опять начнется волынка.

Кегали – в тот же вечер! Установили палатку, пристроили печку, поужинали, попели, поболтали и легли спать.

31 июля. Всю ночь лил дождь и гулко кричали какие-то птицы, не могли уснуть. В четыре утра А. П. опять растопил печку – для “уюта”, покурили, лежа в отсыревших сверху спальниках, но было тепло. А. П. глотал элениум, бормоча, что человек устает от жизни, мы с Галей тоже съели по таблетке. С утра еще накрапывал дождь, небо тяжко лежало на вершинах сопок. Поставили вторую палатку, заложили гербарий, собранный вчера на Молондже (вертолет делал посадку). А. П. ворчал: много забыли, а самое главное – болотные сапоги и диметилфталат (комары заедят!). Место чудесное: сопки со всех сторон близко, речки, протоки. Устроились как будто на островке, среди пушистых лиственниц.

Мирно обедали, а возле горящей печки сушились газеты. Хорошо, что А. П. оглянулся на палатку и увидел валивший из нее дым! Хорошо, что Галя, увидев, как сразу вспыхнула пламенем палатка, схватила ведро и бросилась за водой! Хорошо, что лужа, оставшаяся от пересохшей протоки, была рядом! А то бы не видать нам рюкзаков и спальников! Сгорела часть палатки.

И вместо планируемого маршрута погорельцы вновь перетаскивают вещи. Теперь “продуктовая” палатка будет жилой, а погоревшая – продуктовой. Холодно будет засыпать без печки, сушить гербарий придется в нежилой палатке. Пока грелись у огня, дождь опять застучал по полотнищу, мглой затянуло все сопки.

8 августа. День начался солнечно. Ходили в маршрут втроем – на сопки между правым и левым Имляками. Зашли в бригаду оленеводов, пасущих стадо в окрестностях, пили у них чай, они дали нам хлеба, собираются откочевать дальше. На сопку лезли в самую жару по камням и стланику, долго бродили по хребтам, горным тундрам, долго спускались по распадку. В маршруте были десять часов. Облака к вечеру сгустились, но дождь нас миновал. Начинает созревать голубика, кое-где появились грибы. Вымокли, переходя реку. Вечером ели вкусную уху из хариуса (оленеводы приходили вчера в гости и дали рыбу), болтали.

9 августа. Небольшой маршрутик на ту сторону речки Авланди. Уныло, голо, камни, лишайники, стланик. Чукотское захоронение (птичка на кресте). Поспела смородина печальная. Синее цветение аконита по желтым осокарникам среди ивовых серебристых зарослей.

11 августа. Ночью вода замерзла в ведре. После завтрака А. П. и я отправились в маршрут, Галя осталась описывать Dryas grandis на галечниках. Сколько было спелой красной смородины вдоль Авланди, прохладной, приятной, все кусты были увешаны яркими алыми гроздьями! На сопку лезли долго, даже ухо заложило от высоты. Где-то к часу дня забрались на самый высокий пик среди окрестных сопок, где трепетали стебельки Hierochloe alpina. Вдруг послышался гул вертолета – летел в сторону нашего лагеря. Сверху хорошо было видно, что он сел там, через некоторое время поднялся, полетал над сопками, сделал над нами круг. Мы догадались, что нас ищут, я была в ярком свитере, А. П. в красной рубашке, но вертолет летел слишком высоко. Забеспокоились, не случилось ли что-нибудь (вертолет должен прилететь за нами только через три дня). Вертолет затих в лагере, на косе, а мы стали спускаться по гребню, камням, по сыпучке. Скатились вниз, а потом ударным шагом – по кочкарникам и ерникам. Дошли за три часа (считая от пика)! Так и есть – за нами. У них бензин кончается, и они собираются в Билибино, а другие нас долго не вывезут, да и часов у них налетано мало. В общем, поели, попили чайку и свернули лагерь.

Омолон. Машина нашлась быстро и подкинула наши вещи до лесничества.

19 августа. Дни стоят жаркие, тихие, золотые. День отъезда. Собирались, мыли полы в доме, нашли машину, чтобы отвезти вещи в аэропорт. Разгружали, взвешивали, ждали, опять грузили на машину, потом в самолет. Часа три летели, с остановкой в Сеймчане, где поели в буфете и где столько прекрасных цветов в палисадниках (не то, что в Омолоне – одни помойки!), возле аэропорта – чудесные махровые темно-розовые и бело-крапчатые маки.

Магадан. Одиннадцать вечера. Машина из института не пришла. Ехали рейсовым автобусом. Уже когда перенесли вещи в автобус, встретились с М. Т.».